
ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
SIGILLVM
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1905.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1905-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

LXX. — ТОМЪ CDV.—1/14 ЯНВАРЯ 1905

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905



3409

БЛ. АВГУСТИНЪ

въ

ИСТОРІИ МОНАШЕСТВА И АСКЕТИЗМА *)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Цѣлый рядъ монашескихъ орденовъ и религіозныхъ конгрегацій признаетъ Блаженнаго или „Божественнаго“ Августина своимъ патрономъ, или даже учредителемъ; ему приписываютъ составленіе перваго на Западѣ монашескаго „правила“ и построеніе многихъ монастырей. Традиція о великомъ значеніи Августина въ развитіи монашества глубоко захватила *католическую* церковную литературу и до сихъ поръ вліяетъ даже на сочиненія, не относящіяся къ этой категоріи. Но если кто съ высоты средневѣковаго аскетизма обратится непосредственно къ самому Августину, то вынесетъ изъ его сочиненій впечатлѣніе, несогласное съ традиціоннымъ представленіемъ. Поэтому пересмотръ вопроса о роли Августина въ исторіи западно-европейскаго монашества заслуживаетъ вниманія не только біографовъ этого великаго дѣятеля, но и историковъ средневѣковаго аскетическаго міровоззрѣнія. Изучая роль Августина въ исторіи аске-

*) Въ 1904 году было помѣщено нѣсколько этюдовъ автора, относившихся къ жизни того же Блаженнаго Августина, а именно: 1) Бл. Августинъ въ борьбѣ съ язычниками (янв., 5; февр., 449); 2) „Новый градъ“ Бл. Августина (мартъ, 72); 3) Философія исторіи Бл. Августина (апр., 670).

тизма, мы прежде всего наталкиваемся на вопросъ: когда проникло на его родину монашество? Современная литература даетъ намъ на этотъ вопросъ сбивчивый отвѣтъ. Укажемъ, для примѣра, на извѣстный очеркъ Гарнака: „Монашество, его идеалы и исторія". Авторъ указываетъ на то, что монашество проникло съ Востока на Западъ „сравнительно поздно и медленно". Тогда какъ оно на Востокѣ было широко распространено уже около половины IV вѣка (время рожденія Августина—354), на Западѣ оно укоренилось лишь къ концу этого вѣка. Ревнителями монашества на Западѣ были церковные учители, посѣтившіе Сирію и Египетъ, какъ, напр., Іеронимъ; монастыри на Западѣ, особенно въ южной Галліи, возникали подъ восточнымъ вліяніемъ. Проникая на Западъ, монашество встрѣтило, однако, тамъ съ самаго начала сильное сопротивленіе. Сочиненія Сульпиція Севера (около 400 года) указываютъ намъ, съ какими трудностями пришлось бороться монашеству въ Галліи и Испаніи. Но сопротивленіе довольно быстро стихло, „и еще ранѣе того, какъ великій Августинъ вступился за новый образъ жизни, монашество пріобрѣло себѣ (на Западѣ) право гражданства".

Но такъ какъ первое сочиненіе Августина въ пользу монашества написано въ 388 году, то въ приведенныхъ словахъ Гарнака нельзя не отмѣтить противорѣчія. Если вѣрно, что монашество укоренилось лишь къ концу IV вѣка, то едва ли можно говорить, что оно пріобрѣло себѣ право гражданства *до* того времени, какъ Августинъ за него вступился. Но важнѣе, чѣмъ это стилистическое противорѣчіе, то недоразумѣніе, къ которому могутъ подать поводъ приведенныя слова. Изъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ, что монашество пріобрѣло себѣ право гражданства до Августина и на самой его родинѣ—въ сѣверной Африкѣ. Между тѣмъ, мы положительно знаемъ изъ его исповѣди, какъ его поразилъ, во время его пребыванія въ Миланѣ, разсказъ о жизни св. Антонія, этого знаменитаго представителя и преобразователя египетскаго монашества, и какое сильное впечатлѣніе произвело на него извѣстіе, что два императорскихъ сановника рѣшились оставить блестящій дворъ римскаго императора и сдѣлаться отшельниками въ дремучихъ лѣсахъ въ окрестностяхъ Трира. Необходимый отсюда выводъ, что Августинъ, до выѣзда изъ Африки, не зналъ монашества, потому что его тамъ еще не было,—подтверждается косвенно и другими фактами. Ни литература, ни многочисленныя надписи, открытыя въ послѣднее время, не упоминаютъ о монастыряхъ, относящихся ко времени до Августина. Въ одномъ изъ діалоговъ вышепоименованнаго Сульпиція Севера

мы находимъ описаніе путешествія въ концѣ IV вѣка на Востокъ для ознакомленія съ египетскимъ монашествомъ. Путникъ посѣтилъ по пути Кареагенъ и описываетъ тамошнія святыни, не упоминая о какихъ-либо монастыряхъ. Задержанный, затѣмъ, у береговъ Африки противными вѣтрами, онъ вышелъ на берегъ и нашелъ церковь, и близъ нея хижину, въ которой обиталъ священникъ; около церкви поселилось нѣсколько человѣкъ, „проживавшихъ въ отреченіи и бѣдности". Это поселеніе еще мало похоже на монастырь, и, вѣроятно, поэтому Рейтеръ, такъ хорошо знакомый съ вѣкомъ Августина, утверждаетъ, что въ путевыхъ запискахъ Сульпиція Севера не упоминается о монастыряхъ въ сѣверной Африкѣ. Что на самомъ дѣлѣ первые монастыри появились въ столицѣ римской Африки, въ Кареагенѣ, лишь въ концѣ IV вѣка, подтверждается свидѣтельствомъ самого Августина. Объясняя поводъ, побудившій его написать сочиненіе о ручномъ трудѣ монаховъ, которое бенедиктинцы-издатели относятъ, приблизительно, къ 400 году, Августинъ говоритъ въ немъ, что вопросъ, слѣдуетъ ли монахамъ работать или нѣтъ, возникъ, когда въ Кареагенѣ начали строиться монастыри, и тамошній епископъ, Аврелій, обратился къ нему за разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже изъ этого можно заключить, что монастырская жизнь и дисциплина были даже въ самомъ концѣ IV вѣка въ сѣверной Африкѣ чѣмъ-то еще новымъ и неопредѣлившимся.

Такимъ образомъ, мы должны придти къ заключенію, что сѣверная Африка еще не знала монашества до того времени, когда за него „вступился" Августинъ.

Такого же мнѣнія держится и Ферреръ, авторъ весьма дѣльнаго сочиненія о „Религіозномъ состояніи римской Африки въ V вѣкѣ". Онъ считаетъ даже возможнымъ указать самый годъ возникновенія монашества въ римской Африкѣ, а именно 398-й, хотя доказательство, на которое онъ опирается, недостаточно убѣдительно. Въ послѣдніе годы IV вѣка, римская Африка переживала одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые нерѣдко нарушали мирное теченіе жизни въ этой провинціи. Главнокомандующій римскаго войска въ Африкѣ, Гильдонъ, изъ мѣстныхъ князей, воспользовался сверженіемъ съ престола молодого императора Валентиніана II, въ 392 г., чтобы порвать связь съ Римомъ. Лишь шесть лѣтъ спустя, тогдашнее римское правительство нашло возможнымъ возстановить свою власть надъ Африкой. Усмиреніе Гильдона было поручено его брату Масцезелю, который съ небольшимъ войскомъ переплылъ изъ Италіи въ Африку. Такъ какъ

Гильдонъ покровительствовалъ еретической сектѣ донатистовъ, то война приняла религіозный характеръ. При войскѣ Масцезеля находились два монаха изъ извѣстнаго тогда монастыря на островѣ Капраріи [1]), которые должны были постомъ и молитвою обезпечить побѣду православнаго войска. Поэтому въ побѣдѣ (близь Тагасты) пятитысячнаго римскаго войска надъ шестьюдесятью-тысячной толпой африканскихъ кочевниковъ современники видѣли чудо, какъ намъ повѣствуетъ, раздѣляя этотъ взглядъ, ученикъ Августина, историкъ Орозій. На этомъ Ферреръ и основываетъ свое предположеніе, что монашество въ сѣверной Африкѣ возникло съ 398 года. Появленія капрарійскихъ монаховъ,—говоритъ онъ,—было достаточно, чтобы побудить многихъ изъ африканскихъ христіанъ усвоить себѣ образъ жизни людей, которымъ столь явно покровительствовало небо. Они же не покидали болѣе Африки, и весьма вѣроятно, что они посвятили всѣ свои силы основанію монастырей. И тогда „Африка въ первый разъ узрѣла отшельниковъ". Въ доказательство того Ферреръ ссылается на описанный Сульпиціемъ Северомъ поселокъ отшельниковъ. Что побѣда римскаго правительства надъ Гильдономъ обезпечила торжество „каѳолическаго" христіанства надъ африканскимъ, т.-е. донатизмомъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но несомнѣнно также и то, что не капрарійскіе монахи насадили монашество въ Африкѣ. Косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить письмо Августина къ аббату капрарійскаго монастыря, написанное въ 398 году. Въ немъ нѣтъ ни слова о впечатлѣніи, произведенномъ монахами на африканское населеніе, и объ ихъ миссіонерской дѣятельности. Напротивъ, мы изъ этого письма усматриваемъ, что одинъ изъ этихъ монаховъ вскорѣ по пріѣздѣ умеръ,—слѣдовательно, и не могъ имѣть того вліянія, которое ему приписываетъ Ферреръ.

Но еще болѣе страннымъ можетъ показаться утвержденіе Феррера, въ виду того, что, какъ ему, конечно, было извѣстно, самъ Августинъ устроилъ еще въ 391 году небольшой монастырь въ Гиппонѣ, когда онъ туда переселился. Вдобавокъ, самъ Ферреръ приводитъ письмо Паулина изъ Нолы, отъ 394 г., къ ученику Августина Алипію, съ просьбой передать поклонъ братьямъ въ монастыряхъ Карѳагена, Гиппона и Тагасты, гдѣ Алипій былъ епископомъ и гдѣ онъ, по примѣру Августина, завелъ монастырскую общину. Указанное недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что Ферреръ проводитъ различіе между „отшель-

[1]) Нынѣ Капрая, между Корсикой и Италіей.

никами“ (anachorètes) въ пустынныхъ мѣстахъ и монастырями въ городахъ. О монастыряхъ, устроенныхъ Августиномъ и его учениками, намъ еще придется говорить подробнѣе. Здѣсь для насъ важно установить, что монашество въ томъ или другомъ видѣ проникло въ сѣверную Африку лишь „на глазахъ“ у Августина. Но, утверждая это, мы должны считаться съ гипотезой, что монашество въ Африкѣ—*туземнаго* происхожденія. Такую гипотезу высказалъ недавно амстердамскій профессоръ богословія Вёльтеръ (Voelter) въ интересномъ изслѣдованіи о возникновеніи монашества. Критически разбирая многочисленныя гипотезы объ этомъ предметѣ, Вёльтеръ увеличилъ ихъ число новою: возводя начало монашества къ концу III-го вѣка, т.-е. къ эпохѣ Діоклетіана, онъ видитъ въ монашествѣ крестьянское движеніе и объясняетъ бѣгство тогдашнихъ крестьянъ изъ міра тяжестью налоговъ и суровостью взысканій, которыя были слѣдствіемъ административныхъ и финансовыхъ преобразованій этого императора. Такимъ образомъ, для Вёльтера исторія первоначальнаго монашества въ значительной степени есть глава изъ исторіи соціальнаго вопроса: „оно возникло въ моментъ, когда соціальная нужда слилась съ аскетическимъ настроеніемъ времени“.

Эта гипотеза построена на предположеніи, что такъ называемые *циркумцелліоны* въ Нумидіи представляютъ собою монаховъ. Имя циркумцелліоновъ неразрывно связано съ донатистской распрей, т.-е. расколомъ въ африканской церкви, вызваннымъ протестами нумидійскихъ епископовъ противъ избранія въ 312 году на кареагенскій митрополичій престолъ діакона Цециліана. Въ продолженіе всего IV в., циркумцелліоны являются яростными поборниками донатизма; ихъ толпами при нападеніи на православныя церкви нерѣдко предводительствуютъ донатистскіе клерики, и циркумцелліоны исчезаютъ изъ исторіи вмѣстѣ съ донатизмомъ [1]).

Изъ свѣдѣній о циркумцелліонахъ у Августина и у писавшаго раньше его епископа Оптата можно составить себѣ о нихъ слѣдующее представленіе. Ихъ названіе объясняется *бродячимъ* образомъ ихъ жизни—они бродили *вокругъ* хуторовъ и хижинъ сельчанъ. Бродили они толпами и среди нихъ бывало немало женщинъ. Сами же они называли себя *святыми* и *бойцами* (agonistici) противъ діавола или зла, отъ него происходящаго.

[1]) О донатизмѣ и циркумцелліонахъ см. „Вѣстникъ Европы“, янв. 1901,—„Борьба за единство вѣры“, стр. 47 и д. Въ этомъ изслѣдованіи, написанномъ въ 1900 году, брошюра Вёльтера о происхожденіи монашества, вышедшая въ томъ же году, не могла быть принята во вниманіе.

Подъ понятіе этого исходящаго отъ діавола зла они подводили, повидимому, не только язычество и затѣмъ государственную церковь, т.-е. покровительствуемыхъ императорами епископовъ,—но и тогдашній государственный и общественный порядокъ. Протестъ ихъ противъ послѣдняго выражался въ томъ, что они бродили толпами—съ криками: „Богу слава!“, вооруженные дубинами, которыя они называли „израелями“, какъ бы избранными орудіями гнѣва Божьяго. Во время ихъ господства, т.-е. до истребленія значительной ихъ части императорскимъ графомъ Тауриномъ, никто не былъ безопасенъ въ своемъ помѣстьѣ, никакой кредиторъ не смѣлъ требовать уплаты долговъ; даже проѣзжавшихъ по дорогамъ толпа ссаживала съ колесницъ и заставляла по-холопски бѣжать пѣшкомъ.

Въ религіозномъ отношеніи *бойцы* особенно отличались фанатическимъ культомъ мученичества: онъ выражался, съ одной стороны, въ высокомъ почитаніи могилъ мучениковъ, около которыхъ они совершали свои тризны, принимавшія характеръ оргій; съ другой—въ жаждѣ собственнаго мученичества, проявлявшейся въ томъ, что они нападали на язычниковъ во время приношенія ими жертвы, чтобы сподобиться мученической смерти, но они и сами бросались со скалъ, нападали по дорогамъ на вооруженныхъ людей, а то умоляли даже мирныхъ путниковъ покончить съ ними.

Въ этой массѣ любопытныхъ чертъ, въ которыхъ ярко выступаетъ мѣстный національный характеръ движенія (вѣдь и самый донатизмъ является протестомъ туземнаго элемента противъ римскаго—въ церкви и государствѣ) совершенно исчезаетъ существенная черта монашества—отрѣшеніе отъ міра.

Тѣмъ не менѣе, Вёльтеръ, стараясь доказать, что движеніе циркумцелліоновъ возникло раньше донатизма, — чего никакъ нельзя вывести изъ источниковъ,—утверждаетъ, что оно—одновременно съ древнѣйшимъ египетскимъ монашествомъ, и что его изображеніе вполнѣ согласно съ монашескимъ бытомъ Египта *до* монастырской организаціи, проведенной Пахоміемъ. Дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса потребовало бы слишкомъ большого отступленія: для насъ здѣсь важно установить, что если бы даже признать, что циркумцелліоны древнѣе донатистовъ и причислить ихъ къ монахамъ, то это все-таки еще не значило бы, что Августинъ уже засталъ монашество на своей родинѣ. Ибо если бы циркумцелліоны представляли собою монаховъ и появились въ Африкѣ еще до донатистской распри, то мы встрѣчали бы ихъ не только на сторонѣ донатистовъ, но и въ

православномъ христіанствѣ сѣверной Африки. Между тѣмъ, этого не только нѣтъ, но между циркумцелліонами и монахами во время Августина существуетъ полнѣйшій антагонизмъ. Циркумцелліоны и донатисты ненавидятъ монаховъ, считаютъ ихъ чѣмъ-то совершенно новымъ и чуждымъ, глумятся надъ названіемъ „монахъ" и спрашиваютъ, что̀ оно значитъ? Августинъ принужденъ въ одномъ изъ своихъ толкованій на псалмы разъяснить это слово своимъ прихожанамъ и съ своей стороны подвергнуть критикѣ названіе и образъ жизни циркумцелліоновъ. Слѣдовательно, дѣло въ томъ, что если и причислить секту циркумцелліоновъ къ монашеству, то въ глазахъ Августина она не была монашествомъ; можно, напротивъ, утверждать, что существованіе циркумцелліоновъ служило въ свое время препятствіемъ къ появленію монашества въ Африкѣ, а теперь можетъ служить объясненіемъ сравнительно поздняго его появленія въ этой провинціи.

Въ связи съ этимъ, и въ подтвержденіе здѣсь сказаннаго, приведемъ еще одно интересное свидѣтельство. Петиліанъ, блестящій діалектикъ-адвокатъ, а потомъ донатистскій епископъ, въ своей полемикѣ съ Августиномъ, упрекнулъ его въ томъ, что онъ, „порицая проклятыми устами монастыри и монаховъ, самъ же и ввелъ *этотъ образъ жизни*". Что̀ же на это возразилъ Августинъ?—„Какой это образъ жизни, онъ, Петиліанъ, не знаетъ; или, вѣрнѣе, притворяется, будто не знаетъ того, что̀ весьма извѣстно во всемъ мірѣ". Что̀ же это значитъ? Прежде всего это подтверждаетъ, что монастыри и монашество были въ сѣверной Африкѣ во время Августина новымъ учрежденіемъ. Иначе Августинъ не ограничился бы такимъ общимъ возраженіемъ, что монашество извѣстно во всемъ мірѣ, а призналъ бы его давно существующимъ въ Африкѣ и указалъ бы въ подтвержденіе этого на древнѣйшіе монастыри.

Такимъ образомъ, какъ изъ обвиненія Петиліана, такъ и изъ косвеннаго отвѣта Августина мы можемъ вывести заключеніе, что монашество въ сѣверной Африкѣ еще не было извѣстно до возвращенія на родину Августина. Но Августинъ совсѣмъ не отвѣтилъ на главный упрекъ Петиліана, а именно, что африканское монашество ведетъ отъ него свое начало. Какую же дѣйствительно роль игралъ въ этомъ отношеніи Августинъ?

II.

Прежде чѣмъ сопоставить имѣющіяся у насъ по этому вопросу данныя, мы должны выяснить взглядъ Августина на монашество. Лишь при знакомствѣ съ этимъ взглядомъ мы будемъ въ состояніи правильно освѣтить тѣ факты, о которыхъ будетъ рѣчь. Само монашество—лишь одно изъ проявленій аскетическаго настроенія. Задолго до возникновенія монастырей среди христіанъ бывали люди, обрекавшіе себя на аскетическое житіе, не покидая общества. Затѣмъ, стали появляться подвижники, которыхъ не удовлетворяло отреченіе отъ земныхъ благъ, отъ семьи и собственности, но которымъ самое общество съ его земными интересами опостыло; имъ было въ немъ тѣсно, они *бѣжали* изъ него и становились отшельниками. Еще позднѣе эти одинокіе отшельники начинають собираться въ общежитіяхъ и возникають монастыри. На родинѣ христіанскаго монашества, въ Египтѣ, мы можемъ ясно прослѣдить этотъ процессъ развитія. Великія личности св. Антонія и Пахомія знаменують собой второй и третій фазисы этого развитія—отшельничество и монашество. Но и въ Африкѣ задолго до монашества появилось аскетическое подвижничество—особенно среди женщинъ: святыя дѣвственницы (sanctimoniales) высоко чтились въ африканскомъ обществѣ еще въ то время, когда христіанство было гонимой религіей: къ нимъ примыкали благочестивыя вдовы, дававшія обѣтъ не выходить вторично замужъ и не снимать вдовьей одежды,—и, наконецъ, замужнія женщины, дававшія соотвѣтствующій обѣтъ. Но объ африканскомъ отшельничествѣ мы ничего не слышимъ, если не причислять сюда бродячихъ монаховъ, упоминаемыхъ въ одномъ изъ писемъ Августина. Можетъ быть, развитію отшельничества здѣсь мѣшали причины топографическія. Египетскія пустыни были вполнѣ безопасны, африканскія—были во власти языческихъ кочевниковъ. Поэтому, можетъ быть, и монастыри возникли въ Африкѣ не среди отшельниковъ, въ пустыняхъ, а непосредственно въ городахъ.

Какъ же относился Августинъ къ этимъ разнымъ видамъ аскетическаго подвижничества?—Мы выяснимъ себѣ это всего лучше, если прослѣдимъ путь, по которому самъ Августинъ пришелъ къ аскетизму. Аскетическое настроеніе, глубоко охватившее древній міръ на склонѣ его жизни, черпало свою силу преимущественно изъ трехъ источниковъ: изъ дуалистическаго міро-

воззрѣнія Зороастровой религіи, изъ идеализма греческой философіи и изъ евангельскаго призыва человѣка къ новой жизни, въ новомъ царствѣ. Въ дни Августина, эти три вліянія проявлялись въ ученіи манихеянъ, въ неоплатонизмѣ и въ христіанскомъ отшельничествѣ. Августинъ пережилъ въ самомъ себѣ всѣ эти три культурныя явленія, какъ *стадіи* или моменты собственнаго внутренняго развитія, и каждая изъ нихъ оставляла послѣ себя слѣдъ не только въ его сочиненіяхъ, но и на общемъ его міровоззрѣніи.

Девять лѣтъ, съ 19-го по 28-ой годъ жизни, Августинъ находился подъ обаяніемъ манихейства, ища въ немъ истины для разума и отвѣта на запросы своего сердца. Воспитанный матерью христіанкой и вписанный въ число „катехуменовъ", онъ былъ, однако, только по имени христіаниномъ. Хотя, по его признанію, имя Іисуса съ дѣтства всегда оставалось для него дорогимъ, но христіанство, какъ ученіе и міровоззрѣніе, стало ему чуждымъ подъ вліяніемъ школы и образованія, основаннаго на изученіи языческой литературы. Это враждебное христіанству вліяніе тогдашняго риторическаго образованія усматривается, напр., въ томъ, что его особенно отталкивалъ Ветхій Завѣтъ своими литературными формами, казавшимися молодому ритору грубыми. Его отдаляли также отъ христіанства его свѣтскіе интересы, образъ жизни, въ который вовлекла его страстная юность и его любовь къ театру, котораго гнушались христіане. При такомъ настроеніи онъ легко подпалъ подъ вліяніе манихеянъ. Высоко почитая Іисуса, манихеяне, однако, искажали его ученіе, и относились съ полнымъ пренебреженіемъ къ Ветхому Завѣту. Уже это сближало Августина съ манихеянами. Но кромѣ того, само манихейство привлекало Августина, еще не привыкшаго тогда къ философскому отвлеченію, несложностью и удобопонятностью своего міровоззрѣнія, представлявшаго міръ результатомъ борьбы двухъ противоположныхъ началъ, одинаково реальныхъ, а въ то же время и моральныхъ—свѣта и мрака, тождественныхъ съ добромъ и зломъ. Съ другой стороны, манихейство подкупало Августина своимъ гностическимъ раціонализмомъ и своими притязаніями на научное объясненіе міровыхъ явленій. Оно льстило гордости юноши, который желалъ все *понять* собственнымъ разумомъ. При этомъ манихеяне дѣйствовали очень искусно, установивъ среди своей секты два класса людей—*избранныхъ*, или посвященныхъ, и простыхъ слушателей, которымъ только постепенно открывалась вся истина. Вслѣдствіе этого, жаждавшій истины Августинъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бывалъ не-

согласенъ съ манихеянами, полагалъ, что они скрываютъ подъ своими „покровами“ что-то великое, что ему когда-нибудь откроютъ, и его любознательность отъ этого только разросталась. Въ то же время, Августинъ долго находилъ въ ученіи манихеянъ нравственное удовлетвореніе; ихъ дуализмъ соотвѣтствовалъ нравственному раздвоенію, которое онъ ощущалъ въ себѣ, страстно предаваясь жизненнымъ удовольствіямъ и въ то же время стремясь къ чему-то высшему. Этотъ дуализмъ, удовлетворяя его разумъ, успокоивалъ и его совѣсть. Онъ такъ просто разрѣшалъ вопросъ, откуда зло въ мірѣ, и, признавая за страстями стихійный характеръ, дѣлалъ человѣка спокойнымъ зрителемъ происходившей въ немъ самомъ борьбы,—снимая съ него всякую личную отвѣтственность.

Какъ *зло* имѣло въ представленіяхъ манихеянъ стихійный характеръ, такъ и избавленіе отъ зла, возвращеніе души къ началу свѣта и добра представлялось въ ихъ ученіи какимъ-то физическимъ процессомъ. Спасеніе у манихеянъ касалось не человѣка только, какъ въ христіанствѣ, а всей природы. Оно совершалось, напр., въ произростаніи растенія, которое во время своего цвѣтенія освобождало отъ матеріи частицы свѣтлаго начала. Когда серпъ луны стоялъ надъ землей съ обращенными къ ней рогами, онъ представлялъ собою сосудъ, который вбиралъ въ себя подлежащія освобожденію изъ земного плѣна частицы свѣтлой матеріи; а когда этотъ серпъ повертывался къ небу, онъ испускалъ въ свѣтлыя небесныя выси отрѣшившіяся отъ міра частицы. Подобнымъ образомъ, когда душа, просвѣщенная истиннымъ ученіемъ, отрѣшалась отъ низшихъ земныхъ благъ въ любви къ высшимъ благамъ, частицы свѣтлаго начала вырывались изъ плѣна и возвращались на свою небесную родину.

Манихеяне внесли свои космогоническія фантазіи и свой дуализмъ въ самое представленіе о Спасителѣ, различая „страждущаго „Іисуса (Iesus patibilis)“—и Христа Логоса. Подъ понятіемъ страждущаго Іисуса они разумѣли не страданія Христа, какъ человѣка, или Бого-человѣка, но, возводя этотъ индивидуальный фактъ въ символъ—страданія всей *природы*, вслѣдствіе стремленія заключенныхъ въ ней частицъ свѣтлаго начала вырваться изъ плѣна, въ которомъ ихъ держала жизнь *сего міра*.

Такимъ образомъ, отрѣшеніе отъ сего міра было провозглашено руководящимъ началомъ жизни и въ манихействѣ, и это стремленіе вызвало у нихъ цѣлый морально-обрядовый кодексъ, обязательный для избранныхъ, т.-е. для манихеянъ *перваго* разряда.

Вся эта смѣсь реалистическихъ воззрѣній съ мнимо-научными претензіями и идеалистическими вожделѣніями поражала воображеніе Августина, но не настолько ослѣпляла его, чтобы скрыть отъ него недостатки доктрины и слабости ея учителей.

Знакомство съ астрономіей раскрыло передъ нимъ противорѣчіе между научными данными и фантастической космогоніей манихеянъ, и онъ сталъ допытываться у ихъ вождей разъясненія этихъ противорѣчій; его долго успокоивали обѣщаніемъ, что всѣ его недоумѣнія разъяснятся по прибытіи въ Карѳагенъ ученаго Фауста; но знакомство съ Фаустомъ, въ которомъ Августинъ нашелъ блестящаго ритора, но невѣжду, нанесло ударъ въ его глазахъ авторитету самой манихейской доктрины. Въ то же время, личныя наблюденія надъ жизнью *избранныхъ* и дошедшіе до него слухи о совершаемыхъ нѣкоторыми изъ нихъ втайнѣ безчинствахъ, подорвали вѣру Августина въ достоинство манихейской морали и искренность ея адептовъ. Но все еще міровоззрѣніе манихеянъ сохраняло свою власть надъ его умомъ, благодаря ихъ реалистическимъ представленіямъ; изъ этихъ путъ манихейства вывело Августина его знакомство съ философскимъ идеализмомъ.

Августинъ нашелъ его у Платона и у платониковъ, какъ онъ ихъ называетъ, разумѣя подъ этимъ александрійскихъ неоплатониковъ, сочиненія которыхъ были переведены на латинскій языкъ его современникомъ, риторомъ Викториномъ. Въ сочиненіяхъ Платона Августинъ познакомился съ инымъ дуализмомъ, болѣе подходившимъ къ его созрѣвшему уму, —съ противоположеніемъ чувственнаго, осязаемаго пятью чувствами міра—тому міру, который постигается однимъ разумомъ. Міръ платоновскихъ идей, совершенныхъ первообразовъ всего существующаго, очаровалъ Августина и помогъ ему оторваться отъ матеріализма манихеянъ и подняться до понятія о субстанціи, т.-е. духовной сущности вещей. Такъ у него явилась почва, давшая ему возможность перейти отъ космическаго дуализма къ монизму, признать въ преходящемъ множествѣ и многообразіи *единое*. Понятіе о единомъ міровомъ принципѣ сдѣлалось съ тѣхъ поръ руководящимъ началомъ для Августина и содѣйствовало уразумѣнію имъ христіанства въ совершенно новомъ для него, возвышенномъ смыслѣ. Богъ, котораго онъ зналъ съ дѣтства, но въ дѣтскомъ разумѣніи, сталъ для него абсолютнымъ совершенствомъ, *сверхъ*-міровымъ началомъ, непричастнымъ матеріи—творческой мощью, отъ которой исходитъ все существующее. Въ платонизмѣ Августинъ нашелъ, по его собственному указанію,

понятіе о Логосѣ, которое объяснило ему воплощеніе и снова дало ему Христа. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился подъ вліяніемъ нео-платонизма взглядъ Августина на міръ и разрѣшилась для него проблема о сущности зла.

Представленіе о Богѣ, какъ объ абсолютномъ бытіи, объяснило ему христіанское ученіе о *сотвореніи* міра изъ *небытія* въ противоположность утвержденію манихеянъ, что ничто не можетъ произойти изъ ничего. Этимъ путемъ онъ нашелъ и объясненіе зла въ мірѣ. Зло не есть нѣчто положительное, какъ у манихеянъ, нѣчто однородное, равносильное добру, а, какъ учили неоплатоники, нѣчто отрицательное, происходящее отъ *неполнаго* бытія; вслѣдствіе этого зло есть нѣчто относительное, въ зависимости отъ того, насколько оно удалено отъ полнаго бытія, т.-е. насколько неполно его бытіе. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнялась для Августина и задача жизни. Она не могла заключаться въ фантастическихъ затѣяхъ манихеянъ содѣйствовать освобожденію частицъ свѣтлаго начала, затерянныхъ въ мірѣ, а должна была имѣть цѣлью *познать* абсолютное совершенство, тождественное съ абсолютной истиной и абсолютнымъ блаженствомъ. Это и составляло возвращеніе къ Богу—reditus ad Deum, посредствомъ указанной Платономъ *діалектической лѣстницы* [1]). На высшей ступени этой лѣстницы человѣкъ получалъ возможность созерцанія—контемпляціи—безусловной истины, красоты и блага. Такимъ образомъ, и здѣсь *восхожденіе* къ Богу включало въ себѣ отрѣшеніе отъ міра, отреченіе отъ низшихъ благъ жизни во имя высшихъ, идеальныхъ благъ. И Августинъ, подобно многимъ другимъ философамъ, пошелъ по этому пути, указанному ему разумомъ. „Веди меня,—обращается онъ въ своихъ „Бесѣдахъ наединѣ съ разумомъ",—веди куда хочешь, черезъ что̀ хочешь, ка̀къ хочешь. Прикажи исполнить что̀ хочешь тяжелаго, что̀ хочешь труднаго, лишь бы это было въ моей власти, лишь бы черезъ это я несомнѣнно достигъ того, чего желаю". И разумъ далъ ему отвѣтъ: „Одно я могу тебѣ предписать, другого ничего не знаю: нужно совершенно избѣгать чувственнаго міра; нужно усердно стараться, пока ты живешь въ этомъ тѣлѣ, чтобы его липкость не препятствовала твоимъ крыльямъ, которыя ты долженъ сохранить цѣльными и невредимыми, чтобы полетѣть къ тому свѣту изъ этого мрака... И когда ты станешь такимъ, что ничто земное тебѣ не будетъ

[1]) Для поясненія этого представленія укажемъ на прекрасное мѣсто въ замѣчательномъ сочиненіи Rohde: Psyche, II, 283, гдѣ изображается путь, которымъ діалектика ведетъ человѣка изъ низменностей *явленій* къ бытію.

доставлять удовольствія, тогда, повѣрь мнѣ, въ то же мгновеніе ты узришь то, чего желаешь".

Съ этой точки зрѣнія аскетическіе подвиги манихеянъ утрачивали всякое значеніе въ глазахъ Августина. Манихеяне подводили эти подвиги подъ три заповѣди: воздержаніе *устъ*,—т.-е. воздержаніе отъ всякаго богохульства и отъ мяса и вина; воздержаніе рукъ,—т.-е. воспрещеніе убивать животныхъ и вырывать растенія. Въ этой второй заповѣди слышится отголосокъ Зороастровой религіи, которая высоко цѣнила растительную и животную жизнь, какъ проявленіе свѣтлаго начала. Но въ полномъ противорѣчіи съ этимъ началомъ, какъ отголосокъ мірового пессимизма, напоминающаго буддизмъ, является третья заповѣдь: воздержаніе чрева налагало на „избранныхъ" обязанность избѣгать всего, чтò могло дать начало новой жизни, ибо это означало содѣйствовать новому плѣненію частицъ свѣтлаго начала въ мірѣ матеріи, т.-е. новому страданію.

Критикуя эту мораль, Августинъ особенно подчеркиваетъ то, что она, питая надменность подвижника, ведетъ къ формализму и лицемѣрію. У кого, —спрашиваетъ Августинъ, —больше воздержанія: у того ли, кто дозволяетъ себѣ насыщаться только однажды въ сутки, удовлетворяясь кускомъ сала съ капустой, для утоленія голода, и глоткомъ вина для подкрѣпленія силъ,—или же у того, кто, брезгая мясомъ и виномъ, съ утра позволяетъ себѣ поглощать привозные плоды, приправленные перцемъ и приготовленные въ видѣ разнообразныхъ блюдъ, и кто повторяетъ это пиршество при наступленіи ночи, кто запиваетъ эту трапезу ягоднымъ виномъ, еще болѣе сладкимъ, чѣмъ виноградное, и пьетъ его не только для утоленія жажды, но и ради удовольствія?

Отрѣшеніе отъ міра, которому научила Августина философія, совершенно другого рода, чисто духовнаго свойства: оно заключается въ предпочтеніи явленіямъ чувственнаго міра реальныхъ сущностей идеальнаго міра, познаваемаго разумомъ. Поэтому его воздержаніе даже тамъ, гдѣ оно формально совпадаетъ съ манихейскимъ, вытекаетъ изъ другого мотива и становится по существу другого качества. Теперь онъ отказывается отъ брака не по фантастическимъ соображеніямъ манихеянъ, а потому, что испыталъ, что ничто такъ не сокрушаетъ духовной силы мужчины, какъ прелесть женщины. Поэтому онъ ради свободы духа своего ставитъ себѣ зарокъ не желать, не искать и не брать жены. А на вопросъ разума, побѣдилъ ли онъ свою страсть,—Августинъ отвѣчаетъ, что онъ не только не желаетъ прежнихъ удовольствій, но вспоминаетъ о нихъ лишь съ ужасомъ и пре-

зрѣніемъ. И это благо ежедневно въ немъ возростаетъ; ибо по мѣрѣ того, какъ ростетъ въ немъ надежда узрѣть ту идеальную красоту, къ которой онъ пламенѣетъ, къ ней направляется вся сила его любви и страсти.

А на вопросъ, доставляетъ ли ему удовольствіе пища?—Августинъ отвѣчаетъ: „Та пища, отъ которой я рѣшился отказаться, нисколько меня не прельщаетъ; но я признаюсь: то, отъ чего я не отрекся, доставляетъ мнѣ удовольствіе, однако, такъ, что я могъ бы лишиться его безъ всякаго огорченія, и это лишеніе не стало бы нисколько помѣхою моимъ размышленіямъ".

За это Августинъ прославляетъ философію, которая обезпечила ему мирное и блаженное пристанище, гдѣ онъ отдыхаетъ послѣ долгаго изгнанія. Поэтому онъ пишетъ о ней своему другу Романіану, котораго онъ самъ когда-то вовлекъ въ манихейство: „Въ моемъ досугѣ (въ Кассіакумѣ), философія, которой я такъ сильно желалъ, питаетъ меня и согрѣваетъ; она меня совершенно избавила отъ той ереси, въ которую я тебя вмѣстѣ съ собою повергъ. Она меня учитъ, и правильно учитъ—не почитать ничего и пренебрегать всѣмъ, что̀ представляется смертнымъ глазамъ, что̀ ощущается какимъ-либо чувствомъ бреннаго тѣла. Она обѣщаетъ мнѣ доказать съ очевидностью истиннаго и сокровеннаго Бога и уже теперь удостоиваетъ меня созерцать его отъ времени до времени, какъ бы чрезъ прозрачное облако" [1]).

Августинъ, однако, не удовлетворился блаженнымъ состояніемъ, которое ему доставила философія. Она была только переходной стадіей въ его развитіи. Философія избавила его отъ манихейства, она помогла ему понять философскіе элементы, вошедшіе въ христіанство, и этимъ самымъ привела его къ христіанству. Самостоятельное религіозное начало все болѣе и болѣе овладѣвало душою Августина. Онъ уже не удовлетворялся отвлеченнымъ представленіемъ объ абсолютномъ, совершенномъ бытіи; онъ испытывалъ въ своей душѣ личное воздѣйствіе *Единаго*, какъ творческой силы; въ школѣ Амвросія Медіоланскаго онъ усвоилъ себѣ аллегорическій методъ истолкованія текста Св. Писанія, что̀ сразу устранило всѣ недоумѣнія, вызванныя въ немъ Ветхимъ Завѣтомъ,—и тогда онъ позналъ личнаго Бога въ судьбахъ избраннаго народа и въ исторіи человѣчества. Онъ сталъ все болѣе и болѣе углубляться въ Св. Писаніе, и тотъ же Ветхій Завѣтъ, понятый и истолкованный аллегорическимъ методомъ, какъ рядъ предсказаній и пророчествъ о Христѣ, превра-

---

[1]) C. Acad. I, § 3, съ поправкой, сдѣланной Августиномъ въ Retract. I, § 2.

тилъ для него Платоновскаго Логоса въ Спасителя всѣхъ вѣрующихъ въ него.

Но главная перемѣна произошла въ Августинѣ вслѣдствіе иного пониманія зла, подъ вліяніемъ новаго представленія о Богѣ. Предъ нимъ не выдерживало критики стихійное представленіе о злѣ у манихеянъ, но оказывалось несостоятельнымъ и представленіе неоплатониковъ, что зло есть только неполнота бытія, слѣдствіе отдаленія отъ полноты бытія или абсолютнаго бытія. Такое объясненіе пригодно для вещественнаго міра: онъ есть не что̀ иное, какъ отраженіе высшаго, разумнаго міра и потому по неволѣ страдаетъ несовершенствомъ; но для разумной души человѣка отдаленіе отъ Бога есть *удаленіе* отъ него какъ добровольный, волевой актъ. Такимъ образомъ, то, что̀ для неоплатоника есть неполнота бытія (defectus), становится для христіанина *грѣхомъ*—peccatum. Грѣхъ въ такой степени волевое зло (voluntarium malum), что не было бы вовсе грѣха, если бы онъ не былъ волевымъ; и это до такой степени очевидно, что съ этимъ согласны и ученые, которыхъ на свѣтѣ немного, и толпа неученыхъ. Поэтому слѣдуетъ или отрицать существованіе грѣха, или признать, что онъ совершается добровольно. Ибо если мы поступаемъ дурно не по *нашей* волѣ, тогда не должно никого упрекать, никого увѣщевать; а въ этомъ случаѣ, неизбѣжно падетъ весь христіанскій законъ и всякая религіозная сдержка.

Съ этой минуты понятіе о грѣхѣ стало въ центрѣ религіознаго сознанія Августина. Насколько сильно оно охватило его душевную жизнь—свидѣтельствуетъ его исповѣдь, въ которой вся его прошлая жизнь, съ ея заблужденіями ума и страстями сердца, представляется ему грѣхомъ. Поэтому самое обращеніе Августина въ христіанство совпадаетъ съ его сознаніемъ совершеннаго имъ грѣха,—можно сказать,—заключается въ этомъ сознаніи. Понятіе о грѣхѣ Августинъ, конечно, почерпнулъ изъ Св. Писанія, въ особенности изъ сочиненій апостола Павла, который сталъ съ этого времени его руководителемъ; но дѣло въ томъ, что это понятіе стало фактомъ его собственной психической жизни, что онъ испыталъ его истину на самомъ себѣ, пережилъ ее самъ. Тогда онъ вполнѣ постигъ великое значеніе, которое имѣло это понятіе въ религіозной и культурной жизни человѣчества, и съ своей стороны установилъ его незыблемой твердыней на пути, по которому пошли грядущія поколѣнія христіанскаго общества. Подъ вліяніемъ понятія грѣха должно было измѣниться и окончательно сложиться его воззрѣніе

на отношенія человѣка къ міру, на вопросъ объ отрѣшеніи отъ этого міра. Манихейское воздержаніе окончательно утратило всякую цѣну въ его глазахъ; оно представлялось ему даже неморальнымъ, ибо довольствовалось только обрядомъ, воздержаніемъ человѣка отъ физическаго дѣйствія, не касаясь состоянія и жизни души.

Августинъ пошелъ дальше: онъ пришелъ къ убѣжденію, что зло ведетъ свое начало не отъ міра, созданнаго благимъ Творцомъ, а отъ самого человѣка, отъ его отношеній къ явленіямъ міра и предпочтенія этихъ явленій любви къ Богу. Противъ манихейской морали направлено утвержденіе Августина, что три главныхъ порока,—похоть, гордость и любопытство—представляютъ собою стремленіе къ тремъ благамъ—гармоніи, мощи и знанію, но это стремленіе извращается и становится порокомъ, когда отдаляетъ человѣка отъ Бога. Манихейская мораль поощряетъ эти пороки, возбуждая гордыню и мнимую любознательность; въ первомъ же случаѣ она воспрещаетъ не похоть, напротивъ—поощряетъ ее, и осуждаетъ лишь нѣкоторыя ея проявленія. Но подъ вліяніемъ понятія грѣха измѣнился взглядъ Августина не только на манихейское, но и на философское отрѣшеніе отъ міра. Послѣднее основывалось на убѣжденіи, что мудрецу слѣдуетъ высшія блага, представляемыя погруженіемъ мысли въ интеллигибльный", т.-е. познаваемый разумомъ міръ, предпочитать благамъ тѣлеснаго міра. Цѣпляться за эти низшія блага недостойно мудреца. Но съ такой точки зрѣнія предпочтеніе низшихъ благъ высшимъ представляетъ лишь интеллектуальный или эстетическій недостатокъ (defectus). Тотъ, чей разумъ недостаточно силенъ, чтобы подняться къ истинѣ или узрѣть высшую красоту, остается въ толпѣ непросвѣщенныхъ (indoctorum), теряетъ право на званіе мудреца, но не подлежитъ карѣ. Христіанинъ же, который поддается влеченіямъ плоти и, не боясь грѣха, не вступаетъ съ ними въ борьбу, представляетъ собою моральное несовершенство.

Однако эти двѣ точки зрѣнія на совершенство, философская и христіанская, долгое время уживались въ Августинѣ—въ періодъ его жизни отъ оставленія каѳедры риторики въ Медіоланумѣ въ 386 г., почти до конца его пребыванія въ Тагастѣ. Августинъ стремился къ совершенствованію одновременно двумя параллельными путями. Это выразилось въ томъ, что, изучая божественное откровеніе въ Св. Писаніи, Августинъ старался въ то же время подняться къ познанію Бога—указанной Платономъ діалектической лѣстницей. Уѣхавъ оттуда въ уединенную виллу Кассіакумъ съ нѣсколькими друзьями и учениками,

онъ раздѣлялъ свое время между толкованіемъ Виргилія и Св. Писанія. Даже послѣ своего крещенія весною 387 года онъ предпринялъ цѣлый рядъ сочиненій по тѣмъ наукамъ, которыя составляли семь ступеней діалектической лѣстницы—грамматикѣ, риторикѣ, геометріи, философіи, музыкѣ и т. д. Этотъ параллелизмъ выразился не только въ занятіяхъ и интересахъ Августина, но также и въ теоретической области. Устанавливая два пути къ истинѣ—путь авторитета или божественнаго откровенія и путь разума, Августинъ не противополагаетъ ихъ, а пытается сочетать ихъ, признавая цѣль, куда ведутъ оба пути, тождественною: это — познаніе Бога и именно *того же* Бога. Появленіе откровенія въ исторіи человѣчества по Августину „предшествуетъ разуму; по существу же предшествуетъ разумъ“ (re autem ratio prior est). Согласно съ этимъ Августинъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ свое полемическое сочиненіе противъ академиковъ, т.-е. скептической школы платониковъ, утверждавшихъ, что истина недоступна человѣку: „никто не сомнѣвается, что насъ влечетъ къ познанію двойная сила авторитета и познанія, и я положилъ себѣ ни въ чемъ не отступать отъ авторитета Христа; ибо нигдѣ я не могу найти болѣе сильнаго авторитета; но для этого нужно, однако, пользоваться и всѣми тонкостями разума; ибо я страстно жажду узнать истину не только вѣрою, но и разумѣніемъ, и я пока увѣренъ, что найду у платониковъ то, чтò не противорѣчитъ нашей святынѣ“.

Но представляетъ ли этотъ пятилѣтній періодъ полное единство воззрѣній со стороны Августина? Французскій философъ Нуррисонъ, въ своемъ сочиненіи о философіи Августина, различаетъ въ этомъ пятилѣтіи два періода: отъ его обращенія въ христіанство до его крещенія (весною 387 года), и отсюда до принятія священства, и утверждаетъ, что въ первое время Августинъ отдавалъ преимущество разуму, желая согласить религію съ философіей; позднѣе же ставилъ на первое мѣсто Св. Писаніе, желая согласить философію съ религіей. Авторъ прекраснаго изслѣдованія, спеціально посвященнаго этому періоду въ жизни Августина, Навиль [1]), возражаетъ противъ этого мнѣнія, и разсматриваетъ философскую систему, выработанную Августиномъ за это время, „какъ единую систему религіозной христіанской философіи“.

Разногласіе это заслуживаетъ вниманія, потому что содѣйствуетъ правильному освѣщенію вопроса. На самомъ дѣлѣ его

---

[1]) A. Naville. St. Augustin. Genève, 1872, p. 69.

не трудно устранить. Навиль правъ, возражая противъ рѣзкаго установленія двухъ противоположныхъ направленій—философскаго и богословскаго — въ жизни Августина во время его Lehr- и Wanderjahre—между оставленіемъ имъ каѳедры риторики въ Медіоланумѣ и принятіемъ священства въ Гиппонѣ въ 391. Навиль съ полнымъ основаніемъ отрицаетъ, будто сочиненіе Августина „Объ истинной религіи", которое относятъ къ 390 г., т.-е. къ концу этого періода, носитъ характеръ чисто богословскій. Напротивъ, и въ этомъ сочиненіи Августинъ совмѣщаетъ въ себѣ философа и христіанина и вѣритъ въ возможность примиренія ученія Платона съ ученіемъ церкви. Онъ и здѣсь выражаетъ увѣренность, что многіе древніе платоники, еслибы жили во времена христіанскія, сдѣлались бы христіанами, „измѣнивъ лишь нѣкоторыя выраженія и мнѣнія въ своемъ ученіи". Въ томъ же сочиненіи Августинъ исключаетъ изъ числа своихъ читателей тѣхъ, кто не посвященъ въ философію, а въ священныхъ вещахъ „не философствуетъ" [1]. Поэтому Навиль могъ поставить себѣ задачу—возстановить на основаніи всѣхъ сочиненій, написанныхъ Августиномъ за этотъ періодъ, его общую систему религіозной философіи и обсудить, насколько Августину удалось совокупить (amalgamer) ея различныя составныя части.

Но, съ другой стороны, было бы ошибочно отрицать въ этомъ періодѣ *эволюцію* въ воззрѣніяхъ Августина, которая черезъ философію Платона и платониковъ окончательно привела его къ христіанству. А въ этой эволюціи нельзя не признать того, что крещеніе Августина на пасхѣ 387 г. отмѣчаетъ извѣстный переломъ или кризисъ въ самой эволюціи. Самъ Навиль даетъ намъ основаніе для такого сужденія. Онъ дѣлаетъ чрезвычайно важное наблюденіе, что о грѣхопаденіи у Августина заходитъ рѣчь лишь въ сочиненіяхъ, написанныхъ послѣ его крещенія. Мы можемъ изъ этого заключить, что самое рѣшеніе Августина принять крещеніе назрѣло у него подъ вліяніемъ усвоеннаго имъ ученія о грѣхопаденіи. Мы можемъ даже предположить, что крещеніе Августина было слѣдствіемъ усвоенія имъ догмата о грѣхопаденіи. Христіане того времени часто откладывали крещеніе до конца жизни, такъ какъ надѣялись, что оно смоетъ съ нихъ всѣ грѣхи. А идея грѣхопаденія должна была чрезвычайно усилить сознаніе грѣховности у Августина, прибавляя къ личнымъ грѣхамъ тяжесть родового (перво-

---

[1]) Repudiatis omnibus qui neque in sacris philosophantur nec in philosophia consecrantur. De Vera Rel. § 12.

роднаго) грѣха и могла этимъ вызвать у него потребность немедленнаго крещенія.

III.

Во всякомъ случаѣ, принятіе крещенія было важнымъ симптомомъ совершавшейся внутри Августина философско-религіозной эволюціи. Эту эволюцію мы должны принять въ руководство и при выясненіи главнаго, здѣсь занимающаго насъ вопроса — отношенія Августина къ аскетизму и его взгляда на монашество. Эпохѣ одновременной вѣры въ религію и въ философію, вѣры во взаимодѣйствіе откровенія и разума, соотвѣтствуетъ стремленіе идти къ нравственному совершенствованію обоими путями, философскимъ и христіанскимъ, погруженіемъ мысли въ идею абсолютнаго и вознесеніемъ сердца въ молитвѣ къ Богу. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Августинъ одновременно совмѣщалъ въ себѣ два культурныхъ типа, созданныхъ идеализмомъ, столь различныхъ между собою и въ то же время сходныхъ—типъ языческаго мудреца, который пренебрегаетъ низшими благами, ища „блаженной жизни“ въ созерцаніи интеллектуальныхъ благъ, — и христіанина, ищущаго смерти въ жизни, чтобы удостоиться вѣчнаго блаженства во Христѣ.

Но идеалъ античнаго мудреца постепенно уступаетъ мѣсто идеалу послѣдователя Христа, установленному въ Евангеліи. Отраженіемъ этой перемѣны въ настроеніи служитъ переписка Августина съ друзьями, насколько она сохранилась до насъ. Переписка началась еще въ Кассіакумѣ. Первое письмо дышетъ восторгомъ отъ обрѣтенной Августиномъ философіи. Августинъ пишетъ Гермогеніану, поздравившему его съ побѣдою надъ академиками, что его радуетъ не столько эта побѣда, какъ то, что онъ разорвалъ ненавистныя узы, препятствовавшія ему питаться сосцами философіи, и что онъ поборолъ отчаяніе въ возможности познать истину, эту пищу духа“.

Въ чемъ заключается эта истина, мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма къ Зиновію: „Мы согласились, кажется, насчетъ того, что все ощущаемое тѣлесными чувствами не можетъ ни на одно мгновеніе оставаться въ томъ же состояніи, но течетъ и исчезаетъ, т.-е., выражаясь по-латыни, не существуетъ (non esse). Вотъ эту-то пагубную любовь, достойную кары, истинная и божественная философія научаетъ обуздывать и заглушать, для того, чтобы духъ, пока онъ живетъ въ этомъ тѣлѣ, весь возно-

сился и пламенѣлъ любовью къ тому, что̀ всегда пребываетъ въ томъ же состояніи и привлекаетъ не мнимой красотою".

Въ числѣ друзей Августина былъ и Небридій, которому посвящена бо̀льшая часть писемъ первыхъ лѣтъ. Этотъ Небридій былъ также родомъ изъ Африки и отправился въ Медіоланумъ, чтобы подъ руководствомъ Августина предаться изученію мудрости, но̀ затѣмъ взялъ на себя преподаваніе грамматики (языческой литературы) въ помощь Верекунду, который былъ также друженъ съ Августиномъ и предоставилъ въ его распоряженіе свою виллу Кассіакумъ для уединеннаго житья. Небридій своими критическими замѣчаніями содѣйствовалъ отвлеченію Августина отъ манихейства, но съ другой стороны—не поддавался христіанскому ученію о воплощеніи, понимая его не реально, а только идеально. Однако, потомъ онъ сталъ христіаниномъ и, возвратившись одновременно съ Августиномъ на свою родину, обратилъ въ христіанство и всю свою семью. Тамъ, въ своемъ помѣстьѣ близь Карѳагена, онъ жилъ „въ воздержаніи" до своей смерти, которая скоро наступила. Этому Небридію Августинъ также пишетъ изъ Кассіакума о томъ, что чувственный міръ есть лишь отраженіе другого міра, постигаемаго разумомъ, и о томъ, что нельзя найти „блаженной жизни" въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ чувственнымъ міромъ. „Это вполнѣ извѣдано мною, —прибавляетъ онъ,—въ моемъ здѣшнемъ досугѣ", т.-е. уединеніи, посвященномъ философскому размышленію. Онъ пишетъ, что счастливъ расположеніемъ къ нему Небридія и желаетъ умноженія этого счастья. Благъ же фортуны „истинные мудрецы, которыхъ однихъ можно назвать счастливыми, воспрещаютъ какъ бояться, такъ и желать". Другое письмо служитъ отвѣтомъ на вопросъ Небридія, насколько Августинъ въ своемъ философскомъ досугѣ успѣлъ познать различіе между чувственной и интеллигибльной природою. Августинъ отвѣчаетъ, что успѣхъ есть, но онъ незамѣтенъ, какъ и въ наступленіи возрастовъ человѣка. Различіе между отрокомъ и юношей велико, но кто изъ отроковъ, еслибы ихъ ежедневно объ этомъ спрашивали, могъ бы сказать, что въ такой-то моментъ онъ сталъ юношей.

Переписка продолжается въ Африкѣ, и характеръ ея постепенно измѣняется. Успѣхъ, о которомъ говоритъ Августинъ въ вышеприведенномъ письмѣ, становится все замѣтнѣе. Въ чемъ же онъ заключается?—Счастливое настроеніе первыхъ дней по оставленіи каѳедры, основанное на примиреніи философіи и религіи, на возможности стремиться къ абсолютной истинѣ путемъ Платоновскаго идеализма и изученія Св. Писанія,—постепенно исче-

заетъ и уступаетъ мѣсто раздвоенію. Языческая литература и поэзія въ самыхъ благородныхъ своихъ представителяхъ, языческая ученость въ лицѣ авторитетнаго Варрона—утрачиваютъ свое значеніе для Августина, а за ними меркнетъ и слава платониковъ. Безвозвратно миновало для Августина то время, когда онъ въ Кассіакумѣ утро посвящалъ съ учениками толкованію Виргилія, а послѣ обѣда углублялся въ изученіе сочиненій апостола Павла. Для этой перемѣны настроенія мы не можемъ привести непосредственнаго свидѣтельства изъ времени пребыванія въ Тагастѣ, но совершившаяся перемѣна ярко обнаруживается въ письмѣ, написанномъ нѣсколько лѣтъ спустя.

Однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Августину учениковъ и друзей былъ молодой Лиценцій, сынъ Романіана, Августинова друга и бывшаго благодѣтеля, доставившаго ему средства, по смерти его отца, докончить свое образованіе въ Карѳагенѣ. Лиценцій былъ усерднымъ ученикомъ Августина. Онъ былъ христіаниномъ, но поэзія и искусство языческаго міра не утратили для него своей прелести.

Въ 395 году, Лиценцій посылаетъ Августину изъ Рима свое стихотвореніе, въ которомъ старая струя классической поэзіи съ ея миѳологическими образами и воспоминанія о нечестивомъ угощеніи боговъ Тіэстомъ, о царствѣ Пелопидовъ и о додонскомъ оракулѣ смѣшиваются съ христіанскими представленіями „о мірской заразѣ“.

Лиценцій напоминаетъ Августину радостные дни, проведенные ими въ горахъ Италіи, на свободномъ досугѣ, въ созерцаніи чистыхъ благъ. Поэтъ готовъ и теперь покинуть градъ Ромулидовъ и веселый домъ, и тщету свѣтской жизни, чтобы броситься учителю на грудь, но его удерживаетъ мысль, „устремленная къ браку“.

Онъ умоляетъ своего ученаго друга вѣрить въ искренность его горя. Безъ него Лиценцій блуждаетъ по бурнымъ волнамъ жизни и не знаетъ пристани, гдѣ бы онъ могъ укрыться. „Вспоминая твои чудныя рѣчи, дорогой учитель, я убѣждаюсь, что тебѣ слѣдуетъ вѣрить, когда ты говоришь объ обманчивости всѣхъ земныхъ дѣлъ,—это лишь сѣти, разставленныя для нашей души. Но увы, какъ мнѣ быть? Какъ раскрою я тебѣ мое сердце?“

Лиценцій вспоминаетъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему Августиномъ. Ихъ связываетъ дружба; завязана эта связь любовью къ благородству. Эта дружба засіяла во всей красѣ послѣ побѣды надъ врагомъ. „Наши души встрѣтились не для того, чтобы

накоплять богатства, непрочныя, какъ хрупкое стекло, чтобы собирать золото, не поддающееся погонѣ за нимъ человѣка. Мы не изъ тѣхъ, которыхъ счастье сближаетъ, а горе разлучаетъ".

Несмотря, однако, на свои аскетическія вожделѣнія, Лиценцій обращается за помощью къ Августину не для того, чтобы побѣдить врага въ лицѣ мірскихъ соблазновъ; онъ жалуется, что не можетъ постигнуть глубокихъ мыслей Варрона, и проситъ ему въ этомъ помочь. Августинъ уже двадцать лѣтъ расточаетъ сокровища своего разума—и все постигнулъ. Поэтому Лиценцій ищетъ утѣшенія въ книгахъ мудрости, которыхъ ждетъ отъ учителя и изъ которыхъ „истина польется рѣкою болѣе широкой, чѣмъ самъ Эриданъ" (По). Особенно проситъ онъ прислать ему сочиненіе Августина о музыкѣ, для того, чтобы нечистое дуновеніе міра не проникло въ его сельское убѣжище.

Это посланіе въ стихахъ молодого образованнаго христіанина изъ аристократіи весьма характерно для римскаго общества наканунѣ паденія Рима—тѣмъ болѣе, что Лиценцій принадлежалъ къ интимному кружку знаменитаго учителя церкви. Но самъ Августинъ уже давно вышелъ изъ разлада между тогдашней культурной средой и аскетическимъ воззрѣніемъ—разлада, въ которомъ обрѣтался еще его пылкій и нѣсколько тщеславный ученикъ.

Августинъ не сейчасъ ему отвѣтилъ, не имѣя случая переслать ему письмо. Переписка въ то время была весьма затруднительна. Августинъ пишетъ, что нѣсколько писемъ Лиценція до него не дошли, и что онъ усердно хлопоталъ по какому-то его дѣлу, и если это будетъ нужно, готовъ еще хлопотать, и затѣмъ продолжаетъ: „Въ этихъ моихъ словахъ къ тебѣ еще звучатъ цѣпи здѣшней жизни; теперь выслушай краткое выраженіе моей тревоги о надеждахъ непреходящихъ и о томъ, какой путь къ Господу тебѣ открытъ".

„Дорогой Лиценцій, такъ какъ ты все еще опасаешься оковъ мудрости и отрекаешься отъ нихъ, то я боюсь, что ты еще сильно и опасно занятъ суетными дѣлами. Мудрость, правда, сначала налагаетъ оковы и укрощаетъ людей подготовительными къ ней трудами, но затѣмъ снимаетъ свои оковы и предоставляетъ освобожденнымъ услаждаться ею. Тѣхъ, кого она сначала наставляла мірскими узами, она потомъ притягиваетъ въ свои вѣчныя объятія, и нельзя придумать ничего лучше, ни крѣпче этихъ узъ. Я признаюсь, что эти первыя узы сначала нѣсколько тяжелы; но позднѣйшія нельзя назвать жесткими, потому что онѣ пріятны, и нельзя назвать мягкими, потому что онѣ крѣп-

чайшія. Цѣпи же *сего міра* дѣйствительно суровы, сладость ихъ мнимая; горе, ими доставляемое, вѣрное, а удовольствіе—невѣрно; трудъ—тяжкій, покой—непрочный, жизнь—полная бѣдствій, надежда на счастье—тщетная. Подъ эти цѣпи ты подставляешь и шею, и руки, и ноги, когда жаждешь почестей сего міра и стремишься туда, куда не слѣдуетъ идти даже по принужденію".

Обращаясь къ самолюбію поэта, Августинъ продолжаетъ: „Еслибы твой стихъ былъ неправильный и не подчинялся законамъ просодіи, еслибы онъ оскорблялъ слухъ читателей, ты, конечно, устыдился бы и не успокоился, пока бы не исправилъ, сгладилъ и подровнялъ его, изучая и примѣняя правила метрики съ величайшимъ усердіемъ. А если ты самъ не въ порядкѣ, если ты не соблюдаешь законовъ твоего Господа и ведешь жизнь, не соотвѣтствующую ни желаніямъ твоихъ друзей, ни собственному твоему образованію, то ты признаешь возможнымъ пренебречь этимъ и остаться равнодушнымъ? Ты какъ будто считаешь болѣе извинительнымъ оскорблять Бога распущенными нравами, чѣмъ оскорблять авторитетъ грамматики неправильными стихами!"

Ссылаясь на стихи, въ которыхъ Лиценцій восклицаетъ, что еслибы могли возобновиться счастливые дни, проведенные ими вмѣстѣ въ горахъ сѣверной Италіи, то никакая непогода не помѣшала бы ему слѣдовать за нимъ—„только прикажи",—Августинъ говоритъ: „На самомъ дѣлѣ, горе мнѣ, еслибы я не приказывалъ, не понуждалъ, не настаивалъ, не просилъ и не умолялъ тебя. Но если твои уши глухи для моего голоса, то пусть они внемлютъ твоимъ устамъ, твоимъ собственнымъ стихамъ; услышь самого себя, жесточайшій человѣкъ, глухой изъ глухихъ! Къ чему мнѣ твои „золотыя уста"—при желѣзномъ сердцѣ? Не стихами я отвѣчу на стихи, и не хватитъ у меня жалобныхъ словъ, чтобы оплакивать твои стихи, когда я вижу, какую душу, какой талантъ мнѣ не удается заманить и принести въ жертву нашему Господу. Ты ждешь, чтобъ я приказалъ тебѣ быть добрымъ, быть спокойнымъ душою, быть блаженнымъ; какъ будто для меня можетъ быть день счастливѣе того, когда мнѣ можно будетъ наслаждаться твоимъ талантомъ въ Господѣ; развѣ ты не знаешь, какъ я этого желаю, и развѣ ты этого не выражаешь въ собственныхъ стихахъ? Такъ вотъ мой приказъ—отдай мнѣ себя, отдай себя Господу, который всѣмъ намъ Господинъ, кто и тебѣ далъ твой талантъ!"

Убѣждая Лиценція забыть прежніе интересы и начать новый образъ жизни, Августинъ приглашаетъ его, согласно словамъ

Евангелія и Христа, взять на себя иго Христово и найти въ немъ душевный покой. Онъ совѣтуетъ ему отправиться въ Кампанью, къ Паулину, и убѣдиться, какимъ земнымъ величіемъ тотъ пренебрегъ ради ига Христова. „Чего ты волнуешься, чего ты колеблешься, зачѣмъ воображеніемъ поддаешься самымъ тлетворнымъ удовольствіямъ? Они обманчивы, они исчезаютъ, они влекутъ къ смерти“.

Письмо Августина къ Лиценцію, хотя и написанное позднѣе, можетъ служить свидѣтельствомъ того, какъ „иго Христово“, которое взялъ на себя Августинъ при своемъ крещеніи, становилось для него не только несовмѣстимымъ съ мірскими удовольствіями и интересами, но и съ тѣми занятіями языческой литературой и поэзіей, которыми онъ самъ прежде увлекался. Августинъ все болѣе и болѣе усвоивалъ себѣ настроеніе, которому далъ выраженіе евангелистъ въ словахъ: „Все, что̀ въ мірѣ — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — не есть отъ Отца, но отъ міра сего“. Приводя ихъ, Августинъ заявляетъ, что часто у тѣхъ, кто этому предпочитаетъ духовное, невидимое и вѣчное благо, вкрадывается расположеніе къ земнымъ наслажденіямъ. „О, еслибы всѣ, кто съумѣли бы это признать и оплакивать, удостоились побѣдить угрожающую имъ опасность или избѣгнуть ея!“

А по мѣрѣ того, какъ Августиномъ овладѣвало аскетическое воззрѣніе на міръ, подъ нимъ подламывалась „діалектическая лѣстница“, по которой онъ считалъ возможнымъ, вмѣстѣ съ платониками, подняться къ Богу. Если Августинъ, въ Кассіакумѣ и въ началѣ своего пребыванія въ Тагастѣ, считалъ возможнымъ совмѣстить въ себѣ „мудреца“ и христіанина, то къ концу этого пребыванія беретъ верхъ послѣдній. Этотъ разладъ между философомъ и христіаниномъ подчеркнутъ Августиномъ въ письмѣ къ викарію Африки, Македонію, который назвалъ его мудрецомъ. Въ своемъ отвѣтѣ Августинъ находитъ нужнымъ показать Македонію, въ чемъ заключается мудрость, не та, которую онъ ему приписываетъ, а каковою она *должна* быть. Этой мудрости Августинъ не находитъ у мудрыхъ міра сего. Философы много о ней разсуждали, но не обрѣли ея. Полагая, что мудрость обезпечиваетъ человѣку блаженную жизнь, они впали въ нелѣпѣйшее заблужденіе. Съ одной стороны, они были принуждены утверждать, что мудрецъ можетъ быть счастливъ въ самыхъ ужасныхъ мученіяхъ—въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ тиранна Фалариса,—съ другой стороны, они были принуждены сознаться, что иногда мудрецу надлежитъ избавляться отъ *блаженной* жизни;

ибо они учатъ, что въ крайнихъ бѣдствіяхъ слѣдуетъ кончать жизнь самоубійствомъ. Опровергая это ученіе философовъ, Августинъ беретъ исходной точкой разсужденіе Цицерона въ пятой книгѣ „Тускуланъ". Заявивъ, что мудрецъ и ослѣпнувъ можетъ еще быть счастливъ, благодаря тому, что̀ онъ услышитъ, или, оглохнувъ,—благодаря тому, что̀ увидитъ, Цицеронъ спрашиваетъ: а если онъ и ослѣпнетъ, и оглохнетъ, и къ тому еще присоединятся продолжительныя физическія страданія, то какъ ему быть?—и въ этомъ случаѣ предоставляетъ несчастному мудрецу спастись посредствомъ самоубійства въ пристань „нечувствительности". Августинъ возражаетъ на это, что основная ошибка философовъ, заставившая ихъ впасть въ такое противорѣчіе, обусловливается тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ благочестія, т.-е., что имъ невѣдомо поклоненіе истинному Богу. Они заблуждались именно потому, что сами себѣ желали смастерить блаженную жизнь, вмѣсто того, чтобы вымолить ее,—такъ какъ даровать ее можетъ лишь Богъ. Только тотъ можетъ сдѣлать человѣка блаженнымъ, кто сотворилъ его. Ибо Тотъ, Кто надѣляетъ такими великими благами и добрыхъ, и злыхъ изъ своихъ твореній для того, чтобы они могли существовать, быть людьми, обладать полнотою силъ, могучими о̀рганами тѣла и богатыми плодами земли, самъ даетъ Себя благимъ, чтобы они могли быть блаженными. Тѣ же, кто въ бѣдствіяхъ этой жизни, съ своимъ бреннымъ тѣломъ, подъ тяжестью грѣшной плоти, хотятъ быть сами виновниками и устроителями своей блаженной жизни, стремясь къ этому собственными силами и мня, что уже обрѣли ее, не черпая изъ источника всякой добродѣтели,—тѣ не въ состояніи познать Бога, отвергающаго ихъ гордыню.

Слѣдовательно, такъ можно формулировать заключеніе Августина: „Въ здѣшнемъ вѣкѣ мудрость заключается въ истинномъ поклоненіи истинному Богу; будущій же вѣкъ принесетъ вѣрные и полные плоды ея. Здѣсь—неизмѣнное благочестіе, тамъ—вѣчное счастье. Такова единственная истинная мудрость: если я обладаю частицей ея, то почерпнулъ ее у Бога, а не въ самомъ себѣ.—A Deo sumpsi, non a me praesumpsi".

Письмо Августина къ Македонію написано гораздо позднѣе; но проявляющійся въ этомъ письмѣ полный разладъ между философомъ и христіаниномъ совершился въ Августинѣ во время его пребыванія въ Тагастѣ. При скудости переписки Августина, сохранившейся отъ этого времени, мы не можемъ сказать, въ какой моментъ Августинъ отвернулся отъ той философіи, которая ему помогла сдѣлаться изъ манихеянина христіаниномъ, но

изъ его послѣдняго письма къ Небридію мы видимъ, что переломъ въ его воззрѣніяхъ уже произошелъ.

Въ недошедшемъ до насъ письмѣ Августинъ жаловался Небридію, что его „досугъ" постоянно нарушаютъ жители Тагасты, обращаясь къ нему со всевозможными дѣлами. Небридій встревожился; почему друзья и ученики Августина не охраняютъ его столь желаннаго для всѣхъ размышленія? Что̀ дѣлаютъ Романіанъ или Лициніанъ и прочіе? Отчего они не объяснятъ своимъ согражданамъ, чему посвященъ досугъ Августина? Небридій зоветъ его къ себѣ; онъ съумѣетъ доставить ему полный досугъ. Онъ будетъ взывать и разглашать, что любовь его обращена къ Богу, что Ему онъ хочетъ служить и къ Нему вознестись.

Небридій желалъ и для самого себя раздѣлять досугъ и размышленія Августина. Онъ упрекалъ его въ недостаточномъ желаніи все уладить для совмѣстной ихъ жизни. Августинъ оправдывается, указываетъ на разстояніе, на неудобные способы передвиженія, на то, что мать Небридія не пожелаетъ съ нимъ разстаться, особенно теперь, когда онъ больной. Что же касается до Августина, то онъ не можетъ совершенно оставить своихъ; а переѣзжать постоянно изъ Тагасте въ Карѳагенъ и обратно—это не значило бы жить вмѣстѣ и жить, какъ бы хотѣлось.

Затѣмъ Августинъ продолжаетъ: „Думать всю жизнь о путешествіяхъ, которыя невозможны безъ неудобствъ и хлопотъ,—не дѣло человѣка, размышляющаго о томъ послѣднемъ странствованіи, которое называется смертью. Онъ замѣчаетъ далѣе, что Господь, правда, даруетъ инымъ людямъ, которыхъ Онъ ставитъ правителями церкви, способность не только страстно желать смерти, но въ то же время и брать на себя безъ отягощенія труды, связанные съ заботою о церкви. Но такихъ людей немного. Что же касается остальныхъ, то ни тѣ, кого любовь къ земному почету побуждаетъ стремиться къ управленію церковью, ни частные люди, увлеченные дѣловою жизнью, не обладаютъ способностью среди треволненій жизни и шумныхъ сборищъ сближаться съ мыслью о смерти, чего онъ для себя такъ желаетъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ себя признать настолько неспособнымъ и безсильнымъ человѣкомъ, что если ему не будетъ предоставлена полная свобода отъ мірскихъ заботъ, то онъ не будетъ въ состояніи испытывать и любить это истинное благо. „Повѣрь мнѣ, нужно полное удаленіе отъ смуты суетныхъ дѣлъ, чтобы стать безмятежнымъ—не въ силу равнодушія или опрометчивости, не вслѣдствіе тщеславія или легковѣрнаго суевѣрія".

Многое, очевидно, измѣнилось въ душѣ Августина въ годы, отдѣлявшіе его отъ его пребыванія въ медіоланской виллѣ, когда онъ, ища соединенія съ Христомъ, наслаждался красотою Платоновскаго идеальнаго міра и не тяготился хозяйственными хлопотами по имѣнію! Теперь онъ считалъ всякую заботу о мірской суетѣ помѣхою для безмятежности духа, жизнь представлялась ему, какъ и многимъ христіанамъ того времени, лишь преградой, отдѣлявшей его отъ Христа, и его манило не погруженіе разума въ созерцаніе абсолютнаго бытія, а такое отреченіе отъ земного бытія, которое можно было назвать смертью при жизни. Античный мудрецъ въ жизни совершенно превратился въ христіанскаго отшельника, умершаго для жизни.

Что именно понятіе смерти выражало тогда для многихъ высшее проявленіе аскетическаго благочестія, послѣднюю ступень христіанскаго совершенства, мы видимъ изъ одного письма извѣстнаго Паулина къ Августину. Ровесникъ Августина, Паулинъ Ноланскій, принадлежалъ къ знатному сенаторскому роду, владѣвшему большими помѣстьями въ Галліи, Испаніи и Италіи. Благодаря своимъ связямъ, онъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ занялъ консульство. Онъ былъ поэтомъ, ученикомъ знаменитаго Авзонія, и занялъ, какъ писатель, видное мѣсто въ поэтической литературѣ ранняго христіанства. Но и его коснулась аскетическая волна вѣка. Въ девяностыхъ годахъ IV-го в., потерявъ сына-ребенка, онъ отказался отъ міра, роздалъ значительную часть своего состоянія на благотворительныя дѣла и поселился съ своей женой близь гроба св. Феликса Ноланскаго въ устроенномъ имъ странноприимномъ домѣ. Онъ былъ въ перепискѣ съ Августиномъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ прославляетъ „евангельскую смерть“, какъ осуществленіе совѣта, даннаго Христомъ, ищущимъ совершенства. Хотя письмо относится къ послѣдующему времени, мы приводимъ его здѣсь для характеристики того настроенія, къ которому пришелъ и Августинъ подъ-конецъ своего пребыванія въ Тагастѣ.

Августинъ обратился къ Паулину съ вопросомъ, какъ онъ представляетъ себѣ состояніе человѣка послѣ его воскресенія въ вѣчной жизни. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Паулинъ проситъ Августина быть его учителемъ и духовнымъ врачомъ въ *здѣшней* жизни, научить его исполнять волю Божію, идти по слѣдамъ Христа и умереть той евангельской смертью, которою мы добровольно предупреждаемъ разложеніе плоти—разставаясь не путемъ естественной смерти, а по собственному рѣшенію съ жизнью мірской, которая полна искушеній, или, какъ онъ однажды

выразился, „лишь одно сплошное искушеніе". Эта „евангельская смерть", какъ ее изображаетъ Паулинъ, въ такой же степени уничтожаетъ и стираетъ для насъ этотъ міръ, какъ физическая смерть; достигается же это любовью къ Христу, обратившись къ которому, мы отвращаемся отъ міра, и живя въ Немъ, умираемъ для этого міра. Мы не должны считать жизнью зрѣлище этого міра, „такъ какъ наша жизнь—въ смерти Христа, и мы не удостоимся славы его воскресенія, если не станемъ подражать его смерти на крестѣ умерщвленіемъ нашей плоти и чувствъ нашего тѣла". Желая слѣдовать примѣру своего учителя, Паулинъ признаетъ, что Августинъ уже достигъ этой смерти, ибо умеръ для этого міра, чтобы жить въ Богѣ, и что въ немъ живетъ Христосъ, „ибо сердце твое равнодушно къ земному и уста твои не восхваляютъ людскихъ дѣлъ; но словомъ Христовымъ изобилуетъ грудь твоя и духъ правды исходитъ съ языка твоего, прославляя царство Божіе".

Въ отвѣтѣ своемъ Августинъ соглашается съ Паулиномъ: „Ты совершенно правъ, говоря, что надобно сначала умереть евангельскою смертью и предупредить ею разложеніе нашей плоти, покидая земную жизнь, не физическою смертью, а добровольнымъ уходомъ изъ нея, съ полнымъ сознаніемъ".

Итакъ, вотъ о какой смерти говорилъ Августинъ въ своемъ письмѣ къ Небридію изъ Тагасты, вотъ къ какому идеалу привело его уединенное размышленіе съ близкими людьми въ скромномъ отцовскомъ наслѣдіи.

Это настроеніе, вполнѣ назрѣвшее, выразилось въ подвигѣ, который имѣлъ своимъ послѣдствіемъ новый переломъ въ жизни Августина.

Характерной чертой жизни Августина—а онъ является въ этомъ отношеніи типомъ для своего времени — служитъ тѣсная взаимная связь между ростомъ его христіанскихъ убѣжденій, усвоеніемъ имъ христіанскихъ догмъ, и развитіемъ въ немъ склонности къ аскетическому принципу и міровоззрѣнію.

Его разрывъ съ языческимъ міромъ совершился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое на него произвелъ разсказъ о жизни св. Антонія и египетскихъ отшельниковъ. Августинъ покидаетъ тогда свою каѳедру и удаляется въ загородное общежитіе съ друзьями, чтобы изучать философію и Св. Писаніе. Принявъ крещеніе, онъ возвращается на родину и устроиваетъ въ отцовской усадьбѣ, на краю города Тагасте, новое общежитіе. Здѣсь философскіе интересы все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто религіознымъ; окружающіе его ученики и друзья, Алипій, Эводій,

того же настроенія—все это будущіе епископы. Мудрецъ-философъ, искавшій высшаго блага, становится отшельникомъ въ мірѣ, ищущимъ спасенія и желающимъ духовной смерти при жизни, чтобы обрѣсти вѣчную жизнь. Но обстановка мѣшаетъ осуществленію этого идеала; сосѣди и сограждане не даютъ покоя Августину, приходя за совѣтами и втягивая его въ свои земные интересы и заботы. И все сильнѣе и сильнѣе овладѣваетъ Августиномъ завѣтъ Христа, ему давно извѣстный, дорогой совѣтъ, данный юношѣ на вопросъ: „Чего недостаетъ ему, чтобы имѣть жизнь вѣчную“: „Если хочешь быть совершеннымъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ... и приходи и слѣдуй за мною“.

И Августинъ исполнилъ завѣтъ, который и послѣ него побудилъ тысячи людей на подвижничество и отшельничество: онъ продалъ принадлежащую ему часть отцовскаго наслѣдія и отдалъ вырученныя деньги церкви въ Тагастѣ на бѣдныхъ, а самъ нищимъ отправился на апостольское призваніе въ Гиппонъ. Ученикъ и біографъ Августина, Поссидій, объясняетъ намъ—почему. Тамъ, въ Гиппонѣ, проживалъ вліятельный человѣкъ, императорскій коммиссаръ, который, прослышавъ про ученость Августина, звалъ его къ себѣ, обѣщая „пренебречь всѣми страстями и приманками сего міра“, если услышитъ изъ его устъ слово Божіе. „И желая освободить духъ свой отъ опасностей сего міра и вѣчной смерти“, Августинъ пошелъ на зовъ. Тамъ, въ Гиппонѣ, его ждала новая жизнь—ему удалось устроить монастырь и поселиться въ немъ.

IV.

Относя отреченіе Августина отъ отцовскаго наслѣдія къ концу его пребыванія въ Тагастѣ, мы отступаемъ отъ традиціи, потому что должны оправдать это мнѣніе. Традиціонная исторіографія утверждаетъ, что Августинъ продалъ отцовскую усадьбу тотчасъ по возвращеніи въ Тагасте и, слѣдовательно, уже тамъ велъ монашескій образъ жизни. Такъ, объемистое жизнеописаніе Августина, составленное на латинскомъ языкѣ бенедиктинскими монахами, сообщаетъ, что, по возвращеніи въ Тагасте, Августинъ продалъ свое имѣніе и затѣмъ, устроивъ въ бывшей своей усадьбѣ общежитіе, съ нѣкоторыми друзьями и учениками, провелъ тамъ три года, освободившись отъ всякихъ мірскихъ заботъ въ жизни, посвященной Богу, по обычаю египетскихъ и другихъ монаховъ. Но если мы освѣдомимся, откуда почерпнуто это извѣстіе, то узнаемъ, что оно основано на по-

казаніи „древнихъ рукописей“ перваго біографа Августина, его ученика, епископа Поссидія. Между тѣмъ, мы видимъ изъ новаго изданія этой біографіи, что относящееся сюда мѣсто въ рукописяхъ читается весьма различно. Не входя въ подробный разборъ разночтеній, мы удовольствуемся указаніемъ, что въ новомъ изданіи біографіи Поссидія слово *отрѣшившись* (alienatis) относится не къ отцовскому наслѣдію Августина, а къ „земнымъ заботамъ“, и слѣдовательно нѣтъ рѣчи о продажѣ имущества. Но при извѣстной наклонности всѣхъ житій относить начало подвижничества какъ можно раньше, для большей славы подвижника, становится понятнымъ, почему въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова „отъ *мірскихъ заботъ*“ были опущены, и слово *отрѣшеніе* было отнесено къ „дому и землямъ“ Августина. Итакъ, источники не заставляютъ насъ относить продажу Августиномъ отцовскаго наслѣдія и начало монашеской жизни къ самому возвращенію его въ Тагасте. Но еще важнѣе, что, допуская предположеніе о немедленномъ отчужденіи Августиномъ его родового помѣстья, мы создаемъ себѣ ненужныя затрудненія; ибо неоспоримо, что Августинъ прожилъ въ Тагастѣ три года въ отцовскомъ имѣніи. Если же онъ его продалъ и вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ, то надо объяснить, почему онъ остается жить въ своемъ бывшемъ домѣ и *чѣмъ* онъ жилъ. Желаніе объяснить это вызвало у критическихъ историковъ Августина цѣлый рядъ предположеній, которыя или ничего не объясняютъ, или несогласны съ показаніями самого Августина. Такъ, Бёрингеръ разсказываетъ, что Августинъ продалъ отцовское наслѣдіе и отдалъ деньги бѣднымъ. „Впрочемъ, онъ оставилъ за собою, *какъ кажется*, право пребыванія въ имѣніи и пользованія имъ“ [1]).

Но если бы это было такъ, то Августинъ не исполнилъ бы завѣта Христова, а лишь обошелъ бы его, что̀ совсѣмъ несогласно съ его нравственнымъ характеромъ; ибо продажа на такихъ условіяхъ была бы фиктивной.

Рейтеръ поступилъ болѣе критически, но вмѣстѣ съ тѣмъ впалъ въ излишнюю критику, представляя,—въ противорѣчіе съ самимъ Августиномъ, дѣло такъ, какъ будто „Августинъ не безусловно, не буквально послѣдовалъ словамъ Евангелія“. По мнѣнію Рейтера, Августинъ продалъ не все свое имѣніе, но оставилъ за собою садъ и домъ въ Тагастѣ; точно также онъ отдалъ не всѣ вырученныя деньги бѣднымъ“, но часть пере-

---

1) Böhringer, Die Kirche Christi, I B., 3 Abth., стр. 149.

далъ церкви своего родного города, другую же часть оставилъ за собою; иначе,—замѣчаетъ Рейтеръ,—было бы непонятно сообщаемое его біографомъ и другими извѣстіе о его общежитіи съ друзьями послѣ выхода изъ „міра“. Слова Августина, что онъ „*ни съ чѣмъ* пришелъ изъ Тагасте въ Гиппонъ“ и что онъ, „продавши свою небольшую собственность, роздалъ деньги бѣднымъ“, Рейтеръ считаетъ *гиперболой*.

Мы удивляемся такому мнѣнію въ виду яснаго и, можно сказать, торжественнаго заявленія самого Августина. Въ знаменитомъ посланіи къ Гиларію, написанномъ противъ ученія Пелагія и прочитанномъ на іерусалимскомъ и другихъ соборахъ, Августинъ, говоря объ аскетическомъ „совершенствѣ“, замѣчаетъ: „Я, пишущій эти строки, пламенно любилъ совершенство, о которомъ Господь говорилъ богатому юношѣ, и не собственными силами, а съ помощью его благодати такъ и поступилъ. И то, что я не былъ богатъ, не помѣшаетъ тому, что оно мнѣ причтется, ибо и сами апостолы, которые раньше такъ поступали, богатыми не были. Ибо *весь* міръ оставляетъ тотъ, кто покидаетъ то, что у него есть, и то, чего *желаетъ* получить. Насколько я преуспѣлъ на этомъ пути къ совершенству, извѣстно мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, Господу же болѣе, чѣмъ мнѣ самому“.

Болѣе подробно разсказываетъ объ этомъ Августинъ въ письмѣ къ Альбинѣ по дѣлу ея сына, Пиніана. Это былъ очень богатый молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ Гиппонъ посѣтить Августина. Пиніанъ и его мать Альбина были извѣстны своими щедрыми пожертвованіями въ пользу церквей. Узнавъ о его прибытіи, народъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ принялъ священство въ Гиппонѣ, и не отставалъ отъ него, пока онъ не поклялся, что не уѣдетъ изъ Гиппона, а если вздумаетъ сдѣлаться клерикомъ, то только въ Гиппонѣ. Пиніанъ и его мать были очень недовольны этимъ насиліемъ надъ нимъ, и въ своемъ письмѣ къ Альбинѣ Августинъ старается оправдать своихъ согражданъ тѣмъ, что они поступили такъ не изъ любостяжанія. Ибо какая польза была бы народу отъ принятія священства Пиніаномъ? Какъ въ Тагастѣ народу ничего не досталось отъ пожертвованія, которое Альбина и Пиніанъ сдѣлали церкви этого города, такъ было бы и въ Гиппонѣ съ пожертвованіемъ въ пользу гиппонской или другихъ церквей. Народъ руководился не денежнымъ интересомъ. Онъ излюбовалъ Пиніана не за его богатство, а за его презрѣніе къ богатству. И по этому случаю Августинъ ссылается на собственный примѣръ. Жители Гиппона излюбовали его самого, прослышавъ, какъ онъ презрѣлъ отцовское имѣньице

(paucis agellulis), и посвятилъ себя свободному служенію Богу; и они точно такъ же воспользовались прибытіемъ его въ ихъ городъ, чтобы заставить его принять у нихъ священство.

„Но насколько же больше, — восклицаетъ Августинъ, — гиппонцы должны были полюбить Пиніана, побѣдившаго въ себѣ привязанность къ такимъ несмѣтнымъ, огромнымъ богатствамъ, къ такимъ надеждамъ, такимъ соблазнамъ, которые ему представлялъ *этотъ* міръ. Вѣдь, если держаться мнѣнія многихъ, которые судятъ о другихъ по самимъ себѣ, онъ, Августинъ, ставъ клерикомъ, не отрекся отъ богатства; ибо его отцовское наслѣдіе составляетъ едва двадцатую часть имѣній церкви, которыми онъ теперь можетъ распоряжаться, какъ полный господинъ. Пиніанъ же, еслибы сталъ не только клерикомъ, но и епископомъ любой африканской церкви, былъ бы бѣднякомъ въ сравненіи съ прежними своими богатствами. Наконецъ, Августинъ еще разъ коснулся этого вопроса въ проповѣди, которую онъ говорилъ въ Гиппонѣ народу, будучи уже старикомъ. Поводомъ къ ней были дошедшіе до него слухи, что народъ завидуетъ богатствамъ гиппонской церкви. Въ виду этого Августинъ подробно объясняетъ свое отношеніе къ церковнымъ имуществамъ. Въ этой-то проповѣди онъ разсказываетъ, какъ онъ пришелъ въ Гиппонъ юношей для того, чтобы устроить тамъ общежитіе съ своими „братьями". „Я не принесъ съ собой, — таковы были его слова, — когда пришелъ въ этой церкви, ничего, кромѣ платья, которое тогда было на мнѣ".

Эти слова были сказаны Августиномъ публично въ церкви, гдѣ могли быть очевидцы его прибытія въ Гиппонъ. Въ виду такихъ категорическихъ заявленій со стороны Августина, мы не имѣемъ никакого основанія для догадокъ, что онъ не исполнилъ или только наполовину исполнилъ евангельскій завѣтъ, которому онъ придаетъ такое значеніе.

А если это такъ, то гораздо естественнѣе предположить, что исполненіе этого завѣта было заключительнымъ актомъ его трехлѣтняго пребыванія въ Тагастѣ, а не первоначальнымъ. Въ этомъ случаѣ намъ вовсе не нужно прибѣгать къ неправдоподобнымъ догадкамъ, что онъ обошелъ евангельскій текстъ, пересталъ быть собственникомъ, но остался „узуфруктаріемъ" или льготнымъ арендаторомъ своего прежняго имѣнія. Все объясняется просто. Живя въ Тагастѣ, въ своемъ родовомъ имѣньицѣ, Августинъ могъ уже раньше питать желаніе отказаться отъ своей собственности. Но чѣмъ жила бы тогда его маленькая община? И вотъ онъ получаетъ отъ одного изъ друзей, богатаго человѣка въ Гип-

понѣ, приглашеніе прибыть туда и обѣщаніе „пренебречь всѣми страстями и приманками земного міра“. Тогда Августинъ приводитъ въ исполненіе свою мысль, разстается съ своею собственностью и является „нищимъ“ въ Гиппонъ.

Отказываться отъ высказаннаго нами предположенія на томъ основаніи, что настроеніе Августина уже въ Тагастѣ было несовмѣстимо съ обладаніемъ личной собственностью—не приходится въ виду яснаго свидѣтельства самого Августина. Вотъ что̀ онъ писалъ въ самомъ концѣ своего пребыванія въ Тагастѣ своему другу, богатому Романіану: „благочестивое и полное милосердія обладаніе земными благами, если оно сопровождается миромъ и душевнымъ спокойствіемъ, можетъ сдѣлать насъ достойными вѣчныхъ благъ, если, владѣя нашимъ имуществомъ, мы не въ зависимости отъ него, если, умножая его, мы имъ не отягощаемъ нашу душу“.

Слова же біографа Поссидія о житьѣ Августина въ Гиппонѣ по образу апостоловъ, у которыхъ „все было общее и каждому давалось на его потребности“, съ прибавкою, что Августинъ „и раньше такъ жилъ послѣ того, какъ вернулся изъ-за моря“, также не вынуждаютъ насъ признавать, что продажа Августиновской усадьбы состоялась тотчасъ по возвращеніи въ Тагасте, ибо можно допустить, что Августинъ, сохранивъ за собою усадьбу и прилегающую къ ней землю, содержалъ доходомъ съ нея свою маленькую общину.

V.

Проводивъ Августина до монастырскаго порога, мы должны поставить вопросъ, какое же это было монашество, которому онъ себя посвятилъ?—Другими словами, каковъ былъ монашескій идеалъ Августина?

Было время въ его жизни, когда его идеаломъ было египетское отшельничество. По крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ его сочиненій безусловное прославленіе этого вида монашества. Относящаяся сюда страница была написана Августиномъ вскорѣ послѣ того, какъ его поразилъ и глубоко тронулъ разсказъ о подвижничествѣ св. Антонія и безчисленныхъ обитателей египетской пустыни.

Въ 388 году, въ Римѣ, на возвратномъ пути изъ Медіолана въ Африку, Августинъ, встрѣтившись съ своими прежними единомышленниками, манихеянами, принялся отстаивать вновь обрѣтенную имъ истину противъ ея враговъ и противопоставилъ въ

двухъ книгахъ „обычаи каѳолической церкви" — „обычаямъ манихеянъ". Прославляя церковь и указывая на плоды ея ученія, Августинъ обращается къ ней съ слѣдующей краснорѣчивой апострофой: „Поэтому по заслугамъ у тебя такъ много гостепріимныхъ и услужливыхъ, такъ много милосердыхъ, такъ много ученыхъ, такъ много цѣломудренныхъ сыновъ! такъ много пламенѣющихъ любовью къ Богу, что ихъ услаждаетъ даже пустыня съ жизнью полнѣйшаго воздержанія и съ изумительнымъ презрѣніемъ къ сему міру!" Въ этой любопытной градаціи христіанскаго совершенства, какъ видно, отшельники-пустынники занимаютъ высшую ступень.

Затѣмъ, обращаясь къ манихеянамъ, онъ требуетъ, чтобы они вняли этимъ его словамъ и не дерзали безстыдно похваляться передъ несвѣдущими людьми своими подвигами воздержанія. „То, что̀ я говорю,—восклицаетъ Августинъ,—вамъ хорошо вѣдомо, но вы притворяетесь, будто этого не знаете. Ибо кому же неизвѣстно, что среди христіанъ великое множество людей высокаго воздержанія, и что это число съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возростаетъ въ мірѣ,—въ особенности на Востокѣ и въ Египтѣ,—все это не могло укрыться отъ васъ!"

„Ничего не скажу я о тѣхъ, — продолжаетъ Августинъ,— кто, отдѣлившись совершенно отъ всякаго общенія съ людьми и довольствуясь однимъ хлѣбомъ, который доставляется имъ черезъ извѣстные промежутки, и водою, проживаютъ въ пустыннѣйшихъ мѣстахъ, наслаждаясь бесѣдою съ Господомъ, съ Которымъ они слились [1]) чистыми помыслами, блаженные созерцаніемъ Его красоты, которая можетъ быть постигнута только разумомъ святыхъ. Я ничего о нихъ не скажу: ибо нѣкоторые о нихъ такого мнѣнія, что они отдалились отъ человѣческихъ дѣлъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало; но эти порицатели не разумѣютъ, какую пользу намъ доставляетъ высокій подъемъ духа этихъ отшельниковъ въ нашихъ молитвахъ, а ихъ житье—какъ образецъ для нашей жизни, хотя мы и лишены возможности видѣть ихъ лично. Но споръ объ этомъ я считаю и долгимъ, и излишнимъ. Ибо если кто самъ не видитъ, какъ слѣдуетъ восхвалять и цѣнить столь высокую святость, то какъ могутъ его научить тому мои слова?"

Эта похвала отшельничества безусловна, и намъ непонятно, почему Рейтеръ видитъ въ этомъ мѣстѣ осужденіе „крайнихъ аскетовъ" со стороны Августина: „они намъ невидимы, — за-

---

[1]) Inhaeserunt. Inhaerendum Deo—техническій терминъ у Августина для обозначенія высшей степени „контемплаціи"—какъ бы лицезрѣнія въ помыслахъ Господа.

мѣчаетъ Рейтеръ,—и потому не могутъ служить намъ образцами въ жизни"... Августинъ, наоборотъ, осуждаетъ тѣхъ,—и совершенно въ этомъ правъ,—кто думаетъ, что люди, которыхъ мы физически (quorum corpora) не можемъ видѣть, не въ состояніи служить намъ образцомъ въ жизни.

Мысль Августина совершенно ясна изъ послѣдующаго: „Но если это превышаетъ наши силы, то кто откажется почитать и прославлять *тѣхъ*, кто, пренебрегая приманками сего міра и, покинувъ ихъ, собираются для общей цѣломудренной и святой жизни и вмѣстѣ проводятъ вѣкъ въ молитвахъ, чтеніяхъ и преніяхъ, не воздымаясь горделиво, не препираясь строптиво, не блѣднѣя отъ зависти; но скромно, почтительно и миролюбиво ведутъ жизнь во всемъ согласную и устремленную къ Богу. Никто изъ нихъ не имѣетъ чего-либо собственнаго, никто никому не въ тягость. Трудомъ рукъ своихъ они добываютъ то, что̀ служитъ для пропитанія ихъ тѣла и не можетъ отвлечь ихъ мысли отъ Господа. Работу свою они передаютъ тѣмъ, кого называютъ деканами, потому что они поставлены надъ десятью изъ нихъ для того, чтобы никого изъ нихъ не коснулась забота о пищѣ или объ одеждѣ, или о чемъ-либо иномъ, необходимомъ въ ежедневной жизни или въ болѣзни". Эти деканы отдаютъ во всемъ отчетъ тому, кого называютъ *отцомъ*. Сходятся они всѣ изъ своихъ помѣщеній вечеромъ, еще на-тощахъ, чтобы выслушать своего отца, и собираются около этихъ отцовъ не менѣе какъ до трехъ тысячъ людей, а иногда подъ однимъ отцомъ бываетъ и гораздо больше. Выслушиваютъ они отца въ глубокомъ молчаніи, съ напряженнымъ вниманіемъ, выражая свое настроеніе, смотря по содержанію рѣчи говорящаго, вздохами или плачемъ, или же скромною, безшумною радостью.

„Затѣмъ они приступаютъ къ подкрѣпленію тѣла, насколько это нужно для здоровья и спасенія. Поэтому они не только воздерживаются отъ мяса и вина ради укрощенія страстей, но и отъ такой пищи, которая тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ аппетитъ, чѣмъ чище она нѣкоторымъ представляется; но смѣшно и позорно защищать подъ такимъ предлогомъ постыдное желаніе отборныхъ яствъ, хотя бы и не мясныхъ".

Это восторженное изображеніе быта египетскихъ общежитій свидѣтельствуетъ о полномъ сочувствіи къ нимъ Августина. Хотя это изображеніе составлено по наслышкѣ и помѣщено въ апологетическомъ сочиненіи, но оно не свидѣтельствуетъ противъ искренности автора. Тѣмъ не менѣе, египетское общежитіе не было или не оставалось идеаломъ самого

Августина. Онъ, правда, признается въ своей „исповѣди", что „замышлялъ бѣжать въ уединеніе". Но это была натура слишкомъ общительная, слишкомъ *активная*, чтобы замкнуться въ себѣ; для него, особенно тогда, было слишкомъ много вопросовъ философскихъ и религіозныхъ, требовавшихъ обсужденія и разрѣшенія въ бесѣдахъ съ близкими людьми. Поэтому не уединеніе манило его, а *общежитіе* съ единомышленниками вдали отъ суеты мірской. И онъ устроилъ себѣ такое общежитіе. Какъ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей—онъ „отдѣлился отъ тѣхъ, кто любитъ міръ", онъ покинулъ всѣ мірскія надежды. Но общежитіе въ родномъ Тагастѣ не представляло полнаго разрыва съ міромъ. Тутъ были его родственники; по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, тутъ жила съ нимъ въ общежитіи и его сестра, вдова [1]); тутъ были его сограждане, обращавшіеся къ нему съ своими дѣлами; отцовская усадьба, въ которой онъ жилъ, также связывала его съ ними и съ мѣстными интересами.

Наконецъ онъ порвалъ и эти связи и ушелъ въ чуждый ему Гиппонъ. Тамъ его воображенію рисовалось другое общежитіе, совершенно оторванное отъ міра. Но его предположенія не сбылись. Епископъ Гиппона, Валерій, грекъ по происхожденію и уже пожилой человѣкъ, тяготился своей обязанностью говорить проповѣди. Пріѣздъ Августина въ Гиппонъ подалъ ему мысль привлечь на службу церкви бывшаго профессора риторики въ Кареагенѣ и Медіоланѣ, благочестіе и ученость котораго были уже извѣстны въ Африкѣ. Узнавъ о желаніи своего епископа и увидѣвъ Августина въ церкви, народъ сталъ, по тогдашнему обычаю, кланяться ему и просить принять на себя священство. Можно повѣрить Августину, что эта просьба была для него неожиданна и взволновала его до слезъ. Отказаться ли ему отъ того, чего онъ достигъ съ такимъ большимъ трудомъ и внутренней борьбой—отъ безмятежнаго состоянія духа, всецѣло направленнаго къ созерцанію высшаго блага съ совершеннымъ забвеніемъ всего земного? Онъ еще такъ недавно сознавалъ и заявлялъ о томъ, что неспособенъ соединять помышленіе о вѣчномъ благѣ и всегдашнюю готовность принять смерть—съ мірскими заботами, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ избранникамъ, которымъ Господь даетъ силу завѣдывать интересами церкви и, однако, въ самой жизни обрѣсти смерть. Августинъ, наконецъ, согласился принять священство — сдѣ-

[1]) Bougaud. Hist. de Sainte Monique, p. 87.

латься пресвитеромъ. Но возвращаясь, такъ сказать, въ міръ, чтобы *въ міръ* служить Богу, онъ сдѣлалъ попытку и тамъ жить внѣ міра, съ душою свободной отъ связей съ міромъ. Образецъ такой жизни онъ видѣлъ передъ собою въ житьѣ апостоловъ въ Іерусалимѣ, когда они еще не разсѣялись по міру, чтобы проповѣдовать Евангеліе.

Узнавъ о намѣреніяхъ Августина, епископъ Валерій предоставилъ въ его распоряженіе садъ, въ которомъ и возникъ „монастырь".

„И сталъ я собирать, — говоритъ Августинъ, — братьевъ добраго помысла (proposiᴛi), равныхъ мнѣ, т.-е. ничего не имѣвшихъ и, подобно мнѣ, отказавшихся отъ того, что имѣли, съ тѣмъ, чтобы намъ жить сообща и чтобы общимъ нашимъ владѣніемъ было обширнѣйшее и богатѣйшее достояніе — самъ Господь".

Объ этомъ монастырѣ и о житьѣ въ немъ Августина у насъ нѣтъ свѣдѣній. Но оно продолжалось недолго. Въ 395 г. умеръ епископъ Валерій, и Августинъ, уже раньше этого, при жизни Валерія, провозглашенный соепископомъ съ разрѣшенія кареагенскаго митрополита, занялъ мѣсто Валерія. Сдѣлавшись епископомъ, Августинъ признавалъ неудобнымъ для себя оставаться въ монастырѣ, такъ какъ онъ, какъ епископъ, былъ обязанъ не только принимать у себя всѣхъ приходившихъ къ нему, не исключая и женщинъ, но и оказывать гостепріимство пріѣзжавшимъ и проѣзжавшимъ черезъ Гиппонъ. Вслѣдствіе этого Августинъ переѣхалъ въ епископскій домъ, но онъ и тамъ захотѣлъ жить по образцу апостоловъ, и это желаніе стало причиной весьма знаменательнаго историческаго факта. Августинъ устроилъ въ епископскомъ домѣ въ Гиппонѣ монастырское общежитіе для духовенства своего города, и сила его авторитета была такъ велика, что многочисленное духовенство этого города вошло въ составъ этой общины. Эта Августиновская община для духовенства сдѣлалась прототипомъ для возникшихъ въ X-мъ вѣкѣ каноникатовъ, т.-е. общежитій священства при соборныхъ церквахъ. Но еще важнѣе этотъ фактъ по заключающейся въ немъ идеѣ. Это первый проблескъ принципа отвлеченія католическаго духовенства отъ міра и подчиненія его аскетическому, монашескому идеалу, принципа, имѣвшаго такое громадное примѣненіе въ средніе вѣка и сдѣлавшагося подспорьемъ теоретическаго идеала и торжества папства. Устроивая свое скромное общежитіе для духовенства въ Гиппонѣ, Августинъ, конечно, не предусматривалъ всѣхъ заключенныхъ въ этомъ зародышѣ эволюцій. Это

было съ его стороны вожделѣніе этической реформы, а не преобразованіе церковной власти и организаціи.

Объ этомъ монастырскомъ общежитіи для церковно-служителей мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія, благодаря тому, что Августинъ изображаетъ его намъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. Въ этомъ общежитіи были духовныя лица всѣхъ степеней: кромѣ самого епископа—въ немъ участвовали пресвитеры, діаконы, поддіаконы. Основнымъ закономъ ихъ жизни было запрещеніе кому-либо изъ членовъ общежитія „имѣть что-нибудь въ личную собственность"; все, что̀ они приносили съ собою или получали, должно было сдѣлаться достояніемъ общины. Но это было легче формулировать, чѣмъ осуществить и поддерживать. На практикѣ приходилось дѣлать уступки, претерпѣвать отступленія. Бывали случаи, что поступавшій еще не былъ выдѣленъ изъ семьи, или владѣлъ отцовской землей совмѣстно съ братьями, или у него была жива мать, положеніе и волю которой надо было принять во вниманіе. Въ проповѣди, гдѣ Августинъ даетъ отчетъ народу о своемъ общежитіи и оправдываетъ членовъ его противъ дошедшихъ до него подозрѣній и нареканій, онъ подробно выясняетъ нѣкоторые подобные случаи и причины, побудившія его не настаивать до поры до времени на буквальномъ исполненіи общаго правила.

Но бывали случаи болѣе затруднительные и болѣе способные повредить доброй славѣ общины. Въ ней былъ, напр., пресвитеръ Януарій, которому при поступленіи было разрѣшено удержать извѣстную сумму денегъ, такъ какъ, по его словамъ, она принадлежала его малолѣтней дочери, воспитывавшейся въ женскомъ монастырѣ. Но передъ смертью Януарій распорядился деньгами, какъ своею собственностью, и отказалъ ее церкви, хотя у него оставался сынъ. Августинъ запретилъ церкви принять пожертвованіе и приказалъ сохранять его для дѣтей до ихъ совершеннолѣтія.

Изъ этого вышелъ процессъ между сестрой и братомъ; сестра говорила, что деньги—ея, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что отецъ это говорилъ при жизни: братъ утверждалъ, что отецъ не сталъ бы лгать въ минуту смерти,—слѣдовательно, деньги принадлежали отцу и, вслѣдствіе того, что церковь отъ нихъ отказалась, должны перейти къ нему. Процессъ еще не былъ разрѣшенъ.

Многіе не одобряли поступка Августина и жаловались, что поэтому никто и не жертвуетъ гиппонской церкви, никто не дѣлаетъ ее по завѣщанію наслѣдницей, что епископъ по добротѣ

своей—„этимъ меня хотятъ уязвить“, замѣчаетъ Августинъ,—все отдаетъ, ничего не принимаетъ. Августинъ на это отвѣчаетъ, что онъ поступилъ такъ, во-первыхъ, потому, что осуждалъ завѣщаніе Януарія, во-вторыхъ, потому, что у него такъ положено. „Я охотно принимаю хорошія, святыя пожертвованія. Но если кто въ гнѣвѣ на своего сына при смерти лишаетъ его наслѣдства, то еслибы онъ остался живъ, развѣ я не сталъ бы его мирить съ сыномъ? Какъ же я могу добиваться наслѣдства этого сына? Пусть поступаютъ такъ: если у кого одинъ сынъ, то пусть онъ Христа признаетъ въ своемъ завѣщаніи вторымъ сыномъ; если у кого десять сыновей, пусть признаетъ Христа одиннадцатымъ“.

Случай съ Януаріемъ долженъ былъ навести на мысль, что и другіе члены общины, можетъ быть, обходятъ законъ и обладаютъ частною собственностью. „Никому это не дозволено,—восклицаетъ Августинъ, — если кто обладаетъ, то дѣлаетъ незаконное. Но я добраго мнѣнія о своихъ братьяхъ и, довѣряя имъ, всегда воздерживался отъ справокъ, ибо даже спрашивать ихъ я считалъ выраженіемъ недовѣрія къ нимъ. Я зналъ и знаю, что всѣмъ живущимъ со мною извѣстно наше рѣшеніе, извѣстенъ законъ нашей жизни“.

Но отсюда возникали другія затрудненія и другіе вопросы: обязателенъ ли такой законъ для всѣхъ церковнослужителей Гиппона, и если кто изъ нихъ вступилъ въ общежитіе, то обязанъ ли навсегда сохранять добровольно возложенный на себя законъ?

Сначала Августинъ безусловно держался утвердительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Онъ объявилъ, что никого не посвятитъ въ церковнослужители, кто не захочетъ жить съ нимъ въ его общежитіи, а если кто затѣмъ откажется отъ своего рѣшенія, то лишитъ его духовнаго званія—клериката. Но случай съ Януаріемъ, повидимому, побудилъ его отказаться отъ этого способа дѣйствія и объявить публично въ церкви, что если кто-либо изъ его церковнослужителей желаетъ имѣть частную собственность, не довольствуясь Господомъ и церковью, то пусть живетъ гдѣ хочетъ,—онъ не лишитъ ихъ духовнаго званія. Не лишитъ потому, что не желаетъ имѣть лицемѣровъ. Конечно, очень дурное дѣло отказаться отъ обѣта, отпасть отъ святой общины; но еще хуже лицемѣрить. А еслибы онъ такого отказавшагося лишилъ званія, то онъ нашелъ бы немало покровителей, которые стали бы и передъ нимъ, и передъ другими епископами ходатайствовать за него; они говорили бы въ его

защиту: чтò же онъ дурного сдѣлалъ? онъ не могъ вынести такой жизни. Конечно, такой человѣкъ уже потерялъ половину своего достоинства; взявъ на себя два обѣщанія—святость жизни и клерикатъ, и отказавшись отъ первой, онъ наполовину палъ. Но Господь ему судья. Утративъ клерикатъ, онъ совсѣмъ бы палъ, или бы остался, но сталъ бы лицемѣромъ. Но, давъ выходъ тѣмъ клерикамъ, которымъ было непосильно жить безъ собственности, Августинъ счелъ себя вправѣ отнестись строже къ тѣмъ, кто захотѣлъ бы, оставаясь членомъ общины, не соблюдать ея закона. Такимъ онъ грозитъ безпощаднымъ лишеніемъ духовнаго званія; такимъ онъ не дозволитъ дѣлать завѣщанія, но вычеркнетъ ихъ изъ списка клериковъ. Пусть они взываютъ противъ него къ тысячѣ соборовъ, пусть поѣдутъ за море жаловаться на него, куда хотятъ; „Богъ мнѣ поможетъ: тамъ, гдѣ я буду епископомъ, имъ не придется быть клериками".

Такова одна сторона общежитія Августина: отсутствіе частной собственности, обращеніе ея въ общую. Другая сторона касалась распредѣленія этой собственности или доходовъ съ нея между ея членами. Въ этомъ вопросѣ Августинъ руководился принципомъ, установленнымъ апостольскимъ житіемъ: каждому давалось по потребностямъ его. Какъ это осуществлялось на практикѣ, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Нужно думать, что опредѣленіе размѣра потребностей каждаго было предоставлено епископу.

Съ такой точки зрѣнія Августинъ относится и къ приношеніямъ прихожанъ. Онъ проситъ ихъ дѣлать подарки не отдѣльнымъ лицамъ, а общинѣ. Изъ такихъ общихъ приношеній каждому будетъ дано, чтò ему нужно. Онъ и самъ не хочетъ быть исключеніемъ, и проситъ не посылать ему, напримѣръ, дорогой рясы [1]). Еслибы она и была къ лицу епископу, то не будетъ къ лицу Августину, человѣку бѣдному и бѣднаго происхожденія. Если хотятъ прислать ему рясу, то пусть пришлютъ такую, какую онъ могъ бы дать брату, еслибы тотъ нуждался въ ней, такую, какую бы могъ носить пресвитеръ, діаконъ или поддіаконъ: „ибо если я что-либо принимаю, то принимаю какъ общее приношеніе". Если ему пришлютъ рясу болѣе дорогую, то онъ ее продастъ и деньги отдастъ бѣднымъ. Если хотятъ, чтобы онъ самъ ее носилъ, то пусть пришлютъ такую, которую онъ могъ бы надѣть, не краснѣя за свое званіе, за свою сѣдину. Въ концѣ онъ прибавляетъ, что если въ общинѣ будутъ больные или выздоравли-

---

[1]) Byrrhum—подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть верхнюю шерстяную или шолковую рясу, надѣвавшуюся въ непогоду.

вающіе, которымъ нужно подкрѣпленіе пищею до общаго обѣда, то онъ не запрещаетъ посылать такимъ чтò угодно; обѣдъ же и ужинъ внѣ очереди никому не будетъ предоставленъ.

VI.

Послѣ всѣхъ этихъ указаній мы можемъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ, какая роль принадлежитъ Августину въ исторіи сѣверо-африканскаго и западно-европейскаго монашества? Вопросъ этотъ долго затемнялся традиціоннымъ стремленіемъ преувеличивать роль Августина въ этомъ отношеніи. Этому затемнѣнію содѣйствовала самая сбивчивость терминологіи. Недавно заимствованное у грековъ слово „монастырь" употреблялось при Августинѣ весьма различно. Монастыремъ называется у Сульпиція Севера одинокое поселеніе монашествующихъ на берегу моря около пресвитера небольшой церкви; монастырями называются общины монаховъ, на островѣ Капраріи или въ Адруметѣ съ организаціей, похожей на позднѣйшіе монастыри; монастыремъ, наконецъ, называется община священнослужителей, собранная Августиномъ около себя, когда онъ сталъ епископомъ, на подобіе апостольской общины въ Іерусалимѣ. При этой сбивчивости терминологіи, разсказъ ближайшаго біографа Августина, Поссидія, вводилъ въ заблужденіе позднѣйшихъ изслѣдователей. По свидѣтельству самого Августина, онъ учредилъ *двѣ* монашествующія общины: монастырь, который былъ имъ устроенъ „для братьевъ", по прибытіи въ Гиппонъ, въ саду, подаренномъ ему епископомъ, и общину *церковнослужителей* въ епископскомъ домѣ. Поссидій же не различаетъ этихъ двухъ учрежденій, а разсказываетъ, что Августинъ, сдѣлавшись пресвитеромъ, тотчасъ устроилъ при церкви монастырь, гдѣ жилъ со слугами Божіими по чину и правилу св. апостоловъ, и затѣмъ далѣе сообщаетъ, что люди, служившіе Богу подъ началомъ св. Августина въ монастырѣ, стали посвящаться въ клерики; а когда этотъ монастырь, благодаря „тому замѣчательному мужу, сталъ рости и славиться", изъ него „стали брать епископовъ и клериковъ", съ помощью которыхъ „было начато и достигнуто единеніе церкви", т.-е. африканской. „Ибо,—продолжаетъ Поссидій,—около десяти святыхъ и почтенныхъ мужей, цѣломудренныхъ и ученѣйшихъ, которыхъ я самъ знаю, Августинъ далъ оттуда различнымъ церквамъ". Поссидій прибавляетъ къ этому, что эти лица, и съ своей стороны руководясь такимъ же священнымъ рвеніемъ, сами устроивали

монастыри. Въ концѣ же своей біографіи Поссидій, прославляя Августина, говоритъ, что онъ оставилъ церкви „духовенство многочисленное (sufficientissimum) и мужскіе, и женскіе монастыри, полные людей, въ цѣломудріи жившихъ съ своими настоятелями". Эти послѣднія слова, можно думать, заключаютъ въ себѣ не столько фактическія свѣдѣнія, сколько похвалу, обычную въ житіи. Но несомнѣнно, что Поссидій зналъ учрежденный Августиномъ „монастырь" лишь въ его позднѣйшей формѣ—въ видѣ общины церковнослужителей. Сохранился ли при этомъ тотъ первоначальный монастырь, который состоялъ изъ монаховъ-мірянъ въ противоположность къ посвященнымъ клерикамъ, мы не знаемъ. Если и сохранился, то очевидно ничѣмъ не выдавался, иначе Поссидій не умолчалъ бы о немъ. Отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что устроенная Августиномъ-епископомъ „община", ставшая разсадницей подобныхъ общинъ, была не монастыремъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, а общежитіемъ церковнослужителей на аскетическомъ началѣ, какъ это правильно призналъ и Ферреръ [1]). А потому нужно видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ традиціонное утвержденіе, что Августинъ содѣйствовалъ возникновенію въ Африкѣ „монастырей".

На самомъ дѣлѣ, идеаломъ Августина было не египетское отшельничество, которое онъ такъ восхвалялъ, когда былъ еще новичкомъ въ церкви, и не современное ему монашество, какъ онъ его зналъ въ обширныхъ монастыряхъ Карѳагена и Адрумета,—а апостольское общежитіе, какъ оно описано въ Дѣяніяхъ Апостоловъ,—и вотъ это-то житіе онъ старается привить своимъ примѣромъ африканскому духовенству. Не о томъ заботился онъ, чтобы увлечь большія массы людей изъ міра, собирая ихъ въ монастыряхъ, а болѣе о томъ, чтобы вдохнуть въ духовенство духъ аскетизма и подвижничества, поднять его надъ міромъ и сдѣлать его способнымъ руководить мірянами на пути къ „царству Божію".

Сказанное здѣсь легко подтвердить. За всю сорокалѣтнюю дѣятельность Августина намъ почти неизвѣстны факты, свидѣтельствующіе объ его стараніяхъ увеличивать число монастырей, привлекать благотворителей къ ихъ учрежденію или обогащенію, — что, при его громадномъ авторитетѣ и большихъ связяхъ, было бы не такъ трудно. Объ этомъ же, такъ сказать, пассивномъ отношеніи къ монастырямъ косвенно свидѣтельствуетъ и обширная переписка Августина. Въ этомъ памятникѣ, ярко

---

[1]) Ferrère, La situation religieuse de l'Afrique Romaine, стр. 40.

освѣщающемъ *всѣ* стороны многообразной дѣятельности Августина, можно указать только три письма, имѣющихъ отношеніе къ монашеству, и всѣ они вызваны случайнымъ обстоятельствомъ. Кромѣ письма отъ 398 г. къ иноземному игумену на Капраріи, мы находимъ среди писемъ Августина, лишь написанное двадцать-пять лѣтъ спустя письмо его къ аббату въ Адруметѣ, вызванное движеніемъ въ этомъ монастырѣ въ пользу пелагіанства, и посланіе, обращенное незадолго до смерти къ монахинямъ монастыря, игуменьей котораго была его покойная сестра — по поводу возникшихъ тамъ волненій. Но всего важнѣе въ данномъ вопросѣ положительный интересъ, обнаруженный Августиномъ, къ попыткѣ собрать приходское духовенство въ монастырское общежитіе и подчинить его дисциплинѣ аскетической организаціи. Эта попытка въ высшей степени характерна для личности Августина и является важнымъ симптомомъ дальнѣйшей эволюціи католицизма. Мотивы этой попытки со стороны Августина могли быть очень различны. Немалую въ этомъ случаѣ роль играло личное положеніе Августина. Сдѣлавшись клерикомъ, сначала пресвитеромъ, вслѣдъ затѣмъ епископомъ, онъ не могъ скрыться въ толпѣ монаховъ, чтобы умереть евангельской смертью, какъ онъ раньше мечталъ; онъ принужденъ былъ остаться въ мірѣ, чтобы блюсти интересы церкви; но потребность аскетизма побудила его и въ духовномъ санѣ сохранить обстановку апостольскаго общежитія. Повліяло, конечно, и положеніе Африки, страдавшей отъ глубокаго религіознаго раздора, требовавшаго для своего исцѣленія сильнаго нравственнаго подъема православнаго духовенства. Можетъ быть, не осталась безъ вліянія и идея „избранниковъ", съ которой такъ освоился Августинъ еще въ манихействѣ и которая потомъ такъ ярко проявилась въ его догматѣ о предопредѣленіи. Но главное объясненіе взгляда Августина на монашество нужно, повидимому, искать въ его отношеніи къ церкви. Идея монашества была подчинена Августиномъ идеѣ церкви, въ которой онъ видѣлъ проявленіе царства Божьяго на землѣ. Было время, когда Августинъ увлекался монашествомъ, какъ полнымъ осуществленіемъ идеи отрѣшенія отъ міра ради вѣчнаго царства. Тогда онъ готовъ былъ защищать монаховъ противъ упрека, что они не служатъ интересамъ церкви. Но взглядъ его измѣнился при знакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ церкви—по крайней мѣрѣ въ Африкѣ, въ борьбѣ съ язычествомъ и донатистами. Его страстное желаніе найти успокоеніе души отъ всѣхъ вопросовъ и дѣлъ, вносившихъ въ нее смуту, стало тогда уступать сознанію христіанскаго долга—при-

нести этотъ покой души въ жертву потребностямъ церкви, искать вмѣсто индивидуальнаго спасенія—спасенія другихъ. Уже въ 398 году онъ писалъ аббату и монахамъ монастыря, на пустынномъ островѣ Капраріи: „Не предпочитайте вашъ покой нуждамъ церкви, ибо если никто изъ лучшихъ людей не захочетъ ей служить, то исчезнетъ и самая возможность для нея порождать ихъ“... „Если мать ваша, церковь, пожелаетъ вашей помощи, то не отвергайте ея въ лѣнивой нѣгѣ, но окажите ее безъ назойливаго усердія“. Желая избѣгнуть двухъ крайностей—полнаго равнодушія монаха къ тому, что̀ творится за стѣнами монастыря,—и мірского служенія церкви, Августинъ нашелъ выходъ въ призваніи духовенства къ апостольскому житію. Отрѣшившіеся отъ семьи и собственности клерики, собранные въ братскую общину, они осуществляли для него идеалъ отреченія отъ міра, въ тоже время осуществляя другой идеалъ—служенія царству Божію.

Итакъ, апостольское общежитіе, а не монастырь, соотвѣтствуетъ аскетическому воззрѣнію Августина; и о томъ, что это воззрѣніе не вмѣщалось въ монашескомъ типѣ, свидѣтельствуетъ не только его личное отношеніе къ монастырскому вопросу, но и всѣ его теоретическія разсужденія, всѣ его размышленія и совѣты — однимъ словомъ, всѣ сочиненія, касающіяся этого вопроса.

В. Герье



МИНОТАВРЪ

ПОВѢСТЬ

I.

Въ будочку съ сидѣньемъ и доской, вродѣ столика, проникаетъ вѣтерокъ, но такой мягкій и ласкающій...

Наканунѣ держался суровый день съ сѣвернымъ вѣтромъ: море лежало темно-стальное, съ широкими и задорными „барашками"; а сегодня, съ утра, небо точно затянуто легкой дымкой, и вѣтерокъ—съ запада.

Наклонившись надъ столикомъ будочки, молодая женщина, въ бѣлой холщевой шляпѣ и ватерпруфѣ—длиннымъ халатомъ,—что-то заноситъ въ записную книжку изъ толстаго тома, лежащаго тутъ же.

Этой женщинѣ не больше двадцати-пяти лѣтъ. Лицо худощавое, очень выразительное, съ глубокими глазами; на лобъ надвинуты темно-каштановые волосы, уже обсохшіе послѣ купанья.

Тонкими пальцами крупной руки, съ однимъ обручальнымъ кольцомъ, она держитъ карандашъ и быстро-быстро пишетъ, заглядывая въ толстую книгу.

Привычнымъ движеніемъ она прикоснулась карандашомъ къ щекѣ, около рта, и перестала писать.

Прищуривъ немного глаза, она глядѣла впередъ, на берегъ, на полосу—въ эту минуту—зеленоватаго моря, на то, что̀ дѣлалось на прибрежьѣ.

Было около одиннадцати часовъ утра.

Вдали движется парусъ; справа—длинные мостки купальни, уходящіе въ море. На пескѣ группами лежатъ купальщики, уже одѣтые, больше женщины. Дѣти бѣгаютъ босикомъ, роютъ ямки, кричатъ, смѣются. Изрѣдка проходятъ мужскія фигуры, по самой окраинѣ воды, гдѣ песокъ прибитъ, и ходятъ по немъ, точно по мягкому ковру.

Въ четырехъ саженяхъ отъ нея лежитъ на пескѣ цѣлое общество: три женщины, трое мужчинъ и трое дѣтей. Всѣ валяются. Лицомъ къ ней развалилась, на боку, толстая дама, безъ шляпки, и бьетъ себя ладонью по огромному бедру. Спинами сидятъ двѣ другія, въ шляпкахъ и туалетахъ съ большой претензіей. Одна изъ нихъ безъ устали болтаетъ, рѣзко, картаво. Ея болтовня давно уже раздражаетъ молодую женщину, работающую въ будкѣ.

Двое дѣтей, съ такимъ же картавымъ говоромъ, какъ у ихъ матери, возятся въ пескѣ, смѣются и взвизгиваютъ.

Молодую женщину въ будкѣ зовутъ Марья Денисовна Астàхова.

Они—съ мужемъ—уже второй мѣсяцъ живутъ на взморьѣ. Будочка принадлежитъ ихъ дачкѣ, вонъ, тамъ, на подъемѣ, позади двухъ сосенъ, со скамьей.

Марья Денисовна, каждый день, въ эти утренніе часы работы, видитъ передъ собою столько празднаго народа.

Отъ чего отдыхаютъ всѣ эти дамы и дѣвицы? Отъ какихъ трудовъ? И о чемъ идетъ у нихъ эта безконечная, чисто „бабья" болтовня?

Сколько она ни прислушивается—здѣсь, на взморьѣ, въ курзалѣ, на музыкѣ, по дорожкамъ парка—къ разговору женщинъ, особенно между собою, безъ участія мужского элемента,—какой все это печальный вздоръ!

Просто краснѣешь за такихъ особъ своего пола. А ихъ тысячи, десятки тысячъ вездѣ, всегда—и у насъ, и за границей!

Ей вспоминаются заграничные табльдоты. Боже мой, чтò за пустѣйшій разговоръ у всѣхъ—нѣмокъ, англичанокъ, итальянокъ! Чтò за манія тщеславія у француженокъ! Кто бы она ни была, у нея одна забота: рядиться и пускать въ ходъ всѣ свои штучки—все равно, маркиза она или профессіональная кокотка.

Позади мужской группы, на пескѣ, присѣли двѣ дѣвицы въ бѣлыхъ корсажахъ, яркихъ юбкахъ и мужскихъ картузахъ, на одной—парусинный, на другой—синій, съ какимъ-то значкомъ на околышѣ.

Астахова прослѣдила ихъ взглядомъ, и усмѣшка повела ея красивый, свѣжій ротъ.

„Чтò за шутовство!"—почти вслухъ выговорила она.

„И ничего-то не можемъ мы выдумать своего,—думала она. —Вѣчно обезьянство съ мужчинъ. И то, чтò у тѣхъ толково и практично, то у нашей сестры смѣшно, неудобно, нелѣпо".

Обѣ дѣвицы—полныя и волосастыя, съ огромными шиньонами, у одной изъ черныхъ, у другой изъ рыжеватыхъ волосъ. Картузы торчатъ у нихъ на носу—ни красы, ни смысла!..

Къ толстухѣ, лежащей бокомъ, на спинѣ, подбѣжали еще двое дѣтей—дѣвчонка съ цѣлой гривой черныхъ волосъ, въ засученныхъ кальсонахъ, и мальчуганъ, съ такими же обнаженными икрами. Дѣвочка выкрикивала все одинъ какой-то звукъ, пронзительно и задорно.

Ее никто не унималъ.

Здѣсь—дѣтское царство. Они должны запасаться здоровьемъ.

Нѣкоторыя дѣти, какихъ она встрѣчаетъ здѣсь—милы, особенно маленькія, лѣтъ отъ двухъ до пяти. Дѣвчонки-подростки—уже съ манерами—глупо разряжены.

И она сама была такимъ же противнымъ подросткомъ. Ее водили „какъ куколку"; у нея былъ уже флёртъ съ гимназистами и кадетами. Потомъ все это слетѣло съ нея къ шестому классу гимназіи.

Дѣти дѣлаются ей какъ бы въ тягость и вчужѣ.

Не оттого ли, что у нихъ съ мужемъ нѣтъ своихъ? Вѣроятно, и не будетъ. Они женаты уже больше трехъ лѣтъ; осенью минетъ ровно четыре года.

Дѣти—обуза; но они же и живой, непрерывный интересъ. Безъ нихъ возишься все съ самимъ собою. Нѣтъ главной „диверсіи"; нѣтъ того устоя, который не позволяетъ вамъ эту возню съ собственнымъ „я".

Молодая женщина совсѣмъ отложила карандашъ и даже захлопнула записную тетрадь.

Вотъ и эта „работа", которую она добросовѣстно исполняетъ по утрамъ, послѣ чая и купанья... дѣлаетъ ли она свои выписки съ увѣренностью, что изъ этого выйдетъ толкъ?

Съ какой трепетной радостью взялась она помогать мужу.

Это было еще въ прошломъ году.

Онъ поступилъ на службу; но не оставлялъ идеи писать магистерскую диссертацію. При университетѣ его не оставили потому только, что онъ не хотѣлъ заискивать, да, вдобавокъ, имѣлъ съ однимъ профессоромъ нервный разговоръ.

Онъ поручилъ ей дѣлать переводныя выписки изъ множества книгъ—на четырехъ языкахъ. Она могла бы переводить и съ

итальянскаго. Вѣдь она блистательно кончила на словесномъ отдѣленіи женскихъ курсовъ, мечтала и сама о спеціальномъ сочиненіи по средневѣковой исторіи.

Эти мечты были прерваны ея любовью и потомъ—замужствомъ.

Выходъ замужъ затянулся. Пришлось бороться съ отцомъ. Мама была въ ихъ „заговорѣ"; но отецъ почему-то сразу невзлюбилъ Астахова, называлъ его презрительно офицерскимъ словомъ „брандахлыстъ", считалъ и фатомъ, и „пустельгой", и „флюгаркой", не признавалъ въ немъ никакихъ задатковъ серьезнаго ученаго.

Отецъ имѣлъ право смотрѣть на себя, какъ на „образцово-работоспособнаго" спеціалиста. Онъ учился въ двухъ академіяхъ—артиллерійской и инженерной, и всю жизнь провелъ въ коммиссіяхъ и комитетахъ, какъ ученый дѣлопроизводитель.

Мать знала, что у Маши—тайный романъ. Она видалась съ Астаховымъ у подругъ, въ театрахъ, въ концертахъ, иногда даже на улицѣ или въ Лѣтнемъ саду. Онъ пересталъ бывать послѣ какой-то язвительной фразы отца.

И такъ шло больше полугода.

Отецъ внезапно заболѣлъ, и черезъ три недѣли его не стало.

Передъ потерей сознанія онъ подозвалъ ее къ постели и сказалъ:

— Маша, теперь ты можешь поступить по-своему. Ты—умница; но ты женщина: эмоціи преобладаютъ у васъ надъ идеями. Избранникъ твоего сердца—не мой идеалъ. Можетъ... я ошибался... Извини.

Эти предсмертныя слова отца, въ послѣднее время, все чаще и чаще приходятъ на память...

Ея „Ваня"—съ нею все тотъ же; но самъ по себѣ, какъ человѣкъ, намѣтившій себѣ дорогу—давно смущаетъ ее.

И она не можетъ работать *съ убѣжденіемъ*, какъ его сотрудница, потому что она теряетъ вѣру въ то, что его диссертація—не пустой звукъ. Онъ самъ пересталъ изучать „первоисточники", и то, что̀ онъ ей поручаетъ переводить, кажется ей только „отводомъ глазъ", точно ему самому передъ ней совѣстно, и онъ только выигрываетъ время.

Чиновника изъ него тоже не выйдетъ. Службой онъ не интересуется, хотя въ томъ мѣстѣ, куда онъ поступилъ, работа не канцелярская, а литературная, все равно, что въ какой-нибудь редакціи.

Но ему давно уже „скучно". Онъ считаетъ такую ученую

службу „толченіемъ воды въ ступѣ“ и безпрестанно говорить о тѣхъ „чинушкахъ“, которые умничаютъ надъ Россіей и плодятъ безчисленные законопроекты, докладныя записки и циркуляры.

Въ немъ еще идетъ броженіе. Сколько мозговыхъ увлеченій могла бы она насчитать у него съ тѣхъ поръ какъ они женаты. Полгода—одно, два мѣсяца—другое, потомъ—третье, четвертое.

И каждый разъ припоминаются ей безпощадныя клички покойнаго отца: „флюгарка“, „дилеттантишка“, „франтъ“.

Онъ не *франтъ*, то-есть, не фатъ въ обыкновенномъ смыслѣ; но тѣхъ „устоевъ“, какіе нужны для настоящаго ученаго, въ немъ рѣшительно нѣтъ.

„Но что же есть?“—спросила она себя впервые только полгода назадъ, зимой, послѣ того какъ прошла у него писательская полоса.

Есть какая-то общая даровитость и, главное, импульсивность.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, нашла на него, вдругъ, полоса стихотворства.

Правда, онъ и прежде писалъ стихи... еще въ гимназіи. Но студентомъ бросилъ, нашелъ, что это—„нелѣпая претензія“ и „зудъ къ риѳмоплетству“.

И этотъ „зудъ“ опять проснулся. Теперешнее *повѣтріе* на стихи пахнуло и на него. Всѣ пишутъ; поползли, какъ грибы послѣ дождя, поэты въ разныхъ родахъ. Книжный рынокъ заваленъ книжками съ портретами авторовъ и безъ портретовъ, съ курьезными виньетками и небывалыми посвященіями, съ самыми изысканными размѣрами.

И всѣ эти книжки находятъ себѣ читателей. На нѣкоторыхъ она сама видѣла: второе, третье изданіе.

И онъ сталъ писать по ночамъ. Сначала стыдился, потомъ читалъ ей... больше наизусть.

Она слушала, находила, что это звучно, искренно, нервно, иногда очень красиво... но неоригинально. Вводить его въ самообманъ она не считала честнымъ, но и не запугивала его.

Онъ самъ охладѣлъ,—и въ какихъ-нибудь полгода. Ни одного стихотворенія онъ не снесъ въ редакцію, пересталъ читать ей вслухъ свои вещи, но пристрастился къ декламаціи. Отъ лирическихъ вещей переходилъ къ художественной прозѣ, къ драматическимъ сценамъ.

Этой новой „полосѣ“ она скорѣе порадовалась. Это поддерживало въ немъ интересъ къ литературѣ. Но службой онъ сталъ

уже явно тяготиться. Дома—работа надъ подготовкой къ диссертаціи глохла, о приготовленіи къ устнымъ экзаменамъ почти и рѣчи не было.

Точно онъ спускался по наклонной плоскости. Декламація повела еще къ новой полосѣ. Теперь если онъ не ушелъ въ нее съ головой, то близокъ къ этому.

Зимой онъ выступалъ въ одномъ любительскомъ спектаклѣ, и его вызывали до десяти разъ.

Съ молодой актрисой казенной сцены—изъ тѣхъ, кому не дають ходу годами—онъ сразу рискнулъ сыграть Самозванца въ „Сценѣ у фонтана".

Всѣ женщины—и старыя, и молодыя, какія были въ залѣ—пришли въ волненіе.

Такого интереснаго любителя давно нигдѣ не видали на любительскихъ подмосткахъ.

Въ польскомъ костюмѣ изъ темнаго бархата, въ шапкѣ съ перомъ, въ цвѣтныхъ сапогахъ, съ откидными рукавами богатаго кунтуша—ея Ваня казался со сцены настоящимъ красавцемъ. Онъ долженъ былъ сбрить бородку и усы, чтобы получить историческій обликъ Димитрія съ характерной бородавкой. Его волосы съ золотистымъ оттѣнкомъ пришлись очень кстати. И въ дикціи у него было что-то отрывисто-смѣлое, съ какимъ-то легкимъ акцентомъ.

О немъ писали въ двухъ листкахъ мелкой прессы. Одинъ изъ репортеровъ нашелъ, что „господинъ Ардатовъ—его псевдонимъ на афишѣ—выказалъ для любителя, впервые игравшаго публично, недюжинный талантъ и художественную заботу о вѣрности внѣшняго вида и тона".

И тутъ была правда—она должна съ этимъ согласиться. Но этотъ клубный тріумфъ ударилъ ее въ сердце. Она даже не бросилась за кулисы поздравлять, а сидѣла въ креслѣ, разстроенная. Кто-то изъ знакомыхъ мужчинъ подсѣлъ къ ней и сталъ тащить на сцену.

Ваня обнялъ ее, блѣдный и трепетный. Она его поцѣловала, но ей захотѣлось плакать. Не глупое бабье предчувствіе, а совершенно ясная „интуйція" подсказывала ей, что этотъ вечеръ—фатальный.

Съ тѣхъ поръ въ немъ копошится новый червякъ. Онъ только и говоритъ, что о театрѣ. Постомъ онъ прямо „безумствовалъ", когда пріѣзжала московская труппа, ходилъ каждый вечеръ, дежурилъ у кассы, тратилъ на барышниковъ, со всѣми вступалъ въ горячіе споры о „театрѣ настроенія".

Это слово—„настроеніе“—сдѣлалось для нея невыносимымъ. Она его слышитъ всюду, читаетъ вездѣ. Оно стало такъ же ужасно, отъ безсмысленнаго повторенія, какъ жаргонныя слова: „обязательно“ и „безумно“.

„Что̀ это такое?“—десятки, сотни разъ спрашивала она и никогда не получала толковаго отвѣта. И онъ не можетъ дать хорошаго объясненія.

Одно она знаетъ: прежде играли и писали *хорошо* или *скверно*; а теперь можно играть и писать всячески, но чтобы непремѣнно „съ настроеніемъ“.

И это повѣтріе чего-то субъективнаго, шалаго, почти всегда безъидейнаго—виситъ въ воздухѣ. Отъ него никуда не уйти такимъ „эмоціональнымъ“ натурамъ, какъ ея мужъ.

Мужъ!

Развѣ это—все? Ея Ваня дорогъ ей не потому только, что она его законная супруга, носитъ его имя, можетъ стать матерью его дѣтей.

Что̀ же хитрить? До сихъ поръ она влюблена въ него, въ его милую наружность, въ тонъ, въ манеры, въ голосъ, въ то, что̀ привлекаетъ женщину.

А онъ?

Марья Денисовна вся немного захолодѣла, выговоривъ про себя этотъ вопросъ.

Впервые ли онъ приходитъ ей?

Кажется, уже не впервые.

Она не считаетъ себя ревнивой. До сихъ поръ не было поводовъ. Нѣтъ ихъ и въ настоящую минуту; но она чувствуетъ не съ вчерашняго дня, что ея „возлюбленный“ уходитъ отъ нея куда-то, уходитъ не отъ одной ея, а отъ того, что̀ считалъ не такъ давно своимъ высшимъ интересомъ, къ чему готовился, въ чемъ она была бы ему не только сочувственницей, но и вѣрнымъ товарищемъ и сотрудникомъ.

Марья Денисовна схватилась за часы, висящіе на ея кушакѣ.

— Господи! Половина двѣнадцатаго!—почти громко воскликнула она и стала сбираться домой.

Вѣдь сегодня у нихъ завтракаетъ товарищъ Вани, Верёскинъ—учитель гимназіи, пріѣхавшій сюда, на дняхъ. Можетъ, и еще кто подойдетъ.

Кухарка у нихъ здѣшняя, изъ чухонокъ, довольно хорошая, но упрямая, все дѣлаетъ по своему. Надо присмотрѣть. Завтракъ къ половинѣ перваго; а до ихъ дачки ходу все-таки минутъ десять.

Она уложила толстую книгу и записную тетрадь въ портфель и пошла скорыми шагами, сначала по песку, потомъ по длиннымъ дощатымъ мосткамъ вверхъ, къ одному изъ переулковъ.

Порядочно запыхалась она, подходя къ ихъ дачкѣ, въ глубинѣ большого двора, на самой дюнѣ.

Они называли ее „избушкой на курьихъ ножкахъ“.

Съ наружной террасы, выходящей къ морю, уже доносились голоса ея мужа и его товарища — голосъ мужа, низковатый, очень пріятный баритонъ, нѣсколько пѣвучій, и теноровъ Верёскина, съ жестковатой, чисто петербургской скороговоркой; а у Вани тонъ мягкій, подмосковный—онъ родомъ изъ тульской губерніи и родился въ помѣщичьей усадьбѣ.

Она прошла сначала на кухню. Луиза мастерила, какъ разъ, то кушанье, изъ-за котораго у нихъ былъ сильный споръ.

— Простите! Хозяйка немного запоздала.

— Ничего!—откликнулись разомъ на ея возгласъ и мужъ, и гость.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сыгралъ Самозванца, Астаховъ брѣется и лицо его, безъ усовъ и бороды, стало чрезвычайно моложавымъ—немного блѣдное, съ красивымъ, мягкимъ оваломъ; темные глаза выступаютъ еще рельефнѣе отъ свѣтлыхъ волосъ съ золотистымъ отливомъ.

И его станъ — стройный и рослый — рядомъ съ низменной фигурой его товарища, съ огромной курчавой головой и загорѣлымъ некрасивымъ лицомъ, выигрываетъ чрезвычайно.

Учитель былъ въ парусинномъ пиджакѣ и шолковой рубашкѣ съ повязушками, по провинціальной модѣ.

— Въ половинѣ перваго все будетъ готово!—успокоительно выговорила Марья Денисовна и тотчасъ же оглядѣла сервировку стола.

Завтракать будутъ тутъ же.

— Да ты не торопись, Маня!—сказалъ ей мужъ, уводя товарища въ цвѣтникъ, гдѣ они сѣли на скамью и стали продолжать горячій разговоръ.

„Ну да, о театрѣ!“ — отмѣтила, про себя, Марья Денисовна.

— Нѣтъ, чѣмъ ты объясняешь, говорилъ Астаховъ,—этотъ захватъ публики сценическимъ искусствомъ, въ послѣдніе годы? И вездѣ: въ столицѣ, въ провинціи, у насъ и за границей! Остальные виды искусства отступаютъ на задній планъ.

— Про беллетристику и поэзію этого никакъ нельзя сказать,—вѣско возразилъ учитель.

— Но все это не такъ захватываетъ! Прогремѣлъ талантъ

беллетриста; но фурорное увлеченіе вызываютъ его *пьесы*, даже если въ нихъ и нѣтъ настоящихъ достоинствъ драматурга.

— Стихійное увлеченіе... стадное чувство!

— Нѣтъ, милый, однимъ стаднымъ чувствомъ объяснить этого нельзя. Теперь зала жаждетъ...

„Настроенія", — подсказала, про себя, Марья Денисовна, у стола.

— Настроенія!—точно подъ ея диктовку выговорилъ Астаховъ. Ищетъ его во всемъ — въ словахъ, въ мотивахъ, а еще больше въ томъ, какъ это исполнено, какъ поставлено, во всемъ, что находитъ откликъ въ твоихъ интимныхъ чувствахъ, воспоминаніяхъ, пережитыхъ аффектахъ.

„Ну да, ну да",—нервно повторяла она про себя.

Сзади, въ гостиной, раздался вдругъ чей-то женскій голосъ.

— Господи! Да это Соня!—почти крикнула она и побѣжала съ террасы.

— Это я! Прямо, безъ малѣйшаго предостереженія! И сейчасъ отыскала тебя.

Ее цѣловала подруга по курсамъ, Соня Кружалова, москвичка, вышедшая замужъ, послѣ нея, за сосѣда помѣщика. Они видѣлись прошлой зимой въ Петербургѣ, и она очень понравилась Астахову.

— Ваня!—крикнула она съ перилъ террасы.—Соня пріѣхала!

II.

Разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда подали грибы въ сметанѣ—на мѣстномъ жаргонѣ: „Borowiken".

Марья Денисовна угощала, давала приказанія горничной, наблюдала за всѣмъ, какъ отличная хозяйка. Она почти не участвовала въ оживленной бесѣдѣ, но слѣдила за тѣмъ, куда пошелъ разговоръ.

Ничего такого она не ожидала, и то, что̀ сейчасъ же внесла съ собою ея подруга Кружалова, казалось ей прямо роковымъ.

Соня, тамъ, въ Москвѣ, уже матерью троихъ ребятъ — совсѣмъ потеряла голову... и отъ чего?

Отъ увлеченія тамошнимъ театромъ „настроенія". Съ первыхъ же словъ, они начали пѣть въ униссонъ съ ея мужемъ. Онъ видѣлъ ее раньше почти мелькомъ. Съ тѣхъ пора она похорошѣла. Съ прекрасной фигурой и вибрирующимъ, звучнымъ голосомъ, Соня смотрѣла итальянкой: носъ, разрѣзъ глазъ, овалъ

лица, черные, какъ смоль, волосы, жесты—все это стало чрезвычайно какъ выразительно. И во всемъ есть уже что-то не простое, условное, „актерское“ — опредѣлила про себя Марья Денисовна.

У Сони не было прежде никакихъ особыхъ идей и вкусовъ. Училась порядочно, но много и танцовала, любила, правда, театръ, но больше оперу и одно время состояла въ числѣ „амазонокъ петербургскаго тенора“.

Такая должна была выскочить замужъ, что̀ и случилось. Мужа взяла безъ особаго выбора, изъ военныхъ, помѣщика, съ состояніемъ. Онъ теперь уѣздный предводитель. И три года сряду производила на свѣтъ.

Внезапно „прозрѣла“ въ Москвѣ, попавъ на представленіе одной изъ тѣхъ пьесъ, гдѣ новая школа настроенія—во всемъ своемъ блескѣ.

И вотъ они теперь поютъ дуэтъ съ ея мужемъ... точно они уже давнымъ давно спѣлись.

Произошелъ сейчасъ обмѣнъ взглядовъ и оцѣнокъ. Во всемъ они согласны — и въ общемъ направленіи, и въ тѣхъ „отмѣткахъ“, какія ставятъ исполнителямъ.

Ея богъ—главный режиссеръ и актеръ труппы.

И мужъ ея считаетъ его изъ ряду вонъ, не только по искусству „ставить“, но и какъ исполнителя... не всѣхъ, однако, ролей.

Но для Сони тотъ—„геній“ во всемъ, даже въ самыхъ рискованныхъ „штучкахъ“, о какихъ столько писали тѣ рецензенты, кто не особенно восхищается имъ.

Теперь начался споръ между Соней и Верёскинымъ. Она еще никогда не видала этого чудаковатаго педагога въ такомъ „настроеніи“.

У него своеобразная манера какъ-то все поводить головой, справа влѣво, ерошить волосы и класть—когда что-нибудь доказываетъ—указательные пальцы одинъ на другой, крестомъ.

— Позвольте-съ!—остановилъ Верёскинъ Кружалову и поднялъ голову вверхъ.—Позвольте-съ! Надо же выбраться изъ этой шумихи словъ. Это все, извините меня, восторженная фразеологія.

— А вы желали бы,—задорно возразила Кружалова, чтобы объ искусствѣ говорили, какъ на съѣздѣ желѣзнодорожниковъ или врачей?

— Позвольте-съ!—сильнѣе крикнулъ Верёскинъ фистулой. —Вы и мой коллега Астаховъ выставляете впередъ новые прин-

ципы и опредѣленія. Вы, сударыня, фанатически увѣровали въ вашихъ москвичей. Но что же это такое, если взять болѣе опредѣленный терминъ?

— Ахъ, Петръ Петровичъ!—вставила Марья Денисовна, усмѣхнувшись въ сторону своего мужа.—Искусство настроенія! Вотъ вамъ единственная формула.

Мужъ ея посмотрѣлъ на нее также съ усмѣшкой, которая могла значить: „ужъ извини, тебѣ все это не по нутру“.

— Ха, ха!—разразился Верёскинъ.—Разгадка всѣхъ изреченій новѣйшихъ эстетическихъ сфинксовъ. Но вѣдь согласись—повернулся онъ къ Астахову—изъ всего, что я читалъ о томъ, какъ ставятся пьесы въ томъ театрѣ, это—крайній реализмъ... т.-е., nec plus ultra воспроизведенія дѣйствительности—другими словами, торжество подражательнаго принципа.

— Подражаніе?—воскликнула Кружалова, точно кто-нибудь ее ужалилъ.—Если это—подражаніе, то что же всякая другая игра, всякая другая постановка? Тамъ вездѣ рутина, а тутъ сама правда!

— Позвольте-съ! Но что же такое правда въ искусствѣ, какъ не реализмъ? Что такое всѣ эти штучки, которыми стараются вызвать пресловутое настроеніе?

— Штучки!—почти гнѣвно кинула Кружалова, и ея большіе глаза метнули искры.

— Ну, назовите какъ угодно — всѣ... детали... чисто матеріальнаго характера—скрипъ дверей, сверчокъ, лампа, колебаніе штоpъ отъ вѣтра, хлопанье комаровъ?

— Они не сами по себѣ важны,—остановилъ Астаховъ,—а какъ группа впечатлѣній.

— Прекрасно, братецъ, но я утверждаю, что это есть не что иное, какъ крайній реализмъ.

— Импрессіонизмъ—пожалуй...—поправилъ Астаховъ.

— Импрессіонизмъ... какъ у живописцевъ парижской школы, за которую когда-то ратовалъ блаженной памяти Эмиль Зола? Я видалъ такія картины. Тамъ совсѣмъ не то. Тамъ какъ у декадентовъ... все по-своему: желтыя деревья, зеленое небо, фіолетовыя щеки у женщины. Это — субъективизмъ. Оно, можетъ, и безобразно; но для моей сѣтчатой оболочки законы не писаны, коли я страдаю дальтонизмомъ.

— Вы хотите закидать учеными терминами!—сказала Кружалова съ театральнымъ пожиманіемъ плечъ.

— Другого слова нѣтъ! Это, какъ вамъ извѣстно, такое

свойство нѣкоторыхъ глазъ: ни краснаго, ни зеленаго, ни желтаго они не видятъ, а только буренькое и сѣренькое.

— Чтò же это доказываетъ?—съ тѣмъ же напоромъ спросила Кружалова.

— Такимъ же манеромъ чувствуютъ, видятъ и слышатъ импрессіонисты и декаденты. Для насъ небо голубое, а для нихъ—зеленое; для насъ звукъ „о" никакого окрашиванія не имѣетъ; а для такого индивида—у „о" темноголубой цвѣтъ.

— Господа!—подняла голосъ хозяйка.—Все это очень интересно; но я ставлю другой вопросъ: кто хочетъ простокваши, кто варенца?

Всѣ разсмѣялись.

— Маня! Маня! — окликнулъ Астаховъ. — Евангельская Мароа! О чемъ печешься!?.

— О житейскомъ, мой другъ,—отвѣтила она ему въ тонъ. —А ты—обернулась она къ подругѣ—изображаешь собою Марію. Ты избрала благую часть.

— Избрала!—откликнулась Кружалова.—Да, избрала. Но это требуетъ борьбы.

— Неужели, Соня...—нервнѣе заговорила Марья Денисовна, —ты въ самомъ дѣлѣ рѣшишься, очертя голову, идти на сцену?

— Почему очертя голову?—возразила Кружалова, выпрямляясь.—Что это за упорный предразсудокъ? Вотъ вы—повернулась она къ Верёскину—любите ссылаться на авторитеты... Читали вы книжку „Paradoxe sur le comédien"?

— Нѣтъ-съ... не читалъ.

— А я читалъ,—тихо выговорилъ Астаховъ.—И давно уже, еще студентомъ... сначала въ переводѣ, а потомъ въ подлинникѣ.

— И я читала,—отозвалась Марья Денисовна;—но у меня въ памяти остался только такой парадоксъ: чѣмъ у актера меньше чувства, тѣмъ онъ выше.

— Вотъ оно чтò!—воскликнулъ Верёскинъ.

— Я не о его афоризмахъ хочу спорить,—продолжала такъ же горячо гостья,—а о томъ, какъ вообще смотрятъ на актера, какъ шли прежде въ актеры?.. Все равно что въ солдаты! И вотъ у тебя, Маня, сорвалось съ языка „очертя голову"—точно это Богъ знаетъ какой срамъ.

— Вовсе нѣтъ,—спокойно возразила Марья Денисовна,—но ты... мать семейства... у тебя мужъ.

— Чтò жъ изъ этого?

Глаза Кружаловой начали опять метать искры.

— Маня!—окликнулъ Астаховъ:—что же это за доводъ? Твоя

подруга—интеллигентная женщина. Она нашла свое призваніе—вотъ и все. Было бы печально: глушить талантъ изъ-за того только, что женщина замужемъ и у нея столько-то человѣкъ дѣтей. Развѣ мы спрашиваемъ: есть дѣти у Элеоноры Дузе? И существуетъ ли въ природѣ какой-то синьоръ Дузе?

— Существуетъ!—отвѣтила Кружалова и, обернувшись къ Астахову, кивнула головой:—спасибо!

— Призваніе — говоришь ты, Соня? Будто это такъ... въ одинъ мигъ является? Дорога въ Дамаскъ! Откровеніе свыше?

— Кто же тебѣ это сказалъ? До позапрошлой зимы я была равнодушна.

— И въ васъ забрался микробъ театра ультра-реалистовъ, какъ я называю ихъ?—спросилъ Верёскинъ.

— Да. И не сразу. Я тоже не сдавалась. У меня, какъ у москвички, было преклоненіе передъ Малымъ театромъ. И я на первыхъ порахъ пофыркивала на то, что̀ злобно называютъ „штучками". Но черезъ мѣсяцъ у меня точно спала съ глазъ плёнка...

— И ты, какъ въ Корнельевскомъ „Polieucte", воскликнула: „Je vois"!—вымолвила вполголоса Марья Денисовна.

— Да! Такъ, безъ всякой трагической казенщины, къ концу зимы...

— Ты уже увѣровала?

— Ахъ, Маня, перестань перебивать! Ты точно какой судебный слѣдователь.

На слова мужа Марья Денисовна ничего не отвѣтила; но она сдѣлала себѣ выговоръ:—не слѣдуетъ, ни въ какомъ случаѣ, показывать свои карты... такъ, сразу.

— Да, увѣровала. Я поняла, что̀ такое найти дѣло по душѣ. И это дѣло не прихоть, не спортъ, не средство отъ скуки. Я вошла въ то: какъ они служатъ тамъ всѣ, начиная съ руководителей до послѣдней выходной актрисы.

— Да, это настоящій культъ!—вдумчиво выговорилъ Астаховъ.

— Въ деревнѣ я промаялась всю весну и все лѣто до сентября. И—грѣшный человѣкъ—нашла предлогъ перебраться въ Москву на весь сезонъ.

— И ничего не сказала мужу?

— Маня! Опять допросъ!

— Пускай ее! Онъ видѣлъ, чѣмъ для меня сдѣлался театръ. Но я хотѣла сама себя испытать.

— Какимъ же это образомъ?—спросила Марья Денисовна.

Ея мужъ жадно слушалъ Кружалову и своими красивыми темными глазами такъ и впился въ нее.

Не женщина его такъ увлекала, а ея исповѣдь. Въ его душѣ, навѣрное, происходитъ то же самое.

— Какимъ образомъ, Маня? Я рѣшила проникнуть во что̀ бы то ни стало...

— Въ самое пекло?—вырвалось у Верёсвина.

— Я сошлась съ нѣкоторыми изъ труппы. И въ сентябрѣ хотѣла поступить на курсы; но слушательницы должны участвовать и въ репетиціяхъ...

— Статистками?—подсказала Марья Денисовна.

— Да! Выходными. Сразу я не могла бы этого добиться... Мой мужъ, а главное—моя belle-mère... съ ея дворянскимъ гоноромъ—домовладѣлица въ приходѣ Успенья-на-Могильцахъ: вы понимаете? Все равно, это вопросъ времени,—съ сильнымъ жестомъ выговорила Кружалова и оглядѣла всѣхъ сидящихъ за столомъ.

— Вы добьетесь!—съ особеннымъ выраженіемъ сказалъ Астаховъ и опустилъ голову.

Марью Денисовну кольнуло въ сердце.

„Это онъ себя видитъ въ ней“,—подумала она, и чтобы не допускать себя до чего-нибудь, что̀ можетъ ее выдать, она, тономъ радушной хозяйки, сказала:

— Господа! Кофе мы перейдемъ пить вонъ туда... въ бесѣдку.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Разговоръ какъ-то сразу оборвался. Видно было, что Астаховъ охваченъ особеннымъ чувствомъ; а у его товарища прошла охота принципіально спорить.

За кофе Астаховы узнали, что Кружалова пріѣхала сюда всего на недѣлю—присмотрѣть дачу на будущій сезонъ—и остановилась въ гостинницѣ.

У ея подруги немного отлегло на сердцѣ. Но вѣдь и въ недѣлю сколько у нихъ съ ея мужемъ будетъ разговоровъ и все объ одномъ и томъ же. Такой беззавѣтный культъ искусства, какъ у нея—вдвойнѣ заразителенъ.

Астахову надо было ѣхать въ городъ за покупками. Его товарищъ также собрался къ знакомымъ—въ другое прибрежное мѣстечко.

Прощаясь съ ея подругой, Астаховъ сказалъ ей, держа ее за руку, съ особеннымъ выраженіемъ:

— Какъ я счастливъ, Софья Богдановна, что вы еще поживете здѣсь. Для меня вопросъ вашего новаго призванія особенно дорогъ.

— А для Мани, кажется, не очень?—весело спросила гостья.

Марья Денисовна стояла тутъ же.

— Твое дѣло, Соня,—выговорила она тихо.—Значитъ, ты такъ увѣрена... въ твоемъ талантѣ?

— Нѣтъ! Еще не увѣрена! Это было бы глупо... Но еслибъ даже изъ меня вышла посредственность, полезность, то и тогда я не пойду на попятный.

Мужчины удалились. Марья Денисовна пошла провожать подругу.

Она повела ее сначала по дюнамъ, по лѣсной тропинкѣ, потомъ вывела на крутой пригорокъ, гдѣ стоитъ чья-то круглая бесѣдка.

Тутъ онѣ присѣли на диванчикъ. Море лежало передъ ними—уже совсѣмъ тихое, почти молочнаго цвѣта, съ чуть-чуть замѣтными барашками облаковъ—подъ темно-голубымъ сводомъ неба. Легкій вѣтерокъ ласкалъ ихъ по лицу. Сзади доносился запахъ смолистой хвои.

— Какъ здѣсь хорошо! Я не ожидала! Какое же сравненіе съ нашей тульской трущобой! Жара, комары или непролазная грязь. Я поставила крестъ на жизнь помѣщицы.

— А дѣти?

— Что̀ же дѣти? Вотъ, возьмемъ здѣсь дачу и будемъ ѣздить каждое лѣто. Мужъ можетъ тамъ хозяйничать.

— Онъ вѣдь служитъ?

— Какъ ему угодно! Да и что̀ за сладость быть предводителемъ? Одни глупые расходы.

— Стало, Соня... ты дѣйствительно рѣшила?

— Безповоротно, милая.

Въ томъ, какъ прозвучало это слово „милая", было уже что̀-то прямо актерское.

Ни барыни, ни бывшей курсистки уже нельзя было распознать.

Марья Денисовна сидѣла съ опущенной головой, опершись о ручку зонтика.

Взглянувъ вбокъ на подругу, она окликнула:

— Соня!

— Что̀ тебѣ, Маня?

— Прости... то, что̀ я тебѣ скажу сейчасъ... можно будетъ понять и такъ, и этакъ.

— Какія же между нами дипломатическія тонкости? Говори все, что̀ у тебя на душѣ.

— Вотъ, ты здѣсь пробудешь еще недѣлю. Ты такъ пылаешь теперь... такъ преисполнена культомъ... А Ваня именно теперь... на распутьи.

И она, въ нѣсколькихъ словахъ, высказала ей всѣ свои тревоги.

Кружалова развела руками.

— Чего же ты боишься? Что онъ пойдетъ на сцену? Если это его призваніе...

— А если нѣтъ?

— Что же за несчастье?.. Ну, уйдетъ на это годъ... два... Вѣдь ученаго изъ него не выйдетъ. Потеряетъ мѣсто? Найдетъ другое.

— Но вѣдь это вродѣ азартной игры, вродѣ запоя, это грозитъ...

Отъ волненія она не досказала. На рѣсницахъ блеснули слезы.

— Полно! Какъ не стыдно!

Кружалова взяла ее за руку.

— Ты не хочешь понять!

— Оба вы молоды, свободны... Какъ же ты можешь налагать свое veto? Ты... курсистка самыхъ радикальныхъ взглядовъ?.. И наконецъ... я-то тутъ причемъ... Маня? Ты боишься?

— Я не ревную! Клянусь тебѣ. Но... разговоры... твой примѣръ...

— Какъ же быть? Сейчасъ же улетучиться? Чтобы твой Ваня не заразился? Ха, ха! Полно! Это не серьезно!

Марья Денисовна сидѣла смущенная. Къ щекамъ ея начала приливать кровь.

„Не серьезно“,—повторила она про себя. Но что́-то говорило ей, что теперь, именно теперь „это начнется“.

III.

Октябрь на дворѣ.

Извозчичья пролетка везла Астахова вдоль одной изъ набережныхъ Фонтанки, по направленію къ Аничкину мосту.

Сейчасъ онъ былъ въ своей „лавочкѣ“.

Въ послѣдній ли разъ? Съ какимъ наслажденіемъ написалъ бы онъ прошеніе объ отставкѣ. Какъ ему невыносимы всѣ его сослуживцы—прилизанные и франтоватые или замаринованные въ своей вицмундирной корректности!

Его непосредственный начальникъ уже дѣлалъ ему нѣсколько „репримандовъ“. У него еще третьяго дня слетѣла съ тонкихъ губъ петербургскаго желчевика фраза:

— Трудно гоняться за двумя зайцами!

Онъ намекалъ на его внѣслужебныя занятія, какъ пишущаго диссертацію.

Другой — чиномъ ниже — дѣлопроизводитель его отдѣленія, еще въ прошломъ году, говорилъ ему безцеремонно-товарищескимъ тономъ:

— Вы, батенька, я вижу, на долгихъ отправляетесь за добытіемъ магистерской степени?

Настоящей правды никто еще изъ его сослуживцевъ, кажется, не знаетъ.

Съ возвращенія въ Петербургъ, въ концѣ августа, онъ, каждый день, просыпается съ рѣшеніемъ „послать все къ чорту", распроститься съ „лавочкой", написать прошеніе.

Чтó его удерживаетъ?—Малодушіе! Больше ничего.

Слишкомъ ясно сдѣлалось, что его жена все сильнѣе волнуется изъ-за его „маніи". Она не позволяетъ себѣ сценъ, увѣщеваній или огорченныхъ разсужденій. Но она страдаетъ.

Страдаетъ?! Но это ея добрая воля. Вѣдь онъ не думаетъ же въ чемъ-нибудь стѣснять ее? Приди она къ нему и скажи: „Я хочу пойти на сцену!"—развѣ бы онъ огорчился?

На сцену, въ модистки или въ чиновницы контроля, въ телеграфистки или даже въ опереточныя пѣвички!

Куда угодно!

Жена его стала особенно „куксить" съ того дня, когда къ нимъ явилась ея подруга. Съ той онъ постоянно гулялъ по берегу въ большихъ разговорахъ.

Кружалова подсмѣивалась надъ „филистерствомъ" его жены, видя ея страхъ — какъ бы онъ не пошелъ въ актеры.

Между ними установился пріятельскій тонъ. Она взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ въ Москву, осенью, и она его введетъ „въ самое пекло",—говорила она, смѣясь.

И она же прислала ему письмо къ своей пріятельницѣ — провинціальной „премьершѣ", но „въ нашихъ идеяхъ", — писала она ему.

Та мечтаетъ создать что-нибудь „московское" въ Петербургѣ; а если ей это не удастся еще въ зимнемъ сезонѣ, то она подберетъ себѣ труппу и поѣдетъ въ артистическую „tournée" — играть репертуаръ пьесъ „съ настроеніемъ".

Вотъ уже больше трехъ недѣль, какъ онъ почти ежедневно видится съ этой артисткой.

У нея странная фамилія—Арнаўтъ; но это не псевдонимъ, а настоящее ея дѣвическое имя. Кажется, она не живетъ съ

мужемъ. О своемъ прошедшемъ она говоритъ мало. Несомнѣнно одно: она—изъ барышенъ, дворянка, съ образованіемъ, живала за границей. Родомъ она съ юга, изъ Одессы или Кіева—онъ до сихъ поръ точно не знаетъ; но ни еврейскаго, ни польскаго въ ней ничего нѣтъ.

Въ ней нашелъ онъ такой же культъ искусства, какъ и въ Кружаловой,—разумѣется, съ прибавкой личныхъ художественныхъ интересовъ. Но у другихъ актрисъ съ именемъ—въ столицѣ ли, въ провинціи ли—театръ выѣдаетъ все, кромѣ своего „я", „пріемовъ" и успѣховъ, какъ „перваго сюжета" и какъ обаятельной женщины—все равно: хищница она только или способна на безкорыстныя увлеченія.

И эта—вся ушла въ театръ. Но не въ одни свои успѣхи. Для нея самое дѣло стоитъ на недосягаемой высотѣ, она мечтаетъ о *своей* сценѣ, не потому, чтобы играть роль хозяйки, а чтобы „обновлять" искусство, ратовать за тѣ пріемы, какіе она считаетъ теперь самыми „возрождающими".

Здѣсь она выступала въ двухъ-трехъ благотворительныхъ спектакляхъ; ее принимали „фурорно"; она не пошла на самыя „лестныя" предложенія: приглашали ее на первое амплуа въ лучшій частный театръ, сулили груды золота—сдѣлать объѣздъ десяти губерній, съ гарантированной поспектакльной платой—она не согласилась.

Съ нею онъ ѣздилъ два раза, въ Кронштадтъ и въ Гельсингфорсъ. Она проходила съ нимъ роли въ двухъ пьесахъ ея новаго репертуара. Онъ скрылъ это отъ жены, сказавъ, что ѣдетъ по личному дѣлу.

Маня, кажется, догадалась; но никакихъ объясненій не вышло.

Ему особенно удалась роль доктора въ „Дядѣ Ванѣ", гдѣ любовная сцена съ героиней — женой профессора — прошла блистательно.

Впервые испыталъ онъ то несказанное благополучіе, когда вы уже не помните, кто вы, и отдаетесь творчеству, преображаетесь, почти не сознаете, гдѣ вы; забываете и о публикѣ, охвачены какимъ-то чуднымъ „самовнушеніемъ".

Арнаутъ поцѣловала его послѣ главной сцены, при всѣхъ, и громко сказала:

— Да, вы истинный художникъ!

Когда онъ велъ эту сцену, гдѣ мужчина такъ увѣренно ловитъ женщину, видя, что она отъ него не уйдетъ ни въ какомъ случаѣ, онъ не испытывалъ чувственнаго влеченія именно къ ней. Она красива, но не его „типъ". Но онъ сливался съ нею

въ единствѣ артистическаго чувства. Они какъ-то сразу спѣлись. Она помогала ему находить интонаціи, жесты, паузы, игру физіономіи.

Ни въ какой другой школѣ не выработать изъ себя артиста, какъ въ партнерствѣ именно съ нею. Даже если бы его приняли въ Москвѣ на ту сцену, гдѣ предаются высшему культу искусства, онъ не могъ бы пройти такой школы. Тамъ онъ сыгралъ бы одну, много двѣ роли въ сезонъ и долженъ бы былъ подчинить себя безропотно суровой ферулѣ. Тамъ онъ, съ его впечатлительной натурой, легко сталъ бы обезьянить съ тамошнихъ премьеровъ.

Но время идетъ. Не нынче—завтра его руководительница рѣшитъ: создавать здѣсь новую сцену или набирать труппу для большой „tournée", на обѣ половины сезона—до и послѣ поста.

Сегодня онъ ѣхалъ къ Юліи Павловнѣ Арнаутъ съ особеннымъ ожиданіемъ чего-то.

Онъ получилъ отъ нея записку, тамъ, въ его „лавочкѣ". Она проситъ завернуть не позднѣе пяти. Было всего четверть пятаго; но онъ скрылся изъ должности раньше всѣхъ, незамѣтно, пройдя сначала въ курительную комнату.

До сихъ поръ онъ можетъ утверждать передъ самимъ собою, что въ немъ нѣтъ влюбленности въ эту женщину. У нея съ нимъ—чисто товарищескій тонъ, но она одна съумѣла найти въ немъ „священную искру"; она цѣнитъ въ немъ тонкость пониманія, его образованность, его художническую развитость; она не льститъ ему и не затягиваетъ, какъ самовлюбленнаго дилеттанта, а помогаетъ ему разобраться въ самомъ себѣ, изучать свои артистическіе задатки и „выразительныя средства", какъ она называетъ. Она готовитъ его въ свои партнеры и товарищи по дорогому дѣлу.

Ничего подобнаго не было еще въ его жизни, ни въ какой сферѣ. На это не была способна жена его, при всей ея привязанности.

— Вонъ туда, второй подъѣздъ за воротами!—указалъ Астаховъ извозчику, изъ-подъ кузова пролетки.

— Юлія Павловна у себя?—увѣренно спросилъ онъ швейцара, входя въ сѣни.

— Такъ точно. Прикажете на машинѣ?

— Благодарствуйте. Я и такъ поднимусь.

Арнаутъ занимала во второмъ этажѣ прекрасную меблированную квартиру. Ея довѣренная горничная, уже не очень мо-

лодая,—встрѣчала Астахова особенно привѣтливо и давно уже зоветъ его по имени и отчеству.

— Есть гости?—вполголоса спросилъ онъ ее.

— Пушкаревъ... антрепренеръ...—сказала она также тихо.

И почти на ухо прибавила:

— Все желательно ему обойти барыню... да, кажется, не удастся.

Въ квартирѣ стоялъ всегда необыкновенно пріятный запахъ духовъ Юліи Павловны—легкій, чуть доступный обонянію.

— Иванъ Егоровичъ,—доложила негромко горничная, приподнявъ немного портьеру входной двери.

Гостиная освѣщалась одной лампой подъ малиновымъ абажуромъ.

Хозяйка сидѣла на низкомъ диванчикѣ, прямо противъ входа.

Вечеромъ, въ такомъ вотъ полусвѣтѣ, или на подмосткахъ передъ яркой рампой—она смотрѣла совсѣмъ молодой женщиной. Лѣтъ своихъ она не скрывала... въ томъ числѣ и передъ Астаховымъ. Она сознавалась—въ тридцати-восьми годахъ.

Лицо блѣдное, съ удлиненнымъ оваломъ, небольшой носъ съ характернымъ вырѣзомъ ноздрей, худощавая, высокая фигура, длинныя рѣсницы очень глубокихъ глазъ, которые вечеромъ казались почти черными, а при дневномъ свѣтѣ были темно-сѣрые, прекрасный рисунокъ груди и головы; руки съ крупными кистями выступали изъ разрѣзовъ домашняго туалета, сшитаго мѣшкомъ. Волосы—русые и натурально волнистые—она носила дома повязанные краснымъ фуляромъ.

Этотъ головной уборъ очень шелъ къ ней.

— А! Астаховъ! Пожалуйте! Давно хотѣла познакомить васъ съ Николаемъ Ильичомъ Пушкаревымъ. Нашъ извѣстный импрессаріо.

Съ кресла поднялся плотный мужчина, лѣтъ за сорокъ, въ черномъ длинномъ сюртукѣ, высокаго роста, лысый брюнетъ, съ молодцоватыми усами, вообще смахивающій гораздо болѣе на отставного военнаго, чѣмъ на бывшаго актера.

— Астаховъ, Иванъ Егоровичъ, нашъ единомышленникъ, страстный и убѣжденный другъ искусства,—отрекомендовала Юлія Павловна съ широкимъ жестомъ правой руки.

Фраза была отборная, но произнесена съ улыбкой въ глазахъ.

Утонченные книзу пальцы ея красивыхъ рукъ не были усыпаны перстнями, какъ бы можно ожидать. На обѣихъ рукахъ было не больше трехъ-четырехъ.

— Весьма радъ! Много наслышанъ!

Антрепренеръ крѣпко сжалъ руку Астахова, и когда опустился опять въ кресло—сейчасъ же закурилъ.

— Я не помѣшалъ... дѣловому разговору?—спросилъ Астаховъ, подсаживаясь къ дивану съ другой стороны.

— Нисколько!—успокоила хозяйка.—Николай Ильичъ пріѣхалъ со мной проститься... уѣзжаетъ на нѣсколько дней въ Москву... окончательно формировать труппу для своей tournée monstre.

Астаховъ зналъ уже все это; но самаго антрепренера еще не встрѣчалъ у нея. Вчера она ему говорила въ такомъ тонѣ, что врядъ ли она согласится на его „посулы“, хотя бы онъ ей предлагалъ груды золота.

На какія средства она сама желаетъ антрепренерствовать—онъ не допытывался. Вѣроятно, есть какой-нибудь „серьезный другъ“, располагающій капиталомъ.

— Юлія Павловна небось не прибавляетъ,—остановилъ Пушкаревъ,—что успѣхъ всей кампаніи будетъ всецѣло зависѣть отъ того—могу ли я на нее разсчитывать, или нѣтъ?

Онъ засмѣялся довольно добродушно; но тотчасъ чувствовалось, что ему она „до зарѣзу“ нужна.

— Я васъ, Николай Ильичъ, водить не стану. Это не въ моихъ правилахъ и привычкахъ,—заговорила она, выпрямляясь.— Но вотъ человѣкъ со стороны скажетъ свое слово.

И, обернувшись къ Астахову лицомъ, она продолжала:

— Вы знаете, конечно, въ чемъ дѣло. Николай Ильичъ поступаетъ, какъ никто.

— Вы это признаете?—съ комическимъ вздохомъ спросилъ антрепренеръ.

— Конечно, какъ никто! Репертуаръ—по моему выбору... и даже маршрутъ. Матеріальныя условія—прекрасныя.

— Другими словами...—добавилъ Пушкаревъ: —матерью-командиршей будетъ во всемъ Юлія Павловна; а я только ея агентомъ, много-много съ совѣщательнымъ голосомъ. Такъ или нѣтъ?—спросилъ онъ, подавшись къ ней туловищемъ.

— Совершенно вѣрно.

— И этого мало-съ!—обратился онъ уже къ Астахову.— Главные партнеры—по выбору опять-таки Юліи Павловны. Помилуйте, вѣдь это...

— Драконовскія требованія?—подсказала она и разсмѣялась.

Смѣхъ у нея былъ звучный и мягкій, подъ тонъ голоса съ очень широкимъ регистромъ.

— Я не говорю, что вы мнѣ никакого ультиматума не ста-

вите. Въ этомъ-то и вся бѣда! Поставь мнѣ Юлія Павловна ребромъ самыя жестокія условія, я бы пошелъ и на нихъ. Тогда было бы дѣло чистое...

— Николай Ильичъ! Да оно и теперь совершенно чистое. Вы попали въ самый, такъ сказать, психологическій моментъ—у меня назрѣла идея.

— Хочу быть директоршей!—вскричалъ Пушкаревъ.—Дайте мнѣ старуху!

Астаховъ вспомнилъ, что такъ называется извѣстный фарсъ.

— Это не простая блажь! Не правда ли, мой другъ?—обратилась Юлія Павловна къ Астахову.

— Но какая же разница, скажите на милость,—Пушкаревъ сложилъ руки на груди просительнымъ жестомъ,—какая-же разница: вѣдь вы тоже устроите объѣздъ? Труппы вы такой—извините меня—не соберете! И тутъ, и тамъ вы—полная хозяйка! Если угодно, я совсѣмъ стушуюсь,—даже не поставлю своей фирмы. Кажется, невозможно идти дальше въ самоумаленіи? Ха, ха!

Онъ, бросивъ окурокъ папиросы, широко развелъ руками.

— Все это прекрасно, милый мой импрессаріо. Но я могу имѣть здѣсь театръ, если не сейчасъ, то въ разгаръ сезона.

— Не боитесь даже конкурренціи москвичей?

— На постъ я сдѣлаю tournée. Но это совсѣмъ другое. Тогда я уже положу основаніе новой сценѣ, какой здѣсь нѣтъ.

Голосъ ея пріятно вздрагивалъ и глаза стали еще больше. Она сидѣла съ выпрямленнымъ станомъ и вся ея фигура, въ узкомъ пеньюарѣ, была, въ эту минуту, особенно живописна.

Астаховъ заглядѣлся на нее; но его волновала не женщина, а руководительница его на томъ пути, который откроется передъ нимъ не сегодня, такъ завтра. Изъ двухъ ея плановъ, созданіе сцены здѣсь—онъ считаетъ самымъ привлекательнымъ; но для него лично не лучше ли было бы уѣхать сначала въ tournée?

Юлія Павловна поглядѣла на него: точно она почуяла, что̀ онъ подумалъ вотъ сейчасъ.

Портьера входной двери приподнялась и прозвучалъ основательный голосъ Любаши:

— Господинъ Шастунòвъ.

Хозяйка сейчасъ же оправила свой головной уборъ и вся какъ-то подобралась. Антрепренеръ повернулся лицомъ къ двери.

Астаховъ вспомнилъ, что новый гость—изъ театральной прессы, рецензентъ или репортеръ самаго бойкаго листка.

Въ гостиную вкатился круглый, маленькаго роста госпо-

динъ—въ пиджакѣ, съ пестрымъ галстухомъ, гладко причесанный, свѣже выбритый, съ тонкими усиками и съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ глазъ навыкатъ, какъ будто онъ сейчасъ скажетъ что-нибудь особенно важное. Похоже было на то, что онъ пріѣхалъ по экстренному дѣлу и больше десяти минутъ пробыть здѣсь не можетъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—привѣтствовала его хозяйка, какъ хорошаго знакомаго.

Гость подлетѣлъ къ ней, взялъ руку, поднесъ ее высоко къ губамъ, чмокнулъ, но все съ тѣмъ же дѣловымъ видомъ, кивнулъ головой Астахову и пожалъ руку антрепренера.

— На спеціальное интервью?—спросилъ его Пушкаревъ съ той усмѣшечкой, какая появляется у театральнаго дѣльца въ разговорѣ съ рецензентами и репортерами.

— Юлія Павловна... у насъ рѣдкая гостья,—началъ господинъ Шастуновъ говоркомъ, на однѣхъ и тѣхъ же нотахъ.—И я крайне сожалѣю, что попалъ... не въ надлежащій моментъ.

— Болѣе обширный разговоръ,—откликнулась хозяйка,—мы отложимъ, если угодно, до завтра, пораньше.

— Какъ прикажете!

Репортеръ уже всталъ и его круглые глаза уставились на лицо Юліи Павловны. Потомъ онъ повернулъ голову влѣво—точно она у него на пружинахъ—и спросилъ Астахова:

— Имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ сценѣ у фонтана, въ прошломъ сезонѣ?

Астаховъ немного смутился—такъ неожиданъ былъ этотъ вопросъ.

— Это былъ онъ, онъ!—отвѣтила за него хозяйка.

— Замѣтка... была моя. Надѣюсь, были довольны?.. Весьма радъ! Имѣю честь кланяться.

И, повернувшись, точно механически, онъ выкатился изъ гостиной. Лидія Павловна пошла его проводить до передней, но онъ не допустилъ, и изъ передней донесся его возгласъ:

— Не извольте безпокоиться!

Всѣ трое помолчали. Пушкаревъ переглянулся съ хозяйкой, а потомъ и съ Астаховымъ.

— Считается королемъ репортеровъ,—вполголоса выговорилъ антрепренеръ, когда ключъ въ наружной двери щелкнулъ.

Астахову вдругъ стало непріятно за Юлію Павловну. Зачѣмъ было провожать до передней этого газетчика?

Но онъ сейчасъ же подумалъ:

„А развѣ тебѣ не предстоитъ того же, когда сдѣлаешься профессіональнымъ актеромъ?“

— Этотъ еще тѣмъ хорошъ, что не очень привираетъ,— сказала Юлія Павловна, вернувшись на свое мѣсто.—И безъ толку не бранится.

— Всѣ хороши! Пожалуй, въ провинціи они еще почище!

Пушкаревъ что-то вспомнилъ и тотчасъ же поднялся.

— Значитъ, дорогая... до возвращенія моего изъ бѣлокаменной все еще—подъ сюркупомъ?

— Да,—протянула она, пожимая его руку.—Не сердитесь... но вы знаете...

— La donna è mobile!—пропѣлъ онъ и поцѣловалъ ея руку.

Провожать его до передней она не пошла.

Въ дверяхъ онъ крикнулъ:

— Если будетъ перемѣна вѣтра—порадуйте! Пустите депешку!

IV.

— Вотъ мы и одни!

Юлія Павловна тутъ только взяла со столика папиросницу и закурила.

— Чтò же вы рѣшаете?—спросилъ Астаховъ.

— Съ Пушкаревымъ я немножко схитрила,—она прищурила глаза,—чтобы выиграть время. Мои переговоры насчетъ театральнаго зданія пойдутъ своимъ порядкомъ... Но, кажется, на этотъ сезонъ дѣло не выгоритъ.

Онъ все еще стѣснялся задавать ей дѣловые вопросы. Въ ея энергію и большой практическій тактъ онъ вѣрилъ.

— А ваша tournée?

— Она непремѣнно состоится!

— Но вѣдь Пушкаревъ предлагаетъ вамъ то же самое, а рискъ будетъ, сколько я понимаю, гораздо меньше?

— Это только такъ кажется.

Она выпустила струю дыма и отложила папиросу.

— Даже и въ случаѣ успѣха—онъ будетъ совсѣмъ не такой, какого желаю добиться я.

— Но вы имѣли бы право выбора труппы?

— Я не получу такого персонала, какой мнѣ нуженъ! Я знаю милѣйшаго Николая Ильича. Онъ не воздержится отъ нѣкоторыхъ фурорныхъ пьесъ. И съ нимъ неизбѣжны баталіи. Я не уступлю—и выйдетъ исторія... неустойка, крахъ предпріятія.

— Да, да,—повторялъ, какъ бы про себя, Астаховъ.—Вы все это прекрасно знаете.

— А къ моей tournée я буду готовиться здѣсь цѣлыхъ два мѣсяца. Залу для репетицій со сценой я могу имѣть совершенно приличную. Мы ограничимся пятью пьесами; но вся обстановка будетъ новая... до малѣйшихъ деталей.

— Какое великолѣпное начало!..

Онъ не договорилъ. Юлія Павловна взглянула на него и спросила:

— Для васъ, мой другъ?

— Конечно.

Она встала, прошлась по комнатѣ, раза два. Ходила она медленно, немного колеблющимся шагомъ, держа голову нѣсколько вбокъ.

— Знаете что̀, Астаховъ... меня начинаетъ забирать душевное безпокойство.

— Насчетъ чего?

— Да насчетъ васъ, Иванъ Егорычъ.

— Насчетъ меня?

— Вы знаете, я съ вами ни одной секунды не хитрила. И теперь я скажу, что у васъ прекрасныя данныя. Изъ васъ можетъ выйти артистъ, какихъ у насъ пять-шесть и обчелся.

— Я вамъ вѣрю, Юлія Павловна,—выговорилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ.

— Любовь у васъ къ искусству—на рѣдкость! О вашемъ развитіи распространяться смѣшно... Все это такъ, но...

— Есть *но*?—остановилъ онъ и поглядѣлъ на нее съ своего мѣста—онъ стоялъ у камина.

— Да, есть но... и не одно даже, а цѣлыхъ два.

— Даже два?

— Одно—о васъ самихъ. Давно я такъ никого не наблюдала, какъ васъ, Астаховъ.

— И что̀ же?

— У васъ натура—несомнѣнно артистическая... но слишкомъ, какъ это говорится по ученому—импульсивная, что-ли? Я боюсь, что вы будете проклинать меня черезъ годъ, черезъ два.

— Проклинать за что?

— Когда вамъ уже не будетъ ходу назадъ, когда васъ это чудище, которое зовутъ театръ—совсѣмъ засосетъ: а счастья вы не найдете въ этой жизни; для однихъ она запой; для другихъ—пожизненная каторга...

Астахову что-то вспомнилось.

— Юлія Павловна!—остановилъ онъ.

— Что̀, мой другъ?

— Развѣ нѣтъ такой сцены въ мелодрамѣ: „Кинъ или геній и безпутство“?

Онъ нервно разсмѣялся.

— Въ „Кинѣ“? Да! Это вѣрно. И я играю роль Кина, а вы—той молодой дѣвушки изъ общества, которая приходитъ къ нему за совѣтомъ—идти ли ей на сцену?

— Вотъ, вотъ!

— Ха, ха! Это очень остроумно и кстати! Что жъ! А развѣ то, что̀ Кинъ говорилъ ей,—не правда?

— Но вѣдь это общее мѣсто? И не такой артисткѣ, какъ вы, пугать меня жупеломъ театра!

— Но вы согласны,—спросила она, подойдя къ нему и наклоняясь надъ кресломъ,—вы согласны, что у васъ именно такая натура?

— Можетъ быть... для артиста она не порокъ. Онъ весь долженъ быть изъ безконечнаго ряда настроеній.

— Да; но любовь къ дѣлу должна владѣть имъ безусловно... и на всю жизнь. Оттого-то, въ театральной братіи, на сто человѣкъ только пять процентовъ—люди съ призваніемъ. Одного таланта мало! Можно имѣть маленькое дарованіе и сильной любовью къ дѣлу выработать изъ себя настоящаго художника. Посмотрите вы на тѣхъ, на московскихъ. Они сами про себя—и тѣ, кто на виду, и самые заурядные — говорятъ: „Мы—вродѣ сумасшедшаго дома“. Какая работа! Чисто каторжная! По пятидесяти, по сту репетицій! И какихъ репетицій! Вѣдь это вродѣ экзамена. Каждая фраза, каждое слово, жестъ, пауза — перебираются на всякіе лады. И какъ держатся за эту именно сцену? Кто выдвинется—получаетъ имя... женщина или мужчина—ихъ переманиваютъ въ провинцію, сюда. Ей предлагаютъ триста, четыреста въ мѣсяцъ, а она сидитъ на ста рубляхъ.

— И вы хотите сказать, Юлія Павловна, что такой любви у меня никогда не будетъ?

— Можетъ, и болѣе пылкое чувство. Но надолго ли—вотъ вопросъ.

— И все потому, что у меня импульсивная натура?

— Повторяю... можетъ быть, и огромный талантъ, но безъ того упорства, которое дѣлаетъ человѣка рабомъ своего призванія. Это вѣдь неволя до гробовой доски!—вырвалось у нея страстной нотой.—Мнѣ разсказывала одна старушка въ Москвѣ. Она была, молодой дѣвушкой, вхожа въ домъ Михаила Семеновича

Щепкина. Гостила у нихъ лѣтомъ, на дачѣ. Тогда еще былъ въ Паркѣ казенный театръ, и спектакли шли и лѣтомъ. Такъ Михаилъ Семеновичъ—уже совсѣмъ старцемъ—послѣ ужина сначала помолится, а потомъ, въ постели, за роль—и до поздних часовъ... хотя бы онъ эту роль игралъ на своемъ вѣку десятки разъ.

Она подсѣла къ нему и протянула руку.

— Простите, Астаховъ, что я васъ вдругъ стала расхолаживать, когда дѣло подошло къ рѣшительному моменту. Вы—не малолѣтокъ! Въ васъ это назрѣло.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Онъ спросилъ это блѣднѣя, нервнымъ голосомъ.

— Можетъ, это женская тревожность, боязнь взять на свою совѣсть... И тутъ вотъ является второе „но"...

— Второе?—повторилъ Астаховъ также нервно.

— Вы не одни, мой другъ. Сколько я знаю отъ васъ... жена ваша очень предана вамъ. Во всемъ ваша помощница...

— Что жъ изъ этого?—нетерпѣливо перебилъ онъ.

— Ей извѣстно, что вы серьезно хотите сдѣлаться артистомъ?

— Она догадывается.

— Только догадывается? Значитъ, вы скрываете отъ нея?

— Она была на томъ спектаклѣ, гдѣ я въ первый разъ выступилъ въ Самозванцѣ.

— А потомъ... про ваши дебюты, какъ моего партнера, она знаетъ?

Астаховъ не сразу отвѣтилъ.

— Я не желалъ... лишнихъ разговоровъ.

— И скрыли отъ нея? Простите,—она взяла его руку,—я не хочу васъ допрашивать. Это—ваше личное дѣло, Астаховъ. Но поймите... Я все-таки являюсь теперь вашей... какъ бы совратительницей... ха, ха! Этого мало. Вы поступите ко мнѣ въ труппу... я буду и вашей руководительницей. Ваша жена меня совсѣмъ не знаетъ. Видала ли даже на сценѣ?

— Кажется, нѣтъ.

— Но мое имя ей, вѣроятно, извѣстно. Она можетъ составить обо мнѣ Богъ знаетъ какое мнѣніе. Вообще, это мнѣ все равно. Актриса должна на это идти. Но тутъ мнѣ было бы тяжело знать, что...

— Полноте!—рѣзче перебилъ Астаховъ. — На эту почву я попросилъ бы васъ не переходить. Что жъ изъ того, что я женатъ? Это—подробность. Сколько офицеровъ въ арміи и флотѣ

не только женатые, но и съ большими семьями. А ихъ спрашиваютъ—угодно имъ отправляться на театръ войны?

— Это ихъ профессія!

— Позвольте! Они не солдаты. Они могли бы и не оставаться на службѣ. А жены моряковъ? Онѣ отлично знаютъ, что и въ мирное время могутъ по цѣлымъ годамъ не видать мужей. И какъ будто нѣтъ женатыхъ и замужнихъ между актерами и актрисами? Конечно, тридцать, если не сорокъ процентовъ...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Позвольте и вы!—горячѣе заговорила она.—Пожалуй, я, какъ женщина, и грѣшу противъ логики въ томъ, что̀ сейчасъ говорила. Но я хочу остаться вашимъ другомъ и хорошимъ товарищемъ, хотя въ товарищи мои вы, можетъ быть, и не попадете, если поддадитесь моимъ застращиваньямъ. Какъ вамъ угодно... То, что̀ вы хотите съ собою сдѣлать—для васъ не то, что̀ для гимназиста или неудачника-студента, который возомнилъ, что онъ Гамлетъ, принцъ датскій. Вы готовились къ ученой дорогѣ, вы... на службѣ въ такомъ учрежденіи...

— Неужели вы, вы—Юлія Павловна Арнаутъ—припасли, pour la bonne bouche, именно этотъ доводъ? Служба? Оставаться чинушкой? Быть въ пятьдесятъ лѣтъ награжденнымъ неизлечимымъ заваломъ печени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника съ пряжкой за двадцатилѣтнюю безпорочную службу?

— А ученая карьера? Стало быть, это было тоже временное увлеченіе?

— Должно быть,—проговорилъ онъ какъ бы съ ироніей.

— И вдругъ съ карьерой актера будетъ то же, Астаховъ? Она выговорила это громко и строго, точно она ведетъ на сценѣ такой точно діалогъ.

Онъ пожалъ плечами, отошелъ въ уголъ, сѣлъ тамъ на стулъ и сказалъ съ дрожью въ голосѣ:

— Это уже форменный допросъ.

— Ну, хорошо! Подите сюда, сядьте, не нервничайте. Вы не можете не признать, что во мнѣ говоритъ самое искреннее желаніе...

— Выгородить себя?

— Неправда! И это вы сказали сгоряча. Я люблю театръ, какъ свою родную стихію. Но я не хочу васъ тянуть въ этотъ омутъ.

— Почему омутъ?

— Омутъ—для многихъ. И тутъ задѣто мое дружеское чувство къ вамъ. Еслибы еще мы были увлечены взаимной страстью...

—выговорила она съ намѣреннымъ юморомъ.—Ни въ васъ, ни во мнѣ ея нѣтъ. Мы только пріятели.

Ему не было обидно услыхать, что она къ нему совершенно равнодушна, какъ къ мужчинѣ; но это вовсе не былъ доводъ, какъ и все то, чтò она раньше говорила.

— Если вы хотите начинать у меня, въ зимней моей tournée или здѣсь—если дѣло устроится скорѣе, чѣмъ я думаю—во всякомъ случаѣ, какъ французы говорятъ: j'ai charge d'âme, и я не хочу быть въ глазахъ женщины, которая вамъ такъ предана, какъ жена ваша—вашей тайной сообщницей!..

— Почему уже не совратительницей?

Астаховъ иронически засмѣялся.

— Подите сюда, Иванъ Егоровичъ, не будьте капризнымъ мальчикомъ. Вѣдь дѣло идетъ о вашей участи, а не о моей.

Онъ вернулся на свое мѣсто около диванчика. Юлія Павловна присѣла къ краю и опять широкимъ и задушевнымъ жестомъ протянула ему руку.

— Полноте! Не обижайте меня. Скàжете мнѣ потомъ спасибо. Если вы твердо рѣшили—не скрывайте больше отъ жены вашей. Это не хорошо... унизительно для васъ и для искусства, которое должно стоять недосягаемо высоко.

— Чтò же вамъ угодно, чтобы я теперь продѣлалъ? — выговорилъ Астаховъ, все еще не спадая съ своего нервнаго тона. —Пошелъ просить у жены позволенія: „отпусти меня въ актеры"!?

— Это не хорошо, чтò вы сейчасъ сказали!—горячо вскричала она, откидываясь на спинку дивана. — Будь я на мѣстѣ вашей жены, я бы нашла, чтò сказать вамъ. Она имѣетъ право, по меньшей мѣрѣ, на вашу искренность. Съ какой же стати вы ей поднесете такой сюрпризъ? Значитъ, вы ее ни чуточки не любите.

— Ну, конечно. Теперь явился вашъ дамскій аргументъ.

— Простите... я не судья и не духовникъ вашъ. Такъ или иначе, но надо, чтобы жена ваша обо всемъ узнала... вò-время— еще есть время—и чтобы она убѣдилась, какъ я, въ качествѣ вашей будущей директрисы, веду себя.

— Какъ вы выгораживаете себя!..

— Ну, хорошо, пусть будетъ по вашему. Но въ этомъ вы не имѣете права мнѣ отказать.

Прервавъ себя на нѣсколько секундъ, она приблизила къ нему лицо и тише тономъ сказала:

— Если васъ это такъ затрудняетъ... хотите, чтобы я имѣла разговоръ съ вашей женой?

— Ни подъ какимъ видомъ!—почти крикнулъ онъ и вскочилъ съ мѣста.

— Что̀ же васъ такъ ужаснуло, Иванъ Егоровичъ?

— Это мое дѣло. Я хочу идти на вашу сцену, потому что высоко ставлю васъ, какъ артистку.

— Надо, чтобы и жена ваша увѣрилась въ этомъ.

— Это ея дѣло. Если она меня хоть немножко любитъ, она все пойметъ.

И точно что̀ его внезапно погнало, онъ всталъ, нагнулся, пожалъ ей руку и, съ дрожью въ голосѣ, выговорилъ:

— Только—ради Бога—предоставьте мнѣ самому вѣдать мои семейныя дѣла!

Было уже четверть седьмого, когда Астаховъ вернулся домой.

Всю дорогу, въ пролеткѣ, съ приподнятымъ верхомъ, куда холодная петербургская изморозь врывалась и била ему въ лицо—онъ не могъ остыть.

„Діалогъ", который приготовила ему Юлія Павловна, не только не встрепенулъ его, какъ холодный душъ, а напротивъ, привелъ въ крайнее возбужденіе.

Онъ чувствовалъ себя взбѣшеннымъ.

Всѣ женщины находятся въ постоянномъ заговорѣ противъ мужчины, когда въ нихъ не дѣйствуетъ любовная страсть или ревность.

Даже такая „жрица искусства", какъ Арнаутъ, все-таки придралась къ тому, что у него жена, что та можетъ посмотрѣть на нее, какъ на безчестную совратительницу.

Помалодушничай онъ немножко, и она поѣхала бы къ ней или написала ей письмо, точно дѣло идетъ о мальчишкѣ, который, тайкомъ отъ родителей, хочетъ поступить въ труппу.

Но этотъ неожиданный для него разговоръ далъ ему все-таки полезную встряску. Онъ устыдился собственнаго мальчишескаго поведенія.

Вотъ уже который мѣсяцъ онъ постыдно ведетъ себя. Онъ обязанъ былъ постепенно подготовлять жену къ тому, что̀ *должно* случиться.

Конечно, она понимаетъ—и не со вчерашняго дня,—что къ этому идетъ. Еще тамъ, на берегу моря, вскорѣ послѣ отъѣзда ея пріятельницы Кружаловой, она спрашивала его: стоило ли ей продолжать ту работу, которую онъ когда-то поручилъ ей? И по переѣздѣ въ городъ, она нашла себѣ занятіе. Ей предложили двѣ бывшія подруги участвовать въ цѣломъ изданіи попу-

лярныхъ книжекъ. Это беретъ у нея много часовъ въ день и хорошо оплачивается.

Все равно, откроетъ ли Юлія Павловна свой театръ, или отправится въ tournée — никакой, въ сущности, катастрофы не произойдетъ. Маня будетъ продолжать тотъ же óбразъ жизни. Срокъ ихъ квартиры — къ веснѣ слѣдующаго года; а до тѣхъ поръ много воды утечетъ.

Но тянуть дольше онъ не будетъ. Вотъ, сейчасъ же онъ объявитъ ей.

Горничная, впуская его въ переднюю, доложила:

— Барыня сѣли кушать... извиняются. Имъ надо къ семи ѣхать.

— Хорошо!—рѣзковато отвѣтилъ онъ, проходя въ свой кабинетъ.

Тамъ онъ умылъ себѣ руки, снялъ сюртукъ и надѣлъ домашнюю визитку.

Сердце у него все еще нервно билось.

Но такъ лучше. По крайней мѣрѣ, не будетъ постыдныхъ колебаній.

Марья Денисовна кончала уже второе блюдо ихъ всегда очень скромнаго обѣда.

— Здравствуй!—окликнула она своимъ обыкновеннымъ тономъ, быстро взглянувъ на него.

Съ лѣта она замѣтно похудѣла въ лицѣ и стала еще проще одѣваться. На переносицѣ явилась складка, которая мѣняла выраженіе и старила ее.

Астаховъ сѣлъ сбоку, за свой приборъ, взялъ салфетку и, по своему обыкновенію, не развернулъ ее, а положилъ возлѣ. Ему подали тарелку супу.

Когда горничная вышла, онъ повернулся лицомъ къ женѣ и спросилъ:

— У тебя спѣшный дѣловой визитъ къ семи часамъ?

— Да... у насъ нынче родъ совѣщанія. Опоздать было бы неловко.

Въ послѣднія недѣли они очень мало видѣлись и рѣдко говорили—только за обѣдомъ. Сценъ не было. Она давно уже замѣчала, что онъ умышленно уклоняется отъ всякаго искренняго и „принципіальнаго“ разговора.

Она, со дня на день и съ часу на часъ ждала того, чего еще лѣтомъ такъ боялась, а теперь считала почти неотвратимымъ.

— Я тебя не задержу,—началъ онъ довольно громко, страннымъ, какимъ-то точно дѣловымъ тономъ.—Долгихъ объясненій не потребуется.

Она взглянула на него пристально и тотчасъ же опустила рѣсницы.

— Я тебя слушаю, Ваня.

— Сегодня... я въ послѣдній разъ былъ въ моей „лавочкѣ“.

Она давно знала, что̀ значитъ слово „лавочка“.

— Ты подалъ въ отставку?—спросила она, по звуку, совершенно спокойно.

— Завтра подамъ. Мнѣ нужна полная свобода. Такая раздвоенность несносна и унизительна.

— Развѣ на тебя кто-нибудь налагаетъ узы, Ваня?

Вопросъ прозвучалъ строже.

— Такъ или иначе... вотъ я тебѣ сообщаю. Моя жизнь должна сложиться иначе.

— Ты идешь на сцену?—досказала она, опять совсѣмъ спокойно и тихо.

— Да.

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но переждалъ, когда горничная, подавъ ему второе блюдо, удалилась.

— Ты поступаешь въ какую-нибудь труппу?

— Да,—съ нѣкоторымъ усиліемъ выговорилъ онъ и быстро провелъ салфеткой по губамъ...—Это еще не рѣшено—уѣду ли я на tournée въ провинцію, или буду членомъ товарищества... новаго театра здѣсь.

— Ты уже такъ увѣренъ въ своихъ силахъ?

Ея глаза досказали еще что-то.

— Тебѣ достаточно тѣхъ опытовъ, какіе ты дѣлалъ? Вѣдь ты выступалъ, кажется, два раза... съ той... съ провинціальной знаменитостью... съ госпожей Арнаутъ?

— Да, выступалъ.

— Зачѣмъ же ты скрывалъ отъ меня Ваня? Боялся сценъ? Я тебѣ ихъ не дѣлала. Твоя воля... Я много пережила и передумала съ нынѣшняго лѣта, съ пріѣзда къ намъ Сони Кружаловой. Напрасно только ты считаешь меня способной портить тебѣ судьбу...

Тутъ она не сдержала волненія, отвернула голову и тихо отерла глаза платкомъ.

— Тѣмъ лучше, если ты способна разумно отнестись къ дѣлу,—выговорилъ онъ, не глядя на нее.

Что-то удерживало его: подойти къ ней, приласкать, попросить прощенія за то, какъ онъ велъ себя. Онъ точно обидѣлся... на нее же.

— Тебѣ нечего было бояться!

Она быстро встала и прошла въ свою комнату, мимо него. Онъ могъ бы удержать ее на ходу—и не сдѣлалъ этого.

Ея шаги смолкли.

Вотъ она надѣваетъ теперь шляпку. Онъ прислушался.

— Поля, — доносится ея голосъ, — подайте Ивану Егоровичу пирожное. Провожать меня не надо.

А онъ сидѣлъ пристыженный, но съ чувствомъ злобной радости, предвкушая свою свободу артиста.

V.

Марья Денисовна вотъ уже второй мѣсяцъ какъ перебралась съ той квартиры, гдѣ они не одинъ годъ прожили съ мужемъ.

Она сдала ее съ мебелью и посудой довольно выгодно; на разницу въ цѣнѣ она взяла себѣ помѣщеніе въ меблировкѣ — просторную комнату съ альковомъ и небольшой уборной—ближе къ тому дому, куда она должна ходить по нѣсколько разъ въ недѣлю—носить „оригиналы" и сидѣть надъ спѣшными корректурами.

Она обѣдаетъ дома отъ хозяйки; кое-что мастеритъ и сама.

Вотъ и сегодня, вернувшись домой часу въ пятомъ, она сейчасъ же прошла на кухню, только надѣла длинный фартукъ съ рукавами.

Съ кухаркой Анисьей онѣ—большіе друзья. Та знаетъ теперь всѣ ея вкусы и не обижается тѣмъ, что „барышня" — такъ она почему-то зоветъ ее—сама купитъ себѣ что-нибудь въ зеленной и даже въ мясной лавкѣ.

Вотъ и сегодня она принесла цвѣтной капусты.

— Вы успѣете сварить, Анисья? Я раньше половины пятаго не сяду.

— Какъ не успѣть, барышня? Пожалуйте.

И, взглянувъ на кочанъ, она спросила съ хитрецой въ своихъ карихъ глазахъ:

— Сколько дали?

— Двадцать копѣекъ.

— Стоитъ.

Съ сосѣдями она близко не знакомится, но со всѣми кланяется. Это все больше холостой народъ, трудовой. Только одна барынька—неизвѣстной профессіи, и у хозяйки—„подъ сомнѣніемъ".

Горничная—изъ чухонокъ, съ поэтическимъ именемъ Алида—очень приличная особа, говорящая по-нѣмецки, съ разными тонкостями произношенія, старательная, но нервная и обидчивая. Чуть чтò — въ слезы — и будетъ плакать добрый часъ, а то и больше.

И съ ней у Марьи Денисовны лады. Она ей кое-что и чинитъ, и, когда есть время, дѣлаетъ маленькія „постирушки".

Вернувшись въ свой нумеръ, Астахова сняла фартукъ и пошла въ уборную вымыть руки. На ней ея дѣловой туалетъ, давно уже неизмѣнный: черная юбка и такая же шолковая рубашечка съ широкимъ кушакомъ; высокій стоячій воротничокъ и манжеты.

Не одна кухарка Анисья, а всѣ жильцы считаютъ ее барышней. Она стала еще тоньше въ фигурѣ, и худоба лица моложавила ее. Прическа, съ начесами на уши, прядями—очень ее красила.

Комнату свою она содержала въ необыкновенной чистотѣ. У нея большой письменный столъ и двѣ полки съ книгами. На ломберномъ столѣ, уже покрытомъ бѣлой скатертью, она обѣдаетъ и пьетъ чай. Кушетка и нѣсколько креселъ дополняютъ меблировку. На двухъ столикахъ—вещи, взятыя съ собою: разныя воспоминанія, портреты, въ томъ числѣ и фотографія мужа, рядомъ съ портретомъ ея матери.

Мать ея — въ Петербургѣ, живетъ на пенсію, все въ той же маленькой квартирѣ. Она предлагала жить вмѣстѣ. Марья Денисовна не согласилась. Лишней комнаты нѣтъ; устроивать ее заново будетъ, пожалуй, дешевле; но раньше будущей осени нельзя: квартира матери—по контракту.

Да и зачѣмъ стѣснять другъ друга? У матери—свои привычки. Она давно вдовѣетъ и привыкла къ полной свободѣ, любитъ свое одиночество.

Мать ея—„передовая" своего времени. Она и ее такъ воспитала. Съ зятемъ своимъ она ладила и была ихъ сообщницей, когда они тайно сближались. Она долго въ него „вѣрила". И когда случилась „катастрофа", мать сильно огорчилась; но никакой исторіи съ Иваномъ Егоровичемъ не затѣвала.

Онъ имѣлъ съ ней объясненіе, по своей волѣ, у нея, при которомъ дочь не присутствовала.

Ея „принципы" не позволяли ей насиловать его свободу. Онъ имѣлъ право распоряжаться своей судьбой; но онъ забылъ о своей женѣ; это она ему замѣтила мягко—какъ бы сказала и родная мать.

На это онъ ей отвѣтилъ:

— Я не бѣгу отъ Мани. Я ей не измѣнилъ. У меня нѣтъ никакой связи съ другой женщиной. Въ концѣ сезона я вернусь. Маня можетъ не разставаться со мною.

То же предложеніе сдѣлалъ онъ и ей; но она не согласилась.

— Я буду у тебя какъ бѣльмо, — сказала она прямо, довольно нервно.

Но развѣ она не была права?

Что̀ бы стала она дѣлать въ труппѣ, которая отправится въ объѣздъ по десяти губернскимъ городамъ! Состоять при мужѣ, мѣшать ему, напоминать ежеминутно — какъ онъ, по доброй волѣ, измѣнилъ своему прошлому и фактически разрушилъ ихъ совмѣстную жизнь?

Она должна работать. У нея есть маленькій капиталецъ. Но на одни проценты съ него она не могла бы жить и такъ, какъ живетъ; а мать живетъ только на пенсію, и быть ей въ тягость она ни за что не согласится.

У него — сколько ей извѣстно — есть нѣсколько процентныхъ билетовъ, можетъ быть на пять, на шесть тысячъ. Теперь онъ долженъ жить на заработокъ актера. Хорошо, если его директриса окажется состоятельной къ концу ихъ „tournée“.

Объ этой директрисѣ она уже многое знаетъ. На сценѣ она ее не видала. О наружности имѣетъ понятіе по карточкамъ. Ихъ можно имѣть въ магазинахъ цѣлую дюжину въ разныхъ роляхъ и во всевозможныхъ декольте́. Красива, и не банально красива, прекрасно сложена, чудесные волосы, если свои.

Въ провинціи она — знаменитость; играла и въ Москвѣ съ громкимъ успѣхомъ. Она изъ общества, разводка, съ большимъ „прошедшимъ“. Директорствуетъ съ тѣхъ поръ, какъ стала располагать хорошими деньгами, и эти деньги идутъ отъ какого-то московскаго туза-милліонера.

Все это ей написала Соня Кружалова сама, узнавъ, что мужъ ея пошелъ на сцену въ труппу „Арнаутши“, какъ она ее называла по-актерски.

Въ первую минуту по прочтеніи этого письма, у нея вскипѣло внутри на эту подругу и товарку, отъ которой пошло все. И какая неделикатность — первой писать ей, когда она и не думала обращаться къ ней, какъ будто она желаетъ черезъ нее узнавать про своего мужа.

Но Соня — невмѣняема. Театръ совершенно передѣлалъ ее въ существо, которое не можетъ жить ничѣмъ другимъ.

Для нея дѣло—самое простое: Астаховъ почувствовалъ влеченіе къ сценѣ; жена сначала глупо огорчилась; но потомъ поняла, что это дико—становиться ему на дорогѣ. Что же можетъ быть естественнѣе: спросить ее—какія извѣстія имѣетъ она отъ мужа, и сообщить ей то, что она слышала въ актерскомъ мірѣ.

Спектакли ихъ „tournée“ идутъ хорошо. „Арнаутша“ вездѣ пожинаетъ лавры; а рядомъ съ нею и Ардатовъ — онъ сохранилъ и въ актерахъ свой любительскій псевдонимъ.

Сама Марья Денисовна почти-что ничего не знала о мужѣ. До сихъ поръ, она получила отъ него два письма, изъ которыхъ одно—„открытка“. Видно, что онъ—въ угарѣ отъ своихъ быстрыхъ успѣховъ.

Успокоившись, она, дня черезъ два, отвѣтила Сонѣ въ Москву, гдѣ та—уже съ вѣдома мужа — поступила въ ученицы-статистки театра.

Это было недѣли двѣ назадъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ полномъ невѣдѣніи — что творится съ ея мужемъ. Съ матерью онѣ видятся часто, раза три-четыре въ недѣлю. Объ Иванѣ Егоровичѣ онѣ почти-что не говорятъ. Мать—вѣрная своимъ „принципамъ“—считаетъ непростительнымъ касаться того, что могло быть и больнымъ мѣстомъ для дочери.

Почти каждый день, просыпаясь, ея дочь спрашиваетъ себя:

„Вернется ли онъ?“

У нея дѣлается холодно въ груди отъ мысли, что она, быть можетъ, навѣки покинута своимъ Ваней.

Натура у нея не такая, чтобы безпробудно убиваться. Къ этому фактическому „разъѣзду“ она имѣла время приготовиться. Она не умретъ отъ разлуки съ мужемъ, не хочетъ рисоваться напускными чувствами.

Ударъ нанесенъ. Жизнь пойдетъ по другому. Есть полная возможность, что любимый человѣкъ, съ кѣмъ она собиралась коротать свой вѣкъ, увлечется другой женщиной. И не одной... обзаведется, быть можетъ, и семействомъ... будетъ имѣть одну или нѣсколькихъ театральныхъ женъ. Вѣдь на сценѣ такія связи мѣняются съ труппой, съ новымъ сезономъ: настолько-то она слышала и читала объ актерскихъ нравахъ.

Но часто она говоритъ себѣ:

„Рано или поздно онъ вернется“...

Если ея сердце не изноетъ до тѣхъ поръ въ одиночествѣ и не будетъ искать новой привязанности—она приметъ его... какъ евангельскаго блуднаго сына.

Къ этой эффектной и, кажется, очень ловкой и прожже-

ной Арнаутшѣ она его, почему-то, нисколько не ревнуетъ. Она боится не того, что та влюбитъ его въ себя и сдѣлаетъ своимъ рабомъ. Но въ ея школѣ онъ можетъ безповоротно предаться сценическому запою.

Горничная Алида вошла накрыть на столъ. Марья Денисовна сидѣла уже у стола и укладывала какіе-то листы въ одинъ изъ боковыхъ ящиковъ.

Ея вечера будутъ теперь не такъ однообразны. Она позволила себѣ присмотрѣть недорогое піанино и возьметъ его напрокатъ на три мѣсяца: такъ цѣна дешевле. А свой инструментъ она оставила въ квартирѣ и беретъ за него такую же почти плату, какую сама будетъ платить. Піанино должны принести завтра.

— Алида, — сказала она по-нѣмецки горничной, когда та ставила миску.—Завтра, безъ меня, принесутъ піанино. Я вамъ уже говорила. За него заплачено. На чай вы дадите рабочимъ тридцать копѣекъ.

Алида музыкальнымъ звукомъ отвѣтила неизмѣнное:

— Ja, gnädiges Fräulein.

Марья Денисовна не поправляла ее. Пускай считаютъ ее незамужней женщиной. Къ ней никакихъ мужчинъ не ходитъ. У нихъ было очень мало знакомыхъ. Въ два семейства она заходила изрѣдка.

Внося второе блюдо, Алида что-то вспомнила. Она страдала забывчивостью.

Покраснѣвъ густо, она извинилась, докладывая, что сегодня была какая-то молодая барышня... и хотѣла видѣть „gnädiges Fräulein“. У нея письмо... изъ Москвы, и она придетъ вечеромъ, не позднѣе осьми.

Марья Денисовна ни о комъ не подумала и спокойно отвѣтила, что она будетъ, объ эту пору, дома.

Къ ней являются довольно часто ищущія работы.

Ихъ столько! А многихъ ли удается пристроить?

Послѣ обѣда Марья Денисовна немного отдыхала на кушеткѣ. За день она порядочно утомится. И до сихъ поръ у нея есть чисто петербургская привычка къ ночной работѣ, почему она никакъ и не можетъ наладить себя вставать рано.

Она еще лежала на кушеткѣ, но уже не спала, когда Алида, показавшись въ дверяхъ, доложила ей, что ее желаютъ видѣть.

Комната стояла полуосвѣщенной одной лампой на письменномъ столѣ.

— Попросите!

Марья Денисовна спустила ноги, но осталась на кушеткѣ.

Въ дверь проникла бочкомъ женская фигурка въ темномъ, въ низенькой котиковой шапкѣ и короткой кофточкѣ.

— Мадамъ Астахова?—спросила она слабымъ, вздрагивающимъ голоскомъ и остановилась въ поларшинѣ отъ двери.

— Это я... Милости прошу.

— Извините... вы, кажется, отдыхали.

Въ рукахъ она держала письмо и сдѣлала еще два шага впередъ.

— Садитесь пожалуйста,—настоятельнѣе пригласила ее Астахова,—вотъ сюда.

Она перешла къ письменному столу и указала ей на стулъ сбоку стола.

Тутъ только она могла разглядѣть наружность гостьи. Блондинка съ изможденнымъ личикомъ и огромными глазами. Точно она только-что вышла изъ больницы. И вся трепетная, очень жалкая. Одѣта чистенько, но во все уже поношенное.

Исторія извѣстная—бьется безъ работы или только-что встала послѣ долгой болѣзни.

— Мамурина моя фамилія. Я къ вамъ, Марья Денисовна, отъ вашей бывшей подруги, Софьи Богдановны.

— Кружаловой?

— Да... Вотъ ея письмо.

Астахова взяла изъ ея вздрагивающихъ рукъ письмо и положила-было на столъ, не читая.

— Нѣтъ... пожалуйста... прочтите.

Въ голосѣ заслышались слезы.

Письмо, дѣйствительно, было отъ Кружаловой, на четырехъ страницахъ.

Въ началѣ она просила ее принять участіе въ этой „молодой особѣ“ — очень несчастной — насколько это для нея возможно. Въ чемъ дѣло — она ей сама объяснитъ. И, вслѣдъ затѣмъ, рѣчь пошла исключительно о ея мужѣ, его успѣхахъ и положеніи въ труппѣ „Арнаутши“.

Кончала она такими словами:

„Зная твой характеръ, я сомнѣваюсь, чтобы ты стала хлопотать объ этой неудачницѣ, достойной, во всякомъ случаѣ, лучшей участи. Врядъ ли ты будешь просить о чемъ-нибудь Ивана Егоровича. Во-первыхъ, ты слишкомъ лично относишься къ театру, съ тѣхъ поръ, какъ мужъ твой пошелъ на сцену. А во-вторыхъ, у тебя могутъ быть и разные другіе scrupules... Особенно если до тебя будутъ доходить разныя сплетни“.

Этотъ конецъ письма не столько смутилъ ее, сколько показался страннымъ.

— Я не совсѣмъ понимаю,—сказала она, поднявъ голову,— чѣмъ я могу быть полезной вамъ?

Что-то ее вдругъ укололо.

— Простите... Марья Денисовна, — залепетала маленькая женщина, конфузясь и покраснѣвъ.

„Будетъ просить на бѣдность",—подумала Астахова.

— Софья Богдановна—ваша подруга. Мы съ ней познакомились въ Москвѣ, въ прошломъ году. Я хотѣла поступить туда же... и не была принята. Мнѣ долго разсказывать про всѣ свои мытарства, да и васъ совѣстно утомлять.

— Вы артистка?—остановила Астахова.

— Да... и который уже годъ! Вы на меня такъ глядите... съ удивленіемъ. Я знаю — у меня такая внѣшность, особенно теперь, послѣ долгой болѣзни. Но вѣдь я никогда и не мечтала быть драматической jeune première. Я ingénue, но не въ водевиляхъ, а въ искреннихъ роляхъ.

— Съ настроеніемъ, какъ нынче всѣ говорятъ?—сказала Астахова, усмѣхнувшись.

— Да, если хотите. Это хорошее слово.

— Ужасное!—вырвалось у Марьи Денисовны.

— Я спорить не буду.

Просительница перевела дыханіе. Дышала она скоро, какъ слабогрудая, и постоянно откашливалась въ платокъ.

„Да у нея туберкулозъ!"—подумала Астахова.

— Долго разсказывать... Знаете, какъ меня прозвали въ труппѣ, еще года два назадъ...

— Не могу угадать.

— Чайка... Чеховская чайка! Вродѣ этого и моя судьба.

— Стало... несчастная любовь?—тихо спросила Астахова.

Глаза маленькой женщины замигали.

„Вотъ, сейчасъ разревется",—подумала Марья Денисовна, и ей стало непріятно, что она позволила себѣ такой нескромный вопросъ.

— Все было. И знаете, какъ я только... въ деревнѣ это было, также въ усадьбѣ—прочла эту вещь въ одномъ журналѣ,— моя судьба была рѣшена.

— Вмѣсто того, чтобы оттолкнуть васъ отъ этой дороги.

— Съ дѣтства... я обожала театръ... это уже отъ рожденія, Марья Денисовна. Вотъ видите, я пришиблена... въ настоящую

минуту... здоровья нѣтъ, работы также, а я не могу, не могу бросить сцену, не могу!

Чтобы не расплакаться, она прижала платокъ ко рту.

Астаховой тутъ только сдѣлалось жаль эту забитую, больную дѣвушку, которой, вѣроятно, на роду было писано—сдѣлаться неудачницей изъ ряду вонъ!

Она протянула къ ней обѣ руки.

— Но развѣ нѣтъ другого заработка? Вы вѣдь совсѣмъ свободны?

— Совсѣмъ. Теперь у меня никого нѣтъ.

— Умерли родители?

— Все равно, что покойники. Ходу мнѣ туда—она провела рукой—нѣтъ и не будетъ. Все равно, еслибъ меня сослали на островъ Сахалинъ... Позвольте, Марья Денисовна, спросить васъ: вотъ, я бы пришла просить у васъ работы... переводчицы или переписчицы... вы бы отвѣтили: ничего нѣтъ... извините!

„Развѣ это не такъ?"—мысленно спросила себя Марья Денисовна.

— Вѣдь на одну ваканцію—сто, двѣсти желающихъ. Вездѣ одно и то же. Переписывать?.. Это гроши! Лучше въ бонны, на пятнадцать рублей. И что̀ это за жизнь! Господи! Хуже, чѣмъ горничной или кухарки.

И съ этимъ возраженіемъ должна была согласиться Марья Денисовна.

— И вы... еслибъ и нашлась вамъ работа—не промѣняли бы на нее ангажементъ?

— Ни въ жизнь! — воскликнула высокой нотой маленькая женщина.

Астахова ждала, о чемъ она будетъ просить, хотя знала уже впередъ—въ какомъ родѣ будетъ эта просьба.

— Вамъ Софья Богдановна пишетъ... Теперь въ труппѣ Арнаутъ вашъ мужъ, по театру Ардатовъ... вѣдь такъ? Онъ сразу имѣлъ большіе пріемы вездѣ... Мнѣ писали подруги и Юлія Павловна...

— Кто это?—строже спросила Астахова.

— Сама Арнаутша... какъ у насъ ее зовутъ давно. Она очень выдвигаетъ вашего мужа. Ему ничего не будетъ стоить...

— Но у нихъ труппа уже составлена, насколько я знаю.

— Я хоть въ выходныя. Это превосходная школа. Арнаутъ сама — чудесный учитель. И режиссеръ у нея Крапивниковъ. Изъ московскихъ... Господи! Я хоть на хлѣбъ и воду... только бы

попасть въ такую труппу... Что же вамъ стоитъ, Марья Денисовна?

Она просительно сложила трепетныя руки.

Астахова помолчала.

— Простите... я не могу быть вамъ полезной.

— Вы... развѣ... разошлись съ вашимъ мужемъ?—быстро спросила просительница и усиленно замигала воспаленными глазками.

— Нѣтъ... не потому. По другимъ мотивамъ.

— Хоть карточку. Я ѣду завтра въ Москву... оттуда я пошлю. И Софья Богдановна не откажетъ мнѣ въ рекомендаціи... Только вашу карточку... и два слова. Умоляю васъ!

Опять она прижала платокъ къ губамъ.

— Карточку... извольте,—съ усиліемъ выговорила Астахова и подошла къ письменному столу.

Маленькая женщина бросилась благодарить ее, порываясь схватить кисть ея руки и поцѣловать.

VI.

Поздно проснулся Иванъ Егоровичъ—вотъ уже третій мѣсяцъ гастролеръ „Ардатовъ"—въ нумерѣ гостинницы „Лондонъ", въ одномъ большомъ губернскомъ городѣ.

Въ головѣ—явственный шумъ и боль въ правомъ вискѣ. Во рту—отвратительный вкусъ.

Несомнѣнно—онъ въ состояніи „катценъяммера"—подумалъ онъ по-студенчески.

Неужели онъ уже втянулся настолько въ „артистическія" привычки?

Безъ ужиновъ дѣло не обходится, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ труппѣ, особенно съ этимъ переѣзжаньемъ изъ города въ городъ. Отъ нихъ онъ уклонялся въ Петербургѣ, насколько это возможно, если бывалъ на журъ-фиксахъ, гдѣ даютъ ужинать. Но въ актерскомъ быту это немыслимо!

Весь режимъ перевернутъ вверхъ дномъ. Прежде онъ пилъ чай въ девять часовъ утра, завтракалъ передъ уходомъ на службу, обѣдалъ въ шесть и пилъ вечерній чай съ холодной ѣдой около десяти. Такое же распредѣленіе соблюдалось и на дачѣ.

Теперь—и это началось въ первый день его новой службы—утренній кофе или чай, когда придется, потомъ ранній обѣдъ

въ четыре, много въ пять, и послѣ спектакля или вечерней репетиціи—ужинъ, и непремѣнно въ трактирѣ, или клубѣ, или въ столовой той гостинницы, гдѣ живутъ главные „сюжеты" труппы вмѣстѣ съ антрепренершей.

И всегда „возліянія", особенно въ клубахъ и въ гостинницѣ, послѣ удачныхъ спектаклей съ „премьерой", т.-е. съ пьесой, еще не игранной въ этомъ городѣ.

Вездѣ уже водятся кружки „отчаянныхъ" театраловъ, рецензенты, богатенькіе „друзья театра", купчики съ образованіемъ, барыньки-любительницы, мечтающія о настоящей сценѣ, инженеры, подрядчики, тароватые адвокаты, офицеры, тамъ, гдѣ стоятъ кавалерійскіе полки.

Безъ угощеній такіе ужины не могутъ обходиться и между собою, и отъ почитателей таланта.

Въ жизни своей онъ не выпилъ столько „холоднаго", русскихъ и французскихъ марокъ, какъ въ эти двѣ недѣли. За столомъ начинаются безконечные разговоры, споры или изліянія, а потомъ спичи. Всѣ ныньче—спикеры: и актеры, и чиновники, и купцы, и военные, и дамы, вплоть до учителей гимназіи и... гимназистовъ на возрастѣ, съ большой растительностью на верхней губѣ и подбородкѣ.

Онъ не воображалъ, что въ провинціи—такое повѣтріе на застольныя рѣчи и здравицы.

И съ перваго же ужина онъ сдѣлался какъ бы оффиціальнымъ спикеромъ ихъ труппы.

Вѣдь онъ—изъ ученыхъ, чуть не магистрантъ. Его патронша любитъ похвастаться такимъ „ученикомъ" и всячески выставлять его въ самомъ интересномъ свѣтѣ для женской интеллигенціи. И это стало его затягивать. Застольные успѣхи дополняли тѣ „пріемы", какими онъ сразу началъ пользоваться, особенно со стороны женской публики.

Онъ старался воздерживаться отъ излишнихъ возліяній; но случалось уже нѣсколько ужиновъ, послѣ которыхъ у него шумѣло въ головѣ.

Не такъ, какъ вчера.

Безъ спичей и оваціи и подвинченныхъ разговоровъ—только въ своей компаніи—онъ незамѣтно „ошибся въ разсчетѣ",—какъ острилъ всегда на эту тему ихъ первый комикъ.

Не было ли это желаніемъ забыться, затопить тотъ червякъ, который грызъ его—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ актеръ?

Болѣе, чѣмъ вѣроятно.

За столомъ были только товарищи и еще одинъ рецензентъ, влюбившійся въ ихъ труппу съ перваго спектакля.

Вчера былъ ихъ предпослѣдній вечеръ въ этомъ городѣ.

Патронша разсчитывала на огромный сборъ. Шла въ первый разъ здѣсь та пьеса, гдѣ Астаховъ игралъ еще любителемъ съ нею же. Этотъ успѣхъ, въ сущности, и рѣшилъ его судьбу.

А случилось совсѣмъ другое.

Еще на репетиціи онъ совсѣмъ не узнавалъ свою партнершу. Обыкновенно, она играла всегда „въ полъ-игры"; а тутъ только читала по суфлеру, была разсѣянна, не сдѣлала ему ни одного замѣчанія, и вся репетиція прошла спустя рукава.

Помощникъ режиссера, юркій человѣкъ, большой сплетникъ по профессіи, шепнулъ ему:

— Наша Арнаутша — въ разстройствѣ. Что-то у ней неладно по любовнымъ дѣламъ. Ихъ степенство... господинъ главный покровитель... чѣмъ-то весьма недоволенъ. Это можетъ отразиться на субсидіи.

Тотчасъ по вступленіи въ труппу, его „просвѣтили" насчетъ директрисы.

Это было ему—на первыхъ порахъ—какъ-то особенно непріятно. Женщины въ ней онъ не искалъ; да и она поторопилась сразу же установить между ними чисто-товарищескія отношенія, и на первомъ же большомъ ужинѣ выпила съ нимъ брудершафтъ.

Но въ лицѣ этой женщины началась передъ нимъ „стирка бѣлья", обнаруженіе всего того нечистоплотнаго, что̀ такъ въѣлось въ закулисные нравы.

Культъ новаго искусства еще не скоро очиститъ эти нравы. Онъ это увидалъ раньше, чѣмъ ему хотѣлось, и прежде всего на своей руководительницѣ.

Сначала онъ помирился съ тѣмъ, что есть въ Москвѣ нѣкоторый „тузъ", съ которымъ у нея давнишняя, какъ бы полусупружеская связь; какъ первый комикъ называетъ: „купецъ, дарящій жилетки"—фраза, передѣланная изъ жаргона одной изъ героинь „Доходнаго мѣста". И этотъ анонимный финансовый покровитель — разумѣется, женатый, съ огромной семьей и въ весьма почтенныхъ лѣтахъ.

Только-что Астаховъ помирился съ этимъ, какъ начали всплывать другіе симптомы, и всѣ почти члены труппы взапуски стали знакомить его съ сердечными дѣлами „патро̀нши".

Оказалось, что она нѣсколько лѣтъ „жила" съ провинціальнымъ актеромъ, изъ самыхъ заурядныхъ, долго таскала его

съ собою; для нея его больше и брали антрепренеры; а съ послѣдняго лѣта вышелъ разрывъ или временный разъѣздъ, и она его въ свое tournée не взяла. Про него всѣ—и мужчины, и женщины—одного мнѣнія: грубъ, дерзокъ, бездаренъ, выпиваетъ, буянъ, вульгарной наружности. Но женщины на него падки.

Не устояла и она—даже въ самый расцвѣтъ своего таланта и красоты. Для многихъ это оставалось загадкой.

Актриса на „grande dame"—изъ бывшихъ гувернантокъ—думаетъ, что ихъ связь еще не прервана и что можетъ выйти что-нибудь „экстраординарное".

Она при этомъ вспомнила громкій скандалъ на одномъ изъ столичныхъ театровъ, когда покинутый любовникъ, на репетиціи, сталъ поносить первую актрису самыми позорными словами.

Третьимъ открытіемъ былъ новый романъ его руководительницы въ самой труппѣ. Это сдѣлалось на его глазахъ. Она пригласила на „вторыхъ любовниковъ" красиваго мальчика, съ талантцемъ, сына артиста съ большимъ именемъ, воспитаннаго, съ голоскомъ, бывшаго ученика консерваторіи. Она имъ стала заниматься особенно ревностно, и въ труппѣ уже пронюхали, что тутъ дѣло „не чисто".

Это опять огорчило его, не такъ, какъ фактъ „купца, дарящаго жилетки", но довольно сильно.

Получалось что-то чисто театральное, граничащее съ распущенностью.

Юлія Павловна, произведя его въ свои друзья, полегоньку дѣлала изъ него наперсника, и онъ ждалъ—вотъ-вотъ, она будетъ его вводить въ свои интимныя дѣла. На поддержку изъ Москвы она уже намекала. Но ни про свою связь съ тѣмъ провинціальнымъ актёромъ, ни про „капризъ" къ второму любовнику своей труппы еще не проронила ни слова.

Это могло случиться не сегодня, такъ завтра.

Она чѣмъ-то сильно разстроена съ вчерашняго утра; поэтому такъ и репетировала. Это на него подѣйствовало чрезвычайно. Тутъ только увидалъ онъ — до какой степени онъ впечатлителенъ. Онъ старался играть, но ея спѣшная и сухая „чітка" совсѣмъ сбивала его. Ни одна фраза, ни одинъ жестъ не удались ему, и онъ къ третьему акту, гдѣ знаменитая любовная сцена доктора съ профессоршей —чувствовалъ себя какъ въ тискахъ, и рѣшилъ не играть, не волноваться, а только быть твердымъ въ текстѣ, возлагая надежду на вечеръ.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ они побывали, у него не было плохихъ „пріемовъ". Эту роль онъ вправѣ былъ уже

считать „коронной“. Она должна была дать ему пріемъ „фурорный“, не меньше, чѣмъ самой патроншѣ.

А вечеръ вышелъ печальный. Она, правда, „играла“, но ни онъ, ни другіе въ труппѣ не узнавали ее. Это сразу сшибло его съ тона. Въ антрактахъ между первымъ и вторымъ дѣйствіями онъ, для бодрости, выпилъ большую рюмку коньяку. Оно было и кстати, такъ какъ докторъ все время—„на сильномъ взводѣ“.

Ничего у него не выходило. Приплясыванье и гиканье подъ гитару прошло такъ „пакостно“, что онъ чуть не заплакалъ.

И она играла вяло, тянула, была неавантажна и по туалету. Ingénue—въ роли ея падчерицы, по пьесѣ—увлекла публику; а ее вызвали всего два раза; и ни одного голоса, даже изъ райка:

— Ардатовъ!

Она сказала ему, за сценой:

— Это нашъ первый провалъ, Астаховъ.

Вдобавокъ, сборъ неважный; а пьеса назначена была къ повторенію.

Вчера онъ испыталъ, что̀ такое *актерское чувство провала или неуспѣха.*

Никакая карьера не даетъ его. Ни чиновникъ, ни писатель, ни художникъ—живописецъ, скульпторъ,—ни композиторъ не знаютъ *этого* именно чувства.

Легко ему было прежде—когда онъ считалъ себя принадлежащимъ къ сливкамъ интеллигенціи—возмущаться „безобразнымъ“ тщеславіемъ „лицедѣевъ“, ихъ жаждой успѣха, овацій, подарковъ, массовыхъ увлеченій публики.

Надо войти въ кожу всякаго такого „лицедѣя“. Ни въ одной профессіи никто такъ не питается потребностью признанія своего таланта, какъ на подмосткахъ.

Писатель также ищетъ успѣха, дорожитъ отзывами; но онъ выступаетъ разъ, два въ годъ съ повѣстью или романомъ. Даже сценическій писатель, выходя раскланиваться съ публикой и рискуя услыхать и шиканье, и свистъ, испытываетъ это разъ, много два въ сезонъ, а то и въ нѣсколько лѣтъ.

А тутъ ежедневная игра, рулетка, повышеніе и паденіе!..

Уже съ первыхъ вечеровъ, въ настоящей труппѣ, онъ позналъ эту особенную чуткость къ малѣйшимъ оттѣнкамъ „пріема“. Вчера „выкатили“ пять разъ, а сегодня—только три; вчера хлопали во всѣхъ актахъ; а сегодня—ни хлопка послѣ такого-то дѣйствія.

И во всѣхъ товарищахъ—та же лихорадка; въ мужчинахъ

и въ женщинахъ. Трудно даже сказать: въ комъ больше. Начинаетъ щемить въ груди, пропадаетъ сейчасъ же возбужденное настроеніе, точно вамъ нанесли нестерпимую обиду.

А вчера былъ „форменный провалъ"—какъ, навѣрное, говорятъ всѣ коллеги, даже и тѣ, кто за ужиномъ строилъ фальшивыя фразы о „тупоголовой публикѣ".

Видишь насквозь всю эту актерскую фальшь; но вамъ до нея дѣла нѣтъ, пока у васъ есть пріемъ, пока вы испытываете сладостное щекотаніе отъ хлопанья и криковъ, даже самыхъ некультурныхъ, а въ провинціи—зачастую—прямо пьяныхъ.

Вчера его первая осѣчка—хотя вовсе не скандальная—такъ его разстроила, что онъ искалъ, впервые, забвенія въ винѣ. Но кромѣ сегодняшняго недомоганія—ничего не получилъ.

Она не ужинала, ушла къ себѣ въ номеръ и сказала ему, что если завтра къ двумъ часамъ сборъ не будетъ на двѣ трети— они сдѣлаютъ *анноисъ* и сегодня играть не будутъ; а завтра, наканунѣ отъѣзда, дадутъ другую вещь съ ея „коронной" ролью, въ которой онъ не занятъ и гдѣ она выпускаетъ каждый разъ своего новаго любимца, хорошенькаго и сладкаго Любскаго.

Вчера же кто-то изъ „коллегъ", выпивши, сталъ дѣлать прозрачные намеки на то, что онъ—Ардатовъ—состоитъ въ любимцахъ № 1, а Любскій—въ „подлюбимцахъ". И онъ знаетъ уже, что его считаютъ возлюбленнымъ патронши, чуть не ея Альфонсомъ.

До исторій еще не доходило; но у него есть предчувствіе, что не сегодня-завтра что-нибудь выйдетъ. Надо будетъ заблаговременно оградить себя отъ дальнѣйшихъ нечистоплотныхъ шуточекъ и остротъ.

Репетиція назначена была въ одиннадцать; но, навѣрное, никого еще нѣтъ.

Астаховъ одѣвался вяло. Надо было что-то съ собою сдѣлать. Принять чего-нибудь, чтобы прошло это недомоганіе.

Чего же? Неужели рюмку или двѣ коньяку? Стало быть, онъ дошелъ уже до потребности „опохмелиться", какъ форменный алкоголикъ?

Это пристыдило его, почти испугало.

Онъ позвонилъ и приказалъ коридорному подать себѣ кофею.

— Госпожа Арнаутъ еще не выходила въ столовую?—спросилъ онъ его, когда тотъ принесъ кофе.

— Не могу знать. А впрочемъ врядъ-ли-съ.

Онъ долженъ захватить ее у нея въ номерѣ, попросить, чтобы спектакль былъ непремѣнно отмѣненъ, если къ часу дня

будетъ только половина сбора; а врядъ-ли и столько наберется. Вчерашній вечеръ вызвалъ большое уныніе въ труппѣ—припадокъ чисто-актерскаго малодушія.

Сегодня хотя у него и трещитъ голова, но онъ соображаетъ, что, въ общемъ, пьеса прошла изрядно, а ingénue и тотъ актеръ, что игралъ профессора, были и совсѣмъ какъ слѣдуетъ, въ особенности этотъ резонеръ—самая крупная провинціальная знаменитость съ двойной фамиліей Терскій-Брянскій.

Астаховъ вышелъ въ темноватый коридоръ, очень неопрятный, съ неизбѣжными запахами провинціальной гостинницы. Двойной номеръ антрепренерши былъ въ глубинѣ, въ противоположномъ углу.

Онъ тихонько вступилъ въ совсѣмъ темную прихожую, заставленную сундуками и корзинами, хотѣлъ постучать въ дверь, ведущую въ первую комнату, гдѣ она принимала; но его остановилъ громкій возгласъ, а потомъ цѣлый потокъ словъ, должно быть, бранныхъ, мужскимъ, хриповатымъ, глухимъ голосомъ.

Это его смутило. Рука, взявшаяся-было за ручку двери, опустилась.

— Тварь!—крикнули опять, и не за дверью, а подальше.

Что-то сдвинули—стулъ или кресло.

Раздался женскій крикъ. Онъ сейчасъ же узналъ ея голосъ.

Астаховъ ринулся въ номеръ, не разсуждая. Происходило какое-то насиліе надъ женщиной.

Онъ пробѣжалъ первую комнату, отдѣланную гостиной, и остановился у полуотворенной двери въ слѣдующую.

Вотъ что̀ представилось ему:

Курчавая голова съ просѣдью и спина рослаго, плечистаго мужчины, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, и правая рука, вскинутая наотмашь, чтобы нанести ударъ. Лѣвой рукою онъ держалъ Арнаутъ за шею, пригнувъ къ землѣ.

Раздался ударъ.

У Астахова позеленѣло въ глазахъ. Онъ схватилъ его сзади за шею и съ силой оттащилъ назадъ, такъ что тотъ чуть не упалъ на спину.

— Негодяй!—крикнулъ Астаховъ, еще не видя, кто это.— Бить женщину! Мерзавецъ!

Онъ такъ былъ возбужденъ, что схватилъ того за плечи и началъ трясти его, полупростертаго на полу. У него, отъ нервности, застучали челюсти, и онъ не могъ ничего больше выговорить.

— Онъ убьетъ меня!—простонала она, поднимаясь съ пола, и, чуть живая, поплелась къ кровати, куда и упала.

— Спасите меня! Обыщите его! У него навѣрно револьверъ!

Волосы ея были страшно растрепаны—точно онъ ее таскалъ за нихъ по полу.

Тутъ только Астаховъ вмигъ все сообразилъ. Это—тотъ... давнишній сожитель... про котораго ему говорили. Явился произвести разгромъ, узнавъ, вѣроятно, что у него есть замѣститель.

„Можетъ и меня считать ея возлюбленнымъ!“ — также быстро подумалъ онъ.

— Пустите! Вы!.. Сволочь! Я васъ раздавлю, какъ козявку!

Тотъ уже стоялъ на ногахъ. Отъ него пахло спиртнымъ, но онъ не былъ пьянъ. Свой кулакъ онъ уже вытянулъ прямо противъ лица Астахова.

Онъ, конечно, вдвое сильнѣе его. Это сейчасъ чувствовалось; но нервность Астахова поднялась градусомъ выше. Онъ схватилъ его прямо за кулакъ, повернулъ, вытолкнулъ въ дверь и заперъ ее на ключъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

— Ха, ха, ха!—раздался оттуда актерскій хохотъ.—Вотъ и Альфонсъ номеръ первый! Добро пожаловать! Я васъ угощу боксомъ!

Она истерически всхлипывала, и руки ея начала уже поводить судорога.

— Не ходите къ нему! — заныла она. — Онъ силачъ! Онъ убьетъ и васъ... Боже мой, Боже мой!

Но оставлять того въ номерѣ—значило допустить что-нибудь непоправимо-скандальное. Голова Астахова работала отчетливо и быстро.

Онъ отперъ дверь и опять подбѣжалъ къ актеру, схватилъ его за плечи, сбоку, повернулъ и вытолкалъ сначала въ переднюю, потомъ—въ коридоръ, гдѣ позвалъ коридорнаго.

— Извольте уходить!—глухо крикнулъ онъ—или я сейчасъ пошлю за полиціей!

— Да вы кто такой? Въ пажахъ состоите у той старой прелестницы?

— Молчать!

Астаховъ, блѣдный, отдался новому взрыву негодованія и омерзѣнія къ этому настоящему Альфонсу съ наружностью громилы.

Показался коридорный, и за нимъ еще двое изъ прислуги.

— Этотъ господинъ ворвался къ госпожѣ Арнаутъ. Пошлите за хозяиномъ.

Скандалъ все-таки былъ неизбѣженъ; но съ такимъ индивидомъ не было никакихъ другихъ средствъ.

— Въ участокъ? А?—захрипѣлъ актеръ.—Идемъ! А пока, услужающій! — крикнулъ онъ коридорному: — номеръ мнѣ сейчасъ! Я жить здѣсь хочу! И никто не имѣетъ права меня гнать!

Коридорный и кухонный мужикъ—должно быть, привычные къ такимъ сценамъ—взяли его довольно дружно подъ мышки и повели. Они его сочли за бушующаго „во хмелю" актера.

Астаховъ бросился назадъ, въ номеръ.

Тамъ уже была ея горничная, привезенная изъ Петербурга. Она, какъ-разъ, отлучилась, когда въ номеръ проникъ тотъ нежданный посѣтитель.

Юлія Павловна сидѣла въ креслѣ, и горничная успѣла уже поправить ей волосы.

— Поля! Выдьте! Я позову... Но никуда не уходите!

Горничная вышла.

— Гдѣ онъ?

Она схватила Астахова за руку.

— Господи! Всѣ слышали!.. Онъ не уйдетъ.

— Его повели къ хозяину.

— Милый! Ты мой спаситель... Онъ бы убилъ меня! Это уже второй разъ...—обмолвилась она.

„Стало быть, ты не въ первый разъ бита?"—добавилъ Астаховъ про себя.

И „ты", которое установилось между ними, рѣзнуло его по уху.

Точно и въ самомъ дѣлѣ онъ — ея возлюбленный „номеръ первый", какъ кричалъ тотъ громило. Впервые театральная грязь во всю пахнула на него своимъ благоуханіемъ.

— Надо затушить! Заткнуть ему глотку!—вырвалось у нея. —Иначе онъ не уѣдетъ изъ города. Боже мой!

Она схватилась за виски. Тутъ только Астаховъ увидалъ у нея замѣтные подтеки подъ глазами.

— Я все сдѣлаю... успокойтесь. Но вы не можете играть сегодня.

— Ни подъ какимъ видомъ. И вонъ, вонъ отсюда!...

Тутъ только ему стало ее жаль. Онъ нагнулся и совершенно рефлективно взялъ ее за руки.

Она поцѣловала его въ лобъ.

„Возлюбленный номеръ первый!"—повторилъ онъ про себя.

VII.

Идетъ генеральная репетиція. Пьесу ставятъ въ первый разъ за всю „tournée“, въ пользу самой антрепренерши.

У Астахова, въ этой самоновѣйшей вещи, съ усиленнымъ „настроеніемъ“, роль—неблагодарная, любовника-нытика, безъ ярко очерченной физіономіи, почти неврастеника, съ длиннѣйшими нудными монологами.

Онъ очень недоволенъ собою и, удалившись въ свою уборную, протверживаетъ роль, во время второго дѣйствія, гдѣ онъ „не занятъ“.

Уборная—убогая, холодная—нагрѣвается желѣзной печуркой, грязная. Они играютъ въ городскомъ театрѣ, который стоитъ уже второй годъ пустымъ и даже считается небезопаснымъ—того гляди, обрушится.

Прошло цѣлыхъ три недѣли со скандала въ гостинницѣ того губернскаго города.—„Громилу“ спровадили. Онъ взялъ отступного—кажется, рублей пятьсотъ, если не больше.

Безъ огласки это не могло обойтись. Его выпроводили, припугнувъ губернаторомъ. Но исторія огласилась. Стало извѣстно всѣмъ въ труппѣ, что Астаховъ „спасалъ“ директоршу. Сплетня размалевала всѣ детали: будто Астаховъ и Безпашенный—фамилія актера—вступили въ рукопашную; никто не сомнѣвался и въ томъ, что старый сожитель „Арнаутши“ билъ ее „смертнымъ боемъ“—подтеки подъ глазами дня два не проходили; даже и подъ бѣлилами были замѣтны.

И на его долю выпала самая глупая и неопрятная роль, отъ которой ему рѣшительно нельзя отдѣлаться, пока онъ въ труппѣ; а разорвать контрактъ—нѣтъ повода и смысла. Лично, какъ артистъ, которому дорого свое дальнѣйшее развитіе,—онъ проходитъ прекрасную школу.

За все время у него была всего единственная осѣчка—тогда, въ „Дядѣ Ванѣ“, наканунѣ исторіи въ ея номерѣ.

Но положеніе въ труппѣ—какъ онъ ни крѣпится—неловкое и, что̀ всего хуже, глупо-неловкое. Онъ—жертва злоязычія, которое, какъ плѣсень, въѣлось въ актерскій бытъ. А злоязычіе питается, въ данномъ случаѣ, уликами противъ него.

Антрепренерша всѣмъ показываетъ, что онъ—ея любимецъ; она съ нимъ на „ты“, даетъ ему прекрасныя роли, расхваливаетъ его на разные лады. Исторія съ „громилой“ усилила всѣ эти косвенныя улики и превратила ихъ въ прямыя.

Но это еще не все! Для него — да и для всей труппы — ясно, что второй любовникъ, этотъ чистенькій, красивенькій мальчикъ — правда, съ несомнѣннымъ талантцемъ — вотъ уже больше мѣсяца у нея „въ фаворѣ“, какъ называетъ первый комикъ—остроумецъ труппы. И фаворъ этотъ—какъ замѣчаетъ и онъ—дѣлается чѣмъ-то посильнѣе простого каприза. Она начинаетъ его ревновать ко всѣмъ. Мальчикъ сначала былъ „тише воды, ниже травы“; а теперь у него явились какіе-то новые „тона“. Не дальше, какъ сегодня—на генеральной репетиціи—въ первомъ актѣ, на замѣчаніе Астахова о какомъ-то „мѣстѣ“, гдѣ ему стоять—тотъ довольно-таки дерзко отвѣтилъ, хотя и прилично, по формѣ.

И никого нельзя разувѣрить, что онъ—не „возлюбленный номеръ первый“. Стало быть, онъ, въ глазахъ товарищей, соглашается на роль любимца, который терпитъ присутствіе въ труппѣ такого вотъ Веніамина. И, кажется, самъ этотъ мальчикъ такъ на него и смотритъ: „ты, молъ, близокъ къ отставкѣ; а я теперь первый номеръ“. Онъ такъ началъ на него поглядывать своими бархатными, продолговатыми глазами, которыми онъ и вызвалъ въ ней такое увлеченіе.

Все это стоитъ у него въ груди точно какія „растопырки“, какая-то душевная „диспепсія“.

— Иванъ Егоровичъ! Третій актъ!—крикнулъ ему въ дверь фистулой юркій помощникъ режиссера.—Пожалуйте.

На сценѣ—мракъ, съ мерцаніемъ одной висячей лампы надъ суфлерской будкой. Нѣсколько фигуръ бродятъ по скрипучимъ доскамъ. Холодъ дуетъ и съ полу, и изо всѣхъ щелей.

Старшій режиссеръ—съ наружностью чиновника, въ длинномъ мѣховомъ пальто и тепломъ картузѣ—сидитъ надъ тетрадью, у суфлерской будки, за столикомъ, и въ pince-nez просматриваетъ актъ.

Астаховъ его слушается, хотя находитъ, про себя, что тотъ все-таки порядочный рутинёръ.

— Пожалуйте! — пригласилъ онъ его. — Вамъ начинать съ Юліей Павловной и господиномъ Любскимъ.

Новаго любимца онъ съ подчеркиваньемъ звалъ „господинъ Любскій“, а не по имени и отчеству или просто Любскій.

Вступительная сцена третьяго акта — самая трудная и неблагодарная для главнаго героя. А Любскій имѣетъ второстепенную, но очень „выигрышную“ роль молодого скептика и вивёра, столичнаго „слётка“. Онъ совершенно „въ тонѣ“—она, въ первомъ актѣ, нѣсколько разъ похваливала его.

Она зоветъ его „Коленька“ и держится съ нимъ какъ бы материнскихъ интонацій.

Но въ эту „игру“ всѣ прекрасно проникаютъ.

Трудная сцена подходила къ концу.

На предыдущей репетиціи Астаховъ два раза просилъ Любскаго переходить на его сторону на цѣлую минуту раньше.

Онъ кончаетъ свою тираду слѣва отъ зрителей, сидя у письменнаго стола. Его партнёръ долженъ двигаться медленно справа слѣву—до конца его тирады.

Третье лицо—героиня, сама Арнаутъ—стоитъ въ глубинѣ павильона.

И опять Любскій умышленно медлилъ.

Астаховъ прервалъ себя и нервно крикнулъ:

— Такъ нельзя! Вы уже встали. Опять то же самое!

Любскій выпрямился и, повернувъ свою аккуратную голову блондина въ его сторону, выговорилъ съ извѣстнаго рода интонаціей:

— Мнѣ такъ неудобно... Это лишаетъ меня...

— Чего?—остановилъ его отъ своего столика режиссеръ.

— Настроенія? Не правда ли?—еще нервнѣе спросилъ Астаховъ и всталъ, выразительно пожавъ плечами.

— Вамъ рѣшительно все равно!—продолжалъ въ томъ же тонѣ Любскій.—А это—насиліе свободы артиста.

Астаховъ обернулся къ антрепренершѣ.

— Юлія Павловна! Извольте настоять! — перешелъ онъ на „вы“.

Она вся встрепенулась, подбѣжала къ заупрямившемуся любимцу и полушопотомъ проговорила:

— Коленька... сдѣлайте это для меня... прошу васъ!

— Для васъ...—произнесъ тотъ съ кончика своихъ пышныхъ губъ.

И, пройдя маленькими шажками справа слѣву, сталъ около Астахова и съ жестомъ руки сказалъ:

— Я жду. Кажется—ваше предрѣчіе?

Было что-то нестерпимо дерзкое и вызывающее въ этомъ мальчикѣ, уже полномъ самовлюбленности и актера, и хорошенькаго мужчины.

Астаховъ промолчалъ; но это такъ его передернуло, что онъ совсѣмъ сошелъ съ тона и никакъ не могъ наладить себя—вплоть до конца пьесы.

У него мелькнула мысль: отказаться тутъ отъ роли. Но это—*ея* бенефисный спектакль. Надо было снести и впередъ поми-

риться, что никакихъ пріемовъ ему за эту роль не будетъ. Послѣ завтра—день спектакля, когда ожидается подношеніе директрисѣ.

Злой вернулся онъ въ свою уборную. Роль лежала на столикѣ съ зеркаломъ. Онъ схватилъ ее и бросилъ на диванъ.

Дверка пріотворилась и выглянула ея голова въ мѣховой шапочкѣ и ротондѣ.

— Къ тебѣ можно?

— Милости прошу.

Она вошла точно сконфуженная и сейчасъ опустилась на одинъ изъ убогихъ стульевъ.

— Голубчикъ!—заговорила она тихо и вскинула на него ласково глазами.—Ты не сердись на Николеньку. Молодо—зелено. Воображаетъ о себѣ много. Но онъ не хотѣлъ тебѣ сдерзить.

Астаховъ молчалъ.

— А я все собираюсь поговорить съ тобой. Вотъ теперь два мѣсяца прошло. Твое дѣло выяснилось. Талантъ у тебя—настоящій... нервность... а главное, умъ, пониманіе, тонкость... однимъ словомъ, интеллигентъ.

И она разсмѣялась.

„Неужели это подходъ?"—подумалъ онъ.

— У насъ съ тобой—условіе... на листкѣ бумажки. Ты самъ не хотѣлъ контракта. Вѣдь ты желаешь докончить со мною tournée?

— А то какъ же?

— Ну, спасибо! Итоги твои прекрасны. Ну, та роль доктора не выгорѣла. И то не по твоей винѣ. Виню я кругомъ одну себя. Вотъ за эту роль, въ моей бенефисной пьесѣ—извини... Она не особенно авантажна... Не будетъ овацій... но не будетъ и провала... можешь мнѣ вѣрить. Однимъ словомъ, ты у насъ первый сюжетъ—это несомнѣнно. И въ каждомъ хорошемъ театрѣ можешь занимать видное мѣсто... Вотъ моя оцѣнка. А кромѣ того, я лично никогда не забуду, какъ ты тогда ринулся...

Она немного какъ будто покраснѣла.

— Если хочешь, разорвемъ тотъ листокъ бумаги... Ты стòишь бòльшаго!

Это было сказано хорошо, искренно. Но такая прибавка—не имѣла ли она смысла вознагражденія за то, что онъ вступилъ въ бой съ тѣмъ „громилой", а также и заручки его скромности, чтобы онъ не болталъ лишняго?

— Спасибо. Я доволенъ нашимъ условіемъ.

Она повела головой.

— Гордъ! Сатанински гордъ! Чтожъ! Это хорошо. Не желаешь прибавки... Но отъ бенефиса не откажешься?

О бенефисѣ у нихъ не было еще разговора; хотя нѣкоторые изъ его „коллегъ" уже говорили:

— *Она* обязана дать вамъ бенефисъ.

— Я оставляла пьесу—она назвала имя автора—pour la bonne bouche. Ты ее читалъ. Для тебя въ ней дивная роль... Бери ее въ свой бенефисъ. Половина сбора—твоя.

И это была какая-то „captatio benevolentiae"—назвалъ онъ мысленно.

Но нелѣпо было бы отказываться.

— Благодарю... если это никому не помѣшаетъ?

— Ахъ, полноте, душечка!—проговорила она съ игрой въ глазахъ.—Ужъ очень вы... какъ бы это сказать—невинность свою соблюдаете. Съ вами даже жутко дѣлается. Вотъ мы пріятели... не такъ, какъ это дѣлается, когда мужчина и женщина начинаютъ играть въ дружбу. Никакихъ любовныхъ видовъ мы другъ на друга не имѣемъ... да или нѣтъ?

— Ты сама знаешь!

— А жутко съ тобой дѣлается... отъ твоей корректности.

Она уже съ той исторіи начала говорить съ нимъ какъ съ давнишнимъ товарищемъ, не скрывала того, что въ Москвѣ у нея „морганатическій супругъ", а также и того, что онъ сталъ въ послѣднее время туговатъ насчетъ „субсидіи". О немъ она говорила, какъ жена о мужѣ, который предоставляетъ ей полную свободу. Но о своемъ теперешнемъ влеченіи къ Любскому она вполнѣ откровенно еще ни разу съ нимъ не говорила, чему онъ былъ скорѣе радъ.

Онъ подсѣлъ къ ней.

— Будто и жутко? Я не присяжный моралистъ... и никакой личины на себѣ не ношу.

— Знаю... а все-таки стѣсняешься. А гдѣ стѣсненіе—тамъ нѣтъ полнаго пріятельства.

Глазами она досказала все и протянула ему руку.

— И ты со мной не скрытничай,—продолжала она, пододвигаясь къ нему и не выпуская его руки.—Отъ тебя я многое выслушаю. Ты человѣкъ чистый.

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Упрековъ я тебѣ не имѣю ни права, ни повода дѣлать.

Но не сврою, и мнѣ жутко приходится... не думалъ—не гадалъ, а попалъ, въ глазахъ всей труппы, въ твои возлюбленные.

— Это кто сказалъ?—воскликнула она.

— Всѣ говорятъ.

И, точно вспомнивъ, какъ тотъ громила кричалъ изъ другой комнаты про возлюбленнаго номеръ первый,—она замолчала.

— А теперь... и другіе комментаріи пошли...

Онъ не досказалъ.

— Говори, говори все!

— Ты сама понимаешь... твоя слабость къ этому мальчику... это тоже ставится мнѣ на счетъ.

— Это какъ? Господи!

— Понять не трудно... Какую же мнѣ роль приписывать, если предположить, что между нами серьезная связь и я допускаю твое новое увлеченіе?

И, взглянувъ на нее вбокъ, онъ тихо добавилъ:

— Я вѣдь не знаю, что̀ это такое... капризъ... забава или что̀ посильнѣе.

Она откинулась назадъ и провела рукой по глазамъ.

— Ахъ, голубчикъ Иванъ Егоровичъ, въ тебя еще не вошелъ театральный микробъ. Такъ взять... распущенность, развратъ... и другія жалкія слова можно подобрать. Жизнь наша это дѣлаетъ. Нервы натянуты, какъ струны... всегда возбужденіе, всегда борьба... погоня за призраками. Вотъ и подкрадется такой грѣхъ... у мужчинъ называется старческимъ... а у насъ блажью старушечьей. А еще я не старуха. И куда моложе была, когда тотъ, какъ ты его прозвалъ, „громила" овладѣлъ мною. Что̀ въ немъ? Ни ума, ни таланта, ни красоты, грубъ, нахаленъ, пьяница, игрокъ и шантажистъ. И я—первая—два года была его рабой. Да! Свободная, съ такой поддержкой, съ возможностью—еслибъ была умнѣе—имѣть милліонное состояніе, развести моего Конона Кононовича и женить на себѣ.

Она опустила голову въ обѣ руки.

— А тутъ... этотъ мальчуганъ подыгрался. Милъ... Вѣдь, скажи, милъ? Забудь, что онъ сегодня покапризничалъ.

— Да, милъ.

— И талантливъ, и голосокъ прямо въ душу ползетъ. Что-то материнское къ нему сначала дрогнуло во мнѣ. Можетъ, это кощунство, что̀ я говорю? Дѣтей у меня никогда не было. А тамъ, глядишь, и захватитъ тебя. Сейчасъ пятнадцать лѣтъ съ плечъ... весело на душѣ. Играешь—не вѣришь, что тебѣ не осьмнадцать лѣтъ. Все—театръ, все—наше пекло:.. и проклятое,

и безумное! Увидишь, и съ тобой то же можетъ быть. Ты еще не перегорѣлъ... Если не бросишься безъ оглядки бѣжать..

Поднявшись, она положила ему руку на плечо.

— А меня прости... не суди съ высоты твоей безупречности. Всѣ люди, всѣ человѣки. Авось, совсѣмъ головы не потеряю. Прощай! Спасибо! Ты—всѣхъ лучше... И встрѣться мы пораньше, я бы тебя никому не уступила.

Она быстро вышла изъ уборной. Астаховъ все еще сидѣлъ на краю дивана.

Онъ чувствовалъ себя размягченнымъ.

Развѣ эта женщина „сомнительной морали" ниже сотенъ свѣтскихъ женщинъ въ самыхъ избранныхъ сферахъ? Она добра, въ ней есть преданность не только своей славѣ, но и дѣлу. Она любитъ—беззавѣтно. Но она—актриса. Вотъ гдѣ корень всего.

И чѣмъ-то пророческимъ звучали ея слова, которыя онъ долго будетъ помнить:

„Увидишь, и съ тобой то же можетъ быть".

Надо было ѣхать въ гостинницу обѣдать. Здѣсь—хорошая ѣда и очень приличная обстановка.

Актерская братія ѣла больше по своимъ номерамъ. Женщины—кое-что, какъ всегда и вездѣ; мужчины напирали больше на ужины.

Въ столовой—почти пустой—Астаховъ нашелъ за отдѣльнымъ столикомъ, у окна, своего важнаго коллегу, „украшеніе" труппы, какъ бы на положеніи „перваго актера"—Терскаго-Брянскаго.

У него съ нимъ до сихъ поръ какія-то неопредѣленныя отношенія. У того уклончивый, какъ бы чиновничій тонъ, съ излишней даже вѣжливостью и постоянной кисловатой улыбкой на широкомъ, нѣсколько обрюзгломъ лицѣ.

На репетиціи у нихъ еще не было повода столкнуться въ чемъ-нибудь. Два-три совѣта—въ очень корректной формѣ—онъ позволилъ себѣ; но и то съ глазу на глазъ. Астаховъ каждый разъ находилъ, что совѣты были очень дѣльные.

И со всѣми другими, начиная съ директрисы, Брянскій—его звали больше такъ въ труппѣ—держался одинаково. Только съ одной старухой и однимъ актеромъ на амплуа благородныхъ отцовъ онъ былъ на „ты". Его не любятъ, считаютъ фальшивымъ и преисполненнымъ „маніи величія". Но смѣшныхъ или

даже легкихъ выходокъ актерскаго важничанья онъ себѣ не позволялъ, по крайней мѣрѣ въ присутствіи Астахова.

— А! Иванъ Егоровичъ! Мое почтеніе!

Брянскій привсталъ, съ салфеткой на груди, и, показавъ рукой на столъ, пригласилъ.

— Не побрезгайте откушать за однимъ столомъ?

— Съ удовольствіемъ, Максимъ Петровичъ.

Астаховъ сѣлъ противъ него.

Голова у Брянскаго—большая, сѣдѣющая, коротко-остриженная и лицо—католическаго патера, съ двойнымъ подбородкомъ и большими темными глазами въ жирныхъ вѣкахъ.

Онъ сталъ въ послѣднее время грузенъ, и это портитъ ему фигуру во многихъ роляхъ, особенно съ драматическимъ оттѣнкомъ, къ которымъ онъ всего болѣе склоненъ.

У него давно репутація тайнаго циника... и про его нравы принято говорить съ особаго рода минами и словечками. Но ничего положительнаго про него никто привести не можетъ. Онъ—женатый; семейство живетъ въ одномъ изъ большихъ южныхъ городовъ. Изъ дѣтей никто не пошелъ на сцену, и его постоянный возгласъ:—Лютому врагу не посовѣтую идти на сцену!

— Кажется, не совсѣмъ довольны своей ролью?—осторожно спросилъ Брянскій, затыкая салфетку за жирную шею.

— Игры мало.

— Зато, сколько новѣйшихъ тонкостей психологіи! Цѣлая гамма психопатическихъ состояній, хе, хе!

Онъ и смѣялся-то какъ католическій патеръ, больше брюшкомъ, чѣмъ горломъ.

— Черезчуръ много.

— Наша Юлія Павловна записалась въ новую вѣру.

Прожевавъ, не спѣша и со вкусомъ, онъ прищурилъ глаза и спросилъ:

— И васъ, кажется, дорогой коллега, обратили въ ту же вѣру?

Астаховъ только усмѣхнулся.

— Боюсь... думать вслухъ.

— Почему же? Я не фанатикъ. Я въ искусствѣ ищу правды и только правды.

— Понятіе растяжимое. Вѣдь и реформаторы... тѣ, московскіе, считающіе себя непогрѣшимыми—распинаются за правду. А по моему, они—штукари, а не служители искусства, какъ его понимали всѣ мы, кто ему послужилъ вѣрой и правдой.

Въ голосѣ заслышались менѣе сладкія ноты.

— Это не искусство—продолжалъ онъ—напичкать постановку всякой бутафоріей, надѣлать ненужныхъ паузъ, напустить всякихъ скриповъ, свистковъ, сверчковъ. Это вѣдь тоже, въ сущности, что̀ было въ доброе старое время, когда безъ бенгальскаго огня не обходилось дѣло.

— Однако, Максимъ Петровичъ...

— Только это—съ другой стороны. Вотъ какъ Осипъ говоритъ про своего барина Хлестакова, что онъ генералъ, да только съ другой стороны, хе, хе!

Разсмѣялся и Астаховъ.

— Правда—въ талантѣ, въ одушевленіи, въ созданіи характера. Давайте мнѣ четыре кулисы, два стула и столъ, какъ въ мольеровское время было. И создайте мнѣ живой типъ... безсмертный типъ... Тартюфа, Мизантропа, Скупого, Арнольфа въ „Школѣ женщинъ". При чемъ тутъ штучки? А они ихъ непремѣнно напустятъ и въ Мольерѣ. Безъ бутафоріи они пропали!..

Астаховъ не хотѣлъ спорить. Ему было интересно слышать, уже не въ первый разъ, протестъ актера старой школы, и въ такой живой формѣ.

— Разумѣется, про насъ, стариковъ, говорятъ, что наша пѣсенка спѣта. Но почему же это мы—даже и въ этихъ психопатическихъ пьесахъ новѣйшихъ кумировъ публики—дѣлаемъ свое дѣло? А? Потому что, помимо таланта, мы дѣйствительно держимся правды. И мозговое повѣтріе насъ не заражаетъ. Какими мы поступили на сцену—такими и умремъ. А эта вся сценическая пугачевщина пройдетъ, какъ болотный туманъ.

— Почему пугачевщина?

— Я такъ дерзаю называть потому, что пришло время самозванцевъ. Онъ просто яицкій козакъ Емелька Пугачевъ,—а величаетъ себя Петромъ Третьимъ. У него эсаулъ Хлопуша,—а исполнялъ роль графа Чернышева,—съ рваными ноздрями каторжникъ, который повязывалъ носъ платкомъ.

Наливъ себѣ пива—вина онъ никогда не пилъ,—Брянскій отпилъ и поглядѣлъ на своего визави повеселѣвшими глазами.

— Вы думаете, я такъ хорохорюсь оттого, что ставлю выше всего званіе актера? Вовсе нѣтъ. Совсѣмъ я не къ такой дорогѣ себя готовилъ, любезный коллега. Глупость... блажь... молодая кровь... увлеченіе одной изъ театральныхъ сиренъ. Я на третьемъ курсѣ золотую медаль за сочиненіе получилъ. Меня намѣчали въ магистранты. А очутился въ лицедѣяхъ.

— Вы объ этомъ говорите, какъ о чемъ-то роковомъ.

— И весьма!—воскликнулъ Брянскій, и щеки его стали

красны. Міръ этотъ—по-евангельски—мерзость запустѣнія. Все въ немъ—ложь и маска. Вотъ, меня зовутъ Максимъ Петровъ, а я въ жизни былъ Степанъ Яковлевъ. И совсѣмъ не Брянскій и не Терскій. Но этотъ маскарадъ я продѣлалъ сознательно. Чтобы ничто не напоминало мнѣ того, куда я стремился и чѣмъ могъ быть.

Астаховъ наклонился къ нему черезъ столъ, захваченный этимъ признаніемъ.

— Позволите нескромный вопросъ, коллега?

— Пожалуйста, Максимъ Петровичъ!

— Правда, что̀ наша патронесса разсказываетъ—что и вы были настоящій магистрантъ и служили въ такомъ учрежденіи?

— Правда.

— И по доброй волѣ пошли въ лицедѣи?

— По доброй.

— Даже безъ женскаго прельщенія?

— Абсолютно.

— Ахъ, молодой человѣкъ!..

Брянскій покачалъ головой и склонилъ ее на своё грузное туловище.

Вошло нѣсколько человѣкъ изъ труппы. Разговоръ на эту тему прекратился.

VIII.

Въ уборную бутафоръ внесъ огромный вѣнокъ и какую-то вещь въ футлярѣ, и бережно положилъ ее на туалетный столикъ.

За нимъ вошелъ и бенефиціантъ—Астаховъ.

— Съ успѣхомъ имѣю честь поздравить!—выговорилъ бутафоръ, взглянувъ на него масляными, просительными глазами.

— Спасибо, спасибо!

Астаховъ досталъ изъ портмонэ два рубля и сунулъ ему въ руку.

— Такого пріема, кромѣ самой Юліи Павловны, ни у кого изъ нашихъ артистовъ не было.

— Спасибо, спасибо.

Астахову хотѣлось остаться поскорѣе одному. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ.

„Зарядъ“ былъ слишкомъ силенъ.

Сейчасъ надъ всей залой точно пронесся какой шквалъ. Его стали вызывать еще съ перваго акта, но теперь, послѣ третьяго, стоялъ стонъ. Молодежь—студенты—городъ универси-

тетскій—гимназистки, барышни изъ общества—спустились изъ ложъ и галёрки, подбѣжали къ барьеру креселъ, кричали, махали платками и пледами.

Онъ былъ такъ взволнованъ, что цѣнный подарокъ—чернильница въ деревянномъ футлярѣ—чуть-было не выпалъ у него изъ рукъ.

Ничего подобнаго онъ еще не переживалъ.

Никакое ощущеніе славы съ этимъ не сравнится: ни оваціи на юбилеѣ или въ университетской залѣ, ни диспутъ, ни хвалебная статья въ газетѣ—ничто!

Это нужно самому испытать.

Онъ спустился на кресло, сбоку отъ туалетнаго столика. Весь онъ обливался пòтомъ. Все бѣлье на немъ было влажное. Руки слегка вздрагивали.

Блаженными глазами обвелъ онъ тѣсную, но ярко освѣщенную уборную.

Вѣнокъ съ широкой красной лентой былъ прислоненъ къ стѣнѣ. По срединѣ—изъ бѣлыхъ цвѣтовъ его иниціалы: И. А. Это выходитъ Иванъ Ардатовъ и Астаховъ.

И онъ самъ сознавалъ, что никогда еще такъ не жилъ на сценѣ, какъ въ этой пьесѣ. Это было настоящее „самовнушеніе". Онъ забывалъ цѣлыми секундами свою личность. Это не выдумка лицедѣевъ, а несомнѣнная истина, что высшее творчество достигается только на сценѣ. Авторъ создаетъ лицо—это правда; но онъ не можетъ такъ воплощаться въ него, даже и въ самые трепетные моменты созидательной работы.

Дверка распахнулась. Влетѣла Арнаутъ и крикнула ему:

— Съ побѣдой, голубчикъ!

Она обняла его и поцѣловала.

— Другая бы возненавидѣла тебя... ты меня совсѣмъ съѣлъ въ этомъ актѣ. Но дружба превозмогла. Я даже прослезилась, когда тебя вызывали. Ей Богу!

Они еще разъ обнялись.

Астаховъ вѣрилъ ей въ эту минуту.

— Ну, отдохни... вонъ, ты весь мокрый!

— Какъ мышь!

— Тебѣ вѣдь подъ самый конецъ акта. Антрактъ сдѣлаемъ подольше. Всѣ теперь въ буфетѣ.

Она вернулась отъ двери, взяла его за обѣ руки и вполголоса воскликнула:

— А вѣдь Николенька-то, даромъ что дулся на роль, а очень милъ.

И глаза ея блеснули.

— Да, съ большой тонкостью провелъ сцену.

— Ты бы его поощрилъ. Онъ вѣдь тебя ужасно уважаетъ.

„Вотъ она зачѣмъ приходила!"—подумалъ Астаховъ и опять опустился на стулъ.

Но это не испортило его блаженнаго состоянія.

— Прикажете подать умыться?—окликнулъ въ дверь портной.

— Погодите. Я позову.... такъ, минутъ черезъ десять.

— Слушаю!

Портной уже поздравлялъ его съ успѣхомъ и получилъ „на чай".

Онъ только-что хотѣлъ снять тотъ сюртукъ, въ которомъ велъ сцену, и отклеить бородку, наполовину отвисшую, какъ въ дверку уборной тихонько постучали.

„Это женщина!"—подумалъ онъ и всунулъ опять руку въ рукавъ.

— Войдите!

Ему теперь было не до визитовъ и не до разговоровъ „по душѣ", а банальностей не хотѣлось слышать—въ искренность комплиментовъ товарищей онъ уже не вѣрилъ. Постороннихъ изъ публики у нихъ не пускаютъ—антрепренерша строго слѣдитъ за этимъ.

— Войдите!—крикнулъ онъ громче.

На порогѣ остановилась, въ стѣсненной позѣ, женская фигурка—въ шапочкѣ и короткомъ пальтецѣ—блондинка, съ маленькимъ, болѣзненнымъ личикомъ.

„Ну, это изъ тѣхъ, что махали платками и пледами".

Онъ сдѣлалъ два шага къ ней.

Маленькая женщина—вся трепетная, со слезами на рѣсницахъ и съ дрожью въ губахъ—протянула къ нему руку, въ которой держала что-то бѣлое.

— Иванъ Егоровичъ! Простите! Я ворвалась къ вамъ. Но я не могла... оставить до завтра. Вы такъ играли!.. Чудно! Чудно! Я разревѣлась въ послѣдней сценѣ.

И она начала другой рукой отирать слезы.

Это, даже и послѣ овацій, тронуло Астахова.

— Благодарю васъ. Садитесь... вотъ сюда. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

— Моя фамилія... самая невзрачная... Мамурина... а по театру я Славская. Но и этого имени никто не знаетъ.

— Вы артистка?

— Ахъ, Иванъ Егоровичъ!..—она боязливо оглянулась на

дверь.—Вотъ этотъ конвертъ,—и она протянула его,—въ немъ карточка отъ вашей супруги.

— Отъ Марьи Денисовны?—спросилъ онъ и всталъ.

У него застучало въ вискахъ.

Такое „memento" въ часъ упоенія первымъ торжествомъ артиста!

Подумалъ ли онъ хоть одинъ разъ о той „подругѣ", которая такъ мужественно и благородно переноситъ свое одиночество въ ожиданіи полнаго разрыва?

— Отъ жены моей?—повторилъ онъ, стараясь подавить свое смущеніе.—Я душевно радъ. Вы позволите?

— Я не тороплю... прочтете послѣ... только не отталкивайте меня... завтра полчасика... Я знаю, гдѣ вы живете... Я только вчера въ ночь дотащилась сюда.

Астаховъ, почти не слушая ее, разбиралъ, у одной изъ газовыхъ лампъ, мелкій и связный почеркъ жены.

Она „направляла" къ нему эту „несчастную" дѣвушку, которая будетъ просить его помочь ей поступить въ труппу Арнаутъ—„даже на выходъ".

— Вы знакомы съ Марьей Денисовной?

— Была у нея... отъ ея подруги, Софьи Богдановны Кружаловой. Та мнѣ и эту мысль дала. А теперь, когда я видѣла вашъ тріумфъ, Иванъ Егоровичъ, сердце мое взыграло. Вы поддержите меня... вы поймете лучше всякаго, что я не могу жить безъ сцены. Не могу!—тихо вскрикнула она, закашлялась и сейчасъ же прижала платокъ ко рту.

Его сразу охватила острая жалость къ этой дѣвушкѣ. А еще сильнѣе было то чувство, что вотъ ее прислала жена. Марьѣ Денисовнѣ стоило не малаго—дать ей карточку къ нему, въ актерскій міръ, искать его покровительства передъ той антрепренершей, которая отняла у нея мужа.

Ему страстно захотѣлось выказать себя какъ можно великодушнѣе.

— Я готовъ,—заговорилъ онъ возбужденно.—Я буду просить за васъ... Только, пожалуйста, не волнуйтесь такъ!

Тутъ только онъ взглянулъ на ея лицо и фигуру.

— Вы, кажется, нездоровы... у васъ такой утомленный видъ.

— Это ничего, это ничего,—лепетала она, и ея голосокъ проникалъ ему въ душу.

— Труппа наша въ полномъ составѣ.

— Да вѣдь Марья Денисовна пишетъ вамъ... Мнѣ все равно...

Знаете,—она схватила его за руку,—моя мечта сыграть хоть одну роль... одну... и умереть на сценѣ.

— Ужъ и умереть!

— А развѣ это не высшее счастье? Какъ солдатъ въ строю. Ждать я буду... только бы не бросать театра. Всѣ ждали. Я читала біографію Элеоноры Дузе,—она произнесла ее: Дузé, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ:—сколько она ждала, доведена была до крайности... и вдругъ роль... и слава, и упоеніе!

Эти два слова она произнесла такимъ звукомъ, что его схватило за сердце.

— Какая у васъ трепетная душа!—вырвалось у него.

— Не знаю. Вы такъ добры... Кто такъ уходитъ въ роль, какъ вы... тотъ долженъ быть добръ. И вашъ примѣръ такъ меня поднялъ. Вы вѣдь всего два-три мѣсяца на сценѣ. Мнѣ куда!.. Я и не мечтаю.

Она поспѣшно встала.

— Христа ради, простите. Вамъ надо переодѣваться. Я бѣгу. Завтра... въ которомъ часу могла бы я...

Отъ новаго приступа волненія она не могла докончить.

Онъ назначилъ ей часъ.

— Никто, никто не былъ со мною, какъ вы, Иванъ Егоровичъ!

Боясь расплакаться, она выбѣжала.

Не сразу пришелъ въ себя Астаховъ и позвалъ портного— помочь ему переодѣться.

Передъ нимъ была сейчасъ новая жертва того чудища, которое поглотило уже столько человѣческихъ существъ.

Но она и безъ того не жилецъ на этомъ свѣтѣ. И ему ли отрезвлять ее, пугая сценой, какъ Арнаутъ пугала его? И что̀ онъ ей предложитъ взамѣнъ?

Выхлопотать ей мѣсто „выходной" онъ можетъ. Юлія Павловна не откажетъ ему въ такомъ пустякѣ.

И у него стало вдругъ тепло на душѣ, при мысли, что въ труппѣ будетъ хоть одно существо, связанное съ нимъ чѣмъ-то особеннымъ. Ихъ обоихъ пронзила все та же стрѣла—поиски минутъ высшаго артистическаго блаженства. Онъ испыталъ его полчаса тому назадъ.

— Я—какъ въ царствіи небесномъ!—говорила шопотомъ Мамурина, примостившись у кулисы, рядомъ съ Астаховымъ, въ темномъ уголкѣ.

Они ждали—каждый своей очереди—выходить на сцену.

Шелъ второй актъ „Чайки".

— Какая судьба! И въ ней—вы,—продолжала она возбужденно, и ея худая рука тянулась къ нему.—Вы... Иванъ Егоровичъ. Вотъ я въ главной роли... Господи!

Случилось это совершенно неожиданно и для него самого.

На очереди стояла эта пьеса и два раза ее репетировали.

Приняли Мамурину „въ запасъ"—какъ она выразилась; но Астахову Арнаутъ сказала:—„Да она еле дышетъ; ей въ больницу надо, а не на сцену".

И назначила ей сорокъ рублей жалованья.

И вдругъ ихъ ingénue, считавшая роль „Чайки" своей коронной ролью,—заболѣваетъ горловой жабой; думали даже—дифтеритомъ.

Мамурина прибѣжала къ Астахову сама не своя... дрожитъ и лепечетъ:

— Упросите дать мнѣ роль. Я съ одной репетиціи. Всю жизнь можно отдать за эту роль. Въ тотъ разъ, какъ я ее играла, у меня выходило хорошо: клянусь вамъ!

Она даже начала креститься.

Опять ему стало ее до слезъ жаль. И въ этой „дохленькой" дѣвушкѣ было что-то для него болѣзненно-привлекательное. Ея личико ему нравилось; и фигурка, и, главное, голосъ—слабый, но грудной, съ чудесными нотами.

— Сдѣлайте это для меня!—просила она, вся трепетная:— Рискните одной репетиціей!

Юлія Павловна не стояла за пьесу. Ея „Николенька" не могъ играть роль ея сына, по пьесѣ. Онъ простудился еще раньше ingénue, и Астаховъ—какъ бы въ видѣ любезности—взялъ роль, хотя по внѣшности онъ могъ казаться, со сцены, очень юнымъ.

— И когда подумаешь, — шептала Мамурина, — сегодня спектакль... сердце точно каменѣетъ въ груди.

— Ничего! Сойдетъ!

Астаховъ проходилъ съ ней роль... и не боялся провала. Что-то въ ея тонѣ, начиная съ рискованнаго монолога о концѣ земли—было свое... очень печальное и поэтическое. Сегодня и антрепренерша нашла это, послѣ перваго акта.

— Кажется... дохленькая выкарабкается,—сказала она ему на ухо.

— Госпожа Мамурина, пожалуйте!—крикнулъ со сцены помощникъ режиссера.

— Господи!

Мамурина вскочила, начала быстро-быстро креститься и вылетѣла за кулису.

Она дѣлала это каждый разъ передъ выходомъ на сцену.

Астаховъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Эта жалкая дѣвчурка—самое яркое олицетвореніе жертвы, ведомой на закланіе тому Молоху, которому и онъ сталъ поклоняться.

Онъ уже зналъ ея прошлое.

Ночной мотылекъ на пламени свѣчи. Нашелся сейчасъ же просвѣтитель—одинъ изъ презрѣнныхъ лицедѣевъ, какіе никогда не выведутся въ труппахъ. И этотъ былъ изъ „интеллигенціи", писалъ стихи и пасквильныя статьи въ провинціальныхъ листкахъ. Онъ не пощадилъ ее, а черезъ полгода, разумѣется, бросилъ... Роды чуть не свели ее въ могилу. Ребенокъ родился мертвымъ.

И она же разсказала все это, безъ горечи и даже безъ сожалѣнія, все повторяя:

— Была дурочка, увлеклась. Онъ мнѣ казался такой свѣтлой личностью.

Болѣе „обреченнаго" существа Астаховъ не встрѣчалъ никогда.

И вотъ теперь она наверху блаженства: и трепещетъ отъ смертельной боязни, и вѣритъ, что ея звѣзда поднимется и засіяетъ.

Раньше другихъ актеровъ, участвующихъ въ пьесѣ, пріѣхалъ Астаховъ въ театръ. Онъ зналъ, что Мамурина уже въ уборной.

Послѣ репетиціи, она умоляла его прослушать еще разъ, передъ спектаклемъ, монологъ перваго акта.

Она уже совсѣмъ была одѣта и загримирована, когда онъ вошелъ къ ней.

Всѣ платья ей доставили. Они сидѣли на ней кое-какъ. Для начала пьесы, когда она—дочь богатаго помѣщика, туалетъ ея былъ уже через-чуръ „скромный"; но онъ къ ней шелъ. А для театральнаго представленія на сценѣ ей дали костюмъ заболѣвшей актрисы. Съ распущенными волосами и съ вѣткой въ рукахъ,—она смотрѣла „не отъ міра сего" и въ ней было, еще больше, чѣмъ сегодня на репетиціи, что-то глубоко печальное, мягкое, трагическое и необычайно женственное.

Отъ страха она переводила дыханіе, точно пойманная птичка. Ей пришлось дать тутъ же лавровишневыхъ капель.

Прочла она свой монологъ гораздо хуже, чѣмъ на репетиціи.

— Гадко! Отвратительно! Иванъ Егоровичъ... Скажите! Скажите правду, одну правду!

— Вы слишкомъ волнуетесь.

— Господи! Да какъ же я могу не волноваться? Я не знаю— какъ еще стою на ногахъ. Въ глазахъ у меня зеленые круги... Воздуху нѣтъ.

Она бросилась на кресло, схватила голову обѣими ладонями и стала тихо всхлипывать.

— Окаянная, окаянная! — шептали ея вздрагивающія губы.

Невозможно было оставить ее въ такомъ состояніи. Астаховъ сначала ласкалъ ее, какъ маленькую, потомъ пригрозилъ, что откажется отъ роли сейчасъ же, и это такъ ее испугало, что она чуть не бросилась передъ нимъ на колѣни и стала просить прощенья, и кинулась къ туалетному столику обтирать совсѣмъ заплаканное лицо и наводить на него новый „гримъ“.

Ему уже давно пора было идти въ свою уборную. Онъ долженъ былъ переодѣться и приготовить себѣ моложавую наружность.

Гримируясь передъ зеркаломъ, онъ самъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Какъ можно ручаться за такой „мѣшечекъ съ нервами“! Вѣдь она почти-что истеричка. Выйдетъ, сопрется у нея дыханіе, и она грохнется на помостъ, при первыхъ словахъ своего монолога, который и опытнымъ актрисамъ не всегда удается сказать такъ, чтобы заинтересовать публику. Особенно— въ провинціи.

За перегородкой той же уборной съ открытой дверью—гримировался Брянскій. Онъ очень хорошъ въ роли дяди, разслабленнаго чиновника.

— Коллега!—окликнулъ онъ Астахова.—Вы уже здѣсь?

— Здѣсь, Максимъ Петровичъ.

— Какъ бы у насъ сегодня не вышло какого карамболяжа?

— Почему?

— Да вѣдь эта дѣвица... еле дышетъ. Съ ней можетъ случиться обморокъ. Мы не дойдемъ до конца. Простите! Тогда весь грѣхъ будетъ на вашей душѣ.

— Знаю!—отвѣтилъ со вздохомъ Астаховъ, намазывая себѣ щеку жирными бѣлилами.

— Наша Юлія Павловна ни для кого бы этого не сдѣлала, кромѣ васъ, хе, хе!

Эту шпильку Астаховъ пропустилъ мимо ушей. Ему становилось очень не по себѣ; но о своей игрѣ, о томъ, будетъ ли это для него „провалъ или торжество“—онъ не думалъ, и даже не замѣчалъ, про себя, что не думаетъ.

Подняли занавѣсъ. Публика сидѣла смирно; опаздывающихъ почти-что нѣтъ.

Раздался голосокъ Мамуриной. Вначалѣ онъ вздрагивалъ, точно угасающее пламя.

— Громче!—гаркнулъ кто-то изъ райка.

Астаховъ поблѣднѣлъ подъ гримировкой. Она могла сейчасъ же хлопнуться о земь, какъ предсказывалъ Брянскій.

Но она нодошла къ краю подмостокъ театра—подъ открытымъ небомъ—и продолжала внятнѣе. Страшныя слова звучали трепетно. Настроеніе исполнительницы проникало въ зрителей. Наступило почти жуткое молчаніе.

Пьеса обрывается протестомъ автора... Астаховъ вдругъ почувствовалъ приливъ настоящаго возмущенія молодого новатора, оскорбленнаго въ самыхъ дорогихъ идеалахъ и упованіяхъ.

И тонъ у него явился юный, нервный, совсѣмъ новый, даже для него самого.

Первый актъ уже рѣшилъ успѣхъ представленія. Астахова вызвали съ Мамуриной до пяти разъ. Потомъ ее одну, кажется, три раза.

Въ уборной она бросилась къ нему, обняла, чуть живая, и повторяла все одно слово:

— Милый, милый!

Выигрышная сцена матери съ сыномъ „разожгла“ залу—какъ выразился старшій режиссеръ. А въ четвертомъ дѣйствіи Мамурина однимъ своимъ появленіемъ, страдальческимъ видомъ, голосомъ, чѣмъ-то истинно „обреченнымъ“ держала залу подъ обаяніемъ чего-то лично выстраданнаго, нестерпимо-жизненнаго, когда она разсказываетъ герою свою скорбную повѣсть.

Кто-то, въ ложѣ, громко заплакалъ. И передъ уходомъ „чайки“ полились несмолкаемые крики. Она должна была выйти кланяться, несмотря на запретъ—по этой части,—налаженный директрисой, съ поддержкой старшаго режиссера.

Ее довели до уборной чуть живую. Съ ней сдѣлался обморокъ, и сама Юлія Павловна оттирала ее, вмѣстѣ съ Астаховымъ.

Мѣстный лихачъ мчалъ ихъ изъ театра въ узкихъ санкахъ.

Астаховъ держалъ за талію Мамурину; а она не сводила съ него глазъ, защищая блѣдное личико отъ рѣзкаго морознаго вѣтра.

Отъ обморока она скоро оправилась. Арнаутъ поспѣшила къ своему „Николенькѣ“ въ гостинницу; всѣ разошлись, а они еще оставались въ уборной.

Она то тихо плакала, то принималась страстно благодарить

его. Астаховъ не взвидѣлся, какъ она схватила его руку и начала порывисто цѣловать.

Ея „блаженству“ не было предѣловъ. Она теперь ничего больше не хотѣла. Пускай ее держатъ „на выходѣ“ и пускаютъ только „на затычку“—все равно... она будетъ въ труппѣ, гдѣ Иванъ Егоровичъ.

Весь свой успѣхъ она приписывала опять-таки ему, и его всего болѣе трогала эта скромность, при такой беззавѣтной страсти къ сценѣ.

— Послушайте, Ниночка! — назвалъ онъ ее такъ въ первый разъ:—все это прекрасно. Но вѣдь вы—я знаю—съ самаго утра ничего не ѣли. Вы достойны хорошаго ужина.

— Ахъ, это правда!—согласилась она совсѣмъ по-дѣтски. Кажется... я больше отъ голоду упала въ обморокъ.

Онъ было-подумалъ: хорошо ли, что я повезу ее ужинать, въ номеръ, къ себѣ?

Но вѣдь у него нѣтъ никакихъ на нее видовъ. Пускай теперь въ труппѣ подсмѣиваются надъ его „выборомъ“. Сегодня всѣ, однако, признали, что она—„удивительный самородокъ“.

— Къ вамъ?—такъ же дѣтски-просто спросила она.

— Нѣтъ, мой другъ... ко мнѣ уже поздно... въ ресторанъ.

Она стала сейчасъ же надѣвать шляпу и свою кофточку.

Дорогой она все радостно вздыхала и скоро-скоро переводила духъ, повторяя:

— Господи, Господи!

У нея не хватало словъ излить всю полноту своего „блаженства“.

И только-что, въ отдѣльномъ кабинетѣ, они остались вдвоемъ, по уходѣ гарсона, и сѣли рядомъ на диванѣ—она, съ глазами, полными радостныхъ слезъ, вскинула ему свои худенькія руки на плечи и стала трепетно обнимать.

Его схватилъ за сердце этотъ порывъ настрадавшагося бѣднаго созданія. Ни одинъ мужчина, на его мѣстѣ, не устоялъ бы. Да и жестоко было бы охладить ее.

А губы Ниночки искали его губъ и шептали:

— Милый, дорогой! Какъ я безумно счастлива!

IX.

Сидѣлка провела Астахова по коридору, дурно освѣщенному, въ одну изъ „дворянскихъ“ палатъ.

Третій день Ниночка Мамурина лежитъ въ больницѣ. Онъ взялъ ей отдѣльную комнату и заплатилъ за мѣсяцъ впередъ.

Но главный врачъ сказалъ ему, что она очень плоха. Острое воспаленіе болѣе здороваго легкаго грозитъ абсцессомъ; а другое легкое давно ужѐ подточено туберкулезомъ. Въ немъ застарѣлыя каверны.

И съ ней — съ живымъ мертвецомъ—онъ поигралъ въ любовь, поддался ея полубезумному увлеченію, какъ истый лицедѣй, жадный до всякихъ успѣховъ.

Она будетъ здѣсь валяться одна... въ ужасѣ надвигающейся смерти; а онъ—„пожинать лавры".

Сегодня же вся труппа снимается и переѣзжаетъ въ другой университетскій городъ—богатый, многолюдный, гдѣ ихъ ждутъ, куда его быстрая слава уже проникла и онъ, не дальше, какъ вчера, въ одномъ изъ тамошнихъ листковъ, видѣлъ свой портретъ, рядомъ съ портретомъ Юліи Павловны, давнишней любимицы тамошней публики.

— Пожалуйте!—впустила его сидѣлка.

Комната—высокая, съ одной койкой—густо выкрашена въ желтобурую унылую краску, со спущенной сторой единственнаго окна.

— Онѣ немного забылись... сильно тосковали... и бредъ былъ...—доложила сидѣлка.

Онъ, на цыпочкахъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; но не подошелъ къ койкѣ.

Какъ же не проститься съ нею?

А черезъ четыре часа отходитъ поѣздъ; они будутъ ѣхать двѣ ночи, и въ самый день ихъ пріѣзда уже объявленъ спектакль. Антрепренерша получила сейчасъ депешу, что въ кассѣ вывѣшенъ „аншлагъ"—билеты всѣ расхватаны. Пойдетъ его бенефисная пьеса.

„Проклятое каботинство!—впервые выбранилъ онъ, про себя, дорогое ему искусство.—Только сборъ, только пріемы, только услажденіе своего ненасытнаго славолюбія".

Сидѣлка кашлянула.

— Чтò такое? Чтò такое?

Больная раскрыла испуганно глаза и обвела ими комнату. Не сразу пришла она въ себя.

— Вы!.. Вы!..—радостно крикнула она и порывисто поднялась туловищемъ.

— Можете выйти,—сказалъ Астаховъ сидѣлкѣ.

Та молча удалилась.

— Господи!

Голосъ у нея перехватило. Астахова схватило за сердце. Въ звукѣ этого голоса слышалась близкая смерть.

— Не подходите близко... еще заразитесь... Милый!

Онъ сѣлъ на край койки, у ея ногъ.

И тамъ, въ кабинетѣ ресторана, и послѣ, она ни разу не сказала ему „ты“. Она слишкомъ высоко его ставила надъ собою. Такъ они и остались на „вы“.

— Какъ вы... Нина... чувствуете себя?

Банальность фразы сейчасъ же отдалась у него внутри, и онъ такъ презиралъ себя, въ ту минуту, что готовъ былъ опуститься на колѣни и крикнуть:

„Великій я негодяй!“

Но въ ея глазахъ уже загорѣлось блаженство. Ручки, съ пылающими ладонями, протянулись къ нему.

Онъ наклонился и поцѣловалъ.

Ниночка стремительно отняла.

— Что̀ вы! Что̀ вы! Иванъ Егоровичъ... За что?..

Она не могла докончить. Удушливый припадокъ кашля сталъ ее колыхать. Астаховъ подошелъ и поддерживалъ ей голову ладонями. Лобъ ея сталъ совсѣмъ влажный.

Въ полномъ изнеможеніи она опустилась на высоко взбитыя подушки.

— Вредно волноваться, Нина... Надо лежать тихо. Вотъ полежите, поправитесь...

Она, молча, махнула рукой.

И черезъ минуту прошептала:

— Это конецъ!

Двѣ крупныя слезы медленно спускались по ея щекамъ.

Ему сдѣлалось до боли жутко.

— Ниночка...—шопотомъ заговорилъ онъ съ поникшей головой: — у васъ ангельская душа. Всѣ мы... себялюбцы... тщеславные лицедѣи... а вы горѣли великой любовью къ сценѣ.

Она, съ полузакрытыми глазами, слушала его и улыбалась все той же блаженной улыбкой.

— Простите мнѣ! — вдругъ вырвалось у него съ плачемъ.

— Что̀?—удивленно остановила она.—Что̀ простить, милый?

— А то, что̀ вышло между нами.

— Простить... что вы... меня не оттолкнули, что вы... отвѣтили на мое безумство?

И опять ея жаркая рука схватила его руку и силилась поднести ее къ губамъ.

Онъ почти съ ужасомъ отдернулъ.

— Чтò же... — чуть слышно лепетала она. — Это конецъ! Уйду изъ жизни.... И такъ чудесно!

Сдѣлавъ усиліе, она повторила, глядя на него широко раскрытыми глазами:

— Развѣ не чудесно? Скажите! Такое несказанное счастье... сыграла „Чайку“ рядомъ съ вами. Успѣхъ... насъ соединилъ въ одно существо... а?

Она не могла договорить, и безпомощно ея лѣвая рука свѣсилась съ койки.

Онъ выбѣжалъ позвать сидѣлку.

— Барышня... говорить докторъ не велитъ.

— Я сейчасъ уйду.

У него недостало духу сказать ей, что сегодня его уже не будетъ здѣсь.

Онъ наклонился, поцѣловалъ ее и тихо проговорилъ:

— До свиданія, Нина.

Не раскрывая рѣсницъ, она прошептала:

— Прощайте... прощай... милый, милый!..

Тутъ только она позволила себѣ сказать ему одно слово на „ты“.

Астаховъ, точно послѣ чего-то постыднаго, вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, гдѣ Ниночка не встанетъ.

— Голубчикъ, — говорила ему Арнаутъ, укладывая мелкія вещи въ огромный сундукъ,—что же ты такъ убиваешься?

Астаховъ сидѣлъ въ углу, на какомъ-то ящикѣ, опустивъ руки на колѣни, съ наклоненной головой.

— Скверно у меня на душѣ... скверно. Точно я виноватъ въ ея гибели.

— Да какой же гибели?

Она подошла къ нему, держа въ рукахъ бѣлый кружевной воротникъ.

— Какая же гибель? Чтò ты это? Чѣмъ же ты-то виноватъ въ томъ, что она на ладанъ дышала?.. И до этого исполненія въ послѣднемъ градусѣ чахотки была. Ты же ее поддержалъ, добился ей успѣха, помогъ въ болѣзни... Чего же еще?

— Я совсѣмъ выбитъ изъ колеи.

Она присѣла къ нему, уложивъ сначала свой кружевной воротникъ.

— Ты такъ убиваешься, точно загубилъ ее... Я не знаю,

до чего у васъ тамъ доходило... Вѣдь она, небось, не дѣва орлеанская. Навѣрно... съ прошедшимъ?.. А?

Этотъ звукъ „а“—немного въ носъ—прошелъ по его нервамъ точно грифелемъ, и онъ замкнулся въ себя.

Сюда онъ пришелъ съ потребностью излиться. Онъ не сталъ бы скрывать того, что „осчастливилъ несчастную дѣвочку“, снизошелъ до взрыва ея обожанія.

Но теперь онъ не скажетъ ей всей правды.

— Все равно!—выговорилъ онъ, тяжело поднимаясь съ ящика.

— Какъ же тебѣ быть?—серьезнѣе возразила она, перейдя опять къ сундуку.—Не сидѣть же тебѣ около нея цѣлыя недѣли?

Онъ обернулся и поглядѣлъ на нее вбокъ.

— Неужели ты такъ увлекся этой дѣвчуркой?

И опять тонъ его патронши рѣзнулъ его.

Она не бездушна, не зла; но на ней уже цѣлый наростъ актерской морали, чего-то склизкаго и тлетворнаго.

— Да, я знаю!—вскричалъ онъ:—я долженъ укладываться... у меня контрактъ... Меня ждутъ успѣхи... Ха, ха!

— Голубчикъ, это у тебя нервы расшатались... Вотъ, полежишь въ вагонѣ цѣлыхъ двѣ ночи. Грѣшно и даже немного стыдно... такъ себя взволновать... Богъ знаетъ изъ-за чего...

Половинка двери шумно растворилась, и влетѣлъ Любскій въ домашней тужуркѣ и въ туфляхъ.

Онъ не могъ сразу видѣть Астахова—мѣшала дверь.

— Юля!—крикнулъ онъ. — Это ни на что не похоже! Я приказалъ Ергунову отправить мой багажъ вмѣстѣ съ твоимъ... а онъ такъ копается, такъ копается.

И тутъ только онъ увидалъ Астахова и стѣснился.

— Здравствуйте, Иванъ Егоровичъ!

Ей тоже было, кажется, непріятно, что онъ влетѣлъ такъ шумно и сталъ говорить на „ты“.

До сихъ поръ, на сценѣ и за столомъ, онъ звалъ ее „Юлія Павловна“, а она его—„Николенька“, но не говорила ему „ты“ при всѣхъ.

— Хорошо, хорошо! Я сейчасъ прикажу. Все уладится, голубчикъ. Только надо торопиться.

Любскій такъ же быстро исчезъ.

Протянулась пауза.

Она стала что-то опять укладывать и сейчасъ же замурлыкала.

Не разъ онъ уже замѣчалъ у нея этотъ пріемъ: какъ только выйдетъ что-нибудь несовсѣмъ ловкое — она запоетъ или замурлыкаетъ, безъ словъ и немного въ носъ, какъ теперь.

Онъ подошелъ къ ней сзади.

— Извини... но воля твоя... судьба этой несчастной „чайки"... ея неизбѣжная смерть...

— Ну, да... Понятно! Это дѣлаетъ тебѣ честь... ты человѣкъ съ душой.

И эта ободрительная фраза обдала его чѣмъ-то для него почти невыносимымъ.

Она взяла его за локоть, когда онъ повернулся отъ нея къ двери.

— Только, голубчикъ... не въ службу, а въ дружбу... пожалуйста, между нами то, что̀ сейчасъ было.

— Ничего не было... твой Веніаминъ начинаетъ входить въ роль.

— Да вѣдь онъ не видалъ тебя. Согласись, при постороннихъ онъ очень мило ведетъ себя. Разумѣется, съ глазу на глазъ мы не употребляемъ мѣстоименія „вы".

— Это твое дѣло,—выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Ему сдѣлалось вдругъ такъ тоскливо и одиноко. Полное равнодушіе вползло въ его душу—ко всѣмъ этимъ „каботинамъ", къ ихъ tournée, къ этой антрепренершѣ и ея любовымъ капризамъ, разсчетамъ, планамъ, идеямъ, мечтѣ создать новый театръ, гдѣ она готова будетъ предоставлять ему выдающееся мѣсто, потому что увѣровала въ его талантъ и дѣйствіе на публику.

— Хорошо, хорошо!—проговорилъ онъ, даже не зная, на что̀ онъ отвѣчаетъ.

— Пожалуйста, не опоздай!—крикнула она ему вслѣдъ.

Войдя въ свой номеръ, гдѣ сундукъ стоялъ раскрытымъ на двухъ стульяхъ, Астаховъ опустился на кушетку и чуть не заплакалъ.

„Ты ни въ чемъ не виноватъ!"—говоритъ его пріятельница. Но развѣ дѣло въ одной формальной винѣ?

Въ чаду его актерскихъ упоеній, передъ нимъ раскрылась вся за душу хватающая трагедія жалкаго существа, которое знаетъ, что ему нѣтъ спасенія. Судьба, съ циническимъ издѣвательствомъ, послѣ всякихъ мытарствъ, дала ей обезумѣть отъ счастья на одинъ мигъ.

А онъ поѣдетъ тѣшить свою актерскую ненасытность славы.

Зачѣмъ непремѣнно пять, десять успѣховъ? Развѣ публика вездѣ не одна и та же? И вездѣ она ловится на хорошія слова, на слезы, на штучки.

Можно ли творить пять, десять разъ одно и то же лицо? А надо. Онъ уже въ когтяхъ ремесла; отыграетъ здѣсь, въ этой

„tournée“, возьметъ другой ангажементъ, потомъ третій, четвертый, въ провинціи и въ столицѣ. И такъ изо дня въ день.

И это—„святое искусство“!

Онъ закрылъ глаза, и передъ нимъ тотчасъ же выплыло лицо Ниночки съ закрытыми глазами покойницы.

Въ дверь выглядывалъ одинъ изъ ихъ бутафоровъ.

Въ отдѣленіи вагона на двѣ кровати свѣтъ фонаря со свѣчой еле пробивается сквозь темную занавѣску.

Астаховъ занимаетъ его съ Брянскимъ—на положеніи „первыхъ сюжетовъ“.

Резонеръ лежитъ наверху.

Имъ обоимъ не спится.

Брянскій грузно ворочался наверху и какъ-то все вздыхалъ. Астаховъ пріѣхалъ на вокзалъ все въ томъ же настроеніи, и когда они еще сидѣли на одномъ диванѣ, до приготовленія постелей—онъ перекидывался съ своимъ спутникомъ маленькими фразами.

— Астаховъ, вы не спите?—окликнулъ сверху Брянскій.

— Нѣтъ! Сильно качаетъ... Мы попали на ось.

— Это вѣрно! Духота нестерпимая! Ужъ коли начнутъ топить, то—пещь вавилонская. И все-то у насъ такъ дѣлается въ россійскомъ государствѣ.

— Гдѣ его искать... истопника?.. я бы сходилъ.

— Да вы въ какомъ туалетѣ? Я—въ одномъ бѣльѣ.

— Я какъ слѣдуетъ, не раздѣвался.

— Напрасно. Намъ предстоитъ еще ночь... Измаетесь, коллега.

Астаховъ накинулъ пальто и пошелъ отыскивать истопника, не нашелъ его и вернулся ни съ чѣмъ.

У него было такъ скверно на душѣ, что и помимо духоты о снѣ нечего и мечтать.

— Коллега...—окликнулъ его опять резонеръ.—Коли и вамъ не спится—поболтаемъ. Грѣшнымъ дѣломъ... еслибъ мы съ вами были склонны къ горячительнымъ напиткамъ — намъ было бы легче убить время и расположить себя ко сну.

Астахову вдругъ захотѣлось крикнуть спутнику снизу вверхъ: „А вѣдь я презрѣнный донъ-Жуанъ и пошлый каботинъ“!

— Бываютъ минуты, когда и кромѣ безсонницы есть побужденіе напиться!—выговорилъ онъ медленно и ядовито.

Этотъ „ядъ“ былъ обращенъ на самого себя.

— Неужели и вы уже испытали это... на томъ поприщѣ,

куда убѣжали отъ чистыхъ сферъ науки? Между нами, коллега, я вамъ этого не прощу.

— Я и не оправдываюсь, Максимъ Петровичъ! И не хочу скрытничать. Да, я какъ-разъ въ такомъ состояніи.

— Ой-ли?—фистулой воскликнулъ Брянскій и повернулся всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ съ одного бока на другой, такъ что шарниры зазвенѣли.

И, помолчавъ, онъ продолжалъ въ болѣе конфиденціальномъ тонѣ, какимъ ведутся разговоры „по душѣ" въ русскихъ пьесахъ.

— Неужели разочарованы? Съ какой же стати? Будь я не вашъ собратъ, а директоръ театра, гдѣ вы служите, я бы сказалъ: господинъ Ардатовъ, да какихъ же еще успѣховъ желаете вы имѣть, и въ такой крошечный срокъ? Сколько вы на сценѣ—смѣю спросить?

— На настоящей... только съ вашей tournée.

— И вамъ мало? Ахъ, какіе аппетиты у людей вашей генераціи! Мы тоже стремились къ такъ называемой славѣ, но такихъ требованій—ей-же-ей—не имѣли!

— Совсѣмъ не то! — остановилъ его Астаховъ. — Дѣло совсѣмъ не въ славѣ... Какъ будто не можетъ васъ заглодать червякъ особенный, личный...

— Какой? Червь нечистой совѣсти? — выговорилъ резонеръ уже совсѣмъ по-театральному, но такъ, что это надо было принять за шутку.

Болѣзненно-чуткое ухо Астахова заслышало тутъ какой-то намекъ.

Это заставило его приподняться. А потомъ онъ спустилъ ноги и сѣлъ, облокотившись о столикъ.

— Разные бываютъ черви,—глухо вымолвилъ онъ.

— Да, бываютъ... а зачастую, коллега, червь этотъ—фиктивный.

— Въ какомъ смыслѣ?—окликнулъ Астаховъ и даже взглянулъ вверхъ, подавшись на край своего дивана.

— А въ такомъ... когда вдругъ какой-нибудь донъ-Базиліо, изъ „Севильскаго Цирульника" пуститъ о васъ нѣчто, увлаженное ядовитой слюною клеветы.—„La calunnia"... —протянулъ онъ комически, низкими нотами.—Васъ, можетъ, удивляетъ, коллега, мой вокальный речитативъ? Я вѣдь сначала въ опереткахъ дѣйствовалъ... и обладалъ пріятнымъ баритономъ. Такъ вотъ-съ... и пуститъ какая-нибудь досужая ехидна, какими преисполнена наша театральная трясина.

Онъ свѣсилъ голову, которая пришлась какъ разъ надъ головой Астахова.

— Если не хотите пускать въ ходъ дипломатію—будто вамъ уже не представили меня, когда вы поступили къ намъ, какъ человѣка несказуемыхъ нравовъ, чуть не почище Карамазова-pѐге...?—съ юморомъ выговорилъ онъ.—Ну, скажите... я не обижусь. А вы лгать не умѣете... я это сразу увидалъ.

— Слышалъ что-то... въ такомъ именно родѣ.

— Merci... Долгъ платежемъ красенъ... Вѣдь и про васъ уже кто-то пустилъ ноту во вкусѣ донъ-Базиліо.

— Да?

Астаховъ вскочилъ и прислонился къ перегородкѣ отдѣленія, такъ что голова его пришлась вровень съ верхней постелью.

— Разлюбезнымъ манеромъ,—продолжалъ Брянскій потише, почти шопотомъ.—А героиней этой легенды будетъ та юница, которой вы доставили...

— Мамурина?

— Всенепремѣнно. И будьте признательны богамъ, ежели эта ядовитая струя не потечетъ дальше и не выростетъ въ цѣлую Медузину голову.

— Но чтò же говорятъ?—порывисто спросилъ Астаховъ.

— Видите ли... вы ее загубили.

— Какъ?

— Ужъ не знаю тамъ... посягнули на ея дѣвическую непорочность. Все ужъ тутъ есть... и кабинетъ ресторана, и обморочное состояніе, и внезапная смертельная болѣзнь.

— Какая гнусность!

И тутъ же его мозгъ пронизала мысль:

„А не ты ли и пустилъ въ ходъ эту легенду“?

— И такихъ гнусностей совершается не одна дюжина... и не въ одной только нашей трясинѣ.

— Это Богъ знаетъ чтò!—вскричалъ Астаховъ, ложась на диванъ.

На лбу у него выступила испарина.

— Средство одно...—доносился до него голосъ резонера.—Помните, какъ у Островскаго пьяненькій трактирщикъ Маломальскій повторяетъ Ванѣ Бородкину: „Оставь втунѣ, пренебреги!“

„Вотъ оно что!“ — повторялъ Астаховъ и во рту ощущалъ горечь.

Значитъ, желчь внезапно поднялась въ немъ.

— Покойной ночи, коллега!—крикнулъ ему сверху Брянскій.

X.

Шесть часовъ сряду просидѣла Марья Денисовна, не разгибая спины, надъ срочной работой.

Она наскоро пообѣдала и собралась посидѣть къ своей матери, Катеринѣ Дмитріевнѣ Грузовой.

Той нездоровится уже который день. Началось съ насморка, но перешло во что-то затяжное; явился кашель и температура поднялась. Опаснаго ничего нѣтъ, и Катерина Дмитріевна вообще не охотница лечиться, постоянно на ногахъ, „валяться“ не соглашается, хотя докторъ совѣтуетъ „не слишкомъ храбриться“.

Марья Денисовна—за послѣднія двѣ-три недѣли собою недовольна.

На нее все чаще и чаще находитъ подавленное расположеніе духа, переходящее въ тошную хандру.

Много ночей она спала всего какихъ-нибудь три-четыре часа, и должна теперь прибѣгать къ наркотикамъ.

Она хочетъ бороться съ этой нервностью запойной работой и сидитъ до двухъ, до трехъ часовъ за письменнымъ столомъ. Выходитъ еще хуже. Къ доктору она не обращается. Но и мать ея замѣтила уже, не со вчерашняго дня, что она сильно измѣнилась въ лицѣ. Цвѣтъ кожи сталъ землистый, глаза впали, потеряли свою прежнюю красивость.

Знакомства ее тяготятъ. Въ театрѣ она или совсѣмъ чужая, или чувствуетъ, что у нея съ театромъ, со сценой, съ искусствомъ и съ положеніемъ актера—какіе-то тайные счеты.

Интересоваться театральнымъ міромъ она не можетъ, потому что ея мужъ „пошелъ въ актеры“. И, въ то же время, она теперь прочитываетъ театральныя хроники во всѣхъ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ, ищетъ въ корреспонденціяхъ изъ провинціи имя артиста Ардатова.

Успѣхи ея мужа волнуютъ или вызываютъ двойственное чувство: она рада за него и не можетъ отдѣлаться отъ угнетающаго страха за то, что онъ совсѣмъ уйдетъ отъ нея.

Только теперь, въ разлукѣ, она начала испытывать приступы скрытой, точно тупой боли, чисто-женской тревоги.

Впередъ поставила она крестъ на похожденія своего мужа. Эта Арнаутъ первая могла прибрать его къ рукамъ. Про нее ходятъ ужасные слухи. Если половина—правда, то чего можно ждать отъ такой женщины, какого вліянія на такую неустойчивую натуру, какъ Иванъ Егоровичъ?

И всю эту внутреннюю тревогу она подавляетъ, ни съ кѣмъ не говоритъ по душѣ—даже и съ матерью.

Катерина Дмитріевна довольна тѣмъ, что дочь ея съ достоинствомъ переживаетъ такія трудныя минуты; но она надѣется, что „благородныя стремленія" побѣдятъ, въ душѣ ея зятя, „увлеченія легкомысленнаго свойства".

Такимъ языкомъ мать ея привыкла выражаться, и ихъ разговоры не идутъ дальше обмѣна того, что̀ Маня прочтетъ въ газетахъ и что̀ Катерина Дмитріевна облечетъ въ свои сентенціи.

Сегодня Марья Денисовна была такъ поглощена своей работой, что не успѣла прочесть ни одной газеты.

Матери ея было гораздо лучше.

Катерина Дмитріевна сохранила въ своей фигурѣ и типѣ лица что-то дѣвическое—небольшого роста, съ остатками миловидности, сѣденькая, очень старательно одѣтая въ темный цвѣтъ— она и говорила дѣвическимъ тономъ, грудными нотами, которыя шли къ ея фразеологіи убѣжденной „семидесятницы".

Она сидѣла съ ногами на кушеткѣ, въ своей необычайно чистой спаленкѣ, гдѣ лампа съ горѣлкой Ауэра висѣла, обливая все молочно-голубыми волнами свѣта.

На столикѣ, у кушетки, лежало нѣсколько газетъ. Катерина Дмитріевна поглощала ихъ въ большомъ количествѣ и страстно относилась къ политикѣ, особенно къ внутреннимъ вопросамъ, къ земскимъ интересамъ и къ женскому „освободительному" движенію.

— Маня! Голубушка! — привѣтствовала она дочь и хотѣла даже подняться; но та не допустила.—Ты видишь, мнѣ гораздо лучше. И мой эскулапъ доволенъ мною.

Онѣ нѣжно обнялись.

— А твоимъ видомъ, Манюша, я не довольна. Воля твоя! ты себя изводишь на работѣ.

— Ничего... мамочка.

Марья Денисовна, до сихъ поръ, совсѣмъ по-дѣтски зоветъ свою мать. Она присѣла на край кушетки и держала руку матери въ своихъ рукахъ. Потомъ поглядѣла на газеты и вздохнула.

— Я еще не прочитала ни одной газеты.

Глазами она спросила мать: „А нѣтъ ничего про мужа?"

Та поняла этотъ взглядъ, и сейчасъ же ея маленькій ротъ сложился въ особую мину, знакомую Марьѣ Денисовнѣ.

Значитъ, мать что-то такое прочла сегодня, что̀ ей не хотѣлось бы сообщать.

Скрыть что-нибудь Катерина Дмитріевна не мастерица, даже и въ мимикѣ лица, хотя ея постоянная забота—какъ-нибудь не смутить другихъ.

Рука Марьи Денисовны протянулась къ листку мелкой прессы—онъ лежалъ сверху.

— Видишь... Манюша,—заговорила Грузова, поднимая голову,—тутъ есть какая-то вздорная корреспонденція изъ...

Она назвала имя того города, куда труппа Юліи Павловны Арнаутъ переѣхала со второй недѣли поста, послѣ возобновленія спектаклей.

— Ты боишься за меня, мамочка? Развѣ я такая малодушная? Я ко всему готова,—проговорила она, немного блѣднѣя.

— Тутъ только инициалы... театральной фамиліи твоего мужа.

Листокъ былъ уже въ рукахъ Марьи Денисовны. Онъ какъ-разъ развернутъ на той страницѣ, гдѣ театральная хроника.

— Проваль?—воскликнула она.

— Да ты не читай, Маня, прошу тебя.

— Значитъ, такъ скандально?

— Или это утка... или какая-нибудь „кабаль". Но если дѣйствительно оно случилось такъ... мнѣ крайне прискорбно за Ивана Егоровича. Ни на что такое я не считаю его способнымъ.

Сразу покраснѣвшіе глаза ея дочери жадно пробѣгали строки, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ.

Да! Это про него... Артистъ А—товъ, т.-е. Ардатовъ. И произошло оно на первомъ же представленіи въ этомъ городѣ труппы Арнаутъ, въ той самой пьесѣ, гдѣ онъ такъ захватилъ публику въ университетскомъ городѣ. Она читала объ этомъ въ трехъ газетахъ, и даже была минута—хотѣла послать ему депешу.

Это про него!

Кровь бросилась ей въ лицо и въ вискахъ застучало.

При его появленіи и въ креслахъ, и сверху, среди учащейся молодежи — раздались крики, шиканье, свистки. Цѣлыхъ пять минутъ нельзя было актерамъ играть, и только вмѣшательство полиціи сдѣлало возможнымъ исполненіе пьесы. Послѣ четвертаго дѣйствія было то же. Кажется, что-то бросили изъ райка въ бумагѣ.

А причина? Корреспонденція изъ того города, гдѣ онъ испыталъ свое первое торжество. Какая-то молодая дѣвушка... обезчещенная имъ и брошенная. Ея смерть въ больницѣ.

Дыханіе сперлось въ груди Марьи Денисовны. Она не дочитала послѣднихъ трехъ строкъ. Газета упала на полъ.

— Манечка! Я просила тебя не читать. Это грязная сплетня... Твой мужъ... неспособенъ на это... неспособенъ.

— Какой стыдъ!—промолвила Марья Денисовна дрожащими губами, подалась къ матери, обвила ее руками и тихо заплакала.

Ничего болѣе горькаго она еще не испытала во всю свою жизнь.

Скорый поѣздъ изъ Москвы опоздалъ на цѣлыхъ полчаса.

Объ этомъ было уже извѣстно на вокзалѣ, когда Марья Денисовна вошла въ сѣни, гдѣ толпилось не мало народа и стѣной стояли швейцары отелей и меблировокъ.

Она вышла и на платформу, не боясь погоды.

Мокрый снѣгъ залеталъ подъ навѣсъ платформы. Отовсюду дуло. Пришлось примоститься въ уголъ и ждать — вотъ-вотъ покажется грудь и труба паровоза.

Встрѣчающихъ было немного. Погода способна была каждаго привести въ смущеніе. Но Марья Денисовна забыла тотчасъ же о погодѣ.

Ѣхала она съ все возростающимъ волненіемъ и никакъ не могла подавить его въ себѣ.

Другая бы на ея мѣстѣ ни за что не бросилась встрѣчать мужа, послѣ того, чтò она изъ-за него испытала горькаго.

Но она не могла не поѣхать.

Вчера получила она отъ него депешу о часѣ пріѣзда, съ просьбою помѣстить его гдѣ-нибудь невдалекѣ отъ нея.

Она давно писала ему, что сдала ихъ квартиру, на какой срокъ и на какихъ условіяхъ. Онъ даже ничего не отвѣтилъ. Распорядиться самостоятельно она считала себя вправѣ: платить за квартиру одной—нелѣпо; вдобавокъ, она была взята по контракту, на ея имя.

А три дня назадъ, еще изъ губернскаго города, пониже Москвы, пришло письмо отъ мужа, гдѣ онъ называлъ себя блуднымъ сыномъ, жаждалъ возвращенія домой, изливался въ своемъ теперешнемъ тяжкомъ душевномъ настроеніи.

Значитъ, то, чтò стояло въ газетахъ и перепечатано во многихъ листкахъ—правда, и онъ прошелъ, быть можетъ, черезъ цѣлый рядъ такихъ протестовъ публики.

„Все, все разскажу,—кончалось письмо.—Но если уже читала что-нибудь, вѣрь, —это гнусная клевета. Не можешь ты считать меня способнымъ на что-либо подобное“.

Это ее тронуло. Она сейчасъ же поѣхала къ своей матери — прочесть ей письмо мужа.

Катерина Дмитріевна воскликнула:

— Я вѣрю Ивану! Онъ—увлекающійся... нетвердый человѣкъ... но онъ—жертва сплетни.

Урокъ оказался сильнѣе, чѣмъ онѣ обѣ предполагали. „Блудный сынъ“ возвращался черезъ какихъ-нибудь четыре мѣсяца.

Какъ жена—если даже считать, что она имѣетъ особенныя права на него—она не можетъ выставить ничего противъ мужа, кромѣ подозрѣній и предположеній.

Но если даже онъ и увлекся той покойницей или „далъ себя увлечь“—развѣ это такой смертный грѣхъ, послѣ котораго не можетъ быть примиренія?

Мать ея даже прямо сказала:

— Любящая жена должна побѣдить мужа... всепрощеніемъ.

„И что же, въ сущности, вышло?—думала она и вчера, и сегодня, проснувшись рано: — что случилось безповоротнаго въ ихъ общей судьбѣ или только для него“?

Они не разводились, даже не разъѣзжались формально. Иванъ Егоровичъ вышелъ въ отставку—это правда; но онъ можетъ сейчасъ же найти мѣсто и, если ученая дорога ему по силамъ, продолжать готовиться на магистра.

И кто же знаетъ въ этомъ огромномъ Петербургѣ, что артистъ А—въ, про котораго въ газетахъ появлялись извѣстія позорящаго свойства, есть именно магистрантъ Иванъ Егоровичъ Астаховъ? Десять человѣкъ, да и то врядъ ли,—по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, когда члены труппы Арнаутъ—или въ Москвѣ, или въ провинціи.

Можетъ быть, онъ уже, какъ „артистъ Ардатовъ“, напечаталъ опроверженіе, которое еще не появилось въ столичныхъ газетахъ...

Волненіе Марьи Денисовны было наполовину радостное. Она встрѣтитъ мужа „какъ ни въ чемъ не бывало“ и даже не допуститъ его ни до какихъ ненужныхъ исповѣдей и не позволитъ себѣ никакихъ лишнихъ вопросовъ.

Все, что было фактическаго въ этой „легендѣ“—какъ онъ называлъ въ письмѣ своемъ пущенную сплетню,—онъ самъ ей разскажетъ.

А тамъ—будь, что будетъ. Если онъ отрезвился—останется съ ней, или...

Но ей не хотѣлось идти дальше въ этихъ предположеніяхъ.

На платформу высыпали артельщики, въ фартукахъ, съ ну-

мерными бляхами. Поѣздъ сейчасъ войдетъ подъ сводъ дебаркадера.

Она пошла впередъ, не зная хорошенько, въ которомъ классѣ онъ пріѣдетъ—въ первомъ или во второмъ.

Кто-то стукнулъ въ стекло, изнутри вагона.

Это онъ! Она подбѣжала къ подножкѣ и крикнула съ собой артельщика.

— Маня! Дорогая!

Они обнялись тутъ же. У него на глазахъ слезы. Она тоже глотала ихъ. Но плакать было бы стыдно.

Взявъ его подъ-руку, она повела его въ сѣни и въ боковую залу, гдѣ они дожидались, пока артельщикъ принесетъ его два большихъ сундука.

Они оба сразу нашли большую перемѣну въ своемъ внѣшнемъ видѣ: и онъ, и она похудѣли, цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, глаза съ покраснѣвшими вѣками. Имъ стало еще больше жаль другъ друга.

— Куда мнѣ въѣхать, Маня?—кротко спросилъ Астаховъ, еще до возвращенія артельщика съ сундуками.

— Въ моемъ garni есть очень хорошая комната... если не побрезгаешь,—выговорила она полу-шутливо.

— Спасибо, голубчикъ!

Онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

Этого слова „голубчикъ" онъ прежде никогда не употреблялъ. Оно—актерское. Его нервность усилилась. Слова онъ кидалъ, не договаривалъ фразъ и говорилъ не то, что̀ хотѣлъ бы сказать ей. Но вѣдь это всегда бываетъ при свиданіи, въ первыя минуты.

Пришлось взять карету. Дорогой они говорили все такъ же отрывочно.

Марья Денисовна напомнила ему, что квартира сдана до перваго апрѣля. Онъ тутъ только вспомнилъ, что во̀-время не отвѣтилъ ей.

— Прости... великодушно! Ты прекрасно сдѣлала. Пока... мнѣ ничего не нужно.

„Пока!—повторила она про себя.—А потомъ"?

Но она не хотѣла разстроивать себя. Вѣдь онъ тутъ, сидитъ около нея. И они—не враги. И онъ ушелъ изъ того міра по собственному желанію.

Не хотѣла она видѣть въ немъ какого-то раскаявшагося грѣшника. Если его потянуло домой—значитъ, „домъ" пересилилъ.

Тяжелые сундуки были отправлены съ посыльнымъ. Ручной

багажъ внесли въ комнату, которую Марья Денисовна, съ вчерашняго дня, убирала вмѣстѣ съ номерной, помня хорошо всѣ привычки мужа.

— Да здѣсь прекрасно! Лучшаго и желать трудно!

Въ томъ, какъ онъ это сказалъ, Марья Денисовна опять заслышала что-то новое—какую-то пѣвучесть дикціи, какой у него прежде не было.

Ушелъ коридорный, ушла горничная.

Наконецъ-то они одни.

Астаховъ—очень изящно одѣтый въ дорожную пару—подошелъ сначала къ окну, точно онъ хотѣлъ скрыть свое смущеніе, постоялъ нѣсколько секундъ, быстро обернулся, подбѣжалъ къ женѣ, обнялъ ее и долго не отпускалъ.

— Ну, вотъ ты и со мной!—шептала она, пряча лицо на его плечѣ.

Онъ привлекъ ее къ дивану, усадилъ; а самъ такъ же быстро опустился на колѣни и схватилъ ее за обѣ руки.

— Какъ ты выше меня, Маня!—заговорилъ онъ съ особенными вибраціями голоса.—Какъ выше! Я—презрѣнный эгоистъ! Искатель актерской мишуры! А ты все та же... чистая душой, безконечно добрая.

— Встань, встань, Ваня! Не надо!

Ей стало дѣлаться жутко отъ его слишкомъ красивыхъ изліяній. Точно они разыгрываютъ сцену примиренія.

— Сядь! Прошу тебя!—настойчиво вымолвила она.

Онъ сѣлъ и взялъ ее за талію.

Тонъ его тотчасъ же сталъ другой.

— Маня!—сказалъ онъ, возбужденно поглядывая на нее.—Я бы не посмѣлъ явиться сюда—будь я тотъ негодяй, про котораго ты читала въ газетахъ.

Голосъ дрогнулъ. Глаза были полны слезъ.

— Я знаю... я знаю... Я вѣрю тебѣ! — порывисто повторила она.

— Но ты вправѣ сказать: „что̀-нибудь да есть тутъ... къ чему могли придраться“.

— Не надо тебѣ оправдываться, Ваня.

— Позволь... я слишкомъ настрадался, Маня... Цѣлый мѣсяцъ я жилъ въ постоянномъ ожиданіи... новыхъ оскорбленій.

— Развѣ и въ другихъ городахъ?

— Скандаловъ не было... но сплетня росла.

— Ты молчалъ...

— Меня просили товарищи напечатать письмо. И я не со-

гласился. И ты поймешь—почему. Я сказалъ имъ: „Я готовъ отдать свое поведеніе на вашъ судъ. Вы знаете, что тутъ нѣтъ ничего, кромѣ клеветы. Мамурина"...

— Это та, кому я дала карточку къ тебѣ?

— Она... Съ ея дебюта въ „Чайкѣ" прошло всего нѣсколько дней. Потомъ она заболѣла. Мы должны были двинуться. Я помѣстилъ ее въ больницу, гдѣ она и умерла черезъ четыре дня. Вотъ—факты.

Онъ прильнулъ къ ней и сталъ говорить на̀-ухо:

— Ты должна знать всю правду... ты, какъ жена моя передъ Богомъ и людьми.

Этотъ возгласъ почти непріятно рѣзнулъ ее по уху.

— Я не требую исповѣди, Ваня.

— Нѣтъ... дай мнѣ повиниться. Эта несчастная дѣвушка обезумѣла отъ своего внезапнаго успѣха. Свою наболѣвшую душу она настроила восторженно. Я былъ тронутъ... я не устоялъ. Вотъ моя вина, но передъ кѣмъ? Только передъ тобой, Маня. Ты одна—судья.

— Я не судья,—спокойно выговорила она.

— И это былъ одинъ мигъ... Какъ на духу говорю я тебѣ... Меня охватили и жалость къ этому существу, и опьяненіе общаго успѣха, и благодарность за то, что она такъ беззавѣтно отдавала мнѣ свою душу и свое бѣдное... изнемогающее тѣло... Вотъ и все! И я вышелъ похитителемъ ея чести. Въ легендѣ она—невинная дѣвушка, попавшая въ когти развратника... Въ жизни—она была жалкая дѣвушка съ печальнымъ прошлымъ, несчастная мать мертворожденнаго ребенка, брошенная тѣмъ, кто увлекъ ее впервые...

— Довольно!—остановила Марья Денисовна, и даже немного отвела его руки.

— Вотъ правда, Маня, голая правда.

Онъ поникъ головой, блѣдный и разбитый этой исповѣдью. По щекамъ текли слезы.

— Ты слишкомъ много страдалъ, Ваня,—сказала она тихо и взяла его за руку.

— А печатать оправдательныя письма я не хотѣлъ и теперь не хочу. Что̀ я могу привести, какъ самый вѣскій фактъ? Что артистка Мамурина была матерью ребенка, явившагося на свѣтъ мертвымъ, больше года до знакомства со мною? Я никогда не пошелъ бы на такую гадость.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Во всемъ этомъ есть что-то фатальное,—начала Марья

Денисовна. — Я сама дала ей карточку. Успѣхъ... Внезапное преклоненіе передъ тобою—это такъ понятно. А остальное — сплетня... нравы того міра, куда тебя такъ неудержимо влекло.

— Влекло! — подхватилъ онъ ея слово. — Но не влечетъ, ха, ха! О, нѣтъ!

Онъ вернулся на то же мѣсто, взялъ ее за руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

— Прозрѣлъ я, Маня, и помимо этой гадкой исторіи. Прозрѣлъ и ужаснулся.

— За что?

— Ужаснулся за самого себя. Было бы въ сто разъ лучше — испытай я полную неудачу. Тогда меня такъ быстро не стала бы разъѣдать гангрена актерства, гангрена, разложеніе личности. Ты не можешь себѣ этого представить!—крикнулъ онъ.— Это вродѣ запойнаго пьянства. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все усиливается жажда тщеславныхъ утѣхъ своего каботинскаго „я“! Все исчезаетъ! Нѣтъ ни Бога, ни природы, ни человѣчества, ни долга, ни родины, ни идей, ни общества, ни дружбы, ни солидарности съ кѣмъ бы и съ чѣмъ бы то ни было. Есть пріемы, успѣхи, свое „я“, своя слава!

Слова порывисто слетали съ его губъ. Онъ сдѣлалъ сильный жестъ обѣими руками надъ своей головой.

— И слава! Какая? Хвалебная болтовня газетчиковъ? Галдѣнье гимназистовъ и акушерокъ, подношенія, застольные спичи! Ни одного умнаго отзыва не прочелъ я за все время. Ни одной стоющей оцѣнки не выслушалъ!

Онъ обнялъ ее и, прижавъ къ груди, прошепталъ:

— Я твой, Маня, прежній твой другъ и товарищъ!

XI.

Солнце весело играетъ на сѣровато-голубой зыби моря. Легкій вѣтерокъ пахнётъ въ лицо и сейчасъ же притихнетъ.

Марья Денисовна сидитъ въ будкѣ съ книгой и записной тетрадью.

Опять та же будка, тотъ же „штрандъ“, какъ и годъ назадъ.

Неужели все то было, что̀ наполнило цѣлый годъ, съ прошлаго августа?

Порой ей кажется, что все это было видѣніе. Точно она проспала, и ей снился цѣлый рядъ картинъ, сначала тяжелыхъ, а потомъ болѣе отрадныхъ.

И пробудилась она не дальше, какъ недѣль шесть назадъ, когда опять пришла вотъ въ эту будку и стала работать въ утренніе часы.

Они живутъ въ той же дачкѣ, вонъ тамъ, сзади, по той улочкѣ, которая спускается внизъ, гдѣ двѣ сосны и у забора примостилась скамья.

И она все такъ же работаетъ. Только годъ назадъ она дѣлала выборки для мужа, а теперь для себя.

Съ конца поста время пролетѣло поразительно скоро. Въ концѣ апрѣля они изъ меблировки перебрались въ свою квартиру. Ея жильцы были порядочные люди: все нашли они въ порядкѣ—ничего не запачкано, не поломано, не разбито.

И началась трудовая жизнь—ея идеалъ, ея тихая пристань.

Мужъ ея поразилъ ее своей искренностью. Она сразу показала ему, что никакихъ супружескихъ счетовъ она не допускаетъ—точно ничего, такъ-таки ровно ничего, не случилось тамъ гдѣ-то...

Замѣчала она, въ первые дни, что онъ все еще стѣсненъ. Но она съумѣла вернуть его къ прежнимъ настроеніямъ. Ея мать встрѣтила его съ большой лаской, ни о чемъ его не разспрашивала и нашла, что онъ сталъ „еще интереснѣе".

Въ немъ проснулась жажда умственнаго труда. Желалъ онъ имѣть и собственный заработокъ. Это былъ вопросъ его мужского достоинства. Отъ его артистической кампаніи у него осталась сотня-другая рублей. Просить мѣста тамъ, гдѣ онъ прежде служилъ, ему было тяжело. Марья Денисовна нашла ему прочный заработокъ: ежемѣсячный гонораръ за работу въ одномъ „Словарѣ", по экономическому отдѣлу. Онъ взялся за это очень горячо, вернулся, въ свободные часы, и къ своимъ книгамъ, но говорить о диссертаціи какъ бы стыдился.

Она давно помирилась съ тѣмъ, что изъ него не выйдетъ ученаго. Но его талантливость не въ томъ, такъ въ другомъ проявится. Для публициста у него прекрасная подготовка.

Здѣсь, на морѣ, они живутъ совсѣмъ тихо. Знакомства случайныя, на музыкѣ. И онъ не ищетъ ихъ. Никто бы и не догадался, что этотъ скромный литературный работникъ еще постомъ гремѣлъ по провинціи, подъ именемъ Ардатова.

Встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ актерской братіи Марья Денисовна не боялась. Она вѣрила мужу, и „легенда" не могла его позорить. Никакой новой тревоги она въ немъ не замѣчала, или подавленнаго состоянія духа.

Но отчего же—уже не впервые сегодня—поднимаются въ

ней прежнія сомнѣнія—почти такъ же, какъ въ прошломъ году, на этомъ самомъ мѣстѣ?

Тогда у нея не было еще прямого страха, что мужъ ея изъ магистрантовъ очутится въ актерахъ; но она уже не вѣрила, что онъ когда-либо напишетъ диссертацію и защититъ ее.

Теперь она и не мечтаетъ для него о каѳедрѣ. Но надолго ли хватитъ у него выдержки на тихій, безвѣстный или даже и болѣе живой и лестный трудъ писателя-публициста? Она сжилась съ Петербургомъ, съ его мглой, сухостью отношеній, однообразной и часто изнурительной работой. Она—вся въ интимной жизни.

А онъ? Весна прошла въ особомъ возбужденіи, когда они зàново водворялись въ своемъ заброшенномъ гнѣздѣ.

Его не тянуло даже на тѣ спектакли московской труппы, которые шли на Святой и Ѳоминой. Онъ ни разу не пошелъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это для нея; а можетъ быть не былъ еще увѣренъ въ самомъ себѣ.

Спектакль, на который бѣгалъ весь Петербургъ—онъ видалъ въ Москвѣ. Если не сама пьеса, то игра, постановка, тонъ исполненія, множество интересныхъ подробностей—могли взволновать его, раздразнить то душевное бродило, заставившее его бросить все.

Здѣсь онъ очень много читаетъ, аккуратно высылаетъ „оригиналы“ въ редакцію „Словаря“ и держитъ корректуры; много и гуляетъ, ѣздитъ на велосипедѣ, въ лодкѣ, купается по два раза въ день. Онъ посвѣжѣлъ, сильно поздоровѣлъ. Совсѣмъ поправилась и она. Еще вчера онъ ей говорилъ:

— Маня! Ты точно новобрачная!

Почему же ей, нѣтъ-нѣтъ, да дѣлается не по себѣ—точно она опять наканунѣ какого-то кризиса, какъ будто ея мужъ страдаетъ роковымъ недугомъ, только притаившимся въ глубинѣ организма?

Она разсердилась на самоё себя, положила книгу и тетрадь въ папку, вся потянулась и пошла—не прямо на дачу, а по убитому прибоемъ песку, вдоль линіи моря.

Штрандъ былъ, въ этотъ часъ, совсѣмъ почти пустой. Нѣсколько мальчиковъ валялись въ пескѣ, полуодѣтые.

Къ ней навстрѣчу близилась женская фигура—вся въ бѣломъ, въ огромной кисейной шляпѣ. Оборкой тульи все лицо было скрыто. Молодая женщина—судя по стройному стану и легкой походкѣ.

Онѣ столкнулись на узкой полосѣ прибитаго песку, почти носъ съ носомъ.

Дама подняла голову и откинула рукой пышную оборку своей громадной шляпы.

— Маня! Ты!

Передъ нею стояла Кружалова.

Эта неожиданная встрѣча дала ей опять такое впечатлѣніе, будто все еще она живетъ на берегу моря, какъ въ прошломъ году.

„Не къ добру“,—пронизала ее внезапно мысль.

— Ты здѣсь?—спросила она смущенно и не сразу поздоровалась съ подругой.

— Только-что пріѣхала... на два дня всего, къ однимъ друзьямъ. Ѣду за границу. Никакъ не думала, что ты здѣсь. Сядемъ.

Около, шагахъ въ десяти, стояла голубая скамья.

— И мужъ твой съ тобою?—спросила Кружалова, съ какой-то особой интонаціей.

— Со мною.

— Вѣдь онъ теперь настоящій артистъ! Служилъ у Арнаутъ!

— Служилъ!—повторила Марья Денисовна.—Какъ я не люблю этого актерскаго слова. Служилъ кому? Не антрепренершѣ ли?

— Ахъ, какая ты Маня! У насъ такъ всѣ говорятъ... и въ императорскихъ театрахъ, и вездѣ.

— Ну, хорошо! Онъ давно вернулся.

— А на зимній сезонъ куда ангажированъ? Мы читали— онъ сразу выдвинулся и сдѣлался украшеніемъ труппы. Это меня не удивляетъ. Онъ такой чуткій и способный.

— Мужъ мой... покончилъ съ театромъ.

Кружалова уставила на нее свои большіе, замѣтно подведенные глаза.

— Покончилъ? Почему?.. Неужели оттого только...

Она остановилась.

— Мало ли что̀ пишутъ газетчики...

Астахова вся покраснѣла.

— Тебѣ это извѣстно?—вполголоса спросила она.

— Ну да. Но что̀-жъ изъ этого?

— Прошу тебя вѣрить, что мой мужъ неспособенъ ни на какой безчестный поступокъ. И онъ не хотѣлъ оправдываться въ печати. Это—ниже его. Гнусная клевета провалилась сама собою.

— Ну да, ну да! Не волнуйся, Бога ради! Но скажи... неужели изъ-за этого только твой мужъ бросаетъ сцену?

— Онъ вернулся съ чувствомъ чуть не отвращенія. Весь этотъ лживый и распущенный міръ онъ увидалъ въ настоящемъ свѣтѣ.

— Распущенный! распущенный! Это странно, моя милая,— возразила Кружалова, почти съ обиженной миной.—Вотъ я второй годъ принадлежу театру... правда, образцовому во всѣхъ отношеніяхъ. Но развѣ про него можно сказать что-нибудь подобное? Всѣ только и живутъ, что для идеи. Какая преданность! Какое безкорыстіе!

— Словомъ, обитель, а не труппа?

— Да, обитель. Только гораздо чище во всѣхъ смыслахъ. Разумѣется, въ провинціи, особенно у такой антрепренерши, какъ Арнаутъ, народъ набранъ всякій, съ борку да съ сосенки, какъ говорится. Она и сама-то...

— Я не хочу входить ни во что̀ такое,—строже выговорила Марья Денисовна.—Ты меня спросила о мужѣ... я тебѣ отвѣтила.

— Ахъ, Маня! Какая ты! Ты была противъ призванія твоего мужа... Онъ вернулся... какъ ты думаешь—навсегда... чего же тебѣ еще!

Своей палочкой Кружалова стала чертить по песку.

— Ты слишкомъ нервна и нетерпима. Но если говорить на чистоту—твоего поведенія я одобрить не могу.

— Въ чемъ?

— Предполагаю, что ты теперь всячески удерживаешь мужа отъ его—повторяю—настоящаго призванія.

— Кто тебѣ это сказалъ?

Голосъ Марьи Денисовны дрогнулъ.

— Я не знаю. Но одно скажу: бракъ, супружескія узы— это могила всякой любви къ искусству! Въ тебѣ нѣтъ этой жилки. Ты не можешь понять... И сколько ненужной, глупой борьбы...

И, перебивая себя, Кружалова продолжала горячѣе:

— Съ моимъ благовѣрнымъ супругомъ я наконецъ-то заключила договоръ. Мнѣ унизительно дѣлалось играть въ прятки. Я ему категорически объявила прошлой осенью: для меня внѣ моего театра немыслима жизнь. Оставайся въ имѣніи... Я тебѣ не мѣшаю быть ни предводителемъ, ни предсѣдателемъ, если тебя выберутъ.

— А дѣти?

— Что̀ дѣти? Дѣти при мнѣ. При нихъ бонна... Я ихъ не забросила въ подворотню. Ха, ха! Но то искусство, которому я хочу служить, для меня дороже всего, всего!

— Хорошо,—остановила ее Марья Денисовна.—Но зачѣмъ же ты меня обижаешь, Соня?

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что ты сейчасъ сказала, будто я душу талантъ моего мужа... Онъ вернулся нравственно разбитый... къ прежней жизни... самъ, по собственной волѣ и выбору. Неужели я должна тянуть его опять на сцену?

— Не повѣрю я,—такъ же горячо возразила Кружалова,—чтобы талантъ, да еще такъ быстро добившійся пріемовъ... бросилъ сцену безъ сердечной боли... не повѣрю!

Марья Денисовна сидѣла въ полоборота и смотрѣла туда, гдѣ подъемъ къ ихъ дачѣ.

Кто-то быстро спускался и подходилъ къ ихъ будкѣ.

Это ея мужъ.

Онъ заглянулъ внутрь, обернулся лицомъ въ ихъ сторону и, кажется, сразу увидалъ ее.

— Соня!—порывисто заговорила она, беря подругу за руку.— Мой мужъ сюда идетъ.

— Это онъ? Да, да!

— Я прошу тебя убѣдительно... не волновать его ничѣмъ такимъ...

— Ха, ха! Съ какой стати, милая! Ей Богу, я не думала, что ты такая гувернантка! Развѣ твой мужъ—неврастеникъ? Вѣдь онъ здоровъ... вонъ какой у него цвѣтущій видъ! И какой интересный мужчина! Прелесть! На мѣстѣ Арнаутъ, я бы его ни за что не выпустила!

Она издали начала кивать подходившему Астахову.

Тотъ ее не сразу узналъ.

— Софья Богдановна! Вотъ сюрпризъ!

Но его эта встрѣча скорѣе обрадовала, чѣмъ смутила.

Не прошло и пяти минутъ, между ними уже завязался особый разговоръ, который Марья Денисовна не могла ни прекратить, ни отклонить въ сторону.

— Вы все время были въ Петербургѣ? Съ вашей труппой? Какъ же вы насъ не отыскали?

— Въ томъ-то и дѣло, что меня не было. Я глупо заболѣла на масляницѣ. Такъ, пустое... а провалялась весь постъ, и только къ Ѳоминой недѣлѣ докторъ меня выпустилъ... Я поѣхала поправляться къ мужу, въ деревню.

И такъ же возбужденно она начала забрасывать его вопросами о той пьесѣ, которую Петербургъ видѣлъ впервые въ московскомъ исполненіи.

— Какъ нашли моего главнаго патрона? Скажите—не особенно хорошъ? Согласна. Но другіе... баронъ... Лука и весь тонъ игры, и постановка... дворъ съ лѣстницей...

Астаховъ не перебивалъ ее. Въ его лицѣ Марья Денисовна видѣла какую-то сложную игру. Онъ сдерживалъ себя, улыбался глазами, а губы сжималъ.

Все это ей сильно не нравилось.

— Ваня... кажется, не видалъ этой пьесы,—„въ сторону" промолвила она.

— Какъ? Не были у насъ?

— Не былъ, Софья Богдановна.

Кружалова взглянула насмѣшливо на Астахову и проговорила:

— Вотъ оно что̀!

Марья Денисовна почувствовала, что она имъ мѣшаетъ.

Тихо въ квартиркѣ Астаховыхъ, все въ той же, которую они, въ концѣ апрѣля, оставили за собою еще на два года.

Мужъ и жена сидятъ каждый въ своей рабочей комнатѣ: онъ въ кабинетѣ, она въ спальнѣ, гдѣ у нея письменный столъ и шкафъ съ книгами. Кровать—въ альковѣ, драпированная занавѣской.

Стоитъ осень, въ этотъ годъ особенно хмурая и гнилая. Марья Денисовна опять хирѣетъ отъ сидячей жизни; но гдѣ же и когда гулять? Каждый день или дождь, или изморозь. Терять время на ходьбу убыточно. И безъ того конка беретъ его слишкомъ много.

Ихъ жизнь складывается однообразно и тускло, и она не знаетъ, какъ ее подцвѣтить и скрасить. Выѣзжать она не охотница. Музыку она любитъ, но бывать часто въ концертахъ—некогда. Театра она боится. Съ этимъ чувствомъ она все еще должна бороться.

Иванъ Егоровичъ съ прежними сослуживцами не видается. Онъ и прежде не любилъ ихъ общества. Сталъ онъ посѣщать двѣ редакціи; но „интеллигенція" не привлекаетъ его.

И прежде онъ находилъ, что вездѣ—одни и тѣ же разговоры: слухи, безвкусное резонерство, личные счеты или „показываніе кукиша въ карманѣ".

То же нашелъ онъ и по возвращеніи въ Петербургъ.

Еще вчера онъ сказалъ ей, за обѣдомъ:

— Знаешь, Маня, чтобы сохранить любовь къ печатному слову... не надо бывать у литературной братіи. Лучше уже сидѣть въ мурьѣ и вынашивать свои идеи... какъ французы говорятъ, „dans le silence du cabinet"...

Она не возражала ему.

При его наружности, манерахъ, даровитости, онъ могъ бы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ.

Но въ какомъ? Въ настоящемъ большомъ или только въ полусвѣтѣ? Онъ не настолько суетенъ и тщеславенъ. Ѣздить на вечера и журфиксы—такъ, безъ цѣли, безъ видовъ карьериста, одному, какъ бы холостому человѣку, не принимая у себя,—на это онъ не пойдетъ: онъ слишкомъ гордъ.

Да и на все это надобно средства. А они еле-еле сводятъ концы съ концами.

Для „полусвѣта" онъ врядъ ли созданъ. Это было бы хуже актерства. И на какія же успѣхи тамъ разсчитывать мужчинѣ безъ средствъ? Поступить на амплуа Армана Дюваля изъ „Дамы съ камеліями"?

Она и объ этомъ могла спокойно думать. Въ ней теперь стало преобладать чисто материнское чувство къ своему „чаду".

Всего больше она боялась возможныхъ приступовъ хандры. И еслибъ онъ нашелъ себѣ какую-нибудь забаву, или пріучился бы играть въ карты по маленькой, или вдался въ спортъ — она была бы этому несказанно рада.

Это было ровно мѣсяцъ назадъ. Послѣ обѣда она взяла газету и увидала большой разборъ новой пьесы.

Подавляя въ себѣ „дѣтскую" боязнь театра, она стала читать ему вслухъ этотъ разборъ, горячо написанный, гдѣ содержаніе пьесы было разсказано занимательно и мѣстами очень ярко. Авторъ—начинающій, и успѣхъ былъ шумный.

Мужъ ея слушалъ молча, какъ бы удерживая въ себѣ все то, что рецензія будила въ его душѣ.

— А отчего бы тебѣ не пойти посмотрѣть?—предложила она.

И на это онъ ничего не сказалъ, но пошелъ, и потомъ нѣсколько разъ возвращался и къ пьесѣ, и къ исполненію. У него вырвалась фраза:

— Какая роль младшаго сына! Объяденье!

И сталъ ходить на первыя представленія. Она была и довольна, и начала опять тревожиться смутнымъ ожиданіемъ „чего-то".

Сегодня онъ особенно подавленъ былъ полнымъ отсутствіемъ дневного свѣта. Въ первомъ часу дня онъ долженъ былъ уже зажечь лампу. А вотъ теперь онъ ходитъ по кабинету,—кажется, хандритъ.

Хоть бы онъ куда-нибудь поѣхалъ. Въ театръ—уже поздно.

Ей вдругъ припомнился пріемный вечеръ у одной изъ ея подругъ. Тамъ бываетъ молодежь, музицируютъ. Они могли поѣхать вмѣстѣ.

Тихонько приблизилась она къ кабинету. Шаги—быстрые. Значитъ, онъ о чемъ-нибудь горячо или тревожно думаетъ, или ему очень скучно.

Она пріотворила дверь. Онъ былъ такъ поглощенъ своими мыслями, что не повернулъ головы.

Въ рукахъ его—письмо.

На столѣ она быстрымъ взглядомъ схватила печатный листокъ, какъ бы фельетонъ, отрѣзанный отъ цѣлаго газетнаго листа.

— Я тебѣ не помѣшала?

Ея голосъ заставилъ его встрепенуться.

— Нѣтъ... я не работаю.

Письмо онъ сжалъ въ кулакѣ, тотчасъ же подошелъ къ столу и рукой отодвинулъ печатный листокъ.

— Что-нибудь непріятное получилъ?

Сейчасъ почтальона не было; но онъ могъ получить раньше, до обѣда. За столомъ онъ былъ особенно какъ-то разсѣянъ.

Значитъ, скрываетъ отъ нея.

Она подошла къ нему, обняла и съ поникшей головой промолвила:

— Я вѣдь не допрашиваю тебя, Ваня... Но если что̀ тяжелое—скажи... Я тебѣ не чужая.

Глаза ея смотрѣли на печатный листокъ. Въ статьѣ она распознавала фельетонъ, но не могла прочесть заглавія. Онъ весь былъ на одной страницѣ и съ чьей-то подписью—жирнымъ шрифтомъ.

Ей подумалось, что это—изъ какой-то нездѣшней газеты; скорѣе всего—изъ провинціальной.

— Ты непремѣнно должна знать, Маня?

— Какъ тебѣ угодно.

Онъ взялъ листокъ со стола.

— Слушай. Я не хотѣлъ тебя волновать. Но вѣдь это моя... реабилитація...—выговорилъ онъ особымъ тономъ.

Марья Денисовна присѣла на диванъ.

Читалъ онъ медленно, сдерживая новый наплывъ волненія.

Авторъ фельетона обозрѣваетъ сезонъ прошлаго года въ ихъ театрѣ и говоритъ почти исключительно о „гастрольномъ ансамблѣ“ труппы госпожи Арнаутъ, выдвигая на первый планъ талантъ и художническую развитость молодого „премьера“ труппы —артиста Ардатова.

И тутъ онъ горячо негодуетъ на тѣхъ „донъ-Базиліо“, которые пустили объ этомъ артистѣ „клеветническую выдумку“, подавшую поводъ къ „печальной“ манифестаціи въ другомъ городѣ.

И кончаетъ онъ тѣмъ, что если артистъ Ардатовъ будетъ „украшать“ снова труппу госпожи Арнаутъ, снявшей ихъ театръ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что его ожидаетъ самый восторженный пріемъ.

— Кто тебѣ прислалъ эту вырѣзку? — спросила она чуть слышно.

— Юлія Павловна... Вотъ и ея письмо.

— Можно его прочесть?

— Возьми.

Съ первыхъ строкъ ей все стало ясно: антрепренерша похлопотала объ этой „реабилитаціи“ и прислала ее въ томъ же пакетѣ.

Она зоветъ Астахова, предлагаетъ шестьсотъ рублей въ мѣсяцъ и два „полбенефиса“.

Отъ послѣдней фразы письма у Марьи Денисовны вступило въ виски и руки нервно задрожали:

„Неужели жена можетъ быть такой эгоисткой, чтобы пришить къ себѣ человѣка съ огромнымъ дарованіемъ?“

Письмо упало на полъ.

— Маня! Не волнуйся! Ради Бога!

Онъ сѣлъ около нея и обнялъ.

— Поѣзжай! — шептала она порывисто, сквозь слезы.—Ты адски тоскуешь. Я вижу... Я чувствую... Развѣ не такъ, Ваня? Скажи всю правду!..

Онъ прильнулъ къ ней, какъ маленькій. Эту „правду“ она поняла и безъ словъ.

П. Боборыкинъ.

Іюль 1908.
Балтійское прибрежье.

ДНЕВНИКЪ
ГРАФА АЛЕКСѢЯ КОНСТАНТИНОВИЧА
ТОЛСТОГО

23 марта — 31 мая 1831 года.

Отъ Редакціи.

А. К. Толстой родился 24 августа 1817 года, и слѣдовательно автору этого „Дневника“ шелъ тогда 14-й годъ. При томъ мѣстѣ, какое онъ занялъ впослѣдствіи въ ряду нашихъ классическихъ писателей истекшаго вѣка, дневникъ мальчика-Толстого обращаетъ на себя вниманіе и вызываетъ къ себѣ интересъ: рѣдко случается біографу, имѣя въ рукахъ матеріалъ, подобный настоящему, наблюдать характеръ и наклонности будущаго знаменитаго писателя въ эпоху его еще весьма ранняго возраста. Предметъ настоящаго „Дневника“ составляетъ описаніе путешествія юнаго автора, вмѣстѣ съ матерью и его дядею, А. А. Перовскимъ, по Италіи. А. К. Толстой начинаетъ свой дневникъ съ Венеціи и кончаетъ въ Генуѣ, куда онъ возвратился послѣ прогулки по Италіи—до Неаполя и обратно. Это путешествіе до такой степени удовлетворяло природнымъ вкусамъ мальчика, что онъ въ весьма зрѣломъ возрастѣ, въ 1874 году, все еще вспоминалъ объ этомъ путешествіи по Италіи, какъ о событіи, повліявшемъ на всю его жизнь. Вотъ какъ онъ говоритъ о томъ въ своемъ „Автобіографическомъ очеркѣ“ [1]), написанномъ имъ на французскомъ языкѣ, весною 1874 года, по просьбѣ проф. де-Губернатиса (тогда во Флоренціи):

„Такъ какъ вы,—пишетъ ему А. К. Толстой,—желали имѣть характеристику моей нравственной жизни,—я вамъ скажу, что, незави-

[1]) Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, т. I, стр. IX-XVI.

симо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ... Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію (въ 1831 году). Изобразить вамъ всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душѣ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той минуты, когда довелось мнѣ ихъ видѣть—было бы невозможно. Мы начали съ Венеціи... Изъ Венеціи мы поѣхали въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ росли во мнѣ мой энтузіазмъ и любовь къ искусству, такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую „тоску по родинѣ", въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай".....

Счастливымъ образомъ этотъ дневникъ гр. А. К. Толстого о пребываніи его въ „потерянномъ раѣ" сохранился въ семейномъ архивѣ, откуда и былъ сообщенъ намъ Софьей Петровной Хитрово.

25 ноября 1904 г.

---

23 марта 1831 г.—Въ деревнѣ Mistra сѣли мы въ гондолу и отправились рано поутру въ Венецію.

Черезъ нѣсколько времени представилось глазамъ нашимъ вдали что-то бѣлое, и наконецъ довольно ясно могли мы различить дома и башни Венеціи.

Достигнувъ до самаго города, проѣхали мы по нѣсколькимъ длиннымъ и узкимъ каналамъ и остановились на каналѣ Grande, въ „Albergo dell 'Europa"; немного отдохнувъ и позавтракавъ, пошли мы гулять въ сопровожденіи чичероне, Antonio Re, котораго рекомендую всѣмъ путешественникамъ, какъ одного изъ опытнѣйшихъ и ученѣйшихъ путеводителей.

Мнѣніе, что въ Венеціи нельзя обойтись безъ гондолы, не справедливо; хотя улицы очень узки, можно, однако, почти вездѣ пройти, исключая немногіе дома, у которыхъ крыльцо выдается только на каналъ.

Гондолы очень узки и длинны; по срединѣ у нихъ—маленькая будочка, обитая черным сукномъ, а на концѣ—желѣзный гребень и топоръ. Гребцы ѣздятъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ и ловкостью; сидя въ лодкѣ, опасно высовывать голову, оттого что топоръ другой гондолы можетъ ее отрубить. Также надо остерегаться прыгать въ лодку, когда въ нее садишься, ибо полъ, сдѣланный изъ тонкихъ досокъ, можетъ проломиться.

Входить надо задомъ, въ противномъ случаѣ неловко будетъ обернуться, чтобы сѣсть на скамейку, оттого что будка очень узка.

Въ ней могутъ помѣститься четыре человѣка: двое — на скамейкѣ противъ гребня и двое — на обѣихъ боковыхъ скамейкахъ; сверхъ того, есть еще довольно мѣста внѣ будки.

Мы пришли на площадь св. Марка.

По обѣимъ сторонамъ находятся красивыя колоннады и кофейные дома, далѣе возвышается дворецъ Дожа, а на концѣ площади — богатая церковь св. Марка.

Снаружи и внутри выложена она мозаиками, каждая колонна изъ рѣдкаго камня, и даже полъ составленъ изъ разныхъ сортовъ мрамора.

Въ углубленіяхъ, сдѣланныхъ въ фасадѣ, стоятъ извѣстныя четыре бронзовыя лошади, привезенныя сперва изъ Коринѳа въ Римъ, изъ Рима — въ Венецію, изъ Венеціи — въ Парижъ, а оттуда — опять въ Венецію.

Онѣ были очень хорошо позолочены, но теперь позолота начинаетъ съ нихъ сходить.

Дворецъ Дожа находится близь церкви.

Онъ готической архитектуры и весьма богато украшенъ снаружи и внутри. Мраморная лѣстница Великановъ, получившая имя отъ статуй Марса и Нептуна, колоссальной величины, ведетъ на площадку, гдѣ короновали дожей и гдѣ отрубили голову дожу Marino Falieri, который покусился уничтожить республику.

Недалеко оттуда находились въ длинной галереѣ львиныя головы съ открытыми пастями, вдѣланныя въ стѣну.

Въ эти пасти могъ каждый бросать доносы на-кого бы то ни было; они падали въ комнату инквизиторовъ, и обвиняемый получалъ на другой день повелѣніе явиться въ инквизицію.

Преступниковъ сажали въ темницу, соединенную маленькимъ покрытымъ и совсѣмъ темнымъ мостикомъ съ дворцомъ.

Этотъ мостикъ называется Ponte dei Sospiri, т.-е. „мостъ вздоховъ", потому что приговоренныхъ къ смерти вели по оному въ комнату инквизиторовъ, откуда ихъ отсылали на эшафотъ, или, еще хуже того, въ Piombi. Это — темницы подъ самою крышею дворца, выложенныя свинцомъ, который отъ солнца такъ раскаливался, что люди, тамъ запертые, скоро въ страшныхъ мученіяхъ умирали.

Намъ показали также темницу Казановы, который столь страннымъ образомъ избѣгнулъ смерти.

Въ подземельяхъ, находящихся подъ дворцомъ, есть также темницы, но мы въ нихъ не были.

Нельзя себѣ представить богатства и роскоши комнатъ до-

жей. На каждомъ шагу встрѣчаешь прекрасныя картины, статуи древности, рѣдкости разнаго рода, всѣ потолки позолочены, карнизы, двери украшены рѣзною работою и мраморомъ, стѣны мастерски расписаны.

Въ одномъ залѣ висятъ портреты всѣхъ дожей, кромѣ одного; на мѣсто его нарисовано черное покрывало съ золотою надписью: „Hic est locus Marini Faliero decapitati pro criminibus".

Въ Венеціи очень много хорошихъ картинъ, особливо венеціанскихъ живописцевъ, какъ: Тиціана, Тинторето, обоихъ Пальмъ и пр.

Прекрасная картина Тиціана, представляющая Воздвиженье Богородицы и считаемая за его лучшее произведеніе, находится въ Академіи Художествъ.

Тутъ же хранятся рисунки разныхъ знаменитыхъ живописцевъ и рукопись Леонардо да-Винчи (da Vinci), который писалъ съ правой стороны на лѣвую, статуи, гипсовыя снятки и, между прочими примѣчательными вещами, любимый рѣзецъ Кановы и правая его рука.

Лѣвая его рука находится въ Римѣ, сердце—въ церкви Frari, въ Венеціи, гдѣ ему воздвигнутъ памятникъ, а тѣло похоронено въ Possanio, мѣстѣ его рожденія; здѣсь показываютъ также домъ, гдѣ онъ умеръ.

Что касается до архитектуры, то здѣсь можно найти много прекрасныхъ дворцовъ, выстроенныхъ Палладіо, Сансовино и Скамоцци; но они почти всѣ опустѣли и начали обрушиваться, съ тѣхъ поръ какъ Венеція перестала быть республикою; богатые владѣтели ихъ обѣднѣли, а имѣніе ихъ досталось здѣшнимъ купцамъ и мѣняламъ.

У одного изъ этихъ купцовъ купилъ дяденька, между прочими вещами, одинъ уборный ящикъ, принадлежавшій кипрской королевѣ Екатеринѣ ***, изъ фамиліи Корнари, имѣвшей прекрасный дворецъ на Canal'ѣ Grande. Теперь и этотъ дворецъ пустъ и запущенъ, и обладатель его дошелъ до такой бѣдности, что принужденъ давать въ Англіи уроки, чтобы не умереть съ голоду.

Эти разваленные дома, мертвая тишина на улицахъ и, къ тому же, черныя гондолы даютъ печальный видъ Венеціи.

Однакоже тишина сія прерывается иногда криками и спорами венеціанцевъ, которые, какъ и прочіе итальянцы, кричатъ во все горло, каждый свое, не слушая другъ друга и дѣлая знаки ногами и руками.

Каждый день здѣсь продаютъ большое количество разныхъ

рыбъ, морскихъ раковъ и улитокъ; все это называютъ они общимъ именемъ: „frutti di mare“.

Колодцевъ здѣсь очень мало, но зато много цистерновъ, гдѣ собирается дождевая вода.

Говорятъ, что здѣсь почти всегда хорошая погода, но съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, безпрестанно идетъ дождь.

Гондольщики замѣчаютъ, что когда при дождѣ вода опустится въ каналахъ, то на другой день бываетъ хорошая погода.

Вода нѣсколько разъ опускалась и подымалась, а хорошей погоды еще нѣтъ.

Несмотря на то, мы каждый день ѣздимъ въ гондолѣ, смотрѣть все, что̀ здѣсь примѣчательнаго.

Мы были въ здѣшнемъ ботаническомъ саду, который хотя не очень великъ, но довольно красивъ; кромѣ этого сада, есть еще здѣсь дворцовый и публичный, въ которомъ я не былъ.

Картинныхъ галерей очень много въ Венеціи; между прочимъ, видѣлъ я галерею Гримани, гдѣ находятся прекрасныя картины Тиціана и извѣстный „Купидонъ“ —Гвидо-Рени.

У этого Гримани есть тоже очень хорошее собраніе древностей и статуй, которыя онъ теперь, изъ бѣдности, принужденъ продавать.

Всѣ сіи вещи находятся въ прекрасныхъ комнатахъ съ позолоченными потолками, большими мраморными каминами и расписными стѣнами.

Къ числу его статуй принадлежитъ одинъ бюстъ Микель Анджело (который Гримани сначала никакъ не хотѣлъ продать, послѣ же, однако, онъ на это согласился, и дяденька купилъ „Сатира“ со многими другими вещами) —бюстъ, представляющій смѣющагося сатира.

Никогда не видалъ я столь выраженія въ мраморномъ бюстѣ; онъ смѣется и принуждаетъ васъ къ смѣху.

Я мало видѣлъ до сихъ поръ статуй Микель Анджело, но думаю и не безъ причины, что если это не самое лучшее, то, по крайней мѣрѣ, одно изъ первыхъ его произведеній въ этомъ родѣ.

Одинъ англичанинъ предлагалъ Гримани за эту голову четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ, но онъ не согласился на то, ибо у него не было тогда недостатка въ деньгахъ.

Вообще въ Венеціи много хорошихъ статуй, какъ, напримѣръ, похищеніе Ганимеда, находящееся во дворцѣ Дожа и приписываемое Фидіасу. Это маленькая группа, весьма искусно изъ бѣлаго мрамора вырѣзанная. Далѣе, одна греческая статуя во дворцѣ

Гримани натуральной величины, представляющая древняго оратора, который, выступивъ впередъ, завернулъ лѣвую руку въ тогу.

Лучше всего сдѣланы складки тоги; жаль только, что она немного попортилась, когда съ нея снимали слѣпокъ для французскаго короля.

Говорятъ, что эта статуя должна представлять Демосѳена, но ничего нѣтъ, что̀ бы сіе доказывало.

Между древностями заслуживаютъ особенно примѣчанія четыре бронзовыя лошади, о которыхъ я говорилъ выше.

Мы были здѣсь въ кварталѣ Жидовъ, составляющемъ особый городокъ, съ узкими, вонючими улицами и высокими, но дурно и нерегулярно построенными домами.

Здѣсь мы узнали о жидовскихъ колбасахъ, сдѣланныхъ изъ гусинаго мяса, для того что жиды не ѣдятъ свинины.

Тутъ же продаютъ много овощей, но Венеція ими не такъ богата, какъ рыбами и frutti di mare; столъ здѣсь не дорогъ.

Однако мы въ день платимъ четыре луидора—около восьмидесяти рублей. Луидоры и наполеоны, большею частью непринятые въ другихъ странахъ, въ большомъ употребленіи въ Венеціи. Австрійское серебро здѣсь также ходитъ, но бумажекъ и мѣди не принимаютъ.

Мы хотѣли пробыть здѣсь только пять дней; но покупка вещей у Гримани насъ задержала. Вещи, которыя дяденька у него купилъ, суть слѣдующія: безподобный бюстъ Фавна, о которомъ я уже говорилъ; древній бюстъ, представляющій молодого Геркулеса, съ большимъ порфировымъ пьедесталомъ, двѣ порфировыя колонны, девять столовъ, изъ которыхъ два съ камнями, вдѣланными въ дерево, одинъ изъ стараго флорентинскаго мозаика, четыре изъ африканскаго мрамора и два изъ vert antique; четыре мраморныхъ сосуда и шесть картинъ, одна изъ которыхъ Тиціана, и представляетъ дожа Антоніо Гримани во весь ростъ.

Сія послѣдняя картина висѣла въ большомъ залѣ съ прочими портретами предковъ Гримани.

Не желая показать венеціанцамъ, что онъ принужденъ продавать свои вещи, просилъ онъ дяденьку, чтобы ихъ перевезли къ намъ ночью. Послѣ сего начали ихъ вечеромъ укладывать и кончили на другой день поутру.

Тогда пришелъ одинъ членъ Академіи Художествъ и приложилъ печать на ящики, которые отправятъ моремъ въ С.-Петербургъ.

1 апрѣля. — Въ пять часовъ утра выѣхали мы изъ Венеціи и, проѣхавъ черезъ Падуу и Виченцу, прибыли вечеромъ въ Верону.

Верона—большой, прекрасный и очень старый городъ.

На другой день, рано поутру, поѣхали мы посмотрѣть огромный римскій амфитеатръ, находящійся посреди города, и который до сихъ поръ очень хорошо сохранился. Внутри амфитеатра, вокругъ всей арены или мѣста сраженія, сдѣланы ступени одна надъ другой, такъ что зрители, на нихъ сидящіе, не могли мѣшать другъ другу.

Подъ ступенями находятся темные погреба, съ желѣзными рѣшетками, гдѣ запирали дикихъ звѣрей. По обѣимъ сторонамъ арены сдѣланы ворота, изъ которыхъ впускали на сцену воду, когда представляли „навмахіи", или морскія сраженія.

Недалеко отъ амфитеатра находятся древнія римскія тріумфальныя ворота.

Отсюда пошли мы въ соборную церковь, находящуюся возлѣ трактира, но не успѣли хорошо ее разсмотрѣть, оттого что все уже было готово къ отъѣзду.

И такъ сѣли мы въ карету и пріѣхали еще засвѣтло въ Бергаму.

Бергамо—тоже древній и большой городъ; улицы широки и чисты, дома большіе и высокіе.

Бергамо находится за три станціи отъ Милана.

На дорогѣ встрѣчаются красивыя дачи, обсаженныя миртовыми деревьями и кипарисовыми, большіе виноградники и много плачущихъ ивъ и фруктовыхъ деревьевъ.

Мы пріѣхали въ Миланъ въ 12 часовъ утра и остановились въ „Hôtel Royal".

Еще издали увидѣли мы огромную соборную церковь, извѣстную подъ именемъ Dôme de Milan.

Она считается за первую послѣ церкви св. Петра въ Римѣ.

Это ужасное готическое зданіе, съ высокими башнями, сдѣлано изъ бѣлаго камня и усыпано съ верху до низа мелкими арабесками рѣзной работы и прекрасными мраморными статуями и барельефами.

На этой церкви считается башней 400, а статуй 5.500. Она слабо освѣщена большими готическими окнами съ цвѣтными стеклами; когда солнечные лучи въ эти стекла ударяютъ, то высокіе своды и длинный рядъ колоннъ, ведущій къ алтарю, покрываются какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, котораго невозможно изъяснить; вы входите въ древнюю церковь и шаги ваши раздаются въ пространномъ зданіи; тѣнь разноцвѣтныхъ стеколъ рисуется передъ вами на каменномъ полу и на готическихъ колоннахъ, вы переноситесь мысленно въ старыя времена среднихъ

вѣковъ, въ васъ пробуждаются чувства, которыя бы въ другомъ мѣстѣ молчали.

Достопримѣчательныя вещи въ Миланѣ показываетъ намъ графъ Гардекъ, для котораго дяденька привезъ изъ Вѣны письма. Мы были съ нимъ на гуляньѣ и видѣли тамъ здѣшняго вице-короля, эрцгерцога Рейнера. Графъ Гардекъ водилъ насъ въ его дворецъ и дворцовый садъ, который очень красивъ. Въ этомъ дворцѣ есть одна кладовая, въ которой набросаны, кое-какъ, всѣ статуи, бюсты и портреты Наполеона, находившіеся прежде во дворцѣ. Въ немъ не оставили ни малѣйшей вещи, на которой было бы его имя.

Я былъ съ дяденькой у знаменитаго живописца Migliara, который прекрасно пишетъ архитектурныя зданія и особенно хорошо знаетъ перспективу. Дяденька купилъ у него двѣ большія картины масляными и четыре ландшафта водяными красками. Первая картина представляетъ миланскую больницу, а вторая — Campo Santo въ Пизѣ. Migliara подарилъ мнѣ одинъ эскизъ карандашомъ своей работы, представляющій баталію.

Мы выѣхали изъ Милана 6-го апрѣля утромъ, но наканунѣ нашего отъѣзда поѣхали посмотрѣть извѣстныя здѣшнія маріонеты; — эти маленькія куклы такъ хорошо сдѣланы, что издали ихъ можно почесть за настоящихъ людей, хотя онѣ не болѣе десяти вершковъ.

Выѣхавъ изъ Милана, остановились мы недалеко отъ Павіи, чтобы посмотрѣть знаменитый монастырь Картезскихъ монаховъ, находящійся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Говорливый cicerone вышелъ къ намъ на встрѣчу и началъ сперва показывать фасадъ, который весь покрытъ барельефами. Внутреннія стѣны украшены картинами „al fresco“, т.-е. такими, которыя написаны на *свѣжей*, еще не засохшей извести; алтари блестятъ серебромъ, золотомъ и дорогими каменьями; вся церковь изобилуетъ флорентинскими мозаиками. Всѣхъ сихъ драгоцѣнныхъ вещей такъ много, что нельзя понять, какъ столько богатствъ могли быть соединены въ одномъ мѣстѣ. Этотъ монастырь построенъ въ четырнадцатомъ столѣтіи герцогомъ Галеацомъ Висконти.

Выйдя изъ монастыря, пустились мы опять въ путь и, проѣхавъ у рѣки Тичино мѣсто, гдѣ Ганнибалъ одержалъ побѣду надъ Публіемъ Корнеліемъ Сципіономъ, остановились ночевать въ деревнѣ Нови. На другой день пріѣхали мы въ большой и богатый городъ Генуу.

Генуа построена амфитеатромъ на берегу Средиземнаго моря у Морскихъ Альпъ. Съ одной стороны защищаютъ ее горы, а съ другой—реветъ и бушуетъ море, высокія башни возвышаются одна надъ другой и дикіе aloës и кактусы покрываютъ стѣны генуэзскихъ укрѣпленій.

Всѣ города сѣверной Италіи, которые я до сихъ поръ видѣлъ, превосходятъ Генуа своимъ мѣстоположеніемъ; но дома и другія строенія хотя необыкновенной величины, не имѣютъ той красоты, которою отличаются миланскіе дворцы и почти всѣ строенія Венеціи. Однако, есть нѣсколько дворцóвъ съ прекрасными мраморными лѣстницами, колоннадами и террасами, достойными примѣчанія. Между прочимъ, видѣли мы дворецъ Дурассо, въ которомъ есть хорошая галерея картинъ. Улицы темны и большею частью такъ узки, что экипажи не могутъ по нимъ ѣздить. Площадей въ Генуа немного и онѣ очень малы и почти всѣ нечисты, какъ въ прочихъ городахъ Италіи, оттого что всю дрянь выбрасываютъ на улицу. Жители тоже очень неопрятны. Они одѣты, какъ венеціанцы, въ короткихъ штанахъ, короткой коричневой мантиліи и красномъ колпакѣ. Иные носятъ также длинную, широкую мантію, которую они закидываютъ на плечо такъ, что видны одни только глаза.

Мы ѣздили здѣсь смотрѣть галерею звѣрей, въ которой находятся слонъ и носорогъ—вѣроятно, только второй въ Европѣ, послѣ того, котораго срисовалъ знаменитый Альбрехтъ Дюрреръ.

Онъ отъ трехъ до четырехъ футовъ вышины и отъ семи до восьми длины; рогъ его очень толстъ и коротокъ, верхняя губа гораздо длиннѣе нижней, ноги толстыя и кожа лежитъ складками на спинѣ; когда ее подымешь, то подъ ней видно красноватое тѣло. Слонъ былъ прикованъ за ногу къ полу.

Онъ поднималъ хоботомъ фрукты, которые ему давали, и растворялъ огромную пасть, когда ему хотѣли что-нибудь бросить. Онъ безпрестанно качался съ одной стороны на другую и бралъ пищу изъ рукъ. Въ этой галереѣ были еще медвѣдь, обезьяны и нѣсколько попугаевъ.

Мы видѣли здѣсь одного человѣка, показывающаго обезьянъ, которыя плясали на канатѣ; между ними была одна изъ рода орангъ-утанговъ, съ красными щеками.

Она вздыхала, поднимала глаза кверху, зѣвала, садилась на скамейку и дѣлала знаки, будто бы человѣкъ. Когда господинъ ее билъ, то она взглядывала на него, какъ будто бы хотѣла упрекнуть въ жестокости, однимъ словомъ, такъ она была похожа на человѣка, что мы долго думали, что кто-нибудь переодѣтый.

Мы были здѣсь на дачѣ маркиза Негри, находящейся на высокой горѣ, съ которой видна вся Генуа, вдали голубое море, а съ другой стороны высокія горы. Эта дача красивѣе всѣхъ другихъ въ окрестностяхъ Генуа. Въ саду сдѣланы алеи изъ розовыхъ кустовъ, покрытыхъ цвѣтами, а возлѣ его дома растетъ на вольномъ воздухѣ пальмовое дерево.

Дяденька купилъ здѣсь у одного продавца картинъ портретъ Христофора Колумба, неизвѣстнымъ художникомъ. Онъ очень хорошо былъ сдѣланъ, но его испортили, когда хотѣли уложить.

---

10 апрѣля.—Сегодня утромъ выѣхали мы изъ Генуа и ночуемъ въ деревнѣ Borghetto. Отъ самой Генуа досюда не переставали мы видѣть прекрасныя дачи у берега морского, лимонныя и померанцевыя деревья, миртовыя рощи, дикіе aloës, пальмы, кипарисовые и оливковые лѣса.

Возлѣ дороги лежатъ цѣлые утесы мрамора, скалы покрыты плющомъ и другими вьющимися растеніями, а море, сливающееся съ небомъ, еще болѣе украшаетъ безпрестанно мѣняющійся ландшафтъ.

11 апрѣля. На дорогѣ отъ Borghetto до Луккіо продолжали мы наслаждаться прекрасными видами, съ тою только разницею, что природа сегодня гораздо болѣе была дика, надъ нами висѣли скалы, подъ нашими ногами открывались пропасти, водопады съ шумомъ падали съ высотъ.

Проѣхавъ чрезъ маленькій городокъ незавидной наружности, увидѣли мы человѣка, бѣгущаго во весь духъ къ нашей каретѣ. Прибѣжавъ, спросилъ онъ у насъ на дурномъ французскомъ языкѣ, не хотимъ ли мы посмотрѣть собраніе статуй, находящееся въ ближнемъ домѣ. Онъ много началъ намъ разсказывать о сихъ статуяхъ, все приглашая насъ ихъ посмотрѣть.

На вопросъ, какъ зовутъ городокъ, который мы проѣхали, отвѣчалъ онъ:—„Каррара". Мы хотѣли воротиться, чтобы посмотрѣть знаменитыя мраморныя руды, но карета такъ далеко отъѣхала, пока онъ говорилъ, что мы не хотѣли терять времени и поѣхали далѣе.

Вечеромъ пріѣхали мы въ красивый городокъ Лукку.

12 апрѣля. — Флоренція находится за восемь почтъ отъ Лукки или около шестнадцати нѣмецкихъ миль. Проѣзжая рано

утромъ черезъ Пизу, успѣли мы только увидѣть извѣстную кривую башню.

Еще не доказано, нарочно ли она такъ построена, или она опустилась отъ времени.

Мы намѣрены поѣхать еще разъ изъ Флоренціи въ Пизу, чтобы посмотрѣть сей достопримѣчательный городъ; но теперь мы такъ спѣшили, что только имѣли время тамъ перемѣнить лошадей.

На дорогѣ встрѣчали мы много крестьянокъ, дѣлающихъ знаменитыя флорентійскія шляпы.

Онѣ не употребляютъ никакого инструмента, но плетутъ ихъ однѣми руками и съ чрезвычайною скоростью. При семъ дѣлаютъ онѣ движенія пальцами, будто вяжутъ чулки.

Въ Флоренцію пріѣхали мы въ четыре часа пополудни и остановились въ трактирѣ „Hôtel des Quatre Nations", на берегу Арно.

Вечеромъ ѣздилъ я съ маменькой въ разные магазины и, между прочимъ, въ одну русскую лавку, гдѣ продаютъ чай. Купецъ намъ очень обрадовался, началъ насъ о многомъ разспрашивать и рекомендовалъ свою жену портниху:

13 апрѣля.—Сегодня только успѣли мы разсмотрѣть Флоренцію.

Дома здѣсь высоки, красивы и регулярно построены, улицы широки и вообще городъ довольно чистъ, т.-е. въ немъ менѣе воняетъ, чѣмъ въ другихъ.

Купола здѣшней соборной церкви считаются за одни изъ первыхъ, но мнѣ не нравится ея архитектура.

Здѣсь дѣлаютъ много хорошихъ алебастровыхъ и мраморныхъ статуй и вазъ.

Мы здѣсь видѣли также фабрику флорентійскихъ мозаиковъ. Намъ показали много готовыхъ „pietri durri", назначенныхъ украшать алтарь соборной церкви; они отлично были сдѣланы и какъ нельзя лучше подражали природѣ.

14 апрѣля. — Сегодня были мы еще во многихъ лавкахъ, гдѣ продаютъ статуи и другія мраморныя вещи.

Статуи суть бóльшею частью копіи тѣхъ, которыя находятся въ здѣшней Галереѣ.

Въ лавкѣ Pisani показали намъ двѣ вазы изъ зеленаго мрамора, уже кѣмъ-то купленныя; двѣ подобныя вазы купила великая княгиня Елена Павловна, когда она была во Флоренціи, а теперь заказалъ себѣ такія же графъ Витгенштейнъ.

Мы были также на площади del Gran Duca; на ней стоятъ въ покрытой галереѣ статуи разныхъ художниковъ XVI-го столѣтія.

Лучшая пьеса, безъ сомнѣнія, есть групъ Ивана Болоньевскаго, представляющій похищеніе одной изъ сабинокъ.

Подлѣ нея стоитъ знаменитый бронзовый „Персей" Бенвенуто Челлини. Въ одной рукѣ держитъ онъ кривой мечъ, а въ другой — голову Медузы. Туловище ея лежитъ подъ нимъ, но трудно, однако, разобрать его положеніе.

Далѣе же находится бронзовый групъ Donatello, представляющій Іудиѳу, отрубливающую голову Голоферну. На пьедесталѣ вырѣзана республиканская надпись: „Exemplum salutis publici cives posuere MCCCLXXXXV".

15 апрѣля.—Не далеко отъ сихъ статуй находится возлѣ стараго велико-герцогскаго дворца Галерея.

Мы видѣли въ ней множество статуй, прекрасныхъ картинъ, древностей и другихъ вещей сего рода.

Галерея сія состоитъ изъ многихъ залъ, получившихъ имена отъ главныхъ статуй, въ нихъ находящихся, наприм. зала Ніобы, зала Гермафродита и пр.

Въ одной изъ нихъ находятся четыре большихъ и весьма хорошихъ стола изъ флорентійскаго мозаика.

Такихъ большихъ я никогда еще не видалъ.

Сегодня еще не успѣли мы видѣть всю Галерею; надобно бы употребить болѣе недѣли, чтобы разсмотрѣть однѣ только статуи.

16-го апрѣля.—Мы еще разъ ходили смотрѣть Галерею.

Описывать статуи было бы слишкомъ долго; я назову только самыя извѣстныя: знаменитая Венера Медиційская считается за лучшую. Тутъ же стоятъ: „Невольникъ" (Le Remouleur), „Бойцы", облокотившійся „Аполлонъ", „Фавнъ" и другія, которыхъ я не припомню.

Всѣ онѣ, однако, менѣе или болѣе повреждены; у Венеры и у Фавна сломаны головы и руки, но Микель-Анджело очень искусно дополнилъ, что̀ недоставало у сего послѣдняго.

Здѣсь показываютъ неоконченный бюстъ Брута, тоже Микель-Анджела, и маску Сатира, того же художника, которую онъ сдѣлалъ на шестнадцатомъ году.

На площади еще есть двѣ статуи, о которыхъ я не говорилъ. Первая—„Нептунъ" колоссальной величины, служащій украшеніемъ для фонтана, сдѣланнаго въ царствованіе Космы I-го, по рисункамъ Амманато. Онъ окруженъ нимфами, тритонами и другими морскими божествами.

Вокругъ всѣхъ сихъ статуй сидятъ въ разныхъ положеніяхъ бронзовые сатиры.

Объ одномъ изъ нихъ разсказываютъ здѣсь странный анекдотъ,—вотъ онъ (надобно знать, что фонтанъ находится подлѣ самой гауптвахты): въ одну ночь исчезъ сатиръ, сидящій къ ней ближе другихъ, и несмотря на всѣ поиски никакъ не находили, куда онъ дѣлся. Наконецъ, какъ-то узнали, что одинъ англичанинъ его укралъ и увезъ съ собою; но такъ какъ *для сего не имѣли* достаточно доказательствъ, то англичанинъ остался съ сатиромъ, а у фонтана видно еще теперь пустое мѣсто.

Другая примѣчательная статуя есть Косма I на лошади, вылитый изъ бронзы.

17 апрѣля. — Сегодня ходилъ я съ г. S.*** въ садъ „Böboli", принадлежащій къ великогерцогскому дворцу. Садъ не очень красивъ, но изъ него весьма хорошо виденъ городъ и окрестности, а во дворцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Palazzo Pitti, есть знаменитая галерея картинъ и статуй, которую иные предпочитаютъ Галереѣ (Uffizi).

Въ этомъ дворцѣ находится Венера Кановы.

18 апрѣля. — Сію знаменитую статую видѣли мы сегодня. Она стоитъ почти въ томъ же положеніи, какъ и Венера Медиційская, съ тою только разницею, что послѣдняя не имѣетъ никакого покрывала. Галерея картинъ считается за *первую въ свѣтѣ*.

Въ ней находятся знаменитая картина Рафаэля: „La Madonna del Seddio". Картинъ изъ голландской школы здѣсь очень много и, между прочимъ, хорошій портретъ Рембранда, имъ самимъ написанный; фигуры Рубенса почти всѣ отвратительны, особенно же женскія; здѣсь также есть нѣсколько картинъ Леонарда да-Винчи, но лучшія, которыя я видѣлъ, суть, по мнѣ, голова Медузы и его собственный портретъ въ Галереѣ.

Я только сегодня узналъ, что на той сторонѣ Арно, противъ нашего трактира, жилъ знаменитый *Данте*; въ сосѣднемъ домѣ умеръ поэтъ *Алфіери*, а немного подальше живетъ теперь прежній голландскій король.

Голландскаго короля видимъ мы часто въ зрительную трубку у окошка въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ, съ своею бѣлою собакою.

20 апрѣля. — (19-го апрѣля я не писалъ, потому что у меня болѣли зубы). Мы были вчера съ г. П*** въ церкви св. Лаврентія.

Въ одной сакристіи, выстроенной Микель-Анджеломъ, показали намъ нѣсколько прекрасныхъ груповъ того же художника. Одинъ изъ нихъ представляетъ „Смерканіе и Зарю“,—они изображены двумя лежащими божествами и поставлены на гробницу Лаврентія, герцога Урбинскаго. Другой групъ украшиваетъ гробницу Іюліана, герцога Немурскаго и представляетъ „Ночь и День“. Надъ каждымъ памятникомъ поставлена статуя одного изъ герцоговъ.

Въ этой же сакристіи находится Богородица Микель-Анджела, но апостолы, стоящіе у нея по бокамъ, не его работы.

Всѣ сіи статуи только начаты, но видно, что̀ бы онѣ были, когда бы ихъ окончили. Сама церковь еще не достроена, но всѣ стѣны уже выложены лапись-лазури, асписомъ, дорогимъ гранитомъ, мраморомъ и другими камнями.

Изъ церкви пошли мы къ продавцу флорентинскихъ мозаиковъ, у котораго дяденька купилъ нѣсколько вещей для браслетовъ и большой кусокъ краснаго мрамора.

Сегодня я почти никуда не ходилъ, оттого что принималъ лекарство и сверхъ того цѣлый день шелъ дождь.

Я ѣздилъ только съ дяденькой покупать рисунки, но ничего не взялъ, оттого что дорого за нихъ просили.

21 апрѣля. — Нынѣшній день погода не лучше была вчерашней, но, несмотря на то, мы ѣздили съ г. П*** въ одну партикулярную галерею картинъ. Онъ приносилъ намъ сегодня показывать одну древнюю голову сатира, изъ паросскаго мрамора, которая, по его словамъ, принадлежала Микель-Анджелу; за эту голову просили 14 піастровъ, но если г. П*** мнѣ ее сторгуетъ за два червонца, то я ее куплю (не оттого, что она, какъ онъ говоритъ, принадлежала Микель-Анджелу, ибо мнѣніе его ни на чемъ не основано, но потому что я увѣренъ въ ея древности и что работа и отдѣлка ея мнѣ нравятся).

Сегодня вечеромъ былъ дяденька у одного купца и купилъ у него много мраморныхъ вещей.

22 апрѣля.—У насъ обѣдалъ г. П*** Онъ купилъ голову сатира и отдалъ ее скульптору, чтобы онъ къ ней придѣлалъ бюстъ изъ алебастра. Я думаю, что онъ завтра будетъ готовъ. Маменька давно уже ищетъ себѣ собаку, а сегодня приносили ей двѣ, но она ихъ не купила, оттого что онѣ ей не нравились.

Вечеромъ ѣздилъ я съ маменькой на гулянье „Cascino“, въ которомъ мы уже разъ были.

23 апрѣля. — Сегодня ходилъ я съ г. S*** и г. П*** въ Академію Художествъ; дорогой встрѣтили мы знаменитаго гравера Моргена, который поселился во Флоренціи и продолжаетъ работать.

Въ Академіи Художествъ показали намъ много гипсовыхъ снятковъ и большое собраніе новыхъ и старыхъ картинъ. Кромѣ сего есть тамъ еще рисунки Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ знаменитыхъ художниковъ, а на дворѣ, между прочими статуями стоятъ два група Ивана Болоніевскаго, изъ которыхъ одинъ есть модель „Похищенія Сабинокъ", а другой представляетъ „Добродѣтель, попирающую Злобу".

Мы также были въ церкви San Spirito, примѣчательной одними сѣнями (17 шаговъ длины и 7 ширины), которыхъ потолокъ состоитъ изъ одного куска сѣраго камня, находимаго въ окрестностяхъ Флоренціи. Потолокъ сей и выработанъ Сансовино.

Въ другой церкви видѣли мы нѣсколько мраморныхъ барельефовъ, представляющихъ разныя сцены изъ исторіи Флоренціи и сдѣланныхъ неизвѣстнымъ мнѣ художникомъ; никогда не видалъ я еще такихъ прекрасныхъ барельефовъ, какъ эти: композиція, рисунокъ, — все въ нихъ хорошо. Фигуры болѣе обыкновеннаго выпуклы и очень подражаютъ природѣ.

24 апрѣля.—Сегодня обѣдалъ у насъ человѣкъ весьма достопримѣчательный своими приключеніями.

Это былъ г. Афендуловъ, котораго жители острова Кандіи избрали королемъ въ одномъ возмущеніи противъ турокъ.

Четырнадцать мѣсяцевъ управлялъ онъ островомъ, но когда англичане донесли о семъ русскому правительству, то императоръ Александръ I осудилъ его на изгнаніе изъ Россіи, не ограничивъ, притомъ, продолжительность сего изгнанія; и такъ г. Афендуловъ живетъ во Флоренціи, не рѣшаясь возвратиться въ отечество.

Онъ родомъ малороссіянинъ, роста средняго, волосы у него сѣдые, лицо—длинное и покрытое рябинами, носъ—орлиный и темно-сѣрые глаза, которые безпрестанно движутся.

Онъ довольно долго у насъ пробылъ и разсказалъ о странныхъ своихъ приключеніяхъ.

Мы были въ греческой церкви, но когда мы ѣхали домой, засталъ насъ дождь и промочилъ до костей.

Всѣ жалуются на нынѣшнюю весну и говорятъ, что она обыкновенно бываетъ лучше.

25 апрѣля.—Г. Афендуловъ приходилъ къ намъ сегодня и принесъ нѣсколько рисунковъ для альбома, о которыхъ его просила маменька.

Я ходилъ съ m-r Wanu и S *** смотрѣть послѣднее произведеніе Микель-Анджела; это—статуя, которая только-что начата, и трудно догадаться, что̀ она представляетъ: человѣкъ, опираясь о землю ногою, держитъ въ рукѣ (лѣвой) что-то похожее на книгу; вотъ все, что̀ я могъ разобрать. Остальное такъ неясно означено, что невозможно его различить. Статуя сія вдѣлана въ стѣну одного дома, близь коего стоитъ также римскій граничный столбъ пирамидальной формы, но съ сломаннымъ верхомъ.

Мы прошли мимо камня, на которомъ часто сиживалъ Данте и любовался куполомъ соборной церкви; камень этотъ находился прежде на другомъ мѣстѣ, но когда перестроивали улицу, то вкопали его въ тротуаръ.

Г. П*** водилъ насъ въ одну лавку, гдѣ продавался эскизъ Леонардо да-Винчи, представляющій двухъ собакъ.

Картина очень хороша, и, можетъ быть, дяденька ее бы купилъ, еслибъ цѣна болѣе была умѣренна, но въ Италіи картины бываютъ часто такъ до̀роги, что невозможно за нихъ заплатить и половину требованной цѣны.

Мы были также во дворцѣ Vecchio, бывшемъ прежде великогерцогскимъ дворцомъ.

Передъ фасадомъ стоятъ двѣ колоссальныя статуи, изъ которыхъ одна Микель-Анджела и представляетъ Давида, другая — Bascio Bandenelli и представляетъ Геркулеса, убивающаго Какоса.

Посреди двора находится порфирный фонтанъ съ бронзовымъ амуромъ Andrea da Verrochio, который г. П*** очень расхвалилъ. Въ комнатахъ нашли мы нѣсколько древнихъ мебелей, много картинъ и другихъ вещей, которыя теперь будутъ продаваться на аукціонѣ.

Стѣны расписаны al fresco—Salviati и Vasari, а потолокъ большой залы покрытъ картинами масляными красками, сего послѣдняго Въ этой же залѣ стоятъ нѣсколько груповъ Vincento Rossi, „Добродѣтель, попирающая злобу“, Ивана Болоніезскаго, и групъ Микель-Анджела, представляющій „Побѣду и Побѣжденнаго.

26 апрѣля.—Поутру ѣздили мы къ живописцу Müller, который пишетъ ландшафты водяными красками, но гораздо хуже, нежели Migliara.

Отъ него поѣхали мы къ живописцу Gherardi, который тоже пишетъ ландшафты, но его не застали дома.

Вечеромъ приходилъ онъ къ намъ, и дяденька купилъ у него много рисунковъ.

Г. Афендуловъ пилъ у насъ чай.

Сегодня мы уже все уложили, оттого что завтра уѣзжаемъ въ Римъ.

27 апрѣля.—Въ пять часовъ утра покинули мы Флоренцію, и въ сумеркахъ пріѣхали ночевать въ городъ Arezzo, мѣсто рожденія Мецены и Петрарки. Домъ сего послѣдняго существуетъ до сихъ поръ: онъ ничѣмъ другимъ отъ прочихъ домовъ не отличается, какъ мраморною доскою съ надписью. Здѣсь есть красивая готическая церковь, примѣчательная фресками Вазари и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Передъ церквой стоитъ на колоннѣ древняя изувѣченная статуя Мецены. Она, повидимому, сдѣлана изъ глины; сама статуя красновато-желтаго цвѣта, исключая тѣ мѣста, гдѣ она повреждена, которыя совершенно красны.

28 апрѣля.—Дорога была очень дурна и мѣста гористы.

Три раза принуждены были припрягать къ нашимъ экипажамъ быковъ.

Мы пріѣхали ночевать въ Foligno.

29 апрѣля.—Къ крайнему нашему сожалѣнію, не увидали мы знаменитаго каскада Терни.

Мы проѣхали черезъ деревню Терни, не останавливаясь въ ней, ибо проливной дождь намъ помѣшалъ, а каскадъ весьма теряетъ, когда солнце покрыто облаками.

Намъ еще разъ припрягали быковъ.

Мы ночуемъ въ Civita Castillana.

NB. *Намъ дали прекрасный ужинъ.*

30 апрѣля.—Сегодня утромъ прибыли мы въ Римъ.

Послѣ долгой ѣзды по предмѣстьямъ, выѣхали мы, наконецъ, въ ворота самаго города.

Первое, что̀ представилось глазамъ нашимъ, была огромная и прекрасная площадь—Piazza del Popolo. По срединѣ возвышается высокій египетскій обелискъ—и четыре египетскіе льва испускаютъ изъ пастей каскады.

По обоимъ концамъ площади сдѣланы фонтаны, украшенные

мраморными групами, а за ними видны красивые сады и дачи. Проѣхавъ черезъ сіе прекрасное мѣсто, остановились мы на Piazza del Spania, гдѣ обыкновенно живутъ иностранцы.

Нанявъ домъ, принадлежащій одному трактиру, дяденька послалъ человѣка за г. С***, который тотчасъ къ намъ пришелъ.

Черезъ нѣсколько времени пошли мы съ нимъ гулять и зашли въ церковь св. Петра. Сначала не сдѣлала она на меня большого впечатлѣнія, но когда я ее хорошо разсмотрѣлъ, то увидѣлъ ея непонятную вышину.

На площади, передъ церковью, бьютъ два прекрасные фонтана, которые, при большомъ вѣтрѣ, брызгаютъ по всей площади.

Отсюда пошли мы въ Пантеонъ, бывшій прежде римскимъ храмомъ, но превращенный теперь въ церковь. Примѣчательнѣйшее въ Пантеонѣ есть огромные купола, которые немного болѣе купола св. Петра. Въ круглой стѣнѣ сдѣланы углубленія, въ которыхъ, вѣроятно, стояли статуи боговъ.

Пантеонъ освѣщенъ сверху отверстіемъ въ крышѣ. На полу сдѣлана дыра, куда стекаетъ дождевая вода.

1 мая.—Сегодня были мы еще два раза въ церкви св. Петра. Чѣмъ чаще въ ней бываешь, тѣмъ болѣе видишь чрезвычайную ея величину. Каждая вещь въ этой церкви, когда ее сравниваешь съ другими, кажется обыкновенной величины; когда же на нее смотришь особенно, то она кажется колоссальною.

Въ часовнѣ, принадлежащей къ церкви св. Іоанна, показали намъ мраморную лѣстницу, считаемую за ту самую, по которой Іисусъ взошелъ въ домъ Пилата. По ней не ходятъ иначе какъ на колѣняхъ. Здѣсь должно еще гдѣ-то быть копье, коимъ римскій воинъ прокололъ Іисусу бокъ; и *что всего лучше— обломки лѣстницы, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ!!*

Мы ходили также въ Coliseum или Collosseum, гдѣ уже мы вчера были.

Это огромный амфитеатръ, построенный въ царствованіе Веспасіана; онъ овальной формы; стѣны его состоятъ изъ нѣскольких рядовъ колоннъ: первый рядъ дорическій, второй— іоническій, а третій—коринѳскій.

Архитектура Коллосея отличается отъ архитектуры веронскаго театра тѣмъ только, что внутри перваго нѣтъ тѣхъ ступень, которыя служатъ скамейками второму; вмѣсто ихъ сдѣланы въ Коллосеѣ своды балконами (безъ перилъ), на которыхъ зрители по произволу могли стоять или сидѣть.

Чтобы предохранить Коллосей отъ буйства народа, построили въ немъ нѣсколько часовень и крестъ, который имѣетъ свойство уменьшать за каждый поцѣлуй цѣлымъ днемъ пребыванія въ чистилищѣ.

Весьма простое и полезное заведеніе для грѣшниковъ!

2-го мая.—Мы ѣздили съ г-номъ Соболевскимъ и Шевыревымъ смотрѣть знаменитое собраніе статуй и картинъ въ Ватиканѣ. Ватиканъ въ большомъ видѣ то же самое, что Галерея во Флоренціи. Извѣстнѣйшія статуи суть: „Аполлонъ Бельведерскій“, „Лаоконъ“, „Меркурій“, извѣстный подъ именемъ Бельведерскаго „Антиноя“, „Мелеагръ“, „Торсо Геркулеса“ и статуи Кановы: „Персей“ и „Бойцы“.

Я бы не кончилъ, если бы хотѣлъ описывать все, что̀ видѣлъ въ этомъ дворцѣ; довольно того, что я назову тѣ вещи, которыя болѣе другихъ мнѣ показались примѣчательными.

Въ одной видѣлъ я вазу изъ одного куска порфира, удивительной величины, имѣющаго величины по крайней мѣрѣ шесть футовъ въ поперечникѣ; она стоитъ на древнемъ мозаичномъ полу и окружена перилами. Въ Ватиканѣ есть еще музей египетскихъ древностей и собраніе мраморныхъ надписей.

Три большія залы наполнены одними гипсовыми снятками.

Въ библіотекѣ есть много рѣдкихъ рукописей, но мы тамъ не были. Верхній этажъ содержитъ галереи, расписанныя Рафаэлемъ, извѣстныя подъ именемъ „Рафаэлевыхъ Ложъ“.

Въ Сикстинской часовнѣ показываютъ знаменитую картину al fresco Микель-Анджела, представляющую „Страшный Судъ“, но она такъ почернѣла отъ времени и отъ дыма свѣчей, горящихъ въ церкви, что вся картина составляетъ одно пятно, въ которомъ съ большимъ трудомъ можно разобрать нѣсколько фигуръ.

Мы ѣздили еще на дачу Milo, построенную на руинахъ дворца Августа; руины очень хорошо сохранены, но не совсѣмъ открыты. Весьма любопытно видѣть, сколько со времени римлянъ возвысилась въ городѣ земля; это можно легко примѣтить, смотря на древніе памятники, колонны, храмы, тріумфальныя ворота и пр., которые теперь нѣсколькими футами ниже новыхъ строеній.

Траянская колонна, тріумфальныя ворота Константина и много другихъ служатъ тому примѣрами.

Ихъ фундаменты такъ глубоко были погружены въ землю, что они теперь, когда ихъ открыли, находятся совершенно въ ямѣ.

Комнаты дворца Августа, на дачѣ Milo, такъ засыпались

землею, что надобно въ нихъ сходить по лѣстницѣ, какъ въ погребъ.

На этой дачѣ есть хорошенькій садъ съ розовыми алеями и клумбами.

Отсюда пошли мы смотрѣть скалу Тарпейскую, съ которой римляне сбрасывали преступниковъ.

Она теперь совсѣмъ застроена домами.

3 мая. — Сегодня ѣздили мы во дворецъ Farnesina смотрѣть „Галатею" Рафаэля и картины al fresco Julio Romano и другихъ живописцевъ.

Мы были также въ монастырѣ, гдѣ умеръ Тассъ и гдѣ еще показываютъ его комнату, его зеркальце, поясъ, рукопись и бюстъ, сдѣланный послѣ его смерти.

Комната очень проста и ничѣмъ отъ прочихъ не отличается. Ее могутъ видѣть только мужчины, а женщины въ нее не входятъ безъ позволенія папы, потому что она находится посреди комнатъ монаховъ. Намъ показывали въ одной церкви мѣсто, гдѣ распяли св. Петра.

4 мая.—Мы ѣздили смотрѣть руины дворца Кесарей.

Насъ повели по другой лѣстницѣ при свѣтѣ факеловъ въ подземельныя комнаты, гдѣ видны на стѣнахъ и потолкахъ очень хорошо сохраненныя живописи; но сихъ комнатъ мало; остальныя еще не открыты.

Руина, которая лучше всѣхъ сохранена, есть, по моему мнѣнію, храмъ Весты, на берегу Тибра.

Онъ остался почти такъ же, какъ и былъ прежде, но теперь превратили его въ церковь. Не далеко отъ сего храма находится большой круглый камень, похожій на жерновъ, на которомъ вырѣзано человѣческое лицо, съ открытымъ ртомъ, называемый, не знаю, почему — Bocca della verita. Этотъ камень служитъ римлянамъ страшилищемъ для дѣтей, такъ, какъ въ Германіи—Knecht-Ruprecht, а у насъ въ Россіи—Бука.

Мы были у живописца Брюлова, который началъ писать для князя Демидова большую картину, представляющую послѣдній день Помпеи.

Кромѣ сего, есть у него много портретовъ и другихъ картинъ, которыя всѣ очень хороши. Брюловъ считается за лучшаго живописца въ Римѣ.

5 мая. — Я ходилъ съ г. Соболевскимъ во дворецъ Кесарей, чтобы искать древностей.

Мы долго тамъ ходили, но ничего не нашли.

Оттуда пошли мы въ Campidolio—(Capitolium). Тамъ показали намъ нѣсколько хорошихъ статуй и картинъ и, между прочимъ, древнюю бронзовую волчиху съ Ромуломъ и Ремомъ, которую считаютъ за этрусское произведеніе, но на одномъ мѣстѣ она очень повреждена отъ ударившей въ нее молніи. Эту волчиху описываетъ какой-то римскій писатель: если не ошибаюсь, Титъ Ливій.

Г. Брюловъ приходилъ вечеромъ къ намъ и пилъ у насъ чай.

6 мая. — Мы ѣздили сегодня въ Коллосей и видѣли тамъ странную церемонію, въ которой монахи съ завѣшанной головой ходили вокругъ арены и пѣли хоромъ.

При входѣ стоялъ такой же монахъ и сбиралъ милостыню, звоня въ колокольчикъ.

Монахи гораздо болѣе похожи были на духовъ, нежели на то, что̀ они есть, и всю церемонію скорѣе можно было бы счесть за колдовство, нежели за духовный обрядъ.

Въ сѣрыхъ мантіяхъ, съ суконною маскою на лицѣ, въ которой прорѣзаны были только двѣ дырочки для глазъ, медленно двигались они между руинами, и послѣдніе лучи заходящаго солнца, освѣщающіе ихъ сквозь древніе своды, дополняли волшебство сей сцены.

Говоря о монахахъ, вспомнилъ я объ одномъ классѣ сихъ людей, примѣчательномъ страннымъ родомъ жизни, который они ведутъ: францисканы или доминиканцы, не помню, какъ ихъ зовутъ, живутъ только подаяніемъ другихъ. Они ходятъ по улицамъ съ осломъ, котораго навьючиваютъ всякой всячиною: платьемъ, мебелью, рогожами и всѣмъ тѣмъ, что̀ имъ подадутъ. Эти монахи, однако, продаютъ иногда очень хорошій саладъ. Мы часто его у нихъ покупали.

7 мая. — Сегодня поутру ѣздили мы съ г. Шевыревымъ въ студій Торвальдесона и видѣли тамъ много статуй и моделей, сдѣланныхъ отчасти имъ самимъ, отчасти его учениками.

Въ залѣ, содержащей произведенія самого Торвальдесона, показали намъ модель Христа, появляющагося апостоламъ; оригиналъ находится въ соборной церкви, въ Копенгагенѣ. Всѣ хвалятъ эту статую и говорятъ, что она лучшая, которую сдѣлалъ Торвальдесоно. Мнѣ кажется, однако, что въ лицѣ Христа мало выраженія, и что статуи апостоловъ, находящихся въ той же залѣ, ее превосходятъ. Тутъ же стоитъ модель статуи Поня-

товскаго, Меркурій, вынимающій мечъ, чтобы убить Аргуса, Ганимедъ, барельефы, представляющіе тріумфъ Александра, и многія другія.

Послѣ обѣда поѣхали мы за городъ, посмотрѣть фонтанъ, у котораго по преданію бесѣдовалъ царь Нума съ нимфой Эгеріей.

Мы проѣхали мимо гробницы Сициліи Метеллы, которая въ средніе вѣка превращена была въ крѣпость.

Фонтанъ находится возлѣ густой рощи, въ теплой гротѣ, изъ которой съ быстротою стремится чистый ручей и теряется въ кустарникѣ.

Въ гротѣ лежитъ древняя изломанная статуя безъ головы, облокотившаяся на урну.

Возвращаясь по мощенной дорогѣ Via Appia, сдѣланной еще при римлянахъ, зашли мы посмотрѣть гробницу Сципіоновъ, въ которой, однако, ничего нѣтъ примѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ, ибо большая часть подземельныхъ ходовъ сдѣланы въ теперешнее время и бывшія въ нихъ надписи переведены въ Ватиканъ, а на мѣсто ихъ поставлены копіи.

8 мая.—Сегодня не былъ я нигдѣ и не видалъ ничего примѣчательнаго.

Мы намѣрены ѣхать въ Неаполь 11-го мая, и г. Соболевскій также съ нами ѣдетъ. Дорога отъ Рима до Неаполя сдѣлалась еще опаснѣе, нежели прежде. Здѣсь носятся слухи, что разбойники недавно ограбили англійское семейство.

Вотъ чтò я слышалъ объ образѣ, которымъ они грабятъ проѣзжихъ: остановивъ экипажъ, вынимаютъ они путешественниковъ и кладутъ ихъ на полъ лицомъ къ землѣ. Это называютъ они face a terra. Пока одинъ изъ разбойниковъ обыскиваетъ карманы лежащаго, другой приставляетъ къ нему ножъ или держитъ надъ нимъ заряженное ружье, чтобы при малѣйшемъ сопротивленіи его убить.

Послѣ сей операціи отпускаютъ они на волю бѣдныхъ ограбленныхъ; или если они замѣтятъ, что путешественники богаты, или что они принадлежатъ къ высшему сословію людей, то они уводятъ съ собой одного или нѣсколько изъ нихъ, назначивъ остающимся цѣну ихъ выкупа, которая непремѣнно должна въ назначенное время находиться подъ такимъ-то дубомъ или подъ такимъ-то камнемъ. Деньги отдаютъ пастухамъ; они большіе друзья разбойниковъ, также какъ и ветурини (veturini) или наемные кучера, на которыхъ они рѣдко нападаютъ. Если разбойники не получаютъ въ назначенное время условленной платы,

то они отрубливаютъ у плѣннаго уши, руку или ногу и отсылаютъ ее къ тѣмъ, къ которымъ онъ принадлежитъ.

Если же и это не помогаетъ, то они просто убиваютъ плѣннаго.

Ничего не служитъ (sic!) взять съ собой отрядъ драгуновъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ путешественники, ибо сіи господа, слѣдуя имъ свойственному влеченію, при первомъ шумѣ убѣгаютъ, что есть мочи, и прячутся куда могутъ.

9 мая.—Сегодня ходили мы еще разъ въ Ватиканъ, но такъ мало пробыли тамъ, что не успѣли ничего хорошаго видѣть.

10 мая.—Я былъ съ дяденькой у одного антикварa.

Онъ купилъ у него двухъ тигровъ, сдѣланныхъ изъ древняго камня, котораго теперь болѣе не находятъ.

У насъ обѣдалъ Брюлловъ и нарисовалъ мнѣ въ альбомъ картинку.

11 мая. — Сегодня вечеромъ пріѣхали мы въ „Molo di Gaeta", прекрасный трактиръ у берега моря, въ саду съ померанцевыми деревьями посреди руинъ дворца Сципіона.

Мы проѣхали черезъ Понтинскія болоты, въ которыхъ доктора запрещаютъ спать, чтобы не получить лихорадки, ибо сіи мѣста очень нездоровы.

Разбойниковъ я не видалъ, но мы встрѣтили мужиковъ съ ружьями и штыками за поясомъ.

Дорогой старались мы болѣе говорить, чтобы не заснуть, и пріѣхали такъ въ „Molo di Gaeta".

Когда сдѣлалось темно, то всѣ деревья въ саду заблистали маленькими огоньками, которые потухали, зажигались, опускались, подымались, кружились и бросались во всѣ стороны.

Это были маленькіе жучки и летучія букашки, но издали казались они искрами.

12 мая.—Сегодня передъ обѣдомъ пріѣхали мы въ Неаполь и остановились въ трактирѣ „Victoria". У насъ очень красивыя комнаты и изъ окошекъ прекрасный видъ на море. Вечеромъ пріѣхали мы на главную улицу Неаполя—Toledo. Она освѣщена множествомъ фонарей; на тротуарахъ разставлены раскрашенныя и позолоченныя будки, въ которыхъ продаютъ фрукты и лимонадъ.

Мы проѣхали по берегу моря и видѣли Везувій, но онъ теперь не извергаетъ огня.

13 мая.—Мы ходили гулять по городу. Почти всѣ домы Неаполя съ плоскими крышами, и это съ непривычки кажется очень страннымъ.

Мы видѣли много lazzaroni, о которыхъ я много слышалъ еще въ Россіи.

Этотъ классъ людей не имѣетъ никакой обители и живетъ только тѣмъ, что его употребляютъ, чтобы нагружать корабли, таскать ноши и пр... Когда же у lazzaroni нѣтъ работы, то онъ ляжетъ въ свою корзину и спитъ. Lazzaroni ходитъ въ одной рубашкѣ; у иныхъ и ея нѣтъ, а только маленькіе, коротенькіе штаны.

Вечеромъ ходили мы съ г. В*** на гулянье въ Villa Reale, состоящемъ изъ длинной аллеи на берегу моря.

14 мая.—Мы были еще въ Villa Reale и хотѣли посмотрѣть, какъ рыбаки вытащатъ сѣти, но у насъ не стало терпѣнія, ибо они трудились болѣе двухъ часовъ, но вмѣсто невода вытащили однѣ веревки и поѣхали на лодкѣ, чтобы его вытянуть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Вечеромъ мы были въ гротѣ Posilipo, происхожденіе которой вовсе неизвѣстно, но сдѣланной по преданію чортомъ.

Она имѣетъ болѣе полуверсты длины и освѣщена фонарями, горящими безпрерывно. На горѣ, въ которой она прорублена, находится гробница Виргилія, но мы ее не видали.

Возвращаясь домой по ухабистой и дурной дорогѣ, принуждены мы были выйти изъ коляски и идти довольно долго пѣшкомъ, потому что экипажи съ трудомъ могутъ по ней ѣхать. Проѣзжая мимо Везувія, увидали мы надъ нимъ маленькій дымъ.

15 мая. — Я ходилъ въ Villa Reale. Тамъ было очень много народа, оттого что сегодня воскресенье.

Болѣе не были мы нигдѣ; большую часть дня шелъ дождь. У насъ были г. В. и графъ и графиня М., которые возлѣ насъ живутъ.

16 мая. — Мы видѣли похороны одного генерала. Все войско, бывшее подъ его командой, шло впереди при звукѣ трубъ, флейтъ и барабановъ, обитыхъ чернымъ сукномъ.

Покойника несли за нимъ въ открытомъ гробѣ. Здѣсь обычай хоронить женатыхъ въ закрытомъ, а холостыхъ людей въ открытомъ гробѣ.

Послѣ обѣда были мы въ Ботаническомъ саду, за которымъ такъ дурно смотрятъ, что дорожки заросли мохомъ.

19 мая.—Третьяго дня послѣ обѣда поѣхали мы въ городъ Castellamare, чтобы посмотрѣть знаменитую Помпею, находящуюся въ близи.

Но такъ какъ уже было поздно, то мы недолго тамъ пробыли и отложили на другой день нашу поѣздку.

Переночевавъ въ Castellamare, возвратились мы въ Помпею.

Она состоитъ изъ довольно прямыхъ и довольно широкихъ улицъ; храмы и дома очень хорошо сохранены, но всѣ безъ крышъ. (Это происходитъ оттого, что деревянныя бревны, которыя поддерживаютъ крыши, сгнили и превратились въ песокъ).

На стѣнахъ видны фрески не хуже тѣхъ, которыя пишутъ въ наши времена, и полы, дворы и иные тротуары выложены прекрасными тротуарами.

Улицы вымощены большими плоскими каменьями, прикрѣпленными одинъ къ другому желѣзомъ.

На нихъ еще видны глубокіе слѣды колесъ.

Жаль, что всѣ мебели и вещи, найденные въ домахъ, переведены въ неаполитанскій музеумъ.

Гораздо было бы любопытнѣе видѣть ихъ такъ, какъ ихъ нашли въ тѣхъ же комнатахъ, на томъ же мѣстѣ.

Домы въ Помпеи всѣ раскрашены желтою и красною краскою; комнаты очень малы и расписаны красивыми фресками; посреди двора есть маленькій прудъ и въ саду фонтанъ, украшенный раковинами.

Каждый день открываютъ либо новый домъ, либо улицу, но lazzaroni, которыхъ на это употребляютъ, роютъ очень неосторожно.

Найденныя вещи отсылаютъ, какъ я уже говорилъ, въ неаполитанскій музеумъ. Тамъ показываютъ много древнихъ тарелокъ, кострюль, котловъ, глиняныхъ сосудовъ, бронзовыхъ вазъ, статуй и канделябровъ, безчисленное множество глиняныхъ и мѣдныхъ лампъ, нѣсколько столовыхъ ножей и ложекъ; вилокъ въ Помпеи вовсе не нашли, а выкопали много желѣзныхъ инструментовъ, имѣющихъ на одномъ концѣ остріе, а на другомъ ложечку. Острый конецъ употребляли древніе, вѣроятно, вмѣсто вилки, а ложечкой брали соль или что-нибудь другое.

Въ музеумѣ находятся также два хлѣба, найденные въ Помпеи, кусокъ пирога, яйца, финики, фиги—много другихъ фруктовъ—и еще совершенно свѣжія маслины. Тутъ же показываютъ

разные женскіе уборы, золотыя ожерелья, серьги, кольца, браслеты и многіе другіе. Между многочисленными вещьми, принадлежащими къ убору, нашли кристальную баночку съ румянами. Одна весьма примѣчательная вещь, найденная въ Помпеи и которая можетъ служить примѣромъ роскоши древнихъ, есть судно, для обыкновеннаго употребленія, изъ rosso-antiquo.

Мраморныя статуи также перевезены въ музеумъ, а вмѣсто ихъ оставлены въ Помпеи дурныя гипсовыя копіи.

Послѣ обѣда поѣхали мы на ослахъ въ горы, примѣчательныя прекраснымъ мѣстоположеніемъ.

Пріѣхавъ назадъ въ Castellamare, отправились мы обратно въ Неаполь и остановились дорогой въ Геркуланумѣ, который гораздо менѣе сохранился, нежели Помпея.

Насъ повели со свѣчами въ подземелье, въ которомъ находится древній амфитеатръ, залитый лавой.

Мы долго ходили по разнымъ коридорамъ, но не могли обозрѣть вдругъ цѣлаго театра.

Часть города, находящаяся внѣ подземелья, дурно сохранилась, но видно, что дома были построены на образъ помпейскихъ. На стѣнахъ также видны фрески, а на полахъ мозаики. Мы недолго пробыли въ Геркуланумѣ и возвратились въ Неаполь—посмотрѣвъ только амфитеатръ и остатки другихъ строеній.

20 мая.—Сегодня ѣздили мы на фабрику этрусскихъ вазъ, которыя дѣлаютъ на образъ древнихъ. Маменька себѣ нѣсколько изъ нихъ купила, но онѣ очень дороги. Поутру были мы еще разъ въ музеумѣ и видѣли знаменитую коллекцію настоящихъ этрусскихъ вазъ.

21 мая. — Сегодня не были мы нигдѣ, оттого что цѣлый день была дурная погода.

22 мая. — Дурная погода еще не перестала. Ночью была ужасная буря; поутру шелъ дождь; море до сихъ поръ волнуется.

При всемъ томъ, однако же, жарко, потому что сегодня вѣетъ африканскій вѣтеръ „широкко“.

23 мая. — Сегодня видѣлъ я странный обрядъ, который, вѣроятно, не что̀ иное, какъ остатокъ древнихъ римскихъ *Луперналій* или греческихъ *Бакханалій.* Человѣкъ, представляющій, вѣроятно, Силена, ѣхалъ на ослѣ, за нимъ шла толпа женщинъ и мужчинъ съ палками въ рукахъ, на которыхъ, какъ на тирсахъ, были привязаны сосновыя вѣтки.

Они кричали, пѣли во все горло и били въ бубны.

Процессія шла такъ отъ начала Кіяи (Chiaja—улица вдоль Villa Reale) до гроты Posilipo, гдѣ подъ большой пальмой сидѣли люди, также кричали и пѣли и пили вино.

Между тѣмъ ѣздили во весь духъ коляски взадъ и впередъ, наполненныя людьми, которые въ нихъ прыгали, махали руками и кричали что есть мочи.

Поутру, прежде нежели сей праздникъ начался, носили по улицамъ деревянную статую какого-то святого. Процессія монаховъ шла впереди и множество петардовъ хлопали вокругъ ихъ.

24 мая. — Мы пили вечеромъ у гр. Mestre чай. Всякій день собираемся мы влѣзть на Везувій, но до сихъ поръ онъ еще покрытъ облаками.

25 мая. — Сегодня вечеромъ уѣхалъ дяденька съ г. Соболевымъ и архитекторомъ Ефимовымъ на нѣсколько дней въ Помпею, чтобы тамъ снимать виды и купить древностей, если на это будетъ случай.

Вечеромъ былъ я еще разъ въ гротѣ Posilipo.

26 мая. — Мы ѣздили въ Torre dell'Anunziato возлѣ Помпеи, гдѣ остановился дяденька.

Отсюда поѣхали мы въ Помпею и довольно долго тамъ гуляли. Въ одномъ изъ домовъ я нашелъ кусокъ древняго стекла. Оно очень толсто, имѣетъ цвѣтъ морской воды, очень свѣтло, но не прозрачно.

Намъ показывали сегодня амфитеатръ, котораго мы въ прошедшій разъ не видали.

27 мая. — Мы ѣздили въ Puzzeoli, смотрѣть руины храма Юпитера Серапійскаго; о сихъ руинахъ я не могу много говорить, ибо онѣ состоятъ изъ нѣсколько колоннъ и разваленныхъ стѣнъ. Но мы видѣли тамъ сцену, которая можетъ служить примѣромъ нрава итальянцевъ: два чичероне заспорили, кто изъ нихъ намъ будетъ показывать руины; они такъ разгорячились, что одинъ изъ нихъ схватилъ въ обѣ руки два камня и бросился на своего соперника.

Всѣ присутствующіе окружили бѣднаго чичероне, чтобы защитить его отъ ударовъ его бѣшенаго противника... Тутъ мы ушли въ подземелье древняго амфитеатра. Когда мы изъ него вышли, то онъ стоялъ съ окровавленнымъ лицомъ, прислонив-

шись къ стѣнѣ, и изъ его ушей и носа текла кровь. Не знаю, умеръ ли онъ, или остался живъ.

28 мая. — Мы хотѣли влѣзть на Везувій, но дождь намъ попрепятствовалъ. Однако послѣ погода разгулялась.

Вечеромъ былъ у насъ гр. Mestre.

29 мая. — Сегодня были мы на Везувіи. Пріѣхавъ въ коляскѣ въ городокъ Резину, пошли мы къ извѣстному Salvator Maria.

На его дворѣ толпились, шумѣли проводники и носильщики— кто съ осломъ, кто съ муломъ, всякій выхваляя свое. У воротъ уже собралась толпа зѣвакъ, чтобы смотрѣть, какъ мы выѣдемъ; бѣдный Salvator, погруженный въ глубокій сонъ, пробудился криками проводниковъ,ословъ и муловъ, выбѣжалъ изъ своей комнаты и полусонный пустился съ нами въ путь. Мы тихо ѣхали по дурной и крутой дорогѣ, на которой видны струистые слѣды застылой лавы, такъ какъ она текла во время изверженія. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ хуже дѣлалась дорога, тѣмъ рѣже становились деревья и травы и тѣмъ холоднѣе дѣлался воздухъ.

На половинѣ горы, на площадкѣ, окруженной большими липами, находился домикъ одного отшельника, у котораго обыкновенно путешественники останавливаются и отдыхаютъ. Мы также вошли въ его комнату позавтракать и опять поѣхали. Насъ провожалъ солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ, оттого что на этой дорогѣ недавно кого-то ограбили.

Наконецъ пріѣхали мы къ подошвѣ высокаго холма, состоящаго изъ одной золы, слѣзли съословъ и полѣзли пѣшкомъ. Ничего не видалъ я утомительнѣе этой прогулки.

Зола доходитъ до колѣнъ, и непривычный путешественникъ за каждымъ шагомъ долженъ спотыкаться или падать.

Иныхъ носятъ на носилкахъ, другихъ тащатъ на ремнѣ.

Долѣзли до верху, наконецъ открылся нашимъ взорамъ кратеръ.

Это—огромная бездна, наполненная застылой лавой отъ послѣдняго изверженія, смѣшанной съ сѣрой, мѣдью и другимъ металломъ. Онъ испещренъ всевозможными цвѣтами, краснымъ, желтымъ, зеленымъ, голубымъ, бѣлымъ и пр.; въ серединѣ возвышается новый кратеръ въ видѣ маленькаго холмика, изъ котораго выходитъ густой дымъ. Многія другія мѣста тоже дымились и въ иныхъ трещинахъ виденъ былъ огонь. Видъ съ Везувія безподобенъ; съ него можно разомъ обозрѣть весь Неаполь,

Portici, Torra dell'Anunzio, Resina, Torre del Greco, Castellamare и Помпею, но сильный туманъ, окружающій кратеръ, мѣшалъ намъ ясно видѣть всѣ окружности.

У подошвы Везувія есть еще нѣсколько маленькихъ кратеровъ; всѣ въ видѣ пирамидальныхъ холмиковъ.

Мы недолго пробыли наверху. Съ кратера сошли мы весьма страннымъ образомъ: проводники наши взяли каждаго подъ руку и сбѣжали въ менѣе пяти минутъ внизъ.

Тутъ сѣли мы опять на ословъ и пріѣхали при свѣтѣ факеловъ въ Резину, гдѣ, сѣвъ въ коляску, отправились въ Неаполь.

30 мая. — Сегодня былъ у насъ Сальваторъ и принесъ купленные у него минералы и книжку, куда записывались путешественники.

Мы сегодня все уже укладываемъ, оттого что завтра уѣзжаемъ на пароходѣ „Sully“.

31 мая.—Въ 9 часовъ утра взошли мы на французскій пароходъ „Sully“ и отправились прямо въ Генуу.

Съ нами ѣхали: испанскій посланникъ герцогъ Толедскій съ женой и дочерью, князь Pignatelli, гр. de Raimond, капитанъ швейцарской гвардіи въ Неаполѣ; товарищъ его португалецъ Fetal, ѣдущій въ Бразилію, англійскій пасторъ Benet, датчанинъ Dаird, одинъ нѣмецъ, четыре англичанки, двое дѣтей и слуги пассажировъ. Въ Civita Vecchia прибавился еще одинъ австрійскій курьеръ. Всѣхъ насъ на пароходѣ было около семидесяти.

Сначала все шло очень хорошо, но когда пароходъ началъ болѣе качаться, то намъ сдѣлалось дурно...

Изъ
ВИКТОРА ГЮГО

Былинка мотыльку печально говорила,
Тоски полна:
„Какъ грустенъ мой удѣлъ...—Гляди—ты улетаешь,
Я—остаюсь одна...

И все-же любимъ мы и далеко отъ міра
Проводимъ дни,
И такъ мы схожи межъ собою, что находятъ—
Ты мнѣ сродни...

Но горе мнѣ! Увы, тебя зефиръ уноситъ,
И въ тишинѣ
Съ тобой хотѣла бъ я хотя дыханьемъ слиться
Тамъ, въ вышинѣ.

Но ты такъ далеко... Ты межъ цвѣтовъ порхаешь,
Ласкаешь ихъ,
И только тѣнь одна обычный кругъ свершаетъ
У ногъ моихъ...

Приходишь ты, мелькнешь мнѣ на мгновенье,
И снова—вдаль...
И вотъ я на зарѣ слезами облегчаю
Мою печаль.

О, царь души моей! Чтобъ свято, вѣрно, вѣчно
Любовь жила,—
Дай крылья мнѣ или сроднись съ землею,
Какъ я!"

II.

Молись и вѣрь, дитя! Пусть завтра, иль позднѣе
Придетъ желанное—надежды не теряй!
Въ грядущемъ блага жди и свято, неизмѣнно,
Встающій лучъ зари молитвою встрѣчай!

Страданья наши, другъ,—плоды ошибокъ нашихъ,
Но твердо вѣрю я—молитва всѣхъ спасетъ,
И, можетъ быть, Господь, благословивъ невинность
И стонъ раскаянья,—и насъ не обойдетъ!..

III.

Я голубю сказалъ: „Утѣшь меня въ печали,—
Мнѣ талисманъ-цвѣтокъ въ чужомъ краю добудь,
Чтобъ сердца моего любви не отвергали"...
И голубь отвѣчалъ:—„То слишкомъ дальній путь!"

Орла я сталъ просить: „Молю тебя, какъ друга!
Огонь небесъ помогъ бы мнѣ легко,—
О, взвейся, полети, не велика услуга"...
И отвѣчалъ орелъ: „То слишкомъ высоко!"

Я къ ястребу тогда:—„Спаси, насыться кровью,
И вырви сердце мнѣ, усталое отъ мукъ,
Оставь въ немъ только то, что̀ не взято любовью"...
И ястребъ отвѣчалъ: „Увы, ужъ поздно, другъ!"

Е. М. Миличъ.

КИТАЙЦЫ

КАКЪ

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАСА

По личнымъ наблюденіямъ.

Несмотря на то, что китайцевъ насчитывается до 427 милл. душъ обоего пола, иначе говоря: они составляютъ почти ⅓ населенія всего Земного Шара, но и по сіе время они являются въ глазахъ европейцевъ какимъ-то неразгаданнымъ сфинксомъ. Объясняется это тѣмъ, что, живя въ теченіе ряда тысячелѣтій замкнуто и независимо отъ остального человѣчества, они создали свою самобытную, сложную, оригинальную и для европейцевъ малопонятную цивилизацію въ центрѣ великаго азіатскаго древа желтокожихъ народовъ. Въ настоящее время, при столкновеніи между собою бѣлыхъ обитателей Европы и желтокожихъ Азіи—разница въ психическомъ складѣ антропологическихъ расъ, населяющихъ оба материка, бросается невольно въ глаза и прежде всего тѣмъ, кому волею судебъ приходилось имѣть болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ новыми сосѣдями, какого бы рода оно ни было. Въ чемъ собственно заключаются различія—психологи еще не выяснили, даже какъ будто мало считаются съ ними, хотя антропологи уже указали основные анатомическіе признаки отдѣльныхъ племенъ и расъ едва ли не всего европейско-азіатскаго материка. А между тѣмъ психика китайцевъ дѣйствительно настолько сильно отличается отъ таковой же хотя бы славянъ, что

наши русскіе поселенцы Дальняго Востока наивно убѣждены, что у ихъ желтыхъ сосѣдей души вовсе нѣтъ, а имѣется не то „паръ", не то „черный дымъ"; китайцы, въ свою очередь, подозрительно присматриваются къ намъ, а наиболѣе невѣжественные между ними серьезно сомнѣваются: люди ли мы на самомъ дѣлѣ, или оборотни?

I.

Начнемъ съ художества. Европейское понятіе объ изящномъ непримѣнимо къ китайскому художественному творчеству, и причина тому лежитъ въ психическомъ различіи расъ. Прежде всего, въ Китаѣ всѣ узоры, рисунки, картины, какого бы содержанія они ни были, поражаютъ игнорированіемъ перспективы, реальности и соразмѣрности частей. Въ то время какъ мы во всякой картинѣ привыкли видѣть сходство съ дѣйствительностью, художникъ Срединнаго царства, пренебрегая такимъ, казалось бы, требованіемъ разсудка и эстетическаго чутья, даетъ полный просторъ своей фантазіи, причемъ старается отнюдь не выходить изъ рамокъ національнаго представленія о красотѣ. Онъ какъ будто даже не способенъ дать зрителю одну основную идею въ простомъ сочетаніи формъ, отвѣчающемъ дѣйствительности. У него какъ бы невольно всегда получается полуминическая исторія, очень сложное, фантастически изображенное явленіе изъ прошлаго, со множествомъ дѣйствующихъ лицъ и поясняющихъ аттрибутовъ, или рядъ случайно сцѣпленныхъ событій, такъ что картину нельзя только созерцать,—ее надо читать и разгадывать, словно шараду, при этомъ часто еще размышлять на отвлеченныя, большею частью моральныя темы. Вслѣдствіе незнакомства китайцевъ съ теоріей наложенія тѣней или просто отсутствія потребности въ ней, рисунки птицъ, звѣрей, людей получаются безжизненными. Человѣкъ изображается почти всегда en face; профиля художники не признаютъ; разрѣзъ глазныхъ щелей выходитъ гораздо болѣе наклоннымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; выраженіе лица мало-осмысленное; позы даются неестественныя. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что изображать людей голыми не допускается народною моралью. Драконы, единороги, слоны, зайцы, черепахи — выходятъ какими-то чудовищами, понятными только китайцамъ. Пейзажи настолько шаблонно-вымышленные, неестественные и непропорціональные въ своихъ частяхъ, что отъ нихъ не получается—у насъ по крайней мѣрѣ—

представленія о живой природѣ, ласкающей взоръ. Глядя на картину, невольно задумываешься надъ усидчивостью людей, умѣніемъ копировать и подражать съ удивительной стереотипностью древнимъ весьма разнообразнымъ художественнымъ образцамъ и въ то же время надъ неспособностью одухотворять изображаемое, создавать новое, стоящее внѣ схоластическихъ пріемовъ художества и старыхъ сюжетовъ. Китайцы восторгаются своими узорами, рисунками, картинами въ то время, какъ мы при созерцаніи ихъ художественнаго творчества испытываемъ лишь любопытство и удивленіе. Наши картины, въ свою очередь, имъ мало понятны и неинтересны.

Не менѣе живописи любятъ китайцы архитектуру, которая у нихъ такъ же самобытна и своеобразна, какъ все. Пагоды, буддійскія и даосскія кумирни, мавзолеи, арки, мосты—невольно поражаютъ всякаго, впервые посѣтившаго Китай, оригинальностью стиля, прихотливой орнаментикой, пестротою красокъ, подчасъ грандіознымъ, но съ нашей точки зрѣнія каррикатурнымъ общимъ видомъ. Только китайцамъ понятна красота ихъ національнаго архитектурнаго искусства; только они могутъ восторгаться не въ мѣру огромными, иногда многоэтажными черепичными крышами съ своеобразными загибами на углахъ и пѣтухами на вершинахъ, затѣненными стѣнами съ необычайнымъ обиліемъ странныхъ рѣзныхъ украшеній, узорчатыми арками и пр. И по архитектурѣ убѣждаешься невольно въ стремленіи народа крѣпко держаться традиціи, отчасти безсознательно сопротивляться новшеству въ искусствѣ. И тутъ творчество ограничено слишкомъ сильно опредѣленными, исторически сложившимися рамками, изъ которыхъ китайцы выйти не хотятъ или не могутъ.

Кустари оказываются поразительными мастерами своего дѣла и обязаны этимъ не только трудолюбію, настойчивости, но и остротѣ зрѣнія. Мужчины въ вырѣзываніи на деревѣ сценъ изъ исторіи династій, религіозныхъ шествій или семейнаго быта, въ выдѣлкѣ сложнѣйшихъ узоровъ на кости съ наложеніемъ мелкихъ изящныхъ инкрустацій и тому подобныхъ работахъ, достигаютъ всего, чтó доступно рукѣ и невооруженному глазу и возможно безъ заимствованія у иноземцевъ. Женскія рукодѣлія, напр., вышивки разныхъ сценъ изъ семейной жизни, обрядовъ, церемоній, пейзажей, фантастическихъ звѣрей и птицъ, пестрыхъ цвѣтовъ и пр. по шолку, сукну, бумагѣ или бархату—до того тонки, нѣжны и мелки, что намъ требуется подчасъ лупа, чтобы разсмотрѣть всѣ детали.

Китайцы знакомы со всѣми тончайшими оттѣнками цвѣтовъ спектра и очень любятъ сочетать яркія краски, что замѣтно во всемъ: въ ихъ хозяйственной обстановкѣ, домашней утвари, вывѣскахъ надъ магазинами, картинахъ и т. д. Пять цвѣтовъ считаются основными: желтый, красный, зеленый, бѣлый и черный. Кажется, наибольшими симпатіями пользуются черные, бѣлые и голубые цвѣта, наименьшимъ—малиновый, который трудно даже встрѣтить. Въ одеждѣ допускается только опредѣленное сочетаніе ихъ. Бѣлый цвѣтъ, выражающій у насъ радостное настроеніе, какъ все свѣтлое, китайцевъ наводитъ на грустныя мысли и является траурнымъ. Голубой—символизируетъ небо; красный—солнце, желтый—землю. Для привлеченія вниманія пользуются особенно краснымъ цвѣтомъ: въ таковой окрашены стѣны буддійскихъ и даосскихъ кумиренъ, флагъ, вывѣшиваемый надъ домомъ, гдѣ имѣется покойникъ, разные аннонсы, визитныя карточки, кисточки на шапочкахъ грамотныхъ, подвѣнечное платье, физіономія бога войны и т. д. Желтый цвѣтъ—достояніе богдыхана и чиновъ двора: въ таковой окрашенъ императорскій паланкинъ, дворцовое убранство, оффиціальныя бумаги, идущія ко двору, и пр. Тотъ же желтый цвѣтъ въ ходу въ праздникъ въ честь бога земледѣлія, когда бросается въ глаза и въ облаченіи священнодѣйствующихъ, и въ жертвенной бумагѣ, и во многихъ вещахъ домашняго обихода. Заслуживаетъ еще упоминанія, что населеніе Поднебесной Имперіи необычайно любитъ позолоту и посеребреніе, символизирующія богатство, и примѣняетъ ихъ тамъ, гдѣ на нашъ взглядъ они совсѣмъ неумѣстны.

Китайцы—народъ очень музыкальный, однако наша музыка имъ не только не нравится, но даже противна. Въ Гонконгѣ, Шанхаѣ, Пекинѣ, Тяньцзинѣ, Ньючуанѣ, если и собираются они около европейскихъ музыкантовъ, то просто изъ празднаго любопытства. На бульварахъ Благовѣщенска, Хабаровска и Владивостока, какъ я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, они нашей музыки военныхъ оркестровъ рѣшительно не слушаютъ, проходя мимо съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Зато они испытываютъ истинное удовольствіе при звукахъ родного оркестра. Заявленіе европейцевъ, что китайская музыка рѣжетъ слухъ диссонансами и шумомъ—приписывается просто невѣжеству заморскихъ варваровъ. Надо сказать, что наши композиторы, охотно заимствуя мотивы для своихъ оперъ у восточныхъ народовъ, брали ихъ не у китайцевъ—вѣроятно потому, что мелодіи ихъ передать нашими нотами трудно и пониманіе и наслажденіе музыкой Поднебесной Имперіи намъ не свойственны. Китай-

скіе оркестры, обученные европейцами на свой ладъ, имѣютъ всегда одни и тѣ же недостатки—деревянность звука и отсутствіе чувства.

Необходимо имѣть въ виду, что Срединное царство съ давнихъ временъ выработало свои ноты, свою теорію, свою весьма обширную музыкальную литературу. Музыка находится въ вѣдѣніи особаго правительственнаго учрежденія; она же является важнымъ предметомъ экзаменовъ молодежи, а въ обществѣ издавна существуютъ музыкальные кружки на подобіе европейскихъ. По увѣренію знатоковъ, музыка китайцевъ требуетъ привычнаго слуха и хорошей памяти. Замѣчательно, что октава у нихъ имѣетъ однимъ тономъ меньше, чѣмъ у насъ, причемъ на самомъ дѣлѣ народъ пользуется только пятью тонами, соотвѣтствующими нашимъ do, re, mi, sol, la. Діэзы и бемоли совсѣмъ не употребляются [1]. По китайской теоріи музыки, re отвѣчаетъ острому вкусу, do—желтому цвѣту, la—черному цвѣту и соленому вкусу, sol—красному и горькому, mi—зеленому [2]. Каждый основной тонъ отвѣчаетъ какъ будто голосу какого-нибудь животнаго—мычанію коровы, ржанію лошади, хрюканью свиньи, блеянію овцы. Воспоминаніемъ объ этомъ руководствуются при настраиваніи инструментовъ. Въ употребленіи инструменты и струнные, и духовые, причемъ въ музыкальныхъ произведеніяхъ преобладаютъ звуки верхняго регистра, протяжно-скрипучіе, прерываемые мѣстами шумными ударами гонга или барабана.

По китайской теоріи, отъ тона do испытывается человѣкомъ состояніе простора и удобства, отъ mi—потребность въ любви и милосердіи, отъ la—желаніе молиться, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что отношеніе слуховыхъ воспріятій къ зрительнымъ и вкусовымъ имѣетъ свое психологическое основаніе и можетъ быть объяснено съ точки зрѣнія расположенія ассоціаціонныхъ путей между соотвѣтствующими корковыми центрами, такъ что нельзя отъ авторовъ китайской теоріи музыки отнять глубокой философской вдумчивости и наблюдательности. Но спрашивается невольно, почему у китайцевъ sol—внушаетъ дѣлать добро, при слушаніи re испытывается чувство справедливости, а звукъ la—въ разныхъ сочетаніяхъ вызываетъ религіозное настроеніе? Отрицать вліяніе музыки на чувство, образованіе идей и ассоціаціи ихъ въ томъ или иномъ направленіи нельзя, но сомнительно, чтобы у азіатовъ и европейцевъ въ этомъ отношеніи существо-

---

[1]) И. Коростовецъ. Китайцы и ихъ цивилизація. Спб. 1896 г., стр. 430.
[2]) Ibid.

вало психологическое тожество. Наша погребальная музыка въ китайцахъ не вызываетъ грустнаго настроенія и мрачныхъ мыслей, а ихъ—у насъ. Вліяніе музыки на оживленіе движенія у нихъ проявляется относительно слабо, хотя бы она, съ нашей точки зрѣнія, была самая развеселая: при звукахъ оркестра ихъ не позываетъ, напр., танцовать — такъ, какъ насъ. Въ Китаѣ танцы являются скорѣе выраженіемъ религіознаго настроенія, тѣмъ веселья: мѣсто для нихъ—кумирня; танцуютъ при шествіи богдыхана къ алтарю и тому подобныхъ церемоніяхъ. Наши танцы ради удовольствія—все равно, подъ музыку или безъ нея —китайцы считаютъ крайне неприличнымъ и празднымъ занятіемъ, попросту неспособностью людей владѣть собою и невоспитанностью. Баловъ въ нашемъ смыслѣ у нихъ не бываетъ.

Чувственная окраска, сопровождающая ощущенія однихъ и тѣхъ же запаховъ, у китайцевъ и у насъ часто діаметрально противоположна. При пекинскомъ дворѣ недоразумѣнія вслѣдствіе этого особенно замѣтны: китаянки душатся, напр., камфарными, мускусными, сандаловыми и т. п. эссенціями, отъ которыхъ мутитъ дамъ европейскихъ посольствъ, придерживающихся своихъ излюбленныхъ духовъ. Прекрасный полъ Срединнаго царства, наоборотъ, ощущаетъ эти послѣдніе запахи какъ нѣчто самое неприличное и возмущается открыто, затыкая себѣ носъ. Говорятъ [1], китайцы чрезвычайно не любятъ запаха керосина, жаренаго кофе, нашатыря и мн. др. Въ Китаѣ ящики, сундуки, этажерки, комоды и т. п. вещи дѣлаются изъ разныхъ мѣстныхъ ароматическихъ древесныхъ породъ, и торговцы, желая угодить покупателямъ, предлагаютъ самые что ни на есть пахучіе. Шкатулки, ящички для платковъ, коробочки для визитныхъ карточекъ и прочіе предметы, которые я привезъ изъ Китая въ Петербургъ своимъ знакомымъ дамамъ, къ моему огорченію не произвели пріятнаго впечатлѣнія и не находили себѣ примѣненія, пока не выдохлись. „Все бы хорошо,—говорили мнѣ,—но противный запахъ, ничего положить нельзя“... А какъ восторгаются этими же вещами китаянки! Вонь въ китайскихъ проулкахъ, около базаровъ и всюду между постройками въ густо населенныхъ мѣстахъ съ силою бьетъ въ носъ каждому прохожему европейцу, случайно забравшемуся въ чуждую ему обстановку. Порою его обдаетъ съ кухни такимъ зловоніемъ отъ чесноку, кунжутнаго масла и всякой всячины, что онъ едва не падаетъ въ обморокъ. А между тѣмъ китайцы закусываютъ тутъ

[1]) И. Коростовецъ, op. cit., стр. 7.

же за веселой бесѣдой, не обращая на вонь ни малѣйшаго вниманія, и къ удивленію нашему смотрятъ бодрыми и здоровыми.

II.

Въ психологіи всякаго народа многое объясняется характеромъ пищи и оправдываетъ пословицу: „Der Mensch ist was er isst“. Необычайное миролюбіе китайцевъ находитъ себѣ до нѣкоторой степени объясненіе въ крайнемъ вегетаріанствѣ населенія Срединнаго царства, поражавшемъ европейцевъ съ самаго перваго знакомства со страною. Въ пищу, приготовленную до чрезвычайности неопрятно и на нашъ взглядъ крайне непривлекательно, идутъ у нихъ, главнымъ образомъ, рисъ, ячмень, просо, кукуруза, капуста, картофель, лукъ, чеснокъ, разные мѣстные овощи, травы, коренья, плоды, при чемъ употребляются въ изобиліи кунжутное, бобовое, конопляное и др. масла и мало соли. Въ большомъ ходу разные посолы и маринады. Если не считать рыбы, черепахъ, трепангъ, каракатицъ и вообще водяной фауны, то мясныя блюда составляютъ въ общемъ рѣдкую роскошь. Изготовляемыя изъ мяса разныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ, они въ китайской кухнѣ пріобрѣтаютъ своеобразный вкусъ.

Въ Китаѣ нѣтъ дойныхъ коровъ, а потому отсутствуютъ всѣ наши молочные продукты. Хлѣбъ и соль на столъ не подаются; суповъ, подобныхъ нашимъ, нѣтъ,—начинаютъ обѣдъ со сладкаго. У богатыхъ на званыхъ обѣдахъ бываетъ до двадцати-пяти разнообразнѣйшихъ блюдъ, не ложащихся, однако, тяжело на желудокъ, вслѣдствіе преобладанія растительныхъ продуктовъ и замѣчательной воздержности людей въ отношеніи спиртныхъ напитковъ. Среди китайцевъ поразительно много поваровъ по призванію, которые, служа у богатыхъ и знатныхъ лицъ, изощряются въ изготовленіи обѣденныхъ блюдъ до крайности. Пособіемъ служатъ имъ въ барскихъ домахъ кулинарныя книги, подобныя нашимъ. Въ меню фигурируетъ, помимо знакомыхъ намъ пищевыхъ средствъ, немало оригинальнаго, хотя бы пресловутыя ласточкины гнѣзда, плавники акулъ, жареные шелковичные черви, тухлыя яйца и т. д. Пировъ, однако, въ нашемъ смыслѣ въ Китаѣ не существуетъ. Ѣстъ народъ въ общемъ поразительно мало. Очень многіе тратятъ 2—5 коп. въ день на пищу—и такъ годами. Мнѣ бросалось въ глаза, что въ купеческомъ сословіи нѣтъ явныхъ обжоръ съ огромными животами, одутловатыми и синюшными лицами.

Если китаецъ очень бѣденъ и голоденъ, то онъ ѣстъ все, не разбирая и не считаясь съ вкусовыми потребностями или предразсудками: енотовъ, собакъ, кошекъ, крысъ, лягушекъ, змѣй; онъ не только подбираетъ падающую около фонаря саранчу и тутъ же поѣдаетъ ее живьемъ, но и прячетъ въ карманы, чтобы дома, поджаривъ, накормить ею семью. Самые бѣдные люди,—а такихъ очень много, — несмотря на замѣчательную постановку дѣла правительственнаго продовольствія бѣдняковъ въ неурожайные годы изъ запасныхъ хлѣбныхъ складовъ, рыскаютъ вмѣстѣ съ отощавшими собаками по вонючимъ оврагамъ и помойнымъ ямамъ, чтобы найти хотя бы что-нибудь съѣдобное, въ крайнемъ случаѣ попрошайничаютъ, но, какъ правило, никого не ограбятъ изъ-за куска хлѣба. Нельзя отрицать того факта, что при необычайномъ трудолюбіи, находчивости и изворотливости, китаецъ обыкновенно умѣетъ найти себѣ дѣло и заработать кусокъ хлѣба, и никогда не запьетъ съ горя. Нищій проситъ милостыню такъ: „капитана, дай работай, моя голодай“.

Хотя китайскіе ученые различаютъ только пять основныхъ вкусовъ, какъ-то: горькій, кислый, солончаковый, пряный и сладкій, однако вкусовыя способности у мандариновъ дошли почти до такихъ же утонченныхъ состояній, какія наблюдаются у нашихъ аристократовъ. Европейца перѣдко тошнитъ при одномъ видѣ того, чтò ѣстъ и пьетъ китаецъ съ явнымъ удовольствіемъ; этотъ, наоборотъ, не тронетъ нашей пищи, нашихъ напитковъ, если только онъ не голоденъ до крайности. Намъ противна ихъ приправа, они не переносятъ нашей, напр., горчицы, гвоздики, укропа, корицы, лавроваго листа и пр. Вообще, избѣгая сношеній съ другими странами, населеніе Поднебесной Имперіи оставалось въ теченіе тысячелѣтій вѣрнымъ тѣмъ питательнымъ средствамъ и вкусовымъ веществамъ, которыя могла доставить имъ ихъ родина и къ которымъ народъ привыкъ.

Уже чрезвычайное разнообразіе и тонкость мелкихъ кустарныхъ издѣлій говорятъ о хорошемъ осязаніи въ пальцахъ китайскихъ рукъ, помимо всего другого, необходимаго для этого рода труда. Чувствительность кожи въ стопахъ у простолюдиновъ очень слаба, судя по босякамъ-чернорабочимъ и дженерикшамъ, которые, бѣгая по улицамъ, рѣшительно не обращаютъ вниманія на острія камней подъ ногами. Термическія ощущенія у насъ и у китайцевъ вѣроятно не вполнѣ совпадаютъ въ отношеніи чувственной окраски: мы, напр., чтобы освѣжиться, моемся холодной водой, они—подогрѣтой, а въ рѣчкахъ не купаются; у нихъ хотя употребляются прохладительные фруктовые напитки,

но большинство людей придерживается обычая подогрѣвать все, что предназначено для питья, даже ханшину (водку). Противъ палящихъ лучей солнца въ большомъ ходу зонтики, что необходимо тѣмъ болѣе, что въ жару принято ходить съ открытой головой. Обмахиваніе лица вѣеромъ доставляетъ всѣмъ—отъ чернорабочихъ до мандариновъ—чрезвычайное удовольствіе, и этотъ съ нашей точки зрѣнія предметъ роскоши—является въ Срединномъ царствѣ необходимой частью національнаго костюма. Зимой одѣвается народъ, конечно, теплѣе, чѣмъ лѣтомъ, однако въ морозъ не носитъ ни рукавицъ, ни перчатокъ, а въ знойную пору рабочій элементъ ходитъ голымъ по поясъ даже на Сѣверѣ.

Разные знахарскіе пріемы хирургическаго леченія, связанные съ причиненіемъ болей, напр. прижиганіе каленымъ желѣзомъ, чистка трахомотозно измѣненной соединительной оболочки глазъ скребкомъ, наружныхъ слуховыхъ проходовъ костяной палочкой—переносятся китайцами съ поразительнымъ спокойствіемъ и мужествомъ. Въ войну 1900 г., приходилось невольно удивляться, какія тяжелыя пораненія и сложныя поврежденія выносились ими безропотно и безнаказанно. Они свободно выдерживали операціи безъ наркоза. Отношеніе къ сквознякамъ и рѣзкимъ колебаніямъ температуры, которые обычны въ фанзахъ,—поразительно безразличное. Въ Хабаровскѣ, въ осеннюю пору, когда русскіе кутались въ теплую одежду и ходили съ перевязанными щеками и кислыми минами,—наши желтокожіе братья работали на улицахъ еще полуголые и босые, и тѣмъ не менѣе смотрѣли бодрыми и веселыми. Съ другой стороны, вѣроятно, ни одинъ народъ на землѣ не относится такъ благоразумно къ своему здоровью, какъ китайцы. Малѣйшему недомоганію они придаютъ значеніе, какъ сигналу о необходимости принять мѣры предосторожности въ смыслѣ устраненія явныхъ причинъ къ заболѣванію. Они не изнѣженные нытики Европы, въ болѣзни приходящіе въ отчаяніе и безпечные при хорошемъ здоровьи,—нѣтъ. Китайца очень трудно напоить водкой, затащить въ публичный домъ, заставить работать ночью—онъ съумѣетъ увильнуть отъ предложенія, логически доказать соблазнителю вредъ, могущій послѣдовать. При всемъ своемъ миролюбіи, китайцы упорно, бунтами протестуютъ противъ распространенія въ ихъ странѣ вмѣстѣ съ вторженіемъ европейцевъ опія и водки. Изъ-за свойственной имъ осторожности въ отношеніи къ дурной погодѣ немало страдали, напр., въ свое время наши работы по постройкѣ манчжурской желѣзной дороги, хотя тѣ же люди относились безразлично или скептически къ вреду отъ худой пищи, заразы и

грязи. Во время дождей рѣшительно никто на работу не приходилъ, хотя бы отъ этого всѣ терпѣли большіе убытки; но если погода стояла хорошая, то и праздникъ не задерживалъ ихъ муравьинаго трудолюбія.

III.

Трусость является одною изъ характерныхъ чертъ психологіи китайскаго народа, который въ войнахъ съ тюрками, монголами, манчжурами, японцами и, наконецъ, европейцами—всегда терпѣлъ пораженія и милліонныя потери въ людяхъ. Изъ недавнихъ событій стòитъ вспомнить, какъ бѣжали китайцы при первомъ слухѣ о войнѣ изъ Хабаровска, Владивостока, Портъ-Артура, Ньючуана, Гирина, Цицикара и т. д. Въ печальномъ дѣлѣ подъ Благовѣщенскомъ, они, побуждаемые стаднымъ началомъ, безъ малѣйшаго сопротивленія сотнями бросались въ Амуръ. Будь китайцы мало-мальски смѣлы и воинственны—знаменитое пекинское сидѣніе 1900 г. горсти людей среди полумилліона желтокожихъ развѣ кончилось бы тѣмъ, чтò было? Какъ извѣстно, незначительные по численности отряды европейскихъ войскъ входили въ многолюдные города при поразительно слабомъ сопротивленіи со стороны населенія. Даже войска, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, удирали въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже при первыхъ выстрѣлахъ, причемъ многіе солдаты сбрасывали съ себя въ поспѣшномъ бѣгствѣ все оружіе, шапку, куртку, подчасъ теряли штаны. Если артиллеристы не могли бѣжать, то только потому, что были прикованы цѣпями къ пушкамъ. При стрѣльбѣ изъ длинныхъ, тяжелыхъ ружей, двое становилось на колѣни, держа стволъ на плечахъ, а третій спускалъ курокъ; послѣ выстрѣла всѣ трое падали навзничь и оставались лежать, пока, переглядываясь, не убѣждались, что всѣ живы и надо вставать. Очень многіе солдаты стрѣляли изъ винтовокъ не впередъ, а черезъ собственное плечо назадъ, не глядя на врага и не соображая, что заряды летятъ въ небо. Потребность работать и привязанность къ домашнему очагу такъ велики, что люди, разбѣжавшіеся въ паникѣ, обыкновенно очень скоро, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращались на свои пепелища. Интересно, что у китайцевъ нѣтъ пѣсенъ, прославляющихъ военные подвиги, которыми полна вся исторія европейцевъ. Военачальники—въ маломъ почетѣ, слабо олицетворяютъ собою силу и власть и не пользуются нравственнымъ вліяніемъ на толпу. Заслуживаетъ

также упоминанія, что у дѣтей не наблюдается игръ въ солдатики или лошадки.

Если въ полѣ, во время сельскихъ работъ, шутки ради громко гикнуть или свистнуть, то случается поднять изъ высокой травы сразу съ десятокъ китайцевъ, разбѣгающихся словно воробьи во всѣ стороны. Путешественники не разъ даже въ центрѣ Китая палками разгоняли тысячную толпу. Въ густо и исключительно китайцами населенной части Гонконга я какъ-то заблудился и, не видя возможности объясниться съ собравшейся вокругъ меня услужливой и любопытной толпой, куда надо ѣхать дженерикшѣ, въ досадѣ махнулъ рукой, съ цѣлью показать приблизительно направленіе, которое опредѣлялъ по стоянію солнца. И что же? Хотя я былъ въ партикулярномъ платьѣ и безъ оружія, толпа, болѣе сотни человѣкъ, думая, что я намѣренъ бить ее, такъ и шарахнулась въ сторону. Не безъ труда удалось успокоительными жестами снова приблизить ее къ себѣ.

IV.

Что боги въ народныхъ представленіяхъ являются не вселюбящими и всепрощающими, но очень страшными своей властью и трудно умолимыми въ гнѣвѣ,—легко убѣдиться, обойдя десятокъ буддійскихъ и даосскихъ кумиренъ. На грандіозныхъ фигурахъ боговъ, разставленныхъ у стѣнъ, имѣются, какъ вооруженіе, сѣкира, мечъ, колчанъ, кнутъ, словомъ—все, что должно символизировать власть и внушать страхъ. Боги земли, неба, лѣса, рѣки, войны и разные другіе,—а ихъ въ китайскомъ пантеонѣ безконечное множество, не имѣютъ вида какихъ-либо дѣйствительно существовавшихъ людей,—но представляютъ тѣлесное изображеніе иллюзорно искаженныхъ образовъ въ родѣ нашихъ домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ и тому подобныхъ созданій ада, и при этомъ такой пестрой окраски и оригинальной формы, что у зрителя-европейца рябитъ въ глазахъ и обнаруживается недоумѣніе на лицѣ. Мамки и няньки запугиваютъ этими страшными существами непослушныхъ дѣтей, и сознаніе человѣка съ раннихъ лѣтъ заполняется фантастическими чудовищными образами.

При обычномъ теченіи жизни, взрослые китайцы относятся къ своимъ идоламъ, собраннымъ въ кумирняхъ, съ поразительнымъ спокойствіемъ, пожалуй даже равнодушіемъ. Они рѣдко посѣщаютъ кумирни, курятъ въ нихъ табакъ, громко болтаютъ; случается, что, валяясь на полу, предаются своей неудержимой

страсти—игрѣ въ карты. Однако идолы сразу оживаютъ въ коллективномъ сознаніи толпы въ дни праздниковъ, когда кумирни ярко освѣщаются многочисленными фонарями и курительными палочками, наполняются благоуханіемъ и чадомъ отъ сжигаемыхъ ароматическихъ веществъ и жертвенной бумаги, оглашаются звуками гонговъ и длинныхъ мѣдныхъ трубъ, напоминающихъ наши пастушьи свирѣли, но съ широкимъ раструбомъ на концѣ. Черезъ сильное одновременное возбужденіе зрѣнія, обонянія и слуха, при порчѣ вдыхаемаго воздуха, у собравшейся толпы народа порождается эмоція страха, развивается полетъ фантазіи, съ силою пробуждается вѣра въ могущество боговъ. Эти моменты языческаго богослуженія производятъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Даже дѣти, принимающія участіе въ церемоніяхъ, бываютъ потрясены видѣннымъ до глубины души и уносятъ воспоминанія, оставляющія прочный слѣдъ въ сознаніи. Съ ручными деревянными, костяными или металлическими идолами, которыми семьи обзаводятся для покровительства ремесла или иного дѣла и для памяти всѣмъ, особенно женщинамъ и дѣтямъ, въ обычное время люди обходятся тоже довольно пренебрежительно, но при разныхъ житейскихъ невзгодахъ и несчастьяхъ сейчасъ же обращаются къ нимъ за помощью.

Въ Китаѣ смотрятъ на жизнь разсудочно-просто и къ предстоящей смерти относятся удивительно спокойно, что̀ отчасти объясняется вѣрою народа въ переселеніе души и въ загробное бытіе въ безтѣлесномъ состояніи. Часто всѣми любимый и близкій къ смерти человѣкъ еще не умеръ и, можетъ быть, не умретъ, а его уже моютъ и одѣваютъ въ покойницкій нарядъ. Преклонный возрастъ не страшитъ людей. Гости не спрашиваютъ хозяина: „Какъ ваше здоровье?“, а обращаются съ вопросомъ: „Сколько вамъ лѣтъ?“. Приличіе требуетъ не убавлять годы, какъ у насъ, а скорѣе немного накинуть. Чѣмъ меньше осталось жизни, тѣмъ больше почета и правъ. Старикъ, оставляя многочисленное потомство, знаетъ, что цѣль жизни достигнута,— у него есть семья, которая не разбредется по всѣмъ концамъ свѣта, а будетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе у оставляемаго имъ очага оберегать традиціи предковъ, имя же его занесется на родовую табличку и будетъ предметомъ поклоненія. Чего же безпокоиться? Мало того,—старикъ доволенъ, когда ему сынъ даритъ прекрасный гробъ, который и бережется въ кумирнѣ годами. Многимъ китайцамъ даже смертная казнь страшна лишь постольку, поскольку голова, выставленная въ клѣткѣ, можетъ затеряться и останки вообще не будутъ тогда предметомъ покло-

ненія дѣтей и внуковъ. По господствующему убѣжденію, душа только при цѣлости трупа дѣлится нормально на три части; изъ нихъ одна идетъ съ тѣломъ въ могилу, другая переселяется въ родовую табличку, свято хранимую въ каждомъ домѣ, третья улетаетъ на небо. Если же голова отсѣчена и потеряна, то душа не успокоится, будетъ рыскать по ночамъ въ поискахъ ея, будетъ являться живымъ родственникамъ. По этой же причинѣ китайцы не могутъ допустить, чтобы европейскіе хирурги удаляли имъ части тѣла; неуспокоившихся духовъ и безъ того достаточно. Придворные евнухи всю жизнь хранятъ въ консервированномъ видѣ то, что̀ у нихъ было удалено, дабы взять это съ собою въ могилу. Когда палачъ, роль котораго выполняетъ одинъ изъ подлежащихъ въ свою очередь смертной казни, поставивъ на колѣни въ рядъ лицъ, присужденныхъ къ отсѣченію головы, приступаетъ къ дѣлу, онъ даже инстинктивнаго протеста со стороны обвиненныхъ почти не встрѣчаетъ. Мало того,—пока одному снимаютъ голову, другой нерѣдко подмигиваетъ сосѣду: „твоя, молъ, очередь, готовься“, и показываетъ жестомъ, какъ отрубятъ голову и какъ она покатится по землѣ.

V.

О необычайномъ распространеніи самоубійства въ Китаѣ извѣстно всѣмъ. Страхъ смерти подавляется привычнымъ, чтобы не сказать унаслѣдованнымъ, послушаніемъ младшихъ старшимъ: сынъ неизбѣжно покоряется и накладываетъ на себя руки или идетъ добровольно на плаху, если того требуетъ осерчавшій отецъ. Для мелкаго чиновника достаточно подчасъ одного совѣта высшаго начальника оставить земное существованіе, чтобы тотъ принялъ опій, мышьякъ или инымъ путемъ лишилъ себя жизни. Здѣсь играетъ, конечно, роль и подражаніе при сознаніи разумности и нравственности поступка въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни. Вѣдь ставится же за самоубійство, вызванное подвигомъ добродѣтели, почетная арка. Когда жена, вслѣдъ за смертью мужа, рѣшается кончить жизнь самоубійствомъ,—а это бываетъ не очень рѣдко,—то наканунѣ печальнаго событія женщину навѣщаютъ ея родственницы, прощаются и напутствуютъ ее. Она съ достоинствомъ и видимымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ на привѣты и добрыя пожеланія, ссылаясь на обязанность хорошей жены слѣдовать за мужемъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ пережиткомъ сѣдой старины, когда при смерти мужа въ могилу

шла обязательно и жена, не говоря о рабахъ и имуществѣ покойнаго. Нынѣ, впрочемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, бросается въ могилу маленькій бумажный или соломенный манекенъ, какъ символъ жены, а также модели любимыхъ мужемъ вещей. Страхъ передъ судомъ тоже часто является причиной самоубійства. Вообще, для сыновъ Поднебесной Имперіи наклонность къ самоубійству такъ же характерна, какъ, напр., для туземцевъ Кавказа—часто какъ будто унаслѣдуемая наклонность къ убійству другого лица.

Драки чрезвычайно рѣдки, и разбитыхъ физіономій отъ столкновенія людей между собою почти не бываетъ. Около харчевенъ, чайныхъ лавокъ, публичныхъ домовъ обыкновенно все обстоитъ спокойно и прилично: туда можно войти безъ опасенія встрѣтить непристойныя рѣчи и дурное поведеніе. Самое большое, что случается, это то, что поссорившіеся отдерутъ другъ друга за косы, да и то если не наложитъ своего veto случайно подвернувшійся старикъ, имѣющій неограниченныя права надъ младшими возрастомъ. Большой праздникъ Новаго года или другой, въ честь Неба и Земли, и всѣ второстепенные, напр. фонарей, цвѣтовъ, домашняго очага и т. д., а также свадьбы—проходятъ тихо и благопристойно. Въ Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, Никольскѣ-Уссурійскомъ и даже Владивостокѣ, гдѣ живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ чернорабочихъ китайцевъ, невольно приходится поражаться ихъ приличнымъ поведеніемъ и въ будни, и въ праздники. Въ мѣстныхъ газетахъ, въ отдѣлѣ городскихъ происшествій, фигурируютъ они очень рѣдко, а полицейскіе участки переполнены не ими. Когда вы ѣдете въ колясочкѣ, въ Шанхаѣ, по самымъ людными улицамъ, то на перекресткахъ, гдѣ собирается особенно много народа, полисмену монголу стоитъ только поднять палецъ и во всеуслышаніе провозгласить: „джентльменъ"! (ѣдетъ)—и толпа моментально разступается передъ дженерикшей, никто не осмѣливается даже поворчать, хотя бы про себя.

Отсутствіе оскорбительныхъ и угрожающихъ жестовъ и вообще грубости обусловливается не только удивительнымъ долготерпѣніемъ, но и въ значительной мѣрѣ поразительной трезвостью людей. Я искалъ среди китайцевъ пьяныхъ въ теченіе полугода—и не нашелъ ни одного [1]). Что вино и водка порождаютъ склонность къ аффектамъ, преступленію, а также вносятъ

[1]) Э. Эриксонъ, „Душевныя и нервныя болѣзни на Дальнемъ Востокѣ" („Невр. Вѣстникъ" 1901 г.).

дезорганизацію въ семью—китайцамъ отлично извѣстно, а потому народная нива давно очищена отъ алкоголиковъ—бамбукомъ. Этимъ отчасти можно объяснить, что уличные скандалы въ Китаѣ—явленіе чрезвычайно рѣдкое, въ противоположность тому, что наблюдается въ Европѣ. Пѣсенъ, подобныхъ „Weinlieder“ нѣмцевъ, тоже нѣтъ. Въ поэзіи, которая лучше всего отражаетъ народную душу, воспѣваются миръ, тишина, незлобивость, почтительность сыновей, умѣренность, правильный трудъ, законная жена и семейное счастье. Содержаніе пѣсни должно быть съ китайской точки зрѣнія прежде всего тенденціозно-нравственно; къ тому же у нихъ пѣвецъ часто поетъ не отъ себя, а отъ имени отца, дѣда, отъ семьи или народа. Пѣсни игриво-неприличнаго содержанія можно услышать лишь въ большихъ городахъ, и то какъ исключеніе.

Европейскіе юристы, засѣдавшіе въ смѣшанныхъ судахъ въ Гонконгѣ, Шанхаѣ, Тяньцзинѣ и другихъ городахъ, и большинство синологовъ, изучавшихъ кодексы китайскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ [1]), заявляютъ, что они составлены разумно и логично, положенія содержательны и ясны при наивозможной краткости. Дѣйствительно, нелѣпые законы не могли бы сохранить колоссальное по размѣрамъ и населенію государство въ теченіе многихъ тысячелѣтій, тогда какъ кругомъ разныя цивилизаціи появлялись и вновь исчезали съ лица земли. Отдѣльныя статьи законовъ кажутся намъ, правда, странными, подчасъ смѣшными, но, связанныя съ другими, онѣ являются тѣми нитями, которыми сшито государство и способно было существовать и рости. Китайскій судъ вообще жестокъ съ нашей точки зрѣнія, но онъ обусловливается не гнѣвливостью толпы, не жаждой мести; да и жестокость сильно преувеличивается европейцами, немало писавшими по своему невѣжеству, что китайцы толкутъ въ ступахъ плѣнныхъ, пилятъ ихъ деревянными пилами, поджариваютъ людей на огнѣ и многое другое въ этомъ родѣ. Единичные примѣры изувѣрствъ въ отношеніи европейцевъ,—напр., изрѣзаніе на куски пойманныхъ враговъ,—при 427 милл. населенія, ничего не доказываютъ, какъ и немногіе случаи отрѣзанія носовъ и ушей, тѣмъ болѣе, что эта казнь и эти наказанія примѣняются китайцами по ихъ законамъ къ нѣкоторымъ ихъ собственнымъ преступникамъ. Знаменитый синологъ В. Васильевъ [2]) говоритъ: „Нигдѣ нѣтъ такой гуманности,

[1]) Они изложены въ пятидесяти томахъ!

[2]) В. П. Васильевъ. „Очеркъ исторіи китайской литературы“, С.-Пб. 1880 стр. 74.

какъ въ Китаѣ; нигдѣ, въ самыхъ демократическихъ странахъ, не возвышается такъ рѣзко и безнаказанно голосъ правды; нигдѣ низшіе не пользуются такой свободой участвовать въ разговорахъ и дѣлахъ высшаго". Заявленіе это, по моему, безусловно справедливо.

VI.

Китайскій судъ приводитъ обыкновенно преступниковъ къ короткому чувствительному тѣлесному наказанію, къ выставленію съ колодкой на шеѣ на перекресткѣ улицъ или на мосту—въ назиданіе другимъ и на прокормленіе милостью, и, наконецъ, къ административной высылкѣ. Преступникъ, имѣющій престарѣлыхъ и больныхъ родителей, однако, прощается, какъ ихъ кормилецъ; если мужъ убьетъ жену, то сынъ не долженъ доносить; близкимъ родственникамъ, живущимъ не въ раздѣлѣ, разрѣшается скрывать преступленіе другъ друга, очевидно, чтобы не нарушать добрыхъ отношеній въ семьѣ, а мужьямъ и сыновьямъ дозволяется замѣнять собой женщинъ при несеніи наказанія. Въ Китаѣ имѣются тысячи бѣдняковъ, которые даютъ себя бить бамбукомъ или сажать въ тюрьму за деньги, вмѣсто настоящихъ преступниковъ, чтобы только прокормить семью. Чиновники и грамотные освобождены отъ тѣлеснаго наказанія. Изъ двухъ преступниковъ наказывается строже тотъ, кто первый далъ мысль совершить преступленіе. Мелкое воровство допускается, и нищіе, какъ шакалы, набрасываются на все, что̀ съѣдобно, малоцѣнно и удобно для перехвата. Говорятъ, подкупъ судей считается въ Китаѣ не особенно предосудительнымъ, но уже необходимость денежной сдѣлки и унизительной мольбы о пощадѣ есть наказаніе для виновнаго и спасеніе семьи отъ надзора. Впрочемъ, законъ запрещаетъ тайный подкупъ, а допускаетъ открытый денежный откупъ за точно опредѣленныя мелкія преступленія, что̀ часто смѣшивается авторами, писавшими о Поднебесной Имперіи, и что̀ не совсѣмъ одно и то̀ же.

Если даже согласиться съ миссіонерами, не въ мѣру строгими критиками невѣжества народа, что ежегодно, при обычномъ теченіи жизни, отъ смертной казни погибаетъ отъ 700 до 1.000 человѣкъ, то это вовсе уже не такъ много при 427 милліонахъ населенія. Въ послѣднее десятилѣтіе число отрубаемыхъ головъ страшно увеличилось, благодаря европейцамъ, то-и-дѣло требующимъ „высшаго наказанія" за всевозможные проступки. Китайскія власти, изъ трусости, примѣняютъ на каждомъ шагу

тѣ статьи законовъ, которыя созданы были, какъ крайняя мѣра, болѣе для устрашенія, чѣмъ для примѣненія. Главное наказаніе остается—удары по мягкимъ частямъ тѣла бамбукомъ, однимъ изъ двухъ точно опредѣленныхъ по размѣру и вѣсу нумеровъ; число ударовъ насчитывается отъ десяти до ста, смотря по проступку. Не слѣдуетъ забывать, что удары бамбукомъ гораздо менѣе болѣзненны, чѣмъ нашими розгами. Административная высылка есть, напротивъ, очень тяжелое наказаніе для китайца, которому чуждо бродяжничанье; высшее его счастье—семейный очагъ и близость праха предковъ. Отъ преступленій должны удерживать, по мнѣнію китайскихъ правовѣдовъ, стыдъ или страхъ,—соотвѣтственно чему опредѣлено и наказаніе. Обстоятельства, ослабляющія вину, принимаются судомъ во вниманіе, и снисхожденіе допускается очень часто.

Пытки существуютъ болѣе какъ устрашающій факторъ. Онѣ примѣняются далеко рѣже, чѣмъ о нихъ пишутъ; къ тому же онѣ не такія звѣрскія, какія были еще такъ недавно въ Европѣ, и по сіе время существуютъ въ Турціи и Персіи. Такъ какъ экзекуція производится публично въ судѣ и на улицѣ, то картина, естественно, производитъ тяжелое впечатлѣніе на европейца. На самомъ дѣлѣ допущены закономъ только пытки въ видѣ тисковъ для пальцевъ рукъ и стопъ, а смертная казнь совершается лишь однажды въ годъ, всякій разъ съ вѣдома богдыхана. При самосудѣ ограничиваются пощечинами, ударами бамбука, держаніемъ голыми колѣнами на цѣпи, рѣдко выщипываніемъ волосъ и тому подобными способами причиненія боли. Жертвами истязаній дѣлаются, къ несчастью, чаще психопаты, сбивающіе съ толку общество и судью, ничего не понимающихъ въ психопатологіи. Обыкновенно преступники, разъ они уличены, сознаются сейчасъ же сами, и нѣтъ надобности прибѣгать къ насилію.

Нѣкоторыя преступленія въ Китаѣ чрезвычайно рѣдки, напр. грабежи, убійства въ запальчивости, растраты вслѣдствіе расточительности, оскорбленіе младшими старшихъ. Тяжбы о наслѣдствѣ почти не возникаютъ. Преступность китайцевъ противъ личности и собственности очень мала, если сопоставить съ общей цифрой населенія и сравнить съ таковой же преступностью европейцевъ. Знатоки утверждаютъ, что чувство законности врожденно въ каждомъ китайцѣ. Въ Китаѣ нѣтъ такого огромнаго количества тюремъ, какъ въ государствахъ Европы, и содержаніе преступниковъ, уже по причинѣ кратковременности заключенія, не поглощаетъ въ такой степени заработокъ честныхъ тружениковъ. Съ основными законами страны, правилами мо-

рали и церемоній знакомъ весь народъ, и губернаторы, тѣмъ болѣе уѣздные начальники, не занимаются сочиненіемъ законовъ, въ виду существующаго на этотъ счетъ запрета, и океану китайскаго народа не приходится то-и-дѣло приспособляться къ мнѣніямъ отдѣльныхъ высокопоставленныхъ лицъ и прилаживаться къ передѣлкамъ исторически сложившихся бытовыхъ устоевъ и заполнять тюрьмы людьми неспособными, въ силу своей психической организаціи, измѣнить ее. Бѣгство отъ суда—явленіе очень рѣдкое, и въ полиціи почти нѣтъ надобности, очевидно, потому, что въ случаѣ, когда преступникъ скрылся,—берутъ, держатъ въ тюрьмѣ и могутъ даже наказать отца или самаго близкаго старшаго родственника, чего, при почти врожденномъ сыновнемъ почтеніи и благоговѣніи передъ родными, не допуститъ самый деморализованный преступникъ. Съ другой стороны, оставить, забыть домъ, семью, гдѣ выросъ китаецъ,—это не вяжется со всѣмъ его психическимъ складомъ. Нерѣдко—сынъ идетъ въ судъ просить за отца наказать бамбукомъ его, и судъ исполняетъ просьбу. Судиться вообще считается страшнымъ позоромъ, и законъ ставитъ дѣло такъ, чтобы мелкія преступленія разбирались и виновные карались старшимъ мужчиной въ семьѣ.

VII.

Едва ли существуетъ еще другой народъ на землѣ, у котораго на лицѣ было бы написано столько незлобивости, веселаго добродушія, спокойствія и, пожалуй, счастья, какъ у китайцевъ. Особенно симпатичны своею склонностью къ юмору ихъ дѣти. Однако, въ Китаѣ шумныхъ игръ не встрѣтишь ни въ проулкахъ, ни на дворахъ. У бѣдныхъ дѣти съ четырехлѣтняго возраста уже живутъ общими со взрослыми интересами, принимаютъ участіе и въ домашнихъ дѣлахъ съ повседневными заботами, и въ народныхъ празднествахъ съ веселыми иллюминаціями, ракетами, музыкой, несеніемъ дракона, пусканіемъ бумажныхъ змѣевъ и пр. Въ противоположность нашимъ дѣтямъ, они не любятъ бѣгать и лазать,—душевное свойство, какъ будто передаваемое по наслѣдству. И въ дѣтскихъ не слышно громкаго смѣха и крика, какъ и отчаянныхъ капризовъ, до топанія о полъ ногами включительно, чтò такъ обычно у насъ, когда и няньки, и мамки, и родители унимаютъ разбушевавшихся ребятъ. Меня поразило въ китайскихъ городахъ отсутствіе плачущихъ или дерущихся на улицѣ дѣтей, именно той картины, которая сразу предстала

передъ глазами по возвращеніи въ Европу. Та тишина, съ которой сидятъ и учатся китайчата въ школѣ, какъ въ присутствіи, такъ равно и въ отсутствіе учителя, невольно обращаетъ на себя вниманіе; дѣти поражаютъ послушаніемъ, трудолюбіемъ, неутомимостью, смышлёностью не по лѣтамъ, хотя школа, судя по предметамъ и способамъ преподаванія, должна бы, на нашъ взглядъ, заглушить даже зачатки пытливости и самобытности мышленія. По словамъ И. Коростовца, причиной хорошаго поведенія является не страхъ передъ наказаніемъ, а почти религіозное благоговѣніе передъ наставникомъ.

У китайцевъ свои печали, свои радости, намъ часто чуждыя и непонятныя. Въ общемъ, они, повидимому, болѣе склонны къ радости и смѣху, чѣмъ къ горю и слезамъ. Иногда они производятъ впечатлѣніе, положительно, какихъ-то чудаковъ. Гдѣ мы едва улыбаемся, они уже смѣются; гдѣ мы смѣемся—они хохочутъ; гдѣ мы хохочемъ — они надрываются отъ неудержимаго смѣха. Однако, если требуетъ приличіе, они отлично умѣютъ сдерживать эмоцію, напр. въ присутствіи старшихъ, когда считается неприличнымъ не только смѣяться, но даже чихать, сморкаться, плевать, кашлять и т. д. Женщины при встрѣчахъ не проявляютъ радости и восторга поцѣлуями; даже мать рѣдко цѣлуетъ своего ребенка, хотя относится къ нему съ искренней любовью. Знакомые просто обнюхиваютъ другъ друга или отвѣшиваютъ взаимные поклоны. Два пріятеля, встрѣтившись послѣ долгой разлуки, выражаютъ свою радость сжиманіемъ собственныхъ рукъ надъ грудью или потрясаніемъ кулаковъ передъ лицомъ знакомаго—жестомъ, который болѣе соотвѣтствовалъ бы гнѣву, желанію поколотить. Китайскія церемоніи вошли въ поговорку и установлены закономъ до крайнихъ мелочей [1]). Поклоновъ, напр., насчитывается до восьми видовъ, и каждому—свое мѣсто: въ однихъ случаяхъ только киваютъ головой съ соотвѣтствующими жестами рукъ; въ другихъ—кланяются въ поясъ; въ третьихъ—падаютъ на колѣни опредѣленное число разъ, напр. три или девять, и т. д. Когда главнокомандующій нашей арміей пріѣхалъ въ Манчжурію, китайскія войска присѣдали на корточки, выражая этимъ верхъ почтенія и удовольствія отъ встрѣчи.

Забавы китайцевъ—всегда мирнаго характера: пусканіе бумажныхъ змѣевъ, доставляющее величайшее удовольствіе не только дѣтямъ, но и взрослымъ, устройство боевъ сверчковъ, разные фокусы, пантомимы, обѣды. За нелюбовь къ шумному

---

[1]) Говорятъ, они изложены въ 200 томахъ!

веселью сыновъ Поднебесной Имперіи говоритъ почти полное отсутствіе у нихъ общественныхъ игръ и баловъ въ нашемъ смыслѣ, а также малая популярность театра. По словамъ о. Іакинфа [1], артистамъ дозволялось изображать: духовъ, мужчинъ, цѣломудренныхъ женщинъ, послушныхъ сыновей и покорныхъ внуковъ, какъ примѣры, поощряющіе благонравіе. Все неприличное, подрывающее нравственность, запрещено. Лицамъ, находящимся на государственной службѣ, не дозволено посѣщать театры, представленія акробатовъ, всякія гульбища, чтобы не давать народу дурныхъ примѣровъ праздности.

Въ портовыхъ городахъ, гдѣ даются европейскіе спектакли, эти послѣдніе желтокожими не посѣщаются, такъ какъ содержаніе и исполненіе нашихъ произведеній имъ совершенно чужды и неинтересны. Постановка пьесъ китайцевъ—самая примитивная: сцена безъ занавѣса, съ убогими и неподходящими декораціями, такъ что приходится объявлять публикѣ, гдѣ происходитъ дѣло; женскія роли исполняются мужчинами, правда, очень искусно; зрители громко разговариваютъ во время спектакля; дѣйствія затягиваются подчасъ на нѣсколько дней. Содержаніе пьесъ прекрасно отражаетъ своеобразное народное міровоззрѣніе и семейный бытъ. Въ Европѣ выраженіе высшаго удовольствія въ театрахъ испоконъ вѣковъ сопровождается бурными аплодисментами, уничтожить которые не могла даже сдѣланная нѣкогда попытка ввести въ законы, въ наказаніе за такое нарушеніе тишины въ общественномъ мѣстѣ, смертную казнь. Китаецъ, напротивъ, никогда не аплодируетъ въ Китаѣ, а лишь выкрикиваетъ изрѣдка, какъ бы для поощренія, свое лающее: „хао, хао", что̀ значитъ: „хорошо".

Поютъ китайцы и за работой, и при богослуженіи, и въ процессіяхъ. Во время войны 1900 г., меня поражало, что въ такой серьезный моментъ соціальной жизни одни китайцы, на манчжурскомъ берегу, сражались съ русскими войсками, другіе— на нашемъ—какъ ни въ чемъ не бывало, за работой пѣли себѣ подъ носъ пѣсенки.

Горе, несчастье китаецъ переноситъ съ величайшимъ мужествомъ, и забываетъ ихъ поразительно скоро. До крайности нетребовательный въ жизни, онъ способенъ мириться со всякими случайностями, невзгодами, и не приходитъ въ отчаяніе даже въ совершенно, повидимому, безвыходномъ положеніи. Тоска по

[1]) Монахъ Іакинфъ. „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи". Спб. 1848. Ч. I, стр. 120.

родинѣ есть самая сильная и продолжительная эмоція, которую онъ только можетъ испытывать; поэтому всякое путешествіе за предѣлы имперіи ему противно. Интересно, что обрядъ оплакиванія совершается не только женщинами, какъ вездѣ у отсталыхъ въ цивилизаціи народовъ, но и мужчинами. Всѣ приходящіе должны, согласно обычаю, проливать слезы, падая ницъ у гроба, справа или слѣва, смотря по возрасту, родству, общественному положенію и пр.; женщины и дѣвушки плачутъ за занавѣской. Еще болѣе странно—и на европейца дѣйствуетъ даже непріятно—поведеніе отца, у котораго только-что умеръ сынъ; когда родственники и знакомые начинаютъ собираться въ домъ, чтобы выразить сочувствіе родителямъ въ тяжелой утратѣ, они застаютъ хозяина дома не плачущимъ, а смѣющимся! Онъ встрѣчаетъ гостей на крыльцѣ съ веселой улыбкой на устахъ и приблизительно такими рѣчами: „Ха, ха, ха, слышали? Сынъ-то мой умеръ, кто могъ думать, вотъ забавно-то, ха, ха, ха"!.. Обряду траура въ Китаѣ придается государственная важность, и чиновникъ, потерявшій родителей, долженъ на продолжительный срокъ оставить службу. Законъ даетъ самыя точныя указанія, по комъ, сколько времени и какъ совершать обрядъ траура, и опредѣляетъ размѣры наказанія за несоблюденіе его. Отмѣчу еще, какъ оригинальное явленіе, что свадебные наряды въ Китаѣ заказываются у гробовщиковъ, такъ какъ магазины для радостнаго и печальнаго событія—общіе.

VIII.

Китайцы—народъ физически крѣпкій. Ихъ кули и дженерикши развиваютъ большую силу. Впрочемъ, на нашемъ Дальнемъ Востокѣ пришлось убѣдиться, что ихъ чернорабочіе слабѣе русскихъ и работаютъ медленнѣе, но терпѣливѣе и настойчивѣе. Физическій трудъ совершается китайцами въ высокой степени механически, по усвоеннымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе крайне однообразнымъ привычкамъ. Тамъ, гдѣ требуется работать и не разсуждать, имъ нѣтъ конкуррентовъ. Они способны развить дѣятельность необычайно большую и выполнить очень крупныя предпріятія безпрекословно и съ автоматической точностью. Постройка знаменитой китайской стѣны на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ верстъ свидѣтельствуетъ не только объ отсутствіи воинственности у народа, но еще болѣе о наличности замѣчательной трудоспособности. Китайцы по природѣ своей—люди

подвижные и болтливые. Движенія ихъ плавны, размашисты и ловки, но своеобразны: въ нихъ есть что-то бабье, что заставляетъ нашихъ крестьянъ подсмѣиваться надъ ними и отрицать въ нихъ достоинство мужчинъ. Въ Китаѣ во всѣхъ школахъ испоконъ вѣковъ преподаются мимика, пантомима, жестикуляція и церемоніи вообще, какъ предметы очень существенные и обязательные, почему естественно, что въ движеніяхъ даже простолюдиновъ проглядываетъ нѣкоторая театральность.

Рѣчь—плавная, мягкая, музыкальная, для нашего уха пріятная, хотя сочетаніе звуковъ своеобразное, различное, и часто слышатся свистящіе звуки. Говорятъ люди не словами, какъ у насъ, а звуками, которые, сами по себѣ отдѣльно взятые, какъ утверждаютъ знатоки, не имѣютъ опредѣленнаго внутренняго смысла. Письмо состоитъ не изъ слагаемыхъ буквъ, а изъ іероглифическихъ знаковъ, представляющихъ собою понятіе о вещи. Свои романы, повѣсти и стихи вслухъ китайцы, кажется, не читаютъ; письмо предназначено для воспріятія зрѣніемъ, а не слухомъ. Рѣчь имѣетъ ту особенность, что звукъ „р“ въ какомъ бы то ни было сочетаніи не встрѣчается. Чтобы артикулировать „р“, языкъ, какъ извѣстно, приподнимается къ верхнимъ рѣзцамъ и приводится въ движеніе, причемъ вдоль его образуется углубленіе, по которому гонится воздухъ. Вотъ этого-то они сдѣлать и не могутъ. Обстоятельство это важно, такъ какъ указываетъ, что самая иннервація языка у нихъ не вполнѣ тожественна съ наблюдаемой у народовъ индо-германской группы. Курьезно, что даже нѣтъ возможности изобразить звукъ „р“ соотвѣтствующими іероглифами. Слоги „по“ и „па“ китайской рѣчи почти не воспринимаются ухомъ европейца, но слышатся ясно желтокожими. Они вмѣсто „тридцать-три“ говорятъ „тилицати“, а передъ словами „артиллерія“ или „патруль“ совсѣмъ пассуютъ. Хотя всякому языку свойственно измѣняться въ теченіе вѣковъ, но китайскій за 2500 лѣтъ мало измѣнился, судя по тому, что древнія письмена свободно читаются нынѣ. Съ другой стороны, для того, чтобы исчезъ такой звукъ, какъ „р“, необходимы многія тысячелѣтія самобытнаго существованія народа или отсутствіе названнаго звука въ рѣчи и письмѣ съ самаго начала. Наиболѣе употребительные звуки и ихъ соединенія суть: „и, ли, у, уй, ю, нью, юнь, янь, чжи, узи, фу, ду, ча, ши, си, ай, хэ“ и т. д. Очень часто сочетаніе гласныхъ и согласныхъ такъ оригинально, что ихъ невозможно передать нашими буквами. Правильное произношеніе дается иностранцамъ весьма трудно, хотя бы они изучали языкъ очень долго. Линг-

висты считаютъ его самымъ труднымъ въ мірѣ. Какъ извѣстно, китайцы пишутъ справа налѣво и сверху внизъ, такъ что строки идутъ не горизонтально, какъ у насъ, а вертикально, а книгу читаютъ съ конца. Замѣчательно, что мужчины никогда не поютъ басомъ, женщины—контральто; пѣніе китайцевъ—фальцетное. И здѣсь имѣется, стало быть, нѣчто отличающееся отъ нашего, кроющееся въ особенности гортани или иннерваціи голосовыхъ связокъ.

IX.

Постановка земледѣлія, самаго древняго и почетнаго въ краѣ труда, доказываетъ удивительное терпѣніе, муравьиное трудолюбіе и отличное знаніе сельскаго хозяйства. Китайскія нивы считаются лучшими въ мірѣ. Способность людей къ ремесламъ и любовь къ этого рода труду изумительна: въ проулкахъ, гдѣ расположены мастерскія, работаетъ старъ и младъ съ такимъ рвеніемъ и напряженнымъ вниманіемъ, что нельзя не подивиться. Куда ни взглянешь—все и всюду свидѣтельствуетъ о необычайной борьбѣ за существованіе. При данныхъ условіяхъ только усиленно работающіе должны выжить; не успѣвающіе—вымрутъ. Имѣть мозоли на рукахъ въ обществѣ не считается постыднымъ, и власти, чтобы найти хунхуза, осматриваютъ у заподозрѣнныхъ субъектовъ прежде всего ладони. Многія знатныя лица отращиваютъ себѣ длинные ногти, чтобы всѣ знали, что имѣютъ дѣло съ честными гражданами, хотя и не занимающимися ручнымъ трудомъ.

Въ городахъ днемъ всѣ суетятся, бѣгутъ куда-то, тащатъ на рукахъ разныя легкія и тяжелыя вещи, но дѣлаютъ это какъ-то молча или изрѣдка перекидываясь словами. Ночью, когда все окутывается непроглядной тьмой и, по всеобщему убѣжденію, странствуютъ духи,—ни единаго человѣка, въ виду строгаго запрета выходить изъ дому, не встрѣтишь. Только удары въ гонги, для пробужденія сторожей, прерываютъ гробовую тишину. Послѣ проживанія въ китайскомъ городѣ шумъ отъ европейскаго кажется настоящимъ столпотвореніемъ вавилонскимъ. Конечно, дневная тишина, наблюдаемая даже въ большихъ городахъ, обусловливается въ значительной степени малымъ количествомъ громоздкихъ телѣгъ и экипажей, медленностью ихъ движеній, особымъ устройствомъ мостовыхъ, мягкостью обуви у людей и отсутствіемъ ея у рабочаго элемента, но главная причина кроется все-же въ природной нелюбви населенія къ шуму, какой-то

боязнью его. Мнѣ бросалось въ глаза, что возница не имѣетъ права орать надъ толпою пѣшеходовъ „эй!“, какъ у насъ, а долженъ спокойно и учтиво просить посторониться, хотя бы и спѣшилъ по дѣлу. Если ѣдетъ мандаринъ, то примѣняется попросту и палка, къ чему прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко, такъ какъ къ представителю власти и закона китаецъ питаетъ, и безъ того большое почтеніе. Съ проѣздомъ чиновника связано въ народѣ всегда представленіе о дѣлѣ.

Крупный купецъ и мелкій торгашъ равнымъ образомъ поражаютъ деликатностью въ обхожденіи съ покупателями, необычайной оборотливостью въ своихъ дѣлахъ, разсчетливостью и предпріимчивостью. Купцы имѣютъ большую склонность рисковать всѣмъ своимъ капиталомъ при нелюбви къ расточительности, и потому въ будущемъ явятся опасными конкуррентами для тѣхъ иностранцевъ, которые въ торговлѣ мало предпріимчивы. Мелкіе торговцы имѣютъ большую склонность къ обдѣлыванію всякихъ дѣлишекъ, занятію размѣномъ денегъ и даже ростовщичеству, чѣмъ китайцы напоминаютъ евреевъ. Однако къ распискамъ и письменнымъ договорамъ почти не приходится прибѣгать. Европейскіе коммерсанты и банкиры, имѣющіе съ китайской народной массой торговые обороты на десятки милліоновъ рублей, поражаются честностью купцовъ. Эта симпатичная черта народа удивляетъ невольно и европейцевъ-туристовъ, привыкшихъ у себя дома на родинѣ видѣть воровство во всѣхъ классахъ общества и на каждомъ шагу. Въ шумномъ и незнакомомъ портовомъ городѣ, положимъ, у пароходной пристани, можно послать любого, совершенно незнакомаго китайца купить что-нибудь въ лавкѣ и принести на пароходъ: онъ непремѣнно исполнитъ порученіе, хотя бы видѣлъ человѣка въ первый и послѣдній разъ въ обстановкѣ, гдѣ могъ бы легко исчезнуть съ деньгами безслѣдно. Исключенія, конечно, бываютъ, но рѣдко. До чего китайцы безкорыстны при всей ихъ бѣдности—видно изъ того, что они слишкомъ часто за большую услугу отказываются отъ вознагражденія, церемонно извиваясь и оправдываясь тѣмъ, что предлагаемая вами плата велика, что мелкую услугу можно оказать и даромъ, и разными софизмами. Назойливость нищихъ объясняется крайней бѣдностью многихъ людей, и она проявляется особенно въ отношеніи къ русскимъ, отличающимся щедростью при сравненіи, напр., съ англичанами. Въ портовыхъ городахъ только около русскихъ пароходовъ толпятся разные полуголые бѣдняки. Хунхузы—это продуктъ войнъ; въ мирное время они существуютъ болѣе въ абстрактномъ представленіи, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

X.

Всякое нарушеніе государственнаго строя въ Китаѣ крайне опасно въ виду необычайной численности населенія и приспособленности къ опредѣленно сложившемуся исторически семейному и общественному быту. Самыя страшныя революціи, которыя только происходили на землѣ, были въ Поднебесной Имперіи... Въ эти историческіе моменты появляется на сцену даже людоѣдство. Къ счастью, децентрализація денежныхъ средствъ, знаній, довольно равномѣрное распредѣленіе земельныхъ участковъ—дѣлали до сихъ поръ невозможнымъ участіе всего океана населенія въ народныхъ смутахъ, и возстанія пока были то же, что лѣсные пожары въ тайгѣ: погоритъ въ томъ или иномъ мѣстѣ и потухнетъ въ силу естественныхъ законовъ. Трудъ цѣнится очень низко, чѣмъ широко пользуются иностранцы. Китаецъ скорѣе умретъ съ голоду,—что и бываетъ въ иные годы въ возмутительныхъ размѣрахъ,—чѣмъ пойдетъ на убійство или грабежъ изъ-за денегъ. Случаи разбоевъ при нормальномъ теченіи государственной жизни въ отношеніи къ числу жителей—до крайности ничтожны. Но въ смутную пору, когда нарушается хозяйство и старикамъ грозитъ голодная смерть, мужская молодежь набрасывается на все съѣдобное, какъ шакалы на падаль.

Изъ мужчинъ, уже въ виду ихъ значительнаго численнаго преобладанія надъ женщинами, поневолѣ выдѣлилась издавна огромная масса людей въ чернорабочій элементъ, уходящій за предѣлы имперіи на заработки. Этимъ чернорабочимъ застѣннаго Китая не полагается, по обычаямъ страны, брать съ собою женъ, и потому, какъ правило, тысячи китайцевъ, живущихъ на нашей территоріи Дальняго Востока, въ Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ, Владивостокѣ и др. городахъ, и десятки и сотни тысячъ обитающихъ въ Японіи, на Малайскомъ архипелагѣ, въ Австраліи, Африкѣ, Америкѣ—все люди безсемейные. Замѣчательно, что они обнаруживаютъ равнодушіе къ женщинамъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ селятся, особенно европейской крови,—вѣроятно вслѣдствіе глубокаго расоваго отличія,—и къ всеобщему удивленію почти не посѣщаютъ инородческихъ публичныхъ домовъ. Прижитыхъ на сторонѣ отъ смѣшанныхъ браковъ дѣтей не полагается привозить на родину. Есть такіе фанатики, которые добровольно оскопляютъ себя только для того, чтобы, оставшись холостыми работниками, служить подспорьемъ многодѣтному отцу и дѣду.

Въ Китаѣ—вступить какъ можно скорѣе въ брачный союзъ и имѣть потомство до того привлекательно въ глазахъ молодежи, что обыкновенно никакія перспективы тяжелой борьбы за существованіе удержать отъ брака не могутъ. Родственники, въ свою очередь, не препятствуютъ его заключенію, тѣмъ болѣе, что бракъ, по обычаямъ страны, обязателенъ для всѣхъ мужчинъ возраста отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ и не подлежитъ расторженію. Царемъ въ домѣ является отецъ. Онъ отвѣчаетъ за всѣхъ; его наказываютъ, если кто-нибудь въ чемъ-либо провинится; зато и почитаютъ его члены семьи какъ нигдѣ. Сыновья бѣдныхъ родителей, для того, чтобы спасти семью, особенно отца, отъ голода, нерѣдко замѣняютъ за деньги кого-нибудь изъ присужденныхъ къ смертной казни и сами обрекаютъ себя на самоубійство съ полнымъ сознаніемъ святости дѣла. Въ результатѣ ни въ одномъ государствѣ не встрѣтишь такого огромнаго количества физически и психически крѣпкихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, счастливо взирающихъ на свое разросшееся потомство и всей душой къ нему привязанныхъ. Боязнь стариковъ умереть на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ, такъ велика, что они, уѣзжая куда-нибудь по дѣламъ торговли, везутъ съ собою, если позволяютъ средства, гробъ, предварительно сдѣлавъ распоряженіе о пересылкѣ трупа своего на родину. Умершаго на сторонѣ везутъ, если покойный былъ бѣднякомъ, на казенный счетъ. Какъ извѣстно, партія китайцевъ, работающихъ у насъ на чайныхъ плантаціяхъ около Батума, согласилась пріѣхать только на условіи, что въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ тѣло будетъ отправлено на родину...

XI.

По разсужденіямъ китайцевъ, мощь и продолжительность существованія государства зависитъ не столько отъ качества и количества чиновниковъ и начальствующихъ лицъ, сколько отъ наилучшаго устройства семьи. При такихъ взглядахъ плодливость ихъ въ послѣдніе вѣка, несмотря на губительныя войны, пошла такъ быстро впередъ, что желтая раса стала угрожающимъ призракомъ для бѣлокожаго населенія всѣхъ частей свѣта. Изъ переполнившейся чаши—струи китайской крови потекли по всѣмъ направленіямъ въ образѣ колоніальныхъ чернорабочихъ Трансвааля, южной Австраліи, Бразиліи и т. д. Бѣда въ томъ, что эмиграція—почти исключительно мужская, а между тѣмъ отъ скрещиванія китайцевъ съ бѣлыми перевѣсъ беретъ желтая раса:

отъ брака русской дѣвушки съ сыномъ Поднебесной Имперіи получаются китайчата; то же самое—если русскій женится на китаянкѣ, какъ видно хотя бы по казакамъ-албазинцамъ. Словомъ, метисы и въ психическомъ, и антропологическомъ отношеніи пріобрѣтаютъ азіатскій типъ. Подобные примѣры окитаиванія смежныхъ народовъ можно найти въ Нижней Индіи и въ нашемъ Туркестанѣ. На манчжурахъ видно, какъ начинаетъ поглощаться китайскимъ сфинксомъ тунгузская раса; на аннамитахъ—какъ по тому же пути ассимиляціи идутъ племена малайской группы. Необходимо также имѣть въ виду, что чистота крови въ Центральномъ Китаѣ поддерживается закономъ, запрещающимъ его населенію смѣшанные браки,—напр., китайцу изъ нѣдръ Поднебесной Имперіи нельзя жениться на манчжуркѣ, монголкѣ, сартянкѣ, малайкѣ и т. д.; такое постановленіе какъ бы санкціонируетъ совершающееся въ природѣ явленіе окитаиванія сосѣдей черезъ посредство народныхъ массъ, лежащихъ по окраинамъ.

Женщина, разъ вступивъ въ бракъ, уже не можетъ покидать своего мѣста назначенія въ домѣ, по крайней мѣрѣ до 45 лѣтъ, когда становится менѣе ограниченной въ правахъ и дѣйствіяхъ—мужемъ, отцомъ или дѣдомъ. Во избѣжаніе прямыхъ цѣлей семейнаго союза—дѣторожденія, женщинамъ возбраняется гдѣ бы то ни было показываться на глаза постороннему мужчинѣ. Въ этомъ отношеніи онѣ такъ осторожны и боязливы, что когда, напр., европейцы въѣзжали неожиданно въ китайскіе города, женщины нерѣдко бросались лицомъ въ грязь, чтобы предстать въ такомъ обезображенномъ видѣ. Дома имъ приходится смотрѣть лишь на собственную обстановку и свою обширную семью, такъ какъ, согласно закону и обычаю страны, всѣ окна жилища обращены во внутренній дворъ. При искусственномъ искривленіи стопъ и послѣдовательной атрофіи мускулатуры нижнихъ конечностей, ноги превращаются въ подобіе палокъ, такъ что вѣтеръ и тотъ сбиваетъ подчасъ женщинъ на землю, словно карточный домикъ; при такихъ условіяхъ далеко изъ дому не уйдешь. Въ основѣ страннаго и нелѣпаго обычая самокалѣченія лежитъ отчасти слѣпое подражаніе привычкѣ, выгодной для роста государства въ смыслѣ количества людей.

На психическій складъ женщины затворническая жизнь кладетъ, конечно, особый отпечатокъ. Въ то время, какъ мужчины развиваются духовно и въ школахъ, и въ общеніи съ людьми въ торговлѣ и путешествіи, умственныя способности женщинъ принуждены оставаться на сравнительно низкой ступени разви-

тія, такъ какъ дѣвушка, едва выйдя изъ дѣтскаго возраста, должна по волѣ и указанію родителей вступить въ бракъ, затѣмъ отрожать 7—12 чел. дѣтей, всѣхъ выкормить, одѣвать, обучать труду, вѣжливости, сказкамъ, а если она крестьянка, ей приходится еще работать въ полѣ. При такихъ условіяхъ изъ нея выработалась лучшая мать въ свѣтѣ, замѣчательная хозяйка дома—и только. Она безропотна, спокойна, вѣжлива, но и безцвѣтна съ точки зрѣнія европейца, такъ какъ интересы ея ограничиваются семьей. Она довольна своимъ положеніемъ, хотя всегда сознаетъ, что можетъ быть послана и обратно къ родителямъ, если обнаружитъ сварливый характеръ, болтливость, завистливость, непочтительность къ роднымъ мужа и старшимъ, нерадѣніе къ хозяйству и тѣмъ болѣе развратное поведеніе; за послѣднее она можетъ быть предана даже смертной казни. Румяна, бѣлила, цвѣты въ прическахъ не могутъ скрасить духовную односторонность. Однако, хотя женщина сведена на степень плодящейся самки и ограничена въ своихъ правахъ до крайности, мужъ обыкновенно не злоупотребляетъ силой, не бьетъ жены, и она не ропщетъ на свое семейное и соціальное положеніе, привыкнувъ къ нему тысячелѣтіями. Въ Китаѣ есть и очень умныя женщины, но онѣ безплодны или малодѣтны и плохія матери, почему не удовлетворяютъ идеалу семейнаго счастья. Весьма странно, что онѣ чаще встрѣчаются въ публичныхъ домахъ, соотвѣтствующихъ, впрочемъ, нашимъ клубамъ, куда захаживаютъ, вопреки существующему закону, нерѣдко и семейные люди—послушать новости, поговорить на легкія темы; этихъ дамъ приглашаютъ также въ дома на званые обѣды, на которыхъ законнымъ женамъ бывать не полагается. Дамы ведутъ себя, однако, поразительно прилично. Какъ это ни странно, но Гессе Вартегъ [1]) совершенно справедливо утверждаетъ, что въ Китаѣ „женщина уважается и почитается не меньше, чѣмъ у народовъ, считающихся куда болѣе цивилизованными, и едва ли можно найти женъ нравственнѣе, цѣломудреннѣе, добродѣтельнѣе китаянокъ и въ поведеніи, и въ одеждѣ". Правительство заботится о нравственности женщинъ и вноситъ въ правила статистики именá и фамиліи самыхъ добронравныхъ. Къ поощренію нравственности дѣвушкамъ и вдовамъ за цѣломудренное поведеніе ставятся тріумфальныя арки едва ли не въ одномъ только Китаѣ.

Чѣмъ многодѣтнѣе семья, тѣмъ больше славы отцу и лучше

[1]) Гессе Вартегъ. „Китай и китайцы". Спб. 1900 г., стр. 113 и 116.

общественное положеніе матери. При отсутствіи дѣтей мужъ беретъ „добавочную жену“ съ ограниченными правами или покупаетъ за деньги мальчиковъ у бѣдняковъ въ голодный годъ. Продажа исходитъ изъ своеобразнаго понятія о нравственности. Такъ, въ купчихъ нерѣдко отецъ оговариваетъ, что только крайняя нужда заставляетъ его жертвовать однимъ членомъ семьи для блага остальныхъ. При существованіи купли и продажи дѣтей, воспитательная роль ложится на населеніе довольно равномѣрно, что уменьшаетъ нищету и раннюю смерть не въ мѣру многодѣтныхъ и обогащеніе лицъ, не обремененныхъ многочисленной семьей. Китаянки, не имѣющіе мальчиковъ, чтобы избѣгнуть позора, доставить мужу посмертное счастье почитанія души его и удовлетворить свой материнскій инстинктъ, нерѣдко крадутъ ихъ тамъ, гдѣ находятъ это удобнымъ и безопаснымъ. Дѣтей онѣ очень любятъ. У каждыхъ воротъ можно видѣть, какъ ласково относятся взрослые къ дѣтямъ, въ каждой лавкѣ—какъ любятъ старики своихъ внучатъ.

Дѣтоубійство распространено въ краѣ далеко не такъ сильно, какъ принято думать на основаніи слишкомъ частаго нахожденія трупиковъ на задворкахъ, огородахъ и семейныхъ кладбищахъ. Необходимо имѣть въ виду, что, помимо необычайной густоты населенія и огромной рождаемости, дѣти до семи лѣтъ, согласно исторически сложившемуся обычаю, не подлежатъ погребенію по правиламъ Конфуція или буддійской религіи, и въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что въ такомъ возрастѣ души еще нѣтъ, стало быть тѣла, послѣ смерти, по-просту выбрасывать на съѣденіе свиньямъ, собакамъ и воронамъ не грѣшно и не преступно. При эпидеміяхъ скопленіе дѣтскихъ трупиковъ на виду у всѣхъ тѣмъ болѣе естественно, что и взрослыхъ умершихъ иногда вмѣсто того, чтобы похоронить,—просто, отнеся въ поле, бросаютъ. Во Владивостокѣ русской администраціи немало приходится бороться съ этимъ зломъ. По китайскимъ законамъ, если покойникъ оставляется въ полѣ непохороненнымъ не собственными дѣтьми, а людьми чужими, то тутъ нѣтъ ничего преступнаго. Нерѣдко бываетъ, что мать проливаетъ горькія слезы надъ опасно заболѣвшимъ ребенкомъ, котораго она завтра своими же руками мертваго выброситъ въ помойную яму. Нѣтъ спору, что самые бѣдные люди излишнихъ дѣвочекъ иногда топятъ, вѣрнѣе—разрѣшаютъ это дѣлать услужливымъ повитухамъ сейчасъ же послѣ рожденія, какъ у насъ поступаютъ съ ненужными котятами и щенятами. И тутъ мотивъ довольно философскій: родители на семейномъ совѣтѣ рѣшаютъ, что имъ выкормить дитя и впослѣд-

ствія выдать замужъ не хватитъ силъ и средствъ, а обставлять человѣку жизнь страдальчески уже на первыхъ же ступеняхъ — безнравственно. Пусть, думаютъ, гибнетъ ребенокъ, прежде чѣмъ пробудится въ немъ сознательная жизнь, появится душа. Законы страны ясно формулируютъ запретъ совершать дѣтоубійство, и если вопреки этому въ послѣднее десятилѣтіе оно стало сильно увеличиваться, то причиною служатъ необычайно сильный ростъ государства и усиленіе борьбы за существованіе. Нельзя также не отмѣтить факта, что печальное явленіе больше наблюдается на югѣ, куда мусульманство внесло жестокосердіе.

У китайцевъ въ поразительно молодыхъ годахъ развертывается самосознаніе, способность къ критикѣ и анализу окружающихъ явленій и къ активному участію въ борьбѣ за существованіе. Въ лавкахъ 7—10-лѣтніе мальчики, подъ руководствомъ отца или дѣда, тщательно выводятъ іероглифы и рисунки тушью на ящикахъ или посудѣ, ведутъ счетъ деньгамъ и прочее. Мальчикъ десяти лѣтъ уже можетъ жить совершенно самостоятельно, въ то время какъ у насъ человѣкъ въ двадцать-три года сплошь да рядомъ все еще, „какъ учащійся", въ глазахъ общества невмѣняемъ въ своихъ поступкахъ, а предоставленный самому себѣ — по неприспособленности, слишкомъ часто не въ состояніи идти безъ помочей и легко падаетъ „на дно" народнаго моря, превращаясь въ типъ „бывшихъ людей".

Взрослый сынъ Поднебесной Имперіи представляетъ собою индивидуумъ съ опредѣленно-сложившимся міровоззрѣніемъ, ясными представленіями объ основахъ нравственной жизни въ національномъ смыслѣ, уравновѣшеннымъ поведеніемъ, упорнымъ трудолюбіемъ, настойчивымъ характеромъ и всѣми другими качествами, которыя лично ему необходимы для вступленія въ самостоятельную жизнь и наиболѣе выгодны для сохраненія цѣлости общества. У мужчинъ внѣшнимъ признакомъ гражданской и политической правоспособности является, намъ смѣшно сказать, коса, которой дорожитъ каждый человѣкъ, какъ у насъ полкъ своимъ знаменемъ. Лишить китайца косы хуже по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ высѣчь горца Дагестана. Кто возвратится безъ нея въ общество, въ родное село, домъ—лишается всѣхъ правъ; на него нападаютъ соотечественники, какъ муравьи на своего же товарища, которому отрѣзали сяжки, какъ стая воронъ на свою же товарку, которую, какимъ-либо образомъ обезобразивъ, люди выпустили на свободу.

Въ музеѣ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Хабаровскѣ можно видѣть цѣлый

шкапъ статуэтокъ (бурхановъ), изображающихъ боговъ плодородія въ самыхъ омерзительныхъ видахъ. Европеецъ, возмущаясь до глубины души неприличной картиной, спѣшитъ сдѣлать выводъ о чрезвычайно низкой степени нравственности населенія Срединнаго царства. Однако эти идолы, изображающіе такъ реально боговъ, въ Китаѣ вовсе не служатъ для возбужденія эротическихъ мыслей и темой неприличныхъ рѣчей; ихъ назначеніе—просто и откровенно напоминать, что источникъ земного счастья лежитъ въ оставленіи потомства и въ воздаяніи молитвъ о дарованіи дѣтей. Во всякомъ случаѣ, въ музеѣ китайцы смотрятъ на этихъ идоловъ съ серьезной миной или проходятъ мимо равнодушно, въ то время какъ европеецъ хихикаетъ, радуясь своимъ непристойнымъ поясненіямъ.

При большомъ талантѣ къ художеству, наши желтокожіе, однако, иногда злоупотребляютъ привычкой общества къ откровеннымъ картинамъ и помѣщаютъ неприличныя изображенія на посудѣ, шкатулкахъ, шолковыхъ платкахъ и пр.,—впрочемъ, больше для проѣзжихъ черезъ портовые города европейцевъ, которые очень падки на эти вещи и выгодно платятъ. Понятіе о стыдѣ у нихъ и у насъ вообще не одно и то же. Выпить излишекъ водки или вина считается верхомъ безнравственности; за такой поступокъ назначается односельчанами наказаніе бамбукомъ; совершать же естественныя отправленія открыто и гдѣ кому угодно—не возбраняется. Въ южномъ Китаѣ всѣ взрослые, даже самой безупречной нравственности, ходятъ одѣтыми лишь на половину, а дѣти—и вовсе голыми. У бѣгущаго вмѣсто лошади впереди колясочки (дженерикши) часто спадаетъ поясокъ вокругъ таліи и промежности, такъ что сзади видно все, что̀ видѣть сѣдоку не слѣдовало бы, но возница этимъ нисколько не смущается. Когда онъ встрѣчаетъ голую женщину, ему вовсе не приходятъ въ голову сейчасъ же дурныя мысли. Когда я въ Сайгонѣ сталъ разспрашивать пришедшихъ на палубу аннамитовъ и малайцевъ, какая между ними разница, одинъ услужливый китаецъ, желая показать, что онъ мусульманинъ и подвергся обрѣзанію, моментально обнажилъ свое тѣло, къ ужасу присутствующихъ пассажировъ — мужчинъ и дамъ, и былъ крайне удивленъ тому эффекту, который произвелъ на общество. Невольно вспомнилось мнѣ по контрасту, какъ, наоборотъ, мусульманинъ кавказскій, хотя бы больной, неохотно показываетъ свои запретныя части тѣла даже врачу: иной готовъ скорѣе умереть.

Извѣстно, что въ Китаѣ не считается позорнымъ дѣломъ, если дѣвушка идетъ на содержаніе или въ публичное заведеніе

съ разрѣшенія родителей. Нерѣдко матери даже продаютъ дочерей на короткое время; выручаемыя деньги идутъ не на увеселенія или наряды, а на самыя необходимыя потребности дома. Родители открыто предлагаютъ дѣвушкамъ выбирать бракъ или свободу. Середина, т.-е. тайная проституція, не допускается, а дорогу приходится выбирать разъ навсегда, такъ какъ она обставлена опредѣленными правами и обязанностями. На сто дѣвушекъ девяносто-девять предпочитаютъ бракъ и добровольно отказываются отъ свободы. Измѣна замужней карается очень строго и составляетъ величайшую рѣдкость; отъ мужа зависитъ, въ какой мѣрѣ дать женѣ свободу и какъ наказать виновную. Есть мужья, которые по бѣдности продаютъ своихъ женъ, особенно строптивыхъ или безплодныхъ,—правда, не какъ рабынь. Иной даетъ жену на прокатъ для оплодотворенія, что съ европейской точки зрѣнія очень странно, тѣмъ болѣе, что совершается этотъ поступокъ открыто; наконецъ, женатый можетъ обзавестись наложницей съ правами рабыни. Извѣстно, что въ Китаѣ неженатые мужчины и незаконныя жены не удостаиваются погребенія. Съ другой стороны, по законамъ страны, направленнымъ противъ проституціи, предающіеся половому разврату подвергаются тѣлесному наказанію. Наше понятіе о нравственности не всегда приложимо къ населенію Поднебесной Имперіи и съ критикой надо быть вообще очень осторожнымъ, такъ какъ государственный строй Китая чрезвычайно сложенъ и устои его намъ мало извѣстны.

Многіе судятъ о нравственности китайцевъ по обилію публичныхъ домовъ въ Шанхаѣ, Гонконгѣ, Тяньцзинѣ или Пекинѣ. Но дома эти содержатся гораздо болѣе для проѣзжихъ и осѣдлыхъ европейцевъ, которые посѣщаютъ ихъ очень охотно, какъ изъ простого любопытства, такъ и изъ потребности, какъ люди большею частью холостые и не принадлежащіе къ лучшимъ представителямъ своихъ народовъ. Даже содержательницы названныхъ заведеній слишкомъ часто европейки, скупающія желтокожихъ дѣвочекъ у бѣдняковъ. Въ портовыхъ городахъ, гдѣ европейскіе кварталы находятся рядомъ съ китайскими, нѣмцы, французы, англичане съ внѣшней стороны производятъ впечатлѣніе людей менѣе нравственныхъ при сравненіи съ коренными жителями края. Въ сельскомъ населеніи,—а таковымъ оно въ Китаѣ и является,—половой развратъ во всякомъ случаѣ отсутствуетъ.

Богдыханъ, отецъ всѣхъ подданныхъ, существуя, главнымъ образомъ, въ абстрактномъ представленіи подобія божества,

является верховнымъ сдерживающимъ началомъ. Правителями страны являются фактически вице-короли, около которыхъ группируются народныя массы, могущія при извѣстныхъ условіяхъ выдѣлиться въ самостоятельные общественные организмы. Чиновниковъ и вообще привилегированныхъ и дорого оплачиваемыхъ руководителей и контролеровъ общественной жизни сравнительно съ податной народной массой въ странѣ очень мало, что̀ стоитъ въ связи, между прочимъ, съ чрезвычайно слабымъ развитіемъ честолюбія и зависти у людей. Если должности и покупаются часто за деньги, то необходимо имѣть въ виду, что берутся на службу лишь выдержавшіе соотвѣтствующіе государственные экзамены.

Чиновники очень любятъ денежныя сдѣлки, что̀ часто приноситъ явный вредъ обществу. Способнымъ стоять во главѣ правительственнаго учрежденія считается всякій хорошій и зажиточный семьянинъ, лишь бы взгляды его и образъ жизни отвѣчали исторически сложившимся нравамъ и обычаямъ страны. По служебной лѣстницѣ менѣе достойные идутъ не вверхъ, а внизъ; однако быстрыхъ паденій, какъ и крупныхъ движеній въ смыслѣ житейской карьеры, мало. Невольно обращаетъ на себя вниманіе, что въ Китаѣ передъ закономъ всѣ равны, и высшіе чиновники, совершившіе преступленіе, также подлежатъ суду и наказанію, какъ и низшіе. Къ высшимъ чинамъ предъявляются даже слишкомъ большія требованія благонравія. Замѣчателенъ также обычай чиновниковъ оффиціально самимъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ, что̀ не всегда объяснимо ханжествомъ. Много въ странѣ очень хорошихъ чиновниковъ и поразительно откровенныхъ. Военные вербуются изъ проданныхъ въ рабы преступниковъ и лицъ, присужденныхъ къ ссылкѣ, а также изъ монголовъ, манчжуровъ, манегровъ и другихъ окружающихъ Китай кольцомъ родственныхъ племенъ и разныхъ метисо̀въ. Торговля рабами не носитъ того постыднаго характера, какимъ она была еще такъ недавно въ Турціи. Рабы и рабыни являются членами семьи лишь съ слегка и часто временно ограниченными правами и положеніемъ своимъ, повидимому, довольны. Купившіе рабовъ обязаны, напримѣръ, въ теченіе извѣстнаго времени поженить ихъ на рабыняхъ, не препятствовать желанію откупиться, не обижать ихъ и т. д. Сословныя различія выражены въ Китаѣ, въ смыслѣ правъ, слабо. Аристократія малочисленна и въ общественной жизни не играетъ никакой роли.

XII.

Хотя книгопечатаніе было извѣстно китайцамъ гораздо раньше, чѣмъ европейцамъ, но ихъ науки—астрологія, географія, исторія, свѣтская и церковная философія, юриспруденція разрабатывались главнымъ образомъ въ устныхъ преданіяхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; поэтому у народа упражнялась преимущественно память, которая и достигла предѣловъ возможнаго при данныхъ условіяхъ. Для изученія двухъ тысячъ іероглифическихъ знаковъ, необходимаго для элементарнаго образованія, восемь тысячъ для средняго и по крайней мѣрѣ двадцать-четыре тысячи для высшаго, требуется помимо удивительнаго терпѣнія и сильное напряженіе памяти. Не легко помнить также всѣ церемоніи, родословныя, преданія, знать которыя считается необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка. Способъ изученія книгъ, церемоній, генеалогическихъ таблицъ, китайскихъ классиковъ наизусть въ томъ порядкѣ, въ какомъ они написаны, требуя много времени и энергіи, не благопріятствуетъ развитію способности самостоятельнаго мышленія. Феноменальной памятью обладаютъ не только ученые, но также уличные пѣвцы и разсказчики.

Склонность въ Китаѣ къ пустому фантазированію необычайна. Легковѣріе поразительное. Большинство бунтовъ возникало на почвѣ дикихъ суевѣрій. Вѣра въ чудесное и сверхъестественное безгранична. Духовъ всѣ страшно боятся, въ нихъ заискиваютъ, имъ приносятъ жертвы. Домà строятъ окнами во дворъ для того, чтобы души самоубійцъ, непогребенныхъ, неоплаканныхъ, и пр., не вторгались; подземныхъ каналовъ не устраиваютъ, чтобы не дать духамъ дорогу для странствованія; на улицахъ ставятъ загородки, чтобы мѣшать ихъ пролету; вспыхнетъ эпидемія—виноваты опять они, и чтобы разогнать ихъ, бьютъ въ гонги и барабаны, стрѣляютъ изъ ружей, пускаютъ ракеты и производятъ всѣми возможными способами шумъ. Безчисленныя фантастическія преданія и замысловатыя по содержанію легенды, испоконъ вѣковъ укоренившись въ народѣ, поддерживаютъ вѣру его въ этихъ безтѣлесныхъ созданій, въ ихъ вліяніе на судьбу человѣка и въ единственную возможность уберечься отъ нихъ знаніемъ соотвѣтствующихъ заклинаній и талисмановъ. Всякаго рода суевѣрія, предразсудки сковываютъ мысль людей до послѣдней степени и въ то же время ложатся въ основу всей духовной жизни, всего міровоззрѣнія народа. Только боязнью передъ духами и не-

устанной борьбой съ ними народа объясняются многіе обряды, привычки, поступки, кажущіеся намъ подчасъ странными.

Изгнаніемъ злого духа изъ человѣка, иначе—леченіемъ душевно больного, занимаются въ даосскихъ и буддійскихъ кумирняхъ жрецы, которые, производя пассы гипнотизера и призывая въ помощь бога медицины—Яована, приносятъ жертвы отъ имени молящихся. Помѣшанный сплошь да рядомъ поднимаетъ переполохъ въ цѣломъ селеніи, порождаетъ вражду среди мирно жившихъ сосѣдей, подчасъ даже междоусобную войну. Его, какъ одержимаго нечистымъ духомъ, везутъ въ кумирню; тамъ жрецъ, сдѣлавъ подобіе человѣка изъ бумаги, послѣ нѣсколькихъ таинственныхъ обрядовъ, заставляетъ бѣснующуюся душу перейти въ манекена, который сжигается передъ богомъ медицины. Въ результатѣ родственники больного, а подчасъ и все населеніе деревни успокаиваются. Жрецы поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, не умѣя иллюзію или галлюцинацію отличить отъ реальныхъ воспріятій, бредъ помѣшаннаго отъ нормальнаго мышленія человѣка, и поэтому отчасти невольно эксплоатируя невѣжественную толпу. Въ кумирняхъ, въ таинственной обстановкѣ, производятся и спиритическіе сеансы, дающіе толпѣ неизсякаемый матеріалъ для фантастическихъ разсказовъ и бредней всякаго рода, основанныхъ на ложномъ толкованіи искусственно вызванныхъ обмановъ чувствъ. Въ VII вѣкѣ богдыханъ Тайцзунь страдалъ галлюцинаціями, и съ тѣхъ поръ къ дверямъ каждаго дома принято наклеивать грозныя изображенія боговъ-покровителей воротъ. Естественно, что въ такой странѣ дикихъ суевѣрій колдуны и гадальщики находятъ себѣ широкую арену дѣятельности, а сборники предсказаній, толкованій сновъ составляютъ важный отдѣлъ въ народной литературѣ.

Китайцы—всѣ поэты по темпераменту. Ихъ способность къ стихосложенію поразительна, любовь къ природѣ—удивительная. Они берегутъ всякую животную тварь изъ жалости, и охота ради удовольствія имъ противна. Китайцамъ доставляетъ величайшее наслажденіе слушать пѣніе пернатыхъ обитателей священныхъ рощъ или стрекотаніе сверчковъ и цикадъ. Ихъ любовь къ цвѣтамъ-хризантемамъ, нарцисамъ, жасмину, піону, азаліямъ, абрикосамъ и др. умилительна, но они до сихъ поръ не проявили способности къ строго научнымъ ботаническимъ изслѣдованіямъ. Ихъ склонность къ фантазированію не дала возможности развиться географіи, астрономіи и др. наукамъ до надлежащей высоты, несмотря на большое уваженіе народа къ знаніямъ.

Если у китайцевъ память и фантазія развиты феноменально,

зато научное мышленіе вращается въ однообразномъ кругу мистицизма и практической морали, перетолковыванія генеалогическихъ преданій и теософическихъ системъ, въ чемъ народъ достигъ той степени, дальше которой идти некуда. Въ результатѣ мы плохо понимаемъ ихъ книги, а они—наши. Въ противоположность тому, что̀ наблюдается у насъ,—въ Китаѣ школьное образованіе начинается съ изученія философіи и заканчивается стихосложеніемъ и литературой. Вопросы, что̀ нравственно и прилично и что̀ нѣтъ, кладутся въ основу школьной науки, и знаніе главныхъ этическихъ началъ ставится выше всего. Искаженіе текстовъ философскихъ системъ Лаоцзы (600 л. до Р. Хр.), Мэнцзы (родился въ 371 г. до Р. Хр.), Конфуція (род. въ 511 г. до Р. Хр.) и ихъ комментаторовъ не допускается, и всѣ разсужденія ученыхъ вращаются въ однообразныхъ схоластическихъ рамкахъ. Однако даже механически схваченное въ школахъ содержаніе книгъ, хотя бы оставалось совершенно неусвоеннымъ и непродуманнымъ, несомнѣнно оказываетъ свое вліяніе на нравственность населенія. Очень многое изъ соціальной жизни китайцевъ нашего времени объясняется вліяніемъ на нихъ древнихъ философскихъ системъ, и наоборотъ, все ученіе хотя бы Лаоцзы есть въ сущности описаніе основныхъ духовныхъ идеаловъ расы. Да и всѣ другіе древніе философы, начиная съ Мэнцзы и Конфуція, собственно собирали въ системы и записывали только то, что̀ видѣли вокругъ себя и что̀ считали наилучшимъ. Изъ всѣхъ ихъ произведеній вытекаетъ одно несомнѣнно, что по своему психическому складу въ теченіе 2500 л. раса осталась безъ измѣненій, а стало быть мнѣніе о возможности передѣлать китайцевъ, въ отношеніи душевныхъ свойствъ, въ европейцевъ не имѣетъ подъ собою научнаго основанія.

Какъ физическій, такъ и умственный трудъ совершается у китайцевъ точно полусознательно, въ силу унаслѣдованныхъ привычекъ въ рамкахъ застывшей, какъ было нѣкогда и въ Европѣ, цивилизаціи. Логическіе процессы мышленія происходятъ у нихъ какъ-то своеобразно и несомнѣнно отлично отъ того, что̀ наблюдается у насъ. Самыя простыя истины нашего времени по какому-то непонятному закону психики неудержимо искажаются въ головѣ китайца. Это не только извѣстно дипломатамъ, которые въ безконечной перепискѣ съ правительствомъ оригинальнаго во всемъ народа никакъ сладить не могутъ, но и всякому, кому съ нимъ приходится имѣть дѣло. Прежде всего бросается въ глаза, что китаецъ никогда всего не сдѣлаетъ и всего не скажетъ, чего отъ него хотятъ и требуютъ, добродушно схитритъ подчасъ безъ

всякой надобности, начнетъ отлынивать, увильнетъ отъ самой сути дѣла, потомъ начнетъ оправдываться, что-то туманно доказывать. Въ концѣ концовъ ведущій съ нимъ дѣло совсѣмъ собьется съ толку. Особенно дурными чертами его характера являются скрытность, вѣроломство и мстительность. Въ новыхъ предпріятіяхъ китаецъ мало находчивъ, не можетъ быстро соображать и, какъ бы влекомый какой-то внутренней силой, все сворачиваетъ на старую, проторенную предками, дорогу разсужденій...

Въ Поднебесной Имперіи насчитывается до тридцати милліоновъ мусульманъ; но если принять во вниманіе, что прошла почти тысяча лѣтъ съ начала распространенія тамъ ислама, то это число надо считать малымъ; къ тому же мусульманство образуетъ еще случайное, непрочное наслоеніе въ южной части страны, гдѣ постоянными междоусобными столкновеніями большинство упорно, отчасти безсознательно, стремится отстоять древній бытъ и старыя міровоззрѣнія, какъ продукты самостоятельнаго духовнаго развитія народа.

Поразительнымъ является то, что въ Китаю до сихъ поръ не удается привить христіанство съ его великимъ принципомъ любви къ ближнему. Отчасти объясняется это малочисленностью проповѣдниковъ ученія Христа, подозрительнымъ политиканствомъ ихъ и разнообразіемъ обрядовъ. Христіанство принимали пока фактически лишь отщепенцы, подонки общества, дававшіе себя по бѣдности подкупить миссіонерамъ. Лучшіе знатоки народа согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что китаецъ-христіанинъ нравственно стоитъ ниже своего собрата-язычника. Правду сказать, нѣмцы, французы, англичане, особенно изъ міра торговыхъ агентовъ и разныхъ предпринимателей, ведутъ себя въ торговыхъ и другихъ большихъ городахъ Китая возмутительно: пьянство, половой развратъ, нахальное обращеніе съ желтокожими и эксплоатація ихъ миролюбія и трудоспособности идутъ въ разрѣзъ съ туземнымъ представленіемъ о нравственности. У китайцевъ слово и дѣло идутъ обыкновенно рука объ руку, у европейцевъ—слишкомъ часто и очевидно расходятся. Почти поголовное избіеніе христіанъ-китайцевъ своими же соотечественниками-буддистами въ 1900 г. имѣетъ основаніемъ убѣжденіе, что измѣна принципамъ государственности есть преступленіе, и, стало быть, исходитъ изъ нравственныхъ мотивовъ, выработанныхъ народомъ, какъ самостоятельно развившейся психо-антропологической расой.

Намъ осталось въ заключеніе сказать, что слѣпое преклоненіе

передъ тѣмъ, что писалось, говорилось, создалось въ старину—затормазило въ Китаѣ творчество, сковало мысль, но не навѣки. Масса труднаго для изученія письменнаго вздора уже теперь начинаетъ утрачивать въ наукѣ свой интересъ. Новшество, не связанное съ прошлымъ, нынѣ дѣлается все менѣе нетерпимымъ, и жажда реформъ и знакомства съ успѣхами европейскихъ культуръ охватила уже въ Китаѣ лучшіе слои общества. Что толпа чрезвычайно консервативна въ своемъ невѣжествѣ и тянетъ назадъ — вполнѣ естественно. Она не допускаетъ уклоненій отъ разъ сложившихся устоевъ жизни, дающихъ какъ будто наивозможно равномѣрное распространеніе земныхъ благъ среди людей данной расы, и не хочетъ вѣрить, чтобы европейцы, забравшись насильно въ страну и нуждаясь въ ней, могли внести въ нее въ нравственномъ отношеніи что-нибудь лучшее. Когда волна естественно-научныхъ завоеваній и построенныхъ на нихъ техническихъ изобрѣтеній проникнетъ въ нѣдра страны, Китай безъ сомнѣнія развернетъ колоссальную рабочую и умственную силу, съ которой намъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ, придется считаться прежде всего. Въ послѣдніе годы отъ одного проведенія телеграфа на протяженіи десятковъ тысячъ верстъ и нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ зашевелился муравейникъ и уже сталъ жить нѣсколько иначе во времени и пространствѣ. Ясно, что настало время приступить къ самому тщательному изученію страны и неустанно слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что въ ней творится, не увлекаясь поспѣшнымъ заключеніемъ о неспособности китайцевъ къ умственному прогрессу. Необходимо помнить, что стремленіе ихъ сводится къ одному—заимствовать отъ европейцевъ все полезное и дѣйствительно новое, а незваныхъ пришельцевъ удалить изъ страны. Во всякомъ случаѣ, принадлежность китайцевъ къ особой расѣ не даетъ намъ никакого права отрицать возможность достиженія ими даже въ недалекомъ будущемъ гораздо болѣе высокой культуры, чѣмъ та, которая наблюдается у нихъ нынѣ.

Э. В. Эриксонъ.

СТРОИТЕЛЬ

РОМАНЪ.

— *Felix Hollaender*. Der Baumeister. Roman. Berlin. 1904.

I.

Было уже одиннадцать часовъ вечера, когда Кеслеръ вошелъ въ переполненное „Café des Westens". Было невыносимо душно, въ воздухѣ стоялъ табачный дымъ; со всѣхъ столиковъ несся гулъ голосовъ. Кеслеръ презрительно усмѣхнулся. Вся эта возбужденная толпа кофейни, всѣ эти банальныя лица раздражали его и наводили на него скуку. Рѣзкій свѣтъ электрическихъ лампъ придавалъ лицамъ холодный, болѣзненно желтый тонъ, еще болѣе искажавшій черты.

Кельнеръ снялъ съ него пальто. Онъ былъ одѣтъ очень изящно; бѣлье отличалось безукоризненной чистотой.

— Дайте мнѣ чашку чернаго кофе,—сказалъ онъ и съ усталымъ видомъ присѣлъ къ столу. Потомъ онъ поднялъ глаза и оглядѣлъ публику, занятую громкими разговорами. Низкія залы кофейни бывали переполнены очень разнороднымъ обществомъ до поздней ночи.

За однимъ изъ столиковъ собралось нѣсколько актеровъ; сильно жестикулируя, они громко ругали директора. За другимъ—какой-то лысый господинъ распространялся передъ нѣсколькими маклерами о доходности Шарлоттенбургскихъ участковъ.

Кеслеръ сталъ съ интересомъ прислушиваться къ нимъ, но вскорѣ вниманіе его было отвлечено другимъ столомъ, у самаго входа. У стола этого собирались каждый вечеръ нѣсколько

скульпторовъ, живописцевъ, писателей. Маленькій, тощій карикатуристъ, съ гладко прилизанными черными волосами, съ невозможнымъ носомъ и скрипучимъ, свистящимъ голосомъ, громко развлекалъ окружающихъ анекдотами. Кеслеръ сердито поглядѣлъ въ ихъ сторону, потомъ опять сталъ слушать бесѣду маклеровъ.

— Поймите же, участокъ продается за гроши. На этомъ дѣлѣ можно нажить огромное состояніе—повѣрьте мнѣ. Кстати: есть слухи, что тамъ хотятъ строить театръ.

Кеслеръ отложилъ газету, которую держалъ въ рукахъ. Его свѣтлые водянистые глаза широко раскрылись отъ напряженнаго вниманія.

— Не втирайте намъ очковъ!—возразилъ лысый господинъ, у котораго пенснэ торчало на самой серединѣ носа;—всегда, какъ только нельзя продать участка земли, поднимается разговоръ о постройкѣ на немъ театра. Старая штука—насъ этимъ не проведешь!

Въ это время открылась дверь, и въ кафé вошли двѣ дѣвушки рѣзко выраженнаго восточнаго типа, съ темными глазами и черными волосами. Своими вызывающими манерами онѣ обратили на себя общее вниманіе. Но Кеслеръ и не глядѣлъ на нихъ. Онъ былъ весь поглощенъ разговоромъ объ участкахъ земли. Шумъ голосовъ все болѣе усиливался вокругъ него. Маклерà уже говорили о другомъ участкѣ.

Кеслеръ подозвалъ кельнера, чтобы расплатиться. Лицо его выражало легкую тревогу, и онъ самъ это почувствовалъ къ своему неудовольствію. Онъ быстро провелъ своей узкой, длинной рукой по лицу, принявшему строгое, неприступное выраженіе. Это была маска, за которой онъ скрывалъ свои безпокойныя мечты.

Одна изъ дѣвушекъ украдкой поглядѣла на него, но онъ гордо откинулъ голову и вторично подозвалъ кельнера. Открывъ изящное портмонэ изъ темной кожи, онъ вынулъ оттуда двухмарковую монету. Это были его послѣднія деньги.

— Съ васъ двадцать-пять пфенниговъ,—сказалъ кельнеръ.

Кеслеръ далъ ему еще пятнадцать пфенниговъ на чай и поднялся. Кельнеръ подалъ ему пальто на шелковой подкладкѣ и цилиндръ. Изящная фигура Кеслера привлекала всѣ взоры. Его можно было принять за аристократа, за офицера въ штатскомъ платьѣ, и онъ самъ сознавалъ свою изящную внѣшность: она входила во всѣ его планы.

Очутившись на улицѣ, онъ съ отрадой вдохнулъ въ себя прохладный ночной воздухъ.—„Марка и шестьдесятъ пфенниговъ—вотъ все, чтò у меня осталось“,—пробормоталъ онъ.

Лицо его имѣло измученный видъ при свѣтѣ электрическаго фонаря. Онъ остановился. Цѣлый рядъ мучительныхъ мыслей и образовъ какъ бы приковывалъ его къ мѣсту.

— Чѣмъ же это кончится?—сказалъ онъ про себя, и вдругъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго оклика.

— Да неужели же это ты?—раздался низкій голосъ, и кто-то коснулся его плеча. Это былъ приземистый господинъ, съ широкой спиной и маленькими глазами, остро и насмѣшливо выглядывавшими изъ-подъ золотыхъ очковъ.

— Какъ, это ты, Дренквицъ! Давненько же мы съ тобой не видались.

— Вѣрно!—отвѣтилъ Дренквицъ.—Я вѣдь только двѣ недѣли тому назадъ вернулся въ Берлинъ. Отпразднуемъ же теперь нашу встрѣчу. Пойдемъ, выпьемъ по стаканчику.

— Я, собственно, уже собирался домой,—я очень усталъ.

— Глупости, разопьемъ бутылку вина. Я приглашаю тебя.

Не ожидая возраженій, онъ взялъ Кеслера подъ руку и увлекъ его за собой. Нѣсколько минутъ спустя, они сидѣли въ винномъ погребкѣ „Штейнертъ и Гансенъ", и ассесоръ Дренквицъ наливалъ въ стаканы рюдесгеймеръ.

Но прежде чѣмъ поднести рюмку ко рту, онъ быстро оглянулъ Кеслера своими умными, проницательными глазами.

— Знаешь, другъ мой,—ты мнѣ не нравишься!.. Давай, чокнемся!

Кеслеръ пропустилъ мимо ушей замѣчаніе пріятеля и чокнулся съ нимъ.

— Что̀ же ты, собственно, теперь дѣлаешь?—медленно спросилъ Дренквицъ.

— Я жду счастья со всей энергіей, на какую я способенъ.

— Гм!—сказалъ Дренквицъ.—Судя по твоей аристократической внѣшности, ты уже достигъ цѣли.

Кеслеръ полузакрылъ глаза и вдругъ весело разсмѣялся.

— Слава Богу, что хоть это мнѣ удается!—сказалъ онъ.

— Что̀ ты этимъ хочешь сказать?

Лицо Кеслера приняло опять страдальческое выраженіе.

— Я хочу сказать,—медленно произнесъ онъ,—что я больше страдаю, чѣмъ кто бы то ни было. Мнѣ нечего ѣсть, а я долженъ притворяться, что какъ сыръ въ маслѣ катаюсь.

Дренквицъ прищурилъ глаза и посмотрѣлъ на него сбоку.

— Знаешь ли, эта политика мнѣ не нравится. Другими словами, ты пускаешь людямъ пыль въ глаза?

— До нѣкоторой степени это такъ; но дѣло только въ

томъ, что я еще не знаю, кому пускать пыль въ глаза. Да и чѣмъ это плохо? Кому я причиняю зло, если вмѣсто того, чтобы ѣсть досыта, ношу безукоризненно чистый воротничокъ?

— Пока дѣло ограничивается этимъ,—конечно, никто не пострадаетъ. Но вѣдь есть же у тебя цѣль,—и она, вѣрно, не вполнѣ безукоризненна. Къ тому же, откровенно говоря, я не понимаю, какъ человѣкъ съ твоими способностями не устроился въ жизни.

— Я этого тоже не понимаю, но, къ сожалѣнію, это фактъ.

— Ты сдалъ экзаменъ на архитектора—почему же ты не постараешься попасть на государственную службу? Такой человѣкъ, какъ ты, навѣрное найдетъ возможность честно зарабатывать свой хлѣбъ.

— Ба!—сказалъ Кеслеръ:—о кускѣ хлѣба я вовсе не такъ хлопочу. Я не рабъ, и не дамъ себя впречь въ ярмо.

— Однако, каждому до нѣкоторой степени приходится носить ярмо. Развѣ ты предпочитаешь голодать? и чего ты, собственно, хочешь?

— Чего я хочу?—Глаза его засверкали.—Я хочу строить... Выполнять мои собственные планы, осуществлять грандіозныя предпріятія, выйти изъ теперешней нищеты и быть, наконецъ, свободнымъ.

Дренквицъ допилъ свой стаканъ и сказалъ сухимъ тономъ:

— Желаю тебѣ счастья!

— Благодарю, но, къ сожалѣнію, однихъ пожеланій мало. Вотъ, если бы ты могъ дать въ мое распоряженіе четверть милліона—другое дѣло. Повѣрь мнѣ,—твои деньги принесли бы тебѣ хорошіе проценты.

— Какъ знать,—быть можетъ, я бы сдѣлалъ это, будь у меня деньги. Въ тебѣ, кажется, дѣйствительно живетъ сила, которая можетъ нѣчто создать, имѣя чѣмъ орудовать. И все-таки я тебѣ совѣтую: береги себя самого! Твое честолюбіе, положительно, пугаетъ меня.

Кеслеръ насмѣшливо взглянулъ на него.

— Ты, кажется, уже видишь меня на скамьѣ подсудимыхъ?.. Разскажи кстати, какъ твои дѣла по службѣ.

— Я переведенъ въ Берлинъ помощникомъ прокурора.

— Поздравляю!—сказалъ Кеслеръ.—Для меня это очень кстати. Ужъ прошу тебя, будь ко мнѣ снисходителенъ, если я попаду подъ-судъ. Ты вѣдь меня немножко понимаешь — и съумѣешь найти смягчающія обстоятельства.

— Постараюсь... Ну, да оставимъ эти шутки. Мнѣ онѣ не

нравятся... Скажи, пожалуйста, откровенно: ты, можетъ быть, теперь стѣсненъ въ деньгахъ? Не могу ли я тебѣ помочь?

Кеслеръ взглянулъ на него, широко раскрывъ глаза.

— Какъ это ты угадалъ! Впрочемъ, спасибо; мнѣ теперь ничего не нужно; мои обстоятельства блестящи въ данную минуту. У меня еще есть марка и шестьдесятъ пфенниговъ.

Дренквицъ вынулъ бумажникъ и передалъ ему три билета по сту марокъ.

— Я это дѣлаю не столько для тебя, сколько въ интересахъ государственной безопасности,—сказалъ онъ.—Человѣкъ безъ денегъ опасенъ для общества.

— Хорошо, я приму эти деньги—въ интересахъ государства. Хочешь росписку?..

— Не нужно.

Наступила короткая пауза.

— А знаешь ли?—сказалъ Кеслеръ, возобновляя разговоръ.— Можетъ быть, ты своей легкомысленной щедростью надѣлалъ много бѣды!

Въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Дренквица онъ продолжалъ:

— Я чувствую, что эти синія бумажки доводятъ мою энергію до безграничнаго напряженія. Знаешь ли, бываютъ минуты, когда ощущаешь въ себѣ волю, не знающую преградъ. Если бы въ эту минуту кто-нибудь стоялъ передо мной, заграждая мнѣ путь къ моей цѣли, я бы убилъ его, не задумавшись.

— Давай, допьемъ лучше вино, — возразилъ Дренквицъ. Тонъ разговора становился ему непріятенъ. За шутками Кеслера ему слышалось нѣчто серьезное, пугавшее его. Когда они вышли на улицу, Кеслеръ спросилъ:

— Есть у тебя еще полчаса времени, Дренквицъ?

— Есть.

— Ну, такъ пойдемъ со мной,—ты переживешь историческій моментъ.

— Куда ты поведешь меня?

— Вотъ увидишь.

Передъ кафé остановилась электрическая конка, ѣхавшая по направленію въ Штиглицъ.

— Сядемъ въ конку,—предложилъ Кеслеръ.—Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ на Ноллендорфской площади.

Они молча доѣхали до мѣста. Выйдя на площадь, Кеслеръ взялъ Дренквица подъ-руку и молча подвелъ его къ огромному пустопорожнему мѣсту на углу площади и Моцштрассе.

— Посмотри хорошенько на это мѣсто. Знаешь ли, что̀ это такое?

Не дождавшись отвѣта Дренквица, онъ сказалъ медленно и торжественно:

— Это „мой“ плацъ. Я долженъ строить здѣсь—иначе я чувствую, что пропаду.

— Что̀ же ты хочешь строить?

— Театръ,—кафе́—и огромные дома—въ глубинѣ; смѣсь готическаго и романскаго стиля. Вотъ тутъ будетъ раскинутъ садъ; тамъ—боковое строеніе: весь верхній этажъ будетъ состоять изъ огромныхъ мастерскихъ. Планы разработаны до мелочей. Недостаетъ только денегъ, чтобы пріобрѣсти землю. И нужно тебѣ сказать,—продолжалъ онъ торопливо и возбужденно,—что условія покупки теперь исключительно выгодны. Мѣсто можно купить за безцѣнокъ, и если бы нашлись умные люди, они бы поняли, что нужно вступить въ союзъ со мной, чтобы разбогатѣть. Я съумѣлъ бы поднять значеніе всего квартала; я выстроилъ бы самый красивый и роскошный театръ, какой только можно себѣ представить,—и это было бы только началомъ... Понимаешь ли, что̀ это значитъ, когда голова полна плановъ и проектовъ, а приходится сидѣть, сложа руки... чувствовать себя связаннымъ только потому, что нѣтъ денегъ... Вѣдь какъ бы я строилъ! Я воздвигалъ бы дворцы, а не жалкія наемныя казармы, которыми уродуютъ Берлинъ... Ты вѣдь не представляешь себѣ, чего здѣсь можно достичь. Деньги, буквально, лежатъ на улицѣ—а нагнуться, поднять ихъ нѣтъ возможности. И при этомъ голодаешь и окончательно гибнешь.

Дренквицъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на возбужденное лицо пріятеля, который такъ и сыпалъ словами, упиваясь ихъ пестротой.

— Высоко ты заносишься, братъ!—сказалъ онъ.—А теперь спокойной ночи! Мнѣ нужно завтра рано утромъ на службу. У меня нѣтъ времени строить воздушные за̀мки.—Онъ пожалъ ему руку, подозвалъ дрожки, и уѣхалъ, прежде чѣмъ Кеслеръ успѣлъ ему что-нибудь сказать.

II.

Кеслеръ пошелъ дальше медленнымъ шагомъ. Весенній вѣтеръ обвѣвалъ его лицо нѣжной прохладой. Все, что̀ произошло за послѣднюю четверть часа, казалось ему какимъ-то чудомъ. Мо-

жетъ быть, все это ему только приснилось! Онъ сунулъ руку въ карманъ, вынулъ стомарковыя бумажки и долго внимательно глядѣлъ на нихъ. Онѣ были смяты, и онъ ихъ разгладилъ. Ему казалось, что этой жалкой суммой онъ держитъ въ рукахъ свое будущее. Онъ самъ выросъ въ своихъ глазахъ. Онъ шутилъ, говоря Дренквицу, что способенъ на всякій поступокъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ плановъ,—а между тѣмъ это была правда. Онъ чувствовалъ, что долженъ идти впередъ, что ему нуженъ свѣтъ—свѣтъ со всѣхъ сторонъ... все, что угодно, лишь бы не стоять во мракѣ—не принадлежать къ числу людей, которые умираютъ на дорогѣ, никѣмъ не замѣченные.

Онъ остановился на минуту. Зачѣмъ было высказывать Дренквицу свои самыя сокровенныя мысли? Не слѣдуетъ открывать свою душу ни одному человѣку... Это—величайшая глупость! Никому не слѣдуетъ довѣрять... даже лучшему другу.

Но Дренквицъ порядочный человѣкъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться. И какъ странно, что, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, онъ повстрѣчался ему какъ разъ въ такую тяжелую минуту. Что это—случай или судьба?

Странный онъ человѣкъ, этотъ Дренквицъ. Очень порядочный, но всецѣло во власти буржуазной морали и такъ называемыхъ нравственныхъ принциповъ. Широкіе горизонты были ему недоступны—это тоже не подлежало сомнѣнію. О характерѣ Наполеона онъ, навѣрное, никогда въ жизни не ломалъ себѣ головы...

И такой человѣкъ былъ прокуроромъ. Онъ мѣрилъ поступки людей аршиномъ буржуазныхъ приличій и обыденной морали, и не понималъ, что для всего крупнаго нужна отвага, иногда доходящая до преступности. Такого рода добросовѣстность и чувство долга, возведенные въ принципъ, задерживали развитіе государствъ, заграждали дорогу всѣмъ спящимъ силамъ, тянущимся къ свѣту для созиданія новыхъ цѣнностей...

Глупо было дѣлиться съ такимъ человѣкомъ своими планами и мыслями! Онъ вѣдь смотритъ на все сквозь очки справедливости и государственной пользы...

На башнѣ церкви въ память императора Вильгельма пробило двѣнадцать. Кеслеръ слегка вздрогнулъ и взглянулъ на мощное зданіе изъ песчаника, выдѣлявшееся на фонѣ ночного неба.

— Какъ плохо, какъ отвратительно выстроена эта церковь!—пробормоталъ онъ. — Я бы лучше построилъ... Въ сущности, храмъ ли или театръ—цѣль въ обоихъ случаяхъ та же: бѣг-

ство изъ сѣрой дѣйствительности. Нужно умѣть передать это въ архитектурѣ.

Онъ опять подумалъ о своемъ „мѣстѣ“ на Ноллендорфской площади. Мысленно онъ уже считалъ его своимъ. Онъ ясно представлялъ себѣ, какъ онъ хозяйничаетъ на постройкѣ, отдаетъ приказанія, распоряжается, бесѣдуетъ съ капиталистами, дѣлаетъ заказы фабрикантамъ, какъ они осаждаютъ его предложеніями. У него ни четверти часа нѣтъ свободнаго въ теченіе цѣлаго дня. Эти мечты были его единственной отрадой.

Проѣхали дрожки съ таксометромъ; онъ небрежнымъ жестомъ подозвалъ извозчика.

— Поѣзжайте по направленію къ Шютценштрассе,—сказалъ онъ. Онъ откинулся на подушки и закрылъ глаза. Одна только мысль всецѣло владѣла имъ: какъ достать денегъ, чтобы пріобрѣсти то мѣсто?

Ритмичное движеніе коляски создавало особаго рода музыку въ его воображеніи. Онъ ясно слышалъ, какъ музыканты въ оркестрѣ настраиваютъ инструменты, какъ капельмейстеръ ударяетъ палочкой о пюпитръ, какъ нарядно одѣтыя дамы и мужчины, переполняющіе зрительную залу, садятся на мѣста, и какъ всѣ съ ожиданіемъ устремляютъ взоры на занавѣсъ, который черезъ нѣсколько минутъ долженъ въ первый разъ подняться... А онъ сидитъ въ ложѣ бенуара, оглядываетъ радостно настроенную публику и любуется самъ пышной постройкой великолѣпной залы; всѣ краски въ ней тонко оттѣнены, нѣтъ ничего громоздкаго при всей пышности стиля... этому зданію нѣтъ равнаго въ мірѣ... На слѣдующій день онъ читаетъ въ газетахъ, что передъ такимъ мастерскимъ произведеніемъ должны смолкнуть всѣ возраженія, и что онъ создалъ своимъ зданіемъ нѣчто вполнѣ новое и образцовое.

Кеслеръ очнулся; ему стало душно въ экипажѣ, и онъ остановилъ его. Таксометръ показывалъ сумму въ одну марку и шестьдесятъ пфенниговъ. Кеслеръ весело разсмѣялся. „Все сегодня какъ-то странно сходится!“—подумалъ онъ, и имъ овладѣла стихійная веселость. Онъ повернулъ въ Мауерштрассе и былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры на Шютценштрассе.

Онъ все думалъ о томъ, какъ это Дренквицъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, одолжилъ ему триста марокъ. И до чего тотъ возмущался тѣмъ, что, имѣя въ карманѣ только марку и шестьдесятъ пфенниговъ, Кеслеръ носилъ чистый воротникъ! Какія уголовныя опредѣленія онъ для этого находилъ! Онъ называлъ это— „пускать пыль въ глаза“. Вотъ дуракъ!

Кеслеръ повернулъ на Шютценштрассе. Крикъ и гамъ наполняли всю улицу. Кеслеръ улыбнулся: конечно, опять этотъ чудакъ! Цѣлая толпа бѣжала вслѣдъ за ѣздокомъ, который мчался по улицѣ на бѣлой лошади. Мальчишки кричали ему вслѣдъ изо всѣхъ силъ:

— Господинъ Фрейтагъ, вы упадете съ лошади! Вы оглохли, господинъ Фрейтагъ!

Они визжали отъ восторга, а ѣздокъ, маленькій человѣкъ съ развѣвающимися сѣдыми волосами, въ шляпѣ съ широкими полями, безпомощно глядѣлъ остановившимся стекляннымъ взоромъ на своихъ мучителей и пришпоривалъ свою измученную лошадь. Ускакавъ отъ толпы, онъ подъѣхалъ къ дому и спрыгнулъ съ лошади, чтобы какъ можно скорѣе скрыться отъ преслѣдованій. Хриплымъ голосомъ, громко отчеканивая каждый слогъ, онъ сталъ звать портье. Но никто не выходилъ на его зовъ, а тѣмъ временемъ его снова настигли его преслѣдователи, и опять раздались глупыя, насмѣшливыя приставанія къ старику. Его обступила толпа, и онъ глядѣлъ на всѣхъ, какъ полководецъ, презрительнымъ, гнѣвнымъ взглядомъ, хотя внутренно дрожалъ отъ страха. Онъ снялъ шляпу, и его густые сѣдые волосы развѣвались, какъ бы готовясь улетѣть. Они имѣли видъ двухъ развѣвающихся крыльевъ по обѣ стороны головы. Какая-то наглая съ виду женщина дернула его за полу, и это вызвало взрывъ общей веселости; со всѣхъ сторонъ старика обступили люди. Когда онъ началъ снова звать портье, голосъ его уже звучалъ плаксиво, а выраженіе глазъ было растерянное. Весь онъ походилъ на затравленнаго звѣря.

Кеслеръ отогналъ толпу. Онъ не въ первый разъ видѣлъ это зрѣлище. Старикъ жилъ съ нимъ рядомъ. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ ѣздилъ кататься верхомъ ночью, и каждый разъ за нимъ гналась толпа, поджидала его возвращенія и начинала потѣшаться надъ нимъ. Фамилія его была Фрейтагъ. Онъ слылъ въ кварталѣ за сумасшедшаго, и потому всякій считалъ себя въ правѣ потѣшаться надъ нимъ. Кеслеръ до сихъ поръ никогда не вмѣшивался въ эти стычки. Фрейтагъ былъ дѣйствительно чудакъ, который избѣгалъ и его общества, едва ему отвѣчалъ на поклонъ и вообще не обращалъ на него вниманія. Но на этотъ разъ онъ почувствовалъ инстинктивную потребность защитить старика отъ злыхъ людей.

— Убирайтесь прочь! — грубо крикнулъ онъ, и такъ схватилъ за шиворотъ перваго попавшагося ему подъ руку, что тотъ крикнулъ отъ боли. Это произвело должное впечатлѣніе. Толпа

испуганно отступила, и въ это время открылась дверь и появился портье. Фрейтагъ небрежно, царственнымъ жестомъ передалъ ему повода, потомъ пропустилъ впередъ Кеслера и послѣдовалъ за нимъ, съ шумомъ захлопывая за собой дверь. Съ улицы доносился смѣхъ и насмѣшки толпы.

— Пожалуйте!—сказалъ Кеслеръ и остановился, чтобы пропустить впередъ старика. Тотъ безмолвно отказался пройти первымъ, покачалъ головой и зажегъ восковую свѣчу; Кеслеру пришлось идти впереди.

— Плебеи! — пробормоталъ маленькій старичокъ, осмотрительно поднимаясь на лѣстницу.

— Это вы про меня?—спросилъ Кеслеръ со смѣхомъ.

Старикъ остановился и посвѣтилъ спичкой въ лицо архитектору.

— Не говорите глупостей! — грубо и высокомѣрно сказалъ онъ.

Этотъ отвѣтъ произвелъ на Кеслера самое комическое впечатлѣніе. Тонъ и жестъ старика были обдуманны. Онъ говорилъ тономъ короля, обращающагося къ лакею.

Они поднялись во второй этажъ, гдѣ оба и жили. Каждый имѣлъ отдѣльный входъ въ свою комнату. Оба они вынули по ключу и стали открывать каждый свою дверь.

— Спокойной ночи!—сказалъ Кеслеръ.

Старикъ закашлялъ вмѣсто отвѣта и съ трескомъ захлопнулъ за собой дверь.

III.

Кеслеръ зажегъ лампу. Изъ сосѣдней комнаты слышенъ былъ равномѣрный стукъ. Фрейтагъ ходилъ по комнатѣ большими шагами.

Кеслеръ прислушался. Чѣмъ занимается этотъ старикъ? Что̀ означаетъ его странное поведеніе? Дѣйствительно ли онъ сумасшедшій, или только чудакъ? Чѣмъ онъ существуетъ? Какъ это онъ живетъ въ скромной меблированной комнатѣ и держитъ верховую лошадь—что̀ это все означаетъ?

Вдругъ его осѣнила блестящая мысль. Что̀ если Фрейтагъ и есть тотъ капиталистъ, котораго онъ такъ ищетъ? Кеслеръ выпрямился и, тотчасъ же принявъ смѣлое рѣшеніе, постучалъ въ сосѣднюю дверь. Отвѣта не послѣдовало.

— Послушайте, господинъ Фрейтагъ, я хотѣлъ взять на себя смѣлость предложить вамъ выпить со мной рюмку коньяку.

Опять никакого отвѣта.

— Вы бы доставили мнѣ большую честь и удовольствіе, еслибы зашли выпить рюмочку Henessy fine champagne. Великолѣпная марка!

Изъ сосѣдней комнаты не доходило никакого звука, но равномѣрный шумъ шаговъ прекратился.

— Кромѣ того, я хочу сказать вамъ нѣчто очень важное,— продолжалъ настаивать Кеслеръ.

Онъ подождалъ еще минуту.

— Зайдите лучше сами ко мнѣ,—раздалось изъ сосѣдней комнаты.

— Ага!—проговорилъ Кеслеръ, и на лицѣ его отразилось большое удовлетвореніе.—Я иду,—быстро отвѣтилъ онъ, и черезъ минуту уже стучался къ своему сосѣду. Тотъ осторожно пріотворилъ дверь.

— Черезъ щелку я не могу войти, — сказалъ Кеслеръ со смѣхомъ.

Старикъ открылъ наконецъ дверь, и Кеслеръ вошелъ въ комнату самаго обыкновеннаго типа; по срединѣ стоялъ столъ, заваленный книгами и бумагами. Зато костюмъ Фрейтага былъ очень странный. На немъ былъ синій шолковый полинявшій халатъ, а на головѣ—красная феска. Онъ показался Кеслеру фигурой изъ оперетки.

— Что̀ вамъ, собственно, нужно?—грубо спросилъ онъ.

Кеслеръ ничего не отвѣтилъ. Онъ самъ, собственно, не зналъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Фрейтагъ уставился на него съ видомъ судебнаго слѣдователя.

— Вы хотите сообщить мнѣ нѣчто важное,—такъ, кажется, вы сказали?

— Да, очень важное! — медленно отвѣтилъ Кеслеръ, стараясь тѣмъ временемъ что-нибудь придумать.

— Такъ говорите!.. да говорите же наконецъ!—нетерпѣливо повторилъ онъ.

Кеслеръ мучительно искалъ какой-нибудь предлогъ... Слава Богу, нашелъ!

— Я только хотѣлъ вамъ посовѣтовать оставить ваши ночныя прогулки, — медленно произнесъ онъ, отчеканивая каждый слогъ.—Вообще вамъ бы слѣдовало оставить этотъ кварталъ,— поспѣшно прибавилъ онъ.

Онъ сдѣлалъ короткую паузу и увидѣлъ, что слова его произвели сильное впечатлѣніе на старика: онъ глядѣлъ на него своими остановившимися большими глазами.

— Вы почему это говорите? У васъ есть основанія что-либо подозрѣвать?

Кеслеръ принялъ таинственный видъ.

— Здѣсь есть люди, которымъ я не довѣряю,—тихо сказалъ онъ.—Совѣтую вамъ быть крайне осторожнымъ.

— Да, да, вы правы,—отвѣтилъ старичокъ и, заложивъ руки за спину, сталъ нервно шагать по комнатѣ. Отъ времени до времени онъ останавливался и пристально глядѣлъ на Кеслера, какъ будто хотѣлъ его на чемъ-то поймать.

Кеслеръ стоялъ въ непринужденной позѣ и дѣлалъ видъ— какъ будто онъ ни на что не обращаетъ вниманія и вовсе не интересуется Фрейтагомъ и всѣмъ, что его окружаетъ.

— Зачѣмъ вы держите лошадь и скачете верхомъ по ночамъ? Это раздражаетъ сосѣдей, — не говоря уже о томъ, что стоитъ чертовски дорого.

Фрейтагъ выпрямился по военному.

— Милостивый государь, я ротмистръ, — ротмистръ въ отставкѣ... Да почему вы не присядете?

— А гдѣ же мнѣ сѣсть? — со смѣхомъ спросилъ Кеслеръ; диванъ и два стула были также завалены книгами, какъ и столъ.

Фрейтагъ безъ всякой церемоніи опрокинулъ стулъ, такъ что лежавшіе на немъ фоліанты съ трескомъ упали на землю, я потомъ снова поставилъ стулъ на мѣсто, попросилъ своего гостя сѣсть, и немного погодя сказалъ нерѣшительнымъ тономъ, приложивъ указательный палецъ къ носу:

— Это вѣдь возможно: у меня много враговъ—людей, которыхъ бы очень обрадовала моя внезапная смерть.

При этихъ словахъ, лицо его покрылось безчисленными морщинами. Было ясно видно, что онъ надъ чѣмъ-то ломаетъ себѣ голову, и не можетъ придти къ какому-нибудь рѣшенію. Вдругъ онъ встрепенулся.

— Вы служили?—рѣзко спросилъ онъ начальническимъ голосомъ.

— Такъ точно, господинъ ротмистръ.

— Получили чинъ?

— Прапорщика запаса.

— Въ какомъ полку?

Кеслеръ не отвѣтилъ, и Фрейтагъ, повидимому, и не ждалъ отвѣта. Онъ подошелъ къ письменному столу, схватилъ лежавшій на немъ документъ и поспѣшно, точно боясь, что Кеслеръ можетъ что-нибудь подглядѣть, спряталъ бумагу въ ящикъ.

— Вы полагаете, что мнѣ слѣдовало бы уѣхать отсюда?—сказалъ онъ, возобновляя прежній разговоръ.

— Да, я въ этомъ убѣжденъ. Вы подвергаете себя большимъ опасностямъ.

— Я не думаю, что опасность такъ велика, — возразилъ Фрейтагъ.—У меня вѣдь всегда при себѣ шестиствольный револьверъ. Пожалуйста, убѣдитесь сами. Онъ указалъ на револьверъ, лежавшій тутъ же на книгахъ.—Я могъ бы спокойно подстрѣлить всѣхъ этихъ негодяевъ,—сказалъ онъ презрительнымъ тономъ.—Но не стоитъ... Къ тому же, я долженъ избѣгать всякихъ столкновеній... У меня вѣдь есть важная миссія... Но это касается только меня одного. Хотите посмотрѣть мой патентъ—вы, кажется, не вѣрите, что я ротмистръ въ отставкѣ.

Онъ опять подошелъ къ столу и вынулъ изъ другого ящика большой пакетъ. Изъ широкаго полотнянаго конверта вывалилось множество коричневыхъ билетиковъ. Фрейтагъ быстро засунулъ ихъ обратно въ конвертъ и взглянулъ при этомъ испуганно и подозрительно на Кеслера. Кеслеру сдѣлалось на минуту жутко: этотъ чудакъ вѣдь могъ невзначай взяться за револьверъ. Онъ притворился, что весь этотъ разговоръ ему скученъ. Отставной ротмистръ тихо засмѣялся. Потомъ, безъ всякаго объясненія, онъ спряталъ конвертъ. Когда онъ опять обернулся къ нему, Кеслеръ сказалъ:

— Позвольте вамъ откланяться.

Онъ назвалъ свое имя, небрежно досталъ изъ кармана бумажникъ, чтобы вынуть изъ него визитную карточку. Въ бумажникѣ лежали три бумажки по сто марокъ. Вдругъ у него мелькнула мысль устроить хитрость. Онъ какъ бы невзначай уронилъ деньги на полъ, затѣмъ поклонился и ушелъ, говоря, что очень усталъ. Фрейтагъ не замѣтилъ его маневра.

IV.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, Кеслеръ сталъ прислушиваться къ тому, чтò дѣлаетъ сосѣдъ. Чтò же произойдетъ теперь?—думалъ онъ.

Проходила минута за минутой. Онъ слышалъ, какъ сосѣдъ рылся въ бумагахъ и книгахъ, и, внимательно прислушиваясь, различалъ скрипъ пера по бумагѣ. Потомъ Фрейтагъ опять зашагалъ по комнатѣ, и Кеслеръ ясно представлялъ себѣ его фи-

гуру въ синемъ шолковомъ халатѣ и красной фескѣ, изъ-подъ которой виднѣлись сѣдые волосы. Вдругъ шаги остановились.

— Ага! увидѣлъ деньги.—Кеслеръ былъ убѣжденъ, что Фрейтагъ въ эту минуту увидѣлъ сотенныя бумажки. Онъ притаилъ дыханіе... Прошло нѣсколько минутъ, которыя показались ему вѣчностью. Потомъ раздался стукъ въ его дверь. Кеслеръ не отвѣтилъ. Стукъ усилился.

— Это вы, господинъ Фрейтагъ?—спросилъ онъ притворно заспаннымъ голосомъ.

— Пожалуйста, не можете ли вы зайти ко мнѣ еще на минуту?

— Нельзя ли отложить до завтра? — спросилъ Кеслеръ.— Я очень утомленъ.

— На одну минуту.

— Хорошо, я приду.

Фрейтагъ отворилъ ему дверь.

— Вы ничего не обронили?—спросилъ онъ.

— Кажется, ничего,—непринужденно отвѣтилъ Кеслеръ.

— Подумайте хорошенько.

— Право не знаю...

— Вы не вынимали бумажника?

— Можетъ быть, хотя не припомню. — Ну, а что̀ если вынималъ?

— Вы потеряли нѣсколько денежныхъ бумажекъ.

— Позвольте удостовѣриться, — отвѣтилъ онъ небрежнымъ тономъ и вынулъ бумажникъ. — Да, вѣрно... Нѣсколько бумажекъ, кажется, выпало.

— Вотъ онѣ,—сказалъ Фрейтагъ, и передалъ ему три бумажки по сотнѣ марокъ каждая.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Кеслеръ.—Но зачѣмъ было торопиться?—прибавилъ онъ.—Вы могли бы передать ихъ мнѣ завтра.

Онъ съ улыбкой смялъ бумажки. Фрейтагъ посмотрѣлъ на него, оцѣпенѣвъ отъ изумленія.

— Неужели вы такъ равнодушно относитесь къ деньгамъ?— спросилъ онъ его въ ужасѣ.

— Совершенно равнодушно, — возразилъ Кеслеръ.—А теперь я дѣйствительно уйду,—я усталъ до смерти.

— Да, да!—пробормоталъ Фрейтагъ и открылъ ему дверь.

Когда Кеслеръ легъ въ постель и его окружила полная тьма, въ немъ произошло нѣчто таинственное. Странные о̀бразы, мысли и планы, которыхъ онъ не могъ додумать до конца, а

тѣмъ болѣе выразить словами, перепутались въ его головѣ. Но когда онъ закрылъ глаза, то понялъ, что сыгралъ комедію, вполнѣ ему удавшуюся. Отнынѣ этотъ старикъ будетъ убѣжденъ, что сосѣдъ его несмѣтно богатъ... И съ этой мыслью, казавшейся Кеслеру необыкновенно привлекательной и многообѣщающей, онъ наконецъ заснулъ.

V.

На слѣдующій день рѣшеніе Кеслера окончательно окрѣпло. Необходимо дѣйствовать, прежде чѣмъ другіе успѣютъ предупредить его. Передъ нимъ на столѣ лежали его чертежи и планы. Онъ сталъ съ горечью разсматривать ихъ. Его охватило безсильное чувство злобы на свою безпомощность. Онъ зналъ, что жизнь его будетъ испорчена, если его планы останутся только на бумагѣ... Но какъ ихъ осуществить? У него не было никакихъ связей, никакихъ знакомствъ среди крупныхъ коммерсантовъ, которые одни только и могли достать деньги на такое гигантское предпріятіе... И все-же для него было ясно, что онъ долженъ дѣйствовать, что онъ долженъ какимъ-нибудь образомъ привести все въ движеніе.

Онъ тщательно вычистилъ щеткой свое пальто, разгладилъ цилиндръ и, одѣвшись, вышелъ изъ комнаты. На минуту онъ остановился передъ дверью Фрейтага, подумавъ, не зайти ли къ нему на минуту. Но этого онъ не сдѣлалъ и поспѣшилъ спуститься съ лѣстницы.

Въ ближайшемъ табачномъ магазинѣ онъ наполнилъ свой портъ-сигаръ папиросами и попросилъ адресъ-календарь, чтобы справиться, гдѣ можно по близости нанять коляску; оказалось, что есть каретный дворъ по близости, въ Мауерштрассе. Кеслеръ пошелъ туда и нанялъ на недѣлю изящную коляску. Онъ велѣлъ сейчасъ же запречь и приказалъ кучеру поѣхать на Кнезебекштрассе № 21.

Сидя въ коляскѣ, онъ вынулъ маленькое карманное зеркальце и внимательно посмотрѣлъ на себя. Ему хотѣлось знать, какой видъ у человѣка, который такъ яростно, какъ онъ, мчится на встрѣчу своему счастью. Потомъ онъ сталъ обдумывать, какъ начать переговоры, какъ вести себя, чтобы его не высмѣяли. Съ тремя стами марокъ въ карманѣ онъ хотѣлъ начать милліонную постройку и пріобрѣсти мѣсто, которое стóитъ сотни тысячъ...

Въ эту минуту онъ какъ разъ проѣзжалъ мимо облюбованнаго имъ мѣста для постройки и взглянулъ на него жадными глазами. Потомъ онъ надѣлъ свѣжія лайковыя перчатки, такъ какъ уже подъѣзжалъ къ Кневебекштрассе. Коляска остановилась. Онъ ловко выскочилъ изъ нея и крикнулъ кучеру:

— Ждите меня у подъѣзда.

Мѣсто на Ноллендорфской площади принадлежало акціонерному обществу, представителемъ котораго былъ нѣкій Клефельдъ. Кеслеръ позвонилъ къ нему и передалъ свою визитную карточку. Ему пришлось подождать съ минуту въ коридорѣ, потомъ дѣвушка вернулась и попросила его войти. Онъ снялъ пальто, и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ своемъ безукоризненномъ черномъ сюртукѣ, съ цилиндромъ въ лѣвой рукѣ, въ туго натянутыхъ перчаткахъ, передъ приземистымъ господиномъ съ коротко остриженными сѣдыми волосами, бритымъ лицомъ и глубоко сидящими, постоянно моргающими глазами.

— Я архитекторъ Кеслеръ, и пришелъ поговорить о мѣстѣ на Ноллендорфской площади,—сказалъ онъ съ легкимъ поклономъ.

— Садитесь, пожалуйста.

Кеслеръ сѣлъ и началъ говорить, внутренно удивляясь самъ спокойствію и увѣренности своего тона:

— Не знаю, знакомъ ли я вамъ по имени... Но вѣдь это въ сущности все равно. — Я намѣренъ пріобрѣсти тамъ мѣсто чтобы построить на немъ большой театръ, и явился сюда, съ цѣлью узнать болѣе подробно объ условіяхъ.

Клефельдъ вынулъ изъ кармана пестрый шолковый платокъ и началъ тщательно вытирать имъ пенснэ.

— Гмъ...—медленно протянулъ онъ.—Развѣ вы сами капиталистъ? Простите нескромный вопросъ, но въ такомъ важномъ дѣлѣ нужна ясность.

— Я совершенно съ вами согласенъ, и охотно отвѣчу на вашъ вопросъ. За мною стоитъ общество, располагающее нужнымъ капиталомъ.

— Позвольте узнать, кто члены этого общества?

— Мнѣ очень жаль,—отвѣтилъ Кеслеръ,—что я не могу вамъ на это отвѣтить. Мои довѣрители не хотятъ открыто выступить покупателями, прежде чѣмъ не будутъ сдѣланы предварительные шаги.

— Какъ же вы это собственно себѣ представляете?

— Дѣло прежде всего въ томъ,—осторожно отвѣтилъ Кеслеръ, — покажется ли ваша цѣна подходящей капиталистамъ, отъ имени которыхъ я веду переговоры. Одинъ изъ нихъ живетъ

въ Дрезденѣ. Онъ пріѣдетъ въ Берлинъ недѣли черезъ двѣ, и тогда можно будетъ устроить засѣданіе и рѣшить дѣло.

— Относительно цѣны-то мы сойдемся,—сказалъ Клефельдъ. —Мѣсто вѣдь продается теперь за безцѣнокъ, по четыреста марокъ за квадратный футъ. Этой покупкой можно нажить милліоны.

Кеслеръ снисходительно улыбнулся.

— Увѣряю васъ, что я говорю серьезно,—сказалъ Клефельдъ.

— Можетъ быть, — возразилъ Кеслеръ, — но вѣдь все это музыка будущаго. Впрочемъ, я пока не буду говорить о цѣнѣ. Объ этомъ еще успѣемъ потолковать. На мой взглядъ размѣръ мѣста—2.000 футовъ.

— Вашъ разсчетъ почти точенъ — въ немъ 2.350 футовъ.

— Я позволю себѣ только спросить, согласится ли ваше общество уступить мнѣ мѣсто на шесть недѣль за предполагаемую цѣну въ 830.000 марокъ?

Клефельдъ покачалъ головой.

— Это невозможно,—отвѣтилъ онъ. — Во-первыхъ, я васъ не знаю, а во-вторыхъ, общество не можетъ связать себя на такое большое время въ столь крупномъ дѣлѣ. Что̀, если вы придете къ намъ черезъ шесть недѣль съ отказомъ? Мы вѣдь могли бы продать мѣсто за это время. Нѣтъ, на это мы не можемъ согласиться. Да и зачѣмъ это вамъ?—прибавилъ онъ: —если ваши акціонеры изъявятъ согласіе, вы придете ко мнѣ, и мы покончимъ дѣло.

— Нѣтъ, это невозможно,—отвѣтилъ Кеслеръ.—Мнѣ нужно явиться къ моимъ капиталистамъ съ чѣмъ-нибудь твердымъ. Иначе я не могу начать съ ними переговоры. Да вѣдь для такого крупнаго дѣла шесть недѣль—сущіе пустяки... Что касается меня, то вы легко можете собрать обо мнѣ справки. Я могу вамъ назвать прокурора фонъ-Дренквица, моего друга, который охотно дастъ вамъ свѣдѣнія обо мнѣ.

— Все это прекрасно, господинъ архитекторъ,—возразилъ Клефельдъ,—но я все-же не знаю, согласится ли акціонерное общество на условія, которыя насъ связываютъ, а васъ ни къ чему не обязываютъ.

Кеслеръ поднялся.

— Пусть ваши акціонеры это обсудятъ, — сказалъ онъ.— Я бы хотѣлъ еще знать, какой вы потребуете задатокъ. Я долженъ также прибавить, что намъ предлагаютъ еще другое мѣсто и потому я попросилъ бы васъ какъ можно скорѣе сообщить мнѣ отвѣтъ акціонеровъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Клефельдъ, который тоже поднялся и, стоя за спинкой стула, вертѣлъ въ пальцахъ свое пенснэ, вглядываясь въ лицо Кеслера своими моргающими глазами.—Не будете ли вы также любезны,—прибавилъ онъ,—дать мнѣ точный адресъ господина, на котораго вы ссылаетесь.

— Прокуроръ фонъ-Дренквицъ, — повторилъ Кеслеръ, — Ландграфенштрассе № 14, первый этажъ. А теперь я долженъ спѣшить,—прибавилъ онъ, поклонившись,—мой экипажъ и такъ уже слишкомъ долго дожидается меня.

Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти слова произвели на коммерсанта должное впечатлѣніе. Но, отлично владѣя собой, онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого. Спускаясь съ лѣстницы, онъ былъ увѣренъ, что Клефельдъ подошелъ къ окну, чтобы поглядѣть, какъ онъ сядетъ въ коляску. Онъ сѣлъ, не поднявъ глазà вверхъ, и велѣлъ кучеру поѣхать въ Тиргартенъ.

— Обратно вы проѣдете Подъ-Липами и по Лейпцигерштрассе,—приказалъ онъ.

„Расходы по коляскѣ оплатятся,—подумалъ онъ, увѣренный, что его предложеніе будетъ принято владѣльцами мѣста.—Но съ чего это онъ вздумалъ сослаться на Дренквица? Вотъ-то тотъ будетъ удивленъ! Не предупредить ли его? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Можетъ быть, общество удовлетворится однимъ только именемъ, и предпочтетъ не входить—даже въ такомъ дѣлѣ—въ сношенія съ судебной властью".—На губахъ его промелькнула хитрая, загадочная улыбка.

VI.

Кеслеръ, сидя въ коляскѣ, мысленно возводилъ зданіе театра и мечталъ. Онъ вспоминалъ свою юность, очень жалкую и безрадостную. Отецъ его былъ упрямый человѣкъ, не соглашавшійся ни на волосъ поступиться своимъ пониманіемъ справедливости и честности. Ему поэтому приходилось постоянно бороться, и несмотря на свои выдающіяся способности и на огромное трудолюбіе, онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ несчастіе. Его опережали всякія посредственности, которыя дѣлали карьеру очень быстро и удачно. А онъ оставался въ тѣни, все болѣе ожесточался противъ людей, и въ концѣ-концовъ никто не хотѣлъ имѣть съ нимъ дѣло; у него составилась репутація неуживчиваго чудака.

Семьѣ жилось очень плохо, пришлось сдавать комнаты жильцамъ, чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, и вѣчная

раздраженность отца отражалась на дѣтяхъ самымъ тяжелымъ образомъ; они чувствовали надъ собою жесткую, немилосердную руку, карающую за проступки, и никогда не слышали добраго слова, не знали ласки. Отецъ вѣчно злился на судьбу, а мать была всецѣло поглощена заботами по хозяйству, заботами о томъ, чтобы все не пошло прахомъ. Вся юность была для него и его братьевъ и сестеръ временемъ духовнаго и физическаго голоданія, и они вспоминали о томъ съ большой горечью.

Кеслеръ былъ съ дѣтства очень наблюдателенъ. Онъ изучалъ окружающую его жизнь, и очень скоро пришелъ къ заключенію, что только тогда можно дурно обращаться съ людьми, когда самъ уже вполнѣ твердо стоишь на ногахъ, но что нужно входить съ ними въ компромиссы, пока еще зависишь отъ другихъ. Всѣ способности и таланты ни къ чему, если тратить силы на безнадежную неравную борьбу. Въ этомъ было несчастіе его отца, причина его гибели. Фанатическое стремленіе къ правдѣ — тоже своего рода болѣзнь, и Кеслеръ твердо рѣшилъ не впадать въ эту слабость. Испорченная жизнь отца послужила ему примѣромъ. И онъ тоже вовсе не желалъ подчиняться и смиряться, но онъ выработалъ въ себѣ слѣдующій жизненный принципъ: нужно изучать людей, пользоваться ихъ слабостями, идти, если нужно, на компромиссы, ловко лавировать и скрывать свою внутреннюю жизнь, никому не довѣрять и настойчиво идти къ своей цѣли, ни предъ чѣмъ не останавливаясь.

Онъ мысленно увидѣлъ передъ собой отца, старика съ гладко зачесанными назадъ сѣдыми волосами, открытымъ высокимъ лбомъ и большими сѣрыми лучистыми глазами. Его вторымъ словомъ было всегда: „лучше умереть съ голоду, чѣмъ утратить свое честное имя“. Деньги можно, если судьба улыбнется, отвоевать обратно, а доброе имя теряется навсегда. Эта смѣшная гордость придавала ему особаго рода духовную красоту до самой смерти.

Всѣ эти воспоминанія нахлынули на Кеслера и придавили его. Забота о честномъ имени, фанатическая честность и искренность были причиной полнаго разоренія отца и всей семьи. Развѣ нельзя быть порядочнымъ человѣкомъ, не выкладывая сейчасъ же все, чтò у тебя на душѣ? Можно пользоваться доброй славой и общимъ уваженіемъ, идя окольными путями... У Кеслера было такое чувство во время этой прогулки въ коляскѣ, точно ему предстоятъ важныя жизненныя рѣшенія. Ему хотѣлось отдѣлаться отъ мысли объ отцѣ, образъ котораго слѣдовалъ теперь за нимъ неотступной тѣнью. Ему прежде всего хотѣлось разъ навсегда отказаться отъ жалкаго и безплоднаго понятія о пра-

воте. Оно, можетъ быть, имѣетъ значеніе для мелкихъ мошенниковъ, преслѣдующихъ только удовлетвореніе голода, но не для людей, которымъ открываются далекія цѣли, которые чувствуютъ въ себѣ гигантскія силы и переросли все посредственное. Такія натуры работаютъ не для себя, не для удовлетворенія собственнаго тщеславія; онѣ—орудіе Провидѣнія, онѣ призваны насаждать культуру, открывать новыя дороги, уготовлять мѣсто новымъ идеямъ. И къ такому роду людей онъ причислялъ и себя. У кого впереди большія цѣли, того не должны останавливать укоры совѣсти относительно выбора средствъ...

— Довольно!—громко сказалъ онъ, и самъ испугался жесткости и рѣзкости своего собственнаго голоса.

„Уже то, что у меня возникаютъ подобныя мысли, — сказалъ онъ себѣ,—доказываетъ, что во мнѣ есть что-то подгнившее. Слѣдуетъ видѣть передъ собою только одинъ пунктъ—одну прямую цѣль. Всякій внутренній разладъ вреденъ и губитъ лучшія силы".

Онъ выпрямился. Коляска ѣхала по Тиргартенштрассе.

— Поѣзжайте скорѣе,—крикнулъ онъ кучеру,—направьтесь на Потсдамерплацъ и оттуда по Лейпцигерштрассе.

Кеслеръ вдругъ разсмѣялся.

— Не дурно было бы, еслибъ я встрѣтилъ теперь Дренквица. Съ одолженными тремя стами марками въ карманѣ и безъ всякихъ видовъ на будущее, я разъѣзжаю въ коляскѣ—вотъ бы онъ вытаращилъ глаза. Ахъ, этотъ Дренквицъ! Его чистосердечіе, рѣшительно, раздражаетъ.

— Чортъ возьми, да вѣдь это, кажется, Фрейтагъ? Кучеръ, поѣзжайте медленнѣе! Остановитесь на минуту!

Дѣйствительно, это оказался его сосѣдъ по комнатѣ.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ Фрейтагъ, съ добрымъ утромъ!

Маленькій господинъ, который шелъ мѣрными шагами, погруженный въ мысли, изумленно оглянулся по сторонамъ. Онъ былъ безъ пальто и только поднялъ воротникъ сюртука, чтобы защитить шею. Ему было видимо очень холодно.

— Это я, господинъ Фрейтагъ.

Теперь только онъ замѣтилъ Кеслера, откинувшагося въ своей коляскѣ, и съ удивленіемъ взглянулъ на него. Кеслеръ настойчиво подозвалъ его.

— Поѣдемте со мной, пожалуйста, — сказалъ онъ, когда Фрейтагъ подошелъ къ коляскѣ, и усадилъ его подлѣ себя.

— Я, собственно, не хотѣлъ ѣхать,—сказалъ Фрейтагъ, но коляска уже двинулась въ путь.

— Съ которыхъ поръ вы держите коляску?—спросилъ онъ.

— Уже нѣсколько мѣсяцевъ, — отвѣтилъ Кеслеръ небрежнымъ тономъ. — Такимъ образомъ выигрываешь время, а тѣмъ самымъ и деньги.

— Я никогда не видѣлъ васъ въ коляскѣ,—сказалъ Фрейтагъ.

— Конечно, я до сихъ поръ избѣгалъ подъѣзжать къ дому. Зачѣмъ имъ всѣмъ знать, что я нанимаю коляску? Я бы вѣдь и на вашемъ мѣстѣ не показывался верхомъ на лошади. Я это считаю неблагоразумнымъ. Это сейчасъ рождаетъ у людей представленіе о личности, отъ котораго у нихъ кружится голова. Вѣдь это такіе коварные и ограниченные люди.

— А вы думаете, что противъ меня что-нибудь затѣваютъ?— спросилъ Фрейтагъ, еще шире раскрывъ глаза.

— У меня нѣтъ никакихъ данныхъ, и все-таки я предупреждаю васъ. Повторяю,—я васъ долженъ предупреждать.

— Человѣкъ не можетъ знать, что̀ его ожидаетъ,—сказалъ Фрейтагъ, и вдругъ безъ всякаго повода пожалъ руку Кеслеру.

— Отъ души благодарю васъ,—горячо сказалъ онъ.

— Не за что. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить васъ...

— Вы архитекторъ? — разсѣянно спросилъ Фрейтагъ.—Я, кажется, прочелъ это на вашей карточкѣ. Вѣдь помните, вы дали мнѣ вчера вашу карточку, — прибавилъ онъ робко и застѣнчиво, какъ бы извиняясь.

— Конечно, я отлично помню. Я дѣйствительно архитекторъ.

— Что̀ вы, собственно, строите?—выспрашивалъ далѣе Фрейтагъ.

— Гмъ! я построилъ церковь въ Любекѣ, нѣсколько виллъ въ Груневальдѣ и теперь какъ разъ имѣю въ виду построить большой театръ на Ноллендорской площади. Театръ этотъ,—прибавилъ онъ внушительно,—будетъ достопримѣчательностью столицы.

— Вѣдь для такой постройки нужны огромные капиталы?

— Милліоны.

— А кто же ихъ даетъ?

Кеслеръ снисходительно усмѣхнулся.

— Еслибы вы знали, сколько людей толпится около такого предпріятія! Но я беру деньги только отъ абсолютно надежныхъ людей. Нужно быть крайне осторожнымъ,—повѣрьте мнѣ. Я-то во всякомъ случаѣ очень разборчивъ. Я самъ вложилъ въ это дѣло нѣкоторую сумму, и вовсе не желаю лѣзть изъ кожи ради другихъ. Вѣдь это предпріятіе—такое, на которомъ можно страшно

нажиться. Впрочемъ, простите, что я вамъ говорю о вещахъ, которыя васъ нисколько не могутъ интересовать.

— Напротивъ того, это меня весьма интересуетъ,—отвѣтилъ Фрейтагъ.—А вы дѣйствительно полагаете, что мнѣ слѣдуетъ выѣхать изъ этого дома и не держать лошадь?

Кеслеръ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ скачкомъ къ прежнему разговору. Онъ пристально взглянулъ на Фрейтага.

— Лошадь я во всякомъ случаѣ не держалъ бы, будь я на вашемъ мѣстѣ...

— Вѣдь я вамъ говорилъ, что я—отставной ротмистръ. Такъ неужели вы не понимаете, до чего мнѣ трудно разстаться съ моей лошадью?

— Я это отлично понимаю, но въ виду данныхъ обстоятельствъ...

— Я съ вами совершенно согласенъ,—перебилъ его Фрейтагъ,—что моя лошадь привлекаетъ вниманіе, что это ведетъ къ совершенно невѣрнымъ выводамъ... Но я вѣдь, кажется, говорилъ вамъ объ этомъ—у меня всегда при себѣ револьверъ; я никогда не выхожу безъ револьвера. Пуганая ворона... Еслибы вы испытали въ жизни то, что̀ я испыталъ,—нѣтъ, не желаю я этого вамъ.

Глаза его сверкали. Онъ оборвалъ разговоръ и неподвижно глядѣлъ въ пустоту. Помолчавъ немного, онъ снова началъ:

— Знаете ли, милостивый государь, что еслибы правда царила среди людей, у меня были бы скаковыя конюшни? Вы думаете, я не знаю, что̀ у васъ теперь въ мысляхъ? Вы считаете меня сумасшедшимъ—не отрицайте этого. И все-таки повторяю вамъ: я могъ бы содержать скаковыя конюшни.

— Я не позволяю себѣ никакихъ заключеній,—сдержанно отвѣтилъ Кеслеръ.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, я вѣдь немножко понимаю людей. Вы должны усомниться въ своихъ словахъ... Впрочемъ, я искренно благодаренъ вамъ. Вы совершенно безкорыстно предупредили меня. Я чувствую,—прибавилъ онъ медленно,—нѣкоторое довѣріе къ вамъ. Вы производите на меня впечатлѣніе порядочнаго человѣка... Конечно, я могу ошибиться, но таково мое первое впечатлѣніе. Къ тому же, я давно ищу человѣка, которому я могъ бы довѣриться... Мнѣ такой человѣкъ крайне нуженъ... Не зайдете ли вы ко мнѣ сегодня вечеромъ?

— Сочту за честь.

— Хорошо,—я буду ждать васъ въ десять часовъ... А теперь дайте мнѣ сойти.

Кеслеръ остановилъ коляску, и Фрейтагъ вышелъ изъ экипажа. Кеслеръ слѣдилъ еще нѣсколько времени за нимъ глазами и смотрѣлъ, какъ его сѣдые волосы развѣваются по вѣтру.

VII.

Кеслеръ нѣсколько опоздалъ. Бесѣда съ Фрейтагомъ назначена была на десять часовъ, а теперь уже было почти половина одиннадцатаго. Ну, да не все ли равно? Старикъ подождетъ его, и еще Богъ вѣсть, что̀ изъ всего этого выйдетъ. Какая нелѣпая мысль была завязать сношенія съ этимъ чудакомъ!—Кеслеръ опять совершенно упалъ духомъ. День, который онъ началъ съ такими широкими планами въ головѣ, кончался для него очень плачевно. Настроеніе его измѣнилось безъ всякой внѣшней причины. Онъ теперь не понималъ, какъ это онъ могъ хоть минуту серьезно думать, что эти люди продадутъ ему „его“ мѣсто... Если они дѣйствительно справятся у Дреннвица, то онъ навѣрное отвѣтитъ имъ холодно и уклончиво, и потомъ ему же прочтетъ проповѣдь... Это-то не важно... Лишь бы имѣть возможность взяться за постройку. Не все ли ему равно теперь? Если ему не придется теперь строить, то ничто его болѣе не интересовало...

Онъ подошелъ къ аптекѣ на Іерусалимской улицѣ. У дверей аптеки стояла молодая дѣвушка въ красномъ платкѣ на головѣ и въ пестромъ вышитомъ передникѣ. Тонкія линіи лица и изящность фигуры остановили его вниманіе. Онъ инстинктивно подошелъ поближе, чтобы лучше разглядѣть ее.

Въ эту минуту провизоръ открылъ ночную дверцу и передалъ дѣвушкѣ коробку. Тутъ произошелъ слѣдующаго рода инцидентъ: дѣвушка стала искать въ карманахъ кошелекъ, и очевидно не находила его. Провизоръ сталъ выражать неудовольствіе и довольно грубо потребовалъ обратно лекарство.

Кеслеръ увидѣлъ, какъ на тонкомъ, блѣдномъ лицѣ дѣвушки отразился страшный испугъ, и, недолго думая, приблизился и сказалъ:

— Вы позволите мнѣ заплатить за васъ?

Дѣвушка съ минуту стояла въ нерѣшительности, но потомъ сказала, вздохнувъ всей грудью:

— Пожалуйста, выручите меня.

Кеслеръ заплатилъ за нее три съ половиной марки, прови-

зоръ закрылъ форточку, и Кеслеръ очутился съ глазу на глазъ съ незнакомкой.

— Мнѣ вѣдь очень спѣшно, — сказала она сдавленнымъ голосомъ,—вы представить себѣ не можете, до чего спѣшно... Будьте любезны дать вашъ адресъ, чтобы я могла отослать вамъ завтра деньги.

— Мы, значитъ, должны назвать себя другъ другу?—сказалъ Кеслеръ и испытующе взглянулъ въ это лицо съ тонкимъ оваломъ, съ синими грустными глазами, надъ которыми шли дугой тонкія брови.

— Меня зовутъ Грета Андерсъ,—тихо сказала она.—Родители мои живутъ на Краузенштрассе, № 19, на дворѣ, въ третьемъ этажѣ.

Кеслеръ поклонился и сказалъ свое имя и адресъ.

— Еще разъ очень благодарю васъ,—торопливо сказала дѣвушка:—но теперь мнѣ пора,—я не могу терять ни минуты.

И она быстро убѣжала.

— Грета Андерсъ, — пробормоталъ онъ. — Странно, какъ много разныхъ отношеній создалось у меня за нѣсколько послѣднихъ часовъ! Чтò это все означаетъ? И какой странный видъ у этой дѣвушки съ ея краснымъ платочкомъ и пестрымъ передникомъ! Какъ эти пестрыя краски ей къ лицу!

Но чтò ему до этого? У него нѣтъ времени бѣгать за женщинами... У него въ головѣ болѣе серьезныя мысли.

Онъ подошелъ къ дому. Въ окнѣ Фрейтага былъ свѣтъ. „Ага, онъ ждетъ меня",—съ удовольствіемъ убѣдился Кеслеръ.

Онъ открылъ входную дверь и быстро поднялся по лѣстницѣ. Потомъ онъ громко и явственно постучалъ къ Фрейтагу, и ему тотчасъ же открыли. Старикъ былъ видимо очень возбужденъ.

— Я уже думалъ, что вы не придете,—взволнованно сказалъ онъ.

— Я бы во всякомъ случаѣ пришелъ, какъ бы ни было поздно, — отвѣтилъ Кеслеръ,—у меня было важное совѣщаніе, которое, къ величайшему моему сожалѣнію, тянулось гораздо дольше, чѣмъ я ожидалъ. Совсѣмъ меня замучили дѣла,—прибавилъ онъ.

Фрейтагъ заставилъ его сѣсть. Онъ опять былъ въ своемъ маскарадномъ костюмѣ — синемъ шолковомъ халатѣ и фескѣ. Онъ надѣлъ золотые очки и съ внутренней тревогой глядѣлъ на своего гостя. Кеслеръ не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія, чтобы начать разговоръ. Напротивъ того, онъ принялъ совершенно непринужденный видъ.

— Крупныя дѣла, — проговорилъ онъ усталымъ голосомъ послѣ нѣкотораго молчанія,—страшно утомляютъ. Рѣшительно, пропадаешь изъ-за нихъ. Вотъ, я только-что пріѣхалъ изъ засѣданія ревизіонной коммиссіи—сколько голосовъ, столько мнѣній,—и сколько глупостей приходится выслушивать и возражать на нихъ! Иногда всякое терпѣніе можетъ лопнуть. Уже совершенно готовый проектъ иногда въ послѣдній часъ чуть не отвергается изъ-за того, что какой-нибудь тупица не умѣетъ вникнуть въ него. Нужно умѣть владѣть собою, чтобы въ концѣ концовъ не пасть духомъ отъ такого безсмысленнаго противодѣйствія. Будьте довольны, что вы человѣкъ независимый и такихъ дѣлъ не знаете. Чортъ побери купцовъ—это самый ненадежный народъ... Уфъ!—проговорилъ онъ: — теперь вы понимаете, почему я разстроенъ.

— Я бы тотчасъ же помѣнялся съ вами,—горячо возразилъ Фрейтагъ.—Мои заботы гораздо тяжелѣе вашихъ. Я вѣдь говорилъ вамъ вчера: еслибы все шло по правдѣ, у меня были бы скаковыя конюшни. Но вся бѣда въ томъ, что всѣ дѣла совершаются не по правдѣ. Мы живемъ среди негодяевъ и мошенниковъ. Съ этой кликой ничего не подѣлаешь. Вотъ, пожалуйста, убѣдитесь сами.

Онъ передалъ Кеслеру толстый документъ, очевидно копію съ духовнаго завѣщанія.

Кеслеръ прочелъ въ бумагѣ, что владѣлецъ дворянскаго помѣстья, по имени Фрейтагъ, назначаетъ единственнымъ наслѣдникомъ своего незаконнаго сына.

— Я понимаю,—сказалъ онъ,—вы считаете, что этотъ незаконный сынъ лишилъ васъ вашихъ правъ на наслѣдство. Такъ что-ли я васъ понялъ?

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Фрейтагъ.

— Но я боюсь, что тутъ ничего нельзя сдѣлать.

— Вы сильно ошибаетесь—необходимо что-нибудь сдѣлать противъ этого. Выслушайте меня пожалуйста: дядя умеръ въ возрастѣ семидесяти-одного года. Его незаконному сыну было ко времени его смерти два года. Но за годъ до рожденія этого сына, дядя мой былъ тяжело боленъ, и его физическія духовныя силы находились въ полномъ упадкѣ. И вотъ что̀ съ нимъ продѣлали тогда: дядя лежалъ въ больницѣ, и его сидѣлка, уже очень пожилая женщина, уговорила его, когда онъ нѣсколько оправился, переѣхать къ ней, потому что тамъ за нимъ будутъ лучше ухаживать. И этотъ дряхлый старикъ, совершенно выжившій изъ ума, попался на эту удочку. У женщины этой есть

дочь, которой еще не исполнилось двадцати лѣтъ. И вотъ съ этой дочерью мой бѣдный дядя, будто бы, состоялъ въ связи, которая, по ихъ словамъ, осталась не безъ послѣдствій. Вы видите, какое тутъ мошенничество? — съ бѣшенствомъ вскрикнулъ онъ.

Кеслеръ пожалъ плечами.

— Ну, такъ я вамъ доскажу конецъ этого бульварнаго романа: дядя мой, конечно, не могъ быть отцомъ тогда. Но онъ подпалъ до того подъ власть этихъ двухъ женщинъ, что утратилъ всякую волю... и такимъ образомъ его заставили написать такое духовное завѣщаніе. А на самомъ дѣлѣ эта особа, черезъ полгода послѣ смерти дяди, вышла замужъ за своего пріятеля, который, также какъ и покойный дядя, былъ у нихъ жильцомъ... Поняли вы наконецъ?—прибавилъ онъ, и все его лицо искривилось отъ бѣшенства.

Кеслеръ сталъ постепенно болѣе внимательно слушать его.

— Едва ли тутъ возможно что-нибудь сдѣлать,—скептически замѣтилъ онъ.

— Вы ошибаетесь,—кричалъ старикъ. — Все можно еще спасти. Я могъ бы съ успѣхомъ оспаривать завѣщаніе—будь у меня только нужный капиталъ.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Кеслеръ невиннымъ тономъ.

— Знаете ли вы, что̀ значитъ вести процессъ, когда дѣло идетъ о двухъ-милліонномъ наслѣдствѣ? Знаете ли, что̀ это стоитъ?

— Не говоря уже объ издержкахъ,—медленно и уклончиво возразилъ Кеслеръ, — я считаю необыкновенно труднымъ доказать, что завѣщаніе было вынуждено у вашего дяди. Можетъ быть, онъ дѣйствительно отецъ этого ребенка, и тогда всѣ ваши заключенія невѣрны.

Старикъ шумно захлопнулъ папку съ документомъ и посмотрѣлъ на Кеслера очень разочарованно и пренебрежительно.

— Отъ васъ никакого толка не добьешься,—сказалъ онъ, пожимая плечами, но потомъ перемѣнилъ тонъ.—То, что̀ вы говорите, ограниченно... прямо-таки глупо!—сталъ онъ кричать на Кеслера.

— Взгляды на это могутъ быть разные,—спокойно возразилъ Кеслеръ.

Фрейтагъ всталъ въ вызывающую позу.

— О различныхъ взглядахъ не можетъ быть и рѣчи. Будь у меня только нужныя средства, я бы ужъ нашелъ доказательства. Я бы разыскалъ всѣхъ людей, которые могутъ объ этомъ что-либо знать,—повѣрьте мнѣ.

— Но развѣ для этого нуженъ такой огромный капиталъ?

— Конечно. Это дѣло можно довести до конца только располагая большими средствами.

— Что же дѣлать?—спросилъ Кеслеръ. — Нѣтъ ли у васъ друзей или родственниковъ, которые могли бы вамъ помочь? Я предполагаю конечно, что вы не въ состояніи нести расходы по процессу изъ собственныхъ средствъ.

— Это вы вполнѣ вѣрно сказали,—отвѣтилъ Фрейтагъ,—и что касается родственниковъ, то у меня ихъ нѣтъ, а во всѣхъ друзьяхъ, если я когда-либо ихъ имѣлъ, я разочаровался.—Затѣмъ онъ безъ всякихъ подходовъ положилъ свою тонкую, длинную руку Кеслеру на плечо и сказалъ:—Поэтому я и обращаюсь къ вамъ. Я къ вамъ чувствую довѣріе. Я хотѣлъ бы знать, согласны ли вы помочь мнѣ?

— Гмъ,—сказалъ Кеслеръ и нахмурилъ лобъ. Вы ставите мнѣ щекотливый вопросъ, на который я сразу не могу и не хочу отвѣтить... вѣдь о такомъ дѣлѣ нужно прежде поразмыслить.

— Будь у васъ хоть на грошъ предпріимчивости, вы бы руками и ногами взялись за это,—вы бы ни на минуту не колебались, я васъ увѣряю.

Кеслеру разговоръ начиналъ надоѣдать. Фрейтагъ пересталъ его интересовать. Въ подобныхъ исторіяхъ съ духовными завѣщаніями было, по его мнѣнію, слишкомъ много романтизма. Онѣ отравляютъ фантазію заинтересованныхъ лицъ, наполняютъ ее нечистыми представленіями, такъ что вполнѣ нормальные, разсудительные люди превращаются въ трагикомическія фигуры. Отъ такихъ людей лучше всего быть подальше.

— Я теперь занятъ гигантскимъ предпріятіемъ,—холодно отвѣтилъ онъ,—и по уши торчу въ дѣлахъ. Имѣйте въ виду, что я принялъ на себя отвѣтственность за милліонный капиталъ,—прибавилъ онъ просто, безъ всякаго хвастовства въ тонѣ.—Какъ только у меня голова нѣсколько освободится, обѣщаю вамъ заняться поближе вашимъ дѣломъ.

Старикъ съ глубокимъ разочарованіемъ взглянулъ на архитектора. У него былъ такой жалкій видъ, точно у него погибъ корабль.

— А вы какъ разъ были бы подходящимъ для этого человѣкомъ. У васъ такъ много связей, такое замѣтное положеніе въ обществѣ, у васъ такая внушительная внѣшность. Вы бы сейчасъ же разогнали всю эту шайку. Она бы поняла, что вы достаточно богаты, чтобы вести процессъ, что съ вами, значитъ,

нельзя шутить. Вотъ видите,—прибавилъ онъ тише,—я намѣревался совершенно стушеваться,—конечно, въ интересахъ дѣла. У меня уже былъ вполнѣ выработанный планъ. Дѣло въ томъ, что есть люди, которые меня преслѣдуютъ. Поэтому я хочу оставаться въ тѣни, и потомъ вдругъ сверкнуть, какъ молнія, когда уже побѣда будетъ одержана.

Онъ вдругъ схватилъ Кеслера за руки и сказалъ:

— Умоляю васъ, помогите мнѣ! Нужно вырвать добычу у этой шайки мошенниковъ.

Кеслеръ отвѣтилъ:—Дайте мнѣ подумать объ этомъ. Я вамъ дамъ отвѣтъ въ возможно скорѣйшемъ времени. Но уже теперь могу вамъ сказать: если я рѣшусь взяться за ваше дѣло, то пущу въ ходъ всю мою энергію. Вы во мнѣ не ошиблись. Но теперь я не хочу сказать ни да, ни нѣтъ. Мнѣ пора пойти спать, я очень усталъ. Спокойной ночи, господинъ Фрейтагъ!

— Спокойной ночи!—отвѣтилъ старикъ, и грустная улыбка показалась на его тонкихъ губахъ.

VIII.

Кеслеру снились самые нелѣпые сны: то ему казалось, что онъ стоитъ на мѣстѣ постройки, гдѣ уже начались земляныя работы; потомъ ему снилось, что онъ сидитъ въ директорской комнатѣ нѣмецкаго банка, показываетъ членамъ правленія планы, объясняетъ доходность земли въ этомъ мѣстѣ, и всѣ его выслушиваютъ, одобрительно кивая головой. Ему отдаютъ въ распоряженіе огромныя суммы денегъ, — но вдругъ передъ нимъ появляется маленькая фигурка прокурора Дренквица, который шепчетъ ему что-то страшное. А потомъ онъ стоитъ въ залѣ суда, и говоритъ съ благороднымъ возмущеніемъ и молніеноснымъ краснорѣчіемъ, какъ у старика Фрейтага двѣ женщины мошенническимъ образомъ отняли его состояніе. Среди рѣчи его кто-то тянетъ за рукавъ, и когда онъ оборачивается, то передъ нимъ—Грета Андерсъ, которая глядитъ на него большими, полными любви глазами. У нея опять красная шапочка на головѣ, а на лицѣ—выраженіе безконечной преданности и нѣжности.

Онъ проснулся съ тяжелой головой. Было уже одиннадцать часовъ. Къ нему въ дверь постучала хозяйка.

— Господинъ архитекторъ, васъ внизу ждетъ коляска,—почтительно доложила она, войдя въ комнату и сдѣлавъ глубокій реверансъ. Никогда она не ожидала, чтобы кто-нибудь изъ ея

жильцовъ держалъ коляску. Навѣрное, господинъ архитекторъ получилъ наслѣдство или выигралъ главный выигрышъ въ лотерею.

— Кучеръ можетъ подождать,—отвѣтилъ Кеслеръ и повернулся на другой бокъ.

— Куда я сегодня поѣду?—мысленно спросилъ онъ себя. Въ это сѣрое туманное утро вся его затѣя съ коляской показалась ему безсмысленной. Онъ нехотя всталъ съ постели и началъ одѣваться. Въ то время, какъ онъ мылся, ему пришла въ голову мысль поѣхать къ Гретѣ Андерсъ. Все-таки забавно будетъ, что такой полунищій, какъ онъ, будетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней разыгрывать изъ себя богатаго и важнаго господина.

„Только не поддаваться упрекамъ совѣсти, — продолжалъ онъ думать,—иначе я безвозвратно погибъ. Кто въ наше время ходитъ въ костюмѣ, принадлежащемъ ему"?!—Онъ позвонилъ и заказалъ завтракъ. Хозяйка принесла ему вмѣсто обыкновенной чашки кофе серебряный кофейникъ. Кеслера начинала забавлять вся эта исторія.

— Писемъ не было?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, господинъ архитекторъ.

Лицо его омрачилось. На хозяйку его коляска произвела впечатлѣніе, но на Клефельда, очевидно, никакого, потому что ожидаемый отвѣтъ не пришелъ.

Онъ быстро выпилъ кофе, спустился съ лѣстницы и велѣлъ кучеру поѣхать на Краузенштрассе, къ № 19. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже у цѣли.

Изъ молочной и изъ сапожнаго магазина, внизу дома, вышли хозяева и уставились на коляску, точно никогда въ жизни не видѣли ничего подобнаго. Когда Кеслеръ освѣдомился, гдѣ здѣсь живетъ г. Андерсъ, всѣ они широко раскрыли рты, прежде чѣмъ отвѣтить ему.

Онъ взобрался на третій этажъ, и прочелъ на фарфоровой дощечкѣ: „Эммануэль Андерсъ, музыкантъ".

Онъ осторожно позвонилъ, и ему сейчасъ же открыла дверь средняго роста полная женщина въ бѣломъ чепчикѣ. На лицѣ ея было озабоченное выраженіе, и она взглянула на него съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Мое имя Кеслеръ, архитекторъ Кеслеръ,—сказалъ онъ.

— Ахъ, это вы!—отвѣтила она, и лицо ея просвѣтилось.— Пожалуйста, войдите. Мы вамъ безконечно благодарны.

— Нѣтъ, что̀ вы! Я пришелъ только справиться о здоровьи больного.

Лицо женщины опять омрачилось; она провела его въ маленькую комнату, гдѣ, кромѣ рояля, стоялъ еще диванъ, столъ и шкапъ.

— Пожалуйста присядьте, господинъ архитекторъ. Подумайте только, какое съ нами случилось несчастіе. Мужъ мой — совершенно здоровый человѣкъ—и вдругъ такая бѣда. Сто разъ я ему говорила, чтобы онъ не прыгалъ съ конки—вѣдь ему уже 59 лѣтъ. Но развѣ онъ меня слушается? Выскочилъ, упалъ и сломалъ себѣ ногу. Когда его принесли сюда, онъ былъ такъ слабъ, что сейчасъ же потерялъ сознаніе. Моя дочь тогда и побѣжала въ аптеку. Боже мой, что̀ мы вытерпѣли! Только сегодня рано утромъ ему наложили повязку. И Богъ вѣсть еще, сможетъ ли онъ ходить по прежнему. Вѣдь подумайте, въ его годы...

Она безудержно говорила, точно Кеслеръ былъ ея старый знакомый и принималъ величайшее участіе въ ея горѣ; онъ же все время косился на дверь, въ надеждѣ, что сейчасъ покажется Грета Андерсъ. Но вмѣсто нея раздался низкій голосъ:

— Куда ты ушла?

— Ахъ, Боже мой, мой больной проснулся! Извините меня на минутку!—И не дожидаясь отвѣта, она быстро вышла изъ комнаты.

Черезъ минуту она опять вернулась.—Если вы хотите взглянуть на моего старика, господинъ архитекторъ, то милости просимъ. Онъ говоритъ, что чувствуетъ себя теперь превосходно. Удивительный онъ человѣкъ у меня! Какъ бы ему ни было плохо, онъ всегда веселъ и доволенъ.

Кеслеръ послѣдовалъ за нею. Довольно большая столовая, гдѣ стояла старая красная мебель, служила также и спальней; въ ней стояли кровати.

Больной кивнулъ ему головой, лежа въ постели. У него было потѣшное лицо, жидкіе усы, спускавшіеся на китайскій манеръ книзу, огромная грива волосъ, слишкомъ длинный, горбатый носъ и маленькіе смѣющіеся глаза.

— Подойдите поближе, благодѣтель человѣчества!—сказалъ больной.—Нѣтъ, нѣтъ, вы мой благодѣтель,—повторилъ онъ, не давая возразить Кеслеру.—Если бы вы вчера не встрѣтились съ моей дочерью, меня уже не было бы въ числѣ живыхъ,—я лежалъ безъ сознанія. Впрочемъ, не особенно большая была бы потеря. Только вотъ мои бабы подняли бы вой. Да и говоря по секрету, мнѣ тоже еще хочется жить. Только рѣдкіе чудаки желаютъ смерти.

— Я очень радъ, что застаю васъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа,—сказалъ Кеслеръ.—Переломъ ноги, конечно, непріятная вещь, но бываютъ и худшія несчастія.

— Я именно это и сказалъ моей старухѣ. Но женщина всегда сейчасъ же теряетъ голову. Въ моемъ возрастѣ у другихъ людей бываетъ ударъ, а у меня—какой-то пустяшный переломъ ноги. Въ худшемъ случаѣ—я буду хромать. Отлично можно жить и хромая,—прибавилъ онъ со смѣхомъ.

Кеслеръ почувствовалъ нѣчто вродѣ зависти. Спокойствіе и юморъ этого человѣка внушали ему уваженіе. Но все-же онъ только на половину слушалъ то, что̀ онъ говорилъ. Всѣ его мысли направлены были на Грету Андерсъ. Гдѣ-то она теперь?

Онъ и самъ удивленъ былъ своимъ интересомъ къ этой совершенно чужой ему дѣвушкѣ. Женщины его никогда не интересовали. Въ концѣ концовъ онъ не могъ удержаться отъ вопроса, дома ли барышня?

— Что̀ вы?—возразила г-жа Андерсъ.—Она и такъ сегодня опоздала и не пошла въ магазинъ, пока не наложила повязки.

— Ваша дочь работаетъ гдѣ-нибудь?—спросилъ Кеслеръ.

— Да еще какъ! Съ утра до вечера,—отвѣтилъ больной.— Можно быть художницей, будучи продавщицей цвѣтовъ,—прибавилъ онъ.

— Ахъ, отецъ, какой ты!—укоризненно сказала старуха.

— Да ну тебя! Нечего скромничать. И если бы вы знали, какой у этой дѣвчонки феноменальный слухъ! Жаль только, что голосъ небольшой. Но послушали бы вы, какъ она поетъ— чисто, какъ серебряный колокольчикъ. Поразительно. Да вообще она...

— Да что̀ ты говоришь!—вмѣшалась въ разговоръ его жена.—Что̀ о насъ подумаетъ господинъ архитекторъ? Вѣдь онъ совершенно теряетъ разсудокъ, когда рѣчь заходитъ о его дочери,—пояснила она, обращаясь къ Кеслеру.

— Вы сами убѣдитесь, что я ничуть не преувеличиваю. А ты, старуха, не ругай меня. Въ этомъ пунктѣ меня нельзя переубѣдить. А къ тому же,—прибавилъ онъ,—она также влюблена въ свою дочь, какъ и я.

Въ это время раздался звукъ отпираемой ключомъ двери, и всѣ трое прислушались. Черезъ секунду на порогѣ появилась Грета Андерсъ. Она остановилась, очень удивленная, и лицо ея вспыхнуло. Кеслеръ смутился отъ взгляда ея глубокихъ, проницательныхъ глазъ.

— Вы не ждали,—сказалъ онъ,—что я самъ приду за уплатой долга?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—этого я не ждала.

Она протянула ему руку и потомъ сейчасъ же подошла къ больному и, нагнувшись къ нему, заговорила такъ, какъ будто бы никого чужого не было въ комнатѣ.

— Ну, скажи, папа, тебѣ еще больно? Какъ тебѣ теперь? Я прямо не могла выдержать такого безпокойства,—я должна была пойти къ тебѣ.

Музыкантъ взялъ ея голову въ обѣ руки.

— Пока эти глазки смотрятъ свѣтло и ясно,—отвѣтилъ онъ,—до тѣхъ поръ мнѣ отлично. Переломъ ноги—сущіе пустяки. И знаешь ли, что сказалъ докторъ? Черезъ два дня я уже могу сидѣть въ креслѣ, а на четвертый день начну ходить. Онъ говорилъ, что такимъ старымъ костямъ не нужно давать ржавѣть. А теперь,—перебилъ онъ себя,—займи, пожалуйста, нашего гостя.

— Господинъ архитекторъ пойметъ, что ты представляешь теперь для меня самый главный интересъ,—отвѣтила она полушутливо, полусерьезно, и сейчасъ же прибавила въ видѣ извиненія:—Я должна вамъ сказать, что мы почти никогда не принимаемъ гостей. У насъ бываетъ только нѣсколько хорошихъ знакомыхъ, съ которыми намъ нѣтъ надобности стѣсняться.

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы не стѣснялись и со мной,—сказалъ Кеслеръ.

Она слегка откинула голову и взглянула на него съ такой гордой сдержанностью, что онъ почувствовалъ себя страшно пристыженнымъ.

Наступило неловкое молчаніе, которое прервано было приходомъ г-жи Андерсъ; она принесла бутылку вина и нѣсколько стакановъ.

— Пожалуйста, господинъ архитекторъ,—сказала она, передавая ему стаканъ вина; другой стаканъ она дала больному.

— Я пью за ваше здоровье, господинъ Андерсъ.

— А я—за здоровье моей дочери и моей жены.

Они чокнулись, а Грета Андерсъ въ это время отвернулась. На ея бѣломъ, ясномъ лбу показалась глубокая морщина, и она нахмурила брови.

— Я, къ сожалѣнію, не могу дольше оставаться,—сказалъ Кеслеръ, почувствовавъ неловкость своего положенія и понявъ, что дѣвушкѣ непріятенъ былъ его приходъ.

— Не глядите на меня такъ сердито!—сказалъ онъ, подавая ей руку на прощанье.

Она ничего не отвѣтила и пошла провожать его; музыкантъ и его жена на прощанье любезно пригласили его повторить свой визитъ.

Въ передней онъ хотѣлъ ее взять за руку, но она отдернула руку и сказала:

— Оставьте это, пожалуйста. А вотъ и деньги, которыя вы выдали за меня,—прибавила она.

— Если вы будете смотрѣть на меня такими злыми глазами, то я сорву мое огорченіе на моемъ бѣдномъ кучерѣ,—быстро проговорилъ онъ.

— Лучшаго обращенія вы не заслуживаете,—прибавила она недовольнымъ тономъ.—Простите, но вашъ визитъ кажется мнѣ нападеніемъ.

Онъ прикусилъ губы. Этотъ тонъ былъ ему непріятенъ. Но, замѣтивъ, что гнѣвъ очень красить ее, онъ снова почувствовалъ нѣжность къ ней.

— Мнѣ хотѣлось снова увидѣть васъ,—сказалъ онъ.—Развѣ это такое преступленіе?

У нея дрогнули губы.

— Вы меня поняли,—сказала она.—Мнѣ бы не хотѣлось больше объ этомъ говорить.

— Вы мнѣ позволите придти еще разъ?

— Нѣтъ,—коротко и холодно отвѣтила она.

Онъ сухо и почтительно поклонился и ушелъ.

Она простояла нѣсколько времени задумавшись, а потомъ провела рукой по волосамъ и вернулась въ комнату больного. Она сѣла къ нему на постель и молча стала глядѣть въ пространство, въ то время какъ отецъ не переставалъ гладить ея руку.

— Чтò съ тобой приключилось, дитя мое?—спросилъ старикъ.—Еслибы кто взглянулъ на насъ, то принялъ бы тебя скорѣе за больную.

Она засмѣялась.

— Ты правъ, отецъ,—сказала она.—Но какъ быть, если человѣкъ, оказавшій маленькую услугу, сейчасъ же требуетъ вознагражденія?

— Не будь такой недовѣрчивой, моя дѣвочка; можетъ быть, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Человѣкъ узнаетъ, что мы въ большой нуждѣ, и является сюда съ самыми добрыми помыслами...

— Ты наивенъ, какъ ребенокъ,—живо отвѣтила она.—Ты

судишь о другихъ людяхъ по своему собственному сердцу, не знающему кривыхъ путей. Еслибы ты зналъ, какіе люди пристаютъ иногда на улицѣ, и какъ трудно иногда отдѣлаться отъ ихъ назойливости, ты бы, можетъ быть, понялъ мое недовѣріе.

— Ты смотришь слишкомъ трагично, Грета. Да и что за бѣда, если кто-нибудь пойдетъ вслѣдъ за хорошенькой дѣвушкой и скажетъ ей пару комплиментовъ? Можетъ быть, и я это продѣлывалъ въ юности.

Она обвила ему шею руками и сказала:

— Нѣтъ, я увѣрена, что ты не навязывалъ себя никому,— за это я кладу обѣ руки въ огонь.

— Побереги свои руки,—шутилъ онъ.—Какъ же ты безъ рукъ будешь дѣлать букеты?

— Скажи, мама!—крикнула она госпожѣ Андерсъ, которая въ эту минуту входила изъ кухни:—отецъ когда-нибудь ухаживалъ слишкомъ настойчиво за молодыми дѣвушками?

Мать Греты громко разсмѣялась.

— Это онъ теперь хвастаетъ на старости лѣтъ. Онъ былъ застѣнчивъ, какъ школьница, и еслибы не я первая сдѣлала ему предложеніе, мы бы никогда не вѣнчались. Да вѣдь ты и до сихъ поръ остался такимъ же. Бѣда главная въ томъ, что всѣ эксплоатируютъ его добродушіе. Онъ бы теперь занималъ совсѣмъ другое положеніе, еслибы успѣхъ давался по заслугамъ.

— Довольно!—остановилъ ее старикъ.—Нечего меня приводить въ смущеніе. Я вполнѣ доволенъ и тѣмъ, что зарабатываю кое-что моимъ незначительнымъ талантомъ. Такими людьми, какъ я, хоть прудъ пруди.

— Нѣтъ,—сказала Грета,—такихъ, какъ ты, больше нѣтъ во всемъ божьемъ свѣтѣ, и мы страшно гордимся тобой. Вѣдь правда, мама? Намъ обѣимъ ты нравишься именно такимъ.

— Да вѣдь это настоящее объясненіе въ любви,—сказалъ старикъ.—Лицо его сіяло, и маленькіе глазки съ преданностью смотрѣли на большую красивую дѣвушку, которая была радостью и гордостью его жизни.

— Всѣ наши въ магазинѣ очень тебѣ кланяются,—сказала она нѣжно.—Они страшно перепугались, когда я все разсказала.—Вдругъ она громко расхохоталась, и въ глазахъ ея загорѣлся шаловливый огонекъ.

— Мой итальянецъ,—стала она разсказывать,—какъ разъ собирался снова сдѣлать мнѣ предложеніе. Онъ сталъ въ торжественную позу и ожидалъ меня съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ. Но онъ замѣтилъ по моему лицу, что время для предло-

женія выбрано несовсѣмъ удачно. Впрочемъ, всѣ они были чрезвычайно милы. Меня просто заставили пойти домой, видя, до чего я безпокоилась.

— Напрасно ты такъ шутливо относишься къ Канелли,— сказала мать.—Онъ тебя серьезно любитъ, а ты только смѣешься.

Грета нахмурилась.

— Пока я еще отношусь къ этому со смѣхомъ,—сказала она, помолчавъ,—я довольна. Какъ знать, долго ли это еще продлится,—прибавила она, и вышла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени Андерсъ сказалъ женѣ:

— Не безпокойся ты о ней, и предоставь ей дѣйствовать, какъ знаетъ. Она и безъ насъ выбьется на дорогу.

— Это меня не безпокоитъ,—возразила старуха.—На нее можно положиться. Но я боюсь этого человѣка, который преслѣдуетъ ее своими предложеніями и не умѣетъ сдерживать своей страсти. Итальянцевъ нужно очень остерегаться. Ты вѣдь самъ говорилъ, что нельзя довѣрять...

— Не каркай, не каркай, старуха, а дай мнѣ лучше клавираусцугъ и нотную бумагу. Я обѣщалъ композитору въ недѣлю закончить инструментовку.

— Ни за что я не позволю тебѣ работать въ постели!— возразила она.

— Инструментовка должна быть закончена,—рѣшительно заявилъ онъ.—И она будетъ готова,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Пусть онъ самъ инструментируетъ свою ерунду,—сердито заворчала она.—Хорошъ композиторъ, который работаетъ чужими руками!

— Опять ты начинаешь понапрасну выходить изъ себя. Я тебѣ сто разъ объяснялъ, что всякій ремесленникъ можетъ инструментировать.

— А что̀ потомъ стоитъ каждый разъ въ газетахъ? Что „инструментовка очень тонкая и оригинальная". И это человѣкъ выслушиваетъ, не моргнувъ глазомъ, спокойно позволяя себя хвалить за чужой трудъ. Истинный позоръ!

Андерсъ провелъ рукой по своимъ густымъ сѣдымъ волосамъ.

— Надоѣла ты мнѣ со своими глупостями. Да кто же меня заставляетъ заниматься этой работой? Платитъ онъ хорошо, и намъ этотъ лишній заработокъ очень кстати. Одной игрой на флейтѣ не просуществуешь. Такъ не ворчи, старуха. Дай мнѣ карандашъ и нотную бумагу. Увидишь, какъ я отлично буду работать,—только подложи мнѣ еще одну подушку подъ спину.

Она исполнила, хотя и противъ воли, все, что онъ велѣлъ. Тогда онъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Глупая старуха. Ты все еще влюблена въ меня и считаешь меня великимъ музыкантомъ. Вздоръ, никуда я не гожусь, и долженъ быть счастливъ, что могу еще заработать кусокъ хлѣба.

Она дала ему нотную бумагу, и вскорѣ онъ такъ ревностно сталъ писать, что забылъ все на свѣтѣ. Она нѣжно взглянула на него и пошла въ кухню, смотрѣть, что дѣлаетъ дочь.

IX.

Письмо, которое Кеслеръ задумчиво нѣсколько разъ перечитывалъ, было слѣдующаго содержанія.

„По дѣлу вашего театра, я, быть можетъ, могу дать вамъ интересныя свѣдѣнія, и даже оказать вамъ значительныя услуги. Поэтому я имѣю честь васъ просить назначить мнѣ свиданіе. Такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства, то я васъ прошу, если ваше время это позволяетъ, пожаловать днемъ около пяти часовъ, въ „Café des Westens". Если этотъ часъ вамъ не подходитъ,—пожалуйста, назначьте другое время.

„Съ выраженіемъ полнаго почтенія,—Фрицъ Штейнеръ".

Кеслеръ прочелъ это письмо со смѣшаннымъ чувствомъ. Оно показалось ему многословнымъ и деликатнымъ; при этомъ, оно написано было съ нѣкоторою подобострастностью, которую Кеслеръ ясно ощутилъ. Но одно мѣсто въ письмѣ его настолько восхищало, что онъ его прочелъ нѣсколько разъ. Мѣсто это гласило: „по дѣлу *вашего* театра".

— Мой театръ,—тихо проговорилъ онъ.—Этотъ человѣкъ такъ пишетъ, какъ будто бы дѣло идетъ о чемъ-то твердомъ.— Вотъ первый человѣкъ, который вѣритъ въ „его театръ" и не считаетъ это простымъ измышленіемъ фантазіи. Слова эти преисполнили его такой благодарности, что онъ забылъ про многословность письма, и почувствовалъ къ его автору нѣжную симпатію.

Но откуда онъ зналъ про „его театръ"? Можетъ быть, онъ— одинъ изъ совладѣльцевъ участка? Черезъ минуту Кеслеръ уже не сомнѣвался, что письмо это могъ написать только заинтересованный въ дѣлѣ человѣкъ. Никто другой не зналъ о его планахъ.

Было совершенно ясно, что Клефельдъ сообщилъ объ его „предложеніи" комитету, и что одинъ изъ членовъ правленія обратился теперь къ нему лично, чтобы начать переговоры.

Глубокая радость охватила Кеслера. Наконецъ, онъ близокъ къ цѣли. Можетъ быть, изъ всѣхъ его смѣлыхъ мечтаній все-таки создастся прекрасная дѣйствительность. Ему видѣлось счастье, котораго онъ ждалъ съ такой вѣрой и съ такимъ терпѣніемъ... Но когда прошелъ первый порывъ радости, онъ сталъ серьезно обсуждать, какъ ему слѣдуетъ вести себя съ капиталистомъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе и сохранить свое достоинство.

Онъ усмѣхнулся, такъ какъ зналъ, что съумѣетъ надлежащимъ образомъ вести себя. Во-первыхъ, онъ явится на четверть часа позже назначеннаго срока; онъ сдержитъ свое нетерпѣніе, будетъ говорить очень холодно, скроетъ всѣ желанія, которыя кипятъ въ немъ, не выдастъ себя ни однимъ движеніемъ лица, а будетъ вести разговоръ спокойнымъ дѣловымъ тономъ, ни на минуту не открывая своихъ картъ. Вотъ программа, которую онъ поставилъ себѣ.

Во всѣ эти фантазіи и планы вплетался, по какимъ-то непостижимымъ для него самого ассоціаціямъ, образъ Греты Андерсъ. Онъ видѣлъ передъ собой каждую черту ея лица. Видѣлъ, какъ она гордо откинула голову и гнѣвно взглянула на него сверкающими глазами. Онъ былъ всегда нѣсколько суевѣренъ. Онъ былъ отчасти фаталистъ, придававшій значеніе всему случайному въ жизни; теперь онъ твердо вѣрилъ, что всѣ происшествія послѣднихъ дней стояли въ тѣсной связи, и что старикъ Фрейтагъ, также какъ Грета Андерсъ, сплетены какими-то таинственными нитями съ его судьбой.

Но не только фатализмъ привязывалъ его къ этой дѣвушкѣ. Всѣ его чувства спутались изъ-за нея; но такъ какъ онъ скептически относился ко всему связанному съ чувствами, то онъ старался увѣрить себя, что только любопытство влечетъ его къ тому, чтобы разгадать эту странную натуру, или что ея костюмъ въ ночной часъ произвелъ впечатлѣніе на его артистическую фантазію. Но какъ бы ни объяснять его отношеніе, онъ чувствовалъ только, что его все болѣе и болѣе охватываетъ внутреннее волненіе. Ему было тяжело, что они разстались такъ недружелюбно и что его внезапное вторженіе въ тихую, мирную семью не только не сблизило его съ нею, а напротивъ того, порвало и безъ того слабыя отношенія.

И вдругъ въ его головѣ мелькнула упрямая мысль, что все его предпріятіе не удастся, если онъ не перетянетъ на свою сторону Грету Андерсъ, или по крайней мѣрѣ не примиритъ ее съ собой... Отъ этой мысли, какъ только она возникла у него,

онъ уже не могъ отдѣлаться, и все время повторялъ:—Я долженъ примириться съ ней, прежде чѣмъ свижусь съ Штейнеромъ.

И онъ сталъ ломать себѣ голову, какъ это сдѣлать... но ничего умнаго не могъ придумать. Онъ медленно и тщательно одѣлся, положилъ свѣжую пару лайковыхъ перчатокъ въ карманъ и медленно спустился съ лѣстницы. Въ самомъ низу онъ встрѣтилъ Фрейтага. Онъ остановился передъ Кеслеромъ, выпрямился и посмотрѣлъ на него большими, вопрошающими глазами. Кеслеру сдѣлалось непріятно отъ этого взгляда.

— Я серьезно обдумалъ ваше дѣло,—сказалъ онъ,—и скоро сообщу вамъ мое рѣшеніе. Но теперь, пожалуйста, извините меня—у меня очень важное засѣданіе, и мнѣ нельзя опоздать на него.

Фрейтагъ снялъ шляпу и глубоко поклонился. Потомъ онъ пропустилъ Кеслера. Архитектору сдѣлалось на минуту жутко.

„Ужъ не смѣется ли онъ надо мной? — подумалъ онъ.— Не понялъ ли онъ меня? Или же я дѣйствительно внушаю такое огромное уваженіе, что его поклонъ выражаетъ его внутреннее убѣжденіе"?

Мысли Кеслера отклонились въ сторону... У дома его ожидала коляска... Онъ внутренно разсмѣялся. Среди всѣхъ треволненій онъ забылъ, что у него есть коляска. Это объясняло поклонъ Фрейтага. Этотъ человѣкъ проникся его величіемъ.

Садясь въ коляску, онъ убѣдился, что разсчетъ его на престижъ коляски былъ вѣрный: его значеніе въ глазахъ сосѣдей выросло невообразимо. Изо всѣхъ домовъ ему кланялись. Коляска дѣйствовала какъ магическое заклинаніе, и хозяйка его значительно содѣйствовала широкому распространенію слуховъ о его богатствѣ. На Шютценштрассе ему кланялись совершенно чужіе люди... Онъ слегка приподнималъ шляпу и каждый разъ снисходительно раскланивался.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ кучеръ.

Совершенно безсознательно и самъ пораженный своими словами, онъ сказалъ:—Краузенштрассе, 19.

Теперь онъ уже сообразилъ, какъ поступить... Когда ему открыла дверь госпожа Андерсъ и взглянула на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, онъ быстро проговорилъ, не смущаясь ея удивленнымъ взглядомъ:

— Простите, что безпокою васъ. Будьте любезны—дайте мнѣ адресъ цвѣточнаго магазина, гдѣ занимается ваша дочь,—мнѣ нужно сообщить ей нѣчто очень важное.

— Надѣюсь, ничего непріятнаго?—испуганно спросила госпожа Андерсъ, смущенная страннымъ поведеніемъ Кеслера.

— Нисколько,—быстро отвѣтилъ онъ.—Но она должна немедленно узнать то, что̀ я ей скажу.

— Она работаетъ въ цвѣточномъ магазинѣ Шредера на Линкштрассе,—отвѣтила жена музыканта, облегченно вздохнувъ.

— А какъ поживаетъ вашъ мужъ?—спросилъ онъ такъ же быстро.

— Благодарю васъ. Докторъ надѣется, что все обойдется. Но не зайдете ли вы сами посмотрѣть?

— Я, къ сожалѣнію, страшно тороплюсь. Я позволю себѣ заглянуть къ вамъ на дняхъ...

Онъ вѣжливо откланялся и быстро спустился внизъ.

— Поѣзжайте на Линкштрассе и остановитесь у цвѣточнаго магазина Шредера.

Проѣзжая по Лейпцигерштрассе, среди оживленной суеты, скопленія всякаго рода экипажей, моторовъ, коновъ и быстро снующихъ по тротуарамъ пѣшеходовъ, Кеслеръ упивался, какъ всегда, кипучей столичной жизнью Берлина. Ему нравилось, что сильные спокойно сталкиваютъ съ дороги слабыхъ и безжалостно проходятъ черезъ нихъ... Кеслеру казалось, что такъ и должно быть. Слабые лишніе люди только тормазятъ движеніе, — ихъ нужно удалить. Но онъ не долго предавался размышленіямъ. Вниманіе его вдругъ остановилось на двухъ прохожихъ, которымъ не удавалось въ этой сутолокѣ перейти съ тротуара на тротуаръ... Онъ вспомнилъ, какъ Дренквицъ, пріѣхавши въ первый разъ въ Берлинъ студентомъ, писалъ домой, что всѣ берлинскіе жители—акробаты или канатные плясуны,—потому что только такіе люди могутъ переходить черезъ улицу. Для всѣхъ прочихъ смертныхъ это—слишкомъ безумное предпріятіе, ведущее къ гибели. Дѣйствительно, въ первое время Дренквицъ не иначе переходилъ на другую сторону, какъ держась за его руку.

Кучеръ остановился, и онъ выпрыгнулъ изъ коляски.

Въ витринѣ выставлены были чудные весенніе цвѣты... Онъ не обратилъ на нихъ вниманія. Взявшись рѣшительнымъ движеніемъ за ручку двери, онъ вошелъ въ магазинъ. Молодой человѣкъ, съ черными, какъ смоль, волосами, насквозь пропитанными помадой, и съ маленькими острыми глазами, спросилъ его, что̀ ему угодно.

— Я хотѣлъ бы видѣть на минуту фрейлейнъ Андерсъ,— твердо и нѣсколько высокомѣрно сказалъ онъ.

Молодой человѣкъ скрестилъ руки на груди и посмотрѣлъ на Кеслера враждебнымъ, подозрительнымъ и дерзкимъ взглядомъ.

— Вы слышали, что я сказалъ? — холодно спросилъ Кеслеръ.

Молодой человѣкъ презрительно улыбнулся и исчезъ въ глубинѣ магазина. Вскорѣ послѣ того появилась Грета Андерсъ.

— Чѣмъ могу служить? — холодно спросила она. По тону ея голоса онъ ясно понялъ, что она чувствуетъ себя оскорбленной... Тогда въ немъ произошло нѣчто странное: глаза его расширились, надменное лицо его получило мягкое выраженіе... Онъ сказалъ тихимъ голосомъ:

— Пожалуйста, милая фрейлейнъ Грета, не сердитесь, не приписывайте мнѣ дурныхъ намѣреній. Мнѣ необходимо поговорить съ вами о чрезвычайно важномъ для меня дѣлѣ. Я васъ очень прошу удѣлить мнѣ нѣсколько времени.

Тонъ его голоса и его взглядъ произвели на нее странное впечатлѣніе. Они какъ бы гипнотизировали ее.

— О чемъ бы вы могли желать поговорить со мной?—спросила она болѣе уступчивымъ тономъ.

— Пожалуйста, не отказывайте! — настаивалъ онъ. — Для меня это гораздо важнѣе, чѣмъ вы можете предположить.

Она еще колебалась съ минуту, и потомъ сказала ему:

— Хорошо, я иду обѣдать, и вы можете проводить меня немного. Подождите меня, пожалуйста, на улицѣ.

Онъ облегченно вздохнулъ, тихо повелъ головой и вышелъ изъ магазина... Черезъ нѣсколько минутъ вышла и Грета Андерсъ.

— Вотъ я и пришла. Что вамъ, собственно, нужно отъ меня? Пожалуйста, говорите покороче! — прибавила она рѣзко, точно уже раскаиваясь въ томъ, что уступила. Она оглянулась назадъ, на магазинъ, изъ котораго за нею слѣдила пара враждебныхъ глазъ. Кеслеръ посмотрѣлъ по тому же направленію и увидалъ лицо молодого человѣка, котораго онъ просилъ позвать Грету Андерсъ.

Ея лицо вспыхнуло, но она ни слова не сказала и пошла рядомъ съ Кеслеромъ. Коляска медленно поѣхала вслѣдъ за ними.

— Не позволите ли вы отвезти васъ домой?—спросилъ Кеслеръ, указывая рукой на кучера.

— Нѣтъ, не позволю, — отвѣтила она и остановилась посреди улицы, устремивъ на него гордый, проницательный взглядъ.

— Фрейлейнъ Грета,—заговорилъ онъ, снова обрѣтя тотъ же тонъ, которымъ онъ говорилъ въ магазинѣ, и опять въ его движеніи было что-то безпомощное, чему она не могла противиться...—

Фрейлейнъ Грета,—повторилъ онъ,—я очутился теперь передъ однимъ изъ самыхъ важныхъ рѣшеній моей жизни. Черезъ нѣсколько часовъ я узнаю, такъ ли устроится мое будущее, какъ я желаю всей душой. Я знаю,—возбужденно прервалъ онъ себя,—что вы въ эту минуту считаете меня сумасшедшимъ, и не понимаете, по какому праву я говорю вамъ о своихъ дѣлахъ?.. Можетъ быть, вы правы, но дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ вы полагаете. Я увѣренъ,—сказалъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—что меня будутъ преслѣдовать неудачи, если вы не простите мнѣ и вполнѣ искренно не примиритесь со мной. Вы смѣетесь,—прибавилъ онъ,—я понимаю, что вы не принимаете серьезно моихъ словъ. Но еслибъ вы меня лучше знали, вы бы повѣрили мнѣ. Вѣдь вы не знаете, что вы сплетены съ моей судьбой. Да и откуда вамъ это знать? Какъ разъ въ ту ночь, когда я васъ встрѣтилъ, въ судьбѣ моей произошелъ странный поворотъ... Все, что̀ я вамъ теперь говорю,—прибавилъ онъ возбужденно и какъ бы опьяняясь самъ своими словами,—звучитъ таинственно, и все-же въ словахъ моихъ заключается глубокая правда. Я стою теперь у самой цѣли, и знаю, что не достигну ея, если вы не согласитесь со мной... Дѣло въ томъ,—сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ,—что, въ противномъ случаѣ, между мною и моей волей поднимается темная сила, которая парализуетъ меня и лишаетъ меня необходимой при осуществленіи большихъ замысловъ непосредственности... Пожалуйста, не смѣйтесь, дорогая фрейлейнъ Грета, и не считайте меня безумцемъ.

Онъ замолчалъ, но не сводилъ съ нея глазъ, точно отъ ея отвѣта зависѣла вся его жизнь.

Грета Андерсъ провела рукой по лбу.

— Я уважаю, — медленно сказала она, — чувства другихъ людей, даже если не вполнѣ ихъ понимаю. — Легкая улыбка пробѣжала по ея лицу; она протянула ему руку и сказала: — Я не встану ни съ какими дурными мыслями между вами и вашей цѣлью. Я желаю вамъ достигнуть ея. — И она продолжала болѣе сочувственнымъ тономъ: — Такихъ громкихъ словъ не было даже надобности говорить,—они слишкомъ искусственны. А теперь—прощайте. Я все-таки желаю вамъ отъ души всякаго счастья.

Онъ на секунду задержалъ ея руку въ своей.

— За вашимъ адресомъ я заходилъ къ вашей матери, — сказалъ онъ,—и обѣщалъ ей опять придти. Но я приду только въ такомъ случаѣ, если вы мнѣ позволите. Мнѣ бы вѣдь тоже очень хотѣлось сообщить вамъ, какъ все устроилось.

Грета Андерсъ отвѣтила:

— Ужъ если мириться, то вполнѣ.—Она кивнула ему и легкой поступью пошла дальше. Ея слегка покачивающаяся походка восхищала Кеслера, и онъ слѣдилъ за ней глазами, пока она не исчезла въ толпѣ.

X.

Въ половинѣ шестого, Кеслеръ вошелъ въ кафе „des Westens". Подойдя къ буфету, онъ спросилъ, не справлялся ли одинъ господинъ объ архитекторѣ Кеслерѣ.

— Да, вотъ этотъ господинъ, — отвѣтила барышня, сидѣвшая за буфетомъ, и указала на столикъ у входа. Взглянувъ въ ту сторону, Кеслеръ увидѣлъ тощаго человѣка въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ, который поспѣшно поднялся и пошелъ ему навстрѣчу.

Видъ у этого господина былъ очень странный. Онъ размахивалъ на ходу руками. Его возбужденные маленькіе глаза, которые онъ постоянно таращилъ безъ всякой надобности, имѣли блуждающее выраженіе. Длинный, лоснившійся отъ старости, сюртукъ былъ такой узкій, что обладатель его былъ точно зашнурованъ. У него была жидкая, острая бородка, которую онъ постоянно поглаживалъ.

Кеслеръ нѣсколько испугался его вида; имъ овладѣло чувство нерѣшительности и полнаго упадка духа... Этотъ человѣкъ, съ комическими жестами, никакъ не могъ быть желаннымъ капиталистомъ.

Но времени для долгихъ размышленій у него не было.

— Мое имя Штейнеръ, — сказалъ господинъ;—я, кажется, имѣю честь говорить съ архитекторомъ Кеслеромъ?

Кеслеръ безмолвно кивнулъ головой, и въ отвѣтъ на это Штейнеръ такъ комично поклонился, что Кеслеръ радъ былъ, когда эта церемонія кончилась и оба они сѣли къ столу.

— Позвольте узнать, чему я обязанъ чести вашего знакомства? — холодно и слегка иронически спросилъ Кеслеръ. Онъ былъ внѣ себя отъ того, что такъ попался.

— Вы вѣдь знаете, я вамъ уже писалъ. Дѣло идетъ о вашемъ театрѣ. Мнѣ необходимо переговорить съ вами о вашемъ театрѣ.

— Позвольте прежде всего узнать, — сдержанно сказалъ Кеслеръ, — какимъ образомъ вы знаете о моемъ проектѣ? На-

сколько мнѣ извѣстно, я говорилъ о немъ съ однимъ только человѣкомъ.

Штейнеръ многозначительно улыбнулся.

— Конечно, вы это узнаете. Я вѣдь затѣмъ и пришелъ, чтобы сообщить вамъ объ этомъ... Такъ вотъ, чтобы не долго распространяться,—вы были вчера у г-на Клефельда, чтобы поговорить о попыткѣ пріобрѣсти мѣсто на Ноллендорфской площади. Вѣрно я говорю?

Кеслеръ поднялъ на него глаза.

— Да, это вѣрно,—сказалъ онъ.

— Г-нъ Клефельдъ,—продолжалъ Штейнеръ,—сообщилъ объ этомъ, и вамъ черезъ нѣсколько дней пришлютъ извѣщеніе о томъ, что мѣсто вамъ уступаютъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы заплатили девяносто-тысячъ марокъ задатка и дали ясныя доказательства, что за вами стоятъ солидные капиталисты... Вѣдь задатокъ въ девяносто-тысячъ никакого значенія не имѣетъ,—продолжалъ онъ;—нужно знать, располагаете ли вы достаточными суммами, чтобы осуществить это гигантское предпріятіе.

— Это все, что вы имѣли мнѣ сказать?—спросилъ Кеслеръ, которому становилось не по себѣ, слушая точное изложеніе того, какъ обстоятъ дѣла. Все его предпріятіе показалось ему въ эту минуту безуміемъ; какая глупость—отдавать всѣ свои помыслы и все свое время такому неосуществимому дѣлу!

Штейнеръ прищурилъ свои безпокойные глазки.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это еще не все, еще далеко не все. Я бы хотѣлъ знать,—медленно прибавилъ онъ,—примете ли вы и можете ли вы принять предложеніе директора.

Кеслеру становилось все болѣе не по себѣ. Вопросъ былъ поставленъ такимъ вызывающимъ тономъ, точно Кеслеръ принялъ на себя обязательство, которое онъ не въ силахъ выполнить. Ему становилось жутко. Ему показалось, что онъ сталъ въ тупикъ; потомъ ему представилось, что постройка уже началась, и что, въ своемъ безумномъ желаніи построить театръ, онъ навалилъ на себя тяжесть, подъ которою онъ изнемогаетъ... Безконечный рядъ темныхъ силъ нападаетъ на него и обступаетъ его требованіями.

— Да кто же собственно такой вы?—спросилъ онъ почти беззвучно. — Вы дѣлаете мнѣ допросъ, какъ судебный слѣдователь. Какое у васъ на это право?.. Я васъ совершенно не знаю.

— Вы меня совершенно невѣрно поняли,—отвѣтилъ Штейнеръ.—Я вѣдь вашъ единственный союзникъ, потому что мнѣ

нуженъ театръ, который вы хотите строить. Я хочу управлять этимъ театромъ... Кто я такой и какимъ образомъ я знаю о вашемъ проектѣ? Все это очень просто. Я часто вижу одного изъ владѣльцевъ „вашего“ участка. Я тотъ, который напишетъ вамъ отъ имени дирекціи письмо, о которомъ я вамъ теперь говорю... Мнѣ также поручено навести справки о вашей дѣятельности и о вашемъ матеріальномъ положеніи. Отвѣтъ справочнаго бюро уже у меня въ карманѣ. Я знаю, что у васъ нѣтъ ни гроша, никакихъ связей, но что вы безумно честолюбивы и что у васъ есть талантъ. Или, быть можетъ, вѣрнѣе сказать—„таланты“? — Онъ усмѣхнулся. — Я ни въ чемъ васъ не обвиняю,—поспѣшилъ онъ прибавить.—Человѣкъ въ вашемъ положеніи долженъ дѣлать долги. Я очень одобряю то, что вы сейчасъ же завели коляску. Если вамъ удастся вашъ планъ, то придется еще и не такія траты дѣлать. Нанимать экипажъ— этого еще мало. Вы должны жить въ шикарной квартирѣ, давать большіе обѣды, бывать на первыхъ представленіяхъ и показываться на балахъ,—вездѣ должны о васъ говорить.

Кеслеръ посмотрѣлъ па Штейнера совершенно растерянно. Этотъ человѣкъ, знающій всѣ условія его жизни, смѣется, должно быть, надъ нимъ.

Штейнеръ, повидимому, понялъ, что̀ происходитъ въ душѣ архитектора.

— Я совершенно искрененъ съ вами, повѣрьте мнѣ. Я могу вамъ это доказать. Но мнѣ нужно прежде всего знать, какой театръ вы намѣрены строить. Послѣ того, я разскажу вамъ о себѣ.

Кеслеръ медленно изложилъ свои планы. Онъ былъ какъ бы подъ гипнозомъ, и чѣмъ болѣе онъ разсказывалъ, тѣмъ оживленнѣе, пламеннѣе и краснорѣчивѣе онъ становился.

— Это будетъ, — заключилъ онъ, — опера съ зрительнымъ заломъ на три тысячи человѣкъ.

Глаза его блестѣли, и онъ съ величайшимъ напряженіемъ ожидалъ отвѣта Штейнера, который долго молчалъ, точно обдумывая все слышанное, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Если таково ваше намѣреніе, многоуважаемый господинъ Кеслеръ, то весь нашъ теперешній разговоръ не имѣетъ смысла.

Кеслеръ былъ глубоко пораженъ.

— Почему же?—растерянно спросилъ онъ.

— Потому что безсмысленно строить въ Берлинѣ оперу и конкуррировать съ оперой королевской. Такой фантастическій

проектъ не представляетъ для меня никакого интереса. О музыкѣ я не имѣю ни малѣйшаго представленія.

Кеслеръ почувствовалъ себя ошеломленнымъ. Точно кто-то сзади напалъ на него и повалилъ его на земь... Въ этомъ настроеніи онъ и отвѣтилъ совершенно наивно, не уяснивъ себѣ связи всего, что̀ онъ слышалъ.

— Зачѣмъ же вамъ понимать музыку? Достаточно есть музыкантовъ на свѣтѣ — можно найти, кого пригласить. Вѣдь это не можетъ быть препятствіемъ... По моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ...

— А вы думаете, что я соглашусь управлять театромъ, ничего въ этомъ не понимая? Неужели вы дѣйствительно считаете это возможнымъ?.. Нѣтъ, господинъ архитекторъ, это было бы безуміемъ и помимо моихъ соображеній.

— Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы это была непремѣнно опера. Для меня вѣдь главное—построить театръ, а потомъ уже увидимъ. Еслибы вы помогли мнѣ осуществить постройку... Можете вы мнѣ помочь?

Штейнеръ оперся рукою о столъ и отвѣтилъ, сверкая глазами:

— Кажется, могу. Во всякомъ случаѣ, приложу всѣ старанія. Я желаю быть съ вами вполнѣ искреннимъ—въ такомъ предпріятіи нельзя обманывать другъ друга—и говорю поэтому, что примыкаю къ вамъ не изъ-за вашихъ „прекрасныхъ глазъ", а потому, что я въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ и вы. Вамъ нужно построить театръ, а мнѣ непремѣнно нужно стать директоромъ театра... Дайте мнѣ договорить: не думайте, что это у меня навязчивая идея... я не всегда былъ канцелярскимъ служащимъ и частнымъ секретаремъ. Я съ дѣтства стою близко къ театру... Я игралъ въ провинціи, написалъ безконечный рядъ пьесъ, и писалъ театральныя рецензіи во всевозможныхъ газетахъ... Въ концѣ-концовъ, я достигъ цѣли всей моей жизни— я былъ директоромъ въ Вѣнѣ, — прибавилъ онъ трагическимъ голосомъ.—Я бы могъ начать новую театральную эпоху, еслибы со мной не случилось несчастія—мой театръ сгорѣлъ, и съ этой поры дѣла мои стали очень плохи. Да, говоря по правдѣ, мнѣ никогда въ жизни не везло... Жареные голуби не летали мнѣ въ ротъ. Я много мучился. Послѣ пожара моего театра, я окончательно разорился. Меня же обвинили въ несчастіи, и поэтому, куда бы я ни являлся, я всюду находилъ запертыя двери, пока, наконецъ, не получилъ мѣсто частнаго секретаря. Человѣкъ съ моими способностями—секретарь... Представляете вы себѣ, что̀

это значитъ? Я, однако, не терялъ надежды и ждалъ, что придетъ часъ, который вознаградитъ меня за все прошлое... И теперь этотъ часъ насталъ. Вы нуждаетесь во мнѣ, а я нуждаюсь въ васъ. Вы сами понимаете, что послѣ такихъ справокъ,—онъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько густо исписанныхъ листковъ и передалъ ихъ Кеслеру,—послѣ такихъ справокъ, вамъ не продадутъ участка. И столь же трудно было бы вамъ найти капиталиста. Вы съ этимъ согласны?

— Я не отрицаю, что это очень трудно. Но если у человѣка есть счастье...

— А у васъ есть счастье?

— Да,—рѣшительно отвѣтилъ Кеслеръ,—у меня есть счастье.

Штейнеръ поглядѣлъ на него внимательно и задумчиво. У него былъ возбужденный видъ.

— Почему вы такъ пристально смотрите на меня? — спросилъ Кеслеръ.

— Нельзя достаточно наглядѣться на человѣка, у котораго есть счастье,—отвѣтилъ онъ;—но если это правда, то вы пробьете себѣ дорогу. Съ однимъ талантомъ ничего не подѣлаешь,— нужно счастье, особенно въ театральныхъ дѣлахъ. Кто неудачникъ въ театрѣ, тому въ пору повѣситься.

— Да, — сказалъ Кеслеръ. — Но въ такомъ случаѣ очень опасно войти въ театральныхъ дѣлахъ въ союзъ съ вами.

— Почему же такъ?—испуганно спросилъ Штейнеръ.

— У васъ, очевидно, нѣтъ никакого счастья. Вы—старый, сѣдой человѣкъ и ничего еще въ жизни не достигли. Что̀ вамъ дала ваша любовь къ театру? Мнѣ кажется, что вы всю свою жизнь были жалкимъ неудачникомъ.

Штейнеръ нахмурилъ лобъ.

— Вы очень проницательны, господинъ архитекторъ, но все-же ошибаетесь. Я вовсе не такъ неудачливъ. На моемъ мѣстѣ, сколько другихъ погибло бы, не выдержавъ ударовъ судьбы, которые обрушивались на меня. Они бы отказались отъ своей любви и стали бы искать себѣ пропитаніе въ какомъ-нибудь захолустьи. А я ни на одинъ часъ не отказывался отъ своей надежды и зналъ, что когда-нибудь восторжествую. Вотъ вы увидите, какъ я поведу дѣло, — у меня поразительные замыслы. Но объ этомъ еще рано говорить. Знайте только одно: это долженъ быть театръ въ современномъ вкусѣ, съ актерами въ современномъ стилѣ, и я этотъ стиль нашелъ.

Кеслеръ совершенно растерялся отъ многословія Штейнера, но онъ все-таки почувствовалъ въ немъ силу фанатика. Чтобы

показать, что его нельзя провести этими словами, Кеслеръ сказалъ:

— Все это прекрасно, но эти мечты не могутъ подвинуть наше дѣло... Я бы прежде всего хотѣлъ знать ваше мнѣніе о томъ, какъ могутъ сложиться дѣла.

Штейнеръ пододвинулъ стулъ.

— Мнѣ очень пріятно, что вы ставите этотъ вопросъ. Вотъ какъ обстоятъ дѣла. Дирекція должна продать участокъ, потому что платежи за него слишкомъ велики. Одинъ покупатель уже объявился. Если его отохотить отъ покупки — объ этомъ я постараюсь,—то на очереди ваше предложеніе. Нужно знать, какъ устроить дѣло, чтобы вы получили участокъ, не внося залога. Вамъ придется только нести расходы по купчей... Это нѣсколько тысячъ марокъ.

— Развѣ мнѣ дадутъ участокъ безъ залога?

— Такъ просто не дадутъ, но нужно убѣдить дирекцію, что вы геніальный человѣкъ, что вамъ нуженъ вашъ капиталъ для самой постройки, и что дирекція ничего не теряетъ, такъ какъ покупная цѣна можетъ быть отнесена подъ первую закладную.

Лицо Кеслера просіяло.

— Еслибы вамъ это удалось, я бы призналъ васъ геніемъ, —быстро замѣтилъ онъ.

— Это мнѣ удастся,—твердо отвѣтилъ Штейнеръ:—во-первыхъ, участокъ необходимо продать, а кромѣ того, мой непосредственный начальникъ, очень вліятельный членъ дирекціи—любитель театра. Ему я съ цифрами въ рукахъ докажу, что театръ нашъ будетъ получать огромные барыши, такъ какъ онъ будетъ первоклассньмъ въ Германіи, и притомъ я буду предлагать публикѣ нѣчто крайне новое и оригинальное... Въ этомъ отношеніи вы можете на меня положиться.

— Охотно вамъ вѣрю,—сказалъ Кеслеръ,—но я хотѣлъ бы предложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ. Предположимъ даже, что удастся пріобрѣсти этотъ участокъ. Какъ же мы достанемъ капиталъ на постройку?

— Положитесь на меня. Если у насъ будетъ участокъ, то я считаю дѣло сдѣланнымъ. Вторая закладная дастъ намъ возможность строиться.

Кеслеръ такъ громко разсмѣялся, что на сосѣднихъ столахъ поглядѣли въ ихъ сторону.

— А если мы не получимъ участка,—что̀ тогда?

— Мы непремѣнно получимъ. Дѣло еще въ томъ, что тутъ

есть два участка земли, лежащіе рядомъ, но которые принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ. Вѣдь вы это знаете?

— Да, знаю.

— Ну, такъ вотъ... Торгуясь на одинъ участокъ, мы скажемъ, что другой предлагаютъ намъ купить. Вы не представляете себѣ, какъ это подѣйствуетъ. Одна только есть опасность въ этомъ,— прибавилъ онъ, — что въ концѣ-концовъ оба участка окажутся у насъ на шеѣ.

Кеслеръ взялъ Штейнера за руку.

— Да вѣдь вы геній,—сказалъ онъ.—И тѣмъ лучше, если у насъ будутъ оба участка. Тогда я построю нѣчто еще никогда невиданное. Весь міръ заговоритъ обо мнѣ, а вы будете директоромъ театра,—я вамъ это обѣщаю.

— Хорошо,—сказалъ Штейнеръ.—Отнынѣ мы тѣсно связаны. Обѣщайте только говорить мнѣ всегда полную правду, ничего не предпринимать безъ моего вѣдома и противъ моего желанія.

— Это рѣшено,—отвѣтилъ Кеслеръ.

— А теперь бы я хотѣлъ еще знать, найдется ли у васъ какой-нибудь знакомый, который взялъ бы на себя расходы по покупкѣ. Вѣдь это все-таки около пяти тысячъ марокъ,—я уже это сказалъ.

Лицо Кеслера омрачилось.

— Я никого не знаю,—тихо проговорилъ онъ.

— Вотъ вы говорили о прокурорѣ Дренквицѣ. Нельзя ли къ нему обратиться?

— Дренквицъ могъ бы помочь мнѣ маленькою суммою. Но я, право, не знаю, слѣдуетъ ли къ нему обращаться,—задумчиво прибавилъ онъ больше для себя.

— Послушайте,—сказалъ Штейнеръ,—этотъ человѣкъ можетъ оказать намъ иного рода услугу. Онъ долженъ присутствовать при совѣщаніяхъ, которыя я устрою съ моимъ принципаломъ. Это ужъ вы должны устроить. Въ присутствіи прокурора гораздо легче будетъ уговорить моего принципала. Устроить это будетъ не трудно. Вы попросите вашего прокурора придти въ кафé для переговоровъ; мы тоже будемъ тамъ, и знакомство завязано... Это чрезвычайно важно.

Кеслеръ широко открылъ глаза. Ему стало жутко передъ изобрѣтательностью этого человѣка. Но онъ ясно чувствовалъ, что Штейнеръ идетъ вѣрнымъ путемъ.

— Почему вы такъ странно на меня смотрите?—спросилъ Штейнеръ и улыбнулся.

— Потому что вы мнѣ внушаете большое почтеніе. А скажите,—вдругъ спросилъ онъ, самъ не зная, какъ этотъ вопросъ вырвался у него,—скажите, вы никогда не сидѣли въ тюрьмѣ?

— Сидѣлъ,—отвѣтилъ Штейнеръ.—Тогда, послѣ пожара, я сидѣлъ въ предварительномъ заключеніи цѣлыхъ три мѣсяца,—прибавилъ онъ съ гордостью. А потомъ меня блестяще оправдали. Но почему вы объ этомъ спросили?

— Право, самъ не знаю. Вѣроятно, по какой-нибудь несознаваемой ассоціаціи идей.

— Мнѣ очень пріятно, что вы справляетесь о моемъ прошломъ... Я сидѣлъ также за нарушеніе законовъ печати... Но это нѣтъ надобности разсказывать вашему прокурору... Онъ можетъ это ложно истолковать. Онъ, видно, не знаетъ, что для журналиста иногда почетно попасть въ тюрьму.

— Вы правы. Дренквицъ бы это невѣрно понялъ.

Штейнеръ поднялся.

— Довольно на сегодня,—сказалъ онъ.—Черезъ нѣсколько дней, вы услышите обо мнѣ. Если я имѣю право дать вамъ совѣтъ, то прошу васъ ни съ кѣмъ пока не говорить о нашемъ проектѣ.

— Я никому ничего не скажу, — отвѣтилъ Кеслеръ, еще разъ пристально поглядѣвъ на Штейнера. Затѣмъ, онъ съ нимъ попрощался и пошелъ домой съ тяжелой головой и очень смѣшанными чувствами.

Съ нѣм. З. В.

ЭТЮДЫ

О

БАЙРОНИЗМѢ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Западныя литературы [1]).

Посмертное вліяніе Байрона—одинъ изъ любопытныхъ фактовъ въ „психологіи народовъ". Круговоротъ общественныхъ настроеній и симпатій, всегда неустойчивыхъ, съ короткой памятью, съ быстрыми переходами отъ энтузіазма къ охлажденію, равнодушію, неблагодарному забвенію, долженъ былъ бы, казалось, и въ данномъ случаѣ обнаружить повсемѣстную убыль увлеченія, какъ только миновали сильныя, героическія впечатлѣнія гибели поэта-вождя и прерванъ былъ многолѣтній, чарующій гипнозъ, непосредственно исходившій отъ необычайной личности и ея блестящаго творчества. Но вмѣсто убыли мы наблюдаемъ приливъ, сосредоточенность, бо́льшую интенсивность. Великаго поэта нѣтъ,—но его о́бразы и замыслы глубже и сильнѣе прежняго усвоиваются новыми поколѣніями; боевого представителя передовой мысли не стало,—но завѣты его живы и все шире развиваются его преемниками, не слѣпыми подражателями, но исповѣдниками его ученія. Мелочи байронической моды, картинная театральность, загадочность, титаническія аллюры могутъ еще иногда привлекать къ себѣ, но истинное содержаніе

---

[1]) Статья того же автора: „Школа Байрона", была помѣщена въ апрѣльской книгѣ, 1904 г., стр. 562—*Ред.*

поэзіи Байрона, мощь его протеста, міровая скорбь, философское раздумье, геніальная иронія, яркое развитіе личности, общественно-политическая руководящая роль, въ связи съ главными художественными красотами, становится источникомъ вдохновенія для тѣхъ, кому выпала на долю борьба съ старымъ порядкомъ въ государствѣ, обществѣ, нравственномъ строѣ, литературѣ. Пусть отъ Байрона отпадутъ такіе люди, какъ Гейне, Ламартинъ, Де-Виньи, и Пушкинъ покинетъ юношескіе восторги для разсудочнаго сочувствія,—на смѣну готовы новые дѣятели; одно уже славянское племя выставляетъ богатый ихъ выборъ; подходятъ неожиданныя, сильныя подкрѣпленія и съ другихъ сторонъ, напр. изъ Испаніи. Все группируется вокругъ стараго, испытаннаго имени, магически звучащаго, слушается стараго лозунга.

Канунъ іюльской революціи, отмѣченный послѣдними грубыми попытками пересилить духъ времени; безстыдный политическій фарсъ въ Испаніи, съ отреченіемъ короля отъ клятвенно закрѣпленной конституціи, гоненіемъ на народное представительство, казнью благороднаго Ріэго, вытравливаніемъ не только вольнодумства, но даже элементарныхъ запросовъ на справедливость и законность; томительное затишье въ Италіи, смѣнившее періодъ непрерывнаго броженія и охраняемое союзомъ папства, Бурбоновъ и Австріи; нестерпимый и допотопный режимъ германскаго Bund'а, съ его стремленіемъ наложить запретъ на мысль чуть не при зарожденіи ея въ мозгу подозрительныхъ людей и не дать ей воплотиться ни въ живомъ словѣ, ни въ печатной строкѣ; ближайшіе къ 14 декабря годы русской внутренней политики, полные отголосковъ тревоги и репрессіи и рѣзко разбивавшіе надежды людей пушкинскихъ убѣжденій на наступленіе эпохи реформъ; безостановочный, казалось, ростъ англійскаго консерватизма, какъ правительственнаго ученія и какъ катехизиса вліятельныхъ общественныхъ слоевъ,—такова была картина Европы вслѣдъ за кончиной Байрона, таковы условія, среди которыхъ предстояло дѣйствовать его ближайшимъ преемникамъ. Только одно общее дѣло высшаго, идеальнаго порядка,—скрѣпленное зато именно участіемъ въ немъ Байрона,—освобожденіе Греціи, затягивавшееся, задержанное помѣхами и неудачами, но уже неотвратимое ничѣмъ, свидѣтельствовало о томъ, что не заглохли гуманныя преданія.

Но омертвѣвшая общественная поверхность была обманчива. Подъ нею проявлялись, сливаясь и крѣпчая, живые народные соки, не принимая неизбѣжной, казалось, въ предшествующій періодъ формы заговора, подземной агитаціи, но все жизнеспо-

собнѣе содѣйствуя прогрессу. Парламентарная и публицистическая борьба во Франціи, протесты и вылазки англійской оппозиціи, постепенно сосредоточившіеся въ движеніи „чартизма“, и разнообразные признаки пробужденія народныхъ массъ въ областной жизни Англіи; дѣятельность „Молодой Германіи“ и ея итальянской сверстницы, быстро обогнавшей ее политическою зрѣлостью, „Молодой Италіи“; зарожденіе въ сдавленной, растоптанной Испаніи такой же юношеской боевой группы политиковъ и поэтовъ,—наконецъ, запоздавшая въ сравненіи съ однородными европейскими явленіями русская юношеская группа, ставшая разсадникомъ поколѣнія сороковыхъ годовъ, — были отвѣтомъ общественно-народныхъ силъ. И вездѣ, гдѣ только ни заявлялся онъ, мы встрѣчаемся, въ томъ или другомъ видѣ, съ вліяніемъ Байрона, какъ вдохновителя, какъ живого примѣра.

Но въ эту пору очевиднаго роста *общихъ* задачъ онъ не утратилъ великаго значенія и для тѣхъ, кто, выдѣляясь изъ толпы, порабощенной старымъ порядкомъ, закоснѣвшей въ покорности нравственнымъ и религіознымъ идеямъ далекаго прошлаго,—не нисходилъ до активной борьбы, а, замыкаясь въ себѣ, съ своими думами, грезами, съ своимъ презрѣніемъ и смѣхомъ, гордо выносилъ душевное одиночество, какъ прямой потомокъ разочарованныхъ людей начала вѣка. Это чувство одиночества, ставшее теперь предметомъ особаго изученія, какъ одинъ изъ главныхъ оттѣнковъ такъ называемой „болѣзни вѣка“ [1]), устанавливало у тѣхъ, кто страдалъ имъ, непосредственную связь съ поэтомъ, который нѣкогда съ такою силой, съ такою захватывающей искренностью воспроизводилъ его,— правда, преодолѣвъ его потомъ и выйдя на встрѣчу народу, массѣ. Было бы, конечно, одностороннимъ утверждать, будто въ изучаемую эпоху привлекала въ байроновскомъ творчествѣ только воинствующая его сторона, будто сатирикъ, заговорщикъ и трибунъ заслонили въ немъ глубокаго лирика, пѣвца скорби, неудовлетворенности, заступника за права личности. Одна лермонтовская поэзія явилась бы рѣшительнымъ опроверженіемъ такого взгляда. Но, въ общемъ, вслѣдствіе особыхъ условій времени, перевѣсъ оставался за элементомъ борьбы. Возбуждая, вызывая броженіе, онъ проявлялъ свое вліяніе въ особенности тамъ, гдѣ жизнь выставляла опредѣленныя, насущныя задачи, гдѣ, отрѣшаясь отъ романти-

[1]) Новѣйшей работой въ этомъ направленіи, изучающей данный мотивъ во французской поэзіи прошлаго вѣка, явилась диссертація René Canat, „Une forme du mal du siècle. Du sentiment de la solitude morale chez les romantiques et les parnassiens“, Paris, 1904.

ческихъ, неопредѣленныхъ томленій объ идеалѣ свободы, общественная энергія стремилась къ реальнымъ цѣлямъ,—въ той встревоженной атмосферѣ, въ которой прожиты были тридцатые и сороковые годы съ ихъ народными движеніями, рядомъ переворотовъ, политическими и соціальными системами, съ двукратнымъ электрическимъ сотрясеніемъ, обнявшимъ почти всю Европу въ началѣ и въ концѣ періода, съ двумя такими путеводными огнями, какъ іюльскія событія 1830 года и февральскіе дни 1848 г. Отъ политически-индифферентнаго Мюссе къ Лермонтову, вынесенному волнами байронизма изъ глубокаго, мучительнаго, но односторонняго самоанализа на просторъ общихъ задачъ,—отъ смѣлыхъ вылазокъ французскихъ драматурговъ, этихъ застрѣльщиковъ революціи, къ гнѣвному протесту третьей части „Дзядовъ" или удивительной ироніи Словацкаго въ „Беньёвскомъ",—отъ разноплеменныхъ запоздалыхъ перепѣвовъ на тему о загадочно-преступныхъ герояхъ во вкусѣ „Корсара" или „Лары" къ общественно-чуткой лирикѣ Гюго, Барбье, нѣмецкихъ „политическихъ поэтовъ" сороковыхъ годовъ съ Гервегомъ во главѣ, или ихъ испанскаго собрата, эмигранта и революціонера Эспронседы, ростетъ и развивается байроновская школа, вѣрная завѣту поэта—хранить „право мыслить, наше послѣднее, неотъемлемое право".

Вокругъ такого девиза и въ эту пору, какъ и при жизни Байрона, сходятся не одни лишь представители литературнаго слоя, поэтическаго цеха. То, что нѣкогда испытали на себѣ итальянскіе агитаторы, особенно Мадзини, повторялось теперь постоянно. Въ юности ощутивъ импульсъ байроновской поэзіи и общественной дѣятельности, воспринявъ потомъ уроки жизни, наконецъ внушенія соціальной науки, человѣкъ съ живыми стремленіями къ народному благу становился потомъ не стихотворцемъ байроническаго пошиба, а реформаторомъ, просвѣтителемъ, дѣятельнымъ публицистомъ. Таковы на родинѣ Байрона—Кингслей и Джонъ Рэскинъ. Въ этомъ расширенномъ кругѣ приверженцевъ и вѣрныхъ цѣнителей разносторонняго значенія Байрона намъ встрѣчаются такіе люди, какъ Бёрне и Герценъ.

Въ такой полнотѣ развитія, въ богатствѣ силъ, посвятившихъ себя поддержкѣ и распространенію движенія, въ выдающихся поэтическихъ и соціально-цѣнныхъ итогахъ—расцвѣтъ школы Байрона.

I.

Отечество поэта, казалось, всего менѣе подававшее надежду когда-либо примкнуть къ байроническому движенію, испытало, наряду съ континентомъ, тотъ же, вызванный смертью Байрона, поворотъ въ сторону его мысли и творчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ пересмотръ прежнихъ приговоровъ о немъ. Начальную страницу въ новомъ отдѣлѣ исторіи байронизма составляетъ циклъ англійскихъ литературно-общественныхъ фактовъ, не сложившихся, правда, въ опредѣленную организацію, но цѣнныхъ по вліянію на умы.

„Не знаю, достигла ли моя повѣсть всѣхъ намѣченныхъ мною цѣлей, но думаю, что во всякомъ случаѣ она болѣе другихъ произведеній помогла положить конецъ сатанинской маніи и отклонить въ иную сторону честолюбивыя притязанія молодыхъ джентльменовъ, отрицающихъ галстукъ, и блѣднолицыхъ клерковъ, разыгрывавшихъ роль Корсара и хвастливо завѣрявшихъ, что они негодяи",—такъ говорилъ въ предисловіи къ одному изъ раннихъ своихъ романовъ, „Пеламу" [1]) (почему-то особенно плѣнившему потомъ Пушкина, задумывавшаго сходный съ нимъ очеркъ русской свѣтской жизни), даровитый представитель новой группы англійскихъ повѣствователей, Бульверъ. „Стоило лорду Байрону объявить себя несчастнымъ,—и всѣ юноши съ блѣднымъ челомъ и темными волосами сочли уже себя въ правѣ разочарованно смотрѣться въ зеркало и писать оды къ Отчаянію",—острить въ одной изъ главъ романа дѣйствующее лицо, призванное, повидимому, истолковывать мнѣнія автора,— „небезъизвѣстный въ публикѣ писатель Невилль". Подобныя выходки, съ ихъ спеціальнымъ назначеніемъ оздоровить общественный вкусъ, показываютъ, что, несмотря на всѣ громы, низвергнутые господствующей моралью на Байрона, съ другой стороны—несмотря на коренной переворотъ въ самомъ поэтѣ, покинувшемъ направленіе, ославленное сатанинскимъ, въ англійскомъ обществѣ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Байрона все еще приходилось считаться съ маніей, принявшей характеръ безотчетнаго увлеченія, душевной эпидеміи. Вѣрный своей цѣли, Бульверъ изображаетъ треволненія и злоключенія, въ которыя впадаетъ его герой, опускаясь до подонковъ общества,

---

[1]) Pelham or adventures of a gentleman, London, 1828. Для оцѣнки Байрона и байронизма важны предисловіе и главы 24, 43 и 67.

сталкиваясь съ преступностью и развратомъ, двусмысленной нравственностью и цинизмомъ. Это въ одно и то же время— обличительный портретъ и темная картина свѣтскихъ нравовъ. Но благонамѣренность предпринятаго полемическаго похода не можетъ скрыть любопытной, интимной черты въ самомъ обличителѣ. Несомнѣнно, байроническая манія была для него лично только-что пережитымъ моментомъ; въ томъ, что онъ хотѣлъ бы осудить, есть сродство съ его натурой; его біографы признаютъ, что оригиналомъ для портрета во многихъ отношеніяхъ былъ онъ самъ.[1] Въ своемъ родѣ—это исповѣдь, заканчивающая извѣстный періодъ личной исторіи. Но художественная пригодность даннаго типа казалась Бульверу и послѣ того очень высокою. Соединеніе романтизма съ преступностью составило основу такихъ позднѣйшихъ его героевъ, какъ популярные когда-то Eugene Aram или Paul Clifford [1]). Съ виду анти-байронистъ, воюющій съ аффектаціей, Бульверъ выдаетъ иногда неизгладимое свое сочувствіе и удивленіе поэту. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Пелама", Vincent, сравниваетъ блестящую внезапность появленія Байрона въ англійской поэзіи съ такимъ же восходомъ поэтическаго свѣтила—въ лицѣ Шекспира. Въ другомъ мѣстѣ онъ удивляется необыкновенной способности Байрона внушить читателю живѣйшія симпатіи, властно захватить его, „придать силу чувствамъ и размышленіямъ, быть можетъ, совсѣмъ не новымъ, и не особенно украшеннымъ въ ихъ разработкѣ,— восхищенъ „неуловимой, но могучей красотой слога", „сильнымъ отпечаткомъ оригинальности", „таинственной дымкой, окружающей байроновскія произведенія", и т. д... Протестъ превращается неожиданно въ похвальное слово, и первое же имя въ англійскомъ байронизмѣ новаго періода принадлежитъ противнику поэта.

Настала пора и для серьезной, положительной оцѣнки значенія Байрона. Явившіяся еще въ годъ его смерти „Письма о характерѣ и поэтическомъ геніи лорда Байрона", авторитетнаго и стоявшаго внѣ партій критика Эджертона Бриджеса [2]), признавая, что „на его творчествѣ отразились недочеты нравственнаго и умственнаго строя поэта", и отмѣчая черты рѣзкости, эксцентричности, „блестящей порочности", гнѣва и презрѣнія, заявляли, что „это было все-же необычайное явленіе" (an extraordinary man); критикъ ставилъ Байрона наравнѣ съ великими поэтами, цѣнилъ „независимое положеніе среди литера-

---

[1]) Ср. оцѣнку ихъ съ этой стороны въ кн. Hugh Walker, „The age of Tennyson", 1897.
[2]) Letters on the character and poetical genius of Lord Byron, London, 1824.

турныхъ школъ", удивлялся „Манфреду", въ которомъ „превзойдены всѣ средства и пути поэтическаго творчества", и „сколько бы ни осуждали „Каина", находилъ, что въ рѣчахъ Каина и Ады есть мѣста, съ которыми можетъ сравняться только Шекспиръ".

Такое заявленіе значенія нравственно-философскаго радикализма Байрона передъ лицомъ нетерпимаго консервативнаго трибунала было уже само по себѣ любопытнымъ признакомъ поворота и пересмотра. Но появленіе въ 1830 году обширной біографіи поэта, написанной такимъ близкимъ ему лицомъ, какъ Томасъ Муръ [1]), и обставленной изобиліемъ новаго стихотворнаго и въ особенности автобіографическаго матеріала, писемъ, отрывковъ изъ дневниковъ, набросковъ мыслей (Detached thoughts), раскрывъ много негаданныхъ сторонъ въ характерѣ, убѣжденіяхъ и взглядахъ Байрона, замолвивъ слово о семейныхъ несчастіяхъ его, передавъ исторію его творческой работы, но также и политической дѣятельности, увѣнчанной его послѣднимъ подвигомъ, стало настоящимъ откровеніемъ и сильно подвинуло впередъ безпристрастное изученіе жизни и дѣятельности человѣка, казалось, безповоротно осужденнаго. Сильно устарѣвшій теперь, но въ свое время казавшійся блестяще смѣлой критической выходкой, этюдъ Маколея [2]), вызванный появленіемъ книги Мура, обставляя сочувствіе свое поэту рядомъ оговорокъ и исключеній, съ большою рѣзкостью напалъ зато на лицемѣрное цѣломудріе общества, которое, какъ болѣзненный пароксизмъ, періодически усиливается въ немъ и во время своего разгара слѣпо обрушивается на тѣхъ, чья самостоятельная жизнь, къ несчастью, совпадаетъ съ этимъ приливомъ соціальнаго недуга...

Жгучій вопросъ этотъ скоро нашелъ себѣ отраженіе въ англійскомъ романѣ. Сынъ даровитаго эссеиста, Исаака Дизраэли, обратившаго на себя въ былое время вниманіе Байрона оригинальностью сужденій, Беньяминъ (впослѣдствіи лордъ Биконсфильдъ), какъ будто унаслѣдовавшій сочувствіе поэту, избралъ, чтобы отстоять память его, беллетристическую форму, которая должна была сообщить его взгляды большой публикѣ [3]). Такъ сложился романъ „Venetia" (1837). Въ лицѣ герсевъ его нельзя

[1]) Letters and journals of Lord Byron with notices of his life, by Thomas Moore Esq. 1830.

[2]) Moore's life of L. Byron, Edinburgh Review, 1831, іюнь.

[3]) Этотъ пріемъ употребленъ былъ,—но во вредъ ему,—при его жизни лэди Каролиной Ламъ, которая отмстила ему за разрывъ съ ней, очернивъ его въ романѣ-пасквилѣ „Glenarvon".

не узнать Байрона и Шелли; апологія распространяется и на другую жертву нетерпимости. Авторъ нерѣдко дробитъ поступки и приключенія между двумя вымышленными лицами,—Марміономъ и лордомъ Cadurcis, порою даже не останавливается передъ описаніемъ того, чего не было, но что̀, казалось ему, входило въ естественное развитіе байроновскаго характера. Таково изображеніе примиренія Марміона съ женой (которая здѣсь носитъ имя супруги поэта, Annabell), происходящаго на любимомъ Байрономъ, прославленномъ его армянскими симпатіями, островѣ св. Лазаря, близь Венеціи. Но не ткань романической интриги, не психологическая выдержанность характеровъ останавливаетъ здѣсь вниманіе историка байроновской школы; его поражаетъ страстность, съ которой Дизраэли постоянно бичуетъ нетерпимость и лицемѣріе общественнаго суда надъ Байрономъ. Прошло тогда тринадцать лѣтъ со смерти поэта, и изъ озлобленной, злопамятной среды могъ раздаться такой рѣшительный протестъ.

Но не въ однѣхъ попыткахъ закончить старые счеты, возстановить поруганную память, выражался поворотъ къ Байрону въ новомъ поколѣніи. Условія переживавшейся эпохи способствовали признанію и въ Англіи общественной дѣятельности поэта, такъ давно понятой и оцѣненной на континентѣ. Годы классовой борьбы, отмѣченной торжествомъ либеральной буржуазіи надъ аристократическимъ консерватизмомъ, у котораго она взяла съ бою избирательный Reform act 1832 года, и подъемомъ встрѣчнаго движенія въ безправныхъ слояхъ и пролетаріатѣ, нашедшаго себѣ выраженіе въ чартизмѣ,—годы оживленной парламентской агитаціи, шумныхъ митинговъ, фабричныхъ безпорядковъ, разоблаченій нищеты народной, давали много соприкосновенія съ дѣятельностью того предтечи, который еще въ 1812 г. съ своими парламентскими рѣчами о жгучихъ соціальныхъ вопросахъ, затѣмъ какъ политическій сатирикъ, оставилъ рядъ сильнѣйшихъ обличеній стараго строя, и, отстаивая права личности, соединялъ съ этою защитой участіе къ нуждамъ и движеніямъ массъ. И многимъ изъ дѣятелей новаго поколѣнія, ратовавшихъ за программу чартизма или стремившихся инымъ путемъ придти на помощь народу, свойственно было, какъ исходная точка, сочувствіе Байрону.

Таковъ былъ ходъ развитія и у того блиставшаго нѣкогда критика и историка, который сначала такъ искренно отдалъ на пользу чартистскому движенію свой талантъ и энергію,—Карлейля. Къ потомству онъ перешелъ въ качествѣ порицателя Бай-

рона или, по крайней мѣрѣ, предостерегающаго отъ его чаръ проповѣдника новыхъ идеаловъ, но какъ высоко ставилъ онъ его смолоду! „Бѣдный Байронъ! Увы, бѣдный Байронъ! Вѣсть о его смерти обрушилась на меня свинцовой тяжестью,—и теперь эта мысль мучительно пронизываетъ все мое существо, точно я лишился брата. Боже! сколько душъ, созданныхъ изъ грязи и праха, выживаютъ свою ничтожную жизнь до крайняго предѣла, а этотъ *благороднѣйшій умъ* гибнетъ, не достигнувъ и половины жизненнаго срока. Такъ недавно полный огня, великодушныхъ влеченій, отважныхъ замысловъ, и теперь навсегда скованный безмолвіемъ и холодомъ! Бѣдный Байронъ!" [1])—такими глубоко искренними выраженіями встрѣтилъ Карлейль катастрофу въ Миссолонги. Впослѣдствіи, словно умудренный опытомъ, онъ, возставая противъ Байрона (но, какъ говоритъ біографъ, никому не позволяя относиться къ нему легко), становился подъ знамя Гёте. Въ краткой и выразительной формулѣ убѣждалъ онъ современнаго читателя „закрыть своего Байрона и открыть Гёте" [2]), при всей критической проницательности не подозрѣвая, что его кумиръ былъ однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и всестороннихъ цѣнителей Байрона. Въ глазахъ Карлейля первичная форма героическаго типа у поэта, отмѣченная разочарованностью, печалью, презрѣніемъ къ дѣйствительности, осталась сущностью байронизма, и онъ противополагалъ ей живое воздѣйствіе человѣка выдающагося на современность, выражающееся не въ фантастическихъ порывахъ, а въ реальныхъ, земныхъ, полезныхъ людямъ трудахъ и возбужденіяхъ.

Признаемъ, что наше время располагаетъ несравненно болѣе обстоятельными свѣдѣніями о Байронѣ въ его отношеніяхъ къ соціально-политическимъ вопросамъ Англіи и Европы, чѣмъ эпоха Карлейля,—но удивимся способности не замѣчать ни активной борьбы съ отечественнымъ консерватизмомъ, ни отпора идеямъ Священнаго Союза, ни итальянской и греческой агитаціи, и остановиться на преходящихъ дѣяніяхъ молодости, когда передъ глазами былъ, словно завѣщаніе поэта, „Донъ-Жуанъ", по истинѣ заслуживающій того мѣткаго названія, которое, взявъ у Цезаря, приложилъ къ нему недавно одинъ итальянскій критикъ, — „De bello byroniano" [3])... У Карлейля слагалась уже тогда теорія о героическомъ началѣ и культѣ героевъ, съ ихъ провиденціаль-

[1]) „Thomas Carlyle. A history of the first forty years of his life", by James Anth. Froude, 1882, I, 214.

[2]) „Sartor resartus", книга II, глава IX.

[3]) Loforte Randi. „Nelle letterature straniere. Poeti". Palermo, 1903, p 152.

нымъ назначеніемъ и совмѣщенной въ нихъ высшей духовной жизнью эпохи. Передъ нимъ былъ человѣкъ, который, казалось бы, съ необычайнымъ блескомъ осуществилъ эти требованія,—но, покидая литературную исторію для міровой арены и дѣло критика для большихъ трудовъ историка государствъ и народовъ, словно застывъ въ поклоненіи избранникамъ, теряясь въ одностороннемъ толкованіи міровой жизни, онъ недальновидно миновалъ одного изъ истинныхъ „героевъ своего времени".

Между политическими идеями, положенными въ основу чартизма, и тѣмъ, въ чемъ для насъ формулируется байроновское credo, не было разногласія,—и еслибъ Байрону привелось быть свидѣтелемъ подобной группировки оппозиціонныхъ силъ, онъ счелъ бы себя солидарнымъ съ нею. Не шелъ ли онъ самъ дальше этой программы, когда, въ послѣдніе годы, съ возрастающей симпатіей относился къ американскому государственному устройству? И многіе изъ чартистовъ (напр. Т. Куперъ, Кингслей) проходили черезъ подготовку байронизма, не отрекаясь отъ него потомъ, не сжигая кораблей. Но условія, вызывавшія подъемъ демократизма въ Англіи, выразились и въ развитіи реализма въ литературѣ. Не только оживали преданія бытового романа, такъ успѣшно развитого въ XVIII вѣкѣ талантливой плеядой повѣствователей, но завѣщанныя ими рамки расширились, новые общественные классы нашли въ нихъ доступъ, и двадцать лѣтъ процвѣтанія англійскаго романа (съ 1830 по 1850 г.) обязаны успѣхомъ и вліяніемъ какъ счастливому подбору дарованій, такъ и постоянному служенію соціальнымъ цѣлямъ [1]). Но въ рядахъ его дѣятелей снова сказываются байроническія симпатіи, — конечно, не у Диккенса, геніальнаго самоучки, безъ школы, безъ книгъ, но съ глубокимъ поученіемъ, которое дала ему „битва жизни", и не у Теккерея съ его неизлечимой склонностью къ пародіямъ, которая вовлекла его (въ „The Book of Snobs", въ „Mr. Brown's Letters to his nephew") въ насмѣшливое изображеніе житейскихъ воззрѣній байроновскаго Донъ-Жуана и въ шаржъ, снятый съ вычуръ и смѣшныхъ крайностей свѣтскаго байронизма, но какъ будто мѣтившій глубже. Тотъ изъ романистовъ, который, видѣли мы, уже выступилъ съ самоотверженной защитой памяти Байрона, Дизраэли, сдѣлалъ свой вкладъ въ романъ съ общественной программой (повѣстями: „Sybille", „Coningsby" и „Tancred"), соединяя съ изображе-

[1]) Изученію этого періода исторіи англійскаго романа посвящена новѣйшая, основанная на близкомъ изученіи памятниковъ, работа Louis Cazamian, „Le roman social en Angleterre" (1830—1850). Paris, 1904.

ніемъ быта низшихъ слоевъ пропаганду вмѣшательства, помощи и преобразованія. Романъ непрерывно прогрессировалъ въ этомъ направленіи. Его разрабатывали люди, непосредственно наблюдавшіе трудовую жизнь или испытавшіе ее сами,—жена манчестерскаго пастора, друга бѣдныхъ, мистриссъ Гэскелль, впервые развернувшая въ „Mary Barton" правдивую картину рабочаго быта, или еще болѣе близкій къ мастеровому люду и пролетаріату Чарльзъ Кингслей съ двумя романами христіански-соціалистскаго оттѣнка, проникнутыми искреннимъ рвеніемъ къ общественной пользѣ [1]). Въ трудахъ этихъ писателей романъ спускается уже къ пятидесятымъ годамъ,—но традиція не порвана, преемственная связь все жива,—и изъ устъ Кингслея слышится, напр., защитительная рѣчь въ пользу Байрона, Шелли и другихъ „субъективныхъ" поэтовъ: „созданія *личныя* всегда останутся привлекательными, но лишь подъ условіемъ воплощенія субъективности въ объективной формѣ и, стало быть, истинной драматичности положенія,—писалъ онъ своему другу Т. Куперу.—Байронъ, Муръ, Китсъ, Теннисонъ, имѣли великій успѣхъ въ области субъективизма, потому что проводили въ умы нравственныя и философскія истины, проявляя ихъ въ образахъ и примѣрахъ, взятыхъ изъ быта человѣчества, изъ исторіи, изъ жизни вселенской" [2]).

Но и въ прямомъ литературномъ потомствѣ Байрона,—въ средѣ молодыхъ англійскихъ поэтовъ, которымъ предстояло выдающееся положеніе въ новой генераціи, проявлялись такія же симпатіи. Съ Байрона начинали, на немъ воспитывались; однихъ вдохновлялъ его призывъ къ возрожденію, къ борьбѣ за свободу и неотъемлемыя права человѣка; другіе видѣли въ немъ „основателя и предшественника новѣйшаго реализма" (какъ называетъ его все чаще современная намъ англійская критика) [3]), и они выходили на самостоятельную работу, ободренные превосходнымъ напутствіемъ. Такъ, Теннисонъ въ ранней молодости благоговѣлъ передъ Байрономъ. На первой книгѣ его стиховъ: „Poems by two brothers" даже лежитъ слишкомъ очевидный отпечатокъ байроническаго стиля. Но сущность, основа подобной поэзіи раскрылась потомъ передъ нимъ,—и въ страстно написанномъ письмѣ, изъ средняго періода, онъ возсталъ противъ близорукихъ людей, неспособныхъ оцѣнить выдающуюся мощь такихъ поэтовъ, какъ

[1]) „Alton Locke" и „Yeast". Къ нимъ примыкаетъ историческая драма: „The saint's tragedy" и множество памфлетовъ.

[2]) Letters and memories of the life of Charles Kingsley, edit. by his wife. 1887.

[3]) Edinburgh Review, 1900, october, статья объ изданіи Байрона Prothero, 378.

Байронъ и Шелли, „которые, если и могли ошибаться, все-же вложили въ міровую жизнь новое сердце, придали ей горячее біеніе пульса, и усвоили всѣмъ намъ движеніе впередъ, непрерывно продолжающееся. Пусть благословенна будетъ память о людяхъ, съумѣвшихъ смазать колеса стараго мірового механизма!" восклицалъ поэтъ. Съ такими убѣжденіями мы встрѣчаемся у Лонгфелло (въ его „Prometheus or the poet's forethought"; они оживляли смолоду и нашего современника, Ольджернона Суинбэрна,—поэта съ неукротимымъ свободолюбіемъ, республиканскимъ жаромъ и мѣткимъ обличеніемъ, несмотря на позднѣйшее демонстративное отрицаніе имъ связи съ байроновскимъ направленіемъ, идущаго въ политической поэзіи своей по слѣдамъ такихъ предшественниковъ, какъ Мильтонъ, Шелли, Байронъ.

Въ области чистой красоты, оплотѣ и защитѣ отъ торжествующаго реализма, въ благоговѣйномъ эстетизмѣ поклонниковъ до-рафаэлевскаго творчества и первобытно-чистой поэзіи [1]) нелегко предположить солидарность съ страстной и воинствующей стихіей въ литературѣ. Но тотъ, къ чьимъ изумительно разнообразнымъ трудамъ сводится сущность движенія, главный вдохновитель его, апостолъ красоты, поклонникъ природы, художественный критикъ и популяризаторъ искусства, просвѣтитель, экономистъ-реформаторъ, другъ народныхъ массъ, Джонъ Рэскинъ, испыталъ въ годы подготовки къ дѣятельности вліяніе Байрона и никогда не переставалъ цѣнить его. О юношескихъ своихъ симпатіяхъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ замѣчательной автобіографіи „Praeterita" [2]); даже со стороны отца онъ встрѣчалъ въ этомъ поддержку (старику, имѣвшему высокое представленіе о дарованіяхъ сына, хотѣлось, чтобы онъ „писалъ стихи, такіе же хорошіе, какъ байроновскіе,—но только благочестивые"); Рэскина привлекли въ особенности „Манфредъ" и „Донъ-Жуанъ". „Къ концу 1834 г. онъ, за немногими исключеніями, зналъ байроновскія произведенія наизусть", и преклонялся передъ „глубиной духа", передъ „правдой и точностью наблюденій надъ жизнью и людскими характерами", передъ пластичностью и содержательностью формы. Позже онъ еще болѣе расширилъ свою оцѣнку; нашлась почва, на которой должны были встрѣтиться сторонники столь разнородныхъ направленій. Съ одной стороны Рэскина сближала съ Байрономъ поэзія природы; въ его много-

[1]) Или „евангелія красоты", какъ назвалъ это движеніе въ англійской литературѣ его новѣйшій изслѣдователь: „Das Evangelium der Schönheit in der engl. Literatur und Kunst des 19-ten Jarh.", von Ernst Sieber. Dortmund, 1904.

[2]) Томъ I, главы VIII и X.

образной дѣятельности нашлось мѣсто и для стихотворныхъ опытовъ, внушенныхъ Байрономъ, — но они слабѣе его образной прозы, проникнутой искреннимъ культомъ природы, доходившимъ до фанатизма, и возвѣщавшей не возвратъ къ первобытному состоянію, а необходимость сочетанія прогресса съ „вѣчными міровыми законами". Проникнутыя пантеизмомъ лирическія изліянія третьей пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", вызванныя экстазомъ при видѣ альпійскихъ красотъ, повторялись у Рэскина съ неистощимой фантазіей, образностью и любовью; „сказывавшуюся еще въ дѣтствѣ любовь его къ горамъ и морю Байронъ впервые ввелъ въ атмосферу человѣческаго величія и человѣческаго же горя". Съ другой стороны, сильно развитый въ немъ индивидуализмъ побуждалъ его видѣть въ Байронѣ натуру родственную и тѣмъ легче понимать его своеобразность. Наконецъ, несмотря на различіе въ способахъ дѣятельности, и руководясь основнымъ своимъ стремленіемъ къ общественной пользѣ [1]), онъ оцѣнилъ въ „гордомъ эгоистѣ" (какимъ ославила его молва) своего единомышленника, самостоятельно и искренно ратовавшаго за народное благо. Такой взглядъ удержался у Рэскина и въ зрѣломъ періодѣ его жизни; онъ способенъ былъ тогда любоваться сочувствіемъ Байрону, встрѣченнымъ у людей совсѣмъ молодыхъ, напоминавшимъ его прежнее поклоненіе, и поддерживать это направленіе своими совѣтами [2]).

Таковы итоги относительныхъ успѣховъ байронизма въ Англіи за четыре первыхъ десятилѣтія со смерти поэта. Сравнительно съ широкимъ развитіемъ движенія на континентѣ они кажутся неглубокими, не особенно цѣнными. Непримиримость общественнаго суда и патентованныхъ блюстителей художественнаго вкуса, по прежнему выдвигаясь на первый планъ, поддерживала въ остальной Европѣ представленіе о неблагодарности родной страны къ великому поэту. Между тѣмъ, несомнѣнно расширялось и росло иное направленіе, исходившее отъ новыхъ поколѣній, не вѣдавшихъ личныхъ счетовъ съ Байрономъ и свободно заявлявшихъ свое сочувствіе. Не создавъ обособленной поэтической школы, которая водрузила бы байроническое знамя, оно дало

---

[1]) Оцѣнку этой стороны его дѣятельности даетъ книга А. Гобсона: „Джонъ Рэскинъ, какъ соціальный реформаторъ", перев. Николаева. М. 1899.

[2]) Въ Британскомъ музеѣ я нашелъ на экземплярѣ книги о Байронѣ, написанной однимъ дилеттантомъ изъ провинціи, восторженнымъ байронистомъ, заведшимъ у себя въ городкѣ рефератное общество для изученія поэта („Byron, by Henry Jowett", 1884; напечатано не для продажи), автографъ Рэскина—„Your love for Byron pleases me greatly".

просторъ вліянію культурныхъ элементовъ, завѣщанныхъ потомству личною жизнью и творчествомъ Байрона. Это движеніе съ той поры не прекращалось болѣе. Въ немъ — корень того настроенія англійской литературной и общественной среды, которое въ наше время почти сгладило рѣзкую противоположность ея прежней байронофобіи съ неизмѣннымъ сочувствіемъ остальной Европы.

II.

Иной процессъ наблюдаемъ мы за тотъ же періодъ въ литературѣ и обществѣ Франціи. Работа общественныхъ силъ, отражавшаяся въ политической борьбѣ и въ направленіи словесности, испытавъ и при жизни Байрона его вліяніе, не разстается съ нимъ и въ новую эпоху,—эпоху двухъ послѣдовательныхъ переворотовъ. Для поколѣній, которыя вынесли ихъ на себѣ, Байронъ былъ дороже и ближе, не какъ возбудитель къ культурной работѣ и реформѣ (какимъ онъ явился для англійскаго общества тридцатыхъ—пятидесятыхъ годовъ), а какъ страстный обличитель, заговорщикъ, поэтъ политическій, трибунъ, предтеча греческаго освобожденія. Но и тогда не изгладилось вліяніе иныхъ, пережитыхъ имъ, душевныхъ настроеній, скорби, разочарованности, тяжкаго самоанализа, или властнаго индивидуализма, на натуры исключительныя, обособившіяся отъ общаго движенія, замкнувшіяся въ себѣ. Къ одному источнику сводятся политическая поэзія школы Виктора Гюго, болѣзненно-субъективная лирика Мюссе, опыты Стендаля по психологіи проблематическихъ, феномальныхъ личностей. Тѣмъ ярче становится полнота, разнообразіе вліянія.

Если къ порѣ смерти Байрона уже обозначилась въ наиболѣе способной къ активной роли группѣ французскихъ романтиковъ солидарность съ боевыми пріемами байронизма, и Гюго въ своемъ напутствіи поэту выдвинулъ заслуги его, какъ вождя общественной мысли, взглядъ этотъ входилъ все глубже въ сознаніе по мѣрѣ того, какъ увеличивалась соціальная зрѣлость дѣятелей романтизма, ихъ пригодность въ насущныхъ дѣлахъ народа. Завѣщанная Байрономъ „греческая идея“ продолжаетъ привлекать сердца и возбуждать воинствующее вдохновеніе. Всѣ треволненія, испытанныя греками въ теченіе шести лѣтъ до признанія греческой независимости въ 1830 году, отражаются съ возрастающею напряженностью во французской лирикѣ. И во главѣ этого эллинофильства постоянно идетъ Гюго. Байроническій оттѣ-

нокъ его отношенія къ вопросу придаетъ особый колоритъ двумъ сборникамъ его поэзіи, „Orientales“ и „Fleurs d'automne“. Первый полонъ отголосковъ новѣйшихъ греческихъ событій. Таковы стихотворенія, воспѣвающія популярныхъ героевъ Греціи („Canaris“), или дающія ужасную картину жестокости и звѣрства („Les têtes du sérail“, написано въ 1826 г., lors du désastre de Missolonghi), или призывающія къ походу въ Грецію для ея избавленія (стихотвореніе „Enthousiasme“, 1827, гдѣ поэтъ восклицаетъ въ духѣ байроновскихъ воззваній: „En Grèce, en Grèce! adieu vous tous! Il faut partir! Qu'enfin, après le sang de ce peuple martyr, le sang vil des bourreaux ruisselle! En Grèce, ô mes amis! Vengeance! Liberté!“). Имя Байрона то-и-дѣло мелькаетъ,—въ эпиграфѣ, взятомъ у него, въ восторженномъ отзывѣ среди текста (вспоминая подвижниковъ въ „Têtes du sérail“, при имени Китцоса, поэтъ поясняетъ—„Kitzos qu'aimait *Byron, poète immortel*“). Но къ тому же времени относится большое стихотвореніе, свободное отъ восточныхъ мотивовъ и, при помощи фабулы, внушенной тѣмъ же любимымъ учителемъ, пытающееся характеризовать — величіе независимаго и могучаго творчества. Это—„Mazeppa“ Гюго (1828).

Мы снова въ обстановкѣ того украинскаго преданія, которое когда-то выбралъ Байронъ для сюжета своей поэмы, и того разсказа изъ временъ юности, которымъ во время привала гетманъ-старикъ старается развлечь короля Карла. Уступая Байрону въ изображеніи бѣшеной скачки по степямъ и доламъ Украйны дикаго жеребца съ привязаннымъ къ нему обнаженнымъ Мазепой, Гюго повторяетъ въ условныхъ краскахъ описанія природы, горячаго бѣга обезумѣвшаго коня, душевныхъ движеній несчастной жертвы мщенія, — и затѣмъ внезапно, вступая въ роль самостоятельнаго истолкователя, набрасываетъ смѣлую параллель. „Вѣдь придетъ день, когда народы Украйны назовутъ царемъ этого осужденнаго страдальца, этотъ живой трупъ... Изъ его терзаній зародится его суровое величіе... павшая ницъ передъ нимъ толпа возгласитъ его славу, трубные звуки прогремятъ ее“. Но не то ли бываетъ и съ даровитымъ человѣкомъ, которому назначено въ удѣлъ безсмертное могущество поэта, спрашиваетъ себя Гюго, и, не покидая своего натянутаго сравненія до тѣхъ поръ, пока въ немъ не использована будетъ вся байроновская тема, онъ набрасываетъ картину другой безумной скачки. Смертный, на которомъ остановилось божественное избраніе, видитъ себя такъ же привязаннымъ заживо къ „роковому хребту“ (sur ta croupe fatale) того быстролетнаго коня, которому имя *геній*.

Напрасно борется онъ, желая освободиться; скакунъ въ своихъ порывахъ и прыжкахъ уноситъ его далеко за предѣлы реальнаго міра... Фантастическое описаніе чудесъ, мимо которыхъ проносится онъ, заоблачныхъ міровъ, пустынь, планетъ, горъ, морей, несмѣтныхъ людскихъ скопищъ, порою отличается неумѣренностью образовъ, столь развившеюся у Гюго въ старости, изобиліемъ метафоръ и праздныхъ подробностей (Мазепа видитъ, напримѣръ, „*les six lunes d'Herschel*, l'anneau du vieux Saturne"). На „пламенныхъ крыльяхъ" своихъ геній мчитъ всадника черезъ „поля Возможнаго и черезъ міры души" (les champs du possible et les mondes de l'âme), неумолимый, безпощадный, не слыша стоновъ и воплей; съ ужасомъ подчиняется его жертва. „Одни демоны и ангелы знаютъ, что̀ выноситъ этотъ человѣкъ. Съ каждымъ шагомъ разверзается его могила. Но настаетъ роковой срокъ, — „онъ несется, летитъ, падаетъ, и встаетъ царемъ" (il court, il vole, il tombe, *et se relève roi*).

Если Байронъ своей украинской поэмой далъ Гюго основу, надъ которой онъ возвелъ затѣйливо-аллегорическое зданіе, то Байронъ же, конечно, своею личною судьбой далъ поводъ для изображенія терзаній, въ которыя вовлекаетъ поэта неукротимый полетъ генія,—терзаній, увѣнчанныхъ подъ конецъ царственнымъ ореоломъ. Въ связи съ этимъ заступничествомъ несомнѣнно находятся частые у Гюго приступы негодованія на нетерпимость и неблагодарность Англіи. Уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ смерти Байрона, и острота первыхъ впечатлѣній, вызвавшая, напримѣръ, характеризованную выше оду Казимира Делавиня, казалось, нѣсколько сгладилась,—но въ революціонный 1830 годъ Гюго пишетъ стихотвореніе „Dédain" (или „à Lord Byron"; включено въ сборникъ „Fleurs d'automne"), обличающее „враговъ генія, суетную толпу, безъ устали, безъ совѣсти преслѣдующую его клеветою". Вѣдь ему стоитъ захотѣть, „и всѣ огни, озаряющіе ея храмы, ея боговъ, ея пенатовъ, померкнутъ отъ малѣйшей искры, вспыхивающей подъ ногами его *быстраго коня*". Мы снова среди той метафоры, которая послужила фономъ для „Мазепы"...

Но циклъ обличеній Англіи французскими поэтами, заступавшимися за Байрона, еще не замыкается этимъ стихотвореніемъ. Новымъ горячимъ сторонникомъ англійскаго поэта явился Огюстъ Барбье, несомнѣнно замѣчательно даровитый, проявившій разъ въ жизни даже великую поэтическую силу въ знаменитой своей „Curée", полной гнѣва и презрѣнія къ „бѣлоручкамъ", присвоившимъ себѣ результаты іюльской революціи, послѣ того какъ она была вынесена на плечахъ народа. Уже въ группѣ

стихотвореній, внушенныхъ печальными впечатлѣніями Италіи и озаглавленныхъ „il Pianto", постоянно встрѣчались байроновскіе мотивы,—контрастъ прежняго величія и позорнаго паденія, дивной природы и безчувственныхъ ея обитателей, забывшихъ преданія свободы („o, superbes fièvreux, gras habitants du Tibre! Enfants dégénérés d'un peuple qui fut libre" и т. п.). Но въ слѣдующемъ затѣмъ лирическомъ циклѣ „Lazare" выдается помѣченное такою позднею датой, какъ 1837 годъ, стихотвореніе „Westminster" [1]), гдѣ слышится диѳирамбъ Байрону:

Byron, tu n'as pas craint,
Jeune dieu sans cuirasse,
D'attaquer corps à corps
Les défauts de la race,
De toucher ce que l'homme
A de mieux inventé—
Le voile de vertu
Par le vice emprunté...

и вмѣстѣ съ тѣмъ приговоръ надъ „Альбіономъ", оставляющимъ въ пренебреженіи прахъ поэта, „славное имя котораго, украшая отечество, разносится по всѣмъ концамъ вселенной".

Для Барбье Байронъ былъ прежде всего „гармоническимъ пѣвцомъ печалей нашего вѣка" („chantre harmonieux des douleurs de notre âge"), и въ своей солидарности съ нимъ онъ не пошелъ дальше этого опредѣленія. Но Гюго не остановился на половинѣ пути, и, прогрессируя, его байронизмъ привелъ къ попыткамъ литературной борьбы на современной *французской*, *политической* почвѣ. Ареной для нея послужили театральные подмостки, орудіемъ стала романтическая драма, насыщенная взрывчатымъ веществомъ, призванная вызывать общественное возбужденіе. Провозглашенная еще въ извѣстномъ предисловіи Гюго къ „Кромвелю" формула, сравнившая „романтизмъ въ поэзіи съ либерализмомъ въ политикѣ", широко примѣнялась къ драмѣ, которая отнынѣ должна была вести войну противъ стараго порядка и въ словесности, потрясая основы теоріи, и въ политикѣ, проникаясь духомъ демократическаго протеста. Героическій типъ, выдвинутый ею, умѣреннѣе, смягченнѣе сравнительно съ свойствами центральнаго лица въ раннихъ байроновскихъ поэмахъ [2]),

[1]) Ïambes et poèmes, par Auguste Barbier. P. 1862, p. 250—59.

[2]) Сравн. замѣчанія Жозефа Текста въ статьѣ „Relations littéraires de la France avec l'étranger de 1799 à 1848", въ VII томѣ „Исторіи франц. литерат. и языка", изд. подъ ред. Пти де-Жюльвилля.

но родовая связь ихъ несомнѣнна. Въ чужеземномъ, чаще всего испанскомъ нарядѣ, дѣйствуя въ давнопрошедшую пору или въ вымышленной обстановкѣ, всѣ эти бурныя, непризнанныя, но даровитыя и отзывчивыя къ народнымъ страданіямъ натуры, окруженныя таинственностью, движимыя мщеніемъ, не отступающія передъ преступленіемъ, даже съ ярлыкомъ разбойничества—не хуже „Корсара", —всѣ эти смѣло протестующіе плебеи типа Эрнани [1]) или Рюи-Блаза, явились, въ большей или меньшей степени, снимками съ байроновскаго оригинала, но партерръ тридцатыхъ годовъ, отмѣчая громомъ своихъ рукоплесканій наиболѣе сильныя мѣста въ ихъ рѣчахъ, озлобленіе старой партіи и запретительныя мѣры правительства показывали, что подражаніе привело къ служенію современнымъ, насущнымъ задачамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ толпу захватывалъ „лирическій паѳосъ, широкой струей выбивавшійся у Гюго всегда, когда онъ изображалъ возрождающее дѣйствіе благородной страсти на приниженную душу человѣка, поднимающагося изъ житейской грязи,— гимнъ чувству, въ чьей гармоніи очищается эта душа отъ отягчающихъ ее винъ" [2]). И этотъ примѣръ дѣйствовалъ на другихъ французскихъ драматурговъ, хотя бы иные изъ нихъ остановились на рѣзкихъ контурахъ даровитаго неудачника, идущаго въ разрѣзъ съ старою моралью. Въ дальнихъ рядахъ байроновской свиты очутился и Александръ Дюма-отецъ, съ своимъ бурнымъ, пробившимся сквозь нѣсколько запрещеній, „Antony", смѣло перенесеннымъ вмѣсто Испаніи прямо въ современную французскую среду.

Моментъ этотъ былъ скоро пережитъ; родоначальникъ боевой драмы 30-хъ годовъ, Гюго, нашелъ иные, болѣе жизненные способы борьбы,—но на пути къ той роли вождя и верховнаго арбитра, которая въ свѣтлой старости сравняла его съ царемъ-Вольтеромъ, не можетъ быть забыта попытка революціонировать театръ, насытивъ его байроновскимъ лирическимъ пыломъ,— какъ не поскупится на ея оцѣнку историкъ вліянія театра на нравы и политическую жизнь французскаго народа [3]).

---

[1]) Любопытная тюбингенская диссертація „Hernani als litterarischer Typus", v. Reinhold Frick, 1903, снабжена раскидистымъ родословнымъ древомъ, въ которомъ Байронъ богато представленъ Корсаромъ, Ларой, Вернеромъ, Невѣстой Абидосской.

[2]) Brandes, Hauptströmungen etc. 1883, V, 403.—Свойства горячаго, страстнаго языка этихъ драмъ, въ связи съ общимъ переворотомъ въ слогѣ, произведеннымъ романтиками, изучены въ книгѣ Emanuel Barat, „Le style poétique et la révolution romantique", 1904.

[3]) Сравн., напр., книгу „Théodore Muret, L'histoire par le théâtre", 1865,—также Albert Le Roy, „L'aube du théâtre romantique", 1904.

Но, наряду съ вліяніемъ альтруистическимъ, къ той же порѣ литературнаго движенія во Франціи относится и отраженіе первоначальной формы байроновскаго героическаго типа,—второй оттѣнокъ французскаго байронизма. Властное проявленіе личности, крайній индивидуализмъ, для себя лишь желающій воли, упоенный ролью избранной натуры, способный все сбросить съ дороги ради влеченій страсти, личныхъ счетовъ, былъ особенно понятенъ и дорогъ людямъ, преклонявшимся передъ личною энергіею и возмущеннымъ ея упадкомъ въ новыхъ поколѣніяхъ, готовымъ выступать ея пророками. Таковъ былъ Стендаль, дважды поставленный къ тому же судьбой въ личныя отношенія съ Байрономъ въ Италіи и мастерски разсказавшій объ этихъ встрѣчахъ. Своеобразному, независимому мыслителю и наблюдателю нравовъ, котораго могла привлекать, какъ высшая мечта, какъ лучшая отплата его второму отечеству, Италіи, созданіе большого изслѣдованія объ „Исторіи энергіи въ Италіи", чудилось, что онъ имѣетъ передъ собою въ поэтѣ блестящее проявленіе боготворимаго имъ начала. Но, еслибъ задуманный имъ историческій трудъ осуществился, Стендалю пришлось бы изображать, наряду съ сильными духомъ честолюбцами, умными тиранами, геніальными эпикурейцами, и народныхъ подвижниковъ, вождей, трибуновъ, вспоминать о великихъ жертвахъ для общаго блага,—и тогда онъ былъ бы дѣйствительно на подлинной почвѣ байронизма, въ его окончательномъ развитіи. Вліяніе поэта сказалось въ иномъ направленіи, и усвоеніе приняло образъ и подобіе самого послѣдователя. Основой для романа, съ которымъ Стендаль впервые выступилъ въ области психологической повѣсти, „Le Rouge et le Noir" (1831), вмѣстѣ съ точнымъ бытовымъ фактомъ, взятымъ изъ „Gazette des Tribunaux",—уголовнымъ процессомъ 1828 г., надѣлавшимъ много шума во всемъ Дофинэ [1]), послужили автобіографическія черты, осмыслившія и углубившія тѣ контуры, которые даны были судебнымъ отчетомъ и провинціальною молвою [2]). Онъ придалъ своему герою, Жюльену Сорелю, значеніе исключительной натуры, испытывающей, по выраженію новѣйшаго критика [3]), „сладострастное наслажденіе своимъ превосходствомъ надъ людьми, видящей въ проявленіи его свой долгъ". Съ дѣтства, съ школьной среды

---

[1]) Adolphe Paupe. Histoire des oeuvres de Stendhal. 1904, pp. 57—70.

[2]) Эм. Зола (Les romanciers naturalistes, 1881, p. 93) опредѣленно высказалъ мысль, что „Stendhal a mis beaucoup de lui-même dans Julien". То же замѣчено было и раньше многими, напр. Ш. Монслэ, Монтегю.

[3]) René Canat. Du sentiment de la solitude morale etc., 1904, pp. 54—58.

(въ семинаріи) въ немъ уже почуяли недюжинную натуру; онъ умѣетъ усиливать подобныя впечатлѣнія, изумляетъ, страшитъ, плѣняетъ, и идетъ къ цѣли, ни передъ чѣмъ не останавливается. Общество непремѣнно должно разступиться передъ нимъ,—не потому, чтобы справедливость требовала этого для такого даровитаго плебея, но потому, что оно найдетъ въ честолюбцѣ, презирающемъ его, своего повелителя. На побѣдахъ надъ женскими сердцами, на успѣхахъ борьбы съ кастовыми предразсудками, на низверженіи личныхъ враговъ, онъ уже воздвигаетъ свой престолъ, и изъ бѣднаго учителя или секретаря въ аристократическомъ домѣ, казалось, выростаетъ будущій диктаторъ. Мелодраматическая развязка романа внезапно разрубаетъ всѣ эти блестящія возможности. Въ гнѣвѣ и мщеніи Жюльенъ убиваетъ свою бывшую любовницу, осмѣлившуюся разстроить его бракъ съ знатной дѣвушкой; онъ въ тюрьмѣ, приговоренъ къ смертной казни. Но и въ послѣднюю ночь, полную воспаленныхъ думъ, онъ не сдается; монологъ его, обозрѣвающій уходящую жизнь, полонъ угрозъ обществу и анархистскихъ пророчествъ. Стендаль придалъ его образу освѣщеніе, которое значительная часть критики того времени сочла демоническимъ; несмотря на порочность и цинизмъ, на алчное властолюбіе, которое сдѣлало бы его не титаномъ, богатыремъ, а—тираномъ, онъ сходитъ со сцены, во что бы то ни стало обѣленный авторомъ за великій подъемъ энергіи, за яркое проявленіе личности, за отвагу борьбы съ обществомъ. Въ его глазахъ, этотъ побочный отпрыскъ байронизма, выведенный и обрисованный съ большимъ мастерствомъ разсказа и тонкостью реалистическихъ деталей,—очевидно, одинъ изъ „героевъ своего времени".

Циклъ байроническихъ отраженій во французской поэзіи, однако, не замыкается стендалевскою варіаціею на основную тему; притязаніе на роль представителя своей поры оспаривается у людей, подобныхъ Жюльену, группою дѣйствующихъ лицъ, населившихъ созданія Альфреда де-Мюссе, съ тѣмъ ихъ вождемъ, отъ имени котораго, дѣйствительно, излагается „Признаніе сына своего вѣка";—личная жизнь и поэзія Мюссе вносятъ во французскій байронизмъ третій оттѣнокъ, не схожій ни съ боевымъ пыломъ лирики и драмы Гюго, ни съ роковымъ властолюбіемъ эгоистовъ Стендаля, но долго казавшійся несравненно тѣснѣе связаннымъ съ сущностью общаго первообраза.

Снова передъ нами примѣръ расточительнаго примѣненія эффектнаго титула „второго Байрона". Его придавали Мюссе съ такимъ же основаніемъ, какъ Гейне, Пушкину, Ламартину.

Мюссе величала такъ современная ему критика: Стендаль ставилъ его Роллу на одномъ уровнѣ съ Манфредомъ; ближайшія лица, напр. братъ-біографъ, находили между нимъ и Байрономъ „une grande communauté de sentiment et d'expérience de la vie“ [1]), такъ какъ они „поклонялись тѣмъ же богамъ, приносили въ жертву свое сердце и воплощали свою личность въ герояхъ своей поэзіи“. Такой взглядъ былъ до того укорененъ при жизни Мюссе, что ему приходилось нѣсколько разъ выступать противъ него, касаться вопроса о подражательности, отстаивать независимость. Въ одномъ изъ личныхъ отступленій, которыми такъ богата „Namouna“, онъ отвѣчаетъ на возможный упрекъ, будто въ шаловливо безпечной и остроумной causerie Байронъ служилъ ему образцомъ: „Вы не знаете развѣ, что онъ самъ подражалъ Пульчи? Читайте итальянскихъ поэтовъ, и вы увидите, какъ онъ ихъ обираетъ. Ничто не принадлежитъ никому, все принадлежитъ всѣмъ“ („rien n'appartient à rien, tout appartient à tous“). Еще опредѣленнѣе его заявленіе въ интереснѣйшемъ съ автобіографической стороны посвященіи, предпосланномъ „La coupe et les lèvres“: „Мнѣ сказали, годъ тому назадъ, будто я подражаю Байрону. Вы, зная меня, поймете, какъ это невѣрно. Смертельно ненавижу я ремесло плагіатора. Невеликъ мой стаканъ, но я пью изъ *своего* стакана“.

On m'a dit l'an passé
Que j'imitais Byron;
Vous qui me connaissez
Vous savez bien que non.
Je hais comme la mort
L'état de plagiaire;
Mon verre n'est pas grand,
Mais je bois dans mon verre.

Отвергая зависимость, Мюссе хотѣлъ отстоять для себя свободное сходство. Влеченіе къ Байрону не покидало его ни въ одинъ изъ періодовъ его жизни, какимъ бы упадкомъ, регрессомъ ни были они отмѣчены. Въ 1836 году (въ стихотвореніи „Lettre à Lamartine“) англійскій поэтъ неизмѣнно для него „le grand Byron“, „le grand inspiré de la Mélancolie“,—но и въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній, помѣченномъ 1851 годомъ, „Souvenir des Alpes“, швейцарскія впечатлѣнія снова вызываютъ у Мюссе воспоминаніе о Байронѣ.

Но, несмотря ни на приговоръ современниковъ, ни на за-

[1]) Paul de Musset. „Biographie de Alfr. de Musset. Sa vie et ses oeuvres“. 1877, p. 113.

старѣлую въ историко-литературныхъ преданіяхъ оцѣнку Мюссе съ той же стороны, ни на мнѣніе самого поэта, очевидно ставившаго себя наравнѣ съ Байрономъ въ одну и ту же группу избранниковъ, невозможно присвоить ему равносильное значеніе. Онъ—не рабская копія съ изумительнаго оригинала, но и не полноправный сверстникъ поэта, полнаго титанической силы, высокой гуманности, великаго и въ трагической неудачѣ своей жизни; въ литературномъ потомствѣ Байрона для него найдется иное значеніе, иная роль, далеко не величавая, но печально привлекательная.

Какъ прилагать тѣ же требованія и ожиданія къ лирику, который на склонѣ жизни, въ горькомъ раздумьѣ о прошломъ и въ сознаніи, что лучшія стороны его духа остались невысказанными, такъ характеризовалъ свою поэзію:

Mes premiers vers sont d'un enfant,
Les seconds d'un adolescent,
Les derniers à peine d'un homme?

Когда въ избалованный своею вліятельною ролью и гордый ѳреоломъ талантливости *второй* романтическій cénacle—введенъ былъ женственно-красивый, въ вьющихся локонахъ, съ взоромъ, сіявшимъ вдохновеніемъ и жаждой наслажденій, отрокъ-поэтъ,—то передовая поэтическая школа дѣйствительно обогатилась замѣчательнымъ дарованіемъ. Невольно почувствовали это старшіе собратья и не только радушно приняли его въ свою среду, но отнеслись къ нему, какъ къ равноправному съ ними товарищу. Съ небрежностью баловня судьбы ронялъ онъ прелестныя блестки риѳмы и фантазіи, побѣдоносно вступая и въ литературу, и въ заманчиво красивую личную жизнь. Но страстность, рано принявшая оттѣнокъ „донъ-жуанизма", слишкомъ скоро сосредоточила его помыслы и влеченія на любви и женщинахъ, а фантазія погналась за пестрыми сказками и грезами про небывалое, далекое, экзотичное, нанизывая цѣлое ожерелье затѣйливыхъ „Contes d'Espagne et d'Italie". Для великаго, общаго, человѣчнаго, для подвига, страданія, борьбы, альтруизма, у него не осталось мѣста. Его и смолоду не томила *міровая* скорбь; никогда не испытывалъ онъ тревогъ и грёзъ, обвившихъ байроновскую юность. Весь первый періодъ его жизни иначе и не могъ представиться новѣйшему біографу Мюссе [1]), какъ „порой беззаботной молодости, веселой, независимой, безъ ноющихъ

[1]) Gaetano Crugnola, „Alfred de Musset e la sua opera". Studio critico. Teramo 1903.

мыслей, съ большой отвагой и задоромъ". Наслажденія и побѣды доставались легко, кружили, отуманивали и развращали, и рано вызвали пресыщеніе. Потомъ его захватила единственная искренняя, но болѣзненно мучительная и печальная по своимъ послѣдствіямъ, страсть,—любовь къ Жоржъ-Зандъ, всѣ перипетіи которой, наконецъ, раскрылись передъ нами въ только-что оглашенной—впервые—перепискѣ [1]), любовь, въ которой онъ рисуется весь, съ вѣчными контрастами, неровностями своей нервно-расшатанной натуры, съ капризами и ревнивыми причудами, съ отчаяніемъ, когда онъ открылъ своего соперника, мольбами къ бывшей подругѣ о материнской ласкѣ, готовностью разсудочно примириться съ чужимъ счастьемъ, съ новыми взрывами страсти и ревности, гложущими мыслями объ измѣнѣ, и поэтическимъ экстазомъ. Разочарованіе, припадки унынія, грозившаго перейти въ безуміе, долгая болѣзнь, замыкаютъ собой второй отдѣлъ жизни Мюссе. Раскаяніе въ безполезной растратѣ молодости, поднявшееся, когда наступила настоящая любовь, встрѣтилось съ чувствомъ еще бо́льшей разбитости, когда погасъ единственный свѣтъ. Тогда надвинулась преждевременная старость,—и протянулась она долгіе годы, почти безплодная для лирики, едва скрашенная удачными работами для театра, старость разслабленнаго жреца и пѣвца наслажденій и женщинъ, дряхлѣющаго и забываемаго всѣми донъ-Жуана.

Сравните эту жизнь и этотъ характеръ съ подлинными чертами Байрона,—есть ли между ними сходство, сродство? Съ одной стороны, борецъ противъ существующаго порядка, способный выдерживать чуть не единичными силами его натискъ, представитель широкаго, космополитическаго освободительнаго движенія; съ другой—человѣкъ, вкусы и склонности котораго побудили его брата заявить, что „еслибы Альфредъ родился въ вѣкъ Людовика XIV, онъ получилъ бы доступъ въ интимный кругъ короля, несомнѣнно принадлежалъ бы ко двору и пользовался всѣми привилегіями, которыя въ тѣ времена присвоены были дворянскому происхожденію и геніальности" [2]),—человѣкъ, заявившій (въ томъ же посвященіи „La coupe et les lèvres", которое уже дало намъ разъясненія о его байронизмѣ), что онъ сознательно „не сдѣлался писателемъ политическимъ,—не поклонникъ

---

[1]) Correspondance de George Sand et d'Alfred de Musset, publiée intégralement et pour la première fois d'après les documents originaux, par Félix Decori. Bruxelles, 1904.

[2]) Paul de Musset, Biographie, p. 4.

публичности и площади, что въ его притязанія *никогда не входило быть представителемъ своего вѣка и его увлеченій*".

Но „властитель думъ" несомнѣнно подчинилъ себѣ и эту неустойчивую, нервно-трепетную эгоистическую натуру съ ея жаждой острыхъ и опьяняющихъ ощущеній. Тому содѣйствовали и общія причины, вліявшія на цѣлое поколѣніе французской молодежи, и личныя, частныя. О первыхъ позаботился дать цѣнныя разъясненія самъ Мюссе въ своей „Confession d'un enfant du siècle"; вторыя раскрываются изъ поэтическихъ результатовъ его байронизма.

Странное, двойственное впечатлѣніе производитъ повѣсть съ громкимъ, многообѣщающимъ заглавіемъ „Признаніе сына своего вѣка". Сильно, мѣтко, съ вѣрнымъ пониманіемъ общественныхъ нуждъ написанное предисловіе приводитъ къ однотонному обвинительному акту противъ женщинъ, ихъ непостоянства, легкомыслія, противъ разврата и разгула, который губитъ неопытную мужскую молодежь, къ исповѣди сердечныхъ невзгодъ героя романа, обусловленныхъ растратой силъ въ похожденіяхъ полусвѣта и неумѣньемъ оцѣнить истинную любовь, къ исторіи мукъ ревности, подозрѣній, разрыва. Наблюдатель общественныхъ явленій превратился въ кающагося грѣшника; повѣсть воспроизводитъ съ легкими измѣненіями исторію любви къ Жоржъ-Зандъ [1]), и *общность* картины нравовъ совершенно утрачивается. Но изъ того, что данное авторомъ обѣщаніе не выполнено (не могъ же онъ доказать, что вокругъ „вопросовъ сердца" вращались всѣ современные интересы, что понятія *amour* и *débauche* царили надъ цѣлымъ поколѣніемъ, цѣлымъ вѣкомъ!), не слѣдуетъ, чтобы самое обѣщаніе не было вѣрно формулировано и обосновано.

Набросавъ въ яркихъ чертахъ картину наполеоновской тиранніи, могущества и паденія, Мюссе характеризуетъ затѣмъ нашествіе реакціонныхъ силъ на всю Европу. „Умиравшія уже правительства поднялись тогда съ смертнаго одра, всѣ королевскіе пауки, выдвинувъ свои крючковатыя лапы, стали разрывать Европу на части". Франція упала въ изнеможеніи; ее сочли мертвою и закутали въ *бѣлый* саванъ. „Старинное воинство съ сѣдыми головами вернулось, разбитое усталостью; въ опустѣвшихъ дворянскихъ зàмкахъ снова зажглись, печально тлѣя, огни на очагахъ". Среди этихъ развалинъ отжившаго міра вступала въ жизнь озабоченная, задумчивая молодежь,—и ея первымъ впе-

[1]) „Je m'en vais faire un roman. J'ai bien envie d'écrire notre histoire: il me semble que cela me guérira it et m'éleverait le coeur", писалъ поэтъ къ Жоржъ-Зандъ, задумывая „Признаніе". Decori, Correspondance, p. 56.

чатлѣніемъ было зрѣлище гнета, гоненія на свободную мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе оторванности отъ прошлаго, которое „все еще судорожно кривлялось“, отъ всѣхъ „ископаемыхъ опоръ былыхъ вѣковъ абсолютизма“. Чувство „невыразимаго недомоганія стало бродить въ юныхъ сердцахъ“. „Внѣшняя жизнь была блѣдна и ничтожна, внутренняя жизнь общества стала сумрачной и безгласной“. Тогда-то, говоритъ Мюссе, было испытано вліяніе двухъ европейскихъ поэтовъ, отозвавшихся на возраставшую меланхолію. Однимъ былъ Гёте съ своимъ Вертеромъ и Фаустомъ, другимъ былъ Байронъ.

Зачѣмъ понадобились послѣ мѣткаго очерка общественнаго состоянія запутанная витіеватость характеристики появленія Байрона, изображающей, напр., какъ онъ „отвѣтилъ Гёте крикомъ горя, заставившимъ Грецію содрогнуться, и вознесъ Манфреда надъ безднами, — какъ будто хаосъ былъ ключомъ къ загадкѣ, въ которую онъ облекалъ себя“,—или недальновидное и одностороннее утвержденіе, будто „съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкія и англійскія идеи пронеслись надъ нашими головами, водворилось чувство какого-то отвращенія къ жизни, за которымъ послѣдовало ужасное потрясеніе“? Не сильный въ анализѣ, Мюссе, однако, снова возвращается затѣмъ къ своимъ общимъ наблюденіямъ и, называя установившееся настроеніе разочарованіемъ или безнадежностью (désenchantement, désésperance), заканчиваетъ такимъ выводомъ: „вся *болѣзнь вѣка* происходитъ отъ двухъ причинъ,—народъ, переживщій 1793 и 1814 года, носитъ на сердцѣ двѣ раны. Того, что̀ было, нѣтъ больше; то, что̀ будетъ, еще не наступило. Не ищите иной тайны нашихъ страданій“.

Такимъ былъ, по признанію поэта, фонъ, изъ котораго могли выходить и выходили подобныя ему надломленныя натуры. Романъ, быстро перемѣщая затѣмъ центръ дѣйствія въ міръ любви и женщинъ, связываетъ съ „безнадежностью“—„развратъ“, повидимому, желая возбудить впечатлѣніе, будто это былъ безумный, дикій, съ горя, выходъ изъ угнетающей политической раздвоенности... Оговорившись, что передаетъ *не свою*, личную исторію, Мюссе все-же заявляетъ, что, „испытавъ въ ранней молодости отвратительную нравственную болѣзнь (une maladie morale abominable), онъ пишетъ для всѣхъ, кто ею страдалъ“,— и подъ рѣзко звучащимъ терминомъ понимаетъ, очевидно, и фатальную безпринципность, расшатанность, и безотчетное, необдуманное служеніе любви.

Раскаяніе, проклятія прошлому, отголоски былого разгула,— одинъ изъ неизмѣнныхъ аттрибутовъ его героевъ, тема многихъ

изліяній въ такихъ интимныхъ документахъ, какъ переписка съ Жоржъ-Зандъ. Излишество въ пользованіи этимъ мотивомъ побуждало не разъ біографовъ заподозривать, что значительная доля libertinage у Мюссе была—головная [1]). Блестяще одаренный, но „слабый характеромъ, склонный къ бездѣятельности“ [2]), и рано постарѣвшій душой („nous, vieillards nés d'hier“, говоритъ и о немъ Ролла), слишкомъ глубоко потрясенный гибелью своей единственной привязанности, Мюссе могъ бы растратить силы въ стихотворныхъ попыткахъ, ограниченныхъ рамками повседневности и лирической виртуозности, въ романтическихъ вычурахъ, сквозь которыя слышались бы стоны разбитой души. Его поднялъ и увлекъ за собой Байронъ [3]),—не тотъ мнимый виновникъ „безнадежности“, чей Манфредъ „повисъ надъ безднами“ и т. д., какимъ онъ изобразилъ его въ „Confession“, но возбудитель энергіи въ рядѣ поколѣній и чарующій образецъ художественности.

Въ то время, какъ французскіе собратья Мюссе все еще не могли освободиться отъ обаянія раннихъ поэмъ Байрона, онъ быстро переходитъ отъ нихъ (въ одномъ изъ первыхъ писемъ къ Ж.-Зандъ онъ еще сравниваетъ ея „Лелію“ съ „Ларой“) къ тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ выразился подъемъ общественной, нравственной, философской мысли Байрона, къ величественнымъ его замысламъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ блеску его сатиры, — и идетъ по байроновскимъ слѣдамъ. Была ли вполнѣ по его силамъ та часть задачи, которая провела бы его по пути Манфреда или Каина,—вопросъ иной, и на него приходится отвѣчать отрицательно вмѣстѣ съ итальянскимъ біографомъ, который видитъ у Мюссе, наряду съ „увлеченіемъ грандіозными сюжетами, неспособность овладѣть ими всецѣло, повелѣвать ими“. Но сложившійся въ его поэмахъ и стихотворныхъ пьесахъ типъ героя, развязно бравирующаго людей и судьбу, ставя выше всего свою прихоть, капризы своей сладострастной распущенности, получаетъ, подъ вліяніемъ раздумья, совсѣмъ иное освѣщеніе, становится воплощеніемъ даровитаго и погибающаго неудачника, чьи силы могли бы пойти на великую пользу людямъ. Такъ, даже смерть Жака Ролла, „изъ всѣхъ

---

[1]) Такъ думаютъ Crugnola и Поль Линдау, „Alfred de Musset“, 1879.

[2]) Его слова въ письмѣ къ Ж.-Зандъ — „Je suis d'une nature faible et oisive“ (Correspondance, 92).

[3]) Повидимому, его посвятилъ въ байронизмъ его другъ Ulrich Guttinguer, большой поклонникъ англійскаго поэта, отозвавшійся, какъ мы уже видѣли, „Диѳирамбической пѣснью“ на его смерть.

развратниковъ Парижа наиболѣе развращеннаго", все прожившаго, лишеннаго надеждъ и привязанностей, научившагося все презирать и отравляющагося у куртизанки Маріонъ, къ которой, на порогѣ смерти, въ немъ вспыхнула любовь,—эта развязка полна драматизма, будитъ состраданіе, раскрываетъ тайну разбитой и загрязненной жизнью души. Переходя въ иную, высшую сравнительно, область психическихъ явленій и выдѣляющихся характеровъ, фантазія Мюссе попыталась въ лицѣ Франка („La coupe") создать что-то въ родѣ параллели Манфреду. Альпійская природа (въ данномъ случаѣ почему-то природа Тироля, не виданнаго Мюссе и описываемаго условно) и здѣсь служитъ фономъ картины, но стремнины, потоки, снѣга, простота и воля горнаго быта не манятъ, какъ у Байрона, отрадой и успокоеніемъ разбитаго жизнью человѣка, уединяющагося среди нихъ, а кажутся, напротивъ, постылой помѣхой для безграничнаго эгоистическаго честолюбія, развившагося *въ одномъ изъ горцевъ*. Франкъ съ желѣзной послѣдовательностью и фанатически напряженной энергіей, которая временами могла бы напомнить безпощадное служеніе принципу у ибсеновскаго Бранда, вырывается изъ низкой доли, поджигаетъ бѣдную отцовскую хату, отказывается отъ личнаго счастья съ любящей его деревенской дѣвушкой и идетъ завоевывать славу и могущество. Сказочная удача превращаетъ горнаго охотника въ побѣдоноснаго полководца, любимца войска и народа, балуетъ его любовью блестящихъ и порочныхъ красавицъ, но не можетъ скрыть людской низости, двоедушія, измѣны и жестокосердія. Возмущенный и пресыщенный, онъ стремится *снова къ простотѣ и простору старой жизни*, къ искренней любви своей деревенской подруги, но злоба людская гонится за нимъ въ горное уединеніе, и несчастная Дейдамія гибнетъ отъ ножа соперницы-куртизанки.

Въ обработкѣ этого замысла много неровностей и странностей. Дѣйствіе переносится изъ реальной обстановки въ романтически вычурную среду, и непремѣнно въ ту картинную, условную, выдуманную Италію временъ ренессанса, безъ которой не могутъ и въ наше время обойтись западные, нѣмецкіе и французскіе нео-романтики. Разговоръ и необыкновенно пространные монологи Франка прерываются часто такими аксессуарами, какъ „хоръ охотниковъ". Франкъ, этотъ сынъ горъ, деревенскій честолюбецъ, надѣленъ не только чутьемъ и догадливостью относительно сложныхъ вопросовъ жизни, но и рѣдкимъ развитіемъ. Послѣ разрыва съ призрачнымъ и лживымъ міромъ онъ произноситъ длинный, книжный монологъ противъ тѣхъ „analyseurs

et sophistes“, которые хотѣли „faire les Prométhées“, но не надѣлили людей божественнымъ огнемъ, а погасили его. Порою замѣтно желаніе усвоить элементъ таинственности, окутавшей сюжетъ „Манфреда“. Во время сна Франка слышатся голоса, заклинающіе его покаяться,—но онъ не поддается ни совѣтамъ, ни предостереженіямъ.

Для того псевдо-Манфреда, который пригрезился Мюссе и былъ ему по силамъ, невыгодно сравненіе съ первообразомъ,—сравненіе не разъ производившееся. Предшествующая душевная исторія его отсутствуетъ; печальныя, гнѣвныя, протестующія рѣчи не вытекаютъ изъ нея, но приписаны натурѣ непосредственной и полной невѣдѣнія. Титаническіе порывы, потрясающіе все незыблемо установленное на землѣ и на небѣ, замѣнены эгоистической, горделивой и самовластной прихотью, въ которой нѣтъ мѣста для общихъ, человѣчныхъ симпатій. Но, со всѣми изъянами формы и содержанія, и коренными недочетами въ характеристикѣ, внушенный Байрономъ замыселъ „La coupe et les lèvres“ вызвалъ Мюссе къ такимъ лирическимъ изліяніямъ, какихъ не встрѣчаемъ у него дотолѣ. Сами по себѣ, внѣ связи съ фабулой, они воспроизводятъ тотъ процессъ душевной ломки и тяжкаго опыта, который превращалъ ослѣпительно талантливаго юношу-баловня въ сознательную, страдающую личность. Это рѣчи не Франка, а самого Мюссе, то раздраженныя, вызывающія, то презрительныя и насмѣшливыя.

Эти двѣ стороны, два способа отвѣчать судьбѣ и людямъ на несправедливость, жестокость, непониманіе, должны были, однако, выработаться еще полнѣе, совершеннѣе у Мюссе, чтобъ ясно стало, до какой высокой степени могъ бы подняться его талантъ. Таково значеніе двухъ, столь противоположныхъ одно другому, произведеній, какъ „Namouna“ и „Ночи“.

Въ поэтическомъ поколѣніи, вызванномъ къ жизни байроновскимъ „Донъ-Жуаномъ“, шутливая импровизація Мюссе занимаетъ выдающееся мѣсто. Не завлекаетъ она сложнымъ и занимательнымъ сюжетомъ,—напротивъ, авторъ умышленно удлинилъ вступленіе, характеристику героя, описаніе обстановки, лишь въ концѣ набросалъ силуэтъ той женской головки, чьимъ именемъ названа поэма, скупо, сжато обрисовалъ дѣйствіе, и прервалъ разсказъ на порывѣ самопожертвованія невольницы Намуны, охваченной любовью къ своему повелителю Гассану. Фантастическій нарядъ, которымъ задрапированъ герой поэмы, французъ-ренегатъ, скрывающій подъ именемъ Гассана и житейской обстановкой мусульманина какое-то неясное, но никоимъ образомъ не

трагическое и не преступное прошлое, — этотъ нарядъ плохо держится на тѣлѣ; въ началѣ поэмы авторъ даже освобождаетъ его отъ всякаго наряда и тратитъ много игривыхъ куплетовъ на описаніе нѣги совершенно обнаженнаго Гассана, отдыхающаго на леопардовой кожѣ послѣ ванны. Восточная затѣя, съ отпечаткомъ ранняго байроновскаго персонала, въ которомъ нѣсколько лицъ надѣлялось ренегатствомъ, совершенно не существенна, и то, что̀ кроется за нею, безконечно цѣннѣе. И это — не характеристика Гассана, выставленнаго, въ сущности, „bon enfant", даже „très enfant", и въ то же время настойчиваго въ своихъ желаніяхъ, добивающагося во что̀ бы то ни стало ихъ исполненія, и необузданно чувственнаго, но та игра ума, тонкой наблюдательности, ироніи, смѣха и печали, которая то-и-дѣло покидаетъ нить разсказа, чтобы дать просторъ мыслямъ, оцѣнкамъ и наблюденіямъ обо всемъ на свѣтѣ. Какъ бы Мюссе ни восклицалъ въ напускномъ недоумѣніи: „Byron, me direz-vous, m'a servi de modèle?" — вліяніе блестящаго образца несомнѣнно. Младшій поэтъ высмотрѣлъ у автора „Беппо" и „Донъ-Жуана" искусство геніальной causerie, допускающей всѣ контрасты, всѣ смѣны настроеній и темъ — отъ „сердца горестныхъ утратъ" до обличенія людского безумія. Онъ съ наслажденіемъ предается жонглированію съ мыслью, тѣшится надъ читателемъ, перескакивая отъ одного отступленія къ другому и притворяясь, будто онъ потерялъ нить разсказа, — „où diable en suis-je donc?" Непринужденность формы помогла ввести въ ту же рамку полную грустной поэзіи и очевидно прочувствованную варіацію на многовѣковую легенду о донъ-Жуанѣ, новый вкладъ въ объясненіе типа, близко подходящій къ тому гуманному оправданію его, которое отъ Гофмана передалось Пушкину и Алексѣю Толстому. Безграничность увлеченій объяснена тщетнымъ ожиданіемъ рѣшающей встрѣчи съ желаннымъ, идеальнымъ существомъ, надеждой на искреннюю, вѣчную привязанность; „онъ всматривался во множество лицъ, — всѣ походили на *нее*, но то не была *она*" (toutes lui ressemblaient, ce n'était jamais elle). Но съ такою же свободой Мюссе отдается сатирическимъ выходкамъ противъ свѣта и его нравственнаго кодекса, противъ отжившихъ общественныхъ формъ, борется съ чопорными традиціями литературы, — переходы, необыкновенно напоминающіе пріемы другого послѣдователя байроновскаго „Донъ-Жуана", — автора „Онѣгина".

Подобно Лермонтову съ его Печоринымъ, подобно самому Байрону, Мюссе сознавалъ раздвоеніе своей личности. Онъ го-

ворилъ брату: „je sens en moi deux hommes; l'un agit, l'autre regarde". Мучительное самообличеніе Роллы, смутная борьба высшихъ влеченій съ необузданнымъ эгоизмомъ у Франка, постигнутаго тяжелымъ ударомъ судьбы въ ту пору, когда онъ какъ будто начиналъ новую жизнь, безпечная насмѣшка „Намуны" и скрытое за нею презрѣніе и негодованіе,—показатели того процесса, который давалъ *второй*, лучшей сторонѣ личности поэта перевѣсъ и былъ главнымъ результатомъ его байронизма. Не въ состязаніи съ Байрономъ по обрисовкѣ тѣхъ же типовъ, тѣхъ же темъ, сказывался онъ, но въ правдѣ глубокаго и печальнаго лиризма. Этотъ путь привелъ Мюссе къ лучшему, наиболѣе самобытному, единственному въ своемъ родѣ среди литературы поэтическихъ признаній и исповѣди, произведенію,—къ „Ночамъ".

Много смѣнилось литературныхъ поколѣній послѣ того, какъ сложились онѣ,—теперь господствуетъ совершенно иной критическій кодексъ, чѣмъ въ дни Мюссе, и не удовлетворятъ эти грустныя грезы ни гражданственнымъ, ни философскимъ требованіямъ отъ поэзіи,—но въ задушевныхъ импровизаціяхъ, полныхъ высшей искренности, какой только въ состояніи достигнуть лирика, такая привлекающая сила, которой нельзя противостоять, — и, думается, такъ будетъ всегда... Въ обстановкѣ таинственной, но въ то же время взятой изъ дѣйствительности, — потому что въ экстатическія причуды поэта входило, по свидѣтельству брата, взволнованное ожиданіе въ позднюю ночную пору, въ ярко освѣщенной комнатѣ, появленія музы,—въ рѣчахъ вѣщей подруги, то ласкающихъ и нѣжныхъ, то печальныхъ, то полныхъ отчаянія и осужденія, и въ изліяніяхъ даровитой, но сознающей свою гибель натуры, для которой послѣ чудныхъ грезъ мая настаетъ сумракъ, холодъ и одиночество суровой декабрьской ночи, возстаетъ цѣлая трагедія разбитой, напрасно загубленной жизни, съ укоризненными воспоминаніями о свѣтлыхъ, юныхъ стремленіяхъ, съ жуткимъ сознаніемъ непоправимости, неизбѣжности нравственнаго упадка, медленнаго, тоскливаго угасанія.

Дойти отъ фривольности первыхъ стихотворныхъ шалостей, горячихъ тоновъ эпикурейскаго сладострастія, вычуръ романтическаго экзотизма, до такой лирической силы Мюссе могъ только въ школѣ Байрона. Одинъ изъ преданныхъ ему біографовъ, Арсенъ Гуссэ, въ англійскомъ этюдѣ о немъ [1]) говоритъ

---

[1]) Написанномъ для „Fortnightly Review", 1889 года.

объ „удивительной способности до того усвоить пріемы Байрона, что, казалось, Байронъ былъ не учителемъ, а братомъ Мюссе". Какъ авторъ „Ночей", французскій поэтъ свободенъ отъ упрека въ „усвоеніи"; онъ дѣйствительно кажется младшимъ, несчастнымъ братомъ великаго художника и властителя умовъ...

Мюссе былъ вполнѣ правъ, говоря о себѣ, что никогда не могъ быть „представителемъ своего вѣка". Среди сильнаго оживленія соціальной и политической мысли, среди борьбы за опредѣленные идеалы, странно выдѣляется его рано надломленное и опечаленное существованіе, съ разбитыми надеждами на личное счастье. Но идейный и художественный составъ байроническаго движенія во Франціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ бы (къ существенному своему ущербу) неполонъ, еслибъ за показными фактами прямого вліянія освободительныхъ идей Байрона на группу Гюго и за стендалевской варіацией на тему объ избранникѣ и его непреклонной волѣ не виднѣлась вдали печальная тѣнь Мюссе.

III.

Словно прямой контрастъ съ нервной безпомощностью и разочарованіемъ автора „Ночей", поражаетъ своимъ пыломъ, страстностью убѣжденій, не сломленныхъ ни тюрьмой, ни изгнаніемъ, ни неудачами и тревогами революціонныхъ попытокъ,—и своей преданностью идеалу поэзіи, какъ народной освободительницы,—личность современника Мюссе, донъ-Хозé де-Эспронседа, талантливѣйшаго изъ испанскихъ лириковъ XIX-го вѣка, поэта и политическаго вождя, въ чьей дѣятельности какъ бы сосредоточилось все, что̀ испанская народность могла внести въ движеніе байронизма.

Личная судьба Эспронседы тѣснѣйшею связью соединена съ тяжкимъ періодомъ новѣйшей исторіи Испаніи. Какъ у Гюго, его младенчество окружено военными сценами; его отецъ—одинъ изъ храбрыхъ бойцовъ въ войнѣ за независимость. Дѣтство прошло, затѣмъ, подъ гнетущими впечатлѣніями реакціонной расправы, дѣяній возродившейся инквизиціи, борьбы кортесовъ, отстаивавшихъ народныя вольности, съ абсолютизмомъ Фердинанда VII. Въ школѣ, Colegio di san Mateo, какимъ-то чудомъ сберегшей свободу преподаванія, онъ слышитъ благородныя рѣчи учителей, печальниковъ о паденіи страны, испытываетъ первыя свѣтлыя впечатлѣнія иноземной поэзіи, говорящей ему о свободѣ, знаетъ уже о Шиллерѣ, слышитъ о жизни и подвигѣ Байрона.

Тираническія, безумныя мѣры правительства, вызывавшія охлаждающіе совѣты и предостереженія со стороны европейскихъ кабинетовъ (даже русскаго, черезъ посла Поццо ди-Борго), казнь Ріэго, разбившая надежды на освобожденіе страны, вызывали въ ней повсюду организацію тайныхъ обществъ; даже масоны образовали союзъ „Defensores de la constitucion",—и Эспронседа съ своими товарищами-школьниками также основываетъ тайное политическое общество „Los Numantinos". Но это не дѣтская игра въ политику. Пламенное возбужденіе охватило молодыхъ заговорщиковъ. Трепещущіе отъ негодованія и нравственнаго потрясенія свидѣтели казни Ріэго, они связываютъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ „употребить всѣ усилія, чтобы отмстить за его смерть гонителямъ, начиная съ высшаго", и скрѣпляютъ клятву письменнымъ договоромъ, который послужилъ потомъ важною уликой противъ нихъ [1]). Доносъ выдалъ существованіе ихъ общества; слѣдствіе и судъ привели къ приговору, выславшему Эспронседу на пять лѣтъ въ францисканскій монастырь въ Гвадалахарѣ на исправленіе. Тамъ онъ обо многомъ передумалъ, съумѣлъ многое прочесть, развить себя, тамъ „нашелъ отраду въ поэзіи"; свободно, мелодично и разнообразно полились его стихи, и уже выростала его первая поэма, съ отголосками испанской старины, ея „добродѣтелей и свободы". Когда пришелъ конецъ его заточенію, — сокращенному по настоянію аббата, желавшаго избавить братію отъ общенія съ революціонеромъ,—и Эспронседа очутился на волѣ, онъ вмѣшивается въ ряды оппозиціи и вступаетъ участникомъ въ военный заговоръ. Его ждетъ новая неудача; избѣгая преслѣдованій и начавшейся расправы, онъ ищетъ себѣ на время убѣжища за предѣлами страны и черезъ Гибралтаръ направляется въ Португалію. Но между двумя сосѣдними правительствами полное согласіе и постоянная поддержка въ борьбѣ съ либерализмомъ. Эспронседа, вмѣстѣ съ другими эмигрантами, арестованъ и запертъ въ цитадели, возвышающейся надъ Лиссабономъ и изъ военной тюрьмы превращенной тогда въ арестный домъ португальскихъ и испанскихъ вольнодумцевъ.

Тайное школьное общество, армейское pronunciamiento, эмиграція и двѣ тюрьмы,—такова обстановка ранней юности поэта, таковъ прологъ къ его вѣчно взволнованной жизни. Но во время лиссабонскаго плѣна въ нее входитъ сильная струя любовнаго

---

[1]) Rodriguez-Solis. Espronceda, su tiempo, su vida y sus obras. Madrid, 1888, p. 65—67.

романтизма,—украшеніе, вдохновеніе, но и терзаніе всѣхъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Онъ нашелъ свою музу въ лицѣ дочери одного изъ товарищей по заключенію, часто приходившей навѣщать отца. „Стройная, какъ пальма, съ небесно-голубыми очами и дѣвственно чистой душой“, во всей прелести расцвѣтающей красоты (ей было всего 15 лѣтъ), Тереза отвѣтила на пылкую любовь такимъ же безграничнымъ увлеченіемъ. Мечтанія, клятвы, поэтическія импровизаціи, долгія прогулки обнявшись по террасѣ цитадели въ ароматные вечера, надъ моремъ и засыпающимъ городомъ, — полный очарованія медовый мѣсяцъ этой любви. Но онъ грубо прерванъ. Отца Терезы, испанскаго полковника, съ большими связями въ недовольныхъ военныхъ кругахъ, недовѣрчивое португальское правительство услало на одномъ изъ своихъ кораблей въ Англію; съ нимъ исчезла Тереза, — и погасъ свѣтъ въ жизни Эспронседы. Но онъ найдетъ во что бы то ни стало возможность бѣгства изъ тюрьмы,—и, конечно, не останется ни одного дня въ странѣ; для него во всемъ мірѣ одно убѣжище,—Англія, Лондонъ. Тамъ его любовь, его жизнь,—но тамъ и царство свободы, тамъ и отвѣтъ на давніе запросы его, какъ поэта; въ отечествѣ Байрона его ждало посвященіе въ тайны байронизма [1]).

Для него онъ не могъ быть модой, игрой, временной переходной ступенью развитія. Онъ нашелъ въ немъ отзвукъ на все, что волновало его и какъ преданнаго свободѣ патріота, и какъ ратующую за свои права самобытную личность; онъ отвѣчалъ широкимъ художественнымъ его требованіямъ, не признававшимъ классическаго ига, велъ его на просторъ міровыхъ вопросовъ и исторіи человѣчества,—онъ же научилъ его и лирикѣ любви, и потрясающему изображенію тѣхъ терзаній, того отчаянія, которыя вызываетъ то же чувство, когда оно поругано, искажено измѣной, предательствомъ. Въ Лондонѣ Эспронседа созрѣлъ, какъ политическій поэтъ, обличавшій позоръ родной страны съ такой же силой убѣжденія, какъ Байронъ въ его ѣдкихъ сатирахъ,—какъ агитаторъ-эмигрантъ, напряженно ждавшій минуты, когда онъ съ единомышленниками вторгнется въ Испанію и поборется съ деспотизмомъ, — какъ мыслитель, передъ которымъ носились грандіозные, въ духѣ Байрона и Шелли, философско-поэтическіе замыслы, — какъ пѣвецъ рокового, мучительнаго, но неодолимаго чувства.

---

[1]) Характеристику этого момента въ жизни поэта сравн. въ статьѣ Enrico Pineyro, „Espronceda“, въ Bulletin hispanique, 1898, IV.

Свиданіе съ Терезой поразило его тяжкимъ ударомъ. Принесла ли она себя въ жертву, испытавъ съ отцомъ большія лишенія на чужой сторонѣ, и сошлась въ Лондонѣ съ поселившимся тамъ богатымъ испанскимъ купцомъ, ища поддержки и защиты,—сказался ли въ этомъ мимолетный капризъ чувственности,—но убѣдиться въ измѣнѣ боготворимаго существа, видѣть, кого предпочла ему Тереза, было слишкомъ мучительно для Эспронседы. Его появленіе возбудило въ ней новый приливъ чувства къ нему; романтика первой любви взяла верхъ. Не могъ и онъ вырвать изъ сердца слишкомъ глубокой привязанности. Тереза понимала это, и съ необыкновенной плѣнительностью и геніальнымъ кокетствомъ, о которомъ говорятъ воспоминанія всѣхъ знавшихъ ее, приковала къ себѣ своего поклонника. Годы прошли въ этой мучительной и сладостной зависимости. Порваны были лондонскія связи Терезы; ея личная судьба принимала потомъ самыя прихотливыя формы; она умѣла порою дѣлить съ своимъ другомъ всѣ случайности и опасности эмигрантства, агитаціи, но и онъ слѣдовалъ за нею, не могъ разлучаться надолго, мирился, прощалъ, снова поклонялся,—и едва пережилъ ея смерть.

Три года житья въ Англіи были для него, какъ политическаго дѣятеля, порою собиранія силъ и разносторонней подготовки. Тѣсно сплоченная семья испанскихъ эмигрантовъ, постоянно сносившаяся съ отечествомъ, увидала въ парижской революціи 1830 года предвѣстіе крушенія абсолютизма и въ Испаніи. Дѣятели ея, съ Эспронседой во главѣ (послѣ участія его въ борьбѣ на парижскихъ баррикадахъ), перенесли свой агитаціонный центръ въ Парижъ, чтобы быть ближе къ отечеству. Правительство Луи-Филиппа выказало такое же гостепріимство испанскимъ выходцамъ, какъ и представителямъ нѣмецкаго свободомыслія или итальянскимъ и польскимъ патріотамъ. Парижъ послѣ іюльскаго переворота сталъ для Эспронседы такимъ же средоточіемъ умственнаго возбужденія, отражавшагося во всей Европѣ, какъ для Гейне, Бёрне или Мицкевича.

Но король Фердинандъ демонстративно не захотѣлъ признать Луи-Филиппа, ставленника народа, революціоннаго короля. Между обѣими странами установились враждебныя отношенія; ожиданія уступокъ и реформъ со стороны испанскаго правительства, которое могло бы наконецъ, при видѣ усиливающагося броженія и подъ вліяніемъ французскаго переворота, сдаться духу времени, были разстроены. Оставалось прибѣгнуть къ политикѣ дѣйствія. Было основаніе разсчитывать на негласную

поддержку Франціи или на ея невмѣшательство, если черезъ границу двинутся, навстрѣчу народнымъ бандамъ, отряды испанскихъ волонтеровъ. Эспронседа, конечно, и здѣсь впереди всѣхъ, и съ летучимъ отрядомъ появляется въ Наваррѣ.

Печально окончилась эта первая, отчаянно смѣлая революціонная попытка поэта и его единомышленниковъ. Королевскія войска, во-время увѣдомленныя, противопоставили нѣсколькимъ инсургентскимъ небольшимъ отрядамъ, умышленно разбившимъ свои силы, желая вести партизанскую войну, всюду подавляющее превосходство силъ. Эспронседа выказалъ беззавѣтную храбрость; его ближайшій другъ-эмигрантъ, полковникъ De Pablo (прозванный Chapalangarra) былъ убитъ, къ великому его горю; послѣ упорной борьбы другіе отряды были отброшены къ границѣ. Надежды рушились, и Эспронседа, повидимому, готовъ былъ, какъ Байронъ, отдаться освобожденію иной страны, если нельзя освободить свое отечество [1]). Но онъ преодолѣлъ сомнѣнія, дождался перехода вліянія и власти отъ Фердинанда къ Христинѣ, начала уступокъ народу, призыва въ составъ правительства умѣренно либеральныхъ политиковъ, поспѣшилъ вернуться въ Испанію, съ горячностью бросился въ публицистику, снова навлекъ на себя гоненіе, очутился въ тюрьмѣ, послалъ изъ нея страстный протестъ королевѣ,—и вышелъ, наконецъ, на свободу. Съ той поры до самой его смерти идетъ непрерывная, напряженная его дѣятельность на пользу народа и во имя свободы. Среди междоусобій, вызванныхъ организаціей карлистскихъ шаекъ, но повед шихъ за собою новыя стѣсненія для всей массы, осадное положеніе въ Мадридѣ, онѣмѣніе печати, Эспронседа является дѣятельнымъ пропагандистомъ-республиканцемъ, предпринимаетъ агитаціонныя поѣздки по провинціямъ, ораторствуетъ, волнуетъ умы. Когда, въ 1841 году, наконецъ, водворенъ былъ парламентаризмъ, онъ—главный, выдающійся дѣятель въ кортесахъ, и дошедшія до насъ краснорѣчивыя его рѣчи полны юношеской возбужденности; за нѣсколько дней до смерти еще раздавался въ палатѣ западавшій въ душу голосъ его.

Необозримый водоворотъ всевозможныхъ настроеній, ощущеній и испытаній, полный контрастовъ надежды и разочарованія, тяжелый житейскій опытъ, бездна гнѣва, негодованія и горя,

---

[1]) Есть свѣдѣнія о неудавшемся намѣреніи Эспронседы вступить въ ряды легіона, собиравшагося въ Парижѣ на помощь возставшей Польшѣ. Правительство Луи-Филиппа запретило вербовку въ этотъ отрядъ. Сравн. біографію поэта, написанную Antonio Ferrer del Rio для изданія „Obras poeticas“ Эспронседы, Madrid, 1884, также у Rodriguez-Solis, 107.

прибереженныя судьбою къ концу жизни поэта испытанія—разрывъ съ Терезой и смерть ея,—и, несмотря ни на что, неистощимая энергія и вѣра въ конечный успѣхъ,—вотъ основа для поэзіи Эспронседы, развивавшейся въ связи съ его политикой, сливаясь съ нею, какъ у Байрона, въ одинъ образъ великой освободительной силы.

Эспронседа не былъ одинокъ въ своихъ байроническихъ симпатіяхъ среди новаго поколѣнія испанскихъ писателей. Такіе же, какъ онъ, эмигранты занесли (о чемъ мы упоминали въ нашемъ очеркѣ: „Школа Байрона") въ Испанію раннія вѣсти о Байронѣ, и журналъ 1823—24 гг., „El Europeo", содѣйствовалъ распространенію этихъ идей. Но ни въ комъ изъ его сверстниковъ не встрѣтили онѣ такого полнаго отзвука, какъ въ немъ, казалось, призванномъ къ ихъ пропагандѣ.

Всѣ звуки байроновской гаммы откликаются въ его поэзіи, остающейся, несмотря на то, вполнѣ субъективной [1]). Сонеты и серенады дышатъ страстью, но надъ искренней любовной лирикой высится величественный „Гимнъ къ солнцу", въ оправѣ картинъ Вѣчности и торжества Свѣта; „Пѣснь Пирата", напоминающая своими красками „Корсара", встрѣчается съ раздумьемъ элегій, и въ особенности романса „Къ ночи", окутаннаго таинственной дымкой. Но политическое стихотворство оттѣсняетъ эти изліянія и порою захватываетъ все творчество. Тогда создается „Пѣсня казака" (El canto del cosaco) съ ея хоровымъ припѣвомъ: „Hurra, cosacos del desierto, hurra!",—внушенная не только воспоминаніями о казакахъ въ Парижѣ 1814 года, но и недавнею расправою въ Польшѣ, звучащая побѣднымъ вызовомъ „надвинувшейся на міръ грубой и хищной силы, попирающей одряхлѣвшую Европу" (y à esa caduca Europa á nuestros pies),—тогда возникаютъ многочисленныя боевыя стихотворенія изъ текущей революціонной поры въ Испаніи. Одно изъ нихъ еще близко къ байроновскому эллинофильству, но въ этихъ „Сѣтованіяхъ дочери греческаго ренегата" сквозитъ гнѣвъ испанскаго патріота на отступниковъ,—а за нимъ идетъ цѣлымъ потокомъ лирика поэта-инсургента и агитатора. Онъ славитъ память погибшихъ за свободу и посвящаетъ задушевную элегію убитому рядомъ съ нимъ при вторженіи въ Испанію храбрецу Chapalangarra,—зоветъ въ стих. „Guerra" къ всеобщему ополченію во имя двухъ чудныхъ силъ—„*patria y libertad*",—громитъ нрав-

[1]) Поэтическія произведенія Эспронседы собраны и изданы были Патрасіемъ де-ла-Эскозура въ Мадридѣ 1884 („Obras poeticas"). Проза его все еще не собрана.

ственное паденіе и рабскій духъ Европы („A la degradacion de Europa“),—напоминаетъ обезсилѣвшей Испаніи о героизмѣ и вольнолюбіи далекихъ предковъ,—а въ превосходной элегіи „Къ отечеству“, написанной еще въ эмигрантскіе годы, въ Лондонѣ, предается горю при видѣ безпросвѣтнаго упадка и позора страны, изъ которой должны скрываться честные люди и блуждать отверженными и одинокими въ чуждомъ краю. Мотивъ душевнаго одиночества, развившійся во время изгнанія и особенно сильно выступающій въ стихотвореніи „Soledad del alma“, встрѣчается въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ, когда настала активная пора, съ ѣдкимъ обличеніемъ косности и инертности толпы, неспособной поддержать дружнымъ подъемомъ великаго дѣла освобожденія. Но за красотой и силой лирики выступаютъ обширные эпическіе замыслы поэта,—тѣ, что доставили ему въ общемъ литературномъ движеніи Европы наибольшую извѣстность, *легенда*: „El estudiante de Salamanca“, и поэма: „El diablo mundo“.

Въ богатомъ стихотворномъ убранствѣ, какое только могла дать автору эволюція поэтической формы къ началу девятнадцатаго вѣка, съ новыми красотами гармоніи и изящно-свободной прихоти, чья тайна принадлежала Эспронседѣ, ожила въ „Саламанкскомъ студентѣ“ старая легендарная фабула изъ донъ-жуановскаго цикла,—не напоминая байроновское толкованіе типа въ его міровой сатирѣ, но, черезъ двухвѣковой промежутокъ, возвращаясь къ самой основѣ, къ пошибу пьесъ Тирсо де Молины и старыхъ итальянцевъ. Поэтъ самъ называетъ героя своего, донъ-Феликса де-Монтемаръ, „вторымъ донъ-Жуаномъ Теноріо“; обѣщая только „передать о немъ преданіе въ томъ видѣ, какъ его слышалъ“, онъ вводитъ насъ въ обстановку старой Испаніи съ ея повѣрьями, полными мистики и таинственности, призраковъ и пришельцевъ изъ загробнаго міра. Повѣствованіе о безумномъ прожиганіи жизни, издѣвающемся надъ всѣмъ, что есть въ ней святого и чистаго, онъ заканчиваетъ рядомъ сумрачно-зловѣщихъ картинъ, гдѣ глухою ночною порой передъ донъ-Феликсомъ является неотразимо манящее къ себѣ видѣніе женщины подъ бѣлымъ покрываломъ, влечетъ его за собой въ кругъ вьющихся въ пляскѣ тѣней и призраковъ, заставляетъ его присутствовать при погребальной процессіи, гдѣ въ одномъ мертвецѣ онъ узнаетъ убитаго брата соблазненной имъ и безконечно любившей его дѣвушки, въ другомъ — свои черты; но его привели на свадьбу; видѣніе, одаренное нѣжнымъ голосомъ несчастной Эльвиры, окружаетъ своего милаго ликованіемъ толпы

мертвецовъ, прижимаетъ свои уста скелета къ губамъ супруга, и въ вихрѣ пляски, въ стонахъ адскихъ пѣсенъ, гаснетъ жизнь, до послѣдней минуты полная отваги, самоувѣренности и отпора.

Сынъ своего вѣка и горячій приверженецъ народнаго развитія, Эспронседа позволилъ себѣ поэтическую вольность, унесшую его вглубь давнопрошедшаго, опытъ оживленія ветхой темы,—но духъ байроновской школы побудилъ его вдохнуть въ завѣщанный образъ героя сверхъ-человѣческую, титаническую силу; его Монтемаръ дѣйствительно „грандіозная, сатанинская личность, дивная въ своемъ безуміи, съ открытымъ челомъ пролагающая себѣ путь, бросая вызовъ небесному гнѣву“:

Grandiosa, satànica figura,
Alta la frente, Montemar camina.
Espiritu sublime en su locura,
Provocando la còlera divina.

Его не устрашатъ ни людская враждебность, ни „сила нездѣшняя“; на дуэли, въ игорномъ домѣ, среди пляски мертвыхъ, онъ тотъ же безстрашный боецъ, способный вызвать на поединокъ самую судьбу. На немъ несомнѣнный отпечатокъ байроновскихъ борцовъ. А его образъ оттѣненъ такими красотами, какъ печальный ликъ умирающей Эльвиры, какъ полное блаженныхъ воспоминаній о быломъ счастьѣ, предсмертной тоски и томящаго одиночества, послѣднее, прощальное письмо ея къ своему соблазнителю,—какъ чудные поэтическіе пейзажи южной ночи, подъ чьимъ покровомъ творятся тайныя дѣла нѣжности, вражды, мщенія,—или полныя мрачной фантастики сцены „danse macabre“. Въ творчествѣ поэта-революціонера эта художественная вольность, оперщаяся на солидарность съ Байрономъ даже въ легендарно-археологической обстановкѣ, по праву заняла выдающееся мѣсто.

Такая же вольность, но безъ связи съ какими бы то ни было легендами, широкая, безграничная,—до того, что поэту не удалось выполнить всего замысла,—призванная охватить въ прихотливой формѣ, не поддающейся никакой теоріи, всѣ важнѣйшіе вопросы, волнующіе искони человѣчество, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю политическую и общественную „злобу дня“ въ современной Испаніи, выстраданную на дѣлѣ Эспронседой, создала второе и важнѣйшее изъ его обширныхъ произведеній, поэму: „El diablo mundo“, Міръ-Сатана.

Шесть пѣсенъ и нѣсколько отрывковъ седьмой пѣсни—вотъ все, что осталось въ посмертномъ наслѣдствѣ Эспронседы отъ

необъятно раскинувшейся въ его воображеніи фабулы, своеобразной, мятежной, вѣчно измѣнчивой, порою неуловимой. Она увѣнчана заглавіемъ, которое уже звучитъ загадкой. Это—эмблема всего человѣческаго общества, всего вселенскаго строя,—говорятъ одни, ссылаясь на слова самого поэта; это—картина постояннаго превосходства духа зла надъ добромъ, повсемѣстнаго торжества діавола,—говорятъ другіе [1]). Фантастическое встрѣчается съ ультра-реальнымъ; краски пестры до-нельзя; „то трагическій котурнъ, то звуки эпической трубы, то плавная, спокойная мелодія, то тривіальный тонъ, то шутка, то глубокое, печальное раздумье и широкій полетъ философской мысли",—все входитъ въ повѣствованіе, порою превращенное въ драматическій діалогъ, порою—въ сплошное лирическое изліяніе. Кто отважится преградить путь художнику-мыслителю, подчинить его какой бы то ни было формѣ или традиціи? И онъ свободно предваряетъ свой разсказъ таинственно-волшебнымъ прологомъ, гдѣ дѣйствуютъ хоры демоновъ и видѣній, носящіеся въ воздухѣ, и поэтъ, внимающій ихъ голосамъ,—а вторую пѣснь, надписанную: „Къ Терезѣ",—чуждую общему сюжету, но усиливающую печальную его мораль новой, лично выстраданной скорбью,—посвящаетъ воспоминанію о той завѣтной своей привязанности, которая была и свѣтомъ, и отравой его жизни, и возлагаетъ погребальный вѣнокъ на дорогое когда-то чело. Байроновскій „Манфредъ" вовлекъ его и въ фантастику, и въ состязаніе съ міровыми силами, тогда какъ „Донъ-Жуанъ" любимаго поэта научилъ свободѣ остроумія и сатиры въ тѣхъ частяхъ разсказа, гдѣ испанская дѣйствительность, съ ея царствомъ застоя, вступаетъ въ свои права. Боецъ въ политической жизни, Эспронседа остается бойцомъ и непослушнымъ новаторомъ въ своей лучшей поэмѣ.

„Поэтъ" (въ прологѣ) въ ропотѣ на судьбу и божество, напоминающемъ въ средѣ байронизма развѣ только подобный же сильный моментъ въ III-ей пѣсни мицкевичевскихъ „Дзядовъ", съ гнѣвомъ и горечью возмущается противъ „вѣчнаго рабства", противъ тенетъ и тюремъ, въ которыхъ бьется человѣчество, созданное „съ мыслями ангеловъ и съ пошлымъ ничтожествомъ звѣрскихъ стремленій", влачащее жизнь, въ которой „несомнѣнно только одно—его безсиліе", пробивается сквозь всѣ преграды, чтобы передъ лицомъ вѣчныхъ силъ заявить свои запросы о

[1]) Escosura, „Don José Espronceda, su personalidad poetica y sus obras", приложеніе къ „Obr. poeticas", 60.

смыслѣ жизни, о судьбѣ духа человѣческаго, о вѣчности и безсмертіи,—а надъ нимъ вьются духи, наполняя воздухъ шепчущими голосами, полными манящаго соблазна, говоря о прелестяхъ славы, богатства, наслажденій, безпечности, или возбуждающими его отчаяніе картинами несчастій и страданій. Неземные это образы и звуки, или это *его* личныя грёзы, *его* бредъ, имъ же сложенныя поэтическія созданія,—но мучатъ они его, удрученнаго неодолимой человѣческой долей, безконечно и непроглядно, и слышится ихъ припѣвъ: „духи, спѣшите, спѣшите раздѣлить зло свое съ человѣкомъ!"

Когда занавѣсъ поднимается надъ самимъ сюжетомъ поэмы, демонической фантастикѣ—конецъ, и въ свои права вступаетъ житейская проза. Связующимъ звеномъ для ея сценъ служатъ личность и похожденія центральнаго лица, имя котораго, „Adan", задумано, какъ нарицательное прозвище человѣка—par excellence. Какъ Фауста, мы застаемъ его сначала старымъ, ветхимъ, пережившимъ всѣ желанія; свѣтлое видѣніе, представшее передъ нимъ, усыпляя его грёзой о новой жизни, полной безконечныхъ впечатлѣній, возвращаетъ ему молодость, и, утративъ память о прошломъ, онъ вступаетъ въ иное существованіе, полный воспріимчивости. Поэтъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что онъ долженъ передавать факты жизни послѣ ряда великихъ мастеровъ, его предшественниковъ, „послѣ *Байрона*, Кальдерона, Шекспира, Сервантеса", но все-же рѣшается приступить къ разсказу о томъ, что̀ стало раскрываться передъ Аданомъ, когда свѣжій, юный, наивный, онъ пошелъ навстрѣчу радугѣ жизни. И идутъ тогда вереницей грубые и жесткіе уроки *настоящей* дѣйствительности; авторъ хотѣлъ провести его черезъ разнообразнѣйшія житейскія положенія, черезъ различные общественные слои, слишкомъ широко раскидывая границы и рамки, какъ Байронъ въ „Донъ-Жуанѣ", и такъ же, какъ онъ, осуждая себя на недоговоренность, невыполненность плана.

Эспронседа сразу расходится съ своимъ образцомъ въ выборѣ бытовой обстановки, погружая Адана съ первыхъ же шаговъ въ плебейскіе, низменные слои, на дно общества, вводитъ въ среду преступности, разврата, хищничества, гдѣ гибнутъ силы, склонныя къ свѣту и добру, гдѣ всего безотраднѣе доля женщины. Задушевнымъ горемъ проникнута сцена у едва остывшаго трупа дѣвушки изъ пролетаріата, соблазненной и погибшей; горькія, кающіяся жалобы ея матери, хозяйки притона, встрѣчаются съ вызывающими рѣчами Адана, впервые стоящаго передъ лицомъ смерти, отказывающагося вѣрить, чтобы такому

чудному созданію суждена была гибель, и изумляющаго осиротѣвшую женщину твердой надеждой на возвратъ жизни. Въ лицѣ такой же плебейки, которая окружена была съ дѣтства порокомъ и называетъ себя „дочерью вора, гнилымъ, порченнымъ плодомъ“, Аданъ самъ встрѣчаетъ искреннюю привязанность; Salada удерживаетъ его отъ соблазновъ двусмысленной братіи, видимо сбирающейся вовлечь его въ преступленіе, не боится насмѣшекъ этихъ людей надъ „діаволомъ, превратившимся въ проповѣдника“, и готова на всѣ жертвы, чтобы спасти своего друга. Всѣ такія существа гибнутъ,—какъ погибла въ иной средѣ и дорогая поэту Тереза, вдохновительница его юныхъ думъ и свѣтлыхъ влеченій,—и печалью обвѣянъ тотъ уголокъ земли, гдѣ „схоронена красота ея, теперь—жалкая тлѣнная пыль“. „Терезы нѣтъ, но жизнь прекрасна, природа сіяетъ,—что за дѣло міру до того, что стало однимъ трупомъ больше!“ И все ростетъ, все углубляется этотъ гамлетовскій пессимизмъ, и слышатся байроновскія рѣчи о человѣкѣ, скелетѣ съ нервами и кожей, безотчетно появляющемся на свѣтъ и столь же непонятно исчезающемъ, согрѣтомъ душой, этимъ таинственнымъ пришельцемъ, этимъ метеоромъ. Зрѣлище людскихъ отношеній, контраста избытка и бѣдности, торжествующаго паразитизма, царства денегъ, проходящее передъ глазами Адана и ярко освѣщаемое комментаріями поэта въ его постоянныхъ отступленіяхъ отъ сюжета (онъ часто говоритъ о „misdigresiones“), содѣйствуетъ тому же пессимизму. Впереди—непроглядная масса зла и несправедливости ждетъ Адана. Ему предсказана великая и страшная участь. „Ты увидишь движеніе вѣковъ и будущность міра“,—звучало это предсказаніе; „вѣка̀ будутъ кружиться въ безконечномъ движеніи, народы будутъ умирать; ты запросишь пощады у неба и въ агоніи проклянешь вѣчность“.

Но, вопреки всему, жива и вѣчно дѣятельна въ борьбѣ со зломъ освобождающая мысль. Вступая въ жизнь, самъ поэтъ уже былъ полонъ жаждой подвига, его привлекали тогда „мечъ Катона, благородство Брута, безстрашность Сцеволы и Сократа“; это лучшія его воспоминанія, и этимъ идеямъ онъ остался навсегда вѣрнымъ. Въ посмертномъ отрывкѣ изъ поэмы, надписанномъ: „Ангелъ и поэтъ“, передъ лицомъ ангела, вызывающаго его оторваться отъ связей съ грѣшнымъ міромъ и познать высокое, божественно-величавое призваніе творчества, поэтъ изливаетъ безконечную свою тоску, причиняемую равнодушіемъ и черствостью людскою, но, чувствуя призывъ къ небесному, неземному, останется вѣренъ неблагодарному, тяжелому своему труду.

Борьбу съ „міромъ-сатаною" поэтъ ведетъ не только байроновскимъ оружіемъ гнѣвнаго обличенія или укоряющаго раздумья; ему нуженъ и другой, испытанный его учителемъ, способъ войны,—насмѣшка. Болѣе склонный патетически воспринимать факты жизни, онъ пользуется и этимъ видомъ оружія; тогда онъ становится реалистомъ-бытописателемъ, даже остроумнымъ causeur'омъ. Сцены въ тавернѣ или въ тюрьмѣ, гдѣ очутился Аданъ, цинически развязная исповѣдь стараго проходимца Lucas и весь характеръ его, рельефно очерченный, всюду разсѣянныя колкія выходки поэта противъ административныхъ, полицейскихъ, церковныхъ, литературныхъ испанскихъ нравовъ, немало украшаютъ разсказъ. Юморъ автора доходитъ до крайняго напряженія въ набросанной рѣзкими мазками картинѣ всеобщаго сумбура, поднявшагося въ столицѣ послѣ эксцентрическаго, по-боккачьевски непринужденнаго инцидента,—появленія Адана, спасающагося отъ преслѣдованія среди бѣлаго дня въ первобытномъ видѣ... безъ костюма. Подхваченное стоустою молвой и сплетней, это необыкновенное событіе выростаетъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Аданъ превращенъ въ анархиста, у него есть сообщники, задуманъ переворотъ, престолъ въ опасности, съ церковныхъ каѳедръ громятъ враговъ отечества, наемные писаки проповѣдуютъ походъ противъ нихъ, войскамъ приказано быть наготовѣ, у пушекъ дымятся фитили,—и объявляется военное положеніе.

Еслибъ судьба дала поэту выполнить широкій планъ задуманнаго пересмотра жизни, какъ царства зла, его „El diablo mundo" заняло бы выдающееся мѣсто въ новой европейской поэзіи. Вѣчно дѣятельная, перегоравшая отъ напряженія, энергія его, не знавшая различія между словомъ и дѣломъ, но умѣвшая страстно продвигать ихъ совмѣстно впередъ, прервала его поэму почти на полусловѣ. Но это не наноситъ непоправимаго урона тому обаянію, которое неразрывно соединено со всею личностью Эспронседы; въ обломкѣ его замысла сказался онъ весь,—и въ международной литературной группѣ, вызванной къ жизни движеніемъ байронизма, врядъ ли найдется другой послѣдователь великаго англійскаго поэта, который съ такой цѣльностью, съ такимъ убѣжденіемъ донесъ бы до послѣднихъ своихъ дней преданность излюбленному направленію, какъ поэтъ-трибунъ Эспронседа.

IV.

Въ нестерпимо душной общественной атмосферѣ Германіи 1830—1848 годовъ—Байрону суждено было проявить такое же возбуждающее вліяніе, какъ въ истомленной „темной реакціонной ночью“ (noche oscura) Испаніи. Служеніе греческому дѣлу, доставившее Байрону большую популярность въ нѣмецкихъ интеллигентныхъ слояхъ, уже сосредоточило вниманіе на положительной сторонѣ его дѣятельности; сравнительно съ нею отступали на второй планъ художественныя, творческія красоты. О поэтѣ вспоминали въ сочувственныхъ стихотвореніяхъ, смѣнившихъ собою первыя некрологическія изліянія,—какъ о пѣвцѣ свободы, избавителѣ народовъ изъ-подъ гнета. Такъ, въ циклѣ *Totenkränze*, прославившемъ великихъ людей творчества, мысли и политической дѣятельности (1828), воспѣлъ его Цедлицъ [1]), проводя передъ читателемъ разные моменты жизни Байрона, когда затрачивались его лучшія силы, и съ сокрушеніемъ повторяя въ концѣ каждаго куплета: „Былъ ли онъ счастливъ?“ (Doch war er glücklich?)—но находя для него, какъ для Гёте, высшее удовлетвореніе въ томъ, что онъ много послужилъ дѣйствительной жизни. Появленіе большого полнаго собранія сочиненій Байрона въ переводахъ нѣмецкихъ стихотворцевъ подъ редакціею профессора Адріана [2]) усилило извѣстность и распространенность байроновской поэзіи въ Германіи, но, въ противоположность тому, что̀ наблюдалось въ дни молодости Гейне, преимущественное вниманіе направлялось теперь на элементъ борьбы, сатиры, обличенія, политической пропаганды, образцовъ котораго новое изданіе давало въ изобиліи. Отголоски іюльской революціи будили и волновали умы; возстанія въ Бельгіи и въ Польшѣ поддерживали возбужденіе; изъ отечества Байрона приходили вѣсти о сильно разгоравшемся ирландскомъ народномъ движеніи, поднятомъ О'Коннелемъ,—и, слѣдя за его перипетіями, нѣмецкая молодежь глубоко сочувствовала многострадальной странѣ (современемъ Фрейлигратъ, въ прекрасномъ стихотвореніи „Irland“, заявилъ, что „къ ней еще болѣе, чѣмъ къ Риму Гарольда-Бай-

---

[1]) Типическій представитель *австрійской* группы нѣмецкихъ романтиковъ, Цедлицъ (авторъ извѣстнаго „Ночного смотра“) прекрасно перевелъ „Чайльдъ-Гарольда“—Ritter-Harold's Pilgerfahrt, im Versmass des Originals uebersetzt, Stuttgart, 1836.

[2]) Lord Byron's sämmtliche Werke, herausg. von Dr. Adrian, Prof. an d. Universit. Giessen (первый томъ—біографія), Frankfurt, 1830.

рона, пристало имя *Ніобеи народовъ*",—Dichtungen, III, 149). За политическими судорогами Италіи двадцатыхъ годовъ настала пора долголѣтней, напряженной агитаціи „Молодой Италіи" и ея вождя, молодого Мадзини, байроновскаго поклонника. Среди такихъ условій понятна чуткость къ политическимъ мотивамъ въ иноземной поэзіи и стремленіе развить, разработать ихъ въ поэзіи отечественной. Тяжелое зрѣлище невозможныхъ, патріархально попечительныхъ условій, скрѣпленныхъ авторитетомъ Германскаго-Союза, и позорной отсталости отъ остального культурнаго міра, вызывало томленіе и щемящую тоску по утраченной свободѣ. „Германія—это Гамлетъ; каждую ночь къ нему является призракъ насильно похороненной народной свободы и требуетъ отмщенія",—восклицалъ впослѣдствіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ вдохновенномъ стихотвореніи юный Фрейлигратъ [1],—но въ ту пору, когда писались эти строки, нерѣшительный, замученный рефлексіею нѣмецкій Гамлетъ начиналъ уже переходить къ дѣйствіямъ и въ 1848 г. пережилъ лихорадочный пароксизмъ энергіи. Насколько же правдивѣе была картина и жестче укоризна молодого поэта въ примѣненіи къ глухой порѣ начала тридцатыхъ годовъ, такъ рѣзко совпавшей съ всеобщимъ оживленіемъ вокругъ!

Все, что говорило о возрожденіи, подъемѣ, что напоминало объ идеалѣ свободы и обличало ея противниковъ, являлось тогда желаннымъ для разрозненныхъ представителей пробуждавшагося молодого поколѣнія. Байроновская поэзія была въ первыхъ рядахъ, но вѣдь и во вліяніи французской поэзіи, Гюго и его сверстниковъ, вслѣдствіе ея связей съ англійскимъ образцомъ сказывалось то же отраженное воздѣйствіе на нѣмецкое литературное настроеніе; уроки парламентарной жизни, свободной публицистики, вліяніе соціальныхъ системъ, въ особенности сенъ-симонизма, довершали воспитаніе, подготовку. Таковъ фонъ „Молодой Германіи", этой даровитой плеяды, блестяще выступившей, сдѣлавшей рядъ смѣлыхъ заявленій, но скоро, слишкомъ скоро разбитой, разсѣянной, замученной, заклейменной, осужденной на нѣмоту, поставленной внѣ закона. Пока ея дѣятели „горѣли свободой", на нихъ шелъ непрерывный токъ оживляющей энергіи изъ парижскаго приволья, отъ обоихъ ея вождей-эмигрантовъ, Бёрне и Гейне, изъ того наслѣдія, что оставилъ послѣ себя авторъ „Гарольда" и „Донъ-Жуана", изъ воинствующей лирики

---

[1]) „Hamlet" входитъ въ составъ цикла „Ein Glaubensbekenntniss", 1844, Freiligrath, Gesammelte Dichtungen, III, 86.

иныхъ передовыхъ поэтовъ и изъ дѣятельности соціальныхъ реформаторовъ. Какъ для Бёрне, встрѣтившаго необыкновенно сочувственною статьей появленіе Муровой біографіи Байрона, англійскій поэтъ казался божественно просвѣтленнымъ своими страданіями, лучезарной вольной кометой, съ дикой свободой пронесшеюся надъ міромъ, искреннимъ другомъ *человѣчества*, презиравшимъ лишь *людей*, великимъ и въ одиночествѣ [1],— и для такого вѣрнаго послѣдователя Бёрне, какъ Гуцковъ, Байронъ — одинъ изъ главныхъ выразителей духа новаго времени; очевиднымъ доказательствомъ геніальной чуткости старца Гёте, безостановочно шедшаго наравнѣ съ вѣкомъ, въ его глазахъ является глубокое сочувствіе Байрону и желаніе объяснить современникамъ его значеніе. Только одна пьеса (сполна до насъ не дошедшая), „Марино Фальеро“, остается свидѣтельствомъ состязанія, въ которое Гуцковъ задумалъ-было вступить съ Байрономъ - драматургомъ, обработавъ одинъ изъ его сюжетовъ. Но общая солидарность его съ поэтомъ несомнѣнна [2]). Еще опредѣленнѣе она у главнаго теоретика школы, Винбарга, чья книга „Aesthetische Feldzüge“, поспѣшно запрещенная прусскою цензурой, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе еретическими сужденіями о литературныхъ именахъ первой величины, проповѣдью сближенія словесности съ насущными общественными запросами, и новшествами въ проблемахъ нравственности и религіи. По взгляду Винбарга, Байронъ явился предтечей непосредственной европейской современности, указавшимъ ей пути; онъ воплотилъ въ себѣ лиризмъ новаго времени, проникнутый революціоннымъ вдохновеніемъ. „Великій поэтъ, выступающій въ нашу эпоху, призванъ изображать борьбу и волненія своей поры и своего собственнаго сердца“, и Байронъ выполнилъ съ удивительной силой эту задачу. Его ближайшимъ преемникомъ критикъ считаетъ Гейне, съумѣвшаго слить байронизмъ съ вольтерьянствомъ, — и такимъ путемъ устанавливаетъ послѣдовательную связь съ дѣятелями „Молодой Германіи“, образующими третье поколѣніе вождей прогресса [3]). Горячо написанная, подъ

---

[1]) Ludwig Börne, „Briefe aus Paris“, vier und vierzigster Brief, 20 марта 1831 г. Бёрне готовъ былъ бы „отдать всѣ радости своей жизни за одинъ годъ страданій Байрона“.

[2]) О Гуцковѣ сравн. новѣйшую диссертацію J. Dresch, „Gutzkow et la Jeune Allemagne“, Paris, 1904, съ неизданными письмами—также Johann Proelss, „Das Junge Deutschland“, Stuttgart, 1892.

[3]) „Aesthetische Feldzüge, dem Jungen Deutschland gewidmet“, Hamburg, 1834, 22 и 23 главы,—также у Dresch, стр. 165—66.

вліяніемъ польскаго возстанія и отношенія къ нему Германіи, сатирическая картина общества, которое готово отвлеченно увлекаться идеей освобожденія страдающихъ народовъ, даже любуется описаніемъ освободительныхъ подвиговъ, но остается безучастнымъ къ такимъ опредѣленнымъ задачамъ, въ которыхъ честь и человѣчность требуютъ вмѣшательства и прямого участія,—тѣмъ болѣе выдѣляетъ заслуги такихъ людей, какъ Байронъ, не знавшихъ разлада идеи и поступка. Генрихъ Лаубе, идя по слѣдамъ Байрона, увлекается движеніемъ, явившимся послѣднимъ словомъ народно-освободительной программы, подъ вліяніемъ событій въ Польшѣ становится писателемъ политическимъ, и въ сообществѣ съ однимъ изъ спасшихся въ Германію раненыхъ инсургентовъ пишетъ горячій памфлетъ для возбужденія нѣмецкихъ симпатій къ возстанію. Къ Байрону стремится мысль романиста Густава Кюне, и въ фантастически задуманный имъ „Карантинъ въ домѣ сумасшедшихъ", гдѣ подъ видомъ пестрыхъ набросковъ мыслей въ дневникѣ эксцентрика, на время очутившагося въ пріютѣ умалишенныхъ, высказано много оригинальныхъ мнѣній о литературѣ, обществѣ, политикѣ, вводитъ разсужденіе о Байронѣ и Шелли.

Прозаики или драматурги, публицисты, проповѣдники нравственной свободы, приверженцы политическаго радикализма (Гуцковъ смолоду былъ страстнымъ поклонникомъ республики), дѣятели „Молодой Германіи" не могли вступить въ школу Байрона, какъ поэта, и продолжать его художественное дѣло. Но въ своей борьбѣ съ старымъ порядкомъ, оставившей далеко за собой шумливыя дѣянія такой же юной группы иконоборцевъ въ XVIII-мъ вѣкѣ,—поэтовъ „Sturm und Drang"'а,—они находили въ соціально-политической сторонѣ байронизма, все еще живого и дѣятельнаго, важную опору. Но сильный отрядъ уже выступилъ противъ смѣлыхъ и безстыдныхъ развратниковъ; его велъ опытный вождь, Меттернихъ, вся реакціонная гвардія была подъ ружьемъ, всѣ свѣтила Германскаго-Союза и соединенной политической полиціи нѣмецкихъ государствъ, а для подкрѣпленія шла партизанская команда изъ писателей-доносчиковъ, съ Менцелемъ во главѣ. Союзный декретъ 1835 года, воспретившій печатаніе и оглашеніе какихъ-либо произведеній „Молодой Германіи", рядъ арестовъ, тюремныхъ заключеній, изгнаній и бѣгствъ, положилъ конецъ ея существованію.

Но начатое ею дѣло не погибло. Среди кажущагося затишья и оцѣпенѣнія, вызваннаго расправой, уже обозначились силы будущихъ преемниковъ и мстителей,—и къ 1840 году сошлись

отовсюду, съ Рейна, съ южнонѣмецкой окраины, съ балтійскаго взморья, даже изъ скованной летаргіею Австріи, на смѣну выбывшимъ изъ строя, новые борцы, съ свѣжей энергіей, твердой вѣрой въ конечную побѣду свободы и гуманности,—и съ общимъ лозунгомъ, указавшимъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія выдающееся назначеніе *политической поэзіи*. То была, отвоевавшая себѣ на цѣлое десятилѣтіе передовую роль въ литературѣ, школа „нѣмецкой политической лирики", прямая предшественница и проповѣдница всеобщаго подъема умовъ въ революціонный 1848-й годъ [1]).

Байроновскія традиціи въ сильной степени передались и ей. Болѣе, чѣмъ когда-либо, являлись для нея чуждыми формы, образы и характеры восточныхъ поэмъ Байрона; титаническая борьба, философская лирика не волновали людей, сознавшихъ необходимость вести немедля натискъ на враговъ народа, изо дня въ день, отвоевывая шагъ за шагомъ почву для народной свободы, собирая для того отовсюду силы, вдохновляя ихъ побѣднымъ кличемъ; и здѣсь для нихъ былъ неоцѣнимъ Байронъ въ той же роли политическаго борца, которая плѣняла и „Молодую Германію", и не въ идейномъ только содержаніи дѣятельности его послѣднихъ, лучшихъ лѣтъ, но столько же и въ той увлекательной поэтической формѣ, въ которую оно облекалось. Одни изъ молодыхъ поэтовъ взяли себѣ образцомъ для стихотворной пропаганды пріемы Байрона въ обличительныхъ строфахъ „Ч. Гарольда" и „Донъ-Жуана", направляя свое остроуміе и иронію на гнилые устои нѣмецкой жизни. Такъ поступилъ (скончавшійся лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ глубокой старости) Вильгельмъ Іорданъ, сдѣлавъ блестящій починъ въ новомъ для нѣмецкаго стихотворства родѣ поэмы на современные мотивы, озаглавивъ ее „Potpourri mit Arabesken und Seitenhieben" и тѣмъ сразу узаконяя тѣ остроумныя отступленія и эпизоды, тѣ вылазки и „боковые удары", которымъ онъ научился у Байрона. Вступленіе къ поэмѣ, съ комической тревогой автора, тщетно ищущаго для нея подходящаго героя,—свободная и искусная варіація на извѣстное вступленіе къ „Донъ-Жуану". Она уже свободна въ томъ, что поиски свои поэтъ обрываетъ рѣшеніемъ избрать въ герои—себя самого, повести рѣчь отъ собственнаго своего лица. И набрасываетъ онъ тогда сатирическую картину нѣмецкаго общества сороковыхъ годовъ въ разныхъ его слояхъ, направленную

[1]) Въ послѣднее время и она начинаетъ привлекать изслѣдователей литературнаго движенія. Новѣйшая работа—Christian Petzet, „Die Blütezeit der deutschen politischen Lyrik von 1840 bis 1850". München, 1903.

не только на стачку правительствъ противъ духа времени, или на клерикальный гнеть, или на раболѣпствующую литературу, но и на крикливую и безсодержательную демагогію, на неумѣренное превознесеніе „народнаго генія" (на эту же тему написано имъ было стихотвореніе „Der Schiffer und der Gott", прочтенное на съѣздѣ писателей въ 1846 г. и вызвавшее среди нихъ тревогу), на игру въ свободомысліе, замѣняющую энергическое и глубоко сознательное политическое подвижничество звонкими фразами изъ „заученнаго наизусть либеральнаго катехизиса".

Другіе участники въ движеніи,—и значительное большинство,—предпочитали подобнымъ ироническимъ наброскамъ съ натуры и остроумнымъ собесѣдованіямъ съ читателемъ мѣткую, сжатую и выразительную форму стихотворнаго политическаго воззванія, гимна къ свободѣ, твердаго заявленія принциповъ, — или политической сатиры и летучей эпиграммы. За даровитой личностью Іордана, которому пришлось поплатиться высылкой за его смѣлость, выдвигается богатая талантами группа лириковъ того же направленія, Гофманнъ фонъ-Фаллерслебенъ, Гервегъ, Фрейлигратъ, Прутцъ, австрійцы Анастасій Грюнъ и Карлъ Бекъ, съ его ярко-соціалистическимъ оттѣнкомъ,—цѣлый кладъ воодушевленія, искренности, преданности народному благу, боевой отваги, способный передать и позднему потомку свое энергическое возбужденіе, когда онъ прикоснется къ поблекшимъ страницамъ этихъ старомодныхъ книжекъ.

Политическая сторона байроновской поэзіи была знакома многимъ изъ этой группы, и въ переводахъ, и въ подлинникѣ (напримѣръ, такому знатоку англійской литературы и переводчику ея памятниковъ, какъ Фрейлигратъ), но ни у кого, быть можетъ, изъ всѣхъ собратій не сказалось вліяніе Байрона такъ сильно, какъ у Георга Гервега, ни одинъ не выработался въ такого убѣжденнаго лирика-пропагандиста, не покинувшаго своихъ завѣтовъ, несмотря на всѣ невзгоды и преслѣдованія, до самой смерти.

Свободный отъ узко-національныхъ сочувствій, смолоду уже грезившій объ общечеловѣческой свободѣ, которая принесетъ избавленіе и его родному народу, начавшій жизнь юношескимъ республиканизмомъ и кончившій ее въ семидесятыхъ годахъ, въ рядахъ соціально-демократическаго движенія, онъ испыталъ, какъ лирикъ, обратившій на себя вниманіе блестящими импровизаціями еще въ студенческіе годы, вліяніе предшественниковъ въ политическомъ стихотворствѣ. Въ автобіографическихъ признаніяхъ стихотворенія „Byron's Sonett an Chillon", написаннаго въ про-

славленіе извѣстнаго „Sonnet on Chillon“, этого диѳирамба свободѣ, Гервегъ, называя поэзію Байрона „небесною пѣснью“ (himmlisch Lied), говоритъ съ глубокой отрадой о томъ, какое утѣшеніе доставляла она ему въ „тяжелыя, сумрачныя минуты его жизни“, какъ „радовала она уже порывистаго, непокорнаго отрока и какъ потомъ, словно вѣрный товарищъ, сопровождала жизнь юноши“; онъ такъ страстно хотѣлъ бы прославить любимаго поэта,—но вспоминается ему, какъ, „состязаясь, лучшія дарованія современности возлагали лавры на его могилу“, и томится мыслью, что „самъ онъ такъ мало смогъ бы внести въ это чествованіе“. Съ Байрономъ дѣлитъ вліяніе на Гервега Беранже, которому онъ посвятилъ восторженное стихотвореніе, надписанное его именемъ и мѣтко обрисовавшее значеніе великаго французскаго chansonnier, какъ *народнаго* пѣвца свободы. Вліяніе нѣмецкой эмигрантской литературы, и въ особенности Бёрне, также должно было поддержать настроеніе молодого, увлекающагося поэта и намѣтить ему цѣли. Первая же побывка его въ Швейцаріи, гдѣ онъ въ юности искалъ убѣжища отъ виртембергской военной лямки, сильно подѣйствовала и на его свободолюбіе, и на поэтическое вдохновеніе. Какъ на Байрона въ 1816 году, на Гервега живительно повліяла величавая природа, вызывавшая смѣлый полетъ его мысли, и, какъ Байронъ, прославлялъ онъ ее въ стихотвореніяхъ, которыя несли „съ высотъ“ благовѣстіе тѣмъ страдальцамъ, что „осуждены влачить жалкую жизнь въ родныхъ низинахъ“,—вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали впечатлѣнія жизни народа, воспитаннаго вѣковою свободой, давшаго въ ту пору пріютъ и покровительство тѣмъ нѣмецкимъ вольнодумцамъ, съ которыми Гервегъ поспѣшилъ сблизиться и въ чьихъ эмигрантскихъ журналахъ участвовалъ.

Когда, вернувшись снова въ отечество, онъ выступилъ впервые съ своими политическими пѣснями, и когда два цикла ихъ, украшенные типическимъ, мѣткимъ названіемъ „Gedichte eines *Lebendigen*“ [1]), выказали и рѣдкое дарованіе, и необыкновенную страстность боевого темперамента, впечатлѣніе было потрясающее. Не для эффекта, не для игры словъ избралъ Гервегъ титулъ своего сборника. Поводъ далъ ему писатель-дилеттантъ, страннымъ образомъ захотѣвшій также причислить себя къ байроническому толку, сибаритъ и баловень судьбы, свѣтскій остроумецъ и causeur, неутомимый странствователь по сушѣ и по морямъ

---

[1]) „Gedichte eines Lebendigen mit einer Dedication an den Verstorbenen“. Zürich und Winterthur, 1841. Въ два года оба тома выдержали семь изданій.

князь Pückler-Muskau, который придумалъ облечь свои путевые наброски, перевитые остротами и кокетливыми выходками великосвѣтскаго blasé, въ нарядъ Гарольда или донъ-Жуана, и снабдить ихъ притязательнымъ названіемъ „Писемъ умершаго“ (Briefe eines Verstorbenen). Презрительно заклеймивъ въ своемъ вступительномъ стихотвореніи аристократическую блажь, заигрывающую съ насущными вопросами современности, и, конечно, преувеличивъ вредное значеніе книги и ея автора [1]), Гервегъ хочетъ противопоставить замогильной, безжизненной лже-поэзіи полную настоящей, горячей жизни лирику; отбросивъ призракъ *умершаго*, онъ выступаетъ *живымъ* заступникомъ за народъ, погрязшій въ рабствѣ и безгласности, будитъ, зоветъ его впередъ, обличаетъ угнетателей. „Мы слишкомъ долго любили, станемъ же, наконецъ, ненавидѣть!“ (Wir haben lang genug geliebt und wollen endlich hassen!)—восклицаетъ онъ. Ничто не устрашитъ его, заявляетъ онъ въ другомъ стихотвореніи („Xenien“, I),—ни буря, ни подводные камни; „вопреки всему на свѣтѣ онъ пройдетъ своимъ путемъ и *откроетъ* тотъ „міръ, что предсталъ передъ нимъ въ грёзахъ“. Геніальная иронія Гейне, блескъ публицистики Бёрне, реформаторское рвеніе Гуцкова и „Молодой Германіи“, все, казалось, поблѣднѣло и отодвинулось передъ этимъ безстрашнымъ и неудержимо-гнѣвнымъ лиризмомъ, въ которомъ снова слышались звуки былого богоборства и титанизма. Передъ Гервегомъ не находили пощады и единомышленные поэты, если, казалось, они отъ насущной борьбы уходили въ абстрактный, вселенскій либерализмъ (такъ бросилъ онъ Фрейлиграту суровый протестъ, защищая великое призваніе *партіи* въ политической борьбѣ); не избѣжали строгаго суда и нѣмецкое революціонное движеніе 1848 года, и ораторскія упражненія франкфуртскаго парламента на тему о германскомъ единствѣ. „Дорогу свободѣ!“ (der Freiheit eine Gasse!) — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній. „Среди спокойнаго народа раздавалась гнѣвная, вольнолюбивая пѣснь“ того, кого Гейне такъ мѣтко называлъ „die eiserne Lerche“. Ему мечталось, что именно

---

[1]) Князю Пюклеру несомнѣнно свойственна была и гуманность, и забота объ общественномъ благѣ; въ остроуміи, скорѣе напоминающемъ пріемы Стерна, ему также нельзя отказать. Гейне предпослалъ одному изъ отдѣловъ „Reisebilder“ большой эпиграфъ изъ книги Пюклера, громящій англичанъ за гоненіе на Байрона. Главною слабостью Пюклера было неумѣренное копированіе англійскаго поэта, даже въ житейскихъ частностяхъ, напр. въ путешествіи на Востокъ. „Байронъ былъ великій поэтъ, Пюклеръ же не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни поэтомъ“, — говоритъ о немъ R. M. Meyer (Deutsche Literat. des 19 Jahrh., 1900).

изъ этого народа выйдутъ со временемъ тѣ силы, что откроютъ широкую „дорогу свободѣ для всей Европы". Ни одного свѣтлаго, ласкающаго звука нѣтъ въ этой поэзіи; она — „тяжелая, мрачная туча, которую Богъ одарилъ лишь громовыми раскатами". Свой идеалъ поэтъ находитъ въ вѣковѣчной легендѣ о Прометеѣ, этомъ вдохновителѣ Байрона,—и такъ же смѣло поднимаетъ онъ чело свое передъ божествомъ, передъ земной силой и властью.

Жизнь переросла и отбросила потомъ въ тяжелое одиночество пламеннаго мечтателя, который на порогѣ сороковыхъ годовъ предвѣщалъ уже ея перерожденіе, — черствая и жестокая дѣйствительность долгой нѣмецкой реакціи, воскресшаго бонапартизма, бисмарковской Германіи,—и съ словами ропота, не сдавшись до конца, сошелъ онъ въ могилу. Но могучій протестъ его юной лирики, совмѣстившей въ себѣ лучшее идейное содержаніе нѣмецкой „политической поэзіи", всегда останется украшеніемъ національнаго германскаго творчества, и въ то же время цѣннымъ вкладомъ въ общеевропейское движеніе байронизма, явившагося снова великою вдохновляющею силой.

Родная поэту англійская среда, французскій, испанскій, нѣмецкій племенные элементы выставили такимъ образомъ своихъ участниковъ въ этомъ движеніи за тотъ его періодъ, когда байронизмъ достигалъ наибольшаго своего развитія. Но, съ честью выдерживая соперничество съ своими сверстниками, выдвинулась тогда же примѣчательная доля того участія, которое въ созданіи „школы Байрона" приняла славянская народность,—польскій и русскій байронизмъ средняго періода, требующій особаго, тщательнаго изученія.

Алексѣй Веселовскій.

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕРТЬ

РАЗСКАЗЪ.

Bürgerlicher Tod. Novelle von Prinz Emil von Schönaich-Carolath. Leipzig. 1903.

Среди одной изъ нѣмецкихъ столицъ лѣниво протекала широкая рѣка; черезъ нее были перекинуты многочисленные мосты. Изъ ея чернаго, почти неподвижнаго зеркала поднимались въ высоту толстыя стѣны фабричныхъ строеній и сырые, мрачнаго вида жилые дома. По улицамъ громыхали подводы съ товарами, катились и звонили конки, сновала въ однообразной сутолокѣ, безшумно и безрадостно, озабоченная дѣятельная толпа. Проходили смѣнившіеся съ караула солдаты, а на перекресткахъ виднѣлись конные и пѣшіе полицейскіе. На крышахъ, на мостовой—лежала скользкая, дымящаяся сырость, вызванная смѣсью угольной копоти и мелкаго, точно сѣявшаго сквозь сито, осенняго дождя.

Съ той стороны, гдѣ людской потокъ былъ менѣе стремителенъ, шагалъ человѣкъ лѣтъ сорока. Онъ былъ чисто, но очень бѣдно одѣтъ; на его заурядномъ лицѣ замѣчалась страдальческая черта и по временамъ плечи его вздрагивали, какъ будто подъ жиденькимъ, намокшимъ отъ дождя сюртукомъ, его пробирала дрожь. Порою онъ останавливался, прислонившись къ выступу стѣны передъ магазинами и, казалось, разсматривалъ выставленные въ окнахъ товары. Затѣмъ, неувѣренными шагами онъ шелъ далѣе, сначала—по прямой линіи, а потомъ непроизвольно начиналъ описывать едва замѣтную дугу.

Никто изъ прохожихъ не обращалъ на это вниманія; только

мальчишка изъ булочной, нахлобучившій себѣ на голову пустую корзину, остановился на мигъ, подозрительно вглядываясь въ него свѣтлыми насмѣшливыми глазами, но вслѣдъ затѣмъ, какъ бы убѣдясь, что зародившееся у него подозрѣніе лишено основанія, онъ равнодушно отвернулся и принялся насвистывать прерванную имъ пѣсенку.

Человѣкъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и наконецъ остановился, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ, какъ это бываетъ съ людьми при сильной качкѣ. Съ большимъ усиліемъ добрелъ онъ до подъѣзда, вошелъ туда и тяжело опустился на ступени темной лѣстницы, склонивъ голову на грудь между высоко поднятыхъ колѣнъ.

Въ первомъ этажѣ стукнули дверью и послышались шаги кого-то, спускавшагося внизъ. Это былъ пестро и безвкусно одѣтый мужчина съ широкимъ добродушнымъ лицомъ слуги; онъ несъ въ рукѣ бумажный дождевой зонтикъ и связку книгъ. Замѣтивъ сидѣвшаго, онъ похлопалъ его по плечу и поднялъ при этомъ свалившуюся съ него шляпу.

— Эй, пріятель, вы плохо выбрали мѣсто для того, чтобы просыпаться. Увидитъ васъ хозяинъ—сейчасъ пошлетъ за полицейскимъ! Ступайте-ка себѣ домой... Замѣчательно,—продолжалъ онъ, когда прохожій съ усиліемъ поднялъ голову и затѣмъ всталъ, пошатываясь,—онъ не только не хватилъ лишняго, но, кажется, у него во рту маковой росинки не было.—Послушайте,—снова обратился онъ къ незнакомцу, обтирая руку, которою дотронулся до его мокрой одежды,—ваше лицо какъ будто бы знакомо мнѣ; по такой дурной погодѣ не вредно выпить чашку кофе; зайдемте-ка въ кофейную, тамъ насупротивъ... Вы не изъ Саксоніи ли, какъ и я самъ? Нѣтъ? Ну, не бѣда! Хозяинъ кофейной — мой землякъ, и если вы никуда не торопитесь, мы можемъ покалякать съ четверть часика...

Взявъ свою шляпу, человѣкъ хотѣлъ-было удалиться, но при словѣ „кофе“ онъ оказался не въ силахъ побороть искушеніе, и, пробормотавъ что-то непонятное, послѣдовалъ за своимъ покровителемъ. Вскорѣ, не обративъ на себя ничьего вниманія, онъ оказался сидящимъ за опрятнымъ столикомъ въ кофейной среди посѣтителей того же разряда, и, подъ вліяніемъ горячаго напитка, онъ мало-по-малу пришелъ въ себя отъ холода и изнеможенія. По прошествіи четверти часа, добродушный саксонецъ заплатилъ по счету и снова взялъ связку книгъ, отодвинутую имъ, вслѣдствіе невообразимо грязнаго вида переплетовъ, на самый край стола.

— Видите,—пояснилъ онъ, извиняясь:—это романы, которые я беру для барыни изъ библіотеки. Такая грязь, съ позволенія сказать, что нашему брату въ руки взять противно, а барыня читаетъ ихъ по цѣлымъ днямъ, и даже иногда по ночамъ въ постели. Большихъ чудесъ насмотришься у богатыхъ людей, надо правду сказать... А вы здѣсь покуда посидите да погрѣйтесь хорошенько. Въ воскресенье, черезъ недѣлю, я буду свободенъ вечеркомъ, тогда я объявлюсь къ вамъ, и мы снова потолкуемъ. Радъ былъ познакомиться съ вами, господинъ... Витгофъ, сказали вы? Совершенно вѣрно. Писецъ правленія, г. Витгофъ, уголъ Горшечной площади, во дворѣ, четвертый этажъ. До свиданія... Поклонъ вашей женѣ и дѣтямъ.

Витгофъ былъ типичнымъ чахлымъ растеніемъ, выросшимъ на столичной мостовой, истиннымъ сыномъ предмѣстья. Отецъ его, фабричный рабочій, умеръ рано; фабрикантъ пріютилъ мальчика, но сосѣдніе богатые заводчики скоро довели небольшое обойное заведеніе до полнаго разоренія. Плохо питавшійся и слабый здоровьемъ, Витгофъ былъ тѣмъ не менѣе признанъ годнымъ для военной службы и отправленъ въ пѣхотный полкъ въ провинцію. Онъ попалъ въ роту, куда еще не успѣлъ проникнуть благотворный духъ нововведеній. Командиръ ея принадлежалъ къ типу, еще весьма часто встрѣчающемуся въ средѣ арміи; при своей представительной внѣшности и служебной исполнительности, онъ былъ очень ограниченнымъ человѣкомъ; низкопоклонный, преисполненный усердія передъ начальствомъ, онъ проявлялъ по отношенію къ подчиненнымъ полную безшабашность и грубость, свойственныя мелкимъ деспотамъ. Нелюбимый товарищами, не цѣнимый, но лишь терпимый начальствомъ, онъ признавалъ, кромѣ людей, выше его поставленныхъ, лишь одного кумира—муштру. Ему даже въ голову не приходило, что, помимо успѣховъ въ ружейныхъ пріемахъ и чисткѣ пуговицъ, люди его нуждаются въ нравственномъ уходѣ, въ школѣ, образующей характеръ, въ поднятіи чувства чести.

Зато на церемоніальномъ маршѣ порученный ему живой матеріалъ являлъ собою верхъ совершенства. Старшій лейтенантъ былъ военный академикъ съ тяжеловѣснымъ умомъ,—казалось, вѣчно размышлявшій о томъ, какою незаполнимою бездною легли между нимъ и его подчиненными его глубокія познанія въ военномъ дѣлѣ. Младшимъ лейтенантомъ былъ веселый молодой человѣкъ изъ купеческаго сословія, находившійся въ томъ блаженномъ періодѣ, когда люди довольствуются восхищеннымъ созерцаніемъ своей собственной, украшенной эполетами особы.

Унтеръ-офицеры, по примѣру высшихъ, тоже были деспотами въ миніатюрѣ, утратившими, вслѣдствіе дурного обращенія съ ними начальства, чувство чести и сознаніе своего положенія. Грубые и жестокіе въ своихъ капральствахъ, они предавались за стѣнами казармы весьма неблаговидному разгулу. Что касается солдатъ—у большинства изъ нихъ ни разу даже не мелькнула мысль о томъ, чтобы время службы могло и должно было быть чѣмъ-либо инымъ кромѣ сплошнаго наказанія, которое надо претерпѣть со стиснутыми зубами, худо ли, хорошо-ли—до конца. Лишь незначительное, инстинктивно подозрѣваемое начальствомъ меньшинство додумывалось до вопросовъ: „Почему обращаются съ нами грубо и презрительно, требуя въ то же время чтобы мы охотно, даже съ радостью служили отечеству? Почему насъ скудно кормятъ и не пріучаютъ держать тѣло въ опрятности вмѣсто того, чтобы проявлять показную опрятность, выражающуюся въ ослѣпительной чистотѣ пуговицъ? Почему насъ отдаютъ съ руками и съ ногами во власть низшимъ, зачастую—жестокимъ учителямъ, которые за спиною офицеровъ немилосердно обращаются съ нами? Почему со стороны высшихъ мы встрѣчаемъ лишь взысканіе и муштру, и никогда—ни капли теплаго человѣческаго участія? Если существуетъ инструкція, гдѣ широковѣщательными словами прославляется наше призваніе, необходимость его для отечества, то почему въ насъ осмѣливаются заглушать чувство чести и стремленіе къ этому призванію, совершенно уничтожая, на время службы, идеальную его сторону? Почему все сводится къ использованію силъ, къ внѣшности, и ничего не остается на долю внутренней жизни человѣка“?

Подъ гнетомъ старыхъ традицій, требующихъ со стороны солдата полнаго отреченія отъ его личности, и эти простыя мысли не приходили въ голову большинства товарищей Витгофа. Муштра производилась съ большимъ усердіемъ; помимо постоянныхъ занятій, примѣнялись разнообразныя, соотвѣтствующія личности каждаго наказанія, а слабое тѣлосложеніе Витгофа не было въ состояніи выносить суровости солдатской жизни. Когда онъ, заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ въ опасной формѣ, лежалъ въ госпиталѣ, фельдфебель сказалъ ему въ утѣшеніе, что такой горе-служака не стоитъ листа бумаги и грошовой марки, которые должна истратить рота на то, чтобы получить замѣстителя ему. Такимъ образомъ, Витгофъ, въ качествѣ полуинвалида, получилъ свободу.

Когда онъ оставилъ казарму, время солдатчины показалось ему короткимъ тяжелымъ сномъ. Онъ оказался вытолкнутымъ въ

жизнь съ поруганнымъ чувствомъ чести, неувѣренностью въ себѣ и путаницею въ понятіяхъ. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ онъ вздрагивалъ, завидѣвъ издали мундиръ, и уже много позднѣе, ставъ свободнымъ гражданиномъ, онъ отчасти вернулъ себѣ самосознаніе и самоуваженіе. Найдя занятіе на фабрикѣ, онъ, будучи трезвымъ, усерднымъ работникомъ, успѣлъ кое-что скопить. У хозяйки онъ познакомился съ дѣвушкой-сиротой, работавшей въ мастерской верхняго платья, владѣлецъ которой эксплоатировалъ своихъ служащихъ и очень дурно платилъ имъ.

Среди дѣвушекъ, вынужденныхъ работать за семьдесятъ пфенниговъ въ день, сирота выдѣлялась своимъ скромнымъ видомъ и свѣженькимъ личикомъ, доставившими ей особое благоволеніе со стороны ея принципала. Когда оно съ ужасомъ было ею отвергнуто, хозяинъ выгналъ ее изъ дому. Подавивъ вызванное обидою огорченіе, она рѣшила работать у себя и вступила въ борьбу за существованіе при помощи пріобрѣтенной въ разсрочку швейной машины. Витгофъ, жившій по тому же коридору, слышалъ съ ранняго утра стукъ машинки въ комнатѣ своей сосѣдки, и его сочувствіе къ тихой, грустной дѣвушкѣ, еще болѣе страдавшей, чѣмъ онъ, подъ гнетомъ изнурительной работы,—приняло вскорѣ болѣе сердечный характеръ. Изъ ежедневнаго общенія этихъ двоихъ не знавшихъ радости людей возникъ незамѣтно для нихъ цѣлый міръ любви, полный искреннихъ, чистыхъ ощущеній. Подобно великодушному земному солнцу, и солнце чистой, свѣтлой любви свѣтитъ порою изъ мрака бѣднякамъ, къ сожалѣнію—на короткое время. Въ данномъ случаѣ высокія стѣны и заботы о хлѣбѣ насущномъ еще не успѣли окончательно затмить его сіяніе; послѣ многихъ лѣтъ супружества оно озаряло ихъ жизнь своими золотыми примиряющими лучами.

Тѣмъ временемъ явилось на свѣтъ шестеро дѣтей, съ рожденіемъ которыхъ увеличились заботы, но зато сдѣлалась еще тѣснѣе внутренняя связь, соединявшая членовъ семьи. Въ продолженіе десяти лѣтъ мирное теченіе ихъ жизни, посвященной труду, ничѣмъ не нарушалось, но тутъ заработокъ главы семейства пошелъ на убыль. Причиною этого было возростающее болѣзненное состояніе Витгофа, не могшаго вполнѣ оправиться отъ всего перенесеннаго имъ во время отбыванія воинской повинности. А когда болѣзнь появляется въ домѣ бѣдняковъ, живущихъ тяжелымъ трудомъ, съ ними бываетъ то же, что со стеблями травы, пригнутой вѣтромъ къ землѣ: имъ уже не поднять головы.

Витгофъ пытался найти менѣе утомительное занятіе, и об-

радовался, когда ему удалось пристроиться писцомъ въ конторѣ нотаріуса. Онъ получалъ за тяжелый, двѣнадцатичасовой трудъ шестьдесятъ пфенниговъ; жена его работала на сторонѣ: шила и стирала какъ могла. Этого хватало какъ разъ настолько, чтобы не умереть съ голоду, и все-же бѣдняки радовались возможности жить вмѣстѣ и работать другъ для друга. Ихъ величайшей заботою былъ страхъ передъ грозившей имъ, быть можетъ, невдалекѣ разлукою, такъ какъ наружность Витгофа ясно говорила, что недостаточное питаніе и заботы подтачивали его хрупкое здоровье. Онъ также чувствовалъ, что, несмотря на всѣ старанія, они неудержимо катятся подъ гору, къ краю бездны.

Нынче онъ въ первый разъ въ жизни не смогъ заплатить въ срокъ за квартиру, и съ тѣхъ поръ постоянно пробирался домой крадучись, какъ преступникъ, мимо квартиры управляющаго, окна котораго находились надъ подъѣздомъ. Сегодня, когда онъ уже собирался подняться по лѣстницѣ, привратница, любившая прикладываться къ бутылкѣ, грубо и обидно окликнула его. Довольно уже и того, что человѣкъ, дѣти котораго только и дѣлаютъ, что пачкаютъ лѣстницу грязными сапогами, не можетъ заплатить въ срокъ за квартиру. Но если подобный человѣкъ еще приводитъ въ домъ полицію, то это уже слишкомъ... Впрочемъ, она давно уже предсказывала, что дѣло этимъ кончится; надо надѣяться, что самъ хозяинъ приметъ теперь свои мѣры!

И она съ бранью захлопнула окно.

Витгофъ, многаго не понявшій изъ гнѣвнаго потока ея словъ, съ болѣзненною улыбкой потеръ себѣ лобъ,—отъ слабости у него шумѣло въ головѣ. Женщина упомянула о полиціи... Что̀ могло это значить? Онъ поднялся въ раздумьи по крутой лѣстницѣ и нашелъ жильцовъ четвертаго этажа въ волненіи. Жена съ громкимъ плачемъ вышла къ нему на встрѣчу. Въ дверяхъ кухни, гдѣ за убогою утварью попрятались дѣти, стоялъ полицейскій, выказывавшій явные признаки нетерпѣнія.

Замѣтивъ вошедшаго, онъ грубо спросилъ его: гдѣ находится старшій сынъ его Робертъ? Мальчикъ обвиняется въ кражѣ голубей и долженъ слѣдовать за нимъ въ полицейское управленіе.

Витгофъ смотрѣлъ на блюстителя порядка такимъ испуганнымъ и растеряннымъ взглядомъ, что тотъ невольно смягчилъ свои выраженія. Изъ его объясненія, также какъ изъ отрывистыхъ словъ жены, которая, закрывъ лицо передникомъ, горько плакала отъ стыда, Витгофъ наконецъ понялъ, что мальчикъ заманилъ и поймалъ двухъ голубей, принадлежавшихъ сосѣду, богатому купцу, который, замѣтивъ это, сейчасъ же извѣстилъ полицію.

За мальчикомъ явился полицейскій, но тотъ, догадавшись, что его преступленіе открыли, куда-то исчезъ.

— Вѣроятно онъ спрятался, — заявилъ полицейскій,—и я совѣтую вамъ отыскать его и привести сюда; иначе я, къ величайшему сожалѣнію, буду принужденъ произвести въ квартирѣ обыскъ.

Витгофъ отстранилъ плачущую жену и сталъ подниматься по узкой лѣстницѣ на чердакъ. Оставшись одинъ, онъ громко застоналъ, губы его побѣлѣли и руки задрожали. На самомъ верху, въ углу, образовавшемся между покатостью крыши и стѣною, находилось отгороженное рѣшетчатою перегородкою пространство, наполненное старыми ящиками и всякой рухлядью. Витгофъ, сдерживая голосъ, окликнулъ сына, но не получилъ отвѣта. Онъ снова позвалъ его, и въ голосѣ его слышалось столько тревоги, горя и любви, что вскорѣ раздался тихій, испуганный звукъ, похожій на всхлипываніе. Изъ-подъ изъѣденнаго молью, полуразвалившагося кресла безшумно вылѣзъ мальчикъ и со страхомъ остановился, но, увидавъ взволнованное огорченное лицо отца, кинулся ему на грудь.

— Отецъ,—прошепталъ онъ,—я не пойду съ полицейскимъ, я лучше выпрыгну изъ окна на мостовую... Милый, добрый отецъ, прости меня, и матери также скажи, чтобы она не сердилась; я не зналъ, что эти голуби кому-то принадлежатъ, и мнѣ пришло въ голову словить парочку, чтобы мать могла сварить изъ нихъ супъ. Жаль сестренокъ было, что онѣ голодаютъ...

Витгофъ опустился на опрокинутый ящикъ и безъ слезъ, безъ словъ обхватилъ руками тщедушное тѣло мальчика. Слова о голоданіи больно рѣзнули его по сердцу, но сознаніе сына удивительно успокоило и утѣшило его. Мальчикъ рѣшился на кражу не изъ себялюбія, не изъ низкихъ побужденій, и когда эта тяжесть свалилась съ отцовскаго сердца, все остальное показалось ему несущественнымъ. Онъ ласково заговорилъ съ мальчикомъ, и оба они не замѣтили, какъ дверь на чердакъ распахнулась, и въ ней рядомъ съ полицейскимъ показался молодой человѣкъ съ серьезнымъ лицомъ, глаза котораго пытливо вглядывались въ полумракъ чердака. Его стройное тѣло облекалъ старомоднаго покроя сюртукъ и весь обликъ его свидѣтельствовалъ о вдумчивости и добротѣ. Съ нимъ въ затхлую атмосферу чердака словно ворвалась струя свѣжаго воздуха; въ широко распахнутую дверь скользнулъ вечерній лучъ солнца, и въ рамкѣ двери, надъ массою крышъ, трубъ и перекрещивающихся между собою проволокъ, мельк-

нулъ клочокъ неба, гдѣ съ набѣгавшими дождевыми тучами боролся слабый отблескъ осенняго солнца.

Съ крикомъ радости мальчикъ кинулся ему на встрѣчу, и самъ Витгофъ овладѣлъ собою при видѣ дружески настроеннаго, сочувствующаго ему человѣка. Молодой человѣкъ, „кандидатъ", недавно назначенный въ ихъ приходъ помощникомъ священника, жилъ въ томъ же этажѣ; онъ былъ по отношенію къ мѣстной бѣднотѣ неутомимымъ заступникомъ и совѣтникомъ, и помогалъ ей—поскольку могъ—при своихъ скудныхъ средствахъ. Голосомъ, прерывающимся отъ рыданій, мальчикъ объяснилъ ему, въ чемъ его обвиняютъ. Онъ приманилъ голубей на овесъ, подобранный имъ на улицѣ, близъ стоянки извозчичьихъ лошадей; одного голубя онъ самъ отпустилъ, а другой удавился въ неумѣло разставленныхъ силкахъ. Онъ закончилъ свою исповѣдь слезами, и Витгофъ сдавленнымъ голосомъ присовокупилъ, что въ этомъ состояла вина (слово: „воровство" не шло у него съ языка) его сына.

Кандидатъ успокоительно положилъ руку на плечо мальчика.

— А теперь, милый, — сказалъ онъ твердымъ голосомъ,— надо нести послѣдствія своей вины; но такъ какъ я знаю, что ты провинился по необдуманности, то я пойду съ тобою и помогу тебѣ вынести это испытаніе. Утѣшьтесь, Витгофъ, дѣло не такъ еще плохо,—надѣюсь, что въ скоромъ времени мы вернемся назадъ. Итакъ, идемъ!—подбодрялъ онъ мальчика, взявъ его подъ руку, между тѣмъ какъ полицейскій замыкалъ печальное шествіе.

Витгофъ безсильно опустился на ящикъ. Видѣть, какъ мальчика его, сопровождаемаго косыми взглядами, уводитъ съ собою полицейскій — казалось ему почти столь же ужаснымъ, какъ еслибы его вынесли отсюда въ деревянномъ гробу по направленію къ кладбищу предмѣстья, гдѣ кончаются всѣ страданія и всѣ искушенія нашей жизни.

Лишь поздно вечеромъ вернулся мальчикъ со своимъ покровителемъ; въ полицейскомъ управленіи дѣло приняло другой оборотъ. Составлявшій протоколъ полицейскій чиновникъ накричалъ на мальчика, неоднократно обозвавъ его воромъ и негодяемъ, и лишь изъ снисхожденія къ просьбамъ священника согласился временно отпустить его. Мальчикъ былъ совсѣмъ разбитъ, его сильно лихорадило; кандидатъ заставилъ его лечь въ постель, и убѣдившись, что печь оставалась нетопленной, прошелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ у него въ шкафу всегда имѣлся небольшой запасъ черстваго хлѣба, пріобрѣтаемаго имъ въ бу-

лочной по дешевой цѣнѣ, подъ предлогомъ страданія желудка, не позволяющаго ему ѣсть свѣжій хлѣбъ. Отложивъ одинъ хлѣбецъ, онъ съ видимымъ знаніемъ дѣла нарѣзалъ остальные ломтиками въ кострюлю, налилъ ее водою и, прибавивъ соли и мясного экстракта, вскипятилъ на керосинкѣ эту похлебку, которою поужинала голодная семья. Вернувшись къ себѣ, онъ закусилъ оставшимся хлѣбцемъ, не отрывая глазъ отъ книги, которую читалъ; она называлась: „Хлѣбъ и мечъ".

На слѣдующее воскресенье къ Витгофамъ явился Антонъ—такъ звали добродушнаго слугу, сведшаго знакомство съ писцомъ. Убѣдившись собственными глазами въ печальномъ положеніи семьи, онъ не безъ труда уговорилъ Витгофа обратиться съ просьбою о поддержкѣ къ его господину—одному изъ городскихъ представителей, Ганшману. Антонъ имѣлъ основаніе предполагать, что господинъ его не откажетъ въ помощи отцу многочисленнаго семейства.

Капиталистъ Ганшманъ былъ воплощеніемъ тѣхъ непріятныхъ особенностей, изъ-за которыхъ нѣмцы зачастую бываютъ ненавидимы въ чужихъ краяхъ. Онъ отличался показнымъ, весьма дурного вкуса патріотизмомъ, мелочнымъ и придирчивымъ, проявлявшимся съ особенною яркостью во время требуемыхъ модою поѣздокъ за границу на Риги-Кульмъ или въ Санъ-Ремо, гдѣ Ганшманъ находилъ нелѣпымъ и безобразнымъ все противорѣчившее правиламъ и обычаямъ, установленнымъ въ отечественныхъ полицейскихъ участкахъ. Въ качествѣ бывшаго военнаго, онъ выработалъ извѣстную рѣзкость манеръ и обращенія, прикрывавшую большое самодовольство и грубость. Послѣдняя примѣнялась, однако, въ полной мѣрѣ лишь по отношенію къ кельнерамъ и другимъ беззащитнымъ людямъ, съ тѣхъ поръ какъ г. Ганшманъ былъ за нее однажды проученъ товарищемъ по путешествію—эпизодъ, о которомъ онъ не любилъ, чтобы ему напоминали. Къ этимъ качествамъ онъ присоединялъ непомѣрныя претензіи на общественное уваженіе и признаніе его заслугъ.

Не такъ давно Ганшманъ, по случаю торжественно праздновавшихся въ знакомомъ домѣ крестинъ, взялъ туда своего слугу, съ тѣмъ, чтобы тотъ, помогая служить за столомъ, предсталъ обществу во всемъ блескѣ синяго фрака и красныхъ плюшевыхъ штановъ, свидѣтельствуя этимъ о высокомъ общественномъ положеніи упитанной четы Ганшманъ.

Такимъ образомъ, Антонъ имѣлъ возможность слышать застольную рѣчь своего барина, сначала повергшую его въ изумленіе, а потомъ внушившую ему хорошую мысль.

Ганшманъ вздумалъ произнести напыщенную рѣчь во славу нѣмецкихъ женщинъ, воспѣвъ ихъ главнымъ образомъ въ качествѣ „чадо-обильныхъ матерей“.

— Благодареніе Богу,—сказалъ онъ въ заключеніе,—у насъ не то, что въ развращенной, безстыдной Франціи! И покуда еще существуютъ женщины, умѣвшія въ теченіе семилѣтней супружеской войны подарить нашему всемилостивѣйшему императору семерыхъ здоровыхъ рекрутъ, мы вправѣ говорить: „Любезная отчизна, спокойной можешь быть!“ Да здравствуютъ неутомимыя умножительницы германскаго народонаселенія, да здравствуютъ женщины! Ура!

Среди возгласовъ одобренія со стороны мужчинъ, заглушеннаго хихиканьемъ дамъ и звона стакановъ, честнаго Антона осѣнило вдохновеніе: взгляды его господина показались ему благопріятными для Витгофа—отца многочисленной семьи, и онъ понадѣялся, что при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ г. Ганшманъ не откажетъ въ своей помощи, хотя вообще, какъ это было ему извѣстно, капиталистъ неохотно раскрывалъ свой бумажникъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда, въ обмѣнъ на деньги, онъ клалъ туда квитанцію государственнаго банка.

Сердце Антона сильно билось, когда въ условленный часъ Витгофъ робко позвонилъ у дверей; онъ даже предоставилъ горничной доложить о немъ. На лицѣ капиталиста, заинтересованнаго раннимъ посѣщеніемъ, отразилось разочарованіе, когда, вмѣсто ожидаемаго „господина“, передъ нимъ явился просто „человѣкъ“. Когда Виттофъ срывающимся голосомъ изложилъ свою просьбу о доставленіи ему какого-нибудь занятія въ свободные отъ службы у нотаріуса часы, капиталистъ выразилъ свое разочарованіе, обратившись къ просителю съ вопросомъ: не принимаетъ ли онъ его—члена городского совѣта—за хозяина бюро для пріисканія занятій? Въ интересахъ самого просителя, онъ надѣется, что тутъ вышло простое недоразумѣніе...

— Викторъ, не волнуйся!—послышался изъ сосѣдней комнаты жирный, скрипучій женскій голосъ, обладательница котораго оставалась невидимой.

У Витгофа, не привыкшаго къ просьбамъ, проступилъ потъ на лбу. Тереба шляпу въ рукахъ, онъ готовился уже отступить, но воспоминаніе о семьѣ и довѣріе къ Антону—вернули ему мужество. Не поднимая головы, въ торопливыхъ словахъ описалъ онъ свое положеніе, свою честную жизнь, невозможность прокормить шестерыхъ дѣтей, и чѣмъ дольше онъ говорилъ, тѣмъ легче становилось у него на душѣ: вѣдь онъ просилъ не мило-

стыни, но работы, которую исполнитъ съ благодарностью и самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Высказавшись, онъ перевелъ духъ и впервые отважился взглянуть на своего собесѣдника.

Тотъ внимательно выслушалъ его, барабаня пальцами по подносу и сложивъ губы, какъ будто бы собирался свистнуть.

— Сколько же, въ сущности, у васъ дѣтей?—спросилъ онъ тономъ, казалось, поощрявшимъ къ откровенности.

— Викторъ, подумай о твоей апоплексіи и не волнуйся!—снова проскрипѣлъ женскій голосъ, на этотъ разъ уже настойчивѣе.

— Шестеро дѣтей, и все — подростки, — отвѣтилъ Витгофъ,—мы...

Онъ не договорилъ. Капиталистъ хватилъ кулакомъ по подносу и разразился гомерическимъ, неудержимымъ хохотомъ, странно противорѣчившимъ гнѣвному выраженію маленькихъ глазъ, казавшихся щелочками на его покраснѣвшемъ лицѣ.

— Шестеро дѣтей,—съ трудомъ прокаркалъ онъ,—у этого нищаго шестерка дѣтей? Или эти люди думаютъ, что имъ полагается размножаться какъ кроликамъ? Производятъ дюжинами дѣтей на свѣтъ Божій, а затѣмъ навязываютъ на шею порядочнымъ людямъ свое отродье. Но здѣсь вы не на такого напали! Слѣдовало бы засадить въ тюрьму этотъ сбродъ, рожающій дѣтей, не заботясь о томъ, кто будетъ ихъ кормить. Полиціи бы слѣдовало вмѣшаться въ это дѣло, такъ какъ вы разоряете государство, населяя рабочіе дома вашими дѣтьми. Вонъ отсюда, безсовѣстный человѣкъ, и скажите ослу, пославшему васъ сюда, что не буду я Гаппманъ, членъ городского совѣта, если не выдеру его за длинныя уши!

Витгофъ, не сознавая, что̀ съ нимъ происходитъ, очутился за дверью; тамъ стоялъ Антонъ, слышавшій ихъ разговоръ.

— Баринъ сегодня не въ духѣ,—смущенно пробормоталъ онъ, робко выпроваживая Витгофа къ выходу,—онъ не всегда бываетъ такимъ; вотъ что̀ онъ ранѣе передалъ мнѣ для васъ!—съ этими словами Антонъ всунулъ въ руку Витгофа чекъ, представлявшій собою его собственное мѣсячное жалованье цѣликомъ; щеки его горѣли отъ стыда не за себя, но за своего барина.

Писецъ быстро зашагалъ впередъ, боясь опоздать въ контору. Голова его, поникшая-было подъ гнетомъ униженія, мало-по-малу поднялась; щедрый денежный подарокъ на половину утѣшилъ его—такъ велика развращающая власть нищеты. Въ виду чека, обезпечивавшаго его хлѣбомъ и топливомъ на нѣ-

сколько недѣль, онъ почти забывалъ объ униженіи. Во время занятій онъ не допускалъ никакихъ постороннихъ мыслей, но по возвращеніи домой рана, нанесенная ему словами богача, дала себя чувствовать.

Онъ не рѣшился сознаться женѣ въ перенесенномъ имъ униженіи, но у него вырвалось замѣчаніе о томъ, что Господь Богъ послалъ имъ слишкомъ много дѣтей и недостаточно хлѣба насущнаго—на ихъ долю. Еще впервые у него вырвалась жалоба; она не заключала въ себѣ упрека и была лишь выраженіемъ тяжелой озабоченности, но тѣмъ не менѣе слова его больно рѣзнули по сердцу г-жу Витгофъ. Заявленіе мужа тѣмъ сильнѣе поразило ее, что она готовила ему новую заботу: несчастная женщина носила подъ сердцемъ седьмого ребенка. У бѣдняковъ это часто случается; голодъ и горе тѣснѣе сближаютъ ихъ, и холодъ менѣе чувствуется, когда они согрѣваютъ другъ друга въ объятіяхъ. Но теперь женщинѣ показалось, что она одна во всемъ виновата: на ней лежитъ отвѣтственность за нищету, на которую обречена ихъ семья. Чувствуя потребность хотя чѣмъ-нибудь облегчить свою совѣсть, принести жертву, всегда казавшуюся ей самою тяжелою, она рѣшилась разстаться съ самымъ завѣтнымъ, дорогимъ, оставшимся у нея: на слѣдующій день она снесла въ ссудную кассу свои обручальныя кольца. Но когда она вернулась домой, ей показалось, что она утратила послѣдній отблескъ чего-то свѣтлаго, облагораживающаго жизнь, и въ то время, какъ она пряталась отъ дѣтей по темнымъ угламъ, слезы ея неудержимо лились на пустую коробочку изъ-подъ колецъ.

Наступила ранняя, холодная осень. Когда стоящія въ инеѣ деревья сбрасываютъ послѣднюю листву и вдоль изгородей краснѣютъ ягоды шиповника, для бѣдняковъ начинается ужасная пора, несущая съ собою не только вздорожаніе припасовъ, но страхъ передъ наступленіемъ безрадостной зимы, съ безработицею по цѣлымъ днямъ и безсонницею по ночамъ, — когда соломенникъ не можетъ служить защитою отъ холода, такъ какъ вѣтеръ врывается въ щели разбитаго окна и завываетъ въ нетопленной печи.

Объ этомъ думалъ помощникъ священника, сидя у окна и уныло всматриваясь сквозь туманъ въ море крышъ. Онъ нервно комкалъ въ рукахъ нумеръ столичной газеты, и однако въ ней не было ничего особеннаго—для тѣхъ, по крайней мѣрѣ, кто, въ силу привычки, не останавливается мыслью на явленіяхъ,

знаменующихъ духъ времени. Бѣжалъ банкиръ, унесшій съ собой вклады своихъ кліентовъ; умеръ талантливый, но чуждый практической смётки поэтъ. „Опять смерть похищаетъ одного изъ избранныхъ!"—какъ гласилъ пышно составленный некрологъ. Въ королевскую оперу ангажированъ теноръ на шестидесятитысячный окладъ, съ правомъ пользоваться отпускомъ, съ сохраненіемъ содержанія въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Ученый, послѣ пятидесятилѣтней преподавательской дѣятельности въ высшей школѣ, награжденъ орденомъ Дракона четвертой степени. Студентъ, единственный сынъ у родителей, застрѣленъ на дуэли, причина которой—обмѣнъ крупныхъ словъ изъ-за кельнерши. Въ объявленіяхъ предлагалось людямъ, обладающимъ капиталомъ въ сотню марокъ, удвоить этотъ капиталъ, притомъ съ выплатою имъ двадцати процентовъ. Титулованнымъ и украшеннымъ орденами влюбленнымъ обѣщалось удовлетвореніе ихъ страсти—подъ условіемъ строжайшей тайны. Подъ объявленіемъ о пикантныхъ книгахъ и фотографіяхъ молодая вдова искала поддержки у пожилого состоятельнаго господина, и тутъ же родители предлагали въ обмѣнъ за единовременное пособіе хорошенькую бѣлокурую дѣвочку.

Это была обыкновенная столичная грязь, изливавшаяся со столбцовъ большой газеты, и тѣмъ не менѣе проповѣдникъ не могъ побѣдить чувство гнѣвнаго отвращенія. Онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ: не должна ли остаться безплодною всякая дѣятельная спасительная работа, въ виду все возростающей силы грѣха, нищеты, отсутствія любви? Онъ подумалъ о наступающей зимѣ, грозящей гибелью семьѣ Витгофъ, и о томъ, какимъ способомъ могъ бы онъ, при своей безпомощности, предотвратить ее? Увы, въ теченіе вѣковъ проносится надъ человѣчествомъ суровая бурная осень; въ теченіе вѣковъ въ обычное время пригнетаетъ ихъ зима страданія и нищеты—неотвратимая, вѣчно возобновляющаяся, несмотря на всѣ добрыя намѣренія, благородныя рѣшенія, возвышенныя рѣчи, митинги, дешевыя столовыя, филантропическіе и соціалъ-демократическіе листки... „Нищета и горе стары, какъ міръ,—такъ должно быть, и будетъ!"—говоритъ большинство. Нѣтъ, такъ не должно быть! Себялюбіе, равнодушіе правящихъ, обладающихъ властью и капиталами, жажда наслажденія, распущенность, овладѣвшія средними классами, недостатокъ любви среди человѣчества вообще—породили ту страшную болѣзнь, кризисъ которой—долго, искусно предотвращаемый—все-же долженъ завершиться катастрофой. А между тѣмъ наряду съ недугомъ ростетъ спасеніе. Изъ могильнаго

праха поднимается дерево жизни съ вѣчно зеленою главой и могучими побѣгами—дерево великой, спасительной, божественной любви. О, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы его родной народъ—народъ мыслителей и мечтателей—пробудился первымъ! Пусть онъ будетъ вождемъ среди народовъ, указывающимъ имъ всѣмъ путь мира! Безъ кровопролитія, безъ ужасовъ разрушенія—пусть онъ воздвигнетъ у себя въ каждомъ домѣ, въ каждомъ сердцѣ алтарь Богу любви. Ему первому надлежитъ сдѣлать могучее нравственное усиліе, порвать съ преувеличенной жаждою наслажденія, вернуться къ болѣе простой жизни, къ болѣе умѣренному пріобрѣтенію денегъ, къ болѣе здоровой дѣятельности. Онъ долженъ свободнѣе вздохнуть въ атмосферѣ любви къ ближнему, вносящей болѣе сердечности и доброжелательности въ общеніе людей другъ съ другомъ.

Прежде всего, да будетъ жертвою всесожженія кастовая, какъ и всякая другая, гордость, для того, чтобы всѣ различія въ смыслѣ образованія, происхожденія, состоянія—легче сглаживались, лучше уживались между собою! Въ такой смягчающей атмосферѣ эгоизмъ, нетерпимость, во всѣхъ своихъ безобразныхъ проявленіяхъ, эти разсадники нищеты,—должны атрофироваться. Тогда раздѣляющая народы ненависть—станетъ братствомъ, всякаго рода угнетеніе—свободою...

Онъ распахнулъ окно, чтобы освѣжить пылающій лобъ влажнымъ осеннимъ воздухомъ. Вдали, среди тумана, надъ современнымъ Содомомъ поднималась примирительная радуга, между тѣмъ какъ надъ шумною суетою города, въ которой тонули предсмертные стоны гибнущихъ, надъ его кровлями и стѣнами—стояло кровавое зарево заката.

Дѣло по обвиненію старшаго сына Витгофа въ воровствѣ было, наконецъ, назначено къ слушанію; откладываніе его и безъ того уже повліяло на здоровье мальчика. Днемъ и ночью его преслѣдовала мысль: „неужели меня не отпустятъ? Неужели засадятъ въ тюрьму“? Кандидатъ надѣялся, что мальчикъ отдѣлается выговоромъ; онъ пользовался этимъ временемъ, чтобы посѣять въ душѣ его сѣмена добра и отвращенія къ неправдѣ.

Миновавъ лабиринтъ лѣстницъ и переходовъ въ громадномъ зданіи суда, Витгофъ съ сыномъ очутились, наконецъ, въ длинномъ пустомъ коридорѣ передъ дверью, на которой виднѣлась надпись: „Отдѣленіе III“. Служитель объяснилъ имъ, что теперь слушается другое дѣло, а имъ придется здѣсь подождать, покуда ихъ не вызовутъ. Изъ окна открывался видъ на красныя кирпичныя стѣны, рѣшетчатыя окна и сумрачныя кровли, на

которыхъ лежалъ налетъ копоти и сырости. По коридору сновали озабоченные, кого-то ищущіе, о чемъ-то спрашивающіе люди, проходили чины судебнаго вѣдомства въ формѣ, чиновники со связками бумагъ подъ мышкою, полицейскіе, ведшіе обвиняемаго, на которомъ уже были наручники, хотя преступленіе его еще оставалось недоказаннымъ, и тѣмъ не менѣе его, на потѣху зѣвакамъ, вели въ такомъ видѣ на допросъ къ судебному слѣдователю.

Мальчикъ въ робкомъ ожиданіи прижимался къ отцу, и самъ Витгофъ, никогда не бывавшій на судѣ, чувствовалъ испугъ и неувѣренность въ виду этой сложной машины, дѣйствующей, конечно, со строгою справедливостью, но безконтрольно предающей въ руки состоящихъ при ней людей—честь и судьбу тѣхъ, кого она зацѣпила своими колесами.

Прошло около получаса; наконецъ онъ услышалъ свое имя, настолько громко произнесенное, что онъ вздрогнулъ. Передъ нимъ, съ бумагою въ рукѣ, стоялъ служитель.

— Куда вы запропали?—грубо крикнулъ онъ.—Снимите шляпу и ступайте за мною!

Дверь отворилась, и Витгофъ съ сыномъ очутились въ комнатѣ среднихъ размѣровъ. Низкая перегородка отдѣляла часть комнаты для свидѣтелей; въ бо́льшей половинѣ ея, гдѣ не было ни стульевъ, ни скамьи, возвышался крытый зеленымъ столъ, заваленный актами, среди которыхъ стояло деревянное Распятіе съ мѣдною фигурою Спасителя. За столомъ сидѣлъ пожилой господинъ въ золотыхъ очкахъ, раздраженно разглядывавшій входившихъ; по обѣимъ сторонамъ его чинно, со скучающими лицами, возсѣдали двое присяжныхъ. За нижнимъ концомъ стола помѣщался писецъ, за верхнимъ—молодой человѣкъ во фракѣ, разглаживавшій свои выхоленные усы и бросавшій вокругъ дерзкіе взгляды. На скамьѣ свидѣтелей находились: полицейскій, помощникъ священника, а также истецъ—пожилой лысый господинъ въ теплой шубѣ, которую онъ не снялъ, несмотря на жару въ комнатѣ. Далѣе толпились многіе изъ жильцовъ ихъ дома, привлеченные любопытствомъ; среди нихъ виднѣлись даже женщины съ корзинами для провизіи.

Мальчику приказали подойти къ столу; онъ, дрожа, повиновался, между тѣмъ какъ свидѣтелей приводили къ присягѣ; предсѣдательствующій, снявъ шапочку, монотонно прочелъ ея текстъ, повторенный свидѣтелями; затѣмъ приступили къ допросу. Мальчикъ со слезами повинился; священникъ далъ самыя благопріятныя для него показанія, упомянулъ о безукоризненной

честности всей семьи, прибавилъ также, что мальчикъ провинился вслѣдствіе преувеличеннаго стремленія облегчить нищету домашнихъ.

Во время его рѣчи, молодой человѣкъ, фигурировавшій въ роли обвинителя, дѣлалъ такія презрительныя мины и смотрѣлъ на священника съ такимъ презрительнымъ состраданіемъ, что при другихъ обстоятельствахъ его поведеніе могло бы назваться наглостью. Оба они съ первой минуты почувствовали антипатію другъ къ другу, но здѣсь представитель правосудія чувствовалъ себя въ безопасности, въ виду большого штрафа, грозящаго свидѣтелямъ за всякое проявленіе неудовольствія съ ихъ стороны.

Пожилой господинъ показалъ, что у него уже не впервые пропадаютъ голуби, а въ тотъ день онъ самъ случайно былъ свидѣтелемъ кражи. Голуби его были весьма рѣдкой породы, а ихъ разведеніе—его любимымъ занятіемъ, можно сказать—его единственною радостью на землѣ...

У бѣднаго стараго господина имѣлись, помимо этой единственной страсти, и кое-какія другія радости—въ образѣ фигурантокъ маленькаго театра въ предмѣстьи, но въ данномъ случаѣ онъ предпочелъ поставить на видъ исключительно свою любовь къ голубямъ. Показаніе старичка, жестоко потревоженнаго въ своемъ невинномъ занятіи, вызвало общее сочувствіе къ нему въ толпѣ слушателей.

По знаку предсѣдательствующаго, съ мѣста поднялся колкій молодой человѣкъ.

Прежде всего онъ обязанъ энергично протестовать противъ показаній одного свидѣтеля,—тутъ онъ сдѣлалъ небрежное движеніе рукою въ сторону помощника священника,—которому, очевидно, желательно, чтобы обвиняемый вышелъ сухимъ изъ воды... Эти показанія отличаются не только явнымъ лицепріятіемъ, но и полной нелогичностью. Онъ не намѣренъ доискиваться, была ли нищета родителей незаслуженною, или они бѣдствуютъ по своей собственной винѣ; но причиною преступленія не могла быть нужда: мальчикъ укралъ бы хлѣбъ, а не цѣнныхъ голубей, составлявшихъ единственную радость всѣми уважаемаго господина на закатѣ дней его. Но болѣе всего ему представляется достойнымъ кары самый способъ, употребленный обвиняемымъ для завладѣнія чужой собственностью: это—не простой, сравнительно честный, ударъ камнемъ, но хитро разставленный силокъ. Мальчикъ, хотя находящійся еще въ школьномъ возрастѣ, очевидно, уже испорченъ, и только чувствительное наказаніе можетъ послужить къ его исправленію, заставить его одуматься. Въ виду

такихъ обстоятельствъ, онъ предлагаетъ присудить его къ двухнедѣльному тюремному заключенію.

Во время этой рѣчи двое присяжныхъ, недалекихъ малыхъ изъ ремесленнаго сословія, не спускали глазъ съ обвиняемаго и по временамъ укоризненно качали головами, словно дивясь раскрывавшейся передъ ними глубинѣ испорченности мальчика, который, всхлипывая, стоялъ передъ ними. Предсѣдательствующій раздраженно откинулся на спинку кресла, шепнулъ два слова присяжнымъ, и прежде чѣмъ тѣ успѣли отвѣтить, мальчикъ уже былъ присужденъ къ шестидневному аресту.

Служитель, открывъ дверь, провозгласилъ имена лицъ, участвующихъ въ слѣдующемъ судебномъ разбирательствѣ, между тѣмъ какъ потрясенный приговоромъ мальчикъ долженъ былъ опереться на отца; оба они были поражены несчастнымъ исходомъ дѣла, и не скоро удалось священнику успокоить ихъ. Мальчикъ нѣсколько пришелъ въ себя, узнавъ, что его арестуютъ не сейчасъ и что ему придется отсидѣть свой срокъ впослѣдствіи. На прощанье кандидатъ смѣрилъ серьезнымъ, почти печальнымъ взоромъ судей и истца, видимо почувствовавшаго себя неловко подъ этимъ взглядомъ, такъ какъ онъ поспѣшилъ ускользнуть. Дорогою священникъ съ горечью задалъ себѣ вопросъ: для чего существуютъ судьи, присяжные и стряпчіе, если они не въ состояніи примирить законъ съ чувствомъ справедливости, неспособны постановить самостоятельный приговоръ, не заботясь о мертвой буквѣ?

Эти мысли тревожили его, покуда расходились зрители, изъ которыхъ многіе бросали недружелюбные взгляды на Витгофа и его сына. Нѣкоторые изъ жильцовъ дома, дружившіе до сихъ поръ съ бѣдною семьей, теперь прекратили съ нею сношенія, такъ какъ большинство людей стыдится не грѣха, но понесенной за него кары.

Напряженіе, поддерживавшее Витгофа и его жену до дня судебнаго дѣла, сразу смѣнилось полнымъ упадкомъ силъ; послѣ злосчастнаго приговора они чувствовали себя уничтоженными, запятнанными, отверженными.

Антонъ, пріятель ихъ, послѣ непріятнаго происшествія въ домѣ его хозяина, больше не показывался у нихъ; жизненная бодрость, способность къ работѣ, здоровье—еще быстрѣе пошли на убыль. Витгофъ началъ кашлять и съ усиліемъ взбирался, задыхаясь, на свою крутую лѣстницу. Думая, что дни его сочтены, онъ отправился къ врачу для бѣдныхъ. Долго пришлось ему ожидать въ пріемной — пустой комнатѣ, гдѣ сильно пахло кар-

болкой, и на скамьяхъ, вдоль стѣнъ, сидѣли унылыя фигуры: мужчины въ повязкахъ, старушки съ зонтиками на глазахъ, женщины изъ рабочаго класса, укачивавшія блѣдныхъ, съ восковыми, апатичными лицами дѣтей. Рядомъ съ Витгофомъ оказалась дѣвушка лѣтъ двадцати, бѣдно, но очень чисто и прилично одѣтая. Ея черныя фильдекосовыя перчатки были много стираны и чинены; у нея были блестящіе, печальные глаза и нѣжное, исхудалое личико. Сквозь тонкую стѣну слышался по временамъ сердитый голосъ врача; послѣ недолгихъ промежутковъ дверь открывалась и высовывалось круглое, раздраженное лицо, съ очками на носу, послѣ чего дождавшійся своей очереди паціентъ поспѣшно поднимался и исчезалъ въ сосѣдней комнатѣ. Докторъ, очевидно, зналъ цѣну времени, и вскорѣ въ пріемной остались только Витгофъ и больная дѣвушка.

Войдя въ кабинетъ, писецъ увидѣлъ передъ собою низенькаго человѣка съ непомѣрно большою головой и мрачнымъ лицомъ, который, сдвинувъ очки на лобъ, воззрился въ паціента своими свѣтлыми, водянистыми глазами.

— Сюртукъ долой! Садитесь. Профессія?.. Женатъ? Сколько дѣтей?—Онъ сыпалъ вопросами быстро и повелительно: но когда Витгофъ, повинуясь приказанію, опустился на стулъ, надъ нимъ участливо склонилось круглое, добродушное, изрѣзанное морщинами лицо.

Осмотръ былъ недолгій,—многолѣтняя практика дала врачу большой опытъ.

— Ну-съ, мой милый,—сказалъ онъ мягко,—легкія у васъ давно затронуты, но все-же вы можете прожить года два. Еслибы вы могли хорошо питаться и отдохнуть, процессъ можно было бы пріостановить, но вы, очевидно, не въ состояніи этого сдѣлать: печальная старая пѣсня. Вонъ та молодая дѣвушка тоже нуждается лишь въ молокѣ и свѣжемъ воздухѣ, а между тѣмъ она принуждена шить до смерти, чтобы прокормить старуху-мать. Нужны только деньги, а въ нихъ-то и нуждается моя публика. Еслибы я могъ прописывать имъ деньги, почти всѣ мои паціенты были бы здоровы. Ну, не вѣшайте головы, старина! Вы еще протянете, а тѣмъ временемъ великій Врачъ на небесахъ, быть можетъ, пропишетъ вамъ рецептъ—получше моего.

Съ этими словами онъ выпустилъ Витгофа черезъ заднюю дверь, и тотъ вышелъ отъ него странно успокоенный и подбодренный.

Его хорошее настроеніе разсѣялось, однако, на возвратномъ пути. Утомленный и невольно привлеченный видомъ выставлен-

ныхъ драгоцѣнностей, онъ остановился передъ витриной ювелира. Дверь въ магазинъ была открыта, и за прилавкомъ распинался ювелиръ, державшій въ рукѣ бархатный футляръ, который онъ поворачивалъ во всѣ стороны, чтобы выказать игру драгоцѣнныхъ камней въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Покупатели были: молодой, разжирѣвшій господинъ, одѣтый по послѣдней модѣ, и неменѣе красиво разряженная, сильно намазанная особа женскаго пола. Подъ вуалеткою глаза ея горѣли жадностью при видѣ камней, и отрывались отъ нихъ лишь для того, чтобы бросать самые нѣжные взгляды на кавалера. Въ томъ, очевидно, происходила борьба; требуемая цѣна казалась ему черезчуръ высокою, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился подъ обаяніемъ чаръ своей спутницы.

Онъ спорилъ, пожималъ плечами, посмѣивался полу-сердито, полу-самодовольно; покуда продавецъ пускалъ въ ходъ всю силу своего убѣжденія, особа женскаго пола, въ видѣ поощренія, тихонько подталкивала своего кавалера зонтикомъ въ бокъ.

Наконецъ господинъ рѣшился; онъ, со вздохомъ, вынулъ бумажникъ и выложилъ изъ него значительное количество денежныхъ знаковъ. Особа женскаго пола повисла у него на рукѣ, глядя на него влюбленными глазами, а ювелиръ съ поклономъ вручилъ ему футляръ.

Витгофъ подумалъ не безъ горечи, какимъ счастіемъ было бы для него или для той больной дѣвушки получить хотя одинъ изъ этихъ банковыхъ билетовъ. Интересная чета, увлеченная нѣжною болтовнею, прошла мимо него, и онъ собирался двинуться въ томъ же направленіи, какъ вдругъ замѣтилъ лежащій передъ нимъ въ уличной грязи тотъ самый бумажникъ, изъ котораго господинъ доставалъ деньги. Витгофъ поднялъ его, обтеръ съ него грязь и машинально осмотрѣлся, но никто не глядѣлъ на него; люди равнодушно спѣшили мимо, и въ окнахъ никого не было видно. Тогда онъ кинулся въ догонку за удалявшеюся четою и скоро догналъ ее. Задыхаясь отъ скорой ходьбы, онъ разсказалъ о своей находкѣ и протянулъ оброненный предметъ.

Женщина смѣрила его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ, свойственнымъ продажнымъ тварямъ, когда имъ везетъ въ жизни; господинъ, сначала пораженный, быстро подошелъ къ ближайшему подъѣзду.

— Надо провѣрить!—проговорилъ онъ съ противною улыбкой, оттопырившей его красныя, толстыя губы.—Ничего, кажется, все въ порядкѣ,—прибавилъ онъ послѣ краткаго осмотра, запихивая бумажникъ въ боковой карманъ и застегиваясь. — Вотъ

вамъ, любезный!—съ этими словами онъ сунулъ въ руку писцу мелкую монету и кликнулъ проѣзжавшій экипажъ.

Признательный Витгофъ вѣжливо раскланялся вслѣдъ отъѣзжавшимъ: въ его раскрытой рукѣ лежала монета въ пятьдесятъ пфенниговъ.

Молодой священникъ неутомимо помогалъ своимъ сосѣдямъ, стараясь спасти ихъ отъ окончательной гибели, но его собственныя средства были недостаточны; онъ занималъ свое скромное мѣсто съ недавнихъ поръ и не успѣлъ еще пріобрѣсти вліянія среди членовъ-распорядителей благотворительныхъ обществъ. Наконецъ, онъ явился съ отраднымъ извѣстіемъ: г-жа Витгофъ должна обратиться съ просьбою о помощи къ одной богатой графинѣ, дамѣ-патронессѣ, устроительницѣ блестящихъ ежегодныхъ баловъ въ пользу бѣдныхъ, на которыхъ собиралось высшее общество столицы. Молодая графиня, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ, была дочерью крупнаго финансиста и, выйдя замужъ за аристократа, заняла положеніе одной изъ наиболѣе вліятельныхъ и модныхъ дамъ въ высшемъ кругу. Она занимала со вкусомъ убранный домъ, находившійся по близости иностраннаго посольства, въ лучшей части города.

Швейцаръ, въ богатой ливреѣ, открывшій г-жѣ Витгофъ тяжелую дверь подъѣзда, передалъ ее, послѣ непродолжительнаго допроса, на попеченіе лакея, а тотъ, въ свою очередь, допросивъ ее, предложилъ ей обождать въ передней.

Жена писца робко присѣла на кончикъ стула, смущенная окружавшимъ ее великолѣпіемъ, хотя все убранство этой комнаты, обтянутой двухцвѣтною кожей, состояло изъ массивнаго, обложеннаго порфиромъ камина и дубовыхъ скамеекъ вдоль стѣнъ. Здѣсь царила тишина, показавшаяся женщинѣ, привыкшей къ шуму и грохоту оживленнаго предмѣстья, почти торжественной; въ домѣ шла невидимая, таинственная жизнь. По временамъ изъ дальнихъ покоевъ доносилась слабая, тревожная трель электрическаго звонка; въ верхнемъ этажѣ хлопали дверцы шкафовъ, слышались легкіе, торопливые шаги по невидимымъ лѣстницамъ. Порою съ улицы доносился грохотъ подъѣзжавшаго экипажа или проходилъ, безшумно ступая по ковру, лакей, не обращавшій никакого вниманія на бѣдную женщину, несмотря на ея робкое покашливанье. Большіе часы монотонно отбивали каждую четверть часа; въ передней стемнѣло,—вѣроятно, на улицѣ шелъ сильный дождь.

Г-жа Витгофъ двигалась на своемъ стулѣ; тишина, напря-

женное ожиданіе пробуждали въ ней чувство глухого безпокойства, жгучаго нетерпѣнія. Она думала объ оставленныхъ ею безъ присмотра дѣтяхъ, о томъ, что если ей долго придется прождать—семья останется безъ обѣда. Навѣрное, важнымъ дамамъ и въ голову не придетъ, какъ дорого достается ожиданіе такой бѣднотѣ, какъ она... Притомъ, у графини, вѣроятно, и дѣтей нѣтъ: не слышно ни смѣха, ни крика. Но, конечно, еслибы ея сіятельству было извѣстно, какъ много у нея дѣла, она скорѣе отпустила бы ее.

Ожиданіе становилось все невыносимѣе; она просидѣла въ передней не менѣе двухъ часовъ, но у нея не хватало мужества вернуться домой ни съ чѣмъ. Внезапно входная дверь отворилась,—вошелъ молодой человѣкъ, въ простомъ утреннемъ костюмѣ; на его загорѣломъ лицѣ рѣзко выдѣлялись бѣлый лобъ и бѣлокурые усы. Онъ окинулъ сидѣвшую женщину бѣглымъ взглядомъ и, проходя мимо, слегка, но дружелюбно кивнулъ ей головою. Навстрѣчу ему, изъ противоположной двери, ведшей въ широкій, уставленный пальмами коридоръ, показалась горничная, несшая куда-то цѣлый ворохъ газовыхъ матерій. Онъ обратился къ ней съ вопросомъ: у себя ли графиня? и, не дождавшись отвѣта, постучался въ дубовую рѣзную дверь въ концѣ коридора. Войдя въ просторную, обитую свѣтлою шолковою матеріей комнату, съ высокими шкафами и большими зеркалами, онъ подошелъ къ графинѣ и, пожелавъ ей добраго утра, поднесъ ея руку къ губамъ.

— Я очень занята сегодня, милый Зигфридъ, — отвѣтила она:—мой костюмъ для бала въ пользу бѣдныхъ еще не готовъ; я положительно не знаю, чѣмъ отдѣлать юбку „помпадуръ“: свѣтло-зеленымъ или нѣжно-лиловымъ? Мнѣ не нравится ни то, ни другое; лучше всего была бы вышивка въ старинномъ стилѣ, но моя вышивальщица обманула меня... Эти люди понятія не имѣютъ о томъ, какъ дорого наше время... Пожалуйста, не садись сюда, ты сомнешь мой атласный корсажъ... Тутъ негдѣ повернуться...

Просторная комната имѣла такой видъ, какъ будто бы здѣсь происходилъ грабёжъ: изъ раскрытыхъ шкафовъ были вынуты вороха платьевъ, матерій, перьевъ, кружевъ, покрывавшіе не только мебель, но частью и обитый ковромъ полъ. Подставки большого зеркала были увѣшаны кружевными юбками; нигдѣ не оказывалось свободнаго мѣстечка, и тѣмъ не менѣе двѣ горничныя продолжали таскать новыя груды вещей изъ гардеробной.

Хорошенькая, бѣлокурая графиня, нервная и взволнованная, лихорадочно рылась въ этихъ предметахъ, примѣряя одно, отбрасывая другое, причемъ горничныя сбились съ ногъ, исполняя ея противорѣчивыя приказанія.

Графъ оглядѣлъ этотъ хаосъ страннымъ взглядомъ и съ трудомъ удержался отъ ироническаго замѣчанія.

— Я былъ у дѣтей, Bichette, — заговорилъ онъ по-французски;—имъ хочется идти гулять, и они удивляются, что ты до сихъ поръ не позвала ихъ; ты знаешь, они не очень-то любятъ англичанку. Не пойдешь ли ты съ ними? Они цѣлое утро ожидаютъ этой прогулки.

— Дѣти просто избалованы,—рѣзко отвѣтила графиня,—и я не понимаю, мой другъ, какъ ты можешь предлагать мнѣ заняться ими теперь... Ты видишь, сколько у меня дѣла!

По лицу его промелькнула горькая усмѣшка.

— Милая Bichette,—заговорилъ онъ,—я совсѣмъ не желаю читать тебѣ филистерскую мораль, но повѣрь мнѣ, что эти волненія, эта суета не могутъ быть полезны ни тебѣ, ни какой бы то ни было женщинѣ въ мірѣ. Онѣ вредятъ твоему здоровью и отвлекаютъ тебя отъ разумной жизни, отъ твоей семьи и обязанностей. Какъ бы я желалъ, чтобы ты согласилась удѣлять болѣе времени твоему дому! Я просто не переношу этотъ благотворительный спортъ и проклинаю ваши балы въ пользу бѣдныхъ и другія рекламныя празднества въ томъ же родѣ.

— Ты проклинаешь ихъ? А почему? Потому что мнѣ доставляетъ удовольствіе соединять мои свѣтскія обязанности съ благотворительностью?

— Нѣтъ, потому что эти празднества—ложь, они основаны на лжи и себялюбіи. Если вы хотите дѣлать добро, почему вы не устроите подписки и не распредѣлите, затѣмъ, эти деньги между нуждающимися? Конечно, это не такъ весело, какъ засѣданіе въ комитетахъ и репетиціи костюмированныхъ баловъ, а позднѣе—газетныя похвалы съ упоминаніемъ вашихъ фамилій и описаніемъ туалетовъ. На долю бѣдныхъ, въ большинствѣ случаевъ, ничего не останется, такъ какъ расходы превышаютъ сборъ. Результатъ, въ концѣ концовъ, не достигается, но участники довольны, если имъ удалось убить время и пофигурировать передъ собою и другими въ роли сострадательныхъ ангеловъ. Хорошо я знаю этотъ родъ благотворительности, и меня всегда возмущаетъ, когда эти господа выискиваютъ самую жестокую, непокрытую нищету, чтобы разыграть, съ помощью ея,

ту комедію, грубыя нити которой состоятъ изъ тщеславія, жажды наслажденій и стремленія къ рекламѣ.

— Зигфридъ!—воскликнула хорошенькая графиня, причемъ въ ея глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ, а лицо приняло далеко не аристократическое выраженіе.—Не забывай, пожалуйста, что я веселюсь за свои деньги какъ мнѣ угодно!

Графъ поблѣднѣлъ до самыхъ губъ, поклонился и вышелъ; войдя съ нахмуреннымъ лицомъ въ переднюю и увидѣвъ тамъ все еще сидѣвшую въ ожиданіи г-жу Витгофъ, онъ рѣзко ударилъ въ попавшійся ему подъ руку гонгъ.

— Доложите графинѣ отъ моего имени,—приказалъ онъ вошедшему слугѣ,—что въ передней уже два часа ожидаетъ женщина, которая проситъ графиню принять ее.

Черезъ минуту лакей вернулся съ отвѣтомъ:

— Ея сіятельство приказали сказать этой женщинѣ, чтобы она зашла въ другой разъ: сегодня графинѣ некогда,—у нихъ завтра благотворительный балъ.

— Хорошо,—сказалъ графъ,—ступайте.

Когда они остались вдвоемъ, графъ ближе подошелъ къ женщинѣ, которая поднялась и жалобно, съ осунувшимся лицомъ, смотрѣла на него.

— Вы, безъ сомнѣнія, бѣдны,—проговорилъ онъ мягко,—замужемъ и бѣдны. Это тяжело, но было бы еще тяжелѣе, еслибы вашъ мужъ сдѣлалъ глупость, скажемъ лучше — совершилъ преступленіе, женясь на богатой.

Онъ вынулъ тощій кошелекъ, досталъ оттуда чуть ли не единственный остававшійся въ немъ талеръ и подалъ его бѣдной женщинѣ.

— Сожалѣю, что не могу дать вамъ бо̀льшаго, — ласково проговорилъ онъ,—но этотъ талеръ—мой собственный, онъ—остатокъ моего лейтенантскаго жалованья.

Нотаріусъ, у котораго занимался Витгофъ, позвалъ его къ себѣ во время перерыва. На столѣ передъ нимъ лежали копіи актовъ, переписанныя рукою Витгофа.

— Другъ мой,—заявилъ нотаріусъ,—вашъ почеркъ становится все хуже и неразборчивѣе и вы работаете все меньше и меньше. Мои кліенты плохо разбираютъ вашу руку, и я не могу долѣе держать васъ у себя на службѣ. Пріискивайте себѣ съ завтрашняго дня новое занятіе,—я прикажу выдать вамъ жалованье за полъ-мѣсяца.

Комната завертѣлась передъ глазами Витгофа; лобъ его увлажился потомъ, онъ невольно отшатнулся къ стѣнѣ и оперся о нее обѣими руками, чтобы не упасть. Ужасъ парализовалъ его тѣло, и въ то же время онъ улыбался просительною, насильственною улыбкой, какъ будто его уважаемый принципалъ вздумалъ лишь пошутить съ нимъ.

Нотаріусъ былъ человѣкъ рѣшительный, но, замѣтивъ потрясающее впечатлѣніе своихъ словъ, онъ, будучи непріятно пораженъ, добавилъ нѣсколько смягчающихъ фразъ:

— Вы старѣетесь, любезный, но мое дѣло не должно отъ этого страдать. Вы послужили мнѣ по мѣрѣ силъ, и я прикажу выдать вамъ жалованье за полный мѣсяцъ. Оставить же васъ я не могу, ваше мѣсто уже отдано. Ступайте.

Витгофъ понялъ, что всякія возраженія были бы напрасны. Покуда остальные писцы болтали и ѣли бутерброды, онъ пробрался къ своей конторкѣ и принялся за работу. Въ виски ему стучало, горло было сдавлено; онъ чувствовалъ, что такого несчастія онъ не переживетъ: это уже послѣдній ударъ. При пустомъ желудкѣ и окоченѣвшихъ пальцахъ, трудно сохранить хорошій почеркъ. Витгофъ зналъ, что рѣшенія его патрона всегда непреложны, и, тѣмъ не менѣе, онъ старался писать какъ можно красивѣе и разборчивѣе: быть можетъ, нотаріусъ, просмотрѣвъ листы, перемѣнитъ свое намѣреніе. Эта слабая надежда дала ему силу скрыть на нынѣшній вечеръ отъ жены ужасную новость.

На слѣдующій день онъ продолжалъ работать съ безконечнымъ стараніемъ надъ улучшеніемъ своего почерка, и счастіе, повидимому, улыбнулось ему; его позвали въ кабинетъ патрона, приказавшаго ему сейчасъ же переписать только-что полученную бумагу. Рука Витгофа такъ дрожала, передавая листы, что нотаріусъ, внутренно возмущенный такимъ недостаткомъ выдержки, сразу разрушилъ все зданіе надеждъ злополучнаго писца, заявивъ ему, что съ прекращеніемъ занятій въ конторѣ оканчивается срокъ его службы, и онъ получитъ немедленно разсчетъ.

Передъ обѣдомъ нотаріусъ появился въ конторѣ, отдалъ краткія распоряженія и, проходя мимо Витгофа, положилъ на его конторку нѣсколько завернутыхъ въ бумагу талеровъ.

Писецъ только ниже наклонилъ голову надъ послѣднимъ листомъ,—сердце у него разрывалось. Съ тѣхъ поръ, какъ эта работа была у него отнята, онъ почувствовалъ себя выброшеннымъ на улицу, перешедшимъ въ разрядъ ненужныхъ людей. Онъ сознавалъ, что ему нигдѣ уже не получить работы, а между

тѣмъ онъ долженъ былъ, во что̀ бы то ни стало, достать ее; онъ снова долженъ съ трясущимися колѣнями подниматься по лѣстницамъ и вымаливать ее. Можетъ быть, ему посчастливится достать заработокъ у сострадательныхъ людей, а до тѣхъ поръ надо умолчать объ отказѣ ему отъ мѣста.

Когда въ урочный часъ остальные писцы поспѣшно разошлись, Витгофъ еще разъ оглядѣлъ комнату, гдѣ онъ проработалъ столько лѣтъ и двери которой запрутся для него навсегда. Нѣсколько дней тому назадъ сидѣлъ онъ здѣсь на привычномъ мѣстѣ, довольный — несмотря на тяжелую работу; онъ былъ счастливъ и обезпеченъ—сравнительно съ теперешнимъ своимъ положеніемъ. Его безжалостно выгнали; остается лишь проститься со старымъ товарищемъ—съ конторкою, за которою онъ просидѣлъ столько лѣтъ. И Витгофъ прощался съ нею, какъ съ живымъ существомъ: онъ опустилъ на ея доску свою усталую голову, и крупныя капли слезъ падали изъ его глазъ на чернильныя пятна и рѣзьбу перочиннымъ ножемъ—оставленныя на ней цѣлымъ поколѣніемъ писцовъ. Онъ, шатаясь, спустился по лѣстницѣ.

Тяжело разставаться съ юной любовью, но еще тяжелѣе, еще горше разставаться съ работой, которая даетъ средства къ жизни и бываетъ неразрывно связана съ самою жизнью. Съ этихъ поръ для стараго писца началось существованіе, полное униженій и разочарованій. Самымъ тяжелымъ въ немъ была необходимость—скрывать отъ домашнихъ истину и разыгрывать передъ ними роль, бывшую свыше силъ его. Какъ и ранѣе, онъ выходилъ изъ дому по утрамъ въ опредѣленное время, взявъ съ собою завтракъ; на случай еслибы кто-нибудь вздумалъ послѣдовать за нимъ, онъ шелъ сначала по направленію къ конторѣ, но затѣмъ быстро сворачивалъ въ сторону и отправлялся на новое свое занятіе: пріискиваніе мѣста. Никакой кварталъ не казался ему слишкомъ отдаленнымъ, никакая лѣстница—черезчуръ высокою; гдѣ только мелькала возможность получить мѣсто—всюду онъ являлся со слабымъ лучомъ надежды въ печальныхъ глазахъ, но всюду ему отказывали по причинѣ его лѣтъ и болѣзненнаго вида.

Онъ молча кланялся и шелъ далѣе съ опущенною головою, утомленный, забрызганный грязью, какъ прогнанная собака. Въ серединѣ дня, когда другіе люди обѣдали, онъ потихоньку съѣдалъ гдѣ-нибудь въ углу принесенный съ собою хлѣбъ. Если же силы его были окончательно истощены, онъ отдыхалъ на скамьѣ въ городскомъ саду, не смѣя вернуться домой раньше времени.

Порою жена спрашивала его, что у нихъ въ конторѣ новаго, не произошло ли какихъ-нибудь перемѣнъ въ составѣ служащихъ?—и тогда онъ принимался усиленно кашлять или старался замять разговоръ. Будь г-жа Витгофъ болѣе наблюдательна, она примѣтила бы его неловкія старанія уклониться отъ отвѣта, но, вѣчно озабоченная и разстроенная, она не обращала вниманія на странность поведенія мужа. Она очень тревожилась о своемъ старшемъ сынѣ, только-что отбывшемъ срокъ заключенія. За простую вину, какъ и за тяжкое преступленіе, каковы бы ни были поводы къ нимъ, наши прославленные законодатели придумали въ мудрости своей лишь одно возмездіе — тюрьму. Это универсальное средство противъ всѣхъ болѣзней послужило, однако, сыну Витгофа во вредъ: кроткій и послушный мальчикъ вернулся изъ заключенія озлобленнымъ, утратившимъ всякую жизнерадостность и способность къ работѣ. Помимо этого, онъ свелъ въ тюрьмѣ нежелательныя знакомства; онъ сталъ неаккуратно посѣщать школу и зачастую возвращался домой подпившимъ и съ запахомъ табаку. Вскорѣ заболѣла изнурительной лихорадкою двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; приведенный священникомъ врачъ прописалъ съ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго, рецептъ, но лекарство, по весьма уважительнымъ причинамъ, осталось незаказаннымъ.

Однажды вечеромъ, послѣ напраснаго хожденія по городу, Витгофъ вернулся домой смертельно уставшимъ. Въ комнатѣ было страшно холодно, такъ какъ на улицѣ, съ наступленіемъ сумерекъ, осенній дождь смѣнился крупными водянистыми хлопьями снѣга, таявшими на мокрыхъ крышахъ и асфальтовой мостовой.

За отсутствіемъ топлива, г-жа Витгофъ выпросила у сосѣдки керосинку, чтобы сварить на ней похлебку, и дѣти усѣлись вокругъ стола, слѣдя жадными глазами за дымящимся котелкомъ. Мать собиралась нарѣзать хлѣба, но его оказалось такъ мало, что каждому еле хватило по кусочку, хотя маленькая больная ничего не ѣла. Тутъ Витгофъ вспомнилъ, что онъ отъ усталости не могъ съѣсть своего хлѣба; онъ вынулъ его изъ газеты и отломилъ всѣмъ по кусочку.

— Кушайте, дѣти,—сказалъ онъ;—сегодня, по случаю добавочной работы, намъ дали закусить въ конторѣ.

Старшій сынъ грубо фыркнулъ, и когда мать сдѣлала ему за это выговоръ, снова разсмѣялся.

— Отецъ втираетъ вамъ очки,—сказалъ онъ дерзко и насмѣшливо; — онъ совсѣмъ не былъ сегодня въ конторѣ: я два

раза видалъ его, утромъ—у складовъ, а подъ вечеръ—на скамьѣ въ паркѣ. Я прошелъ совсѣмъ близко отъ него, но онъ даже не замѣтилъ меня. Что, правду я говорю?

Отецъ не могъ обвинить мальчика во лжи; онъ кивнулъ головою, и краска стыда выступила на его исхудалыхъ щекахъ. Мать заставила мальчика замолчать, но она поняла, охваченная смертельнымъ ужасомъ, что мужъ скрылъ отъ нея бѣду. Послѣ ѣды она выпроводила дѣтей и съ долгимъ печальнымъ взоромъ положила Витгофу руки на плечи. Онъ не былъ въ состояніи дольше выдерживать свою роль и во всемъ сознался; до самаго возвращенія дѣтей съ улицы, они просидѣли въ унылой темной комнатѣ, склонивъ сѣдѣющія головы подъ гнетомъ общаго несчастія.

А нищета, подобно упорному, злому пауку, все тѣснѣе плела свою черную сѣть, неотвратимо охватывавшую несчастную семью. Недоставало самаго необходимаго, а въ спальнѣ, на окнахъ которой утренній морозъ разрисовывалъ нѣжные цвѣты, лежала то въ жару, то въ полу-безчувственномъ состояніи маленькая больная, держа на рукахъ свертокъ изъ лоскутьевъ, изображавшій собою куклу. Маленькое созданіе, успѣвшее лишь заглянуть въ жизнь, полную горя и нужды, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ совсѣмъ уйти изъ нея, таило въ своемъ сердечкѣ избытокъ любви и нѣжности, которому необходимо было на что-нибудь излиться. Воображеніе ея изукрасило свертокъ лоскутковъ, и ни одному ребенку богатыхъ родителей не доставляла бо́льшаго удовольствія самая дорогая кукла.

Желая доставить какое-нибудь облегченіе своей любимицѣ, Витгофъ удвоивалъ усилія; порою онъ помогалъ перетаскивать матеріалъ на постройкахъ, но, вслѣдствіе слабости силъ, онъ никогда не могъ долго работать. Особенно терзала его одна мысль: больная мучительно жаждала апельсиновъ и постоянно просила ихъ; это было, конечно, во время бреда, такъ какъ въ полномъ сознаніи она никогда не рѣшилась бы высказать такого неслыханнаго, дерзновеннаго желанія. Витгофъ невыразимо страдалъ отъ невозможности исполнить это желаніе больного ребенка. Онъ осмѣлился зайти въ магазинъ колоніальныхъ товаровъ, гдѣ фрукты лежали массами въ боченкахъ, и попросилъ хозяина дать ему два-три залежавшихся и уже нѣсколько попорченныхъ плода для его больной дѣвочки. Торговецъ, оглядѣвъ его изумленнымъ взоромъ, заставилъ его повторить просьбу, изложенную бѣднякомъ нѣсколько сбивчиво и неясно; когда же смыслъ ея сталъ ему понятенъ, онъ воскликнулъ, что подобнаго

безстыдства ему никогда еще не случалось встрѣчать! Люди просятъ, чтобы имъ подавали милостыню деликатесами! Во всякомъ случаѣ изобрѣтатель такой моды заслуживаетъ быть вышвырнутымъ за дверь.

Онъ схватилъ старика за плечи и вытолкнулъ его на улицу; хорошо еще, что по близости не оказалось полицейскаго. Подавленный стыдомъ, Витгофъ быстро удалился и, дойдя до бульвара, почти упалъ на скамью. Онъ понялъ вдругъ съ ужасающей ясностью, что если не случится чуда, то въ теченіе недѣли его семья должна неминуемо погибнуть. Дѣти такъ ослабѣли, что за послѣдніе дни они почти уже не встаютъ съ постели. Среди громаднаго города его охватилъ смертельный ужасъ полнаго одиночества; ему хотѣлось крикнуть, молить о помощи, но онъ побоялся, что его осмѣютъ, пожалуй даже—арестуютъ. Къ чему такой вызовъ, если можно прибѣгнуть къ нѣмой мольбѣ? Правда, нищенствовать запрещено, но никто не запретитъ ему поставить рядомъ съ собою шляпу, въ которую проходящіе мимо люди могутъ опустить нѣсколько грошей.

Многіе проходили по бульвару, но никто не обратилъ вниманія на неподвижно сидѣвшаго человѣка; господинъ представительной наружности пріостановился, пошарилъ-было у себя въ пальто, но, не найдя мелочи въ боковомъ карманѣ, счелъ слишкомъ затруднительнымъ доставать кошелекъ, и потому, пожавъ плечами, прошелъ далѣе. Прошли подъ руку двое молодыхъ людей—изъ воспитанниковъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній; несмотря на сравнительно ранній часъ, они были уже не совсѣмъ трезвы и громко разговаривали, часто употребляя прилагательныя въ превосходной степени, что составляетъ отличительное свойство юнцовъ. Одинъ изъ нихъ счелъ остроумнымъ сбить тросточкою шляпу со скамьи и отшвырнуть ее въ кусты, вслѣдъ за чѣмъ они со смѣхомъ удалились. Витгофъ поднялъ свой старенькій, пострадавшій отъ удара тростью головной уборъ и снова положилъ его рядомъ съ собою на скамью.

Проходили часы; пошелъ холодный мелкій дождь, а Витгофъ все сидѣлъ, сдвинувъ худыя колѣни, продрогшія насквозь отъ сырости и холода. Его старый крашеный сюртукъ промокъ отъ дождя; на жилистой шеѣ и возлѣ худыхъ кистей рукъ образовались лиловые подтёки. Его рѣдкіе волосы прилипли къ вискамъ, а лицо, подъ гнетомъ физическаго страданія и нравственныхъ мукъ, становилось все мрачнѣе, безнадежнѣе, отчаяннѣе.

Молоденькая барышня, несшая на рукѣ папку съ нотами, а на плечѣ дождевой зонтикъ, на фонѣ котораго выдѣлялось, какъ

въ рамкѣ, ея свѣжее, миловидное лицо, быстро прошла мимо Витгофа, затѣмъ повернула и замедлила шаги, не рѣшаясь предложить ему подаяніе; ее пугало страдальческое выраженіе его лица. Наконецъ, она остановилась и вопросительно посмотрѣла на него.

Это была премиленькая дѣвочка съ моцартовскою косою и чистосердечными синими глазами; старикъ робко и смиренно улыбнулся въ отвѣтъ на ея взглядъ, чтобы этимъ ободрить ее.

Увидѣвъ эту улыбку, освѣтившую лицо дрожащаго отъ холода человѣка, она расхрабрилась.

— Вотъ, пожалуйста, возьмите,—заторопилась она, доставая изъ кармана кофточки мелочь,—къ сожалѣнію, у меня больше нѣтъ... Но, можетъ быть, вы не откажетесь взять мой завтракъ? Да? Вотъ это мило съ вашей стороны; вы мнѣ доставите этимъ большое удовольствіе, — болтала она, доставая изъ папки довольно большой свертокъ.—Только вамъ не слѣдуетъ здѣсь дольше оставаться; мама говоритъ, что сырость очень вредна для здоровья, можно схватить насморкъ... Всего хорошаго! Извините, я спѣшу на урокъ...

Витгофъ поднялся со скамьи и поспѣшно зашагалъ домой. Въ каждомъ добромъ дѣлѣ заключается тайное благословеніе, разрѣшающее и умиротворяющее. Городской бульваръ опустѣлъ подъ дождемъ; тѣло Витгофа промокло и окоченѣло, но онъ чувствовалъ, какъ въ сердцѣ у него затеплился остатокъ надежды, зажженный сострадательнымъ взоромъ синихъ глазъ маленькой барышни.

Онъ зашелъ во фруктовый магазинъ и купилъ для своей любимицы три чудныхъ апельсина; затѣмъ быстро сталъ подниматься по лѣстницѣ, съ усиліемъ переводя духъ.

Холодная, неуютная комната была погружена въ ранній сумракъ осенняго вечера. Онъ не безъ страха переступилъ порогъ, боясь найти дѣтей голодными въ ихъ постеляхъ, быть можетъ—уже умершими отъ истощенія, съ застывшими, заострившимися личиками. А можетъ быть, для нихъ нашлась въ теченіе дня корка хлѣба и теперь мать увела ихъ куда-нибудь съ собою?

Комната была пуста; только больная дѣвочка спала лихорадочнымъ сномъ, прижимая къ себѣ свою куклу и зарывшись головою въ подушку. Отецъ не захотѣлъ тревожить ребенка и присѣлъ у холодной печки, вздрагивая отъ озноба, такъ какъ платья для смѣны у него не было. Черезъ нѣсколько времени вернулась жена съ дѣтьми; младшіе плаксиво просили ѣсть, и

мать сердитымъ, безнадежнымъ голосомъ крикнула имъ, чтобы они замолчали.

Она почти не обратила вниманія на мужа; ей казалось совершенно естественнымъ, что онъ возвратился съ пустыми руками. Подъ вліяніемъ крайней нужды, бѣдная женщина начинала озлобляться; очевидно, она поработала черезъ силу, такъ какъ, оттолкнувъ цѣплявшихся за ея юбку дѣтей, она, тяжело дыша, въ изнеможеніи опустилась на постель.

Тѣмъ временемъ Виттофъ ощупью нашелъ жестяной подсвѣчникъ и зажегъ остававшійся въ немъ огарокъ; затѣмъ онъ позвалъ дѣтей и выложилъ передъ ними закуску, заключавшуюся въ сверткѣ.

Проголодавшіяся дѣти шумно заработали челюстями, что̀ привело въ себя г-жу Виттофъ; она приподнялась на локтяхъ, встала и подошла къ столу, вопросительно глядя на мужа.

— Это милостыня,—объявилъ Витгофъ съ тихою, покорною улыбкой,—но ее подало мнѣ милое дитя... Да благословитъ ее Богъ!—Онъ подвинулъ одинъ изъ кусковъ женѣ, и та съ жадностью принялась ѣсть. Даже больная приподнялась и молча смотрѣла на ужинавшихъ; Витгофъ поспѣшно всталъ и, подойдя со свѣчою въ рукахъ къ постели больной, положилъ на жалкое одѣяло круглые, золотистые апельсины, покатившіеся по немъ какъ золотые шары.

Дѣвочка безмолвно глядѣла на желанное сокровище; затѣмъ она судорожно прижала къ сердцу куклу и все ея худенькое тѣло затрепетало отъ радости.

— Знаешь, Лиза, — проговорила она какъ въ полуснѣ,— теперь, послѣ такой радости, мы съ тобою можемъ и умереть...

При этихъ словахъ ея блѣдное, грустное личико озарилось такимъ солнечнымъ лучомъ невыразимаго блаженства, что оно казалось просвѣтленнымъ. Мать опустилась на стулъ, закрывъ лицо загрубѣвшими отъ работы руками; у Витгофа, терпѣливо переносившаго до сихъ поръ каждое горе, каждое лишеніе— внутри словно что-то оборвалось. То, чего не могло сдѣлать никакое страданіе—сдѣлала эта улыбка, мелькнувшая на исхудалымъ личикѣ близкаго къ смерти ребенка. Порывъ восторга, такъ безжалостно изобличившаго ихъ нищету, вспышка счастья, которымъ могутъ пользоваться другія, менѣе обдѣленныя судьбою дѣти,—надломили его въ самомъ основаніи, нанесли ему послѣдній, смертельный ударъ. Онъ подавилъ слезы, расправилъ руки, какъ человѣкъ, намѣревающійся поднять тяжесть, и всталъ на

ноги; онъ покончилъ со всѣми колебаніями, и съ нимъ самимъ— все кончено.

Его обступили дѣти, дуя на свои окоченѣвшіе пальцы и прося его развести огонь; онъ сейчасъ же согласился, но велѣлъ имъ прежде лечь, обѣщая не пожалѣть сегодня угля и такъ натопить печь, чтобы имъ не пришлось зябнуть ночью.

Онъ сильнымъ движеніемъ поднялъ старое ведро и вскорѣ вернулся, таща въ немъ угли; дѣти забились тѣмъ временемъ подъ рваныя одѣяла и съ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ отецъ, растопивъ лучину, наложилъ сверхъ нея угольевъ. Вскорѣ въ печкѣ начало потрескивать; сквозь ея изломанную дверцу виднѣлось яркое пламя, отблескъ котораго ложился полосами на потолокъ. Вспыхивавшіе угли озаряли порою уголъ комнаты съ дѣтскими кроватями и лица укутанныхъ въ тряпье и тѣсно прижавшихся другъ къ другу ребятишекъ, наслаждавшихся видомъ пламени.

Скоро теплота усыпила ихъ; только темные задумчивые глаза больной дѣвочки долго и понятливо слѣдили за перебѣгающими струйками огня, но наконецъ и они сомкнулись сномъ.

Когда послышалось тихое, ровное дыханіе заснувшихъ дѣтей, Витгофъ придвинулъ къ самой печкѣ деревянную скамеечку и усадилъ жену рядомъ съ собою.

— Забудь на сегодня всѣ заботы, — проговорилъ онъ ласково,—отогрѣйся... Видишь, какъ растопилась печка; въ комнатѣ стало уютнѣе, только вѣтеръ дуетъ сквозь разбитое стекло...

Онъ отыскалъ какое-то тряпье и тщательно заткнулъ отверстіе въ окнѣ, также какъ и щель у порога, сквозь которую проходилъ воздухъ.

Женщина боролась со сномъ и щурила глаза; онъ присѣлъ рядомъ съ нею и обнялъ ее рукою.

— Что̀ это съ тобой?—проговорила она:—ты нынче такъ глядишь на меня, точно мы оба молоды, здоровы и счастливы, какъ въ тотъ годъ, когда мы повѣнчались.

Онъ не сразу отвѣчалъ, но подсыпалъ еще угольевъ въ раскаленную до красна печь, втискивая туда связку лучинъ.

— Да, хорошо тогда жилось,—отвѣтилъ онъ, тихо прижимаясь щекою къ ея щекѣ и наклоняясь къ самому ея уху:—ты была красавицей, и влюбился я въ тебя до погибели. А свадьбу нашу помнишь? Ты хотѣла отпраздновать ее въ деревнѣ, и хозяева все устроили честь-честью. Помнишь, въ залѣ были развѣшаны гирлянды изъ зелени по стѣнамъ и надъ дверями... А по дорогѣ въ церковь была устроена арка изъ вѣтвей.

— Да, чудесно было, — прошептала женщина и опустила съ полусмущенною улыбкою свою усталую голову на плечо мужа, собираясь заснуть.

— А помнишь, сколько времени сидѣли за ужиномъ, говорили рѣчи, пили за наше здоровье?—продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ ею все болѣе и болѣе овладѣвала дремота.—А потомъ, покуда всѣ другіе играли въ кегли, мы пошли съ тобою въ лѣсъ—мужемъ и женою, и ты такъ конфузилась и робѣла, точно я былъ чужой человѣкъ. Мы спустились къ рѣчкѣ и сѣли на травѣ—плечомъ къ плечу, какъ теперь...

Голосъ его становился все глуше, дыханіе женщины—все ровнѣе и тише.—Помнишь, солнце всходило надъ рѣкою, птицы заливались въ кустахъ и все горѣло, какъ въ огнѣ...

Комната тоже горѣла, какъ въ огнѣ. Изъ раскаленной, трещавшей печи струилась одуряющая, удушливая жара. Витгофъ безшумно протянулъ руку и—разъ, два—плотно завернулъ клапанъ затвора...

Онъ проснулся, пробужденный струею холоднаго воздуха; въ вискахъ у него стучало,—онъ задыхался. Жена, бывшая сильнѣе его—первая опомнилась отъ угара и растворила окно, въ которое клубился удушливый паръ отъ каменнаго угля; съ улицы вливалась въ комнату волна холоднаго воздуха. Тяжело дыша, жена съ ужасомъ исподлобья глядѣла на него заплаканными глазами. Она указала ему рѣзкимъ повелительнымъ движеніемъ на кровать; онъ повиновался и, дотащившись до нея, безсильно упалъ на соломенный тюфякъ.

Она, шатаясь, подошла къ нему и, опустившись съ нимъ рядомъ, отерла съ его лба испарину, вызванную удушьемъ и головокруженіемъ.

— Дѣти не должны умереть, слышишь?.. — шептала она, борясь съ обморокомъ:—мы должны выдержать, должны заставить людей помочь намъ. Все еще поправится. Мужайся, надѣйся на Бога... вдругъ выиграемъ въ лотерею или... или сама графиня послѣ благотворительнаго бала... денегъ, много денегъ даютъ такіе балы и... польза отъ нихъ... большая, боль...

Мысли ея спутались, но это было лишь на нѣсколько мгновеній. Несмотря на полное изнеможеніе, онъ уловилъ смыслъ ея словъ.

— Да,—повторилъ онъ, какъ бы утѣшая себя, — надо заставить людей помочь намъ, надо заставить ихъ... И дѣти должны жить; пусть изъ нихъ выйдутъ хорошіе, честные люди, и ты должна жить для дѣтей, моя бѣдная, добрая жена...

Но она еще не вѣрила его словамъ,—съ трудомъ стащила она на полъ матрацъ и легла на него, между дѣтскими кроватями и накалившеюся печью, защищая ихъ собственнымъ тѣломъ.

Эта ночь смѣнилась холоднымъ, сырымъ осеннимъ днемъ. Надъ моремъ домовъ еще болѣе сгустился туманъ, и люди суетливо двигались среди этой сырости, подгоняемые тяжелою борьбою за существованіе. На мосту, перекинутомъ чрезъ широкую, лѣниво струящуюся рѣку, движеніе было нѣсколько меньше, чѣмъ на близлежащихъ улицахъ. Въ ту минуту, какъ сильный порывъ вѣтра заколебалъ зонтики пѣшеходовъ и даже поднялъ легкую рябь на черной поверхности рѣки, какой-то прохожій, положивъ на перила моста записку, къ которой былъ привязанъ камень, съ трудомъ перелѣзъ черезъ перила и, кинувшись внизъ головою, исчезъ подъ водою. Нѣкоторые изъ проходившихъ по мосту остановились и, махая зонтиками, принялись звать на помощь; другіе кинулись къ периламъ, которыя вскорѣ были облѣплены темною массою народа на всемъ своемъ протяженіи. Немедленно былъ брошенъ спасательный кругъ, закачавшійся на водѣ: двое мужчинъ отвязали лодку отъ большой барки съ овощами и принялись за поиски; но бросившійся въ воду человѣкъ не показывался на ея поверхности.

Только часъ спустя, съ помощью багровъ, было втащено въ лодку нѣчто темное, намокшее, похожее скорѣе на свертокъ стараго платья, нежели на человѣческое тѣло.

Полицейскій, замѣтившій еще вначалѣ записку съ привязаннымъ къ ней камнемъ, немедленно отправился съ нею въ ближайшій полицейскій участокъ, чтобы передать ее своему непосредственному начальству.

На четвертушкѣ простой бумаги было выведено нѣсколько дрожащимъ, каллиграфическимъ почеркомъ:

„Дорогіе сограждане, у меня много дѣтей, и никто не даетъ мнѣ работы, такъ какъ никто не вѣритъ, какъ плохо намъ живется. Я радъ былъ бы пожить еще, но я старъ и слабъ здоровьемъ. Потому я и бросаюсь въ воду, чтобы вы убѣдились, какъ велика наша нужда. Сжальтесь надъ моею женою и дѣтьми, помогите имъ и простите меня.—Виттофъ“.

У блюстителя порядка невольно вырвалось, тотчасъ же подавленное имъ, выраженіе сострađанія.

— Надѣюсь, что никто не прочелъ этой записки?—сурово обратился онъ къ полицейскому.

И когда тотъ отвѣтилъ отрицательно, онъ прибавилъ:

— Записка останется здѣсь, и въ протоколъ, конечно, не будетъ внесена. Узнай о ней кто-нибудь изъ газетчиковъ—вотъ былъ бы желанный матеріалъ для радикальныхъ листковъ! На это не очень благосклонно посмотрѣли бы свыше, такъ какъ страна кишитъ недовольными и смутьянами, первая задача которыхъ—отравлять жизнь нашему достойному всякихъ похвалъ правительству.

Когда, окруженная дѣтьми, г-жа Витгофъ, съ сухими глазами, стояла внизу лѣстницы, по которой носильщики съ трудомъ протащили къ выходу узкій гробъ изъ еловыхъ досокъ, до нея донесся съ улицы смутный гулъ голосовъ. Выстроившись рядами, какъ войско, тамъ стояли массы людей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, но у каждаго былъ въ петлицѣ красный бумажный цвѣтокъ. Когда погребальное шествіе тронулось, они, повинуясь командѣ, двинулись вслѣдъ за нимъ упорными, молчаливыми, плотно сомкнутыми рядами. По дорогѣ толпа все увеличивалась, и молодой священникъ не безъ тревоги поглядывалъ на сборище, опасаясь послѣдствій готовящейся демонстраціи.

Появленіе его на похоронахъ являлось актомъ гражданскаго мужества, такъ какъ старшіе священники единогласно отказались дать послѣднее напутствіе самоубійцѣ. Молодому проповѣднику весьма недвусмысленно дали понять, что онъ изъ принципа долженъ отказаться отъ всякаго проявленія самостоятельности. Но страхъ передъ людьми не ввелъ его въ заблужденіе; совѣсть говорила ему, что онъ обязанъ совершить послѣднее дѣло любви по отношенію къ бѣдняку, нужду котораго онъ зналъ и жизнь котораго была отравлена горемъ, нищетою, униженіями всякаго рода.

Окружая черную, зіяющую могилу, полуприкрытую досками, временно поддерживавшими гробъ, тѣснилась возбужденная толпа, а позади видны были блестящія каски многочисленныхъ полицейскихъ.

Священникъ, поднявъ глаза къ небу, прочелъ передъ тѣснившимися среди могилъ краткія слова вѣчной любви, между тѣмъ какъ блѣдный осенній лучъ солнца золотилъ разрыхленные комья влажной земли. Бросивъ три пригоршни земли на крышку гроба, онъ отошелъ.

Тотчасъ же мѣсто его занялъ невысокій человѣкъ съ блѣднымъ отъ волненія лицомъ и горящими глазами. Сдѣлавъ движеніе рукою, державшей мягкую войлочную шляпу, онъ возвысилъ голосъ:

— Братья! Сограждане! Единомышленники!..

Ему не дали продолжать; двое полицейскихъ кинулись къ нему, обхватили его руками и стащили съ возвышенія; послышались крики, свистки, и полиція, окруживъ демонстрантовъ, погнала ихъ къ выходу. Среди могилъ произошла дикая свалка; отдѣльныя группы пытались удержать позицію, но потокъ бѣгущихъ увлекалъ ихъ за собою; внезапно распространился слухъ, что у воротъ кладбища ихъ ожидаетъ большой конный отрядъ полицейскихъ.

Собравшіеся спѣшили разойтись, шумно очищая поле сраженія. Среди замедлившихъ былъ и священникъ, къ которому, противъ его желанія, присоединился полицейскій офицеръ, завѣдывавшій тѣмъ участкомъ, въ которомъ жилъ покойный Витгофъ.

Блюститель порядка высказалъ свое удовольствіе по поводу полученнаго имъ своевременнаго извѣщенія, благодаря которому властямъ во-время удалось прекратить безпорядокъ. Онъ изумлялся духу возмущенія, воцарившемуся среди массъ, и не понималъ, какимъ образомъ въ лонѣ благоустроеннаго германскаго государства, обладающаго превосходною военною силой, могла развиться партія, желавшая ниспроверженія всякихъ основъ? Онъ вскорѣ разсчитываетъ получить значительное повышеніе, а слѣдовательно—возможность бороться съ этимъ зломъ, и поэтому желалъ бы слышать изъ устъ священника, кто виновенъ въ томъ, что на гладкой поверхности общественнаго порядка появляются такіе мутные пузыри?

— Мнѣ думается, что мы съ вами разойдемся въ воззрѣніяхъ,—отвѣтилъ кандидатъ;—мы стоимъ на скользкой поверхности: это говоритъ намъ не только наша совѣсть, общая тревога и недовольство, но тоже обнаруживается и множествомъ признаковъ, невидныхъ лишь слѣпому. Кто не чувствуетъ неувѣренности, неустойчивости всѣхъ отношеній, взаимнаго озлобленія и непониманія, уклоненія отъ правилъ нравственности, недостатка честности и довѣрія въ дѣлахъ промышленности и торговли? Такое положеніе вещей создало среди молодежи цѣлую группу людей, глумящихся надъ честью, уваженіемъ къ женщинѣ и старикамъ, отрекшихся отъ всякихъ идеаловъ; людей, признающихъ вмѣсто рыцарей духа—рыцарей наживы. Стремленіе къ легкой громадной наживѣ убило въ гражданахъ духъ чести; среди чиновнаго, даже среди военнаго сословія—она клонится къ упадку. Наше поколѣніе считаетъ грѣхъ—шуткою, а искупленіе—бреднями. Когда свершилась воочію великая мечта объеди-

нейя германскаго народа, мы думали, что все уже достигнуто, но мы слишкомъ понадѣялись на свои силы, слишкомъ мало заботились о духовной сторонѣ, и теперь намъ грозитъ другая—быть можетъ худшая—внутренняя опасность.

— Какимъ же путемъ намъ возможно было бы избѣжать ея?—спросилъ съ рѣзкимъ смѣхомъ полицейскій офицеръ.—Насколько я понимаю, вы предсказываете всякіе ужасы. Гдѣ же, по вашему, путь спасенія?

— Въ возвращеніи къ Богу истинной любви,— отвѣтилъ священникъ серьезно.—Во время войны за освобожденіе германскій народъ приносилъ всякія жертвы: люди отдавали жизнь и имущество, богачи—свои уборы, бѣдная крестьянка—тонкое обручальное колечко; теперь мы должны пробудиться къ самосознанію, начать борьбу со зломъ, живущимъ въ насъ самихъ, и побороть врага, худшаго изъ всѣхъ, свившаго себѣ гнѣздо въ сердцѣ каждаго народа, судьбою котораго онъ располагаетъ по усмотрѣнію, врага, зовущагося грѣхомъ! Государство достигло наибольшаго въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, въ использованіи силъ служащихъ ему людей, въ подавленіи и урѣзываніи всего самобытнаго; оно сильно и могущественно въ примѣненіи наказанія и опеки, но слишкомъ слабо для того, чтобы защитить старцевъ, женъ и дѣтей, и обезпечить человѣческое существованіе тѣмъ изъ своихъ гражданъ, которые уже не въ силахъ работать. Покуда государство допускаетъ умирать съ голоду честнаго, работящаго отца семейства—его устройство не можетъ считаться совершеннымъ. Пусть имущіе помогутъ неимущимъ, пусть правящіе пожертвуютъ устарѣвшими учрежденіями, оскорбительными формами и привилегіями въ угоду духу любви, долженствующему сгладить неравенство общественнаго положенія среди людей. Любовь къ ближнему, осуществленная на дѣлѣ, сдѣлаетъ экономію по части примѣненія полицейскихъ и иныхъ обуздательныхъ мѣръ; она же, эта дѣятельная любовь, обезоружитъ и ненавистныхъ вамъ соціалъ-демократовъ.

— Вы заблуждаетесь, ваше преподобіе,—отвѣтилъ не безъ раздраженія полицейскій офицеръ:—палка на нихъ нужна, палка—и ничего болѣе! Честь имѣю кланяться.

Онъ приложилъ руку къ козырьку и зашагалъ далѣе. Толпа разсѣялась; въ полѣ мальчишки пускали своихъ змѣевъ; вдали, за тонкою завѣсой осенняго тумана, слышался барабанный бой и сигналы горнистовъ; за нею лежали казармы, тюрьмы, домà для умалишенныхъ, кладбища. Далѣе, захватывая громадныя, тѣсно застроенныя квадратныя пространства, распростерлись

переполненные рабочіе кварталы—пріютъ злополучнаго пролетаріата.

Изъ облака дыма и тумана выступали высокія трубы, башни, масса крышъ, сверкающіе куполы, и оттуда несся несмолкаемый глухой гулъ, похожій на стонъ чудовища.

Глаза священника покоились почти съ нѣжностью на густомъ облакѣ, скрывавшемъ поприще, на которомъ онъ призванъ былъ потрудиться. Передъ нимъ лежала арена тяжелой, великой борьбы за существованіе, и онъ, съ минуту передохнувъ, бодро зашагалъ впередъ...

Съ нѣм. О. Ч.

ИЗЪ М. КОНОПНИЦКОЙ

Приходили нѣмцы
Землю покупать,
„Продай, хлопецъ, землю,
Можемъ много дать.—

„За домъ мы заплатимъ,
За поле дадимъ;
Кошелекъ нашъ полный
Будетъ весь твоимъ!“

— Уходи подальше,
Милый нѣмецъ мой!
Торговать не станемъ
Мы родной землей.

Прячь-ка, братецъ, деньги
Ты скорѣй въ карманъ:
Кто землей торгуетъ—
Чистый басурманъ!

Ты богатъ, я знаю,
Только не подъ стать,
Силъ не хватитъ нашу
Землю покупать.

За поля пожалуй
Ты тряхнешь казной,—
Ну, а какъ ты купишь
Мѣсяцъ золотой?

Чѣмъ, скажи, заплатишь
Ты за свѣтъ дневной,
Что въ окошко свѣтитъ
Каждою зарей?

За родную кровлю
И за тихій звонъ,
Что зоветъ молиться
Насъ со всѣхъ сторонъ?

И за лѣсъ шумящій,
За цвѣты въ лугахъ,
И за крестъ, стоящій
На родныхъ поляхъ?

За румянецъ неба,
Рдсу на цвѣтахъ,
Что блеститъ алмазомъ
Въ утреннихъ лучахъ?

За веселый клёкотъ
Аиста весной,
За напѣвъ печальный
Пѣсенки родной?

И за отблескъ солнца,
Что дрожитъ въ водѣ,—
Хватитъ ли червонцевъ
Заплатить тебѣ?

За песокъ прибрежный—
Радость для дѣтей,
И за птичьи пѣсни
Средь родныхъ полей?

И за вѣтеръ вольный,
Пастуха свирѣль,

За сверчка, чья громко
Раздается трель?

За святую вербу
Въ воскресенья день
И въ садочкѣ нашемъ
За прохладу, тѣнь?

Чѣмъ за медъ заплатишь,
Что̀ пчела даетъ,
За кладбище наше,
Гдѣ уснулъ нашъ родъ?

Тамъ и мнѣ, вѣдь, нуженъ
Уголокъ, поди,—
Если Богъ мнѣ скажетъ:
„На небо иди!"

И мои дѣтишки
Стали бъ тосковать,
Коль родной могилки
Имъ не отыскать!

Не продамъ я землю,—
Деньги прячь въ карманъ:
Кто землей торгуетъ—
Чистый басурманъ!..

Ив. Бѣлоусовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1905.

Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.—Правительственное сообщеніе.—Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—„Духъ сословности“ и мнимо-сословная льгота.—Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору Н. А. Зиновьева.—А. А. Книрим̆ъ †.

14-го минувшаго декабря, распубликованъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ Русскаго Народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній. Не сомнѣваемся, что осуществленіе такихъ начинаній встрѣчено будетъ сочувствіемъ благомыслящей части Нашихъ подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе Родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ.

Во главѣ заботъ Нашихъ поставляя мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія, Мы усматриваемъ, что, согласно нашимъ предуказаніямъ, дѣло это уже подвергается обсужденію: наряду съ подробнымъ, на мѣстахъ, разсмотрѣніемъ первоначальныхъ предположеній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ въ особомъ, изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія, совѣщаніи изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни на основаніи свѣдѣній и отзывовъ, заявленныхъ при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельско-хозяй-

ственной промышленности. Мы повелѣваемъ, чтобы работы эти привели законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей".

Обозрѣвая засимъ обширную область дальнѣйшихъ народныхъ потребностей, Мы, для упроченія правильнаго въ Отечествѣ Нашемъ хода государственной и общественной жизни, признаемъ неотложнымъ:

1) принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона—важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры Престола,—дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Намъ властей и мѣстъ, неисполненіе же ея неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность, и въ сихъ видахъ облегчить потерпѣвшимъ отъ такихъ дѣйствій лицамъ способы достиженія правосудія;

2) предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призвать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ;

3) въ цѣляхъ охраненія равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній, внести должное единство въ устройство судебной въ Имперіи части и обезпечить судебнымъ установленіямъ всѣхъ степеней необходимую самостоятельность;

4) въ дальнѣйшее развитіе принятыхъ уже Нами мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, озаботиться введеніемъ государственнаго ихъ страхованія;

5) пересмотрѣть изданныя во времена безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія, примѣненіе коихъ сопряжено съ значительнымъ расширеніемъ усмотрѣнія административныхъ властей, и озаботиться приэтомъ какъ возможнымъ ограниченіемъ предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются, такъ и допущеніемъ вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности;

6) для закрѣпленія выраженнаго Нами въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную Основными Законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія;

7) произвести пересмотръ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи, съ тѣмъ, чтобы изъ числа сихъ постановленій впредь сохранены были лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русскаго Народа,

и 8) устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи.

Предуказывая на сихъ основаніяхъ рядъ предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій, часть которыхъ, по прежде даннымъ Нами указаніямъ, подвергается уже предварительному изслѣдованію, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ, по разнообразію и важности сихъ преобразованій, признаемъ за благо установить самый порядокъ для обсужденія способовъ наиболѣе быстраго и полнаго ихъ осуществленія. Въ ряду государственныхъ Нашихъ учрежденій задача тѣснѣйшаго объединенія отдѣльныхъ частей управленія принадлежитъ Комитету Министровъ; вслѣдствіе сего повелѣваемъ: Комитету Министровъ по каждому изъ приведенныхъ выше предметовъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній Нашихъ и представить Намъ въ кратчайшій срокъ свои заключенія о дальнѣйшемъ, въ установленномъ порядкѣ, направленіи подлежащихъ мѣропріятій. О послѣдующемъ ходѣ разработки означенныхъ дѣлъ Комитетъ имѣетъ Намъ докладывать.

Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ*“.

Въ Царскомъ Селѣ,
12-го декабря 1904 года.

Въ тотъ же самый день было обнародовано слѣдующее „Правительственное сообщеніе“:

Осенью текущаго года въ Петербургѣ происходили собранія нѣкоторыхъ гласныхъ разныхъ губернскихъ земствъ, выразившія рядъ пожеланій о необходимыхъ, по мнѣнію участниковъ ихъ, реформахъ внутренняго управленія Имперіею. Пожеланія эти сдѣлались предметомъ обсужденія печати, различныхъ созывавшихся для сего или по инымъ поводамъ собраній, а также, вопреки требованіямъ закона, обсуждались въ засѣданіяхъ нѣкоторыхъ городскихъ думъ и земскихъ собраній. Подъ вліяніемъ лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту и воспользовавшихся возникшимъ въ обществѣ волненіемъ умовъ, преимущественно къ воспріимчивой средѣ молодежи,—въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи произошелъ рядъ шумныхъ сборищъ, заявлявшихъ о необходимости представить Прави-

тельству различныя требованія, недопустимыя въ силу освященныхъ Основными Законами Имперіи незыблемыхъ началъ нашего государственнаго строя, и цѣлыми скопищами устраивались уличныя демонстраціи, причемъ оказывалось полиціи и властямъ открытое сопротивленіе. Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое Русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя, старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой годины, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, которыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не Родины, а ея враговъ.

Законный долгъ Правительства ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни,—поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами, а виновные въ сихъ нарушеніяхъ, особенно же лица, состоящія на государственной службѣ, будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности. Земскія и городскія установленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія; предсѣдатели же общественныхъ собраній, за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства, подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Органы печати, при трезвомъ отношеніи къ текущимъ событіямъ и при сознаніи лежащей на нихъ отвѣтственности, должны, съ своей стороны, внести необходимое успокоеніе въ общественную жизнь, уклонившуюся въ послѣднее время отъ правильнаго теченія.

Важность преобразованій, предрѣшенныхъ, въ принципѣ, Высочайшимъ указомъ 12-го декабря, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить содержаніе указа съ содержаніемъ манифеста 26-го февраля 1903-го и Высочайшаго указа 8-го января 1904-го года. Два года тому назадъ имѣлось въ виду „укрѣпленіе завѣтовъ вѣротерпимости“, т.-е. болѣе точное соблюденіе существующихъ по этому предмету законовъ, и притомъ только по отношенію къ иновѣрнымъ и инославнымъ исповѣданіямъ, въ число которыхъ, по принятой у насъ терминологіи, не входятъ ни раскольническія, ни сектантскія вѣроученія; теперь на очередь ставится *пересмотръ узаконеній*, которыми опредѣляются какъ *права раскольниковъ*, такъ и права лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ. Два года тому назадъ шла рѣчь объ „усиленіи способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни тру-

дами мѣстныхъ людей, *руководимыхъ сильной властью*"; теперь земскимъ и городскимъ учрежденіямъ обѣщано не только *возможно широкое*, но и *самостоятельное* участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства. Годъ тому назадъ существеннымъ условіемъ новой крестьянской реформы считалось „сохраненіе крестьянскаго сословнаго строя"; теперь цѣлью реформы провозглашается объединеніе законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ имперіи и прочное обезпеченіе за лицами крестьянскаго сословія признаннаго за ними Царемъ-освободителемъ положенія „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей". Рядомъ съ расширеніемъ и углубленіемъ прежде поставленныхъ задачъ выдвигаются другія, которыхъ вовсе не касались недавніе акты верховной власти: привлеченіе къ участію въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; образованіе мелкой земской единицы; объединеніе судебной части и обезпеченіе самостоятельности судебныхъ установленій; государственное страхованіе рабочихъ; пересмотръ „исключительныхъ узаконеній"; пересмотръ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ частей имперіи; устраненіе „излишнихъ стѣсненій" печатнаго слова и введеніе его въ точно опредѣленные закономъ предѣлы; облегченіе для частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ произвольныхъ дѣйствій власти, способовъ достиженія правосудія. Изъ частныхъ вопросовъ, давно назрѣвшихъ, указомъ 12-го декабря не затронуты два: вопросъ о народномъ образованіи и вопросъ о коренномъ измѣненіи податной и финансовой системы.

Представляя собою программу преобразованій, указъ 12-го декабря намѣчаетъ ихъ только въ общихъ чертахъ: неясными, во многихъ случаяхъ, остаются ихъ границы, не устранена возможность различныхъ толкованій. Какъ понимать, напримѣръ, призывъ къ дѣятельности въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, „представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія"? Означаютъ ли эти слова только болѣе уравнительное распредѣленіе избирательнаго права въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія и городскія учрежденія, или они обѣщаютъ, сверхъ того, распространеніе земскаго и городского самоуправленія на всю имперію, за исключеніемъ развѣ тѣхъ ея частей, населеніе которыхъ, по своему племенному составу, будетъ признано недоросшимъ до сознательнаго интереса къ мѣстнымъ дѣламъ? Въ пользу второго, болѣе широкаго рѣшенія говоритъ, повидимому, пун. 7-й указа, предписывающій сохранить въ силѣ, изъ числа постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, лишь тѣ, которыя „вызываются насущными интересами государства и явною

пользой русскаго народа"; но, въ виду неопредѣленности послѣднихъ словъ, мыслимо и иное толкованіе, менѣе благопріятное для населенія окраинъ. Аналогичныя недоумѣнія могутъ возникнуть и по поводу другихъ пунктовъ указа. Въ высшей степени важенъ, поэтому, порядокъ его исполненія, т.-е. способъ составленія законопроектовъ, которыми будутъ осуществлены намѣренія верховной власти. Исполнителемъ указа 12-го декабря будетъ комитетъ министровъ, въ качествѣ учрежденія, призваннаго къ „тѣснѣйшему объединенію отдѣльныхъ частей управленія". На самомъ дѣлѣ, однако, комитетъ министровъ никогда не осуществлялъ этой задачи, никогда не игралъ выдающейся роли въ преобразовательной работѣ. Его дѣятельность выражалась съ одной стороны—въ разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, съ другой—въ изданіи такъ называемыхъ „временныхъ правилъ", получавшихъ, внѣ установленнаго порядка и вопреки прямому смыслу основныхъ законовъ, силу и значеніе постоянныхъ законоположеній. Чѣмъ больше, притомъ. мѣропріятія, намѣченныя указомъ 12-го декабря, идутъ въ разрѣзъ съ началами, въ теченіе цѣлой четверти вѣка господствовавшими въ нашемъ внутреннемъ управленіи, тѣмъ труднѣе ожидать успѣшнаго осуществленія преобразованій руками лицъ, дѣйствовавшихъ до сихъ поръ, за немногими изъятіями, въ прямо противоположномъ направленіи. Въ концѣ концовъ законопроекты, составленные комитетомъ министровъ, должны поступить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта; но въ его средѣ, въ особенности послѣ недавнихъ назначеній, едва ли найдется достаточно многочисленная и достаточно сильная группа лицъ, не солидарныхъ съ политикой двухъ послѣднихъ десятилѣтій—политикой, въ отрицаніи которой заключается главный смыслъ указа 12-го декабря. Логическимъ дополненіемъ указа являлся бы, поэтому, призывъ новыхъ силъ, способныхъ провести его въ жизнь, облечь въ плоть и кровь провозглашенныя имъ общія начала. За такой призывъ, формы котораго могутъ быть весьма различны, высказывались, въ послѣднее время, самые умѣренные голоса—высказывались потому, что безъ него немыслимъ полный успѣхъ преобразовательной работы, мало вѣроятно „необходимое успокоеніе общественной жизни". Указать на это печать обязана именно въ силу того „сознанія отвѣтственности", о которомъ говорится въ „Правительственномъ сообщеніи".

Въ виду указа 12-го декабря, придающаго большое значеніе работамъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, посвященнымъ крестьянскому вопросу, особенный интересъ пріобрѣтаетъ обнародованная недавно записка предсѣдателя Особаго

Совѣщанія, С. Ю. Витте. Построенная, главнымъ образомъ, на заключеніяхъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, она идетъ прямо въ разрѣзъ съ систематически игнорировавшею эти заключенія редакціонною коммиссіей, учрежденною при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Говоря, годъ тому назадъ [1], объ основныхъ началахъ, принятыхъ редакціонною коммиссіею, мы старались доказать, что она совершенно упустила изъ виду *временной* характеръ положеній 1861-го года, установившихъ обособленность крестьянства лишь какъ *переходный порядокъ*, неизбѣжный въ виду только-что совершившагося раскрѣпощенія. Редакціонная коммиссія направляла всѣ усилія къ тому, чтобы увѣковѣчить и обострить эту обособленность; записка С. Ю. Витте признаетъ ее отжившей свой вѣкъ и подлежащей устраненію. Исходной точкѣ записки соотвѣтствуютъ и проектируемыя ею мѣры. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ: волостной судъ надлежитъ замѣнить общимъ для всего населенія низшимъ судомъ, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ общесудебнаго управленія. Во главѣ такого суда должно быть поставлено выборное лицо съ образовательнымъ цензомъ; при этомъ лицѣ—очередные засѣдатели отъ мѣстнаго сельскаго населенія. Обязанности крестьянскаго общественнаго управленія расчленяются: въ вѣдѣніи сословно-крестьянскихъ союзовъ остаются только дѣла, обусловленныя общностью владѣнія надѣльною землей; всѣ дѣла общественнаго благоустройства переходятъ къ организаціямъ земскаго типа, объединяющимъ все населеніе, независимо отъ сословныхъ отличій. Такихъ организацій намѣчается двѣ, въ видѣ земскаго округа и поселковаго общества, вѣдающихъ интересы благоустройства: первая—въ предѣлахъ части уѣзда, вторая—въ предѣлахъ отдѣльнаго населеннаго пункта. Обязанности полицейскія и податныя, исполняемыя нынѣ крестьянами въ порядкѣ сословной натуральной повинности, крайне отяготительны, нерѣдко даже разорительны для крестьянскаго хозяйства. Эти обязанности проектируется возложить на наемныхъ лицъ, содержимыхъ на средства всего населенія и притомъ назначаемыхъ и увольняемыхъ исполнительными органами земства. Послѣднее обезпечиваетъ контроль, безъ котораго, въ условіяхъ сельской жизни, слишкомъ мало было бы препятствій для произвольныхъ дѣйствій низшихъ чиновъ сельской полиціи. Лицомъ, объединяющимъ дѣятельность земской стражи и общей полиціи и наблюдающимъ за законностью дѣйствія мелкихъ земскихъ организацій, намѣчается земскій начальникъ, какъ органъ чисто административный, освобожденный отъ всѣхъ обя-

[1]) См. „Внутр. Обозр." въ № 2-мъ „Вѣстника Европы" за 1904 г., стр. 775.

занностей судебнаго характера. Къ этому же органу и къ подвѣдомственнымъ ему чинамъ общей и земской полиціи переходятъ прочія административныя обязанности крестьянскаго общественнаго управленія: по регистраціи населенія, паспортному дѣлу, воинской и военно-конской повинности. Въ качествѣ матеріальнаго права для крестьянъ, гражданскаго и уголовнаго, записка проектируетъ, соотвѣтственно пожеланіямъ преобладающаго большинства мѣстныхъ комитетовъ, обще-гражданскій и обще-уголовный законъ. Обще-гражданскій законъ, однако, не предусматриваетъ условій уравнительнаго пользованія полевою землей; съ другой стороны, нѣкоторое изъятіе изъ обще-гражданскаго права необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно существуютъ нормы обычнаго права, отличающагося отъ нормъ общаго (преимущественно въ наслѣдственномъ правѣ, какъ указывается въ средѣ комитетовъ). Такими частичными и временными исключеніями отнюдь не нарушается тотъ основной принципъ объединенія всего населенія однимъ гражданскимъ закономъ, который долженъ быть въ виду при пересмотрѣ каждаго законодательнаго опредѣленія, касающагося крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы обычай былъ дѣйствительно источникомъ права, а не источникомъ произвола, совершенно необходимо, во-первыхъ, точно опредѣлить въ законѣ случаи и условія примѣненія обычая; во-вторыхъ, подвергнуть его всестороннему изслѣдованію, и впослѣдствіи, если это изслѣдованіе дастъ что-либо положительное, ввести необходимѣйшія нормы обычнаго права въ законъ. Записка стоитъ, однако, за сохраненіе тѣхъ особенностей сословнаго строя, которыя необходимы для пользы самого крестьянства и всего государства. Къ числу такихъ особенностей принадлежатъ: союзы для завѣдыванія надѣльными землями, состоящими въ общинномъ и общемъ владѣніи; сословная замкнутость надѣльныхъ земель и неотвѣтственность ихъ по долгамъ владѣльцевъ; особый доступный для крестьянъ порядокъ размежеванія и судебнаго межевого разбирательства; особое охранительное судопроизводство и нотаріальный порядокъ, имѣющіе цѣлью обезпечить крестьянамъ укрѣпленіе правъ на надѣльную недвижимость; сословная организація поземельнаго кредита, въ видѣ крестьянскаго банка; сословный порядокъ заселенія свободныхъ казенныхъ земель; сословныя особенности въ порядкѣ арендованія казенныхъ земель и въ договорныхъ отношеніяхъ съ казной; наконецъ, нѣкоторыя сословныя отличія по государственной службѣ. Въ заключеніе записки высказывается убѣжденіе, что всякая работа, „которая имѣла бы въ виду развитіе сословной обособленности крестьянъ, которая расширила бы, напримѣръ, компетенцію чисто-сословнаго суда и управленія и стремилась бы нормировать частныя правовыя отношенія крестьянъ и уголовную

ихъ отвѣтственность въ иномъ порядкѣ, инымъ положительнымъ правомъ, чѣмъ существующія для прочихъ сословій,—всякая такая работа не отвѣчала бы дѣйствительнымъ нуждамъ страны, указаннымъ мѣстными комитетами, противорѣчила бы основнымъ началамъ той освободительной реформы, которая устранила наиболѣе серьезныя правовыя отличія крестьянъ отъ прочихъ сословій, и тѣмъ самымъ оказалась бы несогласованной съ предуказаніями Его Императорскаго Величества".

Нѣтъ надобности объяснять, какъ важно проведеніе въ жизнь бо̀льшей части преобразованій, намѣчаемыхъ въ запискѣ С. Ю. Витте. Они во многомъ совпадаютъ съ программой, защищаемой, въ теченіе многихъ лѣтъ или даже десятилѣтій, передовыми земскими дѣятелями и прогрессивной печатью—программой, къ которой примкнуло, въ 1902-мъ году, большинство мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. С. Ю. Витте стоитъ за устройство всесословнаго сельскаго общества, всесословной волости, нормально организованной низшей судебной инстанціи, допускаетъ ссылку на обычай (пока все, что есть въ немъ цѣннаго, не введено въ общее гражданское законодательство), рекомендуетъ отмѣну соединенія властей судебной и административной и правильную постановку низшихъ органовъ администраціи. Осуществленіе всѣхъ этихъ мѣръ значительно подвинуло бы впередъ разрѣшеніе, въ смыслѣ благопріятномъ для народа, одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей внутренней жизни. Стушевалась бы, въ значительной степени, демаркаціонная черта, отдѣляющая народную массу отъ привилегированнаго меньшинства; поколебалось бы въ самой своей основѣ завѣщанное крѣпостной эпохой понятіе о „низшемъ родѣ людей", нуждающемся въ „властной рукѣ" и въ постоянной опекѣ. Слабую сторону записки С. Ю. Витте составляетъ, въ нашихъ глазахъ, сословный характеръ, безъ достаточнаго основанія придаваемый ею нѣкоторымъ чертамъ сельскаго быта. Почему, напримѣръ, особо доступный порядокъ размежеванія и судебно-межевого разбирательства долженъ быть созданъ для однихъ только крестьянъ, а не для всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ? Зачѣмъ ограничивать сословными рамками сферу дѣйствія упрощеннаго нотаріальнаго порядка, одинаково желательнаго для всѣхъ малоцѣнныхъ поземельныхъ сдѣлокъ? Есть ли основаніе обусловливать право на полученіе ссуды изъ крестьянскаго банка, на льготы по переселенію и по арендованію казенныхъ земель, такимъ формальнымъ признакомъ, какъ принадлежность къ крестьянскому сословію? Не лучше ли было бы признать это право за всѣми вообще профессіональными земледѣльцами, недостаточно обезпеченными собственною землею? Не пора ли сдѣлать государственную службу равно доступною для лицъ всѣхъ сословій, сообразуясь только съ степенью ихъ образованія? Что

мѣшаетъ регулировать общинное землевладѣніе общимъ гражданскимъ закономъ, одинаково ко всѣмъ примѣнимымъ?.. Сомнѣніе можетъ возникнуть только относительно неотчуждаемости надѣльныхъ земель; но если она и будетъ удержана въ силѣ, основаніе къ тому можетъ быть найдено въ исторіи надѣльныхъ земель, а не въ принадлежности ихъ владѣльцевъ къ крестьянскому сословію... Далеко не безразличнымъ для дальнѣйшаго движенія крестьянскаго вопроса будетъ, во всякомъ случаѣ, заключеніе, къ которому придетъ Особое Совѣщаніе. Между членами послѣдняго есть сторонники взглядовъ редакціонной коммиссіи (напр. г. Стишинскій, руководившій ея трудами), но есть и ихъ противники (напр. г. Кутлеръ, вновь назначенный товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, и сенаторъ Г. А. Евреиновъ, извѣстный нашимъ читателямъ авторъ брошюры о крестьянскомъ вопросѣ). Къ различнымъ, даже противоположнымъ направленіямъ принадлежатъ и лица, приглашенныя къ участію въ Особомъ Совѣщаніи съ правомъ совѣщательнаго голоса. За проекты редакціонной коммиссіи будетъ стоять, безъ сомнѣнія, управляющій земскимъ отдѣломъ, г. Гурко; столь же несомнѣнно противодѣйствіе, которое они встрѣтятъ со стороны А. С. Посникова и Н. А. Каблукова. Какъ бы, впрочемъ, ни отнеслось къ спорнымъ вопросамъ Особое Совѣщаніе, его сужденія не будутъ имѣть того авторитетнаго характера, который принадлежалъ бы голосу выборныхъ представителей земства или всего русскаго народа.

Въ пользу записки С. Ю. Витте говоритъ, между прочимъ, тревога, возбужденная ею въ реакціонной печати. Расшаркиваясь, въ почтительныхъ, даже восторженныхъ фразахъ, передъ авторомъ записки, редакторъ „Гражданина" очевидно смущенъ ея содержаніемъ. Ему казалось, что крестьянскій вопросъ, благодаря иниціативѣ покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ и трудамъ редакціонной коммиссіи, „наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, дошелъ до пристани, въ которой найдетъ разрѣшеніе". И вотъ, изъ этой пристани его опять вытолкнули" два *событія*: назначеніе г. Кутлера на мѣсто г. Стишинскаго и записка С. Ю. Витте, переносящая все дѣло на обсужденіе Особаго Совѣщанія (теперь къ двумъ событіямъ присоединилось еще третье, самое важное — указъ 12-го декабря). Намъ кажется, что еслибы и не случилось никакихъ „событій", еслибы побѣда осталась на сторонѣ стремленій, такъ ярко выразившихся въ трудахъ редакціонной коммиссіи, объ окончательномъ ихъ торжествѣ все-таки не могло бы быть и рѣчи: новыя преграды на ихъ пути немедленно создала бы самая жизнь. Слишкомъ велико противорѣчіе между духомъ времени, сближающимъ различныя группы населенія, соединяющимъ ихъ въ общей культурной и освободительной работѣ—и узкой тенден-

ціей, усиливающейся поддержать падающія перегородки, остановить развитіе новыхъ силъ, сохранить длинный рядъ ненужныхъ стѣсненій. „Мирная пристань", въ которую редакціонная коммиссія пыталась ввести крестьянскій вопросъ, оказалась бы для него эоловой пещерой; рано или поздно онъ былъ бы выброшенъ оттуда въ открытое море, и разрѣшать его вновь пришлось бы при условіяхъ болѣе сложныхъ и болѣе трудныхъ, чѣмъ существующія въ настоящее время.

Въ минорномъ тонѣ написана и статья „Московскихъ Вѣдомостей", полная трепета въ виду опасности, въ которой неожиданно очутилась „сословность". „Сохраненіе сословнаго строя — восклицаетъ газета г. Грингмута—означаетъ сохраненіе всего того, что̀ для сословія необходимо въ цѣляхъ его жизни своимъ сословнымъ духомъ". Мѣры, предлагаемыя С. Ю. Витте, приведутъ къ тому, что „болѣе культурные элементы передѣлаютъ крестьянъ по своему подобію, посредствомъ учрежденій общественнаго благоустройства, суда и полиціи, ими (т.-е. культурными элементами) направляемыхъ". Крайнее огорченіе заставляетъ, очевидно, забывать самыя простыя вещи. Въ „учрежденіяхъ общественнаго благоустройства", т.-е. въ земствѣ, крестьяне давно уже участвуютъ вмѣстѣ съ болѣе культурными элементами—и все-таки сохраняютъ тѣ особенности, которыя обусловливаются внѣшней обстановкой, занятіями и образомъ жизни. Еще меньше можетъ влiять на эти особенности полиція, и теперь въ значительной степени общая для крестьянъ и для другихъ сословій, да въ добавокъ очень мало проникнутая болѣе культурными элементами. Волостной судъ, подвластный земскимъ начальникамъ, подвѣдомственный уѣздному съѣзду, больше по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ является судомъ спеціально-крестьянскимъ. Весь внѣшній укладъ сельскаго быта, задерживая духовное и матеріальное благосостояніе населенія, охраняетъ, въ сущности, только то, что̀ вовсе не заслуживаетъ охраненія—произволъ однихъ, забитость другихъ, отсутствіе ясныхъ понятій объ обязанности и правѣ. Крестьянство подчиняется не внушеніямъ какого-то „сословнаго духа", а требованіямъ посторонней силы—или завѣтамъ старины, давно утратившей всякое жизненное значеніе. Для борьбы съ вліяніями, проникающими въ деревню изъ городовъ, изъ фабрикъ, безсильны „внутреннія таможни", безсильны запрещенія; необходимъ такой подъемъ умственныхъ и нравственныхъ силъ деревни, который позволилъ бы ей самой, усвоивъ всѣ лучшія стороны культуры, отбросить ея болѣзненные наросты.

Систематически игнорируя опроверженія, реакціонная печать продолжаетъ твердить на всѣ лады старую пѣсню о преимуществахъ, которыя сословная обособленность предоставляетъ самимъ крестья-

намъ, о потеряхъ, съ которыми была бы сопряжена для нихъ ея отмѣна. Въ новѣйшей варіаціи на эту тему—въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, озаглавленной: „Наши народолюбцы и ихъ прислужники“, —проводится мысль, что крестьяне вовсе не жаждутъ навязываемой имъ „жизни по X-му тому Свода законовъ“, не жаждутъ уже потому, что она положила бы конецъ чрезвычайно важнымъ льготамъ, ограждающимъ неприкосновенность большей части крестьянскаго имущества. Не говоря уже о томъ, что „жизнь по Своду законовъ гражданскихъ“ вовсе не составляетъ существенной, необходимой части освободительной программы, допускающей и дальнѣйшее дѣйствіе обычаевъ, и включеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ новое гражданское уложеніе,—совершенно невѣрно утвержденіе, что изъятія изъ принудительной продажи установлены только въ пользу крестьянъ. Въ ст. 973, 974 и 975 уст. гражд. судопр. перечисленъ цѣлый рядъ ограниченій, имѣющихъ одинаковую силу для лицъ всѣхъ сословій и распространяющихся не только на „кровать, пару платья и бѣлья“, но и на многое другое (посуду, жизненные припасы, дрова, иконы, а условно — на земледѣльческія орудія, инструменты, рабочій и домашній скотъ, запасы зерноваго хлѣба, сѣна, соломы и т. п.). Пун. 10-ый ст. 973-ей, относящійся къ движимости, необходимой въ крестьянскомъ хозяйствѣ, остался бы въ силѣ, безъ сомнѣнія, и послѣ отмѣны сословной обособленности крестьянъ; подъ дѣйствіе его были бы, по всей вѣроятности, подведены всѣ сельскіе обыватели, живущіе земледѣльческимъ промысломъ. Неприкосновеннымъ могло бы быть признано и право на усадебную осѣдлость, т.-е. на извѣстный минимумъ земельнаго владѣнія, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Всѣ льготы этого рода, которыми теперь пользуются крестьяне, предоставлены имъ не вслѣдствіе принадлежности ихъ къ извѣстному сословію, а по соображеніямъ болѣе общаго характера. Государство заинтересовано въ томъ, чтобы масса населенія сохраняла за собою обезпечивающій ее, до извѣстной степени, земельный фондъ и фактическую возможность пользованія землею.

Разсматривая одинъ за другимъ, въ длинномъ рядѣ обозрѣній [1]), законопроекты, составленные редакціонною коммиссіею, мы старались показать, что несостоятельность началъ, изъ которыхъ они исходятъ, привела—и не могла не привести—къ крайне неудовлетворительнымъ результатамъ. Вполнѣ примѣнимъ этотъ выводъ и къ сельскому уставу о наслѣдованіи, представляющему собою, вмѣстѣ съ сельскимъ уставомъ о договорахъ, тотъ спеціально-крестьянскій гражданскій

---

¹) Въ №№ 2, 7, 10, 11 и 12 „Вѣстника Европы“ за 1904 г.

кодексъ, который коммиссія задумала поставить рядомъ съ общегражданскимъ законодательствомъ. Коммиссія находитъ, что въ такой двойственности „нѣтъ ничего неблагопріятнаго, ни даже ненормальнаго“: законы гражданскіе „должны быть сообразованы съ потребностями, *въ данное время*, *той среды*, для коей они издаются, и съ господствующими въ ней *въ это время* правовыми воззрѣніями, насколько послѣднія не противорѣчатъ основнымъ задачамъ государства... Различные по существу, взгляды *отдѣльныхъ классовъ населенія* имперіи на наслѣдованіе должны отражаться на существѣ установляемыхъ для нихъ законодательныхъ правилъ по сему предмету“. Изъ этихъ соображеній, если бы они были основательны, вытекала бы, съ одной стороны, необходимость особыхъ гражданскихъ законовъ для *каждаго* класса населенія, съ другой—крайняя неустойчивость гражданскаго законодательства, какъ подлежащаго приспособленію къ потребностямъ и взглядамъ *даннаго времени*. Издать столько кодексовъ, сколько сословій или соціальныхъ классовъ, редакціонная коммиссія, однако, не предлагаетъ: установивъ общее начало, она примѣняетъ его только къ крестьянству, какъ къ наиболѣе удобному объекту для законодательныхъ экспериментовъ. Не замѣчаетъ она, повидимому, и того, что именно гражданскіе законы всего медленнѣе, всего труднѣе поддаются измѣненію. Составители ихъ должны имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее, должны считаться съ потребностями и взглядами не только укоренившимися, но и нарождающимися, пролагающими себѣ дорогу. Гражданское законодательство представляетъ собою не только результатъ, но и источникъ вліяній; оно не только отражаетъ въ себѣ существующее—оно является однимъ изъ двигателей жизни, однимъ изъ носителей новизны, измѣняющей ея складъ и ея теченіе. Элементовъ разъединяющихъ и задерживающихъ и безъ того много: ихъ число не должно быть искусственно увеличиваемо. Между тѣмъ, именно къ такому увеличенію ведетъ закрѣпленіе, спеціальнымъ закономъ, сословныхъ, мѣстныхъ обычаевъ—закрѣпленіе, въ основаніи котораго лежитъ, притомъ, не столько доказанное, сколько предполагаемое ихъ существованіе. Русское обычное право слишкомъ мало извѣстно, слишкомъ мало и слишкомъ рѣдко служило предметомъ научнаго изслѣдованія; достовѣрнаго матеріала редакціонная коммиссія для своего кодекса въ немъ найти не могла. Отсюда внутреннее противорѣчіе: рядомъ съ уставомъ, построеннымъ, будто бы, на дѣйствующихъ обычаяхъ, редакціонная коммиссія оставляетъ, какъ *главный источникъ* судебныхъ рѣшеній, другіе, можетъ быть противоположные обычаи, если существованіе ихъ въ данной мѣстности будетъ установлено (весьма шаткими, мало надежными способами) мѣстнымъ волостнымъ судомъ. Гораздо

послѣдовательнѣе поступили составители проекта гражданскаго уложенія, прямо признавъ мѣстный обычай единственнымъ основаніемъ для опредѣленія порядка наслѣдованія послѣ крестьянъ (за исключеніемъ городскихъ недвижимостей, а также имуществъ болѣе цѣнныхъ).

Посмотримъ теперь, къ чему привело бы одновременное дѣйствіе новаго гражданскаго уложенія и сельскаго устава о наслѣдованіи. Уложеніе предоставляетъ женщинамъ, какъ въ линіяхъ нисходящей и восходящей, такъ и въ боковыхъ, право наслѣдованія равное съ мужчинами; уставъ устраняетъ отъ наслѣдства дочерей—при сыновьяхъ [1]), мать—при отцѣ, сестеръ — при братьяхъ. Громадный шагъ впередъ, намѣченный уложеніемъ, не коснулся бы, такимъ образомъ, большинства крестьянъ,—а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ обычай уравниваетъ женщинъ съ мужчинами, совершился бы даже шагъ назадъ, такъ какъ опредѣленный, ясный уставъ въ бо̀льшей части случаевъ взялъ бы верхъ надъ колеблющимся, нелегко поддающимся опредѣленію обычаемъ.—Уложеніе не дѣлаетъ различія между наслѣдованіемъ послѣ отца и наслѣдованіемъ послѣ матери; уставъ, вовсе устраняя дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца, допускаетъ ихъ, наравнѣ съ сыновьями, къ наслѣдованію послѣ матери, а такъ называемое платное ея приданое (наряды, платья, бѣлье, холсты, утварь) предоставляетъ даже однѣмъ дочерямъ. Мотивируется такой порядокъ исключительно ссылкою на существующіе обычаи, хотя они и оказываются весьма разнообразными; коммиссія старалась найти средину между крайностями, взаимно исключающими одна другую.—Уложеніе не различаетъ дочерей замужнихъ отъ незамужнихъ; уставъ допускаетъ первыхъ къ наслѣдованію лишь при отстутствіи послѣднихъ, хотя бы выходъ замужъ и не сопровождался выдѣломъ части отцовскаго имущества. Въ другихъ случаяхъ уставъ придаетъ большое значеніе факту выдѣла, между тѣмъ какъ уложеніе вовсе не знаетъ различія между дѣтьми отдѣленными и неотдѣленными. Уложеніе ставитъ родителей, какъ наслѣдниковъ, выше братьевъ и сестеръ наслѣдодателя; уставъ даетъ братьямъ предпочтеніе передъ матерью. Право наслѣдованія супруговъ, по уложенію зависящее единственно отъ наличности другихъ наслѣдниковъ (того или иного разряда), въ проектѣ коммиссіи обставлено разнообразными условіями, открывающими широкій просторъ усмотрѣнію суда. Мало похожи на законъ правила въ родѣ слѣдующихъ: „волостному суду предоставляется право опредѣлить долю мужа въ зависимости отъ бо̀льшей или мѐньшей продолжительности брачнаго сожитія... Въ случаѣ непродолжительнаго брачнаго сожитія съ наслѣдодателемъ вдова (бездѣтная) получаетъ

---

[1]) Объ исключеніи изъ этого правила будетъ упомянуто ниже.

только нѣкоторые предметы въ память о мужѣ, какъ-то образъ, обручальное кольцо, постель *и т. п.*" Этой послѣдней прибавкой характеризуются какъ нельзя ярче кодификаціонные пріемы коммиссіи: ей, очевидно, не подъ силу законодательная работа, требующая прежде всего опредѣленности и точности выраженій. Столь же мало соотвѣтствують этому требованію и многія другія постановленія проекта. Такъ напримѣръ, по ст. 36-ой „вдова имѣетъ право требовать отъ свекра, *если жизнь въ его семьѣ для нея невыносима*, выдачи достаточнаго для пропитанія содержанія"; по ст. 37-ой „братья обязаны *имѣть попеченіе* о своихъ сестрахъ и *выдавать ихъ замужъ, прилично, по ихъ состоянію*". Желательно было бы знать, возможно ли, по мнѣнію коммиссіи, предъявленіе иска, основаннаго на нарушеніи братомъ *обязанности* выдать замужъ свою сестру, и если возможно, то съ какого момента возникаетъ право на искъ? Другими словами, съ какого момента крестьянская дѣвушка можетъ считаться утратившею надежду на замужство? При какихъ условіяхъ замужство можетъ считаться *приличнымъ*? При какихъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе вдовы въ семьѣ свекра можетъ считаться *невыносимымъ*?.. Такіе вопросы проектъ возбуждаетъ на каждомъ шагу—а разрѣшеніе ихъ ввѣряется волостному суду, не представляющему ни одной серьезной гарантіи правосудія.

Не выдерживаетъ критики и бо̀льшая часть постановленій о духовныхъ завѣщаніяхъ, насколько они отступаютъ отъ общихъ правилъ по этому предмету. Допуская устное объявленіе послѣдней воли, если *вскорѣ* (опять полнѣйшая неопредѣленность) послѣдовала смерть завѣщателя, проектъ лишаетъ это правило всякаго значенія, потому что ограничиваетъ силу устнаго завѣщанія *распредѣленіемъ* наслѣдственнаго имущества, безъ измѣненія доли, причитающейся каждому изъ наслѣдниковъ на основаніи устава. На завѣщателя, близкаго къ смерти, возлагается, такимъ образомъ, едва ли осуществимая для него обязанность сообразить, соотвѣтствуетъ ли цѣнность имущества, назначаемаго имъ тому или другому изъ наслѣдниковъ, цѣнности той наслѣдственной доли, на которую этотъ наслѣдникъ имѣетъ законное право. Немного нашлось бы устныхъ завѣщательныхъ распоряженій, которыя, съ этой точки зрѣнія, не подавали бы поводъ къ основательному спору. *Такому* разрѣшенію словеснаго завѣщанія слѣдуетъ предпочесть безусловное его запрещеніе, установляемое дѣйствующимъ закономъ и повторяемое проектомъ гражданскаго уложенія... Завѣщаніемъ, облеченнымъ въ письменную форму, можно, по сельскому уставу, совершенно устранить любого изъ родныхъ дѣтей отъ наслѣдованія въ движимомъ имуществѣ (если оно не входитъ въ составъ принадлежностей недвижимости или хозяйства); между тѣмъ,

гражданское уложеніе обезпечиваетъ за каждымъ нисходящимъ обязательную долю во всемъ отцовскомъ или материнскомъ наслѣдствѣ, допуская исключеніе изъ этого правила только въ особыхъ, точно указанныхъ случаяхъ. За силою устава, письменное завѣщаніе во всякомъ случаѣ должно быть удостовѣрено двумя свидѣтелями (непремѣнно грамотными); уложеніе не требуетъ такого удостовѣренія, если завѣщаніе все собственноручно написано и подписано самимъ завѣщателемъ. Казалось бы, что особенно необходима такая льгота именно для сельскихъ мѣстностей, гдѣ сравнительно мало грамотныхъ людей. Безъ надобности строгій въ данномъ случаѣ, уставъ является чрезмѣрно снисходительнымъ въ другомъ: онъ приравниваетъ завѣщанія, внесенныя въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи, къ завѣщаніямъ, совершеннымъ въ нотаріальномъ порядкѣ. Такова ли репутація волостныхъ правленій, чтобы можно было облекать ихъ столь высокою степенью довѣрія?... Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ уставъ не включены гуманныя постановленія уложенія о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, хотя именно въ крестьянскомъ быту меньше распространены взгляды, неблагопріятные для незаконнорожденныхъ.

О движеніи другого вопроса, поставленнаго на очередь одновременно съ крестьянскимъ дѣломъ — вопроса о преобразованіи губернскаго управленія,—уже давно ничего не слышно. Быть можетъ, разрѣшеніе его отложено на неопредѣленное время; быть можетъ, признано необходимымъ измѣнить самыя основанія реформы. Исходной ея точкой, въ томъ видѣ, въ какомъ она была задумана при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, служила предполагаемая недостаточность и неопредѣленность губернаторскихъ правъ; конечной цѣлью—такое усиленіе губернаторской власти, которое вновь сдѣлало бы губернатора *хозяиномъ* губерніи. Къ *отрицательнымъ* правамъ, принадлежащимъ губернатору по отношенію къ общественнымъ учрежденіямъ — т.-е. къ праву протеста, столь широко раздвинутому въ земскомъ положеніи 1890-го и городовомъ положеніи 1892-го года,—признавалось необходимымъ присоединить права *положительнаго* характера. Первымъ изъ нихъ являлось право требовать исполненія городомъ или земствомъ обязательныхъ для нихъ повинностей, съ назначеніемъ для того опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго губернаторъ получалъ бы возможность дѣйствовать своею властью, за земскій или городской счетъ. Это право, въ нѣсколько менѣе рѣшительной формулировкѣ, принадлежало губернатору при дѣйствіи прежнихъ положеній земскаго (1864-го года) и городового (1870-го года). Чѣмъ объяснить, что оно не было закрѣплено за нимъ положеніями 1890 и 1892 гг.,

гораздо менѣе ограждающими самостоятельность общественныхъ учреждений, значительно усиливающими зависимость ихъ отъ губернатора? Очевидно — только тѣмъ, что въ пользованіи такимъ правомъ не встрѣчалось надобности: постановленія, къ нему относившіяся, на практикѣ оказались мертвой буквой и, какъ излишнія, не были включены въ новую редакцію положеній. Съ тѣхъ поръ ничто, повидимому, не измѣнилось; нѣтъ новыхъ обстоятельствъ, которыя доказывали бы необходимость возвращенія къ старому порядку. Наоборотъ, уменьшеніе числа обязательныхъ повинностей, лежащихъ на земствѣ, уменьшило число поводовъ къ активному вмѣшательству администраціи въ земское дѣло. Возстановленіе антиквированнаго права было бы, поэтому, не чѣмъ инымъ, какъ демонстраціей противъ земскаго и городского самоуправленія, напоминаніемъ, что выше него стоитъ облеченная чрезвычайными полномочіями власть *начальника* губерніи [1]). Вполнѣ „положительнымъ" орудіемъ въ рукахъ губернатора можетъ служить принадлежащее ему и теперь право обращаться къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ съ предложеніями, обсужденіе которыхъ для нихъ обязательно. Губернаторъ можетъ, такимъ образомъ, идти рука объ руку съ городомъ или земствомъ—и достигать, дѣйствуя *вмѣстѣ съ ними*, гораздо бо̀льшаго, чѣмъ дѣйствуя *противъ нихъ*... Гарантія противъ необдуманнаго, недостаточно обоснованнаго пользованія проектируемымъ правомъ усматривалась въ контролѣ губернскаго совѣта и министерства внутреннихъ дѣлъ: губернскому совѣту предоставлялось предварительное обсужденіе требованій, обращаемыхъ къ городу или земству, а министерству внутреннихъ дѣлъ—наблюденіе за ихъ исполненіемъ. Трудно допустить, чтобы министерство рѣшилось отмѣнить требованіе, уже приводимое въ исполненіе: это шло бы въ разрѣзъ съ обычнымъ охраненіемъ „престижа" губернаторской власти. Возможнымъ, но очень мало вѣроятнымъ представлялся бы отпоръ со стороны губернскаго совѣта, въ составъ котораго предполагалось ввести, кромѣ предсѣдателя-губернатора, *девять* должностныхъ лицъ и только *шесть* представителей общественныхъ учрежденій (въ томъ числѣ двухъ, до извѣстной степени подчиненныхъ губернатору: предсѣдателя губернской земской управы и городского голову губернскаго города)... Еще болѣе возраженій возбуждаетъ другое право, которымъ предполагалось облечь губернатора: право требовать снятія съ очереди обсужденія въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ вопросовъ, признаваемыхъ губернаторомъ неудобными съ точки зрѣнія порядка управленія. Такихъ вопросовъ нѣтъ: что̀ бы ни обсуждалось

[1]) Право администраціи, въ лицѣ градоначальника, дѣйствовать за счетъ города, включено въ изданное при В. К. Плеве положеніе объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга (первое прилож. къ ст. 122, прим., пун. 12-ый).

въ земскомъ собраніи или городской думѣ, порядокъ управленія отъ этого пострадать не можетъ. „Неудобнымъ" то или иное предложеніе можетъ быть для самого губернатора или для другихъ органовъ губернскаго управленія—но такое „неудобство", не говоря уже о крайней неопредѣленности и растяжимости самаго понятія, не должно вести къ стѣсненію и безъ того уже крайне ограниченной свободы дѣйствій земскаго и городского самоуправленія. Для устраненія противозаконныхъ предложеній болѣе чѣмъ достаточна власть предсѣдателя собранія, съ достоинствомъ котораго несовмѣстима отдача подъ административную опеку. Разсчитывать на „тактъ" лица, облеченнаго дискреціонною властью, всегда рискованно и опасно: гдѣ нѣтъ преградъ для увлеченія, тамъ оно не только вѣроятно, но почти неизбѣжно—а нельзя же считать преградой обязанность сообщать министерству внутреннихъ дѣлъ о совершившемся фактѣ. Пользованіе вторымъ изъ двухъ новыхъ правъ губернатора не предполагалось стѣснять даже предварительнымъ разсмотрѣніемъ дѣла въ губернскомъ совѣтѣ.

По поводу помѣщеннаго у насъ (ноябрь 1904 г.) обзора послѣдней сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній, на основаніи извѣстій, встрѣченныхъ нами въ газетахъ, Н. А. Зиновьевъ обратился къ редактору журнала съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 8 декабря:

„М. Г. Возвратясь, на этихъ дняхъ, послѣ мѣсячнаго отсутствія, въ Петербургъ, я прочелъ на стр. 360 ноябрьскаго номера вашего журнала указаніе на невѣрное, будто бы, изложеніе въ моемъ отчетѣ по ревизіи земскихъ учрежденій Московской губерніи, факта совмѣстнаго помѣщенія мущинъ и женщинъ, усмотрѣннаго дѣйствительно въ Золотовской больницѣ Бронницкаго уѣзда. Въ отвѣтъ на это считаю долгомъ сообщить, что въ одной изъ палатъ этой больницы дѣйствительно усмотрѣно такое совмѣщеніе скарлатинозныхъ больныхъ, но ихъ было не трое, а четверо, именно: дѣвушка, судя по виду, лѣтъ 14, двое ея братьевъ и посторонній мущина, какъ это подробно объяснено въ т. II, стр. 42 моего отчета. Не сомнѣваюсь, что данный случай вызванъ былъ недостаткомъ помѣщенія, но такой недостатокъ и является результатомъ увлеченія павильонной системой, которая для маленькихъ больницъ страшно удорожаетъ постройку и слѣдовательно сокращаетъ число кроватей.

„Что касается до сообщенія или публикованія моего отчета, то я противъ него, въ настоящее время, ничего не имѣю, такъ какъ, если можно оспаривать мои выводы, то, съ другой стороны, я увѣренъ, что всѣ, помѣщенные въ немъ факты изложены совершенно правильно,

такъ какъ они тщательно провѣрялись. Въ настоящее время такое опубликованіе отъ меня впрочемъ не зависитъ".

Нашъ судебный міръ понесъ тяжелую, трудно вознаградимую потерю. 6-го декабря скончался А. А. Книримъ, почти полвѣка трудившійся неутомимо и надъ развитіемъ нашего гражданскаго законодательства, и надъ примѣненіемъ его къ жизни. Быстро выдвинувшись изъ ряда, доказавъ свою работоспособность исполненіемъ серьезныхъ порученій, возлагавшихся на него министерствомъ юстиціи, А. А. былъ призванъ къ участію въ коммиссіи, подготовлявшей судебную реформу, и сталъ, рядомъ съ С. И. Зарунымъ, главнымъ дѣятелемъ отдѣла, составлявшаго уставъ гражданскаго судопроизводства. Не менѣе выдающуюся роль онъ игралъ впослѣдствіи и какъ оберъ-прокуроръ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената, и какъ сенаторъ. Онъ вносилъ въ совѣщанія департамента бездну разнообразныхъ знаній, глубокое изученіе очередныхъ дѣлъ, тонкій юридическій анализъ и необыкновенное діалектическое искусство, не претендовавшее на внѣшній блескъ, но освѣщавшее ровнымъ свѣтомъ всѣ извилины спорнаго вопроса. Посѣщать засѣданія Сената онъ не переставалъ и тогда, когда началось составленіе новаго гражданскаго уложенія. Въ коммиссіи, учрежденной съ этою цѣлью, А. А. — сначала въ качествѣ товарища предсѣдателя, потомъ предсѣдателя,—сразу занялъ и долго сохранялъ первое мѣсто, руководя работой и входя во всѣ ея детали. Назначеніе его членомъ Государственнаго Совѣта, состоявшееся въ началѣ 1901-го года, должно было открыть передъ нимъ еще болѣе широкое поприще. Къ несчастію не только для него самого, но и для учрежденія, въ рядахъ котораго немного найдется силъ, ему равныхъ, его вскорѣ постигла тяжкая болѣзнь. Онъ продолжалъ, до самаго конца, принимать къ сердцу все происходившее вокругъ него, но не могъ уже отзываться активно на запросы жизни. На юридическомъ обществѣ, которому онъ посвятилъ массу труда, лежитъ обязанность показать, кого, въ его лицѣ, лишилась Россія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1905 (19 декабря 1904 г.).

Политическія событія истекшаго года.—Русско-японская война.—Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота.—Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.

Политическая жизнь не только Россіи, но и всего культурнаго міра въ теченіе послѣдняго года находилась подъ гнетомъ тяжелой и жестокой русско-японской войны. Какимъ образомъ мы втянулись въ эту мучительную исторію, при оффиціальномъ миролюбіи нашей политики,—остается до сихъ поръ неяснымъ для нашего общества. Извѣстно только, что мы вовсе не желали войны и не готовились къ ней, а разсчитывали удержать за собою Манчжурію и пріобрѣсть фактическое преобладаніе въ Кореѣ при помощи одного лишь дипломатическаго искусства, опираясь на установившійся авторитетъ Россіи и на ея репутацію могущества и величія въ глазахъ азіатскихъ народовъ. Оказалось, что наше поступательное движеніе на Дальнемъ Востокѣ столкнулось съ національными интересами Японіи и было сочтено за угрозу самому существованію этой имперіи, какъ независимой великой державы. Японское правительство и японская нація не могли намъ простить того, что мы заставили ихъ въ 1895 году отдать обратно Китаю завоеванный ими Портъ-Артуръ, во имя принципа территоріальной неприкосновенности Китая, а потомъ сами же заняли этотъ важный пунктъ, вмѣстѣ съ Квантунскимъ полуостровомъ, пользуясь слабостью и ничтожествомъ правительства богдыхана. Японцы особенно раздражались также нашими попытками водвориться въ сѣверной Кореѣ, на берегахъ рѣки Ялу, и получить право голоса въ управленіи страною, служившею издавна яблокомъ раздора между Японіею и Китаемъ. Изъ-за Кореи японцы еще недавно вели побѣдоносную войну, и они искренно негодовали на насъ за то, что мы, будто бы, собираемся вытѣснить ихъ и оттуда. Наконецъ, Японія усматривала великую для себя опасность въ дальнѣйшей русской оккупаціи Манчжуріи, которую мы, впрочемъ, сами обязывались очистить къ извѣстному сроку. Съ нашей стороны существовала, однако, твердая увѣренность, что токійское правительство, несмотря на свой союзъ съ Англіею, воздержится отъ серьезнаго конфликта съ Россіею и не по-

смѣетъ довести дѣло до вооруженнаго столкновенія,—и въ этомъ была наша роковая ошибка. Если національное настроеніе Японіи, свободно выражавшееся въ ея печати и въ парламентѣ, могло быть незамѣчено нами, то прямыя дѣйствія и заявленія ея оффиціальныхъ представителей, усиленныя военныя приготовленія японцевъ, ихъ дипломатическія требованія и предупрежденія—несомнѣнно входили въ кругъ обязательныхъ свѣдѣній нашихъ компетентныхъ властей, тѣмъ болѣе, что, кромѣ посольства въ Токіо, мы имѣли на Дальнемъ Востокѣ еще особаго намѣстника, уполномоченнаго слѣдить и за отношеніями и переговорами съ Японіею. Въ дѣйствительности у насъ ничего не знали и не предвидѣли, хотя имѣли полную къ тому возможность, и война разразилась надъ нами совершенно неожиданно. Недоразумѣніе упорно поддерживалось у насъ и послѣ формальнаго разрыва, объявленнаго 24 января: этотъ разрывъ почему-то не считался непремѣннымъ предвѣстникомъ войны и произвольно истолкованъ былъ въ смыслѣ временнаго прекращенія переговоровъ, безъ ущерба для мира,—хотя въ заключительномъ японскомъ сообщеніи, переданномъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, заявлялось прямо, что „императорское правительство Японіи оставляетъ за собою право прибѣгнуть, по своему усмотрѣнію, къ такимъ мѣрамъ, какія оно признаетъ необходимыми для укрѣпленія и защиты своего международнаго положенія, равно какъ и для охраны своихъ законныхъ правъ и интересовъ“. Еще три дня спустя, 27 января, наше правительство предупреждало въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, что оно „будетъ *выжидать* развитія событій и при первой же необходимости приметъ самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ на Дальнемъ Востокѣ“,—и такое странное, неизвѣстно на чемъ основанное недоразумѣніе разсѣялось только по полученіи извѣстій о потопленіи „Варяга“ и „Корейца“ у гавани Чемульпо, 26 января, и о минной аттакѣ на русскій флотъ у Портъ-Артура. Поразительнѣе всего было то, что даже начальники нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ въ Тихомъ океанѣ, которые вовсе не обязаны были руководствоваться толкованіями и заключеніями дипломатіи, прониклись почему-то ея миролюбивымъ оптимизмомъ и не приняли никакихъ мѣръ предосторожности тотчасъ послѣ разрыва съ Японіею, вслѣдствіе чего сразу были выведены изъ строя лучшіе наши броненосцы, стоявшіе беззаботно на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура. Только послѣ этого „внезапнаго“, „коварнаго“ и „дерзкаго“ нападенія японцевъ у насъ повѣрили наконецъ, что Японія серьезно рѣшилась воевать съ Россіею.

Война началась при крайне трудныхъ и тягостныхъ для насъ обстоятельствахъ, о которыхъ нѣтъ надобности напоминать; но русское

общество, разочарованное первыми неудачами нашего флота, возлагало всѣ свои надежды на сухопутную армію, постепенно собиравшуюся въ Манчжуріи, и не сомнѣвалось въ успѣхѣ нашихъ войскъ при первой рѣшительной встрѣчѣ съ японцами на сушѣ. Намъ, однако, откровенно объявили заранѣе, что нужно запастись „терпѣніемъ", такъ какъ отсутствіе заблаговременной подготовки къ войнѣ „заставляетъ насъ употребить не мало времени для того, чтобы начать наносить Японіи такіе удары, которые соотвѣтствовали бы могуществу Россіи". Позднѣе, въ апрѣлѣ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ выразило твердую рѣшимость устранить всякую мысль о мирномъ посредничествѣ и „не допустить вмѣшательства какой бы то ни было державы въ непосредственные переговоры, которые послѣдуютъ между Россіею и Японіею по окончаніи военныхъ дѣйствій для опредѣленія условій мира". Газеты предсказывали неминуемый разгромъ японской арміи, говорили о будущихъ подвигахъ нашего казачества и грозили заключить миръ не иначе какъ въ Токіо. Дѣйствительный ходъ войны совершенно не оправдалъ всѣхъ этихъ ожиданій и предположеній. Война продолжается уже одиннадцать мѣсяцевъ, и до сихъ поръ она имѣла вполнѣ односторонній характеръ. Первый періодъ ея, до половины августа, отличается тою особенностью, что мы постоянно отступали вслѣдствіе численнаго перевѣса непріятеля, и мало-по-малу у насъ настолько вошли во вкусъ этихъ отступленій, что стали открывать въ нихъ разныя великія преимущества и достоинства; — мы сами, какъ будто, старались находиться повсюду въ меньшинствѣ при столкновеніяхъ съ японцами, чтобы имѣть случай каждый разъ воочію доказывать превосходныя качества русскаго солдата. Высадившись въ Кореѣ и занявъ почти всю страну, японскія войска употребили болѣе двухъ мѣсяцевъ на приготовленія къ переходу черезъ рѣку Ялу; переходъ этотъ начался 13-го и закончился 17-го апрѣля, чему не могли помѣшать русскіе отряды, занимавшіе противоположный берегъ рѣки; а послѣ того какъ вся армія Куроки была уже на той сторонѣ, 18 апрѣля, небольшая часть нашихъ войскъ пыталась задержать ея наступленіе отчаянною битвою при Тюренченѣ, послѣ чего пришлось отступить съ потерею нѣкотораго количества орудій. Около 21 апрѣля началась высадка японцевъ въ окрестностяхъ Портъ-Артура, въ мелкомъ и неудобномъ для высадки мѣстѣ, у Бицзывоо, причемъ съ русской стороны не было сдѣлано никакой попытки сопротивленія, и высадка производилась въ теченіе двухъ дней вполнѣ безпрепятственно и благополучно, къ большому удивленію японскаго главнаго штаба. Послѣ жестокаго и продолжительнаго боя, японцы, 13 мая, завладѣли укрѣпленною линіею Цзинъ-Чжоу-Таліенванъ, т.-е. узкимъ перешейкомъ, отдѣляющимъ Квантунъ отъ остальной

части Ляодунскаго полуострова; Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра уже съ двадцатыхъ чиселъ апрѣля. Корпусъ барона Штакельберга, двинутый къ югу на выручку Портъ-Артура, потерпѣлъ неудачу при Вафангоу, 1—2 іюня, и вынужденъ былъ отступить обратно къ Лаояну, гдѣ сосредоточивались наши главныя силы съ самаго начала кампаніи. Затѣмъ, 11 іюля, мы очистили Дашичао, покинули Нючуанъ и чрезвычайно важную для японцевъ гавань Инкоу, обезпечившую имъ снабженіе всѣмъ необходимымъ съ моря. Въ концѣ іюля три японскія арміи, генераловъ Куроки, Оку и Нодзу, подъ общимъ руководствомъ маршала Ойямы, соединились для общаго наступленія на Лаоянъ; наши военныя силы успѣли уже настолько увеличиться къ тому времени, что численное превосходство перестало быть удѣломъ непріятеля въ Манчжуріи.

Между тѣмъ, положеніе наше на морѣ становилось все болѣе безнадежнымъ; 31 марта погибъ одинъ изъ сильнѣйшихъ нашихъ броненосцевъ, „Петропавловскъ", вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ и его штабомъ, а также съ случайно находившимся на кораблѣ знаменитымъ художникомъ В. В. Верещагинымъ; цѣлый рядъ японскихъ попытокъ заградить выходъ изъ гавани Портъ-Артура посредствомъ брандеровъ не имѣлъ успѣха, но наша эскадра была фактически заперта въ осажденной крѣпости, находясь подъ неустаннымъ наблюденіемъ могущественнаго флота адмирала Того. Послѣдняя попытка злополучной портъ-артурской эскадры прорваться въ открытое море, 28 іюля, окончилась полнымъ ея разгромомъ и гибелью адмирала Витгефта; часть судовъ разсѣялась или нашла убѣжище въ нейтральныхъ портахъ; остальные, и въ томъ числѣ пять могучихъ броненосцевъ, возвращены были адмираломъ княземъ Ухтомскимъ въ Портъ-Артуръ, гдѣ ихъ ожидала безплодная и жалкая агонія подъ выстрѣлами японскихъ батарей. Около того же времени, 1 іюля, потерпѣла пораженіе и небольшая владивостокская эскадра, пріобрѣвшая нѣкоторую славу удачными крейсерскими набѣгами въ Японскомъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ. Нашъ тихоокеанскій флотъ, столь внушительный при началѣ войны, пересталъ существовать; онъ далъ себя уничтожить по частямъ, принеся себя въ жертву Портъ-Артуру, гдѣ остались снятыя съ судовъ морскія орудія. Портъ-Артуръ держался и держится съ замѣчательнымъ, истинно-героическимъ упорствомъ; искусная оборона этой крѣпости, руководимая генераломъ Стесселемъ, и особенно Фокомъ, Кондратенкомъ, Смирновымъ и Никитинымъ, обошлась чрезвычайно дорого японцамъ и опровергла всѣ ихъ первоначальные разсчеты, но она едва ли могла имѣть существенное вліяніе на общій результатъ войны.

Съ восьмидневной битвы при Лаоянѣ, 13—20 августа, начинается

второй періодъ кампаніи, когда наши послѣдовательныя отступленія вызываются уже не численнымъ перевѣсомъ непріятеля, а другими мотивами, зависящими отъ особой системы командованія. Хотя позиціи при Лаоянѣ были сильно укрѣплены и считались почти неприступными, тѣмъ не менѣе японцы завладѣли ими, и наша армія отошла къ сѣверу, не преслѣдуемая противникомъ; это отсутствіе преслѣдованія приписывалось уже необыкновенному искусству нашей мѣстной стратегіи. Послѣ мѣсячнаго перерыва командующій манчжурскою арміею издалъ извѣстный приказъ, отъ 19 сентября, о томъ, что настала пора идти впередъ и сокрушить непріятеля, опираясь на численное превосходство и подготовленность нашихъ силъ. Крайне упорное и кровопролитное сраженіе, разыгравшееся на цѣлыхъ десять дней, съ 26 сентября до 6 октября, въ окрестностяхъ станціи Янтай, близъ рѣки Шахэ, окончилось, однако, тѣмъ, что японцы продвинулись впередъ, и мы едва удержали за собою сѣверный берегъ рѣки, загородивъ непріятелю путь къ Мукдену. Опять произошла остановка въ военныхъ дѣйствіяхъ на два или на три мѣсяца; обѣ огромныя арміи засѣли въ своихъ окопахъ и землянкахъ, страдая отъ холода и ненастья, и только маленькіе передовые отряды и охотничьи команды своими смѣлыми развѣдками даютъ матеріалъ для подробныхъ оффиціальныхъ телеграммъ съ театра войны.—Чтобы обезпечить болѣе успѣшный ходъ военныхъ операцій на будущее время, рѣшено положить конецъ двоевластію, ставившему командующаго нашими войсками въ зависимость отъ намѣстника на Дальнемъ Востокѣ: всѣ права и полномочія главнокомандующаго переданы генералу Куропаткину, и подвластныя ему военныя силы раздѣлены на три отдѣльныя арміи, подъ начальствомъ генераловъ Леневича, Гриппенберга и Каульбарса. Пассивное выжиданіе событій, направляемыхъ исключительно японцами, и отсутствіе всякой иниціативы, всякаго смѣлаго плана и замысла,—являются по прежнему наиболѣе характерными чертами нашей военной тактики. Японцы выжидаютъ сознательно, имѣя въ виду или сосредоточеніе своихъ войскъ, или прибытіе крупныхъ подкрѣпленій изъ-подъ Портъ-Артура въ случаѣ паденія этой крѣпости; наши же стоятъ неподвижно только потому, что привыкли уже сообразоваться съ дѣйствіями и планами противника, не задаваясь никакими самостоятельными цѣлями и ограничиваясь лишь болѣе или менѣе упорною обороною. Казалось бы, что одна мысль о погибающемъ Портъ-Артурѣ должна была заставить наши манчжурскія арміи стремиться впередъ во что̀ бы то ни стало, чтобы спасти для Россіи эту ея „твердыню на Тихомъ океанѣ“; но на дѣлѣ не было видно, чтобы эта забота вдохновляла руководителей и оказывала вліяніе на ихъ рѣшенія и дѣйствія. Чисто оборонительный, выжидательный планъ кампаніи ни въ чемъ

не измѣнился послѣ тревожныхъ перемѣнъ въ положеніи Портъ-Артура, хотя мечты о серьезномъ наступленіи несомнѣнно были и выражались даже въ оффиціальныхъ приказахъ по арміи.

До полумилліона солдатъ собрано уже нами на поляхъ Манчжуріи, а никакого положительнаго успѣха мы не достигли; ни одной побѣды, ни одной удачи за всѣ одиннадцать мѣсяцевъ,—только одни пораженія и отступленія, послѣ страшныхъ кровавыхъ жертвъ. Оставленный безъ помощи Портъ-Артуръ обреченъ на гибель, подобно злосчастной эскадрѣ, потопленной безъ боя въ портъ-артурской гавани. Эту эскадру должна была выручить часть нашего балтійскаго флота, приготовлявшаяся еще съ весны къ отправленію на Дальній Востокъ; она двинулась въ путь только въ началѣ октября, подъ командой адмирала Рожественскаго, и успѣла сразу обратить на себя вниманіе, подвергнувъ нечаянному разгрому англійскую рыбачью флотилію въ Сѣверномъ морѣ, въ ночь съ 8 на 9 октября. Говорили, что среди этихъ рыбацкихъ судовъ изъ Гулля находилось нѣсколько японскихъ миноносцевъ, пытавшихся внезапно напасть на эскадру; одинъ изъ нихъ былъ, будто бы, уничтоженъ русскими выстрѣлами, а другой исчезъ неизвѣстно куда; но пострадали главнымъ образомъ не они, а попавшіе подъ стрѣльбу гулльскіе рыбаки и даже нѣкоторые изъ нашихъ собственныхъ кораблей, гдѣ оказались и жертвы. Это загадочное происшествіе возбудило сильнѣйшее волненіе въ Англіи и даже подняло вопросъ о войнѣ; раздавались голоса о немедленномъ преслѣдованіи и возвращеніи „разбойничьей“ эскадры, и только съ большимъ трудомъ удалось предупредить опасный международный конфликтъ соглашеніемъ 15 октября, состоявшимся при дружескомъ посредничествѣ Франціи. Дѣло передано на разсмотрѣніе особой слѣдственной коммиссіи, которая должна подготовить матеріалъ для третейскаго суда согласно постановленіямъ Гаагской конвенціи; въ декабрѣ коммиссія собралась въ Парижѣ, и печальный инцидентъ по всей вѣроятности не будетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ крупныхъ денежныхъ выдачъ изъ русской казны въ пользу пострадавшихъ англичанъ.

Послѣ того какъ вторая тихоокеанская эскадра ушла въ дальнѣйшее плаваніе, въ нашихъ газетахъ появился рядъ статей, указывавшихъ на очевидную недостаточность ея для успѣшной борьбы съ японскимъ флотомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приводились поразительные факты, относящіеся къ способамъ хозяйничанья и управленія въ морскомъ вѣдомствѣ. Особенное вниманіе обратили на себя весьма обстоятельныя и краснорѣчивыя разъясненія ученаго морского офицера, преподавателя морской академіи и начальника штаба при адмиралѣ Скрыдловѣ, капитана Кладо, писавшаго въ „Новомъ Времени“ подъ псевдонимомъ „Прибоя“. Какъ знатокъ своего дѣла, г. Кладо настойчиво

утверждалъ, что эскадра адмирала Рожественскаго, будучи значительно слабѣе флота адмирала Того, идетъ на встрѣчу неминуемой катастрофѣ, если не будетъ своевременно поддержана присылкою броненосцевъ и крейсеровъ, оставленныхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ Балтійскомъ морѣ. Изъ сообщеній и намековъ капитана Кладо можно было видѣть, что компетентныя лица, въ томъ числѣ адмиралы Скрыдловъ и Рожественскій, требовали включенія всѣхъ готовыхъ военныхъ судовъ въ составъ посылаемой эскадры, но это требованіе встрѣтило какія-то неодолимыя затрудненія со стороны представителей канцелярской рутины, бюрократическаго самодовольства и бездѣйствія; завѣдомо недостаточныя морскія силы отправлялись какъ будто на убой, безъ разсчета и надежды на достиженіе предположенной цѣли, которая, повидимому, мало озабочивала высшую администрацію нашего флота. Подъ вліяніемъ понятныхъ патріотическихъ побужденій, капитанъ Кладо рѣшился публично высказать свои опасенія и забить тревогу предъ общественнымъ мнѣніемъ, пока еще была возможность поправить роковую ошибку; онъ съ большимъ воодушевленіемъ проводилъ мысль о скорѣйшемъ снаряженіи третьей эскадры, и нѣкоторое время спустя рѣшено было привести эту мысль въ исполненіе. Такимъ образомъ, горячія и убѣдительныя статьи г. Кладо не только взволновали извѣстную часть читающей публики, но и расшевелили сонное царство сухопутно-морской бюрократіи, побудивъ ее немедленно приступить къ осуществленію проекта, который, безъ этихъ призывовъ къ гласности, пролежалъ бы спокойно подъ спудомъ до весны. Въ то же время виновникъ этого патріотическаго „пробужденія", капитанъ Кладо, подвергнутъ аресту на двѣ недѣли за „дерзкія" разсужденія о предметѣ своей спеціальности и за „искаженіе фактовъ", какъ сказано въ обнародованномъ приказѣ; съ своей стороны, г. Кладо печатно протестовалъ противъ такого обвиненія и требовалъ преданія его суду для провѣрки справедливости всего высказаннаго имъ въ печати,—но и начальство вспомнило, что названный офицеръ является однимъ изъ оффиціальныхъ свидѣтелей по гулльскому дѣлу и долженъ давать свои показанія передъ международной коммиссіею въ Парижѣ въ защиту интересовъ русскаго правительства, въ качествѣ моряка, находившагося на эскадрѣ при штабѣ адмирала Рожественскаго, и потому объявлять его теперь недостойнымъ довѣрія, способнымъ „искажать факты",—было, по меньшей мѣрѣ, неосторожно. Серьезное обвиненіе, выраженное, хотя и голословно, въ оффиціальномъ приказѣ, было тотчасъ же подхвачено иностранными, особенно англійскими газетами и, конечно, не будетъ упущено изъ виду при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній капитана Кладо объ инцидентѣ въ Сѣверномъ морѣ; а такъ какъ нельзя уже

было поправить дѣло и устранить сдѣланную оплошность, то пришлось ограничиться освобожденіемъ „виновнаго" изъ-подъ ареста и отпустить его въ Парижъ для исполненія обязанностей достовѣрнаго свидѣтеля, правдивость котораго заподозрѣна его собственнымъ высшимъ начальствомъ только по недоразумѣнію.

Очень много новаго узнала публика изъ статей г-на Кладо, но еще болѣе поднято ими вопросовъ, которыхъ самъ авторъ не ставилъ, и которые, однако, имѣютъ огромное практическое значеніе. Сложное и крупное вѣдомство, завѣдывающее морскою обороною государства и располагающее ежегоднымъ бюджетомъ въ 114 или 115 милліоновъ рублей, не исполняетъ, какъ оказывается, своего назначенія: флотъ находится въ такомъ состояніи, что ни одной эскадры и даже ни одного броненосца нельзя тотчасъ же употребить въ дѣло въ случаѣ надобности, а для отправленія части балтійскихъ военныхъ судовъ на Дальній Востокъ потребовалось цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ приготовительной работы, вслѣдствіе чего нашъ злосчастный тихоокеанскій флотъ оставленъ былъ безъ обѣщанной помощи и долженъ былъ безнадежно погибнуть въ водахъ Портъ-Артура. Куда же направится и кому поможетъ теперь эскадра адмирала Рожественскаго, посланная именно въ разсчетѣ на соединеніе съ портъ-артурскими судами? Третья вспомогательная эскадра, о которой хлопочетъ г. Кладо, будетъ тоже готовиться два или три мѣсяца, и она также не успѣетъ оказать поддержку второй эскадрѣ при рѣшительной и скорой встрѣчѣ ея съ японскимъ флотомъ. Насколько можно судить по замѣчаніямъ и разъясненіямъ спеціалистовъ, отсутствіе боевой готовности нашихъ морскихъ силъ считается какъ бы нормальнымъ, и даже элементарный техническій ремонтъ предпринимается лишь передъ назначеніемъ кораблей въ плаваніе; другими словами, у насъ вообще не было и нѣтъ флота, готоваго къ дѣйствію, — хотя въ мирное время тратились и тратятся десятки милліоновъ въ годъ на судостроеніе и ремонтъ судовъ (около тридцати-девяти милліоновъ по бюджету 1904 года). Если всѣ составныя части нашего флота въ каждый данный моментъ нуждаются въ долговременномъ ремонтѣ и не могутъ быть пущены въ ходъ иначе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то очевидно страна фактически беззащитна въ смыслѣ активной морской обороны, и милліонныя траты морского бюджета идутъ не на тѣ надобности, которыя должны стоять на первомъ планѣ для морского вѣдомства. Мы видѣли, что послѣ происшествія съ гулльскими рыбаками въ Сѣверномъ морѣ различныя британскія эскадры были *немедленно* поставлены на военную ногу и имѣли возможность дѣйствовать по первому телеграфному распоряженію адмиралтейства; тамъ не было и рѣчи о мѣсячныхъ приготовленіяхъ, о предварительномъ долгомъ ремонтѣ и

т. п., ибо все морское могущество Англіи превратилось бы въ фикцію, еслибы ея военный флотъ не обладалъ способностью къ быстрой мобилизаціи. Весь смыслъ военной силы заключается въ сознаніи, что ее можно вполнѣ примѣнить къ дѣлу во всякое время, когда того потребуютъ интересы государственной защиты; между тѣмъ, главное вмѣстилище нашего военнаго флота, насчитывающее номинально множество грозныхъ русскихъ судовъ съ болѣе или менѣе громкими названіями, не въ состояніи было выпустить въ море ни одной эскадры въ трудные мѣсяцы японской войны, когда съ Дальняго Востока приходили такіе отчаянные призывы о поддержкѣ. Всякій понимаетъ, что снаряженіе кораблей въ дальнее плаваніе предполагаетъ массу сложныхъ операцій по доставкѣ угля и продовольствія въ пути; но если нужно мѣнять котлы, исправлять машины и т. п., то это свидѣтельствуетъ уже о запущенности и негодности матеріала, предназначеннаго служить для дѣла военной защиты. Это все равно, какъ еслибы для сбора и отправленія сухопутной арміи требовалось предварительно отдавать въ починку пушки и ружья, закупать лошадей, заказывать разныя необходимыя принадлежности солдатской аммуниціи, т.-е. устраивать еще самое войско, содержаніе котораго въ надлежащемъ порядкѣ предусмотрѣно вполнѣ достаточнымъ бюджетомъ въ 360 милліоновъ въ годъ.

На газетные толки о такомъ загадочномъ положеніи дѣлъ въ морскомъ вѣдомствѣ откликнулся, между прочимъ, и главный начальникъ балтійскаго флота, адмиралъ Бирилевъ, помѣстившій любопытное и весьма откровенное письмо въ той же газетѣ, гдѣ печатались и статьи г. Кладо. По мнѣнію почтеннаго адмирала, въ обнаруженныхъ непорядкахъ виноваты всѣ, и начальники и подчиненные, и всѣ они „таскаютъ головы на плечахъ только по неисчерпаемой милости Императора"; но, признавая морскихъ дѣятелей достойными чуть ли не смертной казни за многолѣтнія упущенія, авторъ полагаетъ, однако, что печать не должна уже заниматься обсужденіемъ дѣлъ морского вѣдомства въ пессимистическомъ духѣ, такъ какъ этимъ она наводитъ уныніе на моряковъ и мѣшаетъ имъ спокойно работать надъ приготовленіемъ третьей эскадры къ отправкѣ на Дальній Востокъ. Имѣетъ ли эта эскадра шансы поспѣть на театръ войны своевременно, до паденія Портъ-Артура и до рѣшенія участи судовъ адмирала Рожественскаго, и почему она не была приготовлена раньше,—объ этомъ не упоминаетъ адмиралъ Бирилевъ; повелѣно снарядить эскадру,—говоритъ онъ,—и повелѣніе будетъ исполнено—но такъ ли быстро, какъ то исполнили англійскія эскадры въ октябрѣ—въ 24 часа?! Нельзя, однако, запретить публикѣ волноваться по поводу того, что насущные военно-морскіе интересы государства плохо соблюдались до сихъ поръ, по признанію

самого адмирала, и могутъ въ такомъ же родѣ соблюдаться и впредь, при обычномъ чисто формальномъ отношеніи къ исполняемымъ приказамъ. Теперь и газета, удѣлившая мѣсто разоблаченіямъ г. Кладо и заявленію адмирала Бирилева, можетъ ясно видѣть, насколько остроумно было съ ея стороны взывать къ частнымъ пожертвованіямъ на флотъ при первыхъ его неудачахъ,—какъ будто вся бѣда была въ недостаткѣ бюджетныхъ средствъ на правильное содержаніе и усиленіе флота. Японія тратила по морскому вѣдомству вчетверо меньше, чѣмъ мы, и однако она создала себѣ болѣе могущественный флотъ, доказавшій на дѣлѣ свою всегдашнюю боевую готовность, соединенную съ разсчетливостью, энергіею и единствомъ дѣйствій. Никакіе частные денежные сборы не возмѣстятъ и сотой доли той безплодной траты средствъ и силъ, какую мы видимъ въ судьбѣ нашей портъ-артурской эскадры; и, разумѣется, самый вопросъ о пожертвованіяхъ не могъ бы возникнуть, если бы принята была во вниманіе необходимость болѣе цѣлесообразнаго расходованія тѣхъ 114 или 115 милліоновъ, которые назначаются ежегодно на нужды русскаго флота.

Пока еще трудно говорить о возможномъ прекращеніи убійственной и безцѣльной войны: продолжительность ея будетъ зависѣть отъ свойства тѣхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ русская дипломатія по отношенію къ Японіи и Китаю. Въ нашей печати вопросъ о мирѣ связывается почему-то съ настроеніемъ и намѣреніями непріятеля, которому и въ этой области, какъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ, приписывается исключительная иниціатива; „патріотическія“ газеты часто сообщаютъ, что японцы страшно недовольны упорнымъ сопротивленіемъ Портъ-Артура и медленнымъ вообще ходомъ войны, что они напрягли свои силы до крайняго предѣла и не могутъ болѣе выставить никакихъ военныхъ отрядовъ, что финансовыя средства ихъ изсякли и что нація раздражена противъ правительства, не съумѣвшаго обезпечить ей полной и скорой побѣды. Японское недовольство, будто бы, усиливается и ростетъ,—тогда какъ у насъ—говорятъ онѣ,—всѣ проникнуты радостными чувствами, восхваляютъ направленіе и результаты военныхъ событій, съ восторгомъ идутъ на войну и наслаждаются избыткомъ финансовыхъ средствъ, которыхъ даже некуда дѣвать. Если вѣрить нашимъ „патріотамъ“, японцы уже готовы просить о мирѣ, въ виду плохого положенія своихъ дѣлъ. Но относительно японскихъ желаній и чувствъ нѣтъ никакой надобности ограничиваться догадками и предположеніями, какъ это принято при оцѣнкѣ нашего народнаго или общественнаго настроенія. Въ Японіи существуютъ законные способы выраженія подлинныхъ взглядовъ и желаній народа; страна

высказывается свободно черезъ посредство выборныхъ представительныхъ собраній, согласно исконнымъ національнымъ началамъ взаимнаго довѣрія и единенія между націею и ея монархомъ.

Японскій парламентъ собрался въ концѣ ноября (нов. ст.); обѣ главныя политическія партіи — умѣренные консерваторы и прогрессисты—обнародовали свои манифесты, въ которыхъ единодушно заявляли рѣшимость поддерживать веденіе войны до конца и давать на нее необходимыя обширныя средства,—причемъ консерваторы безусловно одобряли представленный кабинетомъ бюджетъ, тогда какъ прогрессисты предлагали нѣкоторыя измѣненія въ системѣ налоговъ. Обѣ партіи настаивали на болѣе ясной и послѣдовательной политикѣ относительно Кореи, тѣсно связанной съ національными интересами Японіи; съ этой точки зрѣнія прогрессисты особенно осуждали недостатки заключенной недавно конвенціи. Обѣ партіи согласны въ томъ, что нужно открыть Манчжурію для иностранной торговли и принять мѣры для поощренія и развитія японскихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ Китаѣ; въ частности прогрессисты требуютъ усиленія японскаго вліянія въ Пекинѣ, въ виду плачевной слабости китайской дипломатіи. Правительство проводитъ свою программу съ большою энергіею, опираясь на общественное мнѣніе; японскій премьеръ, графъ Катсура, въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Times“, высказался объ общемъ положеніи дѣлъ въ весьма оптимистическомъ духѣ. „Для Японіи,—по его словамъ,—война означаетъ жизнь или смерть, и ни одинъ изъ нашихъ 45 милліоновъ согражданъ не сомнѣвается въ жизненной важности предстоящей задачи. Мы готовы пожертвовать послѣднимъ человѣкомъ и послѣднимъ іеномъ для этой войны. Многое связано съ паденіемъ Портъ-Артура, но мы не утѣшаемся надеждою, что взятіе этой несчастной крѣпости ускоритъ заключеніе мира. Напротивъ, взятіе ея дастъ Россіи случай выработать новый планъ кампаніи. Мы усердно слѣдимъ за всякими перемѣнами въ приготовленіяхъ непріятеля... Внутреннія обстоятельства Японіи,—продолжалъ министръ,—въ высшей степени благопріятны. Имѣя предъ собою великую цѣль войны, наша нація сдѣлалась какъ бы однимъ человѣкомъ. Мы не имѣемъ партіи мира и партіи войны, какъ въ Россіи. Японская нація составляетъ единое тѣло, полное рѣшимости бороться до послѣдней крайности... Каждый изъ нашихъ внутреннихъ займовъ покрывался съ излишкомъ. Финансовые результаты превзошли наши ожиданія. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что нашъ народъ вполнѣ спокойно относился къ событіямъ и старательно предавался обычной производительной работѣ, сохраняя свои скромныя привычки и не уменьшая своей энергіи. Жатва этого года превысила средніе размѣры на сто милліоновъ іенъ

(около десяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ). Наша внѣшняя торговля увеличила свои обороты сравнительно съ прошлымъ годомъ и достигнетъ, вѣроятно, суммы въ семьсотъ милліоновъ іенъ (семьдесятъ милліоновъ фунтовъ ст.). Цѣны разныхъ предметовъ потребленія слегка повысились, но общее финансовое и экономическое положеніе не измѣнилось. Непріятель, конечно, не ожидалъ этого, но и мы сами разсчитывали на худшее. Мы удвоили наши усилія и трудимся неустанно, стараясь идти непоколебимо впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ военныхъ операцій".

Если даже и допустить, что японскій министръ-президентъ нѣсколько преувеличиваетъ благополучіе своей націи и изображаетъ его черезчуръ розовыми красками спеціально для англійской публики, то все-таки изъ его словъ никакъ нельзя вывести заключенія объ упадкѣ воинственной энергіи или объ истощеніи силъ Японіи и ея правительства. При торжественномъ открытіи японскаго парламента 30 ноября, императоръ сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Наши экспедиціонныя силы дѣйствовали побѣдоносно и имѣли успѣхъ въ каждомъ сраженіи, выказывая блестящую храбрость, чѣмъ обезпечили дальнѣйшій постоянный прогрессъ на театрѣ войны. Относясь съ полнымъ довѣріемъ къ преданности и усердію нашихъ подданныхъ, мы полагаемъ, что окончательная цѣль войны будетъ достигнута, и мы надѣемся, что вы постараетесь, въ соотвѣтствіи съ нашей волей, исполнить въ совмѣстной работѣ лежащія на васъ обязанности". Спокойный и довѣрчивый тонъ этого заявленія микадо въ обращеніи къ выборнымъ представителямъ народа также не свидѣтельствуетъ о плохомъ состояніи Японіи или о разстройствѣ ея дѣлъ. Въ засѣданіи нижней палаты, 3 декабря, глава кабинета, графъ Катсура, и министръ финансовъ, баронъ Сонэ, выставляли на видъ вѣроятность очень продолжительной военной кампаніи, что̀ заставляетъ озаботиться приготовленіемъ весьма крупныхъ средствъ. Баронъ Сонэ объяснилъ, что военный бюджетъ опредѣляется цифрою въ 780 милліоновъ іенъ, со включеніемъ процентовъ по военнымъ займамъ, и что въ 1905 году необходимо будетъ занять только 450 милліоновъ. Экономія въ обыкновенныхъ расходахъ позволяетъ обратить на военныя надобности еще 120 милліоновъ іенъ; весь государственный бюджетъ доходитъ до милліарда іенъ (около милліарда рублей). Члены парламента не дѣлали по этому поводу никакихъ запросовъ или возраженій, и въ первый разъ за все время существованія народнаго представительства—какъ замѣтили мѣстные корреспонденты иностранныхъ газетъ—оппозиція воздержалась отъ всякихъ попытокъ противодѣйствовать или создавать какія-либо затрудненія министрамъ. Очевидно, въ Японіи установилось общее патріотическое единодушіе, основанное

на дѣйствительномъ взаимномъ довѣріи между властью и народомъ, и это довѣріе держится не на искусственныхъ фразахъ угодливой печати и не на мимолетныхъ благосклонныхъ чувствахъ того или другого министра, а на прочныхъ національныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ публично и вошедшихъ уже въ систему незыблемыхъ основъ государственнаго строя, въ качествѣ надежной опоры мирнаго внутренняго развитія Японіи и могущества ея древнѣйшей въ мірѣ династіи. При такихъ условіяхъ, надѣяться на недовольство японцевъ войною и правительствомъ и ожидать отъ нихъ смиренной просьбы о мирѣ—намъ не приходится; противоположныя же увѣренія газетныхъ „патріотовъ", поддерживаемыя иногда наивными или фальшивыми телеграммами изъ Токіо, ничего кромѣ вреда принести не могутъ.

Въ большей части государствъ западной Европы, какъ и въ Сѣверной Америкѣ, замѣчается нѣкоторое затишье во внѣшней политикѣ, подъ вліяніемъ далекой, но грозной и поучительной русско-японской войны. Общее выжидательное настроеніе сказывается и въ усиліяхъ предупреждать и улаживать всякіе международные споры предварительными мирными соглашеніями, въ ряду которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ англо-французская конвенція, заключенная 8 апрѣля (нов. ст.). Этой конвенціею окончательно разрѣшаются вопросы, издавна служившіе матеріаломъ для опасныхъ пререканій и столкновеній между Англіею и Франціею въ разныхъ частяхъ свѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаются точныя границы правъ обѣихъ державъ въ Египтѣ и Марокко, въ центральной Африкѣ, въ Сіамѣ и на Мадагаскарѣ, на Ново-Гебридскихъ островахъ и у береговъ Новой Земли. Англо-французское сближеніе, состоявшееся несомнѣнно подъ вліяніемъ событій на Дальнемъ Востокѣ, давало возможность союзной съ нами Франціи оказывать умѣряющее дѣйствіе на политику Англіи, что успѣло уже обнаружиться къ нашей выгодѣ послѣ тягостнаго инцидента въ Сѣверномъ морѣ. Къ этой же категоріи успокоительныхъ международныхъ актовъ принадлежатъ соглашенія о третейскомъ судѣ, которыя особенно распространились въ истекшемъ году и стали мало-по-малу охватывать большинство крупныхъ и малыхъ государствъ культурнаго міра.

Враждебное отношеніе къ Россіи, питаемое неудачными ея внутренними дѣлами, продолжаетъ, къ сожалѣнію, господствовать въ значительной части иностранной печати; но оффиціальное миролюбіе сохраняетъ свою силу даже для японской союзницы, Англіи, которая при осторожномъ и умѣренномъ кабинетѣ Бальфура не поддается увлеченіямъ патріотовъ, совѣтующихъ воспользоваться событіями для

прямой или косвенной борьбы съ Россіею. Единственное, что устроили англичане подъ шумъ русско-японской войны,—это тибетская экспедиція, задуманная и исполненная по плану индійскаго вице-короля, лорда Керзона, и приведшая къ установленію фактическаго британскаго протектората надъ Тибетомъ, согласно подписанной въ Лхассѣ конвенціи 7 сентября (нов. ст.). Сторонники широкаго и предпріимчиваго имперіализма въ колоніальной политикѣ имѣютъ въ Англіи талантливаго предводителя и оратора, въ лицѣ бывшаго министра Чемберлена, идеи котораго находятъ сочувствіе и поддержку главнымъ образомъ среди крупной промышленной буржуазіи. Министерство, консервативное и уніонистское по своему составу, подчиняется во многомъ вліянію Чемберлена, но отчасти расходится съ нимъ въ поднятомъ имъ важномъ вопросѣ о возстановленіи покровительственныхъ пошлинъ въ связи съ созданіемъ таможеннаго союза между Англіею и всѣми ея полунезависимыми колоніями. Само собою разумѣется, что консерватизмъ англійскаго правительства, зависящій отъ оффиціальной принадлежности министровъ къ извѣстной парламентской партіи, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ затхлымъ бюрократическимъ направленіемъ, которое прикрывается охранительными принципами въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; еще недавно въ нашей печати допущено было грубое смѣшеніе этихъ совершенно разнородныхъ явленій—въ замѣчаніяхъ князя Б. А. Васильчикова по поводу записки его отца, причемъ англійскіе парламентскіе дѣятели консервативнаго оттѣнка,—въ числѣ которыхъ есть и крупные реформаторы, какъ знаменитые предводители торіевъ, сэръ Робертъ Пиль и Дизраэли-Биконсфильдъ,—приравниваются къ нашимъ жалкимъ обскурантамъ и ретроградамъ, противникамъ элементарныхъ человѣческихъ и общественныхъ правъ. Нынѣшніе англійскіе министры, будучи номинально консерваторами, успѣли провести нѣсколько значительныхъ либеральныхъ реформъ и между прочимъ осуществили новый проектъ поземельнаго устройства Ирландіи на началахъ выкупа земель у ландлордовъ въ пользу фермеровъ при содѣйствіи государственнаго казначейства; въ общемъ строѣ внутренней и колоніальной жизни они привыкли строго соблюдать и охранять ничѣмъ не ограниченный либерализмъ, какъ видно, напримѣръ, изъ засѣданій съѣзда побѣжденныхъ буровъ или конгресса выборныхъ представителей туземныхъ народностей Индіи. Собственно либеральная партія прежняго типа все болѣе теряетъ почву въ Англіи, уступая мѣсто новому дѣленію передовыхъ группъ на радикаловъ и соціалистовъ. Послѣднимъ выразителемъ стараго британскаго либерализма въ партійномъ смыслѣ этого слова былъ Гладстонъ, со смертью котораго партія осталась безъ общепризнаннаго и авторитетнаго вождя;

лордъ Розбери является уже только главою оппозиціи въ палатѣ лордовъ, а умершій въ прошломъ году Вильямъ Гаркортъ, сотрудникъ Гладстона и видный оппозиціонный дѣятель въ парламентѣ не имѣлъ достаточно популярности, чтобы играть роль предводителя партіи.

Въ Германіи политическая жизнь развивается еще не въ столь широкихъ рамкахъ, какъ въ Англіи; нѣмецкое общество должно во многихъ отношеніяхъ довольствоваться только правомъ свободной критики и контроля, не имѣя еще возможности непосредственно вліять на выборъ министровъ и на общую политику правительства. Немало безпокойства причиняло нѣмцамъ за истекшій годъ возстаніе племени гэреро въ германско-африканскихъ владѣніяхъ,—возстаніе, упорно разростающееся и потребовавшее уже огромныхъ денежныхъ затратъ; храбрые и хорошо вооруженные туземцы никакъ не хотятъ понять преимуществъ культурнаго нѣмецкаго владычества, олицетворяемаго прусскими офицерами, и всѣ предпринимавшіяся до сихъ поръ военныя мѣры для обузданія непокорныхъ не имѣли еще прочнаго успѣха. Дѣло, казавшееся вначалѣ ничтожнымъ, стоило уже не менѣе двухсотъ милліоновъ марокъ и выдвинуло на очередь общій вопросъ о перемѣнѣ всей системы колоніальнаго управленія, обнаружившей на практикѣ свою полную несостоятельность. На этой почвѣ правительство подвергается неустанной и ядовитой критикѣ со стороны соціально-демократической партіи, которая все болѣе становится главнѣйшею активною силою оппозиціи въ парламентѣ и печати. Знаменитый Бебель завоевалъ себѣ положеніе перваго парламентскаго оратора въ Германіи, и обычнымъ его соперникомъ въ краснорѣчіи выступаетъ имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ. Блестящіе ораторскіе турниры между смѣлымъ глашатаемъ соціализма и первымъ министромъ германскаго императора входятъ уже какъ будто въ установившуюся программу нѣмецкой парламентской дѣятельности, и даже самые крайніе консерваторы и ретрограды въ Германіи не усматриваютъ въ этомъ ничего такого, что̀ подрывало бы авторитетъ государственной власти въ имперіи. Бебель часто позволяетъ себѣ критиковать заявленія и дѣйствія самого Вильгельма II, и это также не считается опаснымъ ни для существующаго порядка, ни для личнаго обаянія и могущества монарха. Графъ Бюловъ и другіе министры не стѣсняются по временамъ извлекать пользу изъ указаній и разъясненій оппозиціи, такъ что и Бебель могъ иногда прямо вліять на постановку и рѣшеніе текущихъ политическихъ вопросовъ. Въ засѣданіяхъ имперскаго сейма, начиная съ 5 декабря, при обсужденіи бюджета, Бебель и графъ Бюловъ обмѣнялись пространными

рѣчами, въ которыхъ говорили преимущественно объ отношеніяхъ къ Англіи и Россіи. На упрекъ въ угодничествѣ передъ русскимъ правительствомъ, съ которымъ, будто бы, заключили въ Берлинѣ какую-то секретную сдѣлку полицейскаго свойства, имперскій канцлеръ, въ засѣданіи 9 декабря, отвѣчалъ шутливымъ вопросомъ: „Неужели вы считаете меня такимъ колоссальнымъ болваномъ?“ По словамъ графа Бюлова, Германія не имѣетъ повода интересоваться внутренними дѣлами Россіи и разстраивать дружественныя отношенія съ ея правительствомъ изъ-за интересовъ, чуждыхъ нѣмецкому народу. Противъ этой формальной точки зрѣнія горячо возставалъ Бебель, который въ то же время рѣшительно отрицалъ намѣреніе соціалъ-демократовъ впутать Германію въ войну съ Россіею или съ какою-либо другою державою.

Во Франціи министерство Комба дѣятельно продолжало политику борьбы съ католическимъ монашествомъ и не остановилось также передъ открытымъ разрывомъ съ папствомъ. Страстная оппозиція націоналистовъ довела дѣло до скандальной сцены въ палатѣ депутатовъ, когда военный министръ, генералъ Андрè, подвергся внезапному личному нападенію со стороны депутата Сиветона; нѣкоторое время спустя, за день до судебнаго разбирательства этого дѣла, Сиветонъ окончилъ жизнь самоубійствомъ или, быть можетъ,—какъ намекали газеты,—сдѣлался жертвою загадочной семейной трагедіи. Это происшествіе волновало умы въ Парижѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; затѣмъ публика успокоилась, и кабинету Комба опять удалось избѣгнуть угрожавшаго ему кризиса. Радикально-соціалистическое большинство палаты, при вліятельномъ участіи Жорèса, настойчиво поддерживаетъ министерство въ виду обѣщанныхъ имъ важныхъ реформъ, изъ которыхъ одна, финансовая или, вѣрнѣе, податная, уже обсуждается въ парламентѣ; но французское общественное мнѣніе относится скептически къ проекту подоходнаго налога, выработанному министромъ финансовъ Рувье.

Въ имперіи Габсбурговъ хроническій парламентскій кризисъ почти одновременно, въ концѣ года, разрѣшился отставкою австрійскаго министра-президента Кербера и объявленіемъ о предстоящемъ распущеніи венгерской палаты депутатовъ, гдѣ графъ Тисса оказался неспособнымъ справиться съ популярною оппозиціонною партіею Франца Кошута и графа Аппоньи. Министерскій кризисъ произошелъ и въ Сербіи: умѣренно-радикальный кабинетъ генерала Грунча уступилъ мѣсто болѣе сплоченному радикальному министерству Пашича.

Въ Италіи происходили въ ноябрѣ парламентскіе выборы, доставившіе торжество умѣреннымъ прогрессистамъ и министерству Джіолитти надъ радикалами и соціалистами; число депутатовъ крайней лѣвой уменьшилось всего на десять человѣкъ (выбрано 91 вмѣсто бывшихъ 101), но неудачи въ такихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, какъ Флоренція и Миланъ, значительно ослабили положеніе соціалистической группы, сохранившей только тридцать мѣстъ въ парламентѣ. При торжественномъ открытіи новой законодательной сессіи, 30 ноября, король Викторъ-Эммануилъ II прочиталъ тронную рѣчь, въ которой обратили на себя вниманіе слѣдующія слова: „Когда я въ первый разъ обращался къ парламенту, я выразилъ свое твердое довѣріе къ свободѣ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ укрѣпилъ меня въ этомъ довѣріи и вселилъ во мнѣ убѣжденіе, что только путемъ свободы могутъ быть разрѣшены тяжелыя задачи, лежащія на всѣхъ народахъ въ силу новыхъ стремленій и новой организаціи соціальныхъ элементовъ. Мое правительство будетъ поэтому продолжать ту политику широкой свободы, которая нашла такое сочувствіе въ странѣ“.

Въ Соединенныхъ Штатахъ оживленная президентская кампанія окончилась вторичнымъ избраніемъ Теодора Рузевельта на постъ главы государства. Въ посланіи къ обѣимъ палатамъ конгресса, въ началѣ декабря, президентъ вкратцѣ изложилъ программу своихъ руководящихъ идей, намѣреній и предположеній. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ того, чтобы между новыми иностранными поселенцами, прибывающими въ Америку, дѣлалось какое-либо различіе по происхожденію или національности: „всякій долженъ быть разсматриваемъ только по своему достоинству человѣка; изъ какой бы страны ни явился прибывшій, если онъ только здоровъ физически и умственно и не уклоняется отъ добрыхъ нравовъ, онъ имѣетъ право разсчитывать у насъ на сердечное гостепріимство“. Слѣдуетъ стремиться къ общему миру, соединенному съ господствомъ справедливости,—продолжаетъ президентъ:—„каждый просвѣщенный народъ долженъ не только заботиться объ обезпеченіи своихъ собственныхъ правъ, но и сознавать и исполнять свой долгъ относительно другихъ народовъ“. Нація, какъ и отдѣльный человѣкъ, не вправѣ нарушать чужія права или допускать такое нарушеніе, и потому, „пока не найдены средства и способы для международнаго контроля надъ государствами, совершающими несправедливость, до тѣхъ поръ нельзя желать разоруженія наиболѣе цивилизованныхъ націй“. Полное разоруженіе великихъ передовыхъ народовъ означало бы, по мнѣнію Рузевельта, возвратъ другихъ государствъ въ варварство въ той или дру-

гой формѣ. Между прочимъ, въ посланіи упоминается о необходимости доставленія американскимъ гражданамъ за границею такой же полноправности, какою пользуются иностранцы въ Соединенныхъ Штатахъ, независимо отъ расы и религіи; „особенно труднымъ оказалось добиться признанія этого начала взаимности со стороны Россіи, гдѣ американскимъ гражданамъ еврейскаго вѣроисповѣданія отказываютъ въ паспортѣ, тогда какъ русскіе подданные всякой вѣры свободно проживаютъ въ Америкѣ",—но президентъ надѣется отстоять законную справедливость и въ этой области.

Вообще можно сказать, что во всемъ культурномъ мірѣ народы живутъ полною свободною жизнью, и антагонизмъ между государствомъ и націею, между правительствомъ и обществомъ, все болѣе уходитъ въ область исторіи,—если не считать, конечно, такихъ отжившихъ и вымирающихъ державъ азіатскаго типа, какъ Турція или Персія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1905.

I.

— Н. Гаринъ. Корейскія сказки. Спб. 1904. Изданіе товарищества „Знаніе".
— Georges Ducrocq. Pauvre et douce Corée. Paris, 1904.

Двѣ книжки, вышедшія въ свѣтъ почти одновременно въ разныхъ литературахъ, по разнымъ поводамъ, очень любопытны, между прочимъ, своей параллельностью: какъ будто намѣренно, одна можетъ служить дополненіемъ къ другой.

Ни та, ни другая не были вызваны политическимъ интересомъ, какой получаетъ Корея въ русско-японской войнѣ. Французскій путешественникъ (какъ и русскій авторъ) совсѣмъ не касается политическаго вопроса: онъ просто разсказываетъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія производила на него эта страна, мало кому извѣстная по ея природѣ, характеру обитателей, нравамъ и обычаямъ. Впечатлѣніе было вообще очень благопріятное: авторъ вынесъ изъ знакомства съ Кореей самыя лучшія воспоминанія, что̀ и указалъ въ заглавіи своей книги. Французскій писатель съ особенной подробностью останавливается на внѣшнихъ и домашнихъ подробностяхъ быта, начиная съ построекъ и кончая одеждою и препровожденіемъ времени: все это такъ своеобразно, что бросается въ глаза. Прежде всего, корейцы—совсѣмъ особое племя. „У корейцевъ не такое лицо съ гримасами, какъ у желтыхъ. Кровь сѣверныхъ расъ примѣшалась въ ихъ жилахъ къ монгольской крови и произвела этотъ типъ человѣка сильнаго, крѣпко скроеннаго, высокаго ростомъ. Глаза не стянуты, не находятся въ постоянной лихорадкѣ; лобъ выдающійся, гладкій и открытый, похожъ на лобъ нашихъ бретонцевъ, что-то веселое, кельтское отражается въ его формѣ; лица густо обросли бородою, какъ у айновъ острова Сахалина, и одной этой черты достаточно, чтобы отличить корейца отъ

его сосѣдей. Въ нихъ есть элементъ, который не есть ни японскій, ни китайскій; они—родня тѣмъ старымъ сибирскимъ племенамъ, которыя еще отзываются первобытными временами. Ихъ естественное выраженіе спокойное; ихъ взглядъ тонкій и мечтательный; въ манерахъ много простоты и добродушія. Ихъ всегдашняя бѣдность есть еще признакъ этой простоты ума, которая заставляетъ ихъ презирать новѣйшую жизнь: они желаютъ только спокойствія".

Страна вообще бѣдная; но жители довольствуются тѣмъ, что̀ выпало на ихъ долю. Жизнь корейцевъ, повидимому, сложилась по тому способу, какъ складывался нѣкогда бытъ древнихъ народовъ: живя въ странѣ уединенной, внѣ историческихъ столкновеній, которыя тревожатъ (и обыкновенно подвигаютъ) національную жизнь, они привыкли къ неподвижности, которая ведетъ къ особенному могуществу преданія и обычая, и къ сохраненію первобытной простоты нравовъ и всего быта. Французскій путешественникъ начинаетъ съ описанія столицы Кореи, Сеула: это—также нѣчто первобытное, собственно говоря, громадная деревня изъ домиковъ или хижинъ съ соломенными крышами и деревенскими нравами, — но яркое солнце сглаживаетъ эту бѣдную простоту, и неизмѣнно бѣлая одежда жителей оживляетъ картину. Получается впечатлѣніе деревенской идилліи..............

[А. П.] [1])

II.

— А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное по рукописи, подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ М. К. Лемке. Т. I—II. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1905.

Тотъ успѣхъ, который выпалъ на долю перваго изданія автобіогра-

[1]) Это была послѣдняя литературная замѣтка А. П. (А. Н. Пыпина), писанная имъ наканунѣ смерти, 25 ноября, и оставшаяся на его письменномъ столѣ незаконченной, особенно по отношенію къ „Корейскимъ сказкамъ", которыя очень трогали покойнаго своей наивностью, младенческой чистотой и тѣмъ добрымъ чувствомъ, которымъ онѣ проникнуты, онъ хотѣлъ отмѣтить это и въ своемъ отзывѣ. „Корейскія сказки" (числомъ 64) были записаны г. Гаринымъ въ 1898 г., во время его поѣздки на Востокъ, со словъ одного изъ лучшихъ сказочниковъ, при посредствѣ переводчика, прекрасно владѣвшаго и корейскимъ, и русскимъ языкомъ. Въ предисловіи г. Гаринъ опредѣляетъ основныя черты корейцевъ такими словами: „юморъ, добродушіе, всепониманіе и всепрощеніе, поразительное благородство" — эти черты и отразились въ сказкахъ, заключившихъ въ себѣ всю несложную и въ то же время мудрую философію патріархальнаго народа. — *Ред.*

фія Никитенка, разошедшагося въ теченіе самаго короткаго времени (послѣдніе годы книга эта считалась библіографической рѣдкостью) убѣдительно говоритъ о томъ, что она нашла своего читателя. Передъ читателемъ открылась не только искренняя и простая повѣсть о самомъ себѣ человѣка добраго сердца и большого ума, но и живой и столь же искренній, по отношенію къ изображаемому, разсказъ о томъ, что авторъ могъ наблюдать въ современныхъ ему сложныхъ и разнообразныхъ теченіяхъ, создававшихся взаимодѣйствіемъ общественныхъ стремленій и политическихъ условій, весьма измѣнчивыхъ на протяженіи той эпохи, когда жилъ Никитенко. Сынъ крѣпостного графовъ Шереметевыхъ, учившійся на мѣдныя деньги, Никитенко, благодаря своей любознательности и дарованію, выдвинулся изъ той среды, къ которой принадлежалъ по рожденію, и вошелъ равноправнымъ членомъ въ ряды высшей умственной и бюрократической аристократіи. Знатокъ и любитель литературы, разносторонне образованный человѣкъ, онъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ среди дѣятелей цензуры своего времени, смотрѣвшихъ на литературу какъ на враждебную силу, которая была неистребима и постоянно обнаруживала склонность къ вредному направленію умовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе Никитенка, всегда искавшаго возможности найти благородный исходъ въ борьбѣ непримиримыхъ противорѣчій и принциповъ, было далеко не легкимъ, и на страницахъ дневника отразилась тревожная борьба, происходившая въ самомъ авторѣ, когда завѣтнѣйшія душевныя убѣжденія и взгляды страдали, вступая въ неизбѣжный компромиссъ съ дѣйствіями, на которыя приходилось рѣшаться по долгу службы. Никитенко держался того мнѣнія, что во всякомъ положеніи можно быть человѣкомъ полезнымъ, и, возмущаясь и негодуя, когда въ его присутствіи обсуждались возмутительнѣйшія мѣры противъ печати, онъ въ своей университетской и академической дѣятельности неизмѣнно служилъ идеаламъ науки, добра и правды. Какъ бы ни относиться къ личнымъ взглядамъ его, особенно проводившимся имъ въ разсужденіяхъ на отвлеченныя темы, нельзя не признать, что взгляды эти принадлежали человѣку глубоко сознательному въ своихъ отношеніяхъ къ себѣ, къ обществу, въ которомъ онъ жилъ, и къ народу, изъ котораго вышелъ. Нѣкоторыя мысли его о современномъ положеніи дѣлъ—замѣчательны.

Исторія повторяется, по крайней мѣрѣ исторія русскаго общественнаго самосознанія. Волнующіяся смѣны настроеній, исходившихъ то изъ глухого отчаянія, то изъ радостной надежды на лучшія судьбы русской жизни, отразились на страницахъ дневника живыми и подчасъ яркими чертами. Оптимистамъ этотъ дневникъ можетъ дать хорошій урокъ; онъ можетъ наглядно показать имъ, какъ мало пріоб-

рѣтено русскимъ обществомъ для улучшенія своего быта. Поразительной, въ деталяхъ совпадающей иногда параллелью къ тому, что переживается нынѣ, встаютъ передъ нами черты былой эпохи, эпохи напряженной борьбы, надеждъ и разочарованій, жестокости и героизма, волненій сердца и мысли и страданій, страданій безъ конца. Иныя страницы такъ свѣжи по проникающему ихъ настроенію, что кажется, будто авторъ ихъ жилъ съ нами и думалъ нашими думами, волновался тѣми же вопросами, которые и въ наши дни кошмаромъ тяготѣютъ надъ душой каждаго мало-мальски сознательно живущаго человѣка, общественнаго работника, а между тѣмъ наиболѣе интересныя страницы относятся къ событіямъ, отошедшимъ сравнительно давно. Ровно пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Никитенкѣ пришлось записать краткій, но выразительный фактъ: въ двѣнадцать часовъ пополуночи Севастополь взятъ. Затѣмъ онъ приводитъ историческія слова донесенія: „войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, невозможно"... и добавляетъ: „Боже мой, сколько жертвъ! Какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человѣчество! Одного мановенія... достаточно было, чтобы съ лица земли исчезло столько цвѣтущихъ жизней, пролито столько крови и слезъ, родилось столько страданій. Мы не два года ведемъ войну—мы вели ее тридцать лѣтъ, содержа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды и какую славу пріобрѣла отъ того Россія?"

Вопросы, касавшіеся народнаго просвѣщенія по служебному положенію Никитенка, занимаютъ видное мѣсто въ дневникѣ. Изображается не только положеніе, которое занимало это министерство въ государственномъ механизмѣ, но и личность министра (Норова), человѣка экспансивнаго, но не лишеннаго добрыхъ порывовъ. Въ изображеніи Никитенка онъ производитъ впечатлѣніе неустойчиваго и нѣсколько наивнаго человѣка. Какъ водится, министръ разъѣзжалъ по Россіи и произносилъ рѣчи. Между прочимъ, профессорамъ въ Казани онъ внушалъ, что „наука всегда была для насъ одною изъ главнѣйшихъ потребностей, но теперь она первая". Придя къ этой мысли, министръ сдѣлалъ и другое, не менѣе важное признаніе, едва ли новое для профессоровъ, но до паденія Севастополя врядъ ли отчетливо сознававшееся: „если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою своего образованія"... Эти мудрыя мысли Никитенко иллюстрируетъ указаніемъ на то, что поверхностность нашего образованія стала очевидной, и выражаетъ пожеланіе, чтобы эта очевидность со словъ перешла въ дѣло (что̀, какъ извѣстно, совершается не такъ быстро). Едва ли случайно, говоря о нашей непросвѣщен-

мости, Никитенко даетъ сжатую, но опредѣленную характеристику того положенія вещей, которое сознал ось всѣми только послѣ севастопольскаго пораженія. „Теперь только открывается,—говоритъ онъ,—какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація—въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это—плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу". Исторія показала, чѣмъ сказался урокъ, данный намъ севастопольскимъ пораженіемъ, и какими неувѣренными шагами пошла впередъ наша общественность въ смыслѣ улучшенія внѣшнихъ условій жизни. Въ томъ же году встрѣчаемъ у Никитенка поразительно мѣткую и замѣчательную по прозорливости характеристику современнаго положенія вещей: „Въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурного—все являлось не по свободному, самобытному движенію общественнаго духа, а по указанію и по волѣ высшей власти, которая всѣмъ распоряжалась и одна вела, куда хотѣла. Замѣчательныя личности и отдѣльные факты мало значатъ въ общей массѣ застоя: это — пузыри, выскакивающіе на поверхности сонной влаги, взволнованной вдругъ паденіемъ въ нее какой-нибудь тяжести.

„Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ! Русскій умъ удивительно склоненъ довольствоваться словами вмѣсто дѣлъ—начинать и оканчивать одними хорошими намѣреніями, которыми, какъ говорится, вымощенъ адъ. Теперь намъ предстоитъ собрать всѣ свои силы и дружно ихъ сосредоточить на благія дѣла. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея гражданственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе".

Изображеніе слѣдующаго года проникнуто у Никитенка новымъ настроеніемъ: у него начинаетъ зарождаться надежда на лучшее будущее. Время продолжаетъ быть еще смутнымъ, но на горизонтѣ какъ будто свѣтлѣетъ. На престолъ вступилъ имп. Александръ II. Идутъ слухи о мирѣ, обставленномъ столь унизительными условіями для нашей родины. И Никитенко стоитъ за миръ. „Въ массахъ сильно недовольны согласіемъ на миръ и принятіемъ въ немъ четырехъ пунктовъ. „Драться надо, говорятъ отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка". Нѣкоторые, дѣйствительно, такъ думаютъ и чувствуютъ, какъ говорятъ. Эти люди благородные, хотя и недальновидные. Но большинство крикуновъ состоитъ изъ лицемѣровъ, которые

хотятъ своимъ крикомъ выказать патріотизмъ. Есть и такіе, которые жалѣютъ о войнѣ, какъ о мутной водѣ, гдѣ можно рыбу ловить и гдѣ они, дѣйствительно, и ловили ее усердно. Правительство очень умно—слышитъ эти толки, но не слушается ихъ. Государь своею уступчивостью и своимъ согласіемъ на четыре пункта доказалъ, мнѣ кажется, не только благородство характера и свое нежеланіе безполезнаго кровопролитія, но и умный, тонкій разсчетъ. Онъ считаетъ нужнымъ начать съ того, чтобы примириться съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, и, видя, какъ это тамъ хорошо принято, нельзя не согласиться, что онъ достигъ своей цѣли. Онъ не долженъ, подобно отцу своему, возстановлять противъ себя и противъ Россіи силу, которая, по выраженію Талейрана, умнѣе и сильнѣе даже его и Наполеона—общественное мнѣніе. Николай... (пропускъ)... онъ не взвѣсилъ всѣхъ послѣдствій своихъ враждебныхъ Европѣ видовъ—и заплатилъ за это жизнью, когда, наконецъ, послѣдствія эти открылись ему во всемъ своемъ ужасѣ. Нѣтъ возможности идти дольше этимъ путемъ и нести на своихъ плечахъ коалицію всей Европы. Это все равно привело бы къ миру, но уже окончательно безславному и пагубному. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Хвала и благодареніе Александру II, который имѣлъ высокое мужество отказаться отъ голоса самолюбія въ пользу истинныхъ выгодъ и истинной славы. Мы видѣли, каковы наши военные успѣхи. Хорошо кричать тѣмъ, у кого нѣтъ отвѣтственности, а Александръ отвѣчаетъ не только за настоящее, но и за будущее".

Созрѣли мы или не созрѣли для кризиса? Этотъ вопросъ настойчиво волновалъ Никитенка, и въ умѣ своемъ онъ не находитъ положительнаго отвѣта. „Неужели настало время совершеннаго разрыва между партіею мысли и движенія и правительствомъ?—спрашиваетъ онъ три года спустя:—неужели нѣтъ выбора, какъ между *ультрами*?"—Никитенко отказывается вѣрить этому и, въ общемъ, склоняется къ мысли, что мы еще не созрѣли, но „кризисъ" онъ понимаетъ нѣсколько неясно, какъ нѣкую постоянную величину, не вытекающую изъ нѣкоторыхъ условій историческаго момента, а приходящую, въ качествѣ deus ex machina, откуда-то извнѣ, съ цѣлью все сразу рѣшить, устроить и поселить счастье и миръ на землѣ. Зрѣлостью онъ называетъ то, — „когда бы кризисъ въ состояніи былъ привести вещи къ опредѣленному положенію и ручаться за какую-нибудь благоустроенную будущность", и ему кажется, что „кризисъ" не произвелъ бы ничего, кромѣ хаоса. Въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія кризисъ болѣе опредѣленно называется конституціей, о которой, повидимому, шли въ обществѣ безконечные толки. По крайней мѣрѣ, подъ 30 марта того же 1859 года мы находимъ любопытную и мѣткую, какъ все, что выходило изъ подъ пера Никитенка, запись: „Конечно, конституція вещь

прекрасная и безъ нея нельзя обойтись. Но я никакъ не полагаю, чтобы для нея необходима была революція, и, Боже, спаси насъ отъ революціи! Она была бы самая безалаберная. Мнѣ кажется, что къ конституціоннымъ формамъ можно идти постепенно, такъ, чтобы онѣ вырабатывались безъ шума и тревогъ, въ послѣдовательномъ развитіи либеральныхъ началъ, какъ въ общественномъ духѣ, такъ и въ административномъ. Напримѣръ, пусть развивается гласность, осуществится публично-словесное судопроизводство, устроится кассаціонный судъ: это вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ образуетъ уже значительные начатки новаго порядка вещей, а тамъ и самое дѣло и опытъ покажутъ, какъ и куда идти далѣе. При такомъ ходѣ вещей выработаются не только элементы для новаго порядка вещей, но и люди. А такъ, вдругъ, невозможно! Мы не имѣемъ никакой подготовки. Журнальныя статьи и нѣсколько либеральныхъ, положимъ, порядочныхъ головъ еще не составляютъ ея. — Правительство должно открыто и смѣло удовлетворить нѣкоторымъ желаніямъ образованнаго класса, какъ оно открыто и смѣло удовлетворило нуждамъ низшаго посредствомъ эмансипаціи".

И въ то время, какъ шуйца Никитенка цензора самообольщалась ролью цензурнаго комитета примирять, находя точки гармоничнаго соприкосновенія, „расположеніе лучшихъ умовъ въ литературѣ" съ правительствомъ, десница его записывала подъ начальными числами апрѣля для своего времени драгоцѣнныя слова: „Надо привести въ систему либеральныя идеи и высказать прямо: чего *должно* и *можно* хотѣть... Правительство никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства. Должно указать настоящій путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его".

Словомъ, много поучительнаго и интереснаго разскажетъ этотъ просвѣщенный, добрый и искренній человѣкъ, если читатель изберетъ его на время путеводителемъ по лабиринту недавняго прошлаго нашей жизни, преданіе котораго начинаетъ понемногу складываться въ историческія формы въ то время, какъ бившаяся въ немъ горячая общественная мысль продолжаетъ съ удвоенной силой разрушать преграды, мѣшающія воплотиться въ жизнь тѣмъ, давно уже назрѣвшимъ, идеаламъ личной и общественной жизни, которые ковались въ горнилѣ ожесточенной борьбы лучшими дѣятелями прежнихъ поколѣній. Въ этомъ отношеніи появленію второго изданія богатѣйшихъ мемуаровъ Никитенка можно только радоваться, тѣмъ болѣе, что, по заявленію редактора, оно напечатано въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Полезными окажутся и подстрочныя примѣчанія въ ко-

торыхъ редакторъ отмѣчаетъ неточности автора или неясность и неполноту какого-либо сообщенія; примѣчанія эти, впрочемъ, весьма кратки. Какъ извѣстно, записки охватываютъ время отъ 1804 до 1877 года, съ нѣкоторыми пропусками, между прочимъ за 1825 годъ, когда авторъ уничтожилъ относящуюся къ нему часть, что онъ сдѣлалъ не безъ нѣкоторой связи, какъ можно думать, съ событіями 14-го декабря.

III.

— В. Я. Стоюнинъ. О преподаваніи русской литературы. Изданіе шестое. Спб. 1904

Шестое изданіе этого, казалось бы, спеціальнаго сочиненія служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, насколько еще нужна намъ прекрасная книга Стоюнина. Дѣйствительно, тѣ идеальныя требованія, которыя предъявляетъ авторъ къ учебному преподаванію русской литературы, такъ еще далеки отъ своего воплощенія въ жизни нашей школы, что они долго еще будутъ служить предметомъ самыхъ насущныхъ желаній какъ со стороны общества, такъ и со стороны истинно просвѣщенныхъ педагоговъ, если такъ можно выразиться, Стоюнинскаго типа. Книга Стоюнина пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что она построена на началахъ сознательной вѣры въ великую цивилизующую силу русской литературы, на глубокомъ знаніи природы и потребностей молодого, развивающагося ума, наконецъ, на беззавѣтной любви къ родному слову, выразителю идеальнѣйшихъ стремленій національнаго духа. Именно эти начала встрѣчаютъ непреодолимыя трудности при своемъ осуществленіи въ учебной практикѣ: царящая въ современной казенной школѣ атмосфера условности, недовѣрія и гнета убиваетъ эти начала въ корнѣ и ставитъ преподаваніе литературы въ узкія рамки большею частью скучнаго и шаблонно-програмнаго предмета, въ которомъ сохранено все, что сухо и неинтересно, и старательно обойдено то, что могло бы разбудить пытливую и критическую мысль. Едва ли не приходится признать общимъ правиломъ, что тамъ, гдѣ преподаваніе литературы служитъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть—развивающимъ и возвышающимъ средствомъ—преподаватель не можетъ не выходить изъ програмы,—иными словами, онъ совершаетъ то, что на оффиціальномъ языкѣ называется преступленіемъ по службѣ. Не очевидно ли, что современное пониманіе значенія курса литературы и способовъ преподаванія переросло рутинныя, схоластическія рамки? Преподаваніе литературы тѣснѣйшимъ образомъ связано, конечно, съ общимъ строемъ нашей средней школы, но здѣсь ярче, чѣмъ на другихъ предметахъ, отражаются

всѣ недостатки учебной постановки, какъ въ отношеніи программъ, такъ и положенія преподавателей.

Чего же требуетъ Стоюнинъ отъ преподавателя словесности?—Прежде всего того, чтобы словесность въ его рукахъ была не мертвымъ, но живымъ, а главное—жизненнымъ предметомъ. Преподаваніе этого предмета должно предполагать въ немъ, со стороны преподающаго, три живыя силы, которыя должны благодѣтельно дѣйствовать на учащихся: 1) истинныя познанія, касающіяся природы и человѣка, 2) умственное и нравственное развитіе (самодѣятельность) и 3) пріученіе къ труду. Изъ этихъ трехъ, самихъ по себѣ элементарныхъ пунктовъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ второй, наиболѣе страдающій въ современномъ учебномъ строѣ. Дѣйствовавшія при Стоюнинѣ (и продолжающія дѣйствовать и теперь) программы заботливо оставляли этотъ пунктъ въ сторонѣ и даже старались сосредоточить вниманіе преподавателя на формальной или, лучше сказать, внѣшней сторонѣ дѣла. Не того требовалъ Стоюнинъ. Предназначая свою книгу, какъ можно думать, не только для широкихъ круговъ образованнаго общества, но и для оффиціальныхъ творцовъ „учебныхъ плановъ" и цензоровъ „учебныхъ программъ", онъ старался писать какъ можно нагляднѣе, удобопонятнѣе и до элементарности просто. „Каждое эстетическое произведеніе,—читаемъ у него,—отражаетъ въ себѣ жизнь, дѣйствительность, съ которою связывается много нравственныхъ, общественныхъ и другихъ вопросовъ. Разбирая такое произведеніе, мы необходимо должны подробно обсудить его содержаніе, безъ чего невозможна даже и одна эстетическая оцѣнка; слѣдственно, должны имѣть дѣло съ разнообразными вопросами жизни, коснемся ли разбора фактовъ, или личностей и ихъ характеровъ, или отношенія ихъ между собою, или идеаловъ самого поэта, будемъ ли разсматривать основную его идею, отношеніе его къ дѣйствительности или его поэтическое міросозерцаніе, все будетъ наводить насъ на вопросы близкіе и интересные каждому, вопросы житейскіе; а съ нимъ вмѣстѣ будутъ разъясняться и самыя понятія нравственныя, семейныя, общественныя,—понятія, которыя у учениковъ обыкновенно бываютъ слишкомъ туманны, неопредѣленны и сбивчивы, такъ какъ имъ рѣдко приходится задумываться надъ ними. Въ этомъ туманѣ они нерѣдко остаются и по выходѣ изъ школы, а иной и всю жизнь".

Понятно, что преподаваніе литературы въ духѣ Стоюнина—налагаетъ и на преподавателя важную обязанность быть очень внимательнымъ къ нарождающимся запросамъ молодого поколѣнія и къ развитію въ немъ критической мысли. Учитель долженъ направить всѣ свои стремленія къ развитію самодѣятельности въ учащихся и менѣе всего пріучать ихъ къ затверживанію казенныхъ похвалъ авто-

рамъ или произведеніямъ. Конечно, современная школа до момента ея полной реорганизаціи, въ связи съ общими условіями общественнаго порядка въ нашемъ отечествѣ, не дастъ простора свободной дѣятельности такихъ преподавателей, какъ не дала она возможности развернуть всѣ свои духовныя силы и покойному Стоюнину, постоянно встрѣчавшему противодѣйствіе со стороны оффиціальныхъ опекуновъ и радѣтелей нашей школы. Учителю, не менѣе чѣмъ врачу, писателю, юристу, необходима свобода убѣжденія, слова, личности, а при отсутствіи этихъ необходимѣйшихъ данныхъ изъ него вырабатывается жалкій чиновникъ или забитый судьбою труженикъ, не способный внушить ни интереса къ предмету, ни уваженія къ школѣ.

IV.

— С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I (XVIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, „Введенія въ изученіе языка" В. Дельбрюка. Спб. 1904 (Изданіе С. К. Булича и Л. Ф. Пантелѣева).

Объемистый томъ, въ 1.250 страницъ, заключаетъ въ себѣ прежде всего переводъ классической книги Дельбрюка „Einleitung in das Sprachstudium", исполненный студентами Петербургскаго университета, подъ редакціей и при участіи г. Булича, и затѣмъ—очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, начиная съ разсмотрѣнія рукописной грамматической литературы XIII—XVI вв. и кончая трудами Кеппена, Евгенія Болховитинова и др. по діалектологіи русскаго и общемъ изученіи славянскихъ языковъ въ первой четверти XIX-го в. Первоначально имѣлось въ виду, какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, ограничиться только переводомъ книги германскаго языковѣда, но впослѣдствіи явилась мысль присоединить къ этой книгѣ, заключающей въ себѣ историческій очеркъ развитія европейскаго языкознанія (Боппъ, Шлейхеръ, Вестфаль, Лудвигъ, Курціусъ, Шмидтъ и др.), и то, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи русской наукой. Сжатому, строго фактическому изложенію Дельбрюка г. Буличъ противопоставилъ подробный обзоръ болѣе или менѣе всего подлежащаго матеріала, съ обстоятельнымъ изложеніемъ содержанія различныхъ книгъ и брошюръ, съ наиболѣе характерными и подчасъ значительными выдержками изъ нихъ. „Пріемъ этотъ,—говоритъ г. Буличъ,—быть можетъ, встрѣтитъ осужденіе „строгихъ" критиковъ, но авторъ тѣмъ не менѣе считаетъ и будетъ считать его необходимымъ, имѣя въ виду жалкое состояніе нашихъ провинціальныхъ книгохранилищъ, въ томъ числѣ и университетскихъ. Даже лучшія столичныя библіотеки наши не всегда имѣютъ полные комплекты тѣхъ или другихъ старыхъ журна-

ловъ и прочихъ періодическихъ изданій, не говоря уже о разныхъ старыхъ учебникахъ, книгахъ и брошюрахъ. Голыя ссылки на страницы, вмѣсто цитатъ, конечно, очень уменьшили бы объемъ книги, но ничего бы не дали нестоличнымъ читателямъ". Съ другой стороны, этотъ пріемъ сообщилъ книгѣ г. Булича, кромѣ спеціальнаго, и нѣкоторый общій интересъ, поставивъ ее въ связь съ исторіей нашего просвѣщенія вообще, а также съ ходомъ нашихъ этнографическихъ изученій.

Съ большимъ интересомъ читаются главы, гдѣ собранъ матеріалъ о знакомствѣ нашихъ предковъ съ языками. Свѣдѣнія о знаніи иностранныхъ языковъ нашими князьями, напримѣръ, идутъ съ очень ранняго времени. Всеволодъ Юрьевичъ (отецъ Владиміра Мономаха) „дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ", а внукъ Мономаха, Михаилъ Юрьевичъ, по преданію, „съ грекы и латины говорилъ ихъ языкомъ, яко своимъ". Извѣстно, затѣмъ, какую роль игралъ вопросъ о переводахъ и переводчикахъ въ древней Руси. Любопытные факты собраны, между прочимъ, относительно заботъ Петра Великаго, направленныхъ къ изученію въ Россіи японскаго (и китайскаго) языка. „Покореніе Камчатки поставило Россію лицомъ къ лицу съ Японіей, и дальновидный императоръ, имѣя въ виду возможность торговыхъ и иныхъ сношеній съ нашей новой сосѣдкой, положилъ начало правильному преподаванію у насъ японскаго языка". Началось съ того, что нѣкій японецъ Денбей былъ выброшенъ бурей на берегъ Камчатки и отправленъ въ Анадырскій острогъ. Это случилось въ самомъ началѣ XVIII-го в. Узнавъ объ этомъ, Петръ распорядился немедленно перевести Денбея изъ Сибирскаго въ Артиллерійскій приказъ съ порученіемъ „ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамотѣ ребятъ человѣкъ четырехъ или пяти". Года черезъ три Петръ справился о Денбеѣ, научился ли онъ русскому языку, а у него кто-либо японскому. Повидимому, фактъ обученія былъ на лицо; въ помощь Денбею пріискивали другого японца, и въ Петербургѣ открылась даже „школа для изученія японскаго языка", въ которую ученики набирались изъ солдатскихъ дѣтей. „Положеніе этихъ учениковъ было подневольное, — говоритъ авторъ: — учениками они числились всю жизнь, и все время должны были изучать японскій языкъ. Когда была нужда въ переводчикахъ японскаго языка, ихъ брали изъ учениковъ названной школы; проходила эта нужда—переводчики опять превращались въ пожизненныхъ учениковъ". Замѣчательны были распоряженія Петра и относительно изученія китайскаго, монгольскаго, турецкаго, персидскаго и татарскаго языковъ. Геніальный прозорливецъ уже въ ту раннюю пору понималъ необходимость не только „окна въ Европу", но и практическаго знакомства съ народами Востока.

Многія главы (особенно послѣдняя—„состояніе языкознанія въ теченіе первой четверти XIX-го в.“) съ удовольствіемъ прочтутся не одними спеціалистами; основное же значеніе этой книги въ томъ, что въ ней авторъ сдѣлалъ первый опытъ представить болѣе или менѣе полную картину историческаго развитія языкознанія въ Россіи, и въ этомъ отношеніи она является въ высшей степени цѣннымъ изданіемъ, заключая въ себѣ огромное количество библіографическихъ данныхъ. Подробно составленное оглавленіе помогаетъ оріентироваться въ книгѣ, но указатель, тѣмъ не менѣе, необходимъ; вѣроятно, авторъ приложитъ его къ слѣдующему тому.

V.

— Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Съ фототипіями и фотолитографіями. Ч. I—VII. М. 1897—1903.

— Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Ч. I—VIII. М. 1896—1903.

— Щукинскій сборникъ. Вып. I—III. М. 1902—1904.

Всѣ названныя изданія свидѣтельствуютъ о безкорыстной любви собирателя къ историческому просвѣщенію и той громадной энергіи, съ какою онъ спѣшитъ подѣлиться своими сокровищами со всѣмъ ученымъ и любознательнымъ міромъ. Не задаваясь никакими спеціальными цѣлями, г. Щукинъ дѣлаетъ общимъ достояніемъ огромное количество самаго разнообразнаго матеріала, среди котораго есть документы высокой цѣнности. Несмотря на то, что матеріалы эти почти не систематизированы и лишены какихъ бы то ни было комментаріевъ, они живо изображаютъ эпоху и читаются въ большинствѣ случаевъ съ большимъ интересомъ. Въ бумагахъ, относящихся до отечественной войны, читатель встрѣчаетъ множество оффиціальныхъ документовъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, донесеній, распоряженій, разнаго рода актовъ, характеризующихъ дѣйствія правительственныхъ учрежденій и отдѣльныхъ административныхъ дѣятелей; многочисленные документы, письма частныхъ лицъ, очевидцевъ событій двѣнадцатаго года, прошеній о вознагражденіи за убытки и т. д.— рисуютъ внутреннее состояніе Россіи (между прочимъ, состояніе крестьянъ) послѣ французскаго погрома; среди авторовъ писемъ и бумагъ встрѣчаемъ имена гр. Каподистріи, М. И. Кутузова-Смоленскаго, Растопчина. Въ числѣ различныхъ дѣлъ о грабежахъ, разбояхъ и поджогахъ встрѣчаемъ среди бумагъ московской управы благочинія довольно любопытное „дѣло о нѣмцахъ, изъявившихъ желаніе рус-

скому правительству составить гражданскую стражу въ Москвѣ". Послѣ оставленія Москвы французами у администраціи труда и хлопоть было по горло, притомъ совершенно необычнаго свойства: приходилось налаживать жизнь по-новому и водворять порядокъ. Но любопытно, что старыя канцелярскія формы оставались неизмѣнны и при этихъ необыкновенныхъ случаяхъ. Такъ, московскій оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ доносилъ 4 ноября 1812 г. министру юстиціи о состояніи Москвы: „Имѣю честь донести вашему превосходительству, что въ столичномъ городѣ Москвѣ обстоитъ все благополучно и никакихъ же особенныхъ происшествій не случилось". А дальше сообщается отъ отысканіи полиціей разграбленнаго имущества, арестахъ и пр.

Тому же Ивашкину гр. Растопчинъ приказалъ кухмистера француза Турне́—„за внушенія разнаго рода, клонящіяся къ преклоненію умовъ къ французамъ, вывести на конную съ конвоемъ и объявя, за что онъ наказывается, дать двадцать ударовъ плетьми, а потомъ отправить на житье въ Тобольскъ".

Живымъ бытовымъ интересомъ проникнуты копіи съ дѣлъ о разграбленіи имущества, о жителяхъ, остававшихся въ Москвѣ во время нашествія; между прочимъ, было дѣло объ иностранцахъ, „говорившихъ непристойныя слова о Россіи". Одинъ изъ нихъ, Этіенъ, оказался „въ преступленіи своемъ ничѣмъ не изобличеннымъ, а къ тому же живущимъ въ домѣ господина сенатора, князя Кольцова-Масальскаго...", прочіе высланы въ Вятку. Таково было правосудіе сто лѣтъ назадъ. Весьма характеренъ отзывъ о современномъ состояніи умовъ и нравовъ, сдѣланный консерваторомъ стараго закала, съ явно враждебнымъ отношеніемъ къ реформамъ первой половины царствованія Александра I. Тенденція его стереотипно-консервативная: подъ тлетворнымъ вліяніемъ дѣятелей европейской образованности утратились наше прежнее благочестіе и чистота нравовъ. „Теперь,—скорбитъ авторъ,—мы пожинаемъ плоды сихъ наставниковъ и учителей.... нашимъ взведенъ на ..... престолъ государь, не знающій ни духовныхъ, ни гражданскихъ законовъ и прилѣпленный къ одному только барабанному бою и солдатской аммуниціи. Министры достойные въ отставкѣ, а глупые—налицо".

Громадное количество документовъ заключаетъ въ себѣ и сборникъ старинныхъ бумагъ: здѣсь и архивныя бумаги, и грамоты патріарховъ, челобитныя (начиная преимущественно съ XVI-го вѣка), жалованныя грамоты, акты тяжебнаго характера, жалобы, рядныя записи, дѣла о грабежахъ, убійствахъ и т. д.

Въ бытовомъ отношеніи нѣкоторые матеріалы особенно драгоцѣнны. Нравы крѣпкаго и грубаго вѣка, на рубежѣ Петровской ре-

формы, оживаютъ въ нихъ всѣми особенностями общественнаго и домашняго уклада, міросозерцанія, языка. Достаточно прочитать, напримѣръ, какое-нибудь дѣло о помѣщикѣ Ларіоновѣ или „о ложномъ наговорѣ на вологжанина, посадскаго человѣка 1700 года", который, на основаніи наговора, будто онъ съ „Агрофѣнкою живетъ блудно",— взятъ былъ „въ архіерейскій приказъ и безъ подлиннаго розыску битъ много плетми и ізувѣченъ и отъ такихъ многихъ побой былъ близъ смерти и держали ево за рѣшеткою на чепи и скована многое время"... Матеріала такъ много, что въ краткой замѣткѣ не знаешь, на чемъ остановиться. Сколько характернаго, отмѣченнаго духомъ эпохи, даже въ мелочахъ, вродѣ „росписки матери, отдавшей свою дочь для прокормленія солдату". Много интереснаго также въ матеріалахъ, относящихся къ концу XVIII-го и первой половинѣ XIX-го вѣка. На глазахъ у читателя происходитъ выработка новыхъ понятій и отношеній, возникавшихъ на почвѣ борьбы стараго съ новымъ; нѣсколько документовъ относится къ вопросу о запрещеніи книгъ въ началѣ XIX-го вѣка. Изъ матеріаловъ новѣйшаго времени любопытны воспоминанія о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Между прочимъ, незадолго до кончины, Филаретъ, по словамъ одной игуменьи, сказалъ ей (въ 1869 г.): „Вижу я страшную тучу, идущую отъ запада на церковь и на Россію, но чѣмъ она разразится,—не вижу".

Начиная съ VII тома, собиратель сталъ помѣщать весьма полезный „хронологическій указатель" матеріаловъ.

Характеръ „Щукинскаго Сборника"—тотъ же: рядъ любопытнѣйшихъ документовъ самаго разнообразнаго характера, причемъ большинство изъ нихъ относится къ XIX вѣку.

Обширное хранилище Щукина возникло, какъ извѣстно, въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ въ Москвѣ. Оно заключаетъ въ себѣ, кромѣ бумагъ, обширныя коллекціи историческія, археологическія, бытовыя и т. д.; лѣтъ десять назадъ было издано его „краткое описаніе", теперь уже, вѣроятно, устарѣлое. Было бы желательно болѣе систематическое распредѣленіе матеріаловъ, съ указаніями, хотя бы самыми краткими, на происхожденіе, степень сохранности, характеръ документа и т. д. Примѣчанія такого рода имѣли бы тѣмъ большее значеніе, что вызываемый матеріалами г. Щукина интересъ невольно возбуждаетъ рядъ попутныхъ вопросовъ объ ихъ, если можно такъ выразиться, обстановкѣ и исторіи.

VI.

— Л. Шепелевичъ. Историко-литературные этюды. Серія I. Спб. 1904.

Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ по исторіи всеобщей литературы, разсчитанныхъ повидимому на широкую публику, изложенныхъ популярно и съ возможной въ такихъ случаяхъ научностью. Цѣль автора—„облегчить изученіе мало и вовсе незатронутыхъ нашими изслѣдователями вопросовъ тѣмъ любителямъ исторіи литературы, которые лишены возможности удѣлять много времени историко-литературнымъ изысканіямъ, но не довольствуются общими курсами и поверхностными очерками". По мнѣнію автора,—„трудъ историка литературы проходитъ незамѣченнымъ и не окупается, но онъ необходимъ, какъ несеніе извѣстнаго долга передъ обществомъ за тотъ небольшой досугъ, который оно предоставляетъ спеціалистамъ".

Сборникъ распадается на пять статей; первая посвящена общей, но всесторонней характеристикѣ литературной дѣятельности Эразма Роттердамскаго. Сжато, но рельефно передаетъ авторъ черты этой благородной и гармоничной личности, широко развитой въ духовномъ смыслѣ, съ глубокимъ и проникновеннымъ умомъ. Г. Шепелевичъ разсматриваетъ сначала педагогическія идеи Эразма, затѣмъ его отношенія къ литературному движенію Германіи въ XVI вѣкѣ, останавливается на теологическихъ сочиненіяхъ и на отношеніи знаменитаго гуманиста къ церковной реформѣ; послѣднія и наиболѣе обстоятельныя главы посвящены характеристикѣ „Похвалы глупости" и политическихъ идей Эразма. Эти идеи были замѣчательны для своего времени; но и въ наше время напоминаніе о нихъ далеко не лишено значенія по существу. Авторъ въ такой формѣ характеризуетъ основныя политическія идеи Роттердамскаго мудреца: „Въ противоположность Маккіавелли,—говоритъ онъ,—Эразмъ не думаетъ, что существуетъ два кодекса нравственности: одинъ для обыкновенныхъ смертныхъ, другой—для правителей. Онъ полагаетъ, что законъ для всѣхъ одинаковъ. „Государь не долженъ стыдиться повиноваться закону добра, которому повинуется самъ Богъ". „Никто не можетъ быть хорошимъ государемъ, не будучи хорошимъ человѣкомъ". „Тотъ, кто имѣетъ въ виду общественное благо—царь; тотъ, кто обращаетъ вниманіе лишь на свое собственное—тиранъ: но что же сказать о такихъ, которые основываютъ свое счастіе на несчастіи отечества?". О формѣ правленія Эразмъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія: „Можетъ быть,—замѣчаетъ онъ,—лучше бы было никогда не вводить льва въ овчарню", протестуя этимъ противъ тираніи. Вообще онъ стоитъ за

монархическое правленіе, ограниченное сенаторами и народными представителями. Государю, по его мнѣнію, гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми, добровольно повинующимися, нежели съ толпою рабовъ, знающихъ лишь страхъ. Скажутъ, замѣчаетъ Эразмъ, что царствовать такимъ образомъ, скорѣе значитъ быть подчиненнымъ, чѣмъ царемъ. „Совершенно наоборотъ,—самому себѣ возражаетъ гуманистъ,—это самая благородная манера царствовать. Богъ тоже рабъ, такъ какъ даромъ управляетъ міромъ и распространяетъ свои благодѣянія на все живое. Царствовать надъ ослами менѣе почетно, чѣмъ надъ разсудительными и свободными существами"... „Богъ также хотѣлъ повелѣвать свободными существами,—вотъ почему онъ далъ свободную волю ангеламъ и людямъ, чтобы возвысить великолѣпіе своего царства". „Только тѣ всецѣло принадлежатъ вамъ, кто добровольно оказываетъ повиновеніе. Страхъ подчиняетъ тѣла, а не души; христіанское милосердіе соединяетъ государя съ подданными".

Въ статьѣ „Бытъ и нравы Германіи XII—XIII столѣтія по Цезарію Гейстербахскому" авторъ набрасываетъ живую и яркую, но, къ сожалѣнію, нѣсколько отрывочно изложенную картину общественной и духовной жизни средневѣковой Европы. Цезарій Гейстербахскій — авторъ весьма любопытнаго латинскаго сборника „Dialogus miraculorum". Онъ отличался яснымъ пониманіемъ современнаго положенія, и сборникъ его, о чемъ читатель можетъ судить по извлеченіямъ г. Шепелевича, особенно богатъ фактическимъ матеріаломъ. Весьма любопытны приводимыя авторомъ черты изъ быта духовенства, которое изображается въ этомъ сочиненіи далеко не съ положительной стороны. Не лишены интереса и факты, рисующіе крайнюю грубость понятій и нравовъ, и это въ то время, когда умъ и фантазія „были опутаны теологической паутиной"... Съ поразительной объективностью передаетъ Цезарій ужасающіе факты изъ области религіозныхъ суевѣрій и ересей, совершенно тѣмъ же тономъ, какъ и эпизоды изъ похожденій святыхъ отцовъ, невольно напоминающіе наиболѣе соблазнительныя страницы Декамерона.

Одинъ изъ очерковъ авторъ посвящаетъ выясненію основной идеи „Венеціанскаго купца" Шекспира („Шейлокъ не хуже среды, его окружающей, по нравственнымъ качествамъ, а умомъ, остроуміемъ и чистотою семейныхъ нравовъ онъ значительно превосходитъ христіанскую среду"), другой—этюду о Боккачьо, по изслѣдованію А. Н. Веселовскаго, причемъ исходной точкой автора является желаніе разъяснить достоинства этого труда... Особой продуманностью отличается краткая характеристика драматическаго творчества Кальдерона, которому авторъ придаетъ, впрочемъ, нѣсколько преувеличенное значеніе. Въ итогѣ, книга г. Шепелевича—безусловно полезное явленіе въ на-

шей литературѣ, и, надо думать, она будетъ встрѣчена читающей публикой съ интересомъ.

VII.

— **На вичну пам'ять Котляревському. Литературный збирникъ. Видавництво „Викъ". У Києви, 1904.**

Изящно напечатанный, съ прекрасно выполненными иллюстраціями, сборникъ въ память Котляревскаго содержателенъ и интересенъ. Онъ открывается сонетомъ г. Ивана Франка, гдѣ, сравнивая знаменитаго украинскаго поэта съ орломъ, авторъ говоритъ:

Такъ Котляревськый у щаслывый часъ
Вкраинськымъ словомъ розпочавъ спиваты,
И спивъ той выглядавъ на жартъ не разъ...

Та бувъ у нимъ завдатокъ сылъ богатый,
И разъ засвиченый огонь не згасъ,
А розгоривсь, щобъ всихъ насъ огриваты.

Затѣмъ идетъ рядъ очерковъ, стихотвореній и разсказовъ художественнаго и бытового характера. Правдиво, точно съ натуры нарисованъ типъ сельскаго сатирика, принадлежащій перу г. Бѣлоусенко. Разсказъ ведется отъ самого доморощеннаго сатирика, и въ немъ наглядно рисуется и личность пѣвца, и бытовое значеніе сатирической пѣсни. Тонкимъ знаніемъ быта вѣетъ отъ разсказа г. Григоренко („Щастя"), какъ и отъ разсказовъ г.г. Винниченко, Левицкаго, г-жи Яновской; талантливо написаны разсказы гг. Стефаныка („Басарабы") и Бордуляка („Жура"). Маститый „Мордовець Даныло" помѣстилъ живой, написанный съ обычнымъ мастерствомъ, разсказъ „Луна зъ новои Украины". Въ отдѣлахъ стихотвореній и стихотворныхъ переводовъ находимъ имена гг. Волоха, Вороного, Грабовскаго, Гринченко, Доброхольскаго, Комаровой, Крымскаго, Павленко, Франка, Чернявскаго и др. Въ концѣ книги помѣщенъ библіографическій указатель изданій Энеиды Котляревскаго и литературы о немъ.

Въ наше вообще тяжелое для печати время сборники украинскихъ произведеній пріобрѣтаютъ особое значеніе. Они растутъ и развиваются, несмотря на всѣ внѣшнія затрудненія, создаваемыя искусственными теоріями государственнаго объединенія, предвзятыми принципами, давно уже обнаружившими свою несостоятельность. Теоретиковъ этого рода не убѣдить никакими фактами, ни указаніемъ на цѣлую литературу, созданную усиліями крупныхъ талантовъ, съ Котляревскимъ и Шевченко во главѣ, ни соображеніями историческаго характера, ни

доводами общечеловѣческой справедливости. Съ настойчивостью, достойной лучшей участи, они продолжають ратовать за то, чтобы творенія великихъ національныхъ поэтовъ не распространялись въ широкой массѣ украинскаго народа, чтобы въ земскихъ школахъ преподаваніе велось на малопонятномъ дѣтямъ великорусскомъ нарѣчіи, чтобы, наконецъ, слово Божіе на родномъ языкѣ, священное писаніе, проникало къ нимъ изъ-за границы, тайкомъ, какъ какая-нибудь краденая вещь... И то, чего не лишены евреи и инородцы, эти тоже пока еще не родныя дѣти нашей государственной семьи, отнято у многомилліоннаго малорусскаго племени, не имѣющаго возможности, благодаря этимъ условіямъ, подняться, въ народной массѣ, до той культурной высоты, на которую она имѣетъ всѣ права по своимъ богатымъ дарованіямъ и особенностямъ своего національнаго генія. Тѣмъ бо̀льшая честь ея литературѣ, прокладывающей свой путь среди камней и терній.—Евг. Л.

VIII.

— С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Эта очень интересная книга г. Прокоповича заключаетъ сводъ мнѣній, высказанныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности относительно общихъ условій, дѣйствующихъ угнетающимъ образомъ на положеніе нашего сельскаго хозяйства. Центральное Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте, преподало мѣстнымъ комитетамъ программу занятій, обнимающую вопросы, непосредственно касающіеся сельскаго хозяйства; но при этомъ совѣщаніемъ не устранялись отъ разсмотрѣнія и другіе вопросы, имѣющіе, по мнѣнію мѣстныхъ людей, отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности. Мѣстные же люди на эти общіе, а не частные вопросы обратили главное вниманіе, и труды мѣстныхъ комитетовъ являются поэтому выраженіемъ взглядовъ провинціальнаго общества на современное направленіе внутренней политики Россіи. По мнѣнію г. Прокоповича, общественное мнѣніе въ трудахъ комитетовъ получило далеко не полное выраженіе. Непремѣнными членами комитетовъ были представители администраціи и земской управы, но въ ихъ составъ не вводились лица, избранныя для даннаго случая мѣстными организаціями, земскими, дворянскими, сельскими и т. п. Мнѣнія комитетовъ, въ ихъ оффиціальномъ составѣ, выражали бы поэтому взгляды лицъ, случайно оказавшихся въ данный моментъ въ несвойственной имъ роли выразителей общественнаго мнѣнія. Болѣе широкій общественный

характеръ приданъ былъ, впрочемъ, комитетамъ приглашеніемъ въ ихъ составъ разныхъ лицъ по выбору предсѣдателей: губернаторовъ и уѣздныхъ предводителей дворянства. Предсѣдатели въ очень различной степени воспользовались правомъ приглашенія; нѣкоторые пригласили лишь извѣстныхъ имъ лицъ, другіе открыли двери комитетовъ для всѣхъ гласныхъ земскихъ собраній, третьи приняли мѣры къ тому, чтобы былъ выслушанъ и голосъ крестьянъ. Основываясь на томъ фактѣ, что широко общественный характеръ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ имѣлъ далеко не вездѣ, авторъ и высказываетъ заключеніе, что эти комитеты „какъ суррогаты общественнаго представительства, должны были дать фальсифицированное общественное мнѣніе" (стр. 46).

Не получили мѣстные комитеты значенія настоящаго выразителя общественнаго мнѣнія и потому, что не всѣ предсѣдатели допускали въ нихъ разсмотрѣніе общихъ вопросовъ. Предсѣдатели комитетовъ находились въ этомъ отношеніи подъ двумя оффиціальными вліяніями. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, учредившаго комитеты, разсылая программы занятій, объяснялъ, что этимъ не имѣется въ виду „въ чемъ-либо стѣснить сужденіе мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ послѣднимъ будетъ поставленъ общій вопросъ о нуждахъ нашей сельскохозяйственной промышленности, дающій имъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ" (стр. 6). Министръ же внутреннихъ дѣлъ, напротивъ того, предлагалъ губернаторамъ ограничивать дѣятельность комитетовъ спеціальной программой Особаго Совѣщанія. Въ зависимости отъ того, насколько предсѣдатели собраній чувствовали себя гражданами или чиновниками—мѣстные комитеты носили общественный или бюрократическій характеръ и въ первомъ случаѣ служили болѣе или менѣе яркимъ выраженіемъ взглядовъ общества на коренные недостатки нашего государственнаго быта. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ не только не допускалось обсужденіе вопросовъ, неугодныхъ министру внутреннихъ дѣлъ, но предсѣдатели не прилагали даже соотвѣтствующихъ записокъ къ трудамъ комитетовъ для представленія въ Особое Совѣщаніе, и брали на себя такимъ образомъ роль цензора, не допускающаго мѣстнаго голоса до правительства. „Получается по истинѣ странное впечатлѣніе,—говоритъ по этому поводу одинъ публицистъ.—Высшее правительство обращается къ общественнымъ силамъ съ просьбою откровенно высказать свой взглядъ на причины упадка народнаго хозяйства и мѣры къ его подъему; а ближайшіе органы этого самаго правительства не допускаютъ до него тѣхъ самыхъ откровенныхъ сужденій, которыя оно желало выслушать" (стр. 41). Министерство внутреннихъ дѣлъ принимало и другія мѣры, чтобы не допустить до Особаго Совѣщанія свободнаго голоса мѣстныхъ людей:

„откровенно“ высказывавшіяся лица подвергались административному преслѣдованію. Мы не будемъ называть имена всѣмъ извѣстныхъ членовъ воронежскаго комитета, высланныхъ за свои мнѣнія административнымъ порядкомъ, но напомнимъ объ арестѣ въ Тулѣ крестьянина Новикова за записку о положеніи крестьянъ. Хотя подобныя непріятныя для отдѣльныхъ лицъ послѣдствія были результатомъ довѣрчиваго отношенія этихъ лицъ къ предложенію, исходившему отъ предсѣдателя Высочайше учрежденнаго Совѣщанія,—послѣднимъ не было принято никакихъ мѣръ огражденія отозвавшихся на призывъ Особаго Совѣщанія, и репрессивныя мѣры администраціи производили такое впечатлѣніе, что предсѣдатели нѣкоторыхъ комитетовъ сочли себя вынужденными предостеречь членовъ отъ преувеличенныхъ страховъ и призывать ихъ не уклоняться отъ своего долга выраженія высшему правительству того, что̀ они считаютъ важнымъ и полезнымъ.

Въ книгѣ г. Прокоповича, на основаніи трудовъ мѣстныхъ комитетовъ, излагаются свѣдѣнія о личномъ составѣ различныхъ комитетовъ, объ отношеніи предсѣдателей послѣднихъ къ общимъ вопросамъ, поднимавшимся въ комитетахъ, и приводятся заявленія комитетовъ о той атмосферѣ, въ какой обречено развиваться начальное народное образованіе, о правовомъ положеніи крестьянъ и земскаго самоуправленія, мнѣнія комитетовъ о финансовой политикѣ государства, о малоземельи крестьянъ и о вопросѣ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Авторъ говоритъ по возможности словами самихъ комитетовъ, и это придаетъ больше яркости и жизненности картинамъ правового положенія провинціи, каковыми прежде всего и слѣдуетъ считать очерки, составляющіе содержаніе разсматриваемаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ производитъ подсчетъ голосовъ комитетовъ, высказавшихся въ томъ или другомъ смыслѣ по разнымъ вопросамъ, квалифицируетъ высказанныя мнѣнія какъ либеральныя или консервативныя и дѣлаетъ попытку опредѣлить соотношеніе между либеральными и консервативными теченіями въ обществѣ.

Согласно подсчету автора по шести разсмотрѣннымъ имъ вопросамъ, мѣстными комитетами сдѣлано 1.061 либеральныхъ постановленій и 233 консервативныхъ, изъ коихъ 106 приходится на рабочій вопросъ. „Это подавляющее большинство либеральныхъ постановленій прошло въ комитетахъ, несмотря на ихъ составъ, цензуру предсѣдателей и кары, которымъ подвергались общественные дѣятели, откровенно высказывавшіе свои мнѣнія. Цифры эти свидѣтельствуютъ—насколько безпочвенна у насъ консервативная партія и какіе глубокіе корни пустило въ странѣ либеральное освободительное стремленіе“ (стр. 256). „Консервативная партія не можетъ быть признана самостоятельнымъ факторомъ русской жизни“,—говоритъ авторъ въ

другомъ мѣстѣ (стр. 258). Мы не считаемъ этого мнѣнія справедливымъ, и малочисленность консервативныхъ заявленій въ мѣстныхъ комитетахъ, указывающую на отсутствіе организаціи консервативныхъ силъ, объясняемъ ненужностью этой организаціи, въ виду того, что всѣ пожеланія консерваторовъ, и даже больше того, выполняются правительствомъ. Сила консервативныхъ теченій въ русскомъ обществѣ проявится въ то время, когда послѣднему будетъ предоставлено участвовать въ рѣшеніи вопросовъ государственнаго характера, и организованная дѣятельность партіи сдѣлается необходимымъ условіемъ проведенія тѣхъ или другихъ постановленій. О слабости нашихъ консервативныхъ силъ можно говорить при условіи, если подъ консерватизмомъ разумѣть стремленіе сохранить всецѣло тотъ порядокъ, который созданъ законодательной и административной практикой послѣднихъ двадцати лѣтъ. Но внутреннее безсиліе такого консерватизма доказывается не постановленіями мѣстныхъ комитетовъ, а тѣмъ, что господство даннаго режима ведетъ къ колебанію самихъ основаній общественнаго благоустройства. Время университетской жизни нашей молодежи, напр., проходитъ не въ ученіи, а въ волненіяхъ, вредно отражающихся на занятіяхъ и здоровьи нашихъ сыновей и дочерей; государство оказывается одинаково безсильнымъ и водворить въ учебныхъ заведеніяхъ порядокъ, и создать обстановку, устраняющую поводы къ безпорядкамъ. Повсюду въ Россіи происходятъ массовыя насилія надъ мирными гражданами, а полиція остается или безсильной свидѣтельницей разрушенія, или—въ случаяхъ еврейскихъ погромовъ—не всегда даже молчаливымъ нравственнымъ въ нихъ соучастникомъ; иначе и не можетъ отнестись къ насиліямъ учреждение, само воспитавшееся на насиліи. Въ обществѣ ходятъ легендарные разсказы о хищеніяхъ въ разныхъ учрежденіяхъ, и власть оказывается настолько безсильной съ ними бороться, что почти слагаетъ съ себя отвѣтственность за цѣлость ввѣряемыхъ ей посылокъ на Дальній Востокъ. Предсѣдатель судебной палаты въ процессѣ, ведущемся при открытыхъ дверяхъ въ Гомелѣ, не задумываясь становится на одну сторону противъ другой и систематически противодѣйствуетъ выясненію, путемъ судебнаго слѣдствія, обстоятельствъ дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію суда. Объ этихъ и имъ подобныхъ неустройствахъ открыто говорится всюду, и безсиліе власти устранить ихъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ недомоганія дѣйствующаго механизма, и если послѣдній является выраженіемъ консервативныхъ (а не реакціонныхъ) тенденцій въ русскомъ обществѣ, то можно безъ колебанія утверждать, что консерватизмъ у насъ вымираетъ. Но консерватизмъ и реакція—не одно и то же, и самъ г. Прокоповичъ замѣчаетъ, что „консервативное общественное мнѣніе

также нуждается въ извѣстной свободѣ и въ извѣстныхъ политическихъ правахъ для своего проявленія" (стр. 257). Это обстоятельство не могло не усилить либеральныхъ теченій въ мѣстныхъ комитетахъ; а эти теченія такъ ярко выразились въ трудахъ комитетовъ именно потому, что господствующій режимъ находится въ полномъ противорѣчіи съ элементарнѣйшими нуждами страны. Въ этомъ обстоятельствѣ нужно видѣть и главную силу освободительнаго движенія въ Россіи. Это движеніе гораздо болѣе есть движеніе интеллигенціи, нежели общества. Это нисколько, однако, не умаляетъ его значенія, потому что безъ участія интеллигенціи въ наше время невозможна никакая творческая работа, и правительство, отшатнувши отъ себя интеллигентныя силы, теряетъ корни, связывавшіе его съ почвою страны, и обрекаетъ послѣднюю на опасныя волненія внутри и на безсиліе во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Моральная сила, однако, не есть еще сила политическая. Разрывъ между властью и интеллигенціею грозитъ намъ неисчислимыми бѣдствіями; но прочное возстановленіе вліянія послѣдней возможно лишь при активномъ сочувствіи народныхъ массъ. Такого же мнѣнія держится, повидимому, и авторъ разсматриваемаго нами труда. „Теперь уже нельзя дѣлать политику безъ народныхъ массъ и тѣмъ болѣе противъ нихъ,—говоритъ онъ.—Ни бюрократія, ни либеральное общество не могутъ игнорировать этотъ новый политическій факторъ. Если массы не будутъ за либеральную партію, онѣ поддержатъ бюрократію" (стр. 260). Эти вполнѣ правильныя соображенія, однако, больше принимаются въ теоріи, чѣмъ проводятся на практикѣ; и уже поэтому нельзя категорически утверждать, что освободительное движеніе „пустило глубокіе корни въ странѣ". Почва для этого движенія прекрасно подготовлена и стихійнымъ процессомъ жизни, и сознательными мѣрами бюрократіи; но корни его распространяются пока лишь въ поверхностныхъ слояхъ.

Высказанныя нами замѣчанія о нѣкоторыхъ выводахъ г. Прокоповича, конечно, нисколько не умаляютъ интереса его труда, какъ живой картинки правового положенія провинціи и какъ попытки анализа содержанія и подсчета силъ нашего либеральнаго и консервативнаго теченій.

IX.

— Проф. В. А. Косинскій. Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. Одесса. 1904.

Названная брошюра профессора новороссійскаго университета, В. А. Косинскаго, есть какъ бы предварительное сообщеніе о боль-

номъ изслѣдованіи, которое будетъ закончено нескоро. Въ этой брошюрѣ разсматривается вопросъ о томъ, какъ происходитъ развитіе крупной промышленности и какимъ образомъ этотъ процессъ связанъ съ судьбами промышленности мелкой. Авторъ возражаетъ противъ мнѣнія, что развитіе крупной промышленности слѣдуетъ объяснять концентраціей послѣдней и что крупное производство возвышается на развалинахъ мелкаго. Сравнивая данныя двухъ послѣднихъ промышленныхъ переписей Германіи по группамъ производствъ (бумажное, кожевенное и т. д.) и по классамъ предпріятій каждой группы, различающимся по размѣрамъ (предпріятія съ 2—5 рабочими, 6—10 рабочими и т. д.), г. Косинскій констатировалъ три явленія: 1) что процентъ мелкихъ предпріятій, и особенно процентъ лицъ, занятыхъ въ этихъ предпріятіяхъ, въ 1895 г. сократился сравнительно съ 1882 г., а процентъ лицъ, приходящихся на среднія и крупныя предпріятія, увеличился; это значитъ, что крупныя предпріятія играютъ теперь въ промышленной жизни Германіи болѣе видную роль, нежели раньше; 2) число мелкихъ предпріятій, однако, тоже увеличилось, и крупная промышленность, слѣдовательно, выросла не на счетъ мелкой; 3) увеличился и средній размѣръ предпріятія каждаго почти класса, что свидѣтельствуетъ о постепенномъ окрупнѣніи предпріятій во всѣхъ группахъ и классахъ германской промышленности.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ проф. Косинскій выводитъ заключеніе, что развитіе нѣмецкой промышленности совершается путемъ увеличенія числа и размѣровъ предпріятій на всѣхъ ступеняхъ перехода отъ самой мелкой промышленности до самой крупной; или, какъ онъ выражается, нѣмецкая промышленность ростетъ во всѣхъ суставахъ промышленнаго организма. Это значитъ, что она ростетъ изъ самой себя, и въ себѣ самой находитъ соки для этого роста. Въ каждомъ классѣ предпріятій постепенно накопляются капиталы, идущіе на дальнѣйшее расширеніе производства, которое происходитъ, поэтому, съ извѣстной постепенностью. Новые мелкіе капиталы затрачиваются на образованіе новыхъ же мелкихъ предпріятій. Процессъ расширенія идетъ, однако, быстрѣе процесса нарожденія, и потому процентъ болѣе крупныхъ предпріятій, или процентъ числа лицъ, занятыхъ въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, во всѣхъ составныхъ частяхъ германской промышленности увеличивается. Авторъ, поэтому, совершенно несогласенъ со взглядомъ, „будто каждая эпоха имѣетъ свою типическую форму предпріятія—наше время, напримѣръ, будто бы имѣетъ свою типическую форму въ фабрикѣ. Существуютъ рядомъ всевозможныя формы предпріятій, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ исключительнаго, господствующаго значенія типа“ (стр. 35).

Если же между мелкой и крупной промышленностью нѣтъ анта-

гонизма, если крупная промышленность постепенно выростаетъ изъ мелкой и организуется на средства, накопляемыя въ этой послѣдней; если, словомъ, мы имѣемъ передъ собой не борьбу двухъ формъ промышленности, а разностороннее развитіе послѣдней, то „этимъ самымъ указанъ тотъ пунктъ промышленной жизни, воздѣйствіе на который въ нашъ историческій моментъ можетъ дать самые благіе результаты". Пунктъ этотъ есть мелкая промышленность. Въ Германіи въ 1895 г. 93,4% всѣхъ предпріятій въ промышленности и торговлѣ принадлежали къ числу тѣхъ, которые даютъ занятіе не больше какъ пяти лицамъ. Даже въ пятнадцати крупнѣйшихъ городахъ Германіи перепись 1882 г. обнаружила 94% предпріятій съ числомъ рабочихъ 1—5 въ каждомъ, а перепись 1895 г.—89,2%. „Уже однѣ эти цифры показываютъ, какъ велико значеніе всякихъ мѣръ, направленныхъ на пользу мелкой промышленности: эти мѣры затрогиваютъ интересы громадной массы населенія. А такъ какъ мелкая промышленность является колыбелью крупной, то это придаетъ означеннымъ мѣрамъ еще бо̀льшее значеніе; заботясь о мелкой промышленности, мы тѣмъ самымъ содѣйствуемъ крупной индустріи, и притомъ въ самый важный моментъ—моментъ ея возникновенія", in statu nascenti".

Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ появленія интереснаго изслѣдованія г. Косинскаго. Не знаемъ, коснется ли онъ въ немъ исторіи промышленнаго развитія Россіи. Новѣйшій періодъ этой исторіи представляетъ полную противоположность тому, что̀ наблюдается въ Германіи. „Въ шестидесятыхъ годахъ промышленность Германіи состояла по преимуществу изъ мелкихъ предпріятій. Изъ этой мелкой промышленности и выросла современная крупная индустрія Германіи. Несомнѣнно, что нѣкоторыя предпріятія основываются на капиталѣ, пришедшій издалека; но громадное большинство ихъ выростаетъ изъ мелкихъ" (стр. 34).

Въ Россіи, какъ извѣстно, мелкая промышленность находится въ полномъ пренебреженіи, и развитіе крупной индустріи достигалось въ послѣднее время путемъ привлеченія огромныхъ иностранныхъ капиталовъ. Это средство промышленнаго развитія нарушаетъ естественную эволюцію экономической жизни и дѣйствуетъ революціонно, сметая совершенно цѣлые классы предпріятій. Мы здѣсь имѣемъ дѣйствительно настоящую и притомъ побѣдоносную борьбу крупнаго производства съ мелкимъ. Сомнѣваемся, однако, чтобы отъ этого много выиграла наша страна, и вполнѣ присоединяемся къ слѣдующему заключенію автора (стр. 38). „Пора намъ вообще обратить самое серьезное вниманіе на развитіе тѣхъ силъ, которыя я позволю себѣ, пользуясь аналогіей съ естественными явленіями, назвать молекулярными силами общества. Молекулярными силами сдерживается вся вселенная, ихъ

дѣйствія безконечно громадны. Въ развитіи молекулярныхъ силъ общества принимаютъ участіе необъятныя массы народныя, способныя дать колоссальные результаты".

X.

— Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ редакціей проф. московскаго университета А. А. Мануилова. Выпускъ II. Москва. 1905. Цѣна 1 р. 75 коп.

Возбужденіе крестьянскаго вопроса въ правительственныхъ сферахъ и передача министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выработаннаго имъ проекта преобразованія крестьянскихъ учрежденій на разсмотрѣніе особо образованныхъ для этого мѣстныхъ комитетовъ, вызвало оживленіе этого вопроса и въ литературѣ. Результатомъ этого оживленія было, между прочимъ, появленіе особымъ изданіемъ статей по крестьянскому вопросу, печатавшихся въ разное время въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Первый выпускъ этихъ статей, подъ заглавіемъ: „Очерки по крестьянскому вопросу", изданъ былъ въ началѣ текущаго года; второй, составляющій предметъ настоящей замѣтки, явился въ свѣтъ недавно. Наибольшая часть послѣдняго выпуска принадлежитъ, впрочемъ, не статьямъ названной газеты, а запискамъ, составленнымъ для Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, причемъ самая крупная статья сборника: „Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи", была уже напечатана въ „Вѣстникѣ финансовъ". Арендѣ земель въ разсматриваемомъ изданіи, кромѣ названной статьи г. Мануилова, посвящена еще работа г. Брейера: „Сдача и съемъ надѣльныхъ земель", и разборы г. Мануиловымъ взглядовъ Особаго Совѣщанія на законодательное регулированіе арендныхъ отношеній, и г. Хвостовымъ—на русское и западно-европейское законодательство объ арендахъ. Кромѣ того, въ разсматриваемомъ изданіи напечатаны еще четыре очерка. Въ старыхъ статьяхъ „Русск. Вѣд.", написанныхъ г. Скалономъ: „Крестьянскій банкъ и его недоимщики", авторъ высказывается въ пользу того, чтобы крестьянскій банкъ поставилъ себѣ задачей не помощь крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель вообще, а „содѣйствіе поземельному устройству крестьянъ, т.-е. оказанію крестьянамъ помощи для покупки земель, имѣющихъ для нихъ значеніе надѣла (напр., участки, пріобрѣтаемые для соединенія частей надѣла, для пополненія послѣдняго недостающими угодьями, для доведенія размѣра его до установленной нормы необходимаго округленія и т. п.), а также помощь безземельнымъ". „При этомъ желательно,

чтобы въ отношеніи взысканія платежей по ссудамъ банкъ дѣйствовалъ на началахъ, установленныхъ положеніемъ о выкупѣ". Статья г. Герценштейна о сберегательныхъ кассахъ развиваетъ мысль о томъ, что капиталы этихъ кассъ должны употребляться не для государственныхъ надобностей или поддержанія крупныхъ промышленныхъ предпріятій, какъ это имѣетъ мѣсто у насъ, а для нуждъ населенія, наполняющаго кассы своими сбереженіями. Статьи гг. Розенберга и Мануилова разбираютъ проекты министерства внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ организаціи волости и общиннаго землевладѣнія.

Наиболѣе постоянный интересъ имѣютъ статьи о крестьянскихъ арендахъ и сдачѣ и съемкѣ надѣльныхъ земель. Особенно важное значеніе имѣетъ послѣдняя статья, потому что въ литературѣ встрѣчается очень мало попытокъ разработать данный вопросъ, на основаніи огромнаго матеріала такъ называемой земской статистики. Къ сожалѣнію, авторъ не задавался цѣлью полной сводки этого матеріала и даже не овладѣлъ послѣднимъ, вслѣдствіе чего приводимыя имъ данныя имѣютъ нерѣдко характеръ случайныхъ. Для примѣра укажемъ на то, что по вопросу о связи сдачи надѣльной земли съ размѣрами надѣловъ сдатчиковъ авторъ оперируетъ по преимуществу со свѣдѣніями, касающимися не домохозяевъ съ той или другой площадью семейныхъ участковъ, а цѣлыхъ общинъ. Разсмотрѣніе же вопроса сдачи надѣловъ въ связи съ дѣйствительнымъ землевладѣніемъ сдатчиковъ сдѣлано имъ лишь для орловскаго уѣзда, несмотря на то, что групповыя и комбинаціонныя таблицы земской статистики по нѣкоторымъ губерніямъ (особенно по саратовской и таврической) допускали гораздо болѣе обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса. Неполнота свѣдѣній и нѣкоторая случайность въ пользованіи матеріалами замѣчаются въ работѣ г. Мануилова о крестьянскихъ арендахъ. Такъ, въ таблицахъ распространенія аренды по уѣздамъ и губерніямъ, составленныхъ по даннымъ основныхъ земскихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства, для ярославской и пермской губерній приведено лишь по одному уѣзду. Вопросъ о зависимости крестьянской аренды отъ нѣкоторыхъ экономическихъ факторовъ въ саратовской, напр., губерніи, съ примѣненіемъ данныхъ комбинаціонныхъ таблицъ, трактуется авторомъ на основаніи труда г. Каблукова: „Условія развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи", въ которомъ приводятся свѣдѣнія лишь для одного хвалынскаго уѣзда, между тѣмъ какъ статистическія изданія губернскаго земства позволяютъ разсмотрѣть этотъ вопросъ и для нѣкоторыхъ другихъ уѣздовъ этой губерніи. Нѣкоторыя другія характерныя данныя объ арендахъ въ саратовской губерніи извлекаются изъ краткаго доклада губернской земской управы и игнорируется большая статья г. Колобова по данному вопросу („Саратовская Земская Недѣля", 1902 г., № 11—12),

представляющая тѣмъ бо̀льшій интересъ, что въ распоряженіи автора находились неопубликованныя еще данныя новѣйшаго изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ г. Мануилову приходилось пользоваться преимущественно матеріаломъ, собраннымъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ. Въ статьѣ г. Мануилова мы встрѣтили, кромѣ того, неполныя данныя и неточныя обозначенія. Такъ, при распредѣленіи земли, арендуемой сельскими сословіями полтавской губ., по срокамъ аренды, упущены угодья, снятыя на одинъ урожай (стр. 133); заголовки таблицъ наемныхъ цѣнъ земли, на стр. 145 и 146: „при долгосрочной арендѣ", „при краткосрочной арендѣ"—должны быть замѣнены слѣдующими: „при арендѣ", „при съемкѣ на одинъ урожай", и т. д.—В. В.

Въ истекшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія книги и брошюры:

Авиновъ, Н. Н.—Опытъ програмы систематическаго чтенія по вопросамъ земскаго самоуправленія. М. 905. Ц. 20 к.

——— Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Сарат. 904. Ц. 50 к.

Ароратянъ, І. А.—Задачникъ-тетрадь къ конкретной методѣ преподаванія курса ариѳметики въ азбучномъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Ч. I и II. Баку, 904. Ц. 10 к.

——— Тетрадь къ конкретной методѣ преподаванія курса ариѳметики въ азбучномъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Ч. I и II. Баку. 904. Ц. 10 к.

——— Конкретная метода преподаванія нумераціи на приспособленной къ ней ариѳметической машинкѣ. Баку. 904. Ц. съ машинкой 15 рублей.

——— Для учителей и родителей. Конкретная метода преподаванія курса ариѳметики въ азбучномъ и младшемъ отдѣленіяхъ. Баку. 904. Ц. 40 к.

Аренсъ, Е. П.—Русскій флотъ. Историческій очеркъ. Спб. 904. Ц. 20 к.

Ачкасовъ, Алексѣй. — „Повѣяло весною"... — Рѣчи г. министра вн. дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго и толки о нихъ въ прессѣ. М. 904. Ц. 50 к.

Барсуковъ, Николай. — Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 2. Изд. 2-е. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 904. Ц. 2 р. 50 к.

Бауманъ, В. И.—Курсъ маркшейдерскаго искусства. Ч. I: Опредѣленіе направленія астрономическаго меридіана и съёмка висячими инструментами. Съ 89 чертеж. Спб. 905. Ц. 1 р. 80 к.

Бобриковъ, Г. И., генер.-отъ-инф. — Мотивы преобразованія мѣстныхъ учрежденій. Мнѣніе члена волынскаго губернскаго совѣщанія. 904. Стр. 33. Ц. 75 к.

Бобылевъ, Д. М.—Учрежденія для мелкаго кредита въ Пермской губерніи за 1903 г. Пермь. 904.

Борхардъ, Бруно, д-ръ.—Въ началѣ столѣтія: Культурныя завоеванія XIX-го столѣтія. Съ нѣм. Э. Бернштейнъ. М. 905. Ц. 40 к.

Бръ, Руфь.—Право на материнство. Призывы къ борьбѣ съ проституціей, женскими и половыми болѣзнями. Съ нѣм. Нины Корштъ. М. 905. Ц. 40 к.

Бюхеръ, К.—Крупные города въ прошломъ и настоящемъ. Съ нѣм. Б. Вологдинъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

Бѣлоконскій, И. П.—Разсказы. Ростовъ н/Д. 905.

Волковъ, Н. Н.—Джорджъ-Генри и Льюисъ. Біографич. очеркъ съ его портретомъ. Владикавк., 904. Ц. 15 к.

Врадій, В. П.—Двухлѣтнее путешествіе по Азіи. Великимъ морскимъ путемъ въ Азію. Вып. I. Спб. 904. Стр. 31. Ц. 70 к.

Гиляровскій, В. М., протоіерей.—Собраніе проповѣдей. Т I. Спб. 905. Ц. 2 р.

Горяевъ, Н. — Этимологическія объясненія наиболѣе трудныхъ и загадочныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Тифл. 905. Ц. 60 к.

Грабина, А. Т. — Давни Ричи (Русско-украинскій сборникъ). Кіевъ. 904. Цѣна 35 к.

Гредескулъ, Н. А.—Марксизмъ и Идеализмъ. Публ. лекція. Харьк. 905.

Гриневецкій, Б. — Предварительный отчетъ о путешествіи по Арменіи и Карабаху въ 1903 году. Спб. 904.

Д., В. — Основныя начала христіанскаго воспитанія, съ изложеніемъ способовъ обученія Закону Божію. Харьк. 902. Ц. 90 к.

Давыденко, В.—Церковно-приходская школа. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Харьк. 903. Ц. 2 р.

Делабель, д-ръ Жюль.—Школьная гигіена. Перев. п. р. д-ра мед. А. Виреніуса. Спб. 905. Ц. 1 р.

Дризенъ, бар. Н. В.—Матеріалы для исторіи русскаго театра. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Дрожжинъ, С. Д.—Новыя стихотворенія. 1898—1903. М. 904. Ц. 50 к.

Дюпоркъ, Л., и *Мрозекъ*, Л.—Троицкое мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ въ Киселовской дачѣ на Уралѣ. Спб. 904. Ц. 3 р. Съ 6 табл. и географ. картою.

Еленскій, Н. О.—Основныя начала страхованія жизни въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 904.

Ждановъ, Левъ. — Царь Іоаннъ Грозный. Историческая повѣсть. Изданіе, вполнѣ переработанное для юношества, съ 10 иллюстр. и съ древнимъ планомъ Москвы и осады Казани. Спб. 904.

Житковъ, С. М.—Формула денежнаго обращенія. Спб. 905.

Іегера, О. — Всеобщая исторія, въ 4 т., пер. Л. З. Слонимскаго. Вып. 2, съ 90 иллюстр. Спб. 905. Ц. 1 р.

Иностранцевъ, А.—Геологія, т. I. Спб. 905. Ц. 4 р. 50 к.

Кенигъ, Бруно Эмиль. — Черные Кабинеты въ западной Европѣ. Исторія нарушенія почтовой тайны. Съ нѣм. Я. Шабацъ. М. 905. Ц. 60 к.

Козловъ, В. Д.—Дневникъ военнаго корреспондента. Въ тылу у японцевъ. Набѣгъ партизановъ въ Корею. Спб. 904. Ц. 1 р.

Коссинскій, бар. Ф. М.—Состояніе русскаго флота въ 1904 году. Съ 11 рис. Спб. 904.

Корнаковъ, В. — Краткій практическій курсъ геометрическаго ученія и землемѣрія въ связи съ необходимыми свѣдѣніями изъ геометріи. 504 черт. въ текстѣ. Изд. 5-е. Спб. 904. Ц. 50 к.

Корфъ, бар. Н. А.—О численности населенія въ Кореѣ. Спб. 904.

Коцюбинськый, М.—Для зачальнаго добре. Черныгивъ, 904. Ц. 20 к.

Кр—инъ, К.—Взаимопомощь среди животныхъ и людей. Спб. 904. Ц. 1 р. 25 к. (Перев. съ англ. А. Николаевъ).

Крюковъ, Н. А.—Эвкалипты, ихъ польза и значеніе. Съ 16 рис. Спб. 904. Цѣна 75 коп.

Лейкинъ, Н. А.—Въ родномъ углу, ром.—Просвѣтитель, пов. Спб. 905. Ц. 1 р. 20 к.

Милюковъ, П. — Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и Реформа Петра Великаго. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Миропольскій, А. Л.—Вѣдьма. Лѣствица. М. 905. Ц. 1 р.

Михайловъ-Стоянъ.—Еврей Ивановъ 20 лѣтъ—на цѣпи. Петроградъ (Спб.) 904.

——— Генезисъ, Анализъ и Методъ естественнаго пѣнія. Руководство къ быстрому достиженію правильнаго и хорошаго пѣнія. Спб. 904.

——— Къ столѣтнему юбилею Глинки. Два генія. Двѣ сестры. Спб. 904.

Мошковъ, В. А.—Турецкія племена на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 904.

Мушкетовъ, И. В. — Геологическія изслѣдованія вдоль линіи Кругобайкальской желѣзной дороги. Вып. I. Спб. 904.

Некрасовъ, П. А. — Московская философско-математическая школа и ея основатели. М. 904.

Никитенко, А. В.—Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и Дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портр. автора. Изд. 2-е, исправл. и дополн. п. р. М. К. Лемке. Т. I и II. Спб. 905. Ц. за оба тома 7 р.

Плетневъ, Алексѣй. — Парижскіе босяки. Очерки изъ парижской жизни: Философъ—Компаньонъ—Пляска живота—Почтенный джентльменъ—Студентка—Моралистъ. Спб. 905. Ц. 30 к.

Прокофьевъ, Е. П.—„Убійца". Кіевъ. 904. Ц. 70 к.

Радченко, А. Ѳ.—На распутьи. Стих. (1901—1904 г.) Спб. 905. Ц. 60 к.

Ройтлапъ, Дм.—Начала геометріи. Отдѣлъ I: Чѣмъ занимается геометрія? Отдѣлъ II: Практическая геометрія. Спб. 905. П. 40 к.

Рыбчинскій, Н. Ф.—Собраніе сочиненій. Т. I: Ольгердъ и Кейстутъ. Историческая поэма изъ литовской жизни, съ предисловіемъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ. Варш. 904. Ц. 75 к.

Саводникъ, В. Ѳ.—Къ вопросу о Пушкинскомъ Словарѣ. Спб. 904.

Свирскій, А. П.—Преступникъ. Записки арестанта. Т. I: Разсказъ. Кіевъ. 905. Ц. 1 р.

Сикорскій, И. А, проф. — Всеобщая Психологія съ Физіогномикой, въ иллюстрированномъ изложеніи. Съ 21 табл. и 285 фиг. въ текстѣ. Кіевъ. 905. Цѣна 5 р.

Скальковскій, К.—За годъ. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Смѣляковъ, В. М.—Дворянскій мелкій банковый кредитъ. Спб. 904. Ц. 50 к.

Сѣверовъ, Н.—Шербекскіе выборы. Разсказъ изъ фламандскихъ нравовъ. Спб. 904.

Темниковскій, Евг.—Новая книга о папствѣ. Яросл. 904.

Тихомировъ, В. В.—Къ вопросу объ организаціи военно-медицинскаго вѣдомства. Вильна. 904. Ц. 10 к.

Толстой, гр. Сергѣй.—О составѣ крестьянскаго сословія. Изд. журнала „Русская Мысль". М. 904. Стр. 79. Ц. 50 к.

Толстой, Н.—Три сестры. Сказка въ стихахъ для всѣхъ возрастовъ. Рисунки и заставки автора. Спб. 905.

Таранчукъ, П.—Іерей Макарій. Повѣсть о превращеніи человѣка. М. 904. Цѣна 35 к.

Трубецкая, кн. О.—Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи. Т. I, кн. 2: ч. 3 и 4. М. 904. Ц. 3 р.

Успенскій, Д. М, д-ръ.—Основы органотерапіи. Спб. 905. Ц. 40 к.

Файфъ, Ч.—Исторія Европы XIX-го вѣка. Съ англ. перев. М. Лучицкой, п. р. проф. Лучицкаго. Изд. 2-е. Спб. 904. Ц. 5 р. 50 к.

Фаресовъ, А. И.—Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 905. Ц. 2 р.

Хвостовъ, Н. Б.—Подъ осень. Стихотворенія. Спб. 905. Стр. 176. Ц. 1 р.

Чернышевъ, В.—Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Спб. 904. Ц. 50 к.

Чижевскій, П.—Вопросъ объ измѣненіи цензовыхъ нормъ и системы избранія земскихъ гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Екатеринославъ, 904.

Шатиръ, Ольга.—Инвалиды и новобранцы. Спб. 905. Ц. 1 р.

Шараповъ, С.—Тучи. М. 904. Ц. 30 к.

Шлиппе, Ф. В. — Крестьянское хозяйство въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Спб. 905.

— Библіотека для семьи и школы: 1) Весенніе гости, стих. И. А. Бѣлоусова, ц. 25 к.; 2) Державный вождь земли русской имп. Петръ В., Д. И. Тихомірова, ц. 60 к.; 3) Черезъ Алай и Памиръ, Б. Тагѣева-Рустамъ-Бека, ц. 15 к.; 4) Картинки изъ японской жизни, состав. Е. Н. Тихомірова, ц. 15 к. М. 905.

— Былины. Вольга. Рисов. И. Я. Билибинъ. Изд. И. И. Билибина. Спб. 904. Ц. 1 р. 50 к.

— Городское и Земское Общественное хозяйство на 1904—5 г. Вып. I. Изд. А. С. Харитонова. Спб. 904. Ц. 3 р.

— Записки Имп. Рус. Географ. Общества по Общей Географіи. Т. XLI, № 1: Отчеты Экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общества на Канинъ полуостровъ въ 1903 г. Спб. 904.

— Крѣпостное право на Руси. Сборникъ. Спб. 904.

— Матеріалы по статистикѣ землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII: Библіографическій Указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. Спб. 904.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію. 1898 — 1900 гг. Т. I: Поселенныя таблицы и поуѣздныя итоги. Вып. III. М. 904.

— Настоящее положеніе русской желѣзной промышленности. Спб. 904.

— Научный Архивъ Виленской Окружной Лечебницы. Вильна. 904.

— Нужды деревни, по работамъ Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. II. Сборникъ статей Н. Анненскаго, М. Герценштейна, А. Камінки, А. Мертваго, А. Пѣшехонова, А. Чупрова и др. Изданіе Н. Львова и А. Стаховича, при участіи ред. газ. „Право“. Спб. 904. Ц. 3 р. 50 к.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. VIII: Опредѣленіе доходности земельныхъ угодій. Ч. IV: Сводъ доходностей земель и лѣсовъ. Уфа. 904. Ц. 1 р. 25 к.

— Сибирскій сборникъ за 1904 годъ. П. р. И. И. Попова. Ирк. 904.

— Современный Календарь на 1905 г. А. Д. Ступина. М. 904. Ц. 15 к.

— Составъ служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ въ отношеніи подданства, языка и образовательнаго ценза. Спб. 904.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елисаветградскому уѣзду, Херсонской губ., за 1903 г. Елисаветгр. 904.

— Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Каз. 904. Ц. 35 к.

— Труды опытныхъ лѣсничествъ. 1904 г. 2-й вып. Спб. 904.

— Труды подкоммиссіи по вопросу о введеніи преподаванія статистики въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 904. Ц. 30 к.

ЗАМѢТКА.

По поводу книги г. Евгенія Аничкова: „Литературные образы и мнѣнія". Спб. 1904.

Книга г. Аничкова читается съ большимъ интересомъ. Въ рядѣ небольшихъ, живо написанныхъ очерковъ авторъ останавливается на вопросахъ, которые съ давнихъ поръ занимаютъ русскаго читателя и вызываютъ нескончаемые споры, рѣдко приводящіе къ примиренію: таковы вопросы о роли искусства въ дѣйствительности, и обратно — дѣйствительности въ искусствѣ. Обсужденіе подобныхъ вопросовъ стоитъ по большей части въ связи съ появленіемъ тѣхъ или иныхъ новыхъ произведеній, волнующихъ въ данный моментъ читателя и вызывающихъ въ немъ рѣзкую противоположность мнѣній, и если не всегда можно сказать, что изъ этого — „choc des opinions jaillit la vérité", то во всякомъ случаѣ за серьезно обоснованнымъ отстаиваніемъ своихъ мнѣній несомнѣнно остается значеніе новаго шага впередъ въ углубленіи и изслѣдованіи истинныхъ задачъ искусства. Такими литературными произведеніями, которыя какъ бы иллюстрируютъ теоретическія положенія, данныя авторомъ въ первой половинѣ книги („Эстетика правды-справедливости"), являются у него разсказы Леонида Андреева, Максима Горькаго, Станислава Пшибышевскаго, Серафимовича, Бунина, Куприна (въ сборникахъ „Знанія") и поэты „Скорпіона". Книга, такимъ образомъ, отличается единствомъ настроенія и, что̀ оказывается при ближайшемъ знакомствѣ, единствомъ основной мысли. О ней можно сказать, что она хорошо сдѣлана; зданіе эстетики, воздвигнутое ею, стройно, воздушно, легко... такъ легко, что по временамъ является опасеніе, не слѣдовало ли бы укрѣпить нѣкоторыя части постройки, чтобы сообщить ей большую стойкость въ борьбѣ съ непокорными стихіями,—но во всякомъ случаѣ существо книги носитъ на себѣ печать обширной эрудиціи и живой, пытливой мысли. Задача, поставленная себѣ авторомъ, трудна, но благодарна: осмыслить совершающійся на нашихъ глазахъ процессъ образованія новыхъ литературныхъ формъ и новыхъ эстетическихъ воззрѣній всегда своевременно, а теперь и особенно важно. Русская литература до такой степени сжилась со всѣмъ ходомъ нашего общественнаго развитія, что всякая внутренняя перемѣна, совершающаяся въ художественномъ самосознаніи, не можетъ не вызывать въ

обществѣ повышеннаго и вполнѣ понятнаго интереса. И любопытная книга г. Аничкова вновь свидѣтельствуетъ, какъ мало въ сущности сдѣлано для сведенія въ одно цѣлое той массы самыхъ разнообразныхъ теорій, мнѣній и взглядовъ, среди которыхъ происходило развитіе общества и литературы въ ихъ многосложнѣйшихъ и исторически складывавшихся взаимоотношеніяхъ. Жизнь и искусство долгое время шли рядомъ, пока между ними не возникло того недоразумѣнія, при которомъ эти взаимныя отношенія до того утратили ясность, что передъ историкомъ литературы и критикомъ всталъ вопросъ о „роковой разобщенности искусства и жизни“.

Красивый ходъ мыслей, опредѣляющій воззрѣнія автора на искусство, беретъ свое начало въ „правовѣрныхъ“ взглядахъ Чернышевскаго и Добролюбова. Авторъ полагаетъ эти взгляды краеугольнымъ камнемъ своего построенія, въ чемъ они должны, повидимому, почерпнуть „правовѣрную“ устойчивость и убѣдительность. Считая необходимымъ установить связь современныхъ теченій въ литературѣ не только со взглядами на искусство критиковъ - шестидесятниковъ, но въ особенности съ „своеобразнымъ міросозерцаніемъ“ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, которое авторъ называетъ философіей правды-справедливости, г. Аничковъ такъ представляетъ дальнѣйшій ходъ развитія. „Возникшее въ семидесятыхъ годахъ міровоззрѣніе было, какъ извѣстно, отвѣтомъ на жгучія и упорно мучившія русское общество сомнѣнія. Передъ большинствомъ мыслящихъ русскихъ людей того времени такъ настойчиво и такъ рѣзко всталъ тогда этотъ угрожающій вопросъ о столкновеніи нашихъ увлеченій добромъ, общественнымъ благомъ и справедливостью къ обездоленнымъ—съ сухимъ и холоднымъ дэтерминизмомъ явленій, какъ будто совершенно неподдающимся какому-нибудь воздѣйствію. Идеи Бѣлинскаго, Герцена, Добролюбова и Чернышевскаго еще были такъ живы и близки; сама жизнь взывала къ нимъ этой такъ быстро налетѣвшей и все болѣе упрочивавшейся реакціей. А тутъ вслѣдъ за „писаревщиной“ злорадно вползали въ сознаніе буржуазныя теоріи эволюціонизма, органическаго развитія общества, борьбы за существованіе и естественнаго подбора, въ примѣненіи къ соціологіи. Казалось, какой-то тяжеловѣсно-научный и безнадежный фатализмъ долженъ былъ оправдать всѣ отрицательныя стороны современности и принудить къ почтительному примиренію съ ней. Такова была дилемма. И мыслящій реалистъ того времени ни за что не рѣшился бы поступиться ни своими, такъ называемыми, убѣжденіями, ни научнымъ міросозерцаніемъ. То и другое крѣпко засѣло въ немъ. Научное міросозерцаніе онъ купилъ себѣ нелегкой борьбой, купилъ одновременно съ этими самыми убѣжденіями, стремившимися претвориться въ поступки, въ жизнь“.

Шиллеръ (мы излагаемъ мысли г. Аничкова) видѣлъ выходъ изъ подобной трагической дилеммы въ золотомъ мірѣ поэзіи, который примирялъ художника съ печальными и отрицательными явленіями дѣйствительности. Для „мыслящаго реалиста семидесятыхъ годовъ" такое рѣшеніе было слишкомъ одностороннее. Искусство, какъ и наука, должны были служить къ разрѣшенію его вопросовъ, но далеко не примиряя человѣка съ дѣйствительностью, не успокаивая его, а служа могучимъ оружіемъ въ дѣлѣ общественнаго переустройства. Развившіяся въ этомъ направленіи воззрѣнія на искусство стали „завѣтными", какъ извѣстнаго рода лозунгъ на аренѣ общественной борьбы и въ общей сложности образовали ту сумму эстетическихъ понятій, которую авторъ опредѣляетъ, какъ „эстетику правды-справедливости", которая, по его словамъ, продолжаетъ властвовать надъ умами русскихъ людей до сего времени. Она требуетъ, чтобы искусство было правдиво, чтобы оно было проникнуто любовью къ истинѣ и выражало идеальное стремленіе самой жизни. Задачей этого правдиваго искусства является и въ настоящее время, какъ прежде, воздѣйствіе на общество въ смыслѣ развитія идей справедливости, гуманности и добра. Въ немъ нашло себѣ выраженіе не только красивое, но и „интересное вообще" (по Чернышевскому) и „важное для жизни" (по Толстому).

Такъ понимаетъ авторъ состояніе господствующаго въ наше время (но не вполнѣ удовлетворительнаго для автора) взгляда на искусство, и съ этимъ пониманіемъ, конечно, нельзя не согласиться принципіально. Можно было бы требовать большей отчетливости въ характеристикѣ той роли, которую сыграла литература въ образованіи „мыслящаго реализма" въ теченіе всей второй половины пережитаго вѣка; можно было бы желать указанія болѣе конкретныхъ связей между научно-общественнымъ міросозерцаніемъ и характеромъ тѣхъ идей, въ распространеніи которыхъ „могучимъ орудіемъ" была литература, но основной смыслъ того значенія, которое придаетъ авторъ исторически сложившимся задачамъ искусства, въ этой части не подлежитъ сомнѣнію: искусство должно служить жизни, совершенствуя ея внѣшнія условія, украшая и возвышая цѣнность ея въ самосознаніи человѣка.

Но это не все, по мнѣнію г. Аничкова: —главное впереди.

Эстетику правды-справедливости необходимо, кажется автору, расширить, приспособивъ ее къ современнымъ требованіямъ, и тѣмъ устранить то очевидное недоразумѣніе, о которомъ мы говорили выше. „И если немного видоизмѣнить эту эстетику,—говоритъ г. Аничковъ,—если передѣлать кое-какія ея черты, влить въ нее только самую маленькую струйку нѣсколько иныхъ и вовсе не противорѣчащихъ ей художественныхъ исканій, то оно обниметъ и взгляды тѣхъ, кто еще

съ оговорками и колебаніями, полу-нѣхотя и полу-робко соглашается отдать справедливость такъ называемымъ новымъ вѣяніямъ въ искусствѣ, т.-е. настроенію и символизму".

И эту задачу беретъ на себя г. Аничковъ въ своей книгѣ. Онъ начинаетъ съ заявленія, совершенно невѣрнаго по существу, будто при своемъ возникновеніи эстетика правды-справедливости (по необходимости будемъ пользоваться этимъ искусственнымъ и нѣсколько расплывчатымъ терминомъ) была построена на чисто-интеллектуальныхъ основаніяхъ. Призывая къ различнаго рода подвигамъ во имя моральнаго совершенствованія, во имя идеаловъ долженствованія, она будто бы требовала отъ художника прежде всего разсужденія, логической мозговой разсудочности (а не революціоннаго, подчасъ, фанатизма, какъ это было у Писарева?). Ставъ на эту ложную точку зрѣнія, авторъ начинаетъ сначала несмѣлый и осторожный походъ противъ этой разсудочности, которую въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ главѣ о декадентахъ, можно безъ ущерба синонимизировать со здравымъ смысломъ. „Но не объявляя объ этомъ во всеуслышаніе и не слишкомъ откровенно признаваясь въ этомъ и передъ собой, можно вѣдь,—говоритъ г. Аничковъ,—и поколебать это требованіе разсудочности. Во имя все-таки самаго главнаго, т.-е. субъективизма,—продолжаетъ авторъ,—можно незамѣтно подставить (?) „приговору, выносимому „художникомъ" или „обобщенію въ образѣ" чувство, эмоцію, болѣе смутное мышленіе, построенное не на одномъ только исключительно логическомъ умозаключеніи". Тогда прямая и открытая дорога мысли будетъ потеряна, и изслѣдователь пойдетъ по той „болѣе извилистой стезѣ", которую вслѣдъ за Пшибышевскимъ онъ называетъ „дорогой души". При этомъ авторъ выражаетъ увѣренность, что такая перемѣна пути не измѣнитъ направленія и „поведетъ къ той же цѣли". Отсюда видно, что читатель вступаетъ съ г. Аничковымъ въ особую область критики, которая боится слишкомъ яркаго свѣта разсудочной мысли, предпочитая „болѣе смутное мышленіе", при которомъ слабѣетъ зрѣніе, но, надо думать, обостряется инстинктъ, пріобрѣтающій свойства ясновидѣнія въ сумеркахъ души. Благожелательный читатель, конечно, пожелаетъ добраго пути автору въ его исканіяхъ истины по извилистымъ путямъ душевныхъ откровеній, но читатель-скептикъ, зная, что люди не всегда одинаково понимаютъ даже отчетливо, ясными словами выраженную мысль, назоветъ избранный авторомъ методъ малонадежнымъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ читатель-скептикъ будетъ правъ: поколебавъ требованія „разсудочности", авторъ развиваетъ дальше свою основную мысль не вездѣ съ одинаковой ясностью и убѣдительностью, такъ-что временами кажется,

будто и само изслѣдованіе совершается хотя и энергично, но не вполнѣ увѣренно, словно въ туманѣ.

Напомнимъ, кстати, что споръ по поводу разсудочности въ художественной литературѣ велся уже съ давнихъ поръ и былъ предметомъ любопытной переписки между Тургеневымъ и Фетомъ. Фетъ требовалъ абсолютной независимости поэтическаго творчества отъ идей общественнаго характера, и въ этихъ требованіяхъ заходилъ настолько далеко, что далъ поводъ Тургеневу написать ему слѣдующее письмо: „Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, несмотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла, даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи". Еще опредѣленнѣе онъ высказывается черезъ три года: „Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости упорствомъ нападаете на то, чтò вы величаете „разсудительствомъ", но чтò въ сущности не чтò иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе... Вы видите, что нашъ „старый споръ" еще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на Западѣ отвѣчаемъ спокойно:—Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack,—и, извините, отсылаемъ васъ въ школу". Тургеневъ цѣнилъ въ Фетѣ его тонкую, высоко-художественную поэзію, но въ его эстетическихъ сужденіяхъ видѣлъ сплошное недоразумѣніе, въ которомъ, при отсутствіи общаго философскаго взгляда на искусство, не трудно различить обрывки смутныхъ романтическихъ построеній.

Незатуманенный читатель во многомъ не согласится и съ г. Аничковымъ и не согласится прежде всего съ исходнымъ пунктомъ, съ основной постановкой вопроса. Въ эстетикѣ „правды-справедливости", создавшейся, по признанію автора, усиліями мысли Чернышевскаго, Добролюбова и всѣхъ тѣхъ, кого авторъ называетъ мыслящими реалистами послѣдующихъ десятилѣтій, онъ собирается *кое-что*, потихоньку, полегоньку, незамѣтно для себя и другихъ, замѣнить, *кое-что* прибавить,—а кончаетъ апоѳеозомъ творчества такъ-называемыхъ декадентовъ и готовъ отдать имъ чуть ли не пальму первенства въ правѣ на высокій титулъ современныхъ выразителей этой эстетики. „Поэзія есть жизнь, увлеченіе, страсть"—цитируетъ г. Аничковъ слова Чернышевскаго,—и мнѣ кажется,—продолжаетъ авторъ,—ни къ какой другой школѣ поэтовъ нельзя примѣнить эти слова такъ, какъ къ нашимъ „одинокимъ" поэтамъ-ницшеанцамъ. Оттого взглядъ ихъ па-

даетъ на дерзновенія людей Возрожденія съ ихъ формулой—fais ce que tu voudras. Люди Возрожденія,—по словамъ Бальмонта,—„знали, что, когда хочешь чего-нибудь достигнуть, нужно хотѣть,—хотѣть и не уступать“.

Это уже нѣсколько черезчуръ—и по многимъ пунктамъ. И какъ это не похоже на то опредѣленіе искусства, которое далъ ему г. Аничковъ до своей „поправки“! Если отбросить въ твореніяхъ такъ-называемыхъ декадентовъ неистовства самообожанія, словоизступленія и всяческаго иного кривлянья, достойнаго только осмѣянія и, смотря по темпераменту, злостной пародіи или добродушной шутки, то среди этихъ твореній окажется немало пьесъ, отмѣченныхъ высокой артистичностью работы, говорящихъ о серьезномъ и любовномъ отношеніи авторовъ къ своимъ дарованіямъ. Но навязывать имъ роль преемственныхъ носителей завѣтовъ правды-справедливости, говорить объ ихъ связи на этой почвѣ съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Михайловскимъ и прочими „мыслящими реалистами“, подготовившими зарю завтрашняго дня, значитъ не отдавать себѣ отчета въ направленіи и характерѣ ихъ реально-общественной дѣятельности, разросшейся въ то явственно ощущаемое нами могучее освободительное движеніе, сложный процессъ котораго безсильна выразить современная литература. Это временное безсиліе, вѣрнѣе—естественная реакція, не составляетъ большой бѣды: мы еще не изжили завѣщаннаго ею великаго и вѣщаго слова, которое не раньше завтрашняго дня отойдетъ въ вѣчность, когда вспомнятся и облекутся въ плоть и кровь всѣ „забытыя слова“, теперь лежащія подъ спудомъ вседневной суеты и тревоги, мрачныхъ предзнаменованій, колеблющихся надеждъ, горячихъ ожиданій... Движеніе, созданное завѣтнымъ призывомъ къ борьбѣ во имя идеаловъ „правды-справедливости“, захватитъ всю ширину общественнаго пути, отъ верху до низу, и увлечетъ въ своемъ порывѣ все способное къ живому и разумному строенію жизни. И если веселый каменьщикъ и будетъ распѣвать когда-нибудь, разбивая камень, граціозное—„Будемъ какъ солнце—оно молодое“, то будущій историкъ освободительнаго движенія никогда не свяжетъ послѣдняго съ артистической дѣятельностью своеобразнаго кружка декадентовъ. Въ лучшемъ случаѣ, онъ воздастъ имъ должное и за яркія образы, и за красивые звуки, за то, что въ тяжелыя минуты отчаянья и унынья они порывались быть тѣми безумцами, которыхъ прославляетъ поэтъ за навѣянный человѣчеству сонъ золотой, за то, что нѣкоторые изъ нихъ работали, переводили, издавали, съ чѣмъ-то боролись, кого-то будили, куда-то звали,—но въ то же время скажетъ, что не ими завоевано просторное мѣсто на жизненномъ пиру обновленной жизни, мысли, поэзіи...

А теперь—маленькая справка о Чернышевскомъ; ея вполнѣ достаточно, чтобы рѣшить вопросъ и о Добролюбовѣ, и Михайловскомъ. У послѣдняго, кстати сказать, есть опредѣленныя сужденія о ближайшихъ къ нашему времени теченіяхъ „настроенія и символизма", изложенныя яснымъ и, по обыкновенію, мѣткимъ языкомъ. Настоящаго (эпохи „Современника") Чернышевскаго знаютъ теперь немногіе читатели: одна половина его сочиненій находится подъ полицейскимъ запретомъ, другая исковеркана насильственными недомолвками и цензурой. Ближайшему будущему предстоитъ показать во весь ростъ этого истиннаго поэта борьбы за дѣйствительность, за ту русскую дѣйствительность, въ которую онъ вѣрилъ не мистической вѣрой туманныхъ славянофильскихъ или метафизическихъ ожиданій мессіанизма и откровенія, но реальной вѣрой—убѣжденіемъ мыслителя-гражданина, чуткаго къ пробудившимся запросамъ культурно-историческаго развитія русской общественной и народной жизни и прозорливаго истолкователя, владѣвшаго обширнымъ научнымъ знаніемъ способовъ и средствъ, которые облегчали борьбу новыхъ, болѣе разумныхъ, болѣе справедливыхъ и братскихъ началъ занимавшейся эры съ перержавѣвшими, но все еще тяжкими, грозившими гибелью, безформенными обломками переживавшей себя рутины. Чернышевскій, Добролюбовъ, Некрасовъ... ихъ объединяли не личныя симпатіи и вкусы—въ этомъ отношеніи они были слишкомъ своеобразны и самобытны,—но общность стремленій, единство дорогой имъ, завѣтной, священной для нихъ цѣли. Они знали, *чего они хотѣли*, знали это конкретно, реально и, не навязывая никому своихъ ребяческихъ „я такъ хочу", увлекали за предметомъ своихъ „хотѣній" не кружки, не сектантскія группы, но передовые классы общества, лучшую учащуюся молодежь, грамотные слои народа...

Интересъ Чернышевскаго къ искусству объяснялся особыми соображеніями: эстѐтика сама по себѣ стояла у него на второмъ и даже на третьемъ планѣ. Она давала лишь поводъ и, въ то время, единственную возможность говорить о тѣхъ сторонахъ дѣйствительности, непосредственное разсмотрѣніе которыхъ представлялось невозможнымъ. Необходимо было прежде всего и главнымъ образомъ привлечь общественное вниманіе къ дѣйствительности подлинной, настоящей, не преломленной въ призмѣ поэтическихъ созерцаній и теоретическихъ, искусственныхъ построеній, сдѣлать самую дѣйствительность предметомъ дѣятельнаго *интереса*. Искусство, по Чернышевскому, призвано не только воспроизводить, но и *объяснять* жизнь, заставлять „лучше понять" ее. Чернышевскій низводитъ искусство до простого механическаго средства воздѣйствія на жизнь и, вопреки выспреннимъ и пышнымъ опредѣленіямъ искусства, завѣщаннымъ романтикой

и туманной философіей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, словно преднамѣренно пользуется, въ дальнѣйшемъ опредѣленіи, сухими и прозаическими терминами. „Въ этомъ смыслѣ (т.-е. въ смыслѣ объясненія жизни) искусство ничѣмъ не отличается отъ разсказа о предметѣ; различіе только въ томъ, что искусство вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, нежели простой разсказъ, тѣмъ болѣе ученый разсказъ"... Г. Аничковъ упомянулъ мимоходомъ, что философской первоосновой „эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности" былъ Фейербахъ. Фейербахъ-то оно Фейербахъ, но почему Фейербахъ, а не Гегель? Гегель съ успѣхомъ могъ бы примириться съ ходомъ изслѣдованій г. Аничкова, потому что послѣдній нигдѣ не отмѣчаетъ, что Фейербахъ и понадобился Чернышевскому для борьбы съ Гегелемъ, т.-е. не съ философской системой, конечно, ибо и самъ Фейербахъ былъ гегельянецъ въ спеціальномъ смыслѣ, а съ слѣдами гегельянскихъ, шеллингіанскихъ и прочихъ поэтико-философскихъ вліяній въ жизни, приводившихъ къ пресловутому примиренію съ дѣйствительностью и возвеличенію надъ нею искусства съ его золотыми снами и міромъ усыпляющихъ грезъ. Значеніе искусства, по Чернышевскому, заключается, съ одной стороны, въ томъ, что въ его произведеніяхъ выражается „приговоръ", „мысль" объ явленіяхъ жизни—„художникъ является мыслителемъ". „Если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіями жизни, — говоритъ Чернышевскій, — одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому кромѣ него не интересными), будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыми жизни". Вы видите, насколько пониманіе искусства Чернышевскаго было отрицаніемъ той эстетики, которую роднитъ съ нимъ г. Аничковъ. Мы уже не говоримъ о взглядѣ Чернышевскаго на поэзію, какъ на одно изъ средствъ къ распространенію образованности, *ясныхъ и точныхъ понятій о вещахъ*. Мы не касаемся и вопроса о томъ, насколько правильнымъ, съ нашей точки зрѣнія, было такое пониманіе искусства,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Намъ важно установить фактъ, что это, можетъ быть одностороннее, пониманіе искусства было діаметрально противоположно тому опредѣленію искусства, которое выражено въ словахъ нашего автора: „искусство—лишь вожделѣнный, священный пріютъ восторженнаго созерцанія, куда скрывается отъ бѣдствій мятущійся среди нихъ человѣкъ".

Можно было бы продолжить параллель и далѣе и показать, какъ несвойственна была бы Чернышевскому мысль заключить въ свое пониманіе искусства новыя вѣянія въ современной намъ литературѣ. Справедливо отмѣчая въ творчествѣ современныхъ намъ символистовъ обратное тому, что̀ утверждалъ Гюго (каждый разъ какъ поэтъ говоритъ *я*, онъ могъ бы сказать также: *мы*; онъ выражаетъ тѣмъ „общее, для всѣхъ одинаково дорогое и существенное"), т.-е. ихъ „одиночество", слишкомъ исключительный, личный характеръ ихъ творчества, что̀ роднитъ ихъ съ „интернаціональной" школой такихъ писателей, какъ Верхарнъ, Пшибышевскій и др., авторъ пытается связать это личное, слишкомъ лирическое, extra-субъективное творчество „съ нашими собственными исканіями и восторгами, съ нашей домашней скорбью и радостью". Эта связь вышла у автора недоказанной, искусственно созданной, а главное — едва ли нужной и съ точки зрѣнія самихъ символистовъ. У нихъ свои отрады и печали, они стремятся къ сверхъ-національному и сверхъ-человѣческому, и муза ихъ не вмѣшивается въ то, что̀ авторъ называетъ „домашней скорбью и радостью". Подобную связь легко и естественно было отмѣтить Чернышевскому, напримѣръ, въ рецензіи на стихотворенія Огарева. „Въ лирической поэзіи личностью автора затмеваются обыкновенно всѣ другія личности, о которыхъ онъ пишетъ,—говоритъ Чернышевскій,—у г. Огарева напротивъ: когда онъ говоритъ о себѣ, вы видите, что изъ-за его личности выступаютъ личности тѣхъ, которыхъ любилъ или любитъ онъ; вы чувствуете, что и собою дорожитъ онъ только ради чувствъ, которыя питалъ онъ къ другимъ. Даже любовь, подъ которою чаще всего скрывается себялюбіе, у него чиста отъ эгоистическаго оттѣнка. Тѣмъ болѣе у него преданности въ дружбѣ, которая и вообще часто отличается отъ другихъ чувствъ человѣка сильнѣйшимъ участіемъ этого качества. Когда г. Огаревъ говоритъ о своихъ друзьяхъ, онъ говоритъ, дѣйствительно, о нихъ, а не о себѣ; да когда говоритъ и о себѣ, то всегда чувствуется отсутствіе всякаго себялюбія, чувствуется, что наслажденіе жизни для такой личности заключается въ томъ, чтобы жить для другихъ, быть счастливымъ отъ счастья близкихъ и скорбѣть ихъ горемъ, какъ своимъ личнымъ горемъ.

„Дѣйствительно, таковы были люди, типъ которыхъ отразился въ поэзіи г. Огарева, одного изъ нихъ".

Все сочувствіе Чернышевскаго лежало на сторонѣ именно такихъ людей,—въ этомъ коренная черта его писательской физіономіи, и она дѣлала невозможнымъ зачисленіе его хотя бы въ отдаленные ряды теоретиковъ такъ-называемаго „чистаго искусства", или „искусства для искусства", или „свободнаго искусства", въ смыслѣ отсутствія за-

висимости искусства-наслажденія, искусства-исканія отъ морально-общественныхъ принциповъ и побужденій.

Въ частности о поэтической фантазіи, для которой современные символисты требуютъ такого простора, Чернышевскій въ рецензіи на стихотворенія Бенедиктова говоритъ слѣдующее: „Поэтическая фантазія состоитъ не въ томъ, чтобы придумывать небывалыя метафоры и гиперболы,—иначе въ извѣстной книгѣ „Не любо не слушай“ было бы гораздо болѣе поэзіи, нежели въ Шекспирѣ и Гомерѣ. Она не состоитъ и въ томъ, чтобы описывать подробно всѣ принадлежности женскаго организма: иначе въ „Руководствѣ къ повивальному искусству“ опять-таки было бы гораздо больше поэзіи, нежели въ Шекспирѣ и Гомерѣ. Поэтическая фантазія состоитъ въ томъ, чтобы предметъ немногими чертами изображался живо и точно“...

Изъ этого еще и еще разъ ясно, что „критика“ Чернышевскаго была чистѣйшей воды публицистикой, въ которой не было мѣста признанію необходимости „лгать изъ любви къ людямъ“ и искусства, какъ „священнаго пріюта восторженнаго созерцанія“. О такъ называемой эстетической критикѣ Чернышевскій могъ бы сказать словами Шекспира:

Краса сама собою благодатна.
Глаза людей не замкнуты ничѣмъ.
Зачѣмъ хвалить, чтó и безъ словъ понятно
И рѣдкостно?

Правъ ли былъ Чернышевскій? Объ этомъ можно до безконечности спорить. Въ области публицистической критики— онъ былъ ея создателемъ на практикѣ и въ теоріи; въ области критики въ широкомъ смыслѣ литературной онъ былъ одностороненъ, если угодно, узокъ, да литературная въ собственномъ смыслѣ критика не была прямою цѣлью его писательскихъ интересовъ. За это взялись другіе—и прежде всего Добролюбовъ, создавшій особый родъ критики на прочной публицистической основѣ. Такимъ образомъ, изъ стройнаго зданія, возведеннаго г. Аничковымъ, придется вынуть его краеугольный камень — Чернышевскаго, какъ родоначальника того, чтò нашъ авторъ разумѣетъ подъ эстетикой современныхъ намъ теченій „настроенія и символизма“ въ литературѣ.

Требуя для творчества (стало быть и критики) полной свободы и независимости отъ какихъ бы то ни было догмъ („искусство безразлично по отношенію къ морали, какъ оно безразлично и по отношенію къ истинѣ, потому что эта истина и мораль не абсолютны, а только слабо намѣчены“), авторъ самъ, однако, не вездѣ послѣдователенъ и выражаетъ мѣстами положительную нетерпимость. Онъ про-

тивъ того, чтобы высказывать критическія сужденія о художественныхъ произведеніяхъ брались люди практическихъ спеціальностей—химики, врачи, юристы, статистики и т. д.,—какъ будто искусство, въ особенности литература, не есть общее достояніе и судить о нихъ могутъ лишь спеціальные теоретики искусства или люди, особо готовящіе себя въ присяжные цѣнители. Пора оставить это требованіе ценза для сужденія о предметахъ, всѣмъ близкихъ и дорогихъ, и считаться съ сужденіемъ, какъ съ таковымъ, независимо отъ того, кѣмъ оно высказано. Способность оцѣнивать художественныя произведенія зависитъ отъ той или иной спеціальности не болѣе, чѣмъ и сама художественная литература, и едва ли кому-либо придетъ въ голову безотносительное сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ „Господъ Головлевыхъ" приводить въ связь съ вице-губернаторствомъ Салтыкова, если въ нихъ не усматривается чертъ внутренняго соотношенія. Напротивъ, чѣмъ разностороннѣе будетъ критика, чѣмъ больше будетъ указано точекъ, съ которыхъ можно разсматривать то или иное произведеніе, тѣмъ скорѣе выяснятся его сущность и степень его эстетической цѣнности, интересности и важности для жизни.—Евг. Л.



НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— *O. Wilde*. Die Herzogin von Padua. Deutsch von Max Meyerfeld. Berlin, 1904.
— *Carl Hagemann*. O. Wilde. 1904.

Въ послѣднее время въ Германіи возобновился интересъ къ англійскому писателю, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ очень печальныхъ обстоятельствахъ. Писатель этотъ — Оскаръ Уайльдъ, авторъ парадоксальныхъ и въ то же время блестящихъ афоризмовъ, „Intentions", авторъ трагедіи нѣжно-жестокой любви, „Саломея", а также веселыхъ свѣтскихъ комедій, вышучивающихъ англійское фарисейство; онъ же авторъ угрюмо-насмѣшливаго романа въ духѣ Эдгара Поэ, „Портретъ Доріана Грэ", и нѣжныхъ лирическихъ стиховъ. Во всей совокупности своего творчества Оскаръ Уайльдъ—самый оригинальный и даровитый выразитель современнаго эстетизма, безпощадный насмѣшникъ надъ всѣмъ существующимъ во имя любви къ неосуществленной красотѣ.

Оцѣнкой творчества Оскара Уайльда занялись теперь, когда прошло время остраго отношенія къ нему въ послѣдніе годы его жизни. Появились воспоминанія о немъ Шерарда, а въ самое послѣднее время спеціалистомъ по изученію англійскаго эстета сдѣлался нѣмецкій писатель Карлъ Гагеманъ. Имъ изданъ сборникъ изреченій и афоризмовъ Оскара Уайльда, извлеченныхъ изъ всѣхъ его произведеній. Ему же принадлежитъ недавно вышедшая книга, посвященная біографіи и обстоятельному разбору произведеній Уайльда. Гагеманъ даетъ въ краткихъ чертахъ исторію жизни Оскара Уайльда. Онъ—ирландецъ, родился въ Дублинѣ, въ 1856 году, и принадлежалъ къ аристократической ирландской семьѣ. Мать его, лэди Уайльдъ, была извѣстной поборницей ирландскихъ правъ; у нея былъ очень видный салонъ въ Лондонѣ. Отецъ поэта былъ выдающійся археологъ; онъ внушилъ сыну его любовь къ античному искусству. Оскаръ Уайльдъ получилъ солидное образованіе сначала въ Дублинѣ, потомъ—въ оксфордскомъ университетѣ, занимался философіей и эстетикой, и сразу выдѣлился еще въ студенческіе годы своими стихами, за которые получилъ высшія университетскія награды. Вступивъ въ жизнь, Оскаръ Уайльдъ сдѣлался свѣтскимъ дэнди, и переживалъ періоды то яркихъ жизненныхъ удачъ, славы и блеска, то паденія и одино-

чества. Онъ ѣздилъ въ Америку, читалъ тамъ лекціи о литературѣ, поражая американцевъ своей огромной ученостью въ философіи, литературѣ и искусствѣ, а главное—оригинальностью своей манеры, своими мѣткими афоризмами и парадоксами, также какъ своей оригинальностью въ обращеніи и даже въ одеждѣ. Послѣ Америки Оскаръ Уайльдъ жилъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ, въ самомъ блестящемъ литературномъ кругу, поражая даже французскихъ beaux esprits своимъ яркимъ умомъ. Необыкновенный блескъ въ разговорѣ составляетъ главную особенность Оскара Уайльда—и въ его творчествѣ тоже отточенность формы, красота образовъ и парадоксальность изреченій преобладаютъ надъ глубиной мыслей. Уайльдъ велъ очень легкомысленный образъ жизни, окруженный поклоненіемъ своему таланту и уму, возбуждая общія симпатіи, несмотря на чрезвычайно непривлекательную внѣшность.

Основной чертой всего, что̀ писалъ Оскаръ Уайльдъ, является презрительное отношеніе къ обществу, стремленіе всячески вышутить его и, такъ сказать, водить читателей за носъ, заставляя принимать за глубокомысліе то, что̀ съ его стороны было шуткой. Въ такомъ духѣ написаны его комедіи и отчасти его знаменитые афоризмы („Intentions"), гдѣ искусственное ставится выше дѣйствительнаго, потому что въ дѣйствительности, каковой ее сдѣлало общество, все плоско и лишено новизны, а искусственность—плодъ свободной творческой фантазіи. Въ созиданіи своего обособленнаго міра искусственныхъ ощущеній Оскаръ Уайльдъ наиболѣе ярко проявлялъ свой талантъ. Въ драмѣ „Саломея" право на изысканность ощущеній, доведенную до полной жестокости, возводится въ законъ красоты, а красота—въ законъ жизни. Здоровыхъ нравственныхъ идей, конечно, нельзя искать у этого яркаго представителя эстетизма, но, какъ отпоръ уродливому англійскому фарисейству, ядовитыя насмѣшки Уайльда и его защита красоты имѣютъ идейное значеніе,—тѣмъ болѣе, что въ художественномъ отношеніи произведенія Уайльда стоятъ очень высоко. И драма „Саломея", и странный романъ „Портретъ Доріана Грэ", написанный въ духѣ Эдгара Поэ, и, главное, его „Intentions", а также нѣкоторые маленькіе разсказы и сказки останутся въ литературѣ какъ образцы изысканнаго, сверкающаго стиля.

Гагеманъ подробно разбираетъ всѣ лучшія произведенія Оскара Уайльда, и приходитъ къ заключенію, что эстетизмъ поэта состоитъ изъ странной смѣси устарѣлаго романтизма съ разъѣдающимъ скептицизмомъ, направленнымъ противъ бездушно-пошлаго общества. Эта двойственность эстетизма и романтизма сказывается почти во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ Оскара Уайльда. Въ его комедіяхъ фабула—самая условная, съ романтическими чувствами и обычной фи-

листерской моралью. Авторъ — и въ этомъ его своеобразный демонизмъ—готовъ предоставить своимъ читателямъ ту мораль, къ которой они привыкли и которой они заслуживаютъ; для него важны только разговоры, включенные въ дѣйствіе: въ діалогѣ сверкаетъ его бичующая насмѣшка, оттачиваются его афоризмы, въ которыхъ жизнь приносится въ жертву на алтарь прекраснаго творческаго вымысла. Въ романѣ „Портретъ Доріана Грэ“ фабула тоже романтично-сказочна, съ примѣсью ужасовъ въ духѣ Эдгара Поэ. Но интересъ романа не въ описываемыхъ событіяхъ, а въ интеллектуальныхъ особенностяхъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ и въ той эстетической теоріи жизни, которая создается ими въ бесѣдахъ.

Въ книжку Гагемана не входитъ разборъ одного интереснаго произведенія Оскара Уайльда,—трагедіи „Герцогиня Падуанская“. Гагеманъ только вскользь упоминаетъ, что Оскаръ Уайльдъ, по свидѣтельству французскаго критика Камиля Моклэра, написалъ драму подъ этимъ заглавіемъ, что она въ 1891 году была представлена въ Нью-Іоркѣ, но осталась неизвѣстной въ литературѣ, такъ какъ въ печати никогда не появлялась. Дѣйствительно, она вышла въ свѣтъ только мѣсяца два тому назадъ—и то въ нѣмецкомъ переводѣ Макса Мейерфельда, который перевелъ ее съ единственнаго сохранившагося (съ помѣтками автора) рукописнаго экземпляра драмы. Драма эта или, какъ ее называетъ авторъ, трагедія изъ жизни XVI-го вѣка (въ стихахъ), написана въ духѣ Шекспировскихъ трагедій и представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ по яркости и силѣ двухъ центральныхъ фигуръ, такъ и по мыслямъ, вложеннымъ въ разработку сюжета — тоже чисто романтическаго, какъ и въ другихъ пьесахъ Уайльда.

„Герцогиня Падуанская“ написана въ традиціяхъ стараго театра— и по фабулѣ, и по разработкѣ характеровъ, болѣе стремительно-страстныхъ, нежели сложныхъ и глубокихъ. Индивидуальнаго въ этихъ характерахъ очень мало. Всѣ они—носители рѣзко очерченныхъ романтическихъ страстей, но то, что̀ говорится и совершается ими, отражаетъ особаго рода примиреніе съ жизнью во имя всего, что̀ исходитъ изъ глубины чувства. Въ понятіи о прекрасномъ сливается и подвигъ отреченія, и героическое преступленіе,—таковъ выводъ Оскара Уайльда изъ трагической исторіи его героя, отказывающагося отъ долга мести во имя любви, и его героини, которая во имя любви и рѣшается совершить преступленіе. Для эстета Оскара Уайльда не возникаетъ вопроса, кто изъ двухъ правъ. Поставить такой вопросъ—значило бы вносить въ жизнь этическій критерій, или признавать утилитарную мораль, или основывать стремленіе къ добру на религіозной санкціи. Но всякій морализмъ чуждъ Оскару Уайльду,— все, что̀ проходитъ черезъ подлинное внутреннее переживаніе, что̀

одухотворено отраженіемъ идеальнаго чувства, любви или красоты, все это тѣмъ самымъ и оправдано.

Фабула „Герцогини Падуанской" романтична; она изобилуетъ устарѣлыми эффектами, нарушающими правдоподобность дѣйствія; но, какъ мы уже сказали, Уайльдъ всегда пренебрегаетъ фабулой; онъ беретъ самое знакомое и привычное для публики, чтобы тѣмъ искуснѣе перевернуть всѣ общепринятыя понятія и принципы въ вставленныхъ въ дѣйствіе діалогахъ на принципіальныя темы; или же онъ вноситъ въ условную фабулу самобытный психологическій смыслъ. Послѣднее относится къ трагедіи „Герцогиня Падуанская"; въ ней на фонѣ чисто романтическихъ событій вырисовывается идейный замыселъ, опрокидывающій устои старой морали. Дѣйствіе трагедіи перенесено въ яркую обстановку итальянскаго Возрожденія; оно разыгрывается въ Падуѣ, въ XVI-мъ вѣкѣ. Эти рамки даютъ автору возможность изображать прямолинейные страстные характеры; они болѣе пригодны стать носителями той или другой идеи, чѣмъ люди со сложной современной психологіей, неспособные на опредѣленные поступки вслѣдствіе множественности своихъ психологическихъ мотивовъ. Такими цѣльными трагическими натурами являются герой трагедіи, Гвидо Феранти, и Беатриче, жена падуанскаго герцога, Симона Гессо. Гвидо является въ Падую въ сопровожденіи своего друга Асканіо по очень романтическому случаю: онъ получилъ письмо, въ которомъ его вызывали въ Падую на площадь, ровно въ полдень, съ тѣмъ, чтобы сообщить ему тайну его рожденія. Незнакомецъ, подписавшійся: „другъ твоего отца", сообщилъ, что въ означенный часъ онъ встрѣтитъ Гвидо на площади. Увидавъ человѣка въ фіолетовой мантіи, съ вышитымъ серебрянымъ соколомъ на плечѣ, пусть Гвидо знаетъ, что это—авторъ письма. Эта завязка напоминаетъ мелодрамы очень стараго типа—и драма интересна не ею, также какъ и не дальнѣйшими событіями, а тѣмъ, какъ авторъ пользуется сюжетомъ для своихъ идейныхъ цѣлей. Незнакомецъ является въ назначенное время;—оказывается, что это графъ Моранцоне, играющій въ трагедіи роль духа мести. Отъ него Гвидо узнаетъ, что онъ—сынъ герцога, властителя Пармы, замученнаго въ неволѣ герцогомъ Римини и казненнаго, какъ простолюдинъ, на площади. Самъ герцогъ Римини, Джіованни Малатеста, уже умеръ,—но живъ тотъ, кто предалъ за деньги отца Гвидо его врагу, и этому человѣку Гвидо долженъ отомстить, узнавъ о тайнѣ своего рожденія. Моранцоне разсказываетъ далѣе, что мать Гвидо, узнавъ о захватѣ въ плѣнъ мужа, преждевременно произвела на свѣтъ своего первенца, Гвидо, и сама умерла. Моранцоне же пробрался въ темницу къ герцогу, сообщилъ ему о рожденіи сына и обѣщалъ выростить его для доблестной жизни. Теперь онъ напоминаетъ сыну его священный долгъ мести.

Гвидо пылаетъ негодованіемъ противъ предателя и молитъ только назвать его имя, чтобы немедленно уничтожить его. Но Моранцоне требуетъ не быстраго необдуманнаго поступка, а медлительной и тѣмъ болѣе вѣрной мести. Онъ желаетъ, чтобы Гвидо сдѣлался сначала другомъ намѣченной жертвы, не отходилъ отъ него, льстилъ всѣмъ его капризамъ, и только тогда, когда наступитъ удобный часъ, Моранцоне пришлетъ ему кинжалъ—кинжалъ, принадлежавшій его отцу; съ нимъ въ рукахъ Гвидо долженъ пробраться ночью въ спальню врага, разбудить его и объяснить сначала, чей онъ сынъ, а потомъ исполнить свой долгъ и умертвить его. Моранцоне требуетъ отъ Гвидо клятвы въ томъ, что онъ подчинится его указаніямъ и не умертвитъ врага, пока Моранцоне не прикажетъ ему. Только тогда, когда Гвидо даетъ ему эту клятву, Моранцоне соглашается назвать предателя. Указывая на приближающійся кортежъ герцога Падуанскаго и его придворныхъ, онъ говоритъ, что тотъ, предъ кѣмъ онъ преклонитъ колѣно, и есть убійца отца Гвидо. Понявъ, что рѣчь идетъ о герцогѣ, Гвидо хватается за кинжалъ, а Моранцоне долженъ напомнить ему о клятвѣ, чтобы остановить его. Моранцоне привѣтствуетъ герцога и представляетъ ему Гвидо подъ видомъ своего племянника изъ Мантуи; герцогъ принимаетъ его на службу, сразу давая ему правила своей циничной житейской мудрости, говоря ему, что нужно презирать народъ: „любовь народа—вотъ оскорбленіе, которому я никогда не подвергался". Въ уста герцога авторъ вкладываетъ много своихъ чисто эстетическихъ взглядовъ на жизнь, свой протестъ противъ всего навязаннаго—противъ нравственнаго долга. Онъ нарочно высказываетъ это отъ лица крайне несимпатичнаго герцога, чтобы высказать свое искреннее отчужденіе отъ общепринятой морали подъ видомъ циничныхъ рѣчей тирана. Гвидо выслушиваетъ поученія герцога, обѣщаетъ повиноваться ему и, принятый имъ на службу при дворѣ, цѣлуетъ ему почтительно руку. Послѣ ухода герцога, Гвидо въ ужасѣ отъ своего лицемѣрія, отъ того, что онъ поцѣловалъ руку злѣйшаго врага; но Моранцоне требуетъ исполненія клятвы и говоритъ, что явится въ тотъ моментъ, когда должна свершиться месть. Онъ уже сейчасъ требуетъ первой жертвы отъ Гвидо,—требуетъ, чтобы онъ навсегда разстался съ другомъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Падую. Гвидо, вѣрный клятвѣ, исполняетъ, хотя и противъ воли, требованіе Моранцоне и клянется также отказаться отъ всѣхъ личныхъ радостей, отъ любви, пока не исполнитъ долга мести. Онъ всецѣло отдается своему сыновнему долгу. Въ тотъ моментъ, однако, когда онъ произноситъ отреченіе отъ любви, изъ собора выходитъ кортежъ съ прекрасной женщиной во главѣ; проходя черезъ площадь, она останавливаетъ свой взоръ на Гвидо. На вопросъ ослѣпленнаго ея красотой Гвидо, кто она, ему отвѣчаютъ, что

это—герцогиня Падуанская, т.-е. жена его смертельнаго врага. Съ этой минуты начинается расколъ въ душѣ Гвидо. Полюбивъ сразу Беатриче за ея красоту, Гвидо тѣмъ сильнѣе привязывается къ ней, что она прекрасна душой, добра и заступается за народъ, который угнетаетъ жестокій герцогъ. Глумленія герцога надъ страданіями народа полны ироніи надъ лицемѣріемъ мнимыхъ народолюбцевъ, саркастическими нападками на духовенство, отвѣчающее проповѣдью смиренія на жалобы голодныхъ. Вышучивая все съ цинизмомъ злого тирана, герцогъ низводитъ и демократическіе принципы, заставляя своихъ подданныхъ привѣтствовать себя кликами радости за брошенный въ подачку дукатъ. Въ умѣніи ядовито глумиться надъ всѣмъ общепризнаннымъ — главная сила Уайльда, и потому фигура герцога у него выходитъ очень удачной. Въ его цинизмѣ есть много правды, которую авторъ говоритъ отъ себя,—только прикрываясь тѣмъ, что говоритъ отъ имени „злодѣя". Герцогъ угнетаетъ и заступающуюся за несчастныхъ герцогиню; ея заступничеству онъ не внемлетъ, а ей угрожаетъ смертью, если она не будетъ его послушной рабой. Беатриче несчастна; извергъ-мужъ ей ненавистенъ, и она не понимаетъ, какъ у него нашелся такой преданный слуга и другъ, какъ Гвидо; она не знаетъ, что его преданность—притворная. Но, оставшись наединѣ съ Беатриче, Гвидо не можетъ сдержать загорѣвшуюся въ немъ любовь и говоритъ герцогинѣ о своихъ чувствахъ. Она не скрываетъ, что и онъ сразу пробудилъ ея сердце. Но среди любовныхъ рѣчей герцогиню пугаетъ сверкнувшій изъ двери огненный взглядъ,—это Моранцоне, воплощенный духъ мести. Онъ слѣдитъ, вѣренъ ли Гвидо данной имъ клятвѣ. Черезъ нѣсколько минутъ слуга приноситъ пакетъ Гвидо — въ немъ оказывается кинжалъ, долженствующій напомнить Гвидо, что пришло время дѣйствовать. Гвидо вспоминаетъ о забытомъ долгѣ, въ отчаяніи говоритъ Беатриче, чтобы она забыла о его любви, такъ какъ теперь между ними стоитъ непреодолимая преграда. Онъ покидаетъ ее совершенно растерянную, не понимающую внезапной перемѣны въ немъ. Подвергаясь снова глумленію вернувшагося во дворецъ герцога, Беатриче рѣшаетъ сначала убить себя, потомъ, подъ вліяніемъ горькой обиды, ненависти къ герцогу и, главное,—любви къ Гвидо, она принимаетъ иное, болѣе страшное рѣшеніе — убить герцога, чтобы не восторжествовала злоба, тѣшащаяся надъ невинными жертвами.

Въ третьемъ дѣйствіи ярко выдвинута основная идея трагедіи. Гвидо говоритъ Моранцоне, что онъ отказывается совершить дѣло мести. Любовь озарила его душу и сдѣлала невозможнымъ насиліе и преступленіе. Моранцоне тщетно напоминаетъ ему о сыновнемъ долгѣ и о клятвѣ,—Гвидо говоритъ, что его месть будетъ иною; онъ отнесетъ кинжалъ въ спальню герцога, положитъ ему его на грудь, съ запи-

ской, изъ которой онъ узнаетъ, кто пощадилъ его. Это, быть можетъ, вернетъ къ добру его закоренѣлую въ грѣхѣ душу. Моранцоне уходитъ, и Гвидо направляется въ спальню герцога, чтобы исполнить свое намѣреніе; но на встрѣчу ему выходитъ Беатриче и объявляетъ, что всѣ преграды къ ихъ счастью исчезли, такъ какъ она убила мужа. Гвидо—въ ужасѣ, и осыпаетъ ее проклятіями за то, что она убила ихъ счастье, ихъ любовь своимъ преступленіемъ. Беатриче признаетъ себя правой, — она совершила свое дѣло во имя любви, т.-е. во имя того же чувства, которое убило въ Гвидо способность творить зло. Она молитъ его сначала примириться съ собой, принять счастье, купленное такой цѣной, но, ожесточенная его отпоромъ, проникается мстительнымъ чувствомъ къ нему — и, при появленіи стражи, указываетъ на Гвидо какъ на убійцу герцога. Въ четвертомъ актѣ изображенъ судъ надъ Гвидо, и авторъ опять имѣетъ случай проявить свой тонкій саркастическій умъ въ разговорахъ падуанскихъ гражданъ, разсуждающихъ о правосудіи.

Моранцоне убѣжденъ, что убійство совершила Беатриче, а не Гвидо, и умоляетъ обвиняемаго, говоря съ нимъ вполголоса, чтобы онъ открылъ правду и тѣмъ отомстилъ женѣ убійцы своего отца. Гвидо проситъ права голоса, принадлежащаго ему по закону,—съ тѣмъ чтобы назвать имя истиннаго убійцы. Судъ готовъ предоставить ему это право, но герцогиня, боясь его признанія, настаиваетъ на своемъ правѣ карать убійцу; она протестуетъ противъ предоставленія ему слова. Опять одно и то же чувство ведетъ двухъ любящихъ въ противоположныя стороны: Гвидо — къ высотамъ самоотверженнаго героизма, Беатриче—въ бездну бушующихъ себялюбивыхъ страстей; ослѣпленная жаждой мести къ Гвидо, она хочетъ во чтò бы то ни стало погубить его—и спасти себя, наперекоръ и законамъ, и внутренней справедливости. Но когда все-таки Гвидо получаетъ слово, онъ объявляетъ, что убійца герцога—онъ самъ, и молитъ только, чтобы его казнили ночью, такъ какъ онъ не хочетъ еще разъ взглянуть на свѣтъ солнца. Онъ довелъ до конца подвигъ просвѣтленной любви—и этимъ спасъ и Беатриче отъ ложныхъ внушеній мести. Въ послѣднемъ дѣйствіи она приходитъ въ темницу къ осужденному, выпиваетъ приготовленный для него ядъ; кубокъ съ ядомъ приготовленъ на тотъ случай, если осужденный предпочтетъ самоубійство, на которое онъ имѣетъ право. Уже увѣренная въ близости смерти, она будитъ спящаго Гвидо и умоляетъ его убѣжать. Онъ не соглашается уйти, считая единственнымъ для себя счастіемъ умереть за нее, и хочетъ выпить ядъ; тогда оказывается, что ядъ уже выпитъ Беатриче; онъ умираетъ вмѣстѣ съ ней, заколовъ себя кинжаломъ. Беатриче умираетъ со словами, что если она и грѣшила, то ей это простится за то, что она много лю-

сила. На этомъ кончается трагедія, оправдывающая и силу добра, и силу зла, порожденную глубиной чувства.

II.

Hermann Bahr. „Theater". Ein Wiener Roman. Стр. 231. Berlin.

Германъ Баръ принадлежитъ къ числу вѣнскихъ молодыхъ писателей, — романистовъ, драматурговъ и критиковъ, которые вносятъ въ нѣмецкій стиль французскую легкость тона и побѣждаютъ драматизмъ жизненныхъ переживаній скептически примиряющей улыбкою. Очень близокъ въ этомъ отношеніи къ французамъ Артуръ Шнитцлеръ, но прямымъ посредникомъ между „молодой Франціей" съ конца минувшаго вѣка и новѣйшей нѣмецкой литературой является Германъ Баръ. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, знаетъ жизнь артистической и литературной молодежи и первый ввелъ въ нѣмецкую литературу понятіе о французскомъ fin de siècle. Послѣ того онъ сталъ въ критикѣ толкователемъ новѣйшихъ литературныхъ движеній всѣхъ европейскихъ странъ, и среди всего написаннаго о символизмѣ, книги Бара—„Rennaissance" и „Ueberwindung des Naturalismus" — быть можетъ наиболѣе интересныя по мѣткости формулировокъ и умѣнію вникнуть въ психологію того или другого момента литературной жизни.

Германъ Баръ, вмѣстѣ съ тѣмъ — драматургъ; въ послѣдніе годы онъ особенно прославился своими пьесами для театра. Нѣкоторыя изъ его пьесъ любопытны для характеристики вѣнской жизни, какъ, напр., „Der Star", „Das Tschaperl", но болѣе самостоятельное и широкое значеніе имѣютъ другія его пьесы, какъ „Атлетъ" и „Властелинъ жизни" (Der Meister); въ нихъ Баръ является въ своей излюбленной и наиболѣе удающейся ему роли проповѣдника новыхъ идей. Какъ въ своихъ критическихъ очеркахъ онъ звалъ отъ побѣжденнаго натурализма къ идеаламъ символическаго искусства, такъ въ „Атлетѣ" и въ „Властелинѣ жизни" онъ изображаетъ носителей ницшеанскаго идеала свободы и власти надъ страстями. Его герои принадлежатъ еще будущему,—въ дѣйствительной жизни ихъ еще побѣждаетъ старое; правда стихійныхъ страстей оказывается выше освобождающаго разума. Эти пьесы, въ особенности вторая, написаны съ огромнымъ знаніемъ театра, съ умѣніемъ ярко выдвинуть основную идею, удачно выбрать освѣщающіе ее характеры.

Знаніе театра обнаруживается и въ романѣ Германа Бара „Театръ", вышедшемъ недавно новымъ изданіемъ. Въ немъ Германъ Баръ изла-

гаетъ свои мысли о драматическомъ искусствѣ; онъ удачно пользуется своимъ знаніемъ театральнаго міра, для изображенія интересныхъ типовъ актерской среды. Романъ интересенъ не своей фабулой,— авторъ какъ бы нарочно избираетъ очень обыденное происшествіе— любовь молодого драматурга къ актрисѣ, прекрасно исполнившей главную роль въ его пьесѣ и создавшей ему огромный успѣхъ; но на фонѣ этой банальной исторіи Баръ освѣщаетъ вопросъ о томъ, что̀ составляетъ обаяніе театра, почему онъ тянетъ и засасываетъ людей; онъ показываетъ также, какъ въ перспективѣ закулисной жизни измѣняются всѣ чувства, извращаются всѣ отношенія, исчезаетъ всякая подлинность жизненныхъ переживаній. Разсказъ ведется отъ имени писателя, который готовился сначала къ ученой карьерѣ, потомъ сдѣлался журналистомъ, сталъ во главѣ газеты, посвященной идеямъ литературной молодежи, потомъ вдругъ прославился театральной пьесой и попалъ въ центръ актерской жизни. Черезъ полгода появилась на сценѣ его вторая пьеса, но она съ трескомъ провалилась, и съ тѣхъ поръ онъ отошелъ отъ театра, оставилъ журналистику, поселился въ Мюнхенѣ и возобновилъ свои филологическіе труды. Но за эти полгода онъ испыталъ все, что̀ можетъ дать театръ и актерская среда. „Моя исторія,—говоритъ онъ своему собесѣднику,—начинается съ премьеры и заканчивается премьерой. Между ними прошло полгода, но для меня это время равняется цѣлой жизни—такъ много я испыталъ“. Онъ разсказываетъ, что сдѣлался драматургомъ случайно: въ своей газетѣ онъ преслѣдовалъ сатирическими выходками отсталость во всѣхъ областяхъ, и, между прочимъ, всячески вышучивалъ директора одного изъ видныхъ театровъ. Вдругъ этотъ самый директоръ явился къ нему съ предложеніемъ передѣлать въ пьесу для театра одну изъ его „вѣнскихъ сатиръ“, рисующую молодую дѣвушку изъ финансоваго міра, испорченную безцеремонностью гостей своего отца и въ то же время глубоко несчастную. Журналистъ принимаетъ предложеніе; черезъ нѣсколько времени пьеса его написана, поставлена и имѣетъ неожиданно огромный успѣхъ. Чувства неожиданно прославившагося автора, въ день перваго же представленія, изображены въ романѣ очень живо. Разсказчикъ говоритъ, что ничего не помнитъ обо всемъ, что̀ происходило; въ памяти у него сохранился только шлемъ пожарнаго; онъ слышалъ крики и чувствовалъ въ своей рукѣ дрожащую руку молодой актрисы, игравшей роль героини и сразу прославившейся вмѣстѣ съ нимъ. Изъ-за нея онъ и переживаетъ тяжелую душевную драму. Они знакомятся послѣ спектакля, когда она появляется въ тавернѣ, куда пошли директоръ, авторъ и актеры, и кажется отуманенному драматургу какимъ-то сверкнувшимъ бѣлымъ огонькомъ. Она заходитъ только на минуту, чтобы поблагодарить про-

славившаго ее автора, и, пожавъ его руку, быстро исчезаетъ. Но уже на слѣдующій день, когда авторъ идетъ къ ней съ визитомъ и застаетъ ее въ странной, полу-роскошной, полу-цыганской обстановкѣ, она съ безудержностью легкомысленныхъ натуръ бросается ему въ объятія, очевидно принимая свое чувство благодарности за проснувшуюся любовь. Завязывающійся такъ быстро романъ съ актрисой вводитъ героя Бара въ сферу театральныхъ интересовъ, и онъ старается уяснить себѣ, въ чемъ обаяніе театра для всѣхъ—отъ приказчика до министра. Баръ пытается отвѣтить на этотъ вопросъ, т.-е. дать формулу сценическаго искусства, или, вѣрнѣе, психологіи актеровъ и актрисъ. „Театръ обаятеленъ тѣмъ,—говоритъ Баръ,—что удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ требованіямъ и ожиданіямъ. Но если подходить къ театру безъ предвзятыхъ требованій, если искать въ чемъ его самобытное значеніе, то ничего не получится. Театръ—такъ же и арена для аферистовъ, которые подлаживаются подъ вкусъ публики, предлагаютъ ей модный товаръ; но театръ влечетъ и людей, чуждыхъ практическихъ интересовъ, мечтателей, служителей красоты. И вмѣстѣ съ тѣмъ театръ способствуетъ развитію дурныхъ инстинктовъ. Какъ сказать, кто составляетъ театральный міръ—аферисты ли, мечтатели или служители сатаны? Афера переходитъ въ мессу, месса въ оргію, возвышенное и позорное сливаются воедино,—и потому всякій находитъ себя же въ театрѣ. Самъ по себѣ театръ—ничто; онъ ускользаетъ отъ точнаго анализа, сверкая измѣнчивой, соблазнительной загадкой, какъ сама жизнь. И потому столькихъ людей влечетъ къ театру, что они надѣются найти весь міръ въ этомъ тѣсномъ кругу. Театръ—какъ бы небольшихъ размѣровъ атласъ жизни: вотъ каковой мнѣ кажется его формула, вотъ почему такъ много людей стремятся къ театру. Иначе нельзя себѣ объяснить его обаяніе. Поэты живутъ для себя, живописцы имѣютъ свою маленькую общину, но всѣ люди интересуются театромъ и актерами. Это какое-то темное, метафизическое влеченіе: отъ актеровъ хотятъ узнать смыслъ жизни".

Въ этой мѣткой характеристикѣ Баръ вѣрно отмѣтилъ двѣ основныя черты театральной среды: отсутствіе подлинности всѣхъ переживаній вмѣстѣ съ открытой возможностью испытывать всю гамму человѣческихъ чувствъ. Въ совмѣщеніи этихъ контрастовъ, включающихъ жизнь отъ полюса до полюса, заключается главное обаяніе театра—но и его проклятіе, какъ доказываетъ Баръ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ. Раздвоенность актера, чувствующаго въ себѣ и воплощенный имъ образъ, и свою индивидуальную личность, дѣлаетъ его одинаково открытымъ и для самаго высокаго, и для самаго низкаго, вноситъ элементъ игры въ его переживанія—и лишаетъ его самоцѣльности. Ни въ какомъ другомъ искусствѣ нѣтъ надобности въ

столь полномъ отрѣшеніи отъ себя для перевоплощенія въ создаваемый образъ. Это отсутствіе подлинности, какъ условіе сценическаго таланта, особенно подчеркивается Баромъ въ его злыхъ, но несомнѣнно вѣрно наблюденныхъ актерскихъ портретахъ, служащихъ ему для иллюстраціи его мнѣній о сущности сценическаго искусства и его служителей. Особенно удачна въ этомъ смыслѣ фигура талантливаго комика Мерца въ романѣ. „Его лицо,—разсказываетъ герой Бара,—всегда складывалось въ самыя разнообразныя гримасы, такъ что его общество было истиннымъ страданіемъ для нервныхъ людей. И видъ его и манеры напоминали обезьяну. Онъ всегда кого-нибудь копировалъ,—иначе ему было не по себѣ. Никогда нельзя было услышать его собственный голосъ, никогда не приводилось мнѣ поймать его на естественномъ движеніи. На улицѣ съ нимъ непріятно было ходить, потому что онъ все время то хромалъ, то волочилъ ногу, то всячески ломался. Но при всемъ томъ это былъ самый забавный человѣкъ, какого только можно себѣ представить. Впрочемъ, я иногда сомнѣвался, дѣйствительно ли онъ человѣкъ. Онъ могъ быть кѣмъ угодно, но долженъ былъ всегда быть кѣмъ-нибудь другимъ—самъ онъ какъ бы не существовалъ. Его проклятіе заключалось въ томъ, чтобы быть всегда другимъ человѣкомъ. Это именно проклятіе; что можетъ быть ужаснѣе, чѣмъ если, здороваясь съ кѣмъ-нибудь, человѣкъ прежде всего думаетъ, кого ему при этомъ копировать? Его, однако, это не стѣсняло,—и я увѣренъ, что, оставаясь наединѣ, онъ долженъ былъ всегда играть". Отъ его лица Баръ высказываетъ свои самыя рѣзкія сужденія объ актерахъ. „Онъ презиралъ театръ,—говоритъ разсказчикъ,—и выходилъ изъ себя, когда говорили о сценическомъ искусствѣ. Со стороны актеровъ наглость—считать себя художниками,—говоритъ онъ.—У художника есть душа, которую онъ умѣетъ выразить другимъ людямъ. А между тѣмъ сущность актера—въ томъ, чтобы не имѣть души; у него есть только тѣло, которое умѣетъ вмѣстить въ себя всякую душу, или, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что вмѣщаетъ. „Мы шуты,—кричалъ онъ,—балаганные фокусники и акробаты, и какъ бы насъ ни награждали орденами и титулами, мы не бываемъ честны. Къ тому же, мы продаемъ за деньги свои чувства—и это отвратительно". Послѣдній аргументъ онъ особенно любилъ выдвигать, требуя прибавки жалованья у директора. Какъ только онъ имѣлъ успѣхъ въ новой роли, онъ моментально садился писать письмо о прибавкѣ жалованья. Онъ писалъ, что ему стыдно, и что онъ требуетъ вознагражденія именно поэтому. Не за свои заслуги передъ искусствомъ требовалъ онъ платы, а за унизительность своего ремесла.

Конечно, въ этомъ портретѣ талантливаго актера-циника преуве-

личено „проклятіе притворства“, извращающее психологію актеровъ; но основная мысль—въ томъ, что самаго цѣннаго во всякомъ искусствѣ, души художника, раскрывающей себя другимъ душамъ, въ актерѣ нѣтъ и не должно быть; нужно только умѣніе перенимать чужія души.

Понимая такимъ образомъ психологію сценическаго искусства, Баръ вовсе не противникъ театра; напротивъ того, онъ показываетъ, какъ увлекательна сцена—и для писателя по быстротѣ общенія съ публикой, по возможности непосредственно видѣть дѣйствіе своихъ мыслей и своихъ образовъ на зрителей, и для людей, стоящихъ внѣ искусства, по яркости, съ которой вся жизнь воплощается на сценѣ. Но, увлекаясь сценой, нужно знать, что всякій актеръ и всякая актриса—все и ничего, и не нужно искать въ личности актера той красоты, которую онъ способенъ воплощать. Жизненная драма героя Бара происходитъ отъ того, что онъ не руководствовался этимъ правиломъ, а повѣрилъ въ прекрасную и тонкую душу талантливой красавицы актрисы, и полюбилъ ее, какъ человѣка своего міра. А между тѣмъ оказалось, что она именно—„все и ничего“, что она въ состояніи была, будто бы, отвѣчать любовью на любовь, проявлять сокровища нѣжной женственности, быть граціозной, изысканно-изящной даже въ повседневномъ быту, когда она поселяется вмѣстѣ съ полюбившимъ ее писателемъ, упоеннымъ ея внѣшней и внутренней красотой. Они скрываютъ свое счаетье отъ людей, тѣмъ болѣе, что у писателя есть семья, жена и сынъ, отъ которыхъ онъ долженъ таить свое увлеченіе. Жена его догадывается о настоящей причинѣ его отъѣзда изъ дому—будто бы для того, чтобъ, поселясь отдѣльно, онъ скорѣе и успѣшнѣе могъ закончить свою новую пьесу, заказанную ему директоромъ театра, послѣ шумнаго успѣха его первой комедіи. Она принимаетъ его объясненіе и не мѣшаетъ его счастью. Но идиллія любви и красоты постепенно разрушается, когда обнаруживается истинная натура актрисы; она груба, вульгарна и чувствуетъ себя хорошо только среди распущенности и грязи. Писатель знакомится съ родителями актрисы, и онъ ужасается, что такое изысканно прекрасное существо, какъ его возлюбленная, могла выйти изъ столь низменной среды. Отецъ—красавецъ итальянецъ, тунеядствующій всю жизнь, то какъ натурщикъ, то какъ продавецъ въ загородныхъ садахъ, гдѣ его опаивали кутящія компаніи,—циничный, грубый и невѣжественный человѣкъ; мать—испробовала всяческія ремесла, пыталась даже торговать своей дочерью, жадная, уродливая старуха. И дочь не чувствуетъ себя чужой этимъ людямъ. Она ругается съ матерью, уличая ее въ мошенническихъ продѣлкахъ, но всецѣло раздѣляетъ ея интересы, а отцомъ своимъ даже гордится, потому что онъ такъ

красивъ. Постепенно, когда ихъ любовь перестаетъ быть тайной, актриса снова поселяется въ своей прежней большой квартирѣ, гдѣ ея возлюбленный становится постояннымъ гостемъ: онъ уходитъ въ свою одинокую комнатку только для работы. Начинается прежняя богемная жизнь актрисы, и писатель съ ужасомъ глядитъ на общество, которымъ его красавица съ тонкой душой окружаетъ себя. Онъ узнаетъ, каковы ея вкусы, что̀ она называетъ весельемъ, и какъ она относится къ своему искусству. Онъ хочетъ говорить съ ней по существу о ея новыхъ роляхъ, тѣмъ болѣе, что послѣ ея успѣха въ его пьесѣ ей даютъ роли героинь въ Шекспировскихъ комедіяхъ. Но онъ убѣждается, что она не въ состояніи понять его объясненій, а только за нѣсколько дней до перваго представленія запирается у себя и какъ-то по-своему, чутьемъ создаетъ вѣрный и художественный образъ изъ своей роли. А разъ создавъ, она уже перестаетъ чувствовать его нервами и механически повторяетъ задуманное. Писатель убѣждается въ низшей натурѣ своей возлюбленной на праздникѣ, который она устраиваетъ у себя, и на которомъ она ведетъ себя съ истиннымъ уродствомъ, соперничая съ комикомъ Мерцемъ въ цинизмѣ. Окончательный ударъ въ любви къ ней наноситъ случайно раскрывшійся для писателя фактъ ея измѣны. Когда онъ ночью, страдая отъ безсонницы вслѣдствіе накопившагося раздраженія и разочарованія, выходитъ изъ дому и машинально направляетъ шаги къ дому актрисы, онъ видитъ въ окнахъ ея свѣтъ; черезъ нѣсколько времени изъ воротъ дома выходитъ Мерцъ, останавливается противъ окна, у котораго появляется актриса въ капотѣ, и они мимируютъ любовное прощаніе, причемъ комикъ, по обыкновенію, гримасничаетъ и гаерничаетъ. Измѣна ради уродливаго шута, почти лишеннаго человѣческаго образа, убиваетъ любовь; но писатель не хочетъ порвать съ актрисой, прежде чѣмъ пойдетъ новая пьеса, потому что не хочетъ рисковать успѣхомъ ея; онъ скрываетъ свою ярость, и даетъ ей волю только дома, гдѣ онъ разбиваетъ все, что̀ только напоминаетъ о ней. Къ актрисѣ онъ недѣлю не ходитъ, потомъ снова является, говоритъ о пьесѣ, вызываетъ актрису на похвалы Мерцу и замышляетъ месть противъ нихъ обоихъ. До перваго представленія возможность всякихъ сценъ и объясненій исчезаетъ, потому что занятая своей ролью актриса перестаетъ быть женщиной. На генеральной репетиціи, при видѣ Мерца, авторъ пытается устроить ему скандалъ, отнять у него роль. Но директоръ кое-какъ примиряетъ ихъ, и наступаетъ день перваго представленія, страшный для автора, у котораго дурныя предчувствія. Пьеса проваливается—и это все разрѣшаетъ. Когда авторъ является въ уборную къ своей прежней возлюбленной, его не пускаютъ. Онъ только слышитъ ея слова: „Скажите ему, чтобы

онъ поискалъ себѣ другую дуру. Мнѣ такихъ авторовъ не нужно". Этотъ финалъ уже не удивляетъ писателя, который понялъ наконецъ, что онъ любилъ не живое существо, а иллюзію, и понялъ правду относительно сцены. Онъ возвращается къ своей женѣ, оставляетъ навсегда мысли о театрѣ и ищетъ успокоенія въ мирныхъ книжныхъ занятіяхъ. Въ романѣ интересенъ рядъ типовъ, составляющихъ театральную среду. Всѣ они служатъ автору для иллюстраціи его мысли о театрѣ и объ актерахъ.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

1833—1904 гг.

26-го ноября минувшаго года скончался А. Н. Пыпинъ. Чѣмъ онъ былъ для „Вѣстника Европы“—это хорошо знаютъ наши читатели, въ особенности тѣ, которымъ памятна вся почти сорокалѣтняя исторія журнала. Постоянно, съ 1867 г., участвуя въ трудахъ редакціи, отмѣчая, въ „Литературномъ Обозрѣніи“, все выдающееся въ близкихъ ему областяхъ науки и жизни, А. Н. проводилъ черезъ „Вѣстникъ Европы“ всѣ тѣ труды, изъ которыхъ составлялись впослѣдствіи капитальныя, часто многотомныя ученыя его работы. Отсюда—особый характеръ его журнальной дѣятельности. Многое изъ того, что появляется въ періодическихъ изданіяхъ, пишется подъ вліяніемъ минуты и, вмѣстѣ съ нею или вслѣдъ за нею утрачивая свой интересъ, почти неизбѣжно обречено на скорое забвеніе. Не таковы были, обыкновенно, статьи А. Н. Пыпина. Задуманныя и исполненныя планомѣрно, на основаніи глубокаго и тщательнаго изученія даннаго предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ предназначенныя для такъ называемой широкой публики, онѣ соединяли въ себѣ точность научнаго изслѣдованія съ доступностью изложенія. Пересмотрѣнныя и дополненныя, онѣ легко переходили со страницъ журнала на страницы книги и становились прочнымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы. Значеніе ихъ увеличивалось тѣмъ, что А. Н. Пыпинъ былъ не только ученымъ, но и публицистомъ. Неизгладимый слѣдъ оставили въ немъ его молодые годы. Свои воспоминанія о нихъ А. Н. изложилъ въ книгѣ: „Н. А. Некрасовъ“, вышедшей въ свѣтъ за мѣсяцъ до его смерти. Надъ всѣмъ кружкомъ, къ которому, едва сойдя съ университетской скамьи, примкнулъ А. Н., носилась свѣжая еще память о Бѣлинскомъ: она поднимала, поддерживала его даже въ тяжелую эпоху восточной войны, до пробужденія, ознаменовавшаго собою начало новаго царствованія. „Высоко ставилось“—по словамъ А. Н.—„дѣло литературы; съ дѣломъ литературы само собою соединялось и предполагалось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность“. Понятно, что именно здѣсь, гдѣ свѣточъ свободной мысли не угасалъ во время наиболѣе сгустившагося мрака, съ особенною силой отразился подъемъ духа, вызванный эпохою великихъ реформъ. Новыя стремленія выдвинули на первый планъ новыхъ людей: въ редакціи „Современника“ выдающуюся

роль сталъ играть Н. Г. Чернышевскій, родственникъ и другъ А. Н. Пыпина; къ нему вскорѣ присоединился Н. А. Добролюбовъ. „Вопросы общественные стали господствующимъ интересомъ"—и властно захватили собою молодого историка литературы. На первыхъ порахъ, занятый сначала приготовленіемъ къ занятію университетской каѳедры, потомъ чтеніемъ лекцій, А. Н. не могъ удѣлять много времени движенію, кипѣвшему вокругъ него—но не колебался ни минуты, когда усвоенные имъ взгляды потребовали отъ него, въ 1861 г., тяжелой жертвы: отказа отъ профессуры, которой онъ только-что достигъ и къ которой его влекло призваніе. Вмѣстѣ съ четырьмя другими профессорами, съ которыми его навсегда сблизило воспоминаніе объ этой минутѣ, онъ оставилъ университетъ—и, продолжая и углубляя свои ученыя изысканія, соединилъ съ ними отвѣтственную и трудную работу журналиста. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ раздѣлялъ съ Некрасовымъ редактированіе „Современника"—и въ то же время составилъ, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ". Славянству посвящены и многія статьи, напечатанныя имъ въ „Вѣстникѣ Европы". Другой предметъ, на которомъ, съ шестидесятыхъ годовъ, останавливается его вниманіе—развитіе русской общественной мысли. Начавъ съ изученія масонства и другихъ религіозныхъ теченій, которыми отмѣчены конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка, онъ скоро перешелъ къ болѣе широкимъ картинамъ и далъ, въ двухъ большихъ сочиненіяхъ („Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I" и „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ"), изображеніе умственной работы, подготовившей переходъ отъ до-реформенной къ послѣ-реформенной Россіи. Одному изъ важнѣйшихъ эпизодовъ этой работы—дѣятельности Бѣлинскаго—А. Н. посвятилъ цѣлую книгу, уплативъ, такимъ образомъ, долгъ благодарности тому, подъ чьей невидимой эгидой сложились и окрѣпли основы его умственнаго и нравственнаго склада... Въ позднѣйшихъ монументальныхъ трудахъ А. Н. Пыпина—„Исторіи русской этнографіи" и „Исторіи русской литературы"—научный элементъ беретъ верхъ надъ общественнымъ, отнюдь, однако, его не вытѣсняя. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, что въ А. Н. до конца не угасалъ интересъ къ идеямъ, увлекавшимъ его въ молодости, служитъ, вмѣстѣ съ названнымъ уже нами сочиненіемъ о Некрасовѣ, книга его о Салтыковѣ.

Имя А. Н. Пыпина хорошо извѣстно не одной только образованной Россіи: оно пользуется уваженіемъ и авторитетомъ вездѣ, гдѣ живутъ славяне. По отношенію къ нимъ А. Н. былъ не только безпристрастнымъ наблюдателемъ-историкомъ, но и искреннимъ, разумнымъ другомъ. Чуждый славянофильскихъ мечтаній о „русскомъ морѣ", въ которомъ должны слиться „славянскіе ручьи", онъ признавалъ за всѣми

славянскими народами, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежали, одинаковое право на самостоятельное развитіе. Стремленію къ свободѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, А. Н. сочувствовалъ вездѣ, гдѣ бы оно ни проявлялось. Онъ велъ борьбу не только съ „обрусителями", съ ультра-націоналистами, съ сторонниками мнимо-патріархальныхъ порядковъ, но и съ тѣми узкими народниками, которые провозглашали несовмѣстимость высокой культуры съ матеріальнымъ благосостояніемъ народной массы. Искусственное „опрощеніе" онъ считалъ излишнимъ, даже опаснымъ. Въ прошедшемъ онъ останавливался съ особенною любовью на тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ находилъ задатки лучшаго будущаго. „Молодое либеральное поколѣніе" — говоритъ онъ, напримѣръ, о декабристахъ — „рѣшительно отказывалось отъ идеала, который рисовалъ русскому обществу Карамзинъ; его нисколько не прельщали и не обманывали архаическія красоты добраго стараго времени. Что оно вѣрнѣе видѣло истинныя потребности русской жизни—достаточно показала дальнѣйшая исторія. Общественное самосознаніе, свободный отъ иллюзій и предубѣжденій взглядъ на дѣйствительность никогда раньше не высказывались у насъ съ такой настоятельностью"... Возражая тѣмъ, кто видитъ въ движеніи двадцатыхъ годовъ только „легкомысленное увлеченіе западной либеральной модой", А. Н. считалъ его вполнѣ русскимъ и народнымъ: не даромъ же у его вождей стояло на первомъ планѣ освобожденіе крестьянъ. Если народъ отнесся къ нему безучастно, то просто потому, что оно не было извѣстно народу. Вопросъ, поставленный А. Н. Пыпинымъ по этому поводу болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ: „знаетъ ли народъ и теперь свои славныя имена"?—почти съ такимъ же правомъ могъ бы быть повторенъ и въ настоящее время.

Съ той же точки зрѣнія защищаетъ А. Н. и тѣхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ, которыхъ упрекали въ систематическомъ недоброжелательствѣ къ существовавшему тогда порядку вещей. Ихъ вина—читаемъ мы въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній"—„ихъ вина состояла только въ томъ, что они лучше массы общества понимали истинный интересъ народа и государства: они не хотѣли повторять льстивой лжи о всеобщемъ благополучіи и видѣли тѣ слабыя стороны общества и государства, которыя нуждались въ перемѣнѣ и по требованію разумной справедливости, и по требованію національнаго сохраненія. Первое испытаніе, которое встрѣтилось потомъ націи, подтвердило ихъ предвидѣнія и повело общество на тотъ путь преобразованія, какого они давно желали". Такіе взгляды, обоснованные съ свойственною А. Н. Пыпину обстоятельностью и ясностью, проливаютъ массу свѣта не только назадъ, но и впередъ. Многое изъ сказаннаго имъ о двадцатыхъ и сороковыхъ годахъ было примѣнимо, mutatis mutandis,

и къ семидесятымъ годамъ, когда написаны приведенныя выше строки —и остается примѣнимымъ къ нашему времени, когда начинается, повидимому, осуществленіе идей, давно назрѣвшихъ въ передовыхъ рядахъ общества и литературы.

Для личнаго спокойствія А. Н. Пыпина было бы, быть можетъ, лучше, еслибы призывъ его въ Академію Наукъ состоялся тогда, когда онъ былъ впервые задуманъ, т.-е. въ началѣ семидесятыхъ годовъ; но русская наука мало проиграла, а русское общество много выиграло отъ того, что эта мирная пристань открылась для А. Н. только въ концѣ его многотрудной жизни. Менѣе гармоничнымъ и полнымъ, по всей вѣроятности, оказалось бы соединеніе, въ лицѣ А. Н., двухъ указанныхъ нами типовъ, еслибы ученый рано оттѣснилъ на второй планъ общественнаго дѣятеля. Область знанія и теперь расширена трудами А. Н. Пыпина — но двойственный ихъ характеръ упрочилъ за ними, сверхъ того, глубоко-жизненное значеніе. До крайности прискорбнымъ кажется намъ, наоборотъ, другой пробѣлъ въ дѣятельности А. Н. Пыпина, до конца оставшійся невосполненнымъ. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть выдающимся, любимымъ наставникомъ молодежи—а между тѣмъ для него рано закрылась профессорская каѳедра. Правда, онъ сошелъ съ нея добровольно—но только потому, что въ данную минуту этого требовало сознаніе долга. Еслибы она была предложена ему вновь, при другихъ условіяхъ, онъ, мы въ этомъ убѣждены, не отказался бы принять ее, и для университета была бы сохранена крупная сила, а для самого А. Н. открылся бы новый источникъ воздѣйствія на общество. Скромный по натурѣ, привыкшій къ кабинетному труду, А. Н. очень рѣдко выступалъ публично. Его непосредственное вліяніе, всегда благотворное, испытывалъ на себѣ только тѣсный кругъ болѣе или менѣе близкихъ къ нему людей —а въ университетѣ оно распространялось бы на сотни и тысячи воспріимчивыхъ слушателей. Съ этой точки зрѣнія А. Н. Пыпина можно причислить къ тѣмъ даровитымъ русскимъ дѣятелямъ, которымъ условія русской жизни помѣшали дать все то, на что они были способны, развить до конца всѣ свои силы.

Подробная оцѣнка научно-литературнаго наслѣдства, оставленнаго А. Н. Пыпинымъ — дѣло будущей коллективной работы: участіе въ ней должны принять спеціалисты по всѣмъ отраслямъ знанія, которыхъ касался покойный. Она уже началась въ Вѣнѣ, во Львовѣ; къ ней присоединятся, конечно, и товарищи покойнаго по Академіи наукъ, и профессора нашихъ университетовъ, и представители различныхъ отдѣловъ нашей литературы.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1905.

Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній. — Странное происшествіе въ Тамбовѣ.—Идеологія и законность.—Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.—Изъ области цензуры и печати. — Юбилеи „Русской Мысли", Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. І. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.

Болѣе тяжелаго года, чѣмъ минувшій, никогда еще, со временъ смуты, ознаменовавшей собою начало XVII-го вѣка, не переживала Россія. Къ безпримѣрнымъ, по своей продолжительности и интенсивности, ужасамъ войны, окончаніе которой и теперь еще трудно предвидѣть, присоединилось, въ теченіе лѣта, возобновленіе политическихъ убійствъ. Вскорѣ послѣ того началась быстрая смѣна надеждъ и разочарованій. Казалось, по временамъ, что Россія вступаетъ въ новый періодъ своей исторической жизни—но бывали минуты, когда застой грозилъ вступить въ свои прежнія права или даже превратиться въ регрессъ. Два пріобрѣтенія „новая эпоха новыхъ вѣяній" оставитъ по себѣ несомнѣнно. Благодаря ей, вышло на свѣтъ многое, скрывавшееся во мракѣ; благодаря ей, до очевидности ясными стали и главныя потребности русскаго народа, и главные пути, ведущіе къ ихъ удовлетворенію. Общность взглядовъ, близкая къ единодушію, обнаружилась тамъ, гдѣ были, повидимому, всѣ условія для разногласія; стремленія, прежде проявлявшіяся въ сферѣ небольшихъ группъ, оказались широко распространенными и прочно укоренившимися. Ноябрь 1904-го года навсегда, поэтому, займетъ выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ русской жизни. Ознаменовавшій его подъемъ духа не прекратился и тогда, когда напомнили о себѣ не отмѣненныя еще преграды. Никогда, кажется, не ожидалась съ такимъ нетерпѣніемъ сессія губернскихъ земскихъ собраній; никогда еще засѣданія тѣхъ изъ нихъ, которыя открылись до половины декабря, не привлекали въ такой степени общее вниманіе. Въ Калугѣ, Черниговѣ, Херсонѣ, Орлѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Москвѣ—интересъ къ дѣятельности земства былъ настолько же великъ, насколько полна жизни была самая дѣятельность.

Открытіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія совершилось, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", при совершенно необычайной обстановкѣ. „Внутренніе и наружные входы

въ помѣщеніе собранія охранялись полиціей. Прибывшей публикѣ было объявлено, что пускаютъ только по билетамъ. Это было новостью для тамбовцевъ. Удивленію публики не было границъ, когда она узнала, что уже задолго до начала собранія всѣ билеты, въ числѣ 150, были розданы. На протесты публики стража объявляла, что таково распоряженіе предсѣдателя собранія. Тѣ, кому удалось все-таки проникнуть въ залу, были поражены необычайнымъ составомъ публики. Почти всѣ свободныя мѣста на хорахъ были заняты лабазниками, мелкими торговцами, барышниками, старьевщиками, половыми изъ трактировъ и т. п. Изъ разспросовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оказалось, что всѣ они явились въ собраніе по приглашенію полиціи, которая наканунѣ раздавала имъ билеты за печатью губернскаго предводителя дворянства. Когда все это сдѣлалось извѣстнымъ служащимъ въ губернской управѣ, они заявили предсѣдателю управы, что не явятся въ засѣданія собранія и отказываются отъ дачи всякихъ свѣдѣній, пока не будетъ открытъ доступъ въ засѣданія собранія всѣмъ желающимъ, а не только приглашеннымъ полиціей. Послѣ этого предсѣдатель собранія принужденъ былъ отмѣнить свое распоряженіе, и доступъ въ собраніе былъ объявленъ свободнымъ". Искусственный подборъ слушателей—новость не только для Тамбова, но и для всей земской Россіи. Этой своеобразной плотиной предполагалось, очевидно, предупредить взаимодѣйствіе между собраніемъ и публикой, создать кажущійся противовѣсъ господствующему теченію. Весьма можетъ быть, что половые, барышники и другіе избранники полиціи должны были образовать что-то въ родѣ театральной „клаки", выражающей, по заранѣе условленному сигналу, одобреніе или неодобреніе происходящему на сценѣ. Очень хорошо, конечно, что тамбовскимъ земцамъ пришлось говорить въ присутствіи обыкновенной, а не чрезвычайной публики—но все-таки жаль, что опытъ не былъ доведенъ до конца, хотя бы въ продолженіе одного засѣданія. Могло бы вѣдь случиться и нѣчто совершенно неожиданное: „клакеры"—или нѣкоторые изъ нихъ—могли бы понять значеніе произносимыхъ въ ихъ присутствіи рѣчей и отнестись къ нимъ не такъ, какъ требовала данная имъ инструкція [1]).

Одновременно съ попыткой повліять на тамбовское губернское земское собраніе особымъ составомъ публики, присутствующей при его

---

[1]) Изъ Тамбова телеграфируютъ, 15-го декабря, „Русскимъ Вѣдомостямъ" (№ 349), что находившаяся въ засѣданіи среди публики „черная сотня" ожидала на улицѣ конца засѣданія и при выходѣ гласныхъ и остальной публики стала наносить имъ побои. Не состоитъ ли этотъ безпримѣрный въ исторіи земства инцидентъ въ какой-либо связи съ ролью, отведенной „черной сотнѣ" въ началѣ сессіи тамбовскаго губ. земскаго собранія?

преніяхъ, была сдѣлана попытка подѣйствовать на самихъ гласныхъ путемъ печати. Въ „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" появилась статья, увѣщевавшая собраніе не поддаваться той „небольшой кучкѣ земскихъ дѣятелей", которая, „увлекаясь политическими теоріями западной Европы, игнорируетъ дѣйствительныя потребности русскаго народа". Заканчивалась статья ссылкой на слова гр. Л. Н. Толстого, „являющагося, несмотря на религіозныя, а частью и политическія заблужденія, крупною интеллигентною величиною": „нынѣшнее движеніе представляется преградой на пути прогресса... Конституціонное правленіе не можетъ уврачевать человѣческія страданія". Удостоивая Л. Н. Толстого аттестата на званіе „интеллигентной величины", оффиціальная газета должна была бы вспомнить, что ученіе знаменитаго писателя составляетъ одну неразрывную цѣпь, отъ которой нельзя произвольно отдѣлять одно изъ звеньевъ: кто стремится *исключительно* къ усовершенствованію личности, тотъ можетъ считать тщетными или даже вредными всѣ надежды, возлагаемыя на улучшенія государственнаго устройства... Нужно ли прибавлять, что даже самымъ смѣлымъ изъ этихъ надеждъ чужда увѣренность въ возможности уврачевать, путемъ однѣхъ только политическихъ реформъ, *всѣ* человѣческія страданья?

Какъ отразились на тамбовскомъ губернскомъ земскомъ собраніи „предохранительныя" мѣры, сопровождавшія его открытіе—этого мы еще достовѣрно не знаемъ. Изъ того, что̀ постановлено другими собраніями, не все, въ настоящую минуту, доступно для обсужденія. По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 345), херсонское губернское земское собраніе постановило: 1) ходатайствовать, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость приглашенія мѣстныхъ представителей къ обсужденію тѣхъ или другихъ мѣропріятій или законопроектовъ, приглашались лица, избранныя для того губернскими собраніями, и 2) ходатайствовать о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ земскихъ выборныхъ для обсужденія и разсмотрѣнія общихъ для всѣхъ земствъ вопросовъ, возникающихъ въ ихъ дѣятельности. Ходатайство, отчасти сходное съ первымъ изъ двухъ только-что приведенныхъ, возбуждено и полтавскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, избравшимъ изъ своей среды, на случай его удовлетворенія, четырехъ представителей и четырехъ къ нимъ кандидатовъ [1]. Вятское губернское земское собраніе, выслушавъ докладъ предсѣдателя губернской земской управы о ноябрьской поѣздкѣ его въ Петербургъ, выразило одобреніе его образу дѣйствій. Въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи аналогичный вопросъ не былъ допущенъ къ обсужденію предсѣда-

[1]) См. № 342 „Русскихъ Вѣдомостей".

телемъ собранія. Не совсѣмъ ясно газетное сообщеніе о томъ, что произошло въ ярославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи—и эта неясность вполнѣ понятна, такъ какъ рѣшеніе „выразить неодобреніе происшедшему инциденту и, оставаясь на строгой почвѣ закона, перейти къ обсужденію очередныхъ дѣлъ, входящихъ въ сферу земской компетенціи", было постановлено въ закрытомъ засѣданіи, изъ котораго были удалены и представители печати. Не отличается ясностью и полнотою и газетный отчетъ о первомъ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія, происходившемъ 13-го декабря [1]). Оно привлекло такую массу публики, какой не бывало въ собраніи въ теченіе послѣдней четверти вѣка, и закончилось восторженными рукоплесканіями. На другой день, когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ правительственное сообщеніе 14-го декабря, происходило частное совѣщаніе гласныхъ, послѣ котораго, по желанію большинства, слишкомъ взволнованнаго, чтобы продолжать занятія, было объявлено о перерывѣ сессіи на неопредѣленное время [2]). Преждевременно прекратились также засѣданія губернскихъ собраній черниговскаго и смоленскаго.

Приподнятое настроеніе, господствовавшее, до половины декабря, въ земской сферѣ, нашло отголосокъ въ городскихъ думахъ, рѣдко, въ обыкновенное время, выходящихъ изъ области текущихъ мѣстныхъ дѣлъ. „Новое Время" (№ 10341) сообщаетъ, что 12-го декабря гласные московской городской думы, въ числѣ 70-ти, обратились къ московскому городскому головѣ, кн. В. М. Голицыну, съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: „въ засѣданіи московской городской думы 30-го ноября, которое останется навсегда памятнымъ въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія, вы проявили себя доблестнымъ гражданиномъ и достойнымъ представителемъ родного города. Высказывая вашему сіятельству одушевляющія насъ чувства глубокаго уваженія и искренней признательности, мы, какъ представители московскаго населенія, просимъ васъ вѣрить, что крѣпка та нравственная связь, которая установилась между вами и городской думой въ силу единства нашихъ общественныхъ убѣжденій и упованій, и что при какихъ бы условіяхъ вы ни явились выразителемъ взглядовъ городской думы, вы можете дѣйствовать со спокойнымъ сознаніемъ нашей неизмѣнной солидарности съ вами". Кн. В. М. Голицынъ отвѣтилъ на это слѣдующей рѣчью: „Господа, столь краснорѣчивое и внушительное выраженіе вашихъ чувствъ ко мнѣ въ данную минуту не является для меня неожиданнымъ. Какъ вы сказали и какъ я сознавалъ, въ томъ

---

[1]) См. № 347 „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) См. „Русь", № 365.

фактѣ, который послужилъ поводомъ къ настоящему собранію, я только выполнилъ долгъ вашего представителя и долгъ русскаго гражданина. Разъ это такъ, я твердо увѣренъ, что встрѣчу въ васъ единодушное сочувствіе и единодушную поддержку. Но неожиданнымъ для меня является то, что вы предупредили событія. Никому изъ насъ неизвѣстно, что̀ скрываетъ будущее. Но, что̀ бы ни было, послѣ этой оваціи я чувствую подъ собою твердую опору, непоколебимую увѣренность, что мы, граждане одного города, одушевлены единымъ чувствомъ, единымъ стремленіемъ къ его благу". Такой обмѣнъ мыслей между представителями городского населенія звучитъ чѣмъ-то мало привычнымъ для русскаго уха...

Слишкомъ привычны, наоборотъ, тѣ рѣчи, которыя раздаются въ той же Москвѣ, на страницахъ газеты, какъ бы по ироніи судьбы все еще сохраняющей внѣшнюю связь съ учрежденіемъ радикально ей противоположнымъ: съ московскимъ университетомъ. Еслибы „Московскія Вѣдомости" не шли дальше обычнаго призыва къ бдительности правительства, къ репрессивнымъ мѣрамъ, еслибы онѣ довольствовались излюбленнымъ ими способомъ борьбы—отожествленіемъ разномыслія съ крамолой, реформъ съ государственнымъ переворотомъ, открытаго выраженія давно назрѣвшихъ взглядовъ съ „искусственнымъ революціоннымъ броженіемъ"—вступать съ ними въ споръ было бы совершенно излишне; но между безчисленными ихъ статьями, посвященными злобѣ дня, есть и такія, которыя, мало чѣмъ отличаясь отъ остальныхъ по существу, претендуютъ на болѣе объективную, болѣе теоретическую постановку спорныхъ вопросовъ. Именно здѣсь, однако, особенно ясно обнаруживается безнадежная слабость аргументаціи, привыкшей искать точекъ опоры не въ себѣ самой, а въ посторонней силѣ. „Состояніе политической мысли людей"—читаемъ мы, напримѣръ, въ статьѣ, озаглавленной: „Идеологія и законность",—„имѣетъ своими полюсами идеологію и законность. Это двѣ прямыя противоположности... Отрицая дѣйствительность, которая всегда существуетъ по необходимымъ причинамъ, и требуя замѣны ея выводами отвлеченной мысли, идеологія можетъ лишь насильственными средствами заставить данное общество исполнить свои требованія... Духъ законности не отрицаетъ высшихъ нормъ, но полонъ сознанія дѣйствительности. Онъ требуетъ дѣйствительнаго исполненія того, что̀ признано обязательнымъ, но именно закономъ, а не отвлеченною идеей". Мы не впадемъ въ преувеличеніе, сказавъ, что во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ ни одно слово не выдерживаетъ критики. Нельзя противополагать понятію точному, установившемуся, какъ *за-*

конность, понятіе совершенно неопредѣленное, допускающее различныя толкованія, какъ *идеологія*. Послѣдній терминъ означалъ первоначально метафизическое ученіе объ идеяхъ, но, съ легкой руки Наполеона I-го, идеологами стали называть людей, возстающихъ, въ силу принципіальныхъ соображеній, противъ практическихъ требованій текущей политики. По отношенію къ идеологіи—въ этомъ единственномъ общепринятомъ теперь значеніи слова,—„противоположнымъ полюсомъ" является отнюдь не законность, а такъ называемый практическій смыслъ, граничащій, сплошь и рядомъ, съ затхлымъ консерватизмомъ или съ тѣмъ „растлѣвающимъ опытомъ", который Некрасовъ заклеймилъ именемъ „ума глупцовъ". Насиліе—вовсе не необходимый спутникъ идеологіи: она скорѣе отвергаетъ его, чѣмъ допускаетъ, именно потому, что апеллируетъ къ идеѣ. Можно стремиться къ осуществленію идей, признаваемыхъ истинными и справедливыми—и не сходить съ почвы закона, *измѣненіе* котораго, требуемое во имя принципа, отнюдь не равносильно его *нарушенію*. Желать улучшенія дѣйствительности—не значитъ игнорировать ее; напротивъ того, всякій разумный шагъ впередъ коренится въ указаніяхъ дѣйствительности, освѣщенныхъ и осмысленныхъ идеей. Скажемъ болѣе: во имя идей велась и ведется и самая борьба противъ идеологіи и идеологовъ—но это были и продолжаютъ быть идеи отжившія или отживающія свой вѣкъ, подсказываемыя рутиной, поддерживаемыя личнымъ интересомъ. Идеологомъ своего рода былъ самъ Наполеонъ I-ый, когда ставилъ выше всего измѣнившее ему, въ концѣ концовъ, умѣнье считаться съ обстоятельствами. Идеологами можно было бы, пожалуй, назвать и тѣхъ, кто, подъ вліяніемъ смутныхъ воспоминаній о прогремѣвшей когда-то гегелевской формулѣ, смѣшиваетъ дѣйствительное съ разумнымъ—если бы въ данномъ случаѣ не такъ очевидно было стремленіе влить ложку якобы философскаго меда въ бочку давно выдохшагося публицистическаго дегтя.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего понадобилась московской газетѣ неудачная параллель между идеологіей и законностью? Для вящшаго посрамленія тѣхъ юристовъ, которые находятъ, что при данныхъ условіяхъ въ Россіи невозможно правильное отправленіе правосудія. „Ну, а раньше, въ до-реформенное время"—вопрошаютъ „Московскія Вѣдомости",—„правильнаго правосудія въ Россіи тоже не было? Значитъ, государство въ сотни милліоновъ людей, распространившееся на полсвѣта, создавшее очень многое даже въ культурномъ отношеніи, можетъ жить тысячу лѣтъ безъ правильнаго правосудія.? Вотъ до какихъ вещей способны договариваться наши юристы. Но если они это думаютъ, то, значитъ, по ихъ мнѣнію, правильное правосудіе—совсѣмъ не важная вещь? Безъ хлѣба народъ тысячу лѣтъ не могъ бы жить, безъ администраціи не могъ бы жить, безъ войска не могъ бы жить. И все

это у него было. А безъ правосудія—выходитъ, по мнѣнію господъ юристовъ,—русскій народъ могъ обходиться до сихъ поръ... Неужели въ подобныхъ мысляхъ есть хоть искра пониманія безусловной важности и необходимости суда"? Дальше идутъ указанія на то, что съ точки зрѣнія, оспариваемой газетою, правильнаго суда нѣтъ нигдѣ—ни въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ судъ очень дорогъ, ни въ Англіи, гдѣ много устарѣвшихъ законовъ, ни во Франціи, гдѣ правосудію вредитъ борьба партій... Замѣтимъ, прежде всего, что въ приведенныхъ нами цитатахъ говорится то о *правильномъ* правосудіи, то просто о правосудіи, безъ эпитета. Это—едва ли случайный недосмотръ: безъ него сразу стала бы ясна несостоятельность обвиненія, взводимаго на нашихъ юристовъ. Въ самомъ дѣлѣ, *вовсе безъ суда* сколько-нибудь культурный народъ существовать цѣлыя столѣтія не можетъ—но возможность существованія, и очень долгаго, безъ *правильнаго суда* не подлежитъ, къ несчастію, никакому сомнѣнію. Подъ именемъ правильнаго суда мы разумѣемъ не судъ абсолютно совершенный, какого никогда не было и нѣтъ нигдѣ, а судъ удовлетворяющій, въ данную минуту, главнымъ, основнымъ требованіямъ правосудія (говоримъ: *въ данную минуту*, потому что требованія эти не остаются неизмѣнными, а растутъ вмѣстѣ съ развивающейся культурой). Къ такимъ требованіямъ принадлежатъ раздѣленіе властей судебной и административной, независимость и неподкупность судей, гласность судопроизводства, законность судебныхъ рѣшеній (въ смыслѣ построенія ихъ на нормахъ права—писаннаго или обычнаго,—а не на произволѣ судей или стоящей надъ ними власти). Русскій до-реформенный судъ, съ XVI вѣка до второй половины XIX-го, не удовлетворялъ ни одному изъ этихъ требованій. Что такое была московская волокита, чѣмъ былъ петровскій и послѣ-петровскій судъ, подъ покровомъ глубокой тайны подбиравшій законы „какъ масть къ масти" и подкапывавшійся подъ „фортецію правды", до какой степени была стѣснена самая область судебнаго разбирательства—это слишкомъ хорошо извѣстно. Къ несчастью для нашего народа, онъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій былъ лишенъ даже подобія „правильнаго суда": это выразилось въ длинномъ рядѣ народныхъ поговорокъ, это наложило и до сихъ поръ не вполнѣ стертый отпечатокъ на народный характеръ. Судебные уставы 1864-го года знаменовали собою отказъ отъ вѣкового, пагубнаго наслѣдства,—но отдѣльныя его части вскорѣ стали возвращаться въ русскую дѣйствительность. Ограниченіямъ, юридическимъ и фактическимъ, подверглась независимость судей; возстановлено было соединеніе властей, несоединимыхъ по самой своей природѣ; гласность суда поставлена въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Не нужно быть „идеологомъ", чтобы отрицать, въ виду этихъ безспорныхъ фактовъ,

существованіе у насъ „правильнаго суда“, а слѣдовательно и настоящаго правосудія.

Къ числу темъ, издавна проводимыхъ реакціонною печатью, принадлежитъ, какъ извѣстно, полная своеобразность русскаго государственнаго строя, существенно отличнаго отъ всѣхъ другихъ, прежде существовавшихъ и существующихъ въ настоящее время. На безспорные историческіе факты, идущіе въ разрѣзъ съ этимъ положеніемъ, мы указывали неоднократно, напоминая, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка самодержавіе было господствующей формой правленія на всемъ континентѣ западной Европы. Не повторяя приведенныхъ нами тогда аргументовъ [1]), остановимся только на одной сторонѣ вопроса. Прикрываясь авторитетомъ Н. Я. Данилевскаго, „Московскія Вѣдомости“ (№ 324) утверждаютъ, что „измѣненіе государственнаго строя Россіи невозможно даже для самодержавной воли, хотя она никакому внѣшнему ограниченію не подлежитъ, а есть воля свободная, т.-е. самоопредѣляющаяся“. Развивая эту мысль, газета (№ 340) ссылается на присягу, которою, при обрядѣ коронованія, русскіе государи обязываются охранять завѣщанные имъ основные законы имперіи. Мы желали бы знать, на чемъ основана эта ссылка? Въ отдѣлѣ основныхъ законовъ, озаглавленномъ: „О священномъ короновании и миропомазаніи“, сказано только (прим. 2-ое къ ст. 36-ой), что императоръ „призываетъ Царя Царствующихъ, да наставитъ Его, вразумитъ и управитъ, въ великомъ служеніи, яко Царя и Судію Царству всероссійскому, да будетъ съ нимъ присѣдящая Божественному престолу премудрость и да будетъ сердце Его въ руку Божію, во еже устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его непостыдно воздастъ Ему слово“. По ст. 17-ой императоръ или императрица, престолъ наслѣдующіе, при вступленіи на оный и миропомазаніи, обязуются свято наблюдать постановленные въ ст. 3—16 законы о наслѣдіи престола. Никакого другого обязательства императоръ, при вступленіи на престолъ и при коронованіи, на себя не принимаетъ. Обѣщаніе или обязательство соблюдать или охранять существующій законъ установляетъ, притомъ, только неприкосновенность закона отъ произвольнаго нарушенія, а отнюдь не абсолютную неотмѣнимость или неизмѣняемость закона. Въ исторіи Англіи предметомъ недоумѣнія служило, одно время, то мѣсто коронаціонной присяги, которымъ король обязывается удерживать въ силѣ протестантскую религію, установленную закономъ (maintain the protestant religion established by law). Когда (въ 1689 г., передъ коронованіемъ Вильгельма III-го и Маріи) въ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1904 г. № 1, стр. 412—417.

текстъ присяги вносились эти слова, всѣ партіи были согласны въ томъ, что они связываютъ короля только какъ носителя исполнительной власти, предупреждая попытки обойти или нарушить законъ, какія дѣлалъ Іаковъ II-ой, но отнюдь не измѣненіе закона въ установленномъ порядкѣ, т.-е. королемъ вмѣстѣ съ парламентомъ. Иначе понимали смыслъ присяги только короли Георгъ III-ій и Георгъ IV-ый; первый, считая себя не въ правѣ допустить измѣненіе закона, устранявшаго католиковъ отъ общественной дѣятельности, отказалъ Питту (въ 1801 г.) въ согласіи на внесеніе билля объ эманципаціи католиковъ, а второй, раздѣляя мнѣніе отца, согласился на реформу лишь послѣ долгаго сопротивленія, когда ея неотложность была признана даже консервативнымъ кабинетомъ Пиля и Веллингтона. Превосходный разборъ логической и политической ошибки, подъ вліяніемъ которой дѣйствовали оба Георга—ошибки, причинившей много вреда и Ирландіи, и самой Англіи,—данъ Маколеемъ въ „Исторіи Англіи“ и въ этюдѣ о Питтѣ младшемъ. [1]).

Привѣтствуя окончаніе „пресловутой весны“, „Московскія Вѣдомости“ выражаютъ предположеніе, что за нею послѣдуютъ *жаркое* лѣто, *бурная* осень (курсивъ въ подлинникѣ) и, наконецъ, „настоящая, здоровая, русская зима, съ гладкою санной дорогой, по которой спокойно и легко скользнетъ нашъ доморощенный историческій возокъ, можетъ быть нѣсколько неуклюжій, но за то приспособленный къ нашимъ національнымъ вкусамъ и привычкамъ. Пора намъ немного въ немъ отдохнуть отъ сорокалѣтней тряски по непролазной политической распутицѣ“. Не беремъ на себя опредѣлить, что̀ разумѣетъ, въ данномъ случаѣ, московская газета подъ лѣтомъ и осенью, и переходимъ прямо къ сладкой надеждѣ, возлагаемой ею на зиму, на „гладкую санную дорогу“ и на „доморощенный возокъ“. Итакъ, за пять дней до обнародованія Высочайшаго указа 12-го декабря, наши газетные авгуры мечтали объ отдыхѣ, послѣ *сорокалѣтней* тряски. *Сорокъ лѣтъ* тряски! Не прекращалась она, значитъ, ни во время затишья семидесятыхъ годовъ, ни во время обратнаго движенія, наполняющаго собою слѣдующее десятилѣтіе, ни во время наступившаго затѣмъ мертвеннаго застоя! Что же, въ такомъ случаѣ, нужно понимать подъ именемъ *отдыха*? Глубокій сонъ, не прерываемый даже сновидѣніями? Лѣнивое прозябаніе, не смущаемое никакою мыслью?... Случилось, однако, нѣчто неожиданное: „доморощенный возокъ“ признанъ подлежащимъ коренной пере-

---

[1]) См. „History of England (въ изданіи Таухница), т. 4-ый, стр. 115, и „William Pitt. Atterbury“, стр. 123—7.

дѣлѣ; предпринять дальній и трудный путь, до окончанія котораго объ отдыхѣ не можетъ быть и рѣчи. Не споримъ, въ указѣ 12-го декабря, въ распубликованномъ одновременно съ нимъ правительственномъ сообщеніи есть „зимній" элементъ, желанный для противниковъ „тряски"; но рядомъ съ нимъ имѣется немало такого, что идетъ прямо въ разрѣзъ съ упованіями нашихъ „регрессистовъ". Конечно, они будутъ стараться faire bonne mine à mauvais jeu—но слишкомъ еще свѣжа въ памяти кампанія, которую они вели противъ всѣхъ признаковъ „весны" [1]), и никого не обманутъ ихъ попытки приспособиться къ новому положенію или затушевать нѣкоторыя характерныя его черты [2]). Никто не повѣритъ, напримѣръ, что тотъ пунктъ указа 12-го декабря, въ которомъ идетъ рѣчь о „принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона", направленъ, главнымъ образомъ, противъ общественныхъ учрежденій—не повѣритъ потому, что заключительныя слова этого пункта обѣщаютъ облегчить *частнымъ лицамъ*, потерпѣвшимъ отъ незаконныхъ дѣйствій власти, способы достиженія правосудія. Слишкомъ очевидно, что поводомъ къ пересмотру узаконеній о правахъ раскольниковъ и лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, служатъ вовсе не „противорѣчія, накопившіяся, съ теченіемъ времени, въ этихъ узаконеніяхъ", а поводомъ къ пересмотру законовъ о печати—не „разнузданность", допущенная, будто бы, печатью въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ...

О достоинствѣ преобразованій, рекомендуемыхъ, *отъ себя*, реакціонною печатью, можно судить по статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей": „Выборные члены Государственнаго Совѣта". Посвященная, главнымъ образомъ, полемикѣ съ К. Ѳ. Головинымъ, авторомъ наиболѣе умѣреннаго изъ всѣхъ проектовъ политической реформы [3]), она заканчивается слѣдующими словами: „если сознается потребность обновленія и увеличенія силъ Государственнаго Совѣта людьми государственнаго разума, знающими народную жизнь, ея условія и потребности, то для истинно-русскихъ людей, оберегающихъ принципъ самодержавія, какъ народную святыню, есть только одинъ путь, а именно—пополненіе состава Государственнаго Совѣта выдающимися и лучшими людьми разныхъ сословій и общественныхъ положеній *путемъ Высочайшаго назначенія*. Выдающійся мѣстный дѣятель,—будь онъ дворянинъ, купецъ или крестьянинъ,—можетъ быть чрезвычайно полезнымъ чле-

[1]) Припомнимъ, напримѣръ, какъ они отнеслись къ запискѣ С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу (см. выше, „Внутреннее Обозрѣніе").

[2]) См. передовую статью въ № 347 „Московскихъ Вѣдомостей".

[3]) К. Ѳ. Головинъ предлагалъ, въ „Новомъ Времени", присоединить къ Государственному Совѣту выборныхъ мѣстныхъ представителей.

номъ высшаго законодательнаго учрежденія, но для этого онъ долженъ получать свои полномочія такимъ же путемъ, какъ и остальные члены,—путемъ Высочайшаго довѣрія. Для примѣненія этой мѣры не нужно даже никакихъ преобразованій, и осуществить ее можно хоть завтра". Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что авторы этого предложенія сами считаютъ его неосуществимымъ—и именно потому, можетъ быть, выдвигаютъ его на сцену. Государственный Совѣтъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляетъ собою, съ одной стороны, высшую ступень чиновной іерархіи, съ другой—учрежденіе, отъ котораго зависитъ окончательная редакція составляемыхъ министрами законопроектовъ. Членами Государственнаго Совѣта назначаются, поэтому, лица, имѣющія за собою продолжительную служебную карьеру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способныя (т.-е. предполагаемыя способными) къ технической работѣ, связанной съ законосовѣщательными функціями. Ни подъ то, ни подъ другое условіе не подходятъ крестьяне, купцы, разночинцы, не служащіе или мало служившіе дворяне. *Нормальное* отношеніе выборныхъ представителей къ назначаемымъ членамъ Государственнаго Совѣта похоже на отношеніе присяжныхъ къ короннымъ судьямъ. Свою спеціальную задачу присяжные исполняютъ гораздо лучше, чѣмъ могли бы исполнить ее судьи: но отсюда еще не слѣдуетъ, что каждый хорошій присяжный—подходящій кандидатъ въ члены окружного суда или судебной палаты. Насколько различны требованія, предъявляемыя къ присяжнымъ и къ короннымъ судьямъ, настолько же различны условія, которымъ должны удовлетворять съ одной стороны выборные представители народа или общественныхъ учрежденій, съ другой—члены Государственнаго Совѣта. Весьма важно, наконецъ, и ограниченное, по необходимости, *число* членовъ Государственнаго Совѣта. Немногіе присоединенные къ нему купцы или крестьяне могли бы, въ лучшемъ случаѣ, оказаться хорошо знающими положеніе мѣстностей, въ которыхъ до тѣхъ поръ протекала ихъ жизнь—но совершенно незнакомыми съ потребностями и желаніями остальной, никѣмъ не представленной Россіи... Предложеніе, съ которымъ—въ условной, впрочемъ, формѣ,—выступили „Московскія Вѣдомости", принадлежитъ, такимъ образомъ, къ числу политическихъ мыльныхъ пузырей, никѣмъ и не принимаемыхъ за нѣчто другое, болѣе серьезное.

Мѣсяцъ тому назадъ мы занесли въ нашу хронику нѣсколько сообщеній, раскрывающихъ положеніе политическихъ ссыльныхъ на окраинахъ имперіи. Прибавимъ къ нимъ еще одно, не менѣе характерное. По словамъ онежскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 339), онежскій уѣздъ (архангельской губерніи) считается, какъ

мѣсто ссылки, однимъ изъ лучшихъ—и все-таки ссыльные терпятъ здѣсь, и въ матеріальномъ, и въ духовномъ отношеніи, крайнюю нужду. Особенно тяжело жилось имъ сначала. „По адресу *студентовъ*, какъ величаютъ ссыльныхъ крестьяне, метались положительно громъ и молнія, въ особенности въ деревняхъ. Студентовъ отождествляли съ грабителями и поджигателями, и почти всѣ крестьяне на отрѣзъ отказывались сдавать имъ квартиры. Нерѣдко на вопросъ „студента“, есть ли квартира, слѣдовалъ такой отвѣтъ: „есть, да не про васъ! У насъ хозяйство, добро, сами уходимъ на работы, дома никто не остается, какъ же вамъ довѣриться!...“ А одна баба впослѣдствіи признавалась самимъ же студентамъ: „какъ завидѣла я впервые студента, задрожали у меня руки и ноги; такъ и думаю себѣ, что подожжетъ сейчасъ онъ мнѣ горенку и ограбитъ меня, а мужика-то моего какъ на грѣхъ дома нѣтути; дай, думаю, скорѣе двери на запоръ, а у самой такъ и дрожатъ руки. Теперь же видимъ мы всѣ,—заключаетъ баба,—что вы ничего, что вы въ сто разъ и лучше, и образованнѣе, и умнѣе всѣхъ нашихъ крещеныхъ“. Если отношенія населенія къ ссыльнымъ улучшились, то уже никакъ не мирятся съ ними власть имущіе. Въ с. В., напримѣръ, урядникъ убѣждаетъ квартирохозяекъ не вступать съ ссыльными ни въ какіе разговоры. Чтобы убѣжденія его не остались напрасными, онъ увѣряетъ бабъ, что студенты имъ вырѣжутъ языки, если онѣ будутъ съ ними разговаривать. Въ томъ же селѣ этотъ самый урядникъ запретилъ родителямъ пускать своего 6-ти-лѣтняго мальчишку къ одному изъ ссыльныхъ, который обучалъ его азбукѣ. Также приказалъ онъ другимъ не брать у ссыльныхъ книгъ, хотя книжки, которыя имъ иногда давали ссыльные—народныя, изданія „*Донской Рѣчи*“. Въ другомъ мѣстѣ сельскій учитель получилъ внушеніе свыше за знакомство всего лишь съ однимъ ссыльнымъ“... Еще хуже, по словамъ корреспондента, отношеніе начальства къ политическимъ ссыльнымъ въ сосѣднемъ, земскомъ уѣздѣ. А между тѣмъ, число высланныхъ въ административномъ порядкѣ, несмотря на состоявшееся, въ послѣднее время, возвращеніе многихъ изъ нихъ, все еще очень велико: въ одной вологодской губерніи, какъ мы слышали, ихъ и теперь около полутораста.

Немало открытій дѣлается, въ послѣднее время, и въ области цензуры. Еслибы не точное указаніе времени и мѣста, прямо невѣроятными можно было бы признать воспоминанія г. Діонео, появившіяся въ № 333 „Русскихъ Вѣдомостей“. По истинѣ „страстотерпцами“ являются здѣсь дѣятели одесской періодической печати, которыхъ мѣстный градоначальникъ (дѣйствіе происходитъ около десяти

лѣтъ тому назадъ) осыпалъ криками, ругательствами, „тыканьемъ", угрозами, иногда приводившимися въ исполненіе — и за что? За недостатокъ почтительности къ мѣстнымъ тузамъ, за оглашеніе приключеній совершенно частнаго характера. Такое же удручающее впечатлѣніе производитъ разсказъ г. Слово Глаголя („С.-Петербургскія Вѣдомости", № 334) о мытарствахъ саратовскихъ журналистовъ. Больше смѣшного, чѣмъ возмутительнаго сообщаетъ о провинціальныхъ цензорахъ г. Уманьскій („Наша Жизнь", № 23) — но смѣшнымъ это кажется теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, а писателямъ, страдавшимъ отъ цензорскаго произвола, конечно было не до смѣха. Изъ замѣтки г. Быстренина, напечатанной въ № 342 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", видно, что и понынѣ не перевелись цензора-сочинители, измѣняющіе, по своему усмотрѣнію, ходъ и развязку цензируемыхъ ими беллетристическихъ произведеній... Въ другое время едва ли увидѣла бы свѣтъ записка В. Г. Короленка, въ которой онъ проситъ министра внутреннихъ дѣлъ объ освобожденіи „Русскаго Богатства" отъ предварительной цензуры. Особенно характерно слѣдующее мѣсто этой записки (напечатанной въ № 344 „Русскихъ Вѣдомостей"): „въ мартѣ 1899 г. въ хроникѣ нашего журнала былъ напечатанъ обзоръ правительственныхъ мѣропріятій относительно Финляндіи. Статья была написана въ тонѣ чисто фактическаго, дѣлового изложенія, и одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ цензоровъ не увидѣлъ въ ней ничего предосудительнаго. Спустя мѣсяцъ, я былъ приглашенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевымъ, который сообщилъ мнѣ, что высшая финляндская администрація (ген. Бобриковъ) ставитъ намъ въ вину неправильную цитату одного правительственнаго акта. Въ бумагахъ главнаго управленія по дѣламъ печати вѣроятно сохранилась моя записка, въ которой точною ссылкою на сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго я доказалъ, что наша ссылка была совершенно правильна, и объясненіе мое было признано исчерпывающимъ. Однако еще черезъ мѣсяцъ я былъ вновь приглашенъ М. П. Соловьевымъ, который въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ *посовѣтовалъ* намъ напечатать *отъ себя* опроверженіе или хотя видъ опроверженія нашей собственной статьи, угрожая въ противномъ случаѣ суровою карой. При этомъ М. П. Соловьевъ не входилъ уже въ разсмотрѣніе правильности или неправильности инкриминируемаго свѣдѣнія, а ссылался на *неудобство* появленія этой статьи именно въ журналѣ, выходящемъ съ одобренія правительственной цензуры. Мнѣ оставалось только предложить напечатать оффиціальное опроверженіе. Это принято не было, а мы съ своей стороны рѣшительно отказались печатать отъ себя, хотя бы въ замаскированной формѣ, заявленіе, совершенно несогласное съ нашимъ убѣжденіемъ.

И журналъ былъ пріостановленъ (на три мѣсяца). А между тѣмъ кара, постигающая журналъ за статью, получившую одобреніе правительственнаго цензора, является актомъ, рѣзкая несообразность котораго въ гораздо большей степени рисуетъ несостоятельность предварительной цензуры, чѣмъ ея необходимость и полезность". И дѣйствительно, болѣе яркаго доказательства ненормальнаго положенія русской печати нельзя себѣ и представить. Административная кара, налагаемая за напечатаніе, *съ разрѣшенія цензуры, совершенно правильной* цитаты изъ *правительственнаго* акта—вѣдь это такое сочетаніе понятій, придумать которое едва ли могло самое пылкое воображеніе.

Въ непосредственной связи съ фактическимъ просторомъ, которымъ осенью минувшаго года пользовалась наша печать, стоитъ прекрасное разъясненіе одного интереснаго юридическаго вопроса, данное „Правомъ" (№ 50). Рѣчь идетъ о своеобразной дѣятельности дворниковъ, обращаемыхъ въ столицахъ, во время уличныхъ безпорядковъ, въ какіе-то вспомогательные полицейскіе отряды. Ни общіе законы, ни положеніе объ усиленной охранѣ, ни даже построенныя на немъ обязательныя постановленія не даютъ для того ни малѣйшаго юридическаго основанія. Именно въ этомъ смыслѣ высказался, въ 1903 г., правительствующій сенатъ, но административная практика осталась та же, и дворники, заранѣе вытребованные полиціей, сыграли весьма активную роль въ усмиреніи демонстрантовъ 28-го минувшаго ноября. На дворниковъ нельзя возлагать полицейскихъ функцій не только потому, что это идетъ въ разрѣзъ съ обязанностями ихъ по отношенію къ нанимающимъ и оплачивающимъ ихъ домовладѣльцамъ [1]), но и потому, какъ справедливо замѣчаетъ „Право", что дворники не дисциплинированы, незнакомы съ характеромъ полицейской службы. Это—„иррегулярная полиція", столь же мало пригодная для борьбы съ нарушителями общественнаго порядка, какъ „иррегулярное войско"—для борьбы съ внѣшними врагами. „Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ"—говоритъ „Право",—„что содѣйствіе, оказываемое регулярной полиціи иррегулярною полиціею дворниковъ, не можетъ заключаться въ чемъ-либо иномъ, кромѣ избіенія правыхъ и виновныхъ, безъ разбора. Но въ такомъ случаѣ, допустимо ли вообще обращеніе полицейской власти къ содѣйствію иррегулярныхъ силъ?.. Уличные безпорядки не приняли у насъ такихъ размѣровъ, чтобы полиція не имѣла возможности, при самомъ закономѣрномъ образѣ дѣйствій, справиться съ ними собственными силами". Само собою разумѣется, что попытка

[1]) На эту сторону вопроса обратили вниманіе гласные Е. И. Кедринъ и Н. Н. Шнитниковъ, въ заявленіи, поданномъ ими недавно въ спб. городскую думу.

положить конецъ явному нарушенію закона не могла понравиться всегдашнимъ отрицателямъ законности, всегдашнимъ защитникамъ произвола. „Если бы юридическій журналъ,—восклицають „Московскія Вѣдомости“ (№ 345),—былъ лучше знакомъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ, то онъ зналъ бы, что, по закону, при прекращеніи безпорядковъ содѣйствіе полиціи обязаны оказывать всѣ жители, а въ томъ числѣ, конечно, и дворники, дѣйствующіе подъ руководствомъ и по указаніямъ полиціи регулярной“. Упрекая другихъ въ незнаніи закона, московская газета доказала только свое непониманіе его. Дѣйствительно, въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак., т. XIV, изд. 1890 г.) есть статья 120-ая, гласящая, что „въ случаѣ покушенія, клонящагося къ нарушенію спокойствія, полиція обязана увѣдомить о томъ губернское правленіе и губернатора, не допускать приведеніе таковаго покушенія въ исполненіе и смирить нарушителя покоя по мѣрѣ данной ей власти, *въ чемъ всякъ, по силѣ и возможности, обязанъ ей содѣйствовать*“. Не говоря уже о томъ, что послѣдняя часть этой статьи, по своей неопредѣленности, по отсутствію санкціи, принадлежитъ къ числу антиквированныхъ постановленій, которыхъ такъ много въ данномъ уставѣ, она предусматриваетъ, очевидно, лишь такіе случаи, когда полиція, захваченная врасплохъ „нарушителями покоя“, не можетъ справиться съ ними собственною силой и обращается къ содѣйствію тутъ же находящихся частныхъ лицъ. Не такимъ является содѣйствіе дворниковъ, заранѣе вызываемыхъ изъ разныхъ частей столицы на мѣсто заранѣе предусмотрѣнныхъ безпорядковъ. Мы желали бы знать, что̀ сказалъ бы авторъ замѣтки „Московскихъ Вѣдомостей“, если бы полиція, опираясь на слова: „*всякъ* обязанъ содѣйствовать“, потребовала отъ него явки, въ извѣстный часъ, на Тверскую площадь или Страстной бульваръ, для участія въ усмиреніи демонстрантовъ?.. А вѣдь дворники не лишены правъ, которыя имѣетъ каждый гражданинъ.

Пролить столько свѣта на настоящее и ближайшее прошлое, сколько пролила его, въ какіе-нибудь два-три мѣсяца, наша ежедневная и еженедѣльная печать—это большая заслуга, особенно большая въ виду сопряженнаго съ нею риска. Минувшая четверть года была почти безпримѣрна не только по сравнительной свободѣ, которою пользовалась печать, но и по числу и тяжести постигшихъ ее взысканій. „Сыну Отечества“ и „Русской Правдѣ“ было одновременно дано первое предостереженіе и запрещена розничная продажа—соединеніе каръ, чрезвычайно рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей печати. Первая изъ этихъ газетъ весьма быстро получила второе и третье предостереженія и прекращена на три мѣсяца. Два предостереженія

объявлены, одно за другимъ, „Праву". „Наша Жизнь", розничная продажа которой запрещена вскорѣ послѣ ея появленія, получила первое предостереженіе. Все это доказываетъ съ полною ясностью, до какой степени необходимъ пересмотръ законовъ о печати и какъ непрочна гарантія, коренящаяся только въ личномъ настроеніи представителей административной власти... Нужны совершенно особыя понятія о газетной этикѣ, чтобы подбрасывать, при такихъ условіяхъ, палки въ колеса органовъ печати, безъ того несущихъ тяжкое бремя. Этимъ мало почтеннымъ дѣломъ занимаются, по отношенію къ „Нашей Жизни", „Московскія Вѣдомости". Началось съ того, что сотрудникъ московской газеты, г. Бодиско, высказалъ предположеніе, что для возникающихъ новыхъ изданій получаются откуда-то крамолой очень большія средства—и прямо указалъ на появляющіяся въ этихъ изданіяхъ разсужденія: *откладывать или не откладывать*. Статья съ такимъ заглавіемъ была, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, напечатана въ „Нашей Жизни", редакторъ-издатель которой, профессоръ Л. В. Ходскій, имѣлъ полное право спросить г. Бодиско, какія у него есть данныя для подобной клеветы. Вмѣсто точнаго и опредѣленнаго отвѣта, котораго требовалъ Л. В. Ходскій, г. Бодиско ограничился отпиской, что ни г. Ходскій, ни „Наша Жизнь" имъ упомянуты не были. „Итакъ,—замѣчаетъ по этому поводу Л. В. Ходскій,—по мнѣнію г. Бодиско, если онъ ни моей фамиліи, ни моего изданія въ своей статьѣ не назвалъ, въ его поступкѣ нѣтъ *состава клеветы*... Можетъ быть и такъ,—я не искушенъ въ юридическихъ тонкостяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ я, такъ и авторъ помѣщенной въ „Нашей Жизни" статьи „Откладывать или не откладывать" остаемся при прежнемъ мнѣніи и думаемъ, что это мнѣніе раздѣлилъ бы и судъ, если бы дѣло до него дошло, но, считая инцидентъ достаточно разъясненнымъ для приговора общественнаго, я уже не вижу надобности безпокоить имъ коронныхъ судей". Мы также не беремся рѣшить, что̀ сказалъ бы судъ, если бы къ нему обратился Л. В. Ходскій, но думаемъ, что съ точки зрѣнія житейской правды квалификація поступка г. Бодиско не представляетъ никакихъ затрудненій. Привести названіе статьи, только-что напечатанной въ данной газетѣ—совершенно то же самое, что назвать по имени газету или отвѣтственное за нее лицо.

Какъ велика именно у насъ потребность въ независимой печати—это показываетъ трагическая судьба доктора Забусова, подвергшагося (въ гор. Асхабадѣ) истязанію со стороны нижнихъ чиновъ, по приказу и въ присутствіи начальника ихъ, генерала Ковалева. Когда возникшее по этому поводу дѣло поступило, *въ Тифлисъ*, на разсмотрѣніе военно-окружного суда, въ защиту подсудимаго выступилъ,

съ письменнымъ заявленіемъ, бывшій его начальникъ, генералъ Уссаковскій, и генералъ Ковалевъ былъ присужденъ къ сравнительно мягкому наказанію. Вскорѣ послѣ того генералъ Уссаковскій напечаталъ въ „Новомъ Времени“ (№ 10333) письмо, въ которомъ сказано, между прочимъ: „я знаю генерала Ковалева и, что̀ главное, знаю совершенно точно подкладку дѣла. Бываетъ такъ въ жизни, что расправа звѣрская, а побужденія къ ней самыя благородныя; послѣднія, разумѣется, не могутъ оправдать расправы, но до нѣкоторой степени ее извиняютъ“. Для насъ, да вѣроятно и для огромнаго большинства, совершенно ясна невозможность *благородныхъ* побужденій къ *звѣрской* расправѣ: эти два эпитета, по извѣстному французскому выраженію, hurlent de se voir accouplés ensemble. Не менѣе ясно и то, что̀ значитъ призывъ къ исполненію „расправы“ нижнихъ чиновъ, для которыхъ почти немыслимо неповиновеніе высшему начальству, какъ бы возмутительно ни было данное имъ приказаніе. Но что̀ сказать о положеніи, въ которое поставленъ письмомъ генерала Уссаковскаго г. Забусовъ? Мы узнаемъ изъ письма, напечатаннаго имъ въ „Новомъ Времени“ (№ 10336), что ни онъ, ни его повѣренный не были вызваны въ засѣданіе суда по дѣлу генерала Ковалева. Лишенный возможности представить объясненіе на судѣ (какъ въ качествѣ свидѣтеля, такъ и въ качествѣ гражданскаго истца), г. Забусовъ становится теперь объектомъ обвиненія, тѣмъ болѣе опаснаго, чѣмъ болѣе оно неопредѣленно—обвиненія въ такихъ поступкахъ, которые могли служить извиненіемъ даже для „звѣрской“ расправы... Еслибы дѣло генерала Ковалева было изъято—какъ это нерѣдко бывало въ подобныхъ случаяхъ—изъ обсужденія въ печати, г. Забусовъ не имѣлъ бы возможности протестовать противъ оскорбительныхъ для него намековъ. Благодаря огласкѣ, полученной дѣломъ, произошелъ, быть можетъ, и поворотъ въ его оффиціальномъ движеніи. Повѣреннымъ г. Забусова получена отъ главнаго военнаго прокурора телеграмма слѣдующаго содержанія: „прошеніе ваше о допущеніи истцомъ въ дѣлѣ генерала Ковалева, по упущенію, заслушано въ судѣ не было. Предписано доставить вамъ копію приговора, послѣ ознакомленія съ которою вы въ правѣ, въ теченіе недѣльнаго срока со дня полученія копіи, просить о возстановленіи срока для подачи жалобы“... Если возмутительная исторія, разыгравшаяся на-дняхъ въ Костромѣ (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 342) и напоминающая, отчасти, дѣло г. Забусова, не пройдетъ даромъ ея виновникамъ, то и этому будетъ способствовать сообщеніе о ней въ печати, хотя и далеко не полное, никого не называющее по имени... Совершенно правъ С. А. Муромцевъ [1]), выстав-

[1]) См. № 349 „Русскихъ Вѣдомостей“.

ляя на видъ невозможность дальнѣйшаго существованія ограниченій, мѣшавшихъ до сихъ поръ оглашенію произвольныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, а слѣдовательно и привлеченію ихъ къ законной отвѣтственности. Сила этихъ ограниченій, по справедливому замѣчанію С. А. Муромцева, „падаетъ сама собою съ обнародованіемъ Высочайшаго указа 12-го декабря, а кто сталъ бы настаивать на продолжающемся значеніи этихъ ограниченій, тотъ заявилъ бы себя сторонникомъ произвола, осуждаемаго Высочайшимъ указомъ"... Укажемъ, въ заключеніе, еще одинъ вопросъ, всплывшій на поверхность благодаря печати: вопросъ о причинахъ и послѣдствіяхъ печальныхъ событій, происходившихъ, весною прошлаго 1904-го года, въ горномъ институтѣ. Касаться его по существу мы пока не будемъ, такъ какъ онъ долженъ, повидимому, стать предметомъ третейскаго разбирательства.

Въ минувшемъ декабрѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени основанія „Русской Мысли", сразу занявшей и до сихъ поръ удержавшей за собою почетное мѣсто въ нашей журналистикѣ. Много она перенесла невзгодъ, но никогда не уклонялась съ однажды избраннаго пути. Дальнѣйшаго ея процвѣтанія желаетъ безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ нами, всякій, кому дорога независимая русская печать.— Въ томъ же мѣсяцѣ петербургская присяжная адвокатура чествовала двадцатипятилѣтіе дѣятельности одного изъ самыхъ выдающихся ея представителей, Н. П. Карабчевскаго. Имя его популярно не въ однихъ адвокатскихъ кружкахъ: съ нимъ соединено воспоминаніе о множествѣ процессовъ, представлявшихъ глубокій общественный интересъ и приведенныхъ къ счастливому концу благодаря энергіи и таланту Н. П. Карабчевскаго. Участіе его въ такихъ дѣлахъ, гдѣ на долю защитника упадаетъ масса труда, вознаграждаемаго только сознаніемъ исполненнаго долга, служитъ лучшимъ опроверженіемъ нареканій, раздающихся, отъ времени до времени, по адресу нашей адвокатуры. Спѣшимъ прибавить, что рядомъ съ именемъ Н. П. Карабчевскаго можно поставить, съ этой точки зрѣнія, немало другихъ, принадлежащихъ отчасти адвокатамъ „перваго призыва", отчасти молодымъ присяжнымъ повѣреннымъ и ихъ помощникамъ, недавно вступившимъ на адвокатское поприще. Реабилитаціей адвокатуры, еслибы она въ ней нуждалась, могло бы служить уже одно участіе ея въ возобновившихся, съ нѣкоторыхъ поръ, политическихъ процессахъ.—Въ праздновании пятидесятилѣтняго юбилея ученой и литературной дѣятельности В. И. Ламанскаго, приняли живое участіе не только товарищи юбиляра по Академіи Наукъ и университету, но и представители

широкихъ круговъ русскаго общества. Въ какой степени юбиляръ заслужилъ ихъ сочувствіе—лучшимъ доказательствомъ этому слѣдующая, обращенная къ нему телеграмма:

„Привѣтствуя васъ отъ имени старообрядцевъ съ 50-лѣтіемъ вашей учено-литературной дѣятельности, молимъ Бога, да поможетъ онъ, Всемогущій, вамъ и впредь плодотворно трудиться на благо нашихъ братьевъ славянъ. Здравствуйте на многія лѣта. Старообрядческіе епископы Иннокентій, Виталій, Захаровъ, Комаровъ, Миловановъ и Мельниковъ".

Скончавшаяся 4-го декабря Е. І. Лихачева принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, всего больше потрудились и словомъ, и дѣломъ, надъ развитіемъ женскаго образованія. Въ литературѣ этому вопросу посвящена, помимо множества журнальныхъ статей, обширная, четырехтомная работа Е. І. Лихачевой: „Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи". Въ общественной жизни особенно глубокій слѣдъ оставила четырнадцатилѣтняя дѣятельность покойной въ качествѣ предсѣдательницы общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ С.-Петербургѣ.—Сошелъ въ могилу и Н. М. Коркуновъ, давно уже прекратившій, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, свою научную дѣятельность, но успѣвшій много сдѣлать, какъ профессоръ и какъ писатель, для русской науки. Его „Лекціи по общей теоріи права", его „Русское государственное право", его „Указъ и законъ" отводятъ ему мѣсто рядомъ съ учителемъ его, А. Д. Градовскимъ. О значеніи двухъ послѣднихъ трудовъ намъ приходилось неоднократно говорить въ нашихъ обозрѣніяхъ [1]).—Большую потерю понесло русское общество въ лицѣ скончавшагося 15-го декабря П. Н. Обнинскаго. Это былъ „человѣкъ шестидесятыхъ годовъ", въ лучшемъ смыслѣ слова—человѣкъ, никогда не измѣнявшій завѣтамъ эпохи великихъ реформъ. Онъ служилъ имъ сначала какъ мировой посредникъ перваго призыва, сотрудникъ В. А. Арцимовича въ неустанной борьбѣ за права и за благосостояніе только-что освобожденной народной массы,—потомъ какъ судебный дѣятель, какъ защитникъ, въ средѣ фабричнаго присутствія, интересовъ рабочаго люда,—и, наконецъ, какъ писатель и общественный дѣятель. Лучшей его характеристикой служатъ собственныя его слова, сказанныя въ день двадцатипятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности [2]): „Въ юности мнѣ довелось принять

---

[1]) См., напр., „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1895 г.

[2]) См. „Общественную Хронику" въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1894 г.

участіе въ поворотномъ моментѣ нашего культурнаго развитія: идея права и свободы воплощалась въ жизнь. Викторъ Антоновичъ (Арцимовичъ) *дѣлалъ* то, чему такъ недавно еще *училъ* меня Грановскій... Меня рано бросили въ воду—и я научился плавать. Да и вода эта была особенная—цѣлебная, воскрешающая". Не всѣхъ, къ несчастію, она исцѣлила—но для самого Обнинскаго она оказалась и осталась по истинѣ живой водой.

ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книгѣ, на страницѣ 832, строчка 9 снизу, слѣдуетъ исправить:

Напечатано:	Вмѣсто:
къ ней	*къ намъ*



ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19, четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлеви

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Матеріалы для біографіи. Княгини О. Трубецкой. Т. I, кн. 2-я. М. 904. Ц. 3 руб.

Настоящій выпускъ обнимаетъ собою самое интересное время изъ жизни кн. Черкасскаго,— время, которое представляетъ чрезвычайную важность въ исторіи самаго государства, начиная 1859 годомъ. Выпускъ останавливается на 1861 г., канунѣ уничтоженія крѣпостного права и ввода въ дѣйствіе новаго Положенія 19 февраля. Книга написана на основаніи богатаго матеріала, собраннаго въ архивахъ кн. Черкасскаго и изложеннаго ниже съ установленіемъ необходимой внутренней связи и съ необходимыми дополненіями, которыя могли бы разъяснить смыслъ и значеніе отдѣльныхъ мѣстъ. Въ своемъ предисловіи авторъ весьма справедливо говоритъ, что „въ настоящее время, когда передъ нами вновь выдвигается крестьянскій вопросъ въ новой стадіи своего развитія, когда пересмотръ крестьянскаго положенія уже на очереди (авторъ писалъ это 10 декабря 1903 г.) —не безполезно оглянуться на путь и уяснить себѣ всѣ случайные и неслучайные изгибы его и уклоненія, а также остановиться съ благодарною памятью на безкорыстныхъ труженикахъ, благородное постоянство которыхъ предназначало имъ одну цѣль служенія великому дѣлу правды и справедливости". Эти матеріалы могутъ служить основаніями для достиженія и той, и другой цѣли.

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова. Спб. 905. Стр. 610. Ц. 2 р. 50 к.

Друзья и ученики безвременно скончавшагося (10 января 1902 г.) профессора Ив. Вас. Мушкетова, три года тому назадъ (род. 30 янв. 1850 г.), пожелали почтить его память—и въ результатѣ явился объемистый сборникъ изъ ихъ же трудовъ по предмету, служившему спеціальностью покойнаго, составившаго себѣ почетное имя въ наукѣ своими работами по геологіи. Въ „Введеніи" читатели найдутъ біографическій очеркъ съ характеристикою покойнаго, какъ профессора: „Мушкетовъ не былъ рутинно-требовательнымъ и взыскательнымъ, какъ профессоръ; выше всего онъ цѣнилъ свободное движеніе въ наукѣ, въ чемъ лишь выражались его общіе принципы—свобода преподаванія, свобода ученія и отношеніе къ тѣмъ, кого онъ училъ, какъ къ равнымъ себѣ". Къ книгѣ приложенъ превосходно выполненный портретъ профессора. Сборъ отъ продажи поступаетъ въ пользу „Мушкетовскаго капитала" при горномъ институтѣ имп. Екатерины II.

Геологія. Общій курсъ. Т. I. Заслуж. проф. А. А. Иностранцева. Спб. 905. Ц. 4 р. 50 к.

Общій курсъ геологіи, составленный изъ университетскихъ лекцій, выходитъ нынѣ четвертымъ изданіемъ. Настоящій томъ содержитъ въ себѣ только ту часть курса, въ которую входитъ, прежде всего, обзоръ современныхъ геологическихъ явленій, а именно, геологическая дѣятельность атмосферы, воды, вулканизма и организмовъ, растительныхъ и животныхъ. Засимъ слѣдуетъ петрографія, строеніе и структура горныхъ породъ, и стратиграфія—петрографическая и палеонтологическая, съ изученіемъ значенія организмовъ для геологіи и связи съ ихъ мѣстопребываніемъ. Изданіе богато снабжено иллюстраціями въ текстѣ, числомъ до 549, а въ концѣ тома помѣщенъ къ нему алфавитный указатель.

Байковъ, А. Л. Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще. Историко-догматическое изслѣдованіе. Спб. 904. Ц. 3 р.

Авторъ начинаетъ историческимъ очеркомъ развитія основъ международной правоспособности папства съ древнѣйшихъ временъ, съ начала IV-го вѣка, и доходитъ до современнаго намъ паденія „церковнаго государства" въ 1870 году. Очертивъ затѣмъ довольно подробно конструкцію и характеръ международной правоспособности вообще, онъ переходитъ къ главному своему предмету. Выводы первой, общей части, положены авторомъ въ основаніе для разрѣшенія существеннаго вопроса: можетъ ли св. престолъ быть признанъ „субъектомъ международнаго права"?—и на этомъ основаніи отвѣчаетъ въ утвердительномъ смыслѣ: „поскольку событія 1870 года не уничтожили верховенства, свободы и независимости св. престола".

Матеріалы къ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ видно изъ словъ автора въ его введеніи къ настоящему труду, этотъ трудъ составляетъ результатъ многолѣтней его работы въ архивахъ и изученія памятниковъ нашей родной старины. Хотя авторъ и называетъ свой трудъ не болѣе, какъ „матеріалами" для исторіи русскаго театра, но онъ и самъ сдѣлалъ опытъ весьма интереснаго историческаго очерка такъ называемаго „любительскаго" театра въ царствованіе императрицъ Анны, Елизаветы, Екатерины II, и императоровъ Павла I и Александра I, на пространствѣ цѣлыхъ 55 лѣтъ (1730—1825 г.). Этотъ „любительскій" театръ былъ собственно придворнымъ театромъ; въ очеркѣ встрѣчаются весьма интересныя подробности его исторіи. Слѣдующій отдѣлъ посвященъ очеркамъ театральной цензуры въ XVIII-мъ в. и въ Николаевскую и Александровскую эпохи (1801—56 г.). Послѣдніе два отдѣла служатъ исключительно сборникомъ матеріаловъ не столько для исторіи театра, сколько для біографій нашихъ драматурговъ и артистовъ, какъ Каратыгинъ, Щепкинъ.

Былина. Вольга. Изд. И. П. [illegible] Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстный текстъ былины, посвященной одному изъ легендарныхъ героевъ нашей старины, Вольгѣ (Волху) Всеславьевичу, съ описаніемъ его богатырскихъ подвиговъ и чудесныхъ превращеній,—является, въ этомъ новомъ и роскошномъ изданіи, богато иллюстрированнымъ оригинальными рисунками въ стилѣ, соотвѣтствующемъ характеру и складу самой былины.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1905 г.
(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ [illegible] отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	[illegible]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	[illegible]

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, [illegible] и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. [illegible]басникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образ[illegible]" Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карб[illegible]

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ [illegible] почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ [illegible] въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть [illegible] Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе [illegible] переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ [illegible] 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію [illegible], если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію [illegible] Почтоваго Департамента, не *позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) [illegible] на полученіе журнала, высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или [illegible] подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2.
ФЕВРАЛЬ. 1905.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1905.

МОИ ЗАМѢТКИ

Лѣто 1900—іюнь 1904 *).

На мою долю выпало счастье писать подъ диктовку покойнаго отца его „Замѣтки". Писались онѣ урывками, безъ заранѣе намѣченнаго плана; не имѣлось въ виду и опредѣленнаго читателя. Бывало время — принимались за работу, но досугъ рѣдко представлялся: текущее, неотложное дѣло, а иногда сама жизнь заставляли откладывать эти замѣтки на недѣли, часто—на мѣсяцы.

Только уступая настояніямъ близкихъ, началъ отецъ свои воспоминанія, но скоро интересъ работы и образы прошлаго взяли верхъ надъ свойственной покойному неохотой говорить, хотя бы косвенно, о себѣ, и онъ сталъ возвращаться къ этому дѣлу-отдыху съ особенной любовью.

Цѣликомъ, безъ малѣйшихъ измѣненій, отецъ взялъ отсюда то, что относилось къ Некрасову (въ книгѣ о Некрасовѣ глава „Нѣсколько воспоминаній"). Предполагалось и къ остальной части записокъ присоединить со временемъ соотвѣтственныя письма, библіографическія указанія и т. п.

Такъ должна была сложиться обширная историко-литературная работа, которая была теперь на очереди и оборвалась при самомъ началѣ...

В. Л.

Декабрь, 1904.

---

*) Покойный А. Н. Пыпинъ началъ писать настоящія „Замѣтки" лѣтомъ 1900 года, …нымъ лѣтомъ 1904 года, въ послѣдній разъ продолжалъ ихъ. Время же, къ ко…у относятся самыя „Замѣтки", обнимаетъ собою цѣлыхъ 35 лѣтъ, отъ 30-хъ …ъ истекшаго вѣка (А. Н. родился въ 1833 году) и до конца 50-хъ, когда онъ …щался изъ заграничнаго двухлѣтняго путешествія въ 1858—59 гг., съ тѣмъ, вступить на каѳедру въ петербургскомъ университетѣ.—*Ред.*

Лѣтомъ 1900 года.—Меня вызываютъ близкіе написать свои воспоминанія. Это всегда трудно въ жизни, которая сама по себѣ не представляла чего-либо особеннаго, и единственный интересъ воспоминаній можетъ состоять лишь въ тѣхъ отношеніяхъ частной жизни, которыя могутъ прямо или косвенно, далеко, а иногда и близко касаться цѣлой общественной жизни и нравовъ времени. Только это послѣднее и можетъ побудить меня обратиться къ своимъ воспоминаніямъ.

О себѣ самомъ говорить я не имѣю охоты. Но условія, въ какихъ я росъ (въ г. Саратовѣ), дѣтскія и юношескія впечатлѣнія, теперь, на разстояніи болѣе полувѣка, получаютъ уже историческій характеръ: многія лица, болѣе или менѣе замѣчательныя, которыхъ я зналъ или встрѣчалъ, уже отошли въ исторію и могутъ требовать вниманія; отошелъ въ исторію, если не сполна, то въ значительной мѣрѣ, цѣлый строй жизни, среди котораго начиналась моя жизнь, а затѣмъ и дѣятельность.

Мои дѣтскія воспоминанія связываютъ въ одно цѣлое двѣ семьи: одна семья была дворянская, по моему отцу; другая была семья Чернышевскихъ—священническая; матери двухъ семействъ были родныя сестры, и первые годы моего дѣтства проходили безразлично въ этихъ двухъ семьяхъ. Моя мать, Александра Егоровна, и моя тетка, Евгенія Егоровна, мать Н. Г. Чернышевскаго, были дочери саратовскаго священника Голубева. Онъ умеръ, кажется, задолго до моего рожденія; я не слыхалъ какихъ-нибудь упоминаній о немъ; но я довольно хорошо помню бабушку, его вдову,—какъ теперь припоминаю, это была типическая суровая женщина стараго вѣка. Повидимому, Г. И. Чернышевскій (отецъ Н. Г.), женившись на его дочери (старшей), сталъ преемникомъ его въ церковнослуженіи. Наслѣдствомъ отъ него остался довольно большой участокъ земли, спускающійся отъ Сергіевской улицы внизъ къ Волгѣ, гдѣ было два небольшихъ дома и нѣсколько флигелей и домиковъ: одни были заняты двумя нашими семьями, другіе отдавались въ наймы. Моя мать была во второмъ бракѣ за отцомъ; отъ перваго брака осталась дочь, которая была, кажется, ровесницей Н. Г. Чернышевскому и была любимой подругой его дѣтства (послѣ второго брака моей матери она жила въ семьѣ Чернышевскихъ); впослѣдствіи она вышла замужъ за И. Г. Терсинскаго и умерла въ Петербургѣ—кажется, въ 1852 году.

Обѣ семьи жили очень дружно. Н. Г. Чернышевскій былъ старше меня лѣтъ на пять; но я мальчикомъ уже принималъ нѣкоторое участіе въ его играхъ и забавахъ, и онъ былъ для меня какъ будто старшимъ братомъ. Въ этихъ забавахъ онъ былъ и предпріимчивъ, и изобрѣтателенъ; разница лѣтъ дѣлала то, что онъ бывалъ и моимъ руководителемъ. Это повторялось и тогда, когда я началъ учиться.

Г. И. Чернышевскій былъ во времена моего дѣтства уже человѣкъ весьма извѣстный въ городѣ. Онъ занималъ положеніе благочиннаго, и я помню его всегда занятымъ по этой службѣ, гдѣ онъ былъ посредникомъ между духовенствомъ и архіерейской властью.

Родомъ онъ былъ изъ пензенской губерніи (изъ села Чернышева, чембарскаго уѣзда); учился въ пензенской семинаріи, гдѣ кончилъ курсъ въ то время, когда пензенскимъ губернаторомъ былъ Сперанскій. Когда Сперанскій назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, онъ хотѣлъ взять съ собой въ качествѣ ближайшихъ чиновниковъ кого-либо изъ лучшихъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ семинаріи; ему назвали Г. И. Чернышевскаго и К. Г. Рѣпинскаго,—но первый, кажется, усумнился отправиться въ далекое путешествіе, а Рѣпинскій поѣхалъ, и отсюда началось его служебное поприще, завершившееся впослѣдствіи сенатомъ.

Г. И. Чернышевскій въ предѣлахъ его школы, и даже дальше ихъ, былъ человѣкъ образованный и начитанный. Мнѣ привелось впослѣдствіи видѣть его семинарскія тетради, и въ числѣ обычныхъ сочиненій были латинскіе и греческіе стихи; до моего поступленія въ гимназію, у него я получилъ первые уроки французскаго языка. Въ его кабинетѣ, который я съ дѣтства зналъ, было два шкафа, наполненныхъ книгами: здѣсь была и старина восемнадцатаго вѣка, начиная съ Роллена, продолжая Шреккомъ и аббатомъ Милотомъ; за ними слѣдовала „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина; къ этому присоединялись новыя сочиненія общеобразовательнаго содержанія: Энциклопедическій словарь Плюшара, Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля, „Живописное Обозрѣніе" Полевого, „Картины свѣта" Вельтмана, и т. п. Этотъ послѣдній разрядъ книгъ былъ и нашимъ первымъ чтеніемъ. Затѣмъ представлена была литература духовная: помню въ ней объясненія на Книгу Бытія Филарета, книги по Церковной исторіи, Собраніе проповѣдей, Мистическія книги.

Наконецъ (я говорю о времени около моего поступленія въ гимназію), къ намъ проникла новѣйшая литература. Г. И., очень уважаемый въ городѣ, имѣлъ довольно большой кругъ знаком-

ства въ мѣстномъ богатомъ дворянскомъ кругу, и отсюда онъ бралъ для сына, Н. Г. (съ дѣтства жадно любившаго чтеніе), новыя книги, русскія, а также и французскія: у насъ бывали свѣжіе томы сочиненій Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, нѣкоторые журналы...

Мой отецъ происходилъ, кажется, изъ довольно стараго, но мелкопомѣстнаго дворянскаго рода. Дѣдъ, давно уже передъ тѣмъ умершій, и о которомъ я слышалъ только немногія упоминанія, служилъ нѣкогда въ тамбовскомъ намѣстничествѣ, между прочимъ при Державинѣ, и тамъ былъ помѣщикомъ; болѣе отдаленные предки были также изъ служилаго дворянства. Затѣмъ небольшія тамбовскія владѣнія были проданы, и семья (у отца было нѣсколько братьевъ и сестра) переселилась въ саратовскій край, гдѣ были пріобрѣтены другія, небольшія владѣнія. Для людей этого круга существовало, конечно, одно поприще—служба, насколько возможно соединяемая съ земельнымъ хозяйствомъ. Мой отецъ и его братья служили по разнымъ вѣдомствамъ въ Саратовѣ или по дворянскимъ выборамъ въ своемъ уѣздѣ. Такъ, вскорѣ послѣ моего поступленія въ гимназію, отецъ на много лѣтъ переселился на эту службу въ уѣздный городъ; я остался, конечно, въ Саратовѣ для гимназическаго ученія и жилъ у Чернышевскихъ. Складъ характера моего отца былъ въ полной мѣрѣ старосвѣтскій. Родившись въ началѣ (XIX-го) столѣтія, онъ учился только дома, какъ было тогда въ большинствѣ мелкаго дворянскаго круга, рано поступилъ на службу, занималъ мелкія должности, конечно, по тогдашнему и съ очень небольшимъ жалованьемъ, такъ что, сколько я припоминаю съ дѣтства, и какъ видѣлъ потомъ, нашъ домашній бытъ велся на очень скромныя, даже скудныя средства. Подспорьемъ была маленькая деревня. Прислуга (въ томъ числѣ и у Чернышевскихъ) была наша крѣпостная; по зимамъ изъ деревни (верстахъ въ восьмидесяти отъ Саратова) крестьяне привозили разные домашніе запасы, и пріѣздъ „нашихъ мужиковъ“ былъ для меня въ дѣтствѣ большимъ интересомъ: я еще не видалъ никакой „деревни“. „Мужики“ бывали ласковы къ барченку; такими я видалъ ихъ и послѣ, когда пріѣзжалъ съ отцомъ въ „деревню“ на каникулахъ, во время службы отца въ уѣздномъ городѣ. Отношенія были вообще дружелюбныя: отецъ, самъ выросшій нѣкогда въ деревнѣ, зналъ крестьянскій бытъ сполна, зналъ крестьянскую работу и крестьянскую нужду; по характеру онъ былъ простой, добрый человѣкъ, и крестьяне относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Старѣйшій изъ нашихъ „подданныхъ“, котораго я и теперь помню, Иванъ

Мосолъ, знавшій отца еще ребенкомъ, относился къ нему и теперь съ добродушной простотой, какъ старый дядька. Когда мнѣ въ первый разъ привелось прожить нѣсколько времени съ отцомъ въ деревнѣ, во время лѣтнихъ работъ (я былъ тогда, вѣроятно, въ третьемъ или четвертомъ классѣ), для меня въ первый разъ открылся этотъ особый кругъ жизни, насколько я могъ его понять,—съ его рабочими интересами и заботами, съ особымъ складомъ всего обычая, съ его представленіями о природѣ, повѣрьями и суевѣріями. Это послѣднее было, впрочемъ, знакомо мнѣ и гораздо раньше. Съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я былъ уже знакомъ до нѣкоторой степени съ запасомъ деревенскихъ представленій: двѣ наши няни (одна—уроженка саратовская, другая—воронежская) обладали большими знаніями въ области сказокъ и повѣрій: впослѣдствіи я напрасно искалъ въ сборникахъ нашихъ сказокъ нѣсколько удивительныхъ эпизодовъ, отрывочно сохранившихся въ моей памяти изъ этихъ повѣствованій. Сказки были оригинальны, цѣльны и, какъ потомъ я могъ судить, прекрасно выдержаны въ эпическомъ тонѣ, сохраняя весь традиціонный способъ выраженій и, гдѣ нужно, свой речитативъ и пѣніе... Деревенскіе разговоры, конечно, были пересыпаны элементами эпическаго повѣрья... Эти патріархальныя отношенія сохранились потомъ надолго, можно сказать, до сихъ поръ. При освобожденіи крестьянъ (которое, между прочимъ, очень сократило наши владѣнія), бывшіе крѣпостные обращались къ старому барину за совѣтами въ ихъ новомъ положеніи, не всегда этимъ совѣтамъ слѣдовали, полагая, что сами разсудятъ лучше, но потомъ не разъ убѣждались, что совѣтъ былъ поданъ вѣрно. Долго спустя, уже „свободные", наши прежніе „мужики", пріѣзжая въ Саратовъ, прямо останавливались въ домѣ стараго барина, полагая себя какъ будто дома.

Но уже тогда, въ моемъ раннемъ дѣтствѣ, передо мной мелькали уже, конечно, мало сознаваемыя, но тѣмъ не менѣе производившія тяжелыя впечатлѣнія, другія стороны этого патріархальнаго быта,—именно мрачныя картины насилія, жестокости, подавленія личнаго и человѣческаго достоинства. Случалось слышать, а иногда и самому видѣть проявленія крѣпостного произвола. Старшее поколѣніе, мирное и доброжелательное, не видѣло въ крѣпостномъ правѣ никакой несправедливости по существу: крестьяне не могли обойтись безъ опеки,—и дѣйствительно въ тогдашнихъ условіяхъ помѣщикъ закрывалъ крестьянъ отъ другого посторонняго произвола; въ трудную пору, когда случится неурожай, помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ,

чтобы помочь, сколько можно, крестьянской бѣдѣ,—такъ это у насъ и бывало. Но старшее поколѣніе не скрывало отъ себя, да и отъ насъ, младшаго поколѣнія, что бываютъ къ сожалѣнію большія и дурныя злоупотребленія,—но они приписывались дурнымъ личнымъ свойствамъ того или другого помѣщика. Помню, отецъ говорилъ мнѣ, и указывалъ, гдѣ въ нашемъ деревенскомъ сосѣдствѣ помѣщикъ былъ убитъ своими крестьянами; фактъ былъ преступный, но и помѣщикъ былъ виноватъ. Потомъ случалось слышать о другихъ происшествіяхъ подобнаго рода, о жестокостяхъ помѣщиковъ, о бунтахъ крестьянъ; разъ мнѣ привелось видѣть самую „торговую казнь"—наказаніе кнутомъ.

Въ ранніе отроческіе годы привелось мнѣ видѣть другую мрачную сторону прежняго народнаго быта, которая произвела на меня очень тяжелое впечатлѣніе и которой, къ счастію, уже нѣтъ съ эпохи реформъ, по крайней мѣрѣ въ такой вопіющей формѣ. Это—рекрутскій наборъ и тогдашнее страшное солдатское ученіе. Долгій, двадцатипятилѣтній срокъ солдатской службы большею частію почти всегда вырывалъ человѣка изъ семьи на весь вѣкъ. Передъ рекрутскимъ присутствіемъ собиралась толпа народа, въ которой невыносимо тяжело было зрѣлище женщинъ, матерей. Я помню одинъ случай, о которомъ тогда говорили въ городѣ, что одна мать, сыну которой „забрили лобъ", пораженная горемъ, умерла на мѣстѣ. Помню обычай отчаяннаго (именно съ отчаянія) пьянства тѣхъ, кому неминуемо предстояло идти въ солдаты и которымъ предоставляли и давали средства къ послѣдней безшабашной гульбѣ, которая помогала пережить послѣдніе дни уходящей свободы... Перспектива солдатской жизни была на лицо. Въ городѣ стоялъ какой-то полкъ; на плацу всенародно происходили ученія, а тогдашнія ученія, такъ усиленно занимавшіяся маршировкой и ружейными пріемами, неизмѣнно совершались съ помощью палокъ, и воинъ, за которымъ оказывалась малѣйшая неисправность, тутъ же всенародно подвергался экзекуціи. Зрѣлище замѣчательно гнусное.

Приходилось, какъ я упоминалъ, слышать о тяжестяхъ крестьянской жизни, приводившихъ къ такъ называемымъ бунтамъ... Только недавно, нѣсколько лѣтъ назадъ, мнѣ пришлось познакомиться ретроспективно съ характеромъ того времени, въ которомъ проходило мое дѣтство и отрочество. Въ 1890 году, другъ моей гимназической поры, Д. Л. Мордовцевъ, который въ пятидесятыхъ годахъ служилъ въ Саратовѣ,—кажется, въ качествѣ статистика и редактора губернскихъ вѣдомостей,—издалъ книгу „Наканунѣ воли". Книга составилась такимъ образомъ: въ то

время, въ пятидесятыхъ годахъ, поднятъ былъ въ Саратовѣ вопросъ объ очисткѣ мѣстныхъ архивовъ, другими словами, о массовомъ уничтоженіи старыхъ „ненужныхъ“ дѣлъ. Д. Л., который прошелъ уже университетъ и велъ дружбу съ Н. И. Костомаровымъ, доживавшимъ тогда послѣдніе годы своей ссылки въ Саратовѣ,—питалъ историческіе интересы, особливо интересъ къ народно-бытовой исторіи, зналъ цѣну архивныхъ документовъ и успѣлъ спасти большую долю „ненужныхъ дѣлъ“ отъ уничтоженія. Онъ извлекъ изъ нихъ обширный матеріалъ, изъ котораго и составилась упомянутая книга. Архивныя бумаги губернскаго правленія именно заключали въ себѣ цѣлый рядъ дѣлъ о крестьянскихъ бунтахъ (прежде всего, простыхъ мирныхъ жалобахъ крестьянъ къ высшему начальству на невыносимыя жестокости многихъ помѣщиковъ, жалобахъ, которымъ помѣщики и однородные съ ними чиновники давали квалификацію бунтовъ). Къ сожалѣнію, книга Д. Л. Мордовцева не увидѣла свѣта: по рѣшенію особаго совѣщанія министровъ, она была уничтожена. Но это былъ историческій матеріалъ величайшаго интереса, матеріалъ въ своемъ родѣ единственный въ нашей литературѣ: этотъ матеріалъ доставлялъ одно изъ наглядныхъ и поражающихъ доказательствъ необходимости освобожденія крестьянъ, одно изъ простыхъ и разительныхъ объясненій того нравственнаго возбужденія, на какихъ опиралась, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ, лихорадочная жажда преобразованія. Книга Д. Л. не имѣла никакого публицистическаго намѣренія: это—простой сборникъ дѣлъ, производившихся въ губернскомъ правленіи и доходившихъ иногда до Третьяго отдѣленія Собственной канцеляріи и до высочайшей власти. Сборникъ чисто документальный, иногда даже сухой, но по существу дѣла это одна изъ самыхъ страшныхъ книгъ, какія являлись въ нашей литературѣ... Читая ее въ эти послѣдніе годы, я находилъ въ ней много знакомыхъ именъ, какія слышалъ въ мѣстныхъ разсказахъ и легендахъ сороковыхъ годовъ: для меня становились ясны фактическіе источники этихъ разсказовъ и легендъ.

По такимъ разсказамъ я зналъ еще объ одной сторонѣ тогдашняго народнаго быта. Въ безвыходномъ положеніи, въ какомъ находилось крестьянство, въ крайней темнотѣ умовъ, среди него возникали періодически самые невѣроятные, фантастическіе слухи о какихъ-то благословенныхъ земляхъ съ молочными рѣками и кисельными берегами, по крайней мѣрѣ съ полнымъ просторомъ, гдѣ можно было занять сколько хочешь земли безъ податей, безъ помѣщиковъ и начальства. Эти блаженныя страны находи-

лись на Дарьѣ-рѣкѣ; впослѣдствіи онѣ были перенесены народнымъ воображеніемъ въ Анапу, около которой, будто бы, раздавалась земля всѣмъ желающимъ. Никакія убѣжденія помѣщиковъ и начальства не дѣйствовали; имъ просто не вѣрили, и толпы крестьянъ съ женами и дѣтьми, нагрузивши на телѣги свой скарбъ, покидали деревни и отправлялись на поиски желанныхъ земель; многіе успѣвали уходить довольно далеко,—земская полиція ихъ ловила и возвращала на прежнее мѣсто. Въ нашихъ небольшихъ владѣніяхъ были также семьи, которыя „бѣгали въ Анапу“. Бывало и простое единичное бѣгство, даже безъ особенныхъ причинъ, изъ простой потребности личной свободы: бѣгали особенно въ „Одесту“, которая, какъ портовый городъ, давала работу и, кажется, до сихъ поръ остается прибѣжищемъ для безпаспортныхъ искателей свободы и приключеній.

Возвращаюсь къ нашей домашней жизни. Какъ упомянуто, въ нашей семьѣ сравнительно были очень развиты литературные интересы. Моя мать и тетка (ея старшая сестра) чрезвычайно любили чтеніе; новыя книги переходили изъ рукъ въ руки, въ числѣ ихъ бывали журналы; въ первыхъ классахъ гимназіи я зналъ „Отечественныя Записки“ и очень сокрушался, что не все мнѣ было понятно, напримѣръ статьи писателя Искандера; мать успокаивала меня, что для меня это еще рано читать, и что я скоро буду понимать все это...

Въ такихъ условіяхъ съ довольно ранняго дѣтства у меня явился интересъ къ книгѣ и желаніе учиться. Моимъ идеаломъ были маленькіе гимназисты, и въ виду моихъ стремленій меня помѣстили въ гимназію, когда, собственно говоря, я еще не имѣлъ требуемаго возраста—на десятомъ году. Это было въ 1842 г.

Гимназія была классическая или вѣрнѣе полуклассическая, прежняго уваровскаго типа. Съ четвертаго класса ученикамъ предоставлялось, какъ тогда говорили, „идти по греческому языку“ или „по математикѣ“, т.-е. для однихъ съ четвертаго класса начиналось преподаваніе греческаго языка, а для другихъ нѣсколько большій кругъ математики; первые, за ревность къ классицизму, получали по окончаніи курса право на чинъ XIV класса при поступленіи на службу, вторые этого права не имѣли. Вслѣдствіе этого, и въ большинствѣ случаевъ только этого, охотниковъ до греческаго языка бывало довольно много. Эти классики, вышедши изъ гимназіи, почти сполна поступали въ канцеляріи и въ „палаты“, гдѣ имъ и давался XIV классъ; только очень немногіе думали объ университетѣ. Когда я поступалъ въ гимназію, нашъ первый классъ былъ очень многолю-

декъ (было, вѣроятно, человѣкъ до сорока); изъ нихъ дошло вмѣстѣ до окончанія курса только человѣкъ семь. Изъ моего курса отправился въ университетъ только я одинъ; причиною этой единичности въ томъ году было, вѣроятно, одно обстоятельство, о которомъ скажу дальше.

Гимназія, повидимому, была похожа на большинство провинціальныхъ гимназій того времени. Въ учительскомъ персоналѣ почти не было, или даже совсѣмъ не было, такъ называемыхъ „любимыхъ" учителей, хотя между ними бывали люди довольно знающіе и желавшіе исправно вести свое дѣло; никто, однако, не умѣлъ къ себѣ особенно привязать учениковъ, да къ этому и не стремился,—преобладало отношеніе сухое и строгое; нѣкоторые бывали и плохо знавшіе свой предметъ. Но при охотѣ учиться было все-таки можно. Гимназическіе нравы были порядочно грубые; только въ старшихъ классахъ питомцы нѣсколько остепенялись. Гимназія представляла нѣкоторыя странности и относительно возраста учениковъ; предѣльнаго возраста для пребыванія въ классахъ, кажется, не полагалось; былъ по крайней мѣрѣ такой фактъ, что когда я поступилъ въ первый классъ, въ числѣ моихъ товарищей былъ одинъ оставшійся „на второй годъ"; когда я перешелъ во второй классъ, онъ остался на третій годъ, но, вѣроятно, утомился науками и вышелъ изъ гимназіи, а вслѣдъ затѣмъ женился. Не буду пересказывать мелочей гимназическаго быта,—онѣ бываютъ обыкновенно мало интересны внѣ чисто личныхъ воспоминаній; замѣчу только, что воспитательный элементъ былъ вообще очень слабый, а иногда превратный и отталкивающій; въ немаломъ ходу были тѣлесныя наказанія, однажды дошедшія до настоящаго безобразія и обыкновенно только раздражавшія и возмущавшія учениковъ; былъ одно время инспекторъ, вѣроятно считавшій себя проницательнымъ педагогомъ, злой и бездушный человѣкъ іезуитскаго типа, внушавшій только отвращеніе. Въ числѣ учениковъ бывали добрые юноши, миролюбивые и разсудительные, которыхъ обыкновенно товарищи очень любили; они вносили извѣстный смягчающій тонъ, котораго не давало педагогическое начальство, мало впрочемъ объ этомъ и думавшее. Упоминаю обо всемъ этомъ потому, что если и до сихъ поръ мы слышимъ и читаемъ жалобы на недостатокъ связей между семьей и школой, на ихъ чуть не враждебныя отношенія, на слабость воспитательнаго значенія гимназіи, то это зло — очень давнее: въ послѣднее время думаютъ о томъ, какъ ему помочь, — но, мнѣ кажется, забываютъ объ одномъ. Истинно воспитательное вліяніе, которое было бы

для школы не только полезно, но благодѣтельно,—возможно было бы только для людей (директоровъ, инспекторовъ, учителей) съ цѣльнымъ нравственнымъ характеромъ, самостоятельными убѣжденіями: возможны ли такіе люди въ обычномъ характерѣ нашей школы, въ которой издавна и донынѣ такъ господствовалъ именно чисто бюрократическій, скажу даже—полицейскій элементъ, подозрительность и недовѣріе ко всякой нравственной самостоятельности; возможны ли они, когда искажается самая программа школы, изъ которой (какъ въ новѣйшей „классической“ системѣ) намѣренно исключаются или ограничиваются предметы, гдѣ преподаватель могъ бы въ особенности находить воспитывающій и образующій матеріалъ (напр. исторія русской словесности) и, напротивъ, усиленно рекомендовались и требовались предметы, притуплявшіе работу мысли, какъ долбленіе грамматики Кюнера—подъ видомъ мнимаго высокаго значенія классицизма?

Только изрѣдка въ гимназическомъ преподаваніи являлись люди и случаи, которые могли поощрять любовь къ наукѣ. Въ старшихъ классахъ заговаривали объ университетѣ, вспоминали тѣхъ немногихъ изъ старшихъ товарищей, которые отправлялись въ университетъ; послѣднее казалось подвигомъ, для иныхъ (впрочемъ немногихъ) завиднымъ. Такъ, изъ нашихъ ближайшихъ предшественниковъ отправился въ московскій университетъ Г. А. Захарьинъ, знаменитый впослѣдствіи врачъ,—его младшій братъ (впослѣдствіи также московскій студентъ, вскорѣ впрочемъ умершій) былъ моимъ товарищемъ, и мы съ величайшимъ интересомъ читали въ письмахъ разсказы его о московскомъ университетѣ. Изъ ближайшаго старшаго курса нѣсколько человѣкъ отправились въ казанскій университетъ, въ томъ числѣ еще съ гимназіи мнѣ дружественный П. А. Ровинскій.

Идти въ университетъ для большинства было не легко. Въ тогдашнемъ бытѣ, при дальности разстояній (напримѣръ, путешествіе въ Москву изъ Саратова при хорошемъ состояніи дорогъ и ѣздѣ на почтовыхъ требовало пяти дней), при захолустной неподвижности, при скромныхъ средствахъ семьи, самая поѣздка была дѣло не легкое; не легко и содержаніе студента въ теченіе четырехъ лѣтъ. Для меня университетъ было дѣло рѣшенное, для моей семьи въ денежномъ отношеніи это было дѣло очень трудное, и оно могло состояться только по особымъ обстоятельствамъ. Самая мысль была семьей принята заранѣе. Для старшихъ была не чужда мысль объ интересѣ болѣе высокаго научнаго образованія, а также и о большихъ шансахъ

дальнѣйшаго служебнаго поприща. Однимъ изъ важныхъ обстоятельствъ, окончательно рѣшившихъ этотъ вопросъ, было то, что еще за три года до окончанія мною гимназическаго курса уѣхалъ въ Петербургъ, въ университетъ, Н. Г. Чернышевскій.

Мнѣ надо вернуться нѣсколько назадъ. Я говорилъ уже, что въ нашей общей семьѣ давно уже были интересы къ образованію. Г. И. Чернышевскій (отецъ) былъ по своему времени и кругу человѣкъ ученый. Н. Г. долго учился дома, и его видимые успѣхи обращали на себя вниманіе даже людей мало опытныхъ. Я помню, еще бывши въ первыхъ классахъ гимназіи, что онъ уже читалъ французскія книги. Вѣроятно, не безъ вліянія его примѣра учили и меня: еще до поступленія въ гимназію, я началъ учиться по-латыни; учитель для меня отыскался въ числѣ сослуживцевъ моего отца, очень старенькій мелкій чиновникъ, знавшій откуда-то латынь и хорошо учившій. По-нѣмецки, несмотря на разницу лѣтъ, я сталъ учиться вмѣстѣ съ Н. Г. Когда онъ хотѣлъ заняться нѣмецкимъ языкомъ, учитель легко нашелся среди саратовскихъ нѣмцевъ-колонистовъ: дѣти пасторовъ, болѣе зажиточныхъ колонистовъ—получали въ своихъ школахъ извѣстное образованіе; изъ нихъ выходили, между прочимъ, учителя музыки, нѣмецкаго языка и т. п. Такой учитель музыки бывалъ у насъ въ нашемъ домѣ; онъ еще плохо говорилъ по-русски, желалъ выучиться (его мечта была быть въ университетѣ, и онъ дѣйствительно былъ потомъ въ университетѣ въ Казани), и онъ сталъ брать уроки у Г. И., взамѣнъ чего предложилъ учить нѣмецкому языку Н. Г., и эти уроки распространились и на меня; въ гимназію я поступилъ отчасти уже приготовленный къ нѣмецкимъ урокамъ. Любознательность Н. Г. была сильная и разнообразная. То, чему онъ учился, онъ быстро схватывалъ и прочно сохранялъ, въ чемъ помогала ему необыкновенная память. Кажется, очень рано онъ былъ хорошимъ латинистомъ; мнѣ ясно припоминается онъ за чтеніемъ старой латинской книги, напечатанной, помнится, въ два столбца мелкимъ шрифтомъ, съ которой онъ разстался вѣроятно тогда, когда прочелъ ее всю. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось пріѣзжать домой, я видѣлъ эту книгу и могъ ее опредѣлить: это было старое, первыхъ годовъ семнадцатаго столѣтія, изданіе Цицерона; помню, что онъ читалъ его свободно, не обращаясь къ словарю. Это видимо была одна изъ старыхъ книгъ его отцовской библіотеки.

Но домашнее ученіе было, наконецъ, сочтено недостаточнымъ. Отецъ думалъ направить сына на свое собственное поприще. Это былъ человѣкъ глубоко благочестивый, и, безъ со-

мнѣнія, этому поприщу онъ придавалъ великое значеніе. Поэтому той школой, въ которую долженъ былъ вступить сынъ, была семинарія, за которою дальше предполагалась духовная академія. Питомцы духовныхъ академій бывали уже тогда между профессорами семинарій. Не помню съ точностью, сколько времени Н. Г. пробылъ въ семинаріи—года полтора или два—и прошелъ, вѣроятно, по-старинному, второй курсъ „реторики" и первый курсъ „философіи". Помню, что изъ своихъ наставниковъ онъ цѣнилъ двухъ, которыхъ считалъ людьми знающими и мыслящими. Былъ еще третій профессоръ семинаріи, съ которымъ онъ сблизился и который, если не ошибаюсь, былъ съ Ч—ми въ дальнемъ родствѣ. Это былъ Г. С. Саблуковъ, впослѣдствіи извѣстный оріенталистъ и профессоръ казанской академіи. Саблуковъ преподавалъ въ семинаріи татарскій языкъ. Дѣло въ томъ, что эта каѳедра была учреждена въ семинаріи въ видахъ предполагаемаго распространенія христіанства между мусульманскими инородцами въ губерніи (татарское населеніе въ сплошномъ количествѣ находится въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи—кузнецкомъ). Повидимому, татарскій языкъ не былъ обязателенъ для всѣхъ, но Н. Г. Чернышевскій ему учился и, вѣроятно, довольно успѣшно. Въ то время епископомъ саратовскимъ и царицынскимъ былъ довольно извѣстный Іаковъ (Вечерковъ), впослѣдствіи архіепископъ нижегородскій,—котораго я хорошо помню. Это былъ уже старый человѣкъ, отличавшійся аскетическимъ благочестіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ревнитель православія противъ раскола и любитель археологіи. При немъ совершались едва ли не первыя изслѣдованія древней ордынской столицы—Сарая—въ прежнихъ предѣлахъ саратовской губерніи, за Волгой. Помню пребываніе въ Саратовѣ извѣстнаго А. В. Терещенка, который бывалъ и въ домѣ моего дяди. Безъ сомнѣнія, въ связи съ этими изслѣдованіями остатковъ татарскаго владычества находилась одна работа, которая исполнена была Н. Г. Ч—мъ по порученію или предложенію арх. Іакова. Это былъ довольно подробный обзоръ топографическихъ названій въ саратовской губерніи, татарскаго происхожденія. Помню длинный списокъ названій селъ, деревень и урочищъ, который Н. Г. собиралъ или провѣрялъ по огромной подробной картѣ, которую приходилось раскладывать на полу; къ этому списку Н. Г. прибавлялъ татарское написаніе этихъ названій и переводъ на русскій языкъ. Вопросъ былъ, дѣйствительно, интересный. Саратовская губернія (тогда, какъ упомянуто, къ ней принадлежали два заволжскихъ уѣзда) была и

есть пересыпана татарскими названіями мѣстностей; только на сѣверѣ сохранилось въ нихъ и татарское населеніе; въ огромномъ большинствѣ селъ и деревень съ татарскими именами находится чисто-русское населеніе: откуда взялись и какъ сохранялись татарскія названія? Были ли это остатки кочевыхъ урочищъ, которыя перешли въ наслѣдство къ знавшему ихъ русскому сосѣдству; или это были названія уже осѣдлыхъ татарскихъ поселеній; произошло ли вытѣсненіе прежнихъ жителей, или ихъ обрусѣніе? Не знаю, сохранилась ли эта работа Н. Г. Это была довольно объемистая тетрадь, которая была тогда передана преосв. Іакову.

Но татарскаго языка было мало. Н. Г. начиналъ учиться у Саблукова по-арабски; наконецъ, интересенъ былъ персидскій языкъ, и такъ какъ учиться ему было не у кого, то придумано было слѣдующее средство. Въ серединѣ лѣта Саратовъ оживлялся проѣздомъ довольно многочисленныхъ персидскихъ купцовъ на нижегородскую ярмарку. Нашъ домъ приходился на той улицѣ, въ которую вступала астраханская дорога; пароходство еще не существовало, и персидскіе купцы скакали, бывало, компаніями на почтовыхъ тройкахъ по нашей улицѣ. Въ Саратовѣ они дѣлали обыкновенно остановку и нѣкоторое время торговали своими товарами (это были особенно шолковые товары: канаусъ, мовь и др.). Такъ какъ изъ году въ годъ пріѣзжали все тѣ же хозяева, то между ними бывали знакомые; они бывали и у насъ въ домѣ, и Н. Г. пользовался ихъ пріѣздами (тѣмъ же путемъ возвращались они послѣ ярмарки), чтобы брать у нихъ свои уроки персидскаго языка: они учили его писать и читать, но преподаватели они были, конечно, плохіе... Въ семинаріи въ тѣ времена еще не окончилось господство латинскаго языка, и по-латыни не только писались „задачи" по реторикѣ и философіи, но, кажется, нѣкоторые предметы (на высшихъ курсахъ) преподавались на латинскомъ языкѣ. Впослѣдствіи, когда Н. Г. былъ уже въ университетѣ въ Петербургѣ, онъ, чтобы укрѣпить и меня въ латыни, иногда писалъ мнѣ письма на латинскомъ языкѣ. Эти письма, къ сожалѣнію, не сохранились; но помню, что между прочимъ онъ писалъ мнѣ о своемъ историческомъ чтеніи (которое и мнѣ рекомендовалъ), напримѣръ о Раумерѣ; на латинскомъ языкѣ онъ тогда уже, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, давалъ мнѣ понятіе о крестьянскомъ вопросѣ (glebae adscripti et terrae firmi): здѣсь я въ первый разъ узналъ о существованіи этого вопроса.

Ученіе въ семинаріи, однако, не удовлетворяло Чернышев-

скаго. Его научные интересы шли дальше этихъ точекъ зрѣнія, а вѣроятно и вопросы общественные. Среди своихъ товарищей въ семинаріи онъ, помнится, находилъ только очень немногихъ, двухъ-трехъ, съ которыми бывало у него общее пониманіе; но бывали у него другіе сверстники, съ которыми онъ любилъ проводить время въ долгихъ прогулкахъ и долгихъ разговорахъ. Это были молодые люди изъ того помѣщичьяго круга, съ которымъ бывалъ знакомъ его отецъ, молодые люди съ извѣстнымъ свѣтскимъ образованіемъ, между прочимъ университетскимъ. Большая разница лѣтъ дѣлала для меня чуждымъ это товарищество, но, судя по болѣе позднимъ воспоминаніямъ, въ этихъ бесѣдахъ затрогивались именно темы идеалистическія и первыя темы общественныя...

Въ октябрѣ 1901 г.—Итакъ, для Н. Г. вопросъ объ университетѣ былъ рѣшенъ. Отецъ его, вѣроятно, понималъ преимущества университетскаго образованія, но, сколько мнѣ помнится, долженъ былъ очевидно нѣсколько переломить себя, когда уступалъ желаніямъ сына. Задолго началось обдумываніе поѣздки. Предполагался петербургскій университетъ, между прочимъ, кажется, потому, что тамъ уже былъ одинъ нашъ землякъ и дальній родственникъ Ч—хъ, А. Ѳ. Раевъ, сынъ сельскаго священника, молодой человѣкъ, очень практическій, конечно безъ всякихъ собственныхъ средствъ, но съумѣвшій удачно устроиться въ Петербургѣ [1]). Въ нашемъ ближайшемъ кругу не было человѣка, имѣвшаго какое-нибудь понятіе о Петербургѣ. Это была невѣдомая, отдаленная страна, пребываніе всѣхъ властей, съ особенными нравами и великими житейскими трудностями, особенно для людей съ очень небольшими средствами, безъ знакомствъ и связей; изъ Петербурга наѣзжали изрѣдка важныя административныя лица, и это, бывало, производило сильное впечатлѣніе, и разговоры о нихъ велись и въ тѣхъ кругахъ, которые не имѣли къ нимъ ни малѣйшаго отношенія. Припомню какъ черту нравовъ, о чемъ мнѣ случалось слышать еще мальчикомъ между старшими. Губернскія дѣла разныхъ административныхъ вѣдомствъ, конечно, имѣли свой господствующій центръ въ Петербургѣ; желательны бывали личныя сношенія съ этимъ центромъ, т.-е. съ какими-нибудь второстепенными и третьестепенными людьми въ центральныхъ вѣдомствахъ; поѣздки не всегда

---

[1]) Онъ умеръ нынѣшнимъ лѣтомъ 1901 г. членомъ совѣта министерства финансовъ.

были удобны,—потому что требовали отпусковъ или были бы слишкомъ замѣтны,—и для сношеній служилъ особый путь: изъ провинціальнаго города періодически ѣздилъ въ Петербургъ одинъ свободный человѣкъ, отставной военный средняго чина, который и исполнялъ разныя конфиденціальныя порученія...

Наконецъ, Петербургъ былъ городъ очень далекій: желѣзныхъ дорогъ не существовало; ѣхать на почтовыхъ надо было цѣлую недѣлю (если ѣхать безъ всякаго отдыха) и считалось дорого; поэтому обдумывался планъ путешествія „на долгихъ". Для этого служили особые предприниматели-ямщики, которые брались везти на своихъ лошадяхъ, конечно съ необходимыми остановками для кормленія лошадей и ночлега; эти поѣздки, очевидно, были дольше, но были дешевле „почтовыхъ". Такой предприниматель былъ подысканъ: онъ брался везти не только до Москвы, но и дальше, по „шосту" (шоссе, о которомъ зналъ или слышалъ, какъ о хорошей дорогѣ), до самаго Петербурга. Помнится, внѣшній видъ предпринимателя внушалъ нѣкоторыя сомнѣнія,—и дѣйствительно онъ оказался пьянымъ человѣкомъ, несмотря на всѣ обѣщанія, и въ Москвѣ путешественники должны были отказаться отъ его услугъ. У меня осталось воспоминаніе объ этомъ отъѣздѣ Н. Г., какъ объ очень важномъ событіи, въ глазахъ не только моихъ, но и всѣхъ старшихъ. Само собою разумѣется, что Н. Г. не рѣшились отпустить одного: съ нимъ поѣхала его мать и одна старинная наша знакомка среднихъ лѣтъ, жившая въ одномъ изъ нашихъ домиковъ на квартирѣ. Путь изъ Саратова въ Москву шелъ обыкновенно на Пензу или на Тамбовъ; въ этотъ разъ онъ былъ взятъ на Воронежъ, такъ какъ по дорогѣ желали поклониться мощамъ св. Митрофанія [1]). Съ нѣкоторыми приключеніями путешественники благополучно добрались до Петербурга; мать Н. Г. прожила тамъ нѣкоторое время и потомъ вмѣстѣ съ своей спутницей возвратилась домой. Я припоминаю ея разсказы довольно характерные: въ Москвѣ и Петербургѣ было, конечно, много удивительнаго, но обычный складъ домашней жизни, съ хозяйственной точки зрѣнія, моей тётѣ крайне не нравился; она не могла преодолѣть и позабыть хотя на время своей привычки къ добропорядочной домовитости провинціальной жизни, хотя и скромной,—когда въ домѣ (они занимали квартиру въ частномъ семействѣ) нельзя было имѣть даже своего хлѣба, когда за всякой

[1]) Это путешествіе было довольно точно разсказано покойнымъ теперь Духовниковымъ въ „Русской Старинѣ", который предпринялъ написать біографію Н. Г. Ч., прилежно собиралъ отовсюду свѣдѣнія, но, къ сожалѣнію, не кончилъ своей работы,

хозяйственной мелочью надо было посылать въ мелочную лавочку, когда при домѣ не было никакого двора (а при нашемъ домѣ было два большихъ двора и еще небольшой садикъ), гдѣ не знаешь даже, кто подлѣ васъ живетъ, кѣмъ вы окружены и т. д...

Н. Г. хотя не проходилъ собственно гимназическаго курса, какой требовался для вступительнаго экзамена, но при своихъ большихъ для юноши знаніяхъ поступилъ въ университетъ безъ малѣйшихъ препятствій и, кажется, скоро обратилъ на себя вниманіе своими свѣдѣніями и талантливостью. Обстановка историко-филологическаго факультета, въ который онъ вступилъ, была, за немногими измѣненіями, та самая, какую я нашелъ въ петербургскомъ университетѣ, когда поступилъ въ него нѣсколько лѣтъ спустя. Перемѣнились только немногія, притомъ второстепенныя лица. Изъ его главныхъ профессоровъ я не засталъ только П. А. Плетнева, который къ моему времени былъ уже ректоромъ и прекратилъ чтеніе лекцій. Затѣмъ, главные профессора были тѣ же. Вообще говоря, научный уровень не былъ особенно высокъ; но въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась русская наука, а также и литература, университетъ несомнѣнно приносилъ свою пользу, т.-е. расширялъ горизонтъ свѣдѣній и возбуждалъ собственную дѣятельность. Позднѣе, я слушалъ тѣхъ же профессоровъ, и помню сочувственные отзывы Н. Г. о тѣхъ изъ нихъ, которые и въ мое время были наиболѣе полезны студентамъ своими лекціями. Таковъ былъ, напримѣръ, М. С. Куторга: при нѣкоторыхъ недостаткахъ характера, которые, вѣроятно, помѣшали ему имѣть болѣе широкое вліяніе на своихъ слушателей, это былъ человѣкъ, прошедшій ученую нѣмецкую школу въ Дерптѣ и за границей въ Германіи, усвоившій немалыя знанія и особенно пріемы исторической критики, которые онъ и старался внушать своимъ слушателямъ. Любимой темой его лекцій и поученій была древняя греческая исторія, но онъ читалъ и цѣльные курсы по новѣйшей исторіи, и одною изъ очень полезныхъ особенностей его чтеній бывало стараніе знакомить слушателей съ литературой предмета, хотя бы только съ ея главнѣйшими явленіями. Для его слушателей, приходившихъ съ очень скудными гимназическими познаніями, эти его чтенія бывали не только интересны, но и очень полезны. Не менѣе, а иногда и болѣе вліянія оказывали лекціи Срезневскаго. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ онъ только-что перешелъ на петербургскую каѳедру славянскихъ нарѣчій изъ Харькова. Это была самая живая пора его славянскихъ увлеченій. Въ его изложеніи историческомъ или филологическомъ находили мѣсто

эпизоды изъ его собственныхъ наблюденій за время его странствованій по славянскимъ землямъ. Въ то время это былъ едва ли не главный его научный интересъ, которому онъ отдавался со всей живостью своего характера; не мудрено, что его лекціи были очень привлекательны для всѣхъ, у кого была сколько-нибудь пробуждена любознательность къ славянскому міру. Дѣятельность Срезневскаго была особенно оживлена тогда еще однимъ обстоятельствомъ. Вскорѣ по переѣздѣ въ Петербургъ, онъ вступилъ во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ. Отдѣленіе, только за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ образованное изъ бывшей Россійской Академіи, въ теченіе сороковыхъ годовъ еще носило на себѣ сильный отпечатокъ этого стариннаго учрежденія. До вступленія Срезневскаго, въ Отдѣленіи былъ, собственно говоря, только одинъ ученый филологъ, знаменитый Востоковъ, уже древній человѣкъ, занятый своими работами, одиноко отъ другихъ членовъ Отдѣленія, съ которыми у него было и мало общаго. Срезневскій впервые внесъ извѣстную научную жизнь въ это заглохшее учрежденіе: безъ сомнѣнія, по его иниціативѣ возникло тогда первое періодическое изданіе подъ названіемъ „Извѣстій", въ текстѣ которыхъ его собственныя работы составляли наиболѣе цѣнную долю, и въ которыхъ, благодаря ему, появилось не мало сотрудниковъ въ особенности по различнымъ вопросамъ словаря русскаго языка. Между прочимъ, онъ старался привлечь къ работѣ и своихъ слушателей, на которыхъ больше полагался: такъ произошла работа Н. Г. по словарю одной изъ старѣйшихъ русскихъ лѣтописей... Профессорами классическихъ языковъ были, по старому обычаю, выписные нѣмцы: греческаго языка—Грефе, латинскаго—Фрейтагъ, оба въ своемъ родѣ типическіе нѣмецкіе профессора старой манеры. Грефе (въ мое время уже древній человѣкъ), учившій нѣкогда греческому языку гр. Уварова, былъ ревностно преданъ своему ученому дѣлу. Фрейтагъ, кажется, нѣсколько помоложе, былъ старомодный филологъ, отличавшійся отъ Грефе тѣмъ, что когда послѣдній былъ уже заинтересованъ новѣйшими открытіями сравнительнаго языкознанія, Фрейтагъ съ пренебреженіемъ относился къ новой наукѣ, которую считалъ дѣломъ несерьезнымъ, а самымъ серьезнымъ было для него, кажется, самое детальное изученіе текстовъ, варіантовъ и грамматики. Оба классика (между прочимъ, вѣроятно, плохо зная по-русски, хотя жили въ Россіи уже десятки лѣтъ) говорили со своими слушателями не иначе, какъ по-латыни; я упоминалъ, что Н. Г., еще живя дома, читалъ Цицерона, что называется, à livre ouvert,—не мудрено, что

онъ сталъ у Фрейтага однимъ изъ первыхъ, если не первымъ латинистомъ. Главнымъ занятіемъ студентовъ по латинскому языку было чтеніе болѣе трудныхъ классиковъ съ комментаріями и очередное представленіе сочиненій на латинскомъ языкѣ: профессоръ ихъ читалъ, гдѣ нужно, исправлялъ ошибки и полагалъ свой приговоръ. Фрейтагъ привыкъ, что Н. Г. писалъ хорошія сочиненія. Однажды Н. Г. вздумалъ сдѣлать съ профессоромъ шутку, въ сущности довольно рискованную. Онъ занимался въ то время работами для Срезневскаго и бывалъ въ Румянцовскомъ музеѣ (который былъ тогда еще въ Петербургѣ въ старинномъ домѣ Румянцова, на Англійской набережной); однажды, когда пришла его очередь, онъ подалъ Фрейтагу сочиненіе, назвавъ его переводомъ изъ одной древнеславянской рукописи Румянцовскаго музея. Мнимый переводъ былъ просто выпиской изъ Цицерона „De officiis“. Профессоръ не узналъ римскаго писателя; сочиненіе похвалилъ, но нашелъ, что стиль не вездѣ отвѣчаетъ золотому вѣку, и кое-что поправилъ. Мистификація сошла благополучно—и показываетъ, какого достоинства бывала обыкновенная латынь Н. Г.

Я отвлекся, однако, отъ своего личнаго разсказа. Я кончилъ курсъ гимназіи въ 1849. Передъ этимъ шли уже постоянныя сношенія съ Н. Г., и изъ нихъ оказалось, что поступить въ петербургскій университетъ, повидимому, будетъ невозможно: въ это самое время вышло распоряженіе, опредѣлявшее для каждаго университета комплектъ студентовъ въ триста человѣкъ (кромѣ медицинскаго факультета). Въ петербургскомъ университетѣ цифра студентовъ, конечно, должна была быть выше, и можно было предполагать, что для достиженія комплекта въ наступающемъ учебномъ году вовсе не будетъ пріема. Во всякомъ случаѣ дѣло было неясно, и рѣшено было, что я поѣду въ Казань. Меня отпускали уже съ меньшими опасеніями. Казань, сравнительно, была близко; поѣхать мнѣ случилось съ нашими знакомыми, ѣхавшими туда; наконецъ, были въ Казани земляки по саратовской гимназіи и еще одинъ нѣсколько близкій нашему семейству человѣкъ, упомянутый раньше Г. С. Саблуковъ, переведенный изъ Саратова профессоромъ казанской духовной академіи. Это было мое первое нѣсколько далекое путешествіе; ѣхали на почтовыхъ, такъ что можно было видѣть мѣстность; остановившись въ Симбирскѣ, увидалъ я памятникъ Карамзину, и тогда поразившій меня нескладицей своего художества; какъ извѣстно, на памятникѣ изображенъ не Карамзинъ, а муза Кліо, приводившая мѣстныхъ мирныхъ жителей въ не-

малое недоумѣніе. Въ Казани я жилъ нѣкоторое время у тѣхъ же знакомыхъ, потомъ недолго жилъ у Саблукова, наконецъ у хозяйки, сдававшей комнаты студентамъ и поставлявшей имъ обѣдъ.

Казанскій университетъ, собственно говоря, былъ относительно историко-филологическаго факультета, въ который я поступилъ, довольно скудный, но на первый разъ онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Въ гимназическихъ мечтахъ университетъ представлялся настоящимъ храмомъ науки, и первый видѣнный мною университетъ поддержалъ во мнѣ это впечатлѣніе. Обширныя зданія самого университета, особой библіотеки, особой обсерваторіи, обширной клиники; большая масса студентовъ—изъ разныхъ городовъ „округа" (округъ былъ очень обширенъ, простираясь отъ Астрахани по всему Поволжью до Нижняго, на сѣверъ—до Перми и Вятки, на западъ—до Урала), а также съ Кавказа, изъ Сибири; довольно большое число „казенныхъ" студентовъ, заселявшихъ половину верхняго этажа главнаго зданія; росписанія лекцій, поражавшія изобиліемъ преподаваемыхъ наукъ (въ то время не былъ переведенъ изъ Казани въ Петербургъ факультетъ восточныхъ языковъ), при чемъ относительно нѣкоторыхъ профессоровъ между студентами шла слава о ихъ великой учености, невиданные раньше студенческіе нравы, довольно свободные и, какъ я увидѣлъ вскорѣ, иногда довольно безшабашные, наконецъ новизна собственнаго положенія—все это вмѣстѣ переносило меня въ совершенно новый міръ, гдѣ прошлое стало быстро отступать назадъ и открывалось новое, что̀ должно было опредѣлить дальнѣйшую жизнь. Отыскались саратовскіе знакомцы и даже пріятели (какъ П. А. Ровинскій), предварившіе меня въ университетѣ; на вступительныхъ экзаменахъ оказались будущіе товарищи по курсу.

Казанскій университетъ, который казался мнѣ истиннымъ храмомъ науки, въ тѣ годы былъ, вѣроятно, однимъ изъ самыхъ скромныхъ провинціальныхъ университетовъ. Не знаю, какъ велико было въ немъ число студентовъ, но, вѣроятно, оно не превышало нѣсколькихъ сотъ, не доходя до тысячи, вмѣстѣ съ медицинскимъ факультетомъ. Въ составѣ профессоровъ большинство не оставило большихъ именъ въ исторіи русской науки; но на каждомъ факультетѣ бывали люди знающіе и талантливые, а иногда и замѣчательные. Изъ послѣднихъ назову, напримѣръ, извѣстнаго юриста Д. И. Мейера (онъ перешелъ потомъ на службу въ Петербургъ и умеръ сравнительно молодымъ человѣкомъ). Среди своихъ сотоварищей это былъ профессоръ новаго

типа: какъ говорятъ, талантливый и тонкій юристъ, онъ былъ также очень образованный человѣкъ, и на его лекціи студенты шли толпами, между прочимъ изъ другихъ факультетовъ: изложеніе своей науки онъ соединялъ съ объясненіями, взятыми изъ современной европейской и русской жизни и литературы; его юридическое ученіе было вмѣстѣ ученіе нравственное; лично мягкій въ своей манерѣ, онъ былъ строгимъ въ своихъ принципахъ,—характеръ, къ сожалѣнію, довольно рѣдкій въ тогдашнихъ университетахъ. Помнится, другой популярный профессоръ-юристъ былъ Станиславскій, впослѣдствіи перешедшій въ Харьковъ. Были профессора и другого рода, напримѣръ профессоръ римскаго права, нѣмецъ (выписанный изъ-за границы или остзейскій), угловатый, не вполнѣ владѣвшій русскимъ языкомъ и диктовавшій свои лекціи; бывали профессора, лекціями отбывавшіе службу; къ большинству студенты бывали болѣе или менѣе равнодушны. Были, какъ говорятъ, знающіе люди въ факультетахъ математическомъ и естественномъ, хорошіе медики; изъ послѣднихъ большой славой пользовался профессоръ анатоміи Аристовъ, къ которому также собиралось, кромѣ своихъ, и много постороннихъ слушателей, — чтеніе своего предмета, довольно жестокаго, онъ дѣлалъ очень интереснымъ потому, что, между прочимъ, въ анатоміи указывалъ основу физіологической жизни человѣка. Были хорошіе знатоки между оріенталистами—славились Ковалевскій, Поповъ (монголистъ).

Очень скромный уровень господствовалъ и въ филологическомъ факультетѣ. Не пересчитывая всѣхъ его преподавателей, назову нѣкоторыхъ. Большой славой между студентами пользовался профессоръ русской исторіи Н. А. Ивановъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ мало: ему принадлежитъ книга о „хронографахъ“, гдѣ, при весьма неподходящемъ къ предмету заглавіи сдѣланъ былъ любопытный обзоръ научной разработки русскихъ лѣтописей; другимъ его трудомъ была подробная программа историческаго преподаванія (родъ конспекта), который между прочимъ очень цѣнилъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Ивановъ славился какъ профессоръ, но вмѣстѣ его боялись какъ огня тѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло на экзаменѣ. Въ нашемъ первомъ курсѣ онъ не читалъ, но я былъ нѣсколько разъ на его лекціяхъ и ясно припоминаю его манеру. Это былъ профессоръ-ораторъ или, можетъ быть, риторъ; довольно высокаго роста, съ нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ лица, отражавшимъ тяжелый характеръ, а вмѣстѣ и другой его недостатокъ (много пилъ)—онъ держалъ себя высокомѣрно и на каѳедрѣ священнодѣйство-

вагъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, онъ не производилъ бы своими лекціями такого впечатлѣнія, какъ тогда,—теперь не только далеко подвинулась наука, но и нынѣшніе слушатели, конечно, въ ней нѣсколько опытнѣе,—или онъ перемѣнилъ бы манеру; тогдашніе его слушатели замѣчали уже, что для его ораторства часто служилъ подкладкой просто Карамзинъ. Но слушатели тогдашніе Карамзина мало знали, а большею частію совсѣмъ не знали, и ораторская дикція могла по праву производить впечатлѣніе. Въ пятидесятыхъ годахъ, Ивановъ, вслѣдствіе его домашнихъ дѣлъ и, кажется, также упомянутаго недостатка, долженъ былъ оставить Казань и перешелъ на службу въ дерптскій учебный округъ учителемъ гимназіи; позднѣе тамъ встрѣтился съ нимъ А. А. Котляревскій, отъ котораго я слыхалъ сочувственныя воспоминанія объ Ивановѣ и сожалѣнія объ его неудавшейся ученой дѣятельности. Профессоровъ словесности было у насъ два; одинъ К. К. Фойхтъ, читавшій исторію поэзіи или всеобщую исторію литературы, и В. А. Сбоевъ, преподававшій теорію словесности. Фойхтъ (перешедшій потомъ въ Харьковъ попечителемъ округа) не оставилъ наукѣ никакого имени; едва ли не единственнымъ нѣсколько крупнымъ его твореніемъ была рѣчь о Державинѣ, написанная по поводу открытія Державину памятника въ Казани (извѣстно, что этотъ памятникъ, находящійся теперь на Грузинской площади, первоначально и въ мое время стоялъ на большомъ университетскомъ дворѣ между большимъ зданіемъ университета и зданіями обсерваторіи и библіотеки). Это было, по тогдашнему обычаю, реторическое произведеніе, но умно и красиво составленное; его курсъ всеобщей литературы (я слушалъ его только первый годъ) безъ сомнѣнія привелъ бы въ ужасъ современныхъ профессоровъ этого предмета; но, по моему мнѣнію, это былъ курсъ, составленный очень цѣлесообразно. Сколько помню, онъ состоялъ въ слѣдующемъ: на первомъ курсѣ читалось обозрѣніе литературъ Востока; на второмъ—литературы классическія; на третьемъ—средніе вѣка; на четвертомъ—литература новѣйшая и русская. Ни о какихъ спеціальныхъ курсахъ (напримѣръ, первой половины пятнадцатаго вѣка во французской литературѣ, или послѣднихъ годовъ семнадцатаго столѣтія въ нѣмецкой литературѣ и т. п.) не было и не могло быть рѣчи; но если принять въ соображеніе, что слушать профессора приходили вчерашніе гимназисты, не имѣвшіе понятія ни о какихъ литературахъ,—подобный курсъ былъ несомнѣнно полезенъ; мнѣ думается, что онъ могъ бы быть полезенъ даже и въ настоящую минуту—не какъ спеціальный курсъ, но какъ обще-

образовательный; современные гимназисты едва ли многимъ ученѣе тогдашнихъ; имъ точно также недостаетъ чтеній общеобразовательнаго характера, и въ настоящее время не разъ профессора, ревностные во благу учащагося молодого поколѣнія, поднимали вопросъ о необходимости общеобразовательнаго курса (посвящая ему даже цѣлый годъ), который служилъ бы введеніемъ и подготовкой къ спеціальнымъ курсамъ факультетовъ. Этой потребности и удовлетворяли лекціи Фойхта. Это былъ человѣкъ умный и образованный (кажется, онъ былъ оріенталистъ); безъ сомнѣнія, курсы были построены на общихъ нѣмецкихъ изложеніяхъ; но онъ читалъ живо, свободно, и его лекціи были любимы и оставляли впечатлѣніе, возбуждая любознательность. Профессоромъ греческаго языка и древностей былъ любопытный образчикъ нѣмецкаго гелертера, выписанный изъ-за границы, Фатеръ: сколько могу судить теперь, это былъ основательный филологъ; по-русски онъ совсѣмъ не зналъ, и читалъ свои лекціи о греческой миѳологіи по-латыни или въ сущности не читалъ, а диктовалъ, и необходимость прибѣгать къ латинскому языку въ простомъ разговорѣ съ профессоромъ, а потомъ и на экзаменѣ, уже съ перваго курса значительно освоивала насъ съ латинскимъ разговоромъ. Въ миѳологіи онъ былъ послѣдователемъ тогдашнихъ теорій, что первыми божествами древнихъ людей были небесныя свѣтила, и въ его изложеніи греческая миѳологія почему-то объяснялась преимущественно поклоненіемъ лунѣ; но въ изложеніи разсѣяно было много подробностей миѳологическихъ и историческихъ, и лекціи приносили свою пользу,— мы только слабо подозрѣвали, что самая теорія была произвольна. Уже послѣ моего отъѣзда изъ Казани, Фатеръ печально кончилъ свою профессуру въ Казани. Это былъ человѣкъ уже не молодой и крайне тщедушный; въ одну фатальную ночь на него, въ его квартирѣ, сдѣлано было воровское нападеніе; онъ съ трудомъ отбился отъ воровъ при помощи людей, сбѣжавшихся на его крикъ; въ результатѣ онъ заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, страдалъ паническимъ страхомъ и былъ нѣсколько спокоенъ лишь тогда, когда ухаживали за нимъ знакомые ему студенты; нѣсколько оправившись, онъ уѣхалъ въ Германію и тамъ скоро умеръ. Преподавателемъ собственно греческаго языка былъ сравнительно еще молодой человѣкъ, о которомъ остались у меня наилучшія воспоминанія. Это былъ Клеотильдъ Тхоржевскій; говорили (не знаю, вѣрно ли), что онъ былъ питомецъ виленскаго университета, очень умный и образованный человѣкъ, но болѣзненный (вскорѣ потомъ онъ и умеръ). Незадолго передъ

тѣмъ онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію; для меня, студента-новичка, это была вещь, конечно, очень интересная, но и совсѣмъ недоступная. Какъ подобало тогда въ предметахъ классической филологіи, диссертація была написана по-латыни: „De Politia, Timaeo, Critia, ultimo Platonico ternione“; помню, меня удивило, когда мнѣ случилось видѣть разборъ этой диссертаціи въ „Отечественныхъ Запискахъ“: кажется, отдавали справедливость учености автора, но укоряли его за его латинскій языкъ, что это не былъ языкъ золотого вѣка, а что скорѣе это былъ африканскій стиль Апулея. Этихъ тонкостей стиля мы тогда еще были неспособны разобрать. Лекціи Тхоржевскаго были для меня однѣ изъ любимыхъ: мы собственно переводили „Филоктета“ — на этотъ разъ на русскій языкъ; профессоръ сопровождалъ чтеніе очень интересными и разнообразными комментаріями, которые, сколько помню, останавливались и на языкѣ, тѣхъ или другихъ формахъ и оборотахъ, и подробностей бытовыхъ греческой жизни, и художественной стороны произведенія. Тхоржевскій владѣлъ предметомъ и прекрасно говорилъ (немного съ польскимъ акцентомъ), легко приковывая наше вниманіе. Наконецъ, былъ еще профессоръ, который произвелъ тогда на меня сильное впечатлѣніе, но котораго я слушалъ только въ первомъ семестрѣ,—потому что онъ долженъ былъ потомъ переѣхать въ Москву,—и котораго потомъ я уже больше не видалъ. Это былъ знаменитый Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Мы въ то время только очень смутно слышали о какой-то исторіи; она разъяснилась для меня только впослѣдствіи,—именно, что въ Москвѣ отставленъ былъ профессоръ славянскихъ нарѣчій Бодянскій, котораго рѣшено было перевести въ Казань, а его долженъ былъ замѣнить въ Москвѣ Григоровичъ. Какъ извѣстно, Бодянскій отказался ѣхать въ Казань (ссылаясь хитроумно, но и канцелярски вѣрно, на то, что за свою командировку за границу онъ давалъ обязательство отслужить извѣстное число лѣтъ въ *Московскомъ* учебномъ округѣ); Григоровичъ поѣхалъ въ Москву по предписанію начальства, но положеніе его тамъ было довольно непріятно; въ концѣ-концовъ дѣло уладилось тѣмъ, что Бодянскій опять получилъ свою каѳедру, а Григоровичъ вернулся на прежнее мѣсто, но уже къ слѣдующему академическому году, когда я не былъ больше въ Казани.

Въ то короткое время, когда я его слушалъ, онъ успѣлъ, однако, произвести на меня большое впечатлѣніе. Это было нѣчто совершенно новое, оригинальное и привлекательное. Онъ давалъ намъ, слушателямъ перваго курса, самое общее понятіе

о славянствѣ, его племенахъ, и указывалъ прямо на опытахъ переводовъ образцы нарѣчій съ грамматическими объясненіями... Это былъ почти уже старый человѣкъ,—какъ стало мнѣ послѣ извѣстно, съ очень сложнымъ характеромъ, человѣкъ съ большимъ умомъ, съ обширными познаніями, но въ то же время съ большимъ запасомъ странной наивности и большой разсѣянности. Начиная говорить намъ о славянствѣ, онъ даже какъ будто предполагалъ, что мы уже достаточно знаемъ всѣхъ этихъ Болгаръ, Сербовъ, Поляковъ, Чеховъ, Верхнихъ и Нижнихъ Лужичанъ, Словаковъ, Хорутанъ (какъ называлъ онъ Словинцевъ). Мы окончили гимназическій курсъ, по болѣе позднему выраженію—имѣли „аттестатъ зрѣлости", но хотя мы и проходили курсы географіи и исторіи, эти свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ, которыя профессоръ предполагалъ извѣстными, были, однако, намъ совершенно новы. Мнѣ вспоминается, что меня на первыхъ порахъ поражало въ лекціяхъ Григоровича, какимъ образомъ мы до сихъ поръ не имѣли понятія о столькихъ народахъ, намъ родственныхъ и, по словамъ профессора, столь примѣчательныхъ, и о которыхъ онъ говорилъ съ такими сочувствіями. Мы услыхали указаніе на невѣдомую намъ исторію, на совсѣмъ особенную географію, такъ какъ въ изложеніи являлись, между прочимъ, и славянскія географическія названія. Понятное дѣло, что мы также никогда не видали никакой книжки на славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ развѣ польскихъ; не знаю, сколько славянскихъ книгъ могло быть тогда въ университетской библіотекѣ (думаю, что не много, если было что-нибудь); но помню, что намъ приходилось брать ихъ у того же Григоровича. Трудно было ждать, чтобы при этой скудости библіотечныхъ средствъ могло быть много охотниковъ изучать „славянскія нарѣчія", но охотники все-таки были, и, напримѣръ, мое любопытство и любознательность въ этомъ направленіи встрѣтились съ такой же любознательностью моего старшаго пріятеля П. А. Ровинскаго. Въ предшествовавшемъ году онъ уже слушалъ Григоровича; тогда и теперь онъ бралъ у него книги, и этимъ путемъ (частію, можетъ быть, и въ университетской библіотекѣ) я познакомился до извѣстной степени съ нѣкоторыми главнѣйшими произведеніями славянской литературы и учености, какъ сербскія пѣсни Караджича, „Slavy Dcera" Коллара, „Славянскія древности" Шафарика, „Institutiones" Добровскаго, „Glagolita Clozianus" Копитара, „Остромірово Евангеліе" Востокова и т. п.; съ этихъ поръ я зналъ и знаменитое „Путешествіе" Григоровича (изданное въ Казани, въ „Ученыхъ запискахъ университета") и могъ пріобрѣсти на-

чатую имъ „Исторію славянской литературы“, печатанную тамъ же. Но книги были такъ рѣдки, что приходилось дѣлать выписки, чтобы закрѣпить что-нибудь изъ прочитаннаго. Простодушіе профессора было таково, что ему казалось, что намъ, впервые видѣвшимъ такія книги, такъ же легко обращаться съ ними, какъ ему самому. Григоровичъ обыкновенно приходилъ на лекцію съ запасомъ книгъ; разсказывали (самъ я не видалъ), что когда въ карманахъ недоставало мѣста, онъ засовывалъ маленькія книжки даже въ сапоги, и за лекціей ихъ оттуда вытаскивалъ. Кому изъ студентовъ книги были нужны, надо было обращаться къ нему; случалось, что легкомысленные слависты теряли ихъ, и тогда, если въ книжкѣ оказывалась надобность, Григоровичъ выражался такъ, что эта книжка у него была, но ее утратилъ одинъ „молодой ученый“. При этихъ условіяхъ заняться предметомъ было довольно трудно, и хотя предметъ меня занималъ, я могъ пріобрѣсти въ Казани очень немного; тѣмъ не менѣе, за мое университетское время Григоровичъ, хотя я слушалъ его только два—три мѣсяца, остался для меня однимъ изъ тѣхъ профессоровъ, кому я былъ особенно обязанъ. Оставила сильное нравственное впечатлѣніе самая личность профессора, съ его преданностью наукѣ, съ его энтузіазмомъ,—нѣкоторая наивность котораго, въ свою очередь, подкупала насъ,—съ его любящимъ (и, какъ мы знали уже, испытаннымъ) отношеніемъ къ родственнымъ племенамъ, ожидавшимъ своего народнаго развитія,—отношеніемъ, которое профессоръ, какъ бы нимало не сомнѣваясь, уже предполагалъ въ своихъ слушателяхъ. Какъ я скажу дальше, этотъ интересъ былъ впослѣдствіи поддержанъ Срезневскимъ, при гораздо болѣе благопріятныхъ библіотечныхъ условіяхъ. Этимъ двумъ ученымъ,—изъ числа первыхъ русскихъ славистовъ, начавшихъ непосредственное, живое и научное изученіе славянства, я на первое время обязанъ и своимъ интересомъ къ славянству, хотя и не хотѣлъ быть славистомъ;—но и здѣсь, несмотря на то, что, какъ я сказалъ, было гораздо больше возможности для занятій, чувствовался, однако, въ самой русской литературѣ большой пробѣлъ въ общихъ, цѣльныхъ, руководящихъ книгахъ. Хорошо, если профессоръ обратитъ вниманіе на такое положеніе дѣла и дастъ пропедевтическій курсъ; но обыкновенно этого не дѣлается, и „молодой ученый“, приступая къ занятіямъ,—въ данномъ случаѣ по славянскимъ предметамъ, и точно также въ исторіи русской литературы, — оказывается на первыхъ порахъ въ своемъ предметѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу, гдѣ вынужденъ самъ искать свою тропинку къ серьезнымъ во-

просамъ науки. Таково было положеніе литературы, въ особенности въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, и по воспоминаніямъ моего перваго ученія у меня сложилось потомъ убѣжденіе въ необходимости подобныхъ общихъ курсовъ съ объяснительными введеніями и указаніемъ литературы предмета: такъ я хотѣлъ работать по исторіи славянскихъ литературъ, по исторіи этнографіи, по исторіи русской литературы...

Прежде, чѣмъ разстаться съ казанскимъ университетомъ, вспомню о студенческомъ бытѣ, насколько я его видалъ. Послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Казани я жилъ въ типической студенческой квартирѣ. Хозяйка, вѣроятно мѣщанскаго сословія, снимала верхній этажъ дома и еще нѣсколько комнатокъ въ домѣ, недалеко отъ университета, и сдавала комнаты жильцамъ, исключительно студентамъ. Она же готовила имъ обѣдъ и ужинъ; чай, какъ дѣло вкуса и неопредѣленнаго количества, полагался свой. Комната бралась рѣдко на одного жильца, а обыкновенно—на двухъ и, помнится, на четырехъ. Цѣны были таковы. Я занималъ комнату вдвоемъ съ товарищемъ, и мы платили за нее пополамъ девять рублей, т.-е. на мою долю 4 р. 50 к., но это было по тогдашнему счету на ассигнаціи, такъ что моя доля платы за квартиру составляла около 1 рубля 30 к. нынѣшнихъ. За столъ каждый платилъ двѣнадцать рублей ассигнаціями, т.-е. около трехъ рублей сорока копѣекъ. Столъ былъ простой и сытный, но особеннаго благоустройства, конечно, не было, чтò и понятно при столь умѣренномъ бюджетѣ нашей хозяйки. Хозяйка была женщина почти старая, и къ жильцамъ своимъ относилась добродушно, даже тогда, когда жильцы не выплачивали ей и ея скромной платы. Житіе проходило обыкновенно довольно мирно, но отъ времени до времени студенчество желало повеселиться, и тогда, что называется, въ комнатѣ праздновавшихъ дымъ стоялъ коромысломъ; собирались товарищи, а кромѣ того приглашали и сосѣдей. Вообще, сколько припоминаю, пьянство между студентами было довольно распространено, иногда и весьма неумѣренное. Объяснялось это, кромѣ молодой живости, и недостаткомъ общественныхъ развлеченій: бывали прогулки на такъ-называемомъ Черномъ озерѣ (довольно жестокомъ бульварѣ внутри города, или въ „Швейцаріи", роща на окраинѣ города). Театра не было, кромѣ случайно наѣзжавшей труппы. Такъ случилось во время моего пребыванія въ Казани, и здѣсь я въ первый разъ видѣлъ знаменитаго Мартынова,

между прочимъ, въ роли „Скупого" Мольера. Затѣмъ, студенты слонялись по улицамъ и любили посѣщать свадьбы; а такъ какъ они имѣли репутацію людей мало надежныхъ, то иногда принимались мѣры къ тому, чтобы не впускать ихъ на вѣнчаніе. Въ мое время по такому поводу произошло настоящее боевое столкновеніе толпы студентовъ съ полиціей и жандармами; дѣло дошло до буквальнаго кровопролитія, о которомъ я узналъ по разсказамъ очевидцевъ. Конечно, въ исторію вмѣшалось университетское начальство; слишкомъ воинственные дѣятели были посажены въ карцеръ, и въ одно прекрасное утро студентовъ собрали въ одну изъ залъ, а для увѣщанія ихъ къ добропорядочному поведенію явился ректоръ (это былъ извѣстный тогда путешественникъ и астрономъ И. М. Симоновъ) и помощникъ попечителя—знаменитый Лобачевскій. До тѣхъ поръ я его не видалъ; между студентами ходила слава объ его великой математической учености, молва объ его умѣ, а также и о томъ, что нѣкогда, во времена своей молодости, онъ самъ былъ человѣкъ съ буйными приключеніями. Его ученая слава засвидѣтельствована недавнимъ юбилейнымъ воспоминаніемъ; а буйная репутація подтверждена въ исторіи казанскаго университета Н. Н. Булича. Случай былъ весьма необычайный, и было бы достаточно поводовъ для начальственнаго окрика; но отъ Лобачевскаго студенты его не услыхали. Помню, онъ говорилъ очень спокойно, обращаясь просто къ здравому смыслу и чувству порядочности, безъ повышеній голоса и безъ угрозъ; чувствовалось, что говоритъ человѣкъ, заботливо относившійся къ молодежи, понимавшій ее, хотя и видѣвшій ея глупости; слова его внушали уваженіе къ говорившему и навѣрное произвели впечатлѣніе на самихъ буйствовавшихъ, какъ произвели на меня, не буйствовавшаго...

Подходили лѣтнія каникулы. Впередъ предполагалось, что на слѣдующій академическій годъ я перейду въ петербургскій университетъ. На лѣто я, конечно, отправлялся въ Саратовъ, и поѣхалъ я съ землякомъ, Н. С. Купріяновымъ, что̀ было и дешевле, и для меня удобнѣе, такъ какъ мой спутникъ былъ уже опытенъ въ путешествіяхъ. Изъ экономіи мы ѣхали не на почтовыхъ, а на такъ называемыхъ передаточныхъ: на мѣстѣ дѣлалось условіе съ ямщицкимъ хозяиномъ, который за положенную плату обязывался довезти насъ до извѣстнаго пункта; на станціяхъ ямщикъ передавалъ насъ другому, который обязывался везти насъ дальше и т. д. до уговореннаго пункта. Какъ

я замѣтилъ, это выходило дешевле почтовыхъ, но имѣло свои неудобства въ томъ, что ямщики, въ надеждѣ „объегорить" неопытнаго путника, несмотря на очевидно сдѣланное раньше условіе съ первымъ хозяиномъ, начинали жаловаться, что плата слишкомъ дешева, что за такую цѣну никто нынче не ѣздитъ,—словомъ, производили обыкновенныя традиціонныя кляузы; это было скучно, а однажды было и небезопасно. Мы ѣхали кратчайшимъ путемъ изъ Казани на Буинскъ (въ симбирской губерніи), такъ какъ моему спутнику надо было ѣхать на Сердобскъ, саратовской губерніи, а мнѣ на Аткарскъ, гдѣ жила тогда наша семья. Эта мѣстность была порядочно глухая и на значительномъ пространствѣ отъ Казани къ Буинску заселенная татарами; въ упомянутыхъ ямщицкихъ кляузахъ татары не уступали россіянамъ; мы съ своей стороны тратить лишнихъ денегъ противъ сдѣланнаго условія не могли, такъ какъ рисковали очутиться на мели. Въ одномъ татарскомъ селѣ притязанія были особенно назойливы, и споръ, поднятый татарами съ восточнымъ темпераментомъ, привлекъ многочисленную татарскую публику, которой нечего было дѣлать и которая, конечно, принялась поддерживать единоплеменниковъ; дошло, наконецъ, до того, что явился вопросъ, „кто мы такіе", хотя при насъ была вся студенческая арматура. Я было-смутился этой дикой и глупой толпы; но мой спутникъ, болѣе опытный, укротилъ толпу очень рѣшительно, указавъ „казенную бумагу" съ орломъ—на закопченной печати отпуска, подписаннаго инспекторомъ. Стоялъ жаркій іюнь; солнце, вѣтеръ и пыль одолѣвали; на одной станціи я, несмотря на предостереженія своего опытнаго спутника, не утерпѣлъ и умылся; въ результатѣ лицо оказалось точно обожженнымъ; новое солнце, вѣтеръ и пыль еще прибавили свое дѣло, и добравшись наконецъ до дому, я своимъ видомъ нѣсколько встревожилъ родителей, которые, впрочемъ, тотчасъ увидѣли, что я, вѣроятно, на дорогѣ умывался, и приняли мѣры, чтобы излечить результаты моего перваго самостоятельнаго путешествія.

Въ это же лѣто (1850) пріѣхалъ въ Саратовъ Н. Г., кончившій тогда курсъ въ университетѣ. Въ концѣ каникулъ мы должны были отправиться вмѣстѣ въ Петербургъ.

Лѣто я провелъ на лонѣ природы, частью въ уѣздномъ городѣ, похожемъ на большое село, съ небольшой колоніей чиновниковъ, частью въ нашей маленькой деревушкѣ, частью въ служебныхъ поѣздкахъ отца по уѣзду. „Народная жизнь", какъ я упоминалъ, была мнѣ знакома съ дѣтства; теперь я видѣлъ только ее. Между прочимъ, мой отецъ жилъ одно время по слу-

хлѣбнымъ дѣламъ въ большомъ селѣ Баландѣ (она же „Баландинскій городокъ"), населенномъ почти сплошь малороссіянами. Малороссійскій говоръ, костюмъ, обычай—сохранялись сполна, и здѣсь мнѣ въ первый разъ ярко и наглядно бросилась въ глаза физическая и нравственная разница двухъ вѣтвей русскаго племени: при обычномъ тогда крѣпостномъ отношеніи крестьянъ къ барамъ и чиновникамъ, я не могъ не замѣтить у „хохловъ" особой, нѣсколько независимой манеры и какъ бы чувства своего достоинства; бросалось въ глаза присутствіе извѣстнаго чувства изящнаго; малорусскія хаты были болѣе опрятны; за окнами виднѣлись цвѣты; съ вѣнками на головахъ, въ расшитыхъ костюмахъ, въ праздникъ щеголяли молодыя хохлушки; виденъ былъ другой типъ, болѣе оживленный, характерный, нерѣдко красивый; свободный тонъ хохловъ, приходившихъ къ отцу, по сравненію казался какъ будто грубымъ; но я понималъ уже, что передо мной этнографическая разновидность.

Въ концѣ лѣта я съ Н. Г. выѣхалъ изъ Саратова. Мы должны были ѣхать въ Казань, чтобы справить тамъ мои документы по переходу въ петербургскій университетъ. Этого пути я не припоминаю; но помню, что, пробывъ нѣсколько дней въ Казани, мы отправились на пароходѣ въ Нижній. Это былъ разгаръ ярмарки. На пароходѣ была пестрая, разноплеменная публика, ѣхавшая въ Нижній, между прочимъ какіе-то индѣйцы, державшіеся особнякомъ, сами готовившіе себѣ свою пищу. Въ Нижнемъ мы пробыли недолго, потому что надо было торопиться. Здѣсь помнится мнѣ одно знакомство съ жившимъ тогда въ Нижнемъ М. Л. Михайловымъ. Н. Г. зналъ его въ Петербургѣ по университету, гдѣ онъ былъ вольнослушателемъ. Это было мое первое литературное знакомство. Въ цѣломъ, литературная карьера Михайлова не удалась; другими словами, у него были задатки, по которымъ онъ могъ сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ. Это былъ талантливый и очень образованный человѣкъ; но ему мѣшала слишкомъ большая впечатлительность. Разговоры шли литературные, онъ былъ довольно хорошо знакомъ съ нѣмецкой литературой и былъ, вѣроятно, нашимъ лучшимъ переводчикомъ Гейне. Мы встрѣтились потомъ какъ старые знакомые въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, чтобы заняться исключительно литературой; у насъ оказался еще общій интересъ—къ старой литературѣ восемнадцатаго вѣка, о чемъ я скажу дальше. Онъ жилъ въ chambres garnies, въ Малой Морской, и, бывая у него, я слышалъ иногда игру уже тогда начинавшейся знаменитости, Рубинштейна, который жилъ въ тѣхъ же

chambres garnies: Михайловъ былъ съ нимъ знакомъ и, если не ошибаюсь, составилъ либретто для его первой оперы.

Изъ Нижняго мы двинулись въ Москву. По древнему обычаю (отчасти способствовавшему и бережливости, потому что денегъ было мало) мы остановились дня на два у К—ва, стараго знакомаго семейства Ч—хъ; это было, сколько я помню, на Пречистенкѣ. Въ Москвѣ на этотъ разъ я, главнымъ образомъ, видѣлъ только Кремль. Остановка въ Москвѣ была необходима, между прочимъ, для того, чтобы обезпечить дальнѣйшее путешествіе. Средствомъ передвиженія мы могли взять почтовый дилижансъ. Движеніе, конечно, было сильное; надо было запасаться билетами заранѣе, причемъ надо было прежде полученія билета и взноса денегъ предъявлять и паспорты. Къ назначенному часу въ большую залу собирались пассажиры съ своимъ багажемъ; на большомъ дворѣ почтамта выстраивалось нѣсколько дилижансовъ: багажъ складывался на верхи и происходило распредѣленіе пассажировъ. Дилижансы весьма внушительныхъ размѣровъ имѣли форму каретъ, ходящихъ донынѣ по Невскому проспекту, съ лѣсенкой позади экипажа; спереди была колясочка, гдѣ находились „наружныя мѣста“; одно было отдѣлено для кондуктора, два было предоставлено пассажирамъ. Такія мѣста мы и заняли; въ сущности это были лучшія мѣста, безъ большого количества сосѣдей, на воздухѣ, а не въ закрытой коробкѣ,—правда, больше были открыты солнцу и пыли, но зато и съ открытымъ пейзажемъ; эти мѣста считались, однако, „вторыми“ и были дешевле, между прочимъ, вѣроятно потому, что взбираться на нихъ было не весьма удобно—черезъ переднія колеса. Не помню, утромъ или вечеромъ, или днемъ, мы выѣхали съ почтамтскаго двора (сохранившаго и донынѣ свой прежній видъ). Путешествіе до Петербурга продолжалось двое сутокъ, съ остановками для перемѣны лошадей, для чая и обѣда. Дѣло было лѣтомъ, и путешествіе было для меня чрезвычайно интересно. Дорога шла не по необитаемымъ почти пустынямъ, какъ теперь по желѣзной дорогѣ, а по старымъ, населеннымъ пунктамъ московскаго шоссе. Это была вообще довольно оживленная картина деревень, селъ и городовъ; мы могли, напримѣръ, видѣть и Тверь, и Новгородъ. Затѣмъ время проходило въ разговорѣ, и главное—въ разсказахъ Н. Г. о петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ только-что кончилъ курсъ и куда я долженъ былъ вступать. Само собою разумѣется, что это было для меня чрезвычайно интересно: я имѣлъ впередъ характеристики профессоровъ, которыхъ мнѣ предстояло слушать, описаніе существующихъ уни-

верситетскихъ обычаевъ и т. п. Н. Г. владѣлъ уже тогда большой начитанностью и, кромѣ того, огромною памятью. Изъ профессоровъ онъ особенно высоко ставилъ Срезневскаго, и подъ вліяніемъ его оживленныхъ тогда лекцій, которыхъ и я вскорѣ сталъ слушателемъ, у Н. Г. былъ значительный интересъ къ тому, что̀ называлось тогда „славянскими нарѣчіями“. Мои собственныя свѣдѣнія въ славянщинѣ, по указанной выше причинѣ, были еще невелики и немного смутны, и я въ дилижансѣ съ большимъ любопытствомъ слушалъ отрывки изъ Мицкевича, съ необходимыми объясненіями, или отрывки, опять наизусть, изъ Краледворской рукописи и „Любушина Суда“, о которыхъ пока только слышалъ. Разсказы прерывались шутками и шалостями.

Въ Петербургѣ мы также пріѣхали въ почтамтъ. Я поселился въ нашей петербургской семьѣ. Н. Г. жилъ уже раньше вмѣстѣ съ И. Г. Терсинскимъ, за которымъ была моя сестра отъ перваго брака моей матери. Сестра по дѣвической фамиліи была Котляревская; изъ дома была привезена и прислуга воронежскаго происхожденія, мнѣ съ дѣтства знакомая, какъ вторая няня,—оригинальная, добрая женщина, поражавшая меня теперь мастерствомъ своей русской рѣчи; нѣкогда она увлекала насъ своими особенными сказками; теперь я съ удовольствіемъ слушалъ ея живой, мѣткій языкъ, во всякому случаю уснащенный всегда готовыми пословицами, поговорками и т. п. Моя сестра была очень болѣзненна, и на другой годъ она умерла. Это была любимая подруга дѣтства Н. Г.

Мнѣ удалось поступить въ университетъ, несмотря на „комплектъ“. Говорили, что „комплектомъ“ былъ втайнѣ недоволенъ самъ попечитель. Оказалось, что первый курсъ предшествовавшаго года, несмотря на комплектъ, былъ все-таки довольно многочисленный, но филологическій факультетъ былъ по обычаю немноголюденъ. На второмъ курсѣ, куда я вступилъ, насъ было, помнится, четверо, но одинъ изъ товарищей или отсталъ, или вышелъ изъ университета, и въ послѣднихъ курсахъ насъ было только трое: я — русскій, нѣмецъ М. и полякъ З. Жили мы дружно и, бывало, вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ. На мнѣ, какъ спеціально русскомъ, лежало въ особенности одно большое дѣло—записываніе лекцій. Въ тѣ времена не было въ поминѣ готовыхъ литографированныхъ лекцій; нѣмецъ записывалъ немного педантически и потому туго, потому что записываніе требовало быстроты, а для поляка это было совсѣмъ трудно; у меня выработалась своего рода стенографія.

Мало-по-малу завязались товарищескія знакомства, прежде

всего въ своемъ малочисленномъ факультетѣ. Старше меня курсомъ былъ К. А. Люгебиль, впослѣдствіи профессоръ петербургскаго университета, и Н. П. Лыжинъ; оба они знали своего старшаго товарища по факультету Н. Г. Младше меня курсомъ былъ давнишній пріятель Д. Л. Мордовцевъ, также, какъ я, поступившій въ петербургскій университетъ черезъ Казань, и В. И. Ламанскій. Еще моложе курсомъ былъ О. Ѳ. Миллеръ. Въ юридическомъ факультетѣ были А. Б. и Д. Б. Бэры, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ.

По научному преподаванію петербургскій факультетъ былъ, конечно, гораздо выше казанскаго. По классической филологіи нашими профессорами были въ греческомъ языкѣ И. Б. Штейнманъ, а съ третьяго курса—очень извѣстный Грефе; въ латинскомъ—Н. М. Благовѣщенскій. По славянскимъ нарѣчіямъ и древнему русскому языку—И. И. Срезневскій. По теоріи словесности—А. В. Никитенко, и лишь въ концѣ моего пребыванія въ университетѣ началъ свои чтенія, но не въ нашемъ курсѣ, М. И. Сухомлиновъ. По всеобщей исторіи читалъ пользовавшійся тогда большою славою у студентовъ М. С. Куторга, и опять къ самому концу нашего пребыванія въ университетѣ началъ лекціи М. М. Стасюлевичъ; Куторгу замѣнялъ иногда, не помню, по какимъ случаямъ, или читалъ особый курсъ, М. И. Касторскій. Наконецъ, русскую исторію въ старшихъ курсахъ читалъ, сколько помнится, вмѣстѣ филологамъ и юристамъ, или „камералистамъ" (былъ такой факультетъ)—Н. Ѳ. Устряловъ. Наши классическія занятія заключались, главнымъ образомъ, въ чтеніи писателей съ нѣкоторыми комментаріями. Грефе я слушалъ уже въ послѣдній годъ его жизни,—на-дняхъ [1]) помѣщено было въ газетахъ воспоминаніе о немъ по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти. Это былъ очень древній старикъ; выписанный нѣкогда изъ Германіи на профессуру, онъ былъ также академикомъ и пользовался большимъ уваженіемъ гр. Уварова, котораго онъ, какъ я уже сказалъ, училъ греческому языку. Грефе не былъ похожъ на большинство своихъ нѣмецкихъ коллегъ-филологовъ, которые обыкновенно не желали ничего знать, кромѣ классической древности. Онъ, во-первыхъ, интересовался сравнительнымъ языкознаніемъ, которое было тогда еще вновѣ, и изучалъ съ этой цѣлью славянскій и русскій языкъ; въ мемуарахъ Академіи напечатаны были нѣкоторыя работы его въ этомъ направленіи. Его собственная древность не уменьшила его горячихъ интересовъ къ наукѣ, а также и къ пре-

---

[1]) Въ первыхъ числахъ декабря 1901 г.

подаванію. Противъ всякаго желанія моего и моихъ двухъ товарищей, нѣмца и поляка, первая наша встрѣча со старымъ профессоромъ, котораго мы впередъ уважали, была очень враждебная. Мы начинали его слушать съ третьяго курса. Какъ послѣ оказалось, надо было (по бывшимъ примѣрамъ) принести на первую же лекцію Ѳукидида. Намъ не случилось этого знать, и мы пришли на лекцію въ предположеніи, что профессоръ самъ скажетъ, чѣмъ мы будемъ заниматься. Когда Грефе вошелъ, первый вопросъ его былъ: „Гдѣ же ваши книги?"—Я сидѣлъ съ краю, и мнѣ надо было отвѣчать за товарищей; я сказалъ, что мы не знали, какую надо книгу...

Затѣмъ начался своеобразный разговоръ—по обычаю на латинскомъ языкѣ, гдѣ профессоръ обращался къ намъ, и мы (собственно я) отвѣчали профессору на „ты", потому что и греки, и римляне, какъ извѣстно, всегда говорили на „ты". Изъ устъ Грефе посыпались язвительныя латинскія замѣчанія о томъ, какихъ онъ встрѣтилъ студентовъ, которые не знаютъ или, по крайней мѣрѣ, не освѣдомились, какую книгу надо принести на лекцію. Я не могъ успокоить его замѣчаніемъ, что, приходя въ первый разъ къ новому профессору, мы легко могли ожидать указаній отъ него самого. Суровый греко-римлянинъ не унимался и на изящномъ латинскомъ языкѣ сдѣлалъ предположеніе, что, можетъ быть, эта малая внимательность студентовъ соотвѣтствуетъ и малымъ ихъ познаніямъ, и обращаясь уже прямо ко мнѣ, который являлся какъ бы посредникомъ и представителемъ, сказалъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ желалъ бы познакомиться съ нашими познаніями. Опять съ латинской язвительностью онъ спросилъ, что, быть можетъ, я знаю латинскія и греческія склоненія? Я отвѣчалъ, что, сколько мнѣ кажется, знаю. Далѣе—что я, можетъ быть, знаю также русскія склоненія, и на мой вполнѣ утвердительный отвѣтъ спросилъ, что, быть можетъ, у меня есть какое-нибудь представленіе о соотвѣтствіи этихъ формъ склоненія славяно-русскаго съ греческимъ и латинскимъ? Я отвѣтилъ, что покамѣстъ этому меня никто не училъ, но что мнѣ случалось объ этомъ читать, и я это знаю. Римлянинъ смягчился, потому что въ моемъ отвѣтѣ почувствовалъ несправедливость своихъ римскихъ сарказмовъ. Когда на его вопросъ я привелъ ему нѣсколько примѣровъ сравненія, которые были совсѣмъ правильны, онъ уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ присоединялъ свои дополнительныя объясненія. Но пока все еще не успокоился: „Да, склоненія ты знаешь, но, можетъ быть, на этомъ и кончаются твои познанія?"—Мнѣ оставалось сказать въ

томъ тонѣ, какъ говорили римляне и какъ говоритъ русскій народъ (все время на „ты"):—а „ты спроси". И онъ дѣйствительно спросилъ о прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ въ сравненіи славянскаго языка съ греческимъ и латинскимъ. Къ звонку, означавшему конецъ лекціи, наша бесѣда, все болѣе смягчавшаяся, дошла до глаголовъ, и миръ былъ, кажется, заключенъ...

На слѣдующій разъ Ѳукидидъ былъ принесенъ; мы переводили его на латинскій языкъ, а Грефе сопровождалъ текстъ историческими и филологическими объясненіями, приходя въ восторгъ отъ греческаго языка и отъ греческой жизни... На слѣдующій годъ онъ умеръ, и нашимъ профессоромъ сталъ опять Штейнманъ, котораго мы слушали на второмъ курсѣ. Это было время министерства кн. Ширинскаго-Шихматова. Въ старомъ Уваровскомъ классицизмѣ произошелъ большой переломъ, очень характерный для цѣлой исторіи нашего школьнаго классицизма. Собственно говоря, роль классицизма въ нашемъ народномъ просвѣщеніи была всегда очень странная, иногда жалкая, въ послѣднее время отталкивающая.

Уваровскій классицизмъ имѣлъ источникомъ старое представленіе о великомъ значеніи классической литературы и искусства для новѣйшаго просвѣщенія, идущее отъ временъ „возрожденія". Какъ извѣстно, это представленіе было усилено господствомъ литературнаго псевдо-классицизма XVII и XVIII вѣка, а затѣмъ обновлено съ конца XVIII вѣка новымъ развитіемъ художественнаго и литературнаго пониманія древности, со временъ Лессинга, Винкельмана, Шиллера и Гёте и т. д., которые противополагали ложному классицизму подлинную классическую древность, истолковывали истинное, высокое значеніе античнаго искусства и почерпали въ преданіяхъ классическаго міра новыя возбужденія къ философскому, свободному изслѣдованію и эстетическому развитію. Этотъ новѣйшій классицизмъ сталъ дѣйствительно большою литературной и художественной силой. Уваровъ былъ поклонникомъ Гёте и приверженцемъ этого новаго классицизма (нерѣдко сливавшагося съ романтическими теченіями того времени) и думалъ освѣжить нашу среднюю и высшую школу новыми образовательными элементами. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать результаты Уваровской системы: во всякомъ случаѣ, никогда эта система не возбуждала и въ самой школѣ, и въ обществѣ такого тяжелаго, гнетущаго впечатлѣнія, какое сопровождало классическую гимназію, устроенную подъ внушеніями Каткова, графами Толстымъ и Деляновымъ... Но въ тѣ времена классицизмъ вообще имѣлъ другихъ противниковъ. Это бывали

люди, для которыхъ образовательное значеніе новаго европейскаго классицизма было совершенно непонятно; не видя въ немъ никакой пользы, они, напротивъ, считали его даже просто вреднымъ и находили къ тому историческіе резоны. Древній міръ, особенно греческій, былъ наполненъ республиканскимъ духомъ,—другіе находили еще, что онъ наполненъ и языческой миѳологіей; увлеченіе классицизмомъ и въ новѣйшее время порождало республиканскій духъ, какъ было, напримѣръ, во время французской революціи; наша исторія и народный характеръ совершенно чужды-молъ этимъ идеямъ, и нѣтъ надобности искусственно внушать молодымъ учащимся поколѣніямъ эти превратныя и чуждыя нашей жизни идеи. Но древніе языки, особенно греческій, могутъ представлять для насъ важность и интересъ—только съ другой стороны: мы получили христіанство изъ Византіи; на греческомъ языкѣ написаны сочиненія великихъ отцовъ церкви, въ которыхъ и наша церковь находитъ великое поученіе: нашему просвѣщенію нуженъ греческій языкъ не Гомера, Ѳукидида и Софокла, а языкъ Евангелія и отцовъ церкви. Эта послѣдняя идея была приведена въ исполненіе, когда по смерти гр. Уварова замѣнилъ его въ министерствѣ просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ... Въ свое время мы, конечно, не имѣли о немъ понятія, мы его совсѣмъ и не видали; впослѣдствіи въ литературѣ явилось нѣсколько свѣдѣній, которыя достаточно характеризовали его, какъ министра. Каковы бы ни были недостатки въ дѣйствіяхъ самого гр. Уварова, особенно за послѣдніе годы, новое министерство было несомнѣннымъ упадкомъ. Оно вполнѣ совпадало съ тѣмъ настроеніемъ, какое господствовало въ эти годы въ административныхъ кругахъ. А именно, здѣсь господствовало странное представленіе, которое кажется теперь совершенно фантастическимъ—будто бы Россіи могла грозить какая-нибудь опасность отъ революціонныхъ волненій 1848—49 годовъ въ западной Европѣ: сокращенъ былъ доступъ въ университеты упомянутымъ „комплектомъ"; университетское преподаваніе подвергнуто особому надзору ректора; въ то же время предприняты были строгія мѣры по цензурному надзору надъ литературой, закончившіяся учрежденіемъ знаменитаго „негласнаго" комитета. Въ это время подвергся гоненію и весьма невинный университетскій классицизмъ. Въ одно прекрасное утро на нашемъ четвертомъ курсѣ нашъ профессоръ греческаго языка,—по смерти Грефе, это былъ опять Штейнманъ,—съ нѣкоторой неловкостью объяснилъ намъ, что вмѣсто древнихъ классиковъ считается болѣе полезнымъ для насъ чтеніе

греческихъ отцовъ церкви и что мы будемъ читать Іоанна Златоуста. Учебныхъ книгъ Златоуста, конечно, не было, и профессоръ добылъ для насъ, не помню, какое изданіе нѣкоторыхъ „словъ“ прямо съ подстрочнымъ переводомъ... Такимъ образомъ, республиканскія идеи и языческая миѳологія были уничтожены въ преподаваніи греческаго языка; но, сколько помню, они не потерпѣли никакого ущерба въ преподаваніи римской литературы... Въ это же время истреблено было преподаваніе философіи, какъ лжемудрованія, и замѣнено преподаваніемъ педагогики (въ другихъ университетахъ было, кажется, поручено священникамъ преподаваніе логики, конечно, той, какой они сами учились). Надзоръ за преподаваніемъ выражался тѣмъ, что иногда являлся на лекціи П. А. Плетневъ, тогдашній ректоръ, а иногда самъ попечитель, Мусинъ-Пушкинъ; послѣдній приходилъ особенно на лекціи М. С. Куторги, который, повидимому, считался либераломъ или, по крайней мѣрѣ, преподавалъ опасный предметъ. Мусинъ-Пушкинъ просиживалъ лекціи въ креслѣ подлѣ каѳедры, иногда вставалъ и, опершись сбоку на каѳедру, смотрѣлъ въ упоръ на профессора, котораго это, конечно, не могло не раздражать.

Подъ такими впечатлѣніями мы оканчивали курсъ. Легко себѣ представить, что всѣ эти мѣры подозрительности, надзора и т. д. не производили на пасомыхъ никакого дѣйствія. Онѣ привлекали только особенное вниманіе къ тѣмъ мотивамъ, какіе вызывали эти мѣры, и, напримѣръ, если кто прежде нисколько не интересовался событіями, происходившими въ Европѣ, теперь уже болѣе или менѣе ими интересовался.

Это время уже отходитъ въ исторію. Видя въ немъ давно прошедшее, мы въ сущности въ первый разъ можемъ смотрѣть на него тѣми спокойными глазами, какими смотритъ исторія. Нѣсколько разъ была разсказана исторія „Петрашевцевъ“, разсказана исторія ссылки Салтыкова; мы читаемъ подробную исторію цензуры тогдашнихъ временъ (въ книгѣ г. Скабичевскаго; затѣмъ идетъ рядъ статей Н. А. Энгельгардта въ послѣдніе мѣсяцы 1901 г.); читаемъ много другихъ разсказовъ о положеніи и настроеніи общества въ эти годы,—и намъ бросается въ глаза та масса недоразумѣній, какая тяготѣла надъ обществомъ и безплодно его угнетала. Мысль, что на Россію могутъ распространиться западныя революціонныя волненія, мысль, постоянно внушавшая всѣ реакціонныя мѣропріятія того времени, была, очевидно, фантастическая,—и вслѣдствіе этого принимались мѣры противъ русской науки, находившейся, конечно, въ младенческомъ состояніи, противъ русской литературы,

передъ которой стояли еще задачи элементарнаго нравственнаго воспитанія общества и которая ни при какомъ увеличительномъ стеклѣ не могла заключать въ себѣ политической опасности; чтобы увидѣть опасность, приходилось гоняться за фразами, перетолковывать ихъ въ злокачественномъ смыслѣ, котораго они въ сущности не имѣли; въ дѣлѣ Петрашевскаго точно также былъ до послѣдней степени раздутъ чисто книжный интересъ кружка молодыхъ людей къ вопросамъ политической экономіи; столь, будто бы, страшный „соціализмъ", „сенъ-симонизмъ", „фурьеризмъ" былъ, очевидно, темой для игры фантазіи,— смѣшно думать, чтобы эти ужасныя вещи могли получать у насъ какое-нибудь практическое осуществленіе; Салтыковъ, двадцатидвухлѣтній юноша, знавшій объ этихъ кружкахъ и этихъ фантазіяхъ, наканунѣ „дѣла" Петрашевскаго подшучивалъ надъ ними, никакъ не подозрѣвая, что̀ изъ этого выйдетъ съ оффиціальной точки зрѣнія, и никакъ не подозрѣвая, что самъ онъ попадетъ въ ссылку за „Запутанное дѣло". Но эта литература, которая подвергалась недоброжелательнымъ перетолковываніямъ и преслѣдованіямъ, была, однако, въ самой серьезной дѣйствительности драгоцѣннымъ созданіемъ и достояніемъ русскаго общества, которое—и въ молодыхъ поколѣніяхъ всего больше—дорожило ею, дорожило справедливо, чувствуя въ ней результатъ и движущую силу своихъ лучшихъ идеальныхъ стремленій, направленныхъ на развитіе національной жизни. Преслѣдованіе литературы есть почти всегда преслѣдованіе этихъ идеальныхъ стремленій, и всегда вызываетъ только тяжелое чувство несправедливости и насилія. Это чувство должно бывало быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ бывало упрямѣе преслѣдованіе, а до чего доходило послѣднее, объ этомъ достаточно разсказываютъ упомянутыя исторіи цензуры...

8-ого октября 1902.—Я оканчивалъ курсъ въ 1853 году. Академическій годъ завершался, не помню, въ маѣ или въ іюнѣ. По старому, намъ кажется, хорошему обычаю, при окончаніи курса требовалась „кандидатская диссертація"—для тѣхъ, кто желалъ и ожидалъ кончить курсъ кандидатомъ, а не дѣйствительнымъ студентомъ; кандидатскую диссертацію могло замѣнять сочиненіе на заданную факультетскую тему, которое въ благопріятномъ случаѣ доставляло золотую или серебряную медаль. Тема, конечно, давалась очень заранѣе, чтобы было достаточно времени для работы. Темы давались поочередно по разнымъ факультетскимъ предметамъ, и для нашего факультетскаго курса пришла очередь русской сло-

весности: Никитенко далъ тему по исторіи русской комедіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Тема показалась мнѣ интересной, и я взялся за нее; диссертація была нужна, а тема совпадала отчасти съ моими собственными интересами.

Надо сказать, что, собственно говоря, преподаваніе самого Никитенки не давало для историко-литературной работы никакого руководства. Собственно исторія литературы на нашихъ курсахъ не читалась, потому что Никитенко читалъ нѣчто вродѣ эстетики; настоящіе историко-литературные курсы читалъ впервые только Сухомлиновъ, получившій каѳедру къ концу моего пребыванія въ университетѣ, и я слушателемъ его не былъ; притомъ древней русской литературѣ Никитенко былъ совершенно чуждъ, какъ, напримѣръ, въ то время и позднѣе былъ ей совершенно чуждъ историкъ русской литературы Галаховъ. Чтобы составить себѣ связное представленіе о цѣломъ ходѣ литературной исторіи, надо было вообще работать самому: старая литература тогда только начинала разрабатываться въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ; начатая книга Шевырева удовлѣтворяла мало, потому что, дѣйствительно, была не столько исторіей, сколько нравоучительнымъ панегирикомъ русской старины во вкусѣ Карамзина. Пріемы историческаго изслѣдованія всего меньше давала намъ каѳедра русской словесности, и гораздо больше можно было научаться имъ у профессора исторіи (у М. С. Куторги было нѣчто вродѣ историческаго семинаріума, къ сожалѣнію слишкомъ отрывочнаго и кратковременнаго, гдѣ можно было научаться обращенію съ историческими текстами), у профессора славянскихъ нарѣчій и исторіи русскаго языка (гдѣ опять бывала рѣчь о важности первоисточниковъ и правильномъ пониманіи текстовъ); наконецъ, у профессоровъ классической филологіи (при чтеніи классиковъ, ученыя изданія, которыя были у насъ въ рукахъ, были обыкновенно сполна заняты комментаріями, поучительными въ этомъ отношеніи). Критика текстовъ, конечно, мало требовалась, когда шла рѣчь о русской литературѣ новѣйшей, и здѣсь вниманіе направлялось на историческое изслѣдованіе самой сущности содержанія и формы: нужно было опредѣлять условія, въ которыхъ происходило развитіе историческаго явленія (какимъ въ данномъ случаѣ была русская комедія), разыскивать его начатки, дальнѣйшее возрастаніе и осложненіе, усовершенствованіе формы, наличныя литературныя средства, вліяніе чужихъ образцовъ, а въ содержаніи въ особенности связь литературнаго явленія съ современной жизнью, съ состояніемъ образованія и нравовъ. По данной темѣ относительно матеріала я съ

четвертому курсу былъ вооруженъ довольно хорошо. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ съ Н. Г., онъ былъ подписчикомъ богатой библіотеки для чтенія, и послѣ его отъѣзда изъ Петербурга я продолжалъ пользоваться этой библіотекой. Это была знаменитая библіотека Смирдина, находившаяся тогда во владѣніи Крашенинникова, перешедшая впослѣдствіи въ другія руки и, наконецъ, разрушенная: весь старый отдѣлъ ея былъ проданъ, какъ хламъ, когда въ дѣйствительности это было рѣдкое собраніе, которое могло тогда соперничать съ русскимъ отдѣломъ Публичной Библіотеки. Библіотека Смирдина (потомъ Крашенинникова) имѣла обстоятельный каталогъ, извѣстную библіографамъ „Роспись", дополненную впослѣдствіи каталогами Крашенинникова. Такимъ образомъ, пользованіе библіотекой было весьма удобно. Когда въ моемъ распоряженіи было такое обширное собраніе, какого до тѣхъ поръ я не видывалъ, я ревностно принялся перечитывать старую литературу: меня интересовалъ малоизвѣстный XVIII-й вѣкъ и затѣмъ новѣйшіе журналы— т.-е. первой половины XIX вѣка. Въ этомъ чтеніи было, дѣйствительно, чрезвычайно много интереснаго. Старая литература поражала своей архаической оригинальностью, въ которой нѣсколько привычному взгляду видны были историческія черты времени, зачатки дальнѣйшихъ литературныхъ развитій, наконецъ немало фактовъ характерной анекдотической исторіи. Въ журналахъ новѣйшихъ, сопровождавшихъ основныя явленія новѣйшей литературы, было нерѣдко чрезвычайно любопытно наблюдать детали этого развитія, смѣну маноръ и направленій, постепенное возрастаніе серьезныхъ литературныхъ интересовъ, все болѣе глубокое пониманіе значенія литературы... Обыкновенно я пересматривалъ цѣлыя изданія сплошь, сначала и до конца. Какъ извѣстно, подобныя занятія очень изощряютъ библіографическую память: многія впечатлѣнія тогдашняго чтенія цѣлы у меня до сихъ поръ, и впослѣдствіи они помогали мнѣ немало въ моихъ работахъ... Когда я принялся за диссертацію, у меня естественно сложился планъ, который я могъ исполнить уже съ готовымъ запасомъ начитанности въ старой литературѣ: было собрано немало подробностей, и въ извѣстной мѣрѣ выяснилось послѣдовательное развитіе русской комедіи начала XIX вѣка, по содержанію и формѣ. Одновременно со мною, какъ было слышно между товарищами, взялся за эту тему Орестъ Миллеръ, хотя былъ моложе по курсу,—ему особенно протежировалъ Никитенко. Когда къ положенному сроку должны были быть представлены диссертаціи, ихъ оказалось двѣ. Никитенко присудилъ мнѣ золо-

тую медаль, но находилъ также большія достоинства въ сочиненіи Ореста Миллера, и ему была дана вторая золотая медаль.

Мои научные интересы складывались въ разныхъ направленіяхъ, впрочемъ тѣсно одно съ другимъ связанныхъ. Это были русская литература—древняя и новая, и такъ называемыя „славянскія нарѣчія“, т.-е. славянская литература, на первый разъ древняя, церковно-славянская, по связи ея съ начатками русской письменности. Въ то время, въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ не трудно было перечитать все, что было писано объ этомъ на русскомъ языкѣ: имена Востокова, Калайдовича, Строева, Бодянскаго, Григоровича, не говоря о трудахъ нашего профессора Срезневскаго, далѣе Буслаева, Новикова и еще немногихъ другихъ были хорошо извѣстны въ нашемъ небольшомъ кружкѣ, дѣлившемъ болѣе или менѣе эти славянскіе интересы. Этотъ кружокъ былъ— В. И. Ламанскій, Д. Л. Мордовцевъ. Книги западно-славянскія были извѣстны меньше, потому что самыя книги были рѣдки; но мы, еще бывши студентами, хорошо знали имена Добровскаго, Шафарика, Копитара, Ганки, Палацкаго, Коллара, Челяковскаго, Вука Караджича, Мацѣёвскаго; иногда прямо по разсказамъ Срезневскаго, который въ своихъ путешествіяхъ близко зналъ всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей тогдашняго славянскаго возрожденія. Были, конечно, хорошо знакомы различныя славянскія отраженія въ нашемъ славянофильствѣ. Ламанскій былъ его горячимъ приверженцемъ; но я всегда бывалъ къ нему довольно равнодушенъ, между прочимъ, давно начитавшись въ старыхъ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Москвитянинѣ“ (если не говорить о „Маякѣ“) той оживленной полемики, какую вели славянофилы (Хомяковъ, К. Аксаковъ, Погодинъ, Шевыревъ и пр.) и западники (Бѣлинскій, Герценъ, Кавелинъ и вскорѣ потомъ авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода“). Въ то же время Мордовцевъ былъ у насъ проводникомъ малорусской литературы и того, что, пожалуй, можно было бы назвать начатками украинофильства. Мы въ то время (я по крайней мѣрѣ) ничего противъ него не имѣли и даже относились къ нему съ симпатіей, и хотя еще недавно Бѣлинскій рѣзко высказывался противъ малорусской литературы (ея сюжеты казались ему слишкомъ мелкими и, на его взглядъ, неизмѣримо выше всякаго провинціализма стояли общіе интересы съ одной стороны искусства, съ другой—общественности), —но у насъ была воспринята другая точка зрѣнія, именно точка зрѣнія славянскаго возрожденія. Если возрожденіе западнаго и южнаго славянства было возможно только потому, что лучъ сознанія началъ проникать въ народныя массы; если новыя славянскія лите-

ратуры возможны были только на народномъ языкѣ, и развитіе этого языка составляло для всѣхъ славянскихъ патріотовъ первую цѣль; если малѣйшіе оттѣнки славянскаго племени усиливались основать свою литературу,—напримѣръ, даже какіе-нибудь лужичане, а рядомъ съ чехами словаки; если въ сосѣдней Галиціи тѣ же малоруссы начинали свою литературу,—то все это вмѣстѣ, и нравственное право народа на свой языкъ, и фактическій примѣръ, были достаточнымъ доказательствомъ права нашей малорусской литературы на существованіе, тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ малорусская литература еще съ конца восемнадцатаго вѣка, начиная отъ Котляревскаго, продолжая Гулакомъ-Артемовскимъ и другими новыми писателями, имѣла уже запасъ произведеній, которыя пользовались у своихъ читателей большою славой или извѣстностью, потому что говорили на родномъ языкѣ...

Нашъ небольшой дружескій студенческій кружокъ жилъ вообще очень дружно. Въ немъ одно время былъ извѣстный потомъ племянникъ Гоголя, Н. П. Трушковскій; онъ былъ студентомъ восточнаго факультета. Онъ занятъ былъ тогда изданіемъ Гоголя, но мы мало узнавали отъ него о Гоголѣ; по хохлацкому обычаю, онъ былъ въ этомъ отношеніи довольно замкнутъ, или по времени считалъ это нужнымъ. Впослѣдствіи онъ впалъ въ болѣзненную меланхолію...

Въ слѣдующемъ академическомъ году (1853—1854), когда я уже кончилъ курсъ, темою на медаль по каѳедрѣ Срезневскаго было изслѣдованіе о Русской Правдѣ; конкуррентами были оба мои пріятеля, Ламанскій и Мордовцевъ и еще третій ихъ товарищъ. Оба работали усердно, и у меня еще цѣлъ рисунокъ, гдѣ Мордовцевъ (рисовальщикъ-любитель, не весьма искусный въ техникѣ, но не безъ комической жилки) изображалъ, довольно забавно, какъ каждый изъ трехъ аспирантовъ трудился надъ многоученымъ вопросомъ: между прочимъ, у Ламанскаго было такое обиліе замѣтокъ (на карточкахъ), что изъ нихъ составлялись цѣлые столбы и, чтобы достать какую-нибудь пачку (онѣ были съ надписями и на одной, особенно большой, была помѣта: „дикая вира"), ученый изслѣдователь долженъ былъ приставлять лѣстницу; въ распоряженіи ученаго былъ дворникъ, который носилъ пачки на спинѣ, какъ дрова. Другой ученый—вѣроятно по его собственному желанію, чтобы не развлекаться—былъ запертъ на замо́къ въ какой-то будкѣ съ маленькимъ окошечкомъ...

А. Н. Пыпинъ.

ПО СОВѢСТИ

РОМАНЪ

изъ помѣщичьей жизни нашего времени.

I.

Въ чудный іюньскій день солнце только-что сѣло и въ воздухѣ повѣяло вечернею прохладой. На большую открытую террасу стариннаго помѣщичьяго дома вышла высокая, стройная женщина лѣтъ за̀-сорокъ и нѣсколько минутъ постояла, полною грудью вдыхая вечерній воздухъ. Разбитые передъ террасой цвѣтники пестрѣли различными цвѣтами. Смотря по направленію слабаго вѣтра, къ вечеру только поднявшагося и изрѣдка волновавшаго воздухъ, до Натальи Владиміровны Новодубской доносился запахъ то петуніи, то душистаго табака, то резеды.

— Никита, Никита!—громко позвала она.

На зовъ явился Никита, малый лѣтъ тридцати, невысокаго роста, съ длинными черными усами. Онъ по-солдатски выпрямился у стеклянныхъ дверей дома. Наталья Владиміровна постояла, какъ бы не замѣчая его, а потомъ вдругъ, обернувшись, сказала:

— Посмотри, какая пыль вездѣ; сѣсть нельзя. Оботри!

— Пыль, ваше превосходительство, съ дороги. Богъ дождичка не даетъ.

— Пожалуйста, не входи со мной въ объясненія. Я не разговаривать тебя позвала.

Тѣмъ временемъ Никита полой своего пиджака обмахивалъ пыль съ садовой мебели, стоявшей на террасѣ.

— Хоть бы тряпку взялъ обтереть, а то платьемъ обтираетъ. Не понимаю, какъ Гри-Гри здѣсь живетъ!

— Да я... чтобъ поскорѣй... А то обижаться изволите, что долго обтираю.

— Ты опять болтаешь?! Замолчи и принеси тряпку!

Никита пошелъ за тряпкой, а Наталья Владиміровна, убѣдившись, что на одномъ креслѣ пыль вытерта, сѣла и начала читать романъ Уйды, который у нея былъ въ рукахъ.

Нѣкоторая полнота и нѣсколько сѣдыхъ волосъ на вискахъ выдавали ея годы. Лицо было свѣжее, а рука, голая до локтя, съ удивительно выхоленными ногтями, точно изваяна изъ каррарскаго мрамора. Тонкія черты лица и большіе голубые миндалевидные глаза съ густыми и хорошо посаженными бровями, при высокомъ ростѣ, обратили бы на нее вниманіе и теперь на любомъ балу. Одѣта она была просто въ капотъ изъ самой тонкой, сѣрой полосками, шолковой матеріи. Кольцо, со вставленнымъ между двумя бриллiантами рубиномъ—каплей крови,—было ея единственнымъ украшеніемъ. Прическа самая простая, безъ завитушекъ, безъ волнистости якобы отъ природы вьющихся волосъ, еще болѣе открывала безъ того большой ея лобъ.

— Вы здѣсь, Наталья Владиміровна, будете чай пить?— спросила подошедшая къ периламъ террасы молодая женщина.

— Да, голубушка, велите здѣсь накрывать. А то въ комнатахъ дышать нельзя, да и мухи одолѣваютъ. Изъ-за однѣхъ мухъ я на мѣстѣ Гри-Гри не стала бы здѣсь жить.

Молодая женщина ушла.

— Мамочка, хочешь букетъ? Я тебѣ нарвалъ пахучихъ цвѣтовъ, — входя по лѣсенкѣ террасы съ букетомъ въ рукахъ, спросилъ красивый юноша.

— Спасибо, Гри-Гри, спасибо, другъ мой. Фу, какой день былъ! Только теперь отдышаться можно. Ну, что̀ ты? Все по хозяйству хлопочешь?

— Да, я былъ на гумнѣ; кое-что готовятъ къ молотьбѣ. Новую машину привезли: я ее пробовалъ въ дѣйствіи.

— Да ты бы пошелъ, другъ мой, переодѣлся, а то весь въ чемъ-то выпачкался.

— Э, мамочка, вѣдь поневолѣ вымажешься, когда возишься съ машиной. Впрочемъ, пойду, переодѣнусь.

Григорій Аполлоновичъ Новодубскій дѣйствительно нуждался въ томъ, чтобы умыться и привести себя въ порядокъ. Высокій бѣлокурый юноша съ небольшими усиками и гладко выстриженной подъ-гребенку головой — очень похожъ былъ на свою

мать. Красавцемъ назвать его было нельзя; къ тому же его портилъ шрамъ на лѣвой щекѣ, образовавшійся въ дѣтствѣ послѣ ушиба: онъ упалъ съ дерева, на которое зачѣмъ-то полѣзъ, и ударился лицомъ объ сухую вѣтку, лежавшую подъ деревомъ. Онъ долго болѣлъ, боялись за его жизнь, но онъ выздоровѣлъ, а шрамъ на лицѣ остался. Прекрасно сложенный, онъ видимо былъ силенъ. Большія руки, широкія плечи и сильно развитая грудь показывали, что онъ врожденную силу по возможности развивалъ.

Когда Гри-Гри, по просьбѣ матери, пошелъ переодѣваться,—онъ, какъ мы сказали, въ этомъ нуждался... Въ большихъ личныхъ сапогахъ и голубой канаусовой русской рубашкѣ, онъ былъ перетянутъ шолковымъ поясомъ, кисти котораго висѣли сбоку, причемъ талія у него была удивительно тонка. На головѣ была широкополая панама, и потому онъ-себя называлъ иногда американскимъ плантаторомъ, иногда буромъ. Густой загаръ на его лицѣ доходилъ повыше бровей до шляпы такъ, что лицо у него было двухцвѣтное; темный, какъ у араба, низъ лица еще болѣе оттѣнялъ необычайную бѣлизну его кожи на лбу.

Между тѣмъ вся усадьба все болѣе и болѣе оживлялась.

Прежде всего пріѣхали верхомъ съ разныхъ сторонъ старосты и объѣздчики и, отдавъ лошадей на конюшню, шли пѣшкомъ въ людскую. Затѣмъ длинной вереницей потянулись домой плугари верхомъ, ведя по другой лошади въ поводу; сзади съ шумомъ волочились плуги. Они показались еще издали, затѣмъ первыя пары исчезали за амбаромъ и сбруйнымъ дворомъ, гдѣ распрягали лошадей. Первые уже давно въѣхали въ сарай, а конца этой кавалькады еще не было видно. На сбруйномъ дворѣ рабочіе распрягали лошадей и пускали ихъ на волю. Лошади сами сейчасъ же пускались бѣжать на конный дворъ, гдѣ ихъ въ кормушкахъ уже ждалъ овесъ. Иная при этомъ заржетъ, другая раза два взбрыкнетъ отъ радости, третья и поваляется, чтобы расправить свои усталые члены.

— Что это Горбатый что-то захромалъ,—иной разъ скажетъ присутствующій при этомъ старый староста, Николай Ѳедоровичъ, а затѣмъ громко закричитъ, такъ что слышно черезъ всю усадьбу у коннаго двора:

— Эй, ты... Антоха... погляди: Горбатый хромаетъ! Не попало ли что̀ въ копыто?

— Что̀?—не разслышитъ Антоха.

— Тьфу, глухой тетеревъ! — отъ сбруйнаго до коннаго двора было саженъ полтораста. — По-гля-ди Гор-ба-та-го, хро-ма-етъ что-то!..

Или рабочимъ онъ недоволенъ и кричитъ:

— Ты чтò, безрукій, прибрать хомутъ-то какъ слѣдуетъ не можешь? Успѣешь ужинать. Бросилъ кое-какъ и бѣжать!

Или разглядитъ его опытный глазъ, что хомутина лопнула:

— Это чтò? Чего ты слюни-то распустилъ?

— А що, Миколай Ѳедоровичъ?

— Що, що? Хомутина-то отчего лопнула... Ѳеѳёла!

— Я не знаю. Знать, лопнула...

— Лопнула!.. Не лопнула бы, кабы супонь подтянулъ какъ слѣдуетъ. Горе съ вами!

Тѣмъ временемъ плугари всѣ съѣхались, лошадей распрягли и пустили, и пошли въ людскую. Послѣднимъ пошелъ и Николай Ѳедоровичъ, предварительно заперевъ толстымъ замкомъ дворъ и вслѣдъ имъ крикнувъ:

— Лѣшіе! всѣ лошади потерты!... И народъ тоже!..

Пока рабочіе распрягали лошадей, мимо палисадника, въ которомъ сидѣла Наталья Владиміровна, потянулись маленькими отрядами цѣлые полки бабъ и дѣвокъ. Вдали онѣ пѣли пѣсни, но, подходя къ барской усадьбѣ, умолкали. Обыкновенно онѣ до самой конторы все шли съ пѣснями, но теперь староста Игнатъ, бывшій съ ними на полотьѣ прòса, имъ это строго запретилъ. Посылали Игната на полотье потому, что онъ удивительнѣйшимъ образомъ ругался. Когда еще Григорій Аполлоновичъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ Дубовку, будучи гимназистомъ восьмого класса, онъ услыхалъ на полотьѣ эту ругань, сконфузился и уѣхалъ домой жаловаться управляющему на Игната. Немало онъ былъ удивленъ, услыхавъ, что именно за этотъ талантъ Игнатъ и назначается на полотье.

— Безъ этого никакъ нельзя. Бабы—овцы. Не ругаться—половину не выполешь.

Игнатъ, смотрѣвшій всегда исподлобья, на замѣчаніе молодого барина: „Какъ это ты, Игнатъ, ругаешься? Не совѣстно тебѣ?“—отвѣчалъ:—Чего же совѣститься, ваше степенство? Вѣдь баба любитъ, чтобъ ее ругали. Того только и ждетъ.

— Ну, я не хочу мѣшать дѣлу, но, пожалуйста, при мнѣ такъ не ругайся.

— Слушаюсь, ваше высочество. Только настоящей работы вы не увидите.

Григорій Аполлоновичъ разсмѣялся надъ титулами, которыми Игнатъ его величалъ.

— Чтò ты, братъ, зовешь меня то „ваше степенство“, то

„ваше высочество"? Зови меня просто: Григорій Аполлоновичъ.

— Слушаюсь. А мы почемъ знаемъ, какъ тебя величать? Кабы мы господъ часто видали... А то мы впервые васъ видимъ.

Сами бабы не обижались на ругань Игнатову.

— А то нé-что?... облаетъ и работа дюжѣй спорится,— говорили онѣ.

Такъ Григорій Аполлоновичъ и отказался противорѣчить, а Игната продолжали посылать на полотье. На этотъ разъ бабъ было до трехсотъ, и Игнату на помощь дали двухъ помощниковъ, конюха и молотобойца. Къ этому ихъ считали способными тоже по ихъ умѣнью ругаться.

Игнатъ, уѣзжая съ поля, сказалъ бабамъ:

— Вы смотрите, бабы (онъ ихъ назвалъ иначе), пѣсенъ не играйте! Григорій Аполлоновичъ позволяетъ пѣсни играть, а теперь пріѣхала сама генеральша. Она вамъ покажетъ...

— А намъ что же не играть?—возразила одна солдатка:— небось, день деньской работали, и поиграть можно.

— Я те задамъ играть!—и поѣхалъ.

Эта же солдатка еще за версту отъ дома первая перестала пѣть и другимъ заказывала.

Шли бабы маленькими партіями. Когда онѣ проходили мимо палисадника, то виднѣлись изъ-за остриженной акаціи только ихъ повойники. Проходя же мимо калитки, бывшей по серединѣ изгороди, онѣ, завидя барыню, кланялись; при этомъ не говорили ничего и не останавливались, а только наклоняли головы, притомъ не въ сторону Натальи Владиміровны, а прямо передъ собой. Наталья Владиміровна романъ было-положила и, смотря на нихъ, отвѣчала на поклоны. Но кланяться приходилось такъ часто, что она предпочла опять читать романъ. Бабы продолжали кланяться, хотя она на нихъ и не смотрѣла.

Наконецъ, весь полкъ собрался у конторы. Конторщикъ вышелъ съ книгой ярлыковъ и выкликивалъ бабъ.

— Подай сюда!—Вотъ она я!—Давай!—раздавалось изъ толпы, и руки тянулись къ конторщику. Онѣ толпились все тѣснѣе и тѣснѣе кругомъ его, такъ что стоявшимъ сзади никакъ нельзя было до него добраться. Это замедляло работу, конторщикъ имъ это объяснялъ, онѣ раздвигались, а черезъ минуту опять чуть не сдавливали его.

Вначалѣ Наталья Владиміровна съ переодѣвшимся Григоріемъ Аполлоновичемъ полюбопытствовала къ нимъ подойти.

— Здравствуйте, голубушки!—сказала она.

Головы всѣ наклонились. Ни звука она не услыхала.

— Что онѣ такъ молчаливы?—спросила она сына.

— Тебя боятся. При насъ онѣ говорятъ, и еще какъ!

— Хорошо вы работали сегодня, бабы?—продолжала свой разговоръ съ ними Наталья Владиміровна.

— А то нé-что?—отвѣтила одна побойчѣе изъ заднихъ рядовъ.

— Вѣдь сегодня ужасно жарко было? Не правда ли?

— А то нé-что?—опять протянула та же баба.

На этомъ разговоръ кончился. Новодубская вынула изъ кармана платокъ, поднесла его къ носу и, взявъ сына подъ-руку, потащила его домой.

— Какъ отъ нихъ дурно пахнетъ! сказала она ему по-французски.—Какъ ты можешь съ ними подолгу говорить, не понимаю!

— А ты думала, что послѣ четырнадцати-часовой работы, согнувшись на палящемъ солнцѣ, онѣ будутъ свѣжи, какъ по выходѣ изъ ванны?

— Я этого не думаю, Гри-Гри, а все-же онѣ могли бы быть почище.

— Эхъ, мамочка, мамочка,—не хочешь ты знать нашей жизни! Посмотри, что̀ они ѣдятъ, какъ живутъ, и тогда осуждай. Нельзя же съ высоты полета объ этомъ судить.

— Я ихъ не осуждаю, но удивляюсь, какъ ты второй годъ удовлетворяешься этимъ и не чувствуешь потребности освѣжиться и пожить съ людьми. Вѣдь ты самъ начинаешь ходить въ грязномъ бѣльѣ.

— Я живу съ ними потому, что мнѣ совѣстно жить по заграницамъ и по столицамъ, когда здѣсь голодаютъ, когда этотъ дурной запахъ ихъ происходитъ отъ отсутствія мыла и часто неимѣнія двухъ смѣнъ бѣлья. Вотъ почему я съ ними живу и буду жить.

— Почему совѣстно жить? Откуда у тебя эти всѣ теоріи? Каждому свое. Нельзя всѣмъ душиться духами Аткинсона; такъ развѣ совѣстно ими душиться? Впрочемъ, оставимъ это. Дѣлай какъ знаешь. Тебя вѣдь не переубѣдишь.

При концѣ этого разговора они уже сидѣли на террасѣ за самоваромъ. Тутъ же стояло вино и разныя холодныя закуски. Чай разливала Аглаида Петровна Паульсонъ, фельдшерица мѣстнаго пріемнаго покоя. Маленькая, худая, черненькая, она была молода, хотя морщины и какъ будто болѣзненный цвѣтъ лица

придавали ей преждевременный видъ старости. Совершеннѣйшій контрастъ съ Новодубской, подвижная, юркая, съ людьми веселая, она, какъ будто, была счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Только когда она оставалась дома съ семилѣтней дочерью, видно было, что она много пережила; она учила дочь, а сама, нѣтъ-нѣтъ, да судорожно обниметъ ее.

— Чтò-то тебѣ сулитъ судьба, моя крошка?—говорила она.

Видно было, что она всю любовь свою, послѣ смерти оплакиваемаго мужа, перенесла на это маленькое существо.

— Сокровище мое, Ниночка, неужели и ты будешь у меня несчастная? Голубка моя...

Фельдшерскій пунктъ былъ открытъ земствомъ при помощи Натальи Владиміровны, вносившей отъ себя жалованье фельдшерицѣ. Поэтому и назначеніе ея зависѣло отъ Новодубской. Аглаиду Петровну рекомендовали Новодубской ея родственники, и уже пятый годъ она жила въ Дубовкѣ, пользуясь симпатіями всего населенія, съ Григоріемъ Аполлоновичемъ во главѣ.

Въ рѣдкіе и непродолжительные пріѣзды Натальи Владиміровны, Аглаида Петровна все свободное время была при ней, читала ей вслухъ,—чтò Новодубская очень любила,—вообще, пришлась ей по душѣ.

— Только одна двуногая и есть у васъ въ Дубовкѣ,—говорила она сыну.—Всѣ остальные, съ кѣмъ ты тутъ, мой бѣдняга, живешь,—четвероногіе.

— Неужели и я, ты думаешь, на четверенькахъ ползать буду?

— Непремѣнно будешь ползать, и уже началъ ползать. Началось съ рукъ, которыя ты рѣдко моешь, и съ грязнаго бѣлья, а кончится тѣмъ, что совсѣмъ одичаешь и будешь бояться показаться въ порядочномъ обществѣ. Уже теперь я замѣчаю, что ты неохотно говоришь по-французски.

— Ну, это ужъ ты, мамочка, преувеличиваешь; ты знаешь, что я часто даже думаю по-французски.

— Вотъ увидишь. Деревня тебя до добра не доведетъ.

Каждый, какъ всегда водится, оставался при своемъ.

Только сѣли за столъ Новодубскіе и Аглаида Петровна, какъ по ступенькамъ террасы взошелъ діаконъ. Маленькій, бѣлокурый, лѣтъ сорока, съ жидкой бородкой и еще болѣе жидкими, не прикрывавшими плѣшь, довольно длинными волосами, онъ подошелъ прежде всего къ Новодубской и протянулъ ей руку. Она какъ будто не замѣтила протянутой руки.

— Здравствуйте, отецъ діаконъ!—сказала она.—Какъ поживаете?

— Ничего, благодарю васъ. Съ пріѣздомъ васъ, ваше превосходительство.

— Садитесь, пожалуйста.

Діаконъ поздоровался съ Григоріемъ Аполлоновичемъ и Агландой Петровной и сѣлъ.

— Чайку налить, отецъ діаконъ?—спросила Аглаида Петровна.

— Благодарю васъ; чай пить — не дрова рубить.

При этомъ діаконъ расхохотался.

— А я къ вамъ, Григорій Аполлоновичъ, съ просьбой.

— Говорите: я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Завтра у меня крестины: мальчика Богъ послалъ. Не согласитесь ли быть воспріемникомъ?

— Какъ! опять?

— Да, опять. Богъ дѣтьми не обижаетъ.

— А у васъ сколько теперь дѣтей?—спросила Наталья Владиміровна.

— Шестеро, это седьмой. Три дѣвочки: Алевтина, Антонина и Валентина, и три мальчика: Аркадій, Анатолій и Леонидъ; этого думаемъ назвать Валентиномъ. Двухъ послѣднихъ крестилъ Григорій Аполлоновичъ.

— Ну чтожъ, отецъ діаконъ, вы знаете, что я всегда готовъ для васъ сдѣлать все, что̀ можетъ вамъ быть пріятно.

Діаконъ Александръ Ильичъ Соколовъ былъ не изъ духовнаго званія. Онъ былъ сначала земскимъ учителемъ изъ крестьянъ и былъ назначенъ въ Дубовку, когда тамъ устроилъ земскую школу Аполлонъ Николаевичъ Новодубскій. Дѣтей у Соколова тогда было уже трое. Въ Дубовкѣ учителемъ онъ былъ два года. Разъ Аполлонъ Николаевичъ, пріѣхавъ дня на три въ Дубовку въ сентябрѣ, зашелъ въ школу на урокъ и просидѣлъ часъ въ младшемъ отдѣленіи.

Учитель только-что начиналъ проходить звуки и показывалъ дѣтямъ звуки „о“ и „с“. Сначала онъ нарисовалъ на доскѣ „о“ и обратился къ ученикамъ:

— Ну, смотрите, дѣти, видите, что̀ я нарисовалъ на доскѣ? Я нарисовалъ кружечекъ. Видите?... Кружечекъ!... Теперь я сдѣлаю ртомъ кружечекъ... Смотрите на меня... „оооо“... видите кружечекъ? Такъ помните: кружечекъ... это „оооо“... поняли?

— Поняли!—закричали дѣти и начали ртомъ дѣлать кружечекъ и тянуть „оооо“...

— Тише, тише, не шумите! Теперь я вотъ что̀ нарисую.— Учитель нарисовалъ „с“.—Это, видите ли, полукружье, а сверху точка. Это звукъ „сссс“... Поняли? „сссс“...—свиститъ.

— „Сссс“...—долго носилось по классу.

Учитель говорилъ громко, съ поднятыми руками, какъ дирижеръ передъ оркестромъ. Большіе голубые глаза его разгорѣлись. Онъ душу клалъ въ дѣло и только-что набранныхъ дѣтей съумѣлъ наэлектризовать. Все, казалось, забылъ онъ на свѣтѣ: и жену, и дѣтей, и то, что они не каждый день могли ѣсть мясо. Передъ нимъ былъ классъ, и онъ хотѣлъ вложить въ дѣтей, что̀ самъ зналъ. Остального міра для него не существовало.

Аполлонъ Николаевичъ пришелъ отъ него въ восторгъ и, пользуясь тѣмъ, что въ ихъ приходѣ вакантно было діаконское мѣсто, выхлопоталъ его Соколову. Приходъ былъ порядочный, и Александръ Ильичъ вздохнулъ: онъ могъ надѣяться дать дѣтямъ воспитаніе. Враговъ у него не было, и на новомъ мѣстѣ со всѣми онъ ладилъ; всѣмъ помогалъ, чѣмъ могъ, никого не гнушался, никого не обижалъ.

— Какъ дѣлишки, отецъ?—спросилъ его Григорій Аполлоновичъ.

— Ничего, намъ чтожъ? Годикъ недурной. Свадебокъ много. Намъ ничего больше и не надо.

Діаконъ засмѣялся.

— А дѣтокъ воспитываете?—вставила Новодубская.

— Старшенькаго отдалъ въ духовное училище, да двое въ сельскую школу ходятъ... Намъ были бы свадебки, а будутъ— и дѣтокъ воспитаемъ. Да молебновъ бы побольше.

— И это по-твоему двуногое?—спросила Новодубская сына по-французски.

— Двуногое, и притомъ, повѣрь, лучше насъ всѣхъ.

— А по-моему—четвероногое... Фу, что̀ за гадость! Въ домѣ— мухи, а тутъ ночныя бабочки въ ротъ лѣзутъ.

Бабочекъ, дѣйствительно, была масса. Лѣзли онѣ на свѣтъ двухъ садовыхъ фонарей съ выдвигающимися по мѣрѣ сгоранія свѣчами. Наталья Владиміровна все отъ нихъ отмахивалась.

Въ это время на выгонѣ послышалось пѣніе. Бабы и дѣвки своей деревни съ полотья ходили ночевать и обѣдать домой, а пришедшія изъ другихъ селъ оставались всю недѣлю и спали, частью подъ лопасомъ амбара, частью въ грунтовомъ сараѣ, куда натаскивали себѣ солому. Но прежде чѣмъ ложиться, которыя помоложе,—собирались въ кучку на площади передъ домомъ

и пѣли пѣсни. На этотъ разъ по случаю пріѣзда генеральши имъ велѣно было пѣть на выгонѣ.

— Удивляюсь,—говорилъ молодой Новодубскій,—какъ это онѣ поютъ! Теперь уже десять часовъ,—онъ посмотрѣлъ на часы,—а завтра ихъ въ четвертомъ часу уже будить будутъ на работу. Такъ иногда до разсвѣта поютъ. А весь день согнувшись ходятъ и полютъ.

— Привычка!—отвѣтилъ діаконъ.

— То-то, ты все ихъ называешь несчастными, — сказала Новодубская.—Онѣ счастливѣе насъ съ тобой.

— Можетъ быть, можетъ быть. Спорить не хочу. А помѣняться съ одной изъ нихъ ты бы хотѣла?

— Ты все глупости говоришь. Отецъ діаконъ, а чтò онѣ ѣдятъ?

— Теперь?—толокно.

— Чтò такое толокно?

— Поджареная мука ржаная. Онѣ берутъ ее съ собой изъ дому, а въ обѣдъ и въ ужинъ разводятъ водой и ѣдятъ съ хлѣбомъ и солью.

— То-есть, варятъ вродѣ супа?

— Нѣтъ, не варятъ, а разводятъ въ холодной водѣ. Горячей пищи онѣ теперь не ѣдятъ. Когда мужики бываютъ съ ними, напримѣръ въ молотьбу, тогда варятъ кулешъ, то-есть пшено въ водѣ. Богатые туда пускаютъ кусокъ свиного сала или конопляного масла, да картошекъ берутъ съ огурцами, а бѣдные просто сварятъ пшено въ водѣ и ѣдятъ съ хлѣбомъ, напередъ, конечно, посоливъ.

— А теперь, кромѣ хлѣба да поджареной муки въ водѣ,—ничего?

— Ничего. Когда домой вернутся въ праздникъ, тамъ, конечно, у нихъ и лукъ, и пшено, и масло есть, а въ скоромные дни—и сало, и молоко.

— А теперь развѣ постъ?

— Да, Петровки. Самый тяжелый постъ изъ-за пищи. Овощей нѣтъ.

— Ай, ай, ай! Чтò такое? Господи!

Наталья Владиміровна лѣвой рукой схватилась за капотъ у праваго плеча и продолжала восклицать.

— Мамочка, чтò съ тобой?—вставая, спросилъ ее сынъ.

— Не знаю... какой-то звѣрь залѣзъ... Ахъ, какая гадость!

Звѣря она раздавила сквозь матерію и вытряхнула на столъ черезъ широкій рукавъ. Оказалась какая-то жесткокрылая черная букашка.

— Ахъ, это щелкуница,—сказалъ, улыбаясь, Новодубскій.

— Не знаю, какъ этихъ звѣрей звать; знаю только одно, что я на твоемъ мѣстѣ дня бы здѣсь не прожила. У насъ въ Финляндіи никакихъ этихъ гадостей нѣтъ.

Діаконъ всталъ.

— До свиданія, ваше превосходительство,—сказалъ онъ, на этотъ разъ не подавая руки Натальѣ Владиміровнѣ.

— До свиданія. Желаю вамъ веселиться завтра на крестинахъ. Что̀, онъ пьетъ?—по-англійски спросила она сына.

— Пьетъ, какъ всѣ,—отвѣчалъ онъ ей на томъ же языкѣ.

— До свиданія, отецъ. А въ которомъ часу крестины?

— Да такъ, передъ обѣдомъ.

Діаконъ простился со всѣми и отправился въ контору, гдѣ у него были шляпа и ряса.

— Онѣ воютъ, а не поютъ,—замѣтила Новодубская.

— Да пѣсни у нихъ старинной нѣтъ. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, замѣчательные голоса.

Въ это время послышалось жужжанье все громче и громче. Наконецъ, что-то прилетѣло къ столу и ударилось объ него; полетъ былъ такъ быстръ, что что-то стукнуло.

Наталья Владиміровна взвизгнула и вскочила съ кресла.

— Ахъ, Гри-Гри, еще какой-то звѣрь!—сказала она, стоя и поводя спиной, какъ будто у нея морозъ по кожѣ подираетъ.

— Не бойся, мамочка, это жукъ!

Григорій Аполлоновичъ взялъ жука рукой и отнесъ на цвѣтникъ.

— Ну, что̀, убилъ его?—спросила его мать.

— Нѣтъ, не убилъ. Вѣдь это безвредное насѣкомое. Зачѣмъ я буду его убивать? Вѣдь онъ бы спалъ, кабы мы сюда со свѣчками не пришли. Мы же его потревожили. Да успокойся, мамочка!

Наталья Владиміровна продолжала стоять и недовѣрчиво озираться кругомъ. Вотъ-вотъ опять звѣрь какой-нибудь прилетитъ!

— Нѣтъ, воля твоя, Гри-Гри. Не могу я такъ жить. Хочешь меня видѣть,—пріѣзжай въ Кіоскерлё, а въ субботу я ѣду.

— Какъ? ты всего три дня, какъ пріѣхала, а черезъ два— хочешь уѣзжать? Мамочка, неужто изъ-за жука съ щелкуницей ты со мной не хочешь побыть подольше?

— Не изъ-за жука, а вообще изъ-за всей жизни. Мнѣ нужны люди, а тебя окружаетъ Богъ знаетъ кто. Вѣдь нельзя же жить съ мужиками. Теперь почта: я привыкла газеты и письма получать каждый день, а у тебя ихъ привозятъ два раза въ недѣлю. Затѣмъ, эта грязь, этотъ грязный Никита, эти звѣри, которые въ

ротъ лѣзутъ... нѣтъ, воля твоя, не могу. Да почему бы и тебѣ не пріѣхать? Вѣдь не на вѣкъ же ты обрекъ себя жить въ Дубовкѣ? Наконецъ, надо тебѣ отца и брата навѣстить.

— Да, конечно, я не отказываюсь. Я папà давно не видалъ. Ну, а Дима такъ же можетъ сюда пріѣхать, какъ и я къ нему.

— А служба? Вѣдь онъ не бьетъ баклуши, какъ ты.

— А?.. по-твоему я, занимаясь имѣніемъ, баклуши бью, а Дима, проживая доходы съ него въ полку, дѣло дѣлаетъ? А по-моему, что̀ бы вамъ съ папà пріѣхать сюда на мѣсяцъ, когда онъ возьметъ отпускъ?

— Ты пустяки говоришь. Отцу твоему надо отдохнуть, а развѣ здѣсь отдыхъ съ мужичьемъ твоимъ? Здѣсь—мученье, а не отдыхъ. Ну, я тебя, впрочемъ, не неволю. Дѣлай, какъ знаешь, а въ субботу къ четыремъ часамъ вели лошадей приготовить; поѣздъ идетъ въ девять часовъ.

— Зачѣмъ же ѣхать за пять часовъ? Вѣдь ѣзды всего три часа?

— Ну, ужъ это, пожалуйста! Съ вашими дорогами да мостами всегда надо пораньше выѣхать. Я и на станціи посижу.

Наталья Владиміровна встала, зѣвнула, протянула руку сперва Аглаидѣ Петровнѣ, потомъ сыну. Онъ поцѣловалъ ея руку, а она его въ лобъ и ушла въ домъ.

Аглаида Петровна стала прощаться съ Григоріемъ Аполлоновичемъ.

— Нѣтъ, я еще не лягу. Такая чудная ночь, что теперь только и дышешь свободно послѣ этой жары.

— Мнѣ пора, а то рано вставать.

— Я васъ провожу до квартиры.

Проводивъ Аглаиду Петровну до пріемнаго покоя, молодой Новодубскій направился на выгонъ, гдѣ еще продолжалось пѣніе.

Человѣкъ пятьдесятъ дѣвокъ стояли кучкой и пѣли. Стояли онѣ тѣсной толпой, обнявшись по двѣ и по три. Были между ними и бабы, но немного, преимущественно солдатки. Бабъ можно было бы отличить только по понёвѣ, но въ безлунную, хотя и звѣздную ночь не то что понёву—человѣка и то не разглядишь. Григорій Аполлоновичъ шелъ тихонько, почти ощупью, чтобы не упасть въ какую-нибудь канаву или яму. Вдругъ передъ нимъ выросли двѣ обнявшіяся тѣни.

— Ты кто будешь, голубчикъ?—спросила одна изъ тѣней.

— Я? Узнай по голосу.

— Баринъ!—и дѣвки убѣжали и смѣшались въ толпѣ остальныхъ.

Слово это услыхали всѣ. Пѣніе умолкло.

— Чтò жъ вы замолчали, дѣвки? вѣдь я не мѣшать вамъ пришелъ. Конечно, пора бы спать, но дѣло ваше. Ну, спойте, спойте что-нибудь,—я послушаю.

— Чаго жъ табѣ сыграть?

— Чтò хотите спойте, я-то почемъ знаю!

— Вотъ що, дѣвки, сыграемъ, що почуднѣй; ну, „рѣшето" сыграемъ. Нехай онъ послухаеть.

Слова эти были встрѣчены общимъ взрывомъ хохота. Сейчасъ же одна запѣла громкимъ носовымъ голосомъ, другая подтянула, затѣмъ третья и запѣли всѣ. Пѣли неладно: то въ унисонъ, то слышалась втора или высокій подголосокъ. Одна брала необыкновенно высокую ноту, но и эту брала съ оттѣнкомъ не то горловымъ, не то носовымъ, а въ концѣ, когда дыханья не хватало тянуть, оканчивала ноту, непрерывно спуская ее на нѣсколько тоновъ. Выходилъ какой-то крючокъ въ концѣ. Пѣсня была просто неприличная, почему дѣвки и называли ее „чудной". Она еще тянулась, какъ неподалеку раздался громкій крикъ.

— Вы що это, черти, дѣлаете? Що за шутки за такія?

Слышно было, какъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по направленію къ усадьбѣ. Очевидно, это были молодые ребята изъ рабочихъ. Григорій Аполлоновичъ этого не любилъ.

— Чтò вы тутъ шляетесь? Я не велѣлъ гулять по ночамъ. А завтра спать будете на пахотѣ!

Никто не отозвался.

— Ну, дѣвки, прощайте, мнѣ спать пора, да и вамъ тоже.

— Погоди, мы табѣ еще сыграемъ хорошую.

И онѣ запѣли другую пѣсню. Слышалось имя Григорія Аполлоновича: его величали.

Въ пѣньѣ еще болѣе, чѣмъ въ разговорѣ, замѣчалось странное произношеніе. Въ родительномъ падежѣ „г" произносили „г", а не „в"—выходило „чаго", а не „чево". Къ тому же „г" онѣ всегда произносили гортаннымъ звукомъ, какъ хохлы. Съ другой стороны и гласныя произносились какъ-то особенно. Вмѣсто „о" говорили „уо"; вмѣсто „е"—„ie": выходило „рѣшетуо", „сдiѣлать", вмѣсто „рѣшето", „сдѣлать".

Кончилось и величанье.

— Ну, дѣвки, пора спать. Спасибо вамъ.

— Що же это, Григорій Аполлоновичъ, намъ по семнадцати копѣекъ Павелъ Трофимовичъ записалъ. Вѣдь мы не махонькія.

Новодубскій зажегъ спичку и посмотрѣлъ на нихъ. Дѣвки были рослыя и вполнѣ сложенныя.

— Ну, что-жъ, приходите завтра: я велю вамъ дать бабью цѣну, двадцать копѣекъ.

— Вотъ спасибо, голубчикъ!—И дѣвки побѣжали.

Не успѣлъ онъ пройти трехъ шаговъ, какъ опять послышались около него голоса.

— Григорій Аполлоновичъ, а намъ-то що-жъ?—Мнѣ замужъ пора.—А я просватана.—Я имъ подруга, на одномъ году рождены.—Посмотри-ка, посмотри-ка! Это обида.

Опять зажегъ онъ спичку; видитъ—цѣлая толпа дѣвокъ: были и большія, были и вовсе подростки.

— Я такъ и зналъ. Одной дай—всѣ полѣзутъ. Не могу жъ я цѣлую ночь съ вами тутъ стоять, да и записать негдѣ. Завтра въ полѣ я васъ самъ перепишу, чтобы обиды не было. А сегодня вотъ вамъ рубль на всѣхъ.

— Спасибо, баринъ. Спасибо!—говорило большинство.

Нѣкоторыя же остались недовольны.

— Это обидно. Что жъ на всѣхъ? Надъ нами смѣяться будутъ. Мы невѣсты. Нѣтъ, ты ужъ насъ разбери, Христа ради!

— Ну, хорошо, хорошо. Сказалъ вамъ, что завтра въ полѣ можете заявлять свои обиды: кого обидѣли, всѣмъ перепралю.

Дѣвки успокоились и всѣ, обнявшись, маленькими группами поплелись къ своему ночлегу. Кое-какія затягивали пѣсню, но черезъ нѣсколько словъ замолкали. Вернулся домой и Григорій Аполлоновичъ.

Въ буфетѣ горѣла свѣчка, и, облокотившись на столъ, спалъ на стулѣ Никита и храпѣлъ.

— Ну, ну, вставай, Никита, дай раздѣться! — будилъ его Новодубскій.

— А? а?

Никита вскочилъ и, нетвердый на ногахъ, протиралъ себѣ глаза.

— Бери свѣчку и проводи меня. Помоги раздѣться.

Вмѣсто свѣчки, Никита схватилъ-было самоваръ.

— Свѣчку, тебѣ говорятъ. Да проснись же!

Черезъ десять минутъ всѣ въ домѣ спали.

II.

Дубовка была родовое имѣніе Новодубскихъ. Въ четырехстахъ верстахъ отъ Москвы, оно никогда не представляло тѣхъ удобствъ, которыя они могли найти въ своемъ подмосковномъ.

Называлась Дубовка „степью“ и служила для нихъ источникомъ доходовъ. Управляющіе жили тамъ въ старину безъ всякаго контроля и ежегодно пріѣзжали въ Москву или Петербургъ отдать отчетъ, т.-е. передать деньги, которыя привозили съ собой, зашивъ ихъ въ какомъ-нибудь потайномъ карманѣ.

— Изъ „степи“ управляющій пріѣхалъ,—доложилъ человѣкъ дѣду Григорія Аполлоновича, Николаю Григорьевичу, подъ-старость вышедшему въ отставку и переселившемуся изъ Петербурга въ Москву.

— А-а! Егоръ! Пора. Позови его сюда!

Вошелъ Егоръ Артемьевичъ Артемьевъ, изъ крѣпостныхъ Новодубскихъ, начавшій службу у господъ въ качествѣ казачка, затѣмъ дошедшій до чина бурмистра и, наконецъ, управляющаго, въ каковомъ онъ пребывалъ и послѣ воли. Толстый, съ бритымъ лицомъ, покрытымъ мельчайшею сѣтью красныхъ жилокъ, особенно густо засѣвшихъ на носу, онъ былъ одѣтъ въ широкую люстриновую пиджачную пару. Онъ остановился передъ старикомъ Новодубскимъ.

— Ну, здравствуй, Егоръ! А мы думали, что ты и знать насъ не хочешь. Ну, что̀, привезъ деньжонокъ?

— Какъ-же-съ, привезъ, — отвѣчалъ Егоръ Артемьевичъ, чмокая старика въ руку.

— Много?

Егоръ Артемьевичъ сказалъ, сколько тысячъ привезъ.

— Только? Да что̀ это ты, братецъ, съ ума сошелъ, что-ли? На что̀ же мы жить-то будемъ?

— Что̀ же дѣлать, сударь? Несчастій сколько Богъ послалъ. Пшеница посохла, гречихи было десятинъ двѣсти—всю градомъ повыбило. Я голову потерялъ.

— Та-акъ. А у меня былъ Михаилъ Макаровъ, мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ.

— Нашли, сударь, кого спрашивать. Онъ спитъ и видитъ Дубовку въ аренду снять. Вотъ онъ меня и старается передъ вашей милостью опозорить.

При этомъ Егоръ Артемьевичъ обтеръ выступившій на лбу потъ громаднымъ краснымъ платкомъ.

— Онъ еще говорилъ, будто ты въ Коноплинѣ у станового двѣ тысячи цѣлковыхъ въ карты проигралъ.

— Вольно ему говорить. Вы бы его пугнули, сударь, отъ себя. Не сталъ бы онъ на людей врать. Да! Проиграешь въ карты двѣ тысячи при десятирублевомъ жалованьѣ. Я такъ, сударь, прибавки просить хотѣлъ.

— Ну, это увидимъ послѣ. Что зеленя, хороши?

Такъ шла у Новодубскаго бесѣда со стоявшимъ передъ нимъ управляющимъ. Когда ему надоѣло стоять передъ бариномъ, онъ отпросился въ Кремль.

— Вы меня, сударь, отпустите угодникамъ поклониться сходить.

— Ну, ступай, ступай. Увидимся еще.

Егоръ Артемьевичъ пошелъ къ угодникамъ, а затѣмъ съ пріятелемъ въ трактиръ на Ильинку, поѣсть извѣстной московской селянки. Въ Москвѣ онъ остался дня три. При прощаньѣ получилъ должное наставленіе, сто-рублевую бумажку въ награду и обѣщаніе прибавки пяти рублей въ мѣсяцъ жалованья, если увеличитъ доходы. Онъ поблагодарилъ и на этомъ, поцѣловалъ ручку и уѣхалъ, закупивъ у Депре на годъ нюхательнаго французскаго табаку, который научился предпочитать русскому, такъ какъ часто его угощали господа изъ своей табакерки.

Въ одинъ прекрасный день, приходской деревни Дубовки священникъ длиннымъ письмомъ извѣстилъ Новодубскихъ, что Егоръ Артемьевичъ умеръ отъ удара. Такъ какъ онъ прослужилъ управляющимъ болѣе двадцати лѣтъ, то смерть его сильно озадачила стариковъ. Послѣ долгихъ споровъ и разсужденій съ сыномъ, Аполлономъ Николаевичемъ, рѣшено было написать сосѣднему землевладѣльцу Чернову съ просьбой рекомендовать кого-нибудь въ управляющіе. Черновъ, считался хорошимъ хозяиномъ и прислалъ въ Москву старика.

„Смѣло могу его вамъ рекомендовать, — писалъ Черновъ, — какъ опытнаго человѣка, такъ какъ онъ долго служилъ у князя Липецкаго. Насчетъ честности, конечно, въ чужую душу не влѣзешь, а посему ручаться не могу“.

Вновь прибывшій былъ тоже толстый старикъ, но не бритый, а съ длинной сѣдой бородой; носъ у него былъ не сизый, а глаза маленькіе, премаленькіе, заплывшіе жиромъ и прехитрые. Его сразу посадили, такъ какъ онъ былъ не крѣпостной и притомъ все жаловался на ревматизмъ, потирая рукой лѣвую ногу. Жалованье ему назначили пятьдесятъ рублей, такъ какъ онъ хотѣлъ жить на свои деньги, а не на краденыя, какъ покойникъ. Вооруженный довѣренностью, онъ поѣхалъ въ Дубовку. Первымъ дѣломъ его было прогнать конторщика и на его мѣсто водворить свою сноху, бездѣтную вдову старшаго сына. Петръ Трифоновичъ—такъ звали новаго управляющаго—былъ тоже вдовый. Первый годъ онъ далъ хорошій доходъ, а на второй написалъ, что хлѣбъ весь выбило градомъ.

Рѣшено было послать на провѣрку Аполлона Николаевича, пріѣхавшаго въ то время въ отпускъ въ подмосковную. Ѣхать ему въ „степь“ очень не хотѣлось, но дѣлать было нечего. Когда онъ подъѣхалъ къ Дубовкѣ, домъ былъ запертъ. Въ немъ такъ пахло затхлымъ, что и думать нечего было въ немъ жить. Остановился Аполлонъ Николаевичъ во флигелѣ Петра Трифоновича.

— Ужъ и горе, ваше превосходительство! Вспомню—жутко становится. Въ голубиное яйцо градъ былъ—просто ужасъ.

— Мнѣ ямщикъ, который меня везъ, говорилъ, что хлѣбъ еще можетъ подняться.

— Ну, какъ мужика вы изволите слушать, ваше превосходительство. Нѐчто мужикъ что̀ понимаетъ. Нѐчто въ градобойномъ хлѣбѣ зерно быть можетъ? Миночка!—сноху Петра Трифоновича звали Минодорой:—позови ямщика, что привезъ ихъ превосходительство!

Вскорѣ вошелъ мужикъ, опоясанный широкимъ пестрымъ поясомъ, перекрестился на образъ и сталъ.

— Ты что̀ это, Митрофанъ, наболталъ ихъ превосходительству, что послѣ града хлѣбъ встанетъ.

— По-нашему, встанетъ, Петръ Трифоновичъ.

— Ну, встанетъ, а зерно въ немъ будетъ?—нѣсколько повышеннымъ голосомъ спросилъ управляющій, вперивъ въ ямщика свои увеличившіеся отъ гнѣва глаза.

Ямщикъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Зерна-то, знамо, не будетъ. Я на шшотъ соломы, Петръ Трифоновичъ, говорилъ.

— А, да, насчетъ соломы! Солома-то будетъ, ваше превосходительство, да что̀ въ ней толку, коли зерно выбило?

Ржи отъ овса Аполлонъ Николаевичъ ни за что̀ бы не отличилъ и убѣжденъ былъ, что пшено дѣлается изъ пшеницы. Поэтому онъ свое дознаніе произвелъ только разспрашивая мѣстныхъ жителей; въ поле же самъ не ѣздилъ. Всѣ показали, что хлѣбъ хоть и поднимется и даже ужъ почти поднялся, но что зерна не будетъ. То же сказалъ и священникъ, привезшій просфору Аполлону Николаевичу, вынутую нарочито за его здравіе, хотя обѣдни съ пріѣзда его не было.

Кормили хозяина одной курицей. Мяса не было. Пирожки Миночка пекла прекрасные, но тутъ какъ-то они не удавались. Черезъ два дня Аполлонъ Николаевичъ уѣхалъ и принесъ извѣстіе родителямъ, что потребуется на сѣмена денегъ. Несчастіе приписали волѣ Божіей.

Во второй разъ Аполлонъ Николаевичъ былъ въ Дубовкѣ уже

послѣ смерти родителей. Тутъ онъ узналъ про своего управляющаго удивительныя вещи. Оказалось, что за нѣсколько лѣтъ своего управленія онъ успѣлъ пріобрѣсти хуторъ по сосѣдству на имя Миночки. Лошади на хуторѣ были всѣ Дубовскаго завода и притомъ изъ лучшихъ. Провизія для хуторскихъ рабочихъ ежедневно отправлялась изъ Дубовки. Узналъ онъ все это случайно отъ рабочаго, который былъ недоволенъ управляющимъ. По провѣркѣ это все оказалось правдой. Немедленно Петръ Трифоновичъ былъ разочтенъ, а взятъ на его мѣсто приказчикъ сосѣдняго имѣнія. Изъ военныхъ, георгіевскій кавалеръ, онъ былъ извѣстенъ за человѣка добросовѣстнаго и честнаго, хотя и не хватавшаго звѣздъ съ неба. Въ это время лѣто въ Дубовкѣ началъ проводить молодой студентъ Григорій Аполлоновичъ Новодубскій, полюбившій просторъ черноземныхъ полей.

Но Аполлонъ Григорьевичъ и на этотъ разъ пробылъ не больше недѣли. Его тянуло къ городской жизни. Въ „степи" онъ чувствовалъ себя какъ человѣкъ, очутившійся одинъ въ лодкѣ посреди океана. Мужики, да и деревенская полуинтеллигенція, вродѣ фельдшеровъ, конторщиковъ и другихъ, были для него не люди, а скорѣе необходимая обстановка. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ сходился съ своей женой, Натальей Владиміровной.

Аполлонъ Николаевичъ, происходя изъ стариннаго рода Новодубскихъ, сдѣлалъ блестящую карьеру. Ему везло съ самыхъ первыхъ шаговъ. На службу онъ поступилъ, по окончаніи курса привилегированнаго учебнаго заведенія, къ сановнику, бывшему близкимъ пріятелемъ его отца. Ловкій, неглупый, способный изрѣдка и дѣло сдѣлать, онъ поднимался необыкновенно быстро и въ одинъ прекрасный для него день попалъ на важное мѣсто, котораго, признаться, незадолго передъ тѣмъ и во снѣ не видалъ. Помогла ему необыкновенная популярность. Еще маленькимъ чиновникомъ, когда къ нему обращались, онъ былъ весь къ услугамъ просителя. Справку ли дать, поторопить ли дѣло— онъ дѣлалъ всегда все, что̀ могъ. Поэтому сановникъ, при которомъ онъ служилъ, со всѣхъ сторонъ только и слышалъ, что похвалы своему подчиненному.

— И что̀ за милый молодой человѣкъ служитъ у васъ!— говаривали ему, указывая на Аполлона Николаевича.

Открывалась ли какая вакансія,—опять онъ только и слышалъ:

— Неужели вы не назначите на это мѣсто столь достойнаго молодого человѣка?

Понятно, что повышенія, чины и ордена сыпались на него, какъ изъ рога изобилія. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ лю-

безнѣе относился ко всѣмъ. Когда къ нему обращались съ просьбами неисполнимыми, онъ все-таки дѣлалъ видъ, что не исполнялись онѣ по винѣ его начальства, и что будь всецѣло его воля, просьба была бы удовлетворена. Популярность его росла не по днямъ, а по часамъ. Наконецъ, онъ сталъ во главѣ вѣдомства. Его доступность не уменьшалась. Пріемныхъ часовъ у него не было: онъ всегда принималъ, когда былъ дома; и если бы къ нему проситель явился среди ночи, онъ и то, думается, принялъ бы его. Спасала его отъ этого обычная у просителей робость и врожденная имъ всѣмъ деликатность по отношенію къ начальству. Теперь ему уже нельзя было сваливать вину отказа на какое-либо начальство. Поэтому онъ предпочиталъ подводить подчиненныхъ. Какъ бы неисполнима просьба ни была, онъ никогда не отпускалъ ни одного просителя безъ частной открытой записки къ подчиненному, въ которой, поименовавъ всѣ достоинства просителя, онъ просилъ оказать ему возможное содѣйствіе.

Подчиненный просьбы исполнить не могъ и отказывалъ просителю.

— Ну, конечно,—говаривали,—Аполлонъ Николаевичъ бы сдѣлалъ, да вотъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, или Сидоръ Сидоровичъ, не захотѣлъ.

Разъ какой-то Сидоръ Сидоровичъ, прочитавъ рекомендацію начальства, запросилъ его оффиціально, разрѣшаетъ ли онъ въ этомъ случаѣ сдѣлать то или другое отступленіе отъ закона. Отвѣтъ получился такой (притомъ съ надписью: „конфиденціально“):

„Вполнѣ понимая ваше побужденіе испрашивать у меня особое разрѣшеніе удовлетворить (такую-то) просьбу, я, тѣмъ не менѣе, считаю долгомъ вамъ напомнить, что законъ долженъ храниться настолько свято, что и ходатайство ваше является неумѣстнымъ“.

Въ результатѣ проситель ругалъ Сидора Сидоровича на чемъ свѣтъ стоитъ и превозносилъ мягкосердечіе и доступность Аполлона Николаевича.

Гостиная его жены была одной изъ самыхъ привлекательныхъ въ Петербургѣ. Принадлежа къ старинному роду Пашиныхъ и получивъ самое изысканное воспитаніе, Наталья Владиміровна не держалась своего узкаго кружка. Вмѣстѣ съ дипломатами и людьми, легче всего изъясняющимися по-англійски, она принимала и тѣхъ, которыхъ въ душѣ называла выскочками, если эти послѣдніе, выскочивъ, могли имѣть или непосредственное вліяніе на службу мужа, или содѣйствовать его

популярности. Не чуждалась она и артистовъ, которыхъ оцѣнивала не по впечатлѣнію, которое производили на нее ихъ произведенія или исполненіе, но по той репутаціи, которую они съумѣли себѣ создать.

Мало того: Аполлонъ Николаевичъ и Наталья Владиміровна принимали и даже приглашали къ обѣду разныхъ мелкихъ людей, докторовъ, помѣщиковъ средней руки, архитекторовъ, знакомство съ которыми почему-либо считали для себя нужнымъ. Впрочемъ, чтобы ихъ же не стѣснять, такъ какъ они не говорили даже по-французски, приглашали ихъ отдѣльно по понедѣльникамъ.

— У насъ сегодня „Николашки",—говаривалъ Аполлонъ Николаевичъ своему близкому какому-нибудь пріятелю,—такъ приходите обѣдать завтра.

„Николашками" прозвали какъ-то разъ гостей понедѣльника, потому что между ними оказалось три Николая. Это такъ понравилось Новодубскимъ, что слово „Николашки" сдѣлалось для нихъ нарицательнымъ именемъ.

Дѣтей у Новодубскихъ было трое. Старшая дочь Елена Аполлоновна, затѣмъ сынъ Дмитрій, на два года моложе сестры, и еще сынъ Григорій, на два года моложе Дмитрія. Сначала мамки и бонны, позже гувернеры и гувернантки, тѣ русскія и нѣмки, эти французы и англичанки, ни на шагъ не отходили отъ дѣтей, пока Аполлонъ Николаевичъ занятъ былъ службой, а Наталья Владиміровна—выѣздами и пріемами. Жалованье платилось всѣмъ этимъ иностранцамъ хорошее, обращеніе съ ними тоже было хорошее; зато и требовалось многое. Въ три года Нелли премило присѣдала, а въ шесть—дѣти говорили на всѣхъ языкахъ, на которыхъ полагается говорить. Это не помѣшало Гри-Гри упасть съ дерева и расшибиться, а Диму—обвариться асфальтомъ, которымъ въ подмосковной заливали балконъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ гувернеровъ и боннъ прогнали и взяли другихъ.

Когда дѣти подросли, къ нимъ стали ходить учителя разныхъ наукъ. Сама Наталья Владиміровна въ преподаваніе не вмѣшивалась, такъ какъ всѣ эти учителя были люди опытные и испытанные. Брали ихъ по рекомендаціи самаго въ этихъ случаяхъ компетентнаго лица. За собой же она оставила контроль только въ тѣхъ познаніяхъ ихъ, которыя должны были сдѣлать изъ нихъ вѣрныхъ, по ея понятіямъ, сыновъ церкви и государства.

— Науки-то что̀,—ихъ всякій преподастъ. „Николашки"—и тѣ всѣ науки прошли, а вотъ сдѣлать изъ нихъ порядочныхъ лю-

дей — это можетъ только мать или отецъ. А такъ какъ отецъ уже и такъ хлопочетъ день и ночь изъ-за нихъ, то я обязана за этимъ слѣдить.

И она слѣдила. Такъ, на урокѣ исторіи она замѣтила, что учитель съ симпатіей выражался о римскихъ плебеяхъ и даже одобрялъ Лициніевы законы. Пока шелъ урокъ, у нея першило въ горлѣ, и она не сводила глазъ съ учителя, причемъ глаза ея говорили ему: „опомнись“. Но онъ не опомнился — и немедленно былъ уволенъ.

Отъ стараго графа Савельева, котораго она считала авторитетомъ въ дѣлахъ политики, она слышала, что о „всечеловѣчествѣ“ говорятъ теперь анархисты, что Данилевскій дѣлилъ человѣчество на какія-то категоріи, и что заботиться порядочному человѣку надо не о человѣчествѣ, а о категоріи. Поэтому вновь явившагося учителя исторіи она спросила, знакомъ ли онъ съ теоріей Данилевскаго и сочувствуетъ ли ей? Учитель подивился глубинѣ ея познаній, сказалъ, что съ Данилевскимъ знакомъ и ему сочувствуетъ, и немедленно былъ допущенъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Нелли, конечно, воспитывалась дома до семнадцати лѣтъ, когда мать впервые одѣла ее въ дэкольтэ и повезла на балъ. Переходъ изъ классной комнаты въ бальную залу давно составлялъ предметъ ея мечтаній. Успѣхъ былъ обезпеченъ: Нелли была хорошенькая. Впрочемъ, и воспитаніе ея продолжалось. Такъ, она не бросала уроковъ музыки и даже начала прохожденіе новыхъ наукъ: рисованія по фарфору, выжиганія по дереву и пѣнія по Конконе. Все это продолжалось года три, до самаго выхода ея замужъ за блестящаго кавалерійскаго офицера. Видъ у него былъ точно онъ сошелъ съ картины, висѣвшей со временъ Генриха IV. Линія, отдѣлявшая лобъ его отъ волосистой части головы, сильно извилистая, образовала тѣ семь угловъ, которые и доселѣ кое у кого считаются признакомъ породы. Борода клиномъ, прекрасные вверхъ зачесанные усы, имя полуфранцузское, полу-нѣмецкое (звали его графъ Линденъ-де-ла-Рошъ), стройная талія, красивый мундиръ венгерскаго покроя, хорошее состояніе, связи, все дѣлало его завиднымъ женихомъ. Нельзя обойти молчаніемъ его прически. Чтобы еще болѣе оттѣнить свои семь угловъ, онъ входящіе въ лобъ волосяные углы, причесывалъ отъ головы ко лбу, тѣмъ самымъ удлинняя ихъ, а наоборотъ, тѣ, которые образовывались лбомъ за счетъ волосяной части — ото лба къ головѣ.

Ни родители Нелли, ни сама она, ни на минуту не задумались,

когда графъ Линденъ сдѣлалъ предложеніе. Свадьба была блестящая, и въ тотъ же день молодые отправились показать итальянцамъ свое счастье, которое полагалось на первое время скрыть отъ русскихъ.

Выдавъ дочь замужъ, Новодубскіе рѣшили всей семьей съѣздить за границу, для чего Аполлонъ Николаевичъ взялъ продолжительный отпускъ подъ предлогомъ болѣзни.

Гри-Гри въ это время былъ въ частной гимназіи, а Дима—въ весьма привилегированномъ военномъ заведеніи. Оба они попали не туда, куда ихъ предназначалъ Аполлонъ Николаевичъ.

Онъ хотѣлъ отдать ихъ въ то самое учебное заведеніе, гдѣ воспитывался самъ, находя, что лучшей карьеры дѣтямъ, чѣмъ ту, которую самъ сдѣлалъ, и желать нечего. Наталья Владиміровна хотѣла того же, хотя относительно дальнѣйшей карьеры была несогласна съ мужемъ. Она мечтала о дипломатіи. Чиновникъ, какъ бы высоко онъ ни шелъ, по ея мнѣнію, все-же былъ чиновникъ, а дипломатъ—не чиновникъ. Чиновникъ знаетъ свое министерство, а дипломатъ имѣетъ дѣло съ лучшимъ, что̀ есть на свѣтѣ. Чиновникъ печется о Рязани, Иркутскѣ, Варшавѣ, въ крайнемъ случаѣ о Россіи — дипломатъ держитъ въ своихъ рукахъ одну изъ веревочекъ: лопни она — весь міръ загорится войной.

„Да, наконецъ, какъ можно сравнить другія службы съ дипломатической?—думала она.—Вѣдь дипломатъ вездѣ принятъ съ открытыми объятіями. А ну, какъ правда, Дима или Гри-Гри будетъ посломъ? Какъ ни какъ, надо, чтобы они были дипломатами. А для этого лучше всего отдать ихъ туда, гдѣ воспитывался Аполлонъ“.

Когда Дима, четырнадцати лѣтъ, долженъ былъ поступить въ учебное заведеніе, онъ категорически объявилъ, что никуда не поступитъ, кромѣ военнаго.—„Хоть и не отдавайте. Учиться не буду“! Мундиръ, парадъ, военная музыка—все это его привлекало до крайности. Родители пробовали сопротивляться, но напрасно.

— Почему, впрочемъ, и не отдать его въ военно-учебное заведеніе,—говорилъ Аполлонъ Николаевичъ своей женѣ.—Насиловать ребенка не слѣдуетъ,—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, военная карьера впослѣдствіи открываетъ двери всѣхъ министерствъ. Посмотри, сколько высокихъ мѣстъ занято военными. Больше тебѣ скажу: это пожалуй даже лучше!... Хотя бы въ дипломатіи,—а сколько дипломатовъ изъ военныхъ?!

И онъ перечислялъ по пальцамъ знакомыхъ, перешедшихъ

изъ военной службы на болѣе миролюбивыя должности, даже не снявши мундира. Результатомъ этого разговора было то, что Дима поступилъ, куда хотѣлъ. Подготовка его въ наукахъ оказалась, конечно, прекрасной, а упражненіями физическими, вродѣ гимнастики, фехтованія, верховой ѣзды, онъ занимался съ увлеченіемъ, и потому сразу оказался однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

Гри-Гри двумя годами позже тоже рѣшено было отдать въ учебное заведеніе, такъ какъ соревнованіе считалось необходимымъ условіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ, и притомъ родители его надѣялись, что въ обществѣ сверстниковъ онъ немного потеряетъ ту дикость, которую они въ немъ замѣчали. Учителемъ русскаго языка у него былъ извѣстный педагогъ, котораго очень полюбили Новодубскіе. Мечтой его было открыть гимназію, которая бы имѣла всѣ права казенныхъ заведеній, такъ какъ онъ понималъ, что только при этомъ условіи заведеніе можетъ процвѣтать. Для этого ему нужна была протекція, которую онъ и пріобрѣталъ, давая уроки въ такихъ домахъ, какъ у Новодубскихъ. Литературу онъ преподавалъ своеобразно, останавливаясь на хорошихъ сторонахъ жизни, скрывая дурныя. Этотъ пріемъ показывать жизнь не такъ, какъ она есть, а такъ, какъ она должна быть, очень нравился Новодубской.

— Теперь господа педагоги новѣйшей формаціи готовы и въ литературѣ, и въ исторіи, раскрыть передъ дѣтьми, да и передъ народомъ, въ скверныхъ книжкахъ, которыя ему преподносятся, всѣ язвы прошедшія и настоящія, убить всякіе идеалы, ничѣмъ ихъ не замѣнивъ.

— А ну, какъ ребенокъ подростетъ,—возражалъ ей ея пріятель Пироновъ,—и увидитъ, что его преднамѣренно надували,—какъ онъ будетъ вѣрить въ полученныя отъ васъ знанія?

— Ну, что̀ съ вами говорить! Вѣдь васъ не убѣдишь.

Доказывать свои положенія Наталья Владиміровна не любила, но на своемъ стояла всегда крѣпко.

Юлій Ѳедоровичъ Германъ, учитель, о которомъ идетъ рѣчь, такимъ образомъ пріобрѣлъ симпатіи ея и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, и наконецъ, благодаря этому, добился своего—гимназія съ правами была разрѣшена. Тутъ какъ разъ предстояло Гри-Гри отдавать въ учебное заведеніе. Юлій Ѳедоровичъ (онъ писалъ „Ѳеодоровичъ", чтобы показать, что, несмотря на имя и фамилію, онъ сдѣлался совсѣмъ русскимъ) намекнулъ какъ бы издалека Натальѣ Владиміровнѣ, что вотъ бы хорошо, кабы Гри-Гри помѣстили къ нему въ гимназію.

Вечеромъ у Новодубской былъ объ этомъ разговоръ съ мужемъ.

— Знаешь, что̀ мнѣ пришло въ голову, Аполлонъ? Не отдать ли намъ Гри-Гри къ Юлію Ѳедоровичу?

— Это почему? Вѣдь мы уже было-рѣшили этотъ вопросъ.

— Рѣшили-то рѣшили. Но вотъ что̀ мнѣ пришло въ голову. Юлій Ѳедоровичъ — человѣкъ прекрасный и дѣло, несомнѣнно, поведетъ хорошо. Затѣмъ онъ можетъ быть приходящимъ. И товарищи будутъ, и отъ дома не отобьется. Тогда какъ отдавать его въ пансіонеры ужъ очень бы мнѣ не хотѣлось.

— Положимъ такъ, но, во-первыхъ, изъ университета онъ выйдетъ только десятымъ классомъ; во-вторыхъ, всѣ эти исторіи тамъ... какъ бы мальчикъ не свихнулся; въ-третьихъ, общество у Юлія Ѳедоровича все-же хуже будетъ, чѣмъ...

— Ну, насчетъ общества-то я спокойна. У Юлія Ѳедоровича дряни не будетъ; что касается класса, то, конечно... но вѣдь коль повезетъ по службѣ, такъ и на всѣ классы не посмотрятъ, а не повезетъ...

— Такъ-то такъ, а все-же надо пообдумать.

Пообдумали и отдали Гри-Гри къ Юлію Ѳедоровичу.

Когда Новодубскіе задумали ѣхать со своей семьей за границу, Димѣ было восемнадцать лѣтъ—онъ скоро кончалъ курсъ,—а Гри-Гри шестнадцать—онъ только-что сдалъ экзаменъ въ шестой классъ.

III.

Въ Парижѣ жилъ братъ Натальи Владиміровны—Леонидъ Владиміровичъ Пашинъ. На десять лѣтъ старше сестры, онъ началъ службу въ одномъ изъ южныхъ драгунскихъ полковъ. Въ полку былъ обычай крещенія молодого офицера, заключавшійся въ томъ, что онъ долженъ былъ выпить залпомъ громадный сосудъ мѣстнаго вина. Пашинъ, при поступленіи въ полкъ, отличился, выпилъ сосудъ, не моргнувъ, и не только не захмелѣлъ, какъ другіе, но предложилъ тутъ же повторить испытаніе, что̀ и исполнилъ при громкихъ одобреніяхъ товарищей. Съ тѣхъ поръ въ полку за нимъ установилась репутація молодца. Добрый товарищъ, лихой кавалеристъ, онъ бы скоро пошелъ въ гору. Къ сожалѣнію, темная исторія любви, гдѣ онъ сдѣлался причиной гибели полюбившей его дѣвушки,—исторія, за которой послѣдовали дуэль и смерть его противника,—заставили его выйти изъ полка. Неспособный ни къ какой другой службѣ, богатый, красивый, онъ рѣшилъ поселиться въ Парижѣ, гдѣ довольно

долго гремѣла слава о его похожденіяхъ. Счастливый въ любви, счастливый въ игрѣ, онъ съумѣлъ не разориться и до старости продолжалъ пользоваться тѣмъ, что̀ называлъ жизнью. Красивый шестидесятилѣтній холостякъ сохранилъ свое здоровье и считался душой всякой веселой компаніи. Не было лучшаго путеводителя по веселящемуся Парижу для заѣзжихъ русскихъ. Старыя исторіи его частью были забыты, частью прощены ему. Новодубскіе его любили и ставили дѣтямъ въ примѣръ порядочности, хотя карьеры онъ и не сдѣлалъ,—прибавляли они. Старикъ, засыпавшій обыкновенно, когда работающій Парижъ просыпался, на другой день послѣ пріѣзда Новодубскихъ сидѣлъ у себя въ халатѣ и за стаканомъ кофе читалъ „Gil Blas", единственную газету, которая ему нравилась и въ которой онъ нерѣдко встрѣчалъ и свое имя.

Въ передней послышался шумъ и протесты прислуги.

— Mais toujours faut-il que j'annonce monsieur à monsieur!

Несмотря на протесты прислуги, къ Пашину вошелъ Новодубскій.

— Ба?.. Аполлонъ? Какими судьбами?

— Да вотъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ съ женой и дѣтьми.

— Какъ? и Nathalie здѣсь? Что̀ жъ вы меня не предупредили? Я бы встрѣтилъ васъ.

— А мы хотѣли тебѣ сюрпризъ сдѣлать. Ну, одѣвайся, поѣдемъ.

Племянники очень понравились дядѣ, въ особенности Дима. Гри-Гри показался ему мрачнымъ.

— Богъ знаетъ, куда вы его отдали. Чего дѣтей латынью пичкать? Ты, братъ, небось, какъ институтка, шампанскаго отъ сельтерской воды не отличишь?

— А я съ завязанными глазами желтый кюрасо̀ отъ зеленаго отличу,—похвалился Дима.

— Ну, это, братъ, ты, положимъ, врешь. Увидимъ, увидимъ. Я ему буду Парижъ показывать.

— Ты покажешь?!—возразила Наталья Владиміровна.

— А что̀ онъ маленькій, что-ль? Небось скоро офицеромъ будетъ. Обѣдаю я сегодня съ вами, а вечеромъ его увезу. Впрочемъ, нѣтъ... сегодня я не могу. А завтра утромъ приходи ко мнѣ такъ... въ часъ. Слышишь?

На другой день въ одномъ изъ лучшихъ кафѐ на boulevard des Italiens завтракалъ дядя съ племянникомъ. За сосѣднимъ столомъ сидѣло нѣсколько французовъ.

— C'est étonnant ce qu'il absorbe, cet homme. On dirait une

éponge à alcohol, — говорилъ одинъ изъ нихъ, поглядывая на Пашина.—On vient ici exprès pour voir.

Передъ завтракомъ Пашинъ спросилъ „vodka russe" и „caviar russe".

И водка, и икра, были здѣсь порядочныя, почему Пашинъ сюда и любилъ приходить. Водки онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ. Дима не отставалъ. Французы смотрѣли. За водкой слѣдовала бутылка рейнвейну, за рейнвейномъ—бутылка Nuits, за Nuits—шампанское. Дима не отставалъ, но сталъ разговорчивѣе. Французы смотрѣли и перешептывались.

— Regardez donc, regardez le petit russe! Sont-ils-drôles!

Когда Дима сталъ пить еще и коньякъ, изумленіе французовъ достигло предѣловъ.

— Sont-ils-tous comme ça la-bas?

— Ну, ты, братъ, молодецъ!—похвалилъ его дядя.—Хорошій офицеръ будешь. А все-таки ты захмелѣлъ, и домой показываться тебѣ такъ нельзя. Намъ съ тобой попадетъ отъ мамà. Ты поѣзжай ко мнѣ, выспись, а вечеромъ отправимся куда-нибудь. Черезъ десять лѣтъ ты меня перепьешь.

Вечеромъ они были въ одномъ изъ самыхъ модныхъ парижскихъ кафе-шантановъ; ночевалъ Дима ни у родителей, ни у дяди, — словомъ, вернулся домой на третій день. Родители его были извѣщены Леонидомъ Владиміровичемъ, что имъ безпокоиться нечего, но были недовольны.

Дима вернулся съ дядей. Наталья Владиміровна набросилась на брата.

— Ты съ ума сошелъ возить мальчика по всѣмъ вертепамъ?

— Nathalie, ты не горячись. Мальчикъ твой скоро будетъ офицеромъ, а потомъ, чтò ты думаешь? Въ Петербургѣ онъ развѣ все за книжками сидѣлъ? Вѣдь онъ не въ институтѣ воспитывается.

— Ну, чтò ты ни говори, а съ этой минуты я запрещаю ему бѣгать по ресторанамъ. Слышишь, Дима?

Дима слышалъ и радовался, что дѣло обходится сравнительно благополучно. Отецъ его, вошедшій къ комнату, даже, какъ будто, сталъ на ихъ сторону.

— Въ рестораны-то ходить можно, да не по три дня пропадать!

— Вѣдь я же васъ предупредилъ,—сказалъ Пашинъ,—чтобъ не безпокоиться!

— Мало ли чтò предупредилъ. Вѣдь ты матерью не былъ.

Наталья Владиміровна поморгала и высморкалась.

Дима слезъ не любилъ, и потому бросился цѣловать мать. Миръ немедленно былъ заключенъ. Когда Пашинъ и Новодубскій ушли, она сочла нужнымъ вернуться къ этой темѣ.

— Ты, Дима, молодъ и не знаешь, какія послѣдствія могутъ имѣть эти кутежи. Можно разстроить и здоровье, и состояніе. Да, наконецъ, тебѣ рано кутить съ... такими женщинами.

— А какъ же, мамà, дядя говоритъ, что съ шестнадцати лѣтъ началъ кутить, и вотъ ему скоро шестьдесятъ, а онъ не разстроилъ ни здоровья, ни состоянія.

— Дядя, да. Твой дядюшка много глупостей надѣлалъ въ своей жизни. Это—исключеніе. Да, наконецъ, ты забываешь, что это—грѣхъ.

— Да... грѣхъ! Но вѣдь тогда нельзя и въ порядочномъ полку быть. Вѣдь всѣ кутятъ. Если жить медвѣдемъ, то и въ порядочное общество не попадешь.

— Дима, ты не спорь съ матерью. Я лучше тебя знаю, какъ надо жить въ порядочномъ обществѣ.

— Я, мамочка, знаю, какъ мои товарищи живутъ. Тогда мнѣ лучше выйти изъ корпуса и поступить въ семинарію.

Однимъ словомъ, попытка Натальи Владиміровны убѣдить сына, что можно жить въ порядочномъ обществѣ безъ грѣха—не удалась.

Когда впечатлѣніе перваго Димина кутежа изгладилось, онъ снова попалъ въ кафе-шантанъ съ своимъ дядей. Проходя по одной залѣ, гдѣ много народу сидѣло за маленькими столиками и гдѣ игралъ оркестръ, одѣтый въ фантастическіе костюмы, дядя вдругъ взялъ его подъ руку и повелъ въ другую сторону.

— Посмотри, братъ, чтò я тебѣ покажу. А? Хороша?

Пашинъ показывалъ на какую-то женщину. Ничего въ ней хорошаго не было. Дима пожалъ плечами и пошелъ назадъ. Дядя опять его догналъ, взялъ подъ руку.

— Нѣтъ, теперь посмотри, чтò за красавица. Это—одно изъ свѣтилъ полусвѣта.

Свѣтило тоже Димѣ не понравилось, и онъ опять повернулъ въ залу, гдѣ былъ оркестръ. Леонидъ Владиміровичъ не отставалъ.

— Ну, чего ты тутъ ищешь? Здѣсь и воздухъ скверный. Пойдемъ въ тѣ залы. Сейчасъ la Goulue будетъ танцовать.

Дима понялъ, что дядя отъ него что-то скрываетъ, и пошелъ, куда онъ хотѣлъ, но вдругъ остановился пораженный. Спиной къ нему, за однимъ изъ столиковъ, сидѣлъ его отецъ. Кромѣ него, сидѣло еще два тоже немолодыхъ господина и нѣсколько женщинъ,

костюмъ и громкій смѣхъ которыхъ не оставляли сомнѣнія насчетъ ихъ общественнаго положенія. Дима остановился изумленный.

„Какъ?.. и папа̀!—подумалъ онъ.—Вотъ тебѣ разъ!“...

И вмѣсто того, чтобы уйти и не показывать виду, что онъ раскрылъ секретъ своего отца, онъ, наоборотъ, прошелся такъ, чтобы отецъ замѣтилъ его. Прямо на него посмотрѣть онъ боялся. Ему стыдно было открыто уличить отца, а вселить въ него сомнѣніе ему не хотѣлось. Аполлонъ Николаевичъ, какъ увидалъ его, уронилъ салфетку и нагнулся ее поднимать, раскашлялся, всталъ и быстро пошелъ въ другую комнату, какъ будто что̀ забылъ и вдругъ вспомнилъ. Сердце у него забилось, какъ у ученика, попавшагося въ крупной шалости. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заглянулъ изъ двери сосѣдней комнаты. Сына въ залѣ не было; онъ подошелъ къ своей компаніи, сказалъ, что съ нимъ сдѣлалось дурно, простился и уѣхалъ.

„Видѣлъ онъ меня, или не видалъ?—думалъ онъ, садясь въ фіакръ. — Конечно, видѣлъ... Иначе зачѣмъ бы ему медленно проходить передъ моимъ носомъ. Что̀ же будетъ? Вѣдь теперь мнѣ слова нельзя будетъ сказать ему. И дернуло меня сѣсть въ общемъ залѣ, когда я зналъ, что онъ связался съ этимъ старымъ шелопаемъ Леонидомъ!.. А можетъ быть не видалъ?.. Завтра узнаю“.

На другой день утромъ, когда его родители пили кофе, Дима вошелъ чрезвычайно развязно, поздоровался съ ними.

— Какъ ты почивалъ, папочка? Вѣдь ты, кажется, вчера собирался въ шахматы играть въ café de la Régence? Что̀, выигралъ или проигралъ?

— Одну партію выигралъ, другую проигралъ... „Навѣрное видѣлъ“,—подумалъ онъ.

— Что̀ тамъ хорошо, весело? Мнѣ очень бы хотѣлось познакомиться съ этимъ кафе̂ и посмотрѣть на знаменитыхъ игроковъ.

— Да, хорошо, народу много... „Ну, конечно, видѣлъ“.

— Ты, пожалуйста, не забудь, возьми меня съ собой въ слѣдующій разъ. Вѣдь туда мнѣ можно?

— Конечно, можно. Ну, что̀ жъ поѣдемъ... „Еще дразнитъ!“...

Въ Парижѣ Новодубскіе пробыли около четырехъ мѣсяцевъ (этого требовало леченіе Аполлона Николаевича). Дима не разставался съ дядей. Когда ему нужны были деньги,—а тратилъ онъ ихъ много, — онъ прямо обращался къ отцу, причемъ не стѣснялся говорить ему, для чего онѣ нужны.

— Я свое поле сраженія перенесъ изъ „Jardin de Paris“ въ „Moulin Rouge“: тамъ появилась новая звѣзда: семнадцати лѣтъ, свѣженькая, просто восторгъ.

Отецъ молча давалъ деньги. Разъ онъ попробовалъ его вразумить.

— Ты, Дима, помни, что намъ скоро придется имѣнье закладывать. Капиталъ весь ушелъ на приданое твоей сестры. Какъ бы не пришлось намъ плохо. И такъ перевода, сдѣланнаго мною на Парижъ, не хватитъ.

— Можно, папà, еще выписать денегъ. Разъ въ жизни я въ Парижъ попалъ, и не сидѣть же мнѣ въ затворѣ въ мои годы. Успѣю, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ (Аполлону Николаевичу было какъ разъ пятьдесятъ лѣтъ). Сюда всѣ пріѣзжаютъ повеселиться, а не дома сидѣть. Коли вѣкъ дома торчать, то лучше бы было въ Петербургѣ оставаться.

И Аполлонъ Николаевичъ выдалъ потребованную сумму.

Наталья Владиміровна много выѣзжала, преимущественно, конечно, въ дипломатическій кружокъ. Активной политикой она не занималась. Симпатіи ея были бы на сторонѣ монархическаго меньшинства, но она эти симпатіи подчиняла патріотическому желанію содѣйствовать, насколько возможно, укрѣпленію добрыхъ отношеній между Франціей и Россіей. Она считала, что обязанность grand'dame russe,— идти въ ногу съ нашей дипломатіей. Поэтому ее можно было встрѣтить и въ Faubourg Saint-Germain, и въ демократическихъ салонахъ разныхъ политическихъ дѣятелей, которыхъ она въ душѣ не могла не считать за parvenus.

Французы къ ней относились съ большимъ почтеніемъ. Знаніе многихъ сторонъ закулисной политической жизни, умѣнье найти со всякимъ подходящій и интересный предметъ разговора и необыкновенный талантъ сказать всякому что-нибудь пріятное, подкупали въ ея пользу.

У нея былъ сотрудникъ „Figaro“, и ея разговоръ, въ которомъ она ухитрилась не сказать ничего существеннаго, былъ приведенъ на двухъ столбцахъ и показывалъ французамъ, какъ они съумѣли пріобрѣсти симпатіи всего выдающагося въ Россіи. Другая статья въ „Figaro“ появилась при ея отъѣздѣ, причемъ выражалось сожалѣніе, что закрываются двери этого гостепріимнаго политическаго салона, много содѣйствовавшаго ознакомленію французовъ съ русскимъ высшимъ обществомъ.

Какъ о Димѣ, такъ и о Гри-Гри въ ихъ учебныя заведенія были посланы свидѣтельства о болѣзни, препятствовавшей имъ

вернуться въ срокъ въ классы. Учились они оба прекрасно, и вреда имъ отъ этого не было.

Хотя Дима въ Парижѣ былъ произведенъ въ молодые люди, но Гри-Гри былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы ему могла быть дана такая же свобода, какъ ему. Къ нему былъ приставленъ не то гувернеръ, не то компаньонъ изъ промотавшихся аристократовъ. Онъ долженъ былъ познакомить Гри-Гри съ Парижемъ, но не такъ, какъ знакомилъ съ нимъ Диму Леонидъ Владиміровичъ. Онъ его водилъ по Лувру, нѣсколько разъ былъ съ нимъ въ „Comédie Française".

Дима хвалился передъ братомъ своими подвигами.

— Ну, что̀, классикъ, былъ въ музеѣ? А я былъ съ дядей въ „Moulin Rouge". Оттуда мы отправились въ ......

И Дима шепталъ на ухо Гри-Гри, куда, съ кѣмъ и зачѣмъ они отправились.

— Ты бы своего стараго чорта повелъ вмѣсто „Comédie Française", въ „Moulin Rouge". Я бы тебѣ все показалъ и познакомилъ бы съ Камиллой.

— Да какъ же я ему скажу?

— Погоди, я попробую.

Monsieur de Villeneuve—такъ звали нашего француза—большею частью сидѣлъ въ своей комнатѣ и выпиливалъ изъ дерева разныя коробочки, рамочки, подставочки, или читалъ романы Марселя Прево, въ которыхъ останавливался на сценахъ болѣе другихъ неприличныхъ.

— Oui, oui, c'est bien ça. En voila un qui s'y connait,—говаривалъ онъ, и глаза его при этомъ дѣлались масляные и немного косили.

Дима къ нему вошелъ.

— Monsieur de Villeneuve, не хотите ли сегодня идти со мной въ „Moulin Rouge", вмѣсто вашей „Французской Комедіи"?

— А Гри-Гри? Вѣдь я изъ-за него хожу туда.

— И Гри-Гри съ нами пойдетъ. Вѣдь онъ не маленькій.

— Тише, тише. Вы ужъ большой мальчикъ, вы можете веселиться, какъ-хотите, а Гри-Гри—еще дитя.

— Я въ его года уже всюду бывалъ... потихоньку. Неужели вы такой строгій? Небось и вамъ хочется повеселиться?

— А ваша мать? Ну, какъ она узнаетъ?

— Она не узнаетъ. Вѣдь она вечеромъ къ Гри-Гри не заходитъ. Вернется она сегодня поздно изъ австрійскаго посольства. А завтра, если Гри-Гри проспитъ, онъ скажетъ, что голова болитъ. Вотъ и все.

— Такъ-то это такъ, а отецъ вашъ? Онъ можетъ узнать нечаянно.

Дима свистнулъ.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Если онъ поймаетъ, скажите мнѣ: я все улажу. Его бояться нечего. Ѣдемъ, ѣдемъ.

Вечеромъ Новодубскіе были въ австрійскомъ посольствѣ, а m-r de Villeneuve съ Гри-Гри и Димой—въ „Moulin Rouge".

Пашинъ въ этотъ вечеръ Диму не сопровождалъ: мальчикъ могъ уже выѣзжать одинъ, а старикъ игралъ въ écarté въ какомъ-то клубѣ.

— Tiens! m-r de Villeneuve, qui fait débuter son élève!—говорили его знакомые, встрѣчая его съ мальчиками.

— Regardez donc ce moutard, qui commence à rigoller!—говорили посѣтительницы заведенія.

Гри-Гри, видя, что его появленіе обратило на себя вниманіе, конфузился и немилосердно дергалъ верхнюю губу, чтобы думали, что у него уже ростутъ усы.

Когда пѣли шансонетки, французъ хохоталъ какъ сумасшедшій и подтягивалъ дряблымъ теноромъ; Гри-Гри двусмысленностей не понялъ, и больше думалъ о томъ, какъ ему держаться, чѣмъ о представленіи; Дима тоже многаго не понималъ, но смѣялся каждый разъ, какъ смѣялись другіе. Кончился ужинъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ Дима угощалъ и разыгрывалъ роль хозяина. M-r de Villeneuve говорилъ, по мѣрѣ того, какъ хмелѣлъ, все больше и больше гадостей, а Гри-Гри дѣлалъ большія усилія, чтобъ его сосѣдка считала его за взрослаго человѣка. Къ утру они вернулись, причемъ Дима ложился всего часа на два, а утромъ объяснилъ родителямъ, что у Гри-Гри разболѣлась голова, и что m-r de Villeneuve долженъ былъ поѣхать къ заболѣвшей родственницѣ. Новодубскіе въ это время были очень заняты. Аполлонъ Николаевичъ хлопоталъ насчетъ отъѣзда и получалъ деньги, высланныя ему по телеграфу, для дальнѣйшаго путешествія, а Наталья Владиміровна дѣлала прощальные визиты. Объясненія Димы они выслушали. Наталья Владиміровна хотѣла-было зайти къ своему бѣдному Гри-Гри, но Дима ее остановилъ, сказавъ, что онъ заснулъ, и что жару у него нѣтъ, а головная боль—нервная.

Впечатлѣніе, произведенное на Гри-Гри его первымъ кутежомъ, было таково, что онъ и самъ разобраться не могъ въ своихъ чувствахъ. Съ одной стороны, онъ былъ доволенъ, что уже онъ не маленькій, что все понимаетъ; съ другой—наглыя, раскрашенныя лица женщинъ, съ которыми онъ провелъ время,

возбудили въ немъ почти-что отвращеніе. Противенъ ему былъ и старый гувернеръ его съ пьяными, масляными глазами и циничнымъ обращеніемъ съ женщинами, хотя бы и раскрашенными. Брата онъ почему-то сталъ стыдиться, и на вопросъ его на слѣдующій день: „Ну, что̀, Гри-Гри, хорошо? А? Скажи мнѣ спасибо!" —отвѣтилъ:

— Ахъ, Дима, не поминай больше мнѣ всего этого!

— Что? Какъ? Не поминать? Иль ты недоволенъ?

— Нѣтъ... не то, чтобы недоволенъ... А эти женщины, да и твоя Камилла, вѣдь онѣ любить неспособны.

— Что̀ ты врешь такое? Какъ неспособны? Я вижу, что рано тебѣ было ѣздить кутить. Съѣздилъ бы лишній разъ въ музей какой-нибудь. Я въ твои года̀ не былъ такимъ дуракомъ.

Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ Гри-Гри при встрѣчахъ съ женщинами сталъ на нихъ обращать больше вниманія и даже влюблялся въ нѣкоторыхъ, хотя такъ же скоро и остывалъ къ нимъ. Только раскрашенныхъ онъ видѣть не могъ.

IV.

Изъ Парижа Новодубскіе проѣхались по Италіи и черезъ Вѣну вернулись въ Петербургъ—каждый къ своимъ занятіямъ.

Вскорѣ пришлось „степь"—заложить. Текущіе расходы все росли. Аполлонъ Николаевичъ получилъ то значительное повышеніе по службѣ, о которомъ уже было говорено. Новое положеніе вызвало новые расходы. Дима вскорѣ вышелъ въ офицеры въ одинъ изъ самыхъ дорогихъ кавалерійскихъ полковъ и, не стѣсняясь, дѣлалъ долги, которые отцу его приходилось платить, по возможности скрывая это отъ Натальи Владиміровны.

Для лѣта они нашли нужнымъ купить маленькое имѣніе въ Финляндіи. Маленькое оно было по количеству земли, но не по стоимости. Чудный видъ и прекрасный домъ со всевозможными службами и роскошнымъ садомъ такъ прельстили Новодубскихъ, что они заплатили несообразно высокую сумму, которую запросили прежніе владѣльцы Кіоскерлё. Подъ „степь" для этой цѣли была взята дополнительная ссуда.

Гри-Гри тѣмъ временемъ перешелъ изъ гимназіи Германа на юридическій факультетъ университета. Первая его поѣздка въ Дубовку его очаровала. Онъ сразу полюбилъ просторъ черноземныхъ полей, простоту отношеній и нашелъ интересъ въ занятіяхъ хозяйствомъ.

На первомъ же курсѣ передъ святками онъ сталъ проситься у родителей въ Дубовку.

— Да ты, Гри-Гри, съ ума сошелъ уѣзжать отъ самаго веселаго времени?—говорила ему мать.—Чтò ты тамъ нашелъ?

— Хотя бы то, что мнѣ можно будетъ тамъ дышать свѣжимъ воздухомъ, а не удушливымъ воздухомъ петербургскихъ гостиныхъ.

— Тебѣ бы слѣдовало людей повидать. Ты какой-то дикій у меня. Посмотри на Диму,—какой молодецъ! А ты, какъ съ кѣмъ заговоришь, начинаешь губы кусать.

— Чтò же дѣлать, коли я чувствую себя чужимъ въ обществѣ? А изъ деревни бы и не выѣхалъ.

— Вѣдь тамъ теперь, небось, такой снѣгъ, что и выйти нельзя. Я слышала, что зимой снѣгъ до крышъ доходитъ, и что домà, буквально, откапываютъ.

— Да, но зато ни визитовъ глупыхъ нѣтъ, ни этой натянутости, которой я не выношу.

— Ступай, коли хочешь. Я ничего сдѣлать не могу. Сиди себѣ тамъ въ халатѣ цѣлый день, да ѣзди по снѣгамъ, чѣмъ жить въ своемъ кругу. Воля твоя; ты ужъ не маленькій.

Отецъ Гри-Гри тоже изумлялся.

— И откуда у тебя эти отшельническіе вкусы?—говорилъ онъ.—Я никогда въ деревнѣ не могъ больше недѣли высидѣть.

И Гри-Гри уѣзжалъ. Лѣто онъ тѣмъ болѣе безвыѣздно проводилъ въ Дубовкѣ. Ѣздилъ верхомъ по полямъ, и все болѣе и болѣе втягивался въ хозяйство. Какъ только онъ получилъ кандидатскій дипломъ, онъ въ тотъ же день сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ въ деревню. Осенью онъ сталъ получать письма отъ отца съ требованіемъ денегъ. Въ земельномъ банкѣ было взято уже все, чтò можно было взять; хлѣбъ еще не весь былъ обмолоченъ, да и продавать его было немыслимо по существовавшимъ низкимъ цѣнамъ. Онъ такъ и отвѣтилъ.

Частнымъ образомъ его увѣдомляли, что деньги нужны для уплаты долговъ Димы, да и самого Аполлона Николаевича. Вскорѣ онъ получилъ отъ отца длинную телеграмму съ настоятельнымъ требованіемъ денегъ. Въ телеграммѣ было сказано, что если денегъ не будетъ еще недѣлю, то всей семьѣ грозитъ скандалъ. Требуемую сумму Гри-Гри досталъ: запродалъ хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, продалъ ставку лошадей не вò-время; однимъ словомъ, долгъ былъ уплаченъ и скандалъ избѣгнутъ.

Вслѣдъ за посылкой денегъ Гри-Гри надѣялся уговорить отца и брата поменьше тратить, и для этого пріѣхалъ въ Петербургъ.

— А, Гри-Гри! Какъ ты долго тамъ засидѣлся нынѣшній годъ!—встрѣтилъ его отецъ—Ну, теперь прощай, Дубовка! Пора и о дѣлѣ подумать.

— О какомъ дѣлѣ?

— Да о службѣ. Вѣдь ты, небось, затѣмъ и пріѣхалъ. Развѣ это не дѣло? Я не понимаю твоего вопроса.

— Да откуда вы взяли, папочка, что я служить хочу?

— Какъ откуда я взялъ? Нѣчто ты хочешь еще долго баклуши бить? Въ этомъ дѣлѣ времени терять нечего.

— Это было бы все такъ, если бы я хотѣлъ когда-нибудь служить. Но у меня даже и въ головѣ этого нѣтъ. Я пріѣхалъ къ вамъ на нѣсколько дней, переговорить о дѣлахъ, а о службѣ у меня и помысла нѣтъ. Какъ я съ вами переговорю, сейчасъ же вернусь въ Дубовку. А вы мнѣ про службу говорите, да еще торопите.

— Какъ? ты такъ недорослемъ изъ дворянъ и останешься?

Гри-Гри улыбнулся.

— Положимъ, Митрофанушка не былъ кандидатомъ правъ.

— Ну, да... конечно... ты кандидатъ правъ. Да не вѣкъ же тебѣ оставаться кандидатомъ правъ; пора подумать и о томъ, чтобы и добиться тѣхъ правъ, а не довольствоваться кандидатурой.

— Bon mot вашъ не дуренъ, папочка, но никакихъ правъ служебныхъ добиваться я не намѣренъ.

— Видишь, братъ. Я давно вижу, что ты у меня вышелъ какой-то чудакъ, но такой ерунды и отъ тебя не ожидалъ. Вѣдь нельзя же вѣкъ безъ дѣла сидѣть.

— Развѣ дѣло дѣлаютъ только на службѣ? А имѣньемъ управлять—не дѣло? Вѣдь сдѣлалъ же я, по-вашему, дѣло, когда выслалъ вамъ денегъ на дняхъ?

— Ну, конечно, дѣло, но вѣдь и управляющій бы это сдѣлалъ. Мы называли дѣломъ, когда человѣкъ служитъ, чтобы имѣть положеніе.

— Я думаю объ этомъ иначе. Положеніе, о которомъ вы говорите, достается немногимъ, а большинство двадцать лѣтъ коптятъ своими папиросами канцелярскіе потолки, чтобы въ пятьдесятъ лѣтъ, потерявъ здоровье, дослужиться до генеральскаго чина и четырехтысячнаго жалованья. Да и положеніе-то, о которомъ вы говорите, достается слишкомъ дорого. По-моему, туда гнать должна только горькая неволя, когда человѣку ѣсть нечего, а добровольно лѣзть въ канцелярію—воля ваша, этого я не понимаю.

— Если ты считаешь себя такимъ богачомъ, что не нужно ни жалованья, ни службы, ни карьеры, тогда я ничего не имѣю сказать, хотя мнѣ лично было бы совѣстно коптить небо; по-моему, лучше ужъ коптить канцелярскіе потолки.

— Я, папочка, твердо рѣшился не служить, даже если мы разоримся, что̀ начинаетъ дѣлаться не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ Объ этомъ-то я и пріѣхалъ съ вами поговорить. Еще два кровопусканія, какъ послѣднее,—и Дубовка улетитъ. Вы это знаете?

— Ну, ужъ и улетитъ?! Да... конечно, надо поменьше тратить. Да вѣдь, ты знаешь, Дима съумѣлъ составить себѣ такое блестящее положеніе, что деньги поневолѣ летятъ.

— Я никого не виню, и винить не хочу, и не имѣю на то права; дѣло ваше. Я только хотѣлъ васъ предупредить. А средства къ жизни я найду для себя безъ службы, даже если мы разоримся.

Вечеромъ ему о томъ же пришлось вести разговоръ съ матерью.

— Что̀ это мнѣ твой отецъ говоритъ, будто ты служить не хочешь?

— Это правда, мамочка. Служить я не хочу.

— Ты въ умѣ или нѣтъ? Если бы ты еще обладалъ какими-нибудь талантами особенными, ну, тогда я бы поняла. Писатель, художникъ дѣлаютъ себѣ положеніе талантомъ и безъ службы, а ты чѣмъ хочешь быть?

— Какъ чѣмъ? Тѣмъ, что̀ есть. Буду теперь жить въ деревнѣ, заниматься хозяйствомъ,—конечно, если на то будутъ средства,—а дальше что̀ Богъ дастъ.

— Ты бы хоть насъ пожалѣлъ. Что̀ скажутъ про насъ, что мы такого недоросля воспитали?

— Какъ? ты тоже?

— Что̀ тоже?

— Называешь меня недорослемъ. Папа̀ уже мнѣ сдѣлалъ этотъ комплиментъ. Только, пожалуйста, прибавляй каждый разъ: мой сынъ недоросль—кандидатъ правъ.

— Ты все пустяки говоришь. Ты знаешь, что̀ я хочу сказать. Только помни, что̀ я тебѣ говорю. При твоемъ положеніи и въ твои года̀ запираться въ деревнѣ — безуміе. Понимаешь? — безуміе. Ты сопьешься, и выйдетъ изъ тебя Обломовъ. Помни мои слова.

— Къ вину у меня, кажется, наклонности нѣтъ.

— Будетъ, если нѣтъ. Сердца у тебя нѣтъ—вотъ что̀ я

тебѣ скажу. Отецъ и мать просятъ послужить, а ты и вниманья не обращаешь на ихъ слова.

— Мамочка... дорогая... да не сердись же! Вѣдь надо же хозяйствомъ заняться. Послѣдній разъ я съ трудомъ деньги досталъ. Это поважнѣе службы.

— Пожалуйста, ты этими деньгами не попрекай. Онѣ не твои еще. Ты брата уколоть хочешь. Такъ ты ногтя его не стоишь. Онъ родителей еще слушается и, съ помощью Божіей, далеко пойдетъ.

— Ты меня хочешь оскорблять, такъ я замолчу. Я про брата не говорилъ, а говорилъ, что Дубовку скоро съ молотка продавать придется. Впрочемъ, какъ хотите!

Черезъ три дня Новодубскіе волей-неволей должны были признать себя побѣжденными. Гри-Гри на службу поступать рѣшительно отказался. Аполлонъ Николаевичъ не могъ не сознавать, что Гри-Гри будетъ полезенъ въ деревнѣ, и потому онъ, при его отъѣздѣ въ Дубовку, почти-что похвалилъ его за намѣреніе заняться хозяйствомъ.

Зиму Гри-Гри провелъ безвыѣздно въ деревнѣ. Близкихъ знакомствъ почти не заводилъ; впрочемъ, всѣхъ сосѣдей счелъ нужнымъ объѣздить: онъ хотѣлъ посмотрѣть, не найдетъ ли себѣ людей по сердцу.

Къ одному помѣщику онъ заѣхалъ, но въ комнатахъ нашелъ ужасный запахъ отъ трехъ лежавшихъ тамъ борзыхъ (остальныя, безъ числа, ходили по двору, по-парно привязанныя за длинныя палки); отъ самого помѣщика разило водкой. Разговоръ начался о собакахъ, въ которыхъ Гри-Гри ничего не понималъ, и собаками и кончился, такъ какъ хозяинъ дома умѣлъ отъ всякаго разговора увильнуть, чтобы вернуться къ своей первоначальной темѣ.

У другого онъ засталъ двухъ купцовъ. Они пили водку и закусывали копченой колбасой и солеными огурцами. Когда Гри-Гри отъ участія въ этой закускѣ отказался, хозяинъ обидѣлся и долго жаловался, что дворянство не цѣнится, а цѣнятся богатство и положеніе.

Третій, при своей женѣ и только-что пріѣхавшемъ Гри-Гри, ущипнулъ служившую дѣвчонку, и началъ разсказывать, какъ онъ приплываетъ къ купающимся бабамъ и что̀ изъ этого выходитъ.

Однимъ словомъ, Гри-Гри понялъ, что ему съ ними не только дружбы, но и простого знакомства не водить, и велѣлъ своему Никитѣ ихъ не принимать, когда они будутъ ему отдавать визиты, а сказать, что баринъ боленъ.

Поэтому одно время по уѣзду разошелся слухъ, что Новодубскій—болѣзненный молодой человѣкъ.

Обмѣнялся онъ визитомъ и съ уѣзднымъ предводителемъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокій, худой, съ длинными усами, маленькой французской бородкой и хитрыми глазами. Онъ былъ всѣмъ недоволенъ: и начальствомъ, которое непослѣдовательно, и дворянами, которые неспособны ни къ какой самопомощи, и крестьянами, которыхъ называлъ дикарями (бабъ онъ иначе какъ овцами не называлъ). Недовольство его происходило отъ того, что имѣнія, по его мнѣнію, мало давали доходовъ. Всякія блага житейскія онъ мѣрилъ на рубли, и въ предводители идти не хотѣлъ, такъ какъ кромѣ убытковъ отъ этого званія себѣ ничего не предвидѣлъ. Пошелъ же онъ на службу потому, что его родственницы убѣдили, — это принесетъ пользу его семьѣ. Почему семьѣ его предстояла польза отъ его предводительства — онъ не понималъ, но почему-то счелъ нужнымъ на всякій случай принести ей эту пользу. Выбранъ же онъ былъ именно за то, что, ругая крестьянъ лодырями и бездѣльниками, и будучи принципіально противъ всякаго увеличенія земскаго бюджета, тѣмъ самымъ считался предводителемъ дворянской партіи. Въ общемъ онъ былъ человѣкъ неглупый, и Гри-Гри не прочь бы былъ съ нимъ чаще видаться, но жили они ужъ очень другъ отъ друга далеко.

Впрочемъ, съ однимъ сосѣдомъ онъ сошелся: это былъ земскій начальникъ Градовъ. Очень начитанный и неглупый человѣкъ, онъ умѣлъ соединить въ себѣ самыя повидимому несовмѣстимыя свойства. Удивительно мягкій и добрый на дѣлѣ человѣкъ, онъ поражалъ иногда въ разговорѣ суровостью своихъ воззрѣній. Мужиковъ онъ принималъ ласково, иного старосту совѣстился прогнать, хотя зналъ, что онъ негодяй, а на съѣздѣ стоялъ за подтягиванье мужиковъ и за высшую мѣру наказанія. Чуткій, даже прямой человѣкъ, онъ сознавалъ бездарность и ограниченность нѣкоторыхъ своихъ пріятелей, а на выборахъ или въ собраніяхъ онъ ихъ поддерживалъ по теоретическимъ соображеніямъ. Приходилъ ли къ нему бѣдный, погорѣлецъ или голодный, онъ всегда готовъ былъ его накормить, одѣть или надѣлить деньгами; а въ земскомъ собраніи былъ всегда противъ помощи крестьянамъ, которыхъ эта помощь, по его мнѣнію, только развращала. Самъ неохотно и только въ крайнихъ случаяхъ рѣшался человѣка посадить подъ арестъ, а публично высказывался за самыя дикія и жестокія мѣры.

Чрезвычайно милый въ частной жизни, Градовъ сразу оча-

ровалъ молодого Новодубскаго. Бездѣтный мужъ красивой, молодой и доброй женщины, онъ тоже былъ всегда радъ видѣть Гри-Гри. Несмотря на тридцативерстное разстояніе между ихъ усадьбами, рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы Гри-Гри не провелъ у него вечера. Иногда онъ оставался и ночевать; а на слѣдующее утро наблюдалъ, какъ Градовъ принималъ просителей или разбиралъ дѣла.

Придетъ, бывало, къ нему мужикъ.

— Ваше высокоблагородіе, помилуйте, вы меня на три цѣлковыхъ оштрафовали. И такъ неѣвши сидимъ. Жена надась родила: еле крестины справили. Пожалѣйте, ваше высокоблагородіе!

— А ты, братъ, зачѣмъ не слушаешься? Не велѣлъ я тебѣ денегъ собирать на быка безъ приговора, а ты собиралъ?.. А?... Собиралъ?

— Такъ точно,—собиралъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ видишь ли? Я тебя и оштрафовалъ. А теперь я не вправѣ отмѣнить этотъ штрафъ самъ. Надо платить...

— Пожалѣйте, Христа ради, ваше высокородіе! Старшина просто замучилъ, послѣднюю коровенку описываетъ.

— Ну, Богъ съ тобой: вотъ тебѣ три рубля; отнеси старшинѣ. Только не говори, что я ихъ далъ тебѣ. Да впередъ слушайся...

— Благодаримъ покорно, ваше высокородіе. Какъ можно не слушаться? Вы—нашъ начальникъ. Мы васъ вѣкъ слушаться должны.

Мужикъ уходилъ. А Гри-Гри пожималъ руку Градову, которому стыдно было, что его видѣли.

Былъ Гри-Гри и у другого сосѣдняго земскаго начальника, молодого, красиваго, изъ военныхъ. Тутъ онъ тоже попалъ, когда былъ разборъ жалобъ. Подошла старуха, старая-престарая, въ зипунѣ изъ бѣлой шерсти поверхъ рваной шубёнки и повязанная бѣлымъ платкомъ сверхъ бѣлаго повойника. Платокъ былъ сложенъ и стягивалъ лобъ, какъ у людей, у которыхъ болитъ голова. Старуха была въ лаптяхъ, съ палкой въ костлявыхъ рукахъ. Тутъ же стоялъ старшина, одѣтый не по-крестьянски, а въ черномъ сюртукѣ, съ цѣпью на шеѣ. Старуха медленно и низко поклонилась.

— Батюшка ты мой, послухай ты меня старую! Пазьмо-то мнѣ старики не даютъ. Все бы кормилася, а таперича съ внуками побираться хожу, а ноги-то не ходятъ. Прикажи ты имъ отрѣзать мнѣ пазьмо-то.

— Старшина, она безземельная?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. У нея была усадьба; она въ голодный годъ сама сдала ее на двѣнадцать лѣтъ.

— Такъ какого же чорта ты лѣзешь? Убирайся!

Земскій начальникъ сказалъ это громовымъ голосомъ и прибавилъ такое ругательство, что старуха опѣшила.

— Пойду, пойду, батюшка!

И поплелась старуха. Земскому начальнику самому совѣстно стало передъ Гри-Гри, и онъ счелъ нужнымъ объяснить ему свой поступокъ.

— Иначе съ этими скотами нельзя. Вотъ старая карга, сама сдала усадьбу, а лѣзетъ жаловаться.

Гри-Гри посидѣлъ еще минутъ пять и поспѣшилъ уѣхать. Больше онъ у этого земскаго начальника не былъ.

Черезъ нѣсколько дней, Гри-Гри сидѣлъ въ комнатѣ съ управляющимъ и конторщикомъ, какъ вошла старуха съ двумя маленькими, трясущимися отъ холода дѣтьми.

— Подай, батюшка, Христа ради, старухѣ старенькой съ малыми дѣтьми на пропитаніе!

Гри-Гри узналъ старуху, просившую земскаго начальника объ усадьбѣ.

— Ну, что же, бабушка, твоя усадьба? Такъ тебѣ и не будетъ усадьбы?

— Ахъ, это ты, батюшка, ваше высокоблагородіе! Я тебя со слѣпу-то и не узнала. Ты бы похлопоталъ за меня, а не за меня, такъ за дѣтей за малыхъ.

— Да ты, бабка, сама усадьбу-то сдала на двѣнадцать лѣтъ?

— Не я, батюшка, сдавала. Старшина сдалъ съ стариками. Я вотъ кормилась кое-какъ; на пазьмѣ картошки, капустку посадишь. Люди добрые спашутъ пазьмо мнѣ, а я имъ кое-чего сработаю... кой пожну... кой дѣтей понянчу... и кормилась. Частные за мной и стали. Сёмнадцать цѣлковыхъ начли на меня (старуха удареніе поставила на „сём“). Какъ пришелъ голодный годъ, я-то заплатить не могла, а хлѣбъ дорогъ былъ. Кормиться нечѣмъ было... Я и пошла побираться... Старики и говорятъ: „Чего жъ съ тебя, Хавроньюшка, возьмешь-то? Ты сдай пазьмо“... Старшина пригрозился, велѣлъ сдать; я и отдала его старшинину брату—на сколько тамъ лѣтъ... сама не знаю... Баютъ, на двѣнадцать. А теперь избушка-то развалилась... ни хлѣба, ни картошки нѣтути... и хожу Христа ради... А моченьки-то моей нѣтъ... и пошла къ члену... Можетъ, думаю, вернетъ пазьмо-то мнѣ. А ихъ милость осерчать изволили... Э! Это, я те скажу,—старуха понизила голосъ,—все старшина

нашъ. Онъ гложетъ насъ, горемычныхъ. Я старикамъ-то кланялась. Они бы и дали пазьмо, да какъ гаркнетъ старшина: „я на васъ ея частныя разложу и съ шерстью сдеру!“—они и не дали... Ты бы, батюшка, похлопоталъ бы какъ за меня... горькую... я бы вѣкъ Бога молить за тебя стала.

— Ничего я, бабка, сдѣлать для тебя не могу. Съ земскимъ начальникомъ я не близокъ, да и не могу въ дѣла вмѣшиваться. Конечно, жаль тебя, что тебя обидѣли...

— Э, батюшка... что мнѣ обида?.. Никто меня, окромя Бога, не обидитъ... Вотъ дѣтей малыхъ жалко. Безъ пазьма-то кормиться имъ нечѣмъ будетъ, какъ помру. А обидѣть меня всякій можетъ...

Новодубскій велѣлъ отпустить ей два пуда муки и далъ рубль.

— Приходи, бабка, каждый мѣсяцъ. Будешь муку получать.

Старуха поклонилась въ ноги.

— Дай Богъ тебѣ здоровья, а родителямъ, коли померли, царства небеснаго...

Объѣхавъ такимъ образомъ сосѣдей и ни съ кѣмъ, кромѣ Градова, не завязавъ интимнаго знакомства, Гри-Гри всецѣло занялся хозяйствомъ. Денегъ отъ него отецъ больше не требовалъ, хотя доходили слухи, что Дима продолжаетъ вести прежній образъ жизни. Каждое письмо отъ Аполлона Николаевича онъ вскрывалъ съ нѣкоторымъ трепетомъ.

— А ну, какъ опять денегъ нужно!? Придется опять искать, занимать или распродавать лошадей, а то какой-нибудь участокъ въ аренду сдавать. Тогда плохо будетъ.

Въ Петербургъ онъ съѣздить собирался, но такъ и не собрался. Ему казалось, что, оставь онъ имѣніе на недѣлю, выйдутъ такія упущенія, что потомъ и поправить будетъ трудно.

Онъ очень радъ былъ, когда въ началѣ лѣта пріѣхала его мать; но жизнь въ деревнѣ ей была не по характеру, и она, не пробывъ недѣли, поторопилась уѣхать. Гри-Гри нѣсколько разъ намекалъ, что дальнѣйшіе долги настолько обезсилятъ имѣніе, что потомъ, пожалуй, и не удержишь его въ рукахъ. Но Наталья Владиміровна приписывала это его желанію уколоть Диму.

— Понимаю, Гри-Гри, понимаю. Ты самъ излѣнился настолько, что тебѣ не хочется собраться въ городъ съѣздить, не то что служить. Ты завидуешь успѣхамъ брата; не безпокойся: онъ не пропадетъ и не разорится.

— Мамà, какъ ты все стараешься сказать мнѣ что-нибудь непріятное! Почему ты думаешь, что я ему завидую? Вѣдь я

самъ не хочу служить, такъ чего же мнѣ завидовать служебнымъ успѣхамъ другихъ?

— Знаю, знаю, ты все боишься, что братъ тебя разоритъ. Пожалуйста, не безпокойся!

Въ день, назначенный для отъѣзда изъ деревни, Наталья Владиміровна уѣхала гораздо раньше, чѣмъ нужно было. Всѣ служащіе выходили изъ своихъ помѣщеній и кланялись отъѣзжающей барынѣ.

Гри-Гри ее проводилъ до станціи, причемъ у каждаго мостика, даже самаго безопаснаго, Наталья Владиміровна останавливала лошадей и, несмотря на протестъ сына, переходила мостикъ пѣшкомъ.

— Ты хочешь голову сломать въ твоей деревнѣ, такъ и ломай свою, а я по вашимъ дорогамъ ѣздить не привыкла,— говорила она.

Александръ Новиковъ.

БЛ. АВГУСТИНЪ

въ

ИСТОРІИ МОНАШЕСТВА И АСКЕТИЗМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Окончаніе.

I.

Мы видѣли, въ какомъ положеніи находилось монашество въ сѣверной Африкѣ при Августинѣ и въ чемъ состояла его практическая дѣятельность въ этомъ вопросѣ. Разсмотримъ теперь теоретическую сторону этого вопроса, познакомимся съ воззрѣніями Августина на аскетизмъ и отрѣшеніе отъ міра вообще. Бѣгство изъ міра заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ двѣ жертвы, приносимыя природою человѣка усвоенному имъ идеалу —отреченіе отъ собственности и отъ семьи, или вообще „воздержаніе" (continentia—у Августина). Остановимся сначала на первой жертвѣ—отреченіи отъ собственности.

Богословскія и этическія утвержденія Августина весьма часто обусловливались потребностями „момента", необходимостью отстаивать истину противъ нападеній на нее или ея искаженій, а такъ какъ эти искаженія или нападенія шли часто съ разныхъ сторонъ, то и Августину иногда приходилось защищать то, что

*) См. выше: янв., стр. 5.

онъ считалъ истиной—въ противоположныхъ направленіяхъ. Поэтому вѣрное представленіе о его воззрѣніи на извѣстный вопросъ можно получить только при всестороннемъ взвѣшиваніи иногда, повидимому, противорѣчивыхъ отзывовъ съ его стороны.

Такъ было и съ вопросомъ о собственности у Августина. Мы видѣли, какъ онъ высоко цѣнилъ завѣтъ Христа своимъ послѣдователямъ—ради совершенства раздать свое имущество бѣднымъ; мы знаемъ, что самъ Августинъ поступилъ согласно съ этимъ словомъ, и что онъ требовалъ того же не только отъ монаховъ, но и отъ всѣхъ церковнослужителей своей епархіи. И тѣмъ не менѣе полемика съ монашествомъ побудила его выступить защитникомъ частной собственности и высказаться противъ безусловнаго осужденія золота и серебра, какъ видовъ богатства,—осужденія, которое мы часто встрѣчаемъ даже у языческихъ моралистовъ. Манихеяне въ своей враждѣ къ Ветхому Завѣту любили противопоставлять его текстамъ слова Новаго Завѣта. Такъ они и въ настоящемъ случаѣ, по выраженію Августина, оклеветали пророка Аггея, будто онъ ложно приписалъ Богу слова: „*Мое* серебро и *Мое* золото", — въ противность словамъ Спасителя, назвавшаго обладаніе маммоною неправеднымъ. Августинъ объясняетъ, что золото и серебро названы Божьими, чтобы человѣкъ, оказывая милостыню, не гордился и зналъ, что онъ даетъ не изъ своего, а изъ того, что̀ ему дано Богомъ. Золото и серебро посылаются Богомъ и добрымъ и злымъ; еслибы золото доставалось только дурнымъ людямъ, то правильно могло бы считаться зломъ; если же доставалось бы только добрымъ, то правильно почиталось бы великимъ добромъ. Съ другой стороны, еслибы золота недоставало только злымъ, то бѣдность считалась бы великой карою, а если бы его были лишены только добрые, то бѣдность казалась бы великимъ благомъ. Поэтому-то Создатель и Правитель міра и распредѣлилъ между людьми золото и серебро такимъ способомъ, чтобы оно представляло собою благо, но не высшее, и даже не великое благо.

Если же Христосъ въ Евангеліи назвалъ богатство неправеднымъ, то потому, что существуютъ другія богатства, которыми могутъ обладать только праведные. Богатство названо неправеднымъ не потому, что золото и серебро неправедны, но потому, что неправедно называть богатствомъ то, что̀ не устраняетъ бѣдности, ибо чѣмъ болѣе кто имѣетъ сокровищъ и ихъ любитъ, тѣмъ болѣе онъ жаждетъ ихъ „въ своей бѣдности". „И потому, —заключаетъ свою проповѣдь Августинъ, — вы видите, братья,

какое заблужденіе, какое безуміе переносить на самые предметы, которыми люди дурно пользуются, вину людей".

Идти еще далѣе въ борьбѣ противъ аскетическаго отверженія богатства побудила Августина пелагіанская ересь. На синодѣ въ Діосполисѣ, Пелагію было поставлено въ упрекъ слѣдующее положеніе: богатые, если и примутъ крещеніе, но не отрекутся отъ всей своей собственности, не могутъ войти въ царство небесное, и если бы они стали дѣлать добро, то оно имъ не причтется.

Отвергая и съ своей стороны такое ученіе, Августинъ указываетъ, въ его опроверженіе, на то, что и патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ были, какъ извѣстно, богаты. На это пелагіанцы возражали, что патріархи не получили приказанія раздать свое имущество, такъ какъ тогда еще не наступило время откровенія Новаго Завѣта, и ссылались на слова Христа въ Евангеліи отъ Матѳея.

Такимъ образомъ, Августинъ былъ вынужденъ коснуться того знаменательнаго евангельскаго текста, который былъ душою средневѣковаго аскетизма и изъ котораго сотни и сотни подвижниковъ черпали высокое вдохновеніе.

Толкованіе,—нужно прибавить: критическое толкованіе, которому Августинъ подвергнулъ этотъ текстъ,—заслуживаетъ особеннаго вниманія: мы встрѣчаемъ здѣсь въ начальномъ періодѣ аскетизма и со стороны одного изъ главныхъ его творцовъ такую самостоятельность мысли, такое идеальное пониманіе Евангелія, что при другихъ условіяхъ оно должно было бы привести къ ослабленію аскетическаго порыва.

Текстъ, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ Евангеліи отъ Матѳея (гл. 19). Чтобы читателю было яснѣе толкованіе Августина, нужно напомнить вкратцѣ бесѣду Христа съ пришедшимъ къ нему юношей, спросившимъ, что̀ ему сдѣлать добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную. Онъ получилъ въ отвѣтъ: „Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди". По перечисленіи заповѣдей, юноша заявилъ, что онъ ихъ соблюдалъ отъ юности, чего же еще недостаетъ ему?—На это Іисусъ ему сказалъ: „Если хочешь быть совершеннымъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною".

Августинъ обращаетъ вниманіе на то, что Христосъ не отвѣтилъ на вопросъ юноши, что для достиженія вѣчной жизни нужно раздать все, что̀ имѣешь. Лишь на второй вопросъ, что̀ же еще дѣлать, кромѣ соблюденія заповѣдей,—Христосъ сказалъ:

„Если хочешь быть совершеннымъ, то поди и продай свое имущество“, и какъ бы въ утѣшеніе юноши, огорченнаго необходимостью всего лишиться, добавилъ:—„и соберешь этимъ сокровище на небесахъ“. А послѣ всего добавилъ: „пріиди и слѣдуй за Мною“—въ томъ смыслѣ, чтобы никто не подумалъ, что раздача имущества ему зачтется въ заслугу, если онъ не послѣдуетъ за Христомъ.

Такимъ образомъ Августинъ не только выводилъ изъ текста, что можно получить вѣчную жизнь безъ раздачи всего имущества, но очевидно отвергалъ и общепринятое толкованіе, что слѣдованіе за Христомъ и заключается въ раздачѣ всего имущества, или, по крайней мѣрѣ, обусловливается имъ. Признавая отрѣшеніе отъ имущества болѣе совершеннымъ состояніемъ, Августинъ, однако, отдѣлялъ отъ него слѣдованіе за Христомъ, считая возможнымъ такое слѣдованіе независимо отъ раздачи или нераздачи имущества; заслугу же самой раздачи Августинъ обусловливалъ дѣйствительнымъ духовнымъ слѣдованіемъ за Христомъ.

Въ пользу такого своего толкованія Августинъ ссылается на апостола Павла, который не сталъ бы утверждать противное Христу. Апостолъ же поручаетъ Тимоѳею увѣщевать богатыхъ, чтобы они не думали высоко о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живого, чтобы они благодѣтельствовали, богатѣли добрыми дѣлами, были щедры и общительны, собирая себѣ сокровище для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни.

Апостолъ нигдѣ не говоритъ, что надо увѣщевать богатыхъ продать и раздать свое имущество; напротивъ, даетъ имъ такое наставленіе, которое имъ было бы невозможно исполнить, если бы у нихъ не было дома и какого-нибудь имущества.

Августинъ пользуется даже, съ нѣкоторою натяжкою, словами самого Христа въ упомянутомъ выше текстѣ Евангелія (19), чтобы ослабить обязательность завѣта—„поди и продай“: „и всякій, кто оставитъ до̀мы или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену или дѣтей, или земли ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“. „Оставить“—замѣчаетъ Августинъ—не то же, что „продать“. Въ числѣ того, что̀ надлежитъ *оставить* ради Христа, упоминается и жена, но продать жену не дозволяется никакими человѣческими законами и даже оставить ее запрещается Христовымъ закономъ, за исключеніемъ предусмотрѣннаго случая.

Такъ, подготовивъ читателя, Августинъ подходитъ къ тексту, который долженъ былъ имѣть особый вѣсъ въ глазахъ его про-

тивниковъ: „легче пройдетъ верблюдъ, чѣмъ богатый—въ царство небесное“.

Пелагіанцы утверждали, что это сказано съ тою цѣлью, чтобы богатые распродавали согласно Евангелію свое имущество и совершали то, что̀ казалось труднымъ; не для того это сказано, чтобы богатые, оставаясь среди своего богатства, соблюдали увѣщаніе апостола, но чтобы продажею всего своего достоянія они дополнили завѣтъ апостола.

Августинъ возражаетъ пелагіанцамъ, что они не замѣчаютъ, что этотъ текстъ направленъ противъ ихъ ученія о спасеніи. Въ этомъ текстѣ не сказано „что то, что̀ людямъ кажется невозможнымъ, то имъ станетъ „легкимъ, если они этого захотятъ, но „что̀ людямъ невозможно, то̀ Богу легко“, т.-е. что человѣкъ можетъ сдѣлаться праведникомъ не въ силу своей воли, а по благодати Божіей. Поэтому пусть богатые знаютъ, что если они —пребывая ли въ своемъ богатствѣ и пользуясь имъ, чтобы дѣлать добро, или же раздавъ его бѣднымъ—войдутъ въ царство небесное, то это совершится въ силу Божіей благодати, а не по собственнымъ ихъ заслугамъ.

Августинъ приходитъ къ заключенію, что отрѣшеніе отъ міра не тождественно съ отреченіемъ отъ имущества и раздачею его. „Всякій,—говоритъ онъ,—кто отрекается отъ міра, отрекается, конечно, и отъ своего богатства, если оно у него есть, или такимъ способомъ, что, не любя его, онъ все имущество раздастъ и освободится отъ излишняго бремени въ мірѣ; или же такъ, что, любя Христа выше всего, переноситъ свое упованіе на него съ своихъ богатствъ и такъ ими пользуется, какъ говоритъ апостолъ, всегда готовый оставить какъ семью свою, такъ и богатство свое, если можетъ сохранить ихъ не иначе, какъ оставивъ Христа.

Упомянувъ о томъ, что на свѣтѣ много такихъ, которые видятъ въ христіанствѣ средство преумноженія своихъ богатствъ, Августинъ заявляетъ, что не таковы богачи-христіане, которые хотя и удерживаютъ свои богатства, но не одержимы ими и не предпочитаютъ ихъ Христу; они искреннимъ сердцемъ отреклись отъ міра, нисколько не уповая на нихъ.

А затѣмъ, обращаясь къ своимъ противникамъ, преувеличивавшимъ значеніе раздачи имущества, Августинъ заявляетъ: „Пусть же они перестанутъ противорѣчить Писанію и пусть въ своихъ увѣщаніяхъ они такъ стремятся къ высшему благу, чтобы не наносить ущерба меньшему. Пусть они идутъ путемъ совершенства, продавъ все свое имущество и милосердно раздавъ его. Но

если они по истинѣ Христовы бѣдные и собираютъ не на себя, а на Христа, зачѣмъ они караютъ другихъ прежде, чѣмъ займутъ мѣста судей?

Августинъ счелъ себя даже вправѣ намекнуть на то, что такой ригоризмъ относительно богатыхъ не всегда безкорыстенъ: „я полагаю, что нѣкоторые изъ тѣхъ, кто такъ безстыдно и неразумно болтаютъ, содержатся на счетъ богатыхъ и благочестивыхъ христіанъ“.

Читатель могъ замѣтить, что Августинъ, отстаивая обладаніе собственностью противъ аскетическаго ригоризма, ставилъ на одну доску богатыхъ, отрекшихся отъ собственности, съ тѣми, которые ихъ удержали за собою, одинаково требуя отъ тѣхъ и другихъ духовнаго отреченія отъ мірскихъ благъ и земныхъ интересовъ. Августинъ могъ это смѣло утверждать потому, что не на словахъ предпочиталъ путь совершенства, указанный Христомъ, но своею жизнью доказалъ, что слѣдуетъ по этому пути.

Отстаивая мысль, что христіанину дозволено сохранить свое богатство, Августинъ, однако, въ то же время нерѣдко указываетъ на моральную опасность, заключающуюся въ богатствѣ,—хотя онъ касается этого вопроса и не такъ часто, какъ можно было бы ожидать тому, кто привыкъ видѣть въ Августинѣ лишь простого поборника аскетизма. Въ толкованіи на 132-ой псаломъ онъ говоритъ: „Конечно, много грѣховъ нужно, повидимому, отнести на счетъ богатства. Ибо чѣмъ больше богатые хлопочутъ и заняты управленіемъ своего достоянія, чѣмъ обширнѣе имущество, которымъ они владѣютъ, тѣмъ труднѣе имъ воздерживаться отъ грѣха“. Многіе, говорится въ другомъ, рядомъ стоящемъ толкованіи, ищутъ *своего*, *свое* любятъ, радуются своей власти, жаждутъ своей частной выгоды. Августинъ даже готовъ, вопреки своему собственному совѣту, перенести вину съ человѣка на предметъ, обвинять не отношеніе людей къ собственности, а саму частную собственность, — „ибо изъ-за того, чѣмъ мы отдѣльно владѣемъ, происходятъ среди людей споры, вражда, раздоры, война, смуты, междоусобія, соблазны, грѣхи, неправда, убійства. Развѣ мы споримъ изъ-за того, что всѣмъ принадлежитъ сообща? Общимъ воздухомъ мы всѣ одинаково дышимъ, общее всѣмъ солнце одинаково видимъ. Блаженны поэтому тѣ, кто ищутъ наслажденія не въ своемъ частномъ благѣ, а въ общемъ.

„Такъ поступали апостолы съ своей частной собственностью; они сдѣлали ее общею. Развѣ они черезъ это утратили то, что

у нихъ было? пока каждый имѣлъ *свое*, онъ обладалъ только тѣмъ, что̀ ему принадлежало; когда же оно стало общимъ достояніемъ, онъ получилъ и то, что̀ принадлежало другимъ".

Но Августинъ гораздо рѣже призываетъ своихъ слушателей слѣдовать примѣру апостоловъ, чѣмъ можно было ожидать, и у него вовсе нѣтъ тѣхъ патетическихъ нареканій противъ собственности, которыя мы встрѣчаемъ у другихъ отцовъ церкви. И въ настоящемъ случаѣ онъ заключаетъ свою проповѣдь словами: „такъ будемъ же воздерживаться, братья, отъ обладанія частною собственностью"—но сейчасъ прибавляетъ: „или отъ любви къ ней, если не можемъ отречься отъ собственности". Въ этой оговоркѣ усматриваютъ доказательство того, что въ глазахъ Августина тотъ, кто фактически отрекается отъ своей собственности, выше того, кто отрекается только отъ привязанности къ ней" [1]). Это справедливо и соотвѣтствовало господствующему въ эпоху Августина настроенію. Но важно здѣсь не столько то, что онъ раздѣлялъ общій, основанный на Евангеліи взглядъ, что отреченіе отъ собственности есть признакъ христіанскаго совершенства, сколько то, что онъ при этомъ настаивалъ на необходимости побороть главное зло, т.-е. любостяжаніе [2]).

Мы потому и не согласны съ мнѣніемъ, что Августинъ колебался между двумя воззрѣніями, его волновавшими, и что онъ „скрывалъ отъ себя непослѣдовательность, въ которую впадалъ въ своихъ попыткахъ примирить оба воззрѣнія, что̀ ему, конечно, не могло удаться". Мы думаемъ, что Августинъ въ вопросѣ о собственности, какъ и въ вопросѣ о бракѣ,—о чемъ рѣчь будетъ идти дальше—хорошо понималъ идеалъ евангельскаго совершенства и сочувствовалъ ему, но что онъ говорилъ не только какъ пророкъ, призывавшій людей въ новое идеальное царство, а также какъ пастырь уже сложившейся христіанской паствы.

Поэтому не одну только противоположность между обладаніемъ собственностью и отреченіемъ отъ нея, не одну только проблему аскетизма видитъ Августинъ въ вопросѣ о богатствѣ; его вниманіе привлекаетъ къ себѣ въ этомъ вопросѣ другой контрастъ—между богатствомъ и бѣдностью,—проблема соціальная. Богатство и бѣдность представляютъ собою въ его глазахъ коррелатъ, т.-е. одно понятіе вызываетъ другое. Поэтому бо-

---

[1]) Reuter Aug. Studien. 415.

[2]) См. также: Avaritia est, velle esse divitem, non jam esse divitem. Sermo 85,6.

гатство оправдывается или осуждается съ точки зрѣнія его отношенія къ бѣдности. Этимъ коррелатомъ обусловливается смыслъ богатства; его назначеніе — *служить* бѣдности. Соціальное и моральное величіе богатства въ томъ, что оно является условіемъ милосердія.

„Всѣхъ бѣдныхъ, сколько вы ихъ видите,—говорилъ Августинъ, — Христосъ могъ накормить: Онъ же и Илію кормилъ чрезъ ворона; однако Онъ и у Иліи отнялъ ворона для того, чтобы его могла кормить вдова. И сдѣлалъ Онъ это не ради Иліи, а ради вдовы. Итакъ, когда Господь создаетъ бѣдныхъ, Онъ испытываетъ этимъ богатыхъ. Кто сотворилъ тѣхъ и другихъ?—Господь! Богатаго—чтобы помочь бѣдному, бѣднаго—чтобы испытать богатаго“.

Подъ вліяніемъ многочисленныхъ текстовъ Св. Писанія и собственнаго теократическаго міровоззрѣнія, милостыня представляется Августину *возвращеніемъ*. Она есть возвращеніе потому, что богатый можетъ подавать только то, что̀ самъ получилъ отъ Бога. „Еслибы ты давалъ отъ своего, то это было бы щедростью; а такъ какъ ты даешь изъ того, что̀ ты получилъ какъ Божій даръ, то это—лишь возвращеніе (redditio est)“. Подаяніе подходитъ подъ понятіе возвращенія еще и потому, что подъ видомъ бѣднаго милостыня подается Христу и будетъ вознаграждена сторицею.

„Вотъ что̀ говоритъ тебѣ Господь твой: хочешь ли ты дать немного и получить за это больше? Вотъ Я передъ тобою; дай и получай! Въ день воздаянія Я тебѣ отдамъ. И что̀ отдамъ? Ты малую толику далъ, а получай больше; ты далъ земное—получай небесное; ты далъ временное добро—получай вѣчное; ты далъ *Мое*—получай Меня Самого“.

Исходя изъ этой мысли, Августинъ убѣждаетъ богатыхъ давать милостыню вмѣсто того, чтобы зарывать сокровища свои. Люди не даютъ милостыни потому, что не хотятъ разставаться со своимъ богатствомъ и хотятъ имѣть его передъ глазами. Но вѣдь они закапываютъ и зарываютъ его, и развѣ они его въ этомъ случаѣ видятъ? Зарывшій свое сокровище самъ не видитъ его; онъ желаетъ, чтобы оно было скрыто; онъ боится, чтобы оно не стало явнымъ. Онъ, значитъ, хочетъ лишь *считать* себя богатымъ, а не *быть* богатымъ на самомъ дѣлѣ. Но, зарывши твое имущество въ землю, ты боишься, чтобы твой рабъ не узналъ, гдѣ твое богатство, не взялъ его и не бѣжалъ съ нимъ! Ты скажешь, что у тебя вѣрный рабъ, который знаетъ, гдѣ оно, но не измѣнитъ тебѣ и не возьметъ его! Но рабъ можетъ по-

терять твое добро. Сравни же съ нимъ Господа твоего, который не можетъ ни потерять твоего достоянія, ни допустить его гибели"...

Въ какой степени у Августина оцѣнка богатства въ зависимости отъ удовлетворенія физическимъ и нравственнымъ потребностямъ бѣдняка—показываетъ проповѣдь 24-я, въ которой богатство осуждается въ утѣшеніе бѣдному и въ то же время защищается, чтобы воздержать бѣднаго отъ гордыни:

„Богатство,—говоритъ проповѣдникъ бѣднякамъ,—которое вы считаете обильнымъ источникомъ наслажденій, еще болѣе обильно опасностями. Былъ онъ бѣденъ и спалъ спокойно; легче подступалъ къ нему сонъ на жесткой землѣ, чѣмъ на высеребренномъ ложѣ. Познайте заботы богатаго и сравните ихъ со спокойствіемъ бѣдняка... Онъ богатъ, значитъ онъ гордъ. Ибо въ богатствѣ, т.-е. въ томъ, что̀ такъ называется, пуще всего надо опасаться недуга гордыни".

Но тутъ же проповѣдникъ призываетъ бѣднаго не гордиться на счетъ богатаго. „Развѣ ты не видишь, что богатый призрѣлъ бѣднаго? Если ты будешь смотрѣть надменно на тѣхъ, у кого есть деньги, и отрицать, что они могутъ войти въ царство небесное, то какъ можетъ въ нихъ оказаться смиреніе, котораго нѣтъ у тебя? Самъ бойся, чтобы послѣ твоей смерти не сказалъ тебѣ Авраамъ:—уйди отъ меня".

Августинъ беретъ и непосредственно подъ свою защиту богача противъ нареканій бѣдняка. „Ты говоришь, что такой-то богатъ! — Да, онъ богатъ, но онъ не стремится къ богатству; онъ богатъ, но по наслѣдству отъ родителей или вслѣдствіе дареній и завѣщаній. Положимъ, что онъ сталъ богатъ также и вслѣдствіе неправдъ; но онъ не хочетъ ничего прибавлять къ нимъ; онъ самъ поставилъ предѣлъ своей алчности и въ сердцѣ своемъ ратуетъ за благочестіе. Но ты продолжаешь обвинять и возражать, что этотъ богачъ разбогатѣлъ благодаря неправдѣ. А что̀, если онъ пріобрѣлъ друзей богатствомъ неправеднымъ? (Лука, 16, 9). Господь зналъ, что̀ говорилъ. У тебя ничего нѣтъ, но ты *хочешь* стать богатымъ и впадаешь въ искушеніе".

Августинъ воспользовался толкованіемъ на 103-й псаломъ, чтобы провести эту мысль и обратить поэтическій образъ кедровъ ливанскихъ и гнѣздящихся на нихъ птицъ въ символъ сближенія и взаимныхъ отношеній между бѣдными и богатыми въ общемъ ихъ стремленіи къ аскетическому идеалу,—поощрить богатыхъ къ щедрому содѣйствію возникающему монашеству и ободрить бѣдныхъ къ слѣдованію за Христомъ.—„Кто такое кедры

ливанскіе? Это — благородные міра сего, высокіе происхожденіемъ, средстами и почетомъ. А кто эти птицы, которыя гнѣздятся на кедрахъ ливанскихъ? Это — рабы Божіи, услыхавшіе слова евангельскія: „оставь все", или „продай все и раздай бѣднымъ". Слова эти были услышаны не только великими, но и малыми; захотѣли также и малые жить духомъ,—не быть при женахъ, не терзаться заботами о сыновьяхъ, не связывать себя очагомъ, но уйти въ общую жизнь. Но чтò *оставили* эти малыя птицы?—Вѣдь онѣ были малыми міра сего; много ли онѣ въ немъ оставили? Иной изъ нихъ послѣ обращенія оставилъ лишь хижину неимущаго отца своего, едва имѣя только одну постель и одинъ сундучокъ. Тѣмъ не менѣе онъ обратился къ Христу и вознесся духомъ. Онъ прекрасно поступилъ; не станемъ обижать его, не будемъ говорить: „ты ничего не оставилъ". Пусть не гордится тотъ, кто много оставилъ. Когда Петръ послѣдовалъ за Господомъ, онъ былъ рыбакомъ, чтò могъ онъ оставить?—Однако Господь не сказалъ ему: ты забылъ о своей бѣдности, чтò могъ ты оставить, чтобы получить весь міръ въ воздаяніе?—Такъ и тотъ бѣдный, братья мои, много оставилъ, ибо онъ оставилъ не только то, *что* имѣлъ, но и то, чтò желалъ имѣть. Ибо кто же изъ бѣдныхъ не исполненъ надеждами міра сего; кто изъ нихъ не желаетъ ежедневно увеличить то, чтò имѣетъ? Это любостяжаніе пресѣчено; онъ не зналъ предѣла желаніямъ; теперь онъ поставилъ имъ предѣлъ—это ли не значитъ оставить весь міръ?—Такъ поступаютъ многіе; они кажутся малыми, потому что не возвысились въ почестяхъ міра; они и гнѣздятся, какъ малыя птицы въ кедрахъ ливанскихъ. А кедры ливанскіе, благородные, богатые и почетные міра сего, услыхавъ со страхомъ слова: „блаженъ, кто помыслитъ о бѣдномъ и нищемъ", приносятъ имѣніе свое, усадьбы свои и все излишнее богатство, отъ котораго они отказываются, и предоставляютъ все это рабамъ Божіимъ: даютъ земли, сады, строятъ церкви, монастыри, собираютъ птицъ небесныхъ, чтобы онѣ гнѣздились въ кедрахъ ливанскихъ. Они дѣлаютъ это, и охотно дѣлаютъ, они знаютъ, чтò дѣлаютъ и зачѣмъ дѣлаютъ. Но, братья мои, птицы небесныя, если онѣ живутъ духомъ, не должны, хотя бы и гнѣздились въ кедрахъ ливанскихъ, возвеличивать ихъ и считать ихъ выше себя за то, что ими восполняются ихъ недостатки, ибо онѣ птицы *небесныя*, а тѣ—кедры ливанскіе".

Интересъ, который представляютъ сочиненія Августина, вызывается не только воззрѣніями, въ нихъ высказанными, но и самой формой, въ которую они облечены. Благодаря высокому

краснорѣчію автора, тонкимъ оттѣнкамъ мысли и нѣжнымъ переливамъ чувства, самыя воззрѣнія получаютъ новый смыслъ и яркое освѣщеніе. Въ примѣръ можно привести одну изъ послѣднихъ проповѣдей Августина, посвященную тому же вопросу о богатствѣ и бѣдности. „Слушайте, богатые, имѣющіе золото и серебро и все-же пламенѣющіе любостяжаніемъ; когда на васъ глядятъ бѣдные, они ропщутъ, вздыхаютъ, восхваляютъ васъ и завидуютъ вамъ, желаютъ сравняться съ вами и скорбятъ о своемъ неравенствѣ съ вами. И среди восхваленій богатыхъ они часто говорятъ: только *они* живутъ, только *они* существуютъ. Отъ такихъ словъ, которыми люди мелкіе льстятъ богачамъ, не впадайте въ гордость, но лучше послушайте апостола, цѣлителя вашего недуга, а не льстеца: жизнь ваша—сонъ, и богатства ваши утекаютъ, какъ во снѣ.

„Иногда и нищій, лежа на землѣ и дрожа отъ холода, охваченный сномъ, видитъ во снѣ сокровища: онъ радуется, ликуетъ и гордится, и негодуетъ при видѣ своего отца въ лохмотьяхъ. Но вѣдь это сонъ, что ты видишь, бѣдняга; ты спишь и ликуешь во снѣ. Все-же, пока онъ не проснется, онъ богатъ; послѣ же сна своего онъ обрѣтетъ то, о чемъ будетъ горевать. И богатый, умирая, будетъ подобенъ тому бѣдняку, который спалъ и видѣлъ во снѣ сокровища; такъ и тотъ человѣкъ безъименный и имени недостойный (Луки, 16, 19) одѣвался въ порфиру и виссонъ, каждый день пиршествовалъ, презирая лежавшаго передъ его дверью бѣдняка, а затѣмъ померъ и былъ погребенъ и, очнувшись отъ смерти, обрѣлъ себя въ мукахъ. И онъ также спалъ сномъ своимъ и, проснувшись, ничего не нашелъ, ибо ничего не пріобрѣлъ богатствомъ своимъ".—Это уподобленіе богатой жизни сновидѣнію, этотъ поэтическій призывъ къ благотворенію, ярко оттѣняется мрачнымъ фономъ тогдашней грозной дѣйствительности и крушеніемъ богатствъ, накопленныхъ древнимъ міромъ: „Ради жизни желаютъ богатства, а не жизни ради богатства; сколько людей торговались съ врагами своими, чтобы только выручить одну голую жизнь. Все, что у нихъ было, они отдавали, только бы не утратить жизни. Ты все отдалъ варварамъ, что имѣлъ, братъ мой?—Все, говоритъ онъ, отдалъ, голый остался, но хоть и нищій, все-же буду живъ.—Какъ же это случилось?—Мнѣ приходилось совсѣмъ погибнуть, потому я имъ все и отдалъ. — А знаешь ли, почему это случилось? Хочешь, я скажу тебѣ?—потому, что передъ тѣмъ, какъ придти варварамъ, ты не помогалъ бѣднымъ, чтобы черезъ нихъ твоя милостыня дошла до Христа. Для Христа ты малаго пожалѣлъ, а варвару отдалъ все, что имѣлъ.

Если за такую высокую цѣну ты выкупилъ бренную жизнь, то сколько въ сравненіи съ этимъ стóитъ жизнь вѣчная! Ты, отдающій все свое врагу, чтобы жить нищимъ, дай хоть сколько-нибудь Христу, чтобы жить блаженнымъ. Чтобы прожить немного дней, ты дѣлаешь то, чего требуетъ врагъ, а то, чего требуетъ Христосъ, ты отвергаешь; ты выкупаешь немного дней, полныхъ заботъ и искушеній, чтобы сохранить небольшую усадьбу. Но вотъ врагъ твой, плѣнившій тебя, говоритъ тебѣ: „все, что имѣешь, отдай мнѣ", и чтобы сохранить жизнь, ты все отдаешь. Но сегодня ты откупился, а завтра помрешь; отъ этого врага откупился, а отъ руки другого погибнешь. Вотъ какъ много претерпѣваютъ люди отъ варваровъ ради земной жизни, а тяжко имъ лишить себя чего-нибудь ради жизни вѣчной. Да научатъ насъ, братья, эти времена грозныя. Научись, богатый человѣкъ, искать истинныхъ богатствъ. Тамъ ты будешь истинно богатъ, гдѣ ни въ чемъ не будешь нуждаться".

II.

Призывъ къ отреченію отъ собственности касался лишь одной стороны евангельскаго совершенства; другимъ условіемъ для достиженія его было воздержаніе отъ брака и оставленіе семьи. А этотъ вопросъ гораздо глубже затрогивалъ какъ личную жизнь Августина, такъ и общественное сознаніе.

Августинъ не зналъ въ семьѣ богатства, никогда его не искалъ и не цѣнилъ тѣхъ благъ, которыя оно могло доставить; ему было легче, чѣмъ юношѣ въ Евангеліи, исполнить совѣтъ Христа относительно имущества. Но Августину долго пришлось бороться съ своей страстной натурою, и одержанная имъ въ этомъ отношеніи побѣда надъ собою находится въ тѣсной связи съ тѣмъ переворотомъ въ его убѣжденіяхъ, который сдѣлалъ его христіаниномъ. Къ личному значенію, которое имѣлъ этотъ вопросъ для Августина, присоединялась и трудность выпавшей на него задачи примирить аскетическое воззрѣніе въ Евангеліи съ противоположнымъ воззрѣніемъ на бракъ въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Съ другой стороны, вопросъ о воздержаніи имѣлъ и для общества гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ вопросъ о собственности. Послѣдній касался сравнительно немногихъ — первый же почти всѣхъ, и притомъ не только тѣхъ, которые избѣгали брака, но и жившихъ въ бракѣ. При послѣдовательномъ проведеніи аскетическаго принципа самый институтъ брака под-

вергался вопросу. Отреченіе богатыхъ отъ своей собственности и размноженіе монастырскихъ общежитій произвели бы, конечно, соціальный переворотъ, но не уничтожили бы самой собственности и не подвергли бы въ такой степени вопросу существованіе самого христіанскаго общества и государства, какъ прекращеніе или даже сильное ослабленіе семейной жизни.

Понятно поэтому, что въ сочиненіяхъ Августина вопросъ о воздержаніи и бракѣ занимаетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ отреченіе отъ собственности; онъ касается его не только въ письмахъ и проповѣдяхъ, но и въ особыхъ трактатахъ на протяженіи долгаго времени—отъ сочиненія о „дѣвственности" и „о благѣ брака", относящихся къ 401 году, и до трактата—„de Nuptiis et de Concupiscentia", написаннаго около 419 года.

Какую же роль играетъ Августинъ въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса?—Какъ и можно было ожидать отъ него, послѣ того, какъ онъ пережилъ въ себѣ долгую борьбу между природнымъ влеченіемъ и принципомъ, который ему внушили еще манихеяне, Августинъ выступилъ рѣшительнымъ и страстнымъ апостоломъ *отреченія* и въ этомъ вопросѣ. Онъ придаетъ гораздо бо́льшее значеніе воздержанію, чѣмъ отказу отъ собственности. Говоря о цѣломудріи, онъ провозглашаетъ принципъ, что оно есть первоисточникъ праведности: Inde enim incipit justitia (En. 83, 4). Но въ сущности въ его отношеніи къ собственности и къ браку не мало аналогіи; и въ этомъ случаѣ Августинъ является не монахомъ, а пастыремъ. Какъ въ вопросѣ о собственности, такъ и по отношенію къ браку, Августинъ ставитъ выше всего духовный идеализмъ, предъ которымъ блѣднѣютъ противоположности между отреченіемъ и обладаніемъ; въ обоихъ случаяхъ онъ отстаиваетъ реальную сторону жизни и защищаетъ какъ богатство, такъ и бракъ, въ виду соціальнаго и этическаго блага, которое они могутъ дать; въ обоихъ случаяхъ Августинъ не довольствуется формальнымъ отреченіемъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь онъ особенно озабоченъ тѣмъ, чтобы предостеречь подвижниковъ отъ гордыни подвигомъ.

Августинъ рано принялся прославлять и проповѣдовать воздержаніе. Его разсужденіе подъ этимъ заглавіемъ написано, вѣроятно, въ 395 году, когда онъ былъ еще пресвитеромъ или только-что сталъ епископомъ. Оно имѣетъ характеръ проповѣди, такъ какъ является развитіемъ положеннаго въ его основаніе священнаго текста (Пс. 140, 3—4), но поставлено въ ряду отдѣльныхъ сочиненій Августина, вѣроятно, вслѣдствіе его обширности и длинной полемики его автора съ манихеянами. Харак-

теръ проповѣди, однако, сильно повліялъ не только на форму сочиненія „De continentia", но и на самую постановку вопроса. Исходя изъ словъ псалма, въ которомъ говорится о воздержаніи устъ и помысловъ, Августинъ выводитъ вопросъ изъ аскетическихъ рамокъ и переноситъ его на болѣе широкую этическую почву.

Согласно съ этимъ, Августинъ видитъ центръ тяжести вопроса не въ формальномъ соблюденіи воздержанія: „развѣ,—спрашиваетъ онъ,—вслѣдствіе того, что убійцѣ не удалось совершить свое злодѣяніе, можно признать его сердце чистымъ отъ задуманнаго преступленія? точно также и тотъ, кто встрѣтилъ цѣломудренное сопротивленіе, все-же долженъ въ сердцѣ считаться прелюбодѣемъ. А съ другой стороны, тотъ, кому присуще это высшее (superior) воздержаніе, не нарушитъ и того, что̀ въ собственномъ смыслѣ слова подъ этимъ подразумѣвается; ибо ничто въ этомъ отношеніи не можетъ случиться, если этому не предшествовали дурные помыслы, отъ которыхъ происходитъ внутри человѣка то, что̀ проявляется снаружи [1]).

Это-то высшее душевное воздержаніе Августинъ признаетъ, согласно съ своимъ текстомъ, даромъ Божіимъ, результатомъ благодати.

Нельзя не отмѣтить, что такою высокою оцѣнкою духовной стороны дѣла въ этомъ вопросѣ понижается значеніе монашескаго подвига, такъ какъ то *высшее* воздержаніе можетъ существовать и помимо монашества.

Къ тому же приводитъ и занимающая всю остальную часть проповѣди полемика съ манихеянами, которые видѣли въ воздержаніи средство борьбы добраго начала съ дурнымъ, смѣшанныхъ въ природѣ человѣка и находящихся въ постоянной борьбѣ. Августинъ возражаетъ, что плоть противится духу не какъ противоположная, враждебная ему сила, а потому что она испорчена грѣхомъ. Если законъ плоти нашей въ противорѣчіи съ закономъ духа нашего (repugnat legi mentis), то это не означаетъ смѣшеніе двухъ противоположныхъ натуръ въ человѣкѣ, но разъединеніе одного и того же естества, происшедшее вслѣдствіе грѣха.

Поэтому Августинъ порицаетъ и самое воздержаніе манихеянъ, и разные случаи ложнаго примѣненія его, въ которыхъ воздержаніе внушается собственно невоздержаніемъ, какъ напр., въ томъ случаѣ, если воздержаніе жены обусловливается обѣща-

---

[1]) Qua intus instituitur quod foris agitur.

ніемъ, даннымъ любовнику. Важно, что къ этимъ ложнымъ толкованіямъ Августинъ причисляетъ и *несправедливое*, какъ онъ выражается, воздержаніе, когда въ бракѣ одна сторона самовольно руководится этимъ принципомъ. Но для характеристики взглядовъ Августина на аскетизмъ еще важнѣе заявленіе, которое онъ дѣлаетъ по поводу своей полемики съ манихеянами. Она внушена ему, какъ онъ говоритъ, желаніемъ установить истинное представленіе о воздержаніи, для того, чтобы ради плодотворнаго и похвальнаго подвига (labor) воздержанія не вздумали „враждебно терзать низшую часть нашего „я“ вмѣсто того, чтобы спасительно ее исправлять“. Какое въ этихъ словахъ сдержанное, но безусловное осужденіе столь роскошно развившихся впослѣдствіи ухищреній монашескаго аскетизма!

Съ этимъ сочиненіемъ Августина о воздержаніи слѣдуетъ сопоставить проповѣдь его (№ 354) на эту тему, вызванную, какъ видно изъ словъ Августина, особенно большимъ стеченіемъ лицъ, посвятившихъ себя воздержанію. Тѣмъ болѣе замѣчательно то, что и въ ней проповѣдникъ болѣе занятъ предостереженіемъ противъ гордыни, вызываемой подвигомъ, чѣмъ прославленіемъ самого подвижничества. Августинъ и здѣсь называетъ воздержаніе даромъ Божіимъ и напоминаетъ, какъ часто эта добродѣтель подвергается заподозриванію. „Если ты цѣломудренный слуга Божій, міръ подозрѣваетъ тебя и осуждаетъ и охотно предается злословію противъ тебя; ибо чѣмъ хуже подозрѣніе, тѣмъ пріятнѣе оно для зложелательной души; если же ты взялъ на себя воздержаніе ради людской похвалы, ты заслужилъ порицанія людей“.

Августинъ напоминаетъ подвижникамъ, что въ Христовомъ тѣлѣ они не одни. Такъ и въ тѣлѣ человѣка не одни только благородные органы, но и ноги, безъ которыхъ верхняя часть тѣла влачилась бы по землѣ. Брачная жизнь тоже похвальна. „Намъ извѣстны многіе члены Христова тѣла, ведущіе брачную жизнь; если они вѣрующіе, если они вѣрятъ въ будущую жизнь или ожидаютъ ея, если они знаютъ, почему носятъ на себѣ знаменіе Христа—они члены его тѣла. Мы знаемъ, какъ они васъ чтутъ, знаемъ, что они васъ считаютъ лучше себя. Но насколько они васъ чтутъ, настолько и вы должны взаимно оказывать имъ честь. Если въ васъ есть святость, бойтесь ее потерять. Какимъ образомъ?—черезъ гордость. Гибнетъ святость цѣломудреннаго, если онъ становится прелюбодѣемъ; но гибнетъ она также, если онъ возгордится. И я смѣю сказать, что ведущіе брачную жизнь, если они смиренны, лучше гордыхъ подвижниковъ цѣломудрія“.

Чтобы усилить свое предостереженіе, Августинъ входитъ въ обсужденіе свойствъ и послѣдствій гордости. Этотъ порокъ не бываетъ одинъ: гордый не можетъ не быть завистливъ. Зависть—дочь гордости, но эта мать не бываетъ бездѣтна; и гдѣ только она заведется, тамъ непремѣнно порождаетъ зависть; ибо источникъ зависти не что̀ иное, какъ страсть превзойти другихъ, а страсть превзойти другихъ и называется гордостью.

Чтобы предохранить своихъ слушательницъ,—можно думать, что именно къ нимъ относилась главнымъ образомъ проповѣдь,—Августинъ проситъ ихъ подумать о томъ, что въ эпоху преслѣдованій удостоилась мученическаго вѣнца не только дѣвственница Агнеса, но и жена Криспина. „Если вы объ этомъ вспомните, вы не будете велики въ вашихъ глазахъ; больше думайте о томъ, чего вамъ недостаетъ, чѣмъ о томъ, что̀ у васъ есть“.

Гордость является Августину какъ бы обычнымъ свойствомъ воздержныхъ. До такой степени, говоритъ онъ, „воздержные бываютъ горделивы, что они неблагодарны даже по отношенію къ родителямъ и превозносятъ себя на счетъ ихъ. На какомъ основаніи?—А на томъ, что у тѣхъ были дѣти; они же пренебрегли бракомъ! Но если сынъ не женившійся лучше своего отца, а дочь, не искавшая замужества, лучше своей матери, то, если они горды, они нисколько не лучше ихъ; если же они лучше, то, безъ сомнѣнія, они будутъ и смиренны“.

Августинъ до такой степени опасается гордыни „воздержныхъ“, что считаетъ даже полезнымъ *паденіе* горделивыхъ ради того, чтобы они испытали униженіе именно въ томъ, чѣмъ гордились. Возвращаясь къ вопросу о преимуществѣ дѣвственницы передъ матерью, Августинъ говоритъ: „Низшее мѣсто займетъ въ царствѣ небесномъ мать, потому что была замужемъ, чѣмъ дочь, оставшаяся дѣвственницей; но обѣ будутъ имѣть тамъ свое мѣсто: на небѣ мерцаютъ свѣтлыя звѣзды и тусклыя звѣзды, но всѣ онѣ—небесныя звѣзды; если же мать твоя будетъ смиренна, а ты горделива, то она займетъ тамъ какое-нибудь мѣсто, ты же его вовсе не найдешь“.

Болѣе подробно выяснилъ Августинъ свой взглядъ на воздержаніе и бракъ въ двухъ сочиненіяхъ, написанныхъ одно за другимъ, около 401 года, для разрѣшенія проблемы съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Первое изъ нихъ носитъ характерное заглавіе: „О благѣ брака“ (De bono conjugali). Поводомъ къ нему послужила „ересь“ римскаго діакона Іовиніана, признававшаго за брачною жизнью одинаковое достоинство съ дѣв-

ственностью. Эта ересь, по словамъ Августина, имѣла въ Римѣ такой успѣхъ, что, по слухамъ, толкнула даже нѣкоторыхъ монахинь, въ цѣломудріи которыхъ никто не сомнѣвался, въ брачную жизнь. Главнымъ доводомъ Іовиніана, ставившимъ ихъ въ затрудненіе, служилъ его вопросъ: неужели же вы лучше Сары, лучше Сусанны или Анны, которыя не были дѣвственницами? Іовиніанъ перечислялъ и многихъ другихъ достойныхъ женщинъ, съ которыми дѣвственницы не дерзали даже равнять себя въ мысляхъ, никакъ уже не смѣя превозносить себя надъ ними. Такимъ же способомъ Іовиніанъ подрывалъ и св. безбрачіе достойныхъ мужей, противопоставляя имъ женатыхъ патріарховъ. „Съ этимъ чудовищемъ,—по выраженію Августина,—св. мѣстная церковь благочестиво боролась самымъ рѣшительнымъ образомъ. Однако, слѣды его лжеученія сохранялись въ разныхъ толкахъ и разглагольствованіяхъ, противъ которыхъ никто не рѣшался выступить явно. Но такъ какъ отрава распространялась, хоть и втайнѣ, то надлежало воспротивиться ей, пользуясь даромъ, даннымъ Господомъ; тѣмъ болѣе, что Іовиніанъ хвастался тѣмъ, что возражать ему можно лишь осужденіемъ, а никакъ не оправданіемъ брака“.

Въ этихъ словахъ обрисовывается и задача Августина, и трудность ея исполненія, достойная искуснаго діалектика и знатока Св. Писанія. Ему надлежало опровергнуть ложное превознесеніе брака, не впадая въ осужденіе брака, а одобряя его.

Августинъ предпосылаетъ своему трактату превосходную похвалу брака, выясняя прежде всего его соціальное значеніе. „Человѣкъ есть частица человѣческаго рода; человѣческой природѣ присуще соціальное стремленіе, представляющее великое и естественное благо. Господь соблаговолилъ сотворить всѣхъ людей въ одномъ человѣкѣ для того, чтобы они были связаны въ своемъ общеніи не только сходствомъ природы, но и кровнымъ родствомъ. Первое же и естественное людское общеніе представляетъ собою связь мужа и жены; и ихъ Господь сотворилъ не отдѣльно другъ отъ друга и не соединилъ, затѣмъ, какъ чужеродныхъ, но жену создалъ изъ бедра мужа; бедромъ они соединены, чтобы рядомъ идти въ жизни и одинаково видѣть, куда имъ идти“...

Съ этой соціальной точки зрѣнія Августинъ высоко цѣнитъ бракъ. Уже непосредственное назначеніе брака—обезпечить продолженіе рода человѣческаго—имѣетъ соціальное значеніе, но еще яснѣе выступаетъ оно, по мнѣнію Августина, въ той порѣ, когда та первоначальная цѣль уже достигнута, а общеніе душъ

и взаимное служенiе продолжаются. Съ другой стороны, Августинъ проводитъ мысль, что бракъ есть благо по своимъ нравственнымъ результатамъ: бракъ узаконяетъ и оправдываетъ порочныя наклонности человѣческой природы и, внося въ людскія отношенія понятіе и принципъ *вѣрности*, является источникомъ нравственности. Все же, что̀ въ бракахъ бываетъ дурного, совершается вслѣдствіе пороковъ людей, а не по винѣ учрежденія. Наконецъ, бракъ представляетъ собою благо потому, что онъ есть таинство. Въ силу этого, нечестиво женѣ, отверженной мужемъ, выходить замужъ за другого при жизни мужа. Замѣчательно, что Августинъ говоритъ объ этомъ новомъ доказательствѣ благости брака лишь въ концѣ своего трактата и, перечисляя доказательства благости брака, ставитъ таинство на третьемъ мѣстѣ: потомство, вѣрность и таинство. Это объясняется у него тѣмъ, что первыя два блага присущи браку у всѣхъ народовъ и имѣютъ отношеніе ко всѣмъ людямъ; святымъ же таинствомъ бракъ становится только въ Божьемъ народѣ.

На основаніи такихъ соображеній Августинъ приходитъ къ важному заключенію, что бракъ не только относительное, но и положительное благо. Бракъ не только лучше невоздержанія, не только меньшее изъ двухъ золъ; но онъ благо, какъ и самое воздержаніе есть благо: это два блага, изъ которыхъ одно лучше другого. Подобно тому, какъ трапеза благочестивыхъ выше поста нечестивыхъ, такъ и бракъ вѣрующихъ предпочтителенъ дѣвственности невѣрующихъ; и какъ въ первомъ случаѣ предпочтеніе отдается не трапезѣ передъ постомъ, а благочестію передъ нечестіемъ, такъ и во второмъ случаѣ не бракъ предпочитается дѣвственности, а вѣра невѣрію.

Однако, Августинъ своими оговорками ослабляетъ категорическое заявленіе о благости брака. Онъ различаетъ два рода благъ, посылаемыхъ Богомъ: такія, которыя желательны сами по себѣ, какъ мудрость, здоровье, дружественное общеніе съ другими, и такія, которыя необходимы ради чего-либо другого—ученіе, пища, сонъ и бракъ; ученіе необходимо ради мудрости, пища, питье и сонъ нужны для здоровья;—такъ нуженъ и бракъ, ибо имъ обусловлено продолженіе человѣческаго рода, а этимъ обезпечивается иногда большое благо—дружественное общеніе между людьми.

Эта классификація благъ оказывается въ дальнѣйшей аргументаціи весьма знаменательной для оцѣнки брака. Августинъ утверждаетъ, что кто пользуется благами, имѣющими лишь служебное значеніе, не для той цѣли, для которой они должны слу-

жить средствами, тотъ грѣшитъ. Поэтому тотъ, кто не нуждается въ цѣли, лучше поступитъ, если не станетъ пользоваться и средствомъ, къ ней ведущимъ. Отсюда слѣдуетъ, что, какъ говоритъ апостолъ, доброе дѣло замужество и материнство, но еще лучше не жениться и не выходить замужъ, ибо человѣческій родъ нынѣ въ такомъ положеніи, что для своего продолженія не требуетъ отъ всѣхъ брака, такъ какъ всегда найдутся люди, которые объ этомъ достаточно позаботятся. „А что, возразятъ мнѣ, еслибы всѣ люди захотѣли воздержаться отъ брака?—О, еслибы захотѣли! — восклицаетъ Августинъ: — тогда гораздо скорѣе свершилось бы Божье царство и ускорилось бы наступленіе конца вѣка!"

Установивъ съ указанной оговоркой благость брака, Августинъ обращается ко второй своей задачѣ—привести этотъ взглядъ въ согласіе съ ветхозавѣтными воззрѣніями на бракъ, отразить ложныя представленія о бракѣ, основанныя на невѣрномъ истолкованіи этой части Св. Писанія, и устранить разногласіе въ воззрѣніяхъ на бракъ между ветхимъ и новымъ источниками божественнаго откровенія.

Ветхій Завѣтъ проникнутъ безусловно высокой оцѣнкой брака: размноженіе признается обязанностью человѣческаго рода; многочисленное потомство выставляется наградой за благочестіе; бракъ настолько поощряется, что многоженство не только допускается, но въ знаменитомъ примѣрѣ ставится какъ бы въ образецъ. Съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія лжетолкователи пользовались Ветхимъ Завѣтомъ, чтобы распространить невѣрныя представленія о бракѣ. Манихеяне „клеветали" на патріарховъ и въ ихъ многоженствѣ усматривали поводъ къ обвиненію ихъ въ невоздержаніи. Манихеяне, считавшіе въ своемъ дуализмѣ матерію началомъ зла и объяснявшіе жизнь тѣмъ, что частички свѣта и добра захватывались чувственной матеріей,—послѣдовательно признавали всякое новое зарожденіе жизни зломъ и грѣхомъ. Отсюда ихъ принципіальное осужденіе брака и на этомъ основаніи и самаго Ветхаго Завѣта. Возражая имъ, Августинъ опровергаетъ ихъ три обвинительныхъ пункта противъ Ветхаго Завѣта. Многоженство патріарховъ, по его словамъ, не было грѣхомъ, потому что вызывалось не похотью, а желаніемъ имѣть потомство; оно не было противно тогдашнему обычаю, и не было нарушеніемъ закона, потому что не воспрещалось никакимъ божественнымъ завѣтомъ.

Но, съ другой стороны, надо было возразить и Іовиніану для того, чтобы его ссылки на авторитетъ Ветхаго Завѣта не сму-

щали дѣвственницъ и не принимались ими какъ поощреніе къ брачной жизни.

Августинъ разрѣшаетъ свою задачу чрезвычайно искусно и высказываетъ по этому поводу принципъ, который на самомъ дѣлѣ долженъ быть принятъ въ соображеніе при обсужденіи нравственныхъ вопросовъ—принципъ *историческій*, побуждающій различать эпохи. Самое примѣненіе этого принципа къ данному вопросу обусловливается у Августина, конечно, текстами Св. Писанія. „Въ первыя времена рода человѣческаго,—говоритъ онъ,—святые мужи должны были прибѣгать къ браку не ради себя, а потому, что онъ былъ нуженъ для размноженія божьяго народа, среди котораго долженъ былъ, какъ было предсказано, родиться Спаситель всѣхъ народовъ. Поэтому древнимъ отцамъ разрѣшалось, въ случаѣ бездѣтства, съ согласія жены брать наложницу съ тѣмъ, чтобы ея дѣти считались дѣтьми обѣихъ матерей, одной по плоти, другой по праву. Законно ли было бы это и теперь,—замѣчаетъ Августинъ,—я не рѣшился бы утверждать". Въ тѣ времена разрѣшалось даже тѣмъ, кто уже имѣлъ въ бракѣ дѣтей, брать вторую жену для умноженія потомства, что̀ въ настоящее время отнюдь не дозволено. Поэтому могли имѣть въ то время нѣсколькихъ женъ, безъ грѣха, даже такіе люди, которые легко бы воздержались вовсе отъ брака, еслибы благочестіе того времени не требовало отъ нихъ другого. Въ наше же время духовная семья можетъ быть преумножена изъ всѣхъ народовъ и въ такомъ изобиліи, что даже тѣхъ, кто желалъ бы вступить въ бракъ не изъ похоти, а только ради потомства, слѣдуетъ увѣщевать, чтобы они предпочитали лучшую долю—воздержаніе; пусть женятся только тѣ, согласно словамъ апостола, кто не способенъ избрать лучшую долю".

Но Августинъ не ограничился однимъ историческимъ аргументомъ для оправданія многоженства древнихъ отцовъ; онъ прибѣгаетъ для этого и къ другому способу истолкованія Св. Писанія—аллегорическому, который впослѣдствіи такъ распространился, что совершенно заглушилъ простое историческое истолкованіе Ветхаго Завѣта. Многоженство принимаетъ въ глазахъ Августина символическое значеніе: оно знаменуетъ собою „будущія" церкви, возникшія у всѣхъ народовъ и подчиненныя единому супругу, Христу". Съ этимъ толкованіемъ Августинъ сопоставляетъ предписаніе апостола ставить епископомъ лишь мужа одной жены; это предписаніе обозначаетъ грядущее единеніе всѣхъ народовъ въ Христѣ, unitatem—въ смыслѣ церкви, которое завершится, когда все тайное обнаружится. „Но и тутъ

при ветхозавѣтномъ многоженствѣ не разрѣшалось женѣ имѣть двухъ мужей, или при живомъ мужѣ вступать въ бракъ съ другимъ; это и тогда не дозволялось,—восклицаетъ Августинъ,—и теперь не дозволяется, и никогда не будетъ дозволяться. Наши святые отцы никогда не допускали ради преумноженія потомства того, что̀ приписывается римскому Катону, который при жизни уступилъ свою жену, чтобы обогатить сыновьями и другую семью. Въ нашихъ бракахъ святость таинства преобладаетъ надъ желаніемъ плодородія—plus valet sanctitas sacramenti quam fecunditas uteri"...

Въ виду этого многоженство не только не должно быть поставлено въ укоръ древнимъ отцамъ, но Августинъ считаетъ нужнымъ предостеречь современниковъ, чтобы они не превозносились надъ ними. Браки св. отцовъ имѣли провиденціальное значеніе; они исполняли историческую миссію, поэтому Августинъ не допускаетъ, чтобы съ ними могли равняться тѣ, кто теперь вступаетъ въ бракъ, хотя бы и правильно, т.-е. только ради потомства; но возникаетъ вопросъ, могутъ ли быть поставлены наравнѣ съ ними тѣ, кто теперь воздерживается отъ брака? Для разрѣшенія этого вопроса Августинъ указываетъ, что воздержаніе, какъ и всѣ другія добродѣтели, можетъ проявляться на дѣлѣ (in opere), или быть только въ натурѣ человѣка, ибо оно *есть доблесть не тѣла, а духа*. Такъ, доблесть мученичества проявляется въ перенесеніи мученій, но сколько было людей, которымъ не представился случай проявить эту доблесть. Исходя отсюда, Августинъ утверждаетъ, что воздержаніе было присуще духу древнихъ отцовъ, теперь же должно проявляться и на дѣлѣ. На этомъ основаніи онъ предлагаетъ дѣвственницамъ, которыхъ Іовиніанъ смущаетъ вопросомъ, развѣ ты лучше Сары, отвѣчать: „я лучше тѣхъ женщинъ, которыя не живутъ въ воздержаніи, но о Сарѣ я этого не думаю; обладая доблестью воздержанія, она поступала согласно съ тѣмъ, чего требовало отъ нея время, я же свободна отъ этого и могу проявить на дѣлѣ то, что̀ та хранила въ душѣ".

На этомъ основаніи Августинъ счелъ себя вправѣ сдѣлать изъ своего историческаго поясненія ветхозавѣтнаго взгляда на бракъ слѣдующій выводъ: разсмотрѣніе особенностей временъ даетъ такое ясное указаніе относительно того, какъ слѣдуетъ праведному поступать и какъ не поступать, что въ наше время всякій поступитъ лучше, если (вмѣсто многихъ женъ) не возьметъ ни одной, если способенъ на воздержаніе.

Несмотря, однако, на это предпочтеніе безбрачія браку, Авгу-

стинъ продолжаетъ считать бракъ благомъ, которое можно отстаивать противъ всякихъ нареканій разумными доводами (sana ratione). Въ связи съ этимъ Августинъ не желаетъ, чтобы ему приписывали мнѣніе, будто бракъ исключаетъ цѣломудріе и святость. Но для этого бракъ долженъ оставаться въ предѣлахъ своего предназначенія. Мы касаемся здѣсь вопроса, весьма важнаго для исторіи аскетизма и нравовъ христіанскаго общества въ эпоху Августина. Бракомъ благимъ, святымъ, не требующимъ того прощенія, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ, въ глазахъ Августина является лишь такой, который имѣетъ исключительною цѣлью продолженіе семьи. Это требованіе заключало въ себѣ коренную реформу брачныхъ отношеній; оно вносило въ самый бракъ принципъ аскетизма, пытаясь примирить принципъ мірской и аскетическій въ высокомъ религіозномъ идеализмѣ. Объяснить своимъ современникамъ эту точку зрѣнія, внушить имъ рѣшимость усвоить ее себѣ—такова задача, которую Августинъ неутомимо преслѣдуетъ въ проповѣдяхъ, въ поученіяхъ и въ частной перепискѣ, не избѣгая подробностей, чуждыхъ обычаямъ современной церковной каѳедры и печати, но, очевидно, не казавшихся странными въ то время и тому населенію, для котораго писалъ Августинъ. Какой успѣхъ имѣла эта проповѣдь? Августинъ самъ говоритъ намъ о затрудненіяхъ, которыя она встрѣчала, о томъ, насколько люди его времени были болѣе склонны усвоить себѣ безусловный аскетизмъ, не вступая вовсе въ бракъ или давая въ немъ обѣтъ воздержанія, чѣмъ слѣдовать его идеалу брака: мы находимъ у него характерное для общества того времени свидѣтельство, что „числа обрекшихъ себя на воздержаніе нельзя перечесть [1]). Но кто изъ жившихъ или живущихъ въ бракѣ,—спрашиваетъ Августинъ,—не признался въ интимной бесѣдѣ, что злоупотреблялъ бракомъ?"

Въ этомъ сочиненіи о „благѣ брака" благость его обставлена такими оговорками, вызванными, какъ мы видѣли, полемикой противъ излишняго превознесенія брака, что мы считаемъ нужнымъ указать еще одно мѣсто изъ Августина, въ которомъ похвала и высокая оцѣнка брака съ его стороны высказаны болѣе категорично. Это мѣсто тѣмъ болѣе замѣчательно, что на него опирался тотъ августинскій монахъ, который нанесъ самый тяжелый ударъ средневѣковому аскетизму. Оно находится въ сочиненіи Августина „О Книгѣ Бытія", которое было начато одно-

---

[1]) Non sic accipiendum est ut putemus non esse sanctam corpore christianam conjugem castam. De Bono conjugali, § 13.

временно съ разсмотрѣннымъ нами разсужденіемъ, но писалось долго — до 415 года — и находится въ одной изъ послѣднихъ книгъ этого сочиненія. Здѣсь Августинъ, признавая бракъ *честнымъ*, называетъ его *обязанностью* и *лекарствомъ* [1])— „обязанностью для здоровыхъ“ —разумѣя подъ этимъ людей до грѣхопаденія—и „лекарствомъ для больныхъ“, т.-е. послѣ грѣхопаденія.

„Ибо,—продолжаетъ Августинъ,—изъ-за того, что невоздержаніе есть зло, бракъ, которымъ соединяются невоздержные, не перестаетъ быть благомъ; изъ-за того зла бракъ не становится грѣшнымъ, а напротивъ, изъ-за этого блага то зло становится простительнымъ; ибо то, что̀ въ бракѣ благо и чѣмъ онъ становится благомъ, никогда не можетъ быть грѣхомъ. Благо же его троякое: вѣрность, потомство и таинство. Таковъ законъ брака, посредствомъ котораго облагораживается плодородіе природы и исправляется порокъ невоздержанія“.

Съ этой точки зрѣнія самая дѣвственность представляется у Августина не столько какъ благо само по себѣ, сколько какъ средство борьбы съ порокомъ. „Почему, — спрашиваетъ онъ,— благочестивая дѣвственность имѣетъ передъ Богомъ такую великую заслугу и такой высокій почетъ—какъ не потому, чтобы въ наше время похоть не искала надменно оправданія для себя въ томъ, что̀ уже перестало быть необходимостью, т.-е. въ потомствѣ—въ виду того, что число святыхъ или христіанъ можетъ быть въ изобиліи пополнено изъ всѣхъ языковъ“.

III.

Обратимся теперь къ тому сочиненію, которое Августинъ посвятилъ разсмотрѣнію другой стороны великой этической проблемы своего времени. Трактатъ о „Святой дѣвственности“ Августинъ начинаетъ словами: „Недавно я издалъ книгу о благѣ

---

[1]) Вспоминая объ этихъ словахъ въ одной изъ своихъ „застольныхъ бесѣдъ“, Лютеръ сказалъ (въ собраніи Матезія № 428—въ изд. Крокера): „Многое можно привести противъ брака и доводы трудно оспоримые: заботы, съ нимъ связанныя, свойства женскаго пола, издержки, опасности и т. д. Но всѣ эти доводы опровергаются слѣдующими двумя, которые все выдерживаютъ; ихъ нельзя опровергнуть, они же все опровергаютъ: officium et remedium. Ибо до грѣхопаденія введенъ бракъ для того, чтобы міръ наполнился людьми; послѣ же грѣхопаденія онъ является лекарствомъ. Такъ сказалъ Августинъ. Этого никто не въ состояніи опровергнуть. Къ этому слѣдуетъ присоединить плоды брака, т.-е. потомство“.

брака, въ которой увѣщевалъ дѣвъ Христовыхъ, чтобы онѣ изъ-за преимуществъ высшаго призванія, имъ дарованнаго Божественнымъ Промысломъ, не презирали въ сравненіи съ собою отцовъ и матерей народа Божьяго—на томъ основаніи, что по божественному праву воздержаніе предпочтительнѣе браку и благочестивая дѣвственность—свадьбѣ. Ибо,—поясняетъ Августинъ цѣль своего сочиненія,—слѣдуетъ не только проповѣдовать дѣвственность, чтобы ее цѣнили, но и предостерегать соблюдающихъ ее, чтобы онѣ не превозносили себя".

Согласно съ этимъ заявленіемъ, самый трактатъ о дѣвственности является не столько прославленіемъ ея, сколько увѣщаніемъ въ указанномъ смыслѣ.

Въ самомъ началѣ авторъ взываетъ къ самому высокому авторитету для того, чтобы дѣвственности не придавалось со стороны ея поклонницъ чрезмѣрнаго значенія: церковь, подобно дѣвѣ Маріи, въ то же время и мать, и дѣвственница. Марія тѣлесно родила Христа, главу церкви, церковь духовно порождаетъ члены его тѣла; въ обоихъ случаяхъ дѣвственность не помѣшала плодородію; въ обоихъ случаяхъ плодородіе не нарушило дѣвственности. Такимъ образомъ, выше идеала дѣвственницъ является другой, въ которомъ соединяются и материнство, и дѣвственность. Но этотъ идеалъ недостижимъ для человѣка, и Августинъ утѣшаетъ поэтому „Божьихъ дѣвъ" въ томъ, что, сохранивъ дѣвственность, онѣ не могутъ быть матерями по плоти. Никакое плодородіе не должно равнять себя съ дѣвственностью. „Я говорю это,—поясняетъ Августинъ,—для того, чтобы матери не дерзали выставлять въ образецъ дѣву Марію и говорить дѣвственницамъ: дѣва Марія можетъ похвалиться и материнствомъ, и дѣвственностью; мы же, такъ какъ не можемъ удостоиться того и другого блага, подѣлились съ вами такъ, что вы остались дѣвами, а мы стали матерями (христіанъ)". Августинъ признаетъ это разсужденіе несостоятельнымъ главнымъ образомъ потому, что рождаются матерями не христіане, а люди, которые лишь потомъ, благодаря церкви, становятся членами тѣла Христова.

Но, ставя дѣвственность выше брака, Августинъ спѣшитъ придать самой дѣвственности духовное значеніе, истолковать ее въ духовномъ смыслѣ. „Дѣвственность пользуется почетомъ не сама по себѣ, а за то, что посвящаетъ себя Господу, и хотя соблюдается тѣлесно (servetur), она сохраняется (servatur) духовно съ помощью религіи и благочестія; черезъ это и самая дѣвственность изъ тѣлесной становится духовной. И какъ не слѣдуетъ считать позорнымъ (impudicum) какое-либо тѣлесное

дѣйствіе, если не овладѣли духомъ дурные помыслы, такъ никто не въ состояніи сохранить дѣвственность тѣла, если его духу не присуще цѣломудріе. Только на такую дѣвственность Августинъ согласенъ распространить преимущество дѣвственнаго состоянія передъ бракомъ съ его высокимъ назначеніемъ увеличивать число служителей Христа.

Установивъ понятіе о настоящей дѣвственности, Августинъ защищаетъ ее противъ ея завистниковъ, опровергая различные, какъ онъ говоритъ, нелѣпые толки ихъ: напр., восхваленіе брака на томъ основаніи, что отъ него родятся дѣвственницы; эту заслугу, возражаетъ онъ, слѣдуетъ приписывать не браку, а природѣ, установившей, что всякая женщина родится дѣвой—но ни одна изъ нихъ не родится святой дѣвственницей (sacra virgo).

Возражаетъ Августинъ и тѣмъ, кто утверждаетъ, что воздержаніе имѣетъ значеніе только для здѣшней жизни, но не является необходимостью для царства небеснаго: „дѣвственность, — восклицаетъ онъ, — обусловленная благочестивымъ воздержаніемъ, есть ангельскій удѣлъ и въ порочной плоти умозрѣніе вѣчной непорочности. Передъ этимъ пусть отступитъ всякое плодородіе плоти, всякое цѣломудріе въ бракѣ; первое—не въ нашей волѣ, второе не имѣетъ продолженія въ вѣчности“.

Не всѣ, однако, такъ думали, и тѣ, кто отрицали, что прожившимъ свой вѣкъ въ дѣвственности будутъ предоставлены въ загробной жизни какія-либо преимущества передъ семейными—ссылались на слова апостола Павла: „Относительно дѣвства,—писалъ апостолъ Коринѳянамъ,—я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ. По настоящей нуждѣ, за лучшее признаю, что хорошо человѣку оставаться *такъ*“. Слова по „настоящей нуждѣ“ они истолковывали въ томъ смыслѣ, что только по нуждѣ настоящаго времени, т.-е. по нуждѣ *временной* безбрачіе предпочтительно.

Истолкованіе этого мѣста имѣло въ дни зарожденія аскетизма большое значеніе. Отъ него зависѣла степень оцѣнки безбрачія и признаніе за монашествомъ не только особой святости на землѣ, но и особаго преимущества въ царствѣ небесномъ. Можно, поэтому, сказать, что въ истолкованіи приведенныхъ словъ апостола отражались два различныхъ воззрѣнія и что торжество одного изъ нихъ обусловливало собою судьбу средневѣковаго аскетизма.

Въ виду этого, истолкованіе указаннаго мѣста Августиномъ представляетъ для насъ здѣсь особенный интересъ; а кромѣ того, оно можетъ служить намъ и образчикомъ его экзегетики.

Экзегетика Августина въ *данномъ случаѣ* ничѣмъ не отличается отъ общепринятой въ его время, недостатокъ которой заключался въ томъ, что смыслъ каждаго текста истолковывался на основаніи латинскаго перевода, отдѣльно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Изъ дальнѣйшихъ словъ посланія очевидно, что апостолъ исходилъ изъ мысли о скоромъ пришествіи Христа—„время уже коротко", говорилъ онъ; поэтому онъ совѣтовалъ каждому оставаться такъ, какъ онъ былъ, женатому—не разводиться, холостому—не жениться; слова: „по настоящей нуждѣ" не имѣли, поэтому, никакого отношенія къ вопросу о загробномъ преимуществѣ дѣвственнаго состоянія.

Но Августинъ не пользуется этимъ соображеніемъ какъ орудіемъ противъ своихъ противниковъ. Правда, латинскій переводъ болѣе благопріятствовалъ имъ, чѣмъ приведенный выше русскій переводъ разбираемаго текста. Признавая несомнѣннымъ, что апостолъ, говоря о „настоящей нуждѣ", имѣлъ въ виду будущую жизнь, Августинъ старался вывести изъ нихъ благопріятное для аскетизма заключеніе. Эта „нужда" заставляетъ живущихъ въ бракѣ думать о земномъ, мужа—о томъ, какъ угодить женѣ, жену—какъ угодить мужу; а потому хотя бракъ и не препятствуетъ войти въ царство Божіе, но больше получитъ въ царствѣ небесномъ тотъ, кто больше думалъ въ жизни о томъ, какъ угодить Богу. Августинъ признаетъ, что въ вѣчной жизни будутъ пользоваться особою славою тѣ, кто, не довольствуясь освобожденіемъ отъ грѣха, пожелали посвятить своему Спасителю то, непосвященіе чего не можетъ имъ служить укоромъ, посвященіе же чего достойно особой похвалы.

Не ограничиваясь этимъ толкованіемъ, Августинъ старается съ помощью цѣлаго ряда другихъ текстовъ, какъ того же апостола, такъ и пророка Исаіи, подкрѣпить свое утвержденіе, что значеніе земного иночества простирается также и на вѣчную жизнь. Такимъ образомъ, дѣвственность и воздержаніе признаются Августиномъ особеннымъ, святымъ состояніемъ, которое сохраняетъ свое преимущество и въ царствѣ небесномъ. Но несмотря на это, Августинъ тутъ же обнаруживаетъ заботу о томъ, чтобы въ превознесеніи дѣвственности надъ бракомъ не была превзойдена мѣра. Превознесеніе дѣвственности не должно вести къ *осужденію* брака, и Августинъ поэтому увѣщеваетъ послѣдователей и послѣдовательницъ вѣчнаго воздержанія и святой дѣвственности, чтобы они, предпочитая свое состояніе браку, не считали его зломъ. Исходя отсюда, Августинъ ополчается противъ двухъ противоположныхъ заблужденій—приравнивать бракъ дѣвственности

и осуждать его; оба эти заблужденія уклоняются отъ истины, находящейся по серединѣ и опирающейся какъ на разумъ, такъ и на авторитетъ Св. Писанія, которое учитъ, что бракъ не грѣхъ, но уступаетъ по достоинству не только дѣвственности, но и воздержанію въ вдовьемъ состояніи. Всѣми способами Августинъ не только предостерегаетъ отъ осужденія брака, но заявляетъ, что слава и заслуга дѣвственности даже выиграютъ оттого, если люди не станутъ избѣгать брака, какъ чего-то дурного: поэтому, говоритъ Августинъ, тѣ, кто посредствомъ осужденія брака побуждаютъ святыхъ дѣвственницъ пребывать въ ихъ состояніи, не увѣщаютъ ихъ къ этому, а отвращаютъ отъ него.

Уже въ этомъ наставленіи не осуждать брака и живущихъ въ бракѣ обнаруживается желаніе Августина предостеречь дѣвственницъ отъ самовосхваленія. На самомъ дѣлѣ призванію ихъ къ служенію и посвящена вся дальнѣйшая и большая часть трактата. Всѣми способами старается здѣсь Августинъ внушить „святымъ дѣвамъ“ смиреніе, то ссылками на Св. Писаніе, то примѣрами, то увѣщаніями. Въ особенности предостерегаетъ онъ не дерзать ставить дѣвственность выше мученичества; это увѣщаніе снова становится поводомъ къ совѣту не превозносить себя на счетъ замужнихъ женщинъ: можетъ-быть среди нихъ не мало такихъ, которыя были бы въ состояніи бороться съ врагомъ, не жалѣя ни крови своей, ни тѣла, отдаваемаго на истязаніе, тогда какъ среди тѣхъ, кто съ дѣтства соблюдалъ цѣломудріе ради царства небеснаго, можетъ-быть не всѣ были бы въ состояніи перенести мученія изъ-за цѣломудрія. Ибо — одно не уступать искушенію и лести, другое—устоять для сохраненія своего обѣта даже противъ побоевъ и мученій. „Способности и силы души отъ насъ скрыты; онѣ открываются въ искушеніи и становятся извѣстными по испытаніи“.

Августинъ удѣлилъ въ своемъ разсужденіи о святой дѣвственности такъ много мѣста смиренію, что въ концѣ самъ оговаривается: „однако это не называется писать о дѣвственности, но о смиреніи“, а затѣмъ оправдывается словами, что онъ брался прославлять не всякую дѣвственность, а только „Божію“, и чѣмъ выше онъ таковую цѣнитъ, тѣмъ болѣе опасается, чтобы она не была уничтожена гордостью.

Впослѣдствіи Августину пришлось еще вернуться къ вопросу о бракѣ и на этотъ разъ также по поводу полемики,— а именно съ пелагіанцами. Разногласіе между Августиномъ и Пелагіемъ касалось не аскетизма—Пелагій былъ самъ аскетъ и

признавалъ согласно Писанію для „совершенства“ необходимымъ исполненіе не только предписаній божественнаго закона, но и „совѣтовъ евангельскихъ“. Поэтому и для него борьба съ плотью и дѣвственность были идеаломъ. Но онъ рѣзко расходился съ Августиномъ въ воззрѣніи на плоть. Онъ оспаривалъ ученіе Августина, что вслѣдствіе неповиновенія Господу перваго человѣка въ раю люди утратили власть надъ своею плотью, и вложенный въ природу человѣка инстинктъ превратился въ грѣховную страсть, не повинующуюся волѣ и духу человѣка, съ которой онъ и долженъ бороться. Это измѣненіе плоти и вытекавшая отсюда порча природы человѣка переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя прирожденные человѣку зло или грѣхъ (male originarium). Не признавая этого первороднаго грѣха, Пелагій съ точки зрѣнія Августина оправдывалъ плоть и плотскіе инстинкты человѣка;—пелагіанцы же отвѣчали на это обвиненіемъ, что Августинъ, осуждая плоть, осуждаетъ и бракъ [1].

Противъ этого заблужденія и написалъ Августинъ въ 419 г. свое сочиненіе—„De Nuptiis et Concupiscentia“, въ которомъ, касаясь и другихъ пунктовъ полемики съ пелагіанцами, онъ старается доказать совмѣстимость ученія о прирожденномъ грѣхѣ съ признаніемъ благости брака. Сочиненіе это очень важно для пониманія идей Августина, въ особенности его ученія о природѣ человѣка до грѣхопаденія, лишившаго, по его мнѣнію, человѣка власти надъ его тѣломъ. Не касаясь этой стороны дѣла, мы отмѣтимъ здѣсь ту особенность этого сочиненія, что въ немъ, гдѣ невоздержаніе мотивируется не только моральнымъ, но и физіологическимъ извращеніемъ человѣка, Августинъ снова является защитникомъ брака.

IV.

Можно ли приведенные отзывы Августина о воздержаніи и бракѣ привести къ единству? Не мудрено, конечно, что такое объединеніе взглядовъ Августина по данному вопросу можетъ показаться неосуществимымъ въ виду разнообразія этихъ отрывковъ, написанныхъ при различныхъ условіяхъ и большею частью подъ вліяніемъ полемики. Такъ думаетъ и Рейтеръ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, носящемъ скромное названіе „Augustinische Studien“. Нельзя не пожалѣть, что строго ученая форма книги и методъ, котораго держится авторъ, помѣшали широкому

---

[1]) Cum vituperatur libido carnalis damnari nuptias opinantur.

ея распространенію. Рейтеръ сопоставляетъ въ рѣзкихъ антитезахъ различныя сужденія, высказанныя Августиномъ въ разное время, и затѣмъ формулируетъ свое заключеніе съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ и даже оговорокъ къ оговоркамъ, такъ что читатель покидаетъ книгу Рейтера, утомленный противорѣчіями и недоумѣніями. И однако для всякаго, кто хочетъ познать Августина во всемъ богатомъ разнообразіи его воззрѣній и во всемъ блескѣ его діалектическаго таланта, нѣтъ лучшаго руководства, какъ книга Рейтера.

Этотъ глубокій знатокъ Августина отрицаетъ, чтобы можно было привести къ одному знаменателю его воззрѣнія на аскетизмъ. Рейтеръ находитъ, что въ указанныхъ выше сочиненіяхъ существуютъ не только формальныя противорѣчія, вытекающія изъ различія цѣли, которой каждое посвящено, и изъ обстоятельствъ, среди которыхъ каждое изъ нихъ написано—но что въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаются непримиримыя противорѣчія. Августинъ, по мнѣнію Рейтера, хочетъ держаться средины между двумя крайностями, но это ему не удается, потому что существуетъ антагонизмъ между основнымъ взглядомъ Августина на аскетическое подвижничество и обаятельностью, которую оно для него сохранило [1]). Мы не присоединяемся къ этому отзыву и полагаемъ, что во всѣхъ изгибахъ мысли Августина проявляется одно направленіе—и что отсюда вытекаетъ и основной взглядъ его на аскетизмъ. Въ глазахъ Августина подвижничество, не исключая и мученичества, есть „доблесть не тѣла, а духа“. Слѣдовательно, тѣлесные подвиги, буквальное исполненіе евангельскихъ совѣтовъ, получаютъ свою цѣну только если вытекаютъ изъ духовнаго подвижничества. Въ этомъ этическомъ идеализмѣ, внесенномъ въ аскетизмъ, и нужно искать характерную черту міровоззрѣнія Августина и его роли въ исторіи аскетизма. Эта черта должна служить мѣркою при оцѣнкѣ средневѣковаго аскетизма и его отношеній къ Августиновскому. Изъ этого этическаго идеализма вытекало и другое условіе, безъ котораго подвигъ терялъ свою цѣну: онъ не долженъ былъ представляться подвигомъ тому, кто его совершалъ, и потому не долженъ былъ служить источникомъ самопревознесенія.

Этотъ этическій идеализмъ проявился у Августина не только

---

[1]) Weil ein Antagonismus besteht zwischen einem die ganze Methode der Ausübung der Consilia evangelica in Frage stellenden Grundgedanken nnd der Macht, welche die letztere über Augustin behält. Es bleiben also—meines Erachtens höchts characteristische Antinomieen in der Lehre von den *Consiliis überhaupt*. Aug. Studien, p. 426.

по отношенію къ аскетическому подвижничеству, но и къ мірской жизни, и вызвалъ съ его стороны ту попытку къ реформѣ брака, которая недостаточно отмѣчена въ исторіи, потому что не нашла себѣ достаточной поддержки въ нравахъ и стремленіяхъ послѣдующихъ эпохъ, и потому что при развившемся впослѣдствіи выдѣленіи монашества въ особое состояніе міряне были поставлены внѣ аскетическаго теченія. Въ глазахъ Августина мірское и монашеское состояніе не были отчуждены другъ отъ друга, и міряне поэтому не исключались изъ аскетическаго идеализма. Поэтому, отстаивая бракъ какъ учрежденіе, освященное божескимъ закономъ, Августинъ въ то же время строго ограничивалъ брачныя отношенія цѣлью, для которой онъ былъ установленъ — обезпечиваніемъ потомства; помимо же этого и бракъ долженъ былъ служить аскетическому идеалу.

V.

Выяснивъ воззрѣнія Августина на аскетизмъ, съ ихъ теоретической стороны, мы обратимся къ практической сторонѣ дѣла и разсмотримъ, какъ относился Августинъ къ проведенію въ жизнь своихъ воззрѣній; причемъ сначала коснемся монашескаго быта, а затѣмъ проявленія аскетизма въ жизни мірянъ. Для установленія взглядовъ Августина на монашескій бытъ въ особенности важенъ его трактатъ о „ручномъ трудѣ въ монастыряхъ". Этотъ трактатъ, написанный около 400 года, представляетъ собою любопытный документъ культурной исторіи. По мѣрѣ того, какъ волна монашества поднималась и росла, сталъ измѣняться и составъ его. Не одни доживавшіе свой вѣкъ старцы стали идти въ монахи, но и молодые, крѣпкіе люди, и новые монахи искали убѣжища не въ пустыняхъ и пещерахъ, а за стѣнами монастырей, возникавшихъ въ богатыхъ, полныхъ соблазна городахъ, какъ Карѳагенъ и Адруметъ. Новые монахи думали не столько о спасеніи души своей, сколько о спасеніи отъ невзгодъ и недочетовъ жизни, и искали въ монастырѣ средствъ къ ея обезпеченію. Въ монастырь стали приходить не только люди, желавшіе спокойно предаваться молитвѣ и созерцанію вѣчнаго блага, но и другіе люди, уходившіе отъ тяжелаго жизненнаго труда, чтобы кормиться на счетъ общины и доброхотныхъ приношеній. Къ нравственно-религіозному интересу примѣшался интересъ экономическій. Возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли монахамъ работать?—Но работать и работать для своего пропитанія, не значило ли это оставаться по прежнему

подъ гнетомъ и бременемъ мірскихъ заботъ? Постоянно трудиться для поддержанія жизни, значило ли это отречься отъ жизни? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ нельзя было найти въ Св. Писаніи, которое не знаетъ монашества. Но изъ Писанія можно было приводить разные тексты и истолковывать ихъ въ пользу того или другого рѣшенія вопроса.

При такихъ условіяхъ епископъ карѳагенскій, митрополитъ Африки, обратился къ Августину за помощью, и молодой епископъ съ поразительной ясностью овладѣлъ вопросомъ и рѣшилъ его. Вопросъ былъ еще новый; послѣдствія того или другого рѣшенія его еще не успѣли на практикѣ обрисоваться, но съ удивительной проницательностью Августинъ прозрѣлъ будущее и возможныя уклоненія отъ истиннаго монашескаго идеала. Читая главы, въ которыхъ Августинъ ѣдко обличаетъ извращеніе этого идеала, можно думать, что имѣешь передъ собою сатиру на монашество, написанную въ эпоху гуманизма.

Торжественно начинаетъ свою рѣчь Августинъ. Въ порученіи, которое ему далъ почтенный пастырь Аврелій, онъ видитъ приказаніе, данное ему самимъ Іисусомъ Христомъ, и въ силу этого приступаетъ къ обличенію тѣхъ братьевъ, которые не хотятъ повиноваться слову апостола Павла: „кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“ (II Ѳес. 3, 10). Правда, противники труда въ монастыряхъ возражаютъ, что апостолъ не разумѣлъ работъ земледѣльца или ремесленника, а лишь трудъ духовный. Они приводятъ слова Господа, который имъ повелѣлъ не заботиться о пищѣ и объ одеждѣ (Мат. VI 25 и д.), и утверждаютъ, что апостолъ не могъ впасть въ противорѣчіе съ Господомъ. Исполняя слова самого апостола — „я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ (1 Кор. III 10)—говорили они—мы несемъ духовный трудъ; мы читаемъ съ братьями, приходящими къ намъ усталыми отъ волненій жизни и отдыхающими съ нами въ молитвахъ, псалмахъ и гимнахъ“.

Августинъ возражаетъ, что слова Христа о пищѣ и одеждѣ нужно понимать въ духовномъ смыслѣ, такъ какъ Христосъ здѣсь говорилъ въ уподобленіяхъ и притчахъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго текста; апостолъ же, напротивъ, говорилъ, согласно съ апостольскимъ обычаемъ, не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ. Его слова: „кто не хочетъ работать, пусть не ѣстъ“, еще можно было бы истолковать въ духовномъ смыслѣ, если бы они стояли отдѣльно; но что ихъ нужно понимать буквально, это ясно изъ многихъ другихъ мѣстъ апостольскихъ посланій; поэтому напрасно противники труда стараются навести на себя

и на другихъ мракъ; они не только не исполняютъ добрыхъ увѣщаній апостола, но и не хотятъ понимать ихъ, не страшась словъ Писанія: „не хочетъ онъ вразумиться, чтобы дѣлать добро" (Псал. 35, 4).

Въ подробномъ изложеніи объясняетъ Августинъ строгое изреченіе апостола въ связи съ другими его словами; въ особенности же настаиваетъ онъ на личномъ примѣрѣ, который давалъ апостолъ, снискивая себѣ пропитаніе ручнымъ трудомъ и не желая жить „алтаремъ" или „евангеліемъ", хотя это разрѣшено было Христомъ не только апостоламъ, но и другимъ.

Описавъ образъ жизни апостола Павла, который работалъ въ разные часы дня и ночи, чтобы работа ему не мѣшала проповѣдовать Евангеліе,—Августинъ противопоставляетъ ему тѣхъ, кто спрашиваетъ: въ какіе же часы работать?—какъ будто они всегда заняты. Развѣ же они, исходя изъ Іерусалима, обошли всѣ земли вплоть до Иллиріи, распространяя Евангеліе? или же страны варварскихъ народовъ, наполняя ихъ миромъ евангельскимъ? Что же дѣлаютъ тѣ, кто не хочетъ работать? чѣмъ они заняты? Молитвами, говорятъ они, псалмами, чтеніемъ и словомъ Божіимъ! Святая это жизнь, конечно, и похвальная, но если нельзя отступить отъ нея, то не слѣдуетъ тратить время и на приготовленіе пищи, и на то, чтобы подать или принять ее; если же необходимость и слабость тѣла заставляетъ рабовъ Божіихъ тратить на это нѣкоторое время, то почему бы не посвящать также извѣстное время исполненію совѣта апостола? Скорѣе вѣдь будетъ услышана одна молитва послушнаго, чѣмъ десять тысячъ молитвъ непокорнаго. Распѣвать священные гимны легко и во время работы, услаждая трудъ божественнымъ припѣвомъ [1]). Развѣ мы не знаемъ, какимъ суетнымъ и часто позорнымъ пѣсенкамъ изъ театральныхъ пьесъ рабочіе посвящаютъ голоса или сердца свои, когда поютъ, не складая рукъ отъ работы? Что̀ же мѣшаетъ рабамъ Божіимъ при работѣ рукъ своихъ „воспѣвать Господу"?

При дальнѣйшемъ изложеніи Августинъ мотивируетъ необходимость ручного труда въ монастыряхъ составомъ ихъ обитателей.

Указавъ на то, что служителямъ алтаря и Евангелія разрѣшено, по примѣру нѣкоторыхъ апостоловъ, не предаваться ручному труду, Августинъ заявляетъ, что монахи напрасно присвоиваютъ себѣ такое разрѣшеніе. Если бы между ними были

---

[1]) Keleuma—пѣснь гребцовъ для возбужденія къ работѣ.

такіе, которые въ мірѣ имѣли чѣмъ жить и, обратившись къ Богу, роздали свое имущество бѣднымъ, то можно было бы повѣрить ихъ слабости и терпѣть ее. Ибо таковые люди обыкновенно получаютъ воспитаніе, которое многіе напрасно называютъ прекраснымъ, на самомъ же дѣлѣ изнѣженное — и потому они не въ состояніи выносить ручного труда"...

„Но теперь званіе рабовъ Божіихъ принимаютъ на себя большею частью люди изъ рабскаго сословія или вольноотпущенники, ради этого отпущенные на волю своими господами, а также люди изъ крестьянскаго сословія и изъ ремесленнаго промысла съ воспитаніемъ, которое чѣмъ суровѣе, тѣмъ лучше для нихъ.

„Не принимать такихъ было бы большимъ грѣхомъ. Ибо многіе изъ ихъ числа оказываются великими подвижниками, достойными подражанія. А такъ какъ Богъ избралъ „немудрыхъ міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и уничиженное и ничего не значащее, чтобы упразднить значащее" (I Кор. 1, 27), то въ силу этого мудраго и святого промысла принимаются и такіе, относительно которыхъ неизвѣстно, пришли ли они съ намѣреніемъ служить Господу, или для того, чтобы избавиться отъ бѣдной и трудовой жизни, быть сытыми и одѣтыми, и сверхъ того пользоваться почетомъ отъ тѣхъ, отъ кого привыкли претерпѣвать презрѣніе и притѣсненіе. Таковые никакъ не могутъ отговариваться отъ работы немощью тѣла, такъ какъ уличаются въ противномъ—обычаемъ всей своей прошлой жизни.

„Эти люди замышляютъ исказить завѣтъ апостола ложнымъ истолкованіемъ Евангелія; они, на самомъ дѣлѣ, становятся „птицами небесными", но лишь тѣмъ, что возносятся горѣ превознесеніемъ себя; они не только отказываются подражать святымъ старцамъ, спокойно работающимъ, и монастырямъ, живущимъ согласно апостольскому чину, но даже поносятъ лучшихъ людей, восхваляя лѣность подъ предлогомъ сохраненія евангельскаго завѣта"...

Дѣло идетъ объ истолкованіи извѣстнаго текста: „взгляните на птицъ небесныхъ, онѣ не сѣютъ, не жнутъ" и т. д. (Матѳ. VI, 26). „По истинѣ удивительна, — восклицаетъ Августинъ, — затѣя лѣнтяевъ, желающихъ съ помощью Евангелія противодѣйствовать апостолу въ его стремленіи устранить противодѣйствіе Евангелію. Но еслибы мы заставили ихъ жить согласно со словами Евангелія, такъ, какъ *они* ихъ понимаютъ, то они первые стали бы насъ убѣждать, что эти слова не надо такъ понимать". И Августинъ приглашаетъ своихъ противниковъ читать дальше въ Евангеліи,—тамъ сказано про птицъ небесныхъ, что онѣ „не

собираютъ въ житницы“. Почему же эти монахи, не работая подобно птицамъ, хотятъ имѣть полныя житницы? Почему они то, что собираютъ съ труда другихъ, прячутъ и сохраняютъ для ежедневныхъ надобностей? Почему они мелютъ зерна и варятъ пищу? Вѣдь птицы этого не дѣлаютъ! Почему они убѣждаютъ другихъ служить имъ и готовить и приносить имъ пищу?—пусть они намъ покажутъ, кто прислуживаетъ птицамъ небеснымъ“. Августинъ иронически предлагаетъ противникамъ словъ апостола подняться на болѣе высокую степень благочестія и ежедневно, выходя въ поле, собирать себѣ пищу и, насытившись, возвращаться домой. Но, прибавляетъ онъ, хорошо было бы, еслибы Господь изъ-за полевыхъ сторожей снабдилъ рабовъ Божіихъ крыльями для того, чтобы ихъ не сгоняли съ чужого поля, какъ скворцовъ, и не хватали, какъ воровъ. Но еслибы даже всѣ землевладѣльцы согласились свободно пускать рабовъ Божіихъ на свои поля, какъ это было въ обычаѣ у евреевъ, лишь бы они, насыщаясь сколько угодно, ничего не уносили съ собою,— то что̀ бы они стали дѣлать въ тѣ времена года, когда на поляхъ нельзя найти ничего съѣдобнаго? И еслибы кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ унести что-нибудь домой, чтобы изготовить себѣ пищу,— онъ поступилъ бы противъ Евангелія—по ихъ толкованію—ибо такъ не поступаютъ птицы.

Августинъ готовъ идти еще дальше и согласенъ допустить, что возможно круглый годъ питаться съ полей, ничего не собирая въ житницу. Но и это не помогло бы тѣмъ изъ монаховъ, которые, удаляясь отъ людей, запираются на многіе дни, чтобы прилежать молитвѣ, забирая съ собою пищу, хотя бы самую простую. Августинъ такой обычай не только не осуждаетъ, но по достоинству восхваляетъ. Однако и они грѣшатъ противъ Евангелія, если его толковать въ вышеупомянутомъ смыслѣ, ибо тамъ сказано: „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“.

Итакъ, приходится или согласиться съ апостоломъ и работать, или не дѣлать никакихъ запасовъ. Но какая же польза, слышитъ Августинъ возраженіе, рабу Божію отъ того, что онъ покинулъ въ мірѣ всѣ свои прежнія дѣла, если ему и здѣсь еще надлежитъ работать подобно ремесленнику? Вопреки приведеннымъ его противниками текстамъ, Августинъ выражаетъ надежду, что онъ съ Божьею помощью укажетъ эту пользу. Если рѣчь идетъ о богатомъ, покинувшемъ міръ, то польза ему отъ ручной работы та, что онъ исцѣлится отъ прежней гордыни, когда, освободившись отъ всѣхъ излишествъ, которыми увлекалась его душа, онъ не побрезгаетъ снискивать себѣ смиренной работою самое

необходимое для поддержанія жизни. Если же рѣчь идетъ о бѣдномъ, то пусть онъ не думаетъ, что онъ дѣлаетъ то же самое, что̀ дѣлалъ прежде, если, не ища собственной выгоды, а ради Христа онъ будетъ трудиться для общины, въ которой никто не имѣетъ чего-либо собственнаго, но гдѣ все находится въ общемъ владѣніи. И Августинъ ставитъ монастырскимъ общинамъ въ образецъ знаменитую языческую общину, древніе вожди которой высоко прославлялись ея писателями за то, что они предпочитали общую выгоду всего народа (respublica) своему личному интересу; причемъ ссылается на примѣръ побѣдителя Африки (Сципіона), которому нѐ-изъ-чего было дать приданое дочери, еслибы онъ не получилъ его по постановленію сената.

Поэтому всякій, кто, будучи здоровымъ, станетъ трудиться руками и этимъ отниметъ предлогъ у лѣниваго простолюдина,—совершитъ болѣе высокій подвигъ милосердія, чѣмъ еслибы онъ роздалъ все свое состояніе бѣднымъ. Если же онъ не захочетъ работать, кто же посмѣетъ его къ тому принудить? Августинъ совѣтуетъ въ такомъ случаѣ найти какое-либо другое дѣло, не требующее физической работы, для того, чтобы и такіе монахи ѣли хлѣбъ свой, который сталъ теперь общимъ, не даромъ. При этомъ Августинъ настаиваетъ, чтобы не принималось во вниманіе, въ какомъ мѣстѣ или какому монастырю кто-либо отдалъ свое состояніе на пользу бѣднымъ, ибо весь христіанскій міръ—единая община.

Обращаясь затѣмъ съ поученіемъ, характернымъ для тогдашнихъ соціальныхъ воззрѣній и отношеній, къ тѣмъ, кто до монастыря проводилъ жизнь въ физическомъ трудѣ—а таковые въ бо̀льшемъ числѣ идутъ въ монастыри, такъ какъ ихъ вообще много больше среди людей,—Августинъ заявляетъ кратко и внушительно, что если они не хотятъ работать, то пусть и не ѣдятъ. Ибо не для того богатые съ благочестивымъ смиреніемъ вступаютъ въ Христово воинство, чтобы бѣдные возносились гордынею. И ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено, чтобы тамъ, гдѣ вельможи становятся рабочими,—рабочіе становились тунеядцами; и чтобы тамъ, куда приходятъ, покинувъ земныя наслажденія (deliciis), властители земли,—чтобы тамъ плодились бѣлоручки-мужики (delicati rustici).

Этотъ тонъ станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что и въ сѣверной Африкѣ стали съ самаго возникновенія монастырской жизни обнаруживаться серьезные недостатки и въ монашескомъ быту. Монастыри не только страдали отъ наплыва людей, искавшихъ тамъ дарового хлѣба, но появлялись и бро-

дячіе монахи, нравы которыхъ Августинъ изобличаетъ въ поражающемъ своею реальностью изображеніи. Онъ умоляетъ монаховъ разстроить козни діавола, который повсюду разсѣялъ подъ видомъ монаховъ лицемѣровъ, бродящихъ по провинціямъ, никуда никѣмъ не посылаемыхъ, нигдѣ не останавливающихся. Одни продаютъ мощи мучениковъ, если только это мученики; другіе превозносятъ свою бахрому [1]) и амулеты; третьи измышляютъ, что въ такой-то сторонѣ проживаютъ у нихъ родственники, къ которымъ они направляются; и всѣ просятъ, всѣ требуютъ на бѣдность, которой они кормятся, или на поощреніе мнимой святости; но всѣ они, постоянно уличаемые въ дурныхъ поступкахъ, позорятъ подъ общимъ именемъ монаховъ это прекрасное, святое призваніе, которому Августинъ желаетъ, чтобы оно процвѣтало какъ въ другихъ странахъ, такъ и по всей Африкѣ. Поэтому онъ взываетъ къ настоящимъ монахамъ, чтобы они своимъ добрымъ дѣломъ (persequemini) затмили дурныя дѣла мнимыхъ и отняли у нихъ возможность празднаго житія, которое вредитъ ихъ собственному доброму имени. Онъ проситъ монаховъ доказать міру, что они ищутъ не легкаго прокормленія на досугѣ, а царства небеснаго по узкой и трудной стезѣ своего призванія.

Онъ возлагаетъ на нихъ не тяжелое бремя; но дабы они не подумали, что онъ возлагаетъ на нихъ ношу, которую самъ не хочетъ нести,—Августинъ объясняетъ, что обычай церкви, которой онъ служитъ, не позволяетъ ему исполнять ту работу, на которую онъ ихъ приглашаетъ. Но онъ призываетъ Христа во свидѣтели, что много охотнѣе предпочелъ бы монашеское житіе епископскому званію, и ежедневно, въ извѣстные часы, какъ это положено въ хорошо устроенныхъ монастыряхъ, исполнялъ бы ручную работу, имѣя остальные часы свободными для чтенія и молитвы или для занятія Божественнымъ Писаніемъ [2]), чѣмъ входить въ шумные и запутанные споры о мірскихъ дѣлахъ, то разбирая ихъ какъ судья, то вмѣшиваясь въ нихъ, чтобы предотвращать тяжбы.

Въ заключеніе, Августину пришлось коснуться еще одной черты монашескаго быта, противъ которой онъ считалъ нужнымъ

---

[1]) У Августина—fimbrias, т.-е. бахрома; судя по значенію этого слова въ средневѣковой латыни, подъ этимъ нужно разумѣть бахрому или кисти отъ священныхъ покрововъ, которыми покрывались мощи святыхъ, или даже самые покровы, которые очевидно, продавались, какъ и амулеты, съ лечебною цѣлью.

[2]) Divinis Literis въ смыслѣ Theologia; это послѣднее выраженіе Августинъ примѣнялъ только къ языческой миѳологіи.

протестовать и въ которой также характерно отразилось различіе между греко-восточной культурой и римской, а именно противъ того, что многіе изъ кареагенскихъ монаховъ носили длинные волосы. Августинъ признавалъ, что между ними есть лица, которыхъ онъ почитаетъ и любитъ. Его гнѣвъ обращенъ не противъ нихъ, а противъ тѣхъ, кто старался оправдать этотъ обычай Св. Писаніемъ. Къ нимъ Августинъ относится съ величайшей ироніей за то, что они такъ явно преступаютъ завѣтъ апостола, отпуская волосы; для того ли это нужно, чтобы брадобрѣямъ не было работы, или потому, что они хотятъ подражать птицамъ небеснымъ и боятся утратить свои перья?

Они повсюду разносятъ съ своими космами свое лицемѣріе въ надеждѣ, что, кто ихъ увидитъ, приметъ ихъ за древнихъ пророковъ, о которыхъ мы читаемъ въ Св. Писаніи, за Самуила и иныхъ, которые не стригли волосъ. Августинъ боится сказать больше, чтобы не оскорбить монаховъ, которыхъ онъ уважаетъ, но увѣщаетъ этихъ „святыхъ мужей“, чтобы они не поддавались глупымъ доводамъ суетныхъ людей и не подражали испорченности тѣхъ, на кого они такъ мало похожи.

Затѣмъ съ помощью обстоятельнаго разбора относящихся къ вопросу текстовъ, какъ всегда отличающагося ученостью, исторической перспективой, различающей духъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и мастерской діалектикой, Августинъ старается отстоять свое положеніе.

Наконецъ, Августинъ требуетъ, чтобы тѣ, которые не хотятъ поступать правильно, по крайней мѣрѣ перестали учить превратно; добрыхъ же монаховъ онъ умоляетъ отказаться отъ своего обычая, чтобы не вносить смуты въ церковь, такъ какъ одни изъ уваженія къ нимъ принуждены толковать превратно ясныя слова апостола, другіе же предпочитаютъ здравое пониманіе Св. Писанія человѣческой лести, а потому между болѣе твердыми и слабыми братьями возникаютъ самые горькіе и опасные раздоры.

Другой важный документъ, отражающій на себѣ взглядъ Августина на практическое осуществленіе монашескаго идеала, представляетъ собою посланіе Августина къ монахинямъ неизвѣстнаго намъ по имени и мѣстонахожденію монастыря. Письмо это имѣетъ еще значеніе потому, что подало поводъ предположить существованіе *правила* (regula), составленнаго Августиномъ для монастырей. Но такъ называемое *правило* Августина — не что̀ иное, какъ извлеченіе изъ наставленія, заключавшагося въ упомянутомъ письмѣ. Если бы Августинъ составилъ такое правило

до посланія, то онъ въ послѣднемъ не сталъ бы выписывать его, а просто сослался бы на него. Думать же, что *послѣ* посланія онъ самъ извлекъ изъ него *правило*—нѣтъ повода, тѣмъ болѣе, что посланіе имѣло частный характеръ и было написано уже подъ самый конецъ его жизни. Посланіе предназначалось для монахинь монастыря, въ которомъ нѣкогда настоятельницей была овдовѣвшая сестра Августина; отсюда можно думать, что Августинъ былъ не чуждъ самому учрежденію этого монастыря, который, повидимому, и находился въ его епархіи. Послѣ смерти сестры Августины, монастыремъ управляла около 20-ти лѣтъ другая настоятельница, противъ которой возникли неудовольствія со стороны монахинь, вызванныя раздоромъ между настоятельницей и новымъ настоятелемъ (praepositus), державшимъ сторону монахинь. Послѣднія обратились къ Августину съ просьбою къ нимъ пріѣхать. Отказываясь отъ этого, Августинъ отвѣчаетъ имъ, что его пріѣздъ не порадовалъ бы и не умиротворилъ ихъ, а скорѣе увеличилъ бы раздоръ между ними.

„Если строгость склонна карать грѣхи, которые она раскрываетъ, то любовь не желаетъ открывать того, что̀ заслуживаетъ кары. И какъ я могъ бы пренебречь и оставить безнаказаннымъ, если бы и въ моемъ присутствіи безпорядки между вами были такъ же велики, какъ и въ мое отсутствіе! Можетъ быть, даже смута ваша (seditio) въ моемъ присутствіи стала бы еще больше, такъ какъ мнѣ надлежало бы отказать вамъ въ томъ, о чемъ вы просили, и что̀, противорѣча здравому порядку, послужило бы опаснѣйшимъ примѣромъ и принесло бы вамъ самимъ вредъ“.

Примѣняя къ себѣ слова апостола Павла въ посланіи къ Коринѳянамъ, Августинъ пишетъ: „Щадя васъ, я не пріѣхалъ къ вамъ; но я щадилъ и себя, чтобы не испытывать горе за горемъ“. Онъ предпочелъ, вмѣсто того, чтобы явиться къ нимъ, молиться, чтобы Господь не обратилъ въ печаль радость и утѣшеніе, какія онъ находилъ среди соблазновъ, которыми изобилуетъ міръ, при мысли о многочисленности, о святомъ, цѣломудренномъ образѣ жизни въ ихъ общинѣ и о благодати, ниспосланной имъ Богомъ, въ силу которой онѣ не только пренебрегли земнымъ бракомъ, но пожелали жить сообща, составляя одну согласную общину и имѣя какъ бы единую душу и единое сердце во Господѣ“.

Августинъ умоляетъ монахинь образумиться и не впасть снова въ „споры, соревнованіе, вражду, раздоры, сплетни, клевету и смуту“. Онъ проситъ ихъ подумать, какъ было бы ему тяжело, еслибы теперь, когда онъ можетъ радоваться устано-

вленію единства съ донатистами, ему пришлось бы оплакивать внутренніе раздоры въ монастырѣ. Онъ напоминаетъ имъ, что онѣ должны считать свою начальницу матерью, ибо всѣ онѣ уже застали ее въ монастырѣ, или начальницей, или помощницей прежней начальницы, его сестры: подъ ея руководствомъ онѣ поучались, посвящались и умножались въ числѣ. А теперь онѣ бунтуютъ, чтобы смѣнили начальницу, тогда какъ онѣ должны были бы горевать, еслибы *онъ* захотѣлъ ее смѣнить. Новаго въ ихъ жизни ничего не произошло, кромѣ назначенія новаго настоятеля; если же онѣ изъ-за него хотятъ новшествъ и бунтуютъ противъ своей матери, то не лучше ли бы было для нихъ просить, чтобы его смѣнили? Правда, онъ знаетъ, какъ онѣ его любятъ и почитаютъ во Христѣ, но почему бы имъ не любить *ее*? „Начало управленія новаго настоятеля такъ бурно, что онъ предпочитаетъ самъ васъ оставить, чѣмъ подать поводъ къ нареканіямъ на себя въ томъ, что вы не стали бы добиваться новой начальницы, если бы не получили его въ настоятели".

За этимъ „внушеніемъ" слѣдовало въ посланіи обстоятельное наставленіе монахинямъ, какъ жить въ монастырѣ. Изъ этой части посланія было затѣмъ—нужно думать по смерти Августина—извлечено и формулировано въ видѣ отдѣльныхъ параграфовъ *правило*, которое такъ долго считалось монашескимъ уставомъ, составленнымъ Августиномъ. Что Августинъ имѣлъ въ виду не общее правило, а наставленіе, ясно изъ всего содержанія и тона его посланія; въ особенности же видно изъ первыхъ словъ наставленія, что оно было вызвано конкретнымъ фактомъ и именно *его* имѣло въ виду: „Вотъ „положенія" (constitutae), которыя мы предписываемъ, чтобы вы ихъ соблюдали въ монастырѣ". Хотя употребленное здѣсь Августиномъ выраженіе по смыслу близко подходитъ къ слову regula, но онъ не даромъ его обошелъ; то, что онъ посылаетъ монахинямъ, не правило или уставъ, имъ раньше составленный, который, конечно, былъ бы имъ извѣстенъ.

Важно обратить вниманіе на исходное положеніе Августина; въ немъ ясно обнаруживаются его взглядъ на монастырскую жизнь и его оцѣнка монашескаго быта: „Первое, ради чего вы собраны во-едино, это—чтобы вы единодушно жили въ домѣ и чтобы у васъ было единое сердце и единый духъ въ Богѣ. И пусть никто не имѣетъ ничего собственнаго, а все будетъ между вами общее". Въ этомъ духовномъ, единодушномъ общеніи (societas unanimes habitandi), сопряженномъ съ имущественнымъ

общеніемъ, заключается, очевидно, въ глазахъ Августина преимущество монастырскаго быта передъ мірскимъ.

Тогда отрекались многія отъ брака, предпочитая ему цѣломудренную жизнь, и такихъ святыхъ дѣвственницъ было много (sanctimoniales) въ Африкѣ, было много еще до появленія монастырей. При поступленіи же въ монастырь къ этому подвигу, слѣдовательно, прибавлялся другой, который и заключался въ согласномъ житьѣ. Подобнымъ образомъ и прежде могли быть многіе раздававшіе свое имущество бѣднымъ, но при поступленіи въ монастырь къ этому прибавился другой подвигъ, принципіальное отреченіе отъ собственности въ пользу общины; это былъ уже не единичный, совершенный въ пылу религіознаго энтузіазма подвигъ, а, такъ сказать, хроническій, постоянный подвигъ. Отдавшій свое имущество монастырю поступалъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ своею личностью въ услуженіе общины. Эта связь съ общиной—dura societas—съ ея отреченіемъ въ пользу общины—составляла въ глазахъ Августина особый, высшій подвигъ, отличный отъ отдѣльныхъ подвиговъ, входившихъ въ монашество—отреченіе отъ брака и собственности, отреченіе отъ міра вообще. Монашество должно быть постояннымъ, ежедневнымъ, отреченіемъ отъ міра.

Какъ идеально понималъ Августинъ монашество и какія высокія требованія онъ ему ставилъ, видно изъ дальнѣйшаго: „пусть все будетъ между вами общее и пусть начальница распредѣляетъ между вами пищу и одежду и не поровну, а сколько каждой нужно“.

Августинъ мотивируетъ это и въ данномъ случаѣ буквальнымъ текстомъ изъ „Дѣяній апостольскихъ“. Но, конечно, не это буквальное соблюденіе текста имѣло для него рѣшающее значеніе. Въ этомъ неравномъ пользованіи общею собственностью заключалось высшее отреченіе и самопожертвованіе, ибо многіе изъ членовъ общества должны были, независимо отъ принесенныхъ ими и приносимыхъ жертвъ, добровольно допускать, чтобы другіе пользовались плодами ихъ отреченія преимущественно передъ ними и притомъ предоставлять другимъ произвольно опредѣлять степень нужды отдѣльныхъ членовъ общины.

Необходимость неравнаго пользованія общимъ имуществомъ Августинъ мотивируетъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, кромѣ примѣра апостоловъ, еще и справедливостью — неравенствомъ силъ и здоровья. Но это неравенство въ пользованіи не могло не вызывать сѣтованій. Потому Августинъ посвящаетъ этому вопросу особенное вниманіе. „Пусть тѣ, у кого что-нибудь было въ мірѣ передъ тѣмъ, какъ онѣ вошли въ монастырь, охотно пре-

доставляютъ свое имущество въ общее достояніе; а тѣ, у которыхъ ничего не было, пусть не домогаются въ монастырѣ того, чего онѣ не могли имѣть внѣ его стѣнъ; немощнымъ, однако, нужно предоставлять то, въ чемъ онѣ нуждаются, хотя бы по бѣдности своей онѣ до поступленія въ монастырь не были въ состояніи снискать себѣ и самаго необходимаго; но пусть онѣ не считаютъ за счастье то, что получаютъ такую пищу и одежду, какой внѣ монастыря не могли имѣть.

„И пусть не возносятся отъ того, что теперь находятся въ обществѣ съ тѣми, къ кому внѣ монастыря онѣ и подойти не смѣли, но пусть вознесутъ сердце свое, не ища земныхъ благъ— иначе монастыри станутъ полезными только богатымъ, а не бѣднымъ, если богатыхъ въ нихъ будутъ унижать, а бѣдныхъ портить гордыней. Но, съ другой стороны, пусть и тѣ, которыя въ мiру какъ будто что-то представляли, не гнушаются сестеръ своихъ, вошедшихъ въ святое общеніе изъ бѣднаго состоянія; пусть онѣ не столько гордятся почетомъ богатыхъ родственниковъ, сколько обществомъ бѣдныхъ сестеръ. Пусть не хвастаются, если что-нибудь изъ своего имущества пожертвовали въ общее достояніе — гордость ставитъ западню даже добрымъ дѣламъ, чтобы загубить ихъ, и что̀ за польза раздать бѣднымъ имущество и сдѣлаться бѣднымъ, если душа въ презрѣніи міра стала горделивѣе, чѣмъ была въ обладаніи имъ?“

Такими же принципами руководился Августинъ, устанавливая правила относительно пищи и поста. Постъ и воздержаніе отъ пищи устанавливались для умерщвленія плоти настолько, насколько дозволяло здоровье. Тому, кто не былъ въ состояніи воздерживаться отъ пищи, она предоставлялась, но не дозволялось принимать ее внѣ часа, назначеннаго для обѣда, развѣ лишь во время болѣзни. Если немощнымъ во вниманіе къ ихъ прежнему образу жизни будетъ предоставляться иная пища, то это не должно казаться несправедливымъ тѣмъ, кто изъ иного образа жизни вынесъ больше силы. „Пусть послѣднія не считаютъ болѣе счастливыми тѣхъ, кто получаетъ то, чего имъ не даютъ; а напротивъ, поздравляютъ себя съ тѣмъ, что превосходятъ ихъ силами. И если тѣмъ, кто изъ болѣе изнѣженнаго быта поступилъ въ монастырь, будетъ отпускаться въ пищу, на одежду и постель лишнее противъ другихъ, болѣе крѣпкихъ и потому болѣе счастливыхъ, то пусть послѣднія, которыя этого не будутъ получать, поразмыслятъ, какъ велико различіе между ихъ прежней жизнью въ мірѣ и теперешней!“ И Августинъ по этому поводу высказывается въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя онъ употребилъ

двадцать-пять лѣтъ предъ тѣмъ по отношенію къ карѳагенскимъ монахамъ, — не слѣдуетъ допускать, чтобы въ монастырѣ, въ которомъ богатыя должны, насколько то возможно, сдѣлаться труженицами, бѣдныя изнѣживались".

Тотъ же принципъ братскаго общенія проводится Августиномъ и по отношенію къ одеждѣ. „Какъ вы питаетесь изъ одной кладовой, такъ вы должны одѣваться изъ одного склада". Всѣ монахини поэтому должны были отдавать свои платья на храненіе въ общій складъ и получать ихъ оттуда сообразно съ временемъ года. „И если возможно,—пишетъ Августинъ,—то не отъ васъ должно зависѣть, получить ли каждая то самое платье, которое она сняла, или иное, которое носила другая. Если же между вами изъ-за этого возникнутъ неудовольствія и споры, и нѣкоторыя будутъ жаловаться, что онѣ получили платье хуже, чѣмъ прежде, и будутъ считать для себя обиднымъ быть одѣтой такъ, какъ была одѣта другая сестра,—тогда вы изъ этого усмотрите, насколько вы еще несовершенны во внутреннемъ развитіи сердца, споря изъ-за наружнаго покрова".—Августинъ, впрочемъ, допускаетъ, чтобы „ради немощи ихъ" каждая могла получить то, что̀ она сняла съ себя, но настаиваетъ, чтобы никто изъ нихъ не работалъ на себя, чего бы эта работа ни касалась: одежды, постели, пояса или головного покрова; всѣ работы монахинь должны производиться на общую пользу съ бо̀льшимъ рвеніемъ и одушевленіемъ, чѣмъ еслибы онѣ работали на себя.

Посланіе Августина касается кромѣ того разныхъ частностей монашескаго быта. Оно указываетъ, какъ пользоваться молельней (oratorium) и библіотекой, устанавливаетъ сроки для пользованія баней. Особенное вниманіе обращено на внѣшнее и внутреннее благочиніе. Волосы не должны выступать изъ-подъ покрывала ни по неряшливости, ни изъ щегольства. Выходить дозволялось монахинямъ не иначе, какъ втроемъ. Въ поступи, въ позахъ и движеніяхъ не должно быть ничего несовмѣстнаго съ ихъ святымъ саномъ. Взоры ихъ не должны ни на комъ останавливаться. Особенно строго воспрещалась смѣлость взглядовъ. Всѣмъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить другъ за другомъ въ этомъ отношеніи, предостерегать провинившуюся, и если это съ ней повторялось, обращать на это вниманіе другихъ и доводить до свѣдѣнія начальницы. Изъ дальнѣйшаго видно, что призваніе монашеское тогда еще не считалось безповоротнымъ. Еслибы послѣ увѣщанія со стороны начальницы виновная не исправилась, а отрицала свою вину и была бы уличена свидѣтельницами, то

должна понести по усмотрѣнію начальницы или пресвитера исправительную кару. Если же она откажется подвергнуться ей и не уйдетъ добровольно, то должна быть изгнана изъ общины. Но это должно быть произведено не жестоко, а милосердно, для того, чтобы зараза не погубила многихъ.

То, что здѣсь постановлено относительно виновныхъ въ нескромности взглядовъ, должно было, по словамъ Августина, быть примѣнено и ко всѣмъ другимъ проступкамъ и прегрѣшеніямъ „съ любовью къ человѣку и съ ненавистью къ пороку“.

Если же, сказано далѣе, зло дошло бы до того, что виновная стала бы получать отъ кого-нибудь письма и подарки, но сама бы въ этомъ призналась, то ее слѣдуетъ пощадить и молиться за нее; но если она будетъ уличена, то должна подвергнуться болѣе строгому наказанію по усмотрѣнію начальницы, или пресвитера, или самого епископа. Предоставлялась ли монахинямъ и въ такихъ болѣе серьезныхъ случаяхъ нарушенія монашескаго быта возможность избѣгнуть наказанія уходомъ изъ монастыря,—изъ словъ Августина не видно.

Августинъ въ заключеніе требуетъ, чтобы монахини повиновались начальницѣ, какъ матери, „чтобы не оскорбить въ ея лицѣ Господа“; „но еще болѣе пресвитеру, который несетъ духовную заботу о всѣхъ васъ“; изъ этого, какъ и изъ слѣдующаго затѣмъ замѣчанія, что начальница должна относиться за указаніями къ пресвитеру въ случаяхъ, превышающихъ ея „мѣру и силы“, видно, что главнымъ авторитетомъ въ женскомъ монастырѣ былъ священникъ, что, однако, какъ мы видѣли, не помѣшало епископу принять въ данномъ случаѣ сторону начальницы.

Посланіе должно было прочитываться въ монастырѣ еженедѣльно, для того, чтобы оно служило монахинямъ зеркаломъ и препятствовало имъ запамятовать что-нибудь изъ ихъ обязанностей.

Въ перепискѣ Августина есть письмо, которое вѣроятно находится въ связи съ выше разсмотрѣннымъ. Оно адресовано святой матери Фелицитатѣ и брату Рустику съ сестрами, при нихъ находящимися. Письмо не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній по существу дѣла, а есть лишь призывъ къ взаимной любви и единодушію, но оно замѣчательно по той бережности и деликатности, съ которой Августинъ высказываетъ свое неодобреніе лицамъ, которымъ онъ пишетъ.—„Многое сказано кратко для того, чтобы вызвать бо̀льшее раздумье“. Августинъ указываетъ на то, что испытаніе, посылаемое Богомъ, есть благодѣяніе;

что раздоры никогда не слѣдуетъ любить, но иногда они возникаютъ изъ любви или обнаруживаютъ любовь. Онъ замѣчаетъ, что рѣдко встрѣчаются люди, которые готовы снести укоръ, но развѣ изъ-за этого слѣдуетъ воздерживаться отъ порицаній? вѣдь часто случается, что подвергнувшійся порицанію огорчается и возражаетъ, но затѣмъ, поразмысливъ наединѣ съ собою въ присутствіи Бога, уступаетъ не людямъ, а изъ страха разгнѣвить Бога.

Августинъ заключаетъ письмо увѣщаніемъ больше думать объ установленіи согласія, чѣмъ о пререканіяхъ. „Сдѣлайте, чтобы среди васъ не возникало злобы, или же чтобы возникшая тотчасъ разрѣшалась миромъ".

„Посланіе къ монахинямъ" и сочиненіе „О ручномъ трудѣ монаховъ" даютъ намъ ясное представленіе о взглядахъ Августина на внутренніе распорядки въ современныхъ ему монастыряхъ. Но, конечно, наибольшаго вниманія заслуживаетъ тотъ историческій документъ, въ которомъ Августинъ изложилъ свою общую точку зрѣнія на призваніе монашества въ мірѣ и на его отношеніе къ церкви. Это уже упомянутое выше посланіе Августина къ Евдокію, аббату монастыря на островѣ Капраріи. Письмо это относится къ началу церковнаго служенія Августина и характерно для него тѣмъ, что отражаетъ на себѣ внутреннюю борьбу, которую онъ пережилъ, рѣшившись принять пресвитерство, т.-е. отказаться отъ монашества и снова вернуться въ міръ, чтобы служить интересамъ церкви. Когда это письмо было написано, Августинъ уже примирился съ своей долей, что̀ ему и дало возможность обобщить разрѣшенную имъ лично проблему и установить свой взглядъ на отношеніе монашества къ церкви, созерцательной жизни—къ практической дѣятельности въ пользу церкви, спасенія души—къ спасенію паствы. Поводъ къ письму намъ неизвѣстенъ, и потому мы не можемъ сказать, что̀ побудило Августина вложить въ него наставленіе, въ которомъ слышится какъ бы укоръ монахамъ, которые вздумали изъ-за личнаго покоя и спасенія отнестись равнодушно къ нуждамъ церкви. Начиная съ противопоставленія монашеской жизни и пастырской дѣятельности, Августинъ объединяетъ ихъ въ высшемъ единствѣ, т.-е. въ имени Христа: „когда мы помышляемъ о вашемъ покоѣ, который вы нашли въ Христѣ, тогда и мы, хотя обрѣтаемся въ разнообразныхъ и суровыхъ трудахъ, находимъ отдохновеніе въ вашей любви. Ибо мы представляемъ собою одно тѣло подъ одною главою, такъ что вы въ нашемъ лицѣ трудитесь (negotiosi), а мы въ вашемъ лицѣ пользуемся досугомъ (otiosi).

Поэтому мы умоляемъ ваше милосердіе, чтобы вы поминали насъ въ молитвахъ вашихъ, которыя, какъ мы полагаемъ, разумнѣе и чище нашихъ,—такъ какъ насъ часто обезсиливаетъ и отвлекаетъ суета мірскихъ дѣлъ, хотя и не нашихъ личныхъ, но другихъ людей, понуждающихъ насъ идти заоднò съ ними и налагающихъ на насъ такое бремя, что мы едва дышимъ".

„Васъ же, братья, мы увѣщаемъ, чтобы вы соблюдали обѣтъ вашъ и сохраняли его до конца; такъ однако, что если мать-церковь пожелаетъ вашей помощи, — вы не откажете въ ней изъ-за лѣнивой нѣги, но окажете ее безъ назойливаго усердія съ любвеобильнымъ сердцемъ, исполняя волю Божію. Не предпочитайте вашъ покой нуждамъ церкви; ибо еслибы никто изъ лучшихъ людей не помогалъ ей пріобрѣтать новыхъ сыновъ, то и вы сами не возродились бы въ ней къ духовной жизни".

Помимо этихъ посланій Августина къ монашествующимъ, сохранилось еще два письма къ аббату Валентину и къ монахамъ въ Адруметѣ; но эти письма касаются не монашескаго быта, а раздора, возникшаго въ монастырѣ изъ-за пелагіанской ереси и отношенія къ ней Августина. Два монаха изъ этого монастыря явились къ Августину, чтò и подало ему поводъ, отпуская ихъ на родину, снабдить ихъ наставленіемъ. Сохранился также отвѣтъ аббата, который оправдываетъ свой образъ дѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Отвѣтъ интересенъ тѣмъ, что показываетъ, какимъ авторитетомъ пользовался тогда Августинъ и съ какимъ необыкновеннымъ почтеніемъ относились къ нему духовныя лица другихъ епархій. Притомъ приводимый отрывокъ можетъ служить образчикомъ запутанной и высокопарной рѣчи современниковъ Августина, столь непохожей на его собственную. „Почтенное посланіе и книгу твоего святѣйшества мы получили съ содроганіемъ сердца, подобно блаженному Ильѣ, когда онъ, стоя у входа въ пещеру, закрылъ лицо передъ славой проходившаго мимо Господа: такъ и мы закрыли глаза свои, потому что устыдились сужденія нашего; виновно въ томъ невѣжество братьевъ нашихъ, коимъ мы не разрѣшили поѣздки, изъ-за которой мы удостоились вниманія вашего блаженства. Бываетъ время, когда нужно говорить, но и такое, когда нужно молчать; мы предпочли послѣднее для того, чтобы не казаться сомнѣвающимися среди сомнѣвающихся относительно словъ мудрости твоей, которая подобна мудрости ангела Божьяго и намъ хорошо извѣстна по милости Божіей. Ибо книга святѣйшества твоего доставила намъ такое великое удовольствіе, что мы подобно апостоламъ,—увидѣвшимъ за своей трапезой Господа своего по воскресеніи и не дерз-

нувшимъ спросить его, ибо они знали, что это Іисусъ — также не хотѣли и не посмѣли спросить, твоего ли святѣйшества это произведеніе, ибо объ этомъ свидѣтельствовало прекрасное разъясненіе въ немъ благодати и пламенное краснорѣчіе, господинъ нашъ, святой отецъ (papa)".

VI.

Таковымъ представляется намъ Августинъ, какъ строгій блюститель аскетизма среди монашествующихъ того времени; но въ своей перепискѣ онъ является также апостоломъ аскетическаго идеала среди мірянъ; эта сторона его дѣятельности проливаетъ новый свѣтъ на него. Призывая людей покинуть *міръ*, или въ *мірѣ* жить, отдѣлившись отъ него сердцемъ и душою, Августинъ остается *пастыремъ*, настаивая на уваженіи къ правамъ семьи, родства и даже государства. И это тѣмъ замѣчательнѣе, чѣмъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе его пламенная проповѣдь о ничтожествѣ міра. Въ этомъ духѣ онъ пишетъ нѣкоему Ларгу, можетъ-быть тому самому, кто незадолго передъ этимъ былъ проконсуломъ Африки. Ларгъ самъ обратился къ Августину съ просьбой написать ему. Августинъ въ отвѣтѣ своемъ выражаетъ надежду, что Ларгъ не сталъ бы просить объ этомъ, еслибы не дорожилъ тѣмъ, о чемъ Августинъ можетъ ему писать, а именно, чтобы онъ презрѣлъ тщету міра, если, не познавъ ея, онъ еще жаждетъ ея; ибо обманчива сладость міра, трудъ въ немъ безплоденъ, страхъ вѣченъ, а возвышеніе опасно. Начинаетъ человѣкъ жизнь свою безъ предусмотрѣнія, а кончаетъ ее раскаяніемъ. Суетно все, къ чему мы стремимся въ этой бѣдственной бренности,—стремимся болѣе страстно, чѣмъ благоразумно.

Этой суетной жизни Августинъ противопоставляетъ жизнь благочестивыхъ: иными живутъ они надеждами, иные плоды даетъ ихъ трудъ, иную награду получаютъ они за свои мученія; ибо въ этомъ мірѣ невозможно жить безъ страха, невозможно не горевать, невозможно не трудиться и не претерпѣвать невзгодъ; но важно здѣсь то, изъ-за чего это происходитъ, съ какою надеждой и съ какою цѣлью каждый все это переноситъ. „Смотрю я,—говоритъ Августинъ,—на любителей этого міра и недоумѣваю, когда же настанетъ удобный моментъ, чтобы ихъ образумить? ибо если они пользуются мнимымъ счастьемъ, то надменно отвергаютъ спасительныя увѣщанія, какъ розсказни старухи; если же они въ бѣдѣ, то болѣе помышляютъ о томъ, какъ бы избавиться

отъ нея, чѣмъ о своемъ исцѣленіи и объ избавленіи навсегда отъ всякихъ невзгодъ. Иногда, впрочемъ, нѣкоторые прислушиваются сердцемъ къ истинѣ и внемлютъ ей; рѣже это бываетъ въ счастьѣ, чаще въ бѣдѣ, но таковыхъ мало, какъ то и было предсказано. Я желаю, чтобы и ты былъ въ ихъ числѣ, дорогой сынъ, потому что истинно тебя люблю. Это увѣщаніе пусть послужитъ моимъ отвѣтомъ, потому что хотя я и не желаю, чтобы ты снова претерпѣлъ то, что̀ тебя постигло, но еще болѣе жалѣю о томъ, что ты претерпѣлъ это безо всякаго измѣненія твоей жизни къ лучшему".

Подобнымъ образомъ Августинъ наставляетъ нѣкоего Целера пренебрегать мірскою жизнью. „Я не забылъ своего обѣщанія и твоего желанія, но такъ какъ я долженъ былъ выѣхать для обозрѣнія церквей, находящихся на моемъ попеченіи, и потому былъ лишенъ возможности немедленно исполнить свой долгъ, то я поручилъ любезному сыну, пресвитеру Оптату, прочесть съ тобою то, что̀ я обѣщалъ, въ часы, которые ты признаешь наиболѣе удобными"...

Какъ выраженіе своей любви къ Целеру и своей готовности ему служить, Августинъ высказываетъ надежду, что Целеръ сдѣлаетъ такіе успѣхи въ вѣрѣ христіанской и въ достойныхъ ея нравахъ, что будетъ страстно желать, или по крайней мѣрѣ спокойно и безъ отчаянія ожидать послѣдняго, неизбѣжнаго для смертныхъ дня этого „дыма или мірского тумана, который называется человѣческой жизнью". „Ибо, насколько ты увѣренъ въ томъ, что ты живешь, настолько тебѣ слѣдуетъ увѣриться въ спасительномъ ученіи, что жизнь, проводимая въ мірскихъ удовольствіяхъ, по сравненію съ вѣчной жизнью, обѣщанной намъ Христомъ и во Христѣ, должна считаться не жизнью, а смертью".

А вотъ письмо, написанное юношѣ вполнѣ презрѣвшему міръ, но подвергнувшемуся искушеніямъ родственнаго чувства. Августинъ увѣщеваетъ его быть твердымъ и не уступать мольбамъ семьи. Напомнивъ Лэту текстъ (Лука: XIV, 26), въ которомъ говорится, что кто не возненавидитъ отца своего и матерь и жену, и дѣтей, и братьевъ и не отрѣшится отъ всего, что̀ имѣетъ, тотъ не можетъ быть ученикомъ Христа,—Августинъ пишетъ: „въ отрѣшеніи отъ всего, что̀ имѣешь, заключается и ненависть ко всей роднѣ своей и къ самому себѣ. Ибо подъ *своимъ* слѣдуетъ подразумѣвать все, что̀ обыкновенно связываетъ насъ и мѣшаетъ пріобрѣтать, вмѣсто собственныхъ мірскихъ и временныхъ благъ, вѣчныя *общія* блага. Если тебѣ какая-либо

женщина—мать, то мнѣ она не мать; значитъ, твое отношеніе къ ней временное и мимолетное; оно минуетъ, какъ миновало то, что она тебя носила въ утробѣ, родила и вскормила грудью. Если же она станетъ тебѣ сестрою во Христѣ, то этимъ она и мнѣ будетъ сестрою, и всѣмъ, у кого одно общее небесное наслѣдіе и одинъ отецъ; такія отношенія вѣчны и не подвержены никакому измѣненію отъ времени.

„Ты легко можешь въ этомъ убѣдиться на твоей матери. Ибо почему она тебя вовлекаетъ въ сѣть, задерживая тебя на твоемъ пути и отвлекая отъ него, какъ не потому, что она твоя *собственная* мать? Ибо еслибы она была общею сестрою всѣхъ, кому Господь—отецъ, а церковь—мать, она тебя не задержала бы, какъ не задержала бы меня и другихъ нашихъ братьевъ, любящихъ ее не частною любовью, какъ ты въ семьѣ твоей, а общей любовью въ домѣ Божіемъ“.

„Мать-церковь—мать и твоей матери. Она васъ зачала отъ Христа, въ крови мучениковъ родила, молокомъ вѣры вскормила. Эта мать, объемлющая весь земной шаръ, подвергается теперь такой напасти со стороны различныхъ и многочисленныхъ заблужденій, что ея собственные выкидыши дерзаютъ поднять противъ нея оружіе, и ей нужна помощь истинныхъ сыновъ, въ числѣ коихъ и ты... Берегись, чтобы тебя не сбили съ пути!—не все ли равно, будетъ ли тебѣ это грозить отъ жены или отъ матери: во всякой женщинѣ надо бояться Евы“. Въ этихъ словахъ звучитъ голосъ пророка, негодующаго на попытку удержать въ мірѣ служителя Божьяго. Но Августинъ не былъ фанатикомъ аскетизма. Конецъ письма показываетъ, какъ заботливо онъ относился къ земнымъ нуждамъ семьи, которой приходилось нести тяжелую жертву для торжества Евангелія.

„Если твое семейное состояніе, дѣлами котораго тебѣ заниматься не слѣдуетъ и неприлично, заключаетъ въ себѣ и деньги, то онѣ, конечно, должны быть предоставлены твоей матери и домашнимъ. Ибо, если ты рѣшилъ, чтобы быть *совершеннымъ*, раздать свое имущество бѣднымъ, то прежде всего ты долженъ принять во вниманіе нужду своихъ. Если ты уѣхалъ отъ насъ для того, чтобы, приведши въ порядокъ дѣла, освободиться отъ нихъ и принять на себя иго мудрости, то какое значеніе могутъ имѣть для тебя, или какъ могутъ тебя отъ насъ оторвать ручьи слезъ дорогой матери, или бѣгство раба, или смерть служанки, или слабое здоровье брата?—Если въ тебѣ истинная любовь, ты съумѣешь предпочесть важное неважному и проникнуться жалостью къ бѣднымъ, чтобы они услышали проповѣдь Евангелія

и чтобы обильная жатва Господня за недостаткомъ работниковъ не осталась неснятою, на добычу птицамъ".

Въ приведенныхъ случаяхъ Августинъ призывалъ къ отреченію отъ міра холостыхъ; въ письмѣ къ Арментарію и его женѣ, Паулинѣ, онъ призываетъ на подвигъ воздержанія супруговъ, представлявшихъ собою примѣръ нерѣдкій въ то время.

Отъ одного общаго знакомаго Августинъ узналъ, что названная чета задумала посвятить себя Богу и, опасаясь, чтобы „искуситель, издревле завидующій всякому доброму помыслу", не навелъ ихъ на дурныя мысли, онъ обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ: „Еслибы ты даже не принесъ обѣта,—пишетъ Августинъ Арментарію,—то что̀ я могъ бы совѣтовать иного, и что̀ могъ бы человѣкъ сдѣлать лучшаго, какъ возвратить себя тому, кто далъ ему жизнь?" —Совѣтъ этотъ былъ тѣмъ внушительнѣе, что онъ былъ данъ на грозномъ фонѣ тогдашнихъ событій, представлявшихъ крушеніе здѣшняго міра. Письмо Августина было написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о взятіи и разрушеніи Рима варварами. И потому онъ спрашиваетъ: „неужели можно еще любить міръ, омраченный такимъ общимъ разгромомъ, что онъ утратилъ всякую мнимую привлекательность; а потому менѣе достойны восхваленія и прославленія тѣ, кто не захотѣлъ пользоваться міромъ даже во время его процвѣтанія; сколько подлежатъ укору и осужденію тѣ, которымъ доставляетъ удовольствіе погибать съ погибающими". — „Если люди,—продолжаетъ Августинъ,—переносятъ столько трудовъ и опасностей ради этой скоротечной жизни не для того, чтобы избавиться навсегда отъ смерти, а лишь немного ее отдалить; то тѣмъ большее бремя имъ подлежитъ брать на себя ради той вѣчной жизни, въ которой не придется остерегаться смерти, трусамъ— ея бояться, а мудрымъ ее съ твердостью переносить. Такъ пусть же вѣчная жизнь причтетъ и тебя къ числу своихъ ревнителей. Вѣдь ты видишь, какихъ горячихъ любителей имѣетъ *эта* жизнь, хотя и жалкая, и бѣдная, и какъ она ихъ къ себѣ привлекаетъ! Какъ часто они, смущенные опасностью потерять ее, сокращаютъ ее именно тѣмъ, что боятся ея прекращенія, и, спасаясь отъ смерти, ускоряютъ ее подобно человѣку, который бросается въ быстрый потокъ, убѣгая отъ разбойниковъ или отъ дикаго звѣря".

Накопляя примѣры неразумнаго отношенія къ жизни, Августинъ указываетъ на мореплавателей, которые во время бури бросаютъ въ море свои жизненные припасы; чтобы *жить*, лишаютъ себя того, безъ чего нельзя жить. Онъ осуждаетъ больныхъ, которые, чтобы не надолго продлить жизнь, обращаются

къ врачамъ и обрекаютъ себя на мучительныя операціи, а часто, не достигая цѣли, только сокращаютъ свою жизнь, умирая среди ужасныхъ мученій.

Эта излишняя любовь къ жизни потому представляется Августину великимъ и ужаснымъ зломъ, что многіе этимъ оскорбляютъ Бога, который есть источникъ жизни; ибо изъ страха смерти они отгоняютъ отъ себя мысль о вѣчной жизни: такимъ образомъ, ради этой жизни, хотя она и скоротечна, и жалка, они часто теряютъ жизнь вѣчную и блаженную.

И развѣ,—спрашиваетъ Августинъ,—вѣчная жизнь требуетъ отъ своихъ ревнителей непосильной жертвы? она требуетъ лишь того, чтобы ею дорожили не менѣе, чѣмъ любители здѣшней жизни любятъ послѣднюю. Для примѣра Августинъ ссылается на образъ дѣйствія римлянъ, когда ихъ городъ, столица знаменитой имперіи, подвергся нападенію варваровъ; сколько любителей мірской жизни отдали тогда все, что̀ они накопили для украшенія жизни и наслажденія ею, отдали даже то, что̀ необходимо для ея поддержанія, лишь для того, чтобы купить себѣ возможность продлить жизнь, хотя бы въ несчастіи и нуждѣ.

Ревнители вѣчной жизни не вынуждены, подобно этому, отказаться отъ того, что̀ украшаетъ любимую ими жизнь; они смотрятъ на здѣшнюю жизнь, какъ на служанку и помощницу для достиженія той вѣчной жизни, и потому не хотятъ ее связывать узами суетныхъ наслажденій и отягощать бременемъ вредныхъ заботъ. Кто дорожитъ здоровьемъ, долженъ желать пользоваться имъ тамъ, гдѣ за него нечего бояться; кто любитъ жизнь, долженъ пріобрѣсти ее тамъ, гдѣ ей не грозитъ смерть.

„Отдайте же, — обращается Августинъ къ Арментарію и Паулинѣ, — то, что̀ вы обѣщали, т.-е. самихъ себя, и отдайте Тому, отъ Кого получили. То, что̀ вы отдадите, не уменьшится отъ этого, но сохранится за вами и еще увеличится; ибо заимодавецъ вашъ благъ и богатъ; Онъ не богатѣетъ отъ своихъ должниковъ, а обогащаетъ тѣхъ, кто возвращаетъ Ему долгъ. Что̀ Ему не возвратится, то пропадетъ, а что̀ будетъ возвращено—причтется должнику".

Въ концѣ своего письма, чтобы похвалить Арментарія за принятое имъ рѣшеніе, Августинъ касается важнаго для исторіи средневѣкового міровоззрѣнія вопроса о преимуществѣ аскетическихъ подвижниковъ передъ другими христіанами, и относящіяся сюда слова его составляютъ одно изъ самыхъ сильныхъ его заявленій въ пользу аскетизма. Августинъ прямо противополагаетъ другъ другу два рода христіанъ, „любящихъ здѣшній

міръ и презирающихъ его, хотя и тѣ, и другіе называются вѣрующими. И тѣ, и другіе омыты въ одной священной купели, и тѣ, и другіе исполнены и освящены одними и тѣми же таинствами; и тѣ, и другіе слышали и проповѣдовали одно и то же Евангеліе; однако, они не одинаково будутъ участниками въ царствѣ Божіемъ и сонаслѣдниками вѣчной жизни, она же и блаженная".

Августинъ прибавляетъ, что онъ могъ бы даже, насколько это позволяютъ его слабыя силы, установить различіе степеней и заслугъ между находящимися одесную и принадлежащими къ царству Божію, и указать, насколько уступаетъ брачная жизнь отцовъ и матерей, хотя бы и религіозныхъ и благочестивыхъ— той жизни, которую Арментарій и его супруга посвятили Богу— еслибы обѣтъ еще не былъ произнесенъ, и еще нужно было бы ихъ увѣщевать къ этому. „Но нынѣ,—обращается Августинъ къ Арментарію,—обѣтъ тобою данъ, и онъ тебя связываетъ, иначе ты поступить уже не можешь. Пока ты не давалъ обѣта, ты былъ свободенъ занимать болѣе низкую ступень, хотя и незавидна была эта свобода".

Августинъ допускаетъ лишь одинъ случай, когда онъ не только не сталъ бы его уговаривать сохранить обѣтъ, но даже запретилъ бы ему это,—еслибы его жена была противъ этого. Ибо такіе обѣты должны быть принимаемы лишь съ общаго согласія. Но онъ слышалъ, что его жена боится лишь одного, чтобы онъ ей не помѣшалъ сохранить обѣтъ. „Поэтому, воздайте Господу то, что вы оба обѣщали. Если воздержаніе есть добродѣтель, а это такъ и есть, то какъ же допустить, чтобы слабый полъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ больше мужества, чѣмъ мужчина, именемъ котораго названа самая добродѣтель (virtus и vir)? Такъ не отступай же, какъ мужъ, отъ того, что жена готова взять на себя".

И въ другихъ случаяхъ Августинъ въ своей перепискѣ подчеркиваетъ преимущество жизни въ воздержаніи. Такъ, упоминая въ одномъ изъ писемъ о „благочестивой вдовѣ" (sancti propositi) Галлѣ и объ ея дочери, дѣвственницѣ Симплиціанѣ, Августинъ не упускаетъ случая прибавить, что эта дочь „по возрасту подчинена матери, по святости же надъ ней вознесена" (praelata). Однако, при всемъ своемъ аскетическомъ идеализмѣ, о которомъ свидѣтельствуютъ приведенныя письма, Августинъ не одобрялъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ письмахъ, такія проявленія аскетизма, которыя подрывали основы семьи, общественнаго строя и государства. Доказательствомъ этого можетъ

послужить его письмо къ Экдиціи. Эта замужняя женщина и мать рѣшилась на подвигъ, который Августинъ такъ восхвалялъ въ своемъ письмѣ къ Арментарію и Паулинѣ. Мужъ неохотно на это согласился, уступая просьбамъ жены. Но, не довольствуясь этимъ, Экдиція пожелала исполнить и другой подвигъ „евангельскаго совершенства“, и однажды передала „какимъ-то двумъ прохожимъ монахамъ, „яко бѣднымъ“, все, что у нея было—деньги, драгоцѣнности, платье—почти все свое имущество. Это такъ разсердило мужа Экдиціи, что онъ отказался не только отъ своего обѣщанія, но и отъ соблюденія брачнаго закона. Въ своемъ смущеніи и горѣ Экдиція обратилась къ Августину съ письмомъ, не дошедшимъ до насъ. Августинъ въ своемъ отвѣтѣ Экдиціи выражаетъ ей свою глубокую скорбь о томъ, что по ея винѣ ея мужъ съ высоты подвига впалъ въ тяжелый грѣхъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Августинъ порицаетъ Экдицію за то, что она взяла на себя подвигъ воздержанія вопреки желанію мужа и несогласно „съ здравымъ ученіемъ“, которое онъ ей и излагаетъ, основываясь на словахъ апостола. Но разъ поставивъ на своемъ и добившись такого же обѣщанія со стороны мужа, она должна была тѣмъ болѣе принимать во вниманіе желаніе мужа и относиться къ нему съ покорностью во всемъ остальномъ.

Поэтому она виновата въ томъ, что мужъ „въ гнѣвѣ на нее не пожалѣлъ и самого себя“, т.-е. что, возненавидѣвъ съ нею и этихъ монаховъ, онъ увидѣлъ въ нихъ не служителей Божіихъ, а грабителей чужого дома и ея соблазнителей, и потому сбросилъ съ себя взятое на себя обязательство.

Если онъ не былъ склоненъ къ широкой милостынѣ, то она и этому могла бы его научить, но ей не слѣдовало ошеломлять его такою опрометчивой растратой и этимъ подвергать хулѣ служителей Божіихъ.

Августинъ, впрочемъ, самъ не увѣренъ, заслуживаютъ ли этого названія люди, которые въ отсутствіе мужа и безъ его вѣдома приняли отъ неизвѣстной имъ женщины такое огромное подаяніе. „Но,—замѣчаетъ Августинъ,—если даже не смотрѣть на этихъ монаховъ глазами человѣка, ослѣпленнаго гнѣвомъ, и быть хорошаго о нихъ мнѣнія, то развѣ добро, которое ты сдѣлала своей щедрой милостыней, данной бѣднымъ, можетъ идти въ сравненіе со зломъ, которое ты сотворила, совративши твоего мужа съ добраго пути? Развѣ временная помощь, оказанная прохожимъ, могла быть тебѣ дороже, чѣмъ спасеніе твоего мужа?“ Августинъ оговаривается, что, конечно, не слѣдуетъ останавливаться передъ добрымъ дѣломъ изъ страха кого-нибудь раз-

гнѣвать, но нужно различать въ этомъ отношеніи наши обязанности относительно чужихъ и родныхъ, относительно христіанъ и невѣрныхъ: различны обязанности родителей относительно дѣтей или наоборотъ, въ особенности же между супругами. Жена не должна говорить:—я дѣлаю съ моимъ добромъ, что хочу; тѣмъ болѣе Августинъ въ данномъ случаѣ становится на сторону мужа... „Что же удивительнаго, что отецъ, не вѣдая, что будетъ съ сыномъ, когда онъ подростетъ, не захотѣлъ потерпѣть, чтобы мать лишила общаго ихъ сына всякой поддержки въ жизни: вѣдь, неизвѣстно, изберетъ ли онъ званіе монашеское или священнослуженіе, или возьметъ на себя узы брачной жизни. Хотя конечно слѣдуетъ, воспитывая дѣтей *святыхъ* родителей, призывать ихъ къ лучшей долѣ, но каждому данъ свой даръ отъ Господа".

Внимательный ко всему, Августинъ коснулся образа дѣйствія Экдиціи и въ менѣе важномъ вопросѣ. Увлеченная аскетическимъ рвеніемъ, она открыто желала выразить свое отрѣшеніе отъ міра, и стала носить вдовью одежду при живомъ мужѣ. Это послужило къ новому между ними раздору: при тогдашнемъ суевѣріи мужъ Экдиціи могъ видѣть въ этомъ дурное для себя предзнаменованіе. Августинъ внушаетъ Экдиціи, что ея неповиновеніе мужу было грѣшно, такъ какъ относительно одежды не существуетъ никакого божественнаго предписанія: апостолъ порицаетъ въ одеждѣ лишь проявленіе тщеславія и соблазна. Еслибы мужъ и не согласился на ея желаніе носить черное платье, то развѣ это уничтожило бы ея обѣтъ? Что можетъ быть нелѣпѣе для женщины, какъ обнаруживать гордыню изъ-за смиренной одежды!

Августинъ совѣтуетъ Экдиціи написать мужу, испросить у него прощенія и обѣщать, если онъ вернется къ своему обѣту, быть ему во всемъ послушной, раскаявшись не въ томъ, что она отдала свое имущество бѣднымъ, а въ томъ, что не захотѣла имѣть его совѣтникомъ и участникомъ въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Въ другомъ отношеніи интересно письмо Августина къ знаменитой Пробѣ. Отвѣчая этой знатной и богатой дамѣ на ея вопросы, какъ ей молиться, подробнымъ наставленіемъ, и напомнивъ ей, какъ трудно богатому войти въ царство небесное, Августинъ поучаетъ ее, что лучшее средство для того, чтобы хорошо молиться—это чувствовать себя одинокой и покинутой въ мірѣ. Чтобы внушить знатной дамѣ, у которой три сына занимали высшія государственныя должности, и которая была окружена толпою друзей и слугъ, это чувство одиночества, Августинъ настаиваетъ на своемъ требованіи: ибо „хотя ты и богата

и знатна, и мать такой великой семьи и окружена такимъ числомъ людей тебѣ подчиненныхъ и постоянно съ тобою пребывающихъ,—молись какъ одинокая, ибо непрочно все мірское, хотя бы оно и оставалось при насъ до конца нашего вѣка". И какое могутъ доставить утѣшеніе богатства, высокія почести и все прочее, что̀ считаютъ счастьемъ смертные, незнакомые съ истиннымъ благомъ, если лучше не нуждаться въ нихъ, чѣмъ отличаться изобиліемъ ихъ. Отъ такого добра люди не становятся добрыми, но, ставши добрыми отъ чего-нибудь другого, они, хорошо пользуясь этимъ, достигаютъ того, что оно становится добромъ".

Конечно, въ здѣшней жизни добрые люди могутъ служить немалымъ утѣшеніемъ. Ибо если кого гнететъ бѣдность, если омрачаетъ горе, если безпокоитъ тѣлесная боль, если огорчаетъ изгнаніе или какое-либо другое бѣдствіе, — они тутъ, добрые люди, которые умѣютъ ликовать съ ликующими и плакать съ плачущими. Съ другой стороны, еслибы пришлось жить въ изобиліи, не потерпѣвъ никакого ущерба въ семьѣ, пользоваться полнымъ здоровьемъ, пребывать спокойно въ отечествѣ и въ то же время быть окруженнымъ дурными людьми, на которыхъ нельзя положиться, со стороны которыхъ надо опасаться злобы, коварства и обмана—развѣ все это не было бы горько и тяжко? Такимъ образомъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ человѣкъ ни жилъ, ничто не можетъ быть ему любо безъ любимаго человѣка (nihil homini amicum sine homine amico). Однако, сколько же можно найти такихъ людей, на сердце и нравъ которыхъ можно въ здѣшней жизни положиться? ибо никто не можетъ быть извѣстенъ другому такъ же хорошо, какъ самому себѣ, и никто не знаетъ самого себя настолько, чтобы быть увѣреннымъ въ своемъ образѣ дѣйствія на слѣдующій день".

„Поэтому-то, блуждая во мракѣ здѣшней жизни, душа христіанина должна чувствовать себя одинокой для того, чтобы не переставать молиться"...

Затѣмъ Августинъ переходитъ къ главному вопросу Пробы, о чемъ же слѣдуетъ молиться.

„Отвѣтъ,—пишетъ Августинъ,—можетъ быть краткимъ: молись о блаженной жизни. Этого желаютъ всѣ люди; ибо и тѣ, кто ведетъ превратный образъ жизни, не стали бы такъ жить, еслибы не видѣли счастья въ этомъ образѣ жизни. Но Проба вѣроятно спроситъ, что̀ же такое блаженная жизнь? На этотъ вопросъ потратили свой умъ и время многіе философы, но не могли его правильно разрѣшить, потому что не отдали чести Тому, Кто есть источникъ блаженной жизни. Прежде всего нужно

разсмотрѣть, вѣрно ли мнѣніе, что счастливъ тотъ, кто живетъ согласно съ своею волею". Августинъ опровергаетъ это ходячее среди людей мнѣніе словами самаго краснорѣчиваго изъ нихъ, Цицерона, приведя эти слова изъ недошедшаго до насъ его сочиненія—„Гортензіи". „Но нужно ли намъ спрашивать объ этомъ философовъ и изучать ихъ системы? Краткій и ясный отвѣтъ находится въ Св. Писаніи", и Августинъ ссылается по этому поводу на слова апостола Павла въ его посланіи къ Тимоѳею (I. 1, 5.).

Но направляя такимъ образомъ молитву на религіозно-этическую цѣль, Августинъ касается и земныхъ благъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя характерны для его воззрѣнія на нихъ.

„Тотъ счастливъ, у кого есть все, чего онъ желаетъ, но кто желаетъ только того, чего желать достойно?

„Если такъ, то посмотримъ же, что̀ людямъ достойно (non indecentir) желать. Одинъ желаетъ жениться, другой, овдовѣвши, желаетъ жить въ воздержаніи, третій желаетъ этого даже въ бракѣ. Хотя одно лучше другого, но все это мы должны признать достойнымъ молитвы; сюда же относится и желаніе имѣть дѣтей, а если они есть, то желаніе имъ жизни и здоровья; это относится также и къ вдовамъ; отказавшись отъ новаго брака, онѣ тѣмъ не менѣе желаютъ сохраненія жизни дѣтей, которыя у нихъ есть. Такихъ заботъ, конечно, не знаютъ дѣвственницы. Но и у нихъ есть дорогіе имъ люди и онѣ имѣютъ полное право молиться за ихъ здоровье на землѣ.

„Но можно ли сверхъ этого здоровья молиться о почестяхъ и власти для нихъ? Конечно можно, если это послужитъ къ добру тѣмъ, которые будутъ имъ подчинены. Можно молиться для себя и для своихъ близкихъ обо всемъ, что̀ нужно для поддержанія жизни".

Къ благамъ, о которыхъ можно молиться, Августинъ причисляетъ и дружбу, замѣчая, что ее не слѣдуетъ понимать въ слишкомъ тѣсныхъ предѣлахъ; подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть всѣхъ, кто достоинъ любви и привязанности, хотя эти чувства могутъ быть сильнѣе къ однимъ, чѣмъ къ другимъ. Они распространяются даже на недруговъ, такъ какъ и о нихъ намъ предписано молиться. „Такимъ образомъ,—заключаетъ Августинъ,—нѣтъ никого въ родѣ человѣческомъ, кого мы не обязаны любить, если не въ силу взаимной привязанности, то въ силу связующей насъ общей природы".

Если Августинъ признаетъ возможнымъ для христіанина молиться не только о благахъ семейной жизни, но, при извѣстныхъ условіяхъ, о почестяхъ и власти для близкихъ, то онъ дѣлаетъ еще бо̀льшую уступку условіямъ и потребностямъ здѣшней

жизни въ письмѣ къ извѣстному Бонифацію, проконсулу Африки, имѣвшему такое роковое вліяніе на ея судьбу. Здѣсь Августинъ признаетъ совмѣстимою съ христіанствомъ и божественной волею военную службу и защиту христіанскаго государства. „Отнюдь не думай,—пишетъ ему Августинъ,—что не можетъ быть угоденъ Богу тотъ, кто состоитъ на военной службѣ... Конечно, болѣе высокое мѣсто занимаютъ передъ Богомъ тѣ, кто, оставивъ всякаго рода мірскія дѣла, служатъ Господу воздержаніемъ и цѣломудріемъ. Они, молясь за васъ, ратуютъ противъ невидимыхъ враговъ; вы же, сражаясь за нихъ, защищаете ихъ отъ видимыхъ враговъ, варваровъ. О, еслибы во всѣхъ была единая вѣра, тогда было бы меньше смуты, и діавола легче было бы побѣждать. Но такъ какъ въ семъ мірѣ граждане царства небеснаго неизбѣжно подвергаются искушеніямъ среди заблуждающихся и нечестивыхъ для того, чтобы упражняться въ благочестіи и уподобляться золоту въ пещи, то мы не должны до времени желать жить съ одними святыми и праведниками, чтобы сподобиться этому въ *свое* время“.

Такимъ образомъ, письма Августина и другія его сочиненія, относящіяся къ исторіи аскетизма, даютъ намъ возможность черпать у самаго источника того могущественнаго движенія, которое глубоко охватило христіанское общество въ IV и V в. и потомъ стало господствующимъ въ духовной жизни среднихъ вѣковъ. Изученіе этого движенія въ эпоху Августина представляетъ историку двойной интересъ. Онъ убѣждается въ томъ, какъ неизбѣжно вытекаетъ аскетическое настроеніе изъ тогдашняго христіанскаго идеализма и изъ его противоположности воззрѣніямъ и нравамъ полуязыческаго общества, съ которымъ продолжало бороться христіанство послѣ того, какъ избавилось отъ гнета языческаго государства.

Съ другой стороны, историкъ имѣетъ возможность наблюдать въ IV и V в. аскетизмъ въ его идеальной формѣ — всѣмъ доступной и ко всѣмъ обращенной — прежде, чѣмъ аскетизмъ замкнулся въ рамки монашескихъ учрежденій, стоявшихъ особнякомъ въ обществѣ и поступившихъ на службу другого, высшаго учрежденія — церкви. Въ то же время историкъ можетъ уже намѣтить въ это время тѣ условія, которыя опредѣлили дальнѣйшую судьбу аскетизма и его отношенія къ церковной теократіи.

В. Герье.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—ВЪ НЕВОЛѢ.

—„Скажи, соловушко, зачѣмъ, склонясь уныло,
На жердочкѣ своей ты пѣсню не поешь?
Всѣмъ радостно весной, тебѣ же все постыло,
И ты грустишь и словно слезы льешь?..
Взгляни въ окно: на землю ночь спустилась,
Заглохшій прудъ огнями засіялъ,
Взошла луна, листва засеребрилась,
И нѣжно вѣтерокъ вѣтвями зашепталъ.
Въ тиши глубокой рѣютъ счастья грёзы...
О, не грусти, и снова пѣсню спой,
Спой такъ, чтобъ тихія въ глазахъ дрожали слезы,
Чтобъ грудь рвалась надеждой и тоской!
О, спой, какъ прежде, спой!..“—Но, словно негодуя,
Мнѣ страстно отвѣчалъ плѣненный соловей:
—„Не я тѣ пѣсни пѣлъ: весь міръ, меня чаруя,
Самъ Божій міръ дрожалъ и пѣлъ въ душѣ моей.
Пойми: въ лѣсу, въ саду, тамъ, у цвѣтущей вѣтки,
Я вольной птицей пѣлъ свободу и любовь,
Я весело порхалъ, не зная тѣсной клѣтки,
Душа къ другой рвалась, ключомъ кипѣла кровь.
Я съ міромъ трепеталъ и жилъ однимъ дыханьемъ,
Міръ былъ во мнѣ, и міръ я обнималъ...
Рожденный радостью и свѣтлымъ упованьемъ,
Хвалебный гимнъ веснѣ звенѣлъ и замиралъ.

Въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, тѣмъ звукамъ не родиться,
Хоть я томлюсь по нимъ, печаленъ и унылъ...
Пѣснь—жизнь моя, но легче съ ней проститься,
Чѣмъ пѣть бездушный гимнъ, безъ чувства и безъ силъ"!

II.—„ГЛУБОКОЮ ЗИМОЙ...“

Глубокою зимой—цвѣтущій кустъ сирени
Случилось видѣть мнѣ... Стоялъ онъ одинокъ;
Казалось, по вѣтвямъ скользили скорби тѣни
И баловня людей—его не тѣшилъ рокъ.

Цвѣтами блѣдными къ стеклу окна склоняясь,
Изъ барскихъ каменныхъ прискучившихъ палатъ,
Онъ, точно думою печальною терзаясь,
Смотрѣлъ все вдаль, впередъ, на свой родимый садъ.

Знакомыя мѣста. Подъ пеленою снѣжной
Стоятъ, какъ нѣкогда, тамъ родичей ряды,
Сгибая тонкій станъ подъ ласкою небрежной,
Зимы-красавицы щедротами горды.

Пусть вѣтеръ клонитъ ихъ; пусть люто воетъ вьюга,
Пусть кажется порой имъ жизнь тяжелымъ сномъ—
Не вѣчны холода, и съ тихой лаской друга
Весна дохнетъ вокругъ надеждой и тепломъ.

Проглянетъ солнышко, пригрѣетъ, приголубитъ,
Побѣги вызоветъ въ воскреснувшихъ вѣтвяхъ,
Ихъ снова соловей попрежнему полюбитъ
И пѣсню запоетъ, что̀ зналъ въ чужихъ краяхъ.

Пусть трудно пòжито; пусть гнетомъ надъ душою
Стоитъ густой туманъ житейскихъ грозныхъ тучъ:
Все можно вынести, когда за сѣрой мглою
Привѣтно свѣтится отрадный сердцу лучъ.

И не возьму я вновь постылаго покоя,
Теплицъ искусственныхъ унылой красоты,
За право честнаго, чарующаго боя,
За правду, за добро, за юности мечты!

Е. М. Миличъ.

АЛЕКСАНДРЪ I и НАПОЛЕОНЪ I

Послѣдніе годы ихъ дружбы и союза [1]).

I.

Тильзитскій миръ 1807 г. не только долженъ былъ прекратить военныя дѣйствія между Россіей и Франціей, но также совершенно измѣнить всю политическую систему Европы. Отнынѣ судьба всѣхъ европейскихъ народовъ должна была находиться въ рукахъ двухъ монарховъ: императоровъ Наполеона и Александра I. Для сохраненія этого новаго порядка вещей абсолютно нужно было поддержаніе полнаго согласія между двумя государями. Все, что могло нарушить такое согласіе, было опасно для созданнаго въ Тильзитѣ новаго политическаго положенія Европы.

Спрашивается: возможно ли было вообще сохраненіе согласія между Наполеономъ и Александромъ? Не скрывался ли въ самыхъ тильзитскихъ соглашеніяхъ зародышъ раздора и разрыва?

На эти вопросы можно отвѣтить только объективнымъ изложеніемъ дипломатическихъ переговоровъ и личныхъ сношеній между русскимъ императоромъ и императоромъ французовъ послѣ подписанія тильзитскихъ актовъ. Изученіе относящихся сюда архивныхъ документовъ вполнѣ убѣждаетъ въ роковой необходимости наступленія полнаго разрыва между обоими союзниками. Немедленно послѣ ихъ разлуки въ Тильзитѣ, оба государя должны были убѣдиться, что они не были откровенны другъ съ другомъ, и что

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ большею частію на основаніи еще неизданныхъ матеріаловъ изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

много осталось невыясненныхъ вопросовъ, долженствовавшихъ неизбѣжно вызывать недоразумѣнія, взаимное недовѣріе и опасное разочарованіе. Оказалось весьма скоро, что императоръ Александръ I принялъ словесныя обѣщанія Наполеона за формальныя обязательства, на которыя можно положиться. Несмотря на сильное недовѣріе къ императору французовъ, все-таки онъ вначалѣ вѣрилъ его словамъ и надѣялся, вмѣстѣ съ нимъ, управлять всею Европою.

Между тѣмъ, самъ Наполеонъ относился весьма скептически къ обѣщаніямъ, даннымъ на словахъ. „Иной разъ весьма полезно кое-что обѣщать“, сказалъ онъ однажды. Наконецъ, если и письменныя обязательства далеко не всегда имъ исполнялись, то наивно было думать, что словесныя обѣщанія могутъ имѣть въ его глазахъ какую-либо силу.

Однако, если Наполеонъ, въ своихъ изліяніяхъ съ русскимъ императоромъ въ Тильзитѣ, и давалъ полную свободу своей пылкой фантазіи и даже допускалъ возможность раздѣленія Оттоманской имперіи, то все-таки на дѣлѣ онъ оставался холоднымъ политикомъ и неумолимымъ исполнителемъ своихъ грандіозныхъ плановъ. Для исполненія этихъ плановъ ему нужны были дружба и союзъ съ Россіей: для этой цѣли онъ готовъ приносить пока всѣ жертвы и стараться угодить всѣми средствами своему „другу и союзнику“—императору Александру I.

Въ виду этой цѣли, Наполеонъ считалъ необходимымъ не давать остывать горячимъ чувствамъ Александра, а, напротивъ, поддерживать ихъ самымъ дѣятельнымъ образомъ. Этимъ соображеніемъ объясняется приказаніе, данное имъ генералу Савари, немедленно послѣ тильзитскихъ свиданій, отправиться въ Петербургъ и состоять при особѣ русскаго императора до прибытія французскаго посла.

Передъ отъѣздомъ изъ Кенигсберга, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Савари и далъ ему слѣдующее наставленіе.

„Я только-что заключилъ миръ. Мнѣ говорятъ, что я ошибся и буду обманутъ. Но, говоря по правдѣ, довольно воевать—надо дать міру покой. Я, до избранія посла, намѣренъ послать въ Петербургъ васъ. Я дамъ вамъ письмо къ императору Александру, которое замѣнитъ вамъ вѣрительную грамоту. Вы исполните тамъ мои порученія: помните только, что я не хочу войны съ кѣмъ бы то ни было, и пусть это послужитъ основаніемъ вашихъ дѣйствій. Мнѣ бы далеко не понравилось, еслибъ не удалось избѣгнуть новыхъ затрудненій. Повидайте Талейрана; онъ скажетъ вамъ, что̀ нужно дѣлать въ настоящее время и что̀ условлено между

русскимъ императоромъ и мною. Я намѣренъ дать отдыхъ арміи въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя пока необходимо занимать, и покончить со взиманіемъ контрибуцій. Это единственно возможный случай, могущій вызвать затрудненія, но да будетъ вамъ извѣстно, что я ничего не уступлю въ этомъ дѣлѣ. Вамъ придется поторопить отъѣздъ посла; постарайтесь, чтобы выборъ палъ на человѣка, который не явился бы къ намъ дѣлать то же самое, что дѣлали уже перебывавшіе у насъ послы".

„Я пришлю вамъ", — продолжалъ Наполеонъ, — „секретный договоръ, по полученіи вашихъ первыхъ донесеній. Въ вашихъ разговорахъ избѣгайте всего, что могло бы оскорбить. Такъ, напримѣръ, никогда не говорите о войнѣ, не порицайте никакого обычая; не замѣчайте ничего смѣшного: у каждаго народа свои привычки, а природѣ французовъ слишкомъ присуще стремленіе все мѣрить по себѣ и выставлять себя образцами. Это было бы плохое средство и помѣшало бы вамъ достигнуть успѣха, сдѣлавъ васъ невыносимымъ для всего общества.

„Наконецъ, если возможно скрѣпить союзъ мой съ этой страной", — закончилъ свое наставленіе Наполеонъ, — „и создать что-либо прочное въ этомъ отношеніи, то ничѣмъ не пренебрегайте для достиженія этой цѣли.

„Вы видѣли, какъ я былъ обманутъ австрійцами и пруссаками. Я довѣряю русскому императору, и между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать полному ихъ сближенію. Поработайте же для этого" [1]).

Въ дополненіе къ этому словесному наставленію, Наполеонъ далъ Савари еще письменную, очень лаконическую, инструкцію отъ 13-го іюля 1807 года, подписанную въ Кенигсбергѣ. Въ этой инструкціи было, между прочимъ, сказано, что Савари отправляется въ Петербургъ исключительно „какъ адъютантъ и военный, и не имѣетъ никакого дипломатическаго характера". Ему разрѣшается отправлять, въ случаѣ надобности, курьеровъ съ донесеніями, но всѣ письма, отправляемыя по почтѣ, онъ долженъ писать такъ, „какъ бы ихъ долженъ былъ читать самъ императоръ Александръ".

---

¹) Mémoires du duc de Rovigo (Savary). Paris, 1828, t. III, p. 149 et suiv.— Сравн. Сборникъ И. Р. Истор. Общ. т. LXXXIII, Notes; т. LXXXIX, предисловіе, стр. LXII.

II.

Савари прибылъ въ Петербургъ 6-го августа 1807 года, въ три часа пополудни. Въ 8 часовъ вечера онъ уже былъ принятъ императоромъ Александромъ, которому онъ вручилъ письмо Наполеона отъ 1-го (13-го) іюля. Эта первая аудіенція, состоявшаяся въ Каменноостровскомъ дворцѣ, тотчасъ обнаружила совершенно исключительное значеніе, которое Александръ I желалъ придать представителю своего друга и союзника. Государь выразилъ Савари убѣжденіе, что въ Тильзитѣ были покончены навсегда всѣ счеты между Россіей и Франціей, и что отнынѣ обѣ великія державы всегда будутъ жить въ мирѣ другъ съ другомъ.

Но на этой же первой аудіенціи Александръ I не могъ скрыть своего желанія привести въ исполненіе то, что̀ было обѣщано въ Тильзитѣ и относительно чего согласились оба императора.

„Наполеонъ далъ мнѣ въ Тильзитѣ такія доказательства дружбы, которыхъ я никогда не забуду“, — сказалъ онъ Савари. — „Чѣмъ больше я вспоминаю о томъ, что̀ тамъ происходило, тѣмъ больше радъ, что его видѣлъ. Я постоянно боюсь забыть хоть одно слово изъ той огромной массы вещей, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ въ такое короткое время. Это человѣкъ изумительный, и нужно признаться, господа, что хотя мы имѣемъ кое-какія права на ваше уваженіе, но за вами должно признать положительное превосходство, и надо быть слабоумнымъ, чтобъ это оспаривать“.

Послѣ этихъ любезностей императоръ Александръ немедленно перешелъ къ дѣлу и спросилъ Савари, имѣетъ ли онъ инструкціи для переговоровъ? Савари отвѣтилъ отрицательно. Что же касается будущаго французскаго посла, то Савари ограничился только завѣреніемъ, что Наполеонъ непремѣнно остановитъ свой выборъ на такомъ лицѣ, которое будетъ угодно царю и будетъ проникнуто „началами великаго тильзитскаго событія“.

На другой день послѣ пріѣзда, Савари былъ приглашенъ къ царскому обѣду и былъ представленъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ сидѣлъ по правую руку отъ государя. Савари не остался въ долгу за такую небывалую любезность. Когда, послѣ обѣда, государь его спросилъ: „Какъ, генералъ, вамъ

нравится Петербургъ?"—онъ, не обинуясь, отвѣтилъ: „Ваше величество, Петербургъ изумителенъ, и въ Италіи нельзя увидѣть ничего подобнаго".

„Не забудьте",—подхватилъ немедленно государь,—„сказать императору о томъ, какъ вы находите нашъ климатъ. Я знаю, что онъ боится холода, но, несмотря на то, я разсчитываю, что онъ меня навѣститъ. У него будетъ помѣщеніе, которое я прикажу натопить до египетской температуры. Но сперва я самъ его навѣщу и поговорю еще съ нимъ".

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній императоръ искусно опять перешелъ на интересующіе его политическіе вопросы и въ частности на „восточный вопросъ". „Наполеонъ"—сказалъ онъ Савари—„мнѣ признался, что онъ считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи Оттоманской имперіи и",—прибавилъ государь, — „побуждаемый чрезмѣрною добротой, онъ мнѣ далъ надежду"...

Александръ I не окончилъ этой фразы, надѣясь, что Савари ее окончитъ. Но послѣдній продолжалъ ссылаться на отсутствіе инструкцій и умышленно избѣгалъ подобныхъ опасныхъ разговоровъ.

Такая осторожность Савари, однако, не остановила государя напомнить о планахъ, которые онъ развивалъ въ Тильзитѣ вмѣстѣ съ Наполеономъ относительно паденія Оттоманской имперіи.

„Императоръ", — сказалъ Александръ I, — „судящій лучше, чѣмъ кто-либо, казалось, также убѣдился, что константинопольская имперія не въ состояніи будетъ долго занимать мѣсто среди европейскихъ государствъ. Мы много объ этомъ говорили, и я признаюсь, что если это государство должно когда-нибудь исчезнуть, то Россія, по своему положенію, вправѣ надѣяться получить часть этого наслѣдства. Императоръ такъ добръ, что понимаетъ меня въ этомъ отношеніи, и я совершенно полагаюсь на него, когда онъ увидитъ, что моментъ наступилъ"... (Донесеніе Савари Наполеону, отъ 6 августа 1807 г.)

Въ этомъ дружескомъ тонѣ императоръ Александръ I продолжалъ свои личныя сношенія съ представителемъ своего великаго союзника. Онъ любилъ постоянно возвращаться, въ бесѣдахъ съ Савари, къ „ночнымъ вечерамъ", которые онъ проводилъ въ Тильзитѣ съ Наполеономъ. Онъ не переставалъ развивать идеи, одобренныя тогда обоими августѣйшими собесѣдниками, и самъ Савари долженъ былъ подтвердить, что царь „всею душою преданъ тильзитскому дѣлу".

Однако, Савари не скрывалъ отъ Наполеона, что только

самъ императоръ Александръ всею душою преданъ союзу съ Франціей. Но ни влiятельнѣйшая императрица-мать Марія Ѳеодоровна, ни самые близкіе къ государю сановники, ни общественное мнѣніе Россіи, не сочувствовали союзу съ Франціей. Савари постоянно приходилось это чувствовать, и иногда весьма непріятнымъ образомъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна приняла его въ Таврическомъ дворцѣ. „Пріемъ былъ холодный",—пишетъ Савари,—„и продолжался безъ малаго одну минуту" [1]). Савари отомстилъ ей, написавъ въ своемъ донесеніи, отъ 23-го августа, что императрица-мать очень высокомѣрна и „не умна". Но въ то же время онъ принужденъ былъ признать ея огромное вліяніе, ибо всѣ военные и гражданскіе чины, получавшіе новыя назначенія или повышенія по службѣ, должны были представляться ей, а не царствующей императрицѣ.

Что касается высшаго петербургскаго общества, то оно открыто выражало свою нелюбовь къ Франціи и союзу съ нею. Въ Россіи,—писалъ Савари,—Орловы, Кочубеи, Лопухины и Строгоновы больше значатъ, чѣмъ всѣ министры. Между тѣмъ именно эта высшая аристократія относилась явно враждебнымъ образомъ къ новой политикѣ государя и къ представителю Франціи при Высочайшемъ дворѣ. Чарторыжскій, Новосильцовъ, Строгоновъ и Кочубей упорно отказывались принять Савари, и тогдашніе представители петербургскаго высшаго общества рѣдко ему отдавали визиты.

Наконецъ, даже общественное мнѣніе было противъ союза съ Франціей. Правда, самъ Савари замѣчаетъ, что было бы ошибочно говорить объ общественномъ мнѣніи Петербурга и придавать ему здѣсь такое значеніе, какое оно имѣетъ во всѣхъ другихъ странахъ. „Народъ",—объясняетъ Савари,—„который вездѣ, въ другихъ странахъ, есть кое-что въ государствѣ, здѣсь ничего не значитъ". Независимаго общества, которое стояло бы далеко отъ престола и близко къ народу, не существуетъ: „существуетъ только императорская власть, высшая аристократія и народная масса изъ рабовъ".

Савари могъ гордиться необычайно милостивымъ вниманіемъ императора Александра и могъ быть доволенъ любезнымъ съ нимъ обращеніемъ гр. Н. П. Румянцова и немногихъ придвор-

---

[1]) Всѣ данныя относительно пребыванія Савари въ С.-Петербургѣ заимствованы изъ тома LXXXIII „Сборника И. Р. И. Общества" („La Mission du général Savary à St.-Pétersbourg) и „Mémoires du Duc de Rovigo" (Savary).

ныхъ чиновъ. Но онъ чувствовалъ глухую оппозицію всюду, гдѣ она только могла свободно обнаруживаться. Онъ опасался, что самъ государь мало-по-малу подпадетъ вліянію этой оппозиціи, къ которой принадлежали лучшіе его друзья юности, и онъ считалъ себя вправѣ обратить серьезное вниманіе Александра I на это обстоятельство.

„Я имѣлъ неоднократно случай замѣчать",—сказалъ Савари государю въ сентябрѣ 1807 года,—„съ тѣхъ поръ, что я въ Петербургѣ, насколько мнѣніе высшаго дворянства далеко отъ системы, нынѣ принятой вашимъ величествомъ. Я не спрашивалъ, какая тому причина, которую я вначалѣ искалъ во внезапномъ измѣненіи обстоятельствъ. Было натурально надѣяться, что пройдетъ немного времени и воля государя успокоитъ этотъ духъ оппозиціи, который вначалѣ соблюдалъ извѣстную мѣру въ своемъ неудовольствіи. Въ настоящее же время нельзя не видѣть, что положеніе вещей стало хуже, и иностранецъ, прибывшій въ Петербургъ, можетъ усомниться, существуетъ ли государь (sic!), котораго почитаютъ, когда онъ слышитъ, какъ о немъ осмѣливаются отзываться".

Савари пошелъ еще дальше въ своемъ обвиненіи русскихъ, не сочувствующихъ союзу ихъ отечества съ Франціей. „Мнѣ кажется",—сказалъ онъ императору,—„что ваше величество много выиграли бы удаленіемъ лицъ, слишкомъ дѣлающихъ оппозицію, и замѣною ихъ такими лицами, извѣстныя убѣжденія которыхъ содѣйствовали бы исполненію предначертаній вашего величества. Въ противномъ случаѣ, возможно, что весьма скоро происки, даже крамола и крики всего торговаго міра заставятъ даже васъ колебаться между Англіей и нами. Признаюсь вамъ, государь, что я предвижу этотъ моментъ".

Императоръ Александръ I нисколько не разсердился на такое вмѣшательство иностранца въ направленіе внутреннихъ дѣлъ своей имперіи. Онъ взялъ Савари за руку и сказалъ:

„Генералъ! Выборъ окончательно сдѣланъ, и ничто его измѣнить не можетъ. Не будемъ объ этомъ спорить и подождемъ событій. У меня нѣтъ ни малѣйшей задней мысли относительно всего совершившагося, и вы должны были бы здѣсь замѣтить, что нѣтъ человѣка, который былъ бы въ состояніи измѣнить мои рѣшенія. Не усматривайте общее мнѣніе въ воззрѣніяхъ нѣсколькихъ негодяевъ, которыхъ услугами я не пользуюсь и которые слишкомъ трусливы, чтобы предпринять что̀ бы то ни было. Здѣсь нѣтъ на это ни достаточно ума, ни рѣшимости".

Наконецъ, государь, видимо разгорячась, прибавилъ: „Я рѣ-

шился все измѣнить, даже вокругъ себя. Я очень люблю своихъ родныхъ, но *я* царствую, и потому требую, чтобы меня почитали". На этихъ словахъ государь вдругъ остановился и, пожавъ руку Савари, сказалъ: „Вы видите, генералъ, что я вамъ вполнѣ довѣряю, ибо я говорю съ вами о моихъ семейныхъ дѣлахъ. Я полагаюсь на вашу скромность и на вашу преданность мнѣ". (Изъ донесенія Савари, отъ 23-го сентября 1807 года.)

Между тѣмъ, Савари не успокоился. Онъ находилъ, что императоръ Александръ I недостаточно энергично поступаетъ съ англичанами. Онъ обязался въ Тильзитѣ предложить свое посредничество между Англіей и Франціей. Въ случаѣ неудачнаго исхода этого посредничества, онъ долженъ былъ немедленно прекратить всѣ торговыя сношенія съ Англіей, приступить къ континентальной системѣ Наполеона и объявить Англіи войну.

Савари находилъ, что русское правительство медлитъ исполненіемъ этихъ обязательствъ, ибо вліяніе Англіи господствовало въ высшихъ петербургскихъ сферахъ и во всемъ промышленно-торговомъ мірѣ. Вся отпускная русская торговля была въ рукахъ англичанъ, и прекращеніе торговыхъ оборотовъ съ Англіей явилось бы разореніемъ какъ для казны, такъ и для народа [1]). Несмотря на то, что императоръ старался успокаивать представителя Наполеона, своего союзника, доказывая ему, что онъ, императоръ, „смѣется надъ криками торговцевъ и заставитъ ихъ замолчать",—все-таки Савари не успокоился. Эти „глупости" и „пустяки", по словамъ русскаго царя, не давали Савари возможности спокойно наслаждаться ласками и почестями, которыя сыпались на него щедрою царскою рукою. Онъ видѣлъ, что Россія медлитъ объявленіемъ войны Англіи, и что всѣ симпатіи русскихъ вліятельныхъ придворныхъ кружковъ—на сторонѣ враговъ Наполеона.

Вотъ почему Савари неустанно возвращался, въ бесѣдахъ съ русскимъ императоромъ, къ своимъ предостереженіямъ относительно непрочности союза съ Франціей, пока этотъ союзъ держится только однимъ государемъ.

Въ этомъ смыслѣ Савари пошелъ разъ очень далеко. Въ концѣ октября, послѣ возвращенія государя изъ путешествія внутри Россіи, Савари на другой же день былъ приглашенъ къ императорскому столу. Въ то время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ ходила по рукамъ анонимная брошюра, подъ заглавіемъ: „Разсужденія о мирномъ трактатѣ между Франціей

---

[1]) Сравн. мое „Собраніе трактатовъ", т. XI, стр. 185 и слѣд.

и Россіей", въ которой сильно критиковалась политика Наполеона I и Александра I, приведшая къ тильзитскому миру.

Ссылаясь на эту брошюру, Савари прямо обвинялъ придворные чины, и въ частности Орлова, Новосильцова, Кочубея и Строгонова, въ томъ, что они распространяютъ это произведеніе и стараются создать бездну между русскимъ императоромъ и его народомъ. Государь былъ крайне возмущенъ содержаніемъ брошюры, которая, по его словамъ, „достаточно наглядно объясняетъ чувства этихъ господъ, и тѣ, которые въ Петербургѣ ее получили, не сообщивъ ее кому слѣдуетъ,—измѣнники"...

„Вашъ государь",—продолжалъ императоръ,— „счастливѣе меня: онъ нашелъ людей, и изъ нихъ онъ многихъ самъ образовалъ. Независимо отъ этого, онъ устроилъ свое управленіе, какъ хотѣлъ. Все хорошее, что у васъ существуетъ—его дѣло...

„Я же, напротивъ, не имѣю достаточно даже того, что вы называете—*людей* для образованія министерства, и, кромѣ того, я нашелъ тысячу злоупотребленій, требовавшихъ отмѣны, и людей, недостойныхъ тѣхъ мѣстъ, которыя они занимали. Царствованіе Екатерины виновно въ томъ недовольствѣ, о которомъ я говорю. Покойный императоръ еще хуже повелъ дѣла. Во время этихъ двухъ царствованій казенныя земли были отданы на *эксплоатацію* всѣхъ этихъ мерзкихъ людей, которыхъ тогдашнія событія сдѣлали столь извѣстными. Въ царствованіе Павла давали 9.000 душъ, какъ даютъ брильянтовый перстень.

„Я рѣшительно возсталъ противъ такого образа правленія",—продолжалъ императоръ Александръ I въ своихъ откровенныхъ объясненіяхъ съ представителемъ Наполеона I.—„Я ничего не даю этимъ господамъ, и, сверхъ того, я желалъ бы вывести народъ изъ того состоянія варварства, въ которомъ его держитъ эта торговля людьми. Я даже скажу больше. Еслибы цивилизація его была достаточно развита, я бы отмѣнилъ рабство, хотя бы это мнѣ стоило жизни".

Императоръ Александръ I не остановился на этихъ знаменательныхъ откровенностяхъ. Онъ остроумно прибавилъ, что такъ какъ каждый день окружающіе его твердятъ, что Наполеонъ только желаетъ его успокоить и надуть для выигрыша времени, то Наполеонъ долженъ что-нибудь сдѣлать для Россіи. „Малѣйшая уступчивость императора Наполеона"—сказалъ онъ Савари—„произведетъ здѣсь наилучшее впечатлѣніе"... „А то всѣ говорятъ",—прибавилъ государь,—что Наполеонъ „намъ не проститъ, и не преминетъ нанести намъ ударъ, когда мы больше не будемъ ему нужны".

Наконецъ, императоръ даже не задумался, сравнивая французскій народъ съ русскимъ, сказать, что послѣдній несравненно „легкомысленнѣе“ перваго. Онъ принужденъ выслушивать всѣ нареканія на Францію и съ ними считаться. Однако, онъ безпредѣльно вѣритъ въ дружбу къ нему Наполеона и не допускаетъ и мысли о разрывѣ между ними, хотя такой разрывъ и предсказываютъ всѣ близкія къ нему лица.

„Впрочемъ“,—замѣтилъ Александръ I,—„возможно, что императоръ еще будетъ воевать въ Европѣ. Но чтобъ онъ питалъ противъ насъ какую-либо злобу и чтобъ онъ намѣренъ былъ нанести намъ ударъ, этому я, какъ честный человѣкъ, не вѣрю“. Недовольство же миромъ съ Франціей самъ государь объяснилъ представителю Наполеона весьма просто: во времена Екатерининскихъ войнъ сражались для ограбленія побѣжденныхъ; въ настоящее время это измѣнилось, и потому является—неудовольствіе.

„Мы немножко азіаты“,—прибавилъ государь съ свойственною ему милою улыбкою. (Изъ донесенія Савари, отъ 4-го ноября 1807 г.)

Генералъ Савари долженъ былъ быть польщенъ какъ изысканными любезностями русскаго императора, такъ и лестнымъ отзывомъ о французскомъ народѣ въ сравненіи съ русскимъ. Вѣроятно, ему въ особенности понравился послѣдній отзывъ государя о русскихъ, что они „немножко азіаты“, ибо въ его донесеніяхъ своему правительству явно выступаетъ высокомѣрный тонъ, когда онъ говоритъ о Россіи и о русскомъ народѣ.

Впрочемъ, самъ Александръ I содѣйствовалъ укрѣпленію такого мнѣнія французскаго генерала. Онъ съ открытымъ пренебреженіемъ относился къ противникамъ своей тогдашней политики и, не стѣсняясь, убѣждалъ Савари, что „и у насъ (въ Россіи) очень много болтаютъ, но никогда ничего не предпринимаютъ“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ своего „caeterum censeo“, государь повторялъ, что Наполеонъ долженъ обезпечить за Россіею какое-нибудь пріобрѣтеніе на счетъ Турціи, ибо тогда всѣ будутъ восхищаться союзомъ съ Франціей.

Къ разрѣшенію восточнаго вопроса въ смыслѣ дѣлежа турецкихъ владѣній въ Европѣ неоднократно возвращался императоръ Александръ I въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ съ военнымъ представителемъ Наполеона. Но Савари обязанъ былъ систематически отклонять рѣшительные переговоры объ этомъ щекотливомъ предметѣ, ссылаясь на неимѣніе дипломатическаго характера. Сверхъ того, онъ не имѣлъ никакихъ точныхъ инструкцій по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что самъ Наполеонъ I

нисколько не желалъ ни паденія Оттоманской имперіи, ни увеличенія Россіи на счетъ Турціи. Савари только получалъ отъ своего правительства категорическія инструкціи—*заставить* Россію сдѣлать то или другое.

Письма французскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ Савари были, по всей вѣроятности, продиктованы самимъ Наполеономъ. Только такимъ предположеніемъ можно объяснить себѣ повелительный ихъ тонъ.

Въ этихъ письмахъ постоянно говорится, что Россія „*должна*" объявить войну Англіи; она „*должна*" выслать шведскую миссію изъ Петербурга; она „*должна*" одновременно объявить войну и Англіи, и Швеціи; она „*должна*" снять маску и заговорить языкомъ, достойнымъ ея могущества и величія; она „*должна*" вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, не взирая на неутвержденіе императоромъ Александромъ заключеннаго съ Турціею акта перемирія; наконецъ, она *должна* „выгнать" изъ Россіи англійскаго посланника, лорда Гоуэра, и всѣхъ англійскихъ подданныхъ. (Сравн. депеши Шампаньи, отъ 14-го сентября и 13-го октября 1807 г. и др.)

Самъ императоръ Наполеонъ подтверждалъ въ своихъ письмахъ къ Савари категорическій характеръ своихъ требованій, которыя заключались въ объявленіи войны Англіи и Швеціи и въ очищеніи русскими войсками занятыхъ ими Дунайскихъ княжествъ. (Письмо Наполеона къ Савари, отъ 1-го ноября 1807 года.)

Между тѣмъ, Савари ничего не въ состояніи былъ достигнуть по той простой причинѣ, что оба союзника совершенно различнымъ образомъ понимали принятыя на себя въ Тильзитѣ обязательства. Въ особенности они абсолютно расходились по вопросу о раздѣлѣ Турціи: императоръ Александръ и его министръ иностранныхъ дѣлъ, гр. Румянцовъ, мечтали о такомъ раздѣлѣ; императоръ Наполеонъ и его ближайшіе совѣтники были абсолютно противъ такого раздѣла. Это непримиримое разногласіе отлично понималъ Савари, и, видя свою безпомощность, онъ сталъ настаивать на скорѣйшемъ назначеніи пословъ французскаго въ Петербургъ и русскаго въ Парижъ.

Эти желанныя для Савари назначенія состоялись осенью 1807 года: графъ Петръ Александровичъ Толстой былъ назначенъ русскимъ посломъ въ Парижъ, а маркизъ Лафоре́—французскимъ посломъ въ Петербургъ. Но вслѣдствіе мѣткихъ замѣчаній, сдѣланныхъ Савари противъ послѣдняго назначенія, вмѣсто Лафоре́ былъ назначенъ Наполеономъ I старый знакомый императора Александра I—Коленкуръ, герцогъ висенскій.

III.

Выборъ Александромъ I графа Толстого въ качествѣ своего представителя при Наполеонѣ однихъ удивлялъ, а другихъ огорчалъ. Этотъ выборъ названъ былъ „несчастіемъ“ для русско-французскаго союза, созданнаго тильзитскими актами [1]). Графъ Толстой былъ человѣкъ военный, игравшій выдающуюся роль во время войны противъ Наполеона, котораго онъ не любилъ. Онъ относился съ великою недовѣрчивостью къ новой политической системѣ своего государя и не ожидалъ никакого добра отъ союза съ Франціей.

Вотъ почему гр. Толстой упорно отказывался принять предложенный ему постъ. Послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ, онъ отправился въ свое имѣніе, гдѣ надѣялся оставаться постороннимъ зрителемъ грядущихъ событій. Но императоръ Александръ рѣшилъ иначе: онъ питалъ къ графу Толстому безпредѣльное довѣріе и заставилъ его покориться волѣ своего государя. Въ письмѣ, отъ 20-го августа 1807 года, государь весьма милостиво пишетъ по-французски гр. Толстому:

„Мой дорогой другъ, я вижу, что близость женщинъ совсѣмъ не полезна для принятія рѣшенія, требующаго энергіи. Впрочемъ, ваше рѣшеніе нисколько не въ состояніи было измѣнить мое глубокое убѣжденіе, что именно вы болѣе, чѣмъ всякій другой, отвѣчаете тому мѣсту, которое я предназначаю вамъ, и я ожидаю отъ вашей преданности, что вы отправитесь по назначенію. Это не навсегда. Если послѣ нѣкотораго времени вы убѣдитесь, что не можете тамъ привыкнуть, вы мнѣ напишете, и я вамъ обѣщаю уважить ваши желанія. Помните хорошенько одно, что мнѣ нуженъ вовсе не дипломатъ, а храбрый и честный воинъ, какимъ вы безспорно являетесь“.

Кажется, самъ гр. Толстой не совсѣмъ понималъ, почему государю понадобился на труднѣйшемъ посту русскаго посла въ Парижѣ „храбрый и честный воинъ“, а не дипломатъ. Но онъ не могъ не подчиниться волѣ своего государя и въ концѣ августа прибылъ въ Петербургъ для полученія своихъ инструкцій и полномочія. Тутъ онъ познакомился съ Савари, на котораго произвелъ хорошее впечатлѣніе. Савари отрекомендовалъ гр. Толстого Наполеону, какъ „искренняго и честнаго военнаго чело-

---

[1]) Сравн. Сборникъ И. Р. Истор. Общ., т. LXXXIX, предисловіе, стр. LXX.

вѣка, который немного боится своей миссіи только изъ опасенія не понравиться французскому двору".

Самъ государь очень горячо отрекомендовалъ графа Толстого Савари и все сдѣлалъ, чтобъ обезпечить ему блестящій пріемъ со стороны Наполеона. Савари онъ сказалъ о графѣ Толстомъ: „Я имѣю величайшее желаніе, чтобы гр. Толстой имѣлъ у васъ успѣхъ. Я былъ бы несказанно несчастливъ, еслибъ онъ не понравился императору, и былъ бы въ большомъ затрудненіи замѣнить его другимъ". Поэтому государь выразилъ Савари желаніе, чтобы гр. Толстой постоянно находился при Наполеонѣ, сопровождалъ бы его на маневрахъ и на охотахъ. Въ особенности во время охоты Наполеонъ часто думаетъ и говоритъ о дѣлахъ. (Изъ донесеній Савари, отъ 23-го августа 1807 г.)

Будучи снабженъ весьма подробными инструкціями, отъ 14-го сентября, гр. Толстой отправился въ путь для занятія своего посольскаго поста. Въ этихъ инструкціяхъ очень обстоятельно излагается ходъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей за истекшее десятилѣтіе и дается анализъ обязательствъ, установленныхъ тильзитскимъ мирнымъ трактатомъ.

Между прочимъ, здѣсь было высказано, что государь императоръ принимаетъ искреннее участіе въ судьбѣ прусскаго короля, его бывшаго союзника, и онъ надѣется, что Наполеонъ не увеличитъ наложенныхъ на него тягостей.

Но особенное вниманіе графа Толстого обращено было на восточный вопросъ, для разрѣшенія котораго, согласно интересамъ Россіи, Наполеонъ обѣщалъ свою дѣятельную помощь. Государь надѣется, что при посредничествѣ императора французовъ онъ достигнетъ присоединенія Молдавіи и Валахіи и обращенія Дуная въ границу русской имперіи.

„Я не ожидаю очень большой оппозиціи моимъ видамъ",— сказано было въ инструкціи: „ибо они соотвѣтствуютъ пользѣ императора французовъ и согласны съ его видами относительно Оттоманской имперіи". Наполеонъ долженъ понять, что русскій народъ жаждетъ доказательствъ въ подтвержденіе дѣйствительной пользы союза Россіи съ Франціей.

На основаніи тильзитскаго мирнаго трактата государь обязался вывести русскія войска изъ Дунайскихъ княжествъ. Но на основаніи словеснаго между нимъ и Наполеономъ соглашенія такая эвакуація можетъ быть отсрочена на неопредѣленное время. Графъ Толстой долженъ, какъ бы отъ себя, сдѣлать предложеніе о присоединеніи Дунайскихъ княжествъ и обращеніи Сербіи въ княжество. Но если онъ замѣтитъ, что французское правитель-

ство относится къ исполненію русскихъ желаній относительно Турціи явно недоброжелательно, то долженъ будетъ удержаться отъ настаиванія на нихъ.

Наконецъ, русскому послу вмѣняется въ обязанность бдительнѣйшимъ образомъ слѣдить за всѣми планами и дѣйствіями французскаго правительства, ничего не жалѣя для полученія свѣдѣній изъ секретныхъ источниковъ.

По прибытіи своемъ въ Парижъ въ самомъ началѣ ноября, графъ Толстой не былъ принятъ въ тотъ же день, какъ Савари въ Петербургѣ, ни французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, ни Наполеономъ. Онъ долженъ былъ ждать въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ отвѣта отъ Шампаньи на вопросъ: когда онъ можетъ принять посла русскаго императора.

Но затѣмъ гр. Толстой былъ принятъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ самымъ дружескимъ образомъ. Пріемъ со стороны Наполеона былъ въ высшей степени милостивый. Императоръ купилъ у принцессы Каролины большой меблированный домъ, за который заплатилъ одинъ милліонъ франковъ. Этотъ домъ,—писалъ онъ Савари 1-го ноября 1807 года,—„я приношу въ подарокъ императору Александру для помѣщенія его посланниковъ“. Какъ хорошій хозяинъ, Наполеонъ прибавилъ: „Нужно, чтобы мебель въ домѣ содержалась аккуратнымъ образомъ, чтобы предупредить большія издержки въ случаѣ перемѣны пословъ. Вы попросите государя принять этотъ домъ въ знакъ почтенія съ моей стороны. Если же онъ, въ обмѣнъ, пожелалъ бы подарить моимъ посламъ меблированный домъ, то я ничего противъ этого не имѣю, и я васъ уполномочиваю его принять“.

На торжественномъ пріемѣ въ Фонтенбло 6-го ноября, Наполеонъ, въ отвѣтъ на рѣчь графа Толстого, заявилъ, что двадцать дней, проведенныхъ имъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ въ Тильзитѣ, онъ считаетъ счастливѣйшими днями своей жизни, что онъ высоко цѣнитъ дружбу русскаго царя и почитаетъ русскій народъ. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ вступилъ съ посломъ въ откровенную бесѣду, которая продолжалась не менѣе двухъ часовъ. Уже во время этого перваго обмѣна мыслей выяснилось существенное разногласіе между обоими правительствами. Весь разговоръ вертѣлся около вопроса: какимъ образомъ тильзитскій трактатъ опредѣляетъ взаимныя обязательства Россіи и Франціи въ отношеніи Пруссіи, Турціи и Англіи.

Гр. Толстой доказывалъ, что въ силу буквальнаго смысла постановленій этого трактата Наполеонъ обязался вывести свои

войска изъ прусскихъ владѣній. Онъ прибавилъ, что ему повелѣно энергическимъ образомъ настаивать на исполненіи этого обязательства. Наполеонъ отвѣтилъ, что въ тильзитскомъ трактатѣ нѣтъ такого обязательства въ пользу Пруссіи, и затѣмъ немедленно прибавилъ:—впрочемъ, Россія не выводитъ своихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи!

Когда же русскій посолъ все возвращался къ вопросу объ эвакуаціи прусскихъ владѣній, доказывая, что, пока эта операція не совершилась, миръ собственно не возстановленъ, Наполеонъ съ досадою воскликнулъ: „Напрасно вы такъ заступаетесь за короля прусскаго; вы увидите, что онъ еще съ вами сыграетъ плохія шутки". Но гр. Толстой продолжалъ настаивать на скорѣйшемъ выводѣ французскихъ войскъ изъ предѣловъ Пруссіи; тогда Наполеонъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ, сказалъ: „Впрочемъ, я очищаю, и даже вывелъ кое-какія войска. Это такъ скоро не дѣлается. Нельзя перевести съ мѣста на мѣсто цѣлую армію такъ легко, какъ берется щепотка табаку".

Перейдя вслѣдъ затѣмъ къ восточному вопросу, императоръ сказалъ, что изъ донесеній Савари ему извѣстно намѣреніе императора Александра присоединить Дунайскія княжества къ своимъ владѣніямъ. Но, по его убѣжденію, Франція не имѣетъ ни малѣйшаго интереса приступить къ раздѣлу Оттоманской имперіи. Напротивъ, онъ даже готовъ взять на себя гарантію ея неприкосновенности. Поэтому пріобрѣтеніе Албаніи или Мореи его нисколько не прельщаетъ.

Однако, если Россія серьезнымъ образомъ желаетъ завладѣть Молдавіею и Валахіею, то онъ охотно готовъ пойти ей навстрѣчу. Только въ такомъ случаѣ Наполеонъ долженъ потребовать для себя какого-нибудь вознагражденія тамъ, гдѣ это ему покажется наиболѣе справедливымъ. Гр. Толстой естественно любопытствовалъ знать, *гдѣ* Наполеонъ намѣтилъ себѣ свое вознагражденіе. Властитель Франціи долго не желалъ отвѣтить на этотъ щекотливый вопросъ. Наконецъ, онъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ, отвѣтилъ: „*Ну да, въ Пруссіи!*"

Но затѣмъ Наполеонъ категорически уклонился вступить въ болѣе точное опредѣленіе своихъ видовъ относительно Пруссіи.

Изъ дальнѣйшаго разговора гр. Толстой могъ вывести только слѣдующія заключенія: если Россія очиститъ Дунайскія княжества, то Наполеонъ очиститъ прусскія владѣнія; если она оставитъ за собою Молдавію и Валахію и отодвинетъ свою границу до тальвега Дуная, то Наполеонъ потребуетъ себѣ вознагражденія на счетъ Пруссіи. Наконецъ, онъ даже согласенъ на

раздѣлъ Турціи и на захватъ Константинополя Россіей. Только въ такомъ случаѣ онъ долженъ получить соотвѣтственное приращеніе. Но гдѣ и на счетъ кого—Наполеонъ наотрѣзъ отказался высказаться.

Гр. Толстой могъ только принять къ свѣдѣнію и сообщенію своему правительству чрезвычайно важныя заявленія императора французовъ. Онъ не считалъ себя вправѣ вступать въ обсужденіе Наполеоновскихъ комбинацій, и ему иногда трудно было слѣдить за полетомъ пылкой фантазіи великаго завоевателя. Такъ, Наполеонъ заговорилъ съ нимъ о возможности похода на англійскую Индію. Онъ спросилъ, что̀ онъ думаетъ о составленіи изъ русскихъ, французскихъ и персидскихъ войскъ огромной арміи для завоеванія Индіи.

Вообще, война, непримиримая и безпощадная, противъ Англіи была идеей, которая постоянно занимала Наполеона и не давала ему покоя. Поэтому Наполеонъ настаивалъ на скорѣйшемъ объявленіи императоромъ Александромъ I войны Англіи и на принужденіи имъ же шведскаго короля прекратить всѣ сношенія съ этою страной и вступить въ континентальную систему.

„Если даже“—сказалъ Наполеонъ—„вы будете вынуждены воевать, что̀ мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, ибо этотъ король (шведскій) очень вспыльчивъ, то это не должно васъ пугать. Вы извлечете изъ войны съ Швеціей только выгоды“.

Энергическое требованіе графа Толстого относительно эвакуаціи французскихъ войскъ изъ прусскихъ провинцій, казалось, подѣйствовало на Наполеона: онъ измѣнилъ свои прежнія распоряженія и отдалъ приказаніе приступить къ выводу своихъ войскъ. Русскій посолъ постоянно возвращался къ этому вопросу, ссылаясь на буквальное предписаніе тильзитскаго мира. Шампаньи онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я не пруссакъ; пруссаковъ у насъ любятъ еще меньше, чѣмъ французовъ. Но Россія не можетъ питать ни малѣйшаго довѣрія къ вашему правительству, пока условія тильзитскаго мира относительно Пруссіи не будутъ исполнены“.

Чрезвычайно любопытно, что послѣ перваго же серьезнаго разговора съ Наполеономъ гр. Толстой пришелъ къ убѣжденію, что онъ не на мѣстѣ въ Парижѣ, и потому онъ настойчиво сталъ просить о своемъ отозваніи. Скромность его по истинѣ рѣдкая: его серьезно пугала перспектива быть уполномоченнымъ Россіи для переговоровъ въ Парижѣ о заключеніи мира между Россіей и Турціей.

„Я не могу взять на себя такое великое дѣло“, — писалъ

онъ изъ Фонтенбло, 26-го октября (7-го ноября) 1807 года. „Я рѣшилъ не участвовать въ немъ; я никогда не велъ дипломатическихъ переговоровъ и не имѣю никакихъ талантовъ для такого труднаго дѣла. Уже и теперь я часто бываю въ затрудненіи, ибо не имѣю ни способностей, ни познаній для борьбы съ правительствомъ, обладающимъ столь способными и всесторонне дѣловитыми людьми. Я не въ состояніи сдерживаться, и моя живость не можетъ въ концѣ-концовъ не вредить ходу дѣлъ".

Такая удивительная скромность военнаго человѣка, имѣвшаго за собою блестящее боевое прошлое, почти трогательна и представляется совершенно исключительною. Никогда и ни въ какія времена случайные или профессіональные дипломаты не выражались такъ скромно о своихъ способностяхъ и познаніяхъ, какъ гр. П. А. Толстой въ 1807 году. Вѣроятно, этою рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ и тѣни самомнѣнія объясняется необъяснимый на первый взглядъ выборъ императоромъ Александромъ именно гр. Толстого на важнѣйшій посольскій постъ. Этою чарующею простотою всего характера графа объясняется также задушевный тонъ писемъ царя къ своему вѣрноподданному, котораго онъ постоянно называетъ своимъ „милымъ другомъ".

Такая честная скромность получаетъ еще особенное значеніе, если познакомиться съ оффиціальными донесеніями или собственноручными письмами гр. Толстого. Его донесенія, ни по содержанію, ни по стилю, нисколько не хуже донесеній другихъ современныхъ представителей императорскаго правительства за границею. Въ письмахъ же его рѣшительно подкупаютъ прямота убѣжденій и честность намѣреній. Если императоръ Александръ I, назначая гр. Толстого въ Парижъ, желалъ имѣть тамъ стойкаго и неподкупнаго наблюдателя и вполнѣ преданнаго ему человѣка, то лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Съ этой точки зрѣнія это назначеніе нельзя назвать „несчастіемъ". Но, съ другой стороны, понятно будетъ, что гр. Толстой, не принадлежа къ слѣпымъ приверженцамъ франко-русскаго союза, не закрывалъ своихъ глазъ на двусмысленность французской политики, несмотря на чрезвычайную милость и исключительныя почести, которыхъ онъ удостоивался со стороны Наполеона и его приближенныхъ.

„Виды Наполеона относительно насъ очевидны", — писалъ онъ графу Румянцову, 26-го октября (7-го ноября) 1807 г.; „онъ о нихъ часто заявлялъ въ своихъ политическихъ сообщеніяхъ, и вплоть до настоящей минуты ничто намъ не доказываетъ, что онъ пересталъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ планахъ. Онъ желаетъ сдѣлать изъ насъ азіатскую державу, вернуть насъ об-

ратно въ наши старыя границы и внести такимъ образомъ свою власть въ самое сердце нашихъ владѣній. Подъ приращеніями, за которыя онъ намъ сулитъ Константинополь и о которыхъ онъ избѣгаетъ объясняться, я имѣю основаніе думать, что онъ разумѣетъ наши польскія провинціи"...

Вѣдь князю Понятовскому Наполеонъ сказалъ въ Варшавѣ: „Прощайте, князь; у васъ есть энергія, есть 30.000 человѣкъ; организуйте ихъ, удвойте ихъ число, и то, чего нельзя было сдѣлать въ настоящее время, можетъ совершиться черезъ два года".

Въ заключеніе, графъ Толстой предостерегаетъ своего министра, что нѣтъ никакой возможности предвидѣть, куда поведетъ Наполеона его „вулканическая фантазія".

Такимъ образомъ, ясно, что графъ Толстой весьма критически относился къ новой политической системѣ Европы и очень мало увлекался союзомъ своего государя съ Наполеономъ. Однако, онъ такъ ловко скрывалъ свои искреннія чувства, что послѣ первыхъ встрѣчъ съ императоромъ французовъ послѣдній выражалъ полное свое удовольствіе насчетъ образа мыслей и поведенія русскаго посла. Наполеонъ подарилъ ему лично шесть превосходныхъ лошадей съ великолѣпнымъ экипажемъ.

Но въ тотъ самый день, когда гр. Толстой получилъ этотъ императорскій подарокъ, онъ написалъ своему государю трогательное письмо, въ которомъ опять проситъ о своемъ отозваніи, ибо по своимъ способностямъ онъ не въ состояніи занимать такой высокій и отвѣтственный постъ. Гр. Толстой высказываетъ свое твердое убѣжденіе, что если его не отзовутъ, то онъ можетъ только повредить своему отечеству.

Весьма любопытно, что новый русскій посолъ произвелъ на Наполеона и его министра Шампаньи настолько превосходное впечатлѣніе, что они вовсе не замѣтили подозрительности и скрытой враждебности, съ которыми онъ къ нимъ относился. Шампаньи видѣлъ въ немъ человѣка прямого и искренняго, котораго лично нисколько не занималъ вопросъ о Турціи. Ему самому и Наполеону казалось, что главный предметъ вниманія гр. Толстого заключается въ охраненіи интересовъ прусскаго короля. Между тѣмъ этотъ вопросъ совсѣмъ не касается русскаго царя. Въ тильзитскомъ трактатѣ нѣтъ срока для очищенія прусскихъ владѣній. Что же касается особенной конвенціи по этому предмету, то она по сіе время не подписана, и на нее Россія не можетъ ссылаться.

По словамъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ,

императоръ Наполеонъ очиститъ отъ своихъ войскъ прусскія владѣнія, если императоръ Александръ выведетъ свои войска изъ обоихъ Дунайскихъ княжествъ. (Изъ депеши Шампаньи къ Савари отъ 8-го ноября 1807 г.)

Императоръ Александръ I и гр. Румянцовъ были совершенно другого мнѣнія относительно своего права заступничества за прусскаго короля и требованія вывода французскихъ войскъ изъ прусскихъ крѣпостей. Они видѣли въ оспариваніи такого права „остатокъ недовѣрія къ Россіи". Поэтому графу Толстому было еще разъ поставлено на видъ, что императоръ Александръ I считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ защищать „въ особенности" и „наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ" интересы и права своего друга и стараго союзника, короля прусскаго. Имѣя въ виду такія положительныя предписанія правительства, трудно понять основанія обвиненія гр. Толстого въ томъ, что онъ, будто бы, только и дѣлалъ въ Парижѣ, что заботился объ интересахъ Пруссіи. (Сравн. депешу гр. Румянцова къ гр. Толстому отъ 6-го ноября 1807 года.)

Что касается желанія французскаго правительства знать причины неочищенія Дунайскихъ княжествъ русскими войсками, то эти причины—весьма простыя. Эвакуація должна была бы послѣдовать въ силу перемирія, заключеннаго между русскими и турецкими войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но такое перемиріе еще не состоялось. Правда, временно командовавшій русскою дѣйствующею арміею, бар. Будбергъ, заключилъ перемиріе съ главнокомандующимъ турецкою арміею. Но генералъ бар. Будбергъ превысилъ свою власть и включилъ въ актъ перемирія такія условія, которыя противорѣчатъ достоинству и интересамъ Россіи. Вотъ почему императоръ Александръ отказался утвердить эту конвенцію о перемиріи, бар. Будбергъ отозванъ изъ дѣйствующей арміи и военныя дѣйствія могутъ возобновиться во всякое время [1]).

Однако императоръ Александръ I, изъ любви къ миру, все-таки отдалъ приказаніе начать очищеніе занятыхъ русскими войсками турецкихъ провинцій.

Но Россія желаетъ устойчиваго и прочнаго мира. На какихъ основаніяхъ такой миръ можетъ быть установленъ, императоръ Наполеонъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ знаютъ изъ секретной конвенціи, подписанной въ Тильзитѣ и утверждающей

[1]) Письмо гр. Румянцова кн. Прозоровскому въ т. LXXXIX Сборн. Имп. Росс. Истор. Общ., стр. 184; также стр. 218 и слѣд.

обязанность договаривающихся державъ освободить изъ-подъ турецкаго ига всѣ турецкія провинціи въ Европѣ, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи.

Въ виду такого соглашенія, спрашиваетъ гр. Румянцовъ: „почему мы не можемъ достигнуть посредствомъ мирнаго трактата, чтобы Дунай сдѣлался границею имперіи“? Императоръ Александръ I выразилъ свое убѣжденіе, что миръ, заключенный на такихъ условіяхъ, дѣйствительно будетъ устойчивъ и проченъ. Вотъ почему онъ увѣренъ былъ, что Наполеонъ поможетъ ему заключить именно такой миръ, и въ виду этой цѣли графъ Толстой получилъ полномочіе для мирныхъ переговоровъ съ Турціей въ Парижѣ, куда султанъ обѣщалъ прислать своего особенно уполномоченнаго. Императору Наполеону предстояло доказать своимъ посредничествомъ, насколько онъ дорожитъ дружескими и союзными отношеніями къ императору Александру I.

Наполеонъ, однако, оставался при своемъ мнѣніи, что политическій интересъ Франціи требуетъ сохраненія въ Европѣ Оттоманской имперіи. Приращеніе же Россіи двумя Дунайскими княжествами возможно только подъ условіемъ пріобрѣтенія Франціей какихъ-то земель, о которыхъ онъ пока отказывался высказаться. Наполеонъ чувствовалъ „необходимость сдѣлать что-нибудь“ и изъявилъ согласіе вступить по этому предмету въ соглашеніе съ императоромъ Александромъ. Для этой цѣли онъ желалъ имѣть съ нимъ новое личное свиданіе. (Письмо Наполеона къ Савари, отъ 1-го ноября 1807 года.)

На основаніи такихъ соображеній Савари постоянно настаивалъ, въ своихъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ I, на неотложной необходимости поскорѣе заключить перемиріе съ турками и открыть переговоры о мирѣ въ Парижѣ. Для этого гр. Толстой долженъ былъ получить самыя широкія полномочія.

Императоръ Александръ соглашался и на эвакуацію, и на веденіе мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ. Но съ видимою досадою онъ сказалъ Савари: „Съ Богомъ! Все, чего хочетъ императоръ! Я только на него полагаюсь. Я даже вамъ скажу, что въ нашихъ бесѣдахъ въ Тильзитѣ онъ мнѣ неоднократно говорилъ, что его мало интересуетъ эта эвакуація, что ее можно тянуть для своихъ цѣлей и что невозможно терпѣть болѣе турокъ въ Европѣ. Онъ мнѣ даже намекалъ о проектѣ выгнать ихъ въ Азію. Только впослѣдствіи онъ высказался въ пользу оставленія за ними Константинополя и сосѣднихъ провинцій“.

На этихъ словахъ императоръ Александръ I прервалъ раз-

говоръ съ Савари, сказавъ ему: „Будемъ говорить о другихъ вещахъ".

Только съ гр. Румянцовымъ Савари еще могъ бесѣдовать о восточномъ вопросѣ, стараясь узнать всю глубину русскихъ плановъ насчетъ Турціи. Графъ, смѣясь, говорилъ, что Турція умерла, что открылось ея наслѣдство и что нужно публиковать объ этомъ событіи, дабы всѣ имѣющіе на наслѣдство претензіи явились и предъявили свои требованія. Если, доказывалъ гр. Румянцовъ, Наполеонъ и императоръ Александръ согласны между собою относительно раздѣла турецкаго наслѣдства, то никто имъ препятствовать не въ состояніи. Когда же Савари указалъ на возможность протеста со стороны Европы, графъ Румянцовъ отвѣтилъ:

„Европа ничего не скажетъ. Чтò такое Европа? Гдѣ она, если не между вами и нами? Я всегда думалъ, что вашъ императоръ не любитъ пустяковъ, и мы съ удовольствіемъ ему услужимъ. Онъ уступилъ эти провинціи въ своихъ бесѣдахъ. Теперь скажите ему, чтобъ онъ предоставилъ намъ сдѣлать все, чтò требуется, и пусть онъ только намъ скажетъ, гдѣ, по его мнѣнію, мы должны остановиться.

„Я вамъ ручаюсь, что онъ будетъ нами доволенъ. Скажите ему, что я, сынъ фельдмаршала Румянцова, вамъ это подтвердилъ". (Донесеніе Савари Наполеону, отъ 18-го ноября 1807 г.)

Но ни императоръ Александръ, ни его министръ иностранныхъ дѣлъ не могли допустить и мысли о томъ, чтобы связать судьбу Пруссіи и ея будущность съ судьбою Турціи и Дунайскихъ княжествъ. Императоръ находилъ почти оскорбительнымъ предположеніе Наполеона о возможности присоединенія къ Франціи какихъ-либо прусскихъ провинцій, въ случаѣ пріобрѣтенія Россіей Дунайскихъ княжествъ.

„Если я долженъ владѣть этими княжествами", сказалъ Александръ I, „за счетъ Пруссіи, въ силу соглашенія, состоявшагося въ виду настоящаго состоянія этой страны, которой я былъ союзникомъ, то я лучше откажусь отъ нихъ. За такую цѣну я не желаю имѣть даже всю Оттоманскую имперію. Это для меня вопросъ чести". (Донесеніе Савари, 6-го декабря 1807 года.)

На этомъ обмѣнѣ мыслей о видахъ Наполеона насчетъ Пруссіи и Александра I относительно Турціи кончились переговоры въ С.-Петербургѣ. Въ концѣ декабря 1807 года, Савари покинулъ свой временный постъ, и Коленкуръ явился въ Петербургъ, какъ чрезвычайный посолъ императора французовъ. Но прежде чѣмъ изложить обстоятельства, касающіяся назначенія новаго

французскаго посла, необходимо подвести итогъ интересной дѣятельности генерала Савари въ С.-Петербургѣ.

Переписка Савари съ Наполеономъ и его министромъ иностранныхъ дѣлъ обнаруживаетъ свѣтлый умъ, несомнѣнную ловкость и большое самомнѣніе Савари. Министру Шампаньи онъ считалъ возможнымъ писать въ отвѣтъ на сдѣланныя ему критическія замѣчанія: „Я смотрю на Петербургъ съ береговъ Невы, а ваше превосходительство смотрите на него изъ Парижа, съ береговъ Сены. Вы должны бы больше на меня полагаться и вѣрить, что я въ состояніи судить о томъ, что̀ прилично или неприлично".

Императоръ Наполеонъ находилъ, что Савари недостаточно почтителенъ къ его министру иностранныхъ дѣлъ, и совѣтовалъ ему быть болѣе вѣжливымъ, ибо „министръ все-же министръ".

Но Савари не могъ отказаться отъ свойственнаго ему дерзкаго тона. Когда зашла рѣчь о новомъ французскомъ послѣ при Высочайшемъ дворѣ, Савари призналъ себя вправѣ выставить тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять новый посолъ. Онъ жестокимъ образомъ осудилъ всѣхъ французскихъ посланниковъ, бывшихъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Петербургѣ. Они, по его словамъ, не оставили послѣ себя никакого слѣда въ Россіи. Даже графъ Сегюръ не устоялъ предъ неумолимой критикой Савари, по словамъ котораго графъ только старался лично нравиться императрицѣ Екатеринѣ II. „Онъ былъ больше любезнымъ придворнымъ, нежели французскимъ посланникомъ". Въ Петербургѣ онъ оставилъ по себѣ память любезнѣйшаго человѣка, а Франціи—только коммерческій трактатъ [1]).

По мнѣнію Савари, представитель Франціи въ Россіи долженъ быть „вельможа", „человѣкъ выдающійся, съ большою опытностью", и тогда „онъ сдѣлаетъ все, что̀ захочетъ" съ русскимъ правительствомъ. Въ подтвержденіе своихъ сужденій Савари приводитъ, какъ положительный фактъ, что ему удалось „немедленно прогнать" Кочубея и Новосильцова. „Теперь пусть пріѣзжаетъ Лафорэ",—писалъ онъ 1-го ноября 1807 года Шампаньи,—„и пусть онъ устроится. Все пойдетъ по его желанію и какъ по маслу".

Однако Лафорэ не пріѣхалъ въ Петербургъ, ибо Наполеонъ нашелъ, что онъ слишкомъ старъ, чтобы состоять его представителемъ при „поставщикѣ мѣховъ",—какъ самъ себя назвалъ Александръ I, когда онъ подарилъ императору французовъ чуд-

---

[1]) Сравн. мое „Собраніе трактатовъ и конвенцій", т. XIII, стр. 197 и слѣд.

ныя шубы изъ соболей и черной лисицы. Вмѣсто Лафорэ Наполеонъ назначилъ своимъ посломъ Коленкура, котораго зналъ и уважалъ Александръ I. Новый посолъ прибылъ въ Петербургъ въ половинѣ декабря и былъ чрезвычайно милостиво принятъ царемъ. Савари передалъ Коленкуру „созданное имъ дѣло", и былъ очень щедро награжденъ императоромъ: онъ получилъ въ подарокъ табакерку съ крупнѣйшими брилліантами, чудное ожерелье изъ аметистовъ и драгоцѣнные мѣха.

Коленкуръ занялъ роскошный и огромный домъ (князя Волконскаго) на набережной Невы, который императоръ Александръ I купилъ и подарилъ французскому правительству для его посольства. По словамъ самого Савари, этотъ домъ-дворецъ былъ несравненно помѣстительнѣе и роскошнѣе дома, подареннаго Наполеономъ русскому посольству въ Парижѣ.

На основаніи инструкцій отъ 12-го ноября 1807 года, Коленкуру было вмѣнено въ обязанность стараться о поддержаніи союза съ Россіей, который необходимъ Наполеону для рѣшительнаго пораженія Англіи не только на морѣ, но также въ Индіи. Завоеваніе Индіи франко-русскою союзною арміей въ 80.000 человѣкъ казалось Наполеону дѣломъ совершенно возможнымъ. Но если цѣною этого союза долженъ быть раздѣлъ Турціи, то императоръ Наполеонъ считаетъ благоразумнымъ войти въ виды русскаго правительства. Однако, онъ нисколько не желаетъ такого раздѣла, ибо считаетъ сохраненіе цѣлости Оттоманской имперіи чрезвычайно полезнымъ для Франціи. Поэтому, если Россія будетъ настаивать на присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Дунайскихъ княжествъ, то Наполеонъ готовъ вступить въ обмѣнъ мыслей по этому предмету, но увѣренъ, что онъ получитъ, въ случаѣ завоеванія Россіей названныхъ турецкихъ провинцій, справедливое вознагражденіе на лѣвомъ берегу Вислы [1]).

Императоръ Александръ былъ радъ назначенію Коленкура на постъ французскаго посла, но на первой же аудіенціи вышло маленькое затрудненіе: императоръ отказался принять его кредитивную грамоту, ибо въ ней онъ былъ названъ „союзникомъ" и „членомъ конфедераціи". Государь находилъ, что онъ дѣйствительно „союзникъ" Наполеона, но въ отношеніяхъ конфедеративныхъ съ нимъ не состоитъ. Онъ очевидно имѣлъ въ виду Рейнскую конфедерацію, во главѣ которой стоялъ императоръ французовъ. Признавать за собою положеніе членовъ Рейнской конфедераціи, покорныхъ слугъ Наполеона, императоръ Але-

---

[1]) См. Сборникъ И. Р. Истор. Общества, т. LXXXIX, стр. 736 и слѣд.

ксандръ не желалъ. Хотя Шампаньи и старался объяснить, что „*conféderé*"—то же самое, что „*allié*", но Александръ I отказался принять кредитивную грамоту Коленкура, пока она не будетъ исправлена.

Изъ первыхъ же бесѣдъ между императоромъ Александромъ и французскимъ посломъ вполнѣ выяснилась непримиримая противоположность взглядовъ Россіи и Франціи какъ на прусскія дѣла, такъ и на восточный вопросъ. Русскій императоръ считалъ себя обиженнымъ, что исполненіе даннаго ему обѣщанія о присоединеніи Дунайскихъ княжествъ теперь ставится въ зависимость отъ приращенія Франціи на счетъ Пруссіи.

Донесенія графа Толстого изъ Парижа еще болѣе ярко подтверждали это разногласіе. Толстой настолько былъ убѣжденъ въ непримиримости взглядовъ петербургскаго и тюильерійскаго кабинетовъ, что страшился взять на себя веденіе въ Парижѣ мирныхъ переговоровъ съ Турціей при посредничествѣ Наполеона. Вотъ почему онъ уже въ концѣ октября 1807 года умолялъ государя отозвать его изъ Парижа и назначить на его мѣсто другое лицо.

Графъ Румянцовъ, письмомъ отъ 26-го ноября, извѣстилъ гр. Толстого, что государь не можетъ исполнить его желаніе объ отозваніи и посылаетъ ему полномочіе на веденіе мирныхъ переговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписывается настаивать на присоединеніи къ Россіи обоихъ Дунайскихъ княжествъ. Но если достигнуть этого окажется невозможнымъ, то Толстой можетъ отъ себя предложить, чтобы Бессарабская область была немедленно уступлена, а Дунайскія княжества должны оставаться подъ секвестромъ Россіи до заключенія мира между Франціей и Англіей.

Графъ Толстой былъ крайне огорченъ какъ полученными имъ инструкціями, такъ и отказомъ въ отозваніи. Онъ оставался при своемъ мнѣніи, что Наполеонъ—не другъ, но врагъ Россіи. Вотъ чтò онъ писалъ по-русски, въ половинѣ декабря 1807 года, императору Александру I-му:

„Донесенія мои изъ Фонтенблò достаточно представляютъ вашему императорскому величеству дальновидныя желанія и подвиги французскаго правительства къ новымъ пріобрѣтеніямъ чужихъ земель, къ покоренію сосѣдственныхъ государствъ и къ расширенію своего владычества до конца Европы. Надежда возстановить съ симъ правительствомъ долговременный и основательный миръ есть *обманъ*, коимъ ослѣпляются слабые умы, не чувствующіе въ себѣ никакой силы сопротивленія, теряя тѣмъ время и самые способы пріуготовить себя къ оборонѣ.

„Дѣйствіе необузданной власти императора Наполеона, дѣятельность и искусство людей, его окружающихъ — необыкновенны; Гишпанія и Португалія скоро падутъ подъ иго Франціи, а потомъ возстановленіе Польши будетъ предметомъ его славолюбія.

„Теперь есть еще время, всемилостивѣйшій государь, усилить россійскія войска и сдѣлать основаніе внутренняго ополченія въ имперіи соотвѣтственно правительству, силѣ и возможности онаго...“

„Ежели же“ — кончаетъ свое письмо гр. Толстой — „не примутся нужныя мѣры, то внезапно и съ удивленіемъ увидимъ мы французскія арміи въ границахъ нашихъ, и тогда послѣдствія будутъ неисчислимы“.

Къ этому замѣчательному письму гр. Толстой еще прибавилъ слѣдующія слова: „Съ угнетеніемъ сердца повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества искренность моихъ мыслей и повтореніе всеподданнической моей просьбы объ увольненіи меня отъ службы столь мнѣ чуждой и въ коей я ничего успѣть не надѣюсь“.

Удивительная откровенность графа Толстого не вызвала неудовольствія въ Петербургѣ: государь и гр. Румянцовъ продолжали настаивать на сохраненіи графомъ Толстымъ его важнаго поста. Но графъ Толстой все болѣе и болѣе убѣждался въ безполезности занятія имъ этого поста, ибо онъ нисколько не вѣрилъ въ искренность дружбы Наполеона къ императору Александру. Во всѣхъ бесѣдахъ съ нимъ императоръ французовъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ отказывались безвозмездно согласиться на присоединеніе Валахіи и Молдавіи къ Россіи: они требовали отнятія отъ Пруссіи Силезіи. Когда русскій посолъ спросилъ: кто же получитъ Силезію, Наполеонъ отвѣчалъ уклончиво, что онъ передастъ эту область „другому“. Но кто этотъ другой, — онъ не говорилъ. Гр. Толстой былъ увѣренъ, что эту область получитъ Варшавское герцогство и впослѣдствіи воскресшая Польша. Эта же комбинація Наполеона, по мнѣнію посла, можетъ быть направлена только противъ Россіи. Поэтому онъ откровенно сказалъ Наполеону, что пока Пруссія не освобождена отъ французскихъ войскъ, пока послѣднія не отступили за рѣку Эльбу и пока неприкосновенность Пруссіи не обезпечена, онъ не перестанетъ смотрѣть на интересы Пруссіи, какъ на идентичные съ интересами Россіи.

Такая подозрительность представителя его сердечнаго друга, русскаго императора, совсѣмъ не нравилась Наполеону, который

съ нѣкоторою злобою сказалъ ему въ январѣ 1808 года слѣдующія слова:

„Не слѣдуетъ вѣрить всѣмъ завоевательнымъ проектамъ, которые мнѣ приписываютъ. Это сумасбродство; это ни въ какомъ случаѣ не можетъ меня устраивать; что̀ могъ бы я выиграть, еслибъ рѣшился перенести войну въ предѣлы вашего государства? Вы могли бы сосредоточить всѣ ваши силы, а я былъ бы далеко отъ моихъ рессурсовъ; я много рисковалъ бы. Впрочемъ, еслибъ я имѣлъ подобные планы, то не поспѣшилъ бы очистить Вѣну, какъ я сдѣлалъ, и потомъ Берлинъ".

„Какъ Берлинъ, ваше величество?" — спросилъ удивленно русскій посолъ.

„Именно такъ",—нетерпѣливо отвѣтилъ Наполеонъ:—„не надо сердиться. Вѣдь вы видите, что послѣ вашего пріѣзда положеніе вещей въ отношеніи Пруссіи уже значительно измѣнилось. Мы достаточно сближаемся другъ съ другомъ. Часть корпуса Су уже перешла черезъ Одеръ; двѣ силезскія крѣпости я возвратилъ. Всѣ красивыя фразы, которыми полна послѣдняя полученная вами депеша, суть тѣ самыя, которыя я высказалъ въ Тильзитѣ и теперь получаю обратно. Не нужно себя обманывать: это было бы ребячествомъ. Нужно намъ заключить прочный и устойчивый миръ; я долженъ вамъ сознаться, что еще боюсь Пруссіи"...

Графъ Толстой былъ видимо озадаченъ такою откровенностью Наполеона, въ которой явно слышалась нотка подозрительности въ отношеніи императора Александра. Поэтому онъ съ энергіею сталъ доказывать Наполеону несокрушимую волю своего государя сохранять съ нимъ миръ и союзъ. На эти увѣренія Наполеонъ отвѣтилъ слѣдующими любопытными словами:

„Вы мнѣ все говорите объ императорѣ Александрѣ. Само собою разумѣется, что я могу положиться на него и на его ко мнѣ чувства. Но я не увѣренъ насчетъ будущаго и не обезпеченъ отъ опасностей, которымъ оно можетъ подвергнуться. Я не боюсь настоящихъ русскихъ, но я боюсь *русскихъ англичанъ*".

Посолъ протестовалъ противъ этихъ словъ императора французовъ, доказывая, что еслибъ таково было положеніе вещей въ Россіи, то онъ не имѣлъ бы чести быть представителемъ Россіи въ Парижѣ. Онъ отказался понять опасенія Наполеона, ибо теперь онъ знаетъ въ Россіи только „русскихъ французовъ", которыхъ Наполеону едва-ли нужно бояться.

Изъ этого новаго разговора съ Наполеономъ гр. Толстой

вынесъ убѣжденіе, что Россія можетъ присоединить Дунайскія княжества не иначе, какъ подъ условіемъ пожертвованія всею Пруссіей. Наполеонъ неуклонно преслѣдуетъ свою цѣль: поработить также Россію и подготовить путь къ достиженію этой цѣли. (Донесеніе гр. Толстого отъ 30-го декабря 1807 г., 11-го января 1808 года.)

Въ этомъ своемъ убѣжденіи гр. Толстой еще болѣе укрѣпился, когда Шампаньи сообщилъ ему проекты двухъ конвенцій, долженствовавшіе служить основаніями для будущихъ дипломатическихъ переговоровъ.

Первый проектъ касался мира между Россіей и Турціей. Любопытно, что первая статья этой мирной конвенціи относилась къ Пруссіи: Наполеонъ обязался вывести свои войска изъ прусскихъ провинцій и возвратить ихъ прусскому королю. Далѣе, Россія должна была вывести свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ, оставивъ за собою только Бессарабскую область.

На основаніи второй конвенціи Россія обезпечиваетъ за Франціей владѣніе Силезскою провинціей. Наполеонъ же беретъ на себя обязательство обезпечить за Россіей владѣніе Дунайскими княжествами вмѣстѣ съ Бессарабскою областью, которыя присоединяются на вѣчныя времена къ Россіи.

Понятно, что эти французскіе проекты не могли удовлетворить русскаго посла. Онъ не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшаго отказа со стороны Наполеона отъ плановъ относительно Пруссіи и Варшавскаго герцогства, которому онъ желалъ придать больше жизнеспособности посредствомъ присоединенія къ нему Силезіи. Графъ Толстой былъ настолько разочарованъ, что откровенно выразилъ графу Румянцову свое полное недоумѣніе относительно политики своего правительства.

„Я не умѣю себѣ объяснить“—писалъ онъ 14-го (26-го) января 1808 года гр. Румянцову—„то довѣріе, которое ваше сіятельство продолжаете оказывать чувствамъ Наполеона въ отношеніи Россіи, отъ которыхъ вы ждете исполненія тильзитскаго трактата и которыя намъ еще должны обезпечить заключеніе выгоднаго и почетнаго мира съ Турціей. Цѣли, преслѣдуемыя по настоящее время тюильерійскимъ кабинетомъ, не могутъ оправдывать такое довѣріе, а будущность, насчетъ которой мое положеніе даетъ мнѣ больше правъ лучше судить, чѣмъ вашему сіятельству, находящемуся далеко отъ театра великихъ событій, мнѣ кажется, не оставляетъ больше надежды“.

Гр. Толстой покорнѣйше проситъ государственнаго канцлера объяснить ему мотивы, благодаря которымъ онъ видитъ „все въ

розовомъ цвѣтѣ", между тѣмъ какъ ему представляется „все въ черномъ цвѣтѣ".

Чѣмъ чаще приходилось русскому послу говорить съ Наполеономъ о взаимныхъ обязательствахъ, заключенныхъ въ Тильзитѣ, тѣмъ больше онъ утверждался въ своемъ недовѣріи къ французской политикѣ. Съ возвращеніемъ Савари въ Парижъ, онъ сталъ наблюдать симптомы нѣкотораго недоброжелательства въ отношеніи себя. Онъ скоро убѣдился, что Савари наговорилъ на него Наполеону и выставилъ его противникомъ франко-русскаго союза. Въ началѣ февраля Наполеонъ пригласилъ русскаго посла на охоту, въ которой еще участвовали немногія наиближайшія императору лица. Во время этой охоты въ С.-Жерменскомъ лѣсу завязался между Наполеономъ и графомъ Толстымъ разговоръ, длившійся не менѣе трехъ часовъ и приведшій къ обоюднымъ взрывамъ откровенности.

Наполеонъ началъ разговоръ обычнымъ вопросомъ:—не имѣетъ ли посолъ сообщить что-нибудь новаго? Но, не дождавшись отвѣта, прибавилъ, что у него видъ безпокойный. Гр. Толстой отвѣтилъ, что его лично ничто не безпокоитъ, только въ Россіи могутъ безпокоиться насчетъ исхода переговоровъ съ нимъ, ибо въ Тильзитѣ никогда не связывали турецкихъ дѣлъ съ прусскими и не ставили рѣшеніе однихъ въ зависимость отъ рѣшенія другихъ. Онъ отказывался понять, почему изъ-за признаннаго за Россіей права завладѣть Молдавіею и Валахіею долженъ страдать король прусскій? Наполеонъ, нисколько не стѣсняясь, объяснилъ послу, что онъ не можетъ желать распаденія Оттоманской имперіи и не можетъ завладѣть островомъ Критомъ и Мореею, ибо англичане этого не допустятъ. Это одна причина. Другая же—слѣдующая: если Россія займетъ оба Дунайскія княжества, то вліяніе ея на сербовъ, черногорцевъ и болгаръ будетъ настолько всеобъемлющее, что онъ долженъ опасаться осуществленія такого грандіознаго плана.

Гр. Толстой отвѣтилъ, что онъ все-таки не понимаетъ, почему именно Пруссія должна служить объектомъ вознагражденія. Это тѣмъ болѣе непонятно, что Пруссія осталась единственною страною, отдѣляющею Россію отъ Франціи.

„Какъ вы хотите, ваше величество",—сказалъ гр. Толстой,—„чтобъ мы не были встревожены, когда мы видимъ, что вы дѣлаете новый наборъ въ 80.000 человѣкъ въ то самое время, когда вы сами говорите, что у васъ армія въ 800.000 человѣкъ, которую вы затрудняетесь содержать? Противъ кого могутъ быть направлены эти огромныя вооруженныя силы, которыя къ

тому же постоянно увеличиваются? Будучи союзникомъ Россія, вы не имѣете больше на континентѣ враговъ. Если же вы ей не довѣряете, то не можете требовать, чтобы она питала къ вамъ слѣпое и безграничное довѣріе. Прибавьте еще къ тому, что ваши войска все еще занимаютъ Варшавское герцогство, что они тамъ возводятъ укрѣпленія противъ нашихъ границъ. Мнѣ кажется, что когда эти обстоятельства сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, они должны были вызвать основательныя опасенія, ибо нисколько не могли дѣйствовать успокоительнымъ образомъ".

„Эти обстоятельства"—торжественно прибавилъ русскій посолъ—„мнѣ кажутся такими, что никогда и ни въ какомъ случаѣ я не осмѣлился бы ихъ скрыть отъ моего правительства, дабы не провиниться въ отношеніи моего отечества и моего государя".

Императоръ Наполеонъ не разсердился на такую военную откровенность гр. Толстого и сталъ доказывать, что ему невыгодно раздѣлить теперь же Оттоманскую имперію, ибо англичане будутъ ему мѣшать завладѣть какою-либо турецкою провинціею; что онъ вполнѣ понимаетъ желаніе Россіи обладать обоими Дунайскими княжествами, потому что тогда она будетъ властительницею надъ Чернымъ моремъ. Однако, если Россія желаетъ, чтобъ онъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ (Турціею), то должна также согласиться пожертвовать ея союзникомъ, т.-е. Пруссіею. Что же касается до новаго рекрутскаго набора, то онъ былъ, по словамъ Наполеона, необходимъ для укомплектованія французской арміи. Наконецъ, прибавилъ онъ, положеніе Европы совсѣмъ не таково, чтобы можно было разоружиться, и онъ надѣется, что и Россія не приступитъ къ разоруженію.

Тутъ гр. Толстой разгорячился и, прервавъ императора Наполеона, сказалъ: „Ваше величество меня увѣряли, что у васъ армія въ 800.000 человѣкъ и что вамъ трудно ее содержать. Имѣются ли у васъ эти 800.000 человѣкъ, или не имѣются? Если они у васъ не имѣются, то почему же вы мнѣ сказали, что ихъ имѣете? Если же вы ихъ имѣете, то почему увеличиваете ихъ число и противъ кого они пойдутъ? На материкѣ у васъ не можетъ быть врага, пока вы въ союзѣ съ Россіей. Вамъ извѣстно, что у нея всего не болѣе 300.000 человѣкъ. Развѣ подобная разница не должна вызывать тревоги"?

Рѣчь русскаго посла видимо раздражила императора французовъ, который въ отвѣтъ сталъ распространяться о всѣхъ возможныхъ походахъ, ему предстоящихъ. Онъ говорилъ о походѣ противъ Англіи и Швеціи, о походѣ на Индію и о необходи-

мости содержать большую армію для наблюденія за германскими государствами. Для всѣхъ этихъ военныхъ плановъ онъ долженъ имѣть большую армію.

Всѣ эти возраженія, сдѣланныя съ горячностью, Наполеонъ окончилъ замѣчаніемъ, что логика гр. Толстого очень плоха. Посолъ не остался въ долгу, и отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, логика Наполеона совсѣмъ не убѣдительна и что онъ, Толстой, всегда судитъ на основаніи фактовъ, а не однихъ словъ.

Возраженія русскаго посла окончательно взбѣсили императора французовъ. Онъ обѣими руками взялъ свою шляпу, бросилъ ее на землю и обратился къ послу съ слѣдующею рѣчью:

„Послушайте, графъ Толстой. Теперь съ вами говоритъ не императоръ французовъ, но дивизіонный генералъ другому дивизіонному генералу. Да будь я самый презрѣнный человѣкъ, если не исполню добросовѣстнѣйшимъ образомъ то, къ чему я обязался въ Тильзитѣ, и если я не очищу Пруссію и Варшавское герцогство, послѣ вывода вашихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи! Какъ вы можете въ этомъ сомнѣваться? Я не сумасшедшій и не ребенокъ, чтобы не знать, къ чему я обязался. Къ чему же я обязался, тò я всегда исполняю. А какое поручительство вы можете мнѣ дать“?

„Я не думаю“, — отвѣтилъ хладнокровно гр. Толстой, — „чтобъ я обязанъ былъ вамъ дать такое поручительство. Все, чтò мой государь обѣщаетъ, онъ исполняетъ, и онъ всегда такъ поступалъ, и еще весьма недавно доказалъ это“.

Тогда Наполеонъ высказалъ убѣжденіе, что въ шесть мѣсяцевъ всѣ недоразумѣнія будутъ улажены, а всѣ тильзитскія соглашенія будутъ исполнены. Недовѣріе же русскаго посла къ его словамъ императоръ французовъ объяснилъ принадлежностью его къ партіи, относящейся чрезвычайно враждебно къ нему и къ Франціи.

Этихъ словъ гр. Толстой не могъ оставить безъ энергическаго возраженія. Онъ сказалъ Наполеону, что эти слова его оскорбляютъ, и онъ покорнѣйше просилъ не забывать, что онъ — не приверженецъ Англіи, но и не приверженецъ Франціи: онъ желаетъ быть только „русскимъ и добрымъ русскимъ“, котораго не могутъ завлекать никакіе соблазны Франціи или Англіи. Исключительно съ русской точки зрѣнія онъ продолжалъ защищать права Россіи на присоединеніе Дунайскихъ княжествъ.

Однако, никакіе доводы русскаго посла не могли заставить Наполеона отказаться отъ своего рѣшенія не уступать Россіи

Молдавію и Валахію иначе, какъ за присоединеніе къ Франціи прусской Силезіи. Этого мало: Наполеонъ покончилъ весь этотъ интересный разговоръ слѣдующими замѣчательными и совершенно неожиданными словами:

„Я вамъ еще не сказалъ, что я не выведу моихъ войскъ изъ Пруссіи даже въ томъ случаѣ, еслибъ вы пріобрѣли Дунай, какъ границу!" (Донесеніе гр. Толстого, отъ 25-го января, 6-го февраля 1808 года.)

Изъ этихъ словъ гр. Толстой долженъ былъ вывести заключеніе, что переговоры относительно присоединенія Дунайскихъ княжествъ къ Россіи еще возможны. Но онъ зналъ, что Наполеонъ любилъ озадачивать своихъ собесѣдниковъ совершенно неожиданными выходками, на которыя положиться было бы чрезвычайно наивно. Поэтому онъ зналъ настоящую цѣну послѣднимъ словамъ императора французовъ, въ которыхъ заключался нѣкоторый лучъ надежды.

Считая своимъ долгомъ поддерживать самыя дружескія отношенія къ Наполеону и стараться угождать ему насколько возможно, гр. Толстой согласился подписать конвенцію относительно покупки въ Россіи всякаго рода припасовъ для французскаго флота, предложенную ему французскимъ правительствомъ. Онъ былъ убѣжденъ въ безполезности этого соглашенія, но онъ считалъ невозможнымъ не пойти навстрѣчу желаніямъ Наполеона тамъ, гдѣ это было возможно съ точки зрѣнія интересовъ Россіи. Предсказаніе графа Толстого относительно отсутствія большого практическаго интереса въ этомъ актѣ вполнѣ оправдалось.

Ѳ. Ѳ. Мартенсъ.

СТРОИТЕЛЬ

РОМАНЪ.

— *Felix Hollaender*. Der Baumeister. Roman. Berlin. 1904.

Окончаніе.

XI *).

Нѣсколько дней спустя послѣ своей бесѣды съ бывшимъ директоромъ театра Штейнеромъ, архитекторъ Кеслеръ сидѣлъ съ прокуроромъ Дренквицемъ въ томъ же самомъ кафе „des Westens" и усердно убѣждалъ его въ чемъ-то. Но Дренквицъ только качалъ головой въ отвѣтъ на его слова и вмѣстѣ смотрѣлъ на своего друга очень серьезно и озабоченно. Архитекторъ началъ безпокоиться.

— Да ты просто этого не понимаешь,—нервно сказалъ онъ.— Большинство домовъ въ Берлинѣ строятся людьми, у которыхъ нѣтъ ни гроша въ карманѣ.

— Другіе пусть поступаютъ, какъ знаютъ,—возразилъ Дренквицъ, — но я не хотѣлъ бы, чтобы ты пускался на подобныя предпріятія. Я полагаю, что нужно дорожить своимъ добрымъ именемъ.

Кеслеръ нахмурился.—Хотѣлъ бы я знать,—спросилъ онъ,— считаешь ли ты меня порядочнымъ человѣкомъ?

— Иначе я не сидѣлъ бы съ тобою за однимъ столомъ.

— Въ такомъ случаѣ я требую, чтобы ты относился ко мнѣ съ довѣріемъ.

---

*) См. выше: январь, стр. 212.

— Но я боюсь, что ты слишкомъ увлеченъ своей идеей и потому не разбираешь средствъ, лишь бы ее осуществить. Ты берешь на себя слишкомъ тяжелую отвѣтственность и идешь на вѣрную гибель.

— Господи! Какой ты, Дренквицъ, педантъ! Вѣдь долженъ же ты понять,—продолжалъ Кеслеръ убѣждающимъ тономъ, — что идея постройки театра на этомъ мѣстѣ—блестящая; опытные и практичные дѣльцы уступаютъ мнѣ мѣсто безъ гроша задатка. Вѣдь это что-нибудь да значитъ!

— Это для меня не доказательство, — холодно отвѣтилъ Дренквицъ.—Эти люди платятъ огромные поземельные налоги и рады свалить ихъ на тебя. Чѣмъ они рискуютъ? Унести съ собой ихъ землю ты не можешь. А если ты обанкрутишься, то они обезпечены первой закладной.

Кеслеръ началъ сердиться.—Съ тобой невозможно говорить, —сказалъ онъ.—Ты ничего не понимаешь ни въ строительствѣ, ни въ театрѣ. Театральное дѣло теперь—самое выгодное, а строить въ настоящее время нельзя иначе, какъ на такихъ условіяхъ, на какихъ это я и дѣлаю. Къ тому же мнѣ еще не продали мѣста. Очень хотѣлъ бы я, чтобы дѣйствительно мнѣ его уступили!—со вздохомъ заключилъ онъ.

Дренквицъ не поддавался, однако, его убѣжденіямъ, и сказалъ ему по-пріятельски:

— Именно потому что я твой другъ, я и повторяю тебѣ все время: брось это дѣло, а не то попадешь въ бѣду.

— Ты помѣшанъ на какихъ-то предразсудкахъ, Дренквицъ, увѣряю тебя. Если бы я сталъ тебя слушать, то, дѣйствительно, нравственно погибъ бы. Человѣкъ, не имѣющій возможности удовлетворить своей жаждѣ дѣятельности, осуществить планы и проекты, которыми полны его мысли, непремѣнно собьется съ пути. И какъ это ты, умный человѣкъ,—прибавилъ Кеслеръ, —не понимаешь меня? Я горю желаніемъ испытать свои силы; мнѣ не терпится, и необходимо поэтому...—Онъ не докончилъ фразу. Въ кафè вошелъ Штейнеръ въ сопровожденіи изящно одѣтаго господина небольшого роста.

— А, и вы здѣсь, господинъ архитекторъ!—воскликнулъ Штейнеръ, подходя къ Кеслеру.—Какъ хорошо, что мы васъ встрѣтили!—сказалъ Штейнеръ и бросилъ быстрый, многозначительный взглядъ на Дренквица. Дренквицъ тотчасъ же поднялся и сталъ прощаться.

— Пожалуйста, останься еще немного!—шопотомъ попросилъ его Кеслеръ. — Для меня чрезвычайно важно, чтобы ты при-

смотрѣлся немного къ этимъ людямъ.—И онъ прибавилъ, упрашивая Дренквица: — Ты знаешь, какъ высоко я цѣню твои мнѣнія!

— Хорошо, я останусь, хотя, откровенно говоря, мнѣ это скорѣе непріятно.

Штейнеръ и его спутникъ сняли пальто, и Штейнеръ представилъ директора Ламфрома, а Кеслеръ назвалъ въ свою очередь прокурора фонъ Дренквица. Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами на малоинтересныя общія темы, Штейнеръ перешелъ прямо на разговоръ о постройкѣ театра и предложилъ директору обсудить дѣло съ Кеслеромъ. Ламфромъ охотно послѣдовалъ его приглашенію.

— Дѣло, значитъ, въ томъ,—сказалъ онъ,—что вы, господинъ архитекторъ, хотите пріобрѣсти у насъ мѣсто для постройки вашего театра, не уплачивая и задатка. Такъ, по крайней мѣрѣ, я заключилъ изъ словъ господина Штейнера.—Кеслеръ кивнулъ головой, и онъ продолжалъ:— Хорошо, я отношусь къ вашему проекту скорѣе благосклонно. Конечно, я хотѣлъ бы имѣть гарантію—надѣюсь, вы это понимаете и не осудите меня— въ томъ, что вы дѣйствительно располагаете достаточными средствами для осуществленія такого грандіознаго предпріятія. Вѣдь только при такихъ условіяхъ мы можемъ рисковать и передать вамъ землю безъ задатка.—Согласитесь,— прибавилъ онъ,—что мы высказываемъ полную готовность удовлетворить васъ.

Кеслеръ былъ пріятно пораженъ почтительнымъ тономъ купца, но не выдалъ своего удовольствія.

— Само собой разумѣется, что доказать свою кредитоспособность я не могу,—холодно заявилъ онъ. — Но вы, дѣйствительно, ставите мнѣ вполнѣ допустимыя условія. Я долженъ, однако, сказать вамъ, что и собственники сосѣдняго участка предлагаютъ мнѣ свою землю безъ задатка.

— Я уже это говорилъ господину Ламфрому,—стремительно вставилъ Штейнеръ; но Кеслеръ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его словъ.

— Дай мнѣ, пожалуйста, сигару!—сказалъ онъ, обращаясь къ прокурору.—Спасибо.

Онъ медленно закурилъ сигару. Въ теченіе слѣдующей четверти часа онъ особенно часто обращался къ Дренквицу, съ тѣмъ чтобы съ полной очевидностью показать, что онъ съ нимъ на „ты“. Кеслеръ сразу замѣтилъ по лицу Ламфрома, что самое присутствіе Дренквица произвело на него должное впечатлѣніе. Штейнеръ былъ правъ.

— Во всякомъ случаѣ мы попросили бы васъ дать намъ по возможности поскорѣе отвѣтъ, принимаете ли вы наше предложеніе или нѣтъ,—снова заговорилъ директоръ.—Мы не думали торопить васъ, но вы сами говорите, что вступили въ переговоры еще съ другими; поэтому мы уже должны настаивать на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла въ ту или другую сторону.

Говоря это, онъ закручивалъ еще болѣе вверхъ свои великолѣпно расчесанные усы и съ нѣкоторымъ смущеніемъ улыбался. Дренквицъ поднялся.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ рѣшительно.—У меня положительно нѣтъ времени дольше сидѣть.

Онъ быстро попрощался и вышелъ изъ кафе. Кеслеръ былъ даже радъ его уходу. У Дренквица за послѣднія пять минутъ разговора сдѣлалось такое встревоженное и огорченное лицо, что Кеслеру сдѣлалось боязно.

— Очень умный и прозорливый человѣкъ, — сказалъ ему вслѣдъ Ламфромъ. — Я недавно читалъ одну его обвинительную рѣчь—очень рѣзкую. Невесело, я полагаю, попасться ему въ руки.

— Его несомнѣнно ожидаетъ блестящая карьера,—отвѣтилъ Кеслеръ.—Въ общемъ онъ вполнѣ честный и благородный человѣкъ. Я за него ручаюсь — онъ одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Я не сомнѣваюсь въ его почтенности, — сказалъ Ламфромъ, какъ бы извиняясь.—Однако, вернемся къ дѣлу. Я долженъ вамъ сказать, что дирекціи очень трудно принять ваши условія.

Кеслеръ почувствовалъ приливъ безграничной радости. „Постройка театра обезпечена,—внутренно рѣшилъ онъ.—Они явно хотятъ пойти на уступки". Эта увѣренность воодушевляла его; передъ нею исчезали всякія сомнѣнія. Не выдавая, однако, себя, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:—Я обязуюсь, какъ только получу отъ дирекціи формальное предложеніе, сейчасъ же увѣдомить васъ о моемъ рѣшеніи.

Наступила маленькая пауза, прежде чѣмъ Ламфромъ снова заговорилъ, усиленно моргая глазами:

— Я долженъ вамъ признаться, что я большой поклонникъ театра, и очень бы желалъ осуществленія вашего проекта. Я заинтересованъ въ этомъ и по личнымъ причинамъ: у меня есть знакомая молодая актриса—очень талантливая. Она играетъ въ Любекѣ и пользуется тамъ огромнымъ успѣхомъ. Мнѣ бы хотѣлось перетащить ее въ Берлинъ,—и если бы она получила

ангажементъ въ новомъ театрѣ, я былъ бы чрезвычайно доволенъ.

Кеслеръ почувствовалъ себя хозяиномъ положенія. Онъ еще и не приступалъ къ постройкѣ театра, а къ нему уже обращаются за протекціей. Онъ обѣщалъ устроить ангажементъ пріятельницѣ Ламфрома,— „если противъ этого ничего не будетъ имѣть,—прибавилъ онъ,—Штейнеръ, завѣдующій артистической стороной предпріятія". Заручившись обѣщаніемъ Кеслера, Ламфромъ посмотрѣлъ на часы и объявилъ что ему пора идти. Кельнеръ подалъ ему его изящное пальто, и, надѣвъ свѣтло-коричневыя лайковыя перчатки и безукоризненный цилиндръ, онъ направился къ выходу вмѣстѣ съ Штейнеромъ; послѣдній, въ своемъ потертомъ плащѣ и смятой фетровой шляпѣ, казался рядомъ съ нимъ неудачникомъ-авантюристомъ. Но въ глазахъ его сверкала въ эту минуту радость побѣды—этотъ тщедушный, полуголодный человѣкъ мнилъ себя императоромъ.

XII.

Грета Андерсъ собиралась отказаться отъ мѣста въ цвѣточномъ магазинѣ изъ-за приставаній итальянца Каннелли, который ей не давалъ прохода своей ревностью, особенно съ тѣхъ поръ какъ въ магазинъ явился однажды архитекторъ Кеслеръ. Отецъ Греты ничего не имѣлъ противъ ея ухода съ мѣста, такъ какъ семья могла обойтись и безъ ея заработка. Гораздо болѣе онъ огорчался печальнымъ настроеніемъ, охватившимъ его дочь. Въ откровенномъ разговорѣ съ нею онъ сталъ убѣждать ее относиться легче къ жизни. Старикъ Андерсъ держался очень свободныхъ взглядовъ и сказалъ дочери, что, увѣренный въ честности ея натуры, никогда не осудитъ ее, какъ бы она ни устроила свою жизнь. Онъ видѣлъ, что между Гретой и Кеслеромъ возникаетъ серьезная дружба, и считалъ, что не должно быть рѣчи ни о какихъ обязательствахъ со стороны архитектора. Грета была искренно благодарна отцу за свободное и чуткое отношеніе къ ея сердечной жизни и повеселѣла послѣ бесѣды съ нимъ. Матери оба они ничего не говорили, чтобы не огорчать ее преждевременно. Грета рѣшила также не оставлять мѣста въ магазинѣ и только объясниться съ итальянцемъ, чтобы прекратить всякія непріятности. Каннелли продолжалъ преслѣдовать ее своими признаніями въ любви и угрозами застрѣлиться, если она окончательно отвергнетъ его.

Но она заставила его отдать ей револьверъ, который онъ съ нѣкотораго времени сталъ носить при себѣ и показывалъ ей каждый разъ, когда они оставались наединѣ. Она взяла съ него честное слово, что онъ измѣнитъ свое поведеніе и не будетъ надоѣдать ей ни единымъ словомъ или взглядомъ. Только подъ этимъ условіемъ она соглашалась остаться.

Онъ на все согласился, даже на то, чтобы отдать ей свой револьверъ, но прибавилъ при этомъ съ выраженіемъ искренняго горя на лицѣ:

— Обѣщайте только предупредить меня, когда вздумаете сами прибѣгнуть къ этому средству...

— Откуда у васъ явилась такая мысль?

Онъ твердо встрѣтилъ ея изумленный и строгій взглядъ.

— Этотъ человѣкъ,—медленно сказалъ онъ, отчеканивая каждый слогъ,—принесетъ вамъ горе. Я въ этомъ увѣренъ... Не притворяйтесь удивленной. Вы знаете, о комъ я говорю.

— Вотъ какъ! вы уже занимаетесь шпіонствомъ! — сказала она съ нервнымъ смѣхомъ. — А что если я вамъ даю честное слово, что у меня съ нимъ ничего нѣтъ?

— Такъ скоро будетъ. Вы его любите.

— Люблю?—повторила она, задумавшись и повидимому забывъ о присутствіи Каннелли, у котораго все время лицо подергивалось судорогой.

— Изъ-за него вы бросаете меня! — сказалъ онъ съ горечью. — А онъ васъ обманываетъ, потѣшается надъ вами! Вспомните обо мнѣ, когда вы будете несчастны по его винѣ.

— Можетъ быть, то, что вы называете несчастіемъ, и есть счастье?—сказала она съ грустной улыбкой.—Если разъ въ жизни испытать счастье, то этимъ можно удовлетвориться навсегда. Знаете ли вы, что значитъ быть дѣйствительно счастливымъ?

— Нѣтъ. Я жалкій, несчастный человѣкъ!

Выраженіе его лица было такое мрачное и грозное, что Грета испугалась; она потребовала отъ него слова, что онъ никогда не будетъ мстить человѣку, о которомъ онъ говорилъ ей, и не причинитъ ему зла. Каннелли не сразу согласился обѣщать ей это, и наконецъ только сказалъ, что безъ ея вѣдома ничего никогда не предприметъ. Грета разсталась съ нимъ по-дружески и поспѣшила выйти изъ магазина. У ближайшаго угла ее ждалъ Кеслеръ. Онъ выскочилъ изъ коляски, въ которой поджидалъ ее, подошелъ къ ней съ сіяющимъ лицомъ побѣдителя и заставилъ ее сѣсть съ нимъ въ коляску. Она покорилась, какъ послушное дитя. Велѣвъ кучеру везти ихъ въ

Тиргартенъ, Кеслеръ продолжалъ держать ея руку въ своей, и по тому, какъ она вся дрожала, онъ понялъ, что Грета раздѣляетъ его чувства.

„Пока эта дѣвушка меня любитъ, все мнѣ будетъ удаваться,—думалъ онъ,—и я буду подниматься все выше и выше". Сердце его забилось сильнѣе, и онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ, какъ бы боясь, что ее отнимутъ у него.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отстраняйтесь отъ меня!—молилъ онъ тихимъ голосомъ. — Вы мнѣ нужны. Вы моя опора въ жизни. Подумайте! — продолжалъ онъ въ упоеніи: — мой проектъ осуществляется—я буду строить театръ! Уже начались переговоры съ собственниками земельнаго участка—все идетъ на ладъ. Я такъ счастливъ — и всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ. Я говорю серьезно—вѣрьте мнѣ. Я фаталистъ. Я поставилъ все мое счастье на одну карту, и эта карта—вы. Если бы вы тогда сказали „нѣтъ", если бы вы отреклись отъ меня, оттолкнули меня, я бы похоронилъ всѣ мои надежды... у меня не хватило бы мужества,—а безъ мужества ничего нельзя предпринять.

— Не понимаю,—отвѣтила она съ нѣкоторымъ ужасомъ,—какъ можно связывать всѣ результаты своего труда, своей дѣятельности, съ личными ощущеніями счастья!

— А между тѣмъ это такъ. Передо мной множество трудностей и препятствій, а я увѣренъ, что все преодолѣю, пока буду увѣренъ въ вашихъ чувствахъ.

— Откуда вы знаете, каковы мои чувства къ вамъ?

— Знаю,—возразилъ онъ твердо и гордо.—Взгляните, какъ вся природа намъ улыбается!.. И не глядите на меня такъ мрачно!—сказалъ онъ, касаясь рукой ея нахмурившагося лба.—Сегодня счастливый поворотъ въ моей жизни, и я хочу, чтобы и вы были счастливы.

— Я отъ души радуюсь съ вами.

— У меня къ вамъ большая просьба — не откажите въ ней. Поужинайте сегодня вечеромъ со мной, — я хочу выпить съ вами за свое будущее.

— Хотѣла бы я знать, что̀ я значу для вашего будущаго!—сказала она голосомъ, въ которомъ слышалось съ трудомъ скрываемое волненіе.

— Исполненіе цѣли моей жизни.

Она быстро отдернула руку, которую онъ держалъ въ своей.

— Не говорите такихъ словъ!—рѣзко сказала она.—Они произносятся въ опьяненіи, и ихъ трудно выполнить, когда наступаетъ отрезвленіе.

— Неужели вы мнѣ не довѣряете? — съ горечью воскликнулъ онъ. — И почему вы боитесь моментовъ подъема всѣхъ душевныхъ силъ?—Вѣдь только эти моменты и даютъ силу жить и дѣйствовать. И вы тоже вѣдь такая, какъ я,—у васъ смѣлая душа. Только этой смѣлостью и можно удержать счастье въ своихъ рукахъ.

— Счастья все равно нельзя удержать,—сказала она съ грустнымъ выраженіемъ глазъ.—Кто хочетъ удержать счастье, тотъ уже потерялъ его.

— Дорогая фрейлейнъ Грета, не предавайтесь грустнымъ размышленіямъ—это удѣлъ безсильныхъ душъ. Живите стихійно, радостно!

Она громко и весело засмѣялась.

— Я не знала, что вы такой пылкій фантазеръ.

— Всякій художникъ живетъ фантазіей. Трезвость темперамента несовмѣстима съ творчествомъ въ искусствѣ. Трезвый человѣкъ вѣдь не станетъ строить ввысь.

— Вы мнѣ больше всего нравитесь, когда говорите о своихъ планахъ, — сказала Грета вмѣсто прямого отвѣта. — Тогда я чувствую въ васъ что-то свободное и открытое, очень идущее къ вамъ... А иногда вы производите на меня другое впечатлѣніе: точно въ васъ борются двѣ души—одна чистая и направленная на все возвышенное, а другая... нерѣшительная, темная. Вы мнѣ кажетесь человѣкомъ, всегда готовымъ отважно подняться на высоту, но безсильнымъ и жалкимъ, когда онъ падаетъ съ высоты.

Лицо Кеслера омрачилось.

— Если вы поняли это, то помогите мнѣ—удержите меня отъ паденія,—вы одна способны на это.

— Какимъ образомъ?

— Вѣрьте въ меня твердо и непоколебимо! Ваша вѣра будетъ поддерживать меня. А теперь скажите—согласны вы подарить мнѣ сегодняшній вечеръ?

— Да.

Онъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она слегка вскрикнула.

XIII.

Около четырехъ часовъ пополудни Штейнеръ вбѣжалъ запыхавшись въ комнату Кеслера.

— Я принесъ запродажную,—сказалъ онъ, не здороваясь, и

въ изнеможеніи опустился на стулъ, передавъ Кеслеру бумаги. Кеслеръ не сталъ ихъ читать, а только взвѣсилъ ихъ въ рукѣ, точно держалъ свою судьбу. А Штейнеръ тѣмъ временемъ вытиралъ себѣ потъ съ лица большимъ краснымъ платкомъ. Видя, что Кеслеръ сталъ молча ходить по комнатѣ большими шагами, онъ прервалъ молчаніе словами:

— Дайте мнѣ глотокъ воды, господинъ архитекторъ; я, кажется, заслужилъ.

Кеслеръ очнулся отъ раздумья и взглянулъ на Штейнера. Онъ имѣлъ видъ затравленнаго человѣка, который цѣлую жизнь гнался за счастьемъ, всегда ускользавшимъ отъ него въ послѣднюю минуту, когда ужъ онъ былъ увѣренъ, что настигаетъ его. Кеслеръ зналъ такого рода людей и считалъ ихъ даже опасными своей стремительностью и боязнью упустить благопріятный моментъ.

Штейнеръ угадалъ мысли Кеслера въ его взглядѣ и съ принужденной улыбкой сталъ увѣрять его, что не упуститъ счастья на этотъ разъ.

— Я пойду въ гору вмѣстѣ съ вами—и только съ вами упаду,—прибавилъ онъ съ паѳосомъ.—Вы родились подъ счастливой звѣздой, и вамъ предстоитъ въ жизни только удача. Я буду крѣпко держаться за васъ.

— Хорошо, довѣрьтесь мнѣ. Я подниму васъ вверхъ съ собой,—нечего и думать о возможности паденія.

— Я всю жизнь искалъ счастливаго человѣка, чтобы въ союзѣ съ нимъ завоевать судьбу. Я зналъ, что найду его,—и только это поддерживало меня, было моимъ счастьемъ... Ну, а теперь поговоримъ о дѣлахъ, — сказалъ онъ, вставъ и выпрямившись, и лицо его приняло энергичное выраженіе. Онъ вынулъ большіе серебряные часы изъ жилетнаго кармана и посмотрѣлъ на нихъ.—Нельзя терять времени,—прибавилъ онъ.— Намъ необходимо достать въ теченіе двухъ сутокъ пять тысячъ марокъ для совершенія купчей.

— Господи, да какъ же мы ихъ достанемъ?—въ ужасѣ воскликнулъ Кеслеръ.—Неужели же изъ-за этого не состоится покупка?—Кеслеръ схватилъ тщедушнаго Штейнера за плечи и сталъ трясти его.—Откуда мнѣ взять пять тысячъ марокъ? Вѣдь вы сказали, что денежныя дѣла берете на себя.

— Конечно,—но только съ той минуты, когда вы станете собственникомъ участка земли. Вѣдь долженъ же я имѣть какую-нибудь основу, обращаясь къ денежнымъ людямъ,—согласитесь сами.

— Совершенно безразлично, соглашаюсь ли я съ этимъ или

нѣтъ,—холодно отвѣтилъ Кеслеръ.—Вы должны достать пять тысячъ марокъ,—только это и важно.

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ отвѣтить Штейнеръ, опѣшивъ отъ холоднаго тона Кеслера.—Я вѣдь затѣмъ и пришелъ, чтобы посовѣтоваться объ этомъ съ вами. Зачѣмъ же вы сейчасъ выходите изъ себя? Нужно же потолковать... Скажите, нѣтъ ли у васъ друга или знакомаго, владѣющаго крупнымъ капиталомъ?

Кеслеръ былъ внѣ себя отъ бѣшенства.—Какъ вы глупы!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ бы я къ вамъ обратился въ такомъ случаѣ?

— Напрасно вы раздражаетесь,—возразилъ Штейнеръ, не теряя самообладанія. — Вѣдь гораздо труднѣе просить деньги самому, чѣмъ черезъ кого-нибудь.

— Нѣтъ, такихъ знакомыхъ капиталистовъ у меня нѣтъ,—рѣзко оборвалъ его Кеслеръ.

— Вы ошибаетесь, — невозмутимо продолжалъ Штейнеръ, потирая руки:—у васъ имѣется подходящій человѣкъ—прокуроръ фонъ-Дренквицъ.

— Да вы съ ума спятили!

— Ничуть, я никогда не разсуждалъ такъ здраво, какъ на этотъ разъ. Я утверждаю, что еслибы первую ссуду мы получили отъ прокурора Дренквица, это имѣло бы самое благопріятное вліяніе и въ значительной степени облегчило бы всѣ дальнѣйшія дѣйствія... Я къ тому же навелъ справки, и знаю, что господину фонъ-Дренквицу очень легко было бы оказать намъ эту услугу и дать нѣсколько тысячъ марокъ.

— Всѣ ваши соображенія ни къ чему. Я вамъ заявляю совершенно твердо, что Дренквицъ не захочетъ примкнуть къ намъ. Онъ не станетъ поддерживать предпріятіе, стоящее на такихъ шаткихъ основахъ.

— Очень, очень жаль, — проговорилъ Штейнеръ больше про себя и поникъ головою.—Что же мы теперь будемъ дѣлать?

— Не совершимъ купчей и откажемся отъ нашего проекта.

— Что это значитъ? Вы шутите, господинъ архитекторъ?

— Ничуть. Я говорю совершенно серьезно.

— Мы найдемъ какой-нибудь исходъ. Нужно отыскать человѣка, который снабдилъ бы насъ этой въ сущности пустяшной суммой и вытащилъ изъ бѣды...

Штейнеръ не докончилъ фразы. На порогѣ появился Фрейтагъ, который робко остановился, увидавъ незнакомаго ему Штейнера.

— Я хотѣлъ только спросить,— нерѣшительно сказалъ онъ,— какъ обстоятъ мои дѣла.

— Войдите, войдите!—вѣжливо пригласилъ его Кеслеръ.— Господинъ Штейнеръ—господинъ Фрейтагъ,—коротко представилъ онъ.

— Я, быть можетъ, мѣшаю,—сказалъ Фрейтагъ,—въ такомъ случаѣ...

— Ничуть,—возразилъ Кеслеръ.—Садитесь, пожалуйста.

— Вы помните, — началъ Кеслеръ, обращаясь къ Штейнеру, когда Фрейтагъ очень церемонно сѣлъ на стулъ.—Вы помните, конечно, то, что̀ я разсказалъ вамъ о дѣлѣ господина Фрейтага.

Штейнеръ кивнулъ головой, хотя и не имѣлъ представленія, о чемъ собственно говоритъ Кеслеръ.

— Дѣло ваше трудное,—продолжалъ Кеслеръ,—и требуется большое искусство, чтобы повести его какъ слѣдуетъ. Это утверждаетъ и такой опытный дѣлецъ, какъ вотъ господинъ Штейнеръ.

Штейнеръ сталъ прислушиваться. Тонъ Кеслера, увѣренный и властный, производилъ на него сильное впечатлѣніе. Въ немъ чувствовалось умѣнье господствовать надъ людьми. Фрейтагъ нервно теребилъ бороду.—Я знаю, что дѣло мое трудное,— сказалъ онъ тихо,—поэтому-то я и обратился къ вамъ.

— Но я такъ страшно заваленъ дѣлами, что право...

— Другими словами, вы не беретесь помочь мнѣ?

Онъ поднялся съ мѣста. Но тутъ вмѣшался въ разговоръ Штейнеръ.

— Не принимайте словъ господина архитектора въ буквальномъ смыслѣ!—сказалъ онъ.—Имѣйте въ виду,—прибавилъ онъ внушительнымъ тономъ,—что онъ какъ разъ теперь купилъ участокъ земли за восемьсотъ тысячъ марокъ, чтобы построить на немъ театръ... Вотъ запродажная. Потрудитесь взглянуть.

— Я охотно вѣрю,—возразилъ Фрейтагъ,—но и въ моемъ дѣлѣ рѣчь идетъ о милліонахъ. Я не знаю почему,—прибавилъ онъ, неожиданно взявъ руку Кеслера и крѣпко сжимая ее,— но у меня въ душѣ создалось твердое убѣжденіе, что вы—единственный человѣкъ, который можетъ спасти мои деньги. Не лишайте же меня этой вѣры!

Штейнеръ совершенно растерялся отъ всего, что̀ онъ слышалъ. Что̀ такое этотъ Фрейтагъ? Сумасшедшій, къ которому Кеслеръ не относится серьезно? Или же дѣйствительно у него есть состояніе? По своему природному оптимизму онъ готовъ былъ принять послѣднее и пристально поглядѣлъ въ свѣтлые

выпуклые глаза Фрейтага, стараясь найти въ нихъ разгадку. А вдругъ именно у этого чудака и можно будетъ раздобыть столь необходимыя въ эту минуту пять тысячъ марокъ! Вотъ, быть можетъ, ихъ спаситель, а наивный Кеслеръ этого не понимаетъ. Архитекторъ былъ вообще въ его глазахъ взрослымъ ребенкомъ, увлеченнымъ своими художественными проектами и совершенно не видящимъ того, чтò дѣлается въ его непосредственной близости. Съ мужествомъ погибающаго Штейнеръ рѣшился сдѣлать попытку и, самъ удивляясь своей дерзости, сказалъ какъ бы вскользь:

— Я тоже увѣренъ, что господинъ архитекторъ—самый подходящій человѣкъ для вашего дѣла, которое къ тому же я далеко не считаю такимъ безнадежнымъ.

— Вотъ видите! Вотъ видите!—воскликнулъ Фрейтагъ, и его мутные глаза загорѣлись, точно онъ уже выигралъ процессъ.

— Жаль только, что мы теперь такъ заняты нашимъ строительнымъ проектомъ,—продолжалъ Штейнеръ и прибавилъ:—Я вѣдь повѣренный и управляющій господина архитектора.

Фрейтагъ отвѣсилъ глубокій поклонъ. Торжественное заявленіе Штейнера явно произвело на него сильное впечатлѣніе. Кеслеръ былъ взбѣшенъ его безстыдствомъ и хотѣлъ сразу прекратить всю эту комедію и сказать правду несчастному Фрейтагу. Но Штейнеръ, боясь помѣхи своимъ планамъ, не давалъ ему возможности вставить слово.

— Позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ,—сказалъ онъ, обращаясь крайне предупредительно къ Фрейтагу.— Вѣдь я знакомъ съ вашимъ дѣломъ только по разсказу господина архитектора. А мнѣ хотѣлось бы составить себѣ личное мнѣніе. Можетъ быть, вы...

— Я съ удовольствіемъ разскажу вамъ все подробно,—перебилъ его Фрейтагъ.—Если это васъ дѣйствительно интересуетъ, то не зайдете ли на минуту ко мнѣ въ комнату? Мы тамъ потолкуемъ. Вѣдь я живу здѣсь рядомъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно.

— Конечно,—отвѣтилъ Штейнеръ, хотя ничего не зналъ о Фрейтагѣ.

Кеслеръ отошелъ во время этого разговора къ окну и сталъ отбивать тактъ по стеклу. Онъ дѣлалъ видъ, что разговоръ этотъ его не касается, и какъ будто даже не слышалъ, что Штейнеръ и Фрейтагъ вышли изъ комнаты. Онъ вспоминалъ о своей первой ночной бесѣдѣ съ сосѣдомъ, о своихъ тогдашнихъ планахъ. Все казалось ему теперь такимъ страннымъ и спутаннымъ,

что онъ отказывался отъ возможности разобраться въ этомъ хаосѣ. Теперь онъ ничего не могъ измѣнить. Не у него въ рукахъ нити событій — онъ только подчиняется судьбѣ. Не онъ двигаетъ, а его толкаютъ впередъ. Его судьба несется по невидимымъ рельсамъ, и онъ только безмолвный зритель всего происходящаго. Онъ уже тогда смутно чувствовалъ, что Фрейтагу суждено сыграть роль въ комедіи его жизни—такъ же, какъ онъ былъ увѣренъ, что еслибы не встрѣтилъ Грету Андерсъ, все бы сложилось совершенно по иному... И вотъ, дѣйствительно, бѣдный Фрейтагъ попалъ прямо въ лапы Штейнеру, умѣющему такъ пронырливо вынюхивать добычу и не отставать, разъ уцѣпившись за кого-нибудь. Кеслеръ старался успокоить проснувшійся въ немъ голосъ совѣсти, убѣждая самого себя, что онъ не виноватъ, что не онъ свелъ этихъ двухъ людей, и что онъ только не вмѣшивается въ ходъ событій. Но сердце его все-таки учащенно билось, и съ каждой минутой усиливалось его нетерпѣніе. Ему хотѣлось поскорѣе узнать результатъ переговоровъ, и въ то же время ему было жаль старика, къ которому Штейнеръ навѣрное присталъ съ ножомъ къ горлу. Чтобы отвлечься отъ мучительнаго ожиданія, онъ сталъ думать о предстоящемъ ему вечерѣ съ Гретой Андерсъ и съ умиленіемъ представлялъ себѣ ея кроткій, прекрасный образъ. „Она принесла мнѣ счастье,—говорилъ онъ про себя, — и я никогда не разстанусь съ нею. Въ ней одной—залогъ удачи и счастья".

Въ комнату вошли Штейнеръ и Фрейтагъ.

— Ну что же,—спросилъ онъ, не будучи въ силахъ сдержать нетерпѣніе.—Къ чему вы собственно пришли?

— Мы вотъ что рѣшили,—отвѣтилъ Штейнеръ, едва сдерживая радостное волненіе:—господинъ Фрейтагъ заплатитъ вамъ пять тысячъ марокъ по третьей закладной на вашъ театръ. Мы же обязуемся вести его дѣло и сейчасъ приступить къ собиранію необходимыхъ справокъ. Хотя вкладъ господина Фрейтага очень небольшой, я все-же совѣтую принять его... Я увѣренъ въ выигрышѣ его процесса. Все дѣло въ томъ, согласны ли вы, господинъ архитекторъ, принять господина Фрейтага въ число пайщиковъ съ такимъ небольшимъ вкладомъ?

Кеслеръ на минуту потерялъ отъ изумленія возможность выговорить слово. Онъ посмотрѣлъ на Фрейтага, который стоялъ передъ нимъ въ смиренной позѣ, и потомъ перевелъ взглядъ на Штейнера. При этомъ онъ противъ воли улыбнулся въ отвѣтъ на странную улыбку Штейнера,—и въ этомъ обмѣнѣ улыбокъ было какое-то молчаливое соглашеніе. Кеслеру стало невыносимо стыдно отъ

того, что онъ какъ бы вступилъ въ сообщничество съ Штейнеромъ. Ему казалось, что онъ катится уже по наклонной плоскости. Онъ старался, однако, успокоить свою совѣсть. „Зачѣмъ я себя мучаю—что̀ я дѣлаю дурного? Не признакъ ли это внутренней слабости? Въ чемъ я могу упрекнуть себя, пока я стремлюсь къ одной только цѣли и дѣйствую правыми средствами? Штейнеру я сдѣлаю строгое внушеніе и объясню ему, что я ненавижу всякіе окольные пути,—вотъ и все!“ успокаивалъ онъ себя.

— Вы можете совершѐнно спокойно сдѣлать меня участникомъ вашего дѣла, — сказалъ Фрейтагъ, прерывая его размышленія.—Я вѣдь не разсчитываю на прибыли,—прибавилъ онъ.—Я только хочу, чтобы вы взялись вести мое дѣло.

Кеслеръ взглянулъ на его разстроенное лицо, и видъ его глубоко лежащихъ озабоченныхъ глазъ вызвалъ въ немъ жалость.

— Все это прекрасно, — сказалъ онъ, — но я не знаю, легко ли вамъ реализовать такую сумму.

— А, вотъ что̀! Я понимаю васъ,—вы хотите подъ вѣжливымъ предлогомъ устранить меня!

— Ничуть, повѣрьте мнѣ. Но я долженъ васъ предупредить, что постройка театра относится къ области рискованныхъ предпріятій. Я не хочу, чтобы въ случаѣ неудачи вы могли дѣлать упреки и мнѣ, и себѣ. На такія аферы могутъ идти только богатые люди.

— Хорошо. Вы исполнили свой долгъ и предупредили меня. Затѣмъ, я могу дѣйствовать, какъ считаю для себя выгоднымъ. Къ тому же я надѣюсь, если вы согласитесь заступиться за меня, вскорѣ располагать болѣе крупными суммами, чѣмъ большинство вашихъ акціонеровъ.

Штейнеръ обезпокоился, опасаясь, какъ бы Кеслеръ дѣйствительно не отпугнулъ Фрейтага. Развѣ можно такъ говорить съ нужными людьми?

— Господинъ Фрейтагъ совершенно правъ, — сказалъ онъ, вмѣшиваясь въ разговоръ.—Онъ ничѣмъ не рискуетъ въ данномъ случаѣ и имѣетъ всѣ шансы на прибыль.

Кеслеръ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ словъ Штейнера, и спросилъ Фрейтага, почему онъ собственно не хочетъ самъ вести процесса.

Фрейтагъ взглянулъ на него съ глубокимъ изумленіемъ.

— Да вѣдь въ томъ и дѣло,—отвѣтилъ онъ, и лицо его приняло озабоченное выраженіе,—что меня преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ и ставятъ мнѣ всяческія препятствія. Нужно, чтобы мои про-

тивники были увѣрены, что я оставилъ всякія попытки выиграть дѣло, что я отъ всего отказался;—только при такихъ условіяхъ возможенъ какой-нибудь благопріятный результатъ.

— А какъ же ихъ въ этомъ убѣдить?

— Очень просто. Пусть они думаютъ, что я уступилъ вамъ мои права.

— Ну да, конечно,—снова вмѣшался въ разговоръ Штейнеръ.—Такъ все отлично устроится. — Рѣшайте же наконецъ вопросъ объ участіи господина Фрейтага! — прибавилъ онъ съ досадой.

— Хорошо, я согласенъ на ваше участіе,—сказалъ Кеслеръ.—О подробностяхъ переговорите съ Штейнеромъ.

Фрейтагъ горячо пожалъ ему руку, говоря, что не хочетъ долѣе задерживать его на этотъ разъ, и поспѣшно ушелъ, спросивъ еще разъ въ дверяхъ:—Значитъ, дѣло рѣшено?

— Конечно,—поспѣшилъ отвѣтить Штейнеръ вмѣсто Кеслера.

Когда онъ закрылъ за собой дверь, Кеслеръ сказалъ:

— Говоря откровенно, у меня скверно на душѣ отъ этого дѣла.

— Не понимаю, почему.

— Не представляйтесь—вы отлично меня понимаете. Мнѣ непріятно втягивать въ сомнительное дѣло бѣднаго старика.

— Ну, знаете ли, господинъ архитекторъ, тутъ я никакъ не могу сочувствовать вамъ. Вы его отнюдь не „втягиваете", а, принимая его деньги по закладной, дѣлаете его соучастникомъ прибылей, и кромѣ того обязуетесь вести его процессъ,—какія же у васъ еще могутъ быть угрызенія совѣсти? За свои несчастныя пять тысячъ онъ получитъ большія прибыли, а вы еще недовольны собой!

— Развѣ дѣло наше такое вѣрное?

— Для меня—абсолютно. А ужъ вамъ навѣрное слѣдуетъ вѣрить въ него больше, чѣмъ кому-либо... Вѣдь вамъ придется еще принимать и гораздо болѣе значительныя суммы. Будьте довольны, что этотъ человѣкъ явился въ нужную минуту.

— Я знаю, что буду принимать чужія деньги—гораздо болѣе крупными суммами. Но пользоваться невѣдѣніемъ совершенно безпомощнаго человѣка мнѣ бы не хотѣлось.

— Знаете ли, — сказалъ Штейнеръ, — угрызенія совѣсти теперь совершенно неумѣстны. Мы стоимъ только у самаго начала пути, а вы уже начинаете тормазить.

Кеслеръ пристально взглянулъ ему въ глаза, прежде чѣмъ отвѣтить, и сказалъ:

— Я желаю съ самаго начала предупредить васъ, что согласенъ только на вполнѣ законныя дѣйствія.

— А я, по вашему, какого на этотъ счетъ мнѣнія? Только бы не имѣть дѣла съ судомъ,—этого я боюсь больше всего.

Кеслеръ разсмѣялся.—Вы меня не поняли. Я говорю не объ отвѣтственности передъ судомъ, а о нравственной отвѣтственности передъ самимъ собою.

— Что касается этого,—отвѣтилъ Штейнеръ и слегка прищурилъ глаза,—то, видите ли, я считаю себя совершенно честнымъ человѣкомъ,—но дѣла остаются дѣлами. Нужно только не входить въ коллизіи съ законами... ну, а законы я хорошо знаю.

Кеслеру сдѣлалось не по себѣ. У него было чувство, точно онъ попалъ въ петлю, и никакъ не можетъ изъ нея высвободиться.

— У меня другіе принципы,—сказалъ онъ, стараясь сдерживать себя.

— Вотъ что̀ я вамъ предложу,—возразилъ Штейнеръ.—Я беру на себя всю дѣловую часть. Вы только стройте,—остальное васъ не касается... Этотъ Фрейтагъ, кажется, слегка помѣшанъ?

— Вы думаете? Но вѣдь въ такомъ случаѣ безсовѣстность нашего поведенія вдвое непозволительнѣе. Эксплоатировать слабоумнаго человѣка — что̀ можетъ быть отвратительнѣе? Истинная гнусность!

— Да мы его ничуть не эксплоатируемъ. Напротивъ того, мы спасаемъ часть его денегъ, которая безъ насъ попала бы въ руки мошенниковъ и уже навѣрное пропала бы.

— Вотъ какъ!—Кеслеръ посмотрѣлъ на Штейнера такимъ пронизывающимъ взглядомъ, что тому стало жутко.

— Послушайте, господинъ архитекторъ,—сказалъ онъ,—я требую, чтобы вы относились ко мнѣ съ довѣріемъ. Я отказываюсь отъ всѣхъ моихъ частныхъ дѣлъ и всецѣло отдаю себя предпріятію, въ успѣхъ котораго я непоколебимо вѣрю,—а вы подозрѣваете меня въ какихъ-то затаенныхъ мысляхъ и планахъ. Этого я не могу вынести. Вѣдь довѣряю же я вамъ, когда вы безъ гроша денегъ и безъ всякихъ видимыхъ удачъ полагаетесь только на свою силу и на свой талантъ.

Кеслеру сдѣлалось совѣстно, и онъ протянулъ руку Штейнеру.

— Простите меня, — медленно проговорилъ онъ. — Я такъ мало понимаю въ дѣлахъ, и васъ я тоже знаю только съ очень недавняго времени.

— Вамъ не предстоитъ разочароваться во мнѣ — обѣщаю вамъ. И нашъ театръ будетъ самымъ великолѣпнымъ на всемъ свѣтѣ.

— Я удивляюсь вашей энергіи и вѣрѣ въ успѣхъ. Послѣ столькихъ неудачъ, какія были у васъ, я бы палъ духомъ.

— Одной только вѣрой въ будущее я и живу,—сказалъ Штейнеръ тихимъ голосомъ и грустно улыбаясь. — Теперь я твердо вѣрю въ васъ, въ нашъ театръ и въ мое счастье, которое должно наконецъ явиться и вознаградить меня за все, что̀ я перенесъ въ жизни.

Онъ взялъ шляпу и палку.—Уже поздно,—сказалъ онъ,—и я нахожу что мы тратимъ слишкомъ много времени въ пустыхъ разговорахъ. Время теперь единственный капиталъ, которымъ мы пока располагаемъ,—нужно, по-моему, бережно обходиться съ нимъ.

Кеслеръ взглянулъ на часы и испугался. Черезъ четверть часа онъ уже долженъ былъ встрѣтиться съ Гретой Андерсъ.— Да, дѣйствительно уже поздно,—отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Прощайте, господинъ архитекторъ.

— Подождите, я ухожу вмѣстѣ съ вами.

Они спустились вмѣстѣ съ лѣстницы. Внизу уже стояла коляска. Штейнеръ лукаво прищурилъ глаза. — Когда я вижу вашу коляску,—сказалъ онъ, засмѣявшись,—мнѣ припоминается сказка о галошахъ счастья. Положительно, эта коляска создала вашу удачу. Она открыла вамъ кредитъ. Эта коляска придала вамъ видъ кредитоспособнаго человѣка въ глазахъ нашей дирекціи.

— А развѣ вы считаете меня не кредитоспособнымъ?—спросилъ Кеслеръ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ.

— Я этого вовсе не хотѣлъ сказать. Но идею съ коляской я нахожу блестящей. Это дѣйствительно галоши счастья. Да, кстати, я хотѣлъ вамъ сказать, что необходимо вамъ перемѣнить квартиру. Къ вамъ будутъ являться разные люди для переговоровъ,—нужно же вамъ имѣть изящное помѣщеніе—иначе вы уроните свой кредитъ.

— Это правда, — сказалъ Кеслеръ; но, не имѣя времени дольше разговаривать, онъ быстро попрощался съ Штейнеромъ и уѣхалъ, спѣша на свиданіе. Оставшись наединѣ, онъ опять погрузился въ тяжелое раздумье.

„Глупости! о чемъ тутъ печалиться!—остановилъ онъ себя.— Не хочу думать обо всемъ этомъ,—я вѣдь ѣду навстрѣчу моему счастью“!..

XIV.

Они сидѣли въ глубинѣ ресторана, въ отдѣльной маленькой нишѣ. Онъ тихо говорилъ ей что-то, и она слушала съ разгорѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами.

— Скажите мнѣ, любите ли вы меня хоть немного? Я знаю, что это смѣшной вопросъ, достойный гимназиста. Но я все-таки долженъ это знать, — какъ нужно ѣсть, когда одолѣваетъ голодъ.

Она засмѣялась, и когда онъ продолжалъ настаивать на отвѣтѣ, она откинула голову назадъ, подняла стаканъ, поглядѣла на золотистое вино и сказала:

— Мнѣ смѣшно, что вы такъ долго и убѣжденно говорите на эту тему.

— Неужели вы не можете или не хотите мнѣ отвѣтить?

Она нѣсколько смущенно взглянула на него и заговорила о другомъ.

— Какъ здѣсь все пышно и красиво! — сказала она.

— Неужели вы меня совсѣмъ не любите?

— Мнѣ странно, что я поѣхала сюда съ вами... Я такъ не подхожу къ этой обстановкѣ... Мнѣ вѣдь гораздо больше по себѣ въ тихой, уютной комнаткѣ, далекой отъ всякаго шума извнѣ. Вотъ какъ у моихъ родителей...

— Я тоже не думаю, что радость зависитъ отъ внѣшняго блеска, и могу себѣ представить счастье въ самой скромной комнатѣ, — если подлѣ меня будетъ существо, которое составляетъ для меня весь смыслъ жизни.

— Зачѣмъ вы обманываете себя словами? — строго возразила Грета. — Человѣкъ, который хочетъ построить театръ, долженъ любить роскошь и блескъ всей душой.

— Вѣдь можно же отдѣлять свою профессію отъ того, въ чемъ видишь идеалъ личнаго счастья, — а мое счастье всецѣло въ вашихъ рукахъ.

— На сколько времени?

— Зачѣмъ этотъ вопросъ? Почему вы во мнѣ сомнѣваетесь? Я думалъ, что вы меня хоть немножко понимаете.

— Я именно понимаю васъ лучше, чѣмъ вы думаете, — сказала она съ глубокой печалью въ голосѣ.

— Въ такомъ случаѣ вы знаете, что вся моя судьба зависитъ теперь отъ васъ.

Онъ взглянулъ на нее страстнымъ взглядомъ и былъ пораженъ отразившимся на ея лицѣ страданіемъ.

— Чтò съ вами? — спросилъ онъ.—Почему вы такъ меня огорчаете.

— Я не хочу васъ обидѣть, но должна сказать вамъ слѣдующее. Вы знаете моего отца. Онъ всю свою жизнь честно служилъ своему искусству, боролся съ жизнью. Онъ ничего не достигъ, всегда оставался въ тѣни и теперь пробивается кое-какъ, служа въ оркестрѣ маленькаго театра и занимаясь въ свободные часы инструментовкой для другихъ. Но при всемъ этомъ онъ никогда не поступался своей свободой и сохранялъ всегда свѣтъ въ душѣ. Онъ никогда не заносился въ мечтахъ слишкомъ высоко, и ложное тщеславіе не портило его характера.

Она замолкла и взглянула на него серьезнымъ взглядомъ.

— Я не понимаю, чтò вы хотите этимъ сказать,—сказалъ Кеслеръ.

— То, что и я не заношусь слишкомъ высоко, и хотѣла бы сохранить внутреннее равновѣсіе. Я боюсь, когда вы начинаете произносить громкія слова. Я вѣрю вамъ,—прибавила она, замѣтивъ огорченный взглядъ Кеслера, — но я боюсь утратить внутреннюю свободу.

Онъ взялъ ея руку и крѣпко сжалъ ее.

— Ваши родители знаютъ, гдѣ вы сегодня вечеромъ?—спросилъ онъ.

— Да,—просто отвѣтила она.

— И они ничего не имѣли противъ этого?

— Они знаютъ, что у меня сильная воля, и предоставляютъ мнѣ полную свободу.

— Мнѣ ваши родители понравились съ перваго взгляда— въ особенности отецъ. Выпьемъ же за ихъ здоровье.

Онъ снова налилъ ей полный стаканъ.

— Вы не знаете,— заговорилъ онъ снова взволнованнымъ голосомъ,—до чего я жаждалъ встрѣтить человѣка, съ которымъ я могъ бы быть вполнѣ откровеннымъ. Въ васъ осуществилась моя мечта. Съ перваго часа нашей встрѣчи я зналъ, что вы будете мнѣ другомъ. Будьте же добры ко мнѣ! Мнѣ нужна— слышите—мнѣ нужна ваша доброта!

— Развѣ я не добра съ вами?

— Вы слишкомъ замкнуты. Вы не хотите, чтобы я былъ силенъ и счастливъ. Вѣдь только вы можете дать мнѣ счастье и силу. Во мнѣ выросла бы безграничная вѣра въ свои силы,

если бы я зналъ, что вы мнѣ безусловно вѣрите. Развѣ съ моей стороны дурно, что я ищу душу, которая дополняла бы мою? И что, найдя эту душу, я не хочу утратить ее? Въ васъ есть что-то устойчивое, внушающее полное довѣріе,—что-то непоколебимо сильное.

— Нѣтъ, — отвѣтила она, — я только упряма и самонадѣянна.

— Вы такая, какой вы быть должны.—Онъ снова взялъ стаканъ и, поднося его къ губамъ, сказалъ:—Я пью за нашу любовь;—вѣдь вы хоть немного любите меня?

— Да, я васъ люблю,—отвѣтила она и густо покраснѣла; ея темные глаза казались въ эту минуту еще болѣе глубокими.

— Милая,—сказалъ онъ, понизивъ голосъ,—я хотѣлъ бы всегда глядѣть на тебя, на твои тонкія брови, твой лобъ, твой ротъ...

Она наклонилась къ нему безъ воли и безъ сопротивленія, и когда онъ поцѣловалъ ее, закрыла глаза. Онъ снова прижалъ ее къ сердцу, и она опять подчинилась ему безъ протеста.

— Завтра я буду у твоихъ родителей,—сказалъ онъ, какъ бы опьяненный счастьемъ. Она обѣими руками отстранила его.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не хочу!—воскликнула она съ такой грустью, что онъ испугался.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—успокойся. Я поступлю, какъ ты захочешь,—пойду только по твоему желанію.

— Отпусти меня домой!—попросила она.

— Останься еще немного!—упрашивалъ онъ ее.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ вечеръ никогда не кончился; мнѣ такъ много нужно тебѣ разсказать.

Она молча кивнула головой, и онъ началъ разсказывать о своихъ планахъ на будущее. Подъ вліяніемъ охватившаго его глубокаго чувства онъ сталъ очень краснорѣчивъ. Онъ описалъ ей будущій театръ до послѣднихъ мелочей. Она какъ бы видѣла передъ собой воочію прекрасный фасадъ зданія, мраморную лѣстницу въ вестибюлѣ, вертящуюся сцену со всѣми новѣйшими приспособленіями, видѣла ярко освѣщенную зрительную залу съ поразительнымъ потолкомъ, великолѣпными ложами и креслами. Потомъ передъ нею открылся роскошный фойé, въ которомъ публика расхаживала во время антрактовъ, не переставая восторгаться красотой театра.

Она слушала его съ тихой радостью, и глаза ея расширялись.

— Я больше всего люблю тебя, — нѣжно сказала она, — когда ты говоришь о своей работѣ.

— Ты не можешь себѣ представить, — продолжалъ онъ, — какъ ужасно, когда нѣтъ возможности примѣнять свое умѣнье, когда въ головѣ тѣснятся планы, изъ которыхъ ни одинъ нельзя осуществить. Это хуже чѣмъ голодъ. Начинается ожесточенность, которая лишаетъ всякой силы духа и ведетъ къ полной безнадежности.

— Я это вполнѣ понимаю, — возразила она. — Но подумай, все-таки твое положеніе лучше, чѣмъ множества другихъ, которые, кромѣ духовнаго голода, испытываютъ и тѣлесный, и должны всѣми силами бороться за простой кусокъ хлѣба. Ужаснѣе этого все-таки ничего не можетъ быть.

— Не думай, — сказалъ онъ, — что я не испыталъ и этого. Какъ часто я ложился въ постель съ пустымъ желудкомъ!.. Я въ такихъ случаяхъ старался скорѣе уснуть, чтобы не чувствовать голода. Но это меня не смущало. Несчастнымъ я чувствовалъ себя только тогда, когда у меня не было чистаго воротника. Голодать приходится всякому художнику, и тужить объ этомъ не стоитъ. Но моей всегдашней заботой было скрывать свою бѣдность отъ другихъ. Еще не такъ давно мой обѣдъ и мой ужинъ состояли только изъ сухой булки, и объ этомъ никто не зналъ. По моему внѣшнему виду можно было подумать, что я живу совершенно беззаботно. За нѣсколько часовъ до того, какъ я тебя встрѣтилъ, въ моей жизни свершился поворотъ. У меня оставалось въ карманѣ всего нѣсколько грошей — и не было никакихъ видовъ на будущее.

— Какъ же это возможно? — растерянно спросила она. — Я ничего не понимаю. Лобъ ея нахмурился, и глаза приняли испуганный, растерянный видъ.

— Ну, да, — сказалъ онъ, — я знаю, о чемъ ты ломаешь себѣ голову. — Онъ громко и весело разсмѣялся. — Тебѣ непонятно, какъ можно голодать и разъѣзжать въ коляскѣ? Вѣдь это тебя смущаетъ, — я угадалъ?

— Да, — беззвучно отвѣтила она.

— Ну, вотъ видишь, какъ я угадываю твои мысли. А между тѣмъ все это вполнѣ объяснимо. Вотъ послушай: въ тотъ вечеръ у меня дѣйствительно было въ карманѣ всего нѣсколько грошей. И вдругъ я случайно встрѣтилъ друга, котораго не видѣлъ цѣлые годы. Онъ очень славный малый — и навязалъ мнѣ, безъ малѣйшей просьбы съ моей стороны, нѣсколько сотъ марокъ. Когда я разстался съ нимъ, я встрѣтилъ тебя у дверей

аптеки. На слѣдующій день я уже ѣздилъ въ коляскѣ, и чуть-чуть не нанялъ себѣ лакея. Но не смотри на меня такъ испуганно,—все имѣетъ свое объясненіе. Жизнь заставляетъ людей играть роли въ комедіяхъ, и нужно исполнять эти роли, если не хочешь, чтобы тебя затерли. Пойми меня, дорогая, бѣдняку никто не поручитъ строить—въ его сторону никто и не взглянетъ. Какъ бы онъ ни былъ талантливъ, а ему дадутъ умереть съ голоду. Для того, чтобы строить, какъ и для того, чтобы вести войну, нужны деньги,—и никакой предприниматель не будетъ вести дѣлъ съ бѣднякомъ. Если всѣмъ этимъ негодяямъ не пустить пыль въ глаза, они отнесутся къ тебѣ съ полнымъ презрѣніемъ. Ты не можешь себѣ представить, какія услуги мнѣ оказала эта коляска. Но что съ тобой? Почему ты такъ странно на меня смотришь? — спросилъ онъ, прерывая потокъ своихъ рѣчей.

— Какъ можно пользоваться такими средствами?—спросила она почти съ ужасомъ.

Его смутило выраженіе ея лица.

— Ты разочарована, узнавъ, что я не богатъ?

Она тихо выдернула изъ его руки свою.

— Будь ты совершенно бѣденъ, мнѣ бы это было все равно,—сказала она.—Но я требую правдивости.

— Не считай меня лжецомъ. Это вѣдь только маленькія хитрости, допустимыя на войнѣ; когда наступитъ миръ, можно будетъ снова быть честнымъ и правдивымъ. Повѣрь, — наступитъ время, когда мнѣ не придется пользоваться такими средствами.

Она слегка отвернула отъ него голову и молчала.

— Скажи, что ты думаешь теперь обо мнѣ? — спросилъ онъ.—Пожалуйста, скажи.

— Мнѣ жаль тебя,—отвѣтила она, снова повернувшись къ нему.—Какъ много ты, вѣроятно, страдалъ, если рѣшился прибѣгнуть къ такимъ отчаяннымъ средствамъ!

— Неужели то, что я дѣлалъ, такъ ужасно? — съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Тебѣ непріятенъ нечистый воротникъ,—отвѣтила она,—какъ же тебя не стѣсняетъ нечистый поступокъ?

— Я очутился въ неравномъ бою — и не хочу погибнуть въ немъ. Я стремлюсь въ высь, и ты должна помочь мнѣ подняться.

— Съ радостью, еслибы это было въ моихъ силахъ.

Они медленно поднялись и вышли. Она взяла его подъ-руку

и крѣпко оперлась на него. Такъ они шли, вдыхая мягкій весенній воздухъ. Они прошли „Подъ-Липами", черезъ Бранденбургскія ворота, черезъ пустынный въ этотъ поздній часъ „Тиргартенъ". Весенній воздухъ проникалъ имъ въ душу. И въ этотъ часъ у него было одно только желаніе—быть достойнымъ ея чистой души. Всѣ его честолюбивые желанія и планы тонули въ охватившемъ его чувствѣ любви...

Черезъ нѣсколько дней въ берлинскихъ газетахъ появились замѣтки о томъ, что въ фешенебельной западной части города предпринята постройка новаго театра, что составилось общество капиталистовъ, которые поддерживаютъ предпріятіе. Такъ какъ никакихъ именъ при этомъ не было названо, то газеты сопровождали это извѣщеніе разными комментаріями и обсуждали вопросъ, нуженъ ли вообще еще одинъ театръ. Въ тотъ же день газетамъ было сообщено, что постройка театра поручена Фридриху Кеслеру, „одному изъ самыхъ талантливыхъ берлинскихъ молодыхъ архитекторовъ". Къ этому было прибавлено, что въ зданіи новаго театра будетъ культивироваться новая драма, и что театръ будетъ выстроенъ въ теченіе одного года. Авторомъ всѣхъ этихъ сообщеній былъ не кто иной, какъ Штейнеръ.

— Прежде всего,—сказалъ онъ Кеслеру,—мы должны заинтересовать весь Берлинъ нашимъ театромъ. Только тогда мы найдемъ людей, которые согласятся быть участниками нашего предпріятія. Нужно шумѣть... какъ можно больше шумѣть! — прибавилъ онъ. — Я, какъ бывшій журналистъ, знаю, какъ это дѣлается. Вотъ увидите, какъ люди будутъ попадаться на нашу удочку.

Съ невообразимой затратой энергіи Кеслеру и Штейнеру удалось, наконецъ, начать постройку; на мѣстѣ будущаго театра начали работать человѣкъ шесть-семь рабочихъ. Начались раскопки. Весь плацъ обведенъ былъ заборомъ, на которомъ написано было гигантскими буквами: „Шекспировскій театръ".

— Главное, нужно найти внушительное названіе,—сказалъ Штейнеръ. — „Шекспировскій театръ" звучитъ очень хорошо.

Произнося торжественнымъ тономъ: „Шекспировскій театръ", Штейнеръ выпрямился; его тщедушная фигурка точно выросла, а озабоченное, все покрытое морщинами лицо сіяло. Кеслеръ съ удивленіемъ поглядѣлъ на него сбоку. Этотъ человѣкъ казался ему какимъ-то трагикомичнымъ существомъ, и все-же въ немъ было нѣчто, останавливающее всякую насмѣшку.

— По поводу этого названія можно написать великолѣпный прологъ... я его напишу, вотъ увидите. Шекспировскій театръ!

Это звучитъ какъ мелодія, идущая изъ глуби вѣковъ, — прибавилъ онъ въ упоеніи. — Всѣ мы чувствуемъ, что Библія и Шекспиръ внутренно объединены. Это два источника, изъ которыхъ человѣчество утоляло свою духовную жажду.

Не видя сочувствія на лицѣ Кеслера, котораго нѣсколько пугало это словообиліе, онъ сострадательно улыбнулся. Въ эту минуту ему казалось, что онъ стоитъ неизмѣримо выше архитектора Кеслера.

— Вы, строители, теряете изъ виду общую идею,—сказалъ онъ съ легкой ироніей. — Вы видите только камни, глину и стѣны... но камни, глина и стѣны—только матерія, а что̀ такое матерія безъ духа?

Кеслеръ искренно обезпокоился. Ему нужно было содѣйствіе трезваго, дѣлового человѣка, который бы оглядѣлъ холоднымъ взглядомъ людей и обстоятельства, а Штейнеръ оказался идеологомъ и мечтателемъ. Его рѣчи и увлеченіе, его восторженные жесты,—все это положительно напоминало Фрейтага.

Штейнеръ прервалъ его раздумье, и Кеслеръ былъ снова пораженъ его умѣньемъ читать въ мысляхъ.

— Не тревожьтесь,—сказалъ Штейнеръ,—я съ ума не спятилъ... А названіемъ „Шекспировскій театръ" я все-таки горжусь; оно очень внушительно и принесетъ намъ удачу.

— Да что̀ теперь думать о названіи,—отвѣтилъ Кеслеръ съ легкимъ раздраженіемъ, — когда мы пока даже не знаемъ, откуда взять въ ближайшую субботу двѣсти марокъ, чтобы расплатиться съ рабочими!

— Неужели вы все еще сомнѣваетесь въ нашемъ театрѣ?

— Я ни на минуту не сомнѣваюсь, но именно поэтому и считаю вдвойнѣ необходимымъ сосредоточить все наше вниманіе на реальной сторонѣ дѣла. Матеріальная поддержка для насъ теперь важнѣе духовной. Когда мы возведемъ крышу, тогда проповѣдуйте сколько угодно.

— Я не буду тормозить дѣло,—возразилъ Штейнеръ,— такъ какъ принадлежу къ людямъ, которые не только говорятъ, но и дѣйствуютъ. А до субботы я достану столько денегъ, что на первое время, по крайней мѣрѣ, намъ нечего будетъ безпокоиться.

— Любопытно, какъ это вы устроите.

— Вѣдь до сихъ поръ я выручалъ васъ—и дальше будетъ то же самое. Кстати,—я нашелъ для васъ квартиру на Французской улицѣ, очень хорошо обставленную, производящую аристократическое впечатлѣніе.

— Цѣной въ четыре тысячи марокъ?

— За семь великолѣпно обставленныхъ комнатъ это очень дешево... Вѣдь нельзя же вамъ жить попрежнему въ меблированныхъ комнатахъ? Архитекторъ Фридрихъ Кеслеръ, строитель самаго большого и самаго красиваго театра на свѣтѣ, долженъ жить въ подобающей обстановкѣ. И кромѣ того, ваше бюро должно непремѣнно находиться въ центрѣ города.

— А для себя вы уже подыскали помѣщеніе?

— Да. И представьте себѣ гдѣ: въ непосредственномъ сосѣдствѣ театра. Три хорошенькія комнаты съ очаровательнымъ видомъ на...

Онъ сдѣлалъ короткую паузу для бо̀льшаго эффекта и взглянулъ на Кеслера очень таинственно.

— Ну, что̀ же?—спросилъ Кеслеръ.—Почему вы не договариваете?

— На нашу постройку,—закончилъ Штейнеръ и продолжалъ съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ:—Я долго искалъ, пока не напалъ на подходящую квартиру. Другой бы я не взялъ. Я вѣдь не могу жить теперь вдали отъ нашего театра. А тутъ я могу, когда угодно, во всякій часъ дня и ночи, имѣть передъ глазами театръ—сто̀итъ только выйти на балконъ. Если бы вы знали, какъ это для меня дорого! Теперь наступаетъ для меня самое счастливое время жизни,—медленно закончилъ онъ. — Я буду смотрѣть, какъ будутъ класть камень на камень...

— Еслибы у насъ уже были эти камни!—возразилъ Кеслеръ съ комическимъ вздохомъ.—Впрочемъ, я вамъ завидую. Я бы тоже хотѣлъ имѣть въ своемъ распоряженіи вашъ балконъ. Вѣдь и мои мысли тоже заняты исключительно театромъ.

— Квартира принадлежитъ вамъ такъ же, какъ и мнѣ, и я надѣюсь, что вы часто будете посѣщать меня.

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь. Намъ вѣдь придется многое обсуждать вмѣстѣ, и нужно будетъ часто видѣться.

Наступило молчаніе. Кеслеръ и Штейнеръ заняты были каждый своими мыслями.

— Знаете, Штейнеръ, вѣдь я пущу себѣ пулю въ лобъ,—сказалъ Кеслеръ,—если дѣло не выгоритъ.

— Я это знаю,—твердымъ голосомъ отвѣтилъ Штейнеръ, и пристально поглядѣлъ на архитектора.

— И вы говорите объ этомъ такъ спокойно?

— Да, я говорю объ этомъ спокойно, потому что немедленно послѣдую вашему примѣру. Вѣдь и мнѣ тогда ничего не останется, кромѣ пули въ лобъ.

Кеслеръ положилъ обѣ руки на плечо Штейнера.

— И мысль о возможности такого конца васъ не пугаетъ?

— Я твердо убѣжденъ, что мы побѣдимъ.

— А если не побѣдимъ?..

— То жизнь для меня проиграна и не имѣетъ цѣны. Но мы побѣдимъ!

— Браво! —Кеслеръ крѣпко пожалъ ему руку.

— А теперь,—сказалъ Штейнеръ,—я скажу вамъ по секрету, чѣмъ я открою вашъ театръ...

И, не взирая на громкій смѣхъ Кеслера, онъ невозмутимо продолжалъ:

— Я открою театръ „Сномъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира... Да, „Сномъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира! — повторилъ онъ съ бѣшенствомъ, видя, что Кеслеръ продолжаетъ хохотать.

— Вы—самый поразительный чудакъ, какого я когда-либо встрѣчалъ.

Штейнеръ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

— Считаю это комплиментомъ. Только чудаки, только тѣ, у кого здѣсь — онъ указалъ на лобъ — не все въ порядкѣ, двигали духовную жизнь человѣчества. А благоразумные люди...

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

XV.

Кеслеръ и Штейнеръ сдѣлались неразлучны и проводили значительную часть дня у обнесеннаго дощатымъ заборомъ строящагося театра, набираясь энергіи созерцаніемъ огромныхъ буквъ вывѣски, подслушивая разговоры прохожихъ. Они проходили туда и по вечерамъ, строя планы и мечтая о будущихъ успѣхахъ, о счастливой жизни, которая начнется, когда театръ будетъ наконецъ выстроенъ. Иногда къ нимъ присоединялся Фрейтагъ; онъ возобновилъ свои вечернія прогулки верхомъ, и цѣлью ихъ было теперь почти всегда мѣсто постройки. Встрѣчая Кеслера и Штейнера, онъ всегда освѣдомлялся о ходѣ работъ и о томъ, какъ обстоятъ дѣла съ его наслѣдствомъ. Когда онъ наконецъ уѣзжалъ, получивъ неопредѣленные отвѣты, Кеслеръ долго еще говорилъ съ Штейнеромъ о человѣкѣ, слѣпо вѣрующемъ въ какіе-то проблематическіе милліоны.

— Въ сущности и мы такіе же фантазеры, какъ онъ,—сказалъ онъ однажды.—Мы вѣримъ въ нашъ театръ безъ всякихъ

вѣрныхъ основаній. Вѣдь ничего опредѣленнаго нѣтъ у насъ, и развѣ мы можемъ быть увѣрены хотя бы другъ въ другѣ?

— Чтò вы хотите этимъ сказать?—съ тревогой спросилъ Штейнеръ.—Мы непремѣнно должны полагаться другъ на друга. Безъ взаимнаго довѣрія у насъ ничего не выйдетъ... и тому же будетъ хуже, кто обманетъ.

— Да развѣ намъ къ лицу осуждать обманъ?—сказалъ Кеслеръ съ презрительной улыбкой, испугавшей Штейнера.— Вѣдь мы, говоря между нами, поступаемъ съ другими довольно безсовѣстно и легкомысленно.

— Я это рѣшительно оспариваю. Нами руководитъ нѣчто высшее,—вѣра въ наше дѣло. Мы увѣрены въ удачѣ, знаемъ, что никто изъ-за насъ не потеряетъ ни гроша, и потому можемъ не стѣсняться выборомъ средствъ для достиженія цѣли. Но во всякомъ случаѣ мы должны не измѣнять другъ другу. Я отдалъ себя въ ваши руки, и надѣюсь, что былъ правъ, довѣрившись вамъ вполнѣ.

— Конечно,—отвѣтилъ Кеслеръ, и пожалъ ему руку. Но у Штейнера осталось въ душѣ безпокойное чувство; онъ рѣшилъ зорко слѣдить за Кеслеромъ, чтобы научиться управлять имъ незамѣтно для него самого.

— О чемъ вы задумались?—прервалъ его мысли Кеслеръ.

— Я не знаю, откуда достать теперь денегъ,—отвѣтилъ Штейнеръ, скрывая истинную причину охватившаго его безпокойства.—Нужно непремѣнно продолжать работы, а то это пагубно отзовется на нашемъ кредитѣ,—а денегъ для уплаты рабочимъ у меня нѣтъ.

Кеслеръ холодно выслушалъ его жалобы.—Это меня не касается,—сказалъ онъ.—Деньги вы должны раздобыть. Намъ нуженъ кирпичъ для постройки;—достаньте въ долгъ, дѣлайте чтò хотите,—я предоставляю вашей изобрѣтательности найти средства, и требую только, чтобы былъ кирпичъ.

— Деньги-то я могу достать, но на страшныхъ условіяхъ. Мнѣ предлагаютъ сто тысячъ марокъ... но уплатить за нихъ, быть можетъ, придется современемъ вдвое. Мало того, человѣкъ, который предлагаетъ мнѣ это дѣло, ставитъ еще одно условіе: чтобы вы купили домъ, имѣющійся у него гдѣ-то на окраинѣ, и заплатили въ качествѣ залога тридцать тысячъ изъ денегъ, которыя онъ вамъ дастъ.

— Да вѣдь это настоящій разбой! Кто этотъ безсовѣстный человѣкъ, который предлагаетъ такую комбинацію?

— Это одинъ изъ собственниковъ фирмы „Френцель и Машке

Френцель". На его условія придется, однако, согласиться, такъ какъ другого источника для денегъ я не знаю. Во всей этой исторіи только то хорошо, что вы становитесь собственникомъ дома. Это подниметъ вашъ кредитъ. Идемте же къ нему. Я обѣщалъ Френцелю, что мы сегодня, между двѣнадцатью и часомъ дня, зайдемъ къ нему въ бюро для переговоровъ.

— Значитъ, вы все покончили безъ меня?

— Ничуть. Напротивъ того, я говорилъ ему, что сомнѣваюсь въ вашемъ согласіи. Будьте и вы сдержанны. Если этотъ негодяй замѣтитъ, что онъ намъ нуженъ, онъ еще крѣпче затянетъ петлю.

— Славненькій же экземпляръ рода человѣческаго вы выискали! Не отправитесь ли вы говорить съ нимъ безъ меня? Я не жажду его знакомства.

— Это очень опасный субъектъ, но вы должны пойти къ нему сами. Мнѣ одному онъ ни гроша не дастъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы поговорить лично съ вами.

Въ назначенное время они явились въ бюро Френцеля. Сидя въ кабинетѣ темнаго дѣльца—очень корректнаго, изящнаго господина по внѣшнему виду,—Кеслеръ обнаружилъ такую твердость и спокойствіе, такую дѣловую снаровку, что Штейнеру сдѣлалось жутко. Въ этомъ человѣкѣ, котораго онъ постоянно упрекалъ за излишнюю совѣстливость, неожиданно проявился безпощадный дѣлецъ, который очевидно ни передъ чѣмъ не остановился бы для того, чтобы обдѣлать нужное дѣло. Штейнеру сдѣлалось боязно за свою участь въ будущемъ.

Френцель попробовалъ сначала пуститься на хитрость, притвориться, что дѣло, по которому явились Кеслеръ и Штейнеръ, его мало интересуетъ, но Кеслеръ сразу осадилъ его холоднымъ видомъ, съ которымъ онъ тотчасъ же поднялся, чтобы уйти. Френцель, конечно, не отпустилъ его, такъ какъ былъ чрезвычайно заинтересованъ въ выгодной мошеннической сдѣлкѣ съ архитекторомъ. Начались переговоры объ условіяхъ займа, и Кеслеръ очень рѣшительно отказался платить требуемую Френцелемъ сумму за его домъ. Онъ назначилъ свою цѣну, болѣе низкую, и съ нея не сходилъ; по существу вся эта сдѣлка казалась ему фантастической, и ему было все равно, сколько быть должнымъ Френцелю, въ виду полной пока невозможности выполнять какія бы то ни было денежныя обязательства. Но онъ хотѣлъ воздѣйствовать на Френцеля, произвести на него впечатлѣніе серьезнаго дѣльца. Френцель торговался, цинично заявляя, что онъ не скрываетъ желанія заработать по возможности больше;

но апломбъ Кеслера произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Въ концѣ концовъ дѣло было улажено, цѣна на домъ установлена послѣ уступокъ съ той и другой стороны, и заключеніе купчей на домъ назначено было на слѣдующій же день; а сто тысячъ марокъ Френцель предоставилъ Штейнеру, какъ довѣренному лицу Кеслера, взять—когда ему угодно. Въ эту комбинацію входила также устроенная Френцелемъ дешевая покупка кирпича для постройки. Кирпичъ предложенъ былъ поставщикомъ для какой-то обанкротившейся фирмы. Поставка осталась на рукахъ у купца, и онъ готовъ былъ сбыть ее за четверть цѣны; часть этой уступки Френцель учелъ въ свою пользу. Но и тутъ, барахтаясь въ лапахъ безсовѣстнаго ростовщика и подчиняясь всѣмъ его условіямъ, хотя и принимая гордый, независимый видъ, Кеслеръ удивилъ опять Штейнера своимъ желѣзнымъ самообладаніемъ и умѣньемъ ослѣплять людей своей авторитетностью. Скрывая свою радость отъ возможности такъ дешево пріобрѣсти кирпичъ, Кеслеръ сталъ скептически осматривать предложенный поставщикомъ товаръ, взвѣшивать его и дѣлать замѣчанія о его легковѣсности. Напрасно купецъ увѣрялъ его въ доброкачественности кирпича; Кеслеръ говорилъ, что чувствуетъ на себѣ слишкомъ большую отвѣтственность, какъ строитель общественнаго зданія, и не можетъ легкомысленно отнестись къ качеству строительнаго матеріала. Онъ нѣсколько разъ повторялъ, что охотнѣе всего отказался бы отъ покупки, такъ какъ не нравится ему этотъ кирпичъ, да и только. Эта строгость напугала не только купца, но и Штейнера; онъ не могъ придти въ себя отъ самообладанія и выдержанности Кеслера, вспоминая, какъ оба они, еще за нѣсколько часовъ до того, были въ отчаяніи отъ невозможности продолжать постройку за неимѣніемъ матеріала. Результатомъ этого маневра было то, что запуганный Кеслеромъ купецъ согласился не только продать кирпичъ за баснословно дешевую цѣну, но и отдалъ свой товаръ въ кредитъ: Кеслеръ сказалъ ему, что „принципіально“ не уплачиваетъ наличными никому изъ участниковъ въ его предпріятіи, считая систему кредита болѣе выгодной для обѣихъ сторонъ. Когда зданіе будетъ готово, онъ сможетъ имѣть деньги, платя вдвое дешевле за нихъ, и арендную плату за театръ можно будетъ назначить меньшую; дѣло сразу станетъ на солидную ногу и всѣ кредиторы будутъ заинтересованы въ прибыляхъ. Купецъ былъ побѣжденъ его доводами и согласился поставить тотчасъ же кирпичъ на мѣсто постройки, не получивъ даже задатка. Дѣло было сдѣлано—возможность начать строить обез-

печена. Безумная мечта архитектора начинала осуществляться — не стоя ему пока ни гроша денегъ.

Распрощавшись съ поставщикомъ послѣ осмотра кирпича на его баржахъ, Кеслеръ и Штейнеръ пошли вмѣстѣ вдоль берега. Штейнеръ разразился громкимъ хохотомъ.

— Вы положительно геніальны!—воскликнулъ онъ.—Такого самообладанія и такой дерзости я въ жизни не видалъ!

— Благодарю васъ за комплиментъ,—сказалъ Кеслеръ довольно сухо,—но я долженъ васъ попросить не ставить меня другой разъ въ такое непріятное положеніе, какъ сегодня. Среди моихъ переговоровъ съ Френцелемъ вы заявили, что у насъ есть еще одно предложеніе денегъ. Мнѣ пришлось поддержать васъ и выдумывать ложь. Прошу васъ не устраивать мнѣ въ другой разъ подобныхъ шутокъ—я привыкъ ходить по прямому пути.

Штейнеръ даже ничего не отвѣтилъ Кеслеру—эта наглость переходила, по его мнѣнію, всѣ границы.

Кеслеръ приподнялъ шляпу.—Я долженъ проститься съ вами,—сказалъ онъ,—мнѣ нужно зайти еще въ одно мѣсто.

Оставшись одинъ, Кеслеръ сдѣлалъ недовольное лицо. Онъ самъ былъ пораженъ своимъ поведеніемъ за послѣдніе нѣсколько часовъ. „Что со мной сталось?—подумалъ онъ.—Могъ ли я предположить, что научусь такъ лгать и притворяться? Еще нѣсколько дней тому назадъ, я бы не допустилъ возможности этого—а теперь... Я отдаюсь волѣ вѣтра и теряю всякій контроль надъ собой“.

Онъ шелъ, погруженный въ мысли и снова стараясь успокоить свою проснувшуюся совѣсть, какъ вдругъ его вывелъ изъ раздумья чей-то окликъ. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ Дренквица, который быстро шелъ ему навстрѣчу.

— Что это ты совсѣмъ не показываешься?—спросилъ его Дренквицъ, крѣпко сжимая его руку.—Я тебя не видѣлъ цѣлую вѣчность. А ты за это время прославился. Нельзя взять газету въ руки, чтобы не встрѣтить твоего имени... Сегодня за утреннимъ кофе я съ гордостью думалъ о томъ, что ты—мой другъ.

— Не понимаю, о чемъ ты говоришь.

— Какъ?—спросилъ Дренквицъ:—ты не видѣлъ своего портрета сегодня?—Онъ вынулъ изъ кармана нумеръ газеты и показалъ Кеслеру.—Развѣ тебѣ не прислали?

— Можетъ быть, и прислали, но я слишкомъ занятъ, чтобы читать газеты. И меня этого рода слава не прельщаетъ. Ее дѣлишь со слишкомъ большимъ количествомъ людей.

— Да,—и портреты преступниковъ помѣщаются въ газетахъ.

— А неужели ты думаешь, что есть граница между геніальностью и преступностью? Ваша судейская точка зрѣнія на это вѣдь совершенно не убѣдительна. Я не признаю отвѣтственности за поступки и вовсе не думаю, что нужно быть уравновѣшеннымъ во всѣхъ начинаніяхъ. Люди, у которыхъ есть высокія цѣли, не должны тормозить себѣ путь критическимъ отношеніемъ къ средствамъ...

— Поздравляю тебя съ такими удобными принципами... Это, однако, въ тебѣ ново. Да ты вообще измѣнился. Не нравится мнѣ твой видъ. У тебя есть непріятности, что-ли?

— Нѣтъ. Теперь мнѣ какъ разъ повезло, я обезпеченъ деньгами и могу начать строить. А сегодня вотъ и еще одна удача—встрѣча съ тобой. Мы такъ давно не видѣлись.

— Я видѣлъ тебя нѣсколько дней тому назадъ, но не хотѣлъ подойти—ты былъ съ дамой. А я вѣдь не зналъ, что ты сталъ любить дамское общество. Она была, впрочемъ, очень недурна.

— Не говори о ней легкимъ тономъ. Она—мой другъ.

— Прости. Я не зналъ... А все-таки, почему ты никогда не заглянешь ко мнѣ?—спросилъ онъ, мѣняя разговоръ.

— Я такъ заваленъ дѣлами. У меня ни минуты нѣтъ свободной. Нужно торопиться постройкой. Театръ долженъ быть готовъ къ опредѣленному сроку, иначе погибнутъ сотни тысячъ, не говоря о томъ, что я не смогу тогда оправдать свои обязательства.

— Нужно брать на себя только такія обязательства, которыя можешь исполнить.

— Какой ты педантъ, Дренквицъ! Ты не понимаешь, что люди могутъ руководствоваться иными принципами, нежели ты. Это твое главное заблужденіе. И ты такъ настаиваешь на своемъ пониманіи, что мнѣ всегда слышится въ твоихъ словахъ странный тонъ... какіе-то намеки... скрытыя предостереженія, даже угрозы. Скажи откровенно, что̀ ты обо мнѣ думаешь?

Прокуроръ снялъ пенснэ и пристально взглянулъ на Кеслера своими близорукими глазами.

— Я тебѣ другъ,—сказалъ онъ.—На это ты можешь положиться. А теперь я тороплюсь. До свиданія, Кеслеръ!

XVI.

Грета Андерсъ въ первый разъ пришла въ новую квартиру Кеслера. Онъ долго упрашивалъ ее, прежде чѣмъ она согласилась придти туда. Она колебалась не изъ буржуазной робости; но она знала, что ей будетъ не по себѣ въ этой слишкомъ роскошной обстановкѣ, и потому не рѣшалась придти. Первое впечатлѣніе дѣйствительно оказалось непріятнымъ. Кеслеръ еще не пришелъ домой, а вмѣсто него вскорѣ послѣ ея прихода явился Фрейтагъ, и въ ожиданіи хозяина сталъ изливать передъ Гретой свое горе, жаловаться на судьбу, говорить о своихъ потерянныхъ милліонахъ и высказывать сомнѣнія въ Кеслерѣ и особенно въ его фактотумѣ—Штейнерѣ.—Какъ по вашему,—вдругъ спросилъ онъ Грету:—архитекторъ Кеслеръ не преступникъ?... Нѣтъ, нѣтъ, это я такъ себѣ сказалъ,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что она поблѣднѣла.—Не принимайте это такъ трагично. Я вѣдь безконечно довѣряю ему.

Грета видѣла, что передъ нею не совсѣмъ нормальный человѣкъ, но его зловѣщія карканія пугали ее. Ей показалось дурнымъ знакомъ встрѣча съ Фрейтагомъ въ первый разъ, какъ она вошла въ квартиру своего друга. Она была рада, когда Фрейтагъ, не дождавшись Кеслера, ушелъ, попросивъ ее сказать Кеслеру о его посѣщеніи и о томъ, что имъ необходимо видѣться и поговорить о его дѣлѣ—болѣе важномъ, чѣмъ постройка театра. Послѣ его ухода, Грета, совершенно подавленная разговоромъ съ нимъ, какъ предзнаменованіемъ какого-то несчастія, тоже уже собралась уходить. Но въ то время, какъ она надѣвала кофточку, отворилась входная дверь, и черезъ минуту въ комнату вошелъ Кеслеръ. Онъ съ крикомъ радости обнялъ ее и сталъ благодарить за то, что она пришла.

— Ты не представляешь себѣ, до чего ты мнѣ нужна!—говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Твой видъ успокаиваетъ меня. Я точно выхожу на свѣжій воздухъ изъ духоты, когда вижу тебя. Мнѣ иногда кажется, что я заблудился, что передъ моими глазами разстилается туманъ. Но сознаніе, что есть на свѣтѣ Грета Андерсъ и что она поддержитъ меня, спасаетъ меня отъ душевнаго смятенія.

Въ отвѣтъ на его взволнованныя слова Грета неожиданно разрыдалась.

— Мнѣ такъ больно видѣть,—сказала она ему сквозь слезы,

—что ты теряешь почву подъ ногами, перестаешь вѣрить въ себя и въ правоту своихъ дѣйствій... Это—самое ужасное.

— Ну, а если бы это даже было правдой, если бы я усомнился въ себѣ,—возразилъ онъ тихимъ голосомъ,—ты бы меня за это разлюбила?

— Нѣтъ. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Любя, не судишь, хорошъ ли человѣкъ, или дуренъ... Но мнѣ больно за тебя.

Его омрачившееся лицо прояснилось при ея словахъ.

— Пока ты меня любишь,—сказалъ онъ,—я не боюсь будущаго. Когда у человѣка высокая цѣль, онъ не долженъ останавливаться ни передъ какими средствами къ ея осуществленію,—даже передъ преступленіемъ... Но не пугайся,—прибавилъ онъ: —относительно преступленія я говорю не въ буквальномъ смыслѣ. Ни серебряныхъ ложекъ воровать, ни убивать кого-либо я не собираюсь... Ты осуждаешь меня?

Она обвила ему шею рукой и сказала тихимъ голосомъ:

— Повѣрь мнѣ, ты не можешь жить безъ уваженія къ себѣ, —ты не можешь отказаться отъ чувства долга.

— Да я этого и не хочу,—отвѣтилъ онъ.—Но я не только не хочу, я не могу остановиться теперь на полъ-пути и потерять все, что завоевалъ себѣ—и честь, и кредитъ. Я тоже боюсь каждаго шага, за который я не могъ бы взять на себя полную отвѣтственность; но когда борешься не за себя лично, а за осуществленіе своей идеи, то нельзя проводить точной границы между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Пойми это, дорогая, и не играй относительно меня роли судьи. Пойми, я нуждаюсь въ тебѣ не потому, что свершилъ какое-нибудь преступленіе, а потому, что мнѣ нуженъ человѣкъ, который меня вполнѣ понимаетъ и никогда не усомнится въ томъ, что по существу всѣ мои поступки истекаютъ изъ чистаго источника. А теперь оставимъ этотъ разговоръ, забудемъ о всякой печали. Я такъ счастливъ что ты у меня...

Онъ обнялъ ее за талію и сталъ ходить съ нею по комнатѣ.

— Тебѣ здѣсь нравится?—спросилъ онъ.

— Здѣсь слишкомъ красиво. Во всемъ, въ каждой мелочи виденъ твой тонкій художественный вкусъ, но все-таки...

Она не докончила фразы и опустила глаза.

— Я понялъ тебя,—сказалъ онъ съ легкой усмѣшкой.—Ты порицаешь меня за то, что я живу съ нѣкоторой роскошью, не имѣя на это средствъ, и только для того, чтобы пустить людямъ пыль въ глаза. Но это такъ просто объясняется, дорогая: я

долженъ принимать людей по дѣлу въ приличной обстановкѣ, иначе я лишусь кредита. Моя квартира—дѣловой расходъ... Не будемъ же говорить объ этомъ. Поцѣлуй меня, моя Грета!

Она исполнила его желаніе, какъ покорное дитя. Успокоенный ея кроткой ласковостью, онъ сталъ снова разсказывать ей о себѣ, говоря съ нею просто и искренно, какъ съ добрымъ товарищемъ.

— Мнѣ такъ легко съ тобой,—сказалъ онъ, разсказавъ обо всемъ, что̀ принесъ ему этотъ счастливый день.—Ты сразу довѣрилась мнѣ такъ смѣло, такъ свободно, и это меня покорило.

— Не считай меня лучшей, чѣмъ я въ дѣйствительности!—быстро возразила Грета.—Я самая обыкновенная натура, съ маленькими, скромными притязаніями къ жизни. Я тебя полюбила—вотъ вся причина того, что̀ ты называешь моей смѣлостью.

— Твоя смиренность—благородная простота строгихъ линій античной архитектуры. Твоя душа восхищаетъ меня, какъ художника-строителя.

— Какой ты фантазеръ! Меня, такую несложную, ты... но поговоримъ лучше о другомъ: о погодѣ, о цвѣтахъ, о модахъ—о чемъ хочешь, лишь бы не обо мнѣ.

— Напротивъ того,—только о тебѣ я и хочу говорить. У меня къ тебѣ большая просьба. Не пугайся, ничего страшнаго въ ней нѣтъ. Я хотѣлъ бы, чтобы ты оставила свое мѣсто въ магазинѣ. Я хочу, чтобы ты жила независимо отъ чужихъ.

Она удивленно поглядѣла на него.

— Зачѣмъ это тебѣ? Я не могу жить, не работая. И мнѣ было бы тяжело быть обузой для родителей.

— Я тебя объ этомъ молю. Ты вѣдь знаешь, что̀ меня тревожитъ—приставанія къ тебѣ этого итальянца. Я его видѣлъ одинъ только разъ, но замѣтилъ такое мстительное и дерзкое выраженіе въ его глазахъ, что мнѣ страшно. Мнѣ тяжело работать, зная, что вблизи тебя этотъ человѣкъ. Обѣщай мнѣ оставить мѣсто въ магазинѣ.

— Ты ошибаешься въ Каннелли. Онъ подчиняется моей волѣ и относится ко мнѣ съ полной почтительностью. Но чтобы исполнить твое желаніе, я уйду и поищу другого мѣста.

— Нѣтъ, я и этого не хочу. Не нужно, чтобы моя невѣста...

Она не дала ему договорить и сдѣлала отстраняющій жестъ рукой, а лицо ея сдѣлалось рѣзкимъ и испуганнымъ.

— Развѣ ты не моя невѣста?—спросилъ онъ, изумленный

этимъ выраженіемъ.—Неужели ты полагаешь, что я легкомысленно отношусь къ нашимъ чувствамъ?

— Нѣтъ,—сказала она, и лицо ея озарилось нѣжной улыбкой.—Но я тебя слишкомъ люблю, чтобы накладывать на тебя какія бы ни было обязательства. Пусть насъ связываетъ только свободное чувство,—съ той минуты, какъ я тебѣ не буду нужна, ты свободенъ.

Глаза его широко раскрылись отъ испуга.

— Я погибну, если утрачу тебя, Грета. Въ этомъ я убѣжденъ.

— Ты не знаешь, какъ сложатся обстоятельства въ будущемъ. Будемъ же счастливы, не налагая на себя никакихъ путъ. Я не тщеславна, не забочусь о людскихъ толкахъ и не хочу казаться бóльшимъ, чѣмъ я въ дѣйствительности.

— Ты удивительно тверда и немелочна.—Онъ взялъ ея голову въ обѣ руки и заглянулъ ей глубоко въ глаза.—Я читаю въ твоей душѣ,—сказалъ онъ,—и счастливъ, что нашелъ тебя, такую свѣтлую, такую сильную, такую чистую!

Тонъ его голоса проникалъ ей въ душу своей горячностью и искренностью. Они замолчали, и среди окружавшей ихъ тишины она отвѣчала на его нѣмые взгляды сіяющими глазами. Для нея теперь существовала въ мірѣ одна только воля, и ей она подчинялась радостно и свободно.

XVII.

Наступилъ день закладки театра. Штейнеръ разгласилъ объ этомъ событіи во всей прессѣ, разослалъ приглашенія всѣмъ выдающимся людямъ—писателямъ, журналистамъ, общественнымъ дѣятелямъ и извѣстнымъ въ городѣ богачамъ. Онъ приготовилъ для Кеслера очень высокопарно написанный актъ о закладкѣ театра. Архитекторъ прочелъ его громко и внушительно, прежде чѣмъ опустить въ землю. Изящная внѣшность Кеслера привлекла на его сторону всѣ симпатіи присутствовавшихъ, и всѣ признали въ никому еще невѣдомомъ вчера архитекторѣ геніальнаго строителя съ великой будущностью.

Френцель велъ себя такъ, точно этотъ новооткрытый геній—его созданіе, и выхваливалъ его передъ всѣми. Послѣ церемоніи закладки состоялся торжественный обѣдъ, на которомъ Штейнеръ произнесъ широковѣщательную рѣчь. Кеслеръ уже не удивлялся его шарлатанскому рекламированію ихъ дѣла, зная, что это не-

обходимо, и что нужно привлечь какъ можно больше пайщиковъ, хотя бы путемъ шарлатанскаго самохвальства. Кеслеръ самъ теперь дѣйствовалъ по этому рецепту, и не могъ поэтому упрекнуть въ чемъ бы то ни было своего энергичнаго помощника.

На обѣдѣ присутствовали также приглашенные Кеслеромъ старикъ Андерсъ и Фрейтагъ. Андерсъ подвыпилъ на радостяхъ— такъ какъ ему уже обѣщали мѣсто дирижера въ оркестрѣ „Шекспировскаго театра". Когда къ нему подошелъ Кеслеръ съ бокаломъ вина, чтобы чокнуться съ нимъ, старикъ сталъ вслухъ мечтать о блаженной минутѣ, когда онъ будетъ дирижировать увертюрою ко „Сну въ лѣтнюю ночь". На предложеніе Кеслера выпить „за то, что̀ намъ обоимъ дорого", онъ вдругъ принялъ серьезный видъ, отвелъ архитектора на минуту въ сторону и, смущаясь, взволнованно спросилъ его, дѣйствительно ли онъ хорошо относится къ его дочери. Честный, искренній взглядъ Кеслера въ отвѣтъ на его вопросъ успокоилъ его. Онъ сталъ извиняться въ томъ, что смогъ хоть на минуту усомниться въ немъ, и съ облегченнымъ сердцемъ выпилъ съ нимъ за здоровье Греты. Фрейтагъ былъ доволенъ обѣдомъ. Достоинства блюдъ и винъ успокаивали его относительно солидности предпріятія, но, залучивши на минуту Кеслера въ свою власть, онъ сталъ приставать къ нему насчетъ своего дѣла, и Кеслеръ едва спасся отъ него, надававъ по обыкновенію груду обѣщаній.

Но больше всего ликовалъ Штейнеръ. Онъ считалъ побѣду окончательно одержанной. Онъ былъ увѣренъ, что послѣ того, какъ газеты разнесутъ ихъ славу и распишутъ подробности закладки и обѣда, имъ не будетъ отбоя отъ денежныхъ предложеній. Онъ уже видѣлъ въ мечтахъ осуществленіе своего идеала, видѣлъ себя директоромъ большого театра, вершителемъ судебъ въ театральномъ мірѣ, человѣкомъ, въ которомъ всѣ заискиваютъ, представлялъ себѣ блескъ и роскошь жизни, мечталъ о постройкѣ маленькой виллы въ окрестностяхъ, гдѣ онъ будетъ принимать избранное общество,—словомъ, лелѣялъ золотыя мечты.

Замѣтивъ, что Френцель фамильярно положилъ руку на плечо Кеслеру, Штейнеръ поспѣшилъ подойти къ нимъ; онъ чувствовалъ, что, быть можетъ, придется выручать Кеслера—имѣть дѣло съ Френцелемъ всегда опасно. Когда онъ подошелъ къ нимъ, Френцель улыбался.

— Я только-что говорилъ господину архитектору,—сказалъ онъ, обращаясь къ Штейнеру, — что всегда готовъ служить вамъ какой угодно суммой денегъ. Кромѣ того, я хотѣлъ сказать вамъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Кеслеру,—что былъ

бы радъ, если бы вы оказали мнѣ честь и пожаловали ко мнѣ домой и не по дѣлу.

— Благодарю васъ. Не премину воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ.

Кеслеръ откланялся и, незамѣтно пробираясь между гостями, вышелъ изъ залы.

Его влекло подальше отъ празднества. Внизу его ждала коляска. Онъ вскочилъ въ нее и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе домой. Онъ откинулся на спинку коляски, закрылъ глаза, и всѣ его мысли направились къ Гретѣ Андерсъ.

Театръ выросталъ такъ быстро, какъ будто невидимыя силы помогали воздвигать его. Штейнеръ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у себя на балконѣ и слѣдилъ за работой, которая быстро подвигалась у него на глазахъ. Онъ наводнялъ газеты извѣстіями о новомъ театрѣ, подробностями будущей программы, и вмѣстѣ съ Кеслеромъ излагалъ на разныхъ собраніяхъ, въ разныхъ художественныхъ кружкахъ, идеи и планы своего предпріятія. Пропагандируя театръ, Кеслеръ и Штейнеръ въ перегонку врали, обѣщая какія-то чудеса въ устройствѣ и убранствѣ будущаго храма искусства. Они такъ убѣжденно говорили, что не только загипнотизированные слушатели, но и они сами начинали вѣрить въ то, что дѣйствительно театръ будетъ такимъ, какимъ они его изображаютъ въ видахъ рекламы. Кеслеръ былъ опьяненъ нахлынувшей на него волной счастья. Ему казалось истиннымъ чудомъ то, что театръ дѣйствительно воздвигается въ такихъ фантастическихъ условіяхъ, и теперь онъ думалъ только о томъ, чтобы, не жалѣя никакихъ тратъ, сдѣлать его дѣйствительно соотвѣтствующимъ своей мечтѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ живописцами и скульпторами, сообщая имъ свои замыслы и находя въ нихъ понимающихъ, воодушевленныхъ любовью къ красотѣ помощниковъ. Онъ мечталъ объединить всѣ искусства въ своемъ театрѣ и пересталъ испытывать какія-либо угрызенія совѣсти изъ-за средствъ, которыми пользовался для своихъ цѣлей. Что̀ бы ни случилось, какъ бы ни закончилась его личная судьба, какія бы катастрофы ни ожидали его лично, воздвигнутое имъ зданіе послужитъ ему оправданіемъ.

Грета Андерсъ безусловно ему вѣрила, и это было для него большой поддержкой. Когда онъ возвращался къ себѣ домой, уставшій, изнуренный работой и треволненіями, она встрѣчала его тамъ, являясь къ нему до его прихода, и создавала ему свѣтлую, мирную атмосферу свѣта и радости. Она такъ устроила свою жизнь, точно единственная ея цѣль — быть для него под-

державой и устроить его благополучіе. Она не говорила ему, какъ она устраиваетъ, чтобы имѣть возможность во всякое время уходить изъ дому и быть подлѣ него. Она теперь никогда ни въ чемъ его не упрекала, и ему было странно, до чего она измѣнилась. Прежде онъ зналъ ее какъ человѣка, сурово относящагося къ нравственнымъ обязанностямъ, а теперь вѣра въ него преисполнила ее какимъ-то особымъ легкомысліемъ истинно сильныхъ людей. Ему становилось страшно за свое слишкомъ безоблачное счастье, и онъ сталъ допрашивать ее о причинахъ перемѣны.

— Я не хочу быть твоимъ судьей,—отвѣтила она съ нѣжнымъ взглядомъ.—Оставайся такимъ, каковъ ты по натурѣ,—я не хочу ни исправлять, ни мѣнять въ тебѣ что-либо. Единственное счастье, которое даетъ любовь,—это то, что она своей вѣрой оправдываетъ отъ всякой вины — хотя бы даже отъ преступленія — душу любимаго человѣка.

— Не ожидалъ я отъ тебя такихъ широкихъ взглядовъ, — возразилъ Кеслеръ. — Но ты заходишь слишкомъ далеко. Есть вина, не оправдываемая любовью. Можно быть неправымъ относительно всѣхъ другихъ людей, но человѣку, который повѣрилъ тебѣ безгранично и былъ тебѣ всегда опорой, — этому человѣку нужно хранить вѣрность.

— А если нельзя оставаться вѣрнымъ ему? Если необходимо освободиться и отъ него?

— Я не могу себѣ представить, чтобы ты допускала свободу отношеній въ такихъ размѣрахъ, уничтожающихъ всякую отвѣтственность за поступки. Вѣдь это чистѣйшій анархизмъ.

— Нужно умѣть доходить до пониманія такой полной свободы, если дѣйствительно любишь человѣка...

— Теперь я понимаю, — сказалъ Кеслеръ съ улыбкой, въ которой чувствовалась нѣкоторая горечь.—Ты все это говоришь, имѣя въ виду меня. Неужели же ты считаешь меня такимъ безсовѣстнымъ существомъ?

Вмѣсто всякаго отвѣта, Грета обвила его шею руками и взглянула на него такими смѣющимися, счастливыми глазами, что онъ замолчалъ.

— Построить театръ—пустяки,—сказалъ онъ, помолчавъ, съ комическимъ вздохомъ.—Но для того, чтобы понять сердце женщины, нужно быть колдуномъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься,—возразила она.—Любящая женщина—самое несложное существо въ мірѣ. Она отдаетъ всѣ свои мысли и желанія тому, кого любитъ, — какъ я тебѣ: я такъ

счастлива, что ты тоже открываешь мнѣ всѣ свои мысли. Это вноситъ увѣренность и равенство въ наши отношенія.

— Да, я не могу себѣ представить малѣйшей тайны отъ тебя.

— И напрасно бы ты старался имѣть ее. Я вѣдь читаю въ твоей душѣ, какъ въ открытой книгѣ.

— Это очень опасно: значитъ, ты знаешь о моемъ безграничномъ легкомысліи и честолюбіи.

— Мнѣ и то, и другое въ тебѣ нравится...

— Скажи, Грета, мнѣ давно хочется тебя спросить, но я все не рѣшаюсь: какъ относятся у тебя дома къ нашей близости? Они знаютъ?

— Думаю, что знаютъ, хотя и не спрашиваютъ. Но почему ты объ этомъ спросилъ?

— Мнѣ кажется, что слѣдовало бы поговорить съ ними. Я много разъ хотѣлъ пойти къ нимъ, но ты противилась этому.

— Это дѣло, касающееся только насъ съ тобой. Я не хочу лишать тебя свободы. Родители мои примирятся со всѣмъ. Мать теперь немного печалится, иногда вытираетъ глаза передникомъ, но отецъ и я дѣлаемъ видъ, что не замѣчаемъ. А отецъ мой внутренно свободный человѣкъ. У него такіе же взгляды на условную мораль, какъ у меня... Что же касается меня, то я только знаю, что люблю тебя, и больше ничего не хочу знать...

Ихъ бесѣда оборвалась неожиданно раздавшимся звонкомъ. Кеслеръ неохотно пошелъ отворить и вернулся въ комнату вмѣстѣ съ Штейнеромъ.

— Что̀ васъ привело ко мнѣ въ такой поздній часъ? — не особенно любезно спросилъ Кеслеръ. — Навѣрное какая-нибудь непріятность.

— У меня важное дѣло, — отвѣтилъ Штейнеръ, учтиво поклонившись Гретѣ Андерсъ.

Грета поднялась, сказавъ, что ей непремѣнно нужно уйти на полчаса по дѣлу, и что она послѣ того еще зайдетъ. Кеслеръ не хотѣлъ ее отпускать, но, въ виду ея обѣщанія вернуться, согласился и пошелъ проводить ее въ переднюю.

— Что̀ случилось? — спросилъ онъ, вернувшись къ Штейнеру.

— Да дѣло въ томъ, что въ послѣдніе дни въ кассу являются люди съ вашими чеками на значительныя суммы...

— Ну да, я такъ и зналъ: если вы пришли, — значитъ, дѣло идетъ о деньгахъ. Оставьте вы меня въ покоѣ!.. Вѣдь вы взялись доставлять деньги, — чего же вы теперь на попятный? Я занятъ своимъ дѣломъ...

— Конечно, я обязался заботиться о деньгахъ, но если

ваши художники приходятъ брать по пяти и десяти тысячъ, то никакихъ средствъ не хватитъ.

— Вотъ какъ! Вы ничего не смыслите въ искусствѣ и не понимаете, что они творятъ перлы искусства и что это увеличитъ цѣнность театра.

— Возможно, но театръ—не художественная галерея и не музей,—можно поэтому удовлетвориться болѣе скромными украшеніями.

— Современный театръ долженъ быть соединеніемъ всѣхъ искусствъ,—я достаточно твердилъ объ этомъ на всякихъ собраніяхъ,—а теперь вы вдругъ заартачились!

— Мало ли что̀ говорится на собраніяхъ... а въ дѣйствительности нужно считаться съ имѣющимися средствами. Я выдалъ груду векселей. Сроки платежей приближаются, и мнѣ нужно опять доставать деньги.

— Ну, такъ доставайте — и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я вѣдь вамъ для этого не нуженъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что нужны, — иначе бы я не пришелъ. Для покрытія мелкихъ расходовъ мы должны опять привлечь Фрейтага, а что касается крупной суммы, то нужно взяться за Френцеля.

— Оставьте въ покоѣ Фрейтага!

— Это невозможно. Напротивъ того, я васъ попрошу это устроить. Вы одинъ имѣете на него вліяніе. А что касается Френцеля, то я у него былъ, но онъ выпроводилъ меня. Онъ сердитъ на васъ: онъ прислалъ вамъ приглашеніе на вечеръ у него, а вы даже не отвѣтили.

— Ахъ, да, я забылъ. Но во всякомъ случаѣ у меня нѣтъ никакого желанія посѣщать балы господина Френцеля. Дѣловыя отношенія вовсе не обязываютъ вести знакомство...

— Именно обязываютъ. Безъ Френцеля мы не достроимъ театра. Банки отказываютъ въ кредитѣ; отдать театръ въ аренду до окончанія постройки тоже невозможно, а безъ этого нельзя будетъ сдѣлать вторую и третью закладную. И такъ удивительно, что мы безъ гроша денегъ довели постройку до теперешняго ея состоянія. Замѣтьте, что мы пока никому еще не платили, кромѣ вашихъ художниковъ. А какъ только постройка закончится, на насъ обрушится цѣлая армія кредиторовъ. Меня охватываетъ ужасъ при одной мысли о томъ, что̀ тогда будетъ.

Кеслеръ поднялся.

— У меня въ головѣ мутитъ отъ вашихъ разговоровъ о деньгахъ. Скажите мнѣ, собственно, что̀ вы отъ меня хотите?

— Я вѣдь уже сказалъ вамъ. Вы должны опять достать денегъ и у Фрейтага, и, главнымъ образомъ, у Френцеля. Придется вамъ пойти къ нему на вечеръ, хотя это вамъ и непріятно. Мнѣ очень нужны деньги и для другихъ цѣлей. Нужно заблаговременно начать переговоры съ драматургами и съ актерами, а безъ залоговъ и авансовъ никого не привлечешь въ новый театръ.

— Ну, что же дѣлать! Очевидно, придется проглотить пилюлю и принять приглашеніе.

— Слава Богу. Теперь только, ради Бога, не передумайте. Наша общая судьба теперь въ вашихъ рукахъ. Если вы падете духомъ — все кончено; вся моя надежда—на гибкость вашей натуры.

Кеслеръ посмотрѣлъ на него сбоку. Въ первый разъ онъ чувствовалъ къ этому человѣку истинное отвращеніе. Штейнеръ казался ему его злымъ рокомъ. Отказаться отъ своей идеи Кеслеръ уже не могъ теперь, когда она стояла передъ нимъ почти воплощенная; но для завершенія ея нужно было терпѣть близость этого ненавистнаго человѣка. Кеслеръ сѣлъ къ столу, написалъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ принимаетъ приглашеніе, и передалъ письмо Штейнеру, чтобы тотъ опустилъ его въ ящикъ по пути домой.

Штейнеръ началъ-было снова разсказывать ему о предпринятыхъ имъ шагахъ для приглашенія артистическаго персонала, но Кеслеръ остановилъ его:

— Все это меня не касается. Устраивайте, какъ знаете, и не спрашивайте у меня совѣтовъ. Я въ этомъ ничего не понимаю.

Кончивъ дѣловой разговоръ, Штейнеръ все еще не уходилъ. У него, повидимому, было что-то на сердцѣ.

— Послушайте, господинъ архитекторъ,—сказалъ онъ наконецъ, — позвольте мнѣ хоть разъ поговорить съ вами откровенно. Вы не разсердитесь?

— Напротивъ того...

— Ну, такъ вотъ: мнѣ кажется, что вы стали дурно относиться ко мнѣ. Скажите мнѣ, чѣмъ я утратилъ ваше довѣріе?

— Вы слишкомъ мудрите, Штейнеръ, и видите призраки. Вы принадлежите къ категоріи людей, которые слишкомъ ужъ прозорливы и потому всегда терпятъ крушенія.

— Вы, можетъ быть, правы,—отвѣтилъ Штейнеръ. Лицо его сдѣлалось грустнымъ, и онъ задумался о причинахъ своихъ постоянныхъ неудачъ.—Мнѣ иногда кажется,—сказалъ онъ упавшимъ и таинственнымъ голосомъ, — что я опять попадусь въ

просакъ... Помяните мое слово—я увижу землю обѣтованную, но не вступлю въ нее.

— Не будьте сентиментальны, Штейнеръ. Обѣщаю вамъ, что вы пожнете плоды нашихъ общихъ трудовъ, если только плоды эти будутъ. Я вѣдь вамъ не далъ никакого основанія подозрѣвать меня,—съ чего же вы вдругъ взъѣлись? У васъ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ къ подозрѣніямъ—будьте же совершенно спокойны на этотъ счетъ.

— Хорошо. Я послѣдую вашему совѣту.

Оба они замолчали. Но Штейнеръ не высказалъ еще всего, что ему хотѣлось сказать. И онъ отважился наконецъ на самое трудное.

— Знаете, господинъ архитекторъ, съ чего началось мое несчастіе въ жизни?

— Я не умѣю разгадывать загадокъ.

— Съ того, что я влюбился... Я хотѣлъ вамъ сказать, что это величайшая глупость въ жизни. Умный человѣкъ не долженъ приносить себя въ жертву своимъ чувствамъ,—умный человѣкъ долженъ думать о будущемъ.

— Зачѣмъ вы все это разсказываете мнѣ именно теперь?

— Вы не разсердитесь, если я дамъ вамъ совѣтъ?..

— Да говорите же, наконецъ, безъ предисловій!

— Хорошо. Совѣтую вамъ: имѣйте сколько угодно любовныхъ связей, но не лишайте себя свободы... оставьте себѣ выходъ. Если всѣ шансы измѣнятъ, у васъ еще останется одинъ—выгодная партія.

— Вы кончили?—рѣзко спросилъ Кеслеръ.

Штейнеръ вскочилъ, испугавшись его тона. Онъ сталъ бормотать какія-то непонятныя слова и старался не глядѣть Кеслеру въ лицо.

— Я васъ попрошу на будущее время не заниматься моими личными дѣлами. У насъ съ вами только дѣловыя отношенія—помните это.

— Я вѣдь зналъ, что вы разсердитесь... И кто меня дергалъ за языкъ?

Онъ быстро схватилъ шляпу и поспѣшилъ уйти, представляя собой очень смѣшную фигуру. Когда за нимъ закрылась дверь, Кеслеръ громко расхохотался, но потомъ лицо его сложилось въ сердитыя складки.

„Какъ онъ смѣлъ такъ говорить со мной? Онъ, должно быть, читаетъ у меня въ душѣ, если осмѣлился давать такіе совѣты... И неужели я дѣйствительно такой, какимъ онъ меня считаетъ?“—

Вдругъ ему показалось, что есть какая-то связь между словами Греты Андерсъ и предположеніями Штейнера.—„Все это глупости!"—сказалъ онъ себѣ наконецъ и поспѣшно открылъ окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

XVIII.

Фрейтагъ оказался полезнымъ Кеслеру и Штейнеру для двухъ цѣлей—и для того, чтобы добыть у него хотя сравнительно небольшую сумму денегъ, и чтобы сдѣлать изъ него приманку для Френцеля. Внести новый вкладъ въ театръ—въ размѣрѣ десяти тысячъ по требованію архитектора—Фрейтагъ сначала отказался: но онъ слѣпо довѣрялъ Кеслеру, а тотъ такъ убѣдительно вралъ ему про выгодныя условія займа, и Штейнеръ такъ краснорѣчиво дополнялъ слова своего патрона, что несчастный старикъ выдалъ чекъ на десять тысячъ марокъ, отдавая такимъ образомъ крупную часть своихъ сбереженій. Самъ онъ былъ доволенъ сдѣлкой,—потому что ему выдали проценты за три года впередъ. Послѣ заключенія займа Фрейтагъ отправился, по наущенію Кеслера, къ Френцелю, для переговоровъ о своемъ дѣлѣ. Френцель, предупрежденный о приходѣ этого претендента на фантастическое милліонное наслѣдство, внимательно выслушалъ его, дѣлая помѣтки у себя въ записной книжкѣ, разспросилъ о роли Штейнера въ этомъ дѣлѣ и отъ времени до времени тихо смѣялся про себя. Потомъ онъ спросилъ Фрейтага, согласенъ ли онъ, если они сойдутся, передать ему довѣренность, данную имъ Кеслеру. Фрейтагъ далъ уклончивый отвѣтъ, и Френцель не настаивалъ ни на какомъ рѣшеніи. Онъ сказалъ, что наведетъ самъ справки и тогда дастъ окончательный отвѣтъ. Изъ бюро Френцеля Фрейтагъ сейчасъ же поѣхалъ на постройку, гдѣ ему назначилъ свиданіе Кеслеръ, и сказалъ архитектору, что Френцель ему не нравится, что это навѣрное хитрая лиса и надуетъ ихъ обоихъ.—Я предпочитаю оставить довѣренность вамъ,—прибавилъ онъ, и горячо поблагодарилъ Кеслера за его согласіе. Онъ попросилъ Кеслера пойти выпить съ нимъ въ ознаменованіе того, что онъ попрежнему остается защитникомъ его интересовъ. Кеслеръ согласился; черезъ четверть часа они сидѣли въ ресторанѣ за бутылкой шампанскаго, и старикъ сталъ жаловаться на свое здоровье, на пугающіе его признаки нервнаго разстройства. Онъ говорилъ, что эта вѣра въ наслѣдство кажется ему самому теперь навязчивой идеей. Кеслеръ успокаи-

валъ его, какъ могъ, и въ заключеніе подалъ ему мысль написать теперь, въ здоровомъ состояніи, завѣщаніе для того, чтобы его права перешли не къ родственникамъ, противъ которыхъ онъ ведетъ процессъ, а къ тому человѣку или учрежденію, которое онъ самъ выберетъ. Эта идея понравилась старику, и еще долго послѣ того, какъ Кеслеръ ушелъ, онъ сидѣлъ одинъ, допивая вино и повторяя отяжелѣвшимъ голосомъ: — Завѣщаніе! завѣщаніе!

Черезъ нѣсколько дней Кеслеръ поднимался по пышной лѣстницѣ въ роскошную квартиру Френцеля. На душѣ у него было очень скверно. Онъ зналъ, что попадетъ въ самую неподходящую среду, и предвкушалъ глупость и пошлость вопросовъ, которыми гости Френцеля будутъ закидывать его, — онъ зналъ, что приглашенъ въ качествѣ знаменитости. Ожиданія его въ значительной степени оправдались. Его встрѣтилъ хозяинъ дома и представилъ женѣ — полной, добродушной дамѣ въ сильно стянутомъ черномъ шолковомъ платьѣ. Потомъ онъ очутился въ кругу разряженныхъ дамъ и мужчинъ во фракахъ; всѣ они дѣлали ему комплименты и предлагали глупые и плоскіе вопросы. Когда на вопросъ, чѣмъ откроется новый театръ, онъ отвѣтилъ: „Сномъ въ лѣтнюю ночь", какой-то лысый господинъ освѣдомился очень громко, кто авторъ этой пьесы. Кеслеръ самъ потомъ удивился, что сохранилъ серьезность тона и отвѣтилъ спокойно, какъ будто вопросъ былъ самый естественный: „Автора зовутъ Шекспиромъ". Единственнымъ исключеніемъ изъ общей пошлости и безвкусія показалась ему дочь хозяевъ, Дорисъ. Ему понравились ея умные, сверкающіе глаза и ясный лобъ, а также что-то свободное и увѣренное въ движеніяхъ. За ужиномъ ихъ мѣста были рядомъ, и ему назначено было повести ее къ столу. Разговоръ у нихъ завязался тотчасъ же очень бойкій и свободный. Дорисъ заявила ему, что поняла его пренебрежительное отношеніе къ ихъ обществу и чувствуетъ себя поэтому воинственно настроенной противъ него. Кеслеру понравилось, что она выступила защитницей своей среды, когда гораздо легче было бы вторить осужденію, которое она очевидно въ душѣ раздѣляла. Онъ весело подхватилъ воинственный тонъ, и въ загорѣвшемся словесномъ поединкѣ она много разъ выходила побѣдительницей, находя удачные, быстрые отвѣты, обличавшіе въ ней наблюдательный умъ и чуткую душу. Обѣдъ прошелъ незамѣтно для Кеслера и закончился его примиреніемъ съ интересной сосѣдкой. Когда онъ провелъ ее послѣ обѣда въ гостиную, онъ почувствовалъ, что она вся дрожитъ отъ возбужденія

послѣ ихъ разговора. Мужчины прошли въ комнату для куренія. Когда всѣ закурили сигары и папиросы, Френцель отвелъ архитектора въ сторону и спросилъ его, какъ онъ себя здѣсь чувствуетъ.

— Благодарю васъ, хорошо,—отвѣтилъ Кеслеръ, нѣсколько удивленный вопросомъ.

— Скажите, этотъ Фрейтагъ,—онъ кашлянулъ,—нѣсколько, кажется, не совсѣмъ въ своемъ умѣ? Но все-таки исторію съ наслѣдствомъ нужно разслѣдовать. Можетъ быть, что-нибудь да выйдетъ. Ну, а ваши дѣла?

— Если вы насчетъ денегъ спрашиваете, то откровенно говорю вамъ: еслибы я могъ разсчитывать на поддержку съ вашей стороны, я былъ бы истинно счастливъ.

— Я постараюсь сдѣлать все, что̀ въ моихъ силахъ. А вы не обращались за ссудой въ какой-нибудь банкъ?

— Штейнеръ сдѣлалъ кое-какіе шаги, но совершенно безуспѣшно.

— Знаете ли, меня удивляетъ, что вы связались съ этимъ неудачникомъ... Вѣдь ему никто не довѣряетъ.

— Я считаю его порядочнымъ человѣкомъ.

— Что̀ значитъ „порядочный"? Я вѣдь не сказалъ, что онъ преступникъ. Но не слѣдуетъ имѣть дѣло съ людьми, у которыхъ ничего нѣтъ... Вы заключили съ нимъ контрактъ?—Очень неосторожно. Съ такими людьми не заключаютъ контрактовъ... Но оставимъ это пока. Здѣсь не мѣсто говорить. У меня есть идея относительно рейнско-вестфальскаго банка. Мы поговоримъ объ этомъ въ конторѣ. Теперь же я не буду васъ дольше отнимать у моихъ гостей. Всѣ хотятъ поговорить съ вами.

Они подошли къ группѣ мужчинъ, стоявшихъ кругомъ и курившихъ съ самодовольнымъ видомъ свои сигары. Господинъ, который прежде спросилъ Кеслера о томъ, кто авторъ „Сна въ лѣтнюю ночь", разстегнулъ какъ разъ послѣднюю пуговицу на жилетѣ.

— Идеальный обѣдъ!—сказалъ онъ Френцелю.

— Я очень радъ, что онъ вамъ пришелся по вкусу.

— „По вкусу"—недостаточно сильно сказано. Я имъ наслаждался. Ну, а скажите-ка, господинъ архитекторъ, вѣдь вашимъ „Сномъ въ лѣтнюю ночь" вы не будете дѣлать сборовъ. Публика любитъ новыя пьесы.

— Во второй вечеръ будутъ играть новую пьесу,—отвѣтилъ Кеслеръ скучающимъ тономъ.

— Въ такомъ случаѣ я спокоенъ. И главное, пусть на сцену

выходить какъ можно больше красивыхъ женщинъ. Тогда пьеса спасена. Откровенно говоря, когда я иду въ театръ, то вовсе не изъ-за пьесы. Да и вообще я больше хожу изъ-за жены и дочери.

„Чего этотъ идіотъ присталъ ко мнѣ?“—подумалъ Кеслеръ, замѣтивъ въ то же время, что самодовольныя и увѣренныя замѣчанія этого „идіота“ не вызывали возраженій. Къ счастью для Кеслера, на порогѣ появилась хозяйка дома и потребовала возвращенія мужчинъ въ гостиную.

— Дамы требуютъ архитектора,—сказала она.

— Дай ему раньше докурить сигару,—сказалъ ей мужъ и подвелъ Кеслера къ столику, на которомъ приготовлены былъ кофе и ликеры, предлагая ему выпить что-нибудь.

— Благодарю васъ, мнѣ не хочется,—сказалъ Кеслеръ.—Но зато мнѣ хотѣлось бы знать, кто этотъ невыносимый болтунъ?

— „Невыносимый болтунъ“?—это выраженіе мнѣ нравится. У этого человѣка ни болѣе, ни менѣе, какъ три милліона состоянія, а вы называете его болтуномъ. Онъ очень дѣловитый купецъ. Замѣтьте, что онъ началъ безъ гроша, а потомъ женился на дочери своего патрона. Теперь онъ всесиленъ въ дѣловомъ мірѣ. Добейтесь того же, и я низко поклонюсь вамъ.

— Такая карьера меня не прельщаетъ,—холодно отвѣтилъ Кеслеръ.

— Почему? Что̀ дурного въ томъ, что молодой человѣкъ дѣлаетъ выгодную партію? Вѣдь бываютъ красивыя дѣвушки, которыя къ тому же и богаты. Можно вѣдь влюбиться и въ богатую наслѣдницу.

— Во всякомъ случаѣ это очень практично, но мое честолюбіе имѣетъ другія цѣли.

Покончивъ на этомъ разговоръ, Кеслеръ направился въ гостиную, но на порогѣ еще разъ обернулся и спросилъ, когда можно зайти переговорить о дѣлѣ въ контору.

— Я каждое утро тамъ до завтрака... А вѣдь мы это не дурно тогда оборудовали съ кирпичомъ!

Кеслеръ медленно направился въ гостиную, размышляя о послѣднихъ словахъ Френцеля. Онъ очевидно хотѣлъ показать, что разгадалъ его,—и не считаетъ его поведеніе вполнѣ чистоплотнымъ... Кеслеръ почувствовалъ гнетущее чувство стыда передъ самимъ собой.

Его вывелъ изъ раздумья окликъ Дорисъ, которая замѣтила, что онъ чѣмъ-то разстроенъ. Она снова завела съ нимъ искренній, товарищескій разговоръ:

— У меня совершенно твердое убѣжденіе, что вы пришли къ намъ въ домъ противъ воли,—только подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ;—вотъ почему я и отнеслась къ вамъ враждебно сначала. Но теперь я примирилась съ вами—уже потому, что вы искренно говорили мнѣ правду во время нашего разговора.

Они заключили миръ. Кеслеръ попрощался съ нею, обѣщавъ непремѣнно опять придти, и ушелъ незамѣтно, не прощаясь съ хозяевами.

Очутившись на улицѣ, онъ остановился на минуту, чтобы собраться съ мыслями.

„Ужъ не зашелъ ли я слишкомъ далеко?—съ тревогой подумалъ онъ.—Что эта дѣвушка въ сущности хочетъ отъ меня? И почему насъ посадили рядомъ за ужиномъ? Неужели у этого негодяя есть свои цѣли? Глупости!.. я придаю слишкомъ много значенія пустякамъ. Но въ сущности она не дурна. Въ ней есть раса, гордость и душевный тактъ... Я даже не ожидалъ, что у Френцеля можетъ быть такая дочь. Ну, что мнѣ за дѣло до нея?"—Въ памяти Кеслера возникъ свѣтлый образъ Греты, и передъ нимъ поблѣднѣло впечатлѣніе отъ бойкой свѣтской дѣвушки, съ которой онъ провелъ вечеръ. Онъ снова почувствовалъ себя счастливымъ оттого, что его любитъ эта прямая, сильная и свободная женщина, восхищающая его своей внутренней твердостью.

Онъ пришелъ домой и открылъ входную дверь. Что это? Въ передней висѣли пальто и шляпа Греты. Онъ быстро направился въ спальню.

— Ты еще не спишь?—радостно окликнулъ онъ Грету.

— Нѣтъ, не сплю.—Она протянула ему руку, и, несмотря на темноту, онъ замѣтилъ, что глаза ея широко раскрыты. Онъ наклонился къ ней, поцѣловалъ ее и, присѣвъ на край постели, сталъ ей разсказывать о впечатлѣніяхъ вечера. О Дорисъ онъ упомянулъ только вскользь. Но ему показалось, что она разсѣянно слушаетъ его, и онъ вдругъ остановился среди начатой фразы и спросилъ у Греты, что съ нею—до того она показалась ему странной и измѣнившейся. Въ отвѣтъ на его слова она взяла его голову въ обѣ руки и сказала нѣжнымъ, мягкимъ голосомъ:

— У меня будетъ ребенокъ.

Простота, съ которой она объявила о своей тайнѣ, потрясла его своимъ величіемъ. Даже въ такой часъ въ ней не обнаружилось ни безпокойства, ни страха.

— Ты дѣлишь мою радость?—спросила она.

— Я вижу только тебя и ничего рядомъ съ тобой,—отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь когда онъ явится на свѣтъ, ты будешь ему радъ... Теперь мы съ тобой соединены.

— Да. И завтра же я поговорю съ твоими родителями.

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь,—отвѣтила она.—Это касается только насъ двоихъ.

— Я не понимаю тебя, дорогая. Ты мнѣ кажешься болѣе загадочной, чѣмъ когда-либо.

— А между тѣмъ все такъ просто!—отвѣтила она, нѣжно обнимая его.

XIX.

Театръ уже былъ готовъ снаружи, и газеты были полны описаніями всѣхъ подробностей художественнаго зданія. Имя архитектора Кеслера было на всѣхъ устахъ. Внутри театра шла тоже спѣшная работа по устройству сцены и внутренней отдѣлкѣ. Деньги на это досталъ Френцель, устроившій Кеслеру большой кредитъ, правда, на чудовищныхъ условіяхъ. Френцель, по полномочію банка, дисконтировалъ всѣ векселя Кеслера, которые онъ выдавалъ каждый разъ, когда нужны были новыя суммы; кромѣ того, фирма „Френцель и Машке" давала отъ себя деньги взаймы, но условія, которыя подписывалъ Кеслеръ, получая деньги отъ Френцеля, были таковы, что Штейнеръ рвалъ себѣ волосы на головѣ.

— Вотъ увидите,—плакался онъ,—когда театръ будетъ совершенно готовъ, мы оба будемъ разорены. Прежде мы были бѣдны, какъ церковныя крысы, а тогда у насъ будетъ больше долговъ, чѣмъ волосъ на головѣ. Въ театрѣ, который воздвигнутъ вами, вамъ не будетъ принадлежать ни одинъ камень.

Но никакія жалобы не помогали. Френцель продолжалъ держать Кеслера въ тискахъ, заставляя его подписывать не только ростовщическіе векселя, но и совершенно выдуманныя росписи своихъ доходовъ, требуемыя банкомъ для опредѣленія его кредитоспособности. На этотъ обманъ Кеслеръ долго не рѣшался, какъ ни вышучивалъ Френцель его непрактичность. Кеслеръ не хотѣлъ давать своей подписи, предлагая, что за него подпишется Штейнеръ, на что Френцель ни за что не соглашался.

— Банкъ хочетъ имѣть дѣло съ самимъ хозяиномъ предпріятія,—говорилъ онъ,—а не съ его бухгалтеромъ, который, къ тому же, прогорѣвшій директоръ театра, то-есть совершенно не внушающій довѣрія человѣкъ.

Послѣ обсужденія дѣла съ Штейнеромъ, который, къ удивленію Кеслера, отнесся гораздо спокойнѣе къ такого рода обману („Френцель обманываетъ теперь не насъ, а банкъ",—успокоительно сказалъ онъ Кеслеру), Кеслеръ согласился на первый поступокъ, рѣшительно идущій противъ его пониманія честности, и подписалъ бумагу. Онъ даже чуть-было не рѣшился на самый отчаянный исходъ.

— Вѣдь театръ готовъ,—сказалъ онъ Штейнеру,—и мечта моя осуществилась. Значитъ, я самъ могу теперь исчезнуть. Мои кредиторы смогутъ удовлетворить свои притязанія эксплоатаціей многомилліоннаго дѣла, а меня не будетъ...

Но Штейнеръ спасъ его отъ отчаяннаго рѣшенія, поднявъ его вѣру въ театръ, который, по его словамъ, навѣрное процвѣтетъ и покроетъ всѣ долги.

— Мы разбогатѣемъ, вотъ увидите!—кричалъ онъ.—Стоитъ одной пьесѣ пойти, и мы въ нѣсколько мѣсяцевъ заработаемъ сотни тысячъ.

— А если пьеса провалится?

— Тогда вторая будетъ имѣть успѣхъ или третья. Нельзя же быть такимъ пессимистомъ, какъ вы.

— Знаете ли, Штейнеръ, я вамъ только одно скажу. Въ наше время ни талантъ, ни умѣнье не могутъ создать карьеры. Дѣло только въ капиталѣ—онъ все создаетъ. Люди талантливые становятся поденщиками или погибаютъ... А если какой-нибудь безумецъ рѣшается идти противъ этого закона жизни, то онъ только разобьётъ себѣ лобъ объ стѣну, или его посадятъ въ сумасшедшій домъ.

— Вы видите все въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ.

— Вы правы. Есть еще третій исходъ, и онъ теперь передо мной. Можно еще ни передъ чѣмъ не останавливаться... можно заявлять, что три—четное число... Можно стать мерзавцемъ... или же капиталистомъ.

— Развѣ это такъ плохо?

— Штейнеръ, вы—геніальны... вы должны сдѣлаться профессоромъ. Хорошо, давайте, станемъ мерзавцами!

Въ театрѣ начались репетиціи „Сна въ лѣтнюю ночь" и еще одной фантастической комедіи, которая должна была идти во второй вечеръ послѣ открытія и сдѣлаться, по предсказаніямъ Штейнера, самой ходкой пьесой театральнаго сезона. Кеслеръ приходилъ на репетиціи, хотя ничего не понималъ въ театральномъ дѣлѣ, и только удивлялся, что люди такъ серьезно относятся къ своему, по его мнѣнію, призрачному дѣлу. Но онъ

былъ настолько заинтересованъ въ успѣхѣ пьесъ, что зорко слѣдилъ за репетиціями, чтобы составить себѣ заранѣе хоть какое-нибудь мнѣніе. Въ то же время его удручали денежныя дѣла, необходимость добывать все новыя и новыя суммы, такъ какъ театръ требовалъ огромныхъ тратъ. Онъ весь горѣлъ отъ нетерпѣнія, и не могъ дождаться дня перваго представленія, когда можно было надѣяться, что выяснится ожидающій ихъ успѣхъ. Онъ былъ до того разстроенъ, что даже съ Гретой бывалъ иногда нетерпѣливъ и рѣзокъ. Но она трогала его своей невозмутимой кротостью; въ минуты полнаго отчаянія, когда онъ заговаривалъ о самоубійствѣ, она воскрешала въ немъ вѣру въ самого себя и въ его дѣло. Жадно слушая ея успокоительныя слова, онъ понималъ, что, дѣйствительно, еще вовсе не усталъ отъ жизни, а что, напротивъ того, ему хотѣлось бы исчерпать всѣ ея радости, подниматься все выше и выше и овладѣть всѣми благами жизни—блескомъ, могуществомъ и славой. Кеслеръ успокоивался, снова ходилъ на репетиціи, улаживалъ споры между новымъ дирижеромъ Андерсомъ и музыкантами, которыхъ кроткій старикъ не умѣлъ держать въ страхѣ. Однажды на репетицію явился Френцель съ женой и дочерью, и при всей ненависти къ ростовщику, державшему его въ своихъ когтяхъ, Кеслеръ принужденъ былъ любезно принимать его. Дорисъ вела себя съ нимъ за послѣднее время крайне сдержанно, и онъ самъ чувствовалъ себя неловко въ ея присутствіи. Ему не хотѣлось переносить на нее злобу, которую онъ питалъ къ ея отцу, но онъ боялся, однако, вступать съ нею въ дружбу. Иногда ему положительно казалось, что она завлекаетъ его, и тогда онъ начиналъ обходиться особенно рѣзко, что ихъ опять надолго отчуждало другъ отъ друга. Семья Френцелей интересовалась главнымъ образомъ второй пьесой, и въ ней тоже одной только сценой, въ которой большую роль играли фантастическіе костюмы и шляпы дѣйствующихъ лицъ. Между мужемъ и женой произошелъ крупный споръ о томъ, у какого поставщика нужно заказывать костюмы, и Кеслеръ, взбѣшенный вмѣшательствомъ этой женщины, ничего не смыслящей въ искусствѣ, въ дѣла театра, сказалъ саркастически Штейнеру:

— У этой женщины манія величія. Она положительно увѣрена, что она—авторъ пьесы, а завтра вообразитъ, что она построила зданіе, и будетъ говорить знакомымъ о „нашемъ театрѣ“.

Онъ едва успѣлъ сказать это, какъ къ нему подлетѣла мать Дорисъ и стала горячо выражать свои восторги театромъ:

— Моя дочь, Дорисъ, полагаетъ...—сказала она.

— Мама, я могу сама за себя говорить.

Мать ея пожала плечами.

— Простите ее, господинъ архитекторъ,—сказала она.— Дорисъ стала такой нервной въ послѣднее время. Мы сами не знаемъ, что съ нею.

— Это возмутительно, какъ ты надоѣдаешь господину архитектору такими пустяками!—Дорисъ отвернулась съ взбѣшеннымъ видомъ. Въ эту минуту подошелъ Френцель и сталъ добродушно мирить ихъ:

— Безъ семейныхъ сценъ, пожалуйста... безъ семейныхъ сценъ!—уговаривалъ онъ жену и дочь.

Послѣдніе дни передъ открытіемъ Кеслеръ жилъ какъ въ туманѣ. Со всѣхъ сторонъ ему твердили о несомнѣнности успѣха, и когда даже Френцель присоединился къ хору пророковъ, предвѣщавшихъ удачу, онъ самъ сталъ вѣрить въ нее. Денежные расходы все увеличивались среди лихорадки послѣднихъ приготовленій, и Кеслеръ, уже не испытывая теперь угрызеній совѣсти, бралъ деньги у всѣхъ, и у Френцеля, и у несчастнаго Фрейтага, приносившаго ему свои банковые билеты съ серьезнымъ, торжественнымъ видомъ. Онъ замѣтно подался за послѣднее время, глаза его блестѣли огнемъ безумія, и рѣчи его становились все болѣе туманными. Въ день представленія происходили еще таинственныя совѣщанія Штейнера съ начальникомъ кляки, и Штейнеръ точно указывалъ порядокъ аплодисментовъ и вызововъ, которые должны были „потрясать залу" въ день перваго представленія.

Наконецъ, великій день насталъ. Зала театра была переполнена, и когда огромные потоки электрическаго свѣта озарили залъ, раздались единодушные крики восхищенія красотой театра. Всѣ взгляды обратились на директорскую ложу, но Кеслеръ не показывался. Онъ спрятался въ самой глубинѣ, и оттуда слѣдилъ за тѣмъ, что происходитъ въ залѣ. Когда началось представленіе, Кеслеръ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ только вздрагивалъ, когда раздавались взрывы рукоплесканій,—и когда его стали вызывать послѣ перваго же акта, когда Штейнеръ сталъ тащить его на сцену и онъ раскланивался передъ открытымъ занавѣсомъ съ бѣшено аплодировавшей ему публикой, онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что побѣда одержана. Штейнеръ подогрѣвалъ его увѣренность, ежеминутно являясь къ нему въ директорскую ложу съ извѣстіями о восторгахъ публики, съ увѣреніями, что завтра телеграфъ разнесетъ по всему міру его

славу. Вся семья Френцелей пришла къ нему съ поздравленіями, и среди охватившей его радости всѣ казались ему совсѣмъ другими. Онъ положительно чувствовалъ нѣжность къ Френцелю, этому истинному филантропу, и къ его женѣ, „въ сущности,— думалъ онъ,—очень милой женщинѣ, хотя и слишкомъ полной". А когда Дорисъ протянула ему руку, онъ отвѣтилъ крѣпкимъ пожатіемъ. Даже безтактное замѣчаніе ея матери о томъ, что она не смыкала глазъ за послѣднія ночи, не произвело на него такого раздражающаго впечатлѣнія, какъ обыкновенно. Его пригласили на слѣдующій день къ обѣду—совершенно интимному, семейному обѣду,—и онъ принялъ приглашеніе съ благодарностью. Что бы отъ него ни потребовали въ эту минуту, онъ бы исполнилъ—у него не хватило бы силы отказать. Выходя изъ директорской ложи послѣ окончанія антракта, Дорисъ еще разъ обернулась къ Кеслеру незамѣтно отъ другихъ и молча всунула ему въ руку свой маленькій букетикъ фіалокъ.

Представленіе кончилось—такъ же, какъ и началось—нескончаемыми аплодисментами.

— Побѣда по всей линіи! — гордо заявилъ Штейнеръ. — Кто оказался правъ?

И Кеслеръ отвѣтилъ ему съ искренней благодарностью:

— То, что вы явились на моемъ пути,—величайшее счастье моей жизни... Безъ васъ театръ никогда бы не былъ построенъ... Вы молодецъ, Штейнеръ!

Вечеръ кончился торжественнымъ банкетомъ, на которомъ общее ликованіе достигло высшей точки.

XX.

Но каковъ былъ ужасъ Кеслера на слѣдующій день, когда, набросившись на утреннія газеты, онъ во всѣхъ нихъ прочелъ крайне рѣзкіе отзывы о первомъ спектаклѣ „Шекспировскаго театра". Всѣ отдавали должное зданію и его строителю, но находили, что представленіе было очень плохое. Прибѣжавшій къ Кеслеру Штейнеръ старался убѣдить его, что журналисты такъ пишутъ изъ зависти, и что нужно обождать сегодняшняго представленія, когда публика своими единодушными восторгами заставитъ замолчать завистливую прессу. Кеслеръ не зналъ, что и думать. Френцель только осторожно сказалъ, что напрасно начали „Сномъ въ лѣтнюю ночь", что онъ предчувствовалъ неуспѣхъ, такъ какъ ему самому было скучно во время представ-

ленія, и онъ чуть не заснулъ. Жена его и, въ особенности, дочь возмутились его ложью, сказанной, чтобы казаться компетентнымъ лицомъ, но Френцель остановилъ ихъ.

— Чего вы волнуетесь? — сказалъ онъ.—Чѣмъ архитекторъ виноватъ, что Штейнеръ оселъ?

И то же самое, только болѣе энергично, Френцель повторилъ Кеслеру послѣ обѣда, когда подали кофе и онъ съ Кеслеромъ отошелъ въ сторону.

— Я долженъ вамъ прямо сказать. У вашего Штейнера нѣтъ ни на грошъ кредита. Всѣ утверждаютъ, что онъ не годится на мѣсто управляющаго театромъ.

— Если сегодня вечеромъ будетъ успѣхъ, то всѣ будутъ какъ-разъ противоположнаго мнѣнія.

— Но успѣха не будетъ. Повѣрьте моему чутью. Вѣдь мнѣ самому это непріятно.... Подумайте, сколько денегъ я теряю. Вы увидите завтра, что̀ будутъ говорить. Теперь есть только одна возможность помочь дѣлу... Скажите, сколько получаетъ жалованья Штейнеръ и на сколько лѣтъ съ нимъ заключенъ контрактъ?

— Двадцать тысячъ марокъ жалованья, пять процентовъ чистой прибыли. Контрактъ заключенъ на пять лѣтъ.

— Какой ужасъ! Какъ можно было связываться на такихъ условіяхъ съ человѣкомъ абсолютно негоднымъ!.. Отъ него нужно теперь отдѣлаться.

Кеслеръ поблѣднѣлъ.—За кого вы меня принимаете?—спросилъ онъ.

— За человѣка достаточно благоразумнаго, чтобы послѣдовать моему совѣту.

— Вы ошиблись во мнѣ.

Кеслеръ ушелъ, не попрощавшись съ дамами. У него болѣла голова, и онъ чувствовалъ, что силамъ его наступаетъ конецъ. Хоть бы скорѣе наступилъ вечеръ... Онъ машинально направился въ „Тиргартенъ", и тамъ передъ нимъ вдругъ выросъ, какъ изъ подъ земли, Дренквицъ, радостно вскрикнувшій при видѣ Кеслера.

— Какъ это ты забываешь старыхъ друзей?—сказалъ онъ съ упрекомъ Кеслеру.—Я собственно ждалъ приглашенія на вчерашній вечеръ, и даже хвасталъ передъ всѣми, что навѣрное буду приглашенъ. Вышло маленькое разочарованіе. Но въ театръ я все-таки пошелъ. Поздравляю. Построенъ театръ на славу. Всѣ прославляютъ тебя въ одинъ голосъ.

— Ну, а какое твое впечатлѣніе отъ игры?

— Не такъ ужъ плохо, какъ пишутъ... Вѣдь образцоваго исполненія Шекспира нельзя было ожидать отъ начинающаго театра. Но тебя это вѣдь не касается.

— Очень касается. Я вкладчикъ.

— Напрасно, напрасно. Ну, да я не хочу каркать. У тебя плохой видъ,—прибавилъ Древквицъ, поглядѣвъ на него сбоку. —Очевидно, переутомился. Теперь бы тебѣ отдохнуть послѣ такой гигантской работы, уѣхать куда-нибудь, чтобы набраться новыхъ силъ. Вѣдь ты, слава Богу, свободный человѣкъ.

Кеслеръ горько засмѣялся.

— Такой свободы я никому не желаю.

— Знаешь, ты мнѣ не нравишься. Что съ тобой собственно?

— Да просто переутомленіе.

— Гм... Гм! Ну, а что подѣлываетъ твоя подруга? Ты еще не разстался съ нею?

Кеслеръ удивился. —Почему ты это спросилъ?

— Такъ, просто... вѣдь вопросъ совершенно естественный.

— Она здорова.

Древквицъ быстро распрощался. Онъ торопился. На прощанье онъ сказалъ Кеслеру:—Если тебѣ захочется поговорить какъ-нибудь по душѣ, приходи ко мнѣ,—ты вѣдь знаешь гдѣ я живу.

XXI.

Френцель оказался правъ. Вторая пьеса скандально провалилась, и дѣла театра сразу пошли очень плохо. Сборовъ не было никакихъ, надвигались платежи. Наступало первое число, срокъ уплаты жалованья актерамъ, и въ газетахъ появлялись извѣстія о плохихъ дѣлахъ театра; полный крахъ былъ на носу. Тогда снова появился на сцену Френцель, потребовалъ отъ Штейнера дѣловыя книги, произвелъ имъ строгую ревизію, дѣлая много замѣтокъ для себя на листѣ бумаги, и потомъ попросилъ призвать къ нему Кеслера. Но вмѣсто него на порогѣ появился Фрейтагъ и въ явномъ припадкѣ сумасшествія сталъ несвязно обвинять Кеслера и Штейнера, смѣяться и хохотать. Его едва увели, съ тѣмъ чтобы помѣстить его въ больницу для умалишенныхъ.

Оставшись наединѣ съ Кеслеромъ, Френцель потребовалъ немедленнаго удаленія Штейнера, подъ угрозой отдачи его подъ судъ за нечестное веденіе книгъ. Изъ его словъ Кеслеръ понялъ,

что и онъ подлежитъ отвѣтственности передъ судомъ, если Френцель захочетъ отдать его во власть прокуратуры. Онъ высказалъ это Френцелю, который, не отрицая его предположенія, предложилъ ему выпутать его изъ бѣды.—Я замѣтилъ,—сказалъ онъ,—что вы питаете къ моей дочери нѣкоторыя симпатіи, на которыя, кажется, моя дочь отвѣчаетъ взаимностью.

Безсильный гнѣвъ овладѣлъ Кеслеромъ... онъ не могъ выговорить ни слова. Френцель увидѣлъ, въ какомъ онъ состояніи, и поднялся.— Я не хочу оказывать на васъ никакого давленія,—сказалъ онъ,—и ухожу. Я вернусь черезъ два часа. До тѣхъ поръ обсудите все наединѣ съ собою. Я распоряжусь, чтобы и Штейнеръ явился сюда къ тому времени.

Первой мыслью Кеслера было возмутиться, не поддаться ненавистному Френцелю. Но тотъ напугалъ его призракомъ суда, и эта перспектива казалась ему страшнѣе всего. Вдругъ ему пришла въ голову спасительная мысль — покончить съ собой. Ознобъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Нѣтъ, это былъ бы слишкомъ жалкій, не подобающій ему конецъ. Онъ раньше отомститъ Френцелю. Въ эту минуту Кеслеръ вдругъ понялъ себя, понялъ, что, затѣявъ теперь борьбу съ Френцелемъ, онъ выйдетъ изъ нея побѣдителемъ. Онъ будетъ достойнымъ выученикомъ Френцеля и выкажетъ свое мастерство именно относительно учителя. Френцель—милліонеръ. Ему легко будетъ взять театръ въ свое вѣдѣніе и поднять его. Тогда у Кеслера не будетъ больше матеріальныхъ заботъ, и онъ сможетъ всецѣло отдаться своей художественной дѣятельности. Самое ужасное—это покинуть Грету. Она его пойметъ, не осудитъ... она всегда настаивала на томъ, что онъ свободенъ... Онъ останется ей другомъ, будетъ заботиться о ней и о ребенкѣ. Тяжело съ ней разстаться! Онъ вѣдь любитъ ее... Но что̀ же дѣлать! Нужно съ этимъ примириться.

Вотъ еще непріятное предстоитъ объясненіе съ Штейнеромъ. Его жаль, но вѣдь онъ дѣйствительно виноватъ въ неудачѣ. Да и вообще онъ думалъ только о своихъ интересахъ и присосался къ Кеслеру только изъ личныхъ выгодъ. Мысли Кеслера были прерваны шумомъ приближающихся шаговъ. Открылась дверь, и на порогѣ появился Френцель, а вслѣдъ за нимъ Штейнеръ.

— А, вы здѣсь, господинъ архитекторъ. Не будете ли вы столь любезны...

Услышавъ его голосъ, Кеслеръ почувствовалъ, что съ нимъ происходитъ нѣчто странное, что сердце его охвачено холодной жестокостью и всякая искра жалости исчезаетъ въ немъ. Онъ

почувствовалъ, что все прошлое, всѣ прежнія чувства умерли, и уже ничто не помѣшаетъ ему свести счеты съ Штейнеромъ за всѣ нравственныя страданія, испытанныя изъ-за его низости. Онъ сказалъ холоднымъ, сухимъ, чисто дѣловымъ тономъ:

— Я хотѣлъ только сообщить вамъ, что вы уволены съ сегодняшняго дня. Будьте любезны передать кассу и книги.

Штейнеръ совершенно опѣшилъ, пробовалъ протестовать противъ нарушенія контракта, но Кеслеръ заявилъ, что ни въ какія объясненія не желаетъ входить, и что, въ случаѣ несогласія Штейнера съ его рѣшеніями, онъ передастъ дѣло суду. Прежде чѣмъ Штейнеръ успѣлъ опомниться, Кеслеръ и Френцель уже вышли изъ конторы. На улицѣ Френцель сдѣлалъ комплиментъ Кеслеру, говоря, что не ожидалъ отъ него такого рѣшительнаго властнаго тона. Онъ убѣдилъ его также, что нечего опасаться жалобы Штейнера въ судъ. Найдутся адвокаты, которые съумѣютъ потушить дѣло.

Мирно философствуя о томъ, что приноситъ счастье въ жизни, и о томъ, что самый ужасный порокъ—это глупость, Френцель пошелъ вмѣстѣ съ Кеслеромъ къ себѣ домой.—Теперь я вамъ скажу по секрету,—сказалъ Френцель,—что на вашемъ театрѣ можно будетъ еще заработать огромныя деньги. Нужно только переждать кризисъ.

Они подошли къ дому Френцеля и поднялись наверхъ.

— Дорисъ! — позвалъ Френцель дочь. — Угадай, кого я привелъ!

Съ этими словами онъ впустилъ Кеслера въ залу, а самъ пошелъ звать дочь, которая не слышала его перваго зова. А Кеслеръ ходилъ большими шагами по комнатѣ, подавленный нахлынувшими на него мыслями. У него было ощущеніе горечи во рту. Но когда онъ услышалъ приближающіеся шаги Дорисъ, онъ придалъ своему лицу торжественное выраженіе.

Вѣдь ему нужно было сдѣлать предложеніе Дорисъ...

Съ нѣм. З. В.

ГЕРМЕСЪ ТРИЖДЫ-ВЕЛИКІЙ

„СОПЕРНИКЪ ХРИСТІАНСТВА".

„Да познаетъ мыслящій человѣкъ самого себя: что онъ безсмертенъ, и что причина смерти—любовь".

Изъ „герметическихъ" откровеній.

О „соперникахъ христіанства" въ прежнее время говорить не приходилось:—„Древній міръ, къ пришествію Спасителя, окончательно погрязъ въ себялюбіи, безвѣріи и развратѣ; лицемѣрныя реформы перваго римскаго императора никакой пищи сердцу не давали; философія изощряла свои силы въ безплодныхъ словопреніяхъ; съ раззолоченныхъ храмовъ глядѣли на молящихся пышные, но холодные и безучастные кумиры. Тогда раздался голосъ съ Неба, обѣщавшій миръ людямъ доброй воли—и люди вняли ему и были спасены"...

Это представленіе о побѣдѣ христіанства надъ окружающимъ его древнимъ міромъ отличается простотой и удобопонятностью; но, во-первыхъ, оно неправильно, а во-вторыхъ—мнѣ думается, что оно, заодно съ древнимъ міромъ, роняетъ и христіанство. Наивному человѣку свойственно послѣ борьбы унижать противника, доказывая, что онъ и слабъ, и глупъ, и трусливъ: болѣе умные знаютъ, что, унижая противника, они унижаютъ и себя. То же и здѣсь; вопреки изложенному только-что мнѣнію, другъ христіанской идеи будетъ склоненъ признать желательнымъ иной отвѣтъ на вопросъ о причинѣ ея побѣды:—она побѣдила не потому, что она была единственнымъ, а потому, что она была лучшимъ средствомъ къ обрѣтенію душевнаго мира и къ спа-

сенію. Именно этого мнѣнія держится и авторъ настоящей статьи; но, разумѣется, не потому, что онъ, какъ христіанинъ, считаетъ его желательнымъ, а потому что онъ, какъ изслѣдователь, находитъ его правильнымъ.

Пересмотръ вопроса о „соперникахъ христіанства" является однимъ изъ самыхъ насущныхъ требованій исторической науки нашего времени; и она же располагаетъ для его рѣшенія гораздо болѣе полными матеріалами, чѣмъ предшествовавшія эпохи. Найденные за послѣдніе годы въ столь значительномъ числѣ папирусы и родственные документы позволяютъ намъ дѣлать заключенія о неизвѣстной или малоизвѣстной нашимъ предшественникамъ области—о религіозной жизни народныхъ массъ; разработка смежныхъ наукъ—египтологіи, ассирологіи и другихъ—даетъ возможность опредѣлить ту долю, которую иноземныя религіозныя представленія внесли въ соперничавшія съ христіанствомъ ученія; наконецъ, отчасти подъ вліяніемъ этихъ новыхъ матеріаловъ, и раньше извѣстные тексты предстали передъ нами въ новомъ свѣтѣ и подверглись болѣе или менѣе радикальной переоцѣнкѣ.

Сказанное только-что особенно относится къ тому ученію, которому посвящена настоящая статья—къ *герметизму*. Не думаю, чтобъ это слово много говорило читателю; быть можетъ, однако, прочитавъ наше „мотто" съ его подписью, онъ былъ пораженъ употребленнымъ въ немъ словомъ „герметическій"—словомъ, съ которымъ онъ привыкъ соединять совершенно другое, совсѣмъ не религіозное представленіе. Да, это слово—единственный явный слѣдъ, оставленный герметизмомъ въ нашемъ сознаніи. Все-же и оно показываетъ, что герметизмъ когда-то былъ силой; полагаю, что нижеслѣдующее изложеніе докажетъ это совершенно ясно. Не скрою отъ читателя, что непосредственнымъ поводомъ къ нему были посвященныя „герметизму" работы западноевропейскихъ ученыхъ за послѣдніе годы, особенно новѣйшая изъ нихъ: „Poimandres", Рейценштейна (Лейпцигъ 1904); читая ее, я чувствовалъ живѣйшую признательность ея автору за приведенный имъ матеріалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ свое полное несогласіе съ нимъ по самымъ существеннымъ вопросамъ о происхожденіи и значеніи герметическихъ ученій вслѣдствіе его чрезмѣрной, какъ мнѣ кажется, египтоманіи. Изъ этого несогласія возникла потребность представить развитіе и сущность герметизма въ томъ видѣ, который мнѣ кажется вѣрнымъ по новѣйшимъ даннымъ науки—другими словами, написать нижеслѣдующую статью.

I.

Зародышей герметизма мы должны искать въ странѣ, которая по единодушному свидѣтельству древности была родиной самого Гермеса—въ *Аркадіи*, и спеціально въ той ея мѣстности, которая окружаетъ ея высочайшую гору Киллену. Кому приходилось, направляясь въ Коринѳъ и Аѳины, плыть по коринѳскому заливу, этой восхитительной голубой рѣкѣ, извивающейся между параллельными цѣпями среднегреческихъ и пелопоннесскихъ горъ,—тотъ навѣрное помнитъ Киллену, снѣговая вершина которой такъ рѣзко выдѣляется изъ всей южной нѣгою окружающей пловца природы, съ теплымъ дыханіемъ разсѣкаемой имъ поверхности моря. Киллена — стражъ Аркадіи и въ то же время ея символъ; дѣйствительно, то идиллическое представленіе объ Аркадіи, которое стало популярнымъ и у насъ благодаря пасторалямъ XVIII-го вѣка, нимало не соотвѣтствуетъ истинѣ. Древніе знали ее какъ страну суровую, съ продолжительными и многоснѣжными зимами, съ горами, покрытыми дремучимъ дубовымъ лѣсомъ, въ которомъ находили себѣ убѣжище всякаго рода дикіе звѣри, особенно медвѣди; послѣднимъ она обязана и своимъ именемъ (Arkadia отъ греч. arkos = arktos „медвѣдь"). Ея рѣки только въ западной части имѣютъ правильный стокъ къ морю; въ восточной, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду, онѣ упираются въ поперечныя цѣпи горъ, черезъ которыя должны прорыть себѣ невидимый, подземный путь; это—такъ называемые „катавотры", предметъ суевѣрнаго страха для ея жителей древняго и новаго времени. Иногда, прежде чѣмъ исчезнуть въ катавотрѣ, рѣка образуетъ озеро; таково знаменитое Стимфальское озеро у подножія Киллены. Понятно, что катавотры слыли входомъ въ страшное подземное царство; Стимфальское озеро считалось настоящимъ преддверіемъ преисподней; здѣсь жили нѣкогда кровожадныя птицы Стимфалиды, похитительницы душъ, пока ихъ не перестрѣлялъ герой-освободитель Гераклъ. Еще славнѣе была другая рѣка въ окрестностяхъ той же Киллены, низвергавшаяся въ бездну съ отвѣсной черной скалы въ лабиринтѣ дикихъ горъ; ее такъ и называли Страшной—Styx,—полагая, что ея дальнѣйшее теченіе образуетъ мрачную рѣку преисподней, по которой тѣни плывутъ въ свою вѣчную безутѣшную обитель. Ея вода считалась смертоносной для людей: ею пользовались поэтому—на подобіе средневѣковыхъ ордалій—при самыхъ священныхъ и страшныхъ клятвахъ. И еще одно

странное преданіе ходило про эту воду,—а именно, что она могла растворять въ себѣ всевозможные металлы; отсюда мы видимъ—и въ этомъ заключается интересъ этого преданія,—что вода Стикса возбудила любопытство также и естествоиспытателей-химиковъ. Въ новѣйшее время хотѣли провѣрить его правильность. Знаменитый Нибуръ предположилъ-было, что вода Стикса содержитъ въ себѣ сѣрныя соли, но сочувствія къ своей гипотезѣ не встрѣтилъ. Въ 1813 г., датскій археологъ Брёндстедъ, желая рѣшить вопросъ радикальнымъ образомъ, отвезъ въ Копенгагенъ для химическаго анализа плотно закупоренную бутылку стиксовой воды, но результатъ анализа былъ самый неутѣшительный: она оказалась обыкновенной водой.

Ниже читатель увидитъ, почему мы сочли нужнымъ распространяться о химическомъ интересѣ стиксовой воды; теперь вернемся къ начатому описанію. Жители „Медвѣжьей страны“ не были землепашцами: ихъ, вплоть до исторической эпохи, дразнили тѣмъ, что они питались естественными продуктами своихъ дубовыхъ лѣсовъ, желу́дями. Хлѣба ихъ суровая страна не производила; зеленые склоны горъ, поскольку они не были заняты лѣсами, служили пастбищами; аркадцы, поскольку они не жили охотой, были пастухами. Пастушеская же жизнь, съ ея привольемъ и лѣнью, располагаетъ къ мечтательности, къ изощренію мысли и слова, къ поэзіи. Тамъ, на снѣговой вершинѣ Киллены, небо соприкасается съ землей: тамъ богъ неба, Зевсъ, оплодотворилъ богиню-Землю, которую аркадцы называли просто „матушкой“, Мая; сыномъ Зевса и Маи былъ килленскій Гермесъ. Отъ Гермеса пошло все сущее; его, поэтому, почитали на Килленѣ подъ видомъ символа зиждительной силы природы. Гермесъ былъ по существу своему всеобъемлющимъ аркадскимъ богомъ; все-же, въ представленіи о немъ, господствующими стали тѣ черты, которыя обусловливались своеобразнымъ бытомъ аркадцевъ. Прежде всего, поэтому, Гермесъ былъ богомъ-покровителемъ пастушеской жизни; его охотно изображали какъ самаго желаннаго гостя пастуховъ, возвращавшаго имъ отбившагося отъ стада барашка (Hermês Kriophoros)... Все-же, въ качествѣ таковаго, Гермесу пришлось выдержать особаго рода конкурренцію: у сосѣдей усердно правился культъ Аполлона Карнейскаго, который, какъ Аполлонъ Nomios, тоже былъ пастушескимъ богомъ. Наши аркадцы не смутились: ихъ богъ былъ все-таки „лучше“. И вотъ, въ доказательство этого положенія ихъ пѣвцы сложили пѣсню о томъ, какъ Гермесъ, еще будучи младенцемъ, удачно увелъ у Апол-

лона цѣлое стадо быковъ. Этимъ авторитетъ бога-конкуррента былъ окончательно подорванъ: уже конечно, если Аполлонъ собственнаго стада досмотрѣть не могъ, то было рискованно довѣрять ему другія.

Я только-что упомянулъ о пѣвцахъ; дѣйствительно, таковые въ Аркадіи были. Пѣснопѣніе—естественный плодъ созерцательной пастушеской жизни; свои однообразныя, тягучія думки аркадскіе сказители сопровождали игрой на безхитростномъ струнномъ инструментѣ, резонансъ котораго образовала выдолбленная черепаха, chelys. Само собой было понятно, что этотъ инструментъ былъ имъ подаренъ тѣмъ же Гермесомъ, который такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи оказался счастливымъ соперникомъ Аполлона. Но, разумѣется, важнѣе струнной игры было содержаніе пѣсни, умѣнье слагать слова и мысли: и это умѣнье было дано человѣку Гермесомъ, почему самое искусство „объясненія" (греч. hermêneuein) получило отъ него свое имя, и самъ онъ позднѣе, какъ дарователь и покровитель рѣчи, получилъ почетный эпитетъ: logios.

Таково было попеченіе Гермеса о своихъ поклонникахъ при жизни; но онъ не оставлялъ ихъ и послѣ смерти. Я уже упоминалъ о таинственныхъ „катавотрахъ" аркадской земли, наводившихъ людей на мысль о непосредственномъ сосѣдствѣ царства тѣней; подъ вліяніемъ этого сосѣдства произошло нѣчто безпримѣрное въ религіяхъ греческихъ племенъ—было допущено, что тотъ же Гермесъ сопровождаетъ души и въ загробный міръ, разрывая такимъ образомъ завѣсу, которая для всѣхъ прочихъ боговъ и людей отдѣляетъ оба міра одинъ отъ другого. Гермесъ почитался поэтому какъ „проводникъ душъ" (psychopompos); онъ владѣетъ золотымъ жезломъ, который заставляетъ ихъ слѣдовать за нимъ по мрачнымъ путямъ—туда, куда скрывается Стиксъ, туда, куда уходятъ волны Стимфальскаго озера. Да, это—могучій жезлъ: стóитъ Гермесу прикоснуться имъ къ бодрствующему человѣку—и онъ засыпаетъ, къ спящему—и онъ пробуждается. Дѣйствительно, будучи посредникомъ между обоими мірами, онъ располагаетъ всей той таинственной силой, которая скрыта въ нѣдрахъ земли, въ обители смерти и сна. Отсюда представленіе о Гермесѣ, какъ о богѣ чаръ и волшебства; читатель, конечно, догадался, что его золотой жезлъ—родоначальникъ того волшебнаго жезла, властное движеніе котораго давало силу и дѣйствительность заклинаніямъ всѣхъ маговъ и чародѣевъ послѣдовавшихъ временъ.

Вотъ, въ краткихъ чертахъ, значеніе Гермеса на его аркад-

ской родинѣ; но, какъ извѣстно, его культъ ею не ограничился. Аркадія не могла кормить всѣхъ своихъ сыновъ; не имѣя для нихъ хлѣба въ самомъ буквальномъ смыслѣ, она ихъ выслала во всѣ страны греческаго и не-греческаго міра. Странникъ былъ въ древнемъ мірѣ—особенно въ раннія эпохи—болѣе или менѣе безправнымъ существомъ; въ городахъ его еще охранялъ Зевсъ Гостепріимный, но на дорогахъ никто о немъ не заботился. И вотъ наши аркадцы молились своему родному Гермесу, чтобы онъ ихъ ласково „сопровождалъ" на ихъ переходахъ: такъ-то Гермесъ получилъ новое значеніе, какъ богъ, обезпечивающій безопасность на большихъ дорогахъ, въ сношеніяхъ людей, а затѣмъ и государствъ другъ съ другомъ; его золотой жезлъ сталъ символомъ странствій и торговли, какимъ и остался до сихъ поръ. Но какую жизнь вели эти странствующіе аркадцы?—Жизнь авантюристовъ; что̀ имъ пошлетъ богъ—т.-е. тотъ же Гермесъ—то и хорошо. Сегодня кто-нибудь разсказомъ потѣшилъ или разжалобилъ слушателей—а даромъ рѣчи благословилъ его Гермесъ; завтра онъ выгодно продалъ купленную за безцѣнокъ вещь—торгамъ же покровительствуетъ Гермесъ; иной разъ найдешь что-нибудь хорошее—находку посылаетъ Гермесъ, отъ котораго она и имя получила (hermaion); а прижметъ нужда—позволительно и украсть, если что̀ плохо лежитъ, — воровъ прощаетъ Гермесъ. Мы нисходимъ поневолѣ въ довольно низменный кругъ представленій; что̀ дѣлать: аркадскіе искатели приключеній внѣ своей родины пользовались не наилучшей славой. Это отразилось и на роли Гермеса въ общегреческомъ Олимпѣ: его положеніе здѣсь чисто служебное, соотвѣтствующее положенію его ушедшихъ на отхожіе промыслы аркадскихъ почитателей. Но объ этомъ рѣчь впереди.

За то же и разсказывали они о милостяхъ своего бога, если имъ удавалось, съ горстью золота, вернуться на родину!—здѣсь и быль отдавала сказкой, а Гермесъ, дарователь рѣчи и хитраго ума, даже и не требовалъ строгаго соблюденія истины. О самыхъ славныхъ авантюристахъ ходили цѣлые циклы легендъ: таковыхъ было особенно двое. Одинъ—родной сынъ Гермеса, величайшій въ мірѣ плутъ и стяжатель, Автоликъ (Auto-lykos, „самъ-волкъ"). Онъ,—говоритъ про него Гомеръ,—„всѣхъ людей превосходилъ своимъ умѣньемъ воровать и давать лживыя клятвы: ему это спускалъ Гермесъ", т.-е. далъ ему разъ навсегда, какъ сыну, позволеніе злоупотреблять его именемъ при клятвахъ. Мы только догадываться можемъ о ходившихъ про него и его воровскія продѣлки разсказахъ; традиція сохранила намъ только одинъ

слѣдъ, показывающій, что онъ—родоначальникъ всѣхъ архиплутовъ и въ западноевропейскихъ, и въ нашихъ русскихъ сказкахъ. Этотъ слѣдъ—разсказъ о томъ, какъ онъ добылъ достойную себя подругу жизни въ лицѣ Местры (имя прозрачное, отъ mêdomai; значеніе—„умница"), которая умѣла превращаться въ разныхъ животныхъ и этимъ доставляла деньги своему отцу: обернется лошадью—отецъ ее продастъ, а она въ своемъ первоначальномъ видѣ къ нему вернется. Однажды она такимъ образомъ была продана Автолику, который, разумѣется, перехитрилъ старика, но за то сдѣлалъ его своимъ тестемъ. Другой герой, любимецъ Гермеса—многохитростный Одиссей... Всякій удивится: вѣдь то былъ царь Итаки, мореплаватель, разрушитель Трои! Да, конечно, такимъ былъ онъ у Гомера, который—вѣроятно, послѣ нѣсколькихъ метаморфозъ—принялъ и облагородилъ образъ стариннаго аркадскаго странника. А что онъ первоначально былъ именно этимъ послѣднимъ, это прекрасно помнили аркадцы, которые видѣли въ немъ основателя своего города Фенея, лежавшаго по сосѣдству съ горой Килленой и Стимфальскимъ озеромъ. Да, это былъ старинный любимецъ аркадскаго Гермеса, или, вѣрнѣе, самъ Гермесъ, его земная „ипостась"; оттого-то Гермесъ ему покровительствуетъ въ Одиссеѣ, оттого его мать Антиклея называется дочерью Автолика, оттого его сошествіе въ адъ происходило, по Эсхилу, черезъ „катавотру" Стимфальскаго озера. Мы уже давно отказались отъ мнѣнія, будто Гомеръ даетъ древнѣйшія формы греческихъ миѳовъ: нѣтъ, они у него прошли черезъ горнило іонійской культуры въ малоазійскихъ колоніяхъ, первоначальныя же формы сохранились въ собственной Греціи, пріуроченныя къ культамъ, которые спасали ихъ отъ забвенія и извращенія.

Старинное миѳологическое тожество Одиссея съ Гермесомъ помогаетъ намъ уразумѣть одну странность, сильно смущавшую и древнихъ, и новыхъ миѳологовъ,—а именно ту генеалогію, въ силу которой извѣстный аркадскій богъ, козловидный *Панъ*, называется сыномъ Гермеса и—Пенелопы; но этимъ сущность этого страннаго „бога" еще не объяснена. Чтобы ее понять, мы должны погрузиться въ наивную грубость первобытныхъ представленій, когда чудесный инстинктъ животныхъ породъ заставлялъ видѣть въ нихъ существа не низшаго, а высшаго разряда, въ сравненіи со слабымъ, безпомощнымъ человѣкомъ. Аркадскіе пастухи, для которыхъ козы были и кормилицами, и благодѣтельницами, представляли себѣ своего бога въ видѣ козла; я думаю даже, это была первоначальная форма аркадской религіи, предшествовавшая

герметизму. Съ воцареніемъ послѣдняго, какъ болѣе совершенной религіозной формы, пришлось поставить оба божества въ связь между собой; самымъ естественнымъ было сдѣлать Пана сыномъ Гермеса. Старинный рапсодъ, которому мы обязаны однимъ изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о Панѣ, — авторъ „гомерическаго“ гимна въ его честь—не безъ юмора справился со своей задачей: очень мило изображаетъ онъ испугъ бѣдной родильницы при видѣ своего козлоногаго и рогатаго младенца. Она спаслась отъ него бѣгствомъ, но Гермесъ не смутился; завернувъ сынка въ заячью шкуру, онъ отправился на Олимпъ подѣлиться съ богами своей радостью. И дѣйствительно, всѣ боги обрадовались „и назвали его *Паномъ* за то, что онъ *всѣмъ* усладилъ сердце“. Въ переводѣ логика пропадаетъ: авторъ имя собственное „Pan“ производитъ отъ слова pân—„все“. Несмотря на невозможность этой этимологіи (Pan, род. Panos, очевидно, не можетъ имѣть ничего общаго съ pân, род. pantos), она стала очень популярной; но, конечно, болѣе вдумчивые потомки не удовольствовались наивной мотивировкой пѣвца - гомерида. Богъ пастуховъ и стадъ, богъ дикой природы напрашивался подъ болѣе глубокомысленное *пан*теистическое толкованіе. Стали въ немъ видѣть „всебога“, олицетвореніе природы въ ея совокупности; результатомъ этихъ спекуляцій явилась, уже въ эпоху борьбы христіанства съ язычествомъ, столь извѣстная легенда о „смерти великаго Пана“. Но и торжествующее христіанство не предало забвенію языческаго „всебога“: вѣрное своему стремленію превращать побѣжденныя божества въ демоновъ, оно и Пана съ его звѣринымъ обликомъ возвело въ духа тьмы и зла. Древнѣйшія изображенія діавола несомнѣнно примыкаютъ къ козлоногому рогатому чудовищу, при видѣ котораго родная мать въ испугѣ бѣжала съ родильнаго ложа. Такова была странная судьба, ожидавшая въ будущемъ странное божество дикой Аркадіи.

II.

Мы забѣжали впередъ; возвращаемся теперь къ Гермесу и герметизму. На одинъ вопросъ мы пока еще не дали отвѣта, а именно: было ли съ этой древнѣйшей аркадской религіей Гермеса соединено какое-нибудь *ученіе*? Поставить этотъ вопросъ необходимо въ виду того, что позднѣйшій герметизмъ, тотъ, который мы назвали „соперникомъ христіанства“, былъ именно ученіемъ, и притомъ, какъ читатель увидитъ, очень серьезнымъ и

глубокомысленнымъ. Замѣчу тутъ же, что, отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, я расхожусь съ моими предшественниками, которые склонны выводить позднѣйшее герметическое ученіе цѣликомъ либо изъ платоническихъ, либо изъ египетскихъ источниковъ. Конечно, намъ отъ этого древнѣйшаго, отъ *аркадскаго* герметическаго ученія остались лишь незначительные слѣды; все-же они есть, и своей наличностью свидѣтельствуютъ о томъ цѣломъ, которое ихъ оставило.

Всякое религіозное ученіе должно отвѣтить на два вопроса, которые прежде всего представляются уму человѣка, переступившаго черезъ порогъ сознанія: на вопросъ,—откуда мы произошли, и на вопросъ,—что̀ съ нами будетъ послѣ смерти. Другими словами, оно должно содержать и космогоническую, и эсхатологическую часть.

Начнемъ съ послѣдней. Читатель не забылъ сказаннаго выше объ аркадскихъ „катавотрахъ", служившихъ по народной вѣрѣ входами въ подземное царство; здѣсь, гдѣ человѣкъ чувствовалъ себя непосредственнымъ сосѣдомъ невидимаго міра, не могло не возникнуть вопросовъ о его тайнахъ, о томъ, что̀ насъ ждетъ за завѣсой смерти. Я уже сказалъ также, что для Гермеса входъ въ этотъ міръ представлялся открытымъ; то же самое допускалось и для Одиссея, что̀ вполнѣ объясняется его первоначальнымъ тожествомъ съ Гермесомъ. Такія фикціи въ древнихъ религіяхъ никогда не возникаютъ безцѣльно: подобно тому, какъ возвращеніе изъ преисподней похищенной Персефоны должно было служить порукой за достовѣрность элевсинскаго ученія,— какъ отправленіе Орфея за умершей Эвридикой было необходимымъ условіемъ вѣры людей въ орфическія таинства—также и въ нашемъ случаѣ, сошествіе въ адъ Гермеса и Одиссея могло быть лишь эпическимъ предисловіемъ къ книгѣ откровеній. Человѣку вдумчивому, хотя бы и расположенному къ вѣрѣ, свойственно спрашивать:—откуда вы знаете то, что̀ вы намъ разсказываете о „странѣ безъ возврата"?—Отвѣтъ одинъ: отъ нашего бога (или героя).—А онъ откуда знаетъ?—Отвѣтъ опять неизбѣженъ: онъ тамъ былъ и оттуда, не въ примѣръ прочимъ, вернулся. Повторяю, существованіе миѳа о такомъ „сошествіи"— вѣрный слѣдъ существованія ученія о загробномъ мірѣ у того племени, которое создало самый миѳъ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ самый разсказъ о сошествіи Одиссея у Гомера: его немотивированность въ рамкахъ эпической фабулы давно уже отмѣчена критикой; видно, прочно держалось оно въ народномъ сознаніи, если пѣвецъ не счелъ возможнымъ имъ пожертвовать.

Правда, Гомеръ переноситъ сошествіе Одиссея за океанъ, въ страну не видящихъ солнца киммерійцевъ; но тутъ уже этнологія насъ учитъ, что это—представленіе позднѣйшее, имѣющее своимъ условіемъ возникновеніе обычая сжиганія покойниковъ, вмѣсто ихъ первоначальнаго погребенія. И мы видѣли уже, что рядомъ съ этой формой преданія существовала другая, болѣе древняя—та, которой слѣдуетъ Эсхилъ. Не за океаномъ, нѣтъ—въ своей родной Аркадіи аркадскій герой Одиссей спустился въ подземное царство; жители береговъ Стимфальскаго озера переправили его на другую его сторону, къ мрачному гроту, черезъ который онъ сошелъ. Изъ этихъ жителей состоялъ хоръ Эсхиловой трагедіи (Psychagôgoi, т.-е. „вызыватели тѣней"); случайно Аристофанъ сохранилъ намъ одинъ стихъ изъ ихъ хорической пѣсни: „Гермеса-родоначальника чтимъ мы, живущее у озера племя". „Это говорятъ аркадцы",—поясняетъ древній толкователь, имѣвшій еще возможность читать эту несохранившуюся намъ трагедію,—„и вотъ почему: на аркадской горѣ Киллен̂ѣ почитался Гермесъ; такъ вотъ вслѣдствіе этого, существовавшаго съ незапамятныхъ временъ, культа онъ считался ихъ родоначальникомъ. *Они поютъ и нѣкую миѳоподобную исторію.* А подъ озеромъ онъ разумѣетъ Стимфальское, тоже въ Аркадіи". Изъ этой трагедіи мы несомнѣнно узнали бы много достовѣрнаго и интереснаго объ аркадской эсхатологіи; тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что она до насъ не дошла. Правда, и Гомеръ разсказываетъ подробно о сошествіи Одиссея, но такъ какъ онъ не сохранилъ аркадской локализаціи, то было бы рискованно ставить его разсказъ въ счетъ аркадцамъ. Но какъ бы тамъ ни было, самый фактъ существованія аркадской эсхатологіи врядъ ли можетъ быть подверженъ сомнѣнію.

Второй отвѣтъ долженъ былъ касаться космогоніи. И на него мы находимъ намекъ въ вышеприведенномъ стихѣ Эсхила, согласно которому аркадцы почитали Гермеса какъ своего родоначальника. Это представленіе показалось страннымъ древнему толкователю, который объясняетъ его происхожденіе исконностью культа Гермеса на аркадской Килленѣ; для насъ это объясненіе необязательно, и надежнѣе будетъ, не вдаваясь въ изслѣдованіе причинъ, понимать свидѣтельство Эсхила въ буквальномъ смыслѣ, несмотря на его странность. А странность дѣйствительно есть: мы знаемъ, что боги сплошь и рядомъ считались родоначальниками знатныхъ родовъ, но чтобы цѣлое племя, какъ здѣсь, могло называть бога своимъ родоначальникомъ — это явленіе едва ли не единичное; обыкновенно простые смертные происхо-

дятъ непосредственно „отъ земли". И такъ уже однимъ этимъ герметическая космогонія отличалась отъ общегреческой, или отъ другихъ греческихъ,—что согласно ей Гермесъ былъ родоначальникомъ своего народа, т.-е. человѣчества, такъ какъ эти понятія въ первобытныхъ космогоніяхъ совпадаютъ; но мы можемъ прибавить еще одно свидѣтельство, которое мы только теперь, вслѣдствіе одной счастливой находки, научились понимать.

Уже давно было извѣстно, что аркадцевъ другіе греки дразнили кличкой „долунныхъ людей" (proselênoi); по приведенному уже выше древнему схоліасту Аристофана эта насмѣшка имѣла основаніемъ „*исторію*, что аркадцы жили въ своихъ пустыняхъ въ эпоху до сотворенія луны". Опять, какъ видитъ читатель, нашъ авторъ цитируетъ „исторію"; не позволительно ли будетъ допустить, что онъ въ обоихъ случаяхъ имѣетъ въ виду одну и ту же „миѳическую исторію", а именно древнеаркадскій космогоническій эпосъ? Но какъ бы тамъ ни было: несомнѣнно, что по аркадскому представленію о происхожденіи міра ихъ родоначальники жили уже въ такія времена, когда еще не было ни луны, ни (повидимому) солнца. Остальнымъ эллинамъ это представленіе показалось дикимъ; дѣйствительно, по остальнымъ космогоніямъ сначала произошелъ міръ съ землей, небомъ и украшающими небо свѣтилами, а затѣмъ готовую уже свою обитель населилъ человѣкъ. И опять странность представленія повела къ попыткамъ иначе толковать слово proselênoi: по однимъ поводамъ къ мнимой путаницѣ послужило имя якобы аркадскаго племени „селенитовъ", по другимъ — имя ихъ якобы древняго царя Проселена, по третьимъ — преданіе, что они разбили какихъ-то своихъ враговъ до восхода луны. Нѣтъ надобности опровергать эти извороты, несостоятельность которыхъ очевидна: правильность буквальнаго толкованія получила недавно блестящее подтвержденіе. Среди купленныхъ Рейценштейномъ въ Египтѣ и привезенныхъ въ Страсбургъ папирусовъ оказался одинъ космогоническій отрывокъ, изданный имъ въ брошюрѣ: „Zwei religionsgeschichtliche Fragen" (Страсбургъ, 1901); сообщаю въ нижеслѣдующемъ его русскій переводъ, печатая курсивомъ тѣ слова, которыя—вслѣдствіе недостаточной сохранности папируса —приходится дополнить. Нашъ отрывокъ начинается съ разсказа о томъ, какъ Зевсъ родилъ Гермеса,—

Выдѣливъ нѣкую долю своей многообразной силы;
Онъ-то и есть вѣчно юный Гермесъ, мой богъ-прародитель.
Много наказывалъ сыну отецъ, чтобы *міръ* онъ прекрасный
Создалъ, и жезлъ золотой ему передалъ, жезлъ многосильный,

Жезлъ, что разумнымъ отцомъ сталъ всякому хитрому дѣлу.
Съ нимъ поспѣшаетъ Гермесъ, усердно исполнить желая
Волю отца своего; а отецъ, высоко возсѣдая,
Съ радостнымъ сердцемъ на сына великое дѣло взираетъ.
Глянулъ Гермесъ на чудесный, четыреединый зародышъ,
Глянулъ—и очи сомкнулъ отъ повсюду разлитаго свѣта;
Медленно взоръ укрѣпивъ, онъ вѣщалъ *ему властное* слово:
„*Слушайте, дѣти* эѳира: самъ *Зевсъ, мой родитель державный*,
„Нынѣ свой прежній раздоръ прекратить *объявляетъ* стихіямъ;
„*Слову* вы бога внемлите и всѣ по мѣстамъ разойдитесь.
„Лучшее вамъ *предстоитъ на грядущее время* общенье:
„Я васъ любовью проникну, вселю въ васъ взаимную жажду,
„Чтобы для *участи* лучшей сойтись вы другъ съ другомъ желали".
Такъ онъ сказалъ—и жезломъ золотымъ прикоснулся къ стихіямъ:
Тишь безмятежная тотчасъ *весь бурный хаосъ* охватила,
Тотчасъ отъ битвъ неустанныхъ своихъ отказались стихіи
И, расходясь, удалились на должное каждая *мѣсто*.
Тотчасъ разсѣянный свѣтъ *во единомъ сплотился эѳиръ*,
И вѣковой *непорядокъ благая законность смѣнила*.
Стихла всемірная распря. А *сынъ* всеродителя Зевса
Первымъ *эѳиръ* лучезарный, *чудесную свѣта обитель*
Въ дивное *двинулъ* вращенье *вокругъ обновленной природы*.
Этимъ онъ создалъ небесную твердь; въ украшеніе *небу*
Создалъ онъ семь поясовъ; *къ поясамъ этимъ семь онъ приставилъ*
Духовъ-властителей звѣздъ, что блужданіемъ рокъ направляютъ,
Плотно, одинъ подъ другимъ, *поясами другъ друга касаясь*,
И загорѣлись повсюду *на тверди небесной свѣтила*.
А посреди, *на устояхъ* онъ землю воздвигъ нерушимыхъ,—
Землю *стезею* наклонной онъ оси скрѣпилъ неподвижной,
Что отъ палящаго юга ведетъ къ ледовитому Аркту.
Здѣсь онъ рѣкой-океаномъ *сухой материкъ опоясалъ*
Бѣшеной, вѣчно мятежной, межъ *двухъ половинъ его вдвинувъ*
Средній заливъ, *что съ заката до дальнихъ предѣловъ востока*
Тянется, сильной плотиной высокихъ бреговъ укрѣпленный.
Такъ вокругъ суши-сестры *необъятной тесьмой разлилася*
Влага, блуждающихъ *волнъ и вѣтровъ вѣковая обитель*;
Ось же земную съ обоихъ концовъ оба полюса давятъ...
. . . .
. . . .
Не было круга *еще* Геліоса, ни даже Селена
Не *потрясала* вожжей, погоняя телицъ кривоногихъ;
Ночь непрестанно текла, не смѣняяся дня появленьемъ,
Слабо мерцающихъ звѣздъ лишь слегка озаренная свѣтомъ.
Съ этою думой Гермесъ по туманному воздуху бродитъ,
Но не одинъ: многосильный съ нимъ сынъ его шествуетъ—Логосъ,
Парою крыльевъ быстрыхъ украшенный, вѣчно правдивый,
Съ силой святой убѣжденья на вѣщихъ устахъ непреложныхъ,
Помысловъ чистыхъ отца своего возвѣститель летучій.
Съ нимъ-то нисходитъ на землю *Гермесъ, устроитель вселенной*,
Съ нимъ пробѣгаетъ онъ весь материкъ, озираясь *усердно*,

Въ поискахъ мѣстъ благодатныхъ, гдѣ могъ бы онъ городъ воздвигнуть
Полный *обильныхъ даровъ*, чтобъ, воздвигнутый, былъ онъ достоинъ
Родъ *человѣческій* ясный принять *въ свои вѣрныя стѣны.*
Но *не направилъ Гермесъ свой путь* къ ледовитому-Аркту,
Въ поискахъ мѣстъ благодатныхъ: онъ зналъ, что въ той части вселенной
Землю густой пеленою тяжелый туманъ окружаетъ,
Тучами злыми давимый, бичуемый снѣжною вьюгой;
Зналъ, что безплодна тамъ почва, корой ледяною покрыта,
И неспособна взростить человѣческій родъ. Но и къ *югу*
Онъ не направилъ свой путь, къ раскаленнымъ предѣламъ вселенной,
Въ поискахъ мѣстъ благодатныхъ: онъ зналъ, что, лишенная влаги,
Не производитъ ни травъ, ни животныхъ породъ его почва,
Что не вѣнчаютъ пустынныхъ высотъ дождевосныя тучи,
Что надъ громадами скалъ, надъ сухими песками недвижно
Знойный покоится воздухъ, *прохладной* не знающій тѣни.
*Нѣтъ,—такъ подумалъ Гермесъ,—*двѣ *суши* нашъ міръ составляютъ:
Полная мразовъ одна, а другая – безсмѣннаго зноя;
Съ Арктомъ граничитъ *одна, а другая*—съ огнемъ всепаляющимъ;
Обѣ принять неспособны людей плодоносное сѣмя,
Но посрединѣ есть островъ; теперь его заняли *горы:*
Тѣ, пораздвинувшись, *примутъ дома* и селенія *смертныхъ*;
Примутъ и рѣкъ животворныхъ струи, дочерей Океана;
Горы въ надѣлъ даровалъ онъ нимфамъ, владычицамъ пастбищъ:
Къ высшей жезломъ прикоснулся; и вотъ изъ средины *ущелья*
Брызнулъ Ладонъ. Его илъ плодоносный Аркадія *тотчасъ*
Въ лонѣ сокрыла своемъ,— а затѣмъ, когда время настало,
Міру явила желанную дочь, миловидную Дафну.

О значеніи этой космогоніи скажу тотчасъ,—теперь же укажу только на стихи, съ которыхъ начинается вторая половина отрывка. „Не было круга еще Геліоса, ни даже Селена...“, когда былъ созданъ родъ человѣческій;—итакъ, этотъ родъ былъ дѣйствительно „долуннымъ“; древнюю насмѣшку слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Но что̀ сказать обо всей космогоніи, съ которой насъ знакомитъ переведенный отрывокъ—и которую мы поэтому, за неизвѣстностью ея автора, будемъ называть *страсбургской космогоніей?* Имѣемъ ли мы здѣсь дѣйствительно древнюю космогонію аркадскаго герметизма, ту самую „миѳическую исторію“, на которую ссылается греческій толкователь Аристофана? Нѣтъ, конечно; та форма космогоническаго миѳа, которую намъ сохранилъ нашъ отрывокъ, содержитъ въ себѣ и ученіе о стихіяхъ, и астрологію, и спекуляцію о Логосѣ—она не древнѣе возникновенія стоицизма, впервые соединившаго въ себѣ эти элементы, т.-е. III-го вѣка до Р. Х. Но она несомнѣнно имѣетъ въ своемъ осно-

ваніи ту древне-аркадскую космогонію: изъ нея она заимствовала идею о Гермесѣ-устроителѣ міра, о сотвореніи человѣка до происхожденія великихъ свѣтилъ, объ Аркадіи, какъ колыбели человѣчества. Ея же значеніе состоитъ въ томъ, что она представляетъ намъ герметическую религію, хотя и развитую включеніемъ въ нее позднѣйшихъ философскихъ спекуляцій, но развитую на чисто греческой почвѣ, безо всякой примѣси иноземныхъ и спеціально египетскихъ началъ. Въ этомъ отношеніи она является звеномъ между древне-аркадскимъ и позднѣйшимъ греко-египетскимъ герметизмомъ—и притомъ, скажу это тотчасъ, звеномъ единственнымъ; только съ момента ея открытія—т.-е. съ 1901 г.—мы получили возможность прослѣдить съ самой колыбели ростъ и развитіе того герметизма, который позднѣе сталъ соперникомъ христіанства. Не понялъ этого ея значенія первый ея издатель, Рейценштейнъ, который во что̀ бы то ни стало хотѣлъ пріобщить и ее къ греко-египетскому герметизму; но, разумѣется, здѣсь не мѣсто полемизировать съ нимъ ни объ этомъ его воззрѣніи, ни по поводу разныхъ частностей возстановленія поэмы. Предоставляя себѣ высказать свои, сюда относящіяся, соображенія въ спеціально филологическомъ о̀рганѣ, прошу читателя прослѣдить со мной развитіе аркадскаго герметизма—прежде всего на греческой, хотя и внѣ-аркадской почвѣ.

III.

Какимъ образомъ Гермесъ очутился на этой внѣ-аркадской почвѣ—это явствуетъ уже отчасти изъ того, что̀ было замѣчено выше (гл. I). Носителями его культа были тѣ выходцы изъ Аркадіи, которыхъ бѣдность страны заставляла служить наемниками въ другихъ государствахъ Греціи. Скромное положеніе этихъ носителей отразилось также и на положеніи бога, которому они служили: Гермесъ сталъ членомъ греческаго пантеона, да, но не равноправнымъ членомъ, а какъ слуга и вѣстникъ прочихъ боговъ, главнымъ образомъ—Зевса. Припомнимъ того Гермеса, котораго боги въ Одиссеѣ посылаютъ къ Калипсо передать ей приказаніе относительно Одиссея: легко ли въ этомъ послушномъ орудіи чужой воли признать Гермеса аркадской космогоніи, устроителя міра и творца человѣческаго рода? Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи замѣтна разница между обѣими Гомеровскими поэмами: уже давно было замѣчено, что Иліада въ своихъ древнихъ частяхъ не знаетъ Гермеса; здѣсь вѣстницей боговъ

выступаетъ Ирида. Лишь Одиссея замѣнила ее Гермесомъ; оно и понятно—мы видѣли вѣдь, что герой этой поэмы былъ древне-аркадскимъ витяземъ, и легко поймемъ, что за нимъ послѣдовалъ и его богъ-покровитель.

Такъ-то пріобщеніе Гермеса къ греческому пантеону происходитъ, можно сказать, на нашихъ глазахъ; все-же, хотя и будучи сравнительно позднимъ пришельцемъ на Олимпѣ, онъ не сталъ изъ-за этого ни менѣе извѣстнымъ, ни менѣе любимымъ. Его культъ широко распространился по Элладѣ; повсемѣстно справлялись праздники и игры въ его честь. Отъ аркадскихъ искателей счастья и другіе путники научились молиться ему, чтобъ онъ оберегалъ ихъ на проѣзжихъ дорогахъ, какъ „дорожный" Гермесъ: груды камней, собранныя благочестіемъ странниковъ, свидѣтельствовали объ этой сторонѣ его силы. Въ болѣе культурныхъ мѣстностяхъ этотъ первобытный объектъ почитанія былъ замѣняемъ каменными же прямоугольными столбами, такъ-называемыми „гермами", съ головой бога; такихъ „гермъ" и намъ сохранено множество, и онѣ краснорѣчивѣе прочаго свидѣтельствуютъ о распространенности его культа. Болѣе же всего нуждаются въ безопасности дорогъ тѣ, которые по нимъ проѣзжаютъ съ товарами: Гермесъ сталъ любимымъ заступникомъ купцовъ, которому они молились въ трудныя минуты своей жизни, дарующимъ имъ и счастливый путь, и выгодную торговлю—на то онъ „богъ прибыли". Вѣстники и глашатаи видѣли своего естественнаго покровителя въ томъ, кому самъ царь боговъ повѣрялъ свои тайныя порученія для сообщенія ихъ кому слѣдуетъ, и болѣе никому: тутъ богъ изворотливости, богъ обмана и хищенія превращался въ блюстителя вѣрности и правды, строго карающаго того, кто злоупотреблялъ оказаннымъ ему довѣріемъ. Но въ остальномъ онъ все-таки богъ ловкости, физической и умственной: ему за то были посвящены палестры, гдѣ юноши учились борьбѣ и кулачному бою, а равно и состязанія въ томъ и въ другомъ; но также и за даръ слова благодарили Гермеса—впрочемъ, въ немъ вначалѣ вѣстники и купцы нуждались болѣе палестритовъ, и лишь современемъ греческая молодежь научилась цѣнить ту помощь, которую ей въ ея образованіи и будущей дѣятельности приносилъ Hermês Logios. Тѣмъ не менѣе, въ его естествѣ это качество исконное: оттого-то при жертвоприношеніяхъ языки жертвеннаго животнаго отрѣзывались въ честь Гермеса.

Итакъ, велико было значеніе Гермеса въ человѣческой жизни; прочно привился его культъ во всей Греціи, государства кото-

рой охотно ставили его въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ своимъ главнымъ богамъ и богинямъ. Вездѣ онъ ближайшій слуга и вѣстникъ своего отца Зевса, сопровождающій его во всѣхъ его странствіяхъ... Оттого-то еще въ эпоху апостоловъ народъ въ Листрѣ „называлъ Варнаву Зевсомъ, а Павла—Ерміемъ, потому что онъ начальствовалъ въ словѣ“ (Дѣян. апост. 14, 12). Своему единокровному брату, Аполлону, онъ—лучшій другъ и товарищъ; при этомъ видно, что люди болѣе уважали и боялись Аполлона, Гермеса же любили запросто, какъ своего человѣка. Они, впрочемъ, почти ровесники; много моложе представлялся другой божественный братъ Гермеса, Діонисъ, котораго онъ въ его младенчествѣ пѣстуетъ и тѣшитъ виноградной гроздью... Читатель помнитъ, конечно, знаменитую статую Праксителя. Съ богинями отношенія, конечно, иныя; совмѣстность культовъ бога и богини въ Греціи вела обыкновенно къ ихъ половому сочетанію, причемъ въ предѣлахъ одного и того же государства никакого соблазна не получалось, такъ какъ здѣсь это сочетаніе выражалось бракомъ; такъ, мы видимъ въ одномъ городѣ Гермеса въ сочетаніи съ Афродитой, въ другомъ—съ Деметрой, въ третьемъ—съ ея дочерью Персефоной, въ четвертомъ—съ Гекатой, во многихъ—съ той или другой нимфой. Труднѣе всего было примирить его съ законной супругой его отца, съ Герой, очень не любившей незаконно прижитыхъ дѣтей своего мужа; но и она, увидѣвъ однажды дивно прекраснаго малютку-Гермеса, не удержалась отъ того, чтобы не покормить его своею грудью—и только узнавъ, кого она кормитъ, съ гнѣвомъ и отвращеніемъ отбросила его. Брызнуло молоко богини, разлетѣлись брызги по небесной тверди: оттого и произошелъ „млечный путь“.

Все это были отрадныя, бодрящія представленія; но врядъ ли не сильнѣе еще дѣйствовалъ Гермесъ на воображеніе эллиновъ другой, „хтонической“, стороной своего естества. Мы знаемъ уже, что, по вѣрованіямъ аркадцевъ, Гермесъ имѣлъ доступъ въ подземное царство. Здѣсь кончалась власть олимпійскихъ боговъ; ни свѣтлый Аполлонъ, ни веселый Діонисъ, не навѣщали блѣднаго луга усопшихъ; самъ Зевсъ не переступалъ предѣловъ обители, навѣки отданной во владѣніе его брату, Аиду. Для насъ это раздвоеніе божественной власти—чуждое и странное представленіе, и намъ трудно съ нимъ освоиться; но для грека оно было привычнымъ и естественнымъ, и гораздо болѣе поразительнымъ казался имъ религіозный фактъ, что одинъ и тотъ же богъ одинаково властвуетъ и здѣсь, и тамъ. Вотъ почему аркадскій Гермесъ,

будучи принятъ въ общегреческій пантеонъ, занялъ въ немъ исключительное мѣсто посредника между міромъ живыхъ и міромъ умершихъ. Таковымъ знаетъ его уже послѣдняя пѣснь Одиссеи (ст. 1 сл., пер. Жуковскаго):

Ермій тѣмъ временемъ, богъ килленейскій, мужей умерщвленныхъ
Души изъ труповъ безчувственныхъ вызвалъ; имѣя въ рукахъ свой
Жезлъ золотой—по желанью его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у сонныхъ.
Имъ онъ взмахнулъ, и, столпясь, полетѣли за Ерміемъ тѣни
Съ пискомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прикрѣпленныя—если одна, оторвавшись,
Свалится нà земь съ утеса, пищатъ, въ безпорядкѣ порхая,
Такъ, запищавъ, полетѣли за Ерміемъ тѣни; и велъ ихъ
Ермій, въ бѣдахъ покровитель, къ предѣламъ тумана и тлѣнья.

Таковымъ онъ остался на все время жизни греческой религіи. „Гермесъ его взялъ“,—говорили о человѣкѣ, котораго настигла смерть. Повидимому, онъ представлялся ходящимъ по домамъ людей и высматривающимъ тѣхъ, кому суждено промѣнять царство свѣта на обитель мрака; если поэтому среди оживленной бесѣды наступало молчаніе, то говорили, что „Гермесъ вошелъ“. У христіанъ, какъ извѣстно, Гермеса въ этой роли замѣняетъ „тихій ангелъ“, ангелъ чего—это видно изъ сказаннаго.—Какой смыслъ имѣетъ это сопровожденіе души? Предполагалось ли, что безъ проводника душѣ не удалось бы найти путь въ преисподнюю? Или что безъ его принужденія, безъ его грознаго жезла она не согласилась бы оставить тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями ея жизни? Или, наконецъ, что онъ оберегалъ ее на ея пути къ тѣнямъ и охранялъ отъ опасностей, которыя ей угрожали отъ чудовищъ подземнаго міра?.. Замѣчу теперь же, что это послѣднее представленіе мы находимъ въ египетской религіи, гдѣ Гермеса замѣняетъ рано съ нимъ отожествленный богъ Тотъ; есть, однако, слѣды, доказывающіе, что нѣкогда оно было свойственно и греческой эсхатологіи (такова та лепешка, которую давали покойнику для усмиренія страшнаго пса Кербера). Вообще же мы не ошибемся, допуская, что всѣ три объясненія были въ ходу; мы и нынѣ ихъ можемъ указать въ различныхъ памятникахъ греческой религіи.

И какъ Гермесъ провожаетъ душу на тотъ свѣтъ, такъ онъ же, въ исключительныхъ случаяхъ, ведетъ ее обратно къ міру живыхъ. Намъ сохранился прекрасный и старинный барельефъ, изображающій Орфея и Эвридику; Орфей неосторожно оглянулся—Гермесъ беретъ за руку Эвридику, которую онъ со-

провождалъ, чтобы увести ее обратно. А разъ это такъ, то понятно, что всякое общеніе живого съ умершимъ возможно только при посредничествѣ Гермеса. Когда у Эсхила Орестъ или Электра молятся на могилѣ отца—они первымъ дѣломъ обращаются къ Гермесу, чтобы тотъ донесъ ихъ молитвы до слуха его души; когда у того же Эсхила персы вызываютъ душу своего покойнаго царя Дарія, чтобы услышать отъ нея совѣтъ въ годину бѣдствій, они просятъ „Землю, Гермеса и царя подземныхъ" отпустить его на свѣтъ. Эсхилъ былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ—и такихъ, какъ онъ, было много въ тѣ времена. Земля была источникомъ и хранилищемъ всякаго знанія; душа, нисходя въ землю, пріобщалась ея знаніямъ и могла, если ей это дозволяли, подѣлиться ими съ живущими. Отсюда обрядъ „некромантіи", одинъ изъ самыхъ страшныхъ способовъ волшебства; и отсюда также значеніе Гермеса, какъ владыки чаръ. Значеніи это, очень крупное уже и въ эпоху Эсхила, должно было расте и расти, чѣмъ болѣе стекалось въ Грецію восточныхъ маговъ и чародѣевъ, охотно искавшихъ для своихъ чужеземныхъ практикъ опоры въ исконно греческихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ.

Но Земля—источникъ не только знанія, но и богатствъ: ея царь, Аидъ, въ то же время и Плутонъ. Изъ нѣдръ земли течетъ живительная сила, вливающаяся въ зрѣющій колосъ; оттуда же исходятъ таинственныя чары, вслѣдствіе которыхъ въ малоцѣнной рудѣ выростаетъ золотой самородокъ. Хлѣбъ—даръ Деметры, но золото—„даръ Гермеса"; такъ называетъ его тотъ же Эсхилъ. А золото — объ этомъ на всѣ лады поетъ увлекающаяся муза ходячей мудрости: золото—это достатокъ, золото—это нѣга, золото—это власть... „золото—это смерть",—шепчетъ зловѣщій голосъ изъ далекой глубины народнаго сознанія. Своимъ даромъ подземные духи налагаютъ руку на человѣка; кто его коснется, тотъ отдаетъ себя въ ихъ власть. Гермесъ подарилъ златоруннаго овна царю Пелопсу—и съ того времени проклятіе не переставало тяготѣть надъ домомъ Пелопидовъ, увлекая въ безвременную могилу и Атрея, и Ѳіеста, и Агамемнона, и Эгисѳа, пока его не искупилъ Орестъ. Тотъ же Гермесъ такого же овна, гораздо болѣе знаменитаго, даровалъ беотійскому Фриксу—его руно оказалось роковымъ и для колхидскаго Ээта съ его домомъ, и для ѳессалійца Язона; его властительница, Медея, бродила олицетвореннымъ проклятіемъ по греческому міру, принося гибель тѣмъ, кого она касалась. Отъ того же Гермеса исходило и то „ожерелье Гармоніи", за обладаніе которымъ счастливцы платили преступленіемъ и смертью; все это—тѣ же мотивы, ко-

торые теперь, благодаря „кольцу Нибелунговъ", вновь стали достояніемъ образованнаго міра. Но при всемъ томъ соблазнъ былъ великъ, и Гермесъ, какъ владыка металловъ, былъ предметомъ многихъ молитвъ и учителемъ многихъ чаръ. Какъ сдѣлать, чтобы въ малоцѣнной рудѣ *зародилось* желанное золото? Таковъ былъ первый вопросъ; но вслѣдъ за нимъ не замедлилъ появиться и второй: какъ сдѣлать, чтобы малоцѣнная руда *превратилась* въ желанное золото? Когда вопросъ былъ поставленъ въ этой формѣ—возникло настоящее „герметическое" искусство. Но это случилось лишь позже, и рѣчь объ этомъ впереди.

IV.

Такъ-то вся Греція приняла религію Гермеса, какъ составную часть своей національной религіи; но эту распространенность своей славы аркадскій богъ купилъ цѣной утраты своего космогоническаго значенія. Перворожднымъ сыномъ Зевса, устроителемъ вселенной, онъ остался лишь у себя дома да въ сердцахъ тѣхъ аркадцевъ, которые уносили его культъ за предѣлы страны дубовыхъ рощъ и горныхъ пастбищъ.

Но какъ ни былъ узокъ кругозоръ этого исконнаго и чистаго герметизма—для насъ онъ имѣетъ исключительную важность, такъ какъ именно изъ него развился тотъ, который сталъ „соперникомъ" христіанства; да будетъ намъ поэтому дозволено, прежде чѣмъ идти дальше, нѣсколько обстоятельнѣе обосновать нашу точку зрѣнія на этотъ исконный аркадскій герметизмъ, который нами впервые вводится въ исторію религій. Откуда мы его заимствовали?—Изъ новонайденнаго космогоническаго эпоса. А что̀ дало намъ право пріурочить его основную концепцію именно къ древнеаркадскому герметизму, а не къ грекоегипетскому, о которомъ помышляетъ его издатель? Главнымъ образомъ—старинная насмѣшка надъ „долунными аркадцами". Дѣйствительно, это соображеніе рѣшаетъ дѣло; но не рискованно ли будетъ допустить такую глубину космогонической спекуляціи въ столь древнее время у полудикихъ пастуховъ „Медвѣжьей" страны?—Нимало; прошу читателя вникнуть въ слѣдующій, гораздо болѣе поразительный фактъ. Мы не знаемъ въ точности, когда отъ аркадскаго Гермеса отдѣлился тотъ, который подъ именемъ Кадма или Кадмила сталъ племеннымъ героемъ ѳиванцевъ и владыкой такъ называемыхъ кабирическихъ таинствъ; но тожество Гермеса съ Кадмомъ давно уже замѣчено учеными и

не подвержено сомнѣніямъ. Теперь припомнимъ, что слово Kadmos, этимологически тожественное съ Kosmos (изъ Kod=mos), означаетъ: „міръ, порядокъ"; припомнимъ, что по миѳу этотъ Гермесъ-Кадмъ=Космосъ дѣлается супругомъ Гармоніи, дочери Ареса, бога войны и раздора—не есть ли это точь-въ-точь первая половина переведенной нами космогоніи, въ которой гармонія, происшедшая изъ первобытнаго раздора, сочетается съ міромъ? Трудно представить себѣ болѣе прозрачную спекуляцію; а между тѣмъ миѳъ о Кадмѣ и Гармоніи—миѳъ очень древній, предполагаемый уже въ поэмахъ такъ называемаго эпическаго цикла. Тогда уже, стало быть, существовала герметическая космогонія, и притомъ въ такомъ яркомъ и убѣдительномъ видѣ, что ея отвлеченные принципы—Космосъ и Гармонія—заняли мѣсто тѣхъ боговъ, которые ихъ олицетворяли, и превратились въ миѳическія фигуры. Полагаю, что послѣ этого поразительнаго факта существованіе древнеаркадской герметической космогоніи не покажется уже ни сомнительнымъ, ни неправдоподобнымъ.

Вся бѣда въ томъ, что въ ту эпоху, когда создавалась классическая поэзія грековъ, Аркадія благодушно пасла свои стада, ѣла желуди своихъ дубовыхъ лѣсовъ и высылала на чужбину избытокъ своего населенія, не чувствуя никакой потребности внести свою лепту въ общую сокровищницу эллинской литературы. О тайникахъ ея народной мудрости мало кто зналъ; къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ Сократъ, довѣрчивый ученикъ аркадской пророчицы, мантинеянки Діотимы. Всѣмъ извѣстна его метафизика любви, которую онъ влагаетъ въ уста этой своей учительницѣ: Эротъ, какъ сынъ Пороса („изобрѣтательность") и Пеніи („бѣдность")—это совсѣмъ такая же аллегоризація миѳическихъ образовъ, какъ и въ той герметической космогоніи. Черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ Діотимы началось политическое возрожденіе Аркадіи; стали интересоваться культами и древностями страны, явились и аркадскіе историки. Главнымъ изъ нихъ былъ Ареѳъ (Araithos); жалкіе отрывки, сохранившіеся изъ его сочиненія объ Аркадіи, доказываютъ, все-таки, что онъ обратилъ вниманіе и на аркадскую космогонію. Еще полвѣка, и греческая культура съ войскомъ Александра Великаго занимаетъ долину Нила, и здѣсь—не впервые, конечно, но тѣснѣе, чѣмъ когда-либо—сближается съ древней египетской культурой. Аркадскій герметизмъ переносится на ту почву, на которой ему суждено было получить всемірное значеніе.

Какъ это случилось? Объ этомъ возможны только догадки;

моя—состоитъ въ слѣдующемъ. Существовали старинныя сакральныя связи между Аркадіей и главнымъ греческимъ городомъ въ сѣверной Африкѣ, Киреной: аркадскаго происхожденія было главное киренское божество, богъ пастбищъ, Аристей, да и его мать Кирена была лишь „ипостасью“ аркадской Артемиды: преданіе о Гермесѣ-младенцѣ существовало и въ Киренѣ, благодаря чему тотъ старецъ, который выдалъ его хищническую продѣлку Аполлону, получилъ популярное въ Киренѣ имя Батта; сознаніе этой связи заставило Кирену около средины VI вѣка обратиться въ Аркадію за „исправителемъ“ своего государственнаго строя, котораго она и получила въ лицѣ мантинейца Дамонакта. А Кирена въ свою очередь была посредницей между греческой и египетской культурой; изъ Кирены родомъ былъ родоначальникъ александрійской поэзіи Каллимахъ, изъ Кирены же и самый замѣчательный александрійскій ученый, Эратосѳенъ. Послѣдній былъ также авторомъ эпоса подъ заглавіемъ „Гермесъ“; не позволительно ли предположить, что именно въ немъ Эратосѳенъ познакомилъ александрійцевъ съ аркадской герметической космогоніей? Такъ какъ эпосъ не уцѣлѣлъ, то и контролировать эту часть нашей догадки нельзя; но для ея главной части, касающейся посредничества Кирены, контроль возможенъ. Читатель не забылъ въ переведенномъ мною стихотвореніи то странное мѣсто, гдѣ Гермесъ рѣшаетъ основать городъ, способный принять первыхъ людей. Объ этомъ же пра-городѣ говорится и въ позднемъ герметическомъ діалогѣ „Асклепій“, приписываемомъ Апулею, и здѣсь онъ очень недвусмысленно отожествляется съ Киреной (гл. 27).

Но довольно объ этомъ; такъ или иначе, а аркадскій герметизмъ былъ занесенъ въ Египетъ—въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ. Интересенъ вопросъ, въ какомъ видѣ онъ былъ туда занесенъ; и вотъ на этотъ-то вопросъ отвѣчаетъ намъ новооткрытое стихотвореніе; какъ я уже сказалъ, его важность состоитъ именно въ томъ, что оно—соединительное звено между аркадскимъ и грекоегипетскимъ герметизмомъ. При его анализѣ мы получили три элемента, которые должны были быть признаны производными въ сравненіи съ исконной религіей аркадскихъ пастуховъ: это—1) ученіе о стихіяхъ, 2) вторженіе астрологіи и 3) спекуляція о Логосѣ. Займемся ими поочередно.

V.

Во-первыхъ, ученіе о стихіяхъ. Намѣреваясь устроить „космосъ", т.-е. упорядочить предвѣчную матерію (въ этомъ коренное различіе между эллинской и еврейской концепціей: библейскій Богъ создаетъ міръ изъ ничего, эллинскій—лишь умиротворяетъ враждующіе элементы существующаго уже мірозданія),—Гермесъ опускаетъ свой взоръ на „четыреединый", т.-е. состоящій изъ четырехъ стихій, „зародышъ" міра. Въ числѣ этихъ стихій находится также и огонь; такъ какъ онъ разлитъ повсюду, то вся матерія пылаетъ, богу съ трудомъ удается вынести этотъ безпредѣльный блескъ. По его приказанію стихіи разъединяются, огонь сосредоточивается въ эѳирѣ, остальныя занимаютъ каждая свое мѣсто; онъ предсказываетъ, что отнынѣ онѣ будутъ сходиться во имя любви, а не во имя раздора. Это въ главныхъ чертахъ ученіе Эмпедокла; какимъ путемъ его сочетали съ аркадскимъ герметизмомъ—спрашивать праздно: его популярность была такъ широка, что такихъ путей должно было быть множество.

Во-вторыхъ, вторженіе астрологіи. Состоялось оно, впрочемъ, въ довольно скромныхъ размѣрахъ: семь поясовъ планетъ знаетъ уже и Платонъ, ихъ вліяніе на судьбу людей стало уже въ ближайшее послѣ Александра Великаго время распространеннымъ догматомъ. Конечно, при соединеніи этихъ научныхъ или квази-научныхъ данныхъ съ наивнымъ герметизмомъ древней Аркадіи дѣло не обошлось безъ курьезовъ: Гермесъ создаетъ семь планетныхъ поясовъ, включая, стало быть, поясы солнца и луны,—а между тѣмъ, позднѣе, когда онъ замышляетъ создать человѣка, солнце и луна еще не существуютъ. Мы, однако, благодарны поэту за его небрежность: благодаря ей, мы можемъ съ очевидностью доказать, что астрологическая часть нашей космогоніи была вставкой въ первоначальное герметическое ученіе. Засѣла она, однако, прочно—авторитетъ платонической космогоніи былъ великъ, и древнегерметическое представленіе о „долунности" человѣческаго рода пришлось предать забвенію.

Но главное—это третій пунктъ, спекуляція о Логосѣ. Здѣсь чувствуется наибольшая близость къ христіанству: „Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово былъ Богъ. Оно было въ началѣ у Бога; все черезъ него начало быть, и безъ него ничего не начало быть, что̀ начало быть"... Не кажется ли,

что нашъ космогонистъ пожелалъ дать грубоватую иллюстрацію къ таинственнымъ и глубокимъ словамъ евангелиста?—Но нѣтъ: не Логосъ, какъ таковой, а воплощеніе Логоса („И Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины") есть то новое, чему училъ Іоаннъ; Логосъ же былъ и раньше виднымъ элементомъ греческой, спеціально стоической спекуляціи. Нечего говорить, что какъ таковой онъ былъ въ новѣйшее время предметомъ живѣйшаго интереса философовъ; существуютъ цѣлыя книги, посвященныя вопросу о происхожденіи и развитіи понятія космогоническаго, „вселенскаго" Логоса. Спеціально русская философская литература обладаетъ превосходнымъ изслѣдованіемъ въ указанной области—я имѣю въ виду „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи" кн. С. П. Трубецкого (Москва, 1900). И, разумѣется, я ничуть не желаю уронить значеніе этой или этихъ книгъ, которымъ я самъ многимъ обязанъ: все-же я не могу не указать на одинъ ихъ недостатокъ, въ силу котораго ихъ авторы проглядѣли самую суть дѣла въ вопросѣ о происхожденіи интересовавшаго ихъ понятія. Они подошли къ нему съ умственнымъ настроеніемъ современныхъ метафизиковъ; между тѣмъ, мышленіе той эпохи, когда былъ созданъ Логосъ, было миѳологическимъ, а не метафизическимъ, и Логосъ былъ миѳологэмой много раньше, чѣмъ сталъ философэмой. *Зарожденіе же Логоса, какъ миѳологэмы, состоялось на почвѣ герметизма*—вотъ тотъ новый результатъ, который я желалъ бы привнести въ исторію Логоса; я могу его доказать.

Что Логосъ, какъ зиждущее начало, играетъ важную роль въ герметическихъ книгахъ—это, разумѣется, давно ни для кого не было тайной; но такъ какъ эти книги—о нихъ будетъ еще рѣчь—довольно поздняго происхожденія, то это обстоятельство не имѣло большой важности; полагали, что онѣ заимствовали его либо изъ Евангелія, либо у стоиковъ. Наша страсбургская космогонія не расшатала этого убѣжденія—ея первый издатель склоненъ былъ и ее отнести къ эпохѣ Діоклетіана и приписать ей египетское происхожденіе. Въ противоположность къ этимъ его взглядамъ, я вижу въ ней соединительное звено между древнимъ аркадскимъ и грекоегипетскимъ герметизмомъ; но, конечно, это не исключаетъ возможности, что Логосъ былъ ею заимствованъ изъ стоическаго ученія. Для доказательства моего положенія о герметическомъ происхожденіи Логоса я сошлюсь на слѣдующее обстоятельство.

Читатель не забылъ сказаннаго о древнѣйшемъ козловидномъ богѣ аркадскихъ пастуховъ — объ аркадскомъ Панѣ. Расцвѣтъ

аркадскаго герметизма заставилъ его почитателей поставить его въ генеалогическое отношеніе къ главному богу Гермесу; онъ былъ сдѣланъ его сыномъ. При всемъ томъ его образъ, какъ козловиднаго демона, держался очень прочно въ народномъ представленіи: а такъ какъ его грубость смущала тонкихъ мыслителей-богослововъ, то пришлось подвергнуть его возвышенному толкованію—аллегорія вступила въ свои права. Герметизмъ, какъ мы видѣли, былъ и безъ того склоненъ къ космогоническимъ аллегоріямъ — прошу вспомнить сказанное о Гермесѣ-Космосѣ и его супругѣ Гармоніи — ему, такимъ образомъ, не пришлось далеко ходить за пріемами иносказательнаго объясненія. Гермесъ, какъ уже было сказано, даровалъ человѣку рѣчь; выражаясь миѳологически, Гермесъ былъ отцомъ рѣчи. Но Гермесъ былъ также отцомъ Пана; итакъ, Панъ есть рѣчь, есть Логосъ. — „Какъ?“—воскликнетъ кто-нибудь:—„рѣчь, это существенно человѣческое свойство, имѣло своимъ символомъ козловиднаго бога?“ —Чтò дѣлать: да. Не логика, вѣдь, создала этотъ символъ: онъ развился исторически, будучи послѣдствіемъ постепеннаго превращенія миѳологэмы въ философэму. А чтобы читатель убѣдился въ этомъ, приведу въ буквальномъ переводѣ древнѣйшее свидѣтельство о Логосѣ, записанное задолго до возникновенія стоическаго о немъ ученія—свидѣтельство Платона въ діалогѣ „Кратилъ“ (гл. 14). Сократъ въ бесѣдѣ съ Гермогеномъ выводитъ, путемъ очень рискованныхъ этимологій, сущность греческихъ боговъ изъ ихъ именъ; о Панѣ онъ говоритъ слѣдующее:

Сократъ.—Также и въ томъ, что Панъ двуобразный сынъ Гермеса, есть доля разума, другъ мой.

Гермогенъ.—Какимъ образомъ?

Сократъ.—Ты знаешь, вѣдь, что рѣчь (-Логосъ) все (to pân) обозначаетъ и все вращаетъ и обращаетъ всегда (polei aei), а также что она двуобразна,—правдива и лжива?

Гермогенъ.—Конечно.

Сократъ.—Далѣе: ея правдивое естество и гладко, и божественно, и обитаетъ въ вышнихъ съ богами, лживое же внизу, среди толпы, будучи косматымъ и козловиднымъ (tragikon, отъ tragos—„козелъ“); тамъ вѣдь пребываетъ большая часть миѳовъ и вымысловъ, въ „трагической“ обстановкѣ.

Гермогенъ.—Конечно.

Сократъ.—Итакъ, по справедливости, рѣчь (Логосъ), все (to pân) обозначающая и всегда вращающаяся (aei polôn), будетъ пастухомъ (aipolos) Паномъ, двуобразнымъ сыномъ Гермеса, сверху гладкимъ, снизу косматымъ и козловиднымъ; а, стало быть, Панъ,

разъ онъ сынъ Гермеса, будетъ либо Логосомъ, либо братомъ Логоса; а что братъ похожъ на брата—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Прочтя внимательно это свидѣтельство, мы не будемъ сомнѣваться въ томъ, что уравненіе Панъ=Логосъ возникло на почвѣ герметизма, какъ примиреніе двухъ миѳологэмъ: „Гермесъ—отецъ Пана" и Гермесъ—отецъ Логоса". А возвращаясь къ страсбургской космогоніи, мы легко усмотримъ въ ея восторженномъ описаніи Логоса легкую полемику съ Платономъ. Согласно послѣднему, Логосъ-Панъ потому двуобразенъ, что онъ и правдивъ, и лживъ; согласно же нашему анониму, Логосъ (II, 7)—

—вѣчно правдивый,
Съ силой святой убѣжденья на вѣщихъ устахъ непреложныхъ
Помысловъ чистыхъ отца своего возвѣститель летучій.

А если такъ, то въ чемъ же заключается причина его двуобразія? Герметисты ухватились за опредѣленіе Платона, что Логосъ одной частью своего естества витаетъ въ вышнихъ съ богами, а другой—внизу среди людей. Правда, въ страсбургской космогоніи относящееся сюда мѣсто не уцѣлѣло, но мы находимъ его въ древнѣйшемъ изъ позднѣйшихъ герметическихъ сочиненій, въ Пемандрѣ (гл. 10). „И тогда (по сотвореніи планетныхъ божествъ) божественный Логосъ воспрянулъ изъ нижнихъ стихій въ чистую часть міросозданія и соединился съ творческимъ Разумомъ: ибо онъ былъ единосущенъ ему". Читатель видитъ, какъ мало-помалу первоначальное миѳологическое представленіе путемъ послѣдовательной абстракціи очищается отъ своей грубой плоти и преображается въ отвлеченное метафизическое понятіе. Панъ аркадскаго герметизма—Панъ-Логосъ Платона—крылатый Логосъ страсбургской космогоніи—Логосъ Пемандра—наконецъ, вселенскій Логосъ Гегеля—вотъ послѣдовательныя ступени этой абстракціи.

„А Іоаннъ?"—спросятъ.

Онъ стоитъ внѣ восходящей колеи этой эволюціи. „Логосъ сталъ плотію и обиталъ съ нами, полный благодати и истины" —этими словами христіанство указало своему сопернику обратный путь; кто ихъ произнесъ, тотъ провозгласилъ смерть великаго Пана.

VI.

Прежде чѣмъ прослѣдить метаморфозу герметизма на полѣ птолемеевскаго Египта, дополнимъ одну важную его сторону. Зевсъ рождаетъ Гермеса, Гермесъ рождаетъ Логоса и вмѣстѣ съ нимъ создаетъ міръ: но мірозданіе не кончено безъ его ключевого камня, человѣка. Какъ же происходитъ человѣкъ? На этотъ вопросъ даже конецъ страсбургской космогоніи не даетъ отвѣта; но и этотъ конецъ, какъ читатель, вѣроятно, съ недоумѣніемъ замѣтилъ, состоитъ почти сплошь изъ моихъ дополненій. Я позволилъ себѣ пріобщить къ новонайденной аркадской космогоніи старинное аркадское преданіе, что первымъ человѣческимъ существомъ была Дафна, дочь главной аркадской рѣки Ладона и Земли; а такъ какъ по другому аркадскому преданію, сообщаемому Каллимахомъ, Аркадія была первоначально безводна, то я и предположилъ, что Ладонъ былъ вызванъ изъ нѣдръ земли волшебнымъ жезломъ Гермеса. Надѣюсь, что я этимъ угадалъ мысль космогониста; позднѣйшій герметизмъ намъ тутъ опоры не даетъ, такъ какъ онъ по возможности стеръ все миѳологическое. Мы вскорѣ перейдемъ къ этой метафизической ступени герметизма, несравненно болѣе интересной съ философской точки зрѣнія; пока же прошу читателя вооружиться терпѣніемъ при бѣгломъ разборѣ этихъ миѳовъ о первомъ человѣкѣ, памятуя, что и здѣсь миѳологэма была матерью философэмы.

Итакъ, Дафна. Какъ аркадянка, она всецѣло принадлежитъ герметизму, но онъ о ней хранитъ глубокое молчаніе; зато мы знаемъ красивый миѳъ о томъ, какъ Аполлонъ, полюбивъ, преслѣдовалъ ее; какъ она, не желая ему отдаваться, превратилась въ дерево-лавръ, и Аполлонъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, сдѣлалъ этотъ лавръ своимъ любимымъ деревомъ. Мы вправѣ признать тутъ слѣдъ того же соперничества между религіей Аполлона и религіей Гермеса, какъ и выше въ грубоватомъ миѳѣ о похищеніи Аполлонова стада Гермесомъ. А разъ это такъ, то мы вправѣ поставить вопросъ: зачѣмъ было герметизму первымъ человѣческимъ существомъ выставить женщину? Вспомнимъ вышеприведенный, столь важный для насъ стихъ изъ „Психагоговъ“ Эсхила: „Гермеса-родоначальника чтимъ мы, живущее у озера племя“; мы уже отмѣтили странность этого представленія. Мнѣ кажется, обѣ странности взаимно объясняютъ другъ друга: потому первымъ человѣческимъ существомъ была женщина, что родоначальникомъ предполагался богъ Гермесъ.

Но какъ бы тамъ ни было, Дафна могла быть только Евой аркадскаго герметизма; кто былъ его Адамомъ? Намъ называютъ, съ ссылкой на Пиндара, „долуннаго Пелазга", сына Земли, или, по другимъ, Ніобеи. „Долунный" Пелазгъ очень успокоителенъ; значитъ, мы—на почвѣ герметизма; что касается Ніобеи, то она, какъ видитъ читатель, лишь „ипостась" Земли—гористой аркадской земли. Сынъ Пелазга—Ликаонъ, супругъ Киллены (т.-е. той же аркадской горы), онъ отецъ многихъ сыновей и дочерей, и стало быть, настоящій родоначальникъ человѣческаго рода. Ту же Ніобею мы, однако, встрѣчаемъ и въ Ѳивахъ, городѣ Кадма-Гермеса и Гармоніи и, слѣдовательно, другой родинѣ герметизма; здѣсь она—мать семерыхъ сыновей и стольких же дочерей, но родоначальницей она все-таки не стала, такъ какъ ея дѣтей перестрѣлялъ Аполлонъ. Какъ видитъ читатель, этотъ чудный, трогательный миѳъ о матери-Ніобеѣ имѣетъ въ своемъ основаніи все то же соперничество религіи Аполлона и герметизма; пали несчастные ніобиды, и Ніобеѣ-горѣ осталось только ручьями слезъ оплакивать гибель своего потомства. Но вернемся къ Пелазгу; этимологически (какъ это развито Виламовицемъ) его имя совпадаетъ съ именемъ Асклепія (-Эскулапа), котораго мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ его потомствѣ, какъ сына аркадскаго „Исхиса", въ прозрачномъ имени котораго („Сила") мы вправѣ признать „ипостась" аркадскаго бога, т.-е. Гермеса. Но увы! и его Аполлонъ не пощадилъ; Исхиса онъ убилъ, а Асклепія присвоилъ себѣ. Да, тяжело было герметизму, пока его носителями были аркадцы: народъ безсильный, раздираемый кантональными войнами и притѣсняемый сосѣдями, онъ не могъ противостоять также и религіознымъ захватамъ со стороны такой культурной силы, какъ Аполлонъ.

Все-же изъ этой путаницы миѳовъ видно одно: аркадская космогонія дѣйствительно кончалась сотвореніемъ пра-человѣка, родоначальника человѣческаго рода; этотъ пра-человѣкъ и родилъ въ свою очередь по нѣскольку—ради красиваго числа было допущено: по семи сыновей и дочерей, отъ которыхъ и произошли народы. А затѣмъ—читатель уже знаетъ, что Аркадія высылала избытокъ своихъ дѣтей за предѣлы страны; они-то и сѣяли повсюду сѣмена герметизма. Обильнѣе всего взошли эти сѣмена въ африканской Киренѣ, названной такъ по имени аркадской богини; изъ Кирены герметизмъ былъ перенесенъ въ Египетъ. Здѣсь онъ нашелъ благодарную почву, на которой онъ выросъ, окрѣпъ—и сталъ опаснымъ соперникомъ христіанства.

Случилось это благодаря тому, что онъ встрѣтился здѣсь съ

двумя религіями, съ которыми онъ тотчасъ вступилъ въ живѣйшее общеніе; то были, во-первыхъ,—древне-египетская религія, во-вторыхъ—религія ветхозавѣтнаго Іеговы.

VII.

Искусная и прекрасная при всѣхъ своихъ несовершенствахъ система греческаго богословія, которая получила свою послѣднюю и высшую санкцію въ Дельфахъ, была достаточнымъ оплотомъ вѣрующаго, пока онъ пребывалъ въ границахъ греческаго міра; но она подвергалась опасности всякій разъ, когда онъ вступалъ въ сношенія съ жителями не-греческой страны, исповѣдующими другихъ боговъ. Врожденная вдумчивость и участливость не дозволяли эллину объявлять лживыми религіозные образы и символы другихъ народностей; для него было ясно, что эти народности обладаютъ тѣми же объективными и субъективными данными для своихъ вѣрованій, какъ и онъ для своихъ. А если такъ, то необходимо было допустить, что чужіе боги совпадаютъ съ греческими, отличаясь отъ нихъ только именами; задача состояла въ томъ, чтобъ опредѣлить, какому греческому божеству соотвѣтствуетъ тотъ или другой чужеземный богъ.

Эта задача представилась уму грековъ съ особенной настоятельностью при ихъ ознакомленіи съ египетской культурой. Въ Египтѣ системы мѣстныхъ божествъ были объединены очень рано, раньше, чѣмъ сама вѣсть объ этой странѣ могла проникнуть въ Элладу; все-же пережитки прежнихъ „всебоговъ“ продолжали держаться въ сознаніи египтянъ и позднѣе, когда этимъ всебогамъ пришлось уже въ видахъ единства потѣсниться и признать взаимныя державныя права. Таковъ былъ Тотъ, владыка города Хмуну и глава тамошней мѣстной огдоады. Я считаю долгомъ замѣтить, что своими свѣдѣніями въ этой чуждой для меня области я обязанъ сочиненію нашего авторитетнаго египтолога, проф. Б. А. Тураева („Богъ Тотъ“ въ „Запискахъ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета“, 1898); полагаю, что еслибы Рейценштейнъ могъ воспользоваться этимъ чрезвычайно солиднымъ и трезвымъ изслѣдованіемъ, то онъ избѣгъ бы многихъ увлеченій и не заслужилъ бы упрека въ египтоманіи. Итакъ, божественный ибисъ Тотъ искони почитался въ Хмуну какъ богъ вообще, устроившій вселенную своимъ словомъ; вотъ почему онъ, какъ членъ общеегипетской системы, сталъ „владыкой словесъ бога“. Но Еги-

петъ—не Греція; „владыка словесъ“ понимался не какъ вдохновитель рѣчи, ея творческаго полета, ея логической послѣдовательности, ея художественной красоты, нѣтъ, — а только какъ знатокъ магическихъ формулъ, связывающихъ злую силу на этомъ и на томъ свѣтѣ. Особенно—на томъ. Всѣмъ извѣстна боязнь древнихъ египтянъ за участь своихъ душъ въ подземномъ мірѣ. Сколько ей угрожало опасностей на ея загробномъ шествіи отъ таинственныхъ и страшныхъ противниковъ, поджидающихъ ее, чтобы ее терзать и отнять у нея даже то призрачное существованіе, которое ей оставила смерть! Пусть же вражья сила знаетъ, что Тотъ охраняетъ ея душу, или еще лучше—что Тотъ отожествился съ нею. Итакъ, покойникъ уподобляется Тоту: „никакой богъ не бьетъ его, никакой перевозчикъ не противится ему на пути—онъ Тотъ, сильнѣйшій изъ боговъ. Но вотъ путь ужасовъ пройденъ, покойникъ—передъ судьей; и тутъ владыка словесъ можетъ ему помочь. „О, Тотъ“,—молится онъ ему въ „Книгѣ Мертвыхъ“,—„сдѣлай покойнаго N. N. правогласнымъ противъ его враговъ, какъ ты сдѣлалъ Озириса правогласнымъ противъ враговъ его“. Это несомнѣнно трогательная черта; но отъ нашего изслѣдователя не скрылась и оборотная сторона этой вѣры. „Богъ премудрости и правды“ — говоритъ г. Тураевъ (стр. 52)—оказываетъ плохую услугу египетской культурѣ и справедливости: его вмѣшательство сводитъ нравственный элементъ страшнаго суда почти на нуль. Онъ учитъ покойника формуламъ, дѣлающимъ безопасными его судей: знаніе этихъ формулъ и именъ судей дѣлаетъ нравственную чистоту излишней. Въ его священномъ градѣ найдена и формула противъ задержанія сердца въ аду, которую произноситъ покойникъ въ то время, когда сердце его положено на вѣсы. Знаніе этой магической формулы обусловливаетъ благополучный исходъ взвѣшиванья независимо отъ дѣйствительныхъ качествъ сердца. Онъ самъ, какъ богъ письменности, ведетъ протоколъ суда, какъ изобрѣтатель мѣръ и числа, завѣдуетъ вѣсами, при чемъ его роль милостиваго покровителя покойника иногда беретъ верхъ надъ функціей справедливаго прототипа египетскаго чиновника и покровителя точныхъ наукъ: онъ позволяетъ себѣ перетягивать вѣсы—въ пользу покойника“.

Таковъ этотъ оригинальный богъ египетской земли въ его наиболѣе понятныхъ для посторонняго наблюдателя чертахъ. Когда греки съ нимъ познакомились — а это случилось очень рано—отвѣтъ на вопросъ: „кто такой Тотъ?“—сразу представился имъ несомнѣннымъ: при первомъ взглядѣ на картину, изображавшую загробный путь покойника въ сопровожденіи почтеннаго

ибисоголовца или песьеголовца (встрѣчаются оба типа), они должны были сказать: „это нашъ Гермесъ—проводникъ душъ“. Все-же грекоегипетскаго герметизма тогда еще не возникло; мы видѣли, что общегреческій Гермесъ занималъ слишкомъ служебное положеніе для того, чтобы стать центромъ религіи. Для этого нужно было, чтобы на египетскую почву попалъ не общегреческій, а исконно аркадскій космогоническій Гермесъ, а это случилось—при посредничествѣ Кирены, какъ мы видѣли—лишь въ эпоху, непосредственно примыкающую къ основанію Александріи, т.-е. въ началѣ III-го вѣка до Р. Х. Борьбы онъ не встрѣтилъ: Гермесъ уже давно былъ отожествленъ съ могучимъ Тотомъ; родной городъ послѣдняго, Хмуну, оффиціально назывался по-гречески Гермополемъ. Итакъ, подъ знаменемъ Гермеса-Тота греческая религія соединилась съ египетской; послѣдствіемъ этого соединенія было *распаденіе герметизма на высшій и низшій.* Скажемъ теперь, въ чемъ же состоялъ различный характеръ грекоегипетской смѣси здѣсь и тамъ: высшій герметизмъ, какъ система религіознаго ученія, остался греческимъ въ душѣ и лишь внѣшнимъ образомъ примкнулъ къ египетскому пантеону; наоборотъ, низшій герметизмъ, какъ система магическихъ практикъ, остался по своему существу египетскимъ, хотя и принялъ въ себя и греческія, и другія иноземныя начала, и особенно — греческій языкъ. Соперникомъ христіанства, разумѣется, сталъ только высшій герметизмъ.

Θ. Ф. Зѣлинскій.

НА ВѢТКѢ.

Эскизъ по роману: „Sur la branche“, par Pierre de Coulevain. Paris 1904.

I.

Парижъ. Отель Кастильоне.

Кажется, я уже приближаюсь къ концу моего жизненнаго пути: пятьдесятъ-семь лѣтъ—долгій путь. Вотъ уже пятьдесятъ-семь лѣтъ какъ работаетъ мой мозгъ, бьется сердце, двигаются ноги, и до сихъ поръ я еще не замѣчаю никакихъ признаковъ порчи; по истинѣ, здоровый у меня организмъ.

Мнѣ было суждено сдѣлать послѣдній переходъ въ полномъ одиночествѣ. Однажды совершенно неожиданно на моемъ безоблачномъ небѣ разразилась гроза, унесшая мужа, семью, домашній очагъ. Съ тѣхъ поръ я живу въ гостинницѣ, „на вѣткѣ“. Это—самое практичное и пріятное для женщины, поставленной въ такія, какъ я, условія. Было бы настоящей смертью—затеряться въ слишкомъ обширномъ для меня помѣщеніи, садиться одиноко за столъ, вокругъ котораго я привыкла видѣть дорогія лица, слышать зимними вечерами трескъ мебели, замѣчать, что гости заглядываютъ все рѣже и рѣже, и знать о томъ, что̀ происходитъ на свѣтѣ—только изъ газетъ! Отъ такой жизни Провидѣніе избавило меня, и я не перестаю возносить Ему за это хвалу.

У моего ума, освобожденнаго отъ хлопотъ по хозяйству, отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ—словно выросли крылья. Можно подумать, что его зарядили болѣе сложнымъ, болѣе сильнымъ электричествомъ. Въ томъ возрастѣ, когда обыкновенно начинается разрушеніе, я иду впередъ, я развиваюсь, я была въ состояніи „попасть въ курсъ“. По словамъ Коро, для того,

чтобы уловить духъ и красоту пейзажа—надо „умѣть сѣсть“,—и, мнѣ кажется, я съумѣла выбрать мѣсто, съ котораго могу наблюдать жизнь. Съ этого мѣста, найденнаго мною послѣ долгихъ поисковъ, я вижу въ жизни красоту и добро, именно—добро. Человѣкъ представляется мнѣ уже не слѣпцомъ безъ надзора, но соучастникомъ божественнаго творенія, безсмертнымъ, какъ оно само. Я вижу его на пути къ вѣчности, идущимъ къ далекимъ, славнымъ цѣлямъ, и это видѣніе открываетъ мнѣ источникъ драгоцѣннаго знанія, безконечныхъ надеждъ и утѣшеній. Почему не подѣлиться ими съ тѣми, кто въ нихъ нуждается, почему не подумать за тѣхъ, у кого нѣтъ на это времени? „Съ вѣтки“ я могу видѣть больше и дальше, значительно дальше...

Комната съ уборной въ четвертомъ этажѣ первокласснаго отеля—вотъ мой домъ; содержимое трехъ чемодановъ—вотъ все мое имущество въ этомъ мірѣ. Какъ видите, декорація моего 5-го акта не особенно роскошна, но я довольна ею. Окно комнаты выходитъ на оживленную, красивую улицу; съ балкона открывается видъ на часть панорамы Парижа: отъ церкви св. Клотильды до собора Sacré-Coeur, отъ Тюильери до Итальянскаго бульвара, и огни заката божественно озаряютъ край неба, предоставленный мнѣ для созерцанія. Комната—размѣрами въ нѣсколько квадратныхъ метровъ—заключаетъ въ себѣ неправдоподобно большое количество вещей: кровать, кушетку, два стола, два кресла, дорожныя вещи. Въ рамѣ, задрапированной старинною матеріей, красуются портреты моихъ позднѣйшихъ друзей, въ другой—фотографіи знакомыхъ, оставившихъ по себѣ пріятное воспоминаніе, а также—снимки съ моихъ любимыхъ собакъ, которыми я дорожу изъ-за луча собачьей преданности въ ихъ глазахъ, хорошо переданнаго аппаратомъ. На каминѣ съ правой стороны разложены мои любимыя книги: Библія, Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Мольеръ, Дидеро, „Донъ-Кихотъ“, „Манонъ Леско“. Наверху—*Истина* Лефевра, внизу—*св. Августинъ* и *св. Моника* Ари Шеффера, и моя любимая вещь—*Крылатая Побѣда*.

Эти предметы наполняютъ собою мое уединеніе, вызываютъ мысли и ощущенія, и когда сверхъ того въ комнатѣ имѣются цвѣты и пылаетъ огонь въ каминѣ—она кажется мнѣ восхитительно уютной. Для женщины, любящей артистическую обстановку, эта банальная комната должна была бы казаться невыносимой, но я привязалась къ этимъ вещамъ, быть можетъ

именно изъ-за ихъ безобразія. Больше всего я дорожу моимъ большимъ чемоданомъ съ моими иниціалами, испещреннымъ разноцвѣтными ярлыками, напоминающими о томъ, что я веду скитальческую жизнь. Онъ заключаетъ въ себѣ все необходимое для моего упрощеннаго существованія; въ одномъ изъ отдѣленій находятся даже платье и башмаки, въ которыхъ меня положатъ въ гробъ. Кто другой позаботится о моемъ послѣднемъ туалетѣ?!

Отель, гдѣ я живу, построенъ во времена первой имперіи. Понадобились чудеса изобрѣтательности для того, чтобы провести здѣсь всѣ необходимыя для современнаго комфорта приспособленія. Я съ любопытствомъ присутствовала при этой эволюціи человѣческаго жилища, напоминающей эволюцію человѣческаго ума. Тутъ рабочіе встрѣчаютъ слишкомъ толстую стѣну, слишкомъ тонкую перегородку, черезчуръ старую балку; тамъ наука наталкивается на старинный предразсудокъ, на устарѣвшія понятія, на ослабѣвшій духъ. Надо пробивать, укрѣплять, ломать и вновь строить, проводя съ безконечными предосторожностями элементы всего новаго въ дома и мозги. Дерево и камень скрипятъ, разумъ протестуетъ, но неотвратимое совершается: ванны, водопроводы, подъемныя машины, электричество—проникаютъ въ старыя стѣны, новые идеалы—въ мозгъ, и прогрессъ дѣлаетъ свое дѣло.

Знаніе трехъ иностранныхъ языковъ—сдѣлало изъ меня космополитку; это въ одно и то же время—счастіе и несчастіе. Способности наши лучше развиваются, но сердце и душа сохраняютъ характерныя особенности своей расы, мы внушаемъ недовѣріе, порою—зависть нашимъ соотечественникамъ, они не понимаютъ насъ, и это рождаетъ взаимное отчужденіе. Мать моя, питавшая страстное восхищеніе къ Байрону, Шелли, Вальтеръ-Скотту, была дружна съ молодою вдовой-англичанкой, оказавшей вліяніе и на мое физическое воспитаніе: меня пріучали къ холодной водѣ и свѣжему воздуху, позволяли бѣгать безъ шляпы, съ голыми руками и ногами и съ открытой шеей, и матери моей порядкомъ доставалось въ нашемъ провинціальномъ городѣ за эти нововведенія. Позднѣе, поступивъ въ Sacré-Coeur, я подружилась съ уроженкою Пьемонта и пожелала изучить итальянскій языкъ; по-нѣмецки я научилась въ Эльзасѣ, гдѣ мы гостили у дяди, и теперь эти языки пригодились для жизни, предназначенной мнѣ судьбою.

Прошло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я была вырвана съ корнями изъ родной почвы. Смерть г. де Мьерт,

моего мужа, и послѣдовавшее за нею разореніе—насильственно извлекли меня изъ замка Шавиньи и изъ моей прекрасной квартиры на площади Франциска I. Когда пронеслась роковая буря—я оказалась „на вѣткѣ"... въ отелѣ. Личное мое состояніе уцѣлѣло, я могла искать забвенія въ странствованіяхъ: такъ я и поступила. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я перебывала вездѣ, гдѣ бываютъ праздные люди; въ концѣ концовъ, музеи, храмы, памятники, развалины—наскучили мнѣ, а мой банкиръ посовѣтовалъ мнѣ ограничить кругъ моихъ скитаній, и я основалась главнымъ образомъ въ Парижѣ, гдѣ вела жизнь иностранки. Мое праздное существованіе какъ-то сразу сдѣлалось мнѣ тягостно; я почувствовала желаніе создать себѣ въ жизни интересъ. Но какой? Свѣтъ и тепло моей осени замѣтно уменьшались. Г-жа Рекамье́ отвѣтила льстецу, увѣрявшему ее, что она сохранила всю свою красоту:—Нѣтъ, я не могу себя обманывать: на улицѣ маленькіе трубочисты уже не смотрятъ на меня.

На меня они, къ сожалѣнію, никогда не смотрѣли; тѣмъ не менѣе, я обладала частицею таинственнаго флюида, составляющаго втайнѣ нашу гордость, который привлекаетъ къ намъ взгляды и симпатіи. Я въ точности могу опредѣлить минуту, когда я лишилась его. Это было въ театрѣ. Меня сразу охватило странное чувство одиночества, залъ показался мнѣ пустымъ, огромнымъ, я вздрогнула, какъ отъ струи холоднаго вѣтра. Я лишилась разъ и навсегда всякой притягательной силы. Всѣ женщины знаютъ или узнаютъ это болѣзненное ощущеніе, но у меня оно привело къ самой неожиданной развязкѣ. Вѣроятно мнѣ былъ данъ отъ природы даръ творчества. Будучи ребенкомъ, я сочиняла сказки, исторіи, которыя зачастую смѣшивала съ дѣйствительностью.

Позднѣе какая-то внѣшняя или внутренняя сила все время внушала мнѣ, что я должна писать, и среди моихъ горестей, радостей и удовольствій—я постоянно чувствовала это внушеніе. Тогда, какъ и теперь, я не могла заснуть, не начавъ въ умѣ драмы или романа; стóитъ мнѣ опустить голову на подушку, какъ дѣйствующія лица и положенія начинаютъ вырисовываться передо мною. Въ дѣтствѣ я завидовала славѣ Жоржъ-Зандъ, и мать моя, обезпокоенная такими наклонностями, постоянно вышучивала „синіе чулки". Благодаря моей лѣности и легкомыслію, ей не трудно было убить мое призваніе въ зародышѣ, и вотъ, среди великаго безмолвія старости, вдохновеніе вернулось ко мнѣ—сильное, непреодолимое, и я уступила ему.

Первый романъ! Къ великому удивленію моему, я убѣдилась, что мозгъ мой съиздавна, исподоволь подготовлялся къ работѣ; безъ моего вѣдома матеріалъ накоплялся во мнѣ; мои собственныя страданія, оторванность отъ почвы, безцѣльныя повидимому скитанія и масса впечатлѣній—оказывались необходимыми. Чѣмъ далѣе подвигался романъ, тѣмъ болѣе я поражалась происходившею во мнѣ и производимою мною работою. Моя неопытность была трогательна и забавна въ одно и то же время.

Первый романъ! По сколькимъ отелямъ пришлось ему постранствовать со мною! Однажды на водахъ въ Рейнфельденѣ вспыхнулъ во флигелѣ отеля пожаръ. Никто не ложился, всѣ столпились въ hall; изъ женщинъ — однѣ спасали дѣтей, другія—собачекъ, у всѣхъ были мѣшечки съ деньгами и драгоцѣнностями. Я держала перевязанную тесемкою свою рукопись—единственное мое сокровище. Какой-то эльзасецъ спросилъ меня:—Что это за свертокъ?

— Начатый романъ,—было моимъ отвѣтомъ.

Онъ насмѣшливо улыбнулся. Когда романъ мой вышелъ въ свѣтъ, я послала его эльзасцу съ надписью, напоминавшей ему объ этомъ случаѣ. Прочитавъ романъ, онъ написалъ мнѣ:—Вы были правы, его стоило спасать.

За исключеніемъ простого вязанья, я никогда не была въ состояніи закончить ни одной работы, но теперь меня словно что-то приковывало къ письменному столу; кромѣ того, у меня явилась поддержка въ лицѣ пріятельницы—неизлечимо больной, съ которою я познакомилась лѣтъ десять тому назадъ, женщины съ возвышенно-благороднымъ характеромъ. Съ нею одной я заговорила о моей работѣ, и она горячо заинтересовалась ею. Часто я заходила къ ней, чтобы прочесть ей нѣсколько главъ; она лежала на кушеткѣ, я помѣщалась напротивъ нея въ удобномъ креслѣ; рядомъ со мною, на столикѣ стояла чашка чая. Для меня было истинною отрадою видѣть въ ея чудныхъ черныхъ глазахъ отраженіе чувствъ, волновавшихъ моихъ дѣйствующихъ лицъ. Такимъ образомъ я побѣдоносно окончила свой романъ и поставила подъ нимъ подпись: Жанъ Ноэль. Это имя казалось мнѣ хорошимъ предзнаменованіемъ. Дитя явилось на свѣтъ, но что̀ мнѣ было съ нимъ дѣлать? И тутъ помогла моя пріятельница, доставшая мнѣ рекомендательное письмо къ редактору большого журнала. Не безъ труда рѣшилась я пойти туда. Пятидесяти-двухъ-лѣтняя женщина съ рукописью—явленіе довольно смѣлое и пожалуй—смѣшное. Редакція произвела на меня непріятное впечатлѣніе; въ ея атмосферѣ чувствовалось

что-то грубоватое, буржуазное, отъ чего сразу встопорщились мои перья. Редакторъ, принявшій меня съ рѣзковатою любезностью, взялъ мою рукопись, бросилъ ее на столъ и сказалъ:

— Хорошо, сударыня, мы *это* прочтемъ.

Это! У меня захватило духъ. Онъ называлъ *это*—мою рукопись, стоившую мнѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, отразившую въ себѣ цѣлую жизнь.

Какъ бы то ни было—романъ былъ прочтенъ (что̀ не всегда бываетъ), напечатанъ, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. Успѣхъ его заставилъ меня почувствовать, что Жанъ Ноэль еще можетъ продолжать существованіе г-жи де Мьеръ. Моя пріятельница не дожила до изданія второго романа, но въ самый день его выхода въ свѣтъ, когда я зашла къ ея матери, со мною произошло нѣчто странное. Это было въ апрѣлѣ, на закатѣ яснаго дня. Я осталась на минуту одна въ ея комнатѣ, и въ то время, какъ я живо представляла себѣ ея кроткое лицо мадонны—среди тишины, такой глубокой, что ни одинъ листокъ не шелохнулся въ саду, изъ открытаго окна внезапно ворвалась струя необычно теплаго, ласкающаго вѣтерка. Она обвѣяла меня и затѣмъ словно выпорхнула изъ комнаты. Я вздрогнула, сердце мое забилось, я не могла отдѣлаться отъ мысли, что въ этомъ дуновеніи чувствовалось присутствіе ея души...

Я только-что закончила мой третій романъ; въ продолженіе пяти лѣтъ я изучала чужую жизнь, теперь мнѣ вздумалось изучить себя. Не будетъ ли это неосторожностью? Въ какіе таинственные и священные предѣлы можетъ заглянуть моя мысль? Есть мертвецы, которые въ сущности никогда не умирали.

II.

Англія. Стаффордширъ. Симли-Голлъ.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ я здѣсь. Сама не знаю, какъ я, при моей нелюдимости, рѣшилась принять приглашеніе сэръ-Уильяма и лэди Рэндольфъ. Случайное знакомство въ Каннахъ, которымъ я обязана „Жану Ноэлю", вскорѣ перешло въ искреннюю симпатію. Сэръ Уильямъ—человѣкъ большого ума и сильной воли, англійскій аристократъ въ лучшемъ смыслѣ слова; вѣроятно въ прежнее время въ немъ слишкомъ была развита склонность повелѣвать, но смерть старшаго сына, связанная съ какою-то семейною драмою, и мучительная болѣзнь сердца—

смягчили его суровый характеръ. Онъ страстно любитъ природу, животныхъ, и съ увлеченіемъ занимается астрономіею. Лэди Рэндольфъ—образцовая жена и хозяйка, благоговѣющая передъ своимъ мужемъ.

По возвращеніи изъ Каннъ, я чуть ли не впервые почувствовала себя одинокою въ Парижѣ, а кругъ моихъ сношеній — слишкомъ съузившимся: г-жа де Мьеръ сдѣлалась иностранкою въ своемъ родномъ краю, а Жанъ Ноэль живетъ вдали отъ литературнаго міра. Я люблю Парижъ не за красоту его улицъ, памятниковъ и зданій, но за его небо съ безконечнымъ разнообразіемъ нѣжныхъ тоновъ, за его атмосферу, въ которой легко дышится, за его жемчужно-бѣлые туманы. Душа у него—молодая, веселая, восторженная, страстная, порою, увы!—жестокая; здѣсь ощущается трепетъ жизни, опьяняющій, какъ шампанское. Ни одинъ городъ не бывалъ такъ оклеветанъ; въ умахъ большинства мужчинъ съ Парижемъ связано представленіе о полуобнаженной каскадной пѣвичкѣ, въ умахъ женщинъ—о тряпкахъ. Для меня Парижъ — неизсякаемый источникъ впечатлѣній. Я люблю наблюдать между 5-ю и 6-ю часами на улицѣ Мира нашихъ представителей свѣта и полусвѣта, привлеченныхъ сіяющими витринами магазиновъ и напоминающихъ стаю кружащейся мошкары. Меня поражаетъ потокъ людей, стекающихся на бульварѣ съ четырехъ концовъ столицы: встрѣчи, рукопожатія, обмѣнъ мыслей, мнѣній, чувствъ; здѣсь завязываются дѣла, подготовляется гибель одного, благосостояніе другого, произносятся рѣшающія судьбу слова, сѣются сѣмена болѣзни или смерти. Есть часы, когда кипѣніе жизни — въ школахъ, парламентѣ, въ общественныхъ мѣстахъ — достигаетъ наибольшей силы.

Незадолго до отъѣзда въ Англію мнѣ случилось быть на великосвѣтскомъ базарѣ, и вотъ вынесенное мною впечатлѣніе: при видѣ великихъ міра сего — я готова поссориться съ человѣчествомъ, а при встрѣчѣ съ бѣдняками — я примиряюсь съ нимъ.

„Гвоздемъ" праздника были бретонскіе, анжуйскіе и другіе старинные французскіе костюмы продавщицъ и продавцовъ, принадлежавшихъ къ древнѣйшимъ фамиліямъ. Старинный садъ отеля въ улицѣ Вареннъ служилъ декораціей для этой картины; лавки, оркестръ мнимыхъ цыганъ, масса свѣтлыхъ туалетовъ — придавали ей оживленіе. Въ молочной красовалась великолѣпная корова, старательно вычищенная шерсть которой лоснилась какъ цилиндръ свѣтскаго щеголя. Она казалась одурѣвшею отъ окружавшей ее обстановки. Еще бы! Быть допущенной въ Сенъ-

Жерменское предмѣстье — хотя бы только ради молока — отъ такой чести и у коровы можетъ закружиться голова. Она смотрѣла на этихъ мнимыхъ крестьянъ и крестьянокъ съ такимъ изумленнымъ видомъ, что я побоялась, какъ бы у нея не пропало молоко! Среди молодежи я видѣла немало утонченныхъ лицъ. но какое отсутствіе воли и характера, какое вырожденіе! Дѣвушки анемичны, какъ цвѣты, выросшіе за монастырскою стѣной; пожилыя дамы—прямо ужасны: расплывшіяся, дурно одѣтыя; лишь оттѣнокъ грусти придавалъ нѣкоторое благородство ихъ чертамъ. Впервые я поняла, почему власть должна была ускользнуть изъ ослабѣвшихъ рукъ этого сословія. Послѣ великосвѣтскаго праздника у меня осталось впечатлѣніе какой-то непріятной усталости, которую я вообще ощущаю за послѣднее время. Слишкомъ напряженная жизнь Парижа вливается волною даже въ мою уединенную комнату. Приглашеніе Рэндольфовъ явилось какъ нельзя болѣе кстати: мнѣ нужно было отдохнуть отъ жизни по отелямъ, спуститься „съ вѣтки“, и здѣсь я наслаждаюсь всѣмъ, чего мнѣ недоставало: воздухомъ, просторомъ; я вижу дѣтей, ласкаю животныхъ, слышу пѣніе птицъ и мурлыканье кошекъ, вдыхаю ароматъ живыхъ цвѣтовъ. Сэръ Уильямъ, несмотря на свою болѣзнь, дѣлающую очевидные успѣхи, встрѣтилъ меня въ Лондонѣ; мнѣ отвели лучшую изъ комнатъ для гостей, а въ хорошую погоду я занимаюсь въ павильонѣ въ паркѣ. Домъ старинный, великолѣпный, окруженный вѣковыми деревьями, настоящее родовое гнѣздо, и я тронута тѣмъ, что меня — иностранку — такъ довѣрчиво допускаютъ въ него. Состояніе здоровья сэръ-Уильяма не дозволило пригласить семейство де-Люссонъ, моихъ соотечественниковъ, съ которыми Рэндольфы хотѣли непремѣнно познакомить меня. Здѣсь гостятъ дочь хозяина, мистриссъ Лофтусъ съ мужемъ, и трое внучатъ, съ которыми я скоро подружилась. Образъ жизни—самый пріятный: общій завтракъ, обѣдъ, по вечерамъ — партія въ вистъ, bridge или на билліардѣ; въ остальное время всѣмъ предоставляется полная свобода. Я часто гуляю съ сэръ-Рэндольфомъ; мы возобновили наши дружескіе споры, и онъ увѣряетъ, что мой оптимизмъ благотворно дѣйствуетъ на него.

Вчера вечеромъ я сдѣлала нѣчто такое, что за нѣсколько минутъ до этого я считала невозможнымъ: я открыла сэръ-Уильяму, иностранцу, англичанину, великое испытаніе моей жизни. Какъ это могло случиться?—Для того, чтобы скрыть тайну, я

порвала со всѣми моими друзьями, я молчала пятнадцать лѣтъ, и вдругъ эта исповѣдь вылилась у меня неожиданно, какъ-то сама собою.

Мы поднялись на обсерваторію, долго меня интересовавшую. Это—круглая башня съ двумя павильонами по сторонамъ; въ одномъ изъ нихъ — рабочій кабинетъ; большой столъ заваленъ книгами по астрономіи, листами, испещренными рядомъ цифръ, физическими приборами, картами. Въ другомъ павильонѣ устроена гостиная съ широкимъ диваномъ, крытымъ восточною матеріей, и мягкими креслами, располагающими къ отдыху и размышленію. До сихъ поръ мнѣ не случалось пользоваться хорошимъ телескопомъ, и представившееся мнѣ зрѣлище звѣзднаго неба поразило меня своею безконечностью, величіемъ, совершенствомъ гармоніи, а также—тишиною и неземнымъ спокойствіемъ. Когда, наконецъ, мы рѣшились спуститься съ платформы, сэръ Уильямъ провелъ меня въ свой маленькій салонъ; я опустилась въ кресло передъ раскрытымъ окномъ, онъ помѣстился напротивъ меня, держа на колѣняхъ свою любимую собачку.

Мы говорили о міровыхъ тайнахъ, о судьбѣ, о предопредѣленіи, и въ словахъ сэръ-Уильяма чувствовалась горечь человѣка, находящагося въ разладѣ съ самимъ собою. Тутъ я впервые узнала, что онъ укоряетъ себя въ смерти своего сына, полюбившаго женщину, стоявшую ниже его во всѣхъ отношеніяхъ. Не получивъ согласія отца на этотъ бракъ, онъ уѣхалъ въ Индію и вскорѣ былъ убитъ.

— Не самъ ли я послалъ его на смерть? — проговорилъ сэръ Уильямъ. — Вы скажете, быть можетъ, что это было милостью судьбы, но дорого бы я далъ за то, чтобы имѣть вашу вѣру. Что̀ вамъ дало ее?

— Моя жизнь. Я вѣрую, что кажущееся или настоящее зло, въ концѣ концовъ, приводитъ къ добру. Впрочемъ, вѣдь вы въ сущности ничего не знаете обо мнѣ, и несмотря на это, вы допустили меня въ вашъ семейный кругъ.

— Мы узнаёмъ настоящую лэди съ перваго взгляда, — отвѣтилъ сэръ Рэндольфъ, улыбаясь;—а теперь, ближе узнавъ васъ, я глубоко сожалѣю о вашей оторванности, о вашемъ одиночествѣ.

Его слова взволновали меня, и какъ-то незамѣтно, увлекаясь воспоминаніями, я разсказала о моей глубокой, почти мистической любви къ моему мужу, котораго я видѣла во снѣ, будучи четырнадцати-лѣтнею дѣвочкой, и сразу узнала, встрѣтивъ его, одиннадцать лѣтъ спустя, на балу. Онъ былъ женатъ, но вскорѣ получилъ разводъ и сдѣлался моимъ мужемъ, несмотря на не-

желаніе моей матери, знавшей, что де-Мьеръ игрокъ и характеръ у него легкомысленный. Она хотѣла избавить меня отъ всего, что̀ ей самой пришлось выстрадать...

Тутъ я остановилась, мучительный румянецъ залилъ мнѣ лицо.

— И вы не были счастливы? — проговорилъ мой хозяинъ съ глубокимъ участіемъ.

— Не была счастлива?—повторила я.—Напротивъ! Только это счастье было ложью. Де-Мьеръ обладалъ всѣми качествами, неотразимо привлекавшими меня: блестящимъ умомъ, изяществомъ, утонченностью, той смѣсью силы и слабости, которая обаятельнѣе совершенства. У него былъ одинъ недостатокъ: игра. И мнѣ пришлось узнать долгія ночи безсонницы, томительнаго ожиданія; но его возвращеніе, звукъ его голоса, шумъ шаговъ—заставляли меня забывать обо всемъ. Притомъ, онъ любилъ меня, и я безумно гордилась тѣмъ, что съумѣла въ продолженіе четырнадцати лѣтъ сохранить сердце этого человѣка, слывшаго такимъ легкомысленнымъ. Первымъ моимъ горемъ было—его измѣнившееся здоровье; онъ началъ страдать припадками астмы и болѣзни сердца. Послѣдній изъ нихъ длился восемь дней, во время которыхъ я не отдыхала ни на мигъ. Наконецъ, докторъ заявилъ мнѣ, что опасность миновала; къ десяти часамъ больной заснулъ; я прилегла головою на его подушку, взяла его руку въ свои и, съ радостью прислушиваясь къ его ровному дыханію, глубоко заснула.

Утромъ меня разбудило ощущеніе остраго, единственнаго въ мірѣ холода—холода смерти. Она явилась, по истинѣ, какъ „тать въ нощи“...

Судя по всему, что̀ я разсказала—вы можете понять, какъ тѣсно мы были связаны. Эта разлука сокрушила меня нравственно и физически. Совершая его послѣдній туалетъ, я впервые испытала всю необузданность скорби. Смерть изгладила черты заботъ съ его лица, сдѣлавъ его такимъ юнымъ и безмятежнымъ, какимъ я никогда не знала его. Онъ показался мнѣ изумительно прекрасенъ, и я изъ страннаго чувства ревности не захотѣла, чтобы кто-нибудь видѣлъ его. Комната его выходила въ гостиную; около пяти часовъ лакей подалъ мнѣ три письма, присланныхъ на имя г. де-Мьеръ въ его клубъ. На конвертѣ одного изъ нихъ я узнала почеркъ моей кузины, г-жи д'Отривъ, подруги дѣтства, жившей въ замкѣ Рошейль, близъ Перигё. Я машинально открыла его, прочла одинъ, два раза... Мнѣ трудно было понять. Знаете ли, что̀ я узнала изъ него? Эта кузина, эта подруга дѣтства, была любовницею моего мужа.

У сэръ-Уильяма вырвалось восклицаніе.

— Да, она извѣщала его о пріѣздѣ своемъ и Гюи — его крестника, бывшаго въ сущности его сыномъ—въ отель В. Это открытіе подняло въ моемъ мозгу цѣлую бурю. Я кинулась къ моему мужу и въ припадкѣ безумія принялась трясти его, крича: — Ты обманулъ меня, обманулъ! — Затѣмъ я выпустила его, испуганная моимъ собственнымъ кощунственнымъ порывомъ. Но гнѣвъ душилъ меня. Желаніе убить мертваго! Оно оставило пятно на моей душѣ. — Нѣтъ тебѣ прощенья и не будетъ! — повторяла я сквозь стиснутые зубы,—слышишь ли ты?—Но онъ былъ внѣ моей власти, внѣ моего мщенія. Былъ ли онъ, однако, такъ далеко? Когда я поднялась, по губамъ его скользнула улыбка, улыбка нѣжности и состраданія, съ какой мы смотримъ на дѣтей, и значенія которой я еще не понимаю. Но она смирила, заставила меня стихнуть, и когда, уже съ порога, я снова хотѣла крикнуть: -- Не прощу!—она сомкнула мнѣ уста...

Я вернулась къ себѣ, охваченная страннымъ спокойствіемъ, машинально разглаживая письмо, и въ эту минуту г-жа д'Отривъ вбѣжала ко мнѣ. Странное дѣло! Видъ ея не возбудилъ во мнѣ гнѣва. Она казалась потрясенной.

— Антонія, Антонія! — восклицала она, протягивая мнѣ руки: — я узнала...

— Что г. де-Мьеръ умеръ и потому не могъ быть у тебя въ отелѣ.

Она отшатнулась, пораженная безумнымъ ужасомъ. Глаза ея упали на письмо. Тогда она кинулась передо мною на колѣни, молила о прощеніи, оправдывалась, но я не слушала ее; я съ любопытствомъ ее разглядывала. Она представлялась мнѣ ребенкомъ, дѣвушкою, молодою женщиной—чистою, непорочною. И она сдѣлалась любовницей моего мужа, она — „моя маленькая Колетта“, почти сестра моя.

Ободренная моимъ молчаніемъ, она осмѣлилась просить меня, чтобы я провела ее къ нему. На это я отвѣтила съ удивительнымъ для меня самой спокойствіемъ, что подъ *моимъ* кровомъ она не увидитъ его, и если она вздумаетъ явиться на похороны— я отошлю обличающее ее письмо—ея мужу. Она вышла уничтоженная, и въ тотъ же день у меня открылась горячка, избавившая меня отъ необходимости проводить моего мужа до мѣста послѣдняго успокоенія. Тотъ, котораго уносили изъ этого дома, былъ не моимъ возлюбленнымъ, мечтою моей жизни, но любовникомъ Колетты д'Отривъ.

Разореніе, вызванное неудачными спекуляціями г. де-Мьера,

позволило мнѣ сразу порвать со всѣмъ прошлымъ; до отъѣзда въ Каиръ я перебралась въ отель Кастильоне, гдѣ мнѣ понравилось, — но знаете ли, что я сдѣлала наканунѣ отъѣзда изъ Парижа? Въ сумерки я, какъ преступница, пробралась къ Сенѣ и бросила въ ея воды мое обручальное кольцо...

— О!—чисто британскимъ звукомъ вырвалось у сэръ-Уильяма, который видимо ужаснулся.

— Да, это ужасно!—согласилась я;—но съ самаго дѣтства я всегда была склонна къ возмущенію. Я не могла понять, почему Богъ создалъ волковъ и крапиву; а когда я узнала, что Онъ дѣлаетъ дѣтей сиротами, я наотрѣзъ отказалась молиться. Отецъ мой говорилъ про такія вспышки: „Антонія поссорилась съ Господомъ Богомъ".

— Нелегко васъ было воспитывать, — улыбнулся мой хозяинъ.

— Жизнь воспитала меня. Я надѣялась найти забвеніе въ чужихъ краяхъ; но всюду, среди чудныхъ картинъ природы, изъ глубины моего мозга возникали три коротенькихъ словечка: гдѣ? когда? какъ? Гдѣ полюбилъ онъ Колетту? Когда онъ измѣнилъ мнѣ? Какъ рѣшилась она отдаться ему? Мысль моя — на высотахъ альпійскихъ горъ, среди безмолвія Колизея — безсильно билась о края этого треугольника. Я знала слишкомъ много и слишкомъ мало. Маленькому Гюи исполнилось десять лѣтъ, а онъ былъ сыномъ г. де-Мьеръ. Она казалась такою честной женщиной, такой счастливою! А онъ былъ такъ нѣженъ со мною, лицо его всегда прояснялось при моемъ появленіи. Кажется, Байронъ сказалъ, что тяжелѣе всего — невозможность оплакивать утрату близкихъ намъ людей. Однажды въ Римѣ, на кладбищѣ, я сказала неутѣшно рыдавшей вдовѣ: — Какъ вы счастливы!—Она вѣроятно приняла меня за сумасшедшую. Теперь я думаю, что скорбь — лишь естественный результатъ движенія многообразныхъ силъ, а несправедливость — лишь кажущаяся, и не могла бы существовать, не нарушая законовъ равновѣсія. Все въ мірѣ предусмотрѣно: мнѣ были даны здоровье и энергія для того, чтобы я была въ состояніи нести мой крестъ, а этотъ поздній даръ творчества — не является ли онъ вознагражденіемъ за мое безплодіе въ молодости? Повѣрьте, ничто не пропадаетъ въ природѣ, и я убѣждена, что ни одно изъ словъ, сказанныхъ мною сегодня, не пропадетъ даромъ.

— Я начинаю думать, что вы правы,—отвѣтилъ сэръ-Уильямъ задумчиво.

Въ такія минуты у англичанина нѣтъ словъ, но въ дви-

женія, съ какимъ онъ открылъ передо мною дверь, въ его крѣпкомъ пожатіи руки—чувствовались безмолвное глубокое сочувствіе и уваженіе, истинно тронувшія меня.

Дѣтская въ Симли-Голлъ, служившая жилищемъ нѣсколькимъ поколѣніямъ дѣтей, — очаровательна. Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько комнатъ, ванную и даже маленькую, облицованную изразцами, кухню. Отъ этого гнѣздышка вѣетъ свѣжестью и чистотою. Тамъ царитъ добрѣйшая ирландка Сара, суровая на видъ, съумѣвшая внушить своимъ тремъ питомцамъ—не исключая и бэби—безпрекословное повиновеніе, что не мѣшаетъ имъ очень любить ее. Однако, на ряду со строгою дисциплиной, дѣтямъ предоставляется извѣстная свобода дѣйствій. Недавно семилѣтнему Фрэнсису вздумалось во время прогулки перескочить черезъ изгородь. Мать замѣтила, что онъ можетъ порядкомъ ушибиться. Ребенокъ измѣрилъ взоромъ высоту препятствія, въ его умѣ видимо происходила борьба.

— Я думаю, что перескочу,—рѣшилъ онъ наконецъ.

— Хорошо,—отвѣтила мистриссъ Лофтусъ.

Онъ быстро снялъ свои сандаліи, укрѣпился на ногахъ и увѣренно перепрыгнулъ.

— Я не ушибся, — съ торжествомъ воскликнулъ онъ, стоя по другую сторону изгороди.

— Тѣмъ лучше, милый!—спокойно отвѣтила мать.

Узнавъ, что я скоро уѣзжаю, дѣти пригласили меня къ себѣ на чай. Они сами нарвали полевыхъ цвѣтовъ для украшенія стола, заказали какіе-то особенные пирожки, лично присмотрѣвъ за всѣми приготовленіями, и когда я похвалила убранство, лица ихъ засіяли восторгомъ. Они угощали меня, совершенно забывая о себѣ; мастэръ Фреэнсисъ разсказывалъ о своихъ будущихъ охотахъ на львовъ, Лили—о томъ, какъ ея куклѣ привили оспу. Въ разгаръ нашихъ разговоровъ вошелъ сэръ Уильямъ.

— Право, вы слишкомъ добры, — проговорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Что за мысль!—отвѣтила я, улыбаясь:—дайте мнѣ подышать атмосферою настоящей дѣтской. У насъ во Франціи нѣтъ ничего подобнаго: въ Парижѣ мы живемъ въ маленькихъ квартирахъ, гдѣ воля и физическое развитіе дѣтей одинаково стѣснены; а въ провинціи мы нарочно затыкаемъ уши, чтобы не слышать голоса науки; тамъ умы и мебель держатъ подъ чехлами...

— Вы умѣете ладить съ дѣтьми, потому что вы ихъ понимаете,—замѣтилъ сэръ Уильямъ;—мои внучата навѣрное никогда васъ не забудутъ; вы сдѣлали ихъ на вѣки-вѣчные франкофилами. Сознайтесь, вѣдь именно къ этому вы и стремились втайнѣ?—прибавилъ онъ со своею обычной шутливою манерой.

Наканунѣ моего отъѣзда мы послѣ обѣда въ послѣднiй разъ поднялись съ сэръ-Уильямомъ на его обсерваторiю. Холодная струя воздуха заставила насъ вздрогнуть, когда мы подошли къ открытому окну маленькаго салона. На мертвенно-блѣдномъ фонѣ вечерняго неба призрачно чернѣли причудливо раскинувшiяся вѣтви деревьевъ, шумно сновали летучiя мыши и отъ знакомаго пейзажа вѣяло чѣмъ-то жуткимъ.

Мы оба вздрогнули и обмѣнялись взглядомъ.

— Не кажется ли вамъ, что въ этотъ часъ все пространство бываетъ населено духами?—проговорила я:—я ощущаю ихъ невидимое присутствiе.

— Это ощущенiе было у Шекспира, у другихъ писателей и даже у простыхъ смертныхъ,—отозвался сэръ Уильямъ. Онъ сидѣлъ нѣсколько согнувшись въ своемъ креслѣ, и я замѣтила, какъ исхудала его фигура и осунулось лицо; самъ онъ мало говорилъ, но съ интересомъ слушалъ мои слова о безсмертiи души, о видимомъ проявленiи ея даже у животныхъ, внутреннiй мiръ которыхъ открылъ бы много новаго тому, кто пожелалъ бы всесторонне изслѣдовать его.

— Одинокая жизнь дала вамъ возможность развить въ себѣ наблюдательность, — замѣтилъ сэръ Уильямъ. — Кстати, скажите откровенно: далъ ли вамъ успѣхъ нѣкоторое удовлетворенiе?

— Небольшое. Ранѣе онъ даже казался мнѣ насмѣшкою судьбы: позднiй успѣхъ, которымъ не съ кѣмъ подѣлиться. Впрочемъ, все въ моей жизни запоздало. Повѣрите ли, что до сорока лѣтъ я совершенно не чувствовала природы: я была поглощена любовью къ мужу, домашними заботами. Однажды въ Люцернѣ я съ книгою въ рукѣ машинально поднялась на гору и, присѣвъ, чтобы отдохнуть, обвела вокругъ безучастнымъ взоромъ. Солнце закатывалось въ необычной красотѣ, западъ отливалъ золотомъ, а на востокѣ зеленоватые, голубые, жемчужные оттѣнки дивно сливались между собою, затушевывая вершины горъ и создавая таинственно-лучезарныя дали. И вдругъ глаза мои словно раскрылись, я „почувствовала“ небо, горы, я прiобщилась къ душѣ природы. Теперь это общенiе съ природою уже не покинетъ меня, оно поможетъ мнѣ пережить одинокую

старость. Но что-то подгоняетъ меня впередъ, побуждаетъ работать, у меня такое чувство, что я должна спѣшить...

Послѣ нѣкотораго молчанія, сэръ Уильямъ спросилъ: есть ли у меня родные?

— Никого, если не считать баронессу д'Отривъ,—отвѣтила я не безъ горечи.

Сэръ Уильямъ выразилъ надежду, что я не откажусь познакомиться съ семействомъ де-Люссонъ. Въ нихъ я найду добрыхъ друзей. Всю ли зиму я проведу въ Парижѣ?

— Если только вы не пріѣдете въ Каннъ,—отвѣтила я.

Онъ покачалъ головою.—Врядъ ли докторъ позволитъ сдвинуть съ мѣста такую рухлядь. Кажется, мои путешествія—кончены. Остается довольствоваться „веселою старою" Англіей. Но вы снова пріѣдете въ Симли, не правда ли?

— Если вы меня пригласите.

— Если я васъ не приглашу, то—по весьма уважительной причинѣ...

Совсѣмъ стемнѣло, туманъ разсѣялся, и мы нѣсколько минутъ въ молчаніи любовались звѣзднымъ небомъ. Домой мы вернулись медленно и грустно, оба сознавая, что это было нашимъ послѣднимъ свиданіемъ на землѣ.

Завтра я уѣзжаю.

III.

Баньоль.

Я предчувствовала, что мнѣ предстоитъ пережить мучительный эпилогъ. Мы слишкомъ мало изучаемъ сцѣпленіе обстоятельствъ, ходъ событій, ведущихъ къ рѣшенію вопросовъ, о чемъ я говорила сэръ-Уильяму, не думая, что это сбудется здѣсь со мною, и—такъ скоро. Баньоль, куда я пріѣхала съ послѣднимъ поѣздомъ, поразилъ меня своею сказочной красотой: дремучій лѣсъ, спящее озеро, церковь на горѣ, разбросанные среди зелени дома́, бѣлыя дороги, и все это—дивно озаренное мягкимъ сіяніемъ лѣтняго мѣсяца. Хозяинъ „Грандъ-отеля" со своей женою встрѣтилъ меня на станціи и проводилъ въ мое помѣщеніе—отель находится рядомъ съ вокзаломъ—оно меблировано заново, просто, со вкусомъ; не забыты ни письменный столъ, ни кушетка. На столѣ кромѣ закуски красовался букетъ лѣсныхъ цвѣтовъ. Такое вниманіе наполнило меня отраднымъ чувствомъ. Утромъ, разложивъ свои книги, рукописи, разставивъ фотографіи и бездѣлушки, я обошла домъ, полюбовалась видомъ съ террасы,

и наконецъ, въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, усѣлась въ залѣ, чтобы разсмотрѣть публику. Вдругъ меня словно что-то ударило, я подалась впередъ, руки мои впились въ ручки кресла, а глаза оставались прикованными къ коридору, въ глубинѣ котораго исчезъ призракъ: молодой человѣкъ въ костюмѣ для верховой ѣзды, съ хлыстикомъ въ рукѣ. Онъ вошелъ съ главнаго входа; шляпа Morés, сдвинутая назадъ, открывала его лицо —лицо г. де-Мьеръ! Сначала я была поражена, какъ громомъ, затѣмъ, съ усиліемъ поднявшись съ мѣста, подошла къ консьержу, чтобы спросить его: кто этотъ молодой человѣкъ?

— Баронъ д'Отривъ,—отвѣтилъ онъ и продолжалъ:—Мать его также здѣсь уже недѣль пять. Бѣдная дама! Ее на рукахъ вынесли изъ вагона, а теперь она сама ходитъ. Вотъ славная реклама для нашихъ водъ.

— Гдѣ ея комнаты?

— Въ первомъ этажѣ, № 10.

Колетта здѣсь, такъ близко отъ меня! Въ эту минуту ко мнѣ подошелъ директоръ отеля, чтобы проводить меня въ столовую; я машинально послѣдовала за нимъ и заняла указанное мнѣ мѣсто.

Громадная зала была частью стеклянная, и яркій свѣтъ причинялъ мнѣ боль, какъ будто онъ касался открытой раны. Я не видѣла лицъ, глаза мои не отрывались отъ дверей, я желала и боялась увидать Гюи д'Отрива. Я не въ состояніи была долго выносить такое напряженіе, и встала изъ-за стола до окончанія завтрака. Вернувшись къ себѣ, я заперлась на ключъ, какъ это бываетъ со мною въ минуты сильнаго волненія, и принялась ходить взадъ и впередъ, безсознательно дотрогиваясь до вещей или переставляя ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдила себя, что всѣмъ людямъ предопредѣлено исполнить въ мірѣ ихъ назначеніе, моя ненависть къ Колеттѣ значительно ослабѣла; втайнѣ я даже хотѣла иногда повидать ее. Но я не ожидала двойного испытанія: увидѣть мать и сына. Существованіе послѣдняго было невыносимо для меня, оно терніемъ вонзалось мнѣ въ сердце. Неожиданная встрѣча съ нимъ, его оскорбительное сходство—пробудили во мнѣ чувство чисто полового гнѣва, свойственное гаремной или полудикой женщинѣ, но побѣдившее всю мою философію. Тутъ я подняла глаза на мою любимую гравюру. Дивная „Крылатая Побѣда“ съ радостнымъ видомъ словно неслась мнѣ навстрѣчу, и въ этомъ лучѣ божественнаго свѣта моя женская ревность показалась мнѣ вдругъ такою мелкою и недостойною. Я должна быть выше ея.

Это не было простымъ случаемъ,—тайная сила подвинула меня къ Колеттѣ, какъ рука подвигаетъ шашку на шашечной доскѣ. Причина? Я еще не знала ея. Однако, отъ меня зависѣло уѣхать, избѣжать тяжелой встрѣчи. Но какія-то невидимыя нити удерживали меня. Если мы встрѣтились — значитъ, такъ было надо.

Это убѣжденіе вернуло мнѣ силу и увѣренность. Я опустилась на кушетку, думая о Колеттѣ. Неужели она дѣйствительно такъ больна? Не должна ли я возвратить ей душевный миръ? Я рисовала себѣ ея лицо съ матово-бѣлымъ теплымъ колоритомъ, ея черные глаза, смѣющійся, добродушный ротъ. Она была порывистой, пылкою женщиной, но прямою и честною... Какъ? Когда? Гдѣ? Снова мысль моя возвращалась къ этому мучительному треугольнику. Наконецъ-то я узнàю!

Въ дверь постучали. Слуга подалъ мнѣ на подносѣ письмо.

— Отъ баронессы д'Отривъ.

Знакомый, теперь дрожащій почеркъ заставилъ забиться мое сердце.

„Антонія, вотъ уже недѣля, какъ я узнала отъ хозяевъ отеля о пріѣздѣ „Жанъ-Ноэль“, настоящее имя котораго—г-жа де-Мьеръ. Я вся еще потрясена этимъ открытіемъ и ждала тебя съ тревогою, смѣшанною съ радостью, которую ты не можешь себѣ представить. Ты—авторъ книгъ, такъ глубоко потрясшихъ меня! Это слишкомъ прекрасно, это невѣроятно! Я забыла все остальное. Послѣ пятнадцати лѣтъ Богъ соединяетъ насъ! Я угадываю, почему эта милость дарована мнѣ. Я пріѣхала въ Баньоль, чтобы подкрѣпиться передъ операціей, которая предстоитъ мнѣ въ началѣ сентября. Отъ тебя зависитъ, чтобы я безъ страха взглянула въ лицо смерти. Согласись на свиданіе, о которомъ я такъ часто напрасно молила тебя. Г-жа де-Мьеръ могла быть неумолимою, но „Жанъ Ноэль“ долженъ умѣть прощать. Я обращаюсь къ нему. Захочетъ ли онъ меня принять завтра вечеромъ? Въ которомъ часу?“

Слезы выступили у меня на глазахъ, и эти слезы, пролитыя о Колеттѣ, освѣжили мнѣ сердце, какъ роса. Я отвѣтила:

„Жанъ Ноэль ждетъ тебя завтра въ четыре часа. Не тревожься“.

Отправивъ записку, я почувствовала потребность въ свѣжемъ воздухѣ, и, надѣвъ шляпу, отправилась на прогулку. Ландшафтъ, видѣнный мною вчера при лунѣ, былъ такъ же прекрасенъ; только церковь съ цинковою крышею, напоминавшею коробку отъ сардинъ, нѣсколько теряла при дневномъ освѣщеніи. Густая

аллея, носившая названіе „аллеи Данте“, вела къ опушкѣ лѣса, на которой было расположено заведеніе ваннъ. Тутъ я могла убѣдиться въ бальзамическихъ свойствахъ воздуха; грудь моя расширилась, походка сдѣлалась легче. Солнце рано закатилось, и вечерняя сырость принудила меня вернуться къ „Грандъ-отелю“, окна котораго еще были озарены сіяніемъ заката. Я прошла съ другой стороны прямо въ садъ и поднялась на террасу, гдѣ никого не было, кромѣ дамы, полу-лежавшей въ креслѣ.

— Колетта!

— Антонія!

Баронесса д'Отривъ привстала и тотчасъ же опустилась безъ силъ. Мое имя вырвалось у нея молящимъ призывомъ.

— Вотъ мы и встрѣтились,—сказала я, положивъ мою руку на ея руку.

— Я счастлива, что вижу тебя,—прошептала она, и глаза ея наполнились слезами. Я подвинула себѣ стулъ и сѣла. Почти сѣдые волосы, блѣдность приговореннаго къ смерти человѣка, безкровныя губы, и это—Колетта... Волна состраданія поднялась у меня въ душѣ.

— Мнѣ говорили, что здѣшнія воды принесли тебѣ большую пользу,—проговорила я.

— Да, я не могла ходить по пріѣздѣ. Въ Лурдѣ объявили, что надо мною совершилось „чудо“, и это—правда, такъ какъ я встрѣтила тебя. Хочешь, пойдемъ ко мнѣ?—прибавила она съ мимолетнымъ румянцемъ.

Дверь въ ея помѣщеніе находилась въ концѣ террасы. Какъ только мы вошли, она оглядѣла меня внимательнымъ, глубокимъ взглядомъ.

— У тебя хорошій видъ,—сказала она,—я рада...

Потомъ, повинуясь одному изъ своихъ непреодолимыхъ порывовъ, она обвилась руками вокругъ моей шеи и прижалась ко мнѣ.

— Антонія, прости, прости!—повторяла она страстно.

Въ прежніе годы ей часто случалось просить у меня прощенія за необдуманное слово, и теперь, какъ въ быломъ, забывъ жестокое оскорбленіе, я обняла ее, повторяя:—Перестань, не плачь, это ничего...

Видимо измученная, она опустилась въ кресло; на ней была легкая черная накидка, оттѣнявшая ея лицо, сохранившее, при всей своей худобѣ, тонкость очертаній камеи; глаза, гдѣ свѣтился лихорадочный жаръ, не утратили блеска.

— Какъ ты добра! Ужъ не сдѣлалась ли ты вѣрующей?—спросила она наивно, когда я сѣла возлѣ нея.

— Да, жизнь дала мнѣ вѣру.

— А у меня она едва не отняла ее. Во всякомъ случаѣ я вѣрю, что Богъ соединилъ насъ. Если я обречена на смерть, Онъ долженъ былъ оказать мнѣ эту милость.

— Отъ операціи не умираютъ.

— Не всегда,—сказала она съ болѣзненной улыбкою.—Итакъ, ты—Жанъ Ноэль, которому я столько разъ собиралась писать. Въ твои годы стать романистомъ, сдѣлать себѣ имя! Знаешь, ничто не волновало меня та̀къ, какъ твои книги. Многія мѣста̀ въ нихъ, казалось, были написаны прямо для меня...

Она показала мнѣ книгу, всю испещренную помѣтками.

— Если ты дѣйствительно думаешь то̀, что̀ здѣсь написано,—я могу высказаться...

Инстинктивный страхъ передъ грозившимъ мнѣ страданіемъ—пересилилъ мое желаніе *знать*.

— Не надо исповѣди... къ чему?

— Для того, чтобы очистить память Гюи. Ты вѣроятно думаешь, что я моимъ проклятымъ кокетствомъ завлекла твоего мужа, и что наша связь длилась цѣлые годы?

— Что̀ же другое могла я думать, узнавъ, что Гюи—сынъ г. де-Мьеръ?

— Это правда, но все-же наше преступленіе не было предумышленнымъ. Ты помнишь наши товарищескія отношенія, дававшія поводъ къ излишней близости? Г. де-Мьеръ имѣлъ особенную способность подзадоривать меня ко всевозможнымъ выходкамъ и дурачествамъ. Вы всѣ меня прозвали вѣтреницей, балованнымъ ребенкомъ, но я чувствовала и страдала, какъ другіе. Однажды у васъ въ Шавиньи Гюи собирался на охоту, онъ былъ на лошади и весело болталъ съ нами. Повинуясь безумному порыву, я вдругъ поставила мою ногу къ нему въ стремя и воскликнула, смѣясь:—Возьмите меня съ собой!

— Я похищаю васъ!—отвѣтилъ онъ и, обвивъ мою талію рукою, поднялъ меня до сѣдла, поцѣловалъ,—причемъ, вмѣсто щеки поцѣлуй его коснулся угла губъ,—и спустилъ на землю. Все это онъ продѣлалъ съ такою ловкостью, силой и граціей, что всѣ вы принялись рукоплескать.

— Помню,—отозвалась я, и сердце мое сжалось.

— Вы рукоплескали моему паденію. Есть итальянская пословица, что поцѣлуй никогда не пропадаетъ даромъ. Г. де-Мьеръ цѣловалъ меня много разъ. Но что̀ такое было въ этомъ быстромъ, мимолетномъ поцѣлуѣ—захватившее меня такъ сильно? Онъ подѣйствовалъ на меня какъ ядъ, какъ любовное зелье. Присутствіе

Гюи стало смущать меня, но я надѣялась на свои принципы, на привязанность къ мужу... Какъ мало мы знаемъ нашу природу! Однажды онъ пріѣхалъ безъ тебя къ намъ въ Рошейль— еще ты сама уговорила его; мы отправились цѣлой компаніей къ сосѣдямъ въ замокъ де-Ланьи. Разразилась гроза, и насъ оставили ночевать. Мнѣ и ему отвели внизу двѣ единственныя свободныя комнаты...

Колетта остановилась, губы ея беззвучно шевелились.

— И это было тамъ?—спросила я съ состраданіемъ исповѣдника.

— Тамъ,—отвѣтила она глухо;—все способствовало этому: и повышенное настроеніе, вызванное неожиданною ночёвкой, и безумная партія въ „покеръ", и шампанское, и разразившаяся съ необыкновенною силою гроза. А можетъ быть—и многое другое, таившееся во мнѣ, чего не подозрѣвали ни я сама, ни другіе... Гюи никогда не любилъ меня, онъ не смотрѣлъ на меня серьезно и даже негодовалъ на меня за то, что я завлекла его.

— Болѣе слабый человѣкъ всегда сваливаетъ вину на другого,—замѣтила я съ невольной горечью.

— Что за сцены происходили между нами! Въ твоемъ первомъ романѣ ты описала страданія любовницы,—я пережила ихъ. Черезъ полгода послѣ рожденія Гюи мы разошлись. Я убѣдила мужа переселиться въ Рошейль; тамъ я погибла бы отъ тоски и угрызеній, если бы мѣстный священникъ—исключительная натура цѣлителя душъ—не наложилъ на меня, вмѣсто эпитиміи, послушаніе въ видѣ живого дѣла. Окружающее насъ крестьянское населеніе погибало отъ грязи и невѣжества, насажденіе культуры въ этихъ дикихъ мѣстахъ не легко давалось, но подъ конецъ я увлеклась имъ. Мнѣ удалось посѣять, на почвѣ политическихъ разногласій, отчужденіе между моимъ мужемъ и г. де-Мьеръ. Но Гюи любилъ своего сына и стремился его видѣть. Передъ смертью, чувствуя вѣроятно ея приближеніе, онъ написалъ мнѣ, прося привезти его. Ты помнишь, въ письмѣ не было ни слова о любви. Почему ты не захотѣла тогда выслушать мою исповѣдь? Ты менѣе бы страдала.

— Нѣтъ, потому что я не была къ ней подготовлена.

Колетта вдругъ подняла на меня смущенный и тревожный взоръ, губы ея дрогнули.

— Антонія,—проговорила она измѣнившимся голосомъ,— онъ здѣсь... со мною...

— Знаю,—отвѣтила я спокойно,—я видѣла его сегодня утромъ.

— Ты его узнала!—воскликнула г-жа д'Отривъ, и глаза ея расширились отъ ужаса.—И несмотря на это—ты здѣсь?

— Для этого нужно было, чтобы прошло пятнадцать лѣтъ; сознаніе работаетъ въ насъ медленно, но вѣрно. Мы обѣ пережили нашу судьбу; неизбѣжное превращеніе зла въ добро—совершается тѣмъ или инымъ путемъ. Безъ этого „преступленія" ты осталась бы легкомысленной, безполезною женщиной.

— А ты не сдѣлалась бы Жанъ-Ноэлемъ!

— Положимъ, міръ ничего бы отъ этого не потерялъ, но я не узнала бы радостей умственнаго труда, для меня не настало бы прозрѣнія. Изъ насъ двухъ ты перенесла наиболѣе тяжелое испытаніе...

— Не правда ли? Не правда ли? — быстро воскликнула г-жа д'Отривъ.

Въ эту минуту послышался шумъ шаговъ, отъ котораго замерли у насъ сердца, и среди мучительнаго молчанія на порогѣ балкона показался Гюи д'Отривъ.

Вѣки Колетты опустились подъ гнетомъ стыда, волна блѣднаго румянца залила ея лицо; это была одна изъ самыхъ ужасныхъ минутъ ея жизни.

Молодой человѣкъ съ секунду смотрѣлъ на меня, потомъ воскликнулъ:

— Madame де-Мьеръ, я васъ узналъ!

Его голосъ! Голосъ, замолкшій пятнадцать лѣтъ тому назадъ!

— Вы узнали меня, такъ какъ вамъ было извѣстно, что я пріѣду,—отвѣтила я, дѣлая отчаянное усиліе для того, чтобы подавить волненіе.

— Нѣтъ, нѣтъ! У дяди Жоржа въ Рошейль есть вашъ портретъ въ кабинетѣ; а кромѣ того вы слишкомъ меня баловали для того, чтобы я могъ забыть васъ. Я даже часто просился къ вамъ,—не правда ли, мама?

— Правда,—отозвалась Колетта.

— Позднѣе я узналъ о несогласіяхъ, о семейной ссорѣ и о томъ, что вы путешествуете. А вотъ меня такъ ужъ вы никогда бы не узнали!

Я что-то пробормотала, онъ придвинулъ свое кресло къ моему и продолжалъ довѣрчиво:

— Итакъ, вы—Жанъ Ноэль! Знаете ли вы, что это я привезъ въ Рошейль вашъ первый романъ, вызвавшій у насъ столько толковъ, не подозрѣвая, что авторъ состоитъ съ нами въ родствѣ. Мы узнали ваше имя лишь въ Баньолѣ, и я никогда не видѣлъ маму въ такомъ волненіи. Кстати, я надѣюсь, что вы помирились?

— Мы давно бы помирились, если бы я не вела бродячую и нѣсколько эгоистическую жизнь.

— Ну, вотъ, теперь родные снова завладѣютъ вами; мы васъ не выпустимъ, и я надѣюсь, что мы съ вами подружимся?— прибавилъ онъ, улыбаясь.

Сердце мое замерло. И улыбка его была улыбкою г. де-Мьеръ.

Подъ этими шутливыми словами таилось столько мучительныхъ воспоминаній, болѣзненныхъ ощущеній, что въ атмосферѣ ихъ мнѣ было тяжело дышать. Я поднялась, Колетта—тоже.

— Madame де-Мьеръ, побудьте еще минутку, дайте на васъ поглядѣть!—сталъ просить Гюи.

— Завтра... мы увидимся завтра!..—проговорила я поспѣшно.

— Завтра я уѣзжаю на нѣсколько дней,—отвѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ смущенія;—мамѣ настолько лучше, что я оставляю ее безъ угрызеній совѣсти, особенно—теперь, когда вы здѣсь.

— Можете ѣхать спокойно.

— А по возвращеніи мы потолкуемъ, не такъ ли?

Я была принуждена протянуть ему руку, которую онъ поцѣловалъ. Этотъ поцѣлуй мучительно и сладко отозвался у меня въ сердцѣ. Я встрѣтила взоръ Колетты, полный такой нѣмой мольбы, что я обняла ее попрежнему.

— Самое тяжелое миновало,—шепнула я на ухо ей, и прибавила громко:—До завтра!

Исповѣдь моей кузины произвела на меня странное впечатлѣніе. Для самолюбія моего было пріятно узнать, что связь ея съ моимъ мужемъ продолжалась недолго, но временами мнѣ вспоминаются ея слова: „безумная игра въ „покеръ“, шампанское, гроза, разразившаяся съ необычайною силою“... Я вижу, какъ она, испуганная, кидается къ нему на грудь, какъ онъ обвиваетъ ее руками... Все это представляется съ необыкновенной ясностью умственному взору романиста, и въ душѣ моей поднимается буря гнѣва. И затѣмъ—это сходство! Вблизи оно менѣе поразительно. Широкій лобъ, носъ, подбородокъ—напоминаютъ отца Колетты, но темные волосы при болѣе свѣтлыхъ усахъ, голубые глаза, тонкій, чувственный ротъ, фигура и улыбка—все это онъ наслѣдовалъ отъ г. де-Мьеръ. Нужна любовь, большая любовь для того, чтобы такое сходство передалось отъ отца сыну. Я задаю себѣ эти вопросы—и мучительно краснѣю отъ стыда. Я понимаю теперь, какъ трудно бываетъ людямъ устоять въ борьбѣ съ собою; многіе умираютъ, не достигнувъ этого. Я несомнѣнно упала на

всѣ четыре лапы, и всему виною—женщина, сидящая во мнѣ. Но я поднимусь—во чтò бы то ни стало. Sursum corda!

Сегодня и вчера я провела часть вечера съ Колеттою на террасѣ отеля. Въ своемъ истощеніи и горѣ она кажется мнѣ привлекательнѣе прежняго. Ея очарованіе не покинуло ее, а въ медленныхъ движеніяхъ чувствуется прежняя грація.

Въ свободномъ черномъ плиссированномъ платьѣ изъ шолковаго муслина, въ элегантной накидкѣ, наброшенной на плечи, и съ жемчугами на шеѣ—она была прелестна, и когда я сказала ей объ этомъ, лицо ея приняло довольное выраженіе.

— Сѣдая вѣтреница!—сказала она съ грустной улыбкой, дотронувшись до своихъ прекрасныхъ волнистыхъ волосъ.

Отсутствіе Гюи облегчило намъ первыя минуты сближенія. Намъ такъ много надо было сказать другъ другу, что мы не знали: съ чего начать? Кромѣ того, мы слишкомъ отдалились другъ отъ друга; на протяженіи пятнадцати лѣтъ нити нашихъ жизней слишкомъ далеко разошлись въ общей ткани бытія, но чудесное дѣло соединенія незамѣтно совершилось. Колетта высказала глубокое огорченіе по поводу смерти своего мужа, послѣдовавшей три года тому назадъ. Братъ мужа живетъ съ ними и управляетъ помѣстьемъ; сынъ ея, Роберъ, будущій владѣлецъ зàмка Рошейль—блестящій кавалерійскій офицеръ. О Гюи она видимо не осмѣливалась заговорить; я сама завела о немъ рѣчь, и она поблагодарила меня взглядомъ. Блестяще сдавъ экзамены, онъ отбылъ воинскую повинность и затѣмъ полтора года путешествовалъ. Онъ интересуется земледѣліемъ, прошелъ спеціальные курсы и вѣроятно будетъ сельскимъ хозяиномъ; отъ своей крестной матери онъ унаслѣдовалъ большое состояніе, но до тридцати лѣтъ ему предоставлено пользоваться лишь процентами. Съ нею онъ нѣженъ какъ дочь, а вмѣстѣ съ тѣмъ у него характеръ дѣда—твердый и отважный.—Онъ не пропадетъ!—заключила она съ гордостью.

Мы заговорили о прошломъ, и тутъ ясно оказалось присущее мнѣ раздвоеніе. Въ то время какъ г-жа де Мьеръ вела тихую бесѣду о быломъ, Жанъ Ноэль видѣлъ амфитеатръ изъ зелени, подернутое рябью озеро, бѣлую террасу въ тѣни деревъ и въ этой декораціи, полной гармонической грусти—двухъ пожилыхъ женщинъ, соединенныхъ послѣ долгой разлуки и искавшихъ забвенія и отрады въ воспоминаніяхъ о шалостяхъ и забавахъ ихъ молодости.

Колеттѣ подали телеграмму отъ Гюи, просившаго позволенія остаться до субботы.

— Всегда одно и то же!—проговорила она досадливо.—Онъ безумно влюбленъ въ какую-то свѣтскую женщину, и это длится уже два года, а я еще хвалила тебѣ твердость его характера. Ненавижу эту женщину. Впрочемъ, я буду ненавидѣть всѣхъ моихъ невѣстокъ.

Я разсмѣялась.

— Гдѣ болѣзнь—тамъ и лекарство. Желать счастья своему ребенку—слишкомъ обыкновенно; нужно радоваться, если другая даетъ ему это счастье. Материнство—самоотреченіе, и такъ какъ все совершенствуется, у насъ въ концѣ концовъ явятся любящія тещи.

Колетта какъ-то по-дѣтски подняла на меня глаза.

— Какъ ты измѣнилась, Антонія! Вдохни въ меня частицу твоей вѣры, твоей твердости, твоего юмора!

Гюи вернулся въ самомъ счастливомъ настроеніи изъ своей поѣздки. Въ его глазахъ, вокругъ его губъ замѣчалось радостное сіяніе, въ голосѣ слышались торжествующія ноты. Это непонятнымъ образомъ раздражило меня, но онъ отъ полноты чувствъ былъ до смѣшного нѣженъ съ матерью и со мною. Я обѣщала себѣ держать его на почтительномъ разстояніи, но это не такъ-то легко. Онъ наслѣдовалъ отъ отца умѣнье властвовать, а мое сопротивленіе лишь сильнѣе подстрекаетъ его; въ интересахъ семьи, онъ рѣшилъ побѣдить мою холодность, на которую не обращаетъ вниманія. Порою, однако, онъ поднимаетъ брови, удивленно смотритъ на меня, но затѣмъ улыбка снова появляется на его губахъ, и я мгновенно смягчаюсь. Ему пришла фантазія звать меня „крестной“.

Смущенная Колетта сдѣлала ему выговоръ.

— Долженъ же я какъ-нибудь называть ее!—отвѣтилъ онъ весело:—madame де-Мьеръ—слишкомъ церемонно, кузина—смѣшно, а на имя „крестной“ она имѣетъ полное право, будучи женою моего крестнаго отца.

Что̀ могли мы отвѣтить ему? Вѣчная иронія судьбы!

На другой день по возвращеніи, Гюи, постучавшись ко мнѣ, вошелъ какъ къ себѣ домой. Сходство его высокой фигуры съ фигурою моего мужа было такъ велико, что я взволновалась.

— Ну, вотъ, я въ гостяхъ у Жанъ-Ноэля!—проговорилъ онъ радостно, разглядывая съ любопытствомъ мои книги, фотографіи, гравюры. Онъ держалъ себя избалованнымъ ребенкомъ, но въ его обращеніи чувствовались нѣжность и уваженіе.

— Какъ здѣсь хорошо!—сказалъ онъ, сѣвъ въ мое кресло передъ письменнымъ столомъ:—хорошо, какъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мыслятъ и работаютъ. А гдѣ же портретъ крестнаго?

— Онъ не здѣсь,—отвѣтила я быстро.

— У женщинъ единственный дорогой для нихъ портретъ—никогда не стоитъ на виду.

— Вы уже достаточно изучили женщинъ,—замѣтила я насмѣшливо.

Я стояла, — онъ положилъ руки мнѣ на плечи.

— Достаточно, крестная, чтобы знать, что вы принадлежите къ самымъ лучшимъ, the right sort...

Это слово было каплею бальзама, смягчившею мою досаду.

Странный крестникъ, ниспосланный мнѣ Провидѣніемъ, все болѣе завладѣваетъ мною. Когда я отправляюсь къ источнику, онъ провожаетъ меня, приноситъ мнѣ стаканъ воды и выбираетъ для возвращенія домой самую длинную дорогу. Однажды, разсказывая мнѣ что-то, онъ продѣлъ свою руку въ мою и слегка оперся на нее. Это движеніе, полное нѣжности и довѣрія, было свойственно г. де-Мьеръ, и теперь я инстинктивно отшатнулась. Мнѣ вспомнился тонкій, изящный силуэтъ моего мужа. Со мною былъ его сынъ, но до чего велико, до чего жестоко было сходство! Любовь и ненависть, горе и радость—сладостно-мучительно смѣшались у меня въ душѣ. Жанъ-Ноэлю еще не приходилось описывать ничего подобнаго. Какъ-то на дняхъ Гюи вздумалось прокатить меня на автомобилѣ; видя, что я не боюсь, мой шофферъ, увлекшись опьяняющимъ воздухомъ и ровною дорогою, помчалъ меня со скоростью шестидесяти миль въ часъ, и сознаюсь, что я испытала истинное наслажденіе. Мы летѣли такъ быстро, что я даже не успѣла испугаться. Когда онъ высаживалъ меня, я протянула ему обѣ руки, и это—удивительнѣе всѣхъ автомобилей на свѣтѣ. Вообще, происходящая во мнѣ борьба—любопытна для изученія, но переживать ее—мучительно. Незабытый мною звукъ дорогого голоса—постоянно растравляетъ мои воспоминанія. Гюи привлекаетъ и отталкиваетъ меня. Стыдно сознаться: мнѣ хотѣлось найти въ немъ признаки вырожденія, но я была разочарована.

Онъ производитъ впечатлѣніе живого, уравновѣшеннаго человѣка; лицо у него открытое, красивое, въ глазахъ не замѣтно морганія, обличающаго страсть къ игрѣ. Измѣнчивый характеръ и нервный темпераментъ его отца—соединились въ немъ съ тою нравственною силой, которою отличались де-Ноэ—предки моей кузины съ отцовской стороны, суровые гугеноты. Словно для того, чтобы еще болѣе нравиться мнѣ, Гюи обладаетъ оттѣнкомъ космополитизма. Путешествія расширили его кругозоръ; онъ хорошо знаетъ англійскій и нѣмецкій языки и сознаетъ,

что въ Англіи—больше дисциплины, больше истиннаго патріотизма, чѣмъ у насъ, что въ Германіи—больше любви къ наукѣ и уваженія ко всякому истинному превосходству. Живя въ Рошейль, онъ очевидно пріобрѣлъ склонность къ сельской жизни, но размахъ у него—большой; ему хочется быть собственникомъ крупнаго помѣстья, поставить дѣло на широкую ногу, хотя въ настоящее время ему не до распахиванія земли и не до проведенія каналовъ: онъ влюбленъ. Въ кого: въ свѣтскую женщину, вдову, замужнюю, разведенную жену? По его пылкому чувственному взгляду можно догадаться, что она—не дѣвушка.

Еслибы Гюи былъ старше, онъ замѣтилъ бы неловкость, являющуюся каждый разъ, когда мы бываемъ втроемъ. Онъ всегда обѣдаетъ съ матерью, а по вечерамъ играетъ съ нею въ карты, и уже нѣсколько разъ просилъ меня на партію виста, но я каждый разъ отказывалась подъ тѣмъ предлогомъ, что я беру ванну въ пять часовъ утра. О его крестномъ у него сохранились очень яркія воспоминанія, и онъ говоритъ о немъ съ восторгомъ. Я всегда отмалчиваюсь, но однажды рѣзко перемѣнила разговоръ. Кажется, онъ считалъ меня сильнѣе духомъ. Его поражаетъ мой космополитизмъ, мое стремленіе къ новизнѣ и въ особенности—желаніе жить въ отелѣ. Я какъ-то сказала, что по временамъ меня дѣйствительно тянетъ лѣтомъ и осенью въ деревню.

Лицо его просіяло.

— Но теперь вы будете гостить въ Рошейль!—воскликнулъ онъ.—Мы даже устроимъ васъ въ оранжерейномъ павильонѣ,—правда, мама?

— Это счастливая мысль,—отозвалась Колетта, не глядя на меня.

— Дядя Жоржъ придетъ въ восторгъ. Вотъ когда мы станемъ играть въ „бриджъ“ и въ „покеръ“. Какъ только мама начнетъ поправляться, я пріѣду за вами. Въ видѣ опыта, вы проведете съ нами осень. Рѣшено?

Я чувствовала, какъ страдала Колетта, и весело отвѣтила:—Рѣшено!

Колетта и Гюи живо интересуются моимъ литературнымъ трудомъ, и я понимаю теперь, почему успѣхъ такъ мало доставилъ мнѣ удовольствія: не съ кѣмъ было подѣлиться имъ. Колетта попросила у меня рукопись моего третьяго романа, который появится въ декабрьскомъ нумерѣ журнала,—замѣтивъ съ

грустною улыбкою, что ей, быть можетъ, не придется прочесть его въ печати. На слѣдующее же утро она принесла мнѣ рукопись.

— Какъ, уже прочла?—удивилась я.

Она обвила руками мою шею.

— Антонія, я не могла оторваться отъ этой вещи! Она—сильнѣе, прекраснѣе двухъ первыхъ. Ты можешь ею гордиться!

Она съ оживленнымъ лицомъ принялась передавать мнѣ свои впечатлѣнія. Я спросила, не находитъ ли она, что моя героиня кого-то напоминаетъ?

— Меня?—спросила Колетта, покраснѣвъ.

— Да, почти непроизвольно—въ силу врѣзавшихся въ мою память воспоминаній, я придала ей нѣкоторыя черты твоего характера, твои привычки...

— Значитъ,—проговорила она,—въ то время, когда ты начала этотъ романъ, ты уже не ненавидѣла меня. Мнѣ отрадно это думать.

Да, Богъ свидѣтель, я вполнѣ простила ей, отъ всего сердца, и тѣмъ не менѣе временами какая-то преграда внезапно возникаетъ между нами, и мы расходимся—изумленныя и опечаленныя. Я нѣсколько разъ цѣловала Колетту, но я не могла бы ни напиться вмѣстѣ съ нею чаю, который мы обѣ такъ любили, ни сыграть съ нею въ карты. Мнѣ невольно вспомнилась жена Гюго, пригласившая на торжественный банкетъ любовницу своего мужа, но она, вѣроятно, смотрѣла на него, какъ на полубога, между тѣмъ какъ для меня г. де-Мьеръ былъ только человѣкомъ. Г-жа д'Отривъ и г-жа де-Мьеръ—играющія въ экартэ или въ безигъ! Невозможно! Воображеніе мое возмущается при мысли о подобномъ зрѣлищѣ. Оно кажется мнѣ смѣшнымъ, тутъ есть дисгармонія, а все негармоничное—смѣшно или безобразно.

Завтра Колетта съ сыномъ покидаютъ Баньоль, гдѣ она, по моей просьбѣ, пробыла лишнюю недѣлю. Послѣ пятнадцатилѣтней разлуки мы провели вмѣстѣ пятнадцать дней. При видѣ сборовъ въ дорогу сердце мое сжалось. Неужели мнѣ не суждено увидѣть ее? Въ Баньолѣ она окрѣпла, уменьшились боли, принуждавшія ее прибѣгать къ морфію, но она страшно истощена. Ее угнетаетъ мысль объ операціи. Часто, строя планы, она вдругъ смолкаетъ, словно чувствуя, что мечъ занесенъ надъ ея головою. Она передала мнѣ, на случай своей смерти, запечатанный конвертъ. Я употребляю всѣ усилія, чтобы ее ободрить, и отчасти мнѣ это удалось.

Гюи пожелалъ, чтобы мы отобѣдали сегодня вмѣстѣ въ ресторанѣ, и я не смогла отказать. Не зная, какія мученія онъ готовитъ намъ, Гюи заказалъ тонкій обѣдъ и выписалъ цвѣты изъ города. Я еще не видѣла его въ вечернемъ костюмѣ. Его изящный смокингъ и бѣлый пластронъ—самымъ безпощаднымъ образомъ обличаютъ его сходство съ г. де-Мьеръ. Онъ гипнотизировалъ мой взглядъ, и въ то же время я чувствовала смущеніе г-жи д'Отривъ. Мы едва дотрогивались до кушанья, но зато пили много шампанскаго; глаза Колетты разгорѣлись; красныя пятна, похожія на цвѣты крови, выступили на ея блѣдныхъ щекахъ. Несмотря на всѣ усилія, разговоръ не вязался; тяжелыя паузы, фальшивыя ноты—вносили расхолаживающее настроеніе, и даже Гюи заразился имъ. Колетта, сынъ ея—сынъ г. де-Мьеръ, и я, жена его, вкушающіе за однимъ столомъ „отъ хлѣба и вина",—представляли собою черезчуръ вопіющую дисгармонію, и вотъ почему она была такъ мучительна. Водвореніе гармоніи во всей вселенной—не является ли оно единственною цѣлью не прекращающейся міровой борьбы?

Уѣхали! Опасеніе не свидѣться болѣе—омрачило наше разставаніе. Мы съ Колеттою долго держали другъ друга за руки; я не могла оторвать отъ нея глазъ. Гюи старался развеселить насъ.

— Теперь мы будемъ присматривать за вами, крестная. Попробуйте-ка снова убѣжать отъ семьи!

— Я не стану и пробовать,—былъ мой отвѣтъ.

Онъ поцѣловалъ мнѣ руку, вскочилъ въ вагонъ и, снявъ шляпу, крикнулъ съ площадки:—До свиданія въ Рошейль!

Поѣздъ тронулся. Колетта стояла у окна, и ея блѣдное лицо становилось все меньше по мѣрѣ того, какъ поѣздъ ускорялъ ходъ, а когда черный столбъ дыма внезапно скрылъ его отъ меня, мною овладѣло суевѣрное предчувствіе. Не имѣя духа вернуться въ отель, я пошла прогуляться по лѣсу. Уже давно я не испытывала такого одиночества.

Пока Гюи съ Колеттою были здѣсь, положеніе наше казалось мнѣ фальшивымъ, порою—невыносимымъ, но тѣмъ не менѣе я снова чувствовала себя съ кѣмъ-то связанной, кому-то близкою. Смѣшно сознаться, но мнѣ было пріятно говорить: „моя кузина", показать другимъ, что и у меня есть родственники. Семья даетъ человѣку сознаніе собственнаго достоинства

и силу. Надо будетъ написать о моемъ свиданіи съ Колеттою сэръ-Уильяму, единственному моему повѣренному.

Дня три я много думала о Рэндольфахъ, о Симли-Голлѣ, и сегодня какъ-разъ получила отъ сэръ-Уильяма письмо, въ которомъ онъ, какъ всегда, старается прикрыть юморомъ болѣе глубокое чувство.

„Несмотря на весь мой скептицизмъ, готовъ признать, что въ вашей встрѣчѣ и примиреніи съ вашею кузиною играетъ нѣкоторую роль предопредѣленіе. Но ваше великодушіе, съ которымъ отъ души васъ поздравляю, ссоритъ меня съ логикой. Неужели мы должны простить и знаменитаго убійцу женщинъ, X., присужденнаго къ повѣшенію? Во всякомъ случаѣ, хотя я не раздѣляю вашихъ взглядовъ, не сожалѣйте о томъ, что вы посѣтили Симли-Голлъ: кое-что изъ нашихъ бесѣдъ запало мнѣ въ душу".

Въ концѣ онъ писалъ:—„Стараюсь думать вмѣстѣ съ вами, что колебанія горя и радости необходимы, въ силу міровыхъ законовъ, и что поэтому я долженъ задыхаться, но, говоря по совѣсти, не могу возвыситься до этой философіи. Свободно дышать—въ этихъ словахъ едва ли не заключается для меня понятіе о раѣ. Умирающій Гёте просилъ свѣта, а я прошу: воздуха!"

Глаза мои наполнились слезами. Въ томъ же письмѣ была приписка отъ дѣтей, сообщавшихъ о смерти своего кота. Не премину выразить имъ свое соболѣзнованіе.

Получила съ дороги двѣ телеграммы отъ Гюи, а сегодня поутру—письмо отъ Колетты. Она двое сутокъ отдыхала въ Парижѣ, пожелавъ остановиться въ отелѣ Кастильоне. Комната моя случайно оказалась свободной, и Колетта, остановившаяся въ ней, была поражена ея малыми размѣрами. „Лежа въ кровати, я смотрѣла на письменный столъ, за которымъ родились твои произведенія, взволновавшія мою душу; я прислушивалась къ стуку старыхъ часовъ, отмѣчавшихъ твое рабочее время. И этотъ столъ, и эти часы—даже не твои. Антонія, мысль объ этомъ невыносима мнѣ! Отель изященъ и удобенъ, но отъ всего вѣетъ холодомъ. Какъ ты могла свыкнуться съ нимъ? Какъ онъ не оледенилъ твою душу?"

Милая Колетта! Я рада, что она видѣла мою комнату; она

показалась ей маленькой, но теперь я знаю, что у меня достаточно мѣста для того, чтобы „любить, жить и умереть“, какъ говоритъ поэтъ.

Далѣе она пишетъ, что докторъ нашелъ большое улучшеніе и надѣется на счастливый исходъ. Дядя Жоржъ чрезвычайно радуется нашему примиренію и пораженъ превращеніемъ г-жи де-Мьеръ въ „Жанъ-Ноэля“. „Не отталкивай мою руку, Антонія; впрочемъ, еслибы даже ты захотѣла это сдѣлать, Жанъ Ноэль не позволитъ тебѣ. Онъ—лучшая часть г-жи де-Мьеръ. Да благословитъ Богъ васъ обоихъ“.

Оттолкнуть ея руку? О, нѣтъ! Я боюсь только одного: что смерть насильственно вырветъ ее у меня.

Послѣ отъѣзда г-жи д'Отривъ, я веду мой прежній образъ жизни. Баньоль обладаетъ тремя несравненными качествами: чуднымъ воздухомъ, водами и лѣсомъ. Чѣмъ болѣе вы вдыхаете смолистыя волны благоуханій, тѣмъ легче вамъ дѣлается въ этомъ сосновомъ лѣсу. Душа деревьевъ, пылающая огнемъ въ нашихъ очагахъ, вливаетъ въ насъ жизненныя силы, и общеніе съ нею укрѣпляетъ насъ физически и духовно. Къ сожалѣнію, мы еще не умѣемъ пользоваться всѣми этими благами; въ рукахъ швейцарцевъ или нѣмцевъ эти воды превратились бы въ первоклассный курортъ; теперь же отсутствіе канализаціи загрязняетъ почву и озеро, и отравило бы самый край, еслибы воздухъ здѣсь не былъ безусловно антисептическимъ.

Я встаю рано и отправляюсь къ источнику. Здѣсь утрà какія-то необычайно свѣтлыя; лѣсъ кажется еще темнѣе и таинственнѣе въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ; домà и дороги окрашены алымъ отблескомъ, и весь пейзажъ производитъ впечатлѣніе чего-то сказочнаго. Я всегда радуюсь утренней зарѣ; закатъ, наоборотъ, рождаетъ въ душѣ моей печаль. Послѣ ванны и дýша я возвращаюсь въ свою залитую солнечнымъ свѣтомъ комнату, пью чай и засыпаю до восьми часовъ. До завтрака я работаю; прогулки, питье воды, чтеніе и писаніе писемъ, иногда—партія въ „бриджъ“ наполняютъ остатокъ дня.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу „на вѣткѣ“, я нахожусь исключительно во французской средѣ, и, къ большому сожалѣнію, должна сказать, что чувствую себя здѣсь совсѣмъ чужою. Я наталкиваюсь на забытые мною предразсудки, на устарѣлыя идеи, между нами точно выросла стѣна. Иностранцы—изъ числа лицъ высокопоставленныхъ—всегда оказывали мнѣ полное вниманіе, сближаясь со мною безъ всякаго недовѣрія. Мои земляки выказываютъ, наоборотъ, по отношенію

ко мнѣ большую сдержанность. Они не одобряютъ мой образъ жизни. У меня нѣтъ ни дома, ни хозяйства, ни „моихъ“ бѣдныхъ... (Еслибы они знали, что я даже не плачу́ налоговъ!) Больше всего меня поражаетъ ихъ „буржуазность“ —слово трудно замѣнимое. Она выражается въ мелочности мыслей, въ нетерпимости, въ слѣпомъ упорствѣ, въ неспособности понять и даровать свободу. Человѣкъ уходитъ въ нее, какъ въ непроницаемую раковину. Мопассанъ не былъ буржуа, Зола̀ былъ имъ; театръ „Французская Комедія“ и „Пале-Рояль“ —буржуазны, театръ Антуана—нѣтъ. Италія, Испанія — не буржуазны; буржуазна Германія, но не ея императоръ. Франціи грозитъ опасность обуржуазиться.

Я съ любопытствомъ изучаю женскій элементъ „Грандъ-отеля“ и вижу, что за это время онъ ни въ чемъ не подвинулся впередъ. Чувство, сентиментальность, рутина благотворительности и—ничего другого. Никакого стремленія къ болѣе широкой жизни, ни малѣйшаго проявленія индивидуальности. На меня, привыкшую къ самостоятельности англичанокъ, къ развитому уму американокъ, французская дѣвушка производитъ впечатлѣніе какого-то анахронизма, растенія, лишеннаго свѣта и воды. Въ угоду модѣ, она занимается спортомъ, но неподготовленный къ нему организмъ протестуетъ, а знанія, которыми начинена ея голова, не внушаютъ ей желанія продолжать занятія наукою. Все въ ней вяло, искусственно. Мнѣ хотѣлось бы увести ее въ горы, въ лѣса̀, поставить въ непосредственное общеніе съ божественными силами природы. Когда она выдергиваетъ иглу изъ вышиванія, мнѣ хочется встряхнуть ее: сама того не подозрѣвая, она уже принадлежитъ мужчинѣ. Мысль ея стремится къ тайнѣ, которую она полу-угадываетъ, ея воображеніе волнуютъ смутные о̀бразы, дуновеніе страсти опаляетъ первый цвѣтъ ея молодости. Матери должны были бы помнить это. Но когда я рѣшилась выразить однажды желаніе, чтобы молодая дѣвушка внесла въ жизнь свѣжія силы своего сердца и ума, мамаши пришли въ ужасъ.

— Вы желаете, чтобы она эмансипировалась?

— Да, но не ранѣе, чѣмъ матери внушатъ своимъ сыновьямъ уваженіе къ женщинѣ. Тогда волки обратятся въ пастуховъ и сами станутъ оберегать овечекъ.

— Это невозможно!—воскликнула хорошенькая парижанка. —А инстинктъ? А природа?

— Но съумѣли же американки этого достигнуть. Только онѣ однѣ заботятся о своихъ сестрахъ.

— Въ такомъ случаѣ онѣ—не женщины,—быстро отвѣтила моя собесѣдница.

— А Франція—не Америка!—отрѣзала старая дама.

Эта истина сковала мнѣ уста. Снова—глухая стѣна. Да, скорѣе освободится японка, нежели француженка.

Я знала, я знала, что такъ должно было случиться. Она не могла выжить... Я смутно чувствовала, что она должна была исчезнуть! Двѣ телеграммы отъ дяди Жоржа... первая: „Перитонитъ. Колеттѣ очень плохо". Вторая: „Колетта скончалась". При полученіи этого извѣстія, во мнѣ словно что-то оборвалось, что-то разбилось. Я испытываю непреодолимое желаніе увидать ее... Завтра, съ первымъ поѣздомъ, ѣду въ Рошейль. Не безъ колебанія я открыла оставленное ею мнѣ письмо, я угадывала ея просьбу. Она поручаетъ мнѣ Гюи, проситъ стать его другомъ, вырвать его изъ когтей этой женщины, женить его...

Гдѣ найду я силы не обмануть надеждъ умирающей—теперь уже умершей?

IV.

Парижъ. Отель Кастильоне.

Какъ быстро завертѣлось для меня колесо судьбы послѣ моего отъѣзда изъ Парижа въ концѣ іюля! Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я вернулась изъ зàмка Рошейль — когда-то столь оживленнаго и гостепріимнаго! Я пріѣхала туда послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія среди двойного безмолвія смерти и ночи. Дядя Жоржъ встрѣтилъ меня на станціи, и по его словамъ: „Я радъ, что вы примирились!"—по тону его голоса—я поняла, что ему извѣстна причина разрыва. Дорогою я узнала подробности кончины: операція удалась, но затѣмъ, какъ это иногда бываетъ, произошло непредвидѣнное ухудшеніе. Смерть ея наступила быстро. Гюи не позволилъ положить ее въ гробъ до моего пріѣзда. Горе такъ состарило его лицо, что мучительное сходство поразило меня съ новою силой; но его нѣжные и грустные глаза такъ жалобно смотрѣли то на меня, то на умершую, что я ощутила въ сердцѣ порывъ состраданія. Въ Парижѣ я останавливалась для того, чтобы достать бѣлыхъ гвоздикъ и розъ—любимыхъ цвѣтовъ Колетты. Нѣжно положивъ ихъ на грудь ея и у ея ногъ, я обернулась къ Гюи и попросила его дозволить мнѣ провести съ нею наединѣ остатокъ ночи.

Онъ наклонилъ голову, поднесъ мою руку къ губамъ и вышелъ.

Мы остались вдвоемъ: умершая и я. Въ бѣломъ атласѣ, съ кружевнымъ капюшономъ на волосахъ—она казалась одѣтою для празднества. Тонкій овалъ лица, опущенныя черныя рѣсницы, изгибъ рта—придавали ея облику выраженіе невыразимой женственной хрупкости, и оно явилось для меня откровеніемъ, высшимъ ея оправданіемъ. Я наклонилась и, поцѣловавъ ея маленькую ручку, опустилась на колѣни, громко повторяя: „Моя Колетта! Моя маленькая Колетта!“—И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, что меня обвѣяло теплою волною воздуха... Была ли это струя вѣтра, ворвавшаяся въ комнату? Не знаю. Во второй разъ въ моей жизни я почувствовала присутствіе кого-то невидимаго... Я взрогнула, впилась глазами въ лицо Колетты—неподвижное, но не застывшее; въ немъ было выраженіе кротости и спокойствія—послѣдній отблескъ ея души.

Утромъ „мою маленькую Колетту“ положили въ гробъ, и около одиннадцати часовъ отвезли ее на здѣшнее кладбище—идеальное мѣсто успокоенія. Провинціальныя похороны—нѣчто торжественное. Дворяне, буржуа, крестьяне, бѣдняки—всѣ собрались изъ окрестностей, чтобы отдать послѣдній долгъ баронессѣ д'Отривъ. Изъ окна я видѣла кареты, телѣжки, черныя фигуры въ бѣлыхъ чепцахъ; въ церкви не было достаточно мѣста, и молящіеся заняли всю площадь передъ нею; изъ раскрытыхъ дверей до нихъ ясно доносились слова богослуженія. Послѣ похороннаго обряда всѣмъ—знатнымъ и простолюдинамъ—была предложена простая закуска. Я встрѣтила многихъ знакомыхъ, удивившихся моему присутствію, и это меня огорчило.

Когда все кончилось, Гюи проводилъ меня въ мою комнату. Въ теченіе всего этого тяжелаго дня онъ мужественно держалъ себя. Но какъ только мы остались одни, наступила реакція; онъ обхватилъ меня руками, я жаждала утѣшить его, сказать доброе слово, и—не могла.

— Крёстная, крёстная!—шепталъ онъ, прижимаясь ко мнѣ, какъ ребенокъ.

— Бѣдный мальчикъ! — проговорила я, тронутая дѣтской безпомощностью этой жалобы, и прибавила, положивъ руку ему на плечо:—Если вамъ понадобится другъ, вы придете ко мнѣ, не такъ ли?

Гюи посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и укоромъ.

— Онъ теперь нуженъ мнѣ, крёстная, теперь и всегда. Человѣкъ, у котораго была такая мать, какъ у меня, знаетъ цѣну женскому сердцу.

Потомъ, пересиливъ себя, онъ постарался улыбнуться.

— Я эгоистъ; вы разбиты, вамъ надо отдохнуть.

Осмотрѣвшись кругомъ, для того, чтобы убѣдиться, все ли у меня есть, что̀ надо, онъ пододвинулъ кушетку къ затопленному камину и оправилъ подушки.

— Прилягте, я пришлю вамъ чаю. Благодарю васъ за то, что вы пріѣхали; для меня большое счастье—сознавать, что вы съ нами.

Онъ тихо вышелъ, а я осталась посреди комнаты, стыдясь своей холодности.

Въ Рошейль я провела три дня и возобновила знакомство съ Роберомъ, старшимъ сыномъ Колетты, котораго я оставила пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Средняго роста, мускулистый брюнетъ, онъ—вылитый д'Отривъ. Съ дядею Жоржемъ мы сразу вновь сошлись; онъ живо чувствуетъ утрату своей невѣстки, которую горячо любилъ.

Наконецъ, я познакомилась съ дѣломъ рукъ Колетты, и была изумлена его результатами. Деревня оказалась перестроенной, тамъ введены необходимыя гигіеническія улучшенія, что̀ не замедлило благотворно отразиться на мѣстномъ населеніи, болѣзненное безобразіе котораго часто поражало насъ. У людей—хорошій цвѣтъ лица, свѣтлые глаза, туберкулезъ замѣтно уменьшается. Около двадцати покинутыхъ дѣтей, помѣщенныхъ Колеттою въ хорошія семьи, выросли въ благопріятныхъ условіяхъ. Дядя Жоржъ построилъ на свой счетъ нѣчто вродѣ общественнаго клуба, гдѣ происходятъ чтенія, бесѣды, и это учрежденіе ведетъ успѣшную борьбу съ кабакомъ. Дѣло просвѣщенія замѣтно подвигается въ краѣ. Таково „искупленіе Колетты“. Сама того не сознавая, я тоже отчасти способствовала ему. Не правъ ли Метерлинкъ, утверждая, что „зло есть добро, котораго мы не можемъ понять“. Уѣзжая изъ за̀мка Рошейль, я повторяла себѣ эти слова.

По возвращеніи въ Парижъ, я написала сэръ-Уильяму, выразившему мнѣ участіе съ обычной своею простотой и прямодушіемъ. Онъ снова упоминаетъ о семьѣ де Люссонъ, „моихъ горячихъ почитателяхъ“. Они въ восторгѣ отъ разрѣшенія—сдѣлать мнѣ визитъ. „Я не поручился имъ за полное сходство г-жи де Мьеръ съ Жанъ-Ноэлемъ, но сказалъ имъ, что у нея имѣются свои хорошія стороны“,—пишетъ онъ по этому поводу.

Сэръ Уильямъ желаетъ, во что бы то ни стало, дать мнѣ друзей, мое одиночество огорчаетъ его. Сколько въ этомъ до-

броты! Хотѣла бы я знать, что̀ выйдетъ изъ знакомства, котораго онъ такъ сильно желаетъ?

Мой третій романъ появится въ большомъ журналѣ 15-го декабря. Я занята „отдѣлкою“ его, доставляющей мнѣ изысканное удовольствіе; не многіе читатели оцѣнятъ ее, но моя писательская совѣсть будетъ спокойна. Я не тороплюсь видѣть его въ печати. Переписанный моею рукою, онъ дорогъ, онъ еще близокъ мнѣ; когда его перепишутъ на машинѣ, онъ уже покажется мнѣ чужимъ, а когда его напечатаютъ, мнѣ трудно будетъ повѣрить, что онъ—мой. Такъ матери, по мѣрѣ того, какъ дѣти ихъ подростаютъ, едва могутъ повѣрить, что онѣ произвели ихъ на свѣтъ. Я старалась изучить процессъ зарожденія романа, у каждаго автора онъ, конечно, бываетъ различенъ, но я думаю, что мозгъ—лишь воспринимающій и передающій аппаратъ. Мы говоримъ: у меня явилась мысль! и она дѣйствительно является извнѣ, но мозгъ уже заранѣе подготовленъ къ ея воспріятію. Иногда, глядя на памятники, картины, предметы искусства, книги, въ особенности—на романы, казавшіеся мнѣ чѣмъ-то дѣтскимъ, я говорила себѣ: къ чему все это? И лишь недавно у меня явилась мысль, что все это—въ прямомъ смыслѣ слова—аккумуляторы энергіи, проводники психическаго электричества, предназначенные для поддержанія и обновленія жизни, факелы, зажигающіе собою другіе факелы, которые должны распространять и хранить священный огонь. И чѣмъ больше силы и устойчивости въ аккумуляторѣ, тѣмъ совершеннѣе произведеніе искусства. На ряду съ геніальными созданіями—и этотъ ничтожный романъ, лежащій на моемъ письменномъ столѣ, тоже является аккумуляторомъ — какъ, впрочемъ, и все живое въ мірозданіи. Иногда мнѣ кажется, что съ каждымъ днемъ съ глазъ моихъ спадаютъ частички чешуи; я похожа на слѣпого, къ которому медленно возвращается зрѣніе, но онъ еще зажмуриваетъ вѣки, не будучи въ состояніи выносить слишкомъ яркій свѣтъ.

Гюи вернулся въ Парижъ. Въ самый день пріѣзда онъ зашелъ ко мнѣ, приславъ сначала цѣлый снопъ великолѣпныхъ хризантемъ. Я приняла его не въ салонѣ отеля, но у себя, и его высокій ростъ заставилъ меня почувствовать, какъ мала моя комната. Не безъ нѣкоторой неловкости я пригласила его сѣсть, поблагодарила за цвѣты и спросила о здоровьѣ его домашнихъ.

— Какъ пусто теперь въ Рошейль, крёстная!—проговорилъ онъ, нервно сжимая ручку кресла.—Мы собираемся въ ея ма-

ленькой гостиной, чтобы поговорить о ней. Я повѣсилъ ея портретъ рядомъ съ портретомъ отца.

Слыша, какъ онъ называетъ своимъ отцомъ г. д'Отрива́, я слабо вспыхнула и пробормотала, что онъ хорошо поступилъ.

— Тамъ мы будемъ разговаривать, играть въ карты, заниматься музыкою. Пусть она будетъ съ нами, если мы уже не можемъ быть съ нею.

— Большое счастье—имѣть дорогихъ покойниковъ.

— Не правда ли?—Онъ сталъ разсказывать мнѣ про свою мать растроганнымъ голосомъ, безъ сентиментальности, но съ искреннимъ чувствомъ; упомянулъ о дѣлахъ, словно давая мнѣ понять, что я—членъ семьи, и, наконецъ, подалъ мнѣ письмо.

Колетта писала сыну, что она просила меня замѣнить для него мать. „Будь ей настоящимъ сыномъ, старайся вырвать ее изъ ея одиночества. Она не можетъ быть довольна своею жизнью „на вѣткѣ", въ ея годы необходимы спокойствіе и обезпеченность. Доставь ихъ ей. Пусть твое сердце и рука будутъ всегда къ ея услугамъ. Я надѣюсь, что ты создашь ей счастливую старость".

Бѣдная Колетта! Она хотѣла вернуть мнѣ сына, который долженъ былъ бы родиться у меня! Какое страстное желаніе искупить свою вину чувствовалось въ этихъ строкахъ!

— Вы видите, крёстная, она завѣщала насъ другъ другу,—сказалъ онъ, пряча письмо.—Что касается меня, я готовъ взять васъ на свое попеченіе,—прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Къ вашему счастію, я—старая, очень занятая и очень независимая женщина.

— Знаю, знаю... Но все же вы должны удѣлить мнѣ мѣстечко въ вашей жизни. И я начинаю съ того, что прошу позволенія пообѣдать съ вами завтра. Можно?

Странное дѣло! Я сама хотѣла позвать его, но тутъ я замялась, словно стараясь припомнить: не приглашена ли я? Устыдясь, однако, своей мелочности, я сказала:—Конечно, я буду рада. Обѣдъ въ $7^1/_2$ часовъ.

Онъ обнялъ меня и сказалъ:—Благодарю васъ и... полюбите меня немножко, крёстная; что касается меня — я очень васъ люблю.

Мнѣ показалось, что это говоритъ г. де-Мьеръ. Что̀ это? Не хочу я его любви!

Гюи обѣдалъ у меня. Его появленіе за столомъ произвело эффектъ. Взоры четырехъ хорошенькихъ американокъ изобразили собою громадные вопросительные знаки. Но самое смѣшное,

самое невѣроятное во всемъ этомъ было то, что красивая внѣшность Гюи льстила моему тщеславію. Богъ свидѣтель, однако, что я тутъ ни при чемъ!

Мы сидѣли рядомъ, и я угощала моего гостя, находя въ этомъ странное, но истинное удовольствіе. Молодой человѣкъ подробно разсказалъ мнѣ о своихъ планахъ. Онъ намѣренъ посѣщать всю зиму сельскохозяйственные курсы Гриньонъ и пріобрѣтаетъ дорогой автомобиль, на которомъ намѣревается прокатить меня по всей Франціи. Разговаривая, онъ не обращалъ никакого вниманія на американокъ, и это уже одно было доказательствомъ его влюбленности.

— Посмотрите же, какъ свѣтитъ американская красота!— замѣтила я наконецъ, улыбаясь.

— Да, но она не грѣетъ.

— А вы предпочитаете тепло свѣту?

— Я люблю смѣсь того и другого.

— Этого не бываетъ.

— Нѣтъ, встрѣчается!—отвѣтилъ онъ съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ и сдержанно горделивою улыбкой.

Обѣдъ, котораго я боялась, сошелъ скорѣе пріятно, но я какъ-то не могу долго видѣть Гюи, а когда онъ уходитъ—сердце мое стремится къ нему.

Хочу написать сэръ-Уильяму, чтобы поблагодарить его. У меня были m-me и m-lle Люссонъ и давно уже я не выносила изъ знакомства съ людьми такого пріятнаго впечатлѣнія. Между нами сразу установилась струя симпатіи.

M-me де-Люссонъ—женщина лѣтъ пятидесяти, бѣлокурая съ просѣдью, веселая и привлекательная. Дочь ея—средняго роста, очень элегантная въ платьѣ Tailleur и болеро изъ каракуля,— сразу плѣнила мой взглядъ. У нея сѣро-голубые глаза—очень блестящіе; изящно очерченныя губы свидѣтельствуютъ о добротѣ, а широкій лобъ, прямыя брови и красивый твердый носикъ—о силѣ характера.

Послѣ первыхъ привѣтствій она сказала съ молодымъ увлеченіемъ:

— Такъ это вы—Жанъ Ноэль!

— Пожилая женщина, какъ видите. Не будьте слишкомъ разочарованы.

— Вы, можетъ быть, не повѣрите мнѣ, но я—въ восторгѣ. Мнѣ не позволяютъ знакомиться съ авторами изъ мужчинъ.

Завязался разговоръ о Симли-Голлъ, объ Англіи, Турени. Я

приказала подать чай и замѣтила съ удовольствіемъ, что мать и дочь умѣютъ его пить. Глава семьи еще въ деревнѣ, но на дняхъ онъ возвращается, и я приняла приглашеніе къ обѣду на будущей недѣлѣ, причемъ мнѣ обѣщали, что не будетъ никого изъ постороннихъ. Мы разстались съ обоюднымъ желаніемъ вновь увидѣться.

Сегодня появился въ печати мой третій романъ.

Я получила поздравительныя телеграммы отъ Рэндольфовъ и дяди Жоржа. Двое старыхъ знакомыхъ, живущихъ теперь въ нашемъ отелѣ, прислали мнѣ хризантемы, г-жа де Люссонъ—орхидеи, а Гюи—красныя розы. Чѣмъ руководился онъ въ своемъ выборѣ? Я и г. де-Мьеръ—мы оба любили красныя розы, и букетъ ихъ всегда красовался въ маленькомъ салонѣ, раздѣлявшемъ... соединявшемъ наши спальни. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ онѣ были изгнаны изъ моей комнаты, видъ ихъ былъ слишкомъ тягостенъ для меня. Когда сегодня, снявъ оберточную бумагу, я увидѣла пурпуръ розъ, руки мои задрожали, цвѣты словно заколдовали меня, я смотрѣла на нихъ съ возрастающимъ волненіемъ, потомъ робко, почти смущаясь, поднесла ихъ къ лицу, вдыхая ихъ свѣжій, проникавшій мнѣ въ сердце ароматъ. Онъ воскресилъ передо мною то прошедшее, которое стало для меня потеряннымъ раемъ, и вернулъ румянецъ на мое старое лицо. Цвѣты стоятъ подлѣ меня и внушаютъ мнѣ нѣчто вродѣ священнаго ужаса: мнѣ кажется, что они—отъ г. де-Мьеръ.

Несмотря на свой гнѣвъ, я часто сожалѣла, что мужу моему не пришлось прочесть мои романы; я дорого бы дала за то, чтобы нѣкоторыя страницы ихъ попались ему на глаза. Сегодня я стараюсь себѣ представить выраженіе его лица при видѣ этого другого моего *я*, незнакомаго ему и тѣмъ не менѣе создавшагося при его участіи. Къ появленію моихъ первыхъ двухъ романовъ я отнеслась почти равнодушно: я слишкомъ затерялась среди толпы, но теперь, въ особенности—изъ-за Гюи, неуспѣхъ показался бы мнѣ унизительнымъ. Это—мелочное тщеславіе, конечно, но я не могу отрѣшиться отъ него.

Я обѣдала съ моими пріѣзжими друзьями, что̀ очевидно кольнуло Гюи, замѣтившаго мнѣ съ упрекомъ, что въ такихъ случаяхъ „свои“ должны имѣть преимущество передъ „чужими“. На это я возразила ему, что въ теченіе многихъ лѣтъ „чужіе“ были единственными близкими мнѣ людьми; я видѣла, что огорчила его, и это доставило мнѣ удовольствіе: въ лицѣ сына я словно мщу отцу.

Побѣда—за Гюи. Сегодня онъ заѣхалъ ко мнѣ въ изящномъ клубномъ купэ и увезъ меня въ Булонскій лѣсъ. Была чудная декабрьская воскресная погода, чистый, холодный, но не рѣзкій воздухъ. Я пожелала проѣхать по самымъ уединеннымъ аллеямъ. Голубоватая мгла, черныя вѣтви деревьевъ, темно-зеленоватый мохъ у корней—сливались въ общей картинѣ, которую способно создать лишь искусство природы. Зимняя тишина и спокойствіе охватили меня; я перестала говорить и слышать, это было похоже на сонъ. Я не сознавала, куда мы ѣдемъ, откуда? Не знаю, сколько времени это продолжалось. Мы выѣхали къ озеру, и тогда я пришла въ себя, и принялась оживленно болтать съ моимъ спутникомъ, разглядывая праздничную толпу.

Около трехъ съ половиною часовъ купэ, миновавъ Елисейскія-Поля, повернуло на Антенскую аллею. Я съ удивленіемъ спросила: куда мы ѣдемъ?

— Улица Агессо, 60,—отвѣтилъ Гюи, и лицо его засвѣтилось юношескимъ лукавствомъ.

— Къ вамъ?

— Ко мнѣ—на чашку чаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ пить чай у Рица!—воскликнула я порывисто.

— Ни за что. Вы — моя гостья, моя плѣнница, я отдалъ кучеру соотвѣтствующія приказанія. Бьюсь объ закладъ, что вы никогда не пили чаю въ холостой квартирѣ.

— Насколько я помню—нѣтъ, — отвѣтила я полу-смѣясь, полу-сердясь.

— Вотъ видите ли, это—пробѣлъ въ вашихъ воспоминаніяхъ. Романисты любятъ новыя ощущенія, и я приготовилъ вамъ сюрпризъ. Всѣмъ женщинамъ хочется подышать хотя разъ въ жизни атмосферою холостой квартиры. Даже матери любятъ видѣть логово, гдѣ сынъ ихъ живетъ жизнью мужчины. Когда мама бывала въ Парижѣ, она останавливалась въ отелѣ, но я приглашалъ ее пить чай и завтракать. Она пріѣзжала съ руками, полными цвѣтовъ, а передъ отъѣздомъ открывала мои шифоньерки, чтобы посмотрѣть, не нужно ли мнѣ чего-нибудь; взбивала мои подушки, въ сущности лишь потому, что ей было пріятно дотрогиваться до нихъ.

— Женское сердце не имѣетъ для васъ тайнъ!—замѣтила я, глядя не безъ ироническаго изумленія на юнаго психолога.

— Мама была женщиной до мозга костей, а я—ея Веніаминомъ. Между нами — она больше любила меня, чѣмъ моего брата. А такъ какъ вы заняли ея мѣсто, вы должны видѣть

мое помѣщеніе,—вѣдь вамъ ужасно хочется, сознайтесь! Слава Богу, вы—тоже женщина!—прибавилъ онъ, поднося съ улыбкою мою руку къ губамъ.

Насъ встрѣтилъ Луи, сынъ кухарки въ Рошейль. Онъ просіялъ при видѣ меня, а Гюи провелъ меня въ рабочій кабинетъ, гдѣ царилъ портретъ Колетты, писанный Каролюсомъ и значительно разнившійся отъ портрета, висѣвшаго въ Рошейль. На томъ была изображена счастливая, блестящая, неотразимая „вѣтреница“ былыхъ временъ; на этомъ—улыбающіеся глаза казались подернутыми трогательною грустью, смѣющійся ротъ принялъ строгое выраженіе. На вопросъ Гюи я отвѣтила, что мнѣ больше нравится послѣдній.

— Мнѣ тоже. На томъ портретѣ она моложе, я узнаю ея черты, но выраженіе ихъ — мнѣ чуждо, и вся она — какая-то чужая!

Онъ самъ не зналъ, до какой степени онъ правъ: онъ былъ сыномъ этой женщины, а не той, прежней.

Я подошла къ окну балкона и при свѣтѣ догарающаго дня увидѣла террасу, деревья, кусты.

— У васъ есть садъ, и вы мнѣ не сказали. Вотъ въ чемъ я вамъ завидую.

Кабинетъ Гюи плѣнилъ меня. Полки съ книгами шли въ нѣсколько рядовъ до половины стѣнъ, украшенныхъ старинными эстампами, офортами; на каминѣ стоялъ античный бюстъ и ваза съ желтыми хризантемами; огонь въ каминѣ бросалъ розовый отблескъ на дорогой фарфоръ и кокетливое убранство чайнаго стола. Луи внесъ самоваръ, спустилъ занавѣси,—никакой шумъ извнѣ не нарушалъ уютности этого уголка.

— Вамъ нравится моя квартира, крёстная?—сказалъ Гюи, ловко разливая чай.—Во второмъ этажѣ скоро освободится такая же. Займите ее.

— Нѣтъ, вы уступите мнѣ свою, когда женитесь.

— Ну, крёстная, на это не разсчитывайте. Никогда! Меня страшитъ не самая мысль о бракѣ, но молодыя дѣвушки, ихъ понятіе о жизни... Къ материнству, къ жизни въ деревнѣ онѣ чувствуютъ отвращеніе; онѣ ничего не читаютъ и умѣютъ говорить только о скандалахъ. Когда же имъ надоѣстъ быть зрительницами, онѣ для развлеченія заводятъ себѣ любовниковъ.

— Все это происходитъ среди смѣшаннаго общества, которое вы посѣщаете, но въ средѣ старинной буржуазіи и древней аристократіи вы можете встрѣтить женщинъ съ благороднымъ характеромъ.

— Знаю; къ несчастію, онѣ остались совершенно въ сторонѣ отъ жизни и не подготовили къ ней своихъ дѣтей. Я познакомился нынче лѣтомъ съ сестрою моего друга д'Юрвилля, хорошенькой и воспитанной въ строгихъ правилахъ барышней, но она скучаетъ у себя въ замкѣ.

— При вашихъ взглядахъ вамъ надо жениться на англосаксонкѣ.

— Нѣтъ, она будетъ лишь товарищемъ. Мнѣ нужно, чтобы въ женщинѣ совмѣщались: жена, любовница и другъ.

— Только?..

— И такой жены я не найду среди этихъ куколъ, которыхъ подвязки ихъ тянутъ напередъ, а корсетъ съ прямою планшеткою—назадъ. Онѣ подвергаютъ себя пыткѣ, которая лишаетъ ихъ всякой гибкости, всякой граціи, придаетъ имъ видъ какихъ-то крабовъ...

— Гюи, Гюи, вы просто неприличны!—воскликнула я, невольно смѣясь: — сама природа видоизмѣняетъ организмъ женщины.

— Во всякомъ случаѣ она не подготовляетъ его къ материнству!—замѣтилъ онъ съ досадою.

— Ну, я вижу, что состояніе вашего сердца не позволяетъ вамъ думать о бракѣ,—сказала я примирительно,—но когда вы принесете достаточно жертвъ на алтарь ложной богини, вы подумаете о немъ, и тогда я, можетъ быть, еще получу предъ смертью вашу квартиру и вашъ садикъ.

Гюи вспыхнулъ и лицо его озарилось восторгомъ.

— Если богиня, которой я поклоняюсь — ложная, то послѣ этого, крёстная, настоящихъ—нѣтъ!

Не легко будетъ женить его; но если я должна исполнить волю Колетты—она будетъ исполнена.

О. Ч.



ИЗЪ
МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ
1843—1860 гг.

> Greif nur hinein ins volle Menschenleben!
> Ein Jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
> Und wo ihr's packt, da ist's interressant.
> *Goethe.*

I.

> Sa personnalité rayonne, rechauffe, et le parfum de son âme pénètre partout, on la sent, sans la voir. Elle est comme l'air pur qui nous fait vivre et que nous ne voyons pas. Son coeur et sa vie sont aux autres.

24-го ноября 1843 года, въ свѣтлой и просторной домовой церкви Академіи Художествъ шла обѣдня: былъ престольный праздникъ—день св. Екатерины. Рядомъ съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ стоялъ отецъ мой—графъ Θедоръ Петровичъ Толстой [1]); во время обѣдни ему пришли сказать, что у него родилась дочь. „Вы, конечно, назовете ее Екатериной",—сказалъ герцогъ и вызвался крестить младенца, но такъ какъ старшихъ, рано умершихъ сыновей отца крестилъ государь, то герцогъ нашелъ необходимымъ, чтобы отецъ и на этотъ разъ про-

[1]) Графъ Θ. П. Толстой (род. 1783 г.; ум. 1873 г.) былъ вице-президентомъ Академіи Художествъ (1828—1859 г.) и товарищемъ президента до конца своей жизни. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго вѣка, къ которымъ относится начало воспоминаній, президентомъ Академіи былъ Максимиліанъ, герцогъ Лейхтенбергскій.—*Ред.*

силъ государя. Отецъ мой очень любилъ и уважалъ Лейхтенбергскаго, и послѣдній, кажется, платилъ ему тѣмъ же, заходилъ къ нему по-просту; въ дѣлахъ академіи у нихъ все шло согласно и мирно. Помню я боченки мадеры и свѣжей икры, которые присылалъ намъ герцогъ къ праздникамъ; помню частые разговоры отца о его добротѣ, справедливости, честности, вслѣдствіе которыхъ образъ герцога въ моемъ раннемъ дѣтствѣ воплотился въ полнѣйшій идеалъ, и я всегда жалѣла, что не онъ былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Воспріемниками моими при самомъ крещеніи были Константинъ Андреевичъ Тонъ и г-жа Кожухова.

Мать моя была изъ небогатой семьи, дочь армейскаго капитана Иванова, но выросла, или, по крайней мѣрѣ, долго жила, въ семьѣ Ахфердовыхъ, гдѣ получила нѣкоторое образованіе. Она хорошо владѣла французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками, играла порядочно на фортепіано и постоянно пополняла свое образованіе серьезнымъ чтеніемъ.

Младшая сестра матери, моя тетка, оставалась у вдоваго, больного отца, а послѣ его смерти перешла жить къ старшему своему брату. И у того, и у другого, ее ровно ничему не учили, а употребляли въ видѣ прислуги. Она говорила по-нѣмецки, вслѣдствіе того, что съ отцомъ жила въ Митавѣ. Мать она потеряла еще очень маленькой; судя по тѣмъ дѣтскимъ впечатлѣніямъ, о которыхъ мнѣ приходилось слышать отъ моей матери, бывшей гораздо старше тети, бабушка моя была чудная, кроткая и несчастная женщина. Дѣтства совсѣмъ не было у моей тети: она никогда не играла, не бѣгала, ее никто не ласкалъ; совсѣмъ крошечной она ходила за больнымъ отцомъ и, какъ могла, справлялась съ хозяйствомъ. Въ старости тетя со слезами на глазахъ разсказывала мнѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело на нее, когда одна посторонняя дама разъ обласкала и поцѣловала ее, какую безконечную любовь и благодарность почувствовала тетя въ душѣ къ этой чужой женщинѣ, которой никогда больше не видала.

Дядя мой Ивановъ былъ добрый, честный, но простоватый чиновникъ. Онъ былъ много старше сестеръ и былъ уже вдовцомъ, когда пріютилъ у себя младшую сестру, которая, сама еще ребенокъ, превратилась въ няньку его дочери Сони. Черезъ нѣсколько времени дядя получилъ мѣсто эконома при сумасшедшемъ домѣ и взялъ тогда къ себѣ и мою мать, уже взрослую дѣвушку. Семья зажила хорошо и весело.

— Братъ никогда не бралъ деньгами,—разсказывала объ этомъ періодѣ своей жизни тетя;—когда онъ оставилъ это мѣсто,

то ушелъ съ пустыми руками, даже всѣ удивлялись и не вѣрили. Но домъ у насъ былъ полная чаша: бывало, къ праздникамъ и головы сахару, и лучшіе чаи, и вина, и окорока—всего понатащатъ... Гостей масса,—только, знай, со всѣмъ этимъ справляйся. И все было на моихъ рукахъ,—замѣчала тетя.

— Ну, а моя мама̀ что̀-жъ дѣлала?—спрашивала я.

— А мама̀ все книжки читала, гостей принимала,—отвѣчала тетя.

Такъ съ ранняго возраста опредѣлилась жизнь этихъ двухъ, столь непохожихъ другъ на друга, сестеръ.

Къ несчастью, дядя женился во второй разъ; мать моя была уже тогда невѣстой и вышла замужъ, не видавъ всѣхъ тѣхъ безобразій, которыя пришлось видѣть и переносить ея младшей сестрѣ, моей тетѣ.

Екатерина Павловна Иванова, невѣстка ея, была женщина капризная, вспыльчивая, избалованная; вслѣдствіе своего пребыванія въ институтѣ, она считала себя выше той среды, въ которую вошла, и потому позволяла себѣ сидѣть сложа руки и наряжаться, въ то время, какъ тётя, молоденькая сестра ея мужа несла все бремя хозяйства и уходъ за дѣтьми, крикъ которыхъ мать, по „нѣжности своихъ чувствъ“ и по „нервозности“, не могла выносить. Нервы Екатерины Павловны не мѣшали ей выдирать клочья волосъ и топтать ногами свою единственную крѣпостную дѣвушку. Въ порывѣ бѣшенства она такъ испугала разъ свою старшую, бывшую еще грудной, дочь, что та захворала. Вся отвѣтственность, весь страхъ и весь уходъ за больной дѣвочкой, которая съ этой минуты уже не поправлялась, палъ на мою тетю. По нѣсколькимъ недѣлямъ не ложась въ постель, она должна была еще заботиться, чтобы крикъ ребенка не долеталъ до гостиной или спальной. Тетя разсказывала, что съ ней былъ въ это время случай, очень удивившій ее: она пошла въ другую комнату, чтобы взять подушку и прилечь около ребенка; вдругъ на ходу она заснула и проснулась стоя, съ подушкой въ рукахъ, и не понимая, гдѣ она и что̀ съ ней. Дядя въ это время потерялъ мѣсто смотрителя. Матеріальное положеніе семьи было много хуже прежняго, жалованья не хватало при безпорядочномъ образѣ жизни хозяйки, и скоро у Ивановыхъ воцарилась настоящая нужда.

Когда я родилась, мать моя уговорила тетю переѣхать къ ней и взять меня на свое попеченіе. Другой няни у меня и не было; тетя не оставляла меня съ кормилицей ни днемъ, ни ночью. Жизнь тети потекла и въ нашемъ домѣ тѣмъ же путемъ труда и самоотверженія, какъ и у брата. Правда, здѣсь не было

дикихъ сценъ, но зато было больше искушеній, и подвигъ жизни ея былъ еще труднѣе.

Родители мои жили открыто и шумно: музыкальные и танцовальные вечера смѣнялись живыми картинами и домашними спектаклями. Ставились драмы вродѣ: „Она помѣшана“, „Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ“ и „Актриса Дюмениль“, въ которыхъ мать моя, говорятъ, превосходно играла и вызывала слезы зрителей. Особенно много разсказовъ слышала я объ одномъ изъ наиболѣе удавшихся костюмированныхъ вечеровъ, когда наша большая зала была преображена въ залу средневѣкового охотничьяго зàмка. Нѣсколько нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, съ отцомъ во главѣ, работали надъ этимъ дни и ночи. Вмѣсто отдыха они плясали и пѣли; спали тутъ же на полу въ большой залѣ. Стѣны и потолки покрылись декораціями, представлявшими рѣзьбу изъ темнаго дуба; вылѣпленныя отцомъ изъ папье-маше́ головы вепрей, медвѣдей, оленей, вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружіемъ, довершали украшеніе. Родители мои встрѣчали гостей своихъ въ костюмахъ древнихъ châtelain'овъ.

Тетя не присутствовала при этихъ увеселеніяхъ; она сидѣла въ это время наверху, около моей колыбели. Но вѣдь она тогда была молода! Неужели никто никогда не вспоминалъ объ ея молодости, объ ея правѣ на жизнь? Я спросила ее какъ-то, впослѣдствіи, за нѣсколько лѣтъ до ея смерти: „Развѣ тебѣ не хотѣлось тогда идти танцовать?“—„Нѣтъ“,—отвѣчала она.—„Развѣ же ты не любила общество, танцы? Развѣ никто не ухаживалъ за тобой?“—„Напротивъ, до страсти любила танцовать, и ухаживали за мной, и наверхъ приходили, на колѣняхъ просили одинъ только туръ вальса сдѣлать. Были тамъ, которыми и я интересовалась...“—„И ты ни разу не соблазнилась?“—„Нѣтъ“.—„Но все-таки, послѣ того, что́ ты сказала, не можешь же ты утверждать, что тебѣ не хотѣлось идти?“—„Тебя не хотѣлось оставлять, боялась, чтобы съ тобой чего-нибудь не случилось безъ меня. А ну, какъ мамка бы тебя уронила!“... Какъ это просто! До старости дожила она и никакого особеннаго достоинства не видѣла въ своихъ поступкахъ, а между тѣмъ вся ея жизнь была цѣлымъ рядомъ ежеминутныхъ мелкихъ и крупныхъ жертвъ. Такіе люди какъ будто спеціально созданы для самопожертвованія, и странно, всѣ обстоятельства ихъ жизни складываются, всѣ окружающіе ихъ стремятся, чтобы требовать отъ нихъ этихъ жертвъ, какъ чего-то должнаго.

Такъ всю жизнь, до самой смерти было и съ тетей: никому не приходило въ голову, что „Катенька“—тоже человѣкъ, что „Ка-

теинькѣ" требуется тоже какая-нибудь личная жизнь, что у „Катеньки" тоже могутъ быть какія-нибудь желанія! Безъ нея никто существовать не могъ, безъ нея никто не обходился, ея помощь требовалась, ежели нужно, но объ ея нуждахъ никто не думалъ, и надо правду сказать,—она сама менѣе всѣхъ. Съ машиной обращаются лучше: ее иногда смазываютъ, чтобы она легче шла, но, должно быть, здѣсь и не требовалось подливать масла: живая машина шла себѣ шестьдесятъ лѣтъ своею прямою дорогой добра, безъ всякаго поощренія, въ силу одной, присущей ей, высокой, неизсякаемой любви.

— Скажи, тетя, отчего ты замужъ не вышла?—допытывалась я, продолжая вышеприведенный разговоръ.

— Да такъ какъ-то,—отвѣчала она неохотно.—Одинъ разъ...

— Правда, ты любила П—ва?—перебила я ее.

— Да, любила... Вотъ, Катенька, я тебѣ скажу, когда я испытала силу молитвы. Хоть мы и не говорили объ этомъ, но я знала, что и онъ меня любитъ, и ожидала, что онъ посватается... Вдругъ приходятъ мнѣ сказать, что онъ женится... Когда я услышала объ этомъ, я думала, что умру,—все во мнѣ перевернулось; казалось, вынести такую боль невозможно... Что̀ дѣлать?.. Побѣжала я, знаешь, въ Грушину комнату, бросилась на полъ передъ образомъ Спасителя и такъ молилась, такъ горько молилась... И что̀ бы ты думала? Точно отлетѣло все, и когда я встала, ужъ я его больше не любила. И такой покой былъ на душѣ! Я пошла внизъ спокойная, поздравила его и сказала, что желаю ему счастья.

— Какъ онъ могъ такъ поступить съ тобой?

— Что-жъ! она была образованнѣе и красивѣе меня и музыкантша...

— Все-таки онъ твоимъ другомъ остался?

— Да, только я не объ этомъ хотѣла тебѣ разсказать... Вотъ кого я очень, очень любила, и онъ глубоко былъ привязанъ ко мнѣ, мы такъ во всемъ съ нимъ сходились, это Ш—нъ...

— Ш—нъ!?

— Ты этого не подозрѣвала, потому что онъ послѣ этого совсѣмъ перестала къ намъ ходить... Это на дачѣ было; я знала, что онъ посватается, я такъ ждала... Онъ и просилъ моей руки, но...

Я замолчала, раскаявшись, что растревожила эти старыя воспоминанія.

Когда мнѣ было два года, родители мои уѣхали на годъ за границу и оставили меня на рукахъ тети. Какъ нарочно, я захворала въ эту зиму дизентеріей и сто̀ила ей, бѣдной, много слезъ и безсонныхъ ночей. Заботамъ старика-доктора, по мнѣнію

тети, а вѣрнѣе, ея собственному неустанному уходу обязана я была жизнью.

Въ отсутствіе моихъ родителей тетя вела жизнь очень тихую и принимала, кромѣ родныхъ, только самыхъ близкихъ ей людей, служащихъ въ академіи: г.г. Соколова, Полякова, братьевъ Поповыхъ, Ухтомскаго и еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые навсегда остались ея искренними друзьями. Въ это время профессоръ Шамшинъ написалъ мой портретъ съ вѣнкомъ васильковъ въ рукахъ [1]). Краски этого портрета замѣчательно хорошо сохранились до сихъ поръ; письмо картины не отличается той бойкостью, къ которой мы привыкли теперь, но выраженіе дѣтской головки вѣрно схвачено: въ широко раскрытыхъ голубыхъ глазахъ переданъ тотъ полуудивленный, пытливый взглядъ, которымъ маленькія дѣти какъ будто хотятъ понять еще мало знакомый имъ міръ; а между полуоткрытыхъ губокъ виднѣется алый язычокъ. Чтобы заставить меня сидѣть смирно, тетя держала передо мной привязанную на ниткѣ муху.

У меня осталось отъ этого періода моей жизни одно необъясненное никѣмъ, но живое воспоминаніе: мнѣ все ясно представляется ярко освѣщенная бѣлая дверь, на которую я смотрю снизу. Такая дверь было именно въ комнатѣ, занимаемой нами съ тетей до возвращенія моихъ родителей; но какое событіе обратило на нее столь сильное мое вниманіе,—это осталось покрыто неизвѣстностью. Достоевскій говоритъ о такихъ фактахъ, когда главное событіе исчезаетъ изъ памяти, но навѣки остается какая-нибудь пустяшная подробность, его сопровождавшая.

Слѣдующее мое дѣтское воспоминаніе относится къ пріѣзду нашихъ изъ-за границы: я помню, что тетя хотѣла передать меня кому-то съ рукъ на руки, но я цѣплялась за нее, и она вынесла меня въ гостиную, куда въ эту минуту вошла дама въ черномъ и упала ницъ передъ образомъ. Эта дама была моя мать. Говорятъ, я очень боялась отца, пока онъ не сбрилъ бороды, которую отростилъ себѣ за-границей; это понятно, такъ какъ тогда никто не носилъ бороды, и я помню, что гораздо позже, когда мнѣ было лѣтъ шесть, я страшно испугалась господина съ бородою.

По пріѣздѣ моихъ родителей, тихая жизнь тети измѣнилась; старичка доктора замѣнили болѣе моднымъ врачомъ, ко мнѣ взяли разбитную няньку Варвару, которая моментально стала для меня ненавистной. „Няня, поди прочь!"—кричала я, какъ только она появлялась въ дѣтской. „Я здѣсь, батюшка",—отвѣчала она, при-

[1]) Портретъ этотъ находится въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ.

водя меня такимъ отвѣтомъ въ еще бóльшую ярость. Я настояла на своемъ: няньку перевели на другую должность, а меня попрежнему укладывала спать моя дорогая тетя и попрежнему баюкала своими нѣжными пѣсенками.

До четырехлѣтняго возраста мои воспоминанія очень туманны, кромѣ упомянутыхъ: бѣлой двери и пріѣзда родителей; изъ этого тумана неясно выплываетъ какая-то аллея съ массой желтыхъ лилій, какіе-то барашки и собака Арапка; потомъ óбразы становятся яснѣе, хотя все еще являются мнѣ отдѣльными картинами, ярко выступающими изъ пустого пространства. Одно событіе рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти: это—день рожденія моей сестры, мнѣ шелъ тогда пятый годъ. За нѣсколько времени передъ рожденіемъ сестры Ольги, мамà привела меня въ свою комнату и сказала: „Помолись со мной, чтобы у тебя родился братецъ". Я сейчасъ же стала на колѣни и громко помолилась, чтобы у меня родилась сестра. Мысль, что у насъ можетъ родиться мальчикъ, сдѣлалась почему-то настоящимъ кошмаромъ для меня.—И вотъ, разъ подъ вечеръ, я играла наверху въ своей дѣтской, когда вошла тетя, взяла меня на руки, и сказала, что у меня родилась сестра, что можно теперь пойти къ мамѣ. Я расплакалась, крича: „Не хочу! не хочу! Неправда, вовсе не дѣвочка, навѣрное мальчикъ! Не хочу!"—и рыдала, и билась на рукахъ у тети, до самыхъ тѣхъ поръ, пока не увидала люльки и въ ней что-то бѣлое. Почему, глядя на это нѣчто, чего я даже не разсмотрѣла, я вдругъ убѣдилась, что это сестра, а не братъ, моментально успокоилась и обрадовалась — трудно объяснить,—это ужъ какая-то своя дѣтская логика.

Вскорѣ послѣ рожденія сестры, меня разлучили съ очень любимою мною кузиной моей Оленькой, той самой, которую вынянчила тетя. Такъ какъ ея падучая болѣзнь усилилась, то ее перестали пускать ко мнѣ, но мы никогда не забывали другъ друга и посылали другъ другу черезъ тетю разныя бездѣлушки. Одинъ изъ ея подарковъ сохранился до сихъ поръ. Сколько впечатлѣній, сколько радости и горя легло надъ этими неясными воспоминаніями, а между тѣмъ какіе-то цвѣточки въ какомъ-то орѣшкѣ трогаютъ меня всякій разъ, какъ я взгляну на нихъ. Зачѣмъ я не могла сберечь и наше любимое красное кожаное вольтеровское кресло, какъ сберегла орѣшекъ моей бѣдной Оленьки! Мой экипажъ, мой домъ, моя лодка и постель, оно представляется мнѣ живымъ участникомъ всѣхъ моихъ игръ.

Съ ранняго дѣтства я имѣла свойство привязываться къ мѣстамъ, вещамъ и относиться къ нимъ какъ къ одушевлен-

нымъ предметамъ; это заставляло меня въ дѣтствѣ очень беречь свои игрушки, положительно страдать, когда онѣ ломались. Чѣмъ старѣе становилась игрушка, тѣмъ больше я ее любила. Меня иногда упрекали, что я не отдавала старыхъ игрушекъ бѣднымъ, но я не могла разставаться съ ними, мнѣ это представлялось какимъ-то предательствомъ по отношенію къ нимъ. Въ моихъ шкапахъ годами скоплялись игрушки и вещички: всѣ стояли въ обстановкѣ, которая мнѣ казалась для нихъ подходящей и пріятной; великое чувствовала я удовольствіе, когда, взгромоздившись на стулъ, чтобы достать верхнія полки, я сознавала, что все въ порядкѣ и всѣмъ моимъ вещамъ живется хорошо.

Все лучшее въ моемъ дѣтствѣ связывается у меня съ воспоминаніями о нашей квартирѣ въ академіи и о какихъ-нибудь вещахъ или уголкахъ въ ней. Стоитъ мнѣ только подумать о моемъ дѣтствѣ, какъ квартира эта является предо мной во всѣхъ ея малѣйшихъ подробностяхъ; я часто вижу ее во снѣ, и тогда просыпаюсь съ печальнымъ и вмѣстѣ необыкновенно сладкимъ чувствомъ.

Дѣтская наша помѣщалась на антресоляхъ и состояла изъ одной очень большой комнаты и другой нѣсколько меньшей; изъ послѣдней деревянная лѣстница спускалась въ длинную, смежную съ залой, комнату, гдѣ стоялъ, окруженный цвѣтами бюстъ моего отца. Наверху лѣстницы были деревянныя перила, за ними большая лежанка, а между лежанкой и перилами мое любимое мѣстечко. Тамъ я часто играла, тамъ наблюдала, какъ на святкахъ горничныя или барышни изъ гостей гадали: жгли бумагу или топили воскъ; какъ по воскресеньямъ, передъ пріѣздомъ гостей, приготовлялись тетей закуски и раскладывались на подносы печенья и фрукты. Почему-то я особенно хорошо себя чувствовала въ эти послѣобѣденные часы по воскресеньямъ.

Не ожиданіе гостей радовало меня, а именно время всякихъ приготовленій передъ ихъ приходомъ. Какъ любила я въ это время нашу большую залу, ярко освѣщенную, съ ея блестящими бѣлыми статуями! На цыпочкахъ проходила я рядомъ прибранныхъ, будто чего-то ожидающихъ комнатъ, и изъ таинственнаго полумрака голубой гостиной возвращалась къ свѣту сверкавшей залы. Все мнѣ казалось какимъ-то особеннымъ, чуднымъ, и это впечатлѣніе еще усиливалось страхомъ, что вотъ кто-нибудь позвонитъ, все мое очарованіе исчезнетъ, и я принуждена буду спасаться бѣгствомъ отъ гостей; къ послѣднимъ я выходила нехотя, конфузилась, когда мамаша представляла меня имъ, упорно молчала, заставляя иногда спрашивать: „не проглотила ли я

язычокъ?"—и наконецъ водворялась подъ охрану тети, къ чайному столу. Тамъ, въ болѣе интимномъ кругу, я шалила и болтала какъ сорока.

Сама лѣстница, о которой я только-что говорила, играетъ также большую роль въ моихъ воспоминаніяхъ: по ея периламъ скользила я внизъ, съ ея нижнихъ ступенекъ училась прыгать, по ней летѣла разъ внизъ головой, прижимая къ груди какого-то зайчика, сидя на ней смотрѣла на фехтованіе отца. Это зрѣлище было очень мучительно для меня, ибо я принимала фехтованіе за настоящее сраженіе, и частыя повторенія его нисколько не убѣждали меня въ его безопасности. Я садилась нарочно повыше, ибо и за себя страшно боялась, но никогда не позволяла увести себя, продолжала сидѣть, прижавшись къ периламъ, и слѣдить съ замираніемъ сердца и трепетомъ за каждымъ ударомъ, направленнымъ противъ отца. Это состояніе имѣло что-то мучительное и вмѣстѣ притягательное для меня. Когда ученикъ и партнеръ моего отца Лялинъ, показывая на язвы, оставшіяся на его лицѣ послѣ оспы, говорилъ мнѣ, что это сдѣлалъ мой папа своей рапирой, я безсердечно радовалась этому.

Въ нашей дѣтской стоялъ старый виртовскій рояль, который я очень любила, тѣмъ болѣе, что я считала его обиженнымъ, съ тѣхъ поръ какъ въ залѣ появился новый, красивый инструментъ. Тетя, по вечерамъ, играла и пѣла намъ, и я помню, какъ разъ горько расплакалась, потому что „отъ козлика остались ножки да рожки". Тетю никогда не учили пѣть, но у нея былъ сильный, пріятный сопрано и такъ много чувства, что ея пѣніе, не только въ дѣтствѣ, но и впослѣдствіи доставляло мнѣ большое наслажденіе. Когда тетя по вечерамъ садилась за рояль, горлицы, которыя жили въ нашей комнатѣ на свободѣ, садились на плечи тети, даже на ея руки. Спѣвъ намъ нѣсколько пѣсенокъ и старинныхъ романсовъ, тетя заставляла меня убирать игрушки въ шкапчикъ, и такъ пріучила меня къ этому, что я не могла заснуть, не приведя у себя все въ порядокъ. Раздѣвши меня, она ставила меня въ постелькѣ на колѣни, а я лепетала: „Господи помилуй папу и маму, младенца Екатерину и всѣхъ", крестила свою подушку и „сворачивалась калачикомъ", тетя закрывала меня, цѣловала, крестила, садилась возлѣ меня, и я засыпала, держа ручонкой ея руку. Иногда меня оставляли довольно поздно въ гостиной; я тогда забиралась на кресло за спину отца и сладко засыпала; до сихъ поръ, вспоминая объ этомъ, я будто ощущаю, какъ уютно и хорошо мнѣ было тогда за папиной спиной. Часто тетѣ приходилось

сонную уносить меня наверхъ. Въ сумерки, когда было еще рано зажигать свѣчи, я любила, поставивъ на диванъ большую подушку ребромъ и сѣвъ на нее такъ, чтобы ея концы загибались на меня (я называла это „сидѣть въ облакахъ"), слушать разсказы тети о томъ, „какъ она была маленькая" и объ „Терезинькѣ". Этотъ послѣдній разсказъ, слышанный мною несчетное множество разъ, никогда не надоѣдалъ мнѣ; я такъ знала его, что поправляла тетю, когда она переставляла какое-нибудь слово, но все вновь и вновь заставляла повторять эту любимую исторію. Я хорошо помню этотъ разсказъ, гдѣ играли роль пастушка Терезинька и пастушокъ Рудольфъ. Они пасли свои стада, дѣлили завтракъ, спускались вмѣстѣ къ ручью, чтобы напиться, онъ отыскалъ ей пропавшаго барашка, о которомъ она плакала,— однимъ словомъ, это была самая незатѣйливая идиллія, но весь разсказъ былъ проникнутъ такой поэзіей и свѣжестью, такой любовью къ природѣ, что вся душа тети отражалась въ этихъ простыхъ, ею самой придуманныхъ, картинкахъ.

Часто вижу я себя въ одномъ изъ тѣхъ темныхъ уголковъ, гдѣ ютилась дорогая охранительница моего дѣтства (для нея всегда недоставало комнаты). Въ этомъ болѣе чѣмъ скромномъ уголкѣ всегда было особенно уютно и хорошо. Освѣщается уголокъ изъ какого-нибудь окна въ коррндорѣ, или свѣтомъ, проходящимъ изъ другой комнаты надъ перегородкой (какъ было въ академіи), и поэтому въ немъ царствуетъ полумракъ. На столѣ чистенькая скатерть, стоятъ булочки и дымится кофе, удивительно вкусный кофе! На сундукѣ, около стола, сидитъ моя двоюродная сестра Сонечка. Это дочь дяди Андрея, брата тети, работница, замѣнившая послѣднюю въ домѣ мачихи; она замучена, болѣзненна, съ вѣчно подвязанной щекой; въ гостиную къ намъ она рѣдко ходитъ, но тетя любитъ и жалѣетъ это несчастное и доброе существо. Сонечка монотонно, полушопотомъ изливаетъ свои обиды, а тетя хлопочетъ около кофе и вставляетъ иногда тихое слово утѣшенія. Я сижу на скамейкѣ, положивъ голову на колѣни двоюродной сестры, и жду угощенія, которое кажется мнѣ особенно вкуснымъ, потому что оно не своевременно и не входитъ въ обыкновенную программу дня; въ рукахъ у меня зайчикъ или собачка, подарокъ Сонечки. Гдѣ взяла она, бѣдная, денегъ, чтобы купить его? Навѣрное лишила себя необходимаго, чтобы доставить радость ребенку. Въ то время я не думаю объ этомъ, конечно, но дѣтское сердце мое чуетъ любовь, и никакія изъ моихъ роскошныхъ игрушекъ не нравятся мнѣ такъ, какъ простенькія вещи, подаренныя Сонечкой или тетей. Безконечно

хорошо мнѣ тамъ на скамеечкѣ между ними двумя! Несмотря на горе, есть что-то тихое и мирное между ними, что-то хорошее, любовное... „Тетенька, вы — *все* для меня“, — говоритъ Сонечка, уходя. Все была она и для меня: ничьи ласки не могли замѣнить мнѣ ея ласкъ, ничей уходъ не могъ замѣнить ея нѣжныя заботы. Одинъ только разъ я разставалась съ ней, это было во время одной изъ моихъ довольно частыхъ болѣзней. Тетя должна была уѣхать на нѣсколько дней въ Митаву, гдѣ у нея умерла какая-то родственница. Меня окружали все люди, которыхъ я любила: прекрасная сестра милосердія, пожилая дѣвушка Аннушка, которая съ безконечной нѣжностью ходила за мной, и моя гувернантка m-me Levelle, которая души во мнѣ не чаяла, но я томилась по тетѣ, и никогда не забуду той безумной радости, которую я испытала, когда она вернулась, того тихаго счастья, которое наполняло меня всю, когда она цѣлые дни проводила, не отходя отъ моей постели, вывязывая моей куклѣ крошечные фильдекосовые чулочки. Во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ моего дѣтства вижу я передъ собой ея любящее лицо, на которомъ отражаются всѣ эти скорби и радости.

II.

Не говори съ тоской — ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію — были.
Жуковскій.

Тетя Катя была любима всѣми служащими у насъ въ домѣ, но вполнѣ оцѣнивала ее m-me Levelle, гувернантка, поступившая къ намъ, когда мнѣ было лѣтъ шесть; ей былъ вполнѣ ясенъ высокій нравственный образъ тети, она глубоко сочувствовала ей, жалѣла ее, даже сердилась на ея многотерпѣніе.

Раньше у меня было нѣсколько гувернантокъ, или боннъ, которыхъ я совсѣмъ не желала знать. M-me Levelle я встрѣтила крайне недружелюбно, помню даже укусила ее въ первый же день, но скоро сильно привязалась къ ней. Это была такая же самоотверженная и любвеобильная натура, какъ и тетя, но характеры у нихъ были совершенно различные: у m-me Levelle не было и тѣни кротости, она была вся огонь и пламя. Она не могла выносить сдѣланной кому-нибудь несправедливости, моментально ополчалась въ защиту, налетала какъ вихрь на обид-

чика, кто бы онъ ни былъ, рѣзала правду въ глаза. Правдивѣе, честнѣе, прямолинейнѣе человѣка я не видала на свѣтѣ. Какъ всегда бываетъ съ горячими людьми, m-me Levelle въ пылу говорила много лишняго и потомъ чувствовала себя неловко, хотя по существу дѣла была права.

Эта женщина положительно жила со мной одной жизнью; она не снисходила ко мнѣ, какъ старшая, а была со мной какъ съ равной: если она играла со мной въ карты или бирюльки, она сама заинтересовывалась игрой и искренно желала выиграть; она разсказывала мнѣ всѣ свои дѣла, сообщала всѣ свои горести и радости, читала письма своей единственной, разлученной съ ней дочери; всякій мой дурной поступокъ искренно и глубоко огорчалъ ее; однимъ словомъ, я чувствовала, что въ ея отношеніяхъ ко мнѣ ничего не было „нарочнаго", а все было „всамдѣлишное", и поэтому я никогда не скучала съ нею, съ своей стороны, была съ ней вполнѣ откровенна, принимала къ сердцу ея интересы, сочувствовала ея филиппикамъ противъ несправедливости (когда онѣ не были направлены противъ меня, конечно) и любила ее всей душой. Я была также вспыльчива, какъ и m-me Levelle, поэтому мы съ ней страшно ссорились, сладостно мирились и жили, все-таки, что называется, душа въ душу.

Много читала мнѣ m-me Левель и такъ избаловала меня, что я, одно время, не могла засыпать вечеромъ иначе какъ подъ ея чтеніе. Большею частью это были мои любимыя дѣтскія книжки: сказки Перро, „La poupée bien élévée", „Les enfants célèbres", „Le théatre de Berquin", „M-me Amable Tastue", „Les contes du chanoine Schmidt" и т. д., но иногда она читала вслухъ и такія книги, которыя интересовали ее лично, и главное, газету „Indépendance Belge". Газетныя статьи казались мнѣ особенно скучными, но я вполнѣ понимала, что надо же m-me Levelle хоть когда-нибудь и *свои книжки* почитать, а такъ какъ мнѣ нравился самый процессъ слушанья, то я поэтому не противилась, тѣмъ болѣе, что обыкновенно въ это время что-нибудь раскрашивала или вырѣзывала; мнѣ становилось даже интересно въ тѣхъ случаяхъ, когда m-me Levelle, со свойственной ей живостью, ударяя съ досадой рукой по газетѣ, начинала упрекать дипломатовъ и политиковъ во лжи, горячо восклицая: „Eh' que ne peuvent ils vivre en paix ces gens là! [1]).

Свою давно покинутую родину пылкая француженка страстно

---

[1]) „Развѣ эти люди не могутъ жить мирно".

любила, и когда своимъ старческимъ голосомъ она напѣвала мнѣ: „Ce doux pays de France“, по ея лицу съ довольно грубыми чертами катились слезы. M-me Левель благоговѣла передъ моимъ отцомъ. Такого добраго и обаятельнаго человѣка, какъ мой отецъ, не могла не любить и тетя, и всѣ домашніе, но они его любили именно какъ прекраснаго человѣка; моя же гувернантка, кромѣ того, глубоко цѣнила въ немъ художника, энергическаго труженика, а главное, единственнаго человѣка, который соотвѣтствовалъ ея идеалу честности и правды. Ей хотѣлось, чтобы и я вполнѣ оцѣнила его, и она постоянно говорила мнѣ о немъ, обращала мое вниманіе на каждое его слово и на каждый его поступокъ, разъясняя, сколько было въ нихъ простоты, терпимости, высоты мысли и вмѣстѣ скромности, сколько любви къ свободѣ и истинѣ. Все это говорилось не въ видѣ рѣчей съ моралью на концѣ, а урывками, отрывочными, но сильными, горячими фразами, которыя западали мнѣ въ душу. Я сама страстно любила отца, но слова m-me Левель какъ будто разъясняли мнѣ его, дѣлали еще дороже, а вмѣстѣ и тѣснѣе сближали меня съ моей наставницей.

Другой общей нашей любовью была природа; мы были очень счастливы съ m-me Левель на нашей дачѣ въ Финляндіи и, весною, заранѣе радовались мысли, какъ мы съ ней будемъ собирать „les petits fruits rouges“ (бруснику) въ нашихъ густыхъ сосновыхъ лѣсахъ. Надо было бы написать цѣлый томъ, чтобы изобразить исторію всѣхъ нашихъ любимцевъ изъ міра четвероногихъ и пернатыхъ. Войдя въ нашъ домъ, m-me Левель привезла съ собой ручную канарейку, которая нѣсколько лѣтъ утѣшала насъ своими фокусами и, къ нашему большому горю, издохла наконецъ на рукахъ у своей плачущей хозяйки; бывали у насъ и морскія свинки, и бѣлки, и горлицы, но большею частью наши любимцы были „униженные и оскорбленные“, подобранные на улицѣ щенки и котята, вывалившіеся изъ гнѣзда во время бури птенчики; послѣднихъ мы часто лечили, выращивали и такъ приручали, что потомъ въ густомъ лѣсу они прилетали откуда-то на нашъ зовъ, какъ въ волшебныхъ сказкахъ. Иногда мы съ m-me Левель ревновали другъ къ другу нашихъ звѣрьковъ.

Мое сердце трепетно билось отъ радости, когда мы весной сворачивали съ большой дороги въ березовую аллейку и въѣзжали въ широкій, усыпанный гравіемъ дворъ нашей дачи около Выборга, но не менѣе радостно замирало оно, когда мы осенью подъѣзжали къ моей милой академіи. Мнѣ и тамъ, и тутъ жилось хорошо; и тамъ, и тутъ были свои радости. Въ нашей

городской квартирѣ каждый уголъ былъ мнѣ дорогъ; меня ждали здѣсь оставленные шкапы съ книгами и игрушками, веселая бѣготня по большой залѣ, кабинетъ отца. О, этотъ кабинетъ! Это былъ не кабинетъ, а цѣлый музей! Чего, чего въ немъ только не было! По стѣнамъ громадной залы со сводами и широкими окнами съ видомъ на Неву тянулись шкапы богатой библіотеки, на нихъ—всевозможные гипсовые слѣпки: мелкія статуи отца, лошадки барона Клодта и какія-то прелестныя фигурки играющихъ, пляшущихъ и смѣющихся дѣтей и пр.; между шкапами висѣли коллекціи бабочекъ и насѣкомыхъ. На длинныхъ столахъ, составленныхъ вмѣстѣ и раздѣляющихъ комнату надвое, были мраморныя и бронзовыя статуэтки, подвижная фигура рыцаря въ полномъ вооруженіи, образчики мозаикъ, стеклянныхъ работъ, собраніе монетъ, разныхъ рѣдкостей, медали отца, инструменты, начатыя работы; изъ-подъ стеклянныхъ колпаковъ блестѣли своими металлическими перьями чучелы колибри и oiseaux-mouches... Всѣ ящики столовъ и шкаповъ были наполнены рисунками и гравюрами. Въ глубинѣ кабинета стоялъ большой мраморный бюстъ императора Николая, заказанный имъ, но не взятый, такъ какъ показался ему похожимъ на памятникъ. „Что ты заранѣе хоронишь меня?"—сказалъ онъ по этому поводу моему отцу. Впослѣдствіи бюстъ этотъ былъ купленъ Орловой-Денисовой. Тутъ же были бронзовыя, довольно большія модели воротъ для храма Спасителя въ Москвѣ, большая модель военнаго корабля... и перечесть трудно все, что̀ десятками лѣтъ скоплялось въ этомъ хранилищѣ! Для насъ, дѣтей, это былъ волшебный міръ, настоящій Эльдорадо. Сидя гдѣ-нибудь на полу, мы вытаскивали изъ разныхъ угловъ цѣлыя массы самыхъ интересныхъ для насъ предметовъ и всякій разъ открывали что-нибудь новенькое: то старинныя карты, принадлежавшія какой-нибудь прабабушкѣ, то кастэтъ или фокусный ящикъ, выточенный изъ дерева когда-то самимъ отцомъ, то его заброшенный рисуночекъ... Потерянный среди всѣхъ чудесъ кабинета, стоялъ простой столикъ бѣлаго дерева; за нимъ, въ прорванномъ ватномъ халатѣ (отецъ никакъ не могъ разстаться съ нимъ и страшно разсердился, когда мама, наконецъ, потихоньку уничтожила его), съ длинной трубкой въ зубахъ, съ недопитымъ, остывшимъ стаканомъ чая, съ неизмѣннымъ перомъ или карандашомъ въ рукахъ, сидѣлъ нашъ отецъ. Наша возня никогда не мѣшала ему, и онъ отрывался отъ своей работы только чтобы улыбнуться намъ своей свѣтлой улыбкой, или, подозвавъ къ себѣ, поцѣловать наши „мордочки".

Кромѣ удовольствій настоящей минуты, въ моемъ воображеніи уже съ осени начинали носиться образы елки и всякихъ будущихъ благъ. Съ какой интенсивностью чувства ждалась эта елка! Въ какое возбужденіе приходила я, когда срокъ приближался! Послѣдніе дни я уже ничѣмъ не могла заниматься и слонялась по комнатамъ „comme une âme en peine", какъ выражалась моя гувернантка. Наконецъ, хотя и медленно, но наступалъ желанный день. Съ утра насъ запирали въ дѣтскую,—тамъ мы и обѣдали,—это былъ томительный, но и чудный день. Вечеромъ насъ вели ко всенощной. Пройдя, на обратномъ пути, по сумрачнымъ коридорамъ академіи, мы вступали въ темную комнату и ждали... Вдругъ открывалась передъ нами дверь въ залитую свѣтомъ залу... Но кто не помнитъ изъ своего дѣтства подобныхъ же картинъ? У насъ на елкѣ никогда не было посторонихъ дѣтей, но взрослые гости всѣ играли и возились съ нами. Когда било двѣнадцать часовъ, я всегда убѣгала на минуту въ дѣтскую, чтобы отъ полноты своего благодарнаго сердца помолиться, показать Богу, что я не забываю Его даже и въ минуты моего счастья.

Еще болѣе чѣмъ Рождество любила я Пасху и предшествующія ей недѣли: вербную и страстную. На вербы мы ходили съ тетей сначала на нашъ Андреевскій рынокъ, гдѣ также въ то время можно было купить качающихся на качеляхъ восковыхъ херувимовъ, а потомъ уже отправлялись въ экипажѣ „на ту сторону", къ Гостиному Двору.

На страстной сильно занимали меня церковныя службы: потому ли, что посѣщеніе церкви сопровождало въ моемъ дѣтствѣ каждый праздникъ, потому ли, что насъ никогда не принуждали ходить въ церковь, а напротивъ, позволяли, какъ награду, или большое удовольствіе, но церковныя службы, въ особенности на страстной недѣлѣ, оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе; до сихъ поръ когда я вхожу въ храмъ Божій, я чувствую себя опять ребенкомъ и проникаюсь какимъ-то сладостнымъ умиленіемъ.

Въ пятницу или субботу, моя другая тетя, Надежда Петровна, сестра отца, которая тоже жила съ нами и была большая рукодѣльница, приносила массу шолковыхъ обрѣзковъ и нащипанную изъ нихъ корпію, и вся семья принималась за краску яицъ. На пресловутой лежанкѣ, упомянутой выше, появлялся цѣлый рядъ вкусныхъ вещей, таинственно прикрытыхъ бѣлыми салфетками.

Передъ заутреней насъ клали спать, потомъ будили, одѣвали въ бѣлыя кисейныя съ мушками платьеца, опоясывали—меня

голубымъ, а сестру розовымъ кушакомъ, и вели въ церковь, гдѣ мы въ эту ночь становились на клиросѣ. Церковь была полнымъ-полна, и всѣ женщины были въ бѣломъ.

Послѣ того, какъ крестный ходъ удалялся, въ церкви дѣлалось тихо-тихо, — все будто замирало въ ожиданіи... Вдругъ издали начинало доноситься нѣжное пѣніе, что-то радостное закрадывалось въ сердце, постепенно росло и восторженно распускалось, когда въ распахнувшихся дверяхъ храма гремѣло торжественное: „Христосъ воскресе!“ Начиналось шумное христосованіе съ знакомыми и незнакомыми, и насъ уводили домой, гдѣ на длинныхъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными скатертями, столахъ пестрѣли всякія яства, бумажные цвѣты и красныя яйца. Гостей постепенно прибавлялось, но садились мы за столъ только послѣ возвращенія отца изъ дворцовой церкви, гдѣ онъ всегда слушалъ заутреню. Христосовались мы со всѣми: со сторожами, мужиками и всякимъ, кто скажетъ намъ: „Христосъ воскресе!“ Въ то время христосовались даже на улицѣ съ незнакомыми. Этотъ праздникъ надолго оставлялъ во мнѣ радостное свѣтлое настроеніе.

Неполонъ былъ бы разсказъ о моемъ счастливомъ дѣтствѣ, еслибъ я не упомянула о моей тетѣ Надѣ и о тѣхъ безчисленныхъ радостныхъ часахъ, проведенныхъ съ ней. Тетя Надя была уже старушкой, когда я начинаю ее помнить. Жила она на „другомъ верху“, куда надо было подыматься по другой лѣстницѣ, чѣмъ на „нашъ верхъ“, по темной витой каменной лѣстницѣ. Тамъ у нея были три комнаты; двѣ занимала она, а третью—состоявшая при ней лѣтъ сорокъ горничная Аннушка (или Анна Васильевна, какъ почтительно называла ее прочая прислуга), на рукахъ которой впослѣдствіи и умерла отъ глубокой старости тетушка. Надежда Петровна вела у насъ довольно обособленную жизнь; она обѣдала и завтракала съ нами, но, кромѣ этого и торжественныхъ случаевъ, спускалась со своего верху только затѣмъ, чтобы взять у тети Кати ключъ отъ маленькаго буфетнаго шкапчика, гдѣ помѣщался граненый графинчикъ съ водкой: „Я вѣдь еще сегодня не клюкнула“, говорила она таинственно и весело нѣсколько разъ въ день. Такое частое употребленіе кюммеля, однако, нисколько не дѣйствовало на тетю и такъ же мало хмелило ее, какъ если бы она выпивала простую воду. Она была бодрая миніатюрная старушка, милая и добродушная. Ея „апартаменты“, какъ она въ шутку выражалась, представляли своего рода музей, и крайне своеобразный.

Не собирала ты камеевъ
Своею дѣвственной рукой;
Съ Венеръ-развратницъ, Прометеевъ
Взоръ отводила съ чистотой.

Ты манускриптовъ не сбирала,
Презря ихъ мудрость и года...
Коль попадались—раздирала
На четвертушечки всегда...

Картинъ ты тоже не скупала
Въ свой многосводный эрмитажъ,
Другая мысль тебѣ запала,
Въ другой ты бросилась „паражъ".

Тебя коробка поразила,
Ты новой мыслью процвѣла,
Ея всѣ формы изучила
И въ эрмитажѣ завела.

Но сердце мудреца алкало:
Любя коробку всей душой,
Тебѣ коробки стало мало,
Ты захворала пустотой...

И вдругъ, въ углу, о, случай странный,
Явилась банка предъ тобой... и т. д. [1])

Это стихотвореніе, конечно, утрируетъ: въ „эрмитажѣ" тетушки были и художественныя вещи; ей принадлежитъ та честь, что она сохранила дѣтскіе рисунки отца моего, художественныя вышиванія его матери и замѣчательныя письма его старшей сестры; но справедливо то, что тетушка преимущественно коллекціонировала коробки, банки и стклянки. Коробки она тщательно и со вкусомъ обклеивала конфектными бумажками и картинками; одинъ шкапчикъ съ ящиками былъ весь полонъ самымъ разнообразнымъ ассортиментомъ этихъ предметовъ; другой, съ полками, былъ хранилищемъ всевозможной стеклянной посуды, отъ дорогихъ старинныхъ флаконовъ до аптекарскихъ бутылочекъ включительно. Надо замѣтить, что коробки были не пусты,—въ нихъ находились богатѣйшія собранія шелковъ, крупнаго и мелкаго бисера, блестокъ, фольги, раковинъ, четокъ. Если къ тому прибавить, что комнаты были уставлены затѣйливою старинною мебелью, божницей со множествомъ образовъ и цѣлой массой самыхъ разнообразныхъ орудій женскаго рукодѣлія,

[1]) Изъ шуточнаго стихотворенія, поднесеннаго тетѣ М. Ѳ. Каменскою.

то станетъ вполнѣ понятно, какъ блаженствовали мы, когда тетушка любовно раскрывала передъ нами всѣ эти сокровища, и съ какими полными руками, а то и подолами, возвращались мы къ себѣ.

Иногда въ комнатахъ тети Нади ожидало меня особенное удовольствіе, отъ котораго сконфуженно, но радостно билось мое сердце: я встрѣчала тамъ сестру мою, Марью Ѳедоровну Каменскую. Дочь первой жены моего отца, она была въ ссорѣ съ моей матерью, у насъ не бывала, а проходила къ тетѣ Надѣ прямо наверхъ, или, изрѣдка, будто крадучись, пробиралась заднимъ ходомъ въ кабинетъ отца. Я не знала причины ссоры,—знала только, что моя мамаша не любитъ Марью Ѳедоровну, но моя дѣтская душа чувствовала несправедливость, ненормальность въ томъ, что дочь тайкомъ видается съ отцомъ своимъ, и мнѣ было это больно. Я твердо была увѣрена въ душѣ, что М. Ѳ. ни въ чемъ не виновата: развѣ не цѣловалъ ее также нѣжно мой чудный отецъ? развѣ могла быть виновата эта женщина, рыдающая на его плечѣ и потомъ такъ ласково улыбающаяся мнѣ полными слезъ глазами? И какая красавица, какая веселая, умная! Какъ интересно разсказываетъ, какъ крѣпко цѣлуетъ! Я любила ее всей силой души моей, а между тѣмъ что-то сковывало меня въ ея присутствіи; мнѣ было чего-то стыдно, я какъ будто чувствовала себя изъ противнаго лагеря, я какъ будто измѣняла кому-то, находясь съ ней. Это не была боязнь, что мама разсердится на меня,—напротивъ, я была бы рада, еслибы меня бранили за М. Ѳ.,—это было инстинктивное ощущеніе какой-то вины *нашей* передъ *ними*—Каменскими. То же ощущеніе являлось у меня потомъ въ отношеніи дѣтей М. Ѳ., которыя впослѣдствіи стали довольно часто бывать у насъ. Это ощущеніе становилось у меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ласковѣе были со мной М. Ѳ. и ея дѣти.

Казалось бы, что вліяніе стольких хорошихъ людей и такой радостной и свѣтлой обстановки должно было развить во мнѣ одни только добрые инстинкты, а между тѣмъ это было не такъ: хотя я была очень чутка къ чужой несправедливости и жалостлива къ чужому горю, но сама я поступала эгоистически и капризно съ тѣми, кого наиболѣе любила, и положительно жестоко—съ моей маленькой сестрёнкой, которая была фанатично, рабски и трогательно привязана ко мнѣ. Не взлюбила я ее съ самаго рожденія,—потому что она кричала и не давала мнѣ спать, а потомъ—потому, что она приставала ко мнѣ, мѣшала мнѣ даже своими нѣжностями. Въ отвѣтъ на ея ласки я

колотила ее и всячески тиранствовала надъ ней, пока не произошелъ слѣдующій случай: восьми лѣтъ я захворала брюшнымъ тифомъ, меня перевели внизъ, въ прежнюю билліардную, которая потомъ и осталась нашей дѣтской; сестру не пускали ко мнѣ, чтобы она не заразилась. Разъ, въ сумерки, никого не было въ моей комнатѣ, и какими-то неизвѣстными путями, какъ котенокъ, неслышно пробралась ко мнѣ моя сестра.

— Тятитя (Катенька), мóня къ тебѣ? — услышала я около моей постели ея робкій голосокъ. Мнѣ было скучно одной, и я великодушно помогла ей вскарабкаться на мою постель. Она принесла мнѣ какую-то только-что подаренную ей коробку оловянныхъ солдатъ (она всегда все отдавала мнѣ, а я, напротивъ, всегда строго запрещала ей трогать мои вещи). Мы немного поиграли, мнѣ было тяжело, къ тому же совсѣмъ стемнѣло, сестра забралась ко мнѣ подъ одѣяло, обвила мою шею руками, и, кажется, мы обѣ заснули. Большой переполохъ поднялся въ домѣ, когда насъ застали въ этомъ положеніи. Сестра, дѣйствительно, заболѣла послѣ этого тифомъ и была гораздо опаснѣе меня; я же въ тотъ день впала въ безсознательное состояніе и узнала о болѣзни сестры, когда уже стала выздоравливать. Мысль, что сестра заболѣла изъ-за меня, приходила мнѣ въ голову, но скоро забывалась: меня баловали и лелѣяли больше, чѣмъ когда-нибудь.

Но вотъ разъ, когда я уже была на ногахъ, мнѣ сказали, что Оля въ бреду все зоветъ меня, и что доктора велѣли привести меня къ ней. Чтò сталось со мной, когда я увидала на кровати худое, старчески сморщенное личико, со страшными черными губами, совсѣмъ не похожее на прежнюю Олю! Я стояла, пораженная. Вдругъ странные, мутные глаза остановились на мнѣ, въ нихъ блеснуло что-то, изсохшая ручонка сдѣлала слабое движеніе, запекшіяся губки сложились въ блѣдную улыбку, и изъ нихъ вылетѣло тихое, но радостное: „Тятитя!" Невыразимый наплывъ жалости и раскаянія охватилъ меня. Я могла успокоить себя, только обѣщая тайно себѣ и Богу, что никогда, никогда не буду больше обижать ее. Хотя съ тѣхъ поръ я не прибѣгала больше къ кулачнымъ расправамъ и стала дружнѣе съ сестрой, но когда впечатлѣніе изгладилось, я опять, особенно впослѣдствіи, подъ вліяніемъ одной дѣвочки-англичанки, которая жила у насъ для практики англійскаго языка, бывала несправедлива къ сестрѣ, и моя m-me Левель часто качала головой, называя меня эгоисткой и предсказывая мнѣ, что я не буду счастлива съ такимъ „vilain caractère".

Большимъ благомъ для меня было, что меня окружали теплою любовью прекрасные люди; это посѣяло въ мою душу все, что̀ есть въ ней добраго, но дурно было, что меня слишкомъ баловали и слишкомъ мало отъ меня требовали. Я была какъ будто центромъ, около котораго вращались всѣ эти любящіе люди, и не мудрено, что во мнѣ развивалось самомнѣніе и эгоизмъ, а отъ полнаго отсутствія выдержки являлись раздвоенность и безхарактерность: я вполнѣ сознавала, когда поступала дурно, и сильно потомъ каялась, но „не могла удержаться“—по собственному моему выраженію. Мои окружающіе не говорили мнѣ, что за все добро, которое мнѣ дѣлали, надо было и съ моей стороны чѣмъ-нибудь отплачивать; они отъ полноты души своей отдавали мнѣ свою беззавѣтную любовь, и въ той же любви находили себѣ награду. Человѣку, съ начала жизни избалованному такой любовью, трудно потомъ приходится, но еще хуже не знать такой любви: когда человѣкъ, поборовшись съ жизнью, придетъ къ пониманію, эта прежняя любовь засіяетъ передъ нимъ яркимъ, спасительнымъ маякомъ.

Тотъ, кто прочтетъ эти записки, вѣроятно, замѣтитъ, что я до сихъ поръ почти не говорила о своей матери, и, можетъ быть, подумаетъ, что она не играла большой роли въ семьѣ; на самомъ же дѣлѣ она была въ полномъ смыслѣ слова главой въ домѣ: безъ ея разрѣшенія не смѣли даже повести насъ гулять, но такъ сложились мои воспоминанія, что я ее почти совсѣмъ не помню въ ранній періодъ моего дѣтства. Отца я вижу передъ собой, какъ живого, въ каждую минуту нашей жизни: утромъ, когда мы влетаемъ, какъ ураганъ, здороваться съ нимъ, за завтракомъ и обѣдомъ, помню его манеру ѣсть, его любимыя кушанья; помню его пріемы за всякой работой, вижу его за неуклюжимъ крашенымъ мольбертомъ, за столомъ со стекломъ въ рукахъ, въ мастерской—сглаживающимъ своимъ гибкимъ пальцемъ шероховатость глины, вечеромъ—вырѣзывающимъ намъ кониковъ и санки изъ картъ или раскладывающимъ пасьянсъ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ; слышу его голосъ, когда онъ кричитъ старому унтеру Шилову: „подай трубку!“, слышу даже слова этого самаго Шилова, когда я бѣгу оповѣстить его, что папа̀ зоветъ: „совсѣмъ я старый травяной мѣшокъ сталъ“. Такъ же помнятся мнѣ и всѣ домашніе, въ ихъ ежедневной обстановкѣ и послѣдовательной жизни; мама же представляется мнѣ какъ будто сквозь какую-то дымку. Точно во снѣ, является она мнѣ безсвязно и отрывисто: то на подмосткахъ въ костюмѣ Федры, то прощающаяся съ нами передъ выѣздомъ на вечеръ,

то въ маскѣ, то съ чудными распущенными волосами... Вѣроятно, моя мать, какъ большинство тогдашнихъ дамъ, вела свѣтскую жизнь. Она могла дѣлать это тѣмъ спокойнѣе, что имѣла около дѣтей такихъ вѣрныхъ и превосходныхъ стражей, какъ тетя и m-me Левель.

III.

Visions of childhood! stay, oh, stay!
Ye were so sweet and wild!
Longfellow.

Какъ и когда я выучилась читать и писать, я рѣшительно не помню; знаю только, что въ день, когда мнѣ минуло восемь лѣтъ, мнѣ подарили нѣсколько книжекъ, между которыми меня очень заинтересовали двѣ, и которыя я тотчасъ же и прочла: „Bob l'écureuil“ и „La poupée bien élevée“. Послѣдняя въ особенности мнѣ такъ понравилась, что я подаренную мнѣ тутъ же куклу назвала „Lolotte“, именемъ героини вышеназванной книги, и рѣшила, что я тоже буду ее воспитывать. Куклу я полюбила, потому что она была толстенькая, съ дѣтскимъ личикомъ. Со всѣми прочими моими куклами я обращалась какъ съ игрушками, раздѣвала и одѣвала ихъ, бросала по разнымъ мѣстамъ, но „Lolotte“ была моя „дочка“. У нея была своя комната въ углу дѣтской; комодъ ея былъ полонъ бѣлья, кроватка ея всегда оправлялась; утромъ я одѣвала свою дѣвочку, кормила ее, учила, повторяя ей свои уроки; вечеромъ укладывала ее спать, ставила ей на ночной столикъ воды, цѣловала ее и, да проститъ мнѣ Господь, крестила. Я подолгу сидѣла и разговаривала съ ней и любила ее, какъ живого человѣка.

Кажется, я прежде научилась читать и писать по-французски, чѣмъ по-русски. Русскихъ книгъ для дѣтей въ то время было очень мало; въ моей богатой французскими и англійскими книгами библіотекѣ долгое время существовали только три русскія сочиненія: „Притчи Хемницера“, въ хорошенькихъ бѣлыхъ съ золотомъ переплетахъ, которыя мнѣ казались очень скучными; „Новый Емеля“, подаренный мнѣ кѣмъ-то изъ прислуги, и „Иванушка“ Сапожникова. Послѣдняя была хорошая дѣтская книжка. Послѣ „Иванушки“ я прямо перешла на чтеніе нашихъ классиковъ. Здѣсь кстати упомянуть, какъ надо быть осторожнымъ съ дѣтскимъ чтеніемъ, и какъ писатели, желающіе преподать дѣтямъ мораль, часто наводятъ ихъ на самыя дурныя

мысли. Ко мнѣ въ руки попали двѣ дѣтскія французскія пьесы: въ первой изображалась одна дурная дѣвочка Октавй и двѣ добрыя дѣвочки, ея младшія сестры. Во время всего дѣйствія всѣ постоянно упрекали Октавй, читали ей мораль, а сестеръ все время расхваливали. Дѣвочки собирались ѣхать на рожденья къ бабушкѣ. Октавй въ раздраженіи мяла подарки и платья сестеръ, онѣ плакали, но мамаша приводила все въ порядокъ и увозила ихъ, оставивши горячку, въ наказаніе, одну дома. Мораль: „il ne faut pas être colère et envieuse“. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Октавй вышла у автора жизненна, рельефна и симпатична, а ея сестры—неестественными куклами. Со свойственной дѣтямъ способностью относиться къ прочитанному, какъ къ дѣйствительности, я горячо принимала сторону Октавй, понимала ее и сочувствовала ей, даже жалѣла, что не могла вмѣстѣ съ ней помять бѣлыя кисейныя платья ея деревянныхъ сестеръ, которыя такъ смирно стояли и такъ добродѣтельно выговаривали свои противные „oui, chère maman“, или—„non, chère maman“. Въ другой пьесѣ (другого автора) изображалась очень интересная и очень фантастическая барышня, которая таяла и умирала на глазахъ своей огорченной семьи. Ни родители, ни доктора, не понимали ея болѣзни. Изнеможенная, блѣдная, умирающая лежала она въ чудномъ саду, когда дѣло, наконецъ, разъяснилось: дѣвочка умирала, потому что думала, что мать любитъ младшую сестру больше, чѣмъ ее. Эта безнравственная книжка, вѣроятно вслѣдствіе описанной въ ней лживо-поэтической обстановки, имѣла на меня сильное вліяніе: я начала воображать себя такой же непонятой дѣвочкой, такъ же поэтически „jalouse“.

У насъ бывало много дѣтей на танцклассахъ и по праздникамъ: кромѣ живущихъ въ академіи, бывали дѣти Штакеншнейдеры, Висковатые, сынъ нашего доктора Геринка (позже извѣстный пѣвецъ Корсовъ), также Ѳедя Каменскій и его граціозная сестра Нюта. Но не могу сказать, чтобы я была особенно близка со всѣми этими дѣтьми, чтобы мнѣ было съ ними особенно весело. Это происходило потому, что въ планъ воспитанія моей матери не входило, чтобы они имѣли на меня какое-нибудь вліяніе, и она всегда устраивала такъ, чтобы въ нашихъ играхъ принимали участіе и взрослые. Мнѣ было пріятнѣе проводить время съ сестрой: у насъ съ ней было богатое воображеніе, у насъ были свои излюбленныя игры, въ которыхъ дѣйствіе никогда не повторялось, а всегда шло впередъ; мы часто разсказывали другъ другу, или желающимъ насъ слушать, тутъ

же сочиняемыя сказки. Въ особенности сестра была въ этомъ отношеніи неистощима, и у нея постоянно проявлялся юморъ, чего у меня не было. Она была дѣвочка смѣтливая, острая, была не прочь и подразнить,—„petite futée", называла ее m-me Левель,—но доброты была удивительной; она готова была сейчасъ же все отдать, что̀ имѣла, чтобы доставить кому-нибудь удовольствіе.

Но самымъ любимымъ моимъ товарищемъ все-таки оставалась m-me Левель. Я еще охотно играла съ дѣтьми, когда онѣ приходили къ намъ, или когда мы сходились въ академическомъ саду, самой же идти въ гости было мнѣ сущимъ наказаніемъ. Одинъ домъ составлялъ для меня исключеніе, это—домъ барона Клодта. Хотя я позже, чѣмъ съ другими дѣтьми, познакомилась съ его дочерьми, но сошлась гораздо ближе и искреннѣе. Я помню, что въ первый разъ почувствовала къ нимъ симпатію, когда увидала ихъ въ церкви, послѣ смерти ихъ матери: онѣ были въ черномъ, съ заплаканными глазами, усердно молились, и мнѣ было ихъ очень жалко. Къ нимъ я всегда отправлялась съ большой радостью, у нихъ въ домѣ было что-то особенное, какой-то свой опредѣленный характеръ, что-то простое, уютное и содержательное. Дружнѣе всего я была съ Вѣрочкой, дѣвочкой моихъ лѣтъ, но всѣ въ этой семьѣ мнѣ нравились: и старшія дѣти, такія ласковыя съ нами, меньшими, и гувернантка ихъ, Елена Николаевна Геммеръ, которую мы попросту звали Лёленькой, а главное, самъ Петръ Карловичъ: открытое лицо его, правдивость, нѣсколько грубоватая откровенность, мягкость и доброта, сквозившая сквозь напускную рѣзкость, веселыя шутки, даже его манера приходить въ столовую en manches de chemise, все въ немъ было оригинально и привлекало меня. Онъ всегда являлся моему воображенію олицетвореніемъ настоящаго художника. Какъ живо помню я его въ его громадной мастерской на литейномъ дворѣ академіи, гдѣ копошился цѣлый міръ животныхъ, и онъ, между своими обезьянами, медвѣжатами, и живыми, и изваянными, казался повелителемъ какого-то сказочнаго царства.

Не тянуло меня къ другимъ дѣтямъ еще и потому, что у меня дома былъ цѣлый свой міръ, достаточно интересный и богатый.

Должно быть, съ кровью отца унаслѣдовала я страстную любовь къ древнему міру, и воспитывалась я въ проникнутой этимъ міромъ атмосферѣ: античные статуи и бюсты, которые украшали нашу залу, галереи академіи, гдѣ я бѣгала свободно,

когда хотѣла, чудные рисунки отца къ поэмѣ „Душенька“, произведенія Флаксмана, копіи съ древнихъ урнъ и помпейскихъ фресковъ, медали отца, все это было мнѣ близкое, родное, все это входило въ мою жизнь, составляло ея элементы, всѣмъ этимъ я дышала, все это горячо любила и все это я какъ-то сливала въ одно общее съ моимъ отцомъ, который былъ для меня воплощеніемъ физической и душевной красоты.

Скульптура привлекала меня въ дѣтствѣ гораздо больше, чѣмъ живопись. Музыка также имѣла на меня сильное вліяніе; меня никогда не могли уложить спать, когда у насъ играли или пѣли, а это случалось очень и очень часто. Особенно врѣзалось мнѣ въ память пѣніе г-на Мандо, у котораго былъ дивный теноръ (съ тэмбромъ Маріо, какъ говорили мама и тетя). Чтобы слушать его, я садилась обыкновенно въ голубой гостиной, смежной съ залой; тамъ горѣлъ одинъ только бѣлый алебастровый фонарь; необыкновенно мягкій, матовый свѣтъ его, играя на блѣдно-голубыхъ драпировкахъ, давалъ этой комнатѣ неземной, фантастическій видъ, и божественные звуки романсовъ Глинки, казалось, лились въ нее изъ какого-то невѣдомаго міра.

Самого Глинки я не помню, но много слышала о немъ отъ домашнихъ; всѣ они были отъ него въ восторгѣ и разсказывали чудеса объ его пѣніи: у него совсѣмъ не было голоса, но онъ такъ выразительно пѣлъ, такъ вкладывалъ въ пѣніе свою душу, что заставлялъ то смѣяться, то плакать слушателей. Наши говорили, что Вильбуа пѣлъ „Ночной смотръ“ и посвященную моему отцу „Virtus antiqua“ совершенно по манерѣ Глинки, и поэтому я особенно любила слушать эти двѣ пьесы. Помню я также полное энергіи и выразительности пѣніе Н. А. Рамазанова; онъ пѣлъ большею частью комическіе, полуитальянскіе, полурусскіе романсы своего сочиненія; необыкновенно живо, напр., у него выходило—сильнымъ басомъ грохоталъ исповѣдникъ:—„И ты двери отворила? Santa Trinita!“—тонкимъ сопрано отвѣчала обиженная signorina: „Что ты, padre, отворила?!... Дверь была не заперта“...

У Рамазанова была замѣчательно талантливая и богато одаренная натура. Сколько было въ немъ неподдѣльной веселости, юмору и искренности; казалось, что вся душа его была на ладонькѣ, и это было тѣмъ привлекательнѣе, что душа была прекрасная. Рамазановъ былъ горячій поклонникъ Италіи и съ любовью вспоминалъ о ней. Когда собирались къ намъ наши профессора: А. П. Брюлловъ, Бруни, Басинъ, Марковъ, Тонъ, Пименовъ и другіе, тогда воспоминаніямъ и толкамъ объ Италіи конца не было; часто даже они говорили между собой по-итальянски.

Въ моемъ дѣтскомъ воображеніи рисовалась эта поэтическая страна почти такою же, какою я ее нашла въ дѣйствительности, много лѣтъ спустя: я встрѣтила всѣ эти скалинады, аквадуки, розы, всѣхъ красавицъ-чёчарокъ, какъ старыхъ знакомыхъ...

Кромѣ нашихъ профессоровъ и молодежи, бывали у насъ въ это время и кое-кто изъ литераторовъ, уже кончавшихъ свое поприще; я помню Греча, Плетнева, съ которымъ отецъ былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ, супруговъ Глинокъ и Кукольника. Послѣдній былъ очень добрый, но безхарактерный человѣкъ; онъ сдѣлалъ неудачную женитьбу и изъ веселаго собесѣдника и собутыльника сталъ мрачнымъ; наши всѣ его очень жалѣли. Несмотря на то, что онъ былъ некрасивъ собой, въ его лицѣ было что-то весьма привлекательное, какое-то безконечное добродушіе. Я слышала, что онъ былъ замѣчательный импровизаторъ; къ сожалѣнію, изъ его импровизацій сохранились только шуточныя вещи, сказанныя большею частью на̀-веселѣ.

Большой пріятель отца моего былъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка. Они были друзья со школьной скамьи, и, вѣроятно, эти раннія воспоминанія связывали ихъ. Ѳ. Н. былъ когда-то въ числѣ либеральной молодежи, былъ, какъ отецъ мой, масономъ, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ устройствѣ ланкастерскихъ школъ и общества „зеленой книги", былъ другомъ декабристовъ, но когда я знала его, онъ представлялъ совершенную противоположность моему отцу. Отецъ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде: горячимъ защитникомъ всего свѣжаго, молодого, сочувствующимъ всякому движенію впередъ, всякому благому начинанію, съ яснымъ, широкимъ взглядомъ на вещи,—Ѳедоръ же Николаевичъ весь ушелъ въ чинопочитаніе, въ ханжество, въ мелочное обожаніе своего *я*; стихотворенія его были полны квасным патріотизмомъ, на все новое и молодое онъ нападалъ. Какъ-то разъ онъ подарилъ мнѣ медвѣдя изъ папье-маше́, въ очкахъ, пищущаго на доскѣ; къ нему было приклеено слѣдующее стихотвореніе (переписываю правописаніемъ подлинника):

Чивилизація.

Прогрессъ! прогрессъ!
И я медвѣдь, покинувъ лѣсъ
Съ *консервативною* своей берлогой
И, *съ вѣкомъ наравнѣ*, пошелъ *иной* дорогой
Въ *чивилизаціи* искать чудесъ;
И, разумѣется, я пересталъ дичиться
И захотѣлось мнѣ съ людьми сойтиться—

И высмотрѣть, *что* тамъ у нихъ и *какъ*?...
Но что жъ?... Не будь ихъ чести въ томъ обида,—
И научился я у *нихъ*—курить табакъ,
А книгу, такъ себѣ, держать въ рукахъ,—*для вида*!!

Однако Ѳ. Н. не былъ желчнымъ человѣкомъ, напротивъ, онъ былъ мягкій и добрый; мы, дѣти, очень любили его; не могу того же сказать о его супругѣ, которая была дружна съ моей матерью, но которую мы терпѣть не могли. Вообще, курьезная парочка были эти супруги: оба—поэты и оба влюблены въ лиру другъ друга. Глинка былъ маленькій, черненькій, сморщенный старичокъ, съ очень добродушнымъ личикомъ; онъ всегда носилъ массу орденовъ; Щербина называлъ его ходячимъ иконостасомъ и пресерьезно увѣрялъ, что бабы къ нему прикладываются, и что Ѳ. Н. даже купается въ орденахъ: самъ онъ плыветъ на большихъ пузыряхъ, а его ордена—вокругъ на маленькихъ. Авдотья Павловна была тоже невелика ростомъ, но была дама рѣшительная и на окружающихъ смотрѣла свысока. На нее сочинялъ Щербина нескончаемые акаѳисты: „радуйся, сѣдыхъ локонъ взбиваніе! радуйся, старыхъ костей обнаженіе! радуйся, плохихъ виршей сплетеніе! радуйся, мерзкихъ книжонокъ писаніе! радуйся, мѣдныхъ пятаковъ раздаваніе! Евдокія треклятая, радуйся!“ и т. д. Дѣйствительно, ея сѣдые локоны были какъ-то особенно пышны и платье она носила, несмотря на свой преклонный возрастъ, болѣе или менѣе декольтэ, даже днемъ. Сидя за чаемъ, она брала печенье, нюхала его и, найденное достойнымъ, собирала, чтобы отнести своимъ собачкамъ, которыхъ иногда по очереди брала къ намъ въ гости. Болѣе отвратительныхъ собачонокъ трудно себѣ представить,—всѣ онѣ были маленькія, съ слезящимися глазами, избалованныя, злыя; звали ихъ: „Капля“, „Крошка“ и т. п. нѣжными, но неподходящими къ нимъ именами. Всякій гость, входящій въ квартиру Глинокъ, былъ встрѣчаемъ лаемъ, визгомъ и безсильными попытками укусить за ногу цѣлой стаи этихъ отвратительныхъ созданій, и долженъ былъ, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, находить это премилымъ. Въ гостиной Глинокъ находилась на самомъ виду витрина, гдѣ были разложены ордена Ѳ. Н.; на стѣнѣ висѣла арфа Авд. П., на которой она, кажется, довольно хорошо играла. Но интереснѣе всего было чтеніе поэмы Ѳ. Н.: „Божественная капля“; это было настоящимъ священнодѣйствіемъ. Происходило оно или на ихъ квартирѣ, или у насъ. Приглашались только достойные, „могущіе вмѣстить“. Въ залѣ устраивалось возвышенное мѣсто, на которомъ ставился столъ и

два стула рядомъ; на столѣ зажигались свѣчи, ставилась сахарная вода и самыми восторженными поклонницами съ таинственною осторожностью раскладывались фоліанты рукописи. Для слушателей ставились кресла полукругомъ; всѣ разсаживались заблаговременно и, предвкушая блаженство, тихо восторгались поэмой... Вдругъ всѣ смолкали, и авторъ съ женой молча всходили на свою трибуну... За симъ, неукоснительно, происходилъ слѣдующій разговоръ: „Ma chère, кто начнетъ?“ — „Ты, конечно, mon cher“. — „Нѣтъ, ma chère, ты“. — „Ты, какъ авторъ, долженъ лучше читать“. — „Увѣряю тебя, ma chère, что ты гораздо лучше меня читаешь“. — Наконецъ, кто-нибудь начиналъ; и мужъ, и жена, читали совершенно одинаково: патетично, пѣвуче, монотонно. Никогда не забуду мученій, которыя доставляли мнѣ эти чтенія! А между тѣмъ я была бы очень обижена, еслибы меня избавили отъ нихъ: дѣло въ томъ, что присутствовать при чтеніи „Капли“ считалось большою честью, и меня на всѣ лады прославляли разныя дамы за то, что я удостаивалась этой чести. „Quelle admirable enfant!“ восклицала одна изъ самыхъ увлекающихся поклонницъ поэмы: „какъ она слушаетъ, еслибы вы знали! Si jeune и такъ слушаетъ!“ Я старалась, всѣмъ сердцемъ старалась оказаться на высотѣ этихъ похвалъ и дѣлала все возможное, чтобы „такъ слушать“, но продолжительное, однообразное чтеніе неотразимо клонило меня ко сну, и я, что называется, „клевала носомъ“... Я вздрагивала, съ ужасомъ озиралась: не замѣтилъ ли кто, дѣлала невѣроятное усиліе, чтобы не давать опуститься усталымъ вѣкамъ, изо всѣхъ силъ таращила свои глазенки, но все было напрасно: передо мной разстилался какой-то туманъ, комната дѣлалась большою, присутствующіе уходили куда-то въ глубину, голосъ читающаго неясно доносился изъ какой-то дали... Эта борьба со сномъ была ужасна, но еще ужаснѣе были мои угрызенія совѣсти, когда меня потомъ хвалили; я чувствовала, что своимъ молчаніемъ я лгу, а признаться было свыше силъ моихъ. Не всегда, однако, я дремала во время чтенія „Капли“, — многое изъ нея до сихъ поръ осталось у меня въ памяти. Сюжетъ поэмы былъ заимствованъ изъ апокрифическаго сказанія о бѣгствѣ пресвятой Дѣвы Маріи въ Египетъ. Преданіе это повѣствуетъ, что въ какомъ-то ущельѣ на святое Семейство напали разбойники и хотѣли умертвить всѣхъ, но одна изъ женщинъ табора остановила разбойниковъ словами: „Посмотрите, какой у этой женщины цвѣтущій и прекрасный младенецъ, а мой умираетъ отъ истощенія! Пусть она накормитъ моего ребенка!“ Пресвятая Дѣва взяла больного ребенка и при-

ложила къ своей груди: ребенокъ, глотнувъ святого молока, на глазахъ у всѣхъ исцѣлился и расцвѣлъ. Разбойники, пораженные чудомъ, отпустили путниковъ съ благодарностью. Глинка описываетъ въ своей поэмѣ параллельно жизнь Христа и разбойника и сводитъ ихъ на крестѣ, гдѣ разбойникъ, воспріявшій божественную каплю молока Богородицы, говоритъ Христу: „Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое!“ Мнѣ казалась скучной та часть, гдѣ Евангеліе переложено въ стихи, но мѣста, гдѣ описывалась жизнь разбойника, въ особенности гдѣ онъ бродитъ одинъ по пустынѣ въ непонятномъ для него томленіи, или когда что-то въ немъ удерживаетъ его, помимо его воли, отъ убійства, мнѣ очень нравились, а также нѣкоторыя описанія природы. Въ общемъ поэма, должно быть, была длинна и скучна, такъ какъ я никогда не засыпала, когда читали у насъ что-нибудь другое.

Впрочемъ, можетъ быть тутъ игралъ роль мой вкусъ, тогда довольно оригинально развитой, собственный вкусъ: вѣроятно, „Телемакъ“ Фенелона скученъ не менѣе поэмы Глинки, а я перечитала его нѣсколько разъ подъ-рядъ, ибо все, что касалось древняго міра, было мнѣ интересно, даже миѳологическіе словари. Можно себѣ представить, какъ я была счастлива, когда узнала, что ѣдетъ къ намъ Рашель. Я заранѣе запаслась Корнелемъ и Расиномъ и начала упиваться ими. Трудно себѣ теперь представить, но это фактъ, что я десяти лѣтъ тайкомъ до часу ночи зачитывалась этими произведеніями и до того восторгалась, что пришла въ негодованіе, когда кто-то сказалъ мнѣ, что есть еще болѣе великій писатель, котораго я еще не знаю—Шекспиръ, и я заявила, что этого быть не можетъ.

Наконецъ, меня повезли смотрѣть Рашель въ „Андромахѣ“. Спектакль этотъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что я и теперь могу судить объ игрѣ этой артистки—такъ я ее живо помню. Она и теперь стоитъ передъ моими глазами: величавая, пластичная, съ трагичнымъ и страстнымъ лицомъ, съ темнымъ блескомъ глазъ, какъ античная статуя, загорѣвшаяся вдругъ пламенемъ жизни; я будто слышу ея мелодичный пѣвучій голосъ, ея сдержанный шопотъ, который громче крика раздавался по затаившей дыханіе залѣ. Молча вышла я изъ ложи и молча сѣла въ карету. Со мной сдѣлалось нѣчто, никогда еще неиспытанное: что-то спиралось въ груди, что-то рвалось изъ меня; я испытывала чувство восторга такого сильнаго, что, мнѣ казалось, оно задушитъ меня... и вотъ я разразилась истерическими рыданіями... Дома уже я перешла въ радостно восторженное со-

стояніе, стала разсказывать, говорить монологи, стараясь изобразить интонацію и жесты артистки, и долго не могла заснуть отъ волненія. Рашель я видѣла еще разъ въ „Федрѣ“, и ея игра, если это возможно, еще болѣе плѣнила меня. Страшинскій нарисовалъ мнѣ тогда въ альбомъ сцену изъ „Андромахи“, а отецъ подарилъ очень похожій акварельный портретъ Рашели: обѣ вещи хранятся у меня до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, у меня пропалъ автографъ знаменитой артистки: очень любезное письмо, которымъ она благодарила отца за поднесенный экземпляръ „Душеньки“. Почеркъ у нея былъ мелкій, сжатый и строчки шли совсѣмъ вкось.

10-го октября 1854-го года, праздновался въ академіи 50-тилѣтній юбилей моего отца. Кромѣ чествованія отца, на этомъ актѣ должно было имѣть мѣсто событіе, тоже очень интересовавшее меня: въ первый разъ въ моей жизни женщина (Сухово-Кобылина) получала золотую медаль отъ академіи. Хотя я еще въ то время ничего не слыхала о „женскомъ вопросѣ“, но инстинктивно была довольна, что женщина удостоилась такой чести, и мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ при звукѣ торжественнаго туша будетъ ей вручена медаль, но, къ сожалѣнію, я была нездорова и меня не пустили. Послѣ акта въ залѣ академіи былъ данъ моему отцу завтракъ, который затянулся очень долго. Время клонилось уже къ вечеру, когда намъ кто-то доложилъ, что всѣ профессора уже на̀-веселѣ и что они отца несутъ по лѣстницѣ на рукахъ; мама̀ ужасно всполошилась, увѣряя, что они непремѣнно уронятъ папу, и всѣ высыпали за двери въ коридоръ, откуда неслись неистовые крики „ура!“. Однако, отца внесли въ нашу квартиру благополучно, но профессора дѣйствительно были очень красны и веселы, особенно Рамазановъ.

Кромѣ оффиціальнаго празднества въ академіи 18-го декабря, отцу былъ данъ обѣдъ художниками, литераторами и знакомыми, на которомъ и мы присутствовали. Это было вполнѣ дружеское, единодушное собраніе: все было просто, искренно и безконечно весело. Что̀ тутъ говорилось рѣчей, стихотвореній, экспромптовъ! Послѣ обѣда устроился прелестный вечеръ, гдѣ читались нашими поэтами ихъ посвященныя отцу стихотворенія, гдѣ Петровъ и его жена, бывшая прежде знаменитой пѣвицей, пѣли привѣтствія отцу, романсы Глинки и народныя пѣсни, гдѣ съ необыкновеннымъ оживленіемъ пѣлось хоромъ:

Чарочка серебряная!
Кому чару пити,
Кому выпивати?

Пити намъ Өеодору,
Пити свѣтъ-Петровичу,—
Наши буйныя головки преклоняются!

и гдѣ, наконецъ, многіе пошли плясать въ присядку.

На этомъ обѣдѣ присутствовалъ пріѣхавшій изъ Севастополя адмиралъ Рикордъ. Во время потока всевозможныхъ рѣчей, адмиралъ сказалъ: „Передъ вашей благородной, художественной семьей я опускаю свой адмиральскій флагъ, но передъ врагами отчизны—никогда“! Хотя эти слова въ ту минуту веселаго, приподнятаго настроенія вызвали взрывъ энтузіазма, выразившійся не только словами, но и дѣломъ, такъ какъ отцомъ былъ предложенъ сборъ въ пользу раненыхъ, въ которомъ всѣ присутствующіе приняли живое участіе, но въ сущности большинство нашего кружка, съ отцомъ во главѣ, было противъ войны въ принципѣ. У насъ часто разсказывались, иногда очевидцами, всѣ ужасы севастопольской кампаніи, въ душу закрадывалось сожалѣніе и негодованіе за столько напрасно погибшихъ подвиговъ и жизней. До сихъ поръ помню я ту боль, которая отзывалась и въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ, при потопленіи нашего флота, взятіи Малахова кургана; такъ тяжело было всѣмъ, что желали одного: мира во что̀ бы то ни стало, и извѣстіе о мирѣ, какъ онъ ни казался печаленъ для Россіи, повергло насъ въ большую радость: какъ-то вдругъ полегчало, можно было опять жить безъ этого страшнаго гнета.

IV.

Какъ высоко̀, о, человѣкъ, твое призванье—
Отъ лика Божія на землю павшій свѣтъ!
Есть все въ твоей душѣ, чѣмъ полно міро-
здание,
Въ ней все нашло себѣ созвучье и отвѣтъ.
Щербина.

Я раздѣляю мое дѣтство на два періода. Мнѣ очень трудно объяснить, почему это такъ, но переломъ этотъ ясно мною чувствуется. Первый періодъ носитъ характеръ болѣе интимной жизни, второй — болѣе внѣшней; въ первомъ меня всю поглощала атмосфера душевная, чисто любовная, во второмъ—скорѣе умственная; въ первомъ я жила одною жизнью съ моими близкими и дорогими, во второмъ—я начала нѣсколько обособляться отъ нихъ; въ первомъ вся жизнь моя была одна радость, во второмъ—я узнала и нѣкоторыя душевныя страданія. Я не могу выразить всего этого понятно и толково, потому что тутъ суще-

ствуетъ цѣлый рядъ переходовъ и причинъ, которые не совсѣмъ ясны для меня самой; но грань все-таки была и совпадала приблизительно—съ уходомъ изъ нашего дома m-me Левель, которая всецѣло поглощала меня и держала подъ обаяніемъ нашего теплаго, но замкнутаго внутренняго мірка,—и съ знакомствомъ нашей семьи съ молодымъ художникомъ Николаемъ Осиповичемъ Осиповымъ, который внесъ много новаго и живого въ нашу жизнь. Онъ былъ мой первый учитель рисованія; по его иниціативѣ устроились у насъ знаменитыя „среды", художественные вечера, прототипы позднѣйшихъ „пятницъ" въ академіи и другихъ подобныхъ вечеровъ. Осиповъ былъ очень интересенъ: веселый, остроумный, прекрасный чтецъ, онъ всегда умѣлъ воодушевлять общество. По средамъ въ громадной нашей залѣ ставились длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, освѣщенные лампами съ рефлекторами, и всѣ наши художники садились за работу: кто рисовалъ карандашомъ, кто кистью. Писатели читали тутъ свои новыя вещи, разсказывали, музыканты играли и пѣли. Публики собиралось очень много, но бо̀льшею частью все были артисты, и потому эти вечера отличались оживленіемъ, разнообразіемъ, шумною веселостью и вмѣстѣ съ тѣмъ интимнымъ характеромъ. Чудные, незабвенные это были вечера! Еслибы я захотѣла перечислить всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые собирались тутъ, то пришлось бы переименовать всѣхъ выдающихся тогда нашихъ писателей и художниковъ и очень многихъ профессоровъ, музыкантовъ, актеровъ и пріѣзжихъ артистовъ. Тогда было богатое время по отношенію къ талантамъ: если періодъ Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, Брюллова (которые всѣ были друзьями отца) миновалъ, то все-таки это было время, когда жили Вяземскій, Одоевскій,—время Тургенева, Писемскаго, Толстого, Майкова, Иванова... Тутъ слышали мы превосходное чтеніе Писемскаго, Тургенева и еще болѣе превосходные разсказы послѣдняго, неизданныя вещи Майкова, Мея, Полонскаго, игру Контскаго, пѣніе де-Бассини, Леоновой и Петрова.

Н. Ѳ. Щербина былъ душой нашего общества. Многіе еще помнятъ вѣроятно этого маленькаго, смуглаго человѣка, съ необыкновенно блестящими, живыми и проницательными черными глазами, помнятъ его остроуміе, его ѣдкія сатиры, но мало кто зналъ его душевныя качества, его трагическую внутреннюю жизнь, тѣ богатыя сокровища любви, которыя таились подъ личиной озлобленія, мало кто замѣчалъ, что въ смѣхѣ его звучали слезы. Чуткая и нѣжная душа, страстное стремленіе къ любви, высокоидеальное представленіе о женщинѣ,—все это было попрано въ

немъ жизнью. Онъ былъ весь точно израненный, весь окровавленный внутри; и чѣмъ сильнѣе подымалась въ немъ боль, тѣмъ веселѣе и ядовитѣе лились его остроты и оглушительнѣе гремѣлъ гомерическій хохотъ его слушателей.

Какъ только появлялся Николай Ѳедоровичъ, всѣ занятія прекращались, художники бросали кисти, старички — карты, дѣти—игрушки, около него образовывался тѣсный кругъ и до утра лились самыя оригинальныя, самыя фантастическія импровизаціи. Тутъ задѣвалась и политика, и литература, всѣ „злобы дня", рисовались каррикатуры нравовъ, разсказывались уморительные анекдоты, часто о присутствующихъ, но въ нихъ было столько комизма, веселости и добродушія, что никто не обижался. Щербина обладалъ необыкновенной наблюдательностью и способностью схватывать самыя характерныя черты человѣка, обрисовывать личность или кружокъ какимъ-нибудь словомъ такъ мѣтко, что это слово на вѣки прилипало къ охарактеризованному имъ лицу или кружку; но зла, желанья сдѣлать кому-нибудь больно не было въ Щербинѣ, напротивъ, онъ съ сердечнымъ тактомъ умѣлъ разграничивать легкую насмѣшку отъ обиды, когда говорилъ о присутствующихъ. Талантъ этого человѣка выражался главнымъ образомъ въ томъ, что онъ никогда не повторялся, и, множество разъ передавая свои сонники и акаѳисты, умѣлъ разнообразить и варьировать ихъ до неузнаваемости, вѣчно прибавляя что-нибудь новое и совершенно неожиданное. Напечатанныя его вещи не даютъ и понятія о блескѣ его разсказовъ. Все — новости дня, прочитанная вещь, случайно кѣмъ-нибудь сказанное слово, все служило ему темой для нескончаемыхъ импровизацій. Такого хохота, который раздавался между его слушателями, право, мнѣ не случалось потомъ слышать: хохотали до изнеможенья, до боли, а на его лицѣ никогда не появлялось даже и улыбки, онъ говорилъ совсѣмъ серьезно, точно разсказывалъ самыя обыденныя происшествія, и такъ убѣжденно, точно вполнѣ вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность; этотъ контрастъ между его выраженіемъ и тѣмъ, что̀ онъ разсказывалъ, производилъ невѣроятно комичное впечатлѣніе, которому способствовало легкое заиканіе Николая Ѳедоровича: выходило какъ бы подчеркиваніе нѣкоторыхъ мѣстъ рѣчи и иногда удивительно кстати. Вообще, это чуть замѣтное заиканіе какъ-то шло къ Щербинѣ.

За этимъ-то игривымъ разсказчикомъ просмотрѣли въ немъ страдающаго человѣка и вдохновеннаго поэта. Щербину, какъ поэта, мало знали, а какъ человѣка—не понимали вовсе. Объ его

сатирахъ всѣ говорили, въ обществѣ его всегда просили разсказать что-нибудь, но только небольшой кружокъ оцѣнивалъ вполнѣ, какъ это дѣлалъ мой отецъ, душевныя качества Щербины и его дивныя антологическія стихотворенія. Въ послѣднихъ, по мнѣнію моего отца, Щербина поднялся на высшія ступени, когда-либо достигнутыя самыми великими поэтами.

Бываютъ личности, къ которымъ всю жизнь судьба несправедлива: къ такимъ принадлежалъ Щербина, и не мудрено, что онъ сдѣлался мизантропомъ. Натѣшивши общество въ продолженіе цѣлаго вечера, выливъ въ насмѣшкѣ всѣ свои тайныя слезы, иногда набравши въ то же время въ душу новаго негодованія, онъ отправлялся въ трактиръ Палкина и тамъ, одинокій и угрюмый, просиживалъ до утра; тамъ онъ работалъ и читалъ, а чаще думалъ свои мрачныя думы. При этомъ онъ пилъ одинъ только чай. Утромъ возвращался онъ домой и ложился спать.

Часто отецъ мой и мать выговаривали ему за такой образъ жизни; тогда онъ открывалъ передъ ними свою наболѣвшую душу, описывалъ свою безрадостную жизнь, всѣ порывы къ тихому личному счастью, всю боль за страдающее человѣчество, всѣ стремленія, которымъ закрыта была дорога, все то, что̀ заставляло его ёжиться отъ людей и уходить въ себя.

Впослѣдствіи душа Щербины нашла себѣ выходъ, хотя и болѣе узкій, чѣмъ можно было думать, судя по его прежнимъ общечеловѣческимъ тенденціямъ, но все-же самъ по себѣ прекрасный: Щербина увлекся изученіемъ народной поэзіи и все съ большею нѣжностью вникалъ въ характеръ русскаго народа. Но и тутъ суждено было нашему поэту остаться непонятымъ. Онъ въ своей любви къ народу не примкнулъ ни къ славянофиламъ,—къ „спиртофиламъ“, какъ онъ называлъ ихъ,—ни къ народникамъ, которые, какъ онъ разсказывалъ, говорили мужику: „ей Богу, Бога нѣтъ!“ — онъ остался и тутъ самобытнымъ и, потому, одинокимъ. То было какъ разъ время конца шестидесятыхъ годовъ, время честное, но жестокое,—и этого увлекающагося человѣка, самого до слёзъ умиляющагося надъ бабой, съ простою вѣрою и слезами ставящей свѣчку передъ образомъ,— обвинили не только въ реакціонерствѣ, но даже въ лицемѣріи. И я подъ давленіемъ времени сдѣлалась причастна къ этому грѣху противъ Духа Святого: я, которую съ дѣтства любилъ Щербина, какъ дочь, я, на свадьбѣ которой онъ поднялъ заздравный кубокъ „за молодыхъ князя съ княгинею“ и сказалъ трогательную, горячую рѣчь; я, которая должна бы хорошо

знать его, могла дать себя настроить противъ него!.. Можетъ быть, чуткій Щербина подмѣтилъ какую-нибудь легкую перемѣну въ моемъ всегда дружескомъ отношеніи къ нему, а можетъ быть и случайно, но онъ послѣдніе годы своей жизни сталъ рѣдко бывать у насъ. Мы, кажется, уже болѣе года не видались съ нимъ, когда услышали, что онъ сильно боленъ. Мужъ мой тотчасъ же отправился къ нему, засталъ его очень плохимъ, почти уговорилъ его сдѣлать трахеотомію, и вечеромъ того же дня отправился къ нему съ проф. Богдановичемъ. Но Щербина не позволилъ сдѣлать операцію, которая, по словамъ мужа, спасла бы его. Въ эту тяжелую минуту онъ еще вспомнилъ о моихъ дѣтяхъ и послалъ имъ изданный имъ сборникъ „Пчела".

Николай Өедоровичъ далъ слово, что если ему станетъ хуже, онъ тотчасъ же пошлетъ за Богдановичемъ, который оставилъ у него свои инструменты. Когда въ ту же ночь припадокъ удушья захватилъ Щербину, онъ не успѣлъ даже позвать своего лакея, и утромъ его нашли мертвымъ на полу... Въ предсмертныхъ мукахъ своихъ, какъ и въ жизни, не встрѣтилъ онъ около себя помощи любящей руки и, какъ жилъ, такъ и умеръ одинокимъ.

Но отъ этихъ, далеко впередъ завлекшихъ меня грустныхъ воспоминаній я должна вернуться къ тому времени, когда въ нашей академической гостиной, среди сочувственнаго кружка, Щербина бывалъ иногда искренно доволенъ, и упомянуть о другихъ извѣстныхъ поэтахъ, часто бывавшихъ тогда у насъ.

Мей былъ человѣкъ недовольный и страдающій, но, въ противоположность Щербинѣ, онъ всегда былъ угрюмъ и молчаливъ въ обществѣ. Говорили, что онъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, что онъ сильно пилъ. Это послѣднее обстоятельство нисколько не умаляло его въ моихъ глазахъ: столько славныхъ людей земли русской пили въ то время! Я, впрочемъ, никогда сама не видѣла никого изъ образованныхъ людей пьяными и не знала хорошенько, что̀ это значитъ „пить"; видѣла я подвыпившимъ только Рамазанова въ тотъ день, когда онъ несъ отца моего съ юбилея,—онъ былъ красенъ, веселъ и очень милъ, это было нѣчто отличное отъ того пьянства хорошихъ русскихъ людей, которое представлялось мнѣ какимъ-то непонятнымъ, великимъ горемъ. Мнѣ кажется, Писемскаго можно причислить къ той же категоріи страждущихъ и ушедшихъ въ себя людей, хотя я мало знала его, и, можетъ быть, ошибаюсь. Я помню только его превосходное чтеніе, особенно не напечатанной тогда „Горькой Судьбины", которая впослѣдствіи на сценѣ производила на меня менѣе впечатлѣнія, чѣмъ при чтеніи автора.

Бенедиктовъ былъ очень друженъ съ моей матерью; его я помню въ раннемъ дѣтствѣ; онъ былъ очень застѣнчивъ и молчаливъ; о поэтѣ Губерѣ я только много слышала, но не видала его. Майковъ, Полонскій, Григоровичъ и Тургеневъ были болѣе уравновѣшенныя натуры, болѣе свѣтскіе люди и всегда были ровны въ обращеніи. Майковъ былъ добрый, ласковый, мягкій, онъ приводилъ все наше общество въ восторгъ каждымъ своимъ новымъ произведеніемъ; онъ очень эффектно читалъ.

Полонскій былъ у насъ совсѣмъ свой человѣкъ; одно время онъ давалъ мнѣ уроки русскаго языка и словесности; я съ нетерпѣніемъ ждала его уроковъ, во-первыхъ потому, что они очень занимали меня, а во-вторыхъ потому, что послѣ уроковъ у насъ начиналась самая веселая бѣготня и возня: Яковъ Петровичъ самъ дѣлался ребенкомъ съ нами.

Тургеневъ бывалъ у насъ рѣже и импонировалъ намъ, дѣтямъ; мы съ наслажденіемъ слушали его разсказы, но въ интимности съ нимъ не пускались. Его мужественное лицо, обрамленное бородой и гривой густыхъ волосъ, казалось намъ настолько величественнымъ, что мы иначе не называли Тургенева, какъ „Юпитеръ Сергѣевичъ“.

Изъ болѣе молодыхъ писателей, бывавшихъ у насъ довольно часто, упомяну А. А. Потѣхина и Г. Н. Данилевскаго. Съ послѣднимъ мы, дѣти, были очень дружны; онъ каждый разъ, когда обѣдалъ у насъ, въ сумерки сажалъ насъ около себя и разсказывалъ намъ украинскія сказки. Бывали у насъ и любители-поэты: Розенгеймъ, Алферьевъ, Арбузовъ. Изъ писательницъ — Хвощинская, Жадовская и Т. П. Пассекъ. Горбуновъ начиналъ появляться со своими разсказами. Послѣ войны пріѣзжалъ въ Петербургъ и явился къ намъ Л. Н. Толстой; онъ тогда былъ еще очень молодъ, но его произведенія читались нарасхватъ; онъ уже стоялъ на ряду съ лучшими писателями, а нашъ кружокъ ставилъ его выше многихъ; въ его „Дѣтствѣ“ и „Севастопольскихъ разсказахъ“ вѣяло чѣмъ-то совсѣмъ новымъ, но такимъ, что̀ находило отголосокъ во многихъ сердцахъ.

Одного только симпатичнаго поэта, моего двоюроднаго брата, Алексѣя Константиновича Толстого, не видала я въ нашемъ домѣ во время моего дѣтства и познакомилась съ нимъ много позднѣе. Онъ былъ въ ссорѣ со своимъ отцомъ Константиномъ Петровичемъ и не хотѣлъ встрѣчаться съ нимъ, а нашъ милый „дядя Котя“ бывалъ у насъ ежедневно. Они помирились уже передъ самой смертью послѣдняго.

Мать моя была въ дѣятельной перепискѣ съ поэтомъ Никити-

нымъ и иногда читала нашему кружку его теплыя, интересныя письма, а позднѣе и замѣчательныя письма къ ней Шевченко.

Кромѣ воскресеній и средъ, въ другіе дни у насъ тоже постоянно бывали гости: часто къ обѣду приходили двое-трое, а вечеромъ иногда неожиданно собиралось довольно большое общество.

На святкахъ наши друзья дѣлали намъ неожиданные сюрпризы. Бывало, сидимъ мы себѣ спокойно дома; отецъ, по обыкновенію, работаетъ у себя въ кабинетѣ, у мамы въ будуарѣ кто-нибудь читаетъ, мы пріютились тутъ же, въ темной амфиладѣ комнатъ тишина... Вдругъ—звонокъ!... Вбѣгаетъ горничная и, запыхавшись, возвѣщаетъ: „Ряженые пріѣхали"! Залу моментально освѣщаютъ; является нѣсколько паръ масокъ, закостюмированныхъ съ тѣмъ оттѣнкомъ правдивости времени и стиля, которую такъ хорошо умѣютъ придать маскараднымъ костюмамъ художники. Все это наши ежедневные посѣтители, но они долго интригуютъ насъ, пока намъ удается узнать ихъ. На меня (даже и до сихъ поръ) непріятно дѣйствуютъ маски, и я прошу снять ихъ. Начинаются танцы. Я убѣгаю, надѣваю свой сарафанъ, распускаю свою тяжелую косу и пляшу „русскую"; папа̀ импровизируетъ нѣсколько па̀ менуэта; Ив. Ив. Соколовъ изображаетъ балетную танцовщицу, что̀ крайне комично при его долговязой фигурѣ; Рюль показываетъ изумительные фокусы; К. А. Трутовскій остритъ напропалую, за что получаетъ мѣдные гроши... Шумъ, гамъ, смѣхъ и музыка звенятъ въ только-что передъ тѣмъ такихъ молчаливыхъ комнатахъ... Но почему дверь въ гостиную закрыта? Передъ ней начинаютъ разставлять стулья, просятъ публику сѣсть. Раздается звонокъ, дверь растворяется — и передъ нами эффектно освѣщенная живая картина: Фаустъ и Мефистофель! Черезъ минуту картина оживляется; голова Фауста досадливо поднимается съ руки, на которой покоилась:

„Мнѣ скучно, бѣсъ!"
—„Что дѣлать, Фаустъ!.."

—звучатъ слова Пушкина, превосходно переданныя Соколовымъ и въ особенности Осиповымъ (Мефистофель). По окончаніи—взрывъ рукоплесканій, а потомъ, какъ всегда бываетъ, критика, споры... А тетя уже успѣла позаботиться объ ужинѣ. Несмотря на скромное мѣстечко, которое она занимала въ немъ, весь нашъ блестящій кружокъ кажется мнѣ немыслимымъ безъ этой тихой и ласковой хозяйки за столомъ. Она была какъ солнце въ сѣренькій лѣтній день: оно не блеститъ, но все-же свѣтитъ и грѣетъ и безъ него нельзя обойтись...

Иногда такъ же неожиданно пріѣзжали тройки и увозили насъ кататься при звукахъ пѣсенъ и прибаутокъ. Тройки несутся въ перегонку, забрасывая снѣгомъ... „Эй вы, голубчики! Не здѣсь умирать у бочки!“ „Эй вы, милые, съ горки на горку—баринъ дастъ на водку“!—орутъ веселые голоса; бывало, даже ямщики разойдутся и грянутъ какую-нибудь удалую, залихватскую пѣсню...

Весело, широко жилось! Но все было проникнуто простотой, и потому болѣе доступно, чѣмъ теперь. Смѣшно вспомнить, изъ чего состояли наши ужины,—даже на большихъ вечерахъ подавались къ закускѣ: селедки, икра, сыръ, потомъ какая-нибудь ветчина съ горошкомъ, громадная телятина или росбифъ, домашній сладкій пирогъ, изъ напитковъ—S-t Julien или Медокъ въ 60 коп. Но нашимъ гостямъ не требовалось помощи шипящаго шампанскаго для возбужденія въ нихъ веселости и остроумія, и безъ того шутки, тосты, анекдоты, споры, а иногда и пѣсни раздавались за нашимъ столомъ до самаго утра...

Пустая игра, часто и теперь употребляемая подъ именемъ „игры въ мнѣнія“ (у насъ она называлась „цензурой“) являлась въ нашемъ кружкѣ въ высшей степени интересной. Игра состояла въ томъ, что одинъ изъ присутствующихъ, назвавшись какою-нибудь вещью, удаляется; остальные высказываютъ объ этой вещи свои мнѣнія: вернувшійся долженъ выбрать одно изъ этихъ мнѣній и отгадать, кто его подалъ. Всѣ наши писатели принимали участіе въ этой игрѣ. Остротамъ, мѣткимъ характеристикамъ не было конца,—подчасъ зло продергивали другъ друга, но у насъ было принято не обижаться,—каждый давалъ не одно мнѣніе, а десять, двѣнадцать, все это записывалось на цѣлыхъ листахъ,—Щербина былъ неистощимъ, и онъ, и Майковъ, и многіе другіе писали стихами; этихъ эпиграммъ и остротъ набралось бы на цѣлый томъ, еслибы кто-нибудь изъ насъ догадался припрятывать ихъ; это было бы тѣмъ болѣе интересно, что почти всѣ подлежавшіе „цензурѣ“—были извѣстными личностями въ нашей литературѣ и въ нашемъ искусствѣ. Къ сожалѣнію, мы не думали о будущемъ, а въ настоящемъ такъ привыкли къ окружавшему насъ обществу, что во всемъ этомъ не видѣли ничего особеннаго: намъ казалось, что все это всегда будетъ и такъ и быть должно.

Самъ отецъ мой былъ не прочь пошутить и поиграть, въ особенности послѣ его послѣобѣденнаго сна, entre chien et loup. Иногда, серьезные люди, обѣдавшіе у насъ, съ нимъ во главѣ, просто играли съ нами въ „кошки-мышки“, или въ „жмурки“. Отецъ поразительно ловко жонглировалъ пятью мѣдными шарами

и большимъ шнуркомъ съ кистями, который съ неимовѣрной быстротой описывалъ вокругъ его головы всевозможныя фигуры.

Но я слишкомъ увлеклась шуточной стороной нашего времяпрепровожденія и не говорила еще о серьезномъ воспитательномъ значеніи, которое имѣлъ домъ отца моего для нашихъ молодыхъ художниковъ,—а оно, по словамъ ихъ самихъ, было громадно.

Въ то время для поступленія въ академію не требовалось никакихъ дипломовъ; часто поступали молодые люди совершенно неразвитые, чуть-ли не безграмотные и не бывавшіе никогда въ обществѣ. Лишь только отецъ замѣчалъ признаки таланта въ комъ-нибудь изъ нихъ,—сейчасъ ободрялъ его, поддерживалъ и звалъ къ себѣ.

„Притащенный къ вамъ почти насильно товарищами",—разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ,—„дико озираешься на незнакомое общество, сидишь ни живъ, ни мертвъ на кончикѣ стула, а потомъ понемногу начинаешь чувствовать, что ты тутъ не чужой, что ты такой же гость, какъ и всѣ прочіе; не снисходительное покровительство встрѣчаешь къ себѣ, а полное равенство и ласковое участіе. Скоро видишь себя поставленнымъ на одинъ уровень съ людьми, стоящими выше въ сословной и въ художественной іерархіи, и болѣзненное самолюбіе исчезаетъ, какъ-то подымаешься въ своихъ собственныхъ глазахъ. Прислушиваясь къ тому, что̀ говорилось и читалось вокругъ, мы многому научались, а въ то же время рождалась потребность еще бо̀льшаго знанія и развитія. Потомъ самого уже тянетъ въ тотъ кругъ, гдѣ столько интереснаго, гдѣ не унижаютъ человѣческаго достоинства, гдѣ и ты чувствуешь себя *кѣмъ-нибудь*... Вашъ домъ былъ для насъ *школой*, мы тутъ и *образовывались*, и *воспитывались*. Сначала и не опомнишься, а выйдешь отъ васъ уже другимъ человѣкомъ!"

„Домъ графа Ѳ. П. Толстого,—говоритъ Рамазановъ [1]),—и воздухъ котораго, кажется, былъ пропитанъ влеченіемъ къ искусству, былъ постоянно высшею школою для молодыхъ художниковъ, имѣвшихъ счастье бывать въ кругу ученыхъ, литераторовъ, опытныхъ художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, собиравшихся у Ѳ. П. по воскресеньямъ".

Отецъ мой былъ въ высшей степени безпритязателенъ, до крайности скроменъ; онъ всегда стушевывался, давая высказаться другимъ, но всѣ, бывавшіе у насъ, невольно подда-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи художествъ".

вались его очарованію, проникались чѣмъ-то исходящимъ отъ него и сплачивались около него, какъ около очага. Безъ всякаго желанья съ его стороны, его духовная сила сказывалась и въ семьѣ, и въ гостиной.

Моя мать это хорошо понимала—она никогда въ обществѣ не выставляла впередъ себя, а всегда казалась только первой поклонницей и живой помощницей отца. Въ салонѣ мать моя была удивительная хозяйка: глазъ ея былъ всюду; она умѣла возбудить интересъ застывающаго разговора, соединить разнородные элементы, поднять настроеніе общества. „А вѣдь надо правду сказать",—говорилъ мнѣ Н. А. Сѣверцовъ, когда мы съ нимъ какъ-то вспоминали старину,—„удивительно умѣла графиня возбудить во всѣхъ насъ какое-то поэтическое настроеніе, создать поэтическую атмосферу".

Въ то время, когда мало читалось на Руси книгъ, общеніе съ людьми образованными, дѣйствительно, имѣло значеніе школы для молодежи, и понятно, какую важность имѣлъ для нихъ такой домъ, какъ нашъ.

Вліяніе отца моего не ограничивалось, однако, этимъ. Кто не зналъ въ то время о борьбѣ, которую выдержалъ онъ за свое искусство, какъ отказался ради него отъ связей и почестей, какъ пробивался шагъ за шагомъ по намѣченному пути, какъ своимъ трудомъ и нравственнымъ достоинствомъ достигнулъ высокаго положенія въ искусствѣ и во мнѣніи общества? Кто не видѣлъ его за дѣломъ, не покладающимъ рукъ съ утра до ночи? Кто не видѣлъ, какъ онъ просто и искренно относился къ каждому ученику, какъ низко снималъ шляпу передъ каждымъ сторожемъ? Какъ просто и гордо стоялъ за то, что̀ считалъ правымъ? Человѣкъ, который поучалъ не словами, а примѣромъ всей своей цѣлостной и стройной жизни, могъ ли не вліять на духъ заведенія, во главѣ котораго онъ находился?

Постоянный упрекъ, который дѣлаютъ академіи того времени, гласитъ, что направленіе тамъ было классическое, „академическое", что тамъ подражали итальянцамъ; но могло ли быть въ то время иначе? Во Франціи и Англіи только въ 30-хъ и 40-хъ годахъ началъ загораться свѣтъ новыхъ направленій, а къ намъ дошелъ много позже. Лжеклассицизмъ и романтизмъ были историческіе моменты, которые русскому искусству, какъ и всякому, нужно было пережить. Отецъ всю жизнь шелъ не только въ уровень своего времени, но скорѣе впереди его: онъ горячо привѣтствовалъ Ѳедотова, ожидалъ возрожденія искусства отъ картины Иванова, и еслибъ онъ былъ начальникомъ академіи въ 63-мъ году, то

кто знаетъ?—можетъ быть, нашимъ молодымъ художникамъ не пришлось бы выходить изъ нея и основывать свою артель; можетъ быть, академія измѣнилась бы, приняла въ себя свѣжія вѣянія и, оснащенная вновь, гордо поплыла бы во главѣ молодыхъ силъ русской школы. По крайней мѣрѣ, я знаю, что когда случилась эта исторія, то отецъ мой, восьмидесятилѣтній старикъ, былъ вполнѣ на сторонѣ молодыхъ художниковъ и много разъ говорилъ, что „они правы", что, „избирая сюжетъ своей картины, художникъ можетъ съ большей свободой и любовью работать и лучше выразить свою мысль"... „Разъ мы видимъ, что прежній способъ не годится,—надо его измѣнить"...

Ек. Юнге.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Я вѣрю—міръ идетъ къ великой, свѣтлой цѣли,
Я знаю, эта цѣль безмѣрно далека...
Но еслибъ мы всегда, надѣясь, ждать умѣли,
    О, еслибы!..
Въ чаду заботъ, съ душевной тяжкой мукой
Идемъ мы медленно средь чуждыхъ намъ людей,
Одни, въ борьбѣ за жизнь своихъ идей,
    Другіе же...!
А зоркое предчувствіе твердитъ,
Что жизнь сгоритъ, безплодна и пуста...
И страхъ предъ вѣчностью намъ душу, молча, гложетъ,
    И смерть глядитъ...
И радость жизни кажется намъ сказкой,
И въ радости труда мерещится обманъ...
И, одинокіе, разсѣять лжи туманъ
    Не въ силахъ мы...
О, вѣрю я со всею силой страсти,—
Грядущій человѣкъ земной увидитъ рай!
Но... еслибы, хоть смутно, хоть отчасти
    Увидѣть намъ!..

П. П. Гайдебуровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1905.

Правительственныя сообщенія о событіяхъ 9-го и 10 января. — Учрежденіе с.-петербургскаго генералъ-губернаторства.—Объявленіе министра финансовъ и спб. генералъ-губернатора.—Пріемъ Государемъ Императоромъ рабочихъ въ Царскомъ Селѣ.—Телеграммы „Agence latine".—Неразрѣшенныя недоумѣнія.—Комитетъ министровъ объ усиленной охранѣ.—Рабочій вопросъ, какъ часть общаго вопроса о будущемъ Россіи.—Порядокъ осуществленія указа 12-го декабря.—Земскія и дворянскія собранія.—Отставка кн. Святополкъ-Мирскаго.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 10-го и 11-го января напечатаны слѣдующія оффиціальныя сообщенія:

Въ началѣ 1904 года, по ходатайству нѣсколькихъ рабочихъ фабрикъ и заводовъ Петербурга, былъ утвержденъ въ закономъ установленномъ порядкѣ уставъ „С.-Петербургскаго общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", имѣвшаго цѣлью удовлетвореніе ихъ духовныхъ и умственныхъ интересовъ и отвлеченіе рабочихъ отъ вліянія преступной пропаганды. Общество это, избравшее своимъ предсѣдателемъ священника с.-петербургской пересыльной тюрьмы Георгія Гапона, по мѣрѣ своего распространенія на всѣ фабричные районы Петербурга стало заниматься обсужденіемъ существовавшихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ отношеній между рабочими и хозяевами, а затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго года побудило рабочихъ Путиловскаго завода вмѣшаться въ вопросъ объ увольненіи съ завода четверыхъ рабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ оказалось впослѣдствіи, даже не были уволены, а оставили занятія добровольно. Тѣмъ не менѣе, возбуждаемые священникомъ Гапономъ и членами означеннаго общества рабочіе Путиловскаго завода 2 января прекратили работы и, помимо требованія о возвращеніи ихъ товарищей, подъ вліяніемъ той же агитаціи предъявили требованія объ измѣненіи порядка назначенія расцѣнки работъ и увольненія рабочихъ. Мѣры увѣщанія со стороны фабричной инспекціи оказались безуспѣшными, и къ стачкѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ же лицъ, присоединились поголовно рабочіе нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ заводовъ Петербурга, а затѣмъ стачка стала быстро распространяться, охвативъ почти всѣ фабрично-заводскія предпріятія столицы, при чемъ по

мѣрѣ распространенія стачки возрастали и требованія рабочихъ. Требованія эти въ письменномъ изложеніи, составленномъ въ большинствѣ священникомъ Гапономъ, были распространяемы среди рабочихъ. Первоначально они касались лишь мѣстныхъ для отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ вопросовъ, затѣмъ перешли къ вопросамъ общимъ: о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ организацій въ разрѣшеніи споровъ между рабочими и хозяевами и т. п. Хозяева охваченныхъ стачкой промышленныхъ заведеній, собравшись на совѣщаніе, признали, что удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ домогательствъ рабочихъ должно повлечь за собою полное паденіе русской промышленности, другія же могли бы быть разсмотрѣны, а частью и удовлетворены въ мѣрѣ, посильной для каждаго отдѣльнаго предпріятія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывая готовность вступить съ рабочими въ переговоры, признали, что таковые невозможны при условіи веденія ихъ съ организаціей стачечниковъ во всей ихъ совокупности и достижимы только по отдѣльнымъ фабрикамъ и заводамъ. Отъ такого обсужденія требованій рабочіе отказывались. Въ виду того, что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репрессивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было, и со времени ея возникновенія не было произведено ни одного ареста и обыска въ рабочей средѣ. Однако, къ агитаціи, которую вело „Общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ", вскорѣ присоединилось и подстрекательство подпольныхъ революціонныхъ кружковъ. Само вышеупомянутое общество, со священникомъ Гапономъ во главѣ, съ утра 8 января перешло къ пропагандѣ явно революціонной. Въ этотъ день священникомъ Гапономъ была составлена и распространена петиція отъ рабочихъ на Высочайшее имя, въ коей, рядомъ съ пожеланіями объ измѣненіи условій труда, были изложены дерзкія требованія политическаго свойства. Въ рабочей средѣ былъ распущенъ слухъ и распространены письменныя заявленія о необходимости собраться къ 2 час. дня 9 января на Дворцовой площади и черезъ священника Гапона представить Государю Императору прошеніе о нуждахъ рабочаго сословія; въ этихъ слухахъ и заявленіяхъ о требованіяхъ политическаго характера умалчивалось, и большинство рабочихъ вводилось въ заблужденіе о цѣли созыва на Дворцовую площадь.

Фанатическая проповѣдь, которую, въ забвеніи святости своего сана, велъ священникъ Гапонъ, и преступная агитація злонамѣренныхъ лицъ возбудили рабочихъ настолько, что они 9 января огромными толпами стали направляться къ центру города. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія. Войска вынуждены были произвести залпы: на Шлиссельбургскомъ трактѣ, у Нарвскихъ воротъ, близъ Троицкаго моста, на 4-й линіи и Маломъ проспектѣ Васильевскаго Острова, у Александровскаго сада, на углу Невскаго проспекта и улицы Гоголя, у Полицейскаго моста и на Казанской площади. На 4-й линіи Васильевскаго Острова толпа устроила изъ проволокъ и досокъ три баррикады, на одной изъ которыхъ прикрѣпила красный флагъ, при чемъ изъ оконъ сосѣднихъ домовъ въ войска были брошены камни и произведены выстрѣлы; у

городовыхъ толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитивъ около ста стальныхъ клинковъ, которые, однако, были большею частью отобраны; въ 1-мъ и 2-мъ участкахъ Васильевской части толпою были порваны телефонные проводы и опрокинуты телефонные столбы; на зданіе 2-го полицейскаго участка Васильевской части произведено нападеніе и помѣщеніе участка разбито, вечеромъ на Большомъ и Маломъ проспектахъ Петербургской Стороны разграблено 5 лавокъ.

Общее количество потерпѣвшихъ отъ выстрѣловъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ больницами и пріемными покоями къ 8 часамъ вечера, составляетъ: убитыхъ 76 человѣкъ (въ томъ числѣ околоточный надзиратель), раненыхъ 233 (въ томъ числѣ тяжело раненый помощникъ пристава и легко раненые рядовой жандармскаго дивизіона и городовой).

На 10 января къ охранѣ города приняты тѣ же мѣры, которыя были приняты 9 числа.

Въ теченіе 10 января въ гор. Петербургѣ столкновеній толпы, производившей безпорядки, съ войсками не было, и воинскимъ командамъ не пришлось прибѣгать къ оружію, такъ какъ при появленіи войска толпа разбѣгалась. Днемъ была произведена во-время предупрежденная попытка нападенія на Гостиный Дворъ. Къ вечеру къ стачкѣ присоединились рабочіе электрическихъ станцій, вслѣдствіе чего, пользуясь темнотой, отдѣльныя группы принялись бить оконныя стекла магазиновъ на разныхъ улицахъ, но порядокъ повсюду былъ быстро возстановленъ.

Въ теченіе 10 января убитыхъ и раненыхъ не было; число пострадавшихъ въ теченіе 9 числа по точному подсчету оказывается: убитыми—96 человѣкъ и ранеными—333 (въ томъ числѣ 53 зарегистрированы въ амбулаторныхъ пунктахъ).

11-го января состоялся Именной Высочайшій указъ Прав. Сенату, слѣдующаго содержанія:

„События послѣднихъ дней въ С.-Петербургѣ указали на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ по обстоятельствамъ времени мѣрамъ, въ видахъ охраненія государственнаго порядка и общественной безопасности.

Съ этой цѣлью Мы признали необходимымъ учредить должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора, на основаніяхъ, указанныхъ въ законоположеніяхъ о главныхъ начальникахъ губерній, и нижеслѣдующихъ правилъ:

1) С.-петербургскому генералъ-губернатору подчиняются городъ С.-Петербургъ и С.-Петербургская губернія.

2) По предметамъ, относящимся къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности, генералъ-губернатору подчиняются всѣ мѣстныя гражданскія управленія и учебныя заведенія всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ.

3) Генералъ-губернаторъ имѣетъ право, по соглашенію съ минист-

ромъ внутреннихъ дѣлъ, принимать мѣры, указанныя въ ст. 140 уст. цензуры.

4) Генералъ-губернатору, независимо отъ права по изданію обязательныхъ постановленій въ порядкѣ правилъ о положеніи усиленной охраны, предоставляется издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся до благоустройства и благочинія, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, съ установленіемъ взысканій и порядка разрѣшенія дѣлъ о нарушеніяхъ сихъ постановленій согласно статьямъ 15 и 16 полож. усил. охраны, причемъ генералъ-губернаторъ можетъ уполномочивать на рѣшеніе сихъ дѣлъ подчиненныхъ ему с.-петербургскаго губернатора и градоначальника.

5) Генералъ-губернатору предоставляется право вызывать, для содѣйствія гражданскимъ властямъ, войска во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, и опредѣлять по своему усмотрѣнію какъ родъ оружія, такъ и количество потребованныхъ войсковыхъ частей, которыя съ момента вызова дѣйствуютъ по его указанію.

6) Власти генералъ-губернатора, въ предѣлахъ генералъ-губернаторства, подчиняются какъ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, такъ и жандармскія полицейскія управленія желѣзныхъ дорогъ, и въ полицейскомъ отношеніи—всѣ учрежденія и должностныя лица въ полосѣ желѣзнодорожнаго отчужденія.

7) Генералъ-губернатору подчиняются въ полицейскомъ отношеніи всѣ казенные фабрики, заводы и мастерскія въ предѣлахъ генералъ-губернаторства.

8) Всѣ права министра внутреннихъ дѣлъ по утвержденію въ должностяхъ лицъ городского общественнаго и земскаго управленія въ предѣлахъ столицы и губерніи передаются генералъ-губернатору, и—

9) Генералъ-губернатору предоставляется воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ столицѣ и С.-Петербургской губерніи.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего сдѣлать надлежащее распоряженіе".

13-го января, по Высочайшему повелѣнію, министръ финансовъ и с.-петербургскій генералъ-губернаторъ обнародовали нижеслѣдующее объявленіе:

„Спокойное теченіе общественной жизни въ С.-Петербургѣ нарушено за послѣдніе дни прекращеніемъ работъ на фабрикахъ и заводахъ. Оставивъ свои занятія, къ явному для себя и своихъ хозяевъ ущербу, рабочіе предъявили рядъ требованій, касающихся взаимныхъ отношеній между ними и фабрикантами. Возникшимъ движеніемъ воспользовались неблагонамѣренныя лица, которыя избрали рабочихъ орудіемъ для выполненія своихъ замысловъ и увлекли трудящихся людей обманчивыми, несбыточными обѣщаніями на ложный путь. Послѣдствіями преступной агитаціи были многочисленныя нарушенія порядка въ столицѣ и неизбѣжное въ такихъ случаяхъ вмѣшательство вооруженной силы.

Явленія эти глубоко прискорбны. Порождая смуту, злонамѣренныя

лица не остановились предъ затрудненіями, переживаемыми нашею родиною въ тяжелое военное время. Въ рукахъ ихъ трудящійся людъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ оказался слѣпымъ орудіемъ, не давъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что именемъ рабочихъ заявлены требованія, ничего общаго съ ихъ нуждами не имѣющія.

Заявляя эти требованія и прекращая обычныя свои занятія, рабочіе петербургскихъ фабрикъ и заводовъ забыли также и то, что правительство всегда заботливо относилось къ ихъ нуждамъ, какъ относится оно и теперь, готовое внимательно прислушиваться къ ихъ справедливымъ желаніямъ и удовлетворять ихъ въ мѣру представляющейся возможности. Но для такой дѣятельности правительства необходимы прежде всего возстановленіе порядка и возвращеніе рабочихъ къ обычному труду. Въ пору волненій немыслима спокойная и благожелательная работа правительства на пользу рабочихъ. Удовлетвореніе ихъ заявленій, какъ бы справедливы они ни были, не можетъ быть послѣдствіемъ безпорядка и упорства.

Рабочіе должны облегчить правительству лежащую на немъ задачу по улучшенію ихъ быта и могутъ сдѣлать это только однимъ путемъ: отойти отъ тѣхъ, кому нужна одна смута, кому чужды истинныя пользы рабочихъ, какъ чужды и истинные интересы родины, и кто выставилъ ихъ только какъ предлогъ, чтобы вызвать волненія, ничего общаго съ этими пользами не имѣющія. Они должны возвратиться къ своему обычному труду, который столько же нуженъ государству, сколько и самимъ рабочимъ, такъ какъ безъ него они обрекаютъ на нищету самихъ себя, своихъ женъ и дѣтей. И, возвращаясь къ работѣ, пусть знаетъ трудящійся людъ, что его нужды близки сердцу Государя Императора такъ же, какъ и нужды всѣхъ Его вѣрныхъ подданныхъ; что Его Величество еще столь недавно повелѣть соизволилъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи рабочихъ, имѣющемъ своею задачею обезпечить ихъ на случай увѣчья и болѣзни; что этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ и что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ.

Пусть знаютъ также рабочіе фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній, что, вернувшись къ труду, они могутъ разсчитывать на защиту правительствомъ неприкосновенности ихъ самихъ, семействъ ихъ и домашняго ихъ очага. Правительство оградитъ тѣхъ, кто желаетъ и готовъ трудиться, отъ преступнаго посягательства на свободу ихъ труда злонамѣренныхъ людей, громко взывающихъ къ свободѣ, но понимающихъ ее только какъ свое право не допускать путемъ насилія до работы своихъ же товарищей, готовыхъ вернуться къ мирному труду".

На пріемѣ Его Императорскимъ Величествомъ, 19-го января, въ Царскомъ Селѣ, депутаціи отъ рабочихъ столичныхъ и пригород-

ныхъ заводовъ и фабрикъ, Государь Императоръ изволилъ обратиться къ депутаціи съ слѣдующими словами:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ.

Прискорбныя событія, съ печальными, но неизбѣжными послѣдствіями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины.

Приглашая васъ подавать Мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего правительства, насильственно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага.

Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы.

Знаю, что нелегка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ—преступно.

Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ.

Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ.

Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами, и да будетъ Богъ вамъ въ помощь“.

14-го января, послѣ семидневнаго перерыва, возобновились работы въ петербургскихъ типографіяхъ, и 15-го вышли въ свѣтъ, за немногими исключеніями, всѣ петербургскія газеты. Новыхъ фактическихъ данныхъ объ ужасающихъ событіяхъ 9-го и 10-го января, какъ и о всемъ предшествовавшемъ имъ и послѣдовавшемъ за ними, въ печати, однако, не появилось; по причинамъ, угадать которыя нетрудно, ежедневная пресса, а за нею и еженедѣльная, ограничилась перепечаткой оффиціальныхъ документовъ. Въ нѣкоторыхъ газетахъ воспроизведены были изъ „Русскаго Инвалида“ парижскія телеграммы, полученныя военнымъ вѣдомствомъ и сообщавшія о затратѣ японскимъ правительствомъ или „англо-японскими провокаторами“ громадныхъ суммъ (18 милліоновъ рублей) на подкупъ „русскихъ революціонеровъ-соціалистовъ, либераловъ, рабочихъ“, съ цѣлью организа-

ціи безпорядковъ, пріостановки работъ и понужденія, тѣмъ самымъ, правительства къ заключенію мира, необходимаго для Японіи наканунѣ ея банкротства. Осторожнѣе поступила газета „Русь“: прежде, чѣмъ помѣстить у себя эти телеграммы, она обратила вниманіе на источникъ, откуда онѣ идутъ, да и на самое ихъ содержаніе. Оказалось, что отправитель телеграммъ—„Agence latine“, недавно основанное агентство, мало внушающее довѣрія; оказалось, далѣе, что одна изъ телеграммъ—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была доставлена „Руси“—заканчивалась просьбою сообщить „вѣрныя свѣдѣнія о происходящемъ“, т.-е. признаніемъ, что такими свѣдѣніями отправитель не обладаетъ; оказалось, наконецъ, что слова одной изъ телеграммъ: „японцы въ Парижѣ открыто хвастаютъ устройствомъ безпорядковъ въ Россіи“ не находятъ подтвержденія въ парижскихъ газетахъ, гдѣ не могло бы не отразиться, такъ или иначе, японское хвастовство. А между тѣмъ, сообщенія въ родѣ вышеприведенныхъ—орудіе до крайности опасное, особенно въ тревожное время. Однажды пущенныя въ ходъ, они повторяются въ разныхъ видахъ, преувеличиваются, раздуваются, проникаютъ даже въ документы, облеченные внѣшнимъ авторитетомъ, и, въ концѣ концовъ, грозятъ послѣдствіями, идущими гораздо дальше первоначальной цѣли. Способствуетъ этому самая неопредѣленность группъ, на которыя взводится тяжкое обвиненіе. Кого, напримѣръ, нужно понимать подъ именемъ „либераловъ“, упоминаемыхъ въ телеграммѣ? Гдѣ границы этого понятія — и гдѣ, слѣдовательно, предѣлы подозрѣнія, сѣмена котораго такъ легкомысленно бросаются въ воспріимчивую почву?... Нужно отдать справедливость кн. Мещерскому: на этотъ разъ онъ оказался благоразумнѣе и сдержаннѣе, чѣмъ многіе другіе. „Сегодня“—читаемъ мы въ его „Дневникѣ“ 12-го января,—„я получилъ изъ Парижа длинную телеграмму, отъ г. Черепъ-Спиридовича, предсѣдателя московскаго славянскаго общества, въ которой онъ категорически заявляетъ, что всѣ рабочія стачки въ Петербургѣ, какъ ему доподлинно извѣстно, устроены на японскія деньги, именно съ цѣлью помѣшать работамъ, нужнымъ для окончательнаго снаряженія третьей нашей эскадры; что японцы этимъ хвастаются будто бы въ Парижѣ, и что, кромѣ того, тѣ же японцы устроили громадную стачку въ Вестфалійской Пруссіи, въ угольныхъ копяхъ, чтобы одновременно помѣшать доставкѣ угля на русскія эскадры, которымъ Англія отказала въ своемъ углѣ. Въ этомъ заговорѣ Японіи противъ насъ онъ, г. Черепъ-Спиридовичъ, не сомнѣвается, а напротивъ, совершенно увѣренъ“ [1]). Сначала редакторъ „Гражданина“ го-

[1]) Полнѣйшее сходство между этой телеграммой и приведенными выше наводитъ на мысль объ общности ихъ источника.

товъ былъ повѣрить этому извѣстію, но потомъ пришелъ къ заключенію, что оно совершенно невѣроятно, въ виду невозможности допустить сознательную измѣну со стороны рабочихъ — и полнѣйшую слѣпоту со стороны полиціи... Въ телеграммѣ, полученной кн. Мещерскимъ, есть еще одна подробность, дорисовывающая настоящій характеръ парижскихъ сообщеній: японцамъ приписывается устройство стачекъ не только въ Россіи, но и въ Пруссіи, въ вестфальскихъ угольныхъ копяхъ. Кто имѣетъ хоть какое-нибудь представленіе о германскихъ рабочихъ, о степени ихъ развитія, о ихъ партійной организаціи, тотъ ни на минуту не усомнится въ томъ, что немыслимо массовое вербованіе ихъ на службу чуждому для нихъ дѣлу

Еще дальше ограниченій, налагаемыхъ на петербургскую печать, идетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, стѣсненіе печати провинціальной. Изъ Воронежа пишутъ „Русскимъ Вѣдомостямъ", что мѣстнымъ „Губернскимъ Вѣдомостямъ" запрещено печатать агентскія телеграммы о послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, и даже *перепечатывать оффиціальныя сообщенія.* Послѣднее извѣстіе прямо неправдоподобно: для чего же пишутся оффиціальныя сообщенія, какъ не для возможно широкаго распространенія? Не ясно ли, что всякая попытка замолчать даже прошедшее черезъ оффиціальный фильтръ можетъ только увеличить число самыхъ разнородныхъ слуховъ, безъ того уже размножаемыхъ вынужденною сдержанностью печати? Чѣмъ скорѣе будетъ положенъ конецъ этой сдержанности, тѣмъ лучше; быть можетъ, даже самая полная, самая неприкрашенная правда окажется менѣе поразительной, чѣмъ то, что̀ переходитъ изъ устъ въ уста и, не встрѣчая опроверженій, часто принимается на вѣру. Пока открытъ только одинъ источникъ свѣдѣній, желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы они шли изъ него болѣе обильно. Дополненій къ оффиціальнымъ сообщеніямъ, напечатаннымъ 10-го и 11-го января, общество до сихъ поръ ожидаетъ напрасно. А между тѣмъ, пробѣловъ въ этихъ сообщеніяхъ очень и очень много. Нѣкоторые изъ нихъ указаны „Правомъ" (№ 2). „Почему и при какихъ условіяхъ" — читаемъ мы здѣсь — „была принята въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣра, повлекшая за собою гибель многихъ случайныхъ и невинныхъ жертвъ? Гдѣ именно и какое было произведено нападеніе на войско, и какъ могло быть произведено такое нападеніе рабочими, которые, по молчаливому признанію правительственнаго сообщенія, были невооружены? Почему въ одномъ мѣстѣ можно было дожидаться нападенія и только на нападеніе отвѣчать залпами, а въ другомъ — сочли себя въ правѣ залпами принуждать ненападавшую толпу разойтись? Были ли во всѣхъ случаяхъ даны предупредительные холостые залпы? Были ли вообще приняты

необходимыя по закону мѣры предупрежденія"? По поводу послѣдняго вопроса не мѣшаетъ напомнить о правилахъ, регулирующихъ призывъ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. По ст. 16, 17 и 18 этихъ правилъ, вошедшихъ въ составъ приложенія къ ст. 316 (примѣч.) общаго губернскаго учрежденія (Св. Зак. т. II, ч. 1), при народныхъ безпорядкахъ и волненіяхъ опредѣленіе времени, когда войска должны приступить къ дѣйствію оружіемъ, зависитъ отъ усмотрѣнія гражданской власти (въ Петербургѣ, 9-го января, такою властью, за силою ст. 4-ой тѣхъ же правилъ, былъ градоначальникъ); она даетъ старшему начальнику отряда указаніе по этому предмету не иначе, какъ исчерпавъ всѣ зависящія отъ нея средства къ усмиренію неповинующихся. Военное начальство, получивъ указаніе о необходимости прибѣгнуть къ дѣйствію оружіемъ, приступаетъ къ такому дѣйствію только послѣ предваренія неповинующихся, что послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, горнѣ или барабанѣ начнется дѣйствіе оружіемъ. Самый способъ дѣйствія предоставляется вполнѣ усмотрѣнію военнаго начальника, но съ тѣмъ, чтобы къ огнестрѣльному дѣйствію вообще прибѣгать только въ случаѣ неизбѣжной необходимости, когда никакими другими способами нельзя будетъ прекратить безпорядокъ. Безъ вышеозначеннаго предваренія и безъ указанія гражданскаго начальства войскамъ дозволяется прибѣгать къ дѣйствію оружіемъ лишь въ крайней необходимости, а именно —когда сдѣлано будетъ нападеніе на войска, или когда окажется нужнымъ спасти быстрымъ дѣйствіемъ жизнь лицъ, подвергшихся насиліямъ со стороны возмутившихся.—Необходимо установить и довести до всеобщаго свѣдѣнія, были ли соблюдены въ точности, вездѣ и всѣми, всѣ вышеприведенныя правила; необходимо выяснить, чего именно домогалась, къ чему именно стремилась толпа, направлявшаяся, съ разныхъ сторонъ, на Дворцовую площадь. Въ правительственномъ сообщеніи мы читаемъ, что большинство рабочихъ было введено въ заблужденіе относительно цѣли созыва на Дворцовую площадь—но вслѣдъ затѣмъ движеніе толпы приписывается „фанатической проповѣди священника Гапона и преступной агитаціи злонамѣренныхъ лицъ". Эти два указанія трудно согласимы между собою, совершенно различно освѣщая настроеніе толпы.

Учрежденіе должности с.-петербургскаго генералъ-губернатора мотивировано, въ указѣ 11-го января, „необходимостью прибѣгнуть къ исключительнымъ по обстоятельствамъ времени мѣрамъ". Исключительныя мѣры, по самому своему характеру, могутъ быть только временными. Временною, слѣдовательно, является и самая должность генералъ-губернатора, хотя прямо она такъ и не названа. Подтвержденіемъ этому

служитъ сообщеніе, разосланное петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ въ иностранныя газеты—сообщеніе, подчеркивающее временной характеръ новой должности. Болѣе спорнымъ представляется дальнѣйшее содержаніе сообщенія, по словамъ котораго „послѣднія событія указали, что полиція не была въ состояніи предотвратить рабочее движеніе или руководить имъ, ибо рабочіе пошли по пути политическихъ требованій; при такихъ условіяхъ только лицо имѣющее чрезвычайныя полномочія можетъ возстановить спокойствіе—первое и необходимѣйшее условіе для введенія реформъ". *Руководить* движеніемъ рабочихъ, какова бы ни была его цѣль—не дѣло полиціи; она къ этому не призвана и неспособна. Меньше чѣмъ когда-либо именно теперь, въ виду недавнихъ уроковъ, позволительно сомнѣваться въ томъ, что всякія ея попытки въ этомъ направленіи могутъ имѣть только одни вредныя послѣдствія. Возможность *предотвратить* рабочее движеніе зависитъ не отъ той или другой его окраски, а отъ его распространенности и интенсивности, отъ шансовъ удовлетворенія его требованій, отъ общихъ условій данной минуты. Внѣшній порядокъ—котораго отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ спокойствіемъ — былъ возстановленъ въ Петербургѣ еще прежде назначенія генералъ-губернатора. Къ водворенію спокойствія ведутъ не чрезвычайныя полномочія, а такія мѣры, совокупность которыхъ можетъ измѣнить настроеніе общества. Съ этой точки зрѣнія возстановленіе спокойствія является не столько „первымъ и необходимѣйшимъ условіемъ", сколько естественнымъ *результатомъ* реформъ, достаточно глубокихъ и широкихъ.

Въ печати было высказано мнѣніе, что должности с.-петербургскаго генералъ-губернатора предполагается дать постоянный характеръ. Выводится это мнѣніе изъ предоставленія генералъ-губернатору права издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся до благочинія и *благоустройства*, съ опредѣленіемъ, въ административномъ порядкѣ, взысканій за нарушеніе такихъ постановленій, а также права—въ нормальное время принадлежащаго министру внутреннихъ дѣлъ—утвержденія (въ предѣлахъ столицы) должностныхъ лицъ земскаго и городского общественнаго управленія. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что право издавать обязательныя постановленія по предметамъ, касающимся *благоустройства*, представляется расширеніемъ даже той громадной власти, которую даетъ администраціи положеніе объ усиленной охранѣ, мы склонны думать, что слово: *благоустройство* внесено въ указъ 11-го января лишь вслѣдствіе поспѣшности, съ которою онъ былъ составленъ. Для достиженія тѣхъ цѣлей, въ виду которыхъ изданъ указъ 11-го января („охраненіе государственнаго порядка и общественной безопасности"), вовсе не нужны

мѣры, клонящіяся къ благоустройству столицы и губерній. Не о благоустройствѣ призвана заботиться власть, учрежденная подъ давленіемъ „исключительныхъ" обстоятельствъ. Благоустройство создается не вдругъ, а постепенно: чтобы быть прочнымъ, оно должно служить предметомъ заботы заинтересованнаго въ ней населенія, контролируемаго, но не понуждаемаго администраціей. Если, впрочемъ, мы ошибаемся, если рядомъ съ словомъ *благочиніе* слово *благоустройство* поставлено не случайно, то и тогда указаніемъ на постоянный характеръ должности оно служить не можетъ. Болѣе правдоподобно предположеніе, что оба слова употреблены почти какъ синонимы, съ цѣлью расширить обычное значеніе термина: благочиніе. *Объемъ* полномочій, во всякомъ случаѣ—нѣчто совершенно отличное отъ ихъ *продолжительности*: мы едва ли даже ошибемся, если скажемъ, что чѣмъ значительнѣе полномочія, тѣмъ больше основаній считать ихъ скоропреходящими. Вѣроятно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы права, принадлежащія министру, надолго передавались генералъ-губернатору?.. Пунктъ 8-ой указа 11-го января (объ утвержденіи должностныхъ лицъ) не имѣетъ, притомъ, существеннаго значенія. Важно не то, кому принадлежитъ право утверждать въ должности выборныхъ представителей самоуправленія: важно то, чтобы такое право было отмѣнено совершенно, чего и слѣдуетъ ожидать при исполненіи Высочайшаго указа 12-го декабря 1904-го года.

Къ заключенію о временномъ—и даже кратковременномъ—характерѣ должности с.-петербургскаго генералъ-губернатора насъ приводитъ еще одинъ фактъ, весьма серьезный. Въ самый день учрежденія этой должности комитетъ министровъ приступилъ къ обсужденію пун. 5-го указа 12-го декабря 1904-го года, касающагося усиленной охраны. Судя по сообщенію, появившемуся во всѣхъ газетахъ, отношеніе огромнаго большинства членовъ комитета къ этой сторонѣ нашей государственной жизни оказалось отрицательнымъ. „Было признано, что положенія [1]) объ усиленной охранѣ кореннымъ образомъ противорѣчатъ основнымъ законоположеніямъ страны, значительно нарушая личныя права гражданъ. Дискредитированы законы, за которыми осталось лишь значеніе мертвой буквы; они не только не примѣняются, но даже нарушаются въ силу функціонированія положеній, исходящихъ отъ правительственнаго органа, не имѣющаго полномочій законодательной

[1]) О *положеніяхъ*—во множественномъ числѣ—говорится, по всей вѣроятности, потому, что положеніе 12-го марта 1882-го года о полицейскомъ надзорѣ является какъ бы дополненіемъ къ положенію 14-го августа 1881-го года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Оба положенія вошли въ составъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій какъ приложенія (I-е и II-е) къ одной и той же его статьѣ (1-ой, прим. 2-ое).

власти [1])... Подавляющее большинство комитета пришло къ убѣжденію о безусловной нежелательности возобновленія дѣйствія положеній объ усиленной охранѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ срокъ ихъ дѣйствія истекъ. Возобновленіе ихъ можетъ имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно будетъ вызвано исключительными обстоятельствами, угрожающими государственной безопасности,—и должно быть обусловлено не годичнымъ срокомъ, а лишь впредь до выясненія вопроса и выработки особою коммиссіею (учреждаемою при комитетѣ министровъ) новыхъ узаконеній въ указанной области... Въ оповѣщеніи о введеніи усиленной охраны предполагается означать точный ея срокъ и районъ ея дѣйствія, не распространяя ее на мѣстности, хотя бы и въ той же губерніи находящіяся, гдѣ нѣтъ на лицо исключительныхъ обстоятельствъ". Разъ что въ высшихъ государственныхъ сферахъ господствуетъ такой взглядъ на отступленія отъ обычнаго, нормальнаго порядка, чрезвычайныя полномочія, данныя с.-петербургскому генералъ-губернатору, не могутъ, очевидно, быть продолжительны: самое меньшее, чего слѣдуетъ ожидать, это—опредѣленіе, въ очень близкомъ будущемъ, срока, къ которому они должны прекратиться, и безотлагательное ограниченіе ихъ дѣйствія тѣми мѣстностями с.-петербургской губерніи, которыхъ непосредственно коснулись „исключительныя обстоятельства". Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить возможность одновременнаго существованія двухъ противоположныхъ теченій—или побѣды того изъ нихъ, которое идетъ прямо въ разрѣзъ съ Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904-го года.

Сила всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ соображеній не уменьшается тѣмъ, что объявленіе 13-го января, обращенное къ петербургскимъ рабочимъ, подписано не только министромъ финансовъ, но и с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Послѣднему, за силою указа 11-го января, подчинены въ полицейскомъ отношеніи всѣ казенные фабрики, заводы и мастерскія въ предѣлахъ С.-Петербурга и с.-петербургской губерніи. Уже этимъ однимъ объясняется участіе его въ обращеніи къ рабочимъ, изъ которыхъ многіе находятъ занятіе на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ. Подпись генералъ-губернатора требовалась, очевидно, и потому, что объявленіе обѣщало возвращающимся къ работѣ неприкосновенность ихъ самихъ, семействъ ихъ и домашняго очага. Нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ основаній предполагать, что генералъ-губернаторъ будетъ призванъ къ участію въ обсужденіи органическихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта рабочихъ, и выводить отсюда постоянный характеръ должности гене-

---

[1]) Положенія 14 августа 1881 и 12 марта 1882 г. прошли не черезъ Государственный Совѣтъ, а черезъ комитетъ министровъ.

ралъ-губернатора. Въ той части объявленія, гдѣ идетъ рѣчь о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени, говорится только о министерствѣ финансовъ. Отъ имени этого министерства обѣщаны и мѣры, имѣющія цѣлью дать рабочему люду „законные способы обсуждать и заявлять свои нужды".

Слова объявленія, только-что приведенныя нами, заслуживаютъ вниманія еще съ другой точки зрѣнія. Необходимость обсужденія и заявленія рабочими своихъ нуждъ чувствовалась уже давно и получила оффиціальное признаніе въ законѣ 10-го іюня 1903-го года, которымъ учреждены фабричные старосты [1]). Желанныхъ результатовъ этотъ законъ, однако, не принесъ, какъ вслѣдствіе стѣснительныхъ правилъ, которыми онъ регулировалъ собранія рабочихъ, такъ и потому, что не измѣнилась общая обстановка, характернымъ признакомъ которой осталось господство безправія и произвола. Не приведутъ къ цѣли и новыя попытки облегчить положеніе „рабочаго люда", если имъ будетъ данъ исключительно частный характеръ, если рабочимъ будетъ предоставлено говорить среди всеобщаго молчанія. Въ искусственно замкнутомъ пространствѣ не раздастся свободное слово—или, раздавшись, нигдѣ не встрѣтитъ отголоска и прозвучитъ безслѣдно. Судьба рабочихъ неразрывно связана съ судьбою русскаго общества и русскаго народа; подъемъ правового уровня можетъ совершаться только одновременно для всѣхъ—а безъ него немыслимъ и подъемъ матеріальнаго благосостоянія. Послѣднія событія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта простая истина проникла въ сознаніе большинства рабочихъ. Что рабочій вопросъ у насъ существуетъ—это теперь признано оффиціально; остается только убѣдиться въ томъ, что онъ неотдѣлимъ отъ другихъ вопросовъ, поставленныхъ жизнью и формулированныхъ, отчасти, въ указѣ 12-го декабря 1904-го года.

Приступивъ къ исполненію задачи, возложенной на него указомъ 12-го декабря 1904-го года, комитетъ министровъ, въ засѣданіи 14-го декабря, призналъ нужнымъ образовать, для обсужденія нѣкоторыхъ болѣе важныхъ вопросовъ, особыя внѣвѣдомственныя совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ лицъ, которыя будутъ къ тому призваны Государемъ Императоромъ, въ составѣ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и наиболѣе компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ (въ томъ числѣ, сообразно свойству вопроса, и мѣстныхъ дѣятелей). Нѣкоторыя изъ предстоящихъ мѣропріятій комитетъ считаетъ возможнымъ выполнить въ порядкѣ административныхъ распоряженій или

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1903 г.

черезъ посредство самого комитета. Остановимся сначала на этомъ послѣднемъ мнѣніи комитета. Въ теченіе четверти вѣка накопилось немало такихъ положеній комитета министровъ, которыми, вопреки буквальному смыслу нашихъ основныхъ законовъ, разрѣшены вопросы законодательнаго свойства, входившіе въ сферу вѣдомства одного лишь Государственнаго Совѣта. Временныя только по названію, эти положенія дѣйствуютъ десятки лѣтъ, замѣняя собою не отмѣненныя формально узаконенія и идя прямо въ разрѣзъ съ ихъ содержаніемъ. Достаточно назвать, въ видѣ примѣра—кромѣ упомянутыхъ выше положеній объ усиленной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ,—правила 1882-го года, установившія запрещеніе періодическихъ изданій совѣщаніемъ четырехъ министровъ и нѣчто въ родѣ предварительной цензуры для газетъ, подвергшихся третьему предостереженію; положеніе 1897-го года, поставившее переходъ права на изданіе—права чисто имущественнаго, гражданскаго характера—въ зависимость отъ административнаго усмотрѣнія; положеніе 1894-го года, установившее уголовную наказуемость штундистовъ за участіе въ молитвенномъ собраніи. Ничто не мѣшало бы немедленной отмѣнѣ всѣхъ этихъ положеній, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они состоялись; это было бы не чѣмъ инымъ, какъ возстановленіемъ дѣйствія постановленій, сохранившихъ всю свою законную силу. Немаловажныхъ результатовъ можно было бы достигнуть и путемъ административныхъ распоряженій—напримѣръ, предписаніемъ губернаторамъ не отказывать въ просьбахъ о разрѣшеніи исправить или возобновить раскольническую моленную.

Гораздо сложнѣе вопросъ становится тогда, когда рѣчь идетъ объ отмѣнѣ, измѣненіи или дополненіи дѣйствующихъ законовъ. Порядокъ составленія законопроектовъ, намѣчаемый комитетомъ министровъ, слишкомъ мало отличается отъ обычнаго хода законодательныхъ работъ. Испытаны уже на практикѣ „внѣвѣдомственныя совѣщанія", испытанъ и призывъ „мѣстныхъ дѣятелей"—и полученные результаты вовсе не таковы, чтобы можно было признать желательнымъ ихъ повтореніе. „Мѣстные дѣятели"—т.-е., въ большинствѣ случаевъ, должностныя лица дворянскаго, земскаго и городского самоуправленія—могутъ только способствовать улучшенію внѣшней, технической стороны отдѣльныхъ, частныхъ законопроектовъ, усовершенствованію ихъ деталей; для установленія исходныхъ точекъ и основныхъ началъ преобразованія, обнимающаго собою почти всю область нашей государственной жизни, нужны люди болѣе авторитетные, говорящіе не только отъ своего собственнаго имени, заранѣе увѣренные въ томъ, что ихъ слова не пройдутъ безслѣдно. Таково, въ настоящую минуту, преобладающее мнѣніе страны, выражаемое,

съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ единодушіемъ, съ тѣми или другими оттѣнками, и общественными учрежденіями, и значительною частью о̀рגановъ печати. Движеніе, начавшееся въ первыхъ числахъ ноября, не прекратилось ни въ виду неблагопріятныхъ условій, обнаружившихся въ половинѣ слѣдующаго мѣсяца, ни послѣ удручающихъ январьскихъ событій. Тамъ, гдѣ земское собраніе встрѣчало, со стороны, трудно преодолимыя препятствія къ выраженію своего взгляда, сессія его прерывалась раньше окончанія очередныхъ занятій (такъ было, напримѣръ, въ Новгородѣ, въ Саратовѣ); тамъ, гдѣ проекты, составленные въ духѣ извѣстныхъ земскихъ резолюцій, встрѣчали противодѣйствіе большинства самихъ гласныхъ, за нихъ высказывалось значительное меньшинство (въ Курскѣ—22 противъ 38, въ Симбирскѣ—18 противъ 22). Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ, какъ земскихъ, такъ и дворянскихъ, удавалось найти такую форму выраженія общихъ пожеланій, на которой сходились всѣ или почти всѣ присутствовавшіе. „Вѣнценосные предшественники Вашего Величества"—читаемъ мы въ всеподданнѣйшемъ адресѣ костромского дворянства (отъ 11-го января)—„съ любовью шли навстрѣчу нарождавшимся жизненнымъ потребностямъ, но имъ постоянно оказывала противодѣйствіе бюрократія, образовавшая неприступную стѣну между царемъ и народомъ, свободно избравшимъ 290 лѣтъ тому назадъ великаго родоначальника Вашего Величества. Въ законѣ ясно и теперь начертано, что всѣ равны передъ нимъ, что всякое лицо отвѣтствуетъ за его нарушеніе, что всѣ русскіе подданные и ихъ вѣроисповѣданія одинаково уважаются; и однако же именно лица, облеченныя особымъ довѣріемъ,—стража закона,—несмотря на царскіе запреты, дѣйствіями своими указываютъ, что они выше закона. Въ виду этого, въ цѣляхъ государственнаго спокойствія и удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ нашего мѣстнаго дворянства, которыя въ то же время являются и общенародными, считаемъ долгомъ высказать Вамъ, Государь, глубокую увѣренность въ томъ, что лишь непосредственное общеніе самодержавнаго Государя со свободно избранными представителями населенія можетъ успокоить умы, придать непоколебимость проведенію въ жизнь законовъ и обезпечить неуклонное исполненіе предначертанныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ указѣ 12-го декабря преобразованій".—„Священный долгъ принятой нами присяги,—говоритъ екатеринославское губернское земское собраніе въ своемъ обращеніи къ министру внутреннихъ дѣлъ,—обязываетъ насъ „споспѣшествовать все, что̀ къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаемъ, не токмо благовременно объ-

являть, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися". Памятуя о семъ и почитая святымъ своимъ долгомъ исполнять эту присягу открыто выраженною правдой, екатеринославское губернское земское собраніе проситъ ваше сіятельство всеподданнѣйше доложить Государю Императору ходатайство собранія о томъ, чтобы Высочайше повелѣно было разрушить вѣковую преграду, отдѣляющую русскій народъ отъ своего Вѣнценоснаго Вождя, и въ укрѣпленіе незыблемости всѣхъ провозглашенныхъ Высочайшимъ указомъ свѣтлыхъ началъ призвать свободно избранныхъ представителей земли для постояннаго участія ихъ въ разработкѣ законоположеній, долженствующихъ утвердить эти великія начала, и въ разсмотрѣніи всѣхъ вообще законовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ". На присягу ссылаются также воронежское и харьковское собранія. Бессарабское дворянское собраніе выражаетъ желаніе, чтобы свободно избраннымъ представителямъ дворянства и всей земли русской предоставлено было сказать свое правдивое слово.

До какой степени вѣрна мысль, что руками бюрократіи не могутъ быть осуществлены начала, положенныя въ основаніе указа 12-го декабря 1904-го года — объ этомъ съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ циркулярное письмо, съ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ, 31-го декабря, обратился къ начальникамъ губерній. Утверждая, что та часть указа 12-го декабря 1904-го года, которая касается крестьянскаго вопроса, составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе указа 8-го января того же года и отнюдь не исключаетъ сохраненіе крестьянскаго сословнаго строя, министръ объясняетъ, что указаніемъ на равенство всѣхъ состояній передъ судомъ не предрѣшено упраздненіе сословнаго крестьянскаго суда. Необходимо, поэтому, — не смотря на обсужденіе крестьянскаго вопроса въ совѣщаніи о сельско-хозяйственной промышленности,—привести къ концу работы губернскихъ совѣщаній, учрежденныхъ въ силу указа 8-го января 1904-го года. Заключенія этихъ совѣщаній, какъ „высказанныя людьми, спеціально къ тому призванными, близко стоящими къ сельскому населенію и вполнѣ ознакомленными съ его особенностями", несомнѣнно, по мнѣнію министра, послужатъ основнымъ матеріаломъ при окончательной разработкѣ крестьянскаго законодательства. „Въ нѣкоторыхъ губернскихъ совѣщаніяхъ" — читаемъ мы въ концѣ циркулярнаго письма — „предсѣдателями, при обсужденіи общихъ вопросовъ, не было допущено должной свободы сужденій. Въ виду сего нахожу нужнымъ разъяснить, что въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопросовъ, связанныхъ съ пересмотромъ законодательства о крестьянахъ, отъ совѣщаній важно получить не одобреніе посланныхъ на ихъ заключеніе проектовъ, а выраженіе дѣйствительныхъ, господ-

ствующихъ по симъ вопросамъ въ средѣ людей, ознакомленныхъ съ сельскимъ бытомъ, взглядовъ и мнѣній".

Какъ велико, на самомъ дѣлѣ, различіе между указами 12-го декабря и 8-го января 1904-го года (а также между первымъ изъ этихъ указовъ и манифестомъ 26-го февраля 1903-го года)—это показано въ нашемъ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи (стр. 355—356). Не повторяя приведенныхъ тамъ соображеній, замѣтимъ, что дорога, на которую съ самаго начала, за немногими исключеніями, стали губернскія совѣщанія, не ведетъ и не можетъ вести къ *всестороннему* (и, прибавимъ, безпристрастному) освѣщенію крестьянскаго вопроса. Что кн. Святополкъ-Мирскій ожидалъ отъ губернскихъ совѣщаній полной *свободы сужденій*—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но едва ли таковъ былъ взглядъ его предшественника, стремившагося именно къ тому, чтобы получить отъ совѣщаній *одобреніе* проектовъ редакціонной коммиссіи. Отсюда составъ большинства совѣщаній, въ значительной степени однородный и одноцвѣтный; отсюда, быть можетъ, и ограниченія свободы преній, пущенныя въ ходъ нѣкоторыми предсѣдателями совѣщаній. Возстановленіе нарушенной свободы является теперь запоздалымъ. Главная часть работы совѣщаній закончена еще лѣтомъ; имъ остается только разсмотрѣть работы коммиссій, выбранныхъ въ самый разгаръ прежнихъ теченій. Если и будетъ признано возможнымъ возобновить общія пренія и пересмотрѣть состоявшіяся рѣшенія, это не всегда приведетъ къ цѣли: вѣдь членами совѣщаній останутся тѣ же лица, преобладающими—тѣ же мнѣнія. Гдѣ приглашеніе въ члены совѣщанія не носило тенденціознаго характера и ничѣмъ, съ самаго начала, не была стѣснена свобода преній, тамъ (напр. въ Петербургѣ) совѣщанія сразу пришли къ заключеніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ намѣреніями редакціонной коммиссіи; но много ли такихъ совѣщаній? Есть ли, въ особенности теперь, увѣренность въ томъ, что послѣдній періодъ работы совѣщаній вездѣ будетъ происходить при другихъ условіяхъ, чѣмъ первый?..

18-го января состоялось увольненіе кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, согласно прошенію, по болѣзни, отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Управленіе его продолжалось меньше пяти мѣсяцевъ, но оставило болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ долголѣтняя дѣятельность многихъ его предшественниковъ. Правильная и полная его оцѣнка—дѣло будущаго: слишкомъ еще неясна доля участія его въ событіяхъ, такъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ въ послѣднее время. Одно только можно сказать съ увѣренностью уже теперь: многое изъ случившагося при кн. Святополкъ-Мирскомъ было подготовлено раньше

призыва его къ власти. Приверженцы прежней системы, противопоставляя недавно господствовавшую тишину внезапно наступившей смутѣ, осыпали косвенными упреками—министра, „распустившаго“ печать и общество, прямыми обвиненіями—всѣхъ тѣхъ, кто перешелъ отъ робкаго молчанія къ громкой, откровенной рѣчи. Забывались или упускались изъ виду несомнѣнные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что настроеніе, *обнаружившееся* при кн. Святополкъ-Мирскомъ, создалось постепенно и созрѣло при В. К. Плеве. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что уже въ концѣ 1903-го и началѣ 1904-го года не оканчивался спокойно ни одинъ многочисленный съѣздъ, все равно, участвовали ли въ немъ ученые, врачи, техники или общественные дѣятели. Сознаніе опасности, тогда почти неизбѣжной, не останавливало заявленій, шедшихъ въ разрѣзъ съ побѣдоноснымъ теченіемъ. То же наблюдалось и раньше, въ 1902-мъ году, во время занятій мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Только продолжительностью и интенсивностью подготовительной работы—сдавленной, стѣсненной, но далеко не тайной—можно объяснить быстроту и опредѣленность движенія, ознаменовавшаго собою первые мѣсяцы управленія кн. Святополкъ-Мирскаго. Заявленіями и дѣйствіями новаго министра оно было не вызвано, а только ускорено и облечено въ болѣе яркія формы. Препятствій оно встрѣтило немало, они становились все сильнѣе и сильнѣе; но до 9-го января, т.-е. до тѣхъ поръ, пока значительная доля власти, принадлежащей министру внутреннихъ дѣлъ, не перешла въ другія руки, дѣятельность центральной администраціи сохраняла несвойственный ей у насъ, сравнительно мягкій характеръ. Возвращеніе политическихъ ссыльныхъ, уменьшеніе числа произвольныхъ арестовъ, разрѣшеніе новыхъ органовъ печати, допущеніе многолюдныхъ собраній, возстановленіе законнаго порядка въ тверскомъ земствѣ—всѣ эти мѣры составляли одно цѣлое, рѣзко отличное отъ того, что̀ мы видѣли еще недавно... Благодаря кн. Святополкъ-Мирскому, еще въ бытность свою генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края показавшему себя свободнымъ отъ узкаго націонализма, опять выступилъ на сцену вопросъ о сближеніи съ поляками [1]). Мы думаемъ, согласно съ „Русью“, что министерство кн. Святополкъ-Мирскаго можетъ быть названо „министерствомъ перелома—отъ бюрократическаго произвола и насилія къ правовому порядку, отъ полицейскихъ способовъ управленія великимъ народомъ къ культурному попеченію о его нуждахъ, отъ разлада между правительствомъ и народомъ къ ихъ дружному и плодотворному единенію“.

---

[1]) Въ № 13 „Руси“ напечатаны три интересныя докладныя записки по этому вопросу, къ которымъ мы постараемся возвратиться.

ИТОГИ НЕДАВНЯГО КАВКАЗСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Письмо изъ Тифлиса.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго года произошли крупныя перемѣны въ личномъ составѣ высшей администраціи Кавказа. Вмѣстѣ съ этимъ произошло и нѣкоторое измѣненіе курса въ административномъ управленіи этимъ краемъ. Оглядываясь на только-что закончившійся періодъ, невольно является желаніе подвести ему итоги.

Періоду этому нельзя отказать въ систематичности и послѣдовательности. Это была очень яркая полоса. Здѣсь неуклонно проводилась система покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ Плеве еще ранѣе, чѣмъ она примѣнялась въ общемъ управленіи имперіи. Отличительными чертами этого періода кавказскаго управленія нужно счесть стремленіе къ *механическому* обрусѣнію края и обиліе репрессивныхъ мѣръ. Посмотримъ же, въ чемъ эта система выразилась—и какіе плоды она принесла.

Съ первыхъ своихъ шаговъ администрація стала замѣщать почти всѣ вакансіи военнослужащими и лицами русскаго происхожденія, преимущественно вновь пріѣзжими въ край и неимѣющими съ населеніемъ никакой связи. Такимъ образомъ замѣщались не только высшія должности (губернаторовъ, вице-губернаторовъ, чиновниковъ канцеляріи главноначальствующаго и пр.), но и низшія должности, не исключая даже должностей низшихъ чиновъ полицейской стражи и дворниковъ. Эти низшіе агенты назначались въ мѣстности, гдѣ они не знали ни дорогъ, ни общаго мѣстоположенія, ни языковъ, ни обычаевъ мѣстнаго населенія. И на этихъ-то чиновъ было возложено преслѣдованіе разбойниковъ. Несмотря на то, что штатъ уѣздной полиціи былъ значительно усиленъ, спокойствіе въ краѣ отъ этого мало выиграло. Разбои въ послѣднее время случаются даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ о нихъ прежде не было слышно (напримѣръ, въ Дагестанской обл.). Къ общимъ преступленіямъ прибавились еще преступленія противъ должностныхъ лицъ, преступленія, которыя прежде почти вовсе не наблюдались. Въ теченіе одного лишь послѣдняго года съ небольшимъ были убиты елисаветпольскій вице-губернаторъ Андреевъ, сурмалинскій уѣздный начальникъ Богуславскій, и. д. шушинскаго полиціймейстера Сахаровъ, шушинскій податной инспекторъ Щербаковъ, подполковникъ пограничной стражи Быковъ, околоточный надзиратель въ Тифлисѣ Теръ-Сааковъ и письмоводитель карсскаго жандармскаго управленія

Гроздовъ; произведено было покушеніе на жизнь главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, кн. Г. Н. Голицына и эчміадзинскаго уѣзднаго начальника Шмерлинга (двукратно). Не упоминаю о цѣломъ рядѣ другихъ менѣе крупныхъ убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, почти исключительно приставовъ, городовыхъ и разныхъ агентовъ полиціи.

Усиленіе штатовъ полицейской стражи въ послѣдніе годы вызвало усиленіе налоговъ. Существовавшій до того подымный сборъ (соотвѣтствовавшій подушной подати, взимавшейся во внутреннихъ губерніяхъ) былъ крайне недостаточенъ для новыхъ полицейскихъ штатовъ, и былъ поэтому введенъ поземельный налогъ. Налогъ этотъ, введенный наскоро съ указанной цѣлью, вызвалъ многочисленныя жалобы въ населеніи. Налогу этому должно было предшествовать подробное обслѣдованіе земель, подлежащихъ обложенію. Но такого обслѣдованія не было сдѣлано, и налогъ едва ли достигъ своей цѣли—разномѣрнаго и справедливаго распредѣленія налоговаго бремени. Имѣнія, которыя не давали никакого дохода своимъ собственникамъ, вслѣдствіе отсутствія дорогъ, неразмежеванности и спорности владѣній, обременялись налогомъ, котораго не въ силахъ былъ выплатить владѣлецъ. Съ этимъ налогомъ легко мирятся во внутреннихъ губерніяхъ, потому, во-первыхъ, что расходованіе его, въ значительной своей части, возложено тамъ на выборныя земскія учрежденія, а не на бюрократію, оторванную отъ живой дѣйствительности и неспособную удовлетворить мѣстныя потребности, и, во-вторыхъ, что налогъ этотъ тамъ идетъ, въ значительной своей части, не на содержаніе полицейской стражи, а на удовлетвореніе другихъ, болѣе существенныхъ мѣстныхъ потребностей, на мѣстное благоустройство, на медицинскую часть, народное образованіе, дороги и пр.

Въ видѣ примѣра приводимъ нѣкоторыя данныя закавказской земской смѣты за 1901 г. (см. газ. „Кавказъ“ 1901 г., № 1). На содержаніе полицейской стражи было предназначено — 2.361.460 р.; на участіе земства въ расходахъ правительственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и по содержанію полицейской стражи — 2.675.718 р. (67, 47%). Понятно, что послѣ этого на народное образованіе расходовалось только 121.324 руб. (3,06%) и на общественное призрѣніе—48.198 р. (1, 22%).

При разсмотрѣніи проекта смѣты въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ говорятъ, было обращено вниманіе на то, что огражденіе населенія отъ каждаго разбойника обходится чуть не по нѣскольку тысячъ руб., и что такимъ образомъ содержаніе стражи стоитъ населенію гораздо дороже, чѣмъ ущербъ отъ разбойничьихъ нападеній.

Земскіе налоги все росли, а земскія учрежденія все-же не вводились и мѣстныя нужды оставались неудовлетворенными. Не помогали въ этомъ отношеніи ходатайства многоразличныхъ учрежденій, просившихъ о введеніи земства: тифлискаго и кутаисскаго дворянствъ, съѣздовъ врачей, хлопководовъ, дѣятелей садовыхъ культуръ, Императорскаго кавказскаго общества сельскаго хозяйства и др. Не только не было введено земское самоуправленіе, но и дѣйствующее городское самоуправленіе было значительно ограничено.

Власть главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ была въ 1897 г. расширена, причемъ она приближена къ власти генералъ-губернаторовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ дѣйствуетъ „Положеніе объ усиленной охранѣ". Въ силу этого закона и Высочайше утвержденныхъ 15 мая 1899 г. временныхъ правилъ, главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ предоставлено безъ суда устранять отъ должностей гласныхъ городскихъ думъ, городскихъ головъ, членовъ управы и служащихъ вообще по городскому управленію и замѣщать эти должности по своему усмотрѣнію. Достойно вниманія, что эти правила не прошли обычный законодательный путь (черезъ государственный совѣтъ), а были приняты лишь комитетомъ министровъ. Такимъ образомъ, положеніе комитета министровъ отмѣнило основныя начала городового Положенія 1892 г., дѣйствующаго въ закавказскихъ городахъ.

Ограниченія эти болѣе другихъ испыталъ на себѣ городъ Тифлисъ, имѣющій наиболѣе интеллигентную думу. Тифлисская дума рѣшила въ 1898 г. выкупить у бельгійскаго анонимнаго общества трамвай. Но администрація не только отмѣнила это постановленіе, но и назначила ревизію дѣлъ городского общественнаго управленія. Были удалены отъ должности два члена управы. Органъ кавказскаго управленія, газ. „Кавказъ", устами своего редактора, покойнаго Величко, возвѣстилъ, что въ городскомъ управленіи открыты злоупотребленія. Вѣсть объ этихъ злоупотребленіяхъ разнесъ по всей Россіи телеграфъ, въ лицѣ тифлисскаго агента „Россійскаго телеграфнаго агентства", все того же Величко. Между тѣмъ гора родила мышь. Весь составъ тифлисской городской управы, съ городскимъ головой, преданный суду, былъ оправданъ.

Тѣмъ не менѣе, неутвержденіе избираемыхъ на городскія должности лицъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, причемъ для общества оставались неизвѣстными мотивы такихъ мѣръ. Въ сухумскіе городскіе головы, напримѣръ, были нѣсколько разъ избираемы чиновники, занимавшіе видныя должности по администраціи и суду, но они не были утверждаемы въ должности головы, а было назначено постороннее лицо, совершенно незнакомое съ краемъ и вынужденное обстоя-

тельствами отказаться отъ мѣста ранѣе истеченія срока службы. Въ теченіе только послѣднихъ трехъ лѣтъ по тифлисскому городскому управленію было четыре случая неутвержденія въ должности: одинъ разъ — городского головы, два раза — члена управы и одинъ разъ — секретаря управы.

Въ теченіе того же короткаго срока не были утверждены городскіе головы въ Эривани и Шушѣ, члены управы въ Кутаисѣ, Батумѣ и Сухумѣ. Всѣхъ подобныхъ случаевъ не перечесть въ настоящей бѣглой замѣткѣ.

Но болѣе всего ограничены были въ своихъ дѣйствіяхъ армянскія благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. Существовавшее давно въ Тифлисѣ общество изданія армянскихъ книгъ было закрыто безъ объясненія причинъ. Распоряженіе это непонятно даже съ узко обрусительной точки зрѣнія, такъ какъ названное общество большею частью переводило и издавало извѣстныхъ русскихъ авторовъ и такимъ образомъ популяризировало ихъ произведенія въ темной армянской массѣ.

Уставъ армянскаго благотворительнаго общества въ Тифлисѣ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что оно лишено было права имѣть свои отдѣленія въ другихъ городахъ Закавказья.

Вслѣдствіе этого сразу было закрыто 18 отдѣленій этого общества, а вмѣстѣ съ ними были закрыты библіотеки и читальни, учрежденныя при нихъ. То же общество по новому уставу лишилось весьма важнаго права—выдавать пособія учащимся. Общество можетъ теперь помогать только нищимъ.

Армяне въ Закавказьѣ хотя и живутъ совмѣстно съ другими народностями—грузинами и татарами, но искони имѣли особыя школы, содержавшіяся духовенствомъ,—такъ какъ, имѣя особую вѣру и особый языкъ, нуждались въ особыхъ преподавателяхъ. Школы эти, однако, какъ неудовлетворявшія программѣ правительственныхъ училищъ, были большею частью закрыты начальствомъ въ январѣ 1896 г. А такъ какъ вмѣсто нихъ начальство не озаботилось открыть новыя школы, то тысячи армянскихъ дѣтей въ селеніяхъ и небольшихъ кавказскихъ городахъ оставались вовсе безъ ученья.

Вслѣдъ за этимъ были отобраны въ казну сначала имѣнія, принадлежавшія армянскимъ школамъ, а затѣмъ и всѣ имущества армянскаго духовенства. Эти распоряженія армянское духовенство считаетъ незаконными и чрезъ своего главу возбудило ходатайство объ отмѣнѣ ихъ. Незаконными считаются эти распоряженія, во-первыхъ, потому, что они касаются не только русско-подданныхъ, но и подданныхъ иностранныхъ правительствъ, такъ какъ отобранныя имущества принадлежатъ всей армяно-григоріанской церкви, находящейся и внѣ

предѣловъ Россіи, и во-вторыхъ, распоряженія эти созданы положеніемъ комитета министровъ и не могутъ отмѣнить законы, прошедшіе черезъ государственный совѣтъ, законы, предоставляющіе армянской церкви владѣть означенными имуществами на правѣ полной собственности (IX т. св. зак.) [1].

Считая упомянутыя распоряженія незаконными, армянское духовенство отказалось принять отъ казны какія бы то ни было денежныя выдачи. Не имѣя же никакихъ другихъ средствъ къ существованію, духовенство это буквально голодаетъ, а состоящія при немъ учрежденія должны будутъ закрыться за неимѣніемъ средствъ.

Отобраніе церковныхъ имуществъ произвело на армянское населеніе сильное впечатлѣніе, такъ какъ имущества эти принадлежали въ дѣйствительности не только армянской церкви, но и цѣлому армянскому народу. При учрежденіяхъ армянскаго духовенства существуютъ попечительства изъ прихожанъ и вообще свѣтскій элементъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ этихъ учрежденій. Вотъ почему означенныя распоряженія были равносильны уничтоженію самоуправленія среди армянскаго населенія. Другіе виды самоуправленія крайне ограничены у армянъ. Не говоря о фиктивности сельскаго самоуправленія, дѣла котораго вершаются подъ сильнымъ давленіемъ полицейской власти, необходимо отмѣтить, что армяне-дворяне большей частью не утверждены до сихъ поръ въ своихъ сословныхъ правахъ и не имѣютъ сословныхъ учрежденій. Земскаго самоуправленія въ Закавказьѣ, какъ выше было упомянуто, тоже вовсе не существуетъ. А власть городского самоуправленія на практикѣ сведена къ нулю. Объ ограниченіи же дѣятельности армянскихъ благотворительныхъ обществъ и состоящихъ при нихъ просвѣтительныхъ учрежденій тоже говорилось выше.

Вотъ почему взаимныя отношенія мѣстной администраціи и кавказскихъ армянъ въ послѣднее время сильно обострились. Населеніе, считавшееся искони мирнымъ и лояльнымъ, въ настоящее время считается самымъ безпокойнымъ. Таковы плоды ряда безтактностей, допущенныхъ бывшею кавказскою администраціей по отношенію къ совершенно благонадежному до того въ политическомъ смыслѣ элементу.

За разсматриваемый періодъ на печать сыпались карательныя мѣры, какъ изъ рога изобилія. По представленію мѣстной администраціи, одни органы были совсѣмъ закрыты (армянская газета „Ардзаганкъ", грузинская газета „Квали"), другіе — пріостанавливались на болѣе или менѣе продолжительное время—отъ 2-хъ до 8-ми мѣсяцевъ. Была даже

[1]) Правилами 12-го іюня 1903 года отобрано отъ армянской церкви только право владѣнія и распоряженія имуществами, но это въ дѣйствительности равносильно отобранію права собственности.

попытка довести одну изъ мѣстныхъ газетъ до добровольнаго закрытія. Тифлисское „Новое Обозрѣніе“ было два раза пріостановлено передъ подпиской, въ ноябрѣ, причемъ пріостановка мотивировалась общимъ „вреднымъ направленіемъ“ газеты, которое, полагаемъ, можно было замѣтить не только въ ноябрѣ, но и въ другое время года. Эти суровыя мѣры противъ *подцензурной* печати вызывали недоумѣніе въ обществѣ. Многіе не могли понять, почему цензура оказывается недостаточной для пресѣченія вреднаго направленія газетъ.

Очень характерны тѣ мотивы, которыми руководствовалась администрація, преслѣдуя печать. Такъ напримѣръ, извѣстно, что въ числѣ мотивовъ закрытія „Новаго Обозрѣнія“ на 8 мѣсяцевъ въ 1899—1900 гг., значилось печатаніе газетой статей о необходимости введенія на Кавказѣ земскихъ учрежденій и суда присяжныхъ и учрежденія высшаго учебнаго заведенія. Особенно интересно это послѣднее обстоятельство. Кавказъ имѣетъ много среднихъ учебныхъ заведеній (преимущественно гимназій). Въ нихъ кончаетъ ежегодно по нѣскольку сотъ молодыхъ людей, изъ которыхъ, однако, многіе или вовсе не поступаютъ въ высшія учебныя заведенія, или, поступивъ туда, не кончаютъ курса и возвращаются обратно. Происходитъ это оттого, что во всемъ обширномъ Кавказскомъ краѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія. Приходится ѣхать на далекій, негостепріимный для южанъ сѣверъ. Многіе изъ тѣхъ, которымъ удается попасть туда, возвращаются обратно, разстроивъ тамъ свое здоровье отъ холода и голода. На эту насущную потребность края отозвались нѣкоторые кавказскіе города, во главѣ съ Тифлисомъ, и разныя общественныя учрежденія, которыя заявили готовность принять на себя часть расходовъ на будущій университетъ или политехникумъ. Мѣстной администраціи оставалось, казалось бы, только радоваться этому всеобщему стремленію къ просвѣщенію. Ей слѣдовало поддержать возбужденное тифлисскимъ городскимъ самоуправленіемъ соотвѣтствующее ходатайство передъ высшимъ петербургскимъ начальствомъ, которое повидимому сочувственно относилось къ такимъ ходатайствамъ. Но не тутъ-то было. Это ходатайство не только не было поддержано, но даже мысль о немъ была признана преступной, и газета, горячо пропагандировавшая идею о необходимости высшаго учебнаго заведенія на Кавказѣ, можно сказать, была приговорена къ смерти—была закрыта на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ.

До сихъ поръ велась рѣчь здѣсь только о репрессивныхъ мѣрахъ. Что же касается организаціонной работы, то ея было немного. Это—поземельное устройство государственныхъ крестьянъ, пользующихся казенными участками, и переселенческое дѣло. Первое, впрочемъ, относится скорѣе къ заботамъ не общей кавказской администраціи, а

спеціально мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Что же касается переселенческаго дѣла, то оно не имѣло успѣха.

Дѣло въ томъ, что представленіе о Кавказѣ, какъ о краѣ богатомъ и обильномъ свободными землями, сильно преувеличено извѣстною частью печати и бюрократіи. Всѣ пригодныя къ легкой обработкѣ земли уже заняты мѣстными жителями. Земли же безводныя или болотистыя требуютъ большихъ предварительныхъ затратъ для приведенія ихъ въ годность. Этихъ затратъ, къ сожалѣнію, не дѣлалось и приходилось часто отводить переселенцамъ земли, уже занятыя мѣстными жителями.

Вотъ что находимъ по этому поводу въ оффиціальной газетѣ мѣстной администраціи „Кавказъ" (см. № 2, 1904 г.). По даннымъ этой газеты, работы по изслѣдованію земель, въ отношеніи ихъ пригодности для колонизаціи, велись въ 1903 г. почти по всему Закавказью, преимущественно въ районахъ лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ (т.-е. тамъ, гдѣ главнымъ образомъ имѣются еще свободныя земли). Изъ общей площади такихъ изслѣдованныхъ земель, заключающей въ себѣ до 381.000 дес., только 36.000 дес., т.-е. менѣе 10%, признаны удовлетворяющими условіямъ, необходимымъ для осѣдлой жизни и въ то же время для веденія хозяйства. Остальная же часть изслѣдованнаго пространства, а именно 345.000 десятинъ, оказалась для переселенческой цѣли непригодною [1]).

Непригодной для переселенцевъ оказалась и большая часть полосы черноморскаго побережья (главнымъ образомъ вслѣдствіе климата и болотистой почвы), куда печать особенно усердно приглашала ихъ.

Между тѣмъ эта же полоса, привлекавшая къ себѣ малоземельныхъ туземцевъ кутаисской и отчасти другихъ губерній Закавказья, сдѣлалась для нихъ недоступной, по представленію мѣстной администраціи и распоряженію петербургскихъ канцелярій.

Достойно вниманія, что запрещеніе переселенія крестьянъ изъ кутаисской губерніи въ сухумскій округъ и черноморскую губернію совпало во времени съ крайнимъ обостреніемъ отношеній крестьянъ кутаисской губерніи къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ и усиленію аграрныхъ преступленій и разбоевъ въ этой губерніи. Убійства землевладѣльцевъ и открытые разбои въ городахъ среди бѣла дня — вотъ результаты той аграрной политики, которую усердно рекомендовала извѣстная часть столичной и мѣстной печати.

Вообще поземельный бытъ крестьянъ (бывшихъ помѣщичьихъ или

---

[1]) Нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія о переселенческомъ дѣлѣ на Кавказѣ можно найти также въ статьѣ покойнаго Ивановича, въ „Вѣстникѣ Европы", за 1900 г., № 4.

государственныхъ, живущихъ на частновладѣльческихъ земляхъ) за это время не только не улучшился, но даже ухудшился. Поднимался вопросъ объ обязательномъ выкупѣ надѣловъ, но вопросъ такъ и остался вопросомъ и не получилъ практическаго разрѣшенія. Почти одновременно мѣстная администрація разработывала вопросъ объ упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей и передачѣ ихъ дѣлъ будущимъ крестьянскимъ начальникамъ. Но, ко всеобщему удовольствію, иниціаторы этого дѣла не успѣли довести его до конца, и должности столь неудачныхъ въ другихъ мѣстностяхъ крестьянскихъ начальниковъ у насъ не были введены.

А то, что̀ успѣла сдѣлать бывшая администрація края за восемь лѣтъ своего управленія, было бы желательно подвергнуть теперь коренному пересмотру, такъ какъ результаты этой дѣятельности уже налицо и жизнь уже произнесла надъ нею свой приговоръ.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать новой администраціи успѣшнаго выполненія этой очень важной для умиротворенія края задачи.

Г. М. Тумановъ.

Январь, 1905 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

7 февраля (25 января) 1905 г.

Паденіе Портъ-Артура и шансы дальнѣйшей кампаніи.—Причины и условія японскихъ успѣховъ.—Вопросъ о возможномъ мирѣ на Дальнемъ Востокѣ.—Трудное международное положеніе России.—Стачка горнорабочихъ въ Вестфаліи.—Русско-германскій торговый договоръ.—Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и во Франціи.—Пренія французской палаты депутатовъ и франко-русскія демонстраціи.

Когда мы говорили въ послѣднемъ нашемъ обозрѣніи о судьбѣ Портъ-Артура, мы не могли знать о близкой сдачѣ японцамъ этой нашей „твердыни на Дальнемъ Востокѣ", такъ какъ краткія и рѣдкія оффиціальныя извѣстія, въ связи съ успокоительными газетными комментаріями, давали намъ положительную надежду на возможность удержанія крѣпости въ нашихъ рукахъ по крайней мѣрѣ еще въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, до прихода балтійской эскадры въ китайскія воды. При началѣ войны говорилось, что Портъ-Артуръ снабженъ всѣмъ необходимымъ на два года; военные сотрудники нашихъ „патріотическихъ" газетъ еще недавно увѣряли, что эта твердыня можетъ выдержать продолжительную осаду, и едва ли будетъ когда-нибудь взята силою. Оптимизмъ мнимыхъ патріотовъ и на этотъ разъ оказался лживымъ. Уже изъ ноябрьскихъ телеграммъ генерала Стесселя можно было видѣть, что положеніе Портъ-Артура почти безнадежно. Послѣ страшныхъ штурмовъ, продолжавшихся съ небольшими перерывами около двухъ недѣль, японцы 23 ноября заняли Высокую гору („гору въ 203 метра"), командующую надъ гаванью Портъ-Артура, и съ этого момента трудно было уже скрывать неминуемую близость катастрофы. Гибель генерала Кондратенко при взрывѣ одного изъ фортовъ, 2 декабря, ускорила развязку. „Снаряды на исходѣ,—телеграфировалъ генералъ Стессель.—Наши главные враги—цынга, которая коситъ людей, и 11-ти дюймовыя бомбы, для которыхъ нѣтъ преградъ и закрытій. Очень мало осталось людей, не зараженныхъ цынгой. Пассивное сидѣніе, стрѣльба непріятеля повсюду 11-ти-дюймовыми бомбами, безъ возможности отвѣчать по недостатку снарядовъ; цынга; убыль массы офицеровъ,—все это ежедневно ослабляетъ защитниковъ". 15 декабря взятъ японцами весьма важный фортъ 3-ій, или Эрлунгшанъ, который дѣлаетъ ихъ хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта крѣпости. „Продержимся лишь нѣсколько дней,—

пишетъ затѣмъ генералъ Стессель,—у насъ снарядовъ почти нѣтъ. Приму мѣры, чтобы не допустить рѣзни на улицахъ. Цынга очень валитъ гарнизонъ; у меня подъ ружьемъ теперь десять тысячъ человѣкъ и всѣ нездоровые". Заключительная депеша, отъ 19 декабря, сообщаетъ, что накануне утромъ японцы произвели громадный взрывъ подъ укрѣпленіемъ 3-мъ и открыли адскую бомбардировку по всей линіи, причемъ нѣтъ уже средствъ для отпора: „Большая часть восточнаго фронта въ рукахъ японцевъ. На новой позиціи долго не продержимся, а затѣмъ должны будемъ капитулировать. Но все въ рукахъ Бога... Великій Государь, ты прости насъ. Сдѣлали мы все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво. Почти одиннадцать мѣсяцевъ безпрерывной борьбы истощили наши силы; лишь одна четверть защитниковъ, изъ коихъ половина больныхъ, занимаетъ 27 верстъ крѣпости безъ помощи, даже безъ смѣны для малаго хотя бы отдыха. Люди стали тѣнями".

Этимъ трагическимъ заявленіемъ кончается кровавая исторія семимѣсячной осады Портъ-Артура. Нечеловѣческія усилія употреблены были на оборону и на завоеваніе этой крѣпости; пролиты были потоки человѣческой крови, и дѣло разрушенія велось съ обѣихъ сторонъ при помощи самыхъ усовершенствованныхъ пріемовъ научной техники. Какъ обнаружилось впослѣдствіи, матеріальныя средства защиты не были, впрочемъ, еще вполнѣ исчерпаны; побѣдителямъ достались обширные боевые запасы (82.670 орудійныхъ снарядовъ, 1.588 бомбъ, 30.000 килограммовъ пороха, 2½ милліона ружейныхъ патроновъ и т. д., по оффиціальнымъ японскимъ отчетамъ); пищи хватило бы еще на три мѣсяца: въ одномъ казенномъ складѣ оставались нетронутыми шесть тысячъ тоннъ муки; весьма значительные частные склады провизіи не подвергались еще реквизиціи; существовало еще около двухъ тысячъ лошадей; мѣстныя воды, по обыкновенію, изобиловали рыбой; не было недостатка и въ топливѣ,—болѣе 70 тысячъ тоннъ угля хранилось въ портовыхъ складахъ и у станціи желѣзной дороги. Корреспондентъ лондонскаго „Times", осматривавшій крѣпость и городъ послѣ сдачи, утверждаетъ, что множество зданій пригодно еще для жилья; численность здоровой части гарнизона превышала, будто бы, двадцать тысячъ человѣкъ, а больныхъ и раненыхъ найдено въ госпиталяхъ всего четырнадцать тысячъ. Общее состояніе крѣпости, по увѣренію англичанъ, нисколько не оправдывало капитуляціи, которая, собственно, вызвана была только упадкомъ духа офицеровъ и самого генерала Стесселя послѣ смерти истиннаго руководителя, настоящаго героя обороны, генерала Кондратенко. Такое мнѣніе раздѣляется, повидимому, и въ нашихъ компетентныхъ военныхъ кругахъ, насколько можно судить по напечатаннымъ въ газетахъ заявленіямъ контръ-

адмирала Іессена и генерала Паренсова. Въ послѣднихъ телеграммахъ генерала Стесселя настойчиво упоминалось не только объ отличномъ духѣ и геройствѣ войскъ, но и объ исключительной вѣрѣ въ молитвы и въ спасительное вмѣшательство Провидѣнія, что̀ указываетъ уже на слабость собственно военной стороны дѣла въ сознаніи и настроеніи защитниковъ Портъ-Артура. Этотъ упадокъ военнаго духа послѣ неимовѣрныхъ подвиговъ самоотверженія имѣетъ несомнѣнную связь съ общимъ ходомъ событій на Дальнемъ Востокѣ, съ тѣмъ ужасающимъ рядомъ катастрофъ, который привелъ къ уничтоженію нашего тихоокеанскаго флота на глазахъ портъ-артурскаго гарнизона и отнялъ у послѣдняго всякую надежду на помощь извнѣ. Можно себѣ представить нравственное состояніе запертыхъ въ Портъ-Артурѣ войскъ и ихъ вождей при видѣ окончательной гибели могущественной эскадры и при извѣстіяхъ о безнадежныхъ отступленіяхъ и неудачахъ сухопутной арміи генерала Куропаткина. Утрачена была вѣра въ успѣхъ кампаніи, въ способности, умѣнье и энергію ея руководителей, въ цѣлесообразность и разумность ихъ дѣйствій, и прежнее сознательное самоотверженіе лишилось своей естественной почвы; оно превращалось въ безплодное, мучительное, жестокое самоубійство, на которое нельзя было обречь геройскій гарнизонъ Портъ Артура. Дальнѣйшая защита крѣпости, съ своимъ неизбѣжнымъ финаломъ—поголовною рѣзнею на улицахъ города,—ни въ чемъ не улучшила бы общаго военнаго положенія, и при такихъ печальныхъ условіяхъ ничего не оставалось, какъ покончить съ безцѣльнымъ кровопролитіемъ. Нужно было осужденнымъ имѣть желѣзные нервы, чтобы жить и самоотверженно дѣйствовать въ адской обстановкѣ осажденной крѣпости, отрѣзанной отъ внѣшняго міра въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати мѣсяцевъ, при разрушительномъ грохотѣ орудій, среди постоянныхъ отчаянныхъ аттакъ, при страшныхъ картинахъ крови и смерти. Гарнизонъ крѣпости вполнѣ заслужилъ свою славу, какова бы ни была оцѣнка дѣятельности руководителей, съ спеціальной военной точки зрѣнія. Чуткій къ военнымъ подвигамъ императоръ Вильгельмъ II счелъ своимъ долгомъ откликнуться на совершившееся паденіе Портъ-Артура, наградивъ обоихъ противниковъ, генераловъ Стесселя и Ноги, высшимъ прусскимъ военнымъ орденомъ; первому изъ нихъ онъ выразилъ „симпатію и удивленіе“, а второму—только „удивленіе“ передъ геройствомъ его войскъ. Эта разница въ оттѣнкахъ, по словамъ нѣмецкихъ газетъ, объясняется тѣмъ, что „симпатія“ нужна лишь побѣжденному, а не побѣдителю.

Паденіе Портъ-Артура при тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ оно совершилось, должно было бы заставить насъ откровенно признать себя побѣжденными въ настоящей борьбѣ съ Японіею. Намъ

не вернуть уже потерянной „твердыни", и переходъ ея въ руки врага, котораго мы называли дерзкимъ, остается безповоротнымъ фактомъ, отъ котораго нельзя уже отдѣлываться рѣзкими словами и громкими патріотическими фразами. Было бы крайне опасно обманывать себя насчетъ шансовъ благопріятнаго продолженія войны въ Манчжуріи и Кореѣ: шансы остаются тѣми же, какіе были до сихъ поръ, и скорѣе могутъ сдѣлаться худшими, послѣ присоединенія закаленныхъ войскъ генерала Ноги, съ ихъ огромною артиллеріею, къ арміи маршала Оямы. Военные таланты командующихъ генераловъ обѣихъ сторонъ остались тѣ же, что и прежде; печальныя особенности нашей военно-бюрократической организаціи не допускаютъ никакихъ измѣненій, пока продолжаются военныя дѣйствія, и мы не видимъ впереди ничего такого, что обѣщало бы серьезный поворотъ въ общемъ ходѣ кампаніи. При отдаленности театра войны, при крайней трудности снабженія дѣйствующихъ армій всѣмъ необходимымъ, нельзя разсчитывать на прочное численное превосходство надъ непріятелемъ, которому господство на морѣ даетъ громадныя преимущества по подвозу войскъ и провіанта. Сколько мы ни гнались бы за численностью, мы въ Манчжуріи не перегонимъ японцевъ въ этомъ отношеніи, и даже дѣйствительный численный перевѣсъ, какъ показалъ опытъ при Шахэ, не обезпечиваетъ намъ успѣха, въ виду выдающихся военныхъ качествъ противника. Смѣлая иниціатива, разсчетливость и обдуманность каждаго предпринимаемаго движенія, умѣлое пользованіе всѣми рессурсами и правилами военнаго искусства и, наконецъ, ни съ чѣмъ не сравнимое сознаніе одержанныхъ побѣдъ—все это оказывается, къ сожалѣнію, не на нашей сторонѣ. Если мы не въ состояніи были справиться съ японскими арміями, когда часть ихъ занята была еще осадою Портъ-Артура, то какимъ образомъ справимся мы съ тѣми же непріятельскими силами, освободившимися отъ заботъ объ этой твердынѣ и воодушевленными идеею достигнутаго національнаго торжества? Нельзя же отрицать, что съ потерею Портъ-Артура и тихоокеанскаго флота наше военное положеніе на Дальнемъ Востокѣ ухудшилось;—на чемъ же можетъ основываться надежда, что оно поправится при измѣнившихся къ нашей невыгодѣ условіяхъ? Неужели мы должны истощить всѣ силы и средства Россіи для кровавой, убійственной борьбы изъ-за интересовъ, чуждыхъ русскому народу, — борьбы, исходъ которой, въ лучшемъ случаѣ, сомнителенъ? Теперь мы еще имѣемъ возможность заключить миръ, болѣе или менѣе почетный, отказавшись отъ китайскихъ земель и предоставивъ Корею японцамъ; но что мы сдѣлаемъ, когда японцы займутъ беззащитный Сахалинъ и Камчатку? Пока наши войска грозно стоятъ противъ японскихъ армій, против-

никъ не можетъ еще диктовать намъ унизительныхъ условій мира, такъ какъ ему также нѣтъ разсчета подвергать себя дальнѣйшимъ случайностямъ и затягивать войну до полнаго взаимнаго разоренія; но вѣдь мы нисколько не гарантированы отъ новой крупной неудачи генерала Куропаткина, и тогда дѣйствительно трудно будетъ сговориться съ Японіей. Честь русскаго народа вовсе не затронута пораженіями и погрѣшностями нашей военной бюрократіи; народъ въ лицѣ сѣрой солдатской массы исполнялъ свое дѣло такъ безропотно и самоотверженно, что ничего больше требовать отъ него нельзя; поправлять же ошибки командующихъ — не въ его власти. Солдаты страдаютъ и отъ отсутствія талантовъ въ средѣ высшаго офицерства, и отъ общаго господства посредственностей и бездарностей, и отъ недостатка иниціативы, и отъ неурядицъ и недочетовъ администраціи, и отъ всѣхъ тѣхъ исконныхъ нашихъ золъ, которыя выступаютъ наружу при всякомъ столкновеніи съ серьезными внѣшними врагами; эти внутренніе источники худосочія и слабости, зависящіе отъ ненормальныхъ условій многолѣтняго политическаго режима, не устранялись бы и не ослабѣли при окончательной побѣдѣ, а напротивъ, получили бы тогда новую санкцію, къ явному ущербу всего населенія. Этимъ и объясняется тотъ странный фактъ, что многіе искренніе друзья народа не жаждали военныхъ успѣховъ, ибо внѣшнія пораженія наглядно раскрыли бы тѣ внутреннія язвы, которыя въ обыкновенное время подтачиваютъ силы страны при всесильномъ гнетѣ данной административной системы. Честь народа и государства не требуетъ и не можетъ требовать безконечнаго кровопролитія для поправленія грѣховъ и ошибокъ незначительной административной группы распоряжающихся лицъ; наша національная честь вовсе не пострадаетъ отъ открытаго признанія того, что̀ и теперь признается большинствомъ русскихъ людей,—отъ признанія существенныхъ недостатковъ нашего культурнаго и государственнаго быта. Судьба Портъ-Артура напомнила всѣмъ о Севастополѣ; и теперь, какъ и тогда, мы потерпѣли неудачу исключительно вслѣдствіе нашей внутренней, искусственно поддерживаемой отсталости отъ другихъ народовъ и государствъ. Относительно Севастополя мы могли еще утѣшать себя мыслью, что насъ одолѣли передовыя западно-европейскія державы, соединившіяся между собою для совмѣстныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи; но Портъ-Артуръ, будучи несравненно сильнѣе Севастополя, вырванъ изъ нашихъ рукъ и весь нашъ тихоокеанскій флотъ уничтоженъ одною лишь Японіею, безъ содѣйствія другихъ могущественныхъ націй. Японія побѣждаетъ насъ въ правильномъ единоборствѣ не потому, что японскій народъ сильнѣе и даровитѣе русскаго, а только потому, что японцы свободнѣе живутъ и развиваются въ своей странѣ, что они усвоили лучшіе

политическіе и административные порядки, что они болѣе сознательно относятся къ своимъ національнымъ задачамъ, что они не страдаютъ отъ хищеній и произвола, что они чувствуютъ себя гражданами, имѣющими право голоса въ дѣлахъ своего отечества. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ реформаторской дѣятельности Японія достигла болѣе крупныхъ результатовъ, чѣмъ мы за два вѣка; она безспорно перегнала насъ и въ дѣлѣ народнаго образованія, и въ научной техникѣ, и въ политической организаціи, и даже въ военномъ искусствѣ, ибо она шла твердо по одному и тому же пути прогрессивнаго развитія, не останавливаясь надъ вопросомъ о несоотвѣтствіи этого развитія исконнымъ началамъ японской монархіи, — тогда какъ мы послѣ каждаго шага впередъ дѣлали два назадъ и часто систематически разрушали все хорошее и плодотворное, устроенное прошлымъ поколѣніемъ, неудержимо увлекаясь вспять, къ традиціямъ безправія и тьмы. Японскія побѣды не составляютъ случайности, и военное счастье не перейдетъ на нашу сторону, пока общія условія русской жизни не измѣнятся къ лучшему. Это сознаніе съ необычайною ясностью овладѣло умами лучшей части нашего общества, побуждая желать скорѣйшаго прекращенія войны во имя истиннаго патріотизма, вопреки фальшивымъ воинственнымъ возгласамъ людей, привыкшихъ извлекать выгоды изъ бѣдствій народа и государства.

Война на Дальнемъ Востокѣ становится для насъ все болѣе тягостною и опасною еще по другой причинѣ, независимо отъ реальнаго хода военныхъ дѣйствій. Наше международное положеніе ухудшается, можно сказать, съ каждымъ днемъ; вражда къ оффиціальной Россіи громко высказывается не только въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, но и въ Германіи, въ Италіи и даже въ союзной намъ Франціи, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и событій, не имѣющихъ прямой связи съ вопросами внѣшней политики.

Конечно, общественное мнѣніе Запада не можетъ непосредственно влiять на направленіе и характеръ нашихъ внутреннихъ дѣлъ; но отталкивать отъ себя передовыя иностранныя націи было бы также неразсчетливо, ибо въ наше время народныя симпатіи принадлежатъ къ числу сильныхъ политическихъ факторовъ, съ которыми приходится поневолѣ считаться. Во многихъ центрахъ западной Европы раздраженіе противъ Россіи доходило до того, что власти должны были принимать серьезныя мѣры для охраны русскихъ консульствъ отъ непріязненныхъ посягательствъ и демонстрацій. Въ Парижѣ все сильнѣе и настойчивѣе раздаются голоса противъ дальнѣйшаго союза съ Россіею, и хотя правительство пока еще справляется съ этимъ движеніемъ, но можетъ настать моментъ, когда большинство республиканской партіи усвоитъ взгляды Жорѐса и его единомышленниковъ.

Непріятнымъ для насъ признакомъ долженъ считаться тотъ фактъ, что безпринципный „Temps", обыкновенно очень угодливый по отношенію къ Россіи, сталъ въ послѣднее время выражаться довольно безцеремонно о нашихъ дѣлахъ; изъ этого слѣдуетъ заключить, что сочувствіе къ русскимъ порядкамъ и къ русской политикѣ падаетъ и въ той господствующей буржуазной средѣ, вѣрнымъ органомъ которой служитъ названная газета. Въ Германіи оффиціальная дружба съ Россіею остается однимъ изъ неизмѣнныхъ пунктовъ програмы правительства; но въ нѣмецкой печати давно уже преобладаетъ весьма опредѣленный враждебный тонъ при обсужденіи событій русской жизни, а теперь либеральныя нѣмецкія газеты стали печатать по этому предмету такія статьи и воззванія, которыя во многомъ напоминаютъ нападки былого времени на жестокости неаполитанскаго королевства или памятныя всѣмъ разоблаченія „турецкихъ звѣрствъ". Крайняя, почти всеобщая непопулярность Россіи за границею чувствительно отзывается на нашихъ международныхъ отношеніяхъ и отнимаетъ у насъ увѣренность въ безусловной безопасности нашихъ политическихъ интересовъ въ Европѣ; а при такихъ условіяхъ было бы въ высшей степени рискованно, употреблять всѣ силы государства на войну въ восточной Азіи, въ предѣлахъ Китая, оставивъ безъ вниманія и защиты положеніе Россіи, какъ великой европейской державы.

Въ Германіи организовалась обширная стачка горнорабочихъ, охватившая постепенно почти весь рейнско-вестфальскій каменноугольный районъ по теченію рѣки Руръ. Какъ это обыкновенно бываетъ, движеніе началось съ обострившагося конфликта въ одномъ мѣстѣ, между неподатливымъ хозяиномъ и недовольными имъ рабочими, а затѣмъ разрослось съ чисто стихійною силою, переходя отъ одной копи къ другой, по принципу товарищества и солидарности рабочихъ. На этотъ разъ, вопреки обычнымъ предположеніямъ, всегдашніе защитники рабочихъ, соціалисты, не только не высказывались за стачку, но настойчиво старались предупредить ее, убѣждая обѣ заинтересованныя стороны разрѣшить споръ мирнымъ путемъ, причемъ прибѣгали—хотя и тщетно—къ обѣщанному содѣйствію оффиціальныхъ вѣдомствъ. Мѣстное горное управленіе не рѣшилось выступить противъ владѣльца, самовольно увеличившаго продолжительность рабочаго дня; чиновники этого управленія отослали представителей рабочихъ къ другой инстанціи, услугами которой рабочіе, однако, не успѣли уже воспользоваться. Союзъ „христіанскихъ соціалистовъ" взялъ на себя роль посредника и ходатая за рабочихъ передъ хозяевами; скромныя требованія, изложенныя въ письмѣ секретаря

этого союза, были рѣшительно отвергнуты синдикатомъ горнозаводскихъ хозяевъ, и этотъ отвѣтъ, полученный 16 (3) января и тотчасъ же прочитанный въ собраніи делегатовъ въ Эссенѣ, послужилъ сигналомъ къ общей забастовкѣ. Болѣе двухсотъ тысячъ рабочихъ прекратило работу въ различныхъ мѣстахъ, съ полнымъ сознаніемъ важности и трудности предпринятой мирной борьбы; организованы были особые отряды изъ рабочихъ для надзора за порядкомъ и безопасностью движенія, съ цѣлью облегчить обязанности немногочисленнаго состава мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ. Въ отдѣльныхъ пунктахъ собирались многолюдныя собранія рабочихъ, произносились рѣчи, принимались тѣ или иныя резолюціи, устраивались шествія, и хотя рабочія массы вели себя совершенно независимо, не имѣя въ виду обращаться съ какими-либо просьбами къ правительству, тѣмъ не менѣе мѣстныя власти не обнаруживали тревоги за безопасность государства и не дѣлали ни малѣйшей попытки мѣшать рабочимъ собираться и обсуждать на свободѣ свои нужды. Такъ какъ сами рабочіе охраняли повсюду порядокъ съ вѣдома и согласія полиціи, то безчинства, направленныя противъ мирныхъ обывателей, не могли имѣть мѣста, и никакіе грабители не находили для себя благопріятной почвы въ общемъ движеніи рабочихъ. Съ самаго начала возникшаго конфликта нѣмецкія газеты ежедневно сообщали подробныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла, такъ что предметы спора были точно установлены и извѣстны большой публикѣ задолго до провозглашенія стачки. Въ прусской палатѣ депутатовъ вопросъ обсуждался на слѣдующій же день, 17 января, хотя размѣры забастовки тогда еще не опредѣлились. Въ имперскомъ сеймѣ депутаты соціаль-демократической партіи обратились къ канцлеру графу Бюлову съ запросомъ по поводу систематическихъ нарушеній имперскихъ законовъ владѣльцами угольныхъ копей и синдикатами ихъ, въ ущербъ рабочимъ и массѣ потребителей. Графъ Бюловъ еще ранѣе имѣлъ случай высказываться публично въ пользу справедливости нѣкоторыхъ жалобъ и требованій горнорабочихъ.

Въ засѣданіи 20 (7) января, депутатъ Гуэ, самъ изъ каменноугольныхъ рабочихъ, обстоятельно мотивировалъ внесенный запросъ отъ имени своихъ товарищей и представилъ весьма интересныя данныя для характеристики злоупотребленій, обыкновенно практикуемыхъ хозяевами копей. Между прочимъ, говоря о принятыхъ рабочими мѣрахъ для поддержанія общаго спокойствія, депутатъ Гуэ заявилъ, что „всѣ спокойны, ибо полиція спокойна“, и что вообще прусская полицейская власть заслуживаетъ полнаго одобренія и похвалы за свой корректный образъ дѣйствій; только нѣкоторые чиновники горнаго вѣдомства волнуются и своимъ неумѣстнымъ усердіемъ даютъ поводъ

къ раздраженію, вслѣдствіе чего сама полиція иногда убѣждала ихъ воздерживаться отъ напрасныхъ бюрократическихъ мѣръ. По словамъ Гуэ, сочувственныя заявленія имперскаго канцлера доставили большое удовлетвореніе рабочимъ и возбудили въ нихъ надежду на мирное окончаніе кризиса; но „все впечатлѣніе этихъ хорошихъ словъ было уничтожено прусскимъ министромъ торговли Меллеромъ, который своимъ замѣчаніемъ о формальной, будто бы, неправотѣ рабочихъ внушилъ хозяевамъ готовность упрямо отстаивать прежнюю одностороннюю точку зрѣнія:—„еслибы произнесены были только слова графа Бюлова и еслибы господинъ Меллеръ промолчалъ, мы достигли бы соглашенія". Факты и цифры, сообщенные въ рѣчи Гуэ, давали слушателямъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ несправедливостяхъ, какія приходится молчаливо переносить горнорабочимъ рейнско-вестфальскаго округа. Владѣльцы копей своими синдикатами держатъ въ рукахъ не только рабочую массу, но и потребителей, произвольно возвышая цѣны на уголь по общей между собою стачкѣ, и тѣ же хозяева, члены синдикатовъ, протестуютъ противъ рабочихъ, когда тѣ прибѣгаютъ къ тому же способу дѣйствій для защиты своихъ скромныхъ насущныхъ правъ и интересовъ. Въ своемъ отвѣтѣ на рѣчь соціалиста Гуэ, графъ Бюловъ имѣлъ какъ будто въ виду отречься отъ приписаннаго ему чрезмѣрнаго сочувствія къ рабочему движенію; онъ отдаетъ полную справедливость самимъ рабочимъ и готовъ содѣйствовать имъ въ исполненіи ихъ законныхъ желаній, но онъ считаетъ большимъ зломъ господство партійной политики соціаль-демократовъ надъ интересами и настроеніемъ нѣмецкаго рабочаго класса. Этимъ неосторожнымъ указаніемъ имперскій канцлеръ далъ противникамъ удобный матеріалъ для возраженій и споровъ. Ораторы оппозиціи откровенно объясняли графу Бюлову, что онъ обнаружилъ совершенное незнакомство съ экономическими вопросами и съ дѣятельностью соціалистическихъ партій, такъ какъ въ данномъ случаѣ забастовка состоялась противъ желанія представителей соціальной демократіи и была отчасти навязана рабочимъ самими хозяевами, — быть можетъ, съ цѣлью выгоднаго сбыта имѣющихся запасовъ угля по преувеличенно высокимъ цѣнамъ; притомъ для защиты интересовъ горнорабочихъ соединились четыре различныхъ организаціи, дѣйствовавшія совмѣстно безъ всякихъ партійныхъ счетовъ,—напр. христіанскіе соціалисты заодно съ соціаль-демократами и съ членами промышленныхъ рабочихъ союзовъ. Вполнѣ дѣловую и очень содержательную рѣчь произнесъ министръ Меллеръ, который прежде всего выразилъ свое крайнее сожалѣніе по поводу отказа хозяевъ вступить въ объясненія и переговоры съ представителями рабочихъ; онъ съ своей стороны полагаетъ, что неудовольствіе рабочихъ имѣетъ свои закон-

ныя основанія, но правительство не можетъ идти далѣе доброжелательнаго посредничества между сторонами. Пренія продолжались и въ слѣдующемъ засѣданіи имперскаго сейма, 21 января, при дѣятельномъ участіи извѣстнаго проповѣдника Штеккера. Такимъ образомъ, ежедневная печать и парламентъ освѣщаютъ рабочее движеніе съ разныхъ сторонъ, и вопросъ обсуждается не по слухамъ и не по произвольнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе фантастическимъ, а на основаніи точно установленныхъ и провѣренныхъ фактовъ. Въ общемъ, симпатіи къ забастовавшимъ рабочимъ преобладаютъ въ Германіи не только въ образованныхъ либеральныхъ кругахъ, но и среди правительственныхъ лицъ и части промышленнаго класса; всѣ осуждаютъ корыстное упорство хозяевъ и ихъ синдикатовъ, и многіе приходятъ къ заключенію, что каменноугольныя копи должны были бы быть выкуплены въ собственность государства. Въ стачкѣ участвуютъ около 240 тысячъ рабочихъ, и мирная трудовая жизнь обширнаго района значительно измѣнила свой характеръ; сами хозяева терпятъ громадные убытки, а можетъ быть, считаютъ будущіе барыши отъ повышенія цѣнъ; рабочіе болѣе или менѣе бѣдствуютъ, истрачивая свои сбереженія; многіе заводы сокращаютъ свою дѣятельность по недостатку угля, и вся страна чувствуетъ на себѣ послѣдствія неожиданно разгорѣвшагося кризиса. Рабочіе твердо стоятъ за свое право и надѣются добиться его признанія; спокойствіе и безопасность нигдѣ не нарушаются; публика и органы правительства не проявляютъ ни страха, ни вражды къ рабочимъ, и никому не приходитъ въ голову странная мысль, что въ мирномъ движеніи нѣмецкихъ рабочихъ можетъ участвовать таинственная иноземная и именно японская интрига, какъ это было серьезно возвѣщено въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ со словъ загадочнаго агентства, дѣйствующаго, будто бы, гдѣ-то между Парижемъ и Лондономъ. При полномъ свѣтѣ дня—нѣтъ мѣста таинственнымъ видѣніямъ; все ясно и просто при свободномъ общественномъ обсужденіи дѣлъ, и самые жгучіе вопросы мирно направляются къ своему рѣшенію, безъ ненужной обиды для кого бы то ни было. Въ этомъ и заключается великое преимущество того разумнаго правового порядка, который издавна господствуетъ въ Германіи и въ другихъ культурныхъ государствахъ, обезпечивая ихъ прочное внутреннее развитіе и процвѣтаніе.

Изъ берлинскихъ телеграммъ и газетъ мы узнали кое-что о содержаніи чрезвычайно важнаго международнаго договора, подписаннаго уполномоченными нашего правительства и касающагося жизненныхъ интересовъ населенія Россіи. Мы говоримъ о новомъ торговомъ трак-

татѣ съ Германіею. Для нѣмцевъ этотъ договоръ является результатомъ всесторонняго, можно сказать, общенароднаго обсужденія, плодомъ настойчивыхъ усилій, домогательствъ и компромиссовъ разныхъ классовъ общества, плодомъ внимательнаго взвѣшиванія и соглашенія между парламентскими дѣятелями и правительствомъ, а для насъ этотъ русско-германскій трактатъ, до случайнаго обнародованія его въ Берлинѣ, оставался недоступною канцелярскою тайною, предметомъ смутныхъ предположеній и неопредѣленныхъ слуховъ. То, что волновало и занимало Германію около двухъ лѣтъ, устроилось для насъ тихо и мирно, безъ нашего вѣдома и участія, и слѣдовательно безъ всякаго шума: за всю Россію, за разные слои ея населенія, за ея аграріевъ и промышленниковъ, дѣйствовало лишь нѣсколько чиновниковъ нашего министерства финансовъ. Эти компетентные чиновники избавили русское общество отъ ненужныхъ разногласій и споровъ, взявъ на себя окончательное секретное установленіе тѣхъ уступокъ, которыя требуются отъ нашего народнаго хозяйства въ пользу Германіи. Если при такомъ способѣ рѣшенія окажутся важныя ошибки и недосмотры, то спорить о нихъ будетъ уже безполезно, и основная цѣль высшей государственной политики будетъ достигнута въ области нашихъ международныхъ экономическихъ интересовъ. Пока мы еще не можемъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ заключеннаго договора, такъ какъ руководствоваться одними иностранными свѣдѣніями объ этомъ трактатѣ было бы не совсѣмъ удобно.

Политическіе кризисы въ обѣихъ половинахъ Австро-Венгріи разрѣшились сравнительно благополучно: въ Австріи главою кабинета, вмѣсто Кербера, назначенъ одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ дѣятелей, баронъ Гаучъ, бывшій уже неоднократно министромъ народнаго просвѣщенія, и затѣмъ занимавшій постъ министра-президента въ 1897—1898 годахъ. Въ свое время Гаучъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ попыткахъ взаимнаго примиренія національностей, и трудно сказать, имѣетъ ли онъ какіе-нибудь шансы успѣха въ настоящее время; но назначеніе его встрѣчено безъ особеннаго неудовольствія оппозиціонными партіями австрійскаго парламента. Болѣе радикальная развязка достигнута въ Венгріи: новые парламентскіе выборы дали результатъ, неблагопріятный для мнимо-либеральнаго правительства графа Тиссы, и оппозиція, руководимая Францемъ Кошутомъ и графомъ Аппоньи, впервые получаетъ большинство въ парламентѣ. Распущеніе палаты, устроенное Тиссою послѣ невозможныхъ парламентскихъ неурядицъ, очистило такимъ образомъ почву для новаго независимо-національнаго или автономнаго режима въ Венгріи—режима, болѣе соотвѣтствую-

щаго стремленіямъ и чувствамъ мадьярскаго большинства населенія. Пока Кошутъ и его союзники находились въ рядахъ оппозиціи, они грозили полнымъ разрывомъ съ Австріею и нерѣдко выражали рѣшимость сдѣлать Венгрію вполнѣ самостоятельнымъ, отдѣльнымъ государствомъ; но, достигнувъ власти, они поневолѣ будутъ считаться съ реальными условіями международнаго положенія въ Европѣ и, по всей вѣроятности, откажутся отъ мечтаній о независимой венгерской державѣ.

Министерство Комба вынуждено было, наконецъ, выйти въ отставку послѣ бурныхъ преній 13—15 января, такъ какъ поддерживавшее его радикальное большинство все болѣе уменьшалось, и при послѣднихъ голосованіяхъ доходило уже всего до нѣсколькихъ голосовъ. Въ сущности кабинетный кризисъ подготовлялся давно, и общественное мнѣніе во Франціи тяготилось дальнѣйшимъ владычествомъ односторонней антиклерикальной политики, достигшей уже достаточно крупныхъ положительныхъ результатовъ. Новое министерство Рувье имѣетъ, очевидно, только переходный характеръ, въ ожиданіи новой группировки парламентскихъ партій, среди которыхъ замѣтно возростаетъ авторитетъ вновь избраннаго президентомъ палаты честолюбиваго и талантливаго Поля Думѐра.

Въ засѣданіи 27 января, Рувье прочиталъ обычную министерскую декларацію, съ изложеніемъ политической программы новаго кабинета. Правительство, какъ сказано въ этой деклараціи, ставитъ себѣ двойную задачу: во-первыхъ, успокоить умы и возстановить согласіе между республиканцами, и во-вторыхъ, по возможности скорѣе ввести реформы, необходимость которыхъ признана неоднократными голосованіями палаты. Министерство рѣшительно осуждаетъ систему собиранія свѣдѣній объ офицерахъ и другихъ должностныхъ лицахъ внѣ законнаго порядка, при помощи постороннихъ частныхъ организацій; въ то же время оно будетъ оказывать энергическій отпоръ врагамъ республики, не давая себя отклонять отъ текущихъ законодательныхъ работъ, которыя должны быть приведены къ концу до истеченія срока парламентскихъ полномочій. Военная реформа, имѣющая цѣлью создать болѣе однородную и сильную армію, получитъ вѣроятно законодательную санкцію въ ближайшемъ будущемъ, благодаря установившемуся согласію между обѣими палатами. Вопросы о страхованіи рабочихъ, о подоходномъ налогѣ и объ отдѣленіи церкви отъ государства будутъ разрабатываться въ прежнемъ духѣ и направленіи; правительство употребитъ всѣ старанія, чтобы добиться благополучнаго осуществленія этихъ проектовъ. Что касается международныхъ отношеній, то кабинетъ будетъ неуклонно продолжать ту политику,

которая при содѣйствіи парламента и при общемъ національномъ сочувствіи позволила Франціи извлечь надлежащія выгоды изъ существующаго внѣшняго союза, достигнуть полезныхъ соглашеній и обезпечить странѣ могущественную и почетную роль среди великихъ державъ міра.

При чтеніи этой министерской деклараціи депутаты правой и центра выражали шумное одобреніе, тогда какъ лѣвая сохраняла молчаніе. Только въ одномъ мѣстѣ рѣчь Рувье была прервана громкими протестами и возгласами крайней лѣвой,—когда онъ заговорилъ о русскомъ союзѣ. Депутаты лѣвой кричали: „долой русское правительство, долой палачей!“—и эти крики повторялись въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Центръ и правая опять рукоплескали министру, стараясь заглушить шумъ радикальныхъ голосовъ. Консерваторы и націоналисты вообще поощряли и поддерживали Рувье, надѣясь этимъ способомъ оттолкнуть отъ министерства нѣкоторую часть республиканцевъ и вызвать расколъ среди большинства. Рувье извѣстенъ только какъ опытный финансовый дѣлецъ, и его политическая репутація давно уже считается сомнительною; онъ былъ косвенно замѣшанъ въ панамскомъ дѣлѣ, такъ какъ, будучи министромъ, взялъ заимообразно деньги изъ суммъ пресловутаго панамскаго общества для правительственныхъ надобностей; зато онъ оказалъ крупную услугу республикѣ, удаливъ генерала Буланже изъ состава правительства въ 1887 году. По своимъ общимъ взглядамъ и по характеру своей дѣятельности, Рувье принадлежитъ скорѣе къ оппортунистамъ, чѣмъ къ радикаламъ; тѣмъ не менѣе онъ, въ качествѣ главы радикальнаго кабинета, долженъ опираться на различныя группы лѣвой. Послѣдовательные радикалы и соціалисты не могутъ относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ, и нѣкоторый оттѣнокъ антипатіи чувствовался во всѣхъ рѣчахъ и заявленіяхъ крайнихъ республиканцевъ, при обсужденіи министерской программы. Радикалъ Маньоде́ указалъ на слабыя стороны проекта о подоходномъ налогѣ и напомнилъ, что прошлое министра-президента не даетъ гарантіи въ пользу искренности и серьезности его реформаторскихъ плановъ. Депутатъ Леруа требовалъ большей ясности въ вопросѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства. Націоналистъ Конти заявилъ, что отказывается отъ всякихъ возраженій противъ политики министерства въ виду замѣчаній Рувье о русскомъ союзѣ. Министръ-президентъ говоритъ: „Въ теченіе двухъ лѣтъ я безусловно поддерживалъ моего предмѣстника. Когда президентъ республики поручилъ мнѣ образованіе кабинета, я окружилъ себя людьми, принадлежащими къ группамъ республиканскаго большинства. Наше министерство есть министерство лѣвой, и мы желаемъ управлять только при помощи лѣвой. Я не желаю пользоваться довѣріемъ депутата Конти“. Оста-

навливаясь, затѣмъ, на церковномъ вопросѣ, Рувье выражаетъ рѣшимость отдѣлить церковь отъ государства безъ ущерба для религіозной совѣсти католиковъ; правая и центръ опять оживленно апплодируютъ. Дальнѣйшія пренія касаются мѣръ, принятыхъ новымъ кабинетомъ по поводу доносовъ въ арміи. Радикалы крайне недовольны увольненіемъ генерала Пеньѐ, искренняго республиканца, получавшаго иногда отъ секретаря масонской ложи фактическія справки объ убѣжденіяхъ отдѣльныхъ офицеровъ; ораторы лѣвой находили, что не слѣдовало подвергать такой суровой мѣрѣ республиканскаго генерала. Рувье утѣшаетъ оппозицію заявленіемъ, что уволены также два реакціонныхъ генерала за рѣзкія рѣчи противъ правительства. Въ дебаты вмѣшивается военный министръ Бертò, очень популярный въ палатѣ, и его дѣятельное участіе въ преніяхъ значительно облегчаетъ положеніе Рувье. Депутатъ Алларъ затронулъ щекотливую тему о внѣшней политикѣ. „Я удивляюсь, — сказалъ онъ, — что министерство осмѣлилось говорить здѣсь о франко-русскомъ союзѣ въ такой моментъ, когда весь цивилизованный міръ возмущается и протестуетъ противъ позорныхъ кровавыхъ событій въ Петербургѣ. Мы не хотимъ союза съ правительствомъ палачей“. Въ палатѣ возникаетъ невообразимый шумъ; министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассѐ вскакиваетъ на трибуну. „Я обязанъ,—начинаетъ онъ,—во имя доброй славы Франціи, въ сознаніи важныхъ интересовъ, ввѣренныхъ моей защитѣ, протестовать здѣсь самымъ энергическимъ образомъ“... Ему не даютъ говорить; крайняя лѣвая прерываетъ его разными возгласами, и президентъ Думéръ не въ силахъ возстановить спокойствіе въ палатѣ. Депутаты лѣвой кричатъ объ убійцахъ и разбойникахъ, съ которыми преступно поддерживать дружбу; Делькассѐ повторяетъ свой протестъ противъ такого рода „непозволительныхъ выраженій“. „Это—выраженія человѣчности“,—замѣчаетъ депутатъ Руанэ. Министръ предостерегаетъ оппозицію отъ увлеченій, которыя могутъ причинить печаль друзьямъ Франціи за границей. „Оплакивайте событія, которыя произошли; выражайте свою жалость къ жертвамъ, но на этомъ и остановитесь,—продолжалъ министръ:—вы не можете брать на себя роль судей“. Постоянные шумные перерывы не смущали Делькассѐ. „Я говорю какъ французъ. Если мы не допускаемъ и тѣни иностраннаго вмѣшательства въ наши домашнія дѣла, то такую же щепетильность нужно соблюдать при оцѣнкѣ чужихъ внутреннихъ дѣлъ. Притомъ у васъ нѣтъ и элементовъ для правильнаго сужденія“. Слышатся крики: „Есть,—это трупы и кровь“. Делькассѐ отвергаетъ достовѣрность тѣхъ газетныхъ сообщеній, которыя взволновали французскую публику; „сами авторы этихъ описаній удивились бы, еслибы ихъ считали способными сообщать только о томъ, чтò они видѣли и наблюдали“. На

этотъ разъ и Делькассѐ, какъ и Рувье, имѣлъ противъ себя почти всю лѣвую, а за него были консерваторы. Жорѐсъ упрекаетъ министра въ неумѣстномъ усердіи. „Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ,—говоритъ онъ,—не имѣетъ права выступать оффиціальнымъ защитникомъ тѣхъ, которые виновны въ избіеніи своего народа“. Делькассѐ отвѣчаетъ: „Я выступаю защитникомъ интересовъ моей страны, которымъ вы плохо служите въ настоящемъ случаѣ. Подумали ли вы, при какихъ обстоятельствахъ произошли извѣстные факты? Мы не должны забывать, что страна, о которой идетъ рѣчь, находится съ нами въ союзѣ и что этотъ союзъ далъ намъ безопасность, возможность устраивать повсюду въ полномъ спокойствіи наши собственныя дѣла, и позволилъ вашему министру иностранныхъ дѣлъ предпринять и осуществить тѣ международныя соглашенія, которымъ самъ Жорѐсъ не откажетъ въ заслугѣ предусмотрительности“. Послѣднія слова министра встрѣчены сильными рукоплесканіями, преимущественно на скамьяхъ центра и умѣренной лѣвой. Послѣ этого бурнаго эпизода, вызваннаго отголосками нашихъ необыкновенно грустныхъ „домашнихъ“ дѣлъ, палата вернулась къ предмету своихъ преній и закончила ихъ выраженіемъ довѣрія къ кабинету, большинствомъ 373 голосовъ противъ 99.

Говоря объ упомянутомъ эпизодѣ, министерскій „Temps“ высказывается въ томъ смыслѣ, что для внѣшняго союза вовсе не требуется внутренняя близость или симпатія, и въ доказательство газета ссылается на примѣръ Франциска I, который не пренебрегалъ союзомъ съ Турціею. Такимъ образомъ, даже одинъ изъ самыхъ осторожныхъ и авторитетныхъ ȍргановъ французскаго общественнаго мнѣнія подтверждаетъ тотъ печальный для насъ фактъ, что прежнія симпатіи французовъ къ Россіи сильно подорваны и что о нихъ нѣтъ болѣе и рѣчи при оцѣнкѣ выгодъ или неудобствъ существующаго еще союза. Въ Парижѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ всякій пріѣзжій русскій офицеръ могъ разсчитывать на восторженную встрѣчу, происходятъ теперь публичныя демонстраціи противъ нашего правительства, и мѣстныя власти вынуждены ограждать безопасность членовъ русскаго посольства отъ преступныхъ покушеній. Въ залѣ Тиволи, 30 января, собралась огромная толпа народа спеціально для того, чтобы слушать, одобрять и высказывать самые рѣзкіе протесты противъ оффиціальной Россіи; въ этой толпѣ было много и иностранцевъ, преимущественно русскихъ эмигрантовъ, но, по свидѣтельству парижскихъ газетъ, преобладали французы. Главными ораторами были депутаты Вальянъ, де-Прессансé и Жорѐсъ. По мнѣнію де-Прессансэ, Франція несетъ на себѣ значительную долю отвѣтственности за сохраненіе у насъ того режима, который она поддерживала своими ка-

питалами и своею дружбою. Жорéсъ сравнивалъ наше современное положеніе съ состояніемъ французскихъ дѣлъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка. Въ заключеніе былъ прочитанъ текстъ воззванія, которое предполагалось расклеить въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ страны. Сборище около залы Тиволи было настолько многолюдно, что полиціи пришлось дѣйствовать въ усиленномъ составѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого префекта, Лепина; въ одномъ мѣстѣ, послѣ двѣнадцати часовъ ночи, при столкновеніи части публики съ отрядомъ республиканской гвардіи, произошелъ внезапный взрывъ бомбы, отъ котораго пострадало нѣсколько полицейскихъ. Въ ту же ночь найденъ былъ взрывчатый снарядъ у входа въ домъ состоящаго при русскомъ посольствѣ князя Трубецкого, и вѣроятно первая бомба имѣла подобное же назначеніе. При господствующемъ нынѣ за границей настроеніи относительно Россіи, пребываніе русскихъ представителей и даже простыхъ туристовъ въ западно-европейскихъ государствахъ становится довольно тягостнымъ; а еще годъ назадъ наше отечество повсюду уважалось, несмотря на смутные слухи и толки о неудачной системѣ управленія. Какъ высоко стояла наша международная репутація при самомъ началѣ двадцатаго вѣка, во время Гаагской конференціи, и какъ низко упала она въ настоящее время! Въ этотъ короткій періодъ успѣли ярко выразиться результаты упорныхъ и многолѣтнихъ усилій, направленныхъ къ тому, чтобы отстранить Россію отъ обще-европейскихъ путей внутренняго развитія, обрекая ее на прозябаніе подъ гнетомъ невѣжества и безправія. Мы расплачиваемся теперь за наше недавнее прошлое, и передовыя иностранныя націи не безъ основанія отворачиваются отъ насъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1905.

I.

— Лекціи по русской исторіи профессора С. Ѳ. Платонова. Издалъ на правахъ рукописи бывшій слушатель Александровской Военно-Юридической Академіи И. Блиновъ. Спб. 1904.

Лекціи проф. Платонова, читанныя имъ въ минувшемъ году въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составляютъ значительный вкладъ въ нашу историческую литературу. Авторъ ихъ извѣстенъ своими замѣчательными во многихъ отношеніяхъ монографіями по отдѣльнымъ вопросамъ, и настоящія лекціи являются, такимъ образомъ, первой попыткой представить болѣе или менѣе цѣльное обозрѣніе всего доступнаго наукѣ хода историческаго развитія нашей родины. Соглашаясь на печатаніе своего курса, г. Платоновъ счелъ необходимымъ предпослать ему слѣдующія оговорки: 1) предлагаемый текстъ его лекцій составился постепенно изъ записей, сдѣланныхъ частью самимъ лекторомъ, частью его слушателями и слушательницами въ разное время и съ различною степенью подробностей; 2) изложеніе курса не имѣетъ поэтому полной точности, цѣльности и законченности; 3) лекторъ не имѣлъ возможности лично редактировать текстъ этого печатнаго изданія, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстъ. Эти „оговорки", въ связи съ нѣкоторой—укажемъ отъ себя—неполнотой и случайностью въ указаніяхъ источниковъ и пособій, не мѣшаютъ признать за книгой г. Платонова значеніе одного изъ самыхъ выдающихся обзоровъ нашей исторіи, появившихся въ печати и стоящихъ на уровнѣ науки.

„Лекціи" распадаются по своему содержанію на три главы: первая излагаетъ древнѣйшую исторію кіевской Руси, Руси сѣверовосточной, Новгорода, Пскова, Литвы, Московскаго княжества до начала XVI вѣка; вторая—занята изложеніемъ смутнаго періода въ

Московскомъ государствѣ, со всѣми предшествовавшими и послѣдующими обстоятельствами, затѣмъ изображеніемъ времени Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича; третья посвящена эпохѣ Петра и послѣдующимъ царствованіямъ вплоть до кончины имп. Николая I. Изложенію собственно исторіи предшествуетъ введеніе, въ которомъ дается общій очеркъ русской исторіографіи и необходимый обзоръ источниковъ.

Во введеніи же авторъ высказываетъ общій взглядъ на построеніе русской исторіи. Если идеаломъ историка вообще является раскрытіе постоянныхъ законовъ и отношеній, въ которыхъ развивается и которымъ подчинена человѣческая жизнь, то этотъ идеалъ слишкомъ широкъ для *русскаго* историка. „Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ руководиться русскій историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни—жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты ужъ собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого историческаго процесса, можемъ даже, на основаніи ряда частныхъ обобщеній, сдѣлать смѣлую попытку,—дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ которой развились основные факты нашей исторической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ идти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность или значеніе того или другого историческаго факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей; добытыми результатами онъ можетъ служить историку всеобщему, положить и свой камень въ основаніе общеисторическаго синтеза. Но этимъ и ограничивается его связь съ исторіей общей и вліяніе на нее. Конечной цѣлью русской исторіографіи всегда останется построеніе системы мѣстнаго историческаго процесса".

Въ связи съ этимъ взглядомъ на построеніе этой системы опредѣляется и задача историка. „Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своей исторіей, живетъ сознательно, чутокъ къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача—въ данномъ случаѣ можно выразиться—долгъ національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то ни было предвзятыя

точки зрѣнія; субъективная идея не есть идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которыя характеризовали собой различныя стадіи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія, и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ даетъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него".

Изложеніе курса исторіи у г. Платонова отличается нѣсколькими особенностями, изъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить преобладаніе политическаго элемента надъ культурнымъ. Придя къ опредѣленію кіевскаго княжества въ XI вѣкѣ, какъ „политической формы единой народности", авторъ посвящаетъ дальнѣйшее изложеніе развитію именно политической формы, съ глубокимъ, сжато и мѣтко выраженнымъ анализомъ условій, которыя вліяли на ея образованіе. Смутное время, которому нашъ историкъ посвящаетъ, какъ извѣстно, спеціальное вниманіе, представлено и въ лекціяхъ съ особой обстоятельностью и ясностью. Выяснивъ „политическое" и „соціальное" противорѣчія въ московской жизни XVI вѣка, какъ внутреннія причины послѣдовавшей смуты, г. Платоновъ даетъ мастерскую характеристику Бориса Годунова, котораго онъ признаетъ маловѣроятнымъ виновникомъ смерти царевича Дмитрія. Въ изображеніи автора Годуновъ является просвѣщенной и симпатичной личностью. „Правда, Борисъ легко смотрѣлъ на жизнь и свободу съ нашей точки зрѣнія, но въ XVI вѣкѣ одинаковой жестокостью отличалась и темная Русь при Иванѣ IV, и просвѣщенная политика Екатерины Медичи, и благочестивые экстазы Филиппа II. По мѣркѣ того времени Борисъ былъ очень гуманною личностью, даже въ минуты самой жаркой его борьбы съ боярствомъ"... Возбудившійся въ послѣднее время интересъ къ личности самозванца и возникшій въ литературѣ обмѣнъ мнѣній, опубликованныхъ новыхъ важныхъ документовъ, еще болѣе утвердилъ г. Платонова въ его убѣжденіи о русскомъ происхожденіи самозванца, и вопросъ этотъ въ лекціяхъ получилъ слѣдующую формулировку: „Въ томъ, что самозванецъ былъ плодомъ *русской* интриги, убѣждаютъ насъ и слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, по сказаніямъ очевидцевъ, названный Дмитрій былъ великороссіянинъ и грамотей, бойко объяснявшійся по-русски, тогда какъ польская цивилизація ему давалась плохо; во-вторыхъ, іезуиты, которые должны были стоять въ центрѣ интриги, еслибы она была польской, за Лжедмитрія ухватились только тогда, когда онъ уже былъ готовъ, и, какъ видно изъ посланія папы Павла къ Сендомирскому воеводѣ, даже въ католичество обратили его не іезуиты, а францисканцы, и, въ-третьихъ, на-

конецъ, польское общество относилось съ недовѣріемъ къ царскому происхожденію Самозванца, презрительно о немъ отзывалось, а къ дѣлу его большинство относилось сомнительно".

Въ опредѣленіи историческаго значенія г. Платоновъ явился послѣдователемъ того мнѣнія, высказывавшагося въ литературѣ и ранѣе, что такъ-называемая эпоха преобразованій была подготовлена всѣмъ ходомъ предшествовавшей исторической жизни Россіи, но въ рѣшеніи вопроса о степени личнаго участія Петра въ качествѣ инипіатора преобразованій авторъ пошелъ дальше большинства изслѣдователей, придя къ крайнему выводу, что Петръ не былъ царемъ-революціонеромъ, и реформы его по существу и результатамъ не были переворотомъ ни политическимъ, ни общественнымъ, ни экономическимъ. „И въ культурномъ отношеніи Петръ не внесъ въ русскую жизнь откровеній. Старые культурные идеалы были тронуты до него; въ XVII вѣкѣ вопросъ о новыхъ началахъ культурной жизни сталъ рѣзко-выраженнымъ вопросомъ. Царь Алексѣй отчасти, и царь Өеодоръ вполнѣ, являлись уже представителями новаго направленія. Царь Петръ въ этомъ прямой ихъ преемникъ. Но его предшественники были ученики кіевскихъ богослововъ и схоластиковъ, а Петръ былъ ученикъ западно-европейцевъ, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространеніи своихъ знаній въ народѣ, а Петръ считалъ это однимъ изъ главныхъ своихъ дѣлъ. Этимъ онъ существенно отличался отъ государей XVII вѣка. Итакъ, Петръ не былъ творцомъ культурнаго вопроса, но былъ первымъ человѣкомъ, рѣшившимся осуществить культурную реформу. Результаты его дѣятельности были велики: онъ далъ своему народу полную возможность матеріальнаго и духовнаго общенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но не слѣдуетъ, однако, преувеличивать этихъ результатовъ. При Петрѣ образованіе коснулось только высшихъ слоевъ общества и то слабо; народная же масса осталась при своемъ старомъ міровоззрѣніи".

Это мнѣніе, примыкающее ко взгляду, высказанному нѣсколько лѣтъ назадъ П. Н. Милюковымъ, будетъ казаться нѣсколько одностороннимъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ объ отношеніи въ дѣятельности Петра—личнаго, въ извѣстномъ смыслѣ случайнаго элемента—къ необходимому, вытекавшему изъ суммы предшествовавшихъ условій. Если Петръ не былъ „творцомъ эпохи", то онъ былъ въ эту эпоху наиболѣе сознательной личностью въ смыслѣ пониманія назрѣвшихъ задачъ и грядущихъ возможностей. Могучую личность онъ представлялъ собою и въ томъ смыслѣ, что ему оказалось по плечу выдержать на себѣ борьбу противоположныхъ началъ русской жизни въ одинъ изъ ея наиболѣе стихійныхъ моментовъ. По-

этому, кажется намъ, сводить личность Петра къ капризамъ и пылкости необузданнаго характера едва ли является дѣломъ исторической осторожности, при которой на историкѣ лежитъ обязанность испытывать на себѣ вліяніе положительныхъ чертъ выдающихся дѣятелей исторіи хотя бы въ той же мѣрѣ, въ какой отрицательныя чувствовались современниками.

Изложеніе послѣдующихъ событій отличается значительной сжатостью, а въ характеристикѣ первой половины девятнадцатаго вѣка и неполнотой фактическаго свойства, о чемъ можно только пожалѣть, такъ какъ сведеніе во-едино хотя бы извѣстныхъ документальныхъ данныхъ могло бы привести слушателей къ цѣлому ряду самыхъ объективныхъ выводовъ, которые могли бы оказаться небезполезны для пониманія современнаго положенія вещей. Особенно слабо представлены общественное и умственное теченія, связанныя съ кружками двадцатыхъ годовъ и движеніями декабристовъ. Внимательный читатель найдетъ, однако, и на страницахъ, посвященныхъ изображенію итоговъ царствованія Николая I, цѣнныя указанія на факты исторической преемственности въ развитіи двухъ направленій, приведшихъ чуть не къ открытой борьбѣ правительства и общественныхъ силъ. Независимо отъ личныхъ взглядовъ историка, стремящагося быть только объективнымъ въ своемъ изложеніи, исторія не можетъ не учить, если только она правдива. Первое десятилѣтіе царствованія имп. Николая I нашъ историкъ характеризуетъ, какъ время бодрой работы, съ очевиднымъ поступательнымъ характеромъ. „Однако, позднѣйшій наблюдатель съ удивленіемъ убѣждается, что эта бодрая дѣятельность не привлекала къ себѣ ни участія, ни сочувствія лучшихъ интеллигентныхъ силъ тогдашняго общества и не создала имп. Николаю I той популярности, которою пользовался въ свои лучшіе годы его предшественникъ Александръ. Одну изъ причинъ этого явленія можно видѣть въ томъ, что само правительство имп. Николая I желало дѣйствовать независимо отъ общества и стремилось ограничить кругъ своихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ сферою бюрократіи“. Съ обычной мѣткостью характеризуетъ авторъ созданное Николаевскимъ режимомъ состояніе взаимныхъ отношеній: „Такимъ образомъ, установилось своеобразное отчужденіе между властью и тѣми общественными группами, которыя по широтѣ своего образованія и по сознательности патріотическаго чувства могли бы быть наиболѣе полезны для власти. Обѣ силы—и правительственная, и общественная—сторонились одна отъ другой въ чувствахъ взаимнаго недовѣрія и непониманія и обѣ терпѣли отъ рокового недоразумѣнія. Лучшіе представители общественной мысли, имена которыхъ мы теперь произносимъ съ уваженіемъ (Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ,

Грановскій, даже историкъ Соловьевъ), были подозрѣваемы и стѣснены въ своей литературной дѣятельности и личной жизни, чувствовали себя гонимыми и роптали (а Герценъ даже эмигрировалъ). Лишенные довѣрія власти, они не могли принести той пользы отечеству, на какую были способны. А власть, уединивъ себя отъ общества, должна была съ теченіемъ времени испытать всѣ неудобства такого положенія. Пока въ распоряженіи императора Николая I находились люди предшествовавшаго царствованія (Сперанскій, Кочубей, Киселевъ), дѣло шло бодро и живо. Когда же они сошли со сцены, на смѣну имъ не являлось лицъ имъ равныхъ по широтѣ кругозора и теоретической подготовкѣ. Общество таило въ себѣ достаточное число способныхъ людей, и въ эпоху реформъ императора Александра II они вышли наружу. Но при императорѣ Николаѣ I къ обществу не обращались и отъ него не брали ничего; канцеляріи же давали только исполнителей-формалистовъ, далекихъ отъ дѣйствительной жизни. Къ концу царствованія императора Николая I система бюрократизма, отчуждавшая власть отъ общества, привела къ господству именно канцелярскаго формализма, совершенно лишеннаго той бодрости и готовности къ реформамъ, какую мы видѣли въ началѣ этого царствованія".

Событія, совершающіяся на нашихъ глазахъ, не являются ли естественнымъ послѣдствіемъ этого отчужденія, уже засвидѣтельствованнаго исторіей? Ростъ общественнаго самосознанія сокращаетъ разстояніе между фактами и безпристрастнымъ судомъ исторіи, и уроки послѣдней пріобрѣтаютъ особую, жгучую наглядность.

II.

— Василенко, Н. П.—О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ, 1904.

Авторъ не задается цѣлью написать болѣе или менѣе полную біографію О. М. Бодянскаго. Но его работа цѣнна въ томъ отношеніи, что она захватываетъ значительную часть этой біографіи и возбуждаетъ надежду, что послѣдняя рано или поздно воскреситъ духовный обликъ дѣятеля, оставившаго глубокій слѣдъ въ наукѣ и исторіи московскаго университета. Авторъ останавливается на обзорѣ дѣятельности Бодянскаго главнымъ образомъ по изученію родной ему Малороссіи (Бодянскій былъ уроженецъ полтавской губ.), и въ то же время дѣлаетъ попытку сгруппировать въ системѣ біографическіе факты, вообще извѣстные въ печати. Это тѣмъ болѣе важно, что,

какъ справедливо замѣчаетъ г. Василенко, личность „основателя славяновѣдѣнія въ Россіи“ уже успѣла затуманиться въ памяти ближайшаго поколѣнія, а его научные труды, во многихъ случаяхъ замѣчательные, находятъ себѣ оцѣнку только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Біографъ въ высшей степени внимательно отнесся къ своему труду. Онъ собралъ многочисленныя статьи, затерявшіяся въ старыхъ журналахъ, и, характеризуя время и условія появленія ихъ въ печати, счелъ нужнымъ болѣе или менѣе подробно изложить ихъ содержаніе; это не лишено значенія и въ томъ смыслѣ, что многія изъ статей Бодянскаго сдѣлались библіографической рѣдкостью; по тѣмъ же соображеніямъ были перепечатаны имъ малороссійскія вирши Бодянскаго, помѣщенныя въ „Молвѣ“ 1873 года.

Не останавливаясь на послѣдовательномъ и обстоятельномъ разсказѣ о научныхъ интересахъ Бодянскаго къ Малороссіи и его трудахъ въ этой области, напомнимъ читателю, изъ той же книги, два факта, которые характеризуютъ какъ личность Водянскаго, такъ и эпоху, когда ему приходилось жить и дѣйствовать. Первый фактъ относится ко времени редакторства Бодянскаго въ „Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“, и заключается въ исторіи съ переводомъ Флетчера. Переводъ этотъ былъ исполненъ Калачовымъ и помѣщенъ въ первой книжкѣ „Чтеній“ за 1848 годъ.

Передаемъ эту „исторію“, придерживаясь главнымъ образомъ фактической стороны. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ въ то время Уваровъ, а московскимъ попечителемъ Строгановъ. Между ними существовала старинная вражда, избравшая своимъ объектомъ въ данномъ случаѣ злополучный переводъ невиннѣйшей англійской книги. Уваровъ усмотрѣлъ въ сочиненіи Флетчера недоброжелательные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ и велѣлъ немедленно остановить дальнѣйшій выпускъ книжки „Чтеній“, а изъ выпущенныхъ уже экземпляровъ вырѣзать сочиненія Флетчера. Напрасно Строгановъ, разрѣшившій печатать переводъ, излагалъ Уварову мотивы своего разрѣшенія и взывалъ къ священной тѣни Карамзина, выражавшаго желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ ради эпохи, въ немъ изображенной. „Я полагалъ,—писалъ Строгановъ,—что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ“.

И это писалось въ 1848 году, самомъ жестокомъ изъ всѣхъ лѣтъ жестокаго Николаевскаго режима! Ссылка на зависть Европы, однако, не помогла. Уваровъ доложилъ государю, а государь, конечно, под-

держалъ Уварова, разъ дѣло касалось цензурной кары, и повелѣлъ, чтобы всѣ изданія Общества подвергались разрѣшенію общей цензуры, т.-е. были подъ контролемъ того же Уварова, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, которому въ то время была подчинена цензура. Строгановъ немедленно отказался отъ званія предсѣдателя Общества. По поводу исторіи съ Флетчеромъ въ дневникѣ Бодянскаго сохранилась интересная запись: „Бывши у государя,—разсказывалъ графъ С. Г. Строгановъ,—послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: „Что̀ ты тамъ печатаешь такое?“—„Государь,—отвѣчалъ я,—я печаталъ такое, что̀ всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Ѳедора Ивановича, все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее не похожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣлать изъ этого шуму и представить в. в., какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33, т.-е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались“. —„Но и архіереямъ не все можно дозволять читать“...

Опека, такимъ образомъ, касалась и архіереевъ: недаромъ же въ отечественной исторіи бывали и изъ этого сословія вольнодумцы. На этомъ дѣло, однако, не кончилось, и въ связи съ нимъ находится и другой фактъ, который имѣетъ близкое отношеніе къ Бодянскому. Бодянскому было предложено оставить Москву и занять каѳедру славяновѣдѣнія въ Казани. Нечего и говорить, что переводъ этотъ былъ пониженіемъ по службѣ для Бодянскаго и долженъ былъ означать неблаговоленіе начальства. Онъ обратился къ министру Уварову съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что, „по состоянію его здоровья, для него единственнымъ безвреднымъ мѣстопребываніемъ можетъ быть Москва, и что въ данной имъ, при отправленіи за границу, подпискѣ онъ обязался прослужить двѣнадцать лѣтъ именно при московскомъ университетѣ“. „Въ подпискѣ дѣйствительно стояли эти слова,—разсказываетъ г. Василенко,—но Уваровъ не признавалъ ссылку на нихъ основательною, указывая на право министерства переводить профессоровъ изъ одного университета въ другой; что же касается здоровья, то министръ предоставлялъ Бодянскому просить объ увольненіи отъ службы вовсе...“ Бодянскій такъ и поступилъ; вскорѣ, впрочемъ, онъ былъ возвращенъ въ московскій университетъ съ тяжелымъ чувствомъ

неудовлетворенности и обиды, заставившимъ его еще болѣе уединиться и уйти въ себя. Помимо всего прочаго, исторія съ сочиненіемъ Флетчера, напечатаннымъ, кстати сказать, вскорѣ за границей, лишній разъ показывала, какъ мало дорожило выдающимися людьми вѣдомство народнаго просвѣщенія, ставя свои канцелярскія правила выше всякихъ соображеній о научномъ достоинствѣ университетской науки и ея представителей.

Желательна полная біографія Бодянскаго, но и то, что̀ собрано въ книгѣ г. Василенка, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на судьбы нашего просвѣщенія въ эпоху, которая тоже ждетъ своего историка.

III.

— Дневникъ Елизаветы Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ 1895—1899. Второе изд. Спб. 1905.

— Елизавета Дьяконова. Дневникъ русской женщины. Парижъ, 1900—1902. Спб. 1905.

„Что̀ такое жизнь? Жизнь есть творчество,—отвѣтила бы я, еслибъ мнѣ кто-нибудь задалъ такой вопросъ. Творчество—непрерывное, въ немъ радость, въ немъ счастье... Самое высшее счастье—обладать творческою способностью въ области духа; въ этомъ нѣчто священное,—болѣе священное, нежели всѣ чудеса природы. Есть нѣчто невыразимо-прекрасное въ минутахъ вдохновенія, когда эта сила разгорается и уноситъ далеко-далеко“...

Къ этому выводу, высказанному въ одну изъ спокойныхъ минутъ размышленія о жизни, пришла Дьяконова послѣ непрерывнаго ряда болѣзненныхъ сомнѣній, исканій и порывовъ. Надѣленная тонкой и впечатлительной душою, необыкновенной способностью самоанализа, безпощадно-совѣстливаго въ стремленіи разобраться въ противорѣчіяхъ дѣйствительности и идеала, она имѣла всѣ данныя стать одной изъ лучшихъ участницъ въ творческой работѣ жизни, какъ она ее понимала. „Человѣкъ долга и отвѣтственности передъ самимъ собой“, какъ ее прекрасно опредѣляютъ слова біографическаго очерка, покойная Е. А. была вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкомъ широкаго общественнаго запроса. Она была одарена удивительной ясностью мысли, помогавшей ей формулировать для себя самой поразительно мѣтко и вмѣстѣ съ тѣмъ просто самые сложные вопросы, и нѣтъ сомнѣнія, что она нашла бы естественный, честный и разумный выходъ изъ мучившихъ ее противорѣчій, отдавшись творческой работѣ жизни, еслибы судьба, въ числѣ прочихъ благъ, послала ей необходимѣйшее—здоровье, которое было у нея подточено печальной, „специфической“

наслѣдственностью и подорвало силы. Жизнь ея, какъ извѣстно, окончилась трагически: заграницей, въ австрійскомъ Тиролѣ, въ туманное утро 29 іюля 1902 года, Е. А. одна ушла въ горы—и не возвратилась. Смерть—эта, по одному изъ ея выраженій, „нѣчто чудовищное, страшное, но вѣчно новое, какъ любовь", разрѣшила для нея „безсмысленную загадку..."

Первая изъ отмѣченныхъ книгъ дневника обнимаетъ время пребыванія на курсахъ автора—1895—1899 гг. Какъ живая и искренняя исповѣдь умной и развитой дѣвушки, явившейся въ Петербургъ съ отчетливо сознаннымъ позывомъ учиться и работать, дневникъ этотъ (выходящій уже вторымъ изданіемъ) представляетъ большой интересъ. Въ немъ отразился юный идеализмъ начинающей курсистки, и неустанная работа мысли и духа надъ постановкой и рѣшеніемъ жизненныхъ задачъ, и общественныя событія, волновавшія въ эти годы всю учащуюся молодежь, и личности профессоровъ, и неизбѣжныя неудачи, и разочарованія,—все гармонически сплелось въ ея изложеніи въ неровную и увлекающую повѣсть, столь же любопытную по отношенію къ личности разсказчицы, какъ и къ тѣмъ лицамъ и событіямъ, о которыхъ она говоритъ. Одна черта выгодно отличаетъ этотъ дневникъ отъ произведеній подобнаго рода: большая строгость къ себѣ, наряду съ большой деликатностью въ отзывахъ о другихъ; имена профессоровъ, которымъ она была обязана тѣми или другими сторонами своего развитія, произносятся ею съ чувствомъ неизмѣннаго уваженія; даже о дѣятеляхъ явно несимпатичныхъ ей она не позволяетъ себѣ въ интимной бесѣдѣ своей, на страницахъ дневника, легкомысленнаго или рѣзкаго отзыва. Подобную черту тѣмъ пріятнѣе встрѣтить въ произведеніи молодой курсистки, что по натурѣ, насколько объ этомъ можетъ судить читатель, она была увлекающаяся, порывистая дѣвушка, у которой анализъ былъ всегда вторичнымъ явленіемъ.

На первыхъ порахъ самолюбіе Дьяконовой подвергалось частому испытанію. Въ первые же мѣсяцы своего пребыванія на курсахъ ей пришлось отмѣтить нѣкоторую несимпатичную ей условность студенческихъ собраній, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, пренебрежительный тонъ со стороны наиболѣе передовыхъ, нерѣдко скрытую фальшь... Сообщая о засѣданіи комитета грамотности, гдѣ дебатировался вопросъ объ ассигновкѣ 2.000 рублей на статистическія изслѣдованія положенія школьнаго дѣла въ Россіи, Дьяконова замѣчаетъ мелькомъ, что среди молодежи, наполнявшей залу и жадно прислушивавшейся къ рѣчамъ, она не встрѣтила ни одного мундира лицеиста или правовѣда, и приходитъ къ такому выводу: „да, въ этой залѣ дѣлалось хорошее дѣло... неотложная, необходимая работа. И

мои убѣжденія здѣсь, въ столицѣ, получаютъ все болѣе и болѣе подтвержденій de facto. Въ настоящее время, при такомъ положеніи вещей, наиболѣе симпатичная и, главное, плодотворная, необходимая дѣятельность въ деревнѣ, въ селѣ, въ городѣ—для народа. И теперь я вижу, что это на самомъ дѣлѣ такъ".

Нѣсколько позже автору „Дневника" привелось быть на студенческомъ „чаепитіи", и она съ большимъ умѣньемъ передала картину и настроеніе своеобразной вечеринки. Основной интересъ послѣдней составлялъ знаменитый въ свое время споръ народниковъ и марксистовъ и примирительная попытка одного изъ публицистовъ. Дьяконова называетъ и фамиліи ораторовъ: Струве, Яроцкій, Л. Е. О—скій, „популярный профессоръ К—въ". Шли нескончаемые споры, произносились рѣчи, атмосфера была „насыщена электричествомъ". „Но всѣ эти рѣчи, всѣ споры, — замѣчаетъ Дьяконова, — всѣ обращенія къ молодежи наводили на мысль: къ нашей молодежи обращаются теперь, съ такими же словами обращались и десять, и двадцать лѣтъ, и тридцать тому назадъ; тѣ же слова, тѣ же идеалы... почему же, однако, обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ идеяхъ говорятъ и до сихъ поръ, какъ будто онѣ въ жизнь не проводятся? Вѣдь прежняя молодежь, по выходѣ изъ университета, должна была бы дружно стремиться къ ихъ осуществленію? или молодежь такъ скоро отказывается отъ юношескихъ убѣжденій по окончаніи курса? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ люди въ зрѣлые годы сожалѣютъ о годахъ молодости, объ утраченныхъ идеалахъ, твердятъ о разочарованіи...

„Вотъ на эту мою мысль и отвѣтилъ одинъ симпатичный ораторъ, который напомнилъ молодежи, чтобы она увлекалась этими идеями не только въ стѣнахъ заведенія, но и въ жизни проводила ихъ, не страшась страданій".

Экзальтированность молодой натуры нашла временный выходъ въ религіозныхъ исканіяхъ. Въ нѣсколько подчасъ наивной, но милой, подчасъ глубокой по содержанію формѣ разсказываетъ Дьяконова о своихъ испытаніяхъ въ области вѣры. Дома ее увѣрили, что на курсахъ въ Бога не вѣрятъ, предсказывали, что она непремѣнно сдѣлается невѣрующей, но она была убѣждена, что ея религіозныхъ взглядовъ ничто не поколеблетъ—не только товарки-курсистки, но *даже* сами курсы, *даже* лекціи профессоровъ. Она вдумчиво слѣдитъ за каждымъ словомъ „невѣрующихъ" лекторовъ, старается стать въ ихъ положеніе и рѣшаетъ, что она не можетъ отказаться отъ вѣры. Она находится еще въ томъ періодѣ глубокаго внутренняго броженія, когда вѣра ищетъ себѣ поддержки въ „умствованіяхъ", разбирается въ богословскихъ толкованіяхъ, стремится подъ сѣнь опредѣленнаго „міросозерцанія" или „теоріи".—„Итакъ, мало одного основного во-

проса: вѣрить или не вѣрить въ Бога? Если вѣрить, то какъ? Слѣдовать ли ученію церкви, или создавать себѣ свои выработанныя теоріи? Если слѣдовать ученію церкви, то принимать ли и внѣшнее выраженіе этой вѣры въ религіозныхъ обрядахъ? Если принимать, то всѣ ли обряды, какіе изъ нихъ намъ кажутся болѣе важными, имѣющими внутренній смыслъ, и какіе кажутся излишними, а иногда и устарѣвшими, непригодными при современномъ уровнѣ умственнаго развитія общества? Вотъ тѣ вопросы, на которые наталкиваешься при видѣ всѣхъ вышеприведенныхъ противорѣчій и взглядовъ, высказываемыхъ мнѣ нѣкоторыми изъ знакомыхъ курсистокъ. Хотя у меня ихъ и очень немного, но какое разнообразіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ! Отъ убѣжденной матеріалистки всѣ ступеньки до наивно-дѣтски-вѣрующей. И здѣсь я на дѣлѣ вижу справедливость мнѣнія, которое не разъ приходилось читать: что интеллигентная часть общества отличается если не полнымъ невѣріемъ, то полнѣйшимъ религіознымъ индифферентизмомъ. Это очень печально. Вотъ мнѣ и нужно отвѣтить себѣ на эти вопросы, если я признаю Бога"...

Предубѣжденіе, повидимому, воспитанное въ авторѣ дневника малокультурной средой, изъ которой она вышла, противъ „невѣрія" профессоровъ и интеллигенціи вообще, разсѣивалось, когда наука всецѣло овладѣвала ею или когда спасительный инстинктъ правды и любви къ людямъ приводилъ ее къ твореніямъ Льва Толстого. Къ сожалѣнію, она не упоминаетъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя съ наибольшей полнотой раскрыли передъ ней всю глубину его философскаго и религіознаго міросозерцанія. Но и такія произведенія, какъ „Смерть Ивана Ильича", „Въ чемъ счастье?", „Мысли, вызванныя народною переписью", оказывали знаменательное дѣйствіе на ея душу. „Читала съ глубокимъ наслажденіемъ,—отмѣчаетъ она по этому поводу, — чувствуя, переживая сама настроеніе писателя, который въ такихъ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ раскрывалъ свою душу, свои мысли, не щадя себя никогда. И осмѣливаются еще говорить, что великій писатель всталъ на ложную дорогу. Безумцы! Едва только человѣкъ задумался надъ жизнью, чуть только вышелъ изъ общей колеи. сейчасъ подымется гвалтъ... Сами-то вы хороши! Скажите, чѣмъ доказана правота вашей жизни?.."

Рядомъ съ Толстымъ Дьяконова читаетъ Платона, Токвилля, Сореля, Бильбасова, Неплюева („Что есть истина"), но беретъ изъ нихъ для своего „Дневника" лишь то, чтò имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ ея идеалу вселенскаго братства людей, основаннаго на началахъ христіанской вѣры. Въ 14—15 лѣтъ ее занимала мысль объ основаніи женскаго университета. Теперь эта мысль оставлена ради другой, болѣе широкой мысли—создать христіанскій университетъ,

христіанскую газету или журналъ, организовать всю нашу жизнь на вѣрѣ. Несообразность всего современнаго строя жизни съ вѣрой представилась ей во всей наготѣ, и, не находя вокругъ себя живыхъ примѣровъ непоколебимаго религіознаго убѣжденія, проникавшаго въ жизнь, она отдыхала на идеальныхъ образахъ прошлаго, на личности Гааза, на примѣрахъ изъ первыхъ временъ христіанства. Себя она представляетъ выжидающей въ періодѣ выработки основного міросозерцанія, построеннаго на вѣрѣ, съ сознаніемъ необходимости „выяснить себѣ нѣкоторые научные вопросы, чтобы идти по этой почвѣ, построить планъ будущей своей жизни по выходѣ отсюда и начертать независимый образъ дѣйствій"...

Такія натуры бываютъ обыкновенно очень замкнуты; онѣ или раскрываются цѣликомъ, если сумѣть подойти къ нимъ съ исключительной чуткостью и особымъ сочувственнымъ пониманіемъ, или не раскрываются вовсе. Дьяконова съ трудомъ сходилась съ людьми, и чувство дружбы играетъ весьма незначительную роль въ ея разсказѣ. Нелегко было найти ей людей, особенно изъ молодежи, проникнутой атмосферой „революціоннаго электричества", которые сошлись бы съ ней въ стремленіи къ идеаламъ вселенской гармоніи и человѣческаго счастья. По временамъ ее томитъ одиночество, и она утѣшаетъ себя тѣмъ, что и—докторъ Гаазъ былъ тоже одинокъ... „Его великая по высотѣ душа несравнима съ моей, и поэтому онъ былъ еще болѣе одинокъ; однако нашелъ же онъ въ своемъ сердцѣ тотъ неизсякаемый источникъ любви, который освятилъ всю его жизнь. Я не могу, конечно, идти за нимъ, это—уже совершенство, а духъ мой слишкомъ мятежный, слишкомъ способенъ еще возмущаться и презирать. Но на одно я способна, въ этомъ я не ошибаюсь: я могу и буду любить широкою братскою любовью всѣхъ несчастныхъ, нравственно страдающихъ подъ гнетомъ жизни, непонимаемыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, кто подъ маскою спокойствія прячетъ душевное страданіе"...

Въ томъ же направленіи развиваются мысли автора „Дневника" о безсмертіи души. Она представляла себѣ загробную жизнь, какъ высшее, непрерывное удовлетвореніе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ стремленій, при которомъ возможны глубокая гармонія духа, вѣчная любовь; преображеніе душъ, совершающееся во имя этой любви, дѣлаетъ для людей доступнымъ тотъ идеалъ братства и равенства, который недостижимъ здѣсь на землѣ. Эта „музыка души"—своего рода религія—не должна была оставаться оторванной отъ земли, но искала возможности осуществиться въ наиболѣе доступной и благородной формѣ, и первымъ шагомъ къ осуществленію ея мыслей является статья о реформѣ средней женской школы, напечатанная въ „Женскомъ Дѣлѣ".

... Прошелъ годъ съ небольшимъ. Дьяконова уѣхала за границу, въ Парижъ, и вся отдалась новымъ впечатлѣніямъ. И вотъ, на одной изъ страницъ ея „Парижскаго Дневника" находимъ такія строки: „я чувствовала, если только увижу, что онъ, какъ и всѣ, развратничаетъ съ женщинами—я не вынесу этого... убью ее, его, себя...

„Я задыхалась... рука инстинктивно искала какого-нибудь оружія, а его не было: я никогда не употребляю и не ношу его изъ принципа.

„А теперь... о, будь они прокляты, эти принципы! шагу мы, русскіе, никуда безъ нихъ ступить не можемъ!"

Это написала та же рука, которой принадлежали мечтательныя и трогательно-кроткія строки о вселенской гармоніи и мирѣ всего міра... Что же случилось съ ней? А случилось то, что она полюбила. Она была такъ одинока, такъ больна, она не знала къ кому обратиться за помощью, и онъ, образованный, изящный, корректный врачъ m-r Lencelet, отнесся къ ней ласково и участливо. Онъ такъ внимательно выслушивалъ ее, входилъ во всѣ подробности незатѣйливаго семейнаго уклада, отъ котораго она бѣжала, что скоро, безъ всякаго усилія съ его стороны, вся ея душа потянулась къ нему, и бѣдная дѣвушка пережила всѣ страданія первой, единственной и безотвѣтной любви. Ради него она пришла на Bal de l'internat, одинъ изъ тѣхъ баловъ, гдѣ веселятся внѣ обычныхъ условностей, и ощутила въ себѣ такой приливъ ревности и тоски, что была готова на все, на преступленіе, даже на убійство. Но если нѣкоторые принципы поколебались въ ней, то одинъ висѣлъ Дамокловымъ мечомъ: „если нѣтъ силъ для жизни — надо умереть". Когда она убѣдилась, что ея Lencelet, въ отношеніи взглядовъ на женщину, „такой же, какъ и всѣ французы", а главное, что онъ женится на другой и не любитъ ее, больную, бѣдную иностранку,—у нея не хватило силъ для жизни.

Этотъ грустный романъ, разсказанный во второй книжкѣ „Дневника" Дьяконовой, перемежается интересными наблюденіями надъ парижскими нравами, бытовыми чертами изъ жизни учащейся молодежи, но вообще въ немъ слишкомъ много интимнаго, болѣзненно-растянутаго, такого, чего могла бы касаться только очень нѣжная и любящая рука... Образъ прежней симпатичной курсистки кажется такимъ отдаленнымъ при чтеніи этой второй части, что мы испытали невольное сожалѣніе и сомнѣніе, слѣдовало ли дѣлать общимъ достояніемъ эту вторую, такую печальную и глубоко-интимную часть „Дневника", которая требовала бы во всякомъ случаѣ самой тщательной редакторской работы.

IV.

— Чюмина, О. Н. — Драматическія сочиненія и переводы. Т. I. 1888 — 1896 г. Изд. С. Разсохина (1904?).

Въ этомъ изящно изданномъ томикѣ находимъ рядъ небольшихъ пьесъ, изъ которыхъ однѣ представляютъ собой переводы („У мольберта", Ф. Коппé, „Сократъ и его жена", Теодора де-Банвиля, „Шапка-невидимка", Теофиля Готьé), другія—свободную переработку („Дипломатъ" изъ прозаической комедіи Скриба и Делавиня, „Искушеніе" изъ поэмы Ф. Коппé „La veillée"), третьи — оригинальныя пьесы („Угаспая искра", „Мечта", „Менестрель"). Переводы г-жи Чюминой отличаются своими обычными достоинствами — изяществомъ формы, мѣткостью и блескомъ стиха, при чемъ умѣлый выборъ пьесъ, легкихъ, остроумныхъ, не претендующихъ ни на какое направленіе или тенденцію, придаетъ первому томику драматическихъ сочиненій Чюминой особую изящную законченность и единство настроенія. Темы какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ пьесъ — неизмѣнныя темы любви и печали, злобы и ревности, героизма и самопожертвованія, коварства и легкомыслія,—всей этой безконечной сѣти человѣческихъ страстей, слабостей, предразсудковъ, которую съ такимъ искусствомъ умѣютъ изображать французскіе драматурги. Особенно удаются г-жѣ Чюминой (какъ автору и переводчицѣ)—сюжеты историческіе, преимущественно изъ европейской жизни, съ напудренными маркизами, напыщенными рѣчами, со всѣмъ складомъ давно отжившихъ нравовъ, понятій, настроеній. При обработкѣ этихъ сюжетовъ стихъ г-жи Чюминой пріобрѣтаетъ особую легкость и своеобразно-архаическую пластичность, словно звуки несутся издалека, какъ голосъ менестреля, и за ними слышатся тихіе аккорды мандолины:

Часъ насталъ. На небѣ ярко
Звѣзды крупныя горятъ,
Чутко львы святого Марка
Древній городъ сторожатъ,
Но съ тобой, при свѣтѣ лунномъ,
Не замѣчены, вдвоемъ,
По серебрянымъ лагунамъ
Мы въ гондолѣ промелькнемъ.
Чуднымъ счастія привѣтомъ
Ночь весенняя полна,
И въ тиши поетъ объ этомъ
Адріатики волна.

Часъ насталъ. Иди за мною!
Недалекъ уже разсвѣтъ...
Здѣсь—неволя съ вѣчной тьмою,
Тамъ—любовь, и жизнь, и свѣтъ!

Это поетъ Джуліо Романо, пробуждая въ душѣ синьорины Біанки, дочери венеціанскаго вельможи, воспоминанія затаенной любви („Угасшая искра"). Въ душѣ Біанки поднимается борьба между чувствомъ и долгомъ. Принужденная отцомъ выйти замужъ за нелюбимаго и легкомысленнаго Луиджи, она заставляетъ умолкнуть голосъ любви къ Джуліо, который покидаетъ Венецію. Проходитъ нѣкоторое время. Біанка повидимому примирилась съ своей долей, но дурной нравъ и недостойное поведеніе мужа заставляютъ ее страдать. На сценѣ снова появляется Джуліо. Почти угасшая искра чувства къ нему вспыхиваетъ снова и согрѣваетъ душу ея глубокой и нѣжной любовью, въ которой нѣтъ ни порыва страсти, ни эгоизма, ни ревности. „Объ одно́мъ прошу я, Джуліо",—говоритъ она,—

Все въ жизни этой странно,
Все такъ загадочно, непрочно и нежданно...
Что́-бъ ни случилося, мнѣ поклянися въ томъ,
Что ты, ты будешь жить для славы и искусства
И не измѣнишь имъ...

Она счастлива готовностью Джуліо исполнить ея желаніе, но счастье это длится очень недолго. Ихъ свиданіе неожиданно нарушается Луиджи. Послѣдній обрушивается на Джуліо съ обнаженной шпагой, но Біанка бросается между ними и принимаетъ ударъ на себя. Пьеса оканчивается, такимъ образомъ, трагически, вся проведенная въ условностяхъ средневѣковыхъ понятій о чести, долгѣ, достоинствѣ женщины, ея общественномъ положеніи. Этотъ, нѣсколько шаблонный, съ нашей точки зрѣнія, сюжетъ обработанъ г-жей Чюминой съ большимъ искусствомъ и читается занимательно и легко.

Такъ же трагически кончаетъ съ собой и Ида, въ пьесѣ „Мечта", изъ современныхъ нравовъ. И здѣсь конфликтъ между долгомъ и чувствомъ, но женщина ушла далеко въ пониманіи своихъ правъ и взглядовъ на свободу личности и чувства. Свобода чувства не понимается здѣсь въ смыслѣ отрѣшенности отъ долга,—напротивъ, послѣдній вытекаетъ изъ глубокой сознательности, которыми проникнуты всѣ дѣйствія свободно развитого и искренно направленнаго чувства. Свѣтская дама, Ида, полюбила пѣвца Анчарова, къ которому и ушла отъ мужа. Но пѣвецъ смущенъ такимъ рѣшительнымъ поступкомъ Иды: онъ желалъ бы, не связывая себя съ ней навсегда, ввести свои отношенія къ ней въ формы обычной свѣтской интриги, съ тайными свиданіями и об-

маномъ мужа. Но Ида не такова: ее возмущаетъ подобная перспектива. Она извѣщаетъ мужа запиской обо всемъ; тотъ является и стучится въ дверь, Анчаровъ теряется и блѣднѣетъ. „И оба мы умремъ",—говоритъ Ида:—

Ты—жалкій трусъ, и я—упавшая такъ низко!
Ты думалъ, что меня такъ ослѣпила страсть
Безумная, что я съ восторгомъ быть готова
Женою одного, любовницей другого?
Но ты въ обманъ поторопился впасть..."

Она стрѣляется и умираетъ со словами: „исчезло сновидѣнье, а съ нимъ и жизнь"... Конецъ нѣсколько мелодраматиченъ, но дѣйствіе ведется живо и эффектно, съ мастерскими діалогами и разнообразіемъ драматическихъ моментовъ. Наиболѣе сильною стороной драматическаго творчества г-жи Чюминой представляется намъ умѣнье сообщить, гдѣ требуется, дѣйствію подъемъ, быстроту, неожиданность,—для этого въ распоряженіи автора-переводчицы языкъ мѣткій, остроумный, мѣстами сухой, но выразительный; менѣе удаются г-жѣ Чюминой мѣста лирическія, разсчитанныя на чувствительность и „чувства добрыя" вообще. Въ распредѣленіи сюжетнаго матеріала желательно было бы видѣть больше естественности и простоты.

V.

— Зеленый Сборникъ стиховъ и прозы. Книгоиздательство „Щелканово". Спб. 1905.

Не безъ предубѣжденія раскрыли мы этотъ „Сборникъ": оригинальное заглавіе, рисунки въ новѣйшемъ стилѣ, стихи и проза,—все какъ будто говорило за то, что, подъ видомъ освобожденія отъ редакторской опеки, читателю преподносится нѣчто обычно претенціозное, искусственное, полубездарное. Поэтому тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить въ „Сборникѣ" нѣсколько произведеній, проникнутыхъ свѣжестью настроенія, самостоятельнымъ исканіемъ новаго въ содержаніи и формѣ, въ предѣлахъ естественности и здраваго смысла.

Остановимся прежде всего на прозѣ, на двухъ разсказахъ, помѣщенныхъ во второй части „Сборника". Они не шаблонны и читаются съ интересомъ. Оба взяты изъ дѣйствительной жизни. Въ разсказѣ „Чудило" г. Павелъ Конради изображаетъ одинъ изъ примѣровъ моральнаго несоотвѣтствія теоріи съ практикой жизни. Латынины, и мужъ, и жена, оба идейные люди: жена безплатно даетъ уроки въ заводскихъ школахъ: мужъ свободное отъ службы время посвящаетъ

„матеріаламъ“ по рабочему вопросу и участвуетъ въ нѣкоторыхъ просвѣтительныхъ организаціяхъ. Презрительно говоря о „нашихъ буржуа“, чета не замѣчаетъ, что ея идейность тоже своего рода форменная фуражка, подъ которой скрывается та же буржуазная сущность шаблонныхъ взглядовъ и мѣщанскихъ предразсудковъ. Мирное „интеллигентное“ времяпровожденіе Латыниныхъ было прервано однажды появленіемъ стараго пріятеля Латынина, неудачника, грубоватаго и пьянаго „чудилы“—Домбуша. Дѣло было на дачѣ позднимъ осеннимъ вечеромъ. Всѣ привычки аккуратной интеллигентной четы оказались нарушены. Безцеремонность и развязность гостя привели въ полное замѣшательство и даже оскорбили супруговъ.

„— Ладно, такъ и я циникъ (сказалъ Домбушъ).

Онъ размашисто вернулся къ столу, развалился на стулѣ и, стукнувъ кулакомъ, кинулъ Полинѣ:

— Налейте чаю.

Латынинъ громко ахнулъ.

„Схватить? Выбросить? Какъ, что̀ дѣлать?“—било ему въ виски.

— Ты рукава не засучивай!—крикнулъ Домбушъ.—Это я лучше умѣю. Видишь?

— Я никогда никого не билъ, понимаешь?—сказалъ Латынинъ, нагибаясь, и точно вдавливая въ лицо Домбуша каждое слово.

— Ну, то-то!

Тотъ ли это Домбушъ?!..

Латынинъ закрылъ глаза и рѣзко увидѣлъ худенькаго, забитаго Домбуша-гимназиста, который, озираясь, крался въ каморку своего дяди-сторожа и которому семинаръ-инспекторъ говорилъ „ты“, въ отличіе отъ другихъ мальчиковъ, поблагороднѣе...

И, самъ не зная, зачѣмъ, онъ протянулъ руку и чуть провелъ по волосамъ Домбуша...

И въ тотъ же мигъ понялъ, что это удачно, очень удачно вышло, что лаской скорѣй „его“ спровадишь...“

Въ безцеремонномъ „чудилѣ“ чувствуется хорошая, искренняя душа, только задавленная житейскимъ хламомъ, и эта душа видимо ищетъ сочувствія и дружескаго отвѣта, но Латынинъ—только теоретикъ общественнаго блага и любви къ человѣку, и у него нѣтъ на сердцѣ простыхъ теплыхъ словъ участія и ласки. Онъ безучастно относится къ разсказу товарища о томъ, что̀ пришлось тому пережить.

„— Я голымъ по улицамъ бѣгалъ,—разсказываетъ Домбушъ.—Скучно мнѣ стало, когда два года прожилъ,—ну, я и опять началъ, какъ теперь. Совсѣмъ простые, хорошіе люди. Бѣгу голый по улицѣ, народъ гуляетъ, и ничего. Вонъ, говорятъ, чудило бѣжитъ...

„Чудило" долго разсказывалъ, какъ онъ плавалъ, кутилъ, дрался съ „подлецами": буфетчикомъ и двумя извозчиками, былъ волостнымъ писаремъ, побилъ за „подлость" старшину, работалъ въ типографіи, переводилъ романы...

— Теперь я жилъ у одного адвоката. И платье это его. Да вотъ опять высылаютъ...

Наконецъ, онъ ушелъ.

— Вы меня простите. Я, правда, нахалъ. Спасибо. Года черезъ два увидимся,—говорилъ онъ, придерживая отъ вѣтра шляпу.

Хлопнули ворота.

— Не вернется?—вслухъ подумала Полина.

— Нѣ-ѣтъ,—увѣренно отвѣчалъ Латынинъ.

И самъ заперъ на ключъ дверь".

Выпроводивъ своего друга на холодъ осенней непроглядной ночи, супруги, ложась спать, по достоинству оцѣниваютъ моральное значеніе своего поступка и облегчаютъ тревогу совѣсти взаимнымъ сознаніемъ и рѣшеніемъ никому не говорить объ этомъ. „—Пусть, ужъ мы оба, такъ сказать... бормочетъ Латынинъ, засыпая" и, безъ сомнѣнія, забывая надолго, навсегда, объ этомъ, столь неважномъ событіи, какими однако, такъ богата повседневная обывательская жизнь.

Второй разсказъ—„Романъ Демидова", написанный г. Вячеславомъ Менжинскимъ, несмотря на свою растянутость и нѣкоторую неровность въ обработкѣ, также заслуживаетъ вниманія читателей. Объективно и мѣтко рисуетъ авторъ среду, мало затронутую литературнымъ изображеніемъ. Въ кружкѣ идейныхъ людей, самоотверженно отдающихъ свой трудъ и время обученію рабочихъ, беззавѣтнѣе всѣхъ работаетъ завѣдующая школой Елена Игнатьевна. Школа для нея была—все. На ней сосредоточивались всѣ ея заботы, радости, печали. Школа замѣняла ей личную жизнь и сдѣлалась для нея всѣмъ, и какъ бы слилась съ ея существованіемъ въ одно нераздѣльное цѣлое. Еленѣ Игнатьевнѣ было уже за тридцать лѣтъ, когда въ число учителей вступилъ молодой кандидатъ Василій Петровичъ, непохожій на другихъ, щеголевато одѣтый, остроумный, декадентствующій, но въ то же время прекрасный работникъ, терпѣливый и талантливый. Елена Игнатьевна сразу стала въ оппозицію къ „изященькому юношѣ", какъ она называла его, ненавидя „невиданные фасоны и неописуемые цвѣта" его костюмовъ. Демидовъ вышелъ въ изображеніи г. Менжинскаго своего рода героемъ нашего времени. „Равнодушно встрѣчая насмѣшки, негодованіе и брань, Демидовъ въ то же время не былъ доволенъ собой. Онъ хотѣлъ добиться полной внутренней свободы, чтобы не быть связаннымъ своими вчерашними поступками и сегодняшнимъ убѣжденіемъ. Личность для него не была цѣльнымъ еди-

ствомъ, а хаосомъ борющихся силъ. То чувство выше, которое побѣдило, и надо поступать согласно съ тѣмъ, которое одержало верхъ сегодня. Но самая борьба съ принятой моралью придавала извѣстное единство его поведенію, въ особенности же страстная жажда извѣдать всякое настроеніе до дна, и не только мимолетное настроеніе, но и самый складъ музыканта, учителя, либерала... Ненавидя послѣдовательность, Демидовъ долженъ былъ относиться къ своимъ увлеченіямъ съ нѣмецкой добросовѣстностью и продѣлывать самую скучную тяжелую черную работу—отъ гаммъ до поправленія ученическихъ тетрадокъ. Иначе онъ извѣдалъ бы только душу дилеттанта. Демидова брало отвращеніе отъ самыхъ словъ „педагогъ“, „классъ“, „выучка“, и, надоѣвъ всѣмъ знакомымъ учительницамъ разсужденіями на тему о вредѣ образованія и тупости рабочихъ, онъ вдругъ сталъ проситься въ Спасскую школу. Между молодежью онъ скоро выдвинулся, но старая партія, съ Еленой Игнатьевной во главѣ, относилась къ нему недовѣрчиво и враждебно. Это придало школѣ и Ждановой особый интересъ. Отправляясь въ школу, онъ думалъ, что встрѣтитъ тамъ Елену Игнатьевну, что она снова будетъ нападать на него, и опять придется защищаться...“

Спорили они, спорили и доспорились до того, что, къ собственному своему удивленію, влюбились другъ въ друга и поженились. Но жизнь ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, не пошла на ладъ. Елена Игнатьевна оставалась попрежнему слишкомъ много учительницей и мало женщиной, какъ, по крайней мѣрѣ, казалось Демидову. „Елена Игнатьевна не просто жила,—она постоянно доказывала. И не было такой вещи, которой она не обратила бы въ доказательство. Даже свадьба ея не была просто свадьбой, а „праздникомъ цивильныхъ чувствъ“, какъ пошутилъ Василій Петровичъ, глубоко ранившій Елену этой шуткой. Но онъ ужъ слишкомъ былъ разогорченъ, что они никогда не остаются съ Еленой одни—школа невидимо присутствовала на ихъ свиданіяхъ. Въ день свадьбы Елена Игнатьевна, какъ всегда, давала уроки въ дѣтской школѣ; съ трехъ часовъ возилась въ воскресной, все приготовила для вечера; въ томъ же ежедневномъ платьѣ поѣхала въ церковь и вернулась назадъ на дежурство. Только когда послѣдній разъ хлопнула дверь, и сборная осталась пустой, Елена Игнатьевна забыла, что она завѣдующая воскресной школой“.

Никто не могъ сказать ей, что изъ-за мужа она забросила школу, хотя среди подругъ и были такія, которыя очень огорчались, вспоминая ея проповѣди на тему о томъ, что учительницы не должны имѣть личной жизни. Какъ бы тамъ ни было, но когда на Демидова обратила свое вниманіе служившая въ судѣ Анна Николаевна, въ которой женщина брала верхъ надъ всѣмъ другимъ, у нихъ завя-

зался романъ. Послѣ различныхъ перипетій и благороднѣйшихъ объясненій съ Еленой Игнатьевной, державшей себя съ большимъ достоинствомъ и не выходившей изъ роли завѣдующей заводской школы. Демидовъ очутился съ любимой дѣвушкой заграницей и былъ вполнѣ счастливъ.—„Но Аннѣ не давала покоя одна мысль: „Все наше путешествіе не настоящее,—говорила она.—И трусливое. Мы бѣжали далеко, далеко, чтобы ничего не видѣть, не слышать... А теперь начинается жизнь... О нашей любви узнаютъ въ школѣ, Елена... Хоть я и говорила ей, что ты признался мнѣ въ любви, но это разныя вещи..." Въ то же время и Демидовъ получилъ характерное письмо отъ Елены Игнатьевны, написанное „банальнымъ учительскимъ почеркомъ, съ круглыми буквами" и жирными утолщеніями".—„Нахожу крайне неудобнымъ,—писала Елена Игнатьевна,—чтобы изъ-за личныхъ исторій школа теряла учителя. Мы не такъ богаты ими. Если бояться сплетенъ о нашемъ разрывѣ, то онѣ все равно будутъ ходить. Объ этомъ надо было подумать раньше..."

Любящая чета появилась снова въ Петербургѣ и зажила обычной обывательской жизнью. Елена Игнатьевна, при встрѣчѣ съ Демидовымъ, поздоровалась съ нимъ съ видомъ превосходства и похвалила за готовность работать въ школѣ. Она горячо любила его, но сумѣла подавить въ себѣ эгоистическій элементъ, и тутъ обнаружились лучшія свойства ея натуры. Съ особеннымъ участіемъ и озабоченностью отнеслась она къ извѣстію о беременности Анны и даже поцѣловала ее. И когда Анна Николаевна принимала къ себѣ гостей на новосельѣ, Елена Игнатьевна была въ числѣ первыхъ и стала по своему обыкновенію съ большимъ усердіемъ наводить порядки въ неприбранной квартирѣ своего бывшаго мужа.

Немало наблюдательности и душевной чуткости вложилъ авторъ въ изображеніе какъ этихъ лицъ, такъ и остальныхъ второстепенныхъ дѣятелей современной вольной школы съ ихъ характернымъ дѣленіемъ на „вѣрныхъ" и „радикаловъ". Жизненными чертами обрисована и вся обстановка школы.

Поэзія „Зеленаго Сборника" звучитъ на иной ладъ. Фантастика, воздушные символы, поэтическая дымка безбрежности и грусти, тихіе, нѣжные звуки—вотъ ихъ содержаніе. Въ сонетахъ г. Юрія Верховскаго разлиты мягкія сумерки, съ неясными образами, нерѣшительными вопросами, неопредѣлившимися порывами, но въ нихъ явственно чувствуется струя эстетически-пережитого и тонко-передуманнаго.

Два міра, которые живутъ въ человѣкѣ—одинъ вѣчный, другой—скоро преходящій, случайный, такъ близки къ нему, что стоитъ лишь на мигъ заглянуть въ себя и забыться отъ тѣхъ случайностей, которыя мы принимаемъ за дѣйствительность, чтобы увидѣть всю глубину

вѣчныхъ идеаловъ, источникъ любви и вѣры. „Сліянье двухъ міровъ едва-ль не проще, чѣмъ наша встрѣча въ тихой, свѣтлой рощѣ“... У сердца простого и вѣрящаго есть этотъ другой міръ, міръ возможности, даже чуда. Въ поэмѣ „Пустыня“ „непросвѣщенный жидовинъ“ сталъ умирать, изнемогая отъ жажды, и видя, что караванъ „братьевъ христіанъ“ собирается оставить его въ раскаленной пустынѣ, сталъ просить окрестить его передъ смертью:

И старецъ взялъ песку руками;
Проникновенными устами
Онъ троекратно возгласилъ
Слова молитвы благодатной
И, посыпая троекратно,
Пескомъ крещенье совершилъ —
И величаво, и смиренно;
И, взоръ поднявши вдохновенно,
Өеодора благословилъ.
„Аминь!“ — раздался откликъ дружный
Вдругъ зазвенѣвшихъ голосовъ,
И исцѣленъ—возсталъ недужный
И просвѣтлѣлъ—душою новъ —
И въ путь средь пламенныхъ песковъ
Пошелъ онъ бодро.

Этотъ разсказъ служитъ иллюстраціей убѣжденій поэта:

Такъ ты, въ безвременьѣ страдая,
О Богѣ вдругъ заговори;
Среди безчувственныхъ рыдая,
Душою къ чуду воспари,—
Въ твоемъ безсиліи тяжеломъ
Вдругъ обновляющимъ глаголомъ
Тебѣ пустыня зазвучитъ;
И чудодѣйственною рѣчью
Живую душу человѣчью
На лоно Вѣчнаго умчитъ;
И всѣмъ поникшимъ и согбеннымъ
Въ борьбѣ съ пустынной духотой
Польется—чудомъ вдохновеннымъ—
Съ порывомъ свѣтлымъ и мгновеннымъ
Степной песокъ—живой водой.

Дарованіе г. Верховскаго находится еще въ борьбѣ съ упрямой формой, но искренность его не подлежитъ сомнѣнію.

Нѣсколько красивыхъ стихотвореній помѣстилъ въ сборникѣ г. Волькенштейнъ. Поэзія его — сумеречная, меланхолическая, съ глубокой фантазіей и нѣжной музыкой души. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ передаетъ жуткое и сладостное впечатлѣніе, когда въ глухую морозную полночь, при одинокомъ свѣтѣ ночника, разыгравшаяся фантазія на-

полняетъ сознаніе чудными картинами и заставляетъ переживать необычныя ощущенія. „И словно двѣ я жизни пережилъ“,—кажется поэту:—

Одну еще не такъ давно, и радъ я,
Что наконецъ окончилась она...
. . . .
О жизни сожалѣю я другой:
То было здѣсь, на сѣверѣ, то было,
Когда еще царили въ небесахъ
Могучіе, таинственные боги.
Охота беззаботная неслась
Тогда по потрясенной, гулкой чащѣ,
И падали, сраженные копьемъ
Тяжелые кабаны и олени,
А тамъ, вдали, на пѣнныхъ волнахъ моря,
Скользили темнокрылыя ладьи,
И цѣпь костровъ сверкала на прибрежьи,
Гдѣ пиршество веселое ждало
Героевъ, возвратившихся съ набѣга,
Гдѣ скальды прославляли ихъ разгулъ...
Суровое, торжественное время!
И Норны міру гибель предрекли
Отъ яростной судьбы... И все исчезло.
. . . .
Стихаетъ полночь... Я одинъ... Темно;
Ночникъ погасъ. Воспоминанья таютъ—
И вотъ ужъ грёзой кажутся они...

Легкая мистическая дымка окутываетъ быстро смѣняющіяся картины драматической поэмы г. Михаила Кузмина: „Исторія рыцаря Алессіо“. Духъ, блѣдный сколокъ съ Мефистофеля, зоветъ рыцаря Асторре—тѣнь Фауста и Донъ-Жуана вмѣстѣ—отправиться странствовать по чужимъ землямъ, обѣщая ему „мудрость, благость, свѣтъ“ и любовь. Асторре внемлетъ голосу плѣнительной мечты и отправляется въ путь. Онъ испытываетъ цѣлый рядъ удивительныхъ приключеній: присутствуетъ въ толпѣ, на Падуанской площади, при выступленіи крестоносцевъ, тонетъ во время переѣзда черезъ море, „съ Еленой, покинувшей монастырь“, и спасается, благодаря покровительству Духа; попадаетъ на площадь Смирны, гдѣ имъ прельщается султанша; съ пира венеціанской куртизанки попадаетъ въ Палестину, сражается и достигаетъ славы, но ничто не приноситъ счастья его душѣ:

Богатство! знанье, слава, любовь!
Какъ родились слова, такъ и исчезли,
Лишь разбудивъ отвыкнувшее эхо,
Но такъ же и означенное ими
Какъ дымъ летитъ, случайно и невѣрно.

Все случай, все судьба, и нѣту счастья,
Гдѣ не таилась бы тоска сознанья,
Что все пройдетъ...

Духъ предлагаетъ ему взглянуть на людей, живущихъ тихой, святой жизнью, исполненной труда и молитвы. Они несутся въ Египетъ Передъ ними монашеская община, пещера на краю пустыни—„впечатлѣніе тоски, бездѣйствія и страшно медленнаго теченія времени. Солнце палитъ". Асторре видитъ передъ собой нѣсколько монаховъ, менѣе всего склонныхъ къ аскетическимъ подвигамъ и молитвѣ. Разочарованіе постигаетъ и здѣсь Асторре. „Коль ты бѣжать отъ міра захотѣлъ, — говоритъ ему одинъ изъ пустынниковъ, резонеръ Мемнонъ, — пустыню въ сердцѣ ты себѣ создай—и счастливъ будетъ твой святой удѣлъ". Они покидаютъ пустыню.

Послѣдняя картина изображаетъ преддверіе какого-то таинственнаго храма. Невидимый хоръ поетъ о покоѣ послѣ страданія и горя и о побѣдѣ любви и свѣта надъ сомнѣньемъ и мракомъ. Передъ Асторре, который является здѣсь искателемъ истины, встаютъ двое свѣтозарныхъ юношей и несутъ ему вѣсть о смерти, приставляя къ его груди обнаженные мечи. Истина тамъ, куда исчезъ испытывавшій его духъ; здѣсь, на землѣ, остаются его заблужденія и грѣхи,—душа его, очистившаяся и умудренная, исчезаетъ, при пѣніи райскихъ голосовъ, въ лучахъ неизъяснимаго сіянія. Такъ кончается эта мистическая поэма, проникнутая младенческими грёзами словно возродившихся средневѣковыхъ католическихъ суевѣрій и откровеній. Замыселъ этой поэмы слабъ, сюжетъ обрисованъ слишкомъ эскизно, но настроеніе удалось автору; хороши также отдѣльныя картины съ чертами быта.

Можно пожелать авторамъ успѣха въ ихъ дальнѣйшей литературной дѣятельности.—Евг. Л.

VI.

— Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Т. II. Спб. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Труды мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ не перестаютъ интересовать нашу литературу, задающуюся цѣлью ознакомить русское общество съ мнѣніями и заключеніями комитетовъ, разбросанными въ мало доступныхъ мѣстныхъ и сводныхъ изданіяхъ и оцѣнить эти заключенія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія интересамъ всей страны или отдѣльныхъ ея классовъ. Статьи о трудахъ мѣстныхъ комитетовъ помѣщаются въ газетахъ и журналахъ и выходятъ от-

дѣльными изданіями. Въ прошлой книжкѣ „Вѣстника Европы“ была помѣщена замѣтка о трудѣ даннаго рода, принадлежащемъ С. Н. Прокоповичу; настоящая наша рецензія посвящается изданію, заключающему работы многихъ авторовъ, бо́льшая часть которыхъ была, впрочемъ, помѣщена въ журналахъ. Первый томъ изданія, о которомъ идетъ у насъ рѣчь (предпринятаго Н. Н. Львовымъ и А. А. Стаховичемъ при участіи редакціи газеты „Право“) появился лѣтомъ истекшаго года и заключаетъ статьи объ основахъ правопорядка, крестьянскомъ вопросѣ, земскихъ начальникахъ, земскомъ самоуправленіи и народномъ образованіи. Настоящій, второй томъ изданія, появившійся въ концѣ истекшаго года, содержитъ рядъ статей по аграрнымъ, сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, по кредиту, кустарной промышленности и финансовой политикѣ правительства. Въ предисловіи издатели предупреждаютъ, что мнѣнія мѣстныхъ людей излагаются въ изданіи освѣщенными личнымъ взглядомъ авторовъ соотвѣтствующихъ статей. Въ отношеніи, однако, того, насколько въ разработку мнѣній комитетовъ привходило личное творчество авторовъ, поясненіе издателей можно бы продолжить далѣе и указать на то, что статьи сборника представляютъ, съ этой стороны, значительное разнообразіе, зависящее отъ важности или сложности вопросовъ и отъ личнаго отношенія къ предмету авторовъ статей. М. Н. Соболевъ, авторъ статьи о кустарной промышленности, не возвысившійся надъ шаблонными взглядами на этотъ важный вопросъ нашего экономическаго быта, ограничился въ своей работѣ сводкой мнѣній комитетовъ, сопроводивъ ихъ двумя-тремя собственными замѣчаніями о значеніи рынка и организаціи сбыта издѣлій для развитія кустарныхъ промысловъ. Простой сводкой мнѣній комитетовъ ограничивается и М. Я. Герценштейнъ въ статьѣ о мелкомъ кредитѣ, за исключеніемъ вопроса о кредитоспособности крестьянъ, гдѣ онъ горячо возражаетъ на мнѣнія многихъ мѣстныхъ людей, что при дѣйствующемъ въ крестьянскомъ быту правопорядкѣ и, въ частности, при наличности общиннаго землевладѣнія широкое развитіе кредита невозможно, потому что ограниченіе соотвѣтствующими узаконеніями права отчужденія движимаго и недвижимаго имущества крестьянина лишаетъ послѣдняго того именно обезпеченія, которое въ концѣ концовъ и составляетъ, будто бы, основу кредитоспособности. Авторъ противопоставляетъ этому взгляду мнѣнія другихъ комитетовъ, что трудовая способность крестьянина представляетъ достаточное обезпеченіе заимодавцу, и обращаетъ вниманіе читателя на тотъ интересный фактъ, „что въ наиболѣе обстоятельныхъ докладахъ, посвященныхъ мелкому кредиту, и въ постановленіяхъ большинства комитетовъ, удѣлившихъ много вниманія этому вопросу, мы не находимъ указаній, что организація кредита невозможна безъ

коренной ломки всего юридическаго и бытового склада крестьянской жизни" (стр. 393). Статья о кредитѣ отличается отъ другихъ статей разсматриваемаго изданія въ томъ отношеніи, что, помимо сведенія мнѣній комитетовъ, въ ней находится обстоятельный разборъ проектовъ организаціи мелкаго кредита, выработанныхъ министерствомъ финансовъ и коммиссіей при Особомъ Совѣщаніи, разборъ положенія объ учрежденіяхъ мелкаго кредита 8 іюня 1904 г. и разсмотрѣніе вопроса о роли сберегательныхъ кассъ. Трактуя эти вопросы, авторъ дѣлаетъ обильныя ссылки на исторію кооперативныхъ, преимущественно кредитныхъ учрежденій въ Германіи и на политику сберегательныхъ кассъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Въ статьѣ А. П. Мертваго „Агрономическая техника", мнѣнія комитетовъ о желательности для соотвѣтствующихъ мѣстностей тѣхъ или другихъ агрикультурныхъ мѣропріятій освѣщаются болѣе или менѣе удачно соображеніями автора о естественныхъ и экономическихъ условіяхъ, характеризующихъ различные сельско-хозяйственные районы Россіи. Въ статьяхъ В. В. Хижнякова „Рабочій вопросъ въ деревнѣ", и особенно А. И. Каминки—„Аренда", на ряду съ мнѣніями комитетовъ находится много критическихъ замѣчаній по поводу взглядовъ этихъ послѣднихъ, продиктованныхъ классовыми интересами собственниковъ земель, арендуемыхъ крестьянами, и хозяевъ, прибѣгающихъ для обработки своихъ земель къ наемному труду. Поводы для разоблаченія эгоистическихъ вожделѣній крупныхъ землевладѣльцевъ всего многочисленнѣе, конечно, въ области тѣхъ отношеній, гдѣ землевладѣлецъ непосредственно сталкивается съ крестьяниномъ, испытывающимъ крайнюю нужду въ его землѣ или вынужденнымъ закабаливаться въ чужую работу. Хотя въ вопросахъ политико-юридическихъ большинство мѣстныхъ комитетовъ высказало довольно либеральные взгляды, мнѣнія ихъ по предметамъ, гдѣ интересы крупнаго землевладѣнія соприкасаются съ интересами мелкаго хозяйства, или, говоря проще, гдѣ интересы помѣщиковъ сталкиваются съ интересами крестьянъ,—мѣстные — по составу своему землевладѣльческіе — комитеты проявили довольно-таки значительную долю эксплоататорскихъ, а подчасъ и прямо крѣпостническихъ тенденцій и въ поводахъ къ критическому отношенію къ этимъ мнѣніямъ въ статьяхъ объ арендѣ и рабочемъ вопросѣ недостатка не было.

Статья Н. Ѳ. Анненскаго „Общія теченія финансовой политики государства" даетъ яркую характеристику значеній налоговаго бремени для экономическаго положенія крестьянина. Мнѣнія мѣстныхъ комитетовъ по этому вопросу довольно единодушны—автору не предстояло, поэтому, надобности заботиться о полнотѣ ихъ сводки, и онъ могъ ограничиться наиболѣе картинными, характерными и доказа-

тельными заявленіями въ комитетахъ, предпосылая имъ свои разъясненія, вводящія читателя въ кругъ трактуемыхъ предметовъ. Въ этой части статьи данныя мѣстныхъ комитетовъ служили автору какъ бы матеріаломъ для характеристики нашей финансовой системы. Но затѣмъ Н. Ѳ. Анненскому пришлось имѣть дѣло съ мнѣніями мѣстныхъ комитетовъ о значеніи финансовой политики государства въ ея отношеніи къ сельскому хозяйству и обрабатывающей промышленности. Въ этой части онъ старался воспроизвести „основную нить сужденій о направленіи финансовой политики, раздѣляемыхъ большинствомъ высказавшихся комитетовъ“ (стр. 637), которые доказываютъ, что земледѣльческая наша промышленность угнетается ради интересовъ индустріи. Здѣсь авторъ, однако, не могъ не обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ мнѣніяхъ комитетовъ термины „земледѣліе“, „земледѣльческое населеніе“, „земледѣльческіе классы“ употребляются черезчуръ въ общемъ значеніи, скрывающемъ антагонизмъ между помѣщиками и крестьянами, крупнымъ и мелкимъ хозяйствомъ, землевладѣльцами и земледѣльцами и объединяющемъ интересы этихъ группъ далеко за предѣлы того, что имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. „Усиленное выставленіе на первый планъ противорѣчій интересовъ города и деревни,—говоритъ авторъ,—заслоняетъ и маскируетъ, а порой даетъ возможность и сознательно подмѣнить другіе, болѣе существенные и болѣе глубокіе антагонизмы труда и владѣнія, работающихъ и имущихъ классовъ, занимающихъ совершенно различныя положенія не только въ хозяйственной организаціи, но и въ отношеніяхъ къ нимъ государства. Не земледѣльческіе классы вообще, а одинъ земледѣльческій классъ — неимущее крестьянство — является тѣмъ пасынкомъ, на долю котораго выпадаетъ нести на себѣ всѣ тягости и ничѣмъ не пользоваться отъ ихъ результатовъ“ (стр. 649).

Въ тѣхъ статьяхъ разсматриваемаго изданія, которыя мы уже называли, мнѣнія мѣстныхъ комитетовъ составляли центральный пунктъ изложенія, а собственныя замѣчанія авторовъ имѣли задачей кое-что обобщить, разъяснить или ограничить. Иной характеръ имѣетъ статья А. А. Чупрова „Общинное землевладѣніе“. Это — цѣлый трактатъ о значеніи русской земельной общины, попытка воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы пересмотрѣть аргументы pro и contra общины и намѣтить желательныя, по отношенію къ ней, мѣропріятія. Методъ изслѣдованія, принимаемый авторомъ,—аналитическій—„впервые приложенный къ этой проблемѣ знаменитымъ нѣмецкимъ экономистомъ Георгомъ Гансеномъ, а затѣмъ развитый А. Посниковымъ въ его извѣстной диссертаціи объ общинномъ землевладѣніи“ (стр. 129). Авторъ начинаетъ работу „предварительнымъ анализомъ отдѣльныхъ проявленій общиннаго начала съ тѣмъ, чтобы систематизировать прі-

урочиваемые въ нимъ въ дебатахъ (мѣстныхъ комитетовъ) общіе аргументы за и противъ общины, а затѣмъ, переходя къ синтезу, разсмотрѣть роль и значеніе той формы общины, о которой идутъ споры въ Россіи. Послѣ этого нетрудно будетъ оцѣнить по достоинству и проекты реформъ, намѣчающіеся въ великомъ разнообразіи въ трудахъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ" (стр. 133). Мы не можемъ, конечно, входить здѣсь въ разсмотрѣніе результатовъ этой интересной попытки; но мы не откажемъ себѣ въ приведеніи одного замѣчанія автора по модному вопросу о нападкахъ на общину за препятствія, поставляемыя, будто бы, ею сельско-хозяйственному прогрессу. „Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Чупровъ,—у насъ нѣтъ достаточно точныхъ статистическихъ наблюденій надъ темпомъ распространенія травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Германіи, гдѣ для облегченія движенія правительство постаралось отмѣнить принудительный сѣвооборотъ; но по всѣмъ имѣющимся даннымъ приходится признать, что ничего подобнаго той быстротѣ, съ которой новая система распространялась въ московской губерніи (на общинныхъ земляхъ) тамъ не наблюдалось" (стр. 139).

Послѣдняя по нашему счету, но первая по своему расположенію въ сборникѣ статья принадлежитъ А. В. Пѣшехонову и посвящена земельнымъ нуждамъ деревни. Статья эта имѣетъ опять особый характеръ. Труды сельско-хозяйственныхъ комитетовъ служили автору столько же для характеристики воззрѣній мѣстныхъ людей на аграрные вопросы нашей страны, сколько для развитія и обоснованія собственныхъ мнѣній автора. Статья имѣетъ, поэтому, значеніе программы аграрной политики. Общая мысль автора, которая въ большей или меньшей степени находитъ поддержку въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ комитетовъ, заключается въ слѣдующемъ. Крестьянское хозяйство страдаетъ отъ малоземелья, которое было „навязано" ему въ самый моментъ упраздненія крѣпостного права. Устраненіе этого недостатка и составляетъ главную задачу аграрной политики государства, которая должна быть разрѣшаема переселеніемъ малоземельныхъ крестьянъ на счетъ государства на казенныя земли,—начиная съ ближайшихъ и продолжая болѣе отдаленными государственными угодьями,—и обращеніемъ въ національный фондъ частновладѣльческихъ земель. Не считая возможнымъ разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ въ настоящее время, но справедливо полагая, что онъ не можетъ не быть поставленъ на очередь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, авторъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что пріобрѣтеніе земель въ общественную собственность—когда настанетъ для этого удобный моментъ—будетъ очень затруднено высокими цѣнами земли, растущими изъ года въ годъ безъ всякихъ за-

тратъ со стороны собственника, а лишь потому, что русскій народъ испытываетъ крайній недостатокъ въ земельныхъ угодьяхъ. Чтобы предупредить поступленіе этого „незаслуженнаго“ прироста цѣнности земли въ руки теперешнихъ держателей послѣдней и ихъ наслѣдниковъ, А. В. Пѣшехоновъ предлагаетъ фиксировать современную цѣнность помѣщичьихъ земель и по сдѣланной теперь оцѣнкѣ расплатиться — когда придетъ время — съ владѣльцами за отходящія отъ нихъ угодья.

На этомъ мы закончимъ ознакомленіе читателя съ содержаніемъ рецензируемой книги и замѣтимъ въ заключеніе, что основной идеей, освѣщающей разрабатываемый въ ней матеріалъ, является благо трудящагося населенія нашей страны.—В. В.

Въ теченіе января, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анненская, А. Н.—Своимъ путемъ. Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Бальмонтъ, К. Д.—Собраніе стиховъ. Т. I: Подъ Сѣвернымъ небомъ—Въ безбрежности—Тишина. М. 905. Ц. 2 р.

Бейернейнъ, Францъ Ад.—Вечерняя зôря. Драма въ 4 д. Съ нѣм. Яросл. 904. Ц. 35 к.

Билимовичъ, Ал. Д.—Крестьянскій правопорядокъ, по трудамъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Кіевъ. 904. Цѣна 50 к.

Бороздинъ, А. К.—Литературныя характеристики. XIX-ый вѣкъ. Съ 18 портр. Т. II, вып. 1. Спб. 905. Ц. 1 р. 75 к.

Бѣловенецъ, М. И.—Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Три способа сушки сырца для строительнаго кирпича безъ большихъ затратъ: поднятный, нажимный и чикмарный. Четыре брошюры. Спб. 904. Ц. за 4 брошюры—90 к.

Бѣлозерскій, Н.—Записка учителя. Спб. 905. Ц. 75 к.

Весинъ, Л.—Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы: Азія, Африка, Америка и Австралія. 100 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 905. Цѣна 80 к.

Вильде, Н. Н.—Катастрофа—Романъ Софьи Михайловны—и др. разсказы. М. 904. Ц. 1 р.

Вѣстовой (И. С. П—въ).—Струны сердца. Стихотворенія. Спб. 905. Цѣна 60 коп.

Вѣтринскій, Ч.—Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Гедбергъ, Торъ.—Гергардъ Гриммъ. Драмат. поэма въ 5 д. Перев. съ швед. Анны Ганзенъ. М. 905. Ц. 50 к.

Геффедингъ, Г.—Философскія проблемы. Съ нѣм. Ѳ. Копелюша. Спб. 905. Цѣна 40 к.

Гроддекъ, Георгъ.—Проблема женщины. Перев. и изд. В. Л—ва. Спб. 905.

Дерновъ, М. Д.—Организація пасѣчнаго хозяйства. Краткое руководство къ первоначальному устройству пасѣки. Съ 23 рис. Спб. 904. Ц. 40 к.

Долгихъ, I.—Экономическое значеніе и будущее мелкаго хозяйства. Введеніе къ ученію о рентабельности скотоводственнаго хозяйства вообще и молочнаго въ частности. Рига. 905. Ц. 1 р. 50 к.

——— Работа коровъ въ ея историческомъ развитіи и экономическомъ значеніи. Рига. 905. Ц. 1 р.

Драхманъ, Гольгеръ.—Тысяча и одна ночь. Драма-сказка, въ 5 д. Перев. съ датск. А. Ганзенъ. М. 905. Ц. 50 к.

Дружининъ, Н. П.—Волостной сходъ. Разсказъ о томъ, какъ устроены и дѣйствуютъ по закону волостныя крестьянскія установленія. М. 905. Ц. 25 к.

Дьяконова, Елиз.—Дневникъ. На высшихъ женскихъ курсахъ (1895—1899 гг.). 2-е изд. Спб. 905. Ц. 1 р. 75 к.

——— Дневникъ русской женщины. Парижъ. 1900—1902. Спб. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Единорогъ, I.—Дьячки Софоній и Сасоній. Разсказы о двухъ дьячкахъ, покинувшихъ свою должность. М. 905. Ц. 25 к.

Ефименко, Александръ.— Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. Общества имени Т. Шевченка. Т. I. Спб. 905. Ц. 2 р.

Жаковъ, К.—Теорія перемѣннаго и предѣлы въ гносеологіи и въ исторіи познанія. Спб. 904. Ц. 1 р.

Задѣръ, Г. П.—Медицинскіе дѣятели въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Рост. н/Д. 905. Ц. 50 к.

Зомбартъ, Вернеръ.—Современный капитализмъ. Т. II: Теорія капиталистическаго развитія. Съ нѣм. п. р. М. Курчинскаго. М. 905. Ц. 2 р.

Ибсенъ, Генрикъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Кологривова, Л.—Стихотворенія: Война 1904 года — Лирическія— Историческія. М. 905. Ц. 1 р. 10 к.

Костомаровъ, Н. И. — Собраніе сочиненій: Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга пятая: т.т. 12, 13 и 14-й. Изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 905. Ц. 4 р.

Котъ-Мурлыка.—Романы, повѣсти и разсказы. Т. IV: I. Новый вѣкъ. II. При царѣ Горохѣ. III. Два брата. IV. Инегильда. V. Актриса. VI. Гризли. Спб. 905. Ц. 1 р. 75 к.

Крандіевская, А.—Ничтожные и другіе разсказы. Т. II. М. 905. Ц. 1 р.

Крижъ, В. О.—Первая грамота. Первая, послѣ азбуки, Книга для чтенія въ сельскихъ школахъ. Въ 5 отдѣлахъ. Съ рис. въ текстѣ. М. 905. Ц. 30 к.

Кристи, Е. К.—Стихотворенія. Од. 905. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А.—Полное собраніе сочиненій. Т. II. Драматическія сочиненія.—Почта духовъ. Спб. 905. Ц. за 4 т.—3 р.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Т. III: Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Съ нѣм. Н. Н. Полиловъ. Съ портретомъ Лейбница. Спб. 904. Ц. 4 р.

Куриловъ, В. В.—Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Екатеринославской губерніи. Естественно-историческая часть. Вып. 1: Маріупольскій уѣздъ. Екатеринославъ. 904.

Кюльпе, Освальдъ.—Очерки современной германской философіи. Перев. съ нѣм. С. Чулока. Спб. 905. Ц. 65 к.

Лафаргъ, П.—Американскіе трёсты, ихъ экономическая, соціальная и политическая роль. Перев. И. Былинки, п. р. В. Желѣзнова. Спб. 905. Ц. 40 к.

Лопухинъ, А. П., п. р.—Толковая Библія, или Комментарій на всѣ книги

Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Съ иллюстраціями. Т. I: Пятокнижіе Моисеево. Петербургъ. Безплатное приложеніе къ журналу „Странникъ" за 1904 г. (Общедоступная Богословская Библіотека, вып. 14).

Медемъ, Б. Г.—Вліяніе наслѣдственности, семьи и школы на состояніе зрѣнія у дѣтей, воспитывавшихся въ кадетскомъ корпусѣ и женскомъ институтѣ г. Полтавы. Спб. 905.

Миленовичъ, К.—Истинито Огледало прошастога века. Београд. 904. Цѣна 40 дин.

Муровъ, Г. Т.—Ганя Хмуровъ. Романъ въ 3 ч. Томскъ, 904.

Нечаевъ, А. П.—Картины родины. Типичные ландшафты Россіи, въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Изъ Чтеній по отечествовѣдѣнію при Спб. Учебн. Округѣ. Съ 62 рис. Ц. 1 р. Спб. 905.

——— Почва и ея исторія. Съ 30 рис. Спб. 905. Ц. 60 к.

Никольскій, В. А. — Русская жизнь. Историко-критическіе очерки. Съ 4 геліограв., 86 портр. художниковъ и 382 фототипо-гравюрами съ картинъ, акварелей и рисунковъ. Изд. Н. Ф. Мертца. Спб. 905. Ц. 6 р.

Огаревъ, Н. П. — Стихотворенія. П. р. М. О. Гершензона. Т. II. М. 905. Цѣна за 2 т.—3 р. 50 к.

Озеровъ, И. Х.—Экономическая Россія и ея финансовая политика на исходѣ XIX в. и въ началѣ XX в. М. 905. Ц. 1 р. 75 к.

Поповъ, А. А.—Сахалинъ, какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина. М. 905. Ц. 1 р.

Платонъ.—Творенія: Федръ. О значеніи философіи. Перев. съ введеніемъ и примѣчаніями Н. Мурашова. М. 904. Ц. 75 к.

Пшибышевскій, Станисл.—Сыны земли. Ром. въ 3 ч. М. 905. Ц. 50 к.

Розенбергъ, Вл., и *Якушкинъ*, В.—Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. М. 905. Ц. 1 р.

Стражевъ, Викторъ.—Стихотворенія. М. 905. Ц. 1 р.

Страховъ, Н.—Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Изд. 3-е. Кіевъ. 904. Ц. 1 р.

Сумцовъ, Н. Ф.—Художественные интересы Д. И. Каченовскаго. Харьк. 904. Брошюра.

——— Выступленіе А. А. Потебни на ученое поприще. Харьк. 904. Брошюра.

——— Пятидесятилѣтіе Сборника А. Л. Метлинскаго, „Народныя южнорусскія пѣсни". Спб. 904.

Федоровъ, А. Ф.—Россійская взаимная пенсіонная касса, какъ учрежденіе, представляющее каждому возможность самымъ незамѣтнымъ образомъ обезпечить себя и своихъ близкихъ на случай старости и трудонеспособности. Од. 905.

Франсъ, Анатоль.—Садъ Эпикура: статьи и афоризмы. Перев. Максима Бѣлинскаго. Спб. 905.

Чебышева-Дмитріева, Е. А.—Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Спб. 905. Ц. 1 р.

Чешихинъ, Всев.—Гамерлингъ. Характеристики. Спб. 904. Ц. 1 р.

Шараповъ, С.—Снѣга. М. 905. Ц. 30 к.

Шерръ, Іоганнъ.—Иллюстрированная Всеобщая исторія литературы. Съ нѣм., п. р. П. Вейнберга. Т. I, съ 175 рис. въ текстѣ и 14 рис. отдѣльныхъ. Т. II, съ 199 рис. въ текстѣ и 9 рис. отдѣльныхъ. М. 905. Ц. за 2 т.—6 руб.

Шингаревъ, А. И.—Отчетъ о дѣятельности санитарнаго отдѣленія Воронежской губернской Земской Управы за 1903—4 г. Ворон. 904.

Шишковъ, А.—Профессора. Картинки изъ прежней жизни въ нашихъ университетахъ. М. 905. Ц. 30 к.

Шумахеръ, Ал. — Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ его жизни и царствованія. Спб. 905. Ц. 1 р.

Щепкина, Е.—Чтенія по исторіи Россіи въ XVIII-мъ вѣкѣ. Вып. I: Государственный строй. Спб. 905. Ц. 1 р. 20 к.

Юргенсъ, Ф. А.—Вѣка прошедшіе Россіи и начало XX столѣтія. Спб. 905. Стр. 137. Ц. 3 р.

Янковскій, К. П.—Правила и порядки государственныхъ сберегательныхъ кассъ. Варш. 905. Ц. 50 к.

Ясинскій, Ф. С.—Собраніе сочиненій. Посмертное изданіе. Т. III, вып. 2. Спб. 904.

Ѳедоровъ, А. М.—На Востокѣ. Очерки. Спб. 904.

Askenazy, Szymon.—Książe Jòzef Poniatowski. 1763—1813. Варш. 905.

— Изданія Горбунова-Посадова: 1) Рождественская звѣзда. Ц. 1 р. 10 к. 2) Родная деревня, стих. С. Дрожжина, съ рис. Ц. 1 р. 20 к. 3) Дождевая волшебница, и др. сказки. 4) Что случилось въ лѣсу и др. разск. А. Кедровой. Ц. 60 к. 5) Общедоступный часовщикъ, сост. часовщикъ А. Буковъ, съ рис. Ц. 40 к. 6) О правильномъ уходѣ за жеребятами и лошадьми, составилъ Л. Штейертъ. Ц. 40 к. 7) Сельскій скотолечебникъ, состав. А. Архангельскій. Ц. 20 к. 8) Сократъ и его время, В. Сиповскаго. Ц. 40 к. 9) Бѣлый невольникъ, разск. А. Хирьякова. Ц. 15 к. 10) Въ царствѣ птицъ, В. Лонга, перев. съ англ. Е. Петровской. Ц. 25 к. М. 905.

— Изданія Подвижного Музея Учебныхъ пособій: 1) А. Бремъ, Тундра, ея растительный и животный міръ. Съ нѣм. Е. Елачича. 2) Е. Елачичъ, Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Спб. 905. Ц. за оба—35 к.

— Изданія „Посредника": 1) Въ Америкѣ съ духоборцами, Л. Судержицкаго. Ц. 1 р. 30 к. 2) Свѣтъ на пути и Ученіе о Кармѣ. Изъ древняго индусскаго писанія, „Книга золотыхъ правилъ". Съ англ. Е. П. Ц. 30 к. 3) Вопль дѣтей. Фр. Герда. Ц. 25 к. 4) Царство Фараоновъ, состав. Е. Жилина-Дьяконова. М. 905.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. 1904. Т. II, вып. 1 и 2. Спб. 904.

— Матеріалы для исторіи факультета восточныхъ языковъ. Т. I: 1851—1864 г. Спб. 905.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XI: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1897 году. Обзоръ мобилизаціи за 5-лѣтіе: 1892—97 г. Спб. 904.

— Московская губернія по мѣстному обслѣдованію. 1898—1900 гг. Т. II: Матеріалы для опредѣленія доходности земель. Вып. 1: Районы, Пашни, Сѣнокосныя угодья. М. 904. Съ картограммами.

— Музей Педагогическаго Общества при Имп. Московскомъ Университетѣ въ 1903 г. Годъ I. М. 904. Ц. 50 к.

— Новыя сочиненія: № 11. Независимый, Избранныя бесѣды. № 12. Лефаню, Страшный дядя. Съ англ. Въ „Приложеніи": 32 открытыхъ письма. Ц.—по 30 коп. Спб. 904.

— Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Общества при Москов. Университетѣ за 1903—4 г. Годъ VI. М. 904.

— Отчетъ Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1903 г. XXI-ый. Спб. 904.

— Отчеты санитарныхъ врачей Спб. губернскаго земства за 1903 годъ. Спб. 904.

— Очерки по исторіи Германіи въ XIX-мъ вѣкѣ. Т. I: Происхожденіе современной Германіи. Перев. съ нѣм. В. Бизирова и И. Степанова. М. 905. Цѣна 2 р.

— Педагогическая мысль. Изд. Коллегіи П. Галагана, п. р. И. Сикорскаго и И. Гливенко. 1904. Выпускъ II. Кіевъ. 904. Ц. 1 р.

— Сборникъ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Вятской губерніи. Т. I: Вятскій уѣздъ, вып. 1 и 2. Т. II, вып. 1: Основныя таблицы. Вятка, 904.

— Сборникъ „Родника", въ пользу сиротъ воиновъ, павшихъ въ русско-японской войнѣ. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

— Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ. Т. VIII. Юр. 905.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903—4 гг. Годъ XIII: Вып. 3 и 4. Вятка, 904.

— Чествованіе памяти Б. Н. Чичерина въ Славянскомъ Клубѣ въ Краковѣ, 28 февраля 1904 г. Краковъ, 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Eloesser. Litterarische Portraits aus dem modernen Frankreich. Стр. 300. Berlin, 1904 (S. Fischer, Verlag).

Въ Германіи часто появляются книги, свидѣтельствующія о точномъ знаніи французской литературной жизни послѣдняго времени, о пониманіи ея характера, ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. Уже со времени Лессинга Германія стала очагомъ литературной критики, направленной на изученіе европейскихъ литературъ, и нѣтъ вопроса, касающагося минувшихъ литературныхъ эпохъ, который не былъ бы разработанъ въ монографіи какого-нибудь нѣмецкаго ученаго или критика. Въ настоящее время нѣмецкіе критики продолжаютъ исполнять попрежнему свою миссію, и въ Германіи появляются обстоятельные и авторитетные очерки объ иностранныхъ литературахъ. Что касается современной французской литературы, то о ней пишутъ большей частью не ученые профессора, а молодые писатели, непосредственно окунувшіеся въ парижскую атмосферу и передающіе свои личныя впечатлѣнія. Такъ создались очень интересные очерки о новой французской литературѣ Германа Бара, затѣмъ книга Макса Нордау, изобилующая интереснымъ фактическимъ матеріаломъ, но искаженная отчасти тенденціозной враждой къ нѣкоторымъ французскимъ писателямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась еще одна книга нѣмецкаго писателя о современной французской литературѣ. Это „Литературные портреты" Артура Элесера; въ ней собраны очерки о наиболѣе видныхъ современныхъ драматургахъ и романистахъ. Очерки задуманы въ видѣ портретовъ, и авторъ намѣчаетъ поэтому лишь наиболѣе характерное въ творчествѣ отдѣльныхъ писателей. Но помимо критическихъ оцѣнокъ въ очеркахъ Элесера есть интересный фактическій матеріалъ, — біографическія данныя, перечень и разборъ главнѣйшихъ произведеній разныхъ авторовъ, такъ что получается полная и интересная картина о современной литературной жизни во Франціи.

Первая половина книги Элесера посвящена драматургамъ, и въ ней разсматриваются лучшіе представители новѣйшаго французскаго театра. Есть, правда, крупные пробѣлы. Элесеръ не упоминаетъ ни объ Октавѣ Мирбо, ни—что еще важнѣе—о Метерлинкѣ, также какъ

и о другихъ бельгійскихъ драматургахъ, Верхарнѣ, Роденбахѣ, а безъ нихъ характеристика основныхъ теченій французской драмы является, конечно, очень неполной. Намъ кажется, однако, хотя Элесеръ и не оговаривается объ этомъ въ своемъ небольшомъ предисловіи къ книгѣ, что эти пробѣлы отчасти намѣренные. Онъ хочетъ познакомить своихъ читателей съ наиболѣе типичными явленіями французской сцены, и этой цѣли онъ достигаетъ. Есть во Франціи— какъ и въ другихъ странахъ—два театра и—въ болѣе широкомъ смыслѣ—двѣ литературы. Одинъ театръ—одна литература—создается одиноко стоящими поэтами и художниками, преслѣдующими свою обособленную мечту, обращающимися къ болѣе или менѣе тѣсному кругу читателей. А затѣмъ есть литература,—и это въ особенности относится къ театру,—которая отвѣчаетъ общимъ духовнымъ запросамъ, общему уровню пониманія, которая тѣсно связана съ психологіей и съ идеалами средняго человѣка въ данный моментъ культурной жизни. Это вовсе не значитъ, что первый родъ литературы непремѣнно болѣе высокій, а второй непремѣнно болѣе низменный. Напротивъ того, есть великія произведенія, сразу становящіяся „литературой для всѣхъ", и бываютъ среди „литературы для избранныхъ" совершенно фальшивыя явленія. Но во всякомъ случаѣ характерными для идейной жизни въ данный моментъ являются произведенія, находящія откликъ въ обществѣ,—и на нихъ сосредоточиваетъ свое вниманіе нѣмецкій критикъ, говоря о современной французской драмѣ. Философско-поэтическіе замыслы Метерлинка не характерны для французскаго театра; его драмы стоятъ совершенно особнякомъ отъ французской дѣйствительности; и даже тонко литературныя комедіи Мирбо, при всей своей непосредственной связи съ реальной жизнью, не соотвѣтствуютъ ни міросозерцанію, ни художественнымъ запросамъ средней интеллигентной публики и пользуются успѣхомъ только на маленькихъ интимныхъ парижскихъ сценахъ, у зрителей съ особенно изысканными вкусами. Изъ пьесъ Мирбо нравятся только такія, какъ „Les affaires sont les affaires". Онѣ наименѣе характерны для него, но подходятъ подъ общій уровень пьесъ, отражающихъ дѣйствительность.

Изъ числа авторовъ, составляющихъ наличный составъ современнаго французскаго театра, въ книгѣ Элесера разсмотрѣны почти всѣ болѣе или менѣе даровитые и пользующіеся извѣстностью писатели. Начиная съ родоначальника натуралистической драмы, Анри Бека, нѣмецкій критикъ переходитъ къ холодно-корректному моралисту Полю Эрвье, даетъ характеристику мѣткаго юмориста Лаведана, затѣмъ Куртелина съ его въ сущности безобиднымъ, чисто галльскимъ юморомъ. Онъ разсматриваетъ также представителей болѣе серьез-

ной психологической и идейной драмы, Кюреля и Порто-Риша, заканчивая свою серію портретовъ на любимцѣ французской публики, Ростанѣ. На основаніи этихъ портретовъ можно выяснить идеалы и проблемы, занимающія тотъ французскій театръ, въ которомъ отразились жизнь, вкусы и міровоззрѣніе французскаго общества. И вотъ къ какимъ выводамъ можно придти: внутреннее содержаніе новѣйшаго французскаго театра осталось тѣмъ же, какъ и при Дюма-сынѣ. На первомъ планѣ попрежнему стоятъ драмы, создаваемыя внѣшними условіями, общественными устоями или предразсудками въ области морали, съ которыми борется свободное чувство. Выраженіемъ борьбы интересовъ является почти всегда супружеская невѣрность съ той или другой стороны. Разные авторы, соотвѣтственно ихъ большей или меньшей прогрессивности, становятся или на сторону согрѣшившей жены, — если они сознаютъ себя сторонниками Ибсена,—или же защищаютъ попираемые семейные устои. По выраженію Элесера, главное отличіе между драмой и легкой комедіей-фарсомъ въ современномъ театрѣ заключается въ томъ, что въ драмѣ измѣняетъ жена, а въ фарсѣ „пошаливаетъ" мужъ. Измѣняющій женѣ мужъ—скорѣе симпатичное лицо въ глазахъ публики; прощая ему всѣ его прегрѣшенія, зрители рады посмѣяться надъ забавными положеніями, въ которыя онъ попадаетъ, желая совмѣстить тишину домашняго очага съ увлеченіями на сторонѣ. Другое дѣло—когда жена начинаетъ „потрясать основы" благоустроенной семьи или тайными измѣнами, или открытымъ мятежомъ противъ статей закона, ограничивающихъ свободу ея личности. Если это и возбуждаетъ смѣхъ, то лишь такой, который французы называютъ „le rire jaune"; пьесы, въ которыхъ дѣло идетъ объ измѣнѣ жены, уже не фарсы, а сатиры или драмы. Элесеръ не останавливается на прогремѣвшихъ въ послѣдніе годы фарсахъ вродѣ разныхъ „Дамъ отъ Максима", „Surprises du divorce" и т. д., хотя и въ нихъ сюжетъ опредѣляется супружеской измѣной и борьбой противъ строгости брачныхъ договоровъ; виновной стороной является, конечно, мужъ — это непремѣнное условіе веселыхъ пьесъ. Въ книгѣ Элесера разсматриваются только серьезные драматурги, авторы комедій нравовъ и драмъ, представляющихъ несомнѣнный литературный интересъ. Ихъ основная тема, однако, та же, что и въ прославленныхъ фарсахъ, и талантъ авторовъ сказывается только въ разработкѣ діалога, въ блескѣ стиля и въ такихъ качествахъ ума, какъ проницательность и мѣткость сатиры. Съ идейной же стороны, т.-е. въ смыслѣ углубленія вопросовъ жизни, вся современная французская драма, т.-е. всѣ ея типичныя, а не обособленныя явленія, не представляютъ ни глубины, ни самобытности. Еслибы измѣнились нѣкоторые параграфы французскихъ за-

коновъ, опредѣляющіе права мужа и жены, еслибы установилась полная свобода развода, — большинство современныхъ драмъ сразу утратило бы свой смыслъ. Внѣ столкновеній съ законами остаются комедіи и драмы, основанныя на скрытыхъ супружескихъ измѣнахъ, но въ нихъ все сводится къ сатирѣ нравовъ, а не къ внутреннимъ переживаніямъ человѣческой души; которая пріобрѣтала бы въ столкновеніяхъ и съ внѣшними обстоятельствами, и со своими собственными разнорѣчивыми побужденіями какую-нибудь просвѣтляющую истину, достигала бы если не жизненнаго, то нравственнаго разрѣшенія вопросовъ духа и совѣсти. Въ этомъ—проклятіе современнаго французскаго театра: онъ весь обращенъ къ внѣшней сторонѣ жизни, и всѣ ея осложненія умѣетъ использовать съ величайшимъ блескомъ, находчивостью и умомъ. По пути же внутреннихъ исканій идутъ только драматурги, идущіе въ разрѣзъ съ психологіей публики.

По отдѣльнымъ очеркамъ въ книгѣ Элесера можно убѣдиться въ чисто внѣшнемъ характерѣ современнаго французскаго театра. Во главѣ разбираемыхъ имъ авторовъ стоитъ Анри Бекъ съ его „Парижанкой". А. Бекъ несомнѣнно въ высшей степени талантливый художникъ, чутко понимавшій психологію французской буржуазіи. Угрюмый неудачникъ въ жизни, онъ сдѣлался злобнымъ насмѣшникомъ въ своемъ творчествѣ, и безпощадно обличаетъ жестокость современныхъ нравовъ. Когда же онъ хочетъ написать веселую комедію, рисующую „благополучіе" французской семьи, у него выходитъ такая безпощадная сатира, какъ „Парижанка". Героиней этой комедіи, исключительно яркой по остроумію и мѣткости характеристикъ, является женщина, которая умѣетъ чрезвычайно умно и удобно устроить свою жизнь: и ея мужъ, и ея возлюбленный вполнѣ счастливы и увѣрены въ ней въ то время какъ она обоихъ ихъ обманываетъ, сочетая свои капризныя увлеченія съ практическими заботами о благополучіи своего мужа, о томъ, чтобы доставить ему выгодное мѣсто и т. д. Она торжествуетъ въ концѣ пьесы, но весь сарказмъ автора направленъ на то, чтобы показать всю ложь и все нравственное уродство, которое таится въ благополучно живущей буржуазной семьѣ. Комедія задумана очень серьезно, очень искренно, написана чрезвычайно талантливо. Особенно знаменита первая сцена, служащая экспозиціей для всего дальнѣйшаго. Комедія начинается съ рѣзкой сцены ревности, которую устраиваетъ молодой женщинѣ идущій по ея пятамъ человѣкъ. Онъ допрашиваетъ ее о томъ, гдѣ она была, требуетъ, чтобы она показала письмо, которое она отъ него скрываетъ; она урезониваетъ его очень коварными доводами, но вдругъ прерываетъ объясненіе словами: „Молчи, вотъ мой мужъ". Ока-

зывается, что передъ зрителемъ разыгралась не супружеская сцена, а ссора съ другомъ дома. Но интересъ и этой сцены, и всей комедіи вообще, заключается исключительно въ сатирѣ нравовъ, въ вопросѣ о безнравственности ménage à trois; у героини даже и нѣтъ внутреннихъ переживаній, такъ какъ она слишкомъ занята трудностью своего положенія, сложностью своихъ отношеній съ нѣсколькими людьми. Еслибы всѣ эти люди перестали лгать, никакой драмы не было бы, такъ какъ все, что переживается ими, обращено только на обстоятельства жизни, а не на внутреннее ея содержаніе.

Столь же типичными для чисто внѣшняго драматизма современнаго французскаго театра, являются драмы Поля Эрвьé, холодно-корректнаго моралиста, въ пьесахъ котораго исходнымъ пунктомъ являются статьи закона. Эрвьé становится на сторону женщины. Въ его драмѣ „Въ тискахъ" женщина пользуется закономъ, чтобы отомстить мужу, который именемъ закона угнеталъ ее. Онъ не далъ ей уйти отъ него, когда она полюбила другого,—и она мститъ ему черезъ десять лѣтъ; тогда она сама говоритъ ему, что не онъ отецъ ихъ сына, котораго онъ считаетъ своимъ, но что на разводъ она не дастъ согласія, чтобы не лишить своего сына всѣхъ правъ и преимуществъ законнаго ребенка. Вся драма сводится къ дуэли между мужемъ и женой, причемъ роль рапиръ играютъ параграфы законовъ. И въ другой своей пьесѣ, „La loi de L'homme", Эрвьé выступаетъ защитникомъ женщины въ вопросѣ о разводѣ, въ которомъ женщина всегда является обиженной стороной. Эти пьесы написаны умно и очень логично разрабатываютъ пункты защиты, которую беретъ на себя авторъ; онъ очень умѣло пользуется всѣми данными для сценичныхъ эффектовъ, но по существу содержаніе этихъ пьесъ ничтожно, такъ какъ онѣ не возсоздаютъ истинной драмы души, не опредѣляемой никакими параграфами закона.

Другимъ типичнымъ французскимъ драматургомъ является Жоржъ Куртелинъ. Его мало знаютъ у насъ; его пьесы, также какъ и разсказы, настолько проникнуты couleur locale, что утрачиваютъ отчасти интересъ при незнаніи французскаго быта. Особенность Куртелина заключается въ томъ, что онъ сочетаетъ крайній реализмъ съ безудержной фантазіей, доводящей всѣ положенія и дѣйствія до чудовищныхъ размѣровъ, на чемъ онъ и основываетъ комическіе эффекты. Всѣ его сюжеты коренятся въ непосредственной, даже тривіальной дѣйствительности, и въ этомъ его отличіе отъ другихъ парижскихъ юмористовъ и сатириковъ. Они отражаютъ модную извращенность, пороки, созданные избыткомъ культурности, а Куртелинъ возсоздаетъ не исключительно парижскую, а французскую психологію, и вышучиваетъ коренныя черты людей, ихъ грубость, мелочность, трусливость.

При своемъ талантѣ изображать все какъ бы въ увеличительномъ стеклѣ, онъ изъ всякаго происшествія, какъ бы оно ни было ничтожно, создаетъ убѣдительный документъ человѣческаго безобразія и глупости. Юморъ его охватываетъ самыя разнообразныя области, но все-же сосредоточивается главнымъ образомъ на вышучиваніи суда и законовъ, въ примѣненіи которыхъ властями сказываются тупость и эгоизмъ угнетателей,—также какъ и глупость покорныхъ жертвъ угнетенія. Главныя темы Куртелина—бытъ солдатъ, дисциплина въ казармахъ, создающая особую изворотливость въ стремленіи избѣжать кары за проступки, невинные по существу, но недопустимые въ глазахъ начальства.

Ярче всего юморъ Куртелина сказывается въ судейскихъ сценахъ. Въ одной изъ лучшихъ сценъ изображенъ адвокатъ, краснорѣчиво защищающій своего кліента—и потомъ произносящій противъ него обвинительную рѣчь, когда, по волѣ судьбы, или, вѣрнѣе, по фантазіи автора, онъ получаетъ назначеніе помощника прокурора и тутъ же на мѣстѣ смѣняетъ своего прежняго противника, поддерживая обвиненіе противъ своего же кліента. Все это ведется быстро, находчиво, и безпочвенность судейскаго краснорѣчія выступаетъ съ бичующей доказательностью въ этомъ changement à vue. Помимо маленькихъ сценъ, діалоговъ и картинокъ нравовъ, Куртелинъ написалъ комедію („Boubouroche"), которая держится во французскомъ репертуарѣ и вполнѣ этого заслуживаетъ своимъ юморомъ, углубленнымъ до трагизма въ изображеніи съ одной стороны человѣческой глупости и добродушія, а съ другой—порочности и вѣроломства. Въ этой комедіи масса сценической выдумки, яркихъ сценъ. Способность ловкой жены артистически лгать, ея умѣніе убѣдить мужа въ своей невиновности въ то время какъ онъ застаетъ спрятаннаго въ ея комнатѣ „друга дома", ея ссылка на „семейную тайну", подъ предлогомъ которой она отказывается объяснить присутствіе у нея чужого человѣка, ея гнѣвъ, которымъ она усмиряетъ взрывъ негодованія расходившагося-было добродушнаго мужа, прощеніе, которое она въ концѣ концовъ милостиво даруетъ ему,—все это изображено крайне талантливо—и именно благодаря своей талантливости служитъ осужденіемъ современнаго французскаго театра, т.-е. самыхъ характерныхъ для него, самыхъ типичныхъ произведеній. Такъ какъ въ „Boubouroche" измѣняетъ жена, то комедія принимаетъ драматическій отпечатокъ при всемъ комизмѣ основныхъ положеній. Но суть драматическаго узла опредѣляется не индивидуальными переживаніями каждаго человѣка въ отдѣльности, а только взаимнымъ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ,— роковымъ треугольникомъ французской буржуазной семьи, столь занимающимъ французскихъ романистовъ и драматурговъ.

Приблизительно къ тому же роду адюльтерныхъ пьесъ, въ которыхъ сложность положеній замѣняетъ углубденность психологическаго анализа, принадлежатъ пьесы другого изъ имѣющихъ большой успѣхъ драматурга, Мориса Доннэ. Онъ началъ съ вольной передѣлки Аристофановской комедіи „Лизистрата"; подъ видомъ аѳинскихъ женъ и гетеръ онъ изобразилъ въ ней современныхъ парижанокъ, и подъ соусомъ античности лишній разъ обрисовалъ парижскій адюльтеръ: зачинщица заговора, Лизистрата, первая нарушаетъ обѣтъ, данный союзомъ женщинъ, и падаетъ въ объятья—не мужа, а друга дома. Въ этомъ—„парижская нотка" передѣланной на французскій ладъ греческой комедіи.

Но прославился Доннэ, главнымъ образомъ, своей комедіей „Amants", гдѣ изображаетъ добродѣтельную любовь внѣ семейнаго очага. Въ незаконныхъ сожительствахъ свѣтскихъ парижанъ съ женщинами, „на которыхъ не женятся", повторяются въ сущности тѣ же комедіи, тѣ же драмы, какъ и въ буржуазныхъ семьяхъ, вышучиваемыхъ сатириками; но такъ какъ здѣсь меньше лжи, а больше ожиданія возможной измѣны и корыстныхъ поступковъ, то является возможность искреннихъ отношеній и дѣйствительныхъ привязанностей, возникающихъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ препятствій, грозящихъ неминуемымъ разрывомъ. Атмосфера полу-лжи и полу-искренности и, во всякомъ случаѣ, большей сосредоточенности чувствъ, чѣмъ въ правильной семьѣ, гдѣ всѣ силы души уходятъ на самое веденіе интригъ, изображена въ комедіи Доннэ очень художественно, тонко; успѣхъ этой пьесы, особенно при хорошемъ исполненіи, вполнѣ понятенъ. Это до нѣкоторой степени новая реабилитація „Дамы съ камеліями", понимаемой въ болѣе современномъ духѣ. Вторая пьеса Доннэ, „La Douloureuse", гдѣ говорится о томъ, что за всѣ удовольствія жизни мы платимся печальными разочарованіями, уже далеко не такъ удачна, какъ „Amants". Тему адюльтера Доннэ разрабатываетъ и въ драмѣ „Torrent", гдѣ противопоставляются права свободной любви долгу передъ пошлымъ мужемъ, не понимающимъ духовныхъ стремленій жены. Дѣло кончается самоубійствомъ измѣнившей жены, въ психологіи которой авторъ сильно подражаетъ Ибсеновскому „Росмерсгольму".

Если нѣкоторые изъ типичныхъ или, скажемъ, „модныхъ" драматурговъ оставляютъ въ сторонѣ адюльтерный вопросъ, то взамѣнъ этого они рисуютъ картинки нравовъ веселящагося Парижа, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Лаведанъ въ своемъ „Prince Aurec", гдѣ французская аристократія изображается въ самомъ непривлекательномъ видѣ, порабощенною финансовой знатью, которая нужна принцамъ крови для удовлетворенія своихъ страстей. Лаведанъ обрисо-

валъ нѣсколько удачныхъ типовъ свѣтскихъ людей—и въ этомъ его достоинство, потому что когда онъ начинаетъ увлекаться ролью моралиста, какъ, напр., въ „Catherine“ и другихъ пьесахъ, онъ становится необыкновенно банальнымъ.

Къ числу наиболѣе имѣющихъ успѣхъ драматурговъ принадлежитъ, помимо авторовъ адюльтерныхъ пьесъ, воскреситель романтической старины, Эдмонъ Ростанъ. Нѣмецкій критикъ съ осужденіемъ относится къ его творчеству, но объясняетъ естественность его успѣха въ буржуазномъ обществѣ, которому пріятны романтическія мечты.

II.

Willy. Minne. Стр. 293. Paris, 1904 (Librairie Paul Ollendorff).

Вилли—псевдонимъ талантливаго французскаго юмориста, создавшаго въ героинѣ нѣсколькихъ своихъ книгъ очень современный, очень своеобразный типъ парижанки, „вкусившей отъ древа познанія добра и зла“, но сохранившей свободную и чистую душу и составляющей всѣмъ своимъ существомъ протестъ противъ лицемѣрія и лжи. Клодина—такъ зовутъ героиню Вилли—изображена въ нѣсколькихъ книгахъ: „Claudine à l'ecole“, „Claudine à Paris“, „Claudine en ménage“, „Claudine s'en va“. Во всѣхъ нихъ авторъ рисуетъ современные нравы съ веселостью, чуждой всякаго проповѣдничества, но все-же съ опредѣленнымъ кодексомъ нравственности. Девизъ Клодины: свобода и правдивость; обладая этими инстинктивными принципами, она сохраняетъ живую, чистую душу и среди соблазновъ; она или смѣло и открыто поддается имъ, или же легко и беззаботно отстраняетъ ихъ.

Вилли создалъ новый типъ въ книгѣ, вышедшей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Это дѣвочка-подростокъ, Минна, именемъ которой и названа книга. Клодина обладаетъ съ дѣтства трезвымъ умомъ, все ясно видитъ, понимаетъ и судитъ — иногда даже слишкомъ проникновенно, такъ что въ сужденіяхъ ея сквозитъ жизненный опытъ парижанина-автора. Минна, напротивъ того, живетъ среди дѣйствительности своей грёзой, и такъ сильна ея грёза, что дѣйствительность преображается для нея. Минна Вилли — новый Донъ-Кихотъ въ образѣ наивной дѣвочки-подростка; она тоже живетъ въ воображаемомъ рыцарскомъ мірѣ, полномъ геройства и злодѣйствъ,—тоже идеалистка, жаждущая сильной и красивой жизни и видящая прекрасное и возвышенное тамъ, гдѣ въ дѣйствительности только грубость и нравственное паденіе. Но Минна—Донъ-

Кихотъ въ очень современной окраскѣ: испанскимъ рыцаремъ управляла жажда водворить рыцарскіе идеалы на землѣ и побѣдить разбойниковъ, угнетающихъ невинность; Минна же, при всемъ своемъ дѣтскомъ невѣдѣніи, жаждетъ не водворенія законности, а анархической свободы, гдѣ закономъ являлись бы только сила и красота личности. Отъ мирной обстановки, отъ балующей ее матери Минну тянетъ къ какой-то пригрезившейся ей свободной жизни, гдѣ царятъ любовь, геройство и красота, гдѣ жестокость становится символомъ власти сильнаго надъ толпой. Осуществленіе ея мечты, столь же воображаемое, какъ рыцарскіе подвиги Донъ-Кихота, изображеніе новаго романтически-рыцарскаго идеала, выработавшагося среди современной дѣйствительности—таковъ любопытный сюжетъ книги Вилли, художественной по исполненію; въ ней тонко изображена смѣсь чистоты съ той культурной порчей, которая можетъ породить извращенность вкусовъ у невиннаго, поэтичнаго полуребенка. Если Донъ-Кихотъ создалъ себѣ фантастическую картину дѣйствительности, начитавшись рыцарскихъ романовъ, то Минна, донкихотствующая парижанка нашихъ дней, тоже отравлена чтеніемъ—но не романовъ, а газетъ; въ нихъ описываются не вымышленныя приключенія, а „драмы любви и крови", разыгрывающіяся ежедневно въ культурномъ Парижѣ, въ мірѣ такъ называемыхъ „apaches", т.-е. хулигановъ, разбойниковъ, готовыхъ на кровавую расправу изъ-за своихъ подругъ. Какъ ни странно, но переживаніе рыцарскихъ завѣтовъ — конечно, въ сильно извращенномъ видѣ, но все-таки съ культомъ дамы сердца, готовностью отстаивать право на ея любовь цѣною своей крови, съ местью и т. д.,—сохранилось именно въ самой низкой, некультурной средѣ. Судебная хроника парижскихъ газетъ полна разсказовъ о подвигахъ этихъ рыцарей улицы, объ ихъ распряхъ изъ-за обладанія какой-нибудь красавицей ихъ міра, объ ихъ сильныхъ, хотя и грубыхъ—какъ встарь—страстяхъ, объ ихъ своеобразной сословной чести, уживающейся съ полнымъ нравственнымъ паденіемъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Все это переноситъ воображеніе въ средніе вѣка, когда такая же свирѣпость, пылкость и грубость составляли содержаніе жизни лучшихъ людей.

Героинѣ повѣсти Вилли жизнь и подвиги „апашей" рисуются въ идеализированномъ видѣ, также какъ средневѣковые рыцарскіе принципы—Донъ-Кихоту; но есть, конечно, соотвѣтствіе между идеаломъ, рисующимся воображенію, и психологіей, породившей этотъ идеалъ. Донъ-Кихотъ сродни рыцарямъ, паѳосъ которыхъ заключался въ забвеніи своей личности во имя служенія своей святынѣ; Минна же, чистая, восторженная дѣвочка, при всемъ своемъ невѣдѣніи зла, ин-

стинктами своими близка къ извращенности, которая создала романтичныхъ разбойниковъ на окраинахъ Парижа. Образъ чистой дѣвочки съ инстинктами изжившейся націи, утомленной чрезмѣрнымъ напряженіемъ культуры, изображенъ Вилли съ большой свѣжестью и поэтичностью. Минна—единственная дочь еще довольно молодой вдовы, всецѣло поглощенной заботами о своей дѣвочкѣ. Ее воспитываютъ какъ всѣхъ ея сверстницъ; она посѣщаетъ аристократическую школу, и всегда отправляется на уроки и возвращается домой непремѣнно въ сопровожденіи служанки, если у матери нѣтъ времени провожать ее самой. Но такъ заботливо и любовно охраняемая дѣвочка создаетъ себѣ особый внутренній міръ, въ который она не допускаетъ никого изъ домашнихъ—даже мать, которую очень любитъ. Минна прочла въ газетѣ о подвигахъ цѣлой компаніи грабителей и описаніе странныхъ нравовъ ихъ среды. Очень заинтересованная прочитаннымъ, она начинаетъ слѣдить за ихъ жизнью, читаетъ тайкомъ газеты, сразу разрѣшивъ себѣ хитрить и обманывать мать,—для того, чтобы пріобщиться къ жизни, которая ей кажется истинно геройской и прекрасной. Она узнаетъ изъ отчетовъ возмущенныхъ газетныхъ хроникеровъ, что обнаружено убійство какой-то богатой старухи: часть виновныхъ разыскана, но главный преступникъ, начальникъ шайки, исчезъ, также какъ и женщина, считавшаяся царицей этого своеобразнаго народца. Фантазія Минны возбуждена. Увѣренная въ томъ, что блистательную „Casque de Cuivre“ не найдутъ, такъ какъ она спрятана своими вѣрными подданными, Минна мечтаетъ занять ея мѣсто, стать царицей свободнаго племени, заслужить любовь скрывающагося предводителя и добиться того, чтобы онъ похитилъ ее. Минна начинаетъ жить только мечтами о новой жизни. Она въ точности изучила особенности племени, которымъ собирается править; знаетъ, что оно состоитъ изъ героевъ двухъ типовъ: одни—приземистые и угрюмые, другіе—высокіе и стройные, презирающіе всякую работу; они убиваютъ тѣхъ, у кого нужно отнять деньги или кого нужно уничтожить по какимъ-нибудь инымъ соображеніямъ. Проходя по дорогѣ въ школу и обратно, вдоль бульвара,—мать Минны живетъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуютъ разбойники новѣйшей формаціи,—Минна видитъ сидящихъ на скамейкахъ юношей въ шолковыхъ фуражкахъ; она знаетъ, что это „они“, ея герои. Одинъ въ особенности нравится ей; у него припомаженные волосы и наглый видъ. Она увѣрена, что это—тотъ „Frisé“ (всѣ прозвища ночныхъ рыцарей она твердо знаетъ), котораго полиція не можетъ найти. Здѣсь, среди своихъ подданныхъ, готовыхъ оберегать его на каждомъ шагу, онъ можетъ на улицѣ показываться безъ боязни. Когда мать проходитъ съ нею мимо этого подозритель-

наго человѣка, она пугливо торопитъ дѣвочку, предупреждая о возможности нападенія. Но Минна только снисходительно улыбается. Она вѣдь все знаетъ. Ей извѣстно, что этотъ человѣкъ—именно „Frisé", что онъ уже замѣтилъ ее въ прежніе разы, когда она проходила мимо, что онъ любитъ ее, хочетъ сдѣлать ее царицей своего племени, похитить ее—и только ждетъ случая. „Но, конечно,—думаетъ Минна,—гдѣ это понять мамѣ!" И она твердо рѣшается быть достойной избравшаго ее героя, свято хранить тайну и быть готовой на всѣ жертвы—даже на то, чтобы покинуть мать и домъ, когда за ней придетъ ея герой.

Фантастическій романъ, который Минна сочинила между собой и подозрительнымъ незнакомцемъ на бульварѣ, весь дышитъ жестокостью. Минна въ мечтахъ безпощадна. Она понимаетъ, что ея герой потому и проводитъ цѣлые дни на бульварѣ, что ждетъ удобнаго случая похитить ее, и ей хотѣлось бы сунуть ему записку со слѣдующимъ энергичнымъ воззваніемъ: „Убейте Селени, служанку, которая отводитъ меня въ школу; это—самое практичное. Тогда мы сможемъ сейчасъ же убѣжать вмѣстѣ". Но ей не удается подать своему тайному возлюбленному этотъ благой совѣтъ, и она должна выжидать, страдая сама и понимая его терзанія. Мысленно она обрекаетъ на смерть всѣхъ, кто ей мѣшаетъ, всю толпу пошлыхъ и ненужныхъ, по ея мнѣнію, людей, которые нарушаютъ собой красоту и яркость жизни. Когда къ матери ея приходитъ съ визитомъ знакомая дама и позволяетъ себѣ ласково и покровительственно погладить Минну по ея свѣтлымъ, какъ серебро, локонамъ, геройская душа Минны возстаетъ противъ этого соприкосновенія съ вульгарностью толпы, и дѣвочка внутренно отдаетъ дерзновенную на растерзаніе и поруганіе своимъ будущимъ подданнымъ, представляя себѣ съ отрадой, какъ ее будутъ истязать за ея глупость и за ея уродство. Возвращаясь изъ школы около полудня и проходя по близости фортификацій, Минна наблюдаетъ за „ними", рисуя себѣ цѣлую картину ихъ нравовъ. Она видитъ женщинъ, занятыхъ шитьемъ или обѣдающихъ на травѣ, какъ за городомъ; мужчины спятъ, растянувшись на травѣ, или же, для упражненія своихъ сильныхъ мускуловъ, борются другъ съ другомъ—вполнѣ дружелюбно, только для практики. Минна знаетъ, что эта идиллія—только кажущаяся, что „они" отдыхаютъ днемъ въ ожиданіи ночи. Тогда они превращаются въ ревущихъ демоновъ, и ихъ крики доходятъ до слуха Минны, когда она давно уже лежитъ въ свой удобной, теплой кроваткѣ и вся горитъ, мысленно участвуя въ захватывающихъ событіяхъ на улицѣ. Грубая дѣйствительность, разбой и гнусные нравы парижскихъ „апашей" совершенно преобразовываются въ фантазіи дѣвочки — какъ трезвая

обыденная жизнь въ глазахъ Донъ-Кихота, для котораго жить значило совершать подвиги. Описаніе того, что̀ слышитъ Минна, лежа въ постели, и какъ это преобразовывается въ ея фантазіи, очень оригинально сдѣлано Вилли; сліяніе дѣйствительнаго съ фантастическимъ сдѣлано имъ съ легкой скептической усмѣшкой. Вотъ это описаніе: „Таинственное племя не кричитъ ночью; оно свиститъ. Пронзительные, страшные свистки проносятся по бульварамъ, служа условными телеграфными знаками для посвященныхъ. Внимая имъ, Минна дрожитъ съ головы до ногъ... „Они“ свистнули два раза... какой-то странный отвѣтный звукъ раздался издалека. Что̀ онъ означаетъ: „спасайтесь“, или „дѣло сдѣлано“? Можетъ быть, они сдѣлали свое дѣло, убили старуху... Она теперь лежитъ на полу возлѣ постели, въ лужѣ крови... Они пересчитываютъ золото и банковые билеты, потомъ выпьютъ и лягутъ спать. А завтра, собравшись у фортификацій, они разскажутъ товарищамъ про убійство старухи и раздѣлятъ добычу... Но вѣдь ихъ королева скрылась и анархія воцарилась у нихъ,—объ этомъ сказано въ „Journal“... Стать ихъ королевой, носить красную ленту на шеѣ, имѣть при себѣ револьверъ, понимать языкъ свистковъ, гладить волосы атаману, Frisé, направлять его дѣйствія... королева Минна... Почему же нѣтъ? Вѣдь есть же королева Вильгельмина!.. И Минна засыпаетъ, продолжая мечтать во снѣ“.

Фантастическій идеалъ Минны создался при очень незначительномъ содѣйствіи дѣйствительности, и поэтому все, что́ создала ея фантазія, и осуществляется для нея, хотя она живетъ въ самой трезвой жизненной обстановкѣ. Она хочетъ стать королевой „таинственнаго племени“ — но чтобы достигнуть этого, нужно преодолѣть множество препятствій. Эти препятствія и торжество надъ ними создаются ея восбраженіемъ, какъ подвиги Донъ-Кихота. Воображаемая драма Минны начинается съ той минуты, когда она перестаетъ встрѣчать на бульварѣ, возвращаясь домой, того страннаго юношу, котораго считала атаманомъ апашей. Онъ не приходитъ на свиданія... Минна въ отчаяніи, не ѣстъ, не пьетъ, приводя въ ужасъ мать своей блѣдностью. Наконецъ она болѣе не сомнѣвается: „его“ арестовали, посадили въ тюрьму. Онъ терпитъ муки заключенія изъ любви къ ней, къ Миннѣ, и, сидя въ темницѣ, пишетъ страстные стихи „къ незнакомкѣ“. Минна осунулась, похудѣла и поблѣднѣла вслѣдствіе своихъ тайныхъ треволненій, и мать ея не знаетъ, что̀ дѣлать, не понимая причины перемѣны въ дѣвочкѣ. На семейномъ совѣтѣ съ своимъ братомъ Полемъ, докторомъ, рѣшаютъ, что все дѣло въ малокровіи, связанномъ съ быстрымъ ростомъ; для того, чтобы вернуть румянецъ на поблѣднѣвшее личико Минны, рѣшено, что мама и Минна проведутъ лѣто вмѣстѣ съ

дядей Полемъ и его сыномъ Антуаномъ въ деревенскомъ домѣ дяди. Миннѣ все равно, гдѣ бы ни быть, такъ какъ „онъ" не на свободѣ. Семья спѣшитъ переѣхать въ деревню, какъ только кончаются уроки у Минны и Антуана. Рѣшено всѣ лѣтнія каникулы провести въ деревнѣ. Антуану, втайнѣ влюбленному въ кузину, эта перспектива очень улыбается. Миннѣ же съ ея затаенной грустью сначала все равно. Но когда она просыпается утромъ въ своей комнатѣ, раскрываетъ ставни, когда солнце наполняетъ ея комнату живительнымъ, радостнымъ блескомъ, къ Миннѣ возвращается ея прежняя беззаботность, и къ великой радости мамы и дяди она начинаетъ быстро поправляться. Она проводитъ все время съ кузеномъ Антуаномъ въ саду, на террасѣ и въ прогулкахъ, и терзаетъ бѣднаго мальчика своимъ непонятнымъ для него поведеніемъ. Крайняя наивность перемѣшивается у нея съ какой-то вызывающей смѣлостью; рѣчи ея озадачиваютъ мальчика иллюзіей полнаго пониманія тѣхъ сторонъ жизни, которыя обыкновенно скрываютъ отъ дѣвочекъ. И когда онъ останавливаетъ ее, говоря, что она очевидно не понимаетъ того, что̀ говоритъ, она съ усталымъ выраженіемъ лица говоритъ о своемъ обширномъ жизненномъ опытѣ; Антуанъ начинаетъ недоумѣвать и тѣмъ болѣе страдаетъ. Сцены на лонѣ природы, гдѣ инстинктивная женственность Минны проявляется съ наивностью невиннаго ребенка, разсказаны въ книгѣ Вилли очень поэтично и съ оттѣнкомъ парижской извращенности, которая дѣлаетъ героиню повѣсти именно современной искушенной парижанкой въ образѣ наивной, но любопытствующей дѣвочки. Кузенъ Минны—типичный парижскій школьникъ съ испорченнымъ воображеніемъ. Близость Минны возбуждаетъ его предпріимчивость, тѣмъ болѣе, что она не останавливаетъ его порывы обычной пугливостью юныхъ дѣвицъ. Она свободна въ обращеніи и въ особенности въ словахъ, и, только настаивая на болѣе подробномъ объясненіи ея словъ, Антуанъ убѣждается, что въ большинствѣ случаевъ она говоритъ невозможныя вещи только по своему полному невѣдѣнію. Про своихъ подругъ она сообщаетъ, что у нихъ много „любовныхъ связей", причемъ, конечно, оказывается, что выраженія, въ которыхъ она передаетъ о флиртѣ подругъ, взяты изъ газетъ, составляющихъ ея любимое чтеніе. Когда Антуанъ однажды, набравшись храбрости, рѣшается обнять и поцѣловать Минну, попросивъ у нея позволенія это сдѣлать, она сначала разрѣшаетъ, но потомъ отталкиваетъ его. Она понимаетъ, что Антуанъ не можетъ замѣнить ей ея героя, и что она не можетъ поцѣловать его, „даже закрывъ глаза для большей иллюзіи". Послѣ этого Минна отвергаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ всѣ ухаживанія кузена. Она хранитъ вѣрность

„ему“, надѣясь, что послѣ каникулъ она уже застанетъ его на свободѣ и мечта ея осуществится. Съ Антуаномъ она продолжаетъ быть въ дружбѣ, подбиваетъ его на всякія шалости, портитъ при его помощи всѣ гряды въ огородѣ на зло неполюбившемуся ей сановнику и т. д. Убѣдившись, что Антуанъ — другъ, которому можно вполнѣ довѣрять, Минна сообщаетъ ему свою великую тайну. Ей приходится это сдѣлать по необходимости, такъ какъ она, едва оправляясь отъ болѣзни, которую переноситъ въ деревнѣ, не можетъ еще сама писать, — а ей необходимо послать письмо „ему“. Она объясняетъ Антуану, что у нея есть другъ сердца, съ которымъ она осуждена жить въ разлукѣ, и диктуетъ бѣдному кузену письмо къ возлюбленному въ такихъ выраженіяхъ, что Антуанъ совершенно теряется; онъ не допускаетъ возможности близкихъ отношеній пятнадцатилѣтней кузины съ какимъ-то невѣдомымъ человѣкомъ, но смущается передъ категоричностью ея заявленій. Письмо такъ и остается недоконченнымъ, — Минна не даетъ дописать его слишкомъ взволнованному кузену, тѣмъ болѣе что слышатся приближающіеся шаги матери. Но потомъ Антуанъ пристаетъ къ Миннѣ съ разспросами и узнаетъ только, что „возлюбленный“ Минны посвятилъ свою жизнь „очень опасной карьерѣ“. Это заявленіе и въ особенности окончательное признаніе Минны, что „онъ“—убійца, успокаиваютъ Антуана, какъ очевидная небылица; но неумолимая Минна опять будитъ его сомнѣнія новыми подробностями. Узнавъ изъ его же нетерпѣливыхъ вопросовъ о томъ, что̀ можетъ быть доказательствомъ правды ея словъ, она подробно разсказываетъ о своихъ свиданіяхъ съ своимъ другомъ, о томъ, какъ она ночью, когда всѣ спятъ, уходитъ тайкомъ изъ дому къ поджидающему ее возлюбленному. Антуанъ не понимаетъ, что Минна сама принимаетъ за дѣйствительность свои фантазіи, что она живетъ въ призрачномъ мірѣ, продолжая свое обыденное существованіе въ домѣ матери.

Каникулы кончаются къ печали Антуана, которому тяжела разлука съ Минной, и къ великой радости послѣдней. Она тоскуетъ о „немъ“ и увѣрена, что теперь скоро свидится съ нимъ. Ей и въ голову не приходитъ, что никакого „Frisé“ не существуетъ, что юноша, котораго она видѣла нѣсколько дней кряду на бульварѣ, случайно расхаживалъ тамъ и никакого представленія объ экзальтированной дѣвочкѣ и ея чувствахъ не имѣлъ, что онъ исчезъ совершенно естественно, перемѣнивъ мѣстожительство, и что его заключеніе въ тюрьму—такое же воображеніе, какъ и любовь къ ней, будущей королевѣ таинственнаго племени. Миннѣ не нужна дѣйствительность—она живетъ такъ, какъ будто то, что̀ ей пригрезилась—истина. Вернувшись въ Парижъ, она рѣшаетъ не медлить. Въ одинъ зимній вечеръ Минна

уходитъ спать съ болѣе блѣднымъ личикомъ, чѣмъ обыкновенно; проводивъ дядю и Антуана, обѣдавшихъ у нихъ, она отвѣчаетъ кузену на его слова: „до воскресенья, Минна?" — „можетъ быть, — какъ знать?". Затѣмъ, когда все въ домѣ стихаетъ, она отправляется осуществлять свою химеру. Она увѣрена, что „онъ" ждетъ ее внизу, и чтобы убѣдиться, пріотворяетъ тихонько ставни. Она видитъ на улицѣ какую-то стройную фигуру, подзываетъ знаками озадаченнаго прохожаго, тихо говоритъ, что сейчасъ спустится къ нему, и отходитъ отъ окна, оставивъ въ недоумѣніи прохожаго, не понявшаго жеста и словъ дѣвочки. Поправивъ свой нарочно приготовленный костюмъ—онъ сдѣланъ по образцу женщинъ, за которыми Минна наблюдала на улицѣ,—дѣвочка быстро спускается по лѣстницѣ внизъ и выходитъ на улицу. Тутъ начинаются ея печальныя приключенія, въ теченіе которыхъ ея мечты о прекрасной и героической жизни свободныхъ людей разбиваются о грубую дѣйствительность. Она гонится за стройной фигурой, которую видѣла изъ окна, увѣренная что это „онъ"; но на улицѣ никого нѣтъ. Тогда она начинаетъ бѣгать по бульвару, останавливая рѣдкихъ прохожихъ и разспрашивая о томъ, кого она ищетъ. Она приближается къ фортификаціямъ, подходитъ къ группѣ женщинъ и дѣтей, увѣренная, что теперь она— среди своихъ подданныхъ и ей нечего бояться. Она спрашиваетъ объ ихъ атаманѣ, называетъ его—но какой-то мальчишка отвѣчаетъ ей циничной шуткой, которой она не понимаетъ, а женщины гонятъ ее прочь отъ себя. Минна не унываетъ: „онѣ не знаютъ, кто я", думаетъ она. Ей хотѣлось бы скорѣе найти кого-нибудь изъ его друзей, кого нибудь изъ „артистовъ"; она бы прямо спросила: „скажите, гдѣ сегодня убиваютъ?"—но гдѣ его друзья, гдѣ онъ? Въ поискахъ за несуществующимъ другомъ Минна ходитъ по улицамъ, сбивается съ пути, сама въ ужасѣ оттого, что ея туфли и юбка въ грязи, такъ что ей стыдно будетъ явиться въ такомъ видѣ передъ нимъ. Встрѣтивъ какую-то женщину, она опять начинаетъ допрашивать ее. Та не понимаетъ ея бредней, но только даетъ ей совѣтъ быть осторожнѣй въ занятіяхъ ремесломъ, которое не разрѣшается малолѣтнимъ. Минна совершенно не понимаетъ ея словъ и опять говоритъ ей о „Frisé" и о „Casque de Cuivre". Услыхавъ эти имена, возбуждающіе ужасъ и презрѣніе и въ подонкахъ населенія, женщина обрушивается на Минну такимъ градомъ ругательствъ, что та въ ужасѣ убѣгаетъ. Дальнѣйшія приключенія Минны еще ужаснѣе. Она начинаетъ изнемогать, вспоминаетъ о матери и о домѣ, мечтаетъ только о томъ, чтобы добраться туда, и обращается съ просьбой помочь ей найти свою улицу къ проходящему старому господину, который внушаетъ ей довѣріе своимъ видомъ. Но онъ такъ говоритъ

съ ней, что она инстинктивно убѣгаетъ отъ него. Къ счастью, убѣгая отъ старика, она попадаетъ на свою улицу; добравшись до двери дома, Минна вбѣгаетъ въ него и падаетъ въ обморокѣ на лѣстницу. Поднимается переполохъ, весь домъ на ногахъ. Испуганная до смерти, мать Минны посылаетъ за братомъ; вмѣстѣ съ нимъ прибѣгаетъ и Антуанъ. Дѣвочку приводятъ въ себя, и родные счастливы, что все кончилось однимъ испугомъ. Минна наконецъ поняла, что, все что̀ она воображала, существовало только въ ея фантазіи; она съ усиліемъ приподнимается на постели, протягиваетъ руки Антуану и признается ему со слезами въ томъ, что все, что̀ она ему говорила,—неправда, и что ея грёза кончилась. Но Антуанъ грустно качаетъ головой. Онъ не увѣренъ въ томъ, что всѣ ея приключенія остались исключительно въ области фантазіи.

Конецъ повѣсти—нѣсколько буржуазный, успокаивающій, такъ сказать, относительно добродѣтели дѣвочки, прикоснувшейся къ грязи жизни именно вслѣдствіе смѣлаго порыва ея души навстрѣчу красотѣ и силѣ жизни. Но дѣло не въ этой развязкѣ, а въ той свѣжести, съ которой наивность и извращенность, эмоціональное любопытство и чистота—восторженно настроенной молодой души сочетаются въ дѣвочкѣ, являющейся продуктомъ современной культурной жизни со всѣми ея стремленіями и со всѣми ея порочными наклонностями.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1905.

Положенія комитета министровъ объ охраненіи силы закона, о государственномъ страхованіи, о переустройствѣ земскаго и городского общественнаго управленія. — Постановленія земскихъ и дворянскихъ собраній. — Заявленіе профессоровъ и преподавателей высшихъ школъ. — Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи.

Начать общественную хронику намъ приходится на этотъ разъ съ обсужденія событій, совершившихся уже послѣ отпечатанія внутренняго обозрѣнія. Первое изъ нихъ — обнародованіе, въ извлеченіи, журнала комитета министровъ по одному изъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904-го года: объ охраненіи полной силы закона. Для достиженія этой цѣли комитетъ министровъ призналъ необходимымъ: 1) неуклонное соблюденіе законнаго порядка въ дѣлѣ составленія законовъ, 2) дѣятельный надзоръ за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ и 3) установленіе надлежащей отвѣтственности служащихъ за нарушеніе ими правъ частныхъ лицъ. Оградить законный порядокъ въ дѣлѣ составленія законовъ предположено разъясненіемъ: 1) что изданіе новаго постояннаго закона или же временныхъ правилъ, имѣющихъ обязательную силу закона, а также измѣненіе, пріостановленіе или законодательное разъясненіе законовъ и временныхъ правилъ должны происходить только въ видѣ Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта и Высочайшихъ указовъ за Собственноручнымъ Императорскаго Величества подписаніемъ, и 2) что министры, еслибы оказалась надобность придать принимаемымъ ими въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ мѣрамъ (учр. мин. ст.ст. 158 и 314) обязательную силу на болѣе или менѣе продолжительное время, обязываются безотлагательно представлять объ изданіи временныхъ для сего правилъ или постояннаго закона въ установленномъ порядкѣ. Въ тѣхъ же видахъ проектируется дополненіе учрежденія правительствующаго сената указаніемъ на обязанность сената пріостанавливать обнародованіе постановленій законодательнаго свойства, не отвѣчающихъ по формѣ требованіямъ закона.

Что *всякій* законопроектъ, предварительно утвержденія его Высочайшею властью, *долженъ*, за силою основныхъ законовъ, пройти черезъ Государственный Совѣтъ, что не иначе, какъ съ соблюденіемъ того же порядка, можетъ состояться отмѣна закона или его измѣ-

неніе [1])—въ этомъ не было и нѣтъ никакого сомнѣнія. Безспорное и очевидное не подлежитъ *разъясненію*: оно можетъ быть только *подтверждаемо*—и къ подтвержденію, въ сущности, и сводится сказанное по этому предмету комитетомъ министровъ. На чемъ же основана увѣренность, что подтвержденіе окажется болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ законъ? Къ силѣ послѣдняго первое ничего не прибавляетъ: если законъ не исполнялся до подтвержденія, то столь же возможно неисполненіе его и послѣ подтвержденія. По мнѣнію комитета министровъ, вышеприведенное разъясненіе „должно послужить рѣшительнымъ препятствіемъ—*развѣ только съ прямымъ нарушеніемъ служебнаго долга*—для испрошенія, въ какихъ бы то ни было случаяхъ, измѣненія законовъ путемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ". „Прямымъ нарушеніемъ служебнаго долга"—испрошеніе измѣненія закона путемъ всеподданнѣйшаго доклада было, въ сущности, всегда — и, тѣмъ не менѣе, повторялось весьма часто, потому что, приведя къ цѣли, переставало считаться нарушеніемъ... Съ перваго взгляда можетъ показаться, что положеніе комитета министровъ расширяетъ сферу „законодательнаго разъясненія", приравнивая его къ изданію, отмѣнѣ и измѣненію законовъ. На самомъ дѣлѣ, однако, и здѣсь нѣтъ ничего идущаго дальше простого подтвержденія. По ст. 55 зак. основн. „дополненія и изъясненія закона, коими установляется токмо образъ его исполненія, или же опредѣляется истинный его разумъ, могутъ быть излагаемы по словеснымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, въ видѣ указовъ, объявляемыхъ мѣстами и лицами, отъ верховной власти къ тому уполномоченными". При дѣйствіи этой статьи всегда возможно такое опредѣленіе „истиннаго разума" закона, которое окажется равносильнымъ его измѣненію. Комитетомъ министровъ ст. 55-ая оставляется въ силѣ; сохраняется, слѣдовательно, возможность *законодательнаго разъясненія*, совершаемаго безъ участія Государственнаго Совѣта. Нѣчто бо̀льшее, чѣмъ подтвержденіе закона, можно усмотрѣть только въ той части положенія комитета министровъ, которая ставитъ на ряду съ Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта Высочайшіе указы за собственноручнымъ Императорскаго Величества подписаніемъ, т.-е. признаетъ, что какъ въ той, такъ и въ другой формѣ могутъ быть издаваемы, отмѣняемы и измѣняемы законы. Основаній для такого уравненія въ дѣйствующихъ законахъ найти нельзя: всѣ „предначертанія законовъ" подлежатъ раз-

[1]) Хотя въ ст. 73 зак. основн. къ составленію закона приравнивается только его *отмѣна*, но изъ ст. 162 Учрежденія министерствъ явствуетъ, что для *измѣненія* закона необходимо соблюденіе порядка, установленнаго для его отмѣны. Это было объяснено нами подробно въ январьскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи" 1895-го года (стр. 377 и сл.).

смотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ (зак. основн. ст. 50, учрежд. Госуд. Сов. ст. 115, учр. минист. ст. 161), Высочайше утвержденныя мнѣнія котораго, съ прилагаемыми къ нимъ, въ случаѣ надобности, уставами, учрежденіями, уложеніями, наказами и т. п. (зак. основн. ст. 57), и становятся законами. Комитетъ министровъ ожидаетъ, что проектированное имъ „разъясненіе“ „поведетъ къ соблюденію самимъ комитетомъ твердаго порядка дѣйствій въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда Государю Императору, по непосредственному Его Величества усмотрѣнію, благоугодно будетъ повелѣть ему разсмотрѣть дѣло законодательнаго свойства. Въ такихъ случаяхъ комитету министровъ настоять будетъ, согласно ст. 36 учр. ком. [1]), всеподданнѣйше представлять въ разрѣшеніе порученнаго ему дѣла къ Высочайшему подписанію проектъ именного указа прав. сенату“. Итакъ, комитетъ, вопреки несомнѣнному смыслу ст. 28-ой учр. ком. мин., допускаетъ возможность разсмотрѣнія и разрѣшенія имъ самимъ „дѣлъ законодательнаго свойства“. Что въ такихъ случаяхъ мнѣніе комитета будетъ облекаемо не въ обычную форму положенія, а въ форму проекта именного указа—отъ этого, очевидно, ничего не измѣняется: важно не то, какъ называется рѣшеніе законодательнаго вопроса, а то, кѣмъ оно подготовляется и составляется. Мы далеки отъ мысли, чтобы Государственный Совѣтъ соединялъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для плодотворной законодательной дѣятельности—но во всякомъ случаѣ онъ удовлетворяетъ имъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ комитетъ министровъ. Отступивъ отъ своей исходной точки—сосредоточенія дѣлъ законодательнаго свойства въ одномъ Государственномъ Совѣтѣ,—комитетъ министровъ сдѣлалъ возможнымъ повтореніе, въ нѣсколько другомъ видѣ, тѣхъ явленій, предупрежденіе которыхъ было, повидимому, его задачей. Не ясно ли, что есть что-то ненормальное въ самой позиціи, занятой комитетомъ министровъ?

Возлагая на сенатъ обязанность пріостанавливать обнародованіе постановленій по предметамъ законодательнаго свойства, если они не отвѣчаютъ по формѣ требованіямъ закона, комитетъ министровъ совершенно послѣдовательно намѣтилъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію значенія и власти сената—мѣръ, необходимыхъ и для достиженія другихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ комитетомъ. Предполагается обезпечить самостоятельность сената и независимость постановляемыхъ имъ рѣшеній отъ министра юстиціи и другихъ ми-

[1]) Эта статья не содержитъ въ себѣ никакого указанія на возможность замѣны Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта именнымъ указомъ, прошедшимъ черезъ комитетъ министровъ. Вотъ полный текстъ ея: „въ тѣхъ случаяхъ, когда испрашиваемое разрѣшеніе требуетъ указа за Высочайшимъ подписаніемъ, министръ вмѣстѣ съ запискою представляетъ и проектъ таковаго указа“.

нистровъ; привести внутренній строй сената и порядокъ разрѣшенія въ немъ дѣлъ въ соотвѣтствіе съ необходимостью быстраго оказанія правосудія по дѣламъ административнымъ; сдѣлать сенатъ болѣе доступнымъ для лицъ, потерпѣвшихъ отъ произвольныхъ дѣйствій органовъ управленія; облечь сенатъ правомъ непосредственнаго обращенія къ верховной власти по дѣламъ административнымъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, и нѣсколько расширить принадлежащее ему право законодательнаго почина; предоставить ему повѣрку законности издаваемыхъ министрами общихъ инструкцій и циркуляровъ, предварительно ихъ обнародованія; расширить его дѣятельность по возбужденію вопросовъ объ отвѣтственности чиновъ административнаго вѣдомства и по представленію Государю Императору объ упущеніяхъ министровъ. Сообразно съ этими предположеніями поставлены вопросы объ отдѣленіи должности генералъ-прокурора отъ должности министра юстиціи; о созданіи въ первомъ департаментѣ сената должности первоприсутствующаго, съ правомъ личнаго доклада Его Величеству по дѣламъ сенатскимъ; объ окончательномъ разрѣшеніи дѣлъ въ первомъ департаментѣ простымъ большинствомъ голосовъ, безъ права протеста со стороны оберъ-прокурора и министровъ и безъ переноса дѣлъ въ общее собраніе сената и въ Государственный Совѣтъ; о введеніи въ разсмотрѣніе судебно-административныхъ дѣлъ началъ публичности и состязательности.

Преобразованный такимъ образомъ сенатъ несомнѣнно представлялъ бы собою лучше организованную, болѣе значительную силу, чѣмъ сенатъ въ его настоящемъ видѣ и устройствѣ. Отказать въ обнародованіи закона, состоявшагося съ нарушеніемъ установленнаго порядка—какъ отказывали нѣкогда французскіе парламенты въ зарегистрированіи эдиктовъ, несогласныхъ съ народнымъ благомъ,—даже преобразованный сенатъ могъ бы, однако, только при наличности двухъ условій, о которыхъ нѣтъ рѣчи въ положеніи комитета министровъ. Первое изъ нихъ—несмѣняемость сенаторовъ, понимаемая въ широкомъ смыслѣ, т.-е. гарантирующая не только отъ увольненія, но и отъ перевода, вопреки желанію, въ другой департаментъ сената. Второе условіе—установленіе для сенаторовъ образовательнаго и служебнаго ценза, обезпечивающаго подготовленность ихъ къ исполненію трудныхъ, отвѣтственныхъ обязанностей, и такой порядокъ ихъ назначенія, при которомъ оставалось бы какъ можно меньше мѣста для административнаго произвола. И все-таки, въ концѣ концовъ, возможность обнародованія неправильно состоявшихся законовъ была бы устранена не вполнѣ, какъ не была устранена во Франціи возможность зарегистрированія отвергнутыхъ парламентомъ эдиктовъ... Для пересмотра, на указанныхъ комитетомъ министровъ основаніяхъ, учре-

жденія правительствующаго сената, а также для выработки законоположеній о мѣстныхъ административныхъ судахъ, рѣшено учредить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго Высочайшимъ довѣріемъ, изъ членовъ Государственнаго Совѣта, имѣющихъ званіе сенаторовъ, изъ сенаторовъ, изъ представителей вѣдомствъ, а также, по приглашенію предсѣдателя, другихъ лицъ, которыя могутъ своими познаніями принести пользу дѣлу [1]).

Дѣйствительной, быстрой и серьезной отвѣтственности должностныхъ лицъ комитетъ министровъ предполагаетъ достигнуть, прежде всего, отмѣной порядка, по которому уголовное преслѣдованіе противъ должностного лица можетъ быть возбуждено только съ согласія его начальства или высшей надъ нимъ власти. При такомъ порядкѣ, какъ совершенно правильно указываетъ комитетъ, „для частныхъ лицъ трудно возбудить и довести до конца уголовное преслѣдованіе противъ должностныхъ лицъ. Сравнительно немногія дѣла доходятъ до судебнаго разбирательства, и притомъ они въ большей части случаевъ касаются второстепенныхъ и низшихъ служащихъ. Крайняя медленность производства ведетъ къ запоздалости приговоровъ; дѣла доходятъ до суда столь выцвѣтшими, что суду не легко отыскать въ нихъ жизненную правду. Между тѣмъ, дѣйствительность уголовной репрессіи зависитъ не столько отъ строгости положеннаго въ законѣ взысканія, сколько отъ сознанія неизбѣжности и быстроты наложенія его на виновнаго". Отправляясь отъ этихъ соображеній, комитетъ не идетъ, однако, дальше нѣкотораго расширенія правъ прокурорскаго надзора и слѣдственной власти. Предъявленіе къ должностнымъ лицамъ гражданскихъ исковъ предполагается облегчить удлиненіемъ установленныхъ для того сроковъ и допущеніемъ иска и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія должностного лица носятъ характеръ преступленія или проступка. Для усиленія въ самихъ служащихъ чувства нравственнаго достоинства и сознанія служебнаго долга комитетъ признаетъ необходимымъ оградить ихъ отъ „ничѣмъ не стѣсненнаго усмотрѣнія начальства". Подробная разработка принятыхъ комитетомъ положеній возложена на министра юстиціи, представленіе котораго

---

[1]) Въ составъ совѣщанія вошли: въ качествѣ предсѣдателя—А. А. Сабуровъ (управлявшій, въ эпоху диктатуры сердца, министерствомъ народнаго просвѣщенія), въ качествѣ членовъ—члены Госуд. Совѣта Шамшинъ, Голубевъ, ф.-Дервизъ, Шидловскій и кн. Оболенскій; сенаторы Шрейберъ, Мясоѣдовъ, Таганцевъ, Манухинъ, Томара и бар. Икскуль. Имена А. А. Сабурова, И. И. Шамшина, И. Я. Голубева, Д. Г. фонъ-Дервиза, Н. Н. Мясоѣдова, хорошо извѣстныя тѣмъ, кто помнитъ первый періодъ дѣйствія судебныхъ уставовъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что совѣщаніемъ будетъ сдѣлано все отъ него зависящее для правильнаго рѣшенія возложенной на него задачи.

участіи выборныхъ представителей общественныхъ учрежденій—это подтверждается заявленіями, поступающими чуть не ежедневно съ разныхъ концовъ государства. Указанія на необходимость болѣе кореннного преобразованія встрѣчаются даже въ такихъ актахъ, гдѣ совершенно напрасно было бы искать проявленій оппозиціоннаго духа. Въ всеподданнѣйшемъ адресѣ курскаго дворянства говорится о „домашнихъ крамольникахъ, подающихъ руку помощи иноземному врагу" — и все-таки онъ заканчивается словами: „не о себѣ болѣетъ сердце русскаго дворянства, оно болѣетъ о народѣ русскомъ, ибо знаетъ твердо, что съ одними наемниками, безъ сословій земскихъ, не устоитъ самодержавіе, а безъ самодержавія не устоитъ русская земля". Бессарабское дворянство, въ адресѣ, восторженно принятомъ огромнымъ большинствомъ [1]), выражается такъ: „Государь! призовите свободно избранныхъ представителей дворянства и всей земли русской сказать свое правдивое слово. Обновленная на началахъ правды и незыблемой законности Россія, при непосредственномъ общеніи съ самодержавной царской властью, станетъ сильна и счастлива". По докладу Государю Императору всеподданнѣйшаго адреса саратовской городской думы было Всемилостивѣйше повелѣно благодарить за выраженныя въ немъ чувства. „Указъ 12-го декабря"—читаемъ мы въ этомъ адресѣ— „явился тѣмъ великимъ словомъ Русскаго Царя, тѣмъ творческимъ призывомъ на великій трудъ обновленія и усовершенствованія, который не замедлитъ вывести дорогую нашу родину на свѣтлый путь счастья и благоденствія. Вѣрьте, Государь, что осчастливленный и укрѣпленный указанными Вами преобразованіями народъ Вашъ, собранный въ лицѣ его представителей вокругъ своего Монарха, отстоитъ честь, достоинство и славу великой страны". Въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи состоялось и представлено министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующее постановленіе: „еще при Екатеринѣ Великой было вмѣнено губернскимъ установленіямъ въ обязанность представлять о неудобствахъ вновь исходящихъ узаконеній; эта великая мысль не проникла въ то время въ достаточной мѣрѣ въ строй государственнаго управленія, что заставило Сперанскаго, государственнаго человѣка, коимъ въ правѣ гордиться Россія, печаловаться передъ Императоромъ Александромъ I о томъ, сколькихъ выгодъ лишило себя правительство симъ отверженіемъ мѣстныхъ свѣдѣній и сколь дорогою цѣною пріобрѣтена свобода отъ заботливаго ихъ разсмотрѣнія. За сто лѣтъ исторіи государства положеніе не измѣни-

[1]) Въ бессарабскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи нѣкоторые члены также говорили о „темныхъ крамольныхъ силахъ", о „разнузданности", о „мутной волнѣ мечтаній", но не встрѣтили сочувствія со стороны собранія, горячо привѣтствовавшаго, наоборотъ, возраженія противъ подобныхъ выходокъ.

лось, и предначертанія Его Величества, при сохраненіи условій нынѣ существующаго средостѣнія между Царемъ и народомъ, могутъ встрѣтить на пути своего осуществленія несомнѣнныя затрудненія въ отношеніи полноты разслѣдованія и соотвѣтствія истиннымъ народнымъ нуждамъ. Внутреннія нестроенія Русской земли велики, чреваты осложненіями, требующими отъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества смѣлаго слова и дружной работы для устроенія государства. При широкомъ, правдивомъ и свободномъ изложеніи своихъ убѣжденій и нуждъ со стороны самихъ представителей народа Высочайшія предначертанія будутъ надежно обезпечены въ своемъ жизненномъ осуществленіи. Всегда вѣрное долгу присяги, нижегородское губернское земское собраніе считаетъ своей гражданской обязанностью ходатайствовать чрезъ посредство вашего сіятельства передъ Его Императорскимъ Величествомъ, дабы повелѣно было созвать на творческую работу, столь необходимую для внутренняго замиренія государства, свободно-избранныхъ представителей народа".

Диссонансомъ среди заявленій общественныхъ учрежденій прозвучалъ, повидимому, всеподданнѣйшій адресъ московскаго дворянства, принятый собраніемъ по большинству 219 голосовъ противъ 147. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, точный текстъ его еще неизвѣстенъ. По словамъ московскаго корреспондента „Руси", онъ отвѣчаетъ, по своему духу, направленію и идеаламъ „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей", между тѣмъ какъ другой адресъ, отклоненный большинствомъ 213 голосовъ противъ 153, былъ проникнутъ идеями прежняго славянофильства. По окончаніи баллотировки Ю. А. Новосильцовъ, по уполномочію группы дворянъ, заявилъ, что адресъ, принятый незначительнымъ большинствомъ, не выражаетъ собою мнѣніе московскаго дворянства и, будучи представленъ отъ его лица, можетъ подать поводъ къ неправильнымъ заключеніямъ. Представителями меньшинства будетъ подано особое мнѣніе.

Отнюдь не меньшее значеніе, чѣмъ постановленіе любого земскаго или дворянскаго собранія имѣетъ коллективное заявленіе о современномъ положеніи и нуждахъ русской школы, подписанное шестнадцатью академиками, ста-двадцатью-пятью профессорами и адъюнктъ-профессорами и слишкомъ двумя-стами доцентами, преподавателями, ассистентами и лаборантами [1]). „Цѣлымъ рядомъ распоряженій и мѣропріятій"—читаемъ мы въ этомъ заявленіи,—„преподаватели выс-

[1]) Оно напечатано in extenso, со всѣми подписями (къ которымъ присоединилось впослѣдствіи еще немало другихъ), въ № 22 газеты „Наши Дни".

шихъ школъ низводятся на степень чиновниковъ, долженствующихъ слѣпо исполнять приказанія начальства. При такихъ условіяхъ неизбѣжно пониженіе научнаго и нравственнаго уровня профессорской коллегіи, неизбѣжна и та потеря уваженія и довѣрія къ учителямъ, которая является роковою для современной жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нашъ школьный режимъ представляетъ собою общественное и государственное зло: попирая авторитетъ науки и задерживая ея развитіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается безсильнымъ осуществить великія задачи просвѣщенія и обезпечить народу широкое развитіе его духовныхъ силъ. Наука можетъ развиваться только тамъ, гдѣ она свободна, гдѣ она ограждена отъ посторонняго посягательства, гдѣ она безпрепятственно можетъ освѣщать самые темные углы человѣческой жизни. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ и высшая школа, и средняя, и начальная, должны быть признаны безнадежно обреченными на упадокъ и прозябаніе. Угрожающее состояніе отечественнаго просвѣщенія не дозволяетъ намъ оставаться безучастными и вынуждаетъ насъ заявить наше глубокое убѣжденіе, что академическая свобода несовмѣстима съ современнымъ государственнымъ строемъ Россіи. Для достиженія ея недостаточны частичныя поправки существующаго порядка, а необходимо полное и коренное его преобразованіе. Въ настоящее время такое преобразованіе совершенно неотложно. Тяжелыя испытанія, переживаемыя нашею родиною, съ полною ясностью для всѣхъ показали, въ какую крайнюю опасность ввергается народъ, лишенный просвѣщенія и элементарныхъ гарантій законности. Подъ вліяніемъ жестокихъ ударовъ судьбы, вскрывшихъ наше внутреннее неустройство и безсиліе существующаго порядка, русское общество объединилось въ одной мысли, настойчиво выраженной въ резолюціяхъ съѣзда земскихъ дѣятелей, въ постановленіяхъ московской городской думы, московскаго, калужскаго и др. земскихъ собраній, въ заявленіяхъ общественныхъ учрежденій, ученыхъ коллегій и общественныхъ группъ. Присоединяясь къ этимъ заявленіямъ мыслящей Россіи, мы, дѣятели ученыхъ и высшихъ учебныхъ учрежденій, высказываемъ твердое убѣжденіе, что для блага страны бесусловно необходимо установленіе незыблемаго начала законности и неразрывно съ нимъ связаннаго начала политической свободы. Опытъ исторіи свидѣтельствуетъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ привлеченія свободно-избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи. Только на этихъ основахъ обезпеченной личной и общественной свободы можетъ быть достигнута свобода академическая—это необходимое условіе истиннаго просвѣщенія". Такія слова, идущія изъ такого источника, заслуживаютъ

самаго серьезнаго вниманія... Менѣе важнымъ, но весьма характернымъ признакомъ времени является записка, поданная бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, послѣ событій 9-го января, представителями всей ежедневной петербургской прессы (за исключеніемъ только „Гражданина" и „Правительственнаго Вѣстника"). Судить о содержаніи этой записки, полный текстъ которой, если мы не ошибаемся, въ печати воспроизведенъ не былъ, можно по „Маленькимъ письмамъ", появившимся въ №№ 10368 и 10371 „Новаго Времени". Печать—говоритъ А. С. Суворинъ—„можетъ быть правдивой только при представительствѣ, а формой представительства можетъ служить земскій соборъ".

Въ какой степени русское общество нуждается въ умиротвореніи—объ этомъ свидѣтельствуетъ—помимо приходящихъ со всѣхъ концовъ Россіи извѣстій о волненіяхъ и безпорядкахъ,—уже то обстоятельство, что почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ до сихъ поръ не возобновилось правильное теченіе занятій. Какъ великъ ущербъ, который терпитъ отъ того русское общество—ясно само собою. Не менѣе прискорбны признаки возбужденія одной части общества противъ другой, выражающагося въ такихъ фактахъ, какъ циркулирующее въ Псковѣ воззваніе: „Бейте студентовъ!", какъ публичное нападеніе въ Воронежѣ на публику, выходившую изъ помѣщенія губернскаго земскаго собранія... Все это—сѣмена, могущія дать очень дурные всходы. Весьма характерно съ этой точки зрѣнія дѣло, разобранное недавно тамбовскимъ городскимъ судьею [1]). Лавочникъ Озеровъ (одинъ изъ участниковъ побоища, происходившаго 14-го декабря на улицахъ Тамбова) [2]), встрѣтясь, 28-го числа того же мѣсяца, въ одной изъ городскихъ гостинницъ, съ студентомъ Агатовымъ, безъ всякаго повода сталъ наносить ему побои. Вызванный съ улицы городовой на просьбу оградить студента отъ побоевъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, а Озеровъ говорилъ: „намъ такихъ велѣно бить"! Городской судья приговорилъ Озерова къ двухмѣсячному аресту.

Въ половинѣ января произошла перемѣна въ личномъ составѣ министерства юстиціи: Н. В. Муравьевъ назначенъ посломъ въ Римъ, и управленіе министерствомъ ввѣрено бывшему его товарищу, С. С. Манухину. Отлагая до другого времени подробный разборъ одиннадцатилѣтней министерской дѣятельности Н. В. Муравьева, огра-

---

[1]) См. № 18 „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) См. Общественную Хронику въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы".

ничимся теперь нѣсколькими замѣчаніями объ условіяхъ, затруднявшихъ и затрудняющихъ работу министра юстиціи. Трудно или, лучше сказать, невозможно быть въ одно и то же время хранителемъ правосудія и носителемъ произвольной власти: одна изъ противоположныхъ функцій непремѣнно должна отразиться на другой. Которой изъ нихъ суждено умаляться, которой—расти, это угадать легко: стòитъ только вспомнить, въ какую сторону идетъ у насъ линія наименьшаго сопротивленія. Законъ 1871-го года, поручивъ производство дознаній по дѣламъ политическимъ офицерамъ корпуса жандармовъ, подъ наблюденіемъ прокуратуры, положилъ начало участію судебнаго вѣдомства въ функціяхъ не-судебнаго характера. Съ теченіемъ времени это участіе постоянно расло. Съ конца восьмидесятыхъ годовъ до половины 1904-го года министерствомъ юстиціи рѣшались, совмѣстно съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, почти всѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ—рѣшались внѣ закона, безъ соблюденія элементарныхъ правилъ уголовнаго процесса. Этого мало: съ 1882-го года министръ юстиціи участвовалъ въ совѣщаніи, отъ котораго зависитъ прекращеніе навсегда любого періодическаго изданія; съ 1887-го года его дискреціонной власти предоставлено закрытіе дверей судебнаго засѣданія; съ 1889-го года онъ обреченъ на роль безвластнаго зрителя порядковъ, господствующихъ въ судебно-административныхъ учрежденіяхъ—порядковъ, идущихъ прямо въ разрѣзъ съ духомъ судебныхъ уставовъ и ставящихъ въ крайне тяжелое положеніе немногихъ уцѣлѣвшихъ на мѣстахъ представителей судебнаго вѣдомства. Если прибавить къ этому общій характеръ послѣдняго десятилѣтія, то нетрудно понять, почему эпоха управленія Н. В. Муравьева не была и не могла быть эпохой процвѣтанія началъ, во имя которыхъ была произведена великая реформа 1864-го года.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19, четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

II.—Отъ Канцеляріи Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Канцелярія Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества доводитъ до свѣдѣнія публики, что вскорѣ поступятъ въ обращеніе, на ряду съ обыкновенными почтовыми марками, особыя, художест-

венно исполненныя Экспедиціею Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, марки большого формата: заграничныя, загородныя, городскія и для открытыхъ писемъ. На заграничныхъ маркахъ изображенъ видъ Кремля, на загородныхъ—памятникъ Петра Великаго въ С.-Петербургѣ, на городскихъ—памятникъ Минина и Пожарскаго, а на маркахъ, предназначенныхъ для открытыхъ писемъ—памятникъ Адмирала Нахимова въ Севастополѣ. Въ продажѣ, каждая такая марка будетъ стоить на три копѣйки дороже соотвѣтствующей ей по номинальной стоимости; полученный этимъ путемъ доходъ послужитъ къ усиленію средствъ образованнаго при Императорскомъ Женскомъ Патріотическомъ Обществѣ фонда въ пользу сиротъ воиновъ дѣйствующей арміи. Продажа марокъ будетъ производиться не только у завѣдующаго этимъ дѣломъ почетнаго старшины Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества Фридриха Борисовича Бернштейна (С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ 23), но и въ почтово-телеграфныхъ конторахъ обѣихъ столицъ, губернскихъ и нѣкоторыхъ большихъ городовъ. Изданіе марокъ ограничено опредѣленнымъ количествомъ, по распродажѣ котораго марки эти воспроизводимы не будутъ.

III. — Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

На настоящее конкурсное трехлѣтіе назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. — Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка. Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ: — какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV в.; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

> *Примѣчаніе.* Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ. Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ. Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ „х“. Фонетическія условія происхожденія звука „х“ въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „х“ или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „х“, въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „х“ въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука „х“ въ словахъ русскаго языка: „х“ какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „х“ въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „х“.

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка. Древній

слой заимствованій, ведущихъ свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія (главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. *Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI XVII столѣтій* предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ, и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. *Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.* Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) составляющія исключительную принадлежность русскихъ Славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличіе отъ малоруссовъ), 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ, 3) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ.

Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ; 2) скандинавскихъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона:

Преміи имени *М. И. Михельсона* устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени *М. И. Михельсона* присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія [1]).

На соисканіе премій имени *М. И. Михельсона* допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою коммиссіею, которая образуется при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

[1]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1906 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ—и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь — Февраль, 1905.

Книга вторая. — Февраль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

История города Москвы. Сочиненіе Ив. Забѣлина. Часть первая, 2-е изданіе. Съ „Альбомомъ старинныхъ видовъ Московскаго Кремля". М. 905. Ц. 4 р.

Составленіе подробной и обстоятельной исторіи города Москвы, какъ извѣстно, было предположено еще въ концѣ 70-хъ годовъ, а выполненіе самого дѣла московская городская дума поручила Ив. Ег. Забѣлину, великому знатоку московской старины и московскому старожилу. Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, было приступлено имъ къ собранію и разработкѣ огромнаго архивнаго матеріала, который долженъ былъ впослѣдствіи лечь въ основаніе дальнѣйшей исторической работы по заранѣе составленной программѣ. На эту предварительную работу ушло около десяти лѣтъ, и только въ 1891 г. появились, въ двухъ частяхъ, „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы", въ объемѣ около 200 печатныхъ листовъ. Но авторъ не ограничился въ своемъ изложеніи археологіей и статистикой: „исторію города—говоритъ онъ—сооружали люди, потому о нихъ больше, чѣмъ о стѣнахъ и разныхъ постройкахъ, долженъ говорить и историкъ"; вслѣдствіе того онъ и ввелъ въ исторію города также и біографическій элементъ. Новое изданіе этого образцоваго труда, помимо необходимыхъ исправленій и дополненій, снабжено, въ особомъ приложеніи, весьма интереснымъ и превосходно исполненнымъ „Альбомомъ старинныхъ видовъ Московскаго Кремля", свыше 20-ти, съ указаніемъ источниковъ, откуда они заимствованы. Такъ, между прочимъ, въ Альбомѣ можно найти планы Кремля временъ Бориса Годунова и позднѣйшихъ эпохъ; видъ Кремля въ 1830 г. и площадей: Красной, Соборной; монастырей: Чудова и Вознесенскаго, и мн. др. Особенно хороши снимки съ рѣдкихъ гравюръ начала XVIII-го вѣка, въ эпоху Петра В.: виды на Кремль изъ-за Москвы-рѣки, и изъ Замоскворѣчья, конца XVIII-го вѣка.

Полное собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга пятая. Изданіе „Литературнаго фонда". Спб. 905. Стр. 827. Ц. 4 р.

Въ новую, пятую книгу вошли цѣлыхъ три тома первоначальнаго изданія съ многочисленными монографіями изъ разныхъ эпохъ русской исторіи, какъ напримѣръ, „Начало единодержавія въ древней Руси"; „Исторія раскола у раскольниковъ"; „Личность царя Ивана Грознаго"; „Слѣдственное дѣло по поводу убіенія царевича Димитрія"; „Кто виноватъ въ Смутномъ времени"; „Петръ Могила"; „Богданъ Хмельницкій — данникъ Оттоманской Порты"; „Царевичъ Алексѣй Петровичъ" и мн. др.

Русская живопись. Историко-критическіе очерки. Н. А. Никольскаго. Спб. 905. Ц. 6 р.

Помѣстивъ въ введеніи краткій очеркъ историческихъ судебъ русской живописи и указавъ на ея крайнюю молодость, сравнительно съ другими художествами, каковы поэзія или музыка, авторъ признаетъ, что до XIX-го вѣка исторія русской живописи была, въ сущности, исторіею ея работы, и не ранѣе, какъ съ половины XIX-го вѣка она становится исторіею свободнаго національнаго творчества, а потому и свои историко-критическіе очерки онъ посвящаетъ главнѣйше только-что истекшему вѣку. Самое изложеніе ведется авторомъ не по біографіямъ отдѣльныхъ мастеровъ, а по родамъ живописи: религіозной, исторической, батальной, бытовой и, наконецъ, пейзажной, что, дѣйствительно, представляетъ большое удобство для изученія предмета. О богатствѣ матеріала, помѣщеннаго въ этомъ изданіи, можно судить по одному тому, что въ него вошло 86 портретовъ художниковъ и около 400 фототипогравюръ съ картинъ, акварелей и рисунковъ; это, можно сказать, цѣлая настольная галерея живописи.

Оскаръ Іегеръ. Всеобщая исторія, въ четырехъ томахъ, въ 12 выпускахъ. Вып. I. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 905. Ц. 1 р.

Первые три тома этого извѣстнаго сочиненія нѣмецкаго ученаго были переведены, съ дополненіями по русской исторіи, П. Н. Полевымъ, и теперь вновь являются, будучи вполнѣ пересмотрѣны и исправлены; четвертый же томъ будетъ переведенъ снова подъ редакціею и съ дополненіями Л. З. Слонимскаго. Самое изложеніе событій будетъ доведено до нашихъ дней, со включеніемъ подробно иллюстрированнаго очерка русско-японской войны. Настоящій выпускъ въ своемъ изложеніи исторіи древняго міра останавливается на спартанской гегемоніи въ древней Греціи, и украшенъ 90 иллюстраціями и 11 картинами.

Собраніе сочиненій Генриха Ибсена. Переводъ съ датско-норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Т. III. Изд. С. Скирмунта. М. 904. Стр. 521. Ц. 1 р. 50 к.

Третій томъ сочиненій Ибсена, въ переводѣ г-жи А. и г. П. Ганзенъ, заключаетъ въ себѣ три крупныя произведенія, сравнительно мало извѣстныя русской публикѣ, но не менѣе замѣчательныя, чѣмъ „Нора" или „Привидѣнія": это „Комедія любви", „Борьба за престолъ" и „Брандъ". Особенно трудная задача предстояла переводчикамъ по отношенію къ „Комедіи любви", написанной рифмованными стихами, и г-жа А. В. и г. П. Г. Ганзенъ употребили, очевидно, очень много усилій и стараній, чтобы передать пьесу на русскомъ языкѣ въ той же стихотворной формѣ, безъ ущерба для точности перевода и ясности изложенія;—но при такой передачѣ невозможно было избѣжать нѣкоторой искусственности отдѣльныхъ фразъ и оборотовъ, въ виду необходимости подчинять ихъ рифмѣ. Въ исторической драмѣ „Борьба за престолъ", написанной прозою, языкъ перевода отличается гораздо большею свободою и простотою, а драматическая поэма „Брандъ", переданная бѣлыми стихами, дала переводчикамъ случай наглядно показать преимущества бѣлыхъ стиховъ передъ рифмованными, съ точки зрѣнія трудностей перевода. Въ общемъ, работа г-жи А. В. и г. П. Г. Ганзенъ отличается большими достоинствами, рѣдкою любовью къ дѣлу и добросовѣстностью.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1905 г.
(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ го... отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Ок...
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р...
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 2 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по по...
ліямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ...
и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подпис...**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. ...басникова, на Моховой, и въ ...торѣ Н. Печковской, въ Пе...скихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образов... Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасник...

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, ...лію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайш... нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ тако... жденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть со... Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подпи... переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ город... 40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакці... нала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, *согласно объявле...* Почтоваго Департамента, не *позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) Би... на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностра... подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.